

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929154 6

RESERVED

Name Vucinic

Please PRINT last name only

March 10, 1984

Date Reserved

**USE A SEPARATE SLIP FOR EACH TITLE
COMPLETE BOTH HALVES
DO NOT DETACH.**

Unbound periodicals, books from the open reference shelves and books designated to be read under supervision may not be reserved.

Books will be removed one week from the date reserved unless renewed by the staff member in charge of reserves.

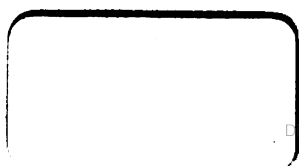
Reserved books will be issued to other readers if called for and not in use at the time.

form 321

Cellar

15 B 9

*ACA

Cellar

15B1

*QCA

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ДВАДЦАТЬ-ОСЬМОЙ ГОДЪ.

НОЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ПИТАВА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1861.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ НОЯБРЬСКОЙ КНИЖКИ.

- ✓ **ТОРГОВАЯ ВОЛГА.** Ш. Зарубина.
✓ **ЭКОНОМКА.** Быль. (Окончаніе.) Т—на.
✓ **ДВОЕ ФОСКАРИ,** трагедія Байрона. Переводъ Е. Зарина.
✓ **БРОДЯГА.** Разсказъ. **Евгенія Воскресенскаго.**
✓ **АБОЛИЦІОНИЗМЪ И АБОЛИЦІОНИСТЫ.** (Окончаніе). Опро-
верженіе главныхъ вигитскихъ положеній противъ эманципаціи.—
Орегонскій быль. — Присоединеніе Калифорніи. — Компромиссъ
1850 года. — Агитація противъ него со стороны аболіціонистовъ. —
Паденіе партіи виговъ.—Быль о Небраскѣ.—Канзасскія событія.—Рѣ-
шеніе по дѣлу Дредъ Скотта. — Распаденіе партіи демократовъ. —
Торжество аболіціонистовъ. — Можетъ ли современная сѣвероамери-
канская война повести къ эманципаціи негровъ. — Будущая миссія
аболіціонистовъ. Г. Симоненко.
СИЛА.
✓ **ДАРВИНЪ И ЕГО ТЕОРІЯ ОБРАЗОВАНІЯ ВИДОВЪ.**
ПОРА МЕЖЪ ВОЛКОМЪ И СОБАКОЙ. (День: №№ 1, 2, 3, 4,
5, 6.) В—а.

ФЕЛЬТОНЪ.

✓ Певнищія размышленія начинающаго. **Несламушь.**

ПОЛИТИКА.

Римскій вопросъ и г. Риказоли.

Дапская долина.

Новые финансовыя распорядки во Франціи.

Столкновеніе англійскаго правительства съ вашингтонскимъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Совѣтъ министровъ. — Главное выкупное учрежденіе. — Обмѣнъ
выкупныхъ билетовъ на деньги. — Законъ о подстрекателяхъ. —
Льготы западнымъ губерніямъ. — Заповѣдныя имѣнія. — Посред-
ники-судьи въ своемъ дѣлѣ. — Два разныя рѣшенія по вопросу о
розгѣ. — Курьезныя публикаціи. — Удивительныя: «слушали» и
«опредѣлили» — Дѣвушка безъ носильнаго платья и госпожа фон-
Виргенъ.—Тайнственность с.-петербургскихъ мировыхъ учреждений.—
Мудреное приказаніе ярославскаго губернатора. — Хроника женскаго
образованія. — Училище св. Нины. — Приюты въ Орлѣ и въ Читѣ. —
Курская губернія не такъ-то. — Отмѣна казенныхъ павсіонеровъ. —
Гибель экономовъ. — Не могли заѣдать солдатскихъ грошей! — Юби-
лей alexандровскаго лица. — Пушкинская стипендія. — Нѣсколько

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ПОЛИТИКИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. О. ИКСЕМСВАГО.

ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

НОЯБРЬ.

ТОМЪ СТО-ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1861.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СТО-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ОСЬМАГО ТОМА.

Ноябрь.

Торговая волга. *П. Зарубина.*

Записка. Виль. (Окончаніе). *Т—на.*

Двое Фоскари, трагедія Байрона. Переводъ *Е. Зарина.*

Вродяга. Разсказъ. *Евгенія Воскресенскаго.*

Аболиціонизмъ и аболиціонисты. (Окончаніе). Опроверженіе главныхъ миттскихъ положеній противъ эманципаціи.—Орегонскій билль.—Присоединеніе Калифорніи — Компромиссъ 1850 года. — Агитація противъ него со стороны аболиціонистовъ. — Паденіе партіи вигговъ. — Билль о Небраскѣ. — Канзасскія событія. — Рѣшеніе по дѣлу Дредъ Скотта. — Распаденіе партіи демократовъ. — Торжество аболиціонистовъ. — Можетъ ли современная сѣвероамериканская война повести къ эманципаціи негровъ.—Вудущая миссія аболиціонистовъ. *Г. Симоненко.*

Сала.

Дарвинъ и его теорія образованія видовъ. (Статья первая).

Вора межъ волкомъ и собакой. (День №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6.) *Э-а.*

ФЛАВЕТОНЪ. Невинныя размышленія начинающаго. *Петра Несказжусь.*

ВОДНИКА. Римскій вопросъ и г. Риказоли. — Даппская долина. — Новые «финансовыя распоряжкіи во Франціи. — Столкновеніе англійскаго правительства съ ваппингтонскимъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Совѣтъ министровъ.—Главное вышупное учрежденіе.—Обмѣнъ вышупныхъ билетовъ на деньги. — Законъ о водстрекателяхъ. — Лготы западнымъ губерніямъ. — Заповѣдныя мѣвнія. — Посредники-судьи въ своемъ дѣлѣ. — Два равныя рѣшенія по вопросу о ровгѣ.—Курьевныя публлкаціи.—Удивительныя: «слушашки» опредѣлили.—Дѣвушка безъ носильнаго платья и госпожа фон-Вригенъ. — Таинственность с.-петербургскихъ мировыхъ учреждений.—Иудренное приказаніе ярославскаго губернатора.—Хроника женскаго образованія.—Училище св. Нины.—Приюты въ Орлѣ и въ Читѣ. — Курская губернія не такъ-то.—Отмѣна казенныхъ пансіонеровъ.—Гибель экономовъ.—Не могли забыть солдатскихъ грошей! — Юбилей александровскаго лицея. — Нѣсколько новыхъ узаконеній. — Гвардейскіе маркитанты. — Кредитныя бумаги.—Застой въ торговлѣ. — Вопросъ о хлопкѣ.—С.-Петербургское городское кредитное Общество. — Его облигаціи. — Курляндское Общество взаимнаго страхованія отъ огня.—Кое-что о нашихъ пожарныхъ.—Купеческое общество взаимнаго вспоможенія. — Нужны ли пенсіи въ частной службѣ? — Новый уставъ Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.—Куаѣбры не возмугуть быть инженерами. — Вды на будущее.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Докторъ Антоніо. Романъ Руфѣни. (Автора Лоренцо Венови). Переводъ съ итальянскаго. Гл. I—XIII.

Джюль.

Торговая Волга. (Окончаніе). П. Зарубина.

Приказный и собака. (Отрывокъ изъ жизни російскаго Денъ-Кихота).

А. Иванова.

Поэтъ. Стихотвореніе. В. Осипова.

Четыре стихотворенія Лидора Пальмина.

Дарвинъ и его теорія образованія видовъ. (Омончаніе).

Нѣсколько словъ объ университетѣхъ и объ образованіи вообще:

К. Охочекомоннаго.

Токвиль. Биографическій очеркъ.

Изауроченная. Разсказъ. М. Петрова.

ВНУТРЕННІЕ ОБОЗРѢНІЯ. Преобразование университетовъ. — Пушкинская стипендія. — Отказъ въ новой волѣ. — Распоряженія по крестьянскому дѣлу. — Стремленіе поселятъ къ грамотности. — Омское общество бесплатнаго обученія. — Учрежденіе обществъ взаимнаго страхованія отъ огня. — Нѣсколько новыхъ постановленій. — Музыкальное училище. — Торговый застой. — Много ли русскихъ купцовъ на здѣшней биржѣ? — Русскіе агенты и караваны въ Китаѣ. — Война откупа съ портерщиками. — Махинаціи полугарныхъ тузовъ. — Горе книгопродавцамъ! — Отчего наше пиво такъ горько? — Протестъ г. Крона. — Общество застрахованія жизни. — Критическое положеніе общества с.-петербургскихъ водопроводовъ. — Выдача процентовъ лучшая школа для акціонеровъ. — Городское кредитное общество. — Саратовская желѣзная дорога. — Ссылка Михайлова въ каторжную работу.

ФЕЛЬЕТОНЪ. Участь фельетониста. — Г-жа Гебгартъ съ собачкой и академія художествъ съ масерадомъ. — Возвращеніе г. Вурдина изъ спону. — Эмманципация дѣтей. — Гг. Федоровъ и Вельтъ. — Предложеніе новой зари для дамъ. — Неблагодарность меденая. — Новое литературное чтеніе и новый спектакль. Никиты Безрылова!

ПОЛИТИКА. Очеркъ засѣданій итальянскаго парламента. — Пренія во французскомъ сенатѣ по поводу финансовыхъ распоряженій. — Выборы въ Пруссіи. — Временное соединеніе приднѣпровскихъ княжествъ. — О посланіи президента южныхъ штатовъ и замѣтки о событіяхъ въ Сѣверной Америкѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Докторъ Антоніо. Романъ Руфини. (Автора Лоренцо Венони). Переводъ съ итальянскаго. (Омончаніе). Гл. XIV—XXVI.

ТОРГОВАЯ ВОЛГА. *

I.

КАРТУЗОВЪ.

Къ первымъ числамъ юля собрался уже въ Рыбинскѣ весь караванъ судовъ.

Хорошіе и честные хлѣбные хозяева никогда не задерживаютъ поставщиковъ въ Рыбинскѣ, а какъ можно стараются освободить ихъ росшивы изъ-подъ клади, выгрузивъ ее или въ амбаръ, или въ другое судно,—потому что поставщикамъ прожиться въ Рыбинскѣ и держать подъ кладью свою росшиву—весьма невыгодно. Безчестные купцы этого не разбираютъ: они держатъ росшивы съ кладью недѣль по 10-ти и болѣе. Хоть по контракту они и обязаны платить поставщикамъ простойныя деньги за каждую недѣлю, примѣрно, по 10 руб.; но и этого почти никогда не выполняютъ.

У Картузова была своя линія судовъ, а временемъ накопи-лась даже и другая. Грузенныя суда поставщиковъ онъ держалъ всегда цѣлое лѣто; а чтобы за простой платить—такъ этого у него и въ заводѣ не бывало. Онъ давно уже прѣхалъ въ Рыбинскъ и проживалъ, какъ обыкновенно, не на квартирѣ, а на первомъ отъ берега мокшанѣ, на которомъ была выстроена изъ

* Продолженіе романа «Жизнь», напечатаннаго въ Библіотекѣ для Чтенія въ февралѣ нынѣшняго года.

досокъ горенка съ двумя отдѣленіями, гдѣ и помѣщался Картузовъ, съ младшимъ своимъ сыномъ Андреемъ.

Обыкновенный столъ у Картузова, когда онъ жилъ въ Рыбинскѣ, состоялъ изъ одного только блюда, и то не весьма роскошнаго. Онъ ѣлъ обыкновенно одну только тюрю, т. е. нальетъ въ чашку воды, покрошитъ туда чорнаго и чорстваго хлѣба и огурцовъ, посолить—и кушаетъ. Въ скромный день онъ прибавлялъ иногда въ тюрю печеное яичко, искрошивъ его мелко-на-мелко; но это дѣлалъ онъ не часто. Правда, посылалъ онъ иногда купить для себя чорствый калачикъ; но за то въ тотъ день онъ обходился уже безъ тюри. Чорствый калачъ мягкому Картузовъ предпочиталъ собственно потому, что онъ, вопервыхъ, дешевле мягкаго, а во вторыхъ — спорѣе, значить надольше достанетъ.

Въ продолженіе всего дня, Картузовъ постоянно сидѣлъ на лавочкѣ, устроенной на палубѣ мокшана, подъ особеннымъ навѣсомъ. Онъ наблюдалъ за всякимъ человѣкомъ, кто только проходилъ по его линіи. Судохозяевъ и водоливовъ своей линіи онъ зналъ твердо, а потому изъ постороннихъ людей не пропускалъ на линію ни одного человѣка, какая бы надобность ему ни встрѣтилась. «Здѣсь, братъ родимой, не большая дорога», говорилъ онъ обыкновенно постороннему человѣку, останавливая его еще на мосткахъ.

Холера появилась и въ Рыбинскомъ. Отъ огромнаго стеченія бурлаковъ и другаго торговаго народа, смертныя случаи встрѣчались на каждомъ почти шагу. Не поспѣвали сколачивать гробовъ и рыть могилъ. Холернымъ больнымъ не было ни помощи, ни пріюта. На противоположной сторонѣ города, за Волгой, близъ деревни Ершей, почти на самомъ берегу, была устроена особая больница для бурлаковъ. Больничные служители, изъ отставныхъ солдатъ, съ величайшимъ усердіемъ таскали съ улицы за шиворотъ чорный народъ и наполняли имъ больницу. Сунется-ли гдѣ нибудь усталый бурлакъ полежать и отдохнуть на солнышкѣ отъ тяжкаго труда, пропуститъ-ли онъ для предостереженія отъ холеры лишній стаканчикъ перцовочки, и, въ слѣдствіе этого, немножко, можетъ быть, покачнется дорогой — гдѣ ни возьмутся больничные кавалеры, схватятъ бѣднаго бурлака за шиворотъ и утащатъ въ больницу лечиться.

Картузовъ ужасно боялся холеры: увидитъ-ли онъ издали гробъ, услышитъ-ли о смерти знакомаго человѣка—такъ и пе-

ремѣнятся въ лицѣ и начнетъ теропливо творить молитву. Въ холерное время онъ сдѣлался, кажется, еще религіознѣе. Изъ видовъ спасенія грѣшной своей души, Картузовъ еще болѣе началъ слѣдить за нравственностію своихъ дѣтей. Старшаго сына Григорья оставилъ онъ дома, и отдалъ подъ строгій надзоръ своего стараго, кабальнаго прикащика, который, кажется, и отличался только одною наглостію да нахальными прибаутками.

— Смотри же, братъ родимой, за Гришкой-ту здѣсь поглядывай, — наказывалъ Картузовъ своему прикащику, оставляя его домашничать: — сапоговъ-ту, братъ, ему пуще всего не давай, а то онъ, мошенникъ, куда нибудь уйдетъ; за нимъ, подлецомъ, не углядишь. Дома-то, братъ, можно и безъ сапоговъ ходить; ну а на службу-ту Божью сходить-то дай; а послѣ опять, братъ, отбери, пожалуйста, Богомъ тебя прошу... Ужь я на тебѣ надѣюсь, какъ на себя...

Младшаго сына, Андрея, Картузовъ взялъ съ собой въ Рыбинскъ, для того, чтобы любезные братцы, живя вмѣстѣ, не сдѣлали какой нибудь стачки и не подѣхали бы къ родительскому капиталу, тѣмъ болѣе, что оба брата давно уже достигли совершеннолѣтія и еще давиѣе вкусили древа познанія добра и зла. Правда, Картузовъ всего этого хорошенько не зналъ, и былъ почти увѣренъ, что *молокососы* его, какъ онъ часто называлъ своихъ дѣтей, живутъ еще какъ ангели небесніи, иже не женятся и не посягаютъ; но допускалъ-таки, что, при ослабленіи родительскомъ, отъ такихъ чертоломовъ все можетъ случиться.

Картузовъ спалъ всегда въ казенкѣ въ одномъ отдѣленіи, а спитъ его Андрей — за перегородкой, въ другомъ отдѣленіи; онъ не любилъ спать вмѣстѣ съ сыномъ, потому что чувствовалъ за собой слабость, особенно въ жаркіе лѣтніе дни, — спать въ положеніи праведнаго Ноя, когда тотъ заснулъ, вкусивши отъ гроздіа винограда.

Въ одно прекрасное утро, когда жаворонки заливались въ небесахъ различными трелями, Картузовъ пробудился въ 4 часа и, не вставая еще съ постели, зарычалъ, какъ левъ:

— Андрюшка!.. Андрюшка! али, мошенникъ, все еще про-
клажаешься!

Андрей не откликнулся. Онъ спалъ въ какомъ-то дощаномъ ящикѣ, установленномъ на двухъ пустыхъ сундукахъ неравной вышины. Въ ящикѣ, для мягкости, положенъ былъ старешскій

ковришко и подушка, изъ которой, какъ тернія и волчцы, торчали въ разныхъ направленіяхъ огромныя перья.

— Андрюшка, мошенникъ! не заставь меня встать!—повторилъ снова Картузовъ, послѣ минутнаго молчанія.

Отвѣта все не было.

Картузовъ еще вскричалъ на Андрея и прикрѣпиль было его порядочно; и то не помогло.

— Не умеръ ли онъ, бестія этакая, чего Боже сохрани,—подумалъ про себя Картузовъ.—Вотъ еще хлопотъ то, мошенникъ, надѣлаетъ!... Прости Господи мое великое согрѣшеніе! Въ конецъ разорять, мошенники!... и Картузовъ, взволнованный и встревоженный, всталъ поспѣшно съ постели и отправился за перегородку, гдѣ спалъ его сынъ.

Андрей Трифоновичъ еще наканунѣ чувствовалъ себя весьма дурно: у него цѣлый день страшно болѣла голова; а вечеромъ приключилось съ нимъ что-то въ родѣ холеры. Прикащики и водоливы, тихонько отъ отца помогали ему коб-чемъ: то привязывали къ вискамъ хрѣну, глины, то терли грудь деревяннымъ масломъ; въ заключеніе же всего посовѣтовали ему выпить, на здоровье, хорошенькій стаканчикъ винца съ солью или съ перцомъ.

— Хорошо бы, братцы, — проговорилъ больной,—да чтобы чортъ-отъ старый не узналъ какъ нибудь, а то вѣдь бѣда.

— Не узнаетъ,—сказали, въ ободреніе его, прикащики и водоливы:—онъ давно ужъ спитъ.

Андрей Трифоновичъ послушался — выпилъ и, оттого ли нѣтъ ли, но дѣйствительно почувствовалъ себя гораздо легче. Ощувивъ хорошее дѣйствіе лекарства, онъ сдѣлалъ еще порядочный пріемъ, и передъ самымъ уже утромъ совершенно успокоился и заснулъ.

Войдя за перегородку, Картузовъ подошелъ робко къ Андрею Трифоновичу, посмотрѣлъ на него, пощупалъ и удостовѣрился, что Андрюшка не умеръ, а только спитъ.

— Что же ты, мошенникъ, не встаешь! а?—вскричалъ Картузовъ самымъ свирѣпымъ голосомъ, толкнувши сына кулакомъ въ спину.

— Али на отцовскія деньги надѣешься, мошенникъ, такъ и посыпаешь, какъ баринъ? Разорители вы мои!—туннеядцы!...

Андрей Трифоновичъ что-то промычалъ и поворотился на другой бокъ.

Послѣдовалъ другой, еще болѣе сильный толчокъ, въ слѣдствіе котораго Андрей Трифоновичъ, почувавъ даже во снѣ, съ кѣмъ нибѣтъ дѣло, вскочилъ съ постели и силался открыть глаза; но болѣзненная слабость и успокоительныя капли сильно на него воздѣйствовали. У Андрея Трифоновича закружилась голова и онъ снова повалился на постелю.

— Да что же ты, разбойникъ, не встаешь, а? смѣешься, что ли, надо мной!—произнесъ грозно Картузовъ, толкая его въ грудь.

— Я нездоровъ, тятинька-сударь, произнесъ со слезами Андрей Трифоновичъ, едва едва сообразивши настоящее свое положеніе.

— Какъ нездоровъ? отчего это нездоровъ?—вскричалъ Картузовъ, сердито стянувъ брови и подозрительно посмотрѣвъ на сына.—Дохни-ка на меня, братъ родимой,—присовокупилъ онъ, наклонясь къ самому лицу Андрея Трифоновича.

Андрей Трифоновичъ слегка дохнулъ

— Посильнѣе-то, посильнѣе-то, братъ, дохни,—прибавилъ Картузовъ, втягивая въ себя воздухъ.

Не видя ни въ какомъ случаѣ благополучнаго исхода своего дѣла, Андрей Трифоновичъ, дохнулъ на отца съ самою отчаянною рѣшимостію.

Картузовъ такъ и взбѣленился.

— Да ты, такой-сякой, пьянъ?—зарычалъ онъ громовымъ голосомъ,—говори, мошенникъ; пьянъ?...

— Виновать, тятенька-сударь!—произнесъ оробѣвшій Андрей Трифоновичъ плачевнымъ голосомъ.—Вчера съ вечеромъ со мной было холера приключилась, такъ я потерялся винцомъ съ солью, да и выпилъ немножко.

Встревоженный родитель не принялъ отъ сына никакихъ оправданій. Онъ бросился на несчастнаго и началъ плескать его со щеки на щеку, приговаривая: «вотъ тебѣ холера, вотъ тебѣ холера, мошенникъ».

Андрей бросился-было на колѣни и сталъ молить отца о пощадѣ—но пощады не было. Разсвирѣпѣвшій родитель принялся его бить кулаками и пиньками, такъ что выбилъ его, наконецъ, вонъ изъ казенки.

— На глаза мои не смѣй являться, разбойникъ! произнесъ Картузовъ, снабдивъ сына послѣднимъ могучимъ пинькомъ на попутѣе.

Андрей Трифоновичъ отлетѣлъ отъ казенки на нѣсколько ша-

говъ, а Картузовъ захопнулъ за нимъ дверь и захеръ ее кричкомъ.

Обруганный и избитый безъ вины, Андрей Трифоновичъ въ чемъ былъ, т. е., боинкомъ, безъ картуза и въ одной изорванной рубашкѣ пошелъ кое-какъ на караванъ искупать себѣ места между бурлаками.

Поставщики и водоливы, проживающіе на судахъ Картузовой линіи, приняли Андрея Трифоновича весьма радушно. Они сдѣлали небольшую складчину: купили для него сапоги и рубашку, снабдили какой-то старой сибиркой и предложили ему свою небогатую хлѣбъ-соль. Они, вѣроятно, купили бы ему и фуражку, но отъ фуражки Андрей Трифоновичъ совершенно отказался. — «Лѣтомъ, говорить, можно ходить и безъ фуражки».

Старикъ Картузовъ, между тѣмъ, оставшись въ казеннѣ одинъ, повздыхалъ немножко изъ глубины души о жизненныхъ тревогахъ и о тяжелыхъ обязанностяхъ родителей; потомъ осмотрѣлъ у сундуковъ замки, заглянулъ въ маленькой шкафикъ и удостоившись тамъ въ цѣлости половинки чорвстваго калача и другихъ съѣстныхъ остатковъ, сберегаемыхъ имъ на чорный день, и началъ помаленьку приводить себя въ порядокъ.

Сначала онъ, какъ водится, умылся волжскою водою, поплекавъ ее на руки чрезъ край деревяннаго ведерка, которое приготовилъ ему прикащикъ, потомъ надѣлъ дырявые и заплатанные сапоги; надѣлъ широкіе, казинетовые шаровары на холщевой подкладкѣ и съ кожаными карманами, и въ такомъ положеніи принялся усердно молиться Богу.

На молитвѣ простоялъ Картузовъ около двухъ часовъ, потому что въ холерное время онъ молился болѣе обыкновеннаго.

Заключивъ молитву, Картузовъ вышелъ вонъ изъ казенки, перекрестился на востокъ, на западъ, на церковъ, которую было видно съ его мокшана, и сѣлъ, по обыкновенію, на лавочку подъ навѣсъ, откуда и наблюдалъ, въ теченіе дня, всѣхъ проходящихъ по его каравану.

Хозяева и бурлаки боялись Картузова какъ медвѣдя, потому что онъ каждого-почти останавливалъ, съ каждымъ что нибудь говорилъ и дѣлалъ различныя нотаціи, а особенно если кого нибудь обнюхаетъ и замѣтитъ, что отъ него пахнетъ виномъ или табакомъ. Такой человекъ лучше уже и не проходи мимо Картузова, а обойди гдѣ нибудь стороной.

— Что, братъ Ефремъ, али на базаръ пошолъ? — спросилъ Кар-

тузовъ одного знакомаго ему водолива, который перебирался по судамъ на берегъ.

— На базаръ, Трифонъ Васильевичъ,—отвѣтилъ водоливъ съ поклономъ.

— А зачѣмъ это? деньги шотать, небось?

— Да киселька купить немножко, Трифонъ Васильевичъ, здѣсь кисель больно хорошъ продаютъ, и дешовъ.

— Кисель-отъ, братъ, ѣшь; да кисельницу-ту, смотри же, не съѣшь,—замѣтилъ шутливо Картузовъ: понимаешь меня, что я говорю?

— Понимаю, Трифонъ Васильичъ, отвѣтилъ водоливъ, усмѣхнувшись.

— То-то же, братъ, помни это... суднишко-то, братъ-родимой, говорятъ, у тебя больно водотечно?

— Потскаеть, Трифонъ Васильичъ.

— Смотри же, братъ, не запускай; на базаръ-то не долго шатайся.

— Я сейчасъ, Трифонъ Васильичъ; только киселька куплю да и назадъ.

— Ну съ Богомъ, братъ, ступай, я тебя не держу.

Водоливъ поклонился и ушелъ.

Черезъ часъ-мѣста водоливъ возвращался на линію съ киселемъ, который онъ несъ въ деревянной чашкѣ. Картузовъ уже караулилъ его.

— Что, братъ, купилъ киселя-то?—спросилъ его Картузовъ.

— Купилъ; сударь Трифонъ Васильевичъ, отвѣтилъ водоливъ.

— На много-ли купилъ, братъ-родимой?

— Да на шесть копѣчекъ, Трифонъ Васильевичъ.

— Доброе дѣло... доброе дѣло... Покажи-ка братъ, каковъ здѣсь кисель-отъ варять.

— Извольте, сударь Трифонъ Васильевичъ, посмотрите... и Ефремъ подошелъ къ Картузову и показалъ ему кисель.

Картузовъ сперва обнюхалъ Ефрема, что не пахнетъ-ли отъ него виномъ, потомъ принялся разсматривать кисель.

— О! братъ, какой здѣсь славный кисель варять, право,—произнесъ Картузовъ съ удивленіемъ:—наши бабы этакого киселя не сварятъ. Пстой-ка, братъ, я отвѣдаю немножко.

— Отвѣдайте, батюшка Трифонъ Васильевичъ,—предложилъ водоливъ.

Картузовъ подпалъ съ палубы лучиночку, заострилъ ее немножко и поддѣлъ кусочекъ киселя.

— Славный, братъ, кисель, право славный, — замѣтилъ онъ, проглотивши кисель: — у кого ты это покупалъ? у бабъ, небось?

— У бабъ, Трифонъ Васильевичъ.

— Эки мастерицы какія, право... да и масла-то таково много налито. Это, вѣдь, все на шесть-то копѣекъ?

— Все, какъ есть, только на шесть копѣекъ, отвѣтилъ водоливъ.

— Дай-ка, братъ, я еще отвѣдаю маленько... и Картузовъ еще взялъ порядочный кусочекъ киселя: — акой, право, славный кисель, — продолжалъ онъ, съ удивленіемъ; — у насъ дома такого киселя ни за что не сварятъ, право не сварятъ.

Изъ вѣжливости и водоливъ подтвердилъ то же самое, что такого киселя дома не сварятъ.

— Ты, братъ-родимый, не осуди, снова произнесъ Картузовъ: — я еще попробую маленько.

— Сколько угодно, Трифонъ Васильевичъ, покушайте во славу Божию, — сказалъ водоливъ съ равнодушіемъ.

— Мнѣ, братъ, покушать не надобно, — замѣтилъ Картузовъ; — покушать у меня и своего есть; а я вотъ только отвѣдаю немножечко — вкусъ-отъ только хорошенько узнаю... и Картузовъ еще подцѣпилъ порядочный кусочекъ киселя, и хотѣлъ было раздѣлить его на двѣ части, но, для сокращенія времени, рѣшился проглотить цѣлкомъ. На этотъ разъ ему не повезло:дохнулъ-ли онъ какъ-нибудь неловко, проглотить-ли слишкомъ поторопился; или, можетъ быть, кусочекъ-отъ попался великонецъ, но только кисель застѣлъ у него въ горлѣ какъ поршень и остановился. Картузовъ такъ и поблѣднѣлъ. Торопливо вскочилъ онъ съ своего мѣста и съ сильнымъ напряженіемъ и поспѣшностію началъ попеременно вытягивать и укорачивать свою шею, для того чтобы сдвинуть кисель съ мѣста; но тотъ не двигался. Хорошо еще, что Ефремъ скоро догадался: Какъ скоро замѣтилъ онъ, что Картузовъ подавился, поспѣшно поставилъ свой кисель на палубу и принялся безъ церемоніи тузить Картузова по загорбку, чѣмъ дѣйствительно и помогъ ему: кисель всецѣло выскочилъ назадъ. Картузовъ едва-едва вздохнулъ и началъ креститься.

— Господи помилуй! Господи помилуй! — произнесъ онъ съ благоговѣніемъ, когда неможко поправился: — вотъ, вѣдь, наши-

то жизнь... долго-ли умереть челоуѣку!.. на всякъ часъ надобно быть готову... Крошечка махонькая, а вотъ оно что значить—смерть было получилъ... Господи помилуй, Господи помилуй!.. Ну, братъ, благодарю — спасибо; ступай съ Богомъ, я тебя не держу и воду-то, братъ, пожалуйста, не запусай, я-божь не подмочи, Бога ради...

— Какъ это можно!—отвѣтилъ Ефремъ и, поклонившись, отправился на свою росшиву.

По уходѣ Ефрема, Картузовъ долго еще крестился и творилъ молитву, наконецъ немножко успокоился и предался обычнымъ своимъ думамъ.

Часа два или три спустя шолъ на линію другой водоливъ, который несъ въ платкѣ вареный картофель. Картузовъ остановилъ и этого водолива.

— Али, Кирюха, на базаръ ходилъ? спросилъ онъ его.

— На базаръ, сударь, Трифонъ Васильевичъ, отвѣчалъ Кирюха.

— Покупку женѣ купилъ, что ли—а? прибавилъ Картузовъ шуточно, поглядывая на завернутый въ платкѣ картофель.

— Какая покупка, Трифонъ Васильевичъ, картофелюцу вотъ на ужинъ купилъ.

Картузовъ изъ любопытства отвѣдалъ и картофелюцу, который удивительно какъ пришелся на его вкусъ.

— Славный, братъ, картофель,—отозвался онъ:—только, кажется, сыроватъ немножко—жестокъ.

— Эхъ, батюшка Трифонъ Васильевичъ, въ крестьянскомъ брюхѣ долото сгнѣтъ,—возразилъ на это замѣчаніе водоливъ.

Трифонъ Васильевичъ согласился.

— А что, братъ-родимой, каково у васъ Дениско-то живетъ? началъ опять Картузовъ: — петь, говорятъ, мошенникъ, да и жену-ту, слышь, больно колотить?..

— Поколачивать-то поколачиваетъ, какъ не поколачивать — супружеское дѣло: пу а пьянства большаго неслыхать, родимой, нечего и говорить... А жонъ, Трифонъ Васильевичъ, нельзя и колотить,—прибавилъ значительно водоливъ:—безъ этого, знамо дѣло, онѣ и любить не стануть. У насъ вонъ Обращка Нозря какъ женился не бивалъ жены-то, да что толку-ту?.. живутъ словно чужія и бабѣ-то ажно гадко стало: поглядѣла—поглядѣла да и пошла за нехорошимъ дѣломъ. Зиму-съ, вонъ, поймаи, говорятъ, въ овинѣ съ Ванькой Глухаремъ...

Трифонъ Васильевичъ съ соболѣзнованіемъ покачалъ головой

и выразилъ сильное негодованіе на растлѣніе человѣческихъ нравовъ.

Поговоривши еще кой-что съ словоохотнымъ водоливомъ, Трифонъ Васильевичъ освободилъ его. Водоливъ поклонился и ушелъ на свое судно.

Спустя нѣсколько времени кто-то изъ молодыхъ хозяевъ еще пронесъ на караванъ киселя. Картузовъ, ради сравненія его съ первымъ киселемъ, пожелалъ отвѣдать и этого киселька. Но прежде нежели рѣшился приступить къ нему, раза три перекрестился и съ величайшею осторожностію взялъ въ ротъ маленькой кусочекъ. Проглотивши кисель, Картузовъ опять перекрестился и тутъ же сдѣлалъ замѣчаніе, что «этотъ кисель немножко хуже, чѣмъ у Ефрема».

— Ты, братъ—родимой, спроси, гдѣ онъ бралъ,—сказалъ Картузовъ:—у него славный кисель, вкусный такой, да и масла-то налито таково много. Въ твоёмъ-ту вонъ киселѣ шишечки есть: не пробить; оно ужъ вотъ и вкусъ-отъ не таковъ, — прибавилъ онъ, съ вниманіемъ и разстановкою разговывая другой небольшой кусочекъ, для того чтобы сдѣлать правильную оцѣнку кисельнаго вкуса:—мукой, знаешь, отзывается; да и масло-то здѣсь съ березкой видно—горьковатенько, а у того славное масло, ровно маковое. Ты, право, спроси гдѣ бралъ, все равно деньги-то платить-то.

— Спрошу-съ, безпремѣнно спрошу-съ, — отвѣчалъ молодой хозяинъ и, поклонившись Картузову, пошелъ далѣе по линіи.

Къ вечеру Картузовъ всталъ съ своего мѣста, помолился немножко на образъ, приколоченный къ столбику, помолился на церковь и отправился въ казенку — успокоиться отъ дневныхъ своихъ трудовъ.—«Богъ напиталъ, никто не видалъ,—произнесъ онъ про себя:—сытъ на сей день Господень»...

Такъ поддерживалъ свое существованіе богатый купецъ-миліонеръ и такъ проводилъ онъ свободное отъ торговыхъ занятій время.

II.

Случаи въ холерное время.

Въ этотъ же вечеръ на концѣ линіи произошла другая, трагическая сцена. Водоливъ Ефремъ, который угощалъ Картузова киселемъ, отправился передъ вечеромъ въ лодкѣ, вмѣстѣ съ дру-

гими водоливами, на противоположный берегъ Волги, съ невиннымъ намѣреніемъ: сварить на ужинъ кашки. Поставивши свой котелокъ съ водою на три камешка, Ефремъ, какъ водится, развелъ огня, положилъ его подъ котелокъ, а самъ между тѣмъ прилегъ брюхомъ на песочекъ и наблюдалъ, покуда закипитъ вода. Наконецъ вода закипѣла, Ефремъ, лежа, поселилъ ее и засыпалъ, какъ слѣдуетъ, пшена.

Вдругъ, откуда ни возмись, подбѣжали сзади два солдата, сшибли съ камней котелокъ, разметали огонь и бросились на водолива.

Испуганный водоливъ въ свою очередь кинулся было на лодку, но его успѣли схватить и нецеремонно потащили въ гору.

— Что вы, господа кавалеры, помиуйте! закричалъ жалобно водоливъ:—что я вамъ сдѣлалъ?... Куда вы меня тащите?... Я не хворый, господа служивые, я здоровъ; оставьте, пожалуйста!.. что вы на меня напали...

— А зачѣмъ же ты лежалъ, а?—спросилъ его одинъ изъ грозныхъ кавалеровъ.

— Да зачѣмъ мнѣ лежать-то, я не лежалъ,—отвѣтилъ оробѣвшій водоливъ:—какъ можно лежать; я кашу, значить, варилъ, да такъ этакъ немножко... тово... Помиуйте господа кавалеры! у меня росшива нарукахъ, водотечная, того и гляди потонетъ...

— Ты намъ скажи, лежалъ-то ты зачѣмъ, а? кричалъ тотъ же кавалеръ, взявши водолива за воротъ.

Водоливъ окончательно растерялся. Онъ подумалъ, что въ лежаньи его въ самомъ дѣлѣ заключается что нибудь. «Видно запретъ какой нибудь на счетъ лежанья-то пришло!» подумалъ онъ, и рѣшился, во что бы то ни стало, отъ лежанья отпереться.

— Ваша власть, господа кавалеры, а не лежалъ,—говорилъ онъ, упираясь руками и ногами, — я такъ, поприкурнулъ немножко, а не лежалъ.

Другіе бурлаки, варившіе кашу и картофель, какъ скоро увидѣли, что съ Ефремомъ не посчастливилось, схватили свои котелки, поскакали въ лодки и отправились обратно на караванъ. Картофель и каша доварились уже у нихъ въ желудкахъ.

Надобно замѣтить, что Ефремъ былъ мужчина прездоровенный; онъ легко бы справился съ обоими солдатами, да боялся начальства и кромѣ того, на подмогу къ солдатамъ подбѣжали еще два человѣка и скрутили ему руки назадъ. Противиться было нельзя. Покоряясь судьбѣ, Ефремъ пошелъ въ больницу.

Тамъ его посадили въ какую-то отдѣльную перегородку, а рукъ все также не развязали.

Ефремъ внимательно осмотрѣлъ свою кѣтушку, угрюмо поглядѣлъ на своихъ вожатыхъ и спокойно сѣлъ на лавку. Несмотря, однакоже, на свое критическое положеніе, водоливъ почему-то неслишкомъ падалъ духомъ: на лицѣ его незамѣтно было особеннаго страха, или смущенія.

— Что же, развяжете ли меня, господа служивые? спросилъ онъ настойчиво, смотря изподлобья на солдатъ: — а нето я суда буду искать, на то есть законъ и начальство...

Кавалеры не удостоили даже Ефрема и отвѣтомъ. Сердито хлопнули они дверь и задвинули ее снаружи желѣзной задвижкой. «Мы тебѣ напишемъ на спинѣ-то такой законъ, что своихъ не узнаешь,» проворчали они за дверью.

— Какъ удастся!—проворчалъ про себя Ефремъ.

Оставшись одинъ, Ефремъ попробовалъ было развязаться; но не могъ, потому что слишкомъ крѣпко былъ связанъ.

— Ваше высокоблагородіе!—началъ онъ кричать наудачу сквозь перегородку—освободите! я, значить, не хворый!... на то есть законъ... зачѣмъ же меня здѣсь держать?... а лежать я не лежалъ, вся ваша власть!... на свидѣтелей могу сослаться! — Но жалобы его были гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Ефремъ сталъ ненашутку тревожиться, и потомъ вдругъ пришло ему на мысль, чтобы его какъ нибудь не уморили, и онъ началъ серьезно придумывать средства объ избавленіи себя отъ неминуемой смерти.

— Что ни будетъ, а ужъ живой въ руки не дамся, пронесъ онъ, послѣ долгаго размышленія.

Покуда разсуждалъ онъ такимъ образомъ, дверная задвижка отодвинулась и въ перегородку вошелъ какой-то мозглявенькій и худенькій человѣкъ въ очкахъ, сопровождаемый больничнымъ служителемъ. Закинувъ руки назадъ и вытянувъ шею, мозглявенькій человѣкъ выразилъ на лицѣ своемъ самую кислую и недовольную физиономію и потребовалъ, чтобы Ефремъ показалъ ему языкъ.

Мозглявенькій человѣкъ оказался больничнымъ лекаремъ.

— Прикажете меня развязать, ваше благородіе,—сталъ упрашивать его водоливъ;—за что жъ меня связали?

— А ты слушай, мужикъ дуракъ, что тебѣ баринъ-то говорить, перебилъ его съ гнѣвомъ больничный служитель.

Ефремъ злобно и презрительно покосился на больничнаго служителя, но возраженія никакого ему не сдѣлалъ.

Лекарь въ свою очередь толкнулъ водолива въ грудь и въ самыхъ нетерпѣливыхъ выраженіяхъ приказалъ ему показать языкъ.

Водоливъ хоть неохотно, но все-таки удовлетворялъ настоятельное требованіе лекаря: онъ высунулъ свой языкъ во всю его огромную длину и такъ пристально уставился глядѣть на лекаря, что нельзя было не догадаться, что водоливъ его дразнить.

— Холера!—произнесъ лекарь лаконически, машинально ударивши водолива по языку рукою, и съ этимъ словомъ повернулся отъ него и вышелъ вонъ.

Послѣ ухода лекаря водоливъ плюнулъ на полъ кровью.

За стѣной, гдѣ сидѣло множество больныхъ, слышно было, что больные о чемъ-то шумѣли и спорили съ лекаремъ.

Черезъ нѣсколько времени лекарь опять пришолъ къ Ефрему. Онъ держалъ въ рукѣ стаканъ, наполненный какою-то жидкостью, которую мѣшалъ лучинкою.

— Пей! произнесъ лекарь, поднося водоливу жидкость.

— Выпью, ваше благородіе, только прикажите развязать меня, ради Бога!—проговорилъ тотъ самымъ покорнымъ, но нѣсколько дрожащимъ голосомъ. Я еще поблагодарю васъ, ваше благородіе, добавилъ онъ неслишкомъ громко.

Кислая фязіономія лекаря превратилась въ кисло-сладкую, и онъ приказалъ развязать водолива.

Служители принялись развязывать Ефрему руки посредствомъ самыхъ порывистыхъ приемовъ, такъ что онъ не одинъ разъ поморщился.

Получивъ свободу рукъ, водоливъ немножко поправился, одернулъ рубашку, погладилъ ладонью голову и сталъ медленно расправлять усы.

— Что же?—спросилъ лекарь, какъ-то странно прищуривъ оба глаза.

— Чего что-же-съ? отвѣтилъ водоливъ довольно грубо, поглядывая неприязненно на лекаря и на больничнаго служителя.

— Что съ нимъ разговаривать-то, ваше благородіе, ввязался ревностный служитель,—лейте ему въ хайло-то, что приготовили; пусть его, козѣтъ!

Можетъ быть, въ приготовленномъ для Ефрема лекарствѣ ни-

чего особеннаго и не заключалось; но въ тѣ свободствѣнительныя времена больничные служители, чтобы вызвать больнаго на благодарность, любили такъ подѣ часъ отозваться на счетъ больничнаго лекарства неслишкомъ съ выгодной стороны. Если больной покошелится (потратится), то служитель унесетъ *среднее* лекарство назадъ и на мѣсто его принесетъ другое — безвредное, по крайней мѣрѣ. принесетъ совершенно въ другой уже стьянкѣ.

Лекаръ повелительнымъ и угрожающимъ тономъ сталъ снова принуждать водолива выпить лекарство.

— Благодарю покорно, — отозвался Ефремъ иронически, — самъ-отъ прежде выкушай-ка, — прибавилъ онъ, грубо оттолкнувъ отъ себя стаканъ съ микстурой.

Больничный служитель подскочилъ было къ водоливу, съ видимымъ намѣреніемъ внушить ему должное почтеніе и безусловное повиновеніе къ особѣ лекаря; но Ефремъ богатырски развернулся, хватилъ на отмашку больничнаго служителя, потомъ, какъ будто подорогѣ, дернулъ въ високъ самаго лекаря и, проломивши оконную раму, выскочилъ вонъ. Служитель, снабженный плюхой, отшибъ дверь и вылетѣлъ навзначь въ другую комнату, а лекарь чуть только не проломилъ своей особой стѣны: такъ усердно поподчивалъ ихъ озлобленный водоливъ!

Того и другого замертво подхватили и положили на кровати.

Вырвавшись изъ больницы, водоливъ опроретью бросился на берегъ Волги, съ намѣреніемъ переѣхать на караванъ; но ни его лодки, ни другой свободной близости не было. Не думая много, водоливъ кинулся въ Волгу, въ чешь былъ, и поплылъ, посаженно, на караванъ.

Между тѣмъ въ больницѣ произошла страшная тревога: больные взбунтовались; большая часть изъ нихъ, по примѣру водолива, тоже выбили стекла, выскакали вонъ и разбѣжались въ разные стороны; больничные служители просто растерялись: они не знали за кѣмъ бѣжать и кого ловить. За Ефремомъ побѣжалъ только солдатикъ, весьма, впрочемъ, энергичный, и самой горячей натуры. Но прежде нежели солдатъ отыскалъ лодку, чтобы догонять на ней водолива, покуда онъ ее отвязывалъ, Ефремъ, офыркиваясь и оплевываясь, отмѣривалъ уже сажени близъ самаго каравана. Отъ чрезмѣрнаго напряженія и торопливости онъ, однакоже, началъ выбиваться изъ силъ. Товарищи по каравану увидѣли его и бросили ему съ судна веревку.

Ефремова росшива стояла съ самаго края линіи.

— Что съ тобой, Ефремъ? Что это ты? спрашивали его смущенные товарищи, когда тотъ кое какъ выбрался уже на росшиву.

— Чего, братецъ ты мой, въ больницу попалъ,—отвѣтилъ отрывисто водоливъ, едва переводя духъ.—Совсѣмъ было уморили, мошенники—истинной Христось! уморили—было! Въ окошко ужъ выскочилъ, да убѣжалъ... Вонъ онъ, мошенникъ, ѣдетъ! прибавилъ водоливъ, указывая на преслѣдующаго его солдата. Это онъ меня ищетъ, разбойникъ!.. Не выдавайте, братцы, пожалуйста! а то они, мошенники, всѣхъ насъ переморятъ.

Хозяева и водоливы общались ни за что не впуская солдатинка на караванъ.

Солдатъ, почти не выпускавшій изъ вида Ефрема, подѣхалъ между тѣмъ къ самому каравану и сталъ грозно требовать къ себѣ виновнаго.

— Кого тебѣ надобно?—вскричали сурово водоливы, собравшіеся на Ефремово судно.

— Кто здѣсь переплылъ сейчасъ въ рубашкѣ съ берега? дайте его сюда, разбойника! вяжите его! гдѣ онъ?—кричалъ кавалеръ самымъ разъяреннымъ голосомъ.

— У насъ здѣсь разбойниковъ нѣтъ,—отвѣтили дружно съ судна. — Разбойники—то, любезный, ѣздятъ по караванамъ въ ночные часы, прибавили они.

Время было уже около 10 часовъ вечера, но лѣтняя ночь была довольно свѣтла.

— Я вамъ, черти, дамъ,—отозвался въ свою очередь и солдатъ, взбѣшонный, вѣроятно, послѣднимъ намекомъ; и съ этими словами онъ круто поворотилъ свою лодку къ каравану и сталъ поспѣшно причаливать ее къ другой лодкѣ, привязанной къ крайнему, Ефремову судну.

— Прочь, говорятъ тебѣ! — вскричали опять водоливы: коли что нужно, такъ приѣзжай съ начальствомъ, а одного въ ночное время не пустимъ, говоримъ тебѣ толкомъ!

Кавалеръ еще болѣе озлобился, что его не принимаютъ за начальство. На скорую руку скинулъ онъ съ себя фуражку, вынулъ изъ нея хорошо и кольцеобразно уложенный линѣкъ и, несмотря ни на какія угрозы и опасность, торопливо полѣзъ на росшиву.

Въ бойкаго солдата съ разныхъ сторонъ полетѣли каменья.

Солдаты не струсили. Какъ разъяренный тигръ онъ карабкался на бортъ росшивы; но отъ слишкомъ большой поспѣшности и азарта руки его обрывались: между тѣмъ въ голову солдата влетѣлъ таки небольшой камень и прошибъ ее до крови. Солдаты и при этомъ не спятили ни на одинъ вершокъ, а только на всякій случай закричали «караулъ»!

Водоливы и бурлаки, увидѣвъ, что дѣло разыгралось, порядкомъ струсили. А потому, чтобы не получить въ чужомъ пиру похмѣлья, оставили Ефрема *воекатся* * съ солдатомъ одного, а сами какъ дождь разбѣжались на свои суда.

— Ефремъ, не зѣвай! вскричалъ кто-то изъ нихъ, Мы не свидѣтели! прибавили еще нѣсколько голосовъ.

Ефремъ дѣйствительно не прозѣвалъ. Озлобленный всѣмъ, что съ нимъ случилось, онъ схватилъ попавшійся ему въ руки топоръ, подскочилъ къ карабкающемуся еще на судно солдату и со всего размаха свиснулъ ему обухомъ въ темя. Черепъ треснулъ и солдатъ, безъ стона и вопля, какъ снопъ, свалился въ воду и пошелъ ко дну. Все это было дѣломъ одной минуты, такъ что солдатъ не успѣлъ даже въ другой разъ вскричать «караулъ».

— Ефремъ, не ладно дѣлаешь!—проговорилъ кто-то съ другой росшивы не слишкомъ громко.

— Ладно!—отвѣтилъ Ефремъ дрожащимъ голосомъ, почти не понимая себя.

— Лодку-ту, лодку-ту отвязи,—повторилъ тотъ же голосъ, въ предостереженіе Ефрема.

Машинально слѣдуя этому совѣту, Ефремъ поспѣшно бросился отвязывать солдатскую лодку; но руки его до того дрожали, что онъ пробился попустому около четверти часа и все-таки развязать немогъ, а отрубилъ уже причалъ топоромъ и, неизвѣстно для чего, топоръ съ какимъ-то ожесточеніемъ забросилъ въ Волгу.

Отрубленная лодка, тихо заколыхалась и поплыла внизъ по теченію Волги.

Закончивъ такимъ образомъ пагубное дѣло, Ефремъ взмогъ въ казенку. Холодный потъ градомъ катился съ его лица. Онъ обдумалъ сколько могъ свой варварскій поступокъ, и смертельная тоска начала давить его сердце. Ефремъ схватилъ штофъ вина и прямо, изъ рыльца, выпилъ залпомъ болѣе полу-

* Все равно что расправляться — ратовать.

штога; но вино не дѣйствовало; онъ легъ-было спать — но не могъ сомкнуть глазъ. Страшное происшествіе, о которомъ Ефремъ прежде никогда и не мыслилъ, смущало небольшой завась его разума и леденило кровь. Мертвецъ, съ разбитымъ черепомъ, живо рисовался въ его воображеніи и не давалъ ему покоя. Ефремъ страдалъ и метался въ разныя стороны, какъ будто отравленный злѣйшимъ ядомъ.

— «Ой, батюшки—не ладно!..—душу погубилъ; ой, батюшки—тошно!—произносилъ онъ самымъ скорбнымъ и унылымъ голосомъ почти во всю ночь.

На другой день Ефрема нельзя было узнать: онъ поспѣлъ, осунулся и значительно постарѣлъ. По больничному происшествію не разъ пріѣзжала на караванъ полиція, ходила, спрашивала и ничего не нашла: Ефремъ въ это время спрятался, а прочіе или не видали ничего, а которые видѣли, такъ сами отчасти участвовали въ дѣлѣ; но на третій день, въ прекрасный іюльскій вечеръ, когда хозяева и водоливы, пользуясь вечернею прохладю, собрались на линіяхъ въ кружки и сообщали другъ другу различныя сказки и побасенки, вдругъ на самыхъ нижнихъ (по теченію Волги) линіяхъ послышалась осторожная переписка съ одной линіи на другую.

— Гость!—вскричали скромно съ верхней линіи на нижнюю.

Услышавъ это, хозяева и водоливы нижней линіи сильно встревожились. Они бросились на носъ одной росшивы съ баграми и шестами, развели немножко плотно стоявшія суда и начали заботливо проводить между судовъ щепы и хламъ, имеющыя наносомъ, который наноситъ въ огромномъ количествѣ на каждую линію.

Проведя благополучно весь наносъ, водоливы и бурлаки осторожно вскрикнули на слѣдующую нижнюю линію: «гость!»

Точно также засуетились и на слѣдующей линіи, торопливо провели между судовъ наносъ и тоже прокричали на другую линію: «гость!»

Такъ провожали гостя до послѣдней линіи, пройдя которую онъ поплылъ безостановочно впизъ по матушкѣ по Волгѣ.

Подъ именемъ гостя бурлаки разумѣли челоуѣка-утопленника, который оказался въ числѣ наноса. На этотъ разъ утопленникъ былъ съ остриженной головой и разбитымъ черепомъ.

Извѣстно, что потонувшіе люди сначала грузнуть и ложатся прямо на дно, а потомъ всплываютъ на поверхность воды.

Въ это время они дѣлаются такъ легки, что нужно употребить ужь значительную силу, или тяжесть, чтобы пригрузить его ко дву. По этому случаю и убитый солдатъ выплылъ на поверхность воды и попался въ числѣ наноса на одну изъ нижнихъ линий, плотно стоявшихъ судовъ.

— Царство ему небесное!.. упокой Господи утопшую душу—проговорили съ чувствомъ, но не безъ страха, хозяева и водоливы, когда совѣмъ уже проводили несчастнаго утопленника.

— Что, внизъ рожей-то плыветъ?—спросили тѣ изъ водоливовъ, которымъ не удалось видѣть настоящаго утопленника.

— Внизъ, отвѣтили водоливы, проводившіе наносъ.

— Ну, царство ему небесное!—проговорили, крестясь, первые водоливы.

Утопленники бываютъ двухъ родовъ: одни изъ нихъ плывутъ внизъ лицомъ, а другіе вверхъ. Послѣдніе случаи бываютъ рѣже; но за то сохрани Богъ и видѣть ихъ. Отъ такого утопленника бурлакъ всегда отворотится со страхомъ и никогда уже не помолится о упокоеніи его души въ царствіи небесномъ. По мнѣнію простаго народа утопленники эти — колдуны, которые заживо еще отдали свою душу чорту; по этому случаю и Богъ отдалъ боготстунныя ихъ образины на поруганіе хищнымъ птицамъ, которыя, безъ церемоніи, долбятъ ихъ на плаву своими крѣпкими носами во что попало.

На другой день Каргузовъ получилъ отъ Ивана Порфирыча страховое письмо, со вложеніемъ ломбарднаго билета въ 600 р. Письмо было слѣдующаго содержанія:

М. Г.

Трифонъ Васильевичъ.

«Хотя вы поступили со мной по-плутски — не рассчитавшись какъ слѣдуетъ за мою службу; однако я не хочу платить вамъ зломъ за зло. Посылаю вамъ билетъ въ 600 руб. Деньги эти я соблюлъ отъ экономіи при покупкѣ для васъ хлѣба. Я рѣшился было ихъ оставить у себя, потому что вы меня обманули — многого мнѣ не додали и душевно оскорбили; но передумалъ. Пусть ужь лучше пропадетъ мое, и пусть Богъ насъ рассудитъ на томъ свѣтѣ.

Пишу къ вамъ это письмо 22 марта 183... года, когда пердамъ или перешлю его къ вамъ — не знаю.

Доброжелатель вашъ

Иванъ Бобровъ.»

Прочитавши это письмо, Картузовъ отъ недоумѣнiя и радости не зналъ что и дѣлать. Онъ двадцать разъ его перечитывалъ, двадцать разъ тщательно разсматривалъ ломбардскiй билетъ, что не фальшивый-ли онъ?—билетъ оказался настоящiй, какъ есть: благословенiя и проклятiя посыпались въ одно и тоже время на бѣднаго Ивана Порфирьча.—«Вотъ добрый-то человекъ, произнесъ на первый разъ Картузовъ:—не захотѣлъ воспользоваться чужимъ капиталомъ. Есть видно Богъ въ этомъ человекѣ...только всѣли, мошенникъ, прислалъ—продолжалъ Картузовъ другимъ уже тономъ:—можетъ быть, половину удержалъ еще у себя мошенникъ этакой!.. Кто его знаетъ?, — «Я рѣшился было, говорить, оставить ихъ у себя... вишь-ты плутецъ какой! у себя прямъ оставить...Экой нынче народъ! не на кого положиться — плутъ на плутъ! Послѣднiй тулупишко рады содрать, разбойники!.. грабители!.. Впрочемъ, спасибо еще, право спасибо, дай Богъ ему, мошеннику, доброе здоровье; вѣдь могъ бы и это не отдать: Ванька Костылевъ ни за что бы не отдалъ—коммерческая часть, что у волка въ зубахъ, то Егорей далъ...

Съ слѣдующей почтой Картузова увѣдомили, что Бобровъ копчилъ жизнь холерой. Вѣсть эта страшно его поразила. Со слезами на глазахъ онъ всталъ съ своего мѣста и усердно помолился о успокоенiи души раба Божiя Иоанна.—«Богъ съ нимъ! ничего не ищю» произнесъ Картузовъ, успокоительно махнувши рукою.

III.

Осиротѣвшее семейство.

Холера въ теченiе мѣсяца выхватила изъ Гавриловой слободы двадцать пять человекъ едва ли не самыхъ лучшихъ и стала ослабѣвать. Умнiе и упадокъ духа во все это время у гавриловцевъ были безграничны. Всѣхъ болѣе сожалѣли они объ Иванѣ Порфирьчѣ.

— То-то былъ человекъ — умница, какихъ мало земля родитъ... Дай Богъ ему сердечному царство небесное!—говорили слобожане, выставляя Ивана Порфирьча для примѣра.

Осторожны были Паруша и Ориша насчетъ порядочныхъ отзывать о комъ бы то ни было, а и тѣ, наканунѣ Рождества, вспомнили Ивана Порфирьча добрымъ словомъ. Бывало, на Рождество или на Пасху, Иванъ Порфирьчъ всегда уже разошлетъ небогатымъ людямъ по маленькому гостинчику изъ съѣстного.

Кому пошлетъ онъ баранинки, кому поросеночка, кому гуська, кому мучки крупчатой... при этихъ случаяхъ не позабывалъ онъ Паруши и Ориши.

— Псамъ-то смердячимъ послать надобно что нибудь, — говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ, называя обыкновенно этимъ именемъ Парушу и Оришу — вѣдь имъ, хлопамъ завтра жрать-то будетъ нечего, да и взять-то негдѣ: кто имъ дастъ, пожарнымъ трещеткамъ...

Здѣсь Иванъ Порфирьчъ не разбиралъ ни родства, ни дружбы, ни вражды, а бралъ въ расчетъ одну только великую нужду и бѣдность человѣка.

Въ первыя недѣли своего вдовства Пелагея Петровна не знала и предѣла своей непритворной скорби. Въ продолженіе сорочинъ она едва ли не каждый день плакала и по этому не обращала уже никакого вниманія на домашнія дѣла. По покойникѣ читали, въ продолженіе шести недѣль, непокровенную псалтырь. Пелагея Петровна дала объѣтъ и послѣ этого читать ежедневно по нѣсколькx псалмовъ, что она строго и исполняла. Домъ Бобровыхъ, доселѣ свѣтлый и гостепріимный, сталъ мраченъ и какъ-будто превратился въ отшельнической скитъ, въ которомъ денно и ночно слышалось только одно протяжное и заунывное чтеніе псалмовъ и надгробныя молитвы объ усопшемъ. Всѣ въ домѣ почему-то говорили шопотомъ, всѣ ходили на ципочкахъ, какъ-будто чего нибудь боялись. Такая мрачная жизнь привела все семейство въ уныніе. Всѣ сдѣлались недовольны и собою и окружающимъ, вслѣдствіе чего начали понемногу другъ на друга огрызаться — другъ дружку въ тихомолку попикивать. Видно было, что въ душѣ каждаго не было той тишины, какая казалась снаружи.

Пелагея Петровна, какъ и прежде не любила объяснять своихъ намѣреній, а только требовала отъ всѣхъ рабскаго себѣ повиновенія и покорности. Хорошіе результаты ея приказаній она обыкновенно приписывала себѣ, а дурныя — тѣмъ, кто исполнялъ ихъ. Оправданій она не принимала никакихъ и даже считала ихъ за оскорбленіе себѣ. Строгость ея увеличивалась съ каждымъ днемъ. О домашнихъ ея распоряженіяхъ слышно стало даже на улицѣ и у сосѣдей. Крѣпкій ея голосокъ по утренней и вечерней зарѣ разносился почти на весь кварталъ.

Маша всѣми мѣрами старалась подлаживаться подъ тактъ матери. Грустная и печальная, она тоже часто принималась чи-

тать псалмы и часа по два молилась на колѣняхъ, что Пелагеѣ Петровнѣ весьма нравилось; а особенно нравилась въ ней необыкновенная скупость, которую Маша старалась во всемъ выказывать; въ дѣвушкѣ этой все было убито воспитаніемъ: она не знала любви, даже любви братской, и потому страшно враждовала на своихъ братьевъ, а въ собенности на Васю, какъ на врага своего дѣтства. Коварствомъ и хитростію она то и дѣло подводила его подъ побои Пелагеи Петровны, которая въ этомъ случаѣ, кажется, придерживалась древняго изрѣченія: «любяй сына, да участитъ ему раны.» Но Вася отъ этого мало исправлялся. Къ его чорствой и неразвитой натурѣ незамѣтно привилось все порочное (нисколько, впрочемъ, не порицаемое ни въ семействѣ, ни въ самомъ обществѣ, посреди котораго онъ жилъ.) Онъ сдѣлался скрягой въ душѣ и обманщикомъ; время отъ времени начала проявляться въ немъ та же свирѣпость и жестокость, какія были въ Пелагеѣ Петровнѣ. Суровый и бездушный, онъ въ свою очередь постоянно враждовалъ на Машу и терпѣть не могъ Николи. Впрочемъ, смотря на Васю глазами его тупоголовыхъ товарищей промышленниковъ, пожалуй, его можно было назвать и дѣльцомъ. Онъ, напримѣръ, кричалъ и бѣсновался на каждомъ дѣлѣ, какъ дикій звѣрь и, повидимому, разрывалъ всякое дѣло на части. Съ гордою величавостію и со всѣми ухватками и манерами ловкаго знатока, онъ дѣлалъ различныя распоряженія относительно волжскаго промысла. Когда, бывало, сдѣлаетъ онъ упущеніе, примѣрно, на 10 коп. ассигнаціями, то начинаетъ тосковать и метаться во всѣ стороны, какъ помѣшанный — охаетъ, рветъ на себѣ волосы и приходитъ въ совершенное отчаяніе, такъ что и Пелагея Петровна, въ подобныхъ случаяхъ, иногда принималась его уговаривать: — «ну полно, родимый, тосковать-то, что ужъ дѣлать; видно не воротить»... Но если Вася почему-бы то ни было не слишкомъ сильно выражалъ свою тоску о потерѣ 10 копѣекъ, то взамѣнъ его принималась тосковать объ этомъ Маша, а за ней и сама Пелагея Петровна.

— Экія дѣла какія! экой грѣхъ какой! говорила она уныло: такъ бы взялъ да и разорвался, такъ бы и разорвался!.. Какъ это тебѣ помогло, ротозѣю этакому?.. Шутка-ли въ дѣлѣ!—десяти-то вотъ копѣекъ изъ подъ паты не вынешь. Здѣсь десять копѣекъ, да тамъ десять копѣекъ, да сямъ десять копѣекъ, такъ ужъ мать-та и промышленять не успѣеть.....

Въ послѣднее время въ необузданномъ характерѣ Пелагеи

Петровны стали проявляться еще новыя и весьма пагубныя свойства. Когда замѣчала она, что ругательныя ея слова производятъ на дѣтей непріятное впечатлѣніе и кажутся имъ весьма оскорбительными, то, по праву родительскому, она не переставала повторять ихъ до тѣхъ поръ, покуда сына или дочь не вызоветь на дерзость, въ слѣдствіе которой она немедленно вступала уже въ рукопашный бой.

— Что губой-ту трясешь,—говорила она сыну или дочери,—аспидь!.. ехидна!.. усь!.. усь!.. усь — возьми!.. Что, нельзя мать-ту прибить? Это, видно, не Николку.... ожжошся!.. А ты возьми полѣно, да въ мать-ту и чопырси—на вотъ, молъ, мать, тебѣ въ зубы!—а?.. Что не бьешь?... Нѣтъ, варваръ!—продолжала она, измѣнивши тонъ своей злобной рѣчи—растопчу еще какъ мокрицу!—на земской задеру до смерти, и грѣха не будетъ!..

Такъ обыкновенно дразнила и ругала Пелагея Петровна дѣтей. Маша больше отмаливалась, а Вася, хотя и получить отъ матери страшные побои, но ужъ выскажетъ какъ выскажетъ ей словца два-три, которыхъ она тоже не любитъ. Когда Вася стукнуло 20 лѣтъ, когда онъ порядочно собрался съ силами, то, какъ видно, не прочь бы былъ и одачку дать своей дражайшей родительницѣ и взрыльничкомъ бы ее поподчивать, да больно ужъ трусилъ земской полиціи.

Насталъ великій постъ. Ради великихъ дней всѣ приуныли, всѣ принасупились и бродили по улицамъ, какъ приговоренные къ смерти. На первой недѣлѣ поста ни старому, ни малому не позволялось ѣсть вареной или горячей пищи: всѣ довольствовались одними чорными сухарями съ хрѣномъ и съ квасомъ и то употребляли ихъ одинъ разъ въ день. Всѣ старушки не могли и нахвалиться такой пищей; Маша тоже увѣрила всѣхъ, что она насилу дождалась до великаго поста и до сухариковъ, которые будто бы ей нравились лучше всякой скоромной пищи. Впрочемъ съ чистаго же понедѣльника она стала тиховько посылать свою работницу на базаръ за мягкими калачами, которые и кушала она съ чайкомъ въ банѣ; но при людяхъ, въ видахъ воздержанія, она мало вкушала и чорныхъ сухарей. Пелагея Петровна вовсе не приобщалась къ столу и что она кушала, гдѣ и когда—это не извѣстно. Судя, однакоже, по мрачности ея лица, и по особенной свирѣпости въ обращеніи, можно было полагать навѣрняка, что она соблюдала строгій постъ. Паруша и Ораша рѣшились въ ротъ ничего не брать до самаго четверга,

въ четвергъ разрѣшить только на сухоходенье, а потомъ опять захлестнуть до субботы. Въ субботу обыкновенно поста не полагается, поэтому случаю строгія постницы постарались вознаградить свое терпѣніе сытнымъ обѣдомъ. Афросинья Ивановна до того накушалась горошку, да гречневой каши съ квасомъ, что весь день прокаталась на постели. — «Больно ужъ не втерпѣжь, дѣвушка, животенько-то пучить» жаловалась она, болѣзненно катаясь по постели.

Въ воскресенье, по первому заунывному удару въ колоколъ, усердные слобожане поспѣшили въ церковь Божію. Всѣхъ раньше пришла Ориша. Какъ свѣчка воску ярова стояла она за придѣломъ одна одивехонька и усердно молилась Богу. Она была одѣта въ черную китаечную и весьма короткоспинную шубку, опушенную около горлышка бѣленькимъ зайчикомъ. Что же касается до Паруши, то она, изъ усердія, бѣгала по церкви и заглаживала свѣчки, замѣняя собою церковнаго старосту. Не замедлила явиться въ церковь и Аграфена Ивановна. Скромно и тихо прошла она по церкви и встала у Ориши передъ самымъ носомъ, такъ, что наступила немножко на носки ея чачхуръ.

— Подвинься, сударыня, Аграфена Ивановна, — произнесла скромно Ориша, толкнувъ Аграфену Ивановну въ загорбокъ.

— Что ты, сударыня моя, озорничаетъ, — отвѣтила не безъ удивлениа Аграфена Ивановна: вѣдь здѣсь не на полкъ у себя бунить — то вздумала, здѣсь храмъ Божій... но сама все таки не подвинулась ни на вершокъ, только немножко покачнулась впередъ, когда Ориша ткнула ее въ загорбокъ.

— Вросла, что ли ты, сударыня, въ землю-ту, что торчишь какъ пень какой нибудь, прости меня Господи грѣшницу, и своротить-то ужъ нельзя!

— Не сама ли лучше пень-отъ полевой, отвѣтила, оборотясь, Аграфена Ивановна: — я на своемъ, сударыня, мѣстѣ-то встала, такъ не угодно ли будетъ самой отодвинуться? вотъ что, сударыня моя.

— Изъ-за тебя, сударыня моя, Аграфена Ивановна, ужъ и я съ своего мѣста не сойду; я здѣсь, сударыня моя, на этомъ вотъ сучокѣ, *ислякомъ* — *слъкъ* * стою.... (и Ориша дѣйствительно указала на деревянномъ полу одинъ сучочекъ) — ужъ у меня мѣстечко-то постоянное. Я еще послѣ родительницы покойной это мѣстечко-то себѣ получила. Коли Бога-то не боишься, такъ ужъ хоть бы добрыхъ-ту людей ты, безстыжія зѣнки, постыдилась, —

* Съ незапамятнаго времени.

продолжала Ориша;—чай, мнѣ нельзя крестнаго знаменія сотворить...

— Отъ безстыжихъ зѣнокъ слышу, перебила ее съ гнѣвомъ Аграфена Ивановна: постоишь и такъ, не молившись, таковская — вотъ что!

Аграфена Ивановна была въ полной увѣренности, что если она попрешатствуетъ Оришѣ молиться, такъ та и въ рай не попадетъ.

— Какъ у тебя языкомъ къ загылку не перевернуло у татarki этакой, прости меня Господи грѣшницу,—возразила озлобленная Ориша; —хоть бы великихъ-ту дпей ты постыдилась!...

— Стоишь, прямъ, и такъ,—не молившись, проговорила довольно спокойно Аграфена Ивановна.

— Покорно благодаримъ, сударыня Аграфена Ивановна, на добромъ словѣ,—продолжала Ориша съ злобной ироніей;—Сама-то торчишь всегда, какъ аршинъ проглотила, и людей-ту такъ заставляешь. Нѣтъ, сударыня моя, Аграфена Ивановна, родители-то наши не тому насъ учили, а заставляли насъ молиться.

Тутъ Ориша, въ доказательство своихъ словъ, что родители ее заставляли молиться, принялась усердно класть земные поклоны и каждый разъ старалась стукнуть лбомъ своимъ въ спину Аграфены Ивановны, приговаривая между тѣмъ при каждомъ поклонѣ:

— Родители-то покойные насъ, сударыня, заставляли молиться...

— Что ты, озорница бѣлосвѣтная, дѣлаешь,—произнесла съ азартомъ Аграфена Ивановна; —вѣдь ты башкой-ту своей всю спину мнѣ испроломала, озорница, ровно *барсомъ* * какимъ.

Не обращая однакоже на это никакого вниманія, Ориша усердно продолжала молиться.

Аграфена Ивановна постояла, постояла, да дѣлать нечего и та принялась класть земные поклоны и при каждомъ поклонѣ изноравливала такъ, чтобы возможно было стукнуть Оришу въ лобъ каблуками **.

Съ такимъ усердіемъ Ориша и Аграфена Ивановна провели всю службу и ни одна изъ спорящихъ сторонъ не сдѣлала ни малѣйшей уступки.

* Барсомъ именуется тяжелое бревно, устроенное въ родѣ древнихъ стѣнобитныхъ орудій — въ родѣ тарана.

** Фактъ.

IV.

Торговля въ поставкѣ кладн.

На второй недѣлѣ великаго поста всѣ поставщики, т. е. судовщики, поѣхали въ Нижній снимать на суда свои кладн. Сталъ собираться въ Нижній и Вася. Пелагея Петровна вручила ему полное право распоряжаться судовымъ промысломъ, подъ главнымъ, однакоже, своимъ наблюденіемъ. Вася получилъ въ наслѣдство послѣ отца хорошее судно.

Прежде поѣздки въ Нижній, Вася вознамѣрился зайти къ Трифону Василичу Картузову, и попытаться у него насчетъ кладн.

Всѣ знали, что у Картузова во всякое время года есть запасы хлѣба почти на всѣхъ пристаняхъ; но самъ Картузовъ въ этомъ никогда не сознавался. Онъ увѣрялъ cadaго поставщика, что у него осталось хлѣбца всего навсего на одну только россивку. Поставщиковъ онъ обыкновенно рядилъ самыхъ послѣднихъ, назначая имъ всегда самую низшую цѣну. Найдется такой поставщикъ — Картузовъ отдаетъ ему ему кладъ, а не найдется — оставить хлѣбъ на пристани, сгноить его тамъ, а ужъ настоящей цѣны за поставку никогда не даетъ.

Картузовъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и соображалъ на счетахъ, сколько у него находится на пристаняхъ разнаго хлѣба, не отданнаго еще на поставку.

— Въ Хвалынѣ тридцать тысячъ, — говорилъ онъ вслухъ, кладя на счета выговоренное число; — въ Самарѣ двѣсти тысячъ, въ Новодѣвичьемъ шестьдесятъ пять тысячъ, въ Майной сто тысячъ, въ Лысковѣ двадцать тысячъ; стало быть всего навсего суляшковъ на 40 будетъ. Половину на машину * отдамъ, а половину на суда. Разберется, Богъ милостивъ.

Успокоившись этою мыслію, Картузовъ всталъ и началъ прохаживаться по кабинету. Въ это время доложили ему, что къ нему пришолъ Василій Бобровъ.

— Пускай взойдетъ, сказалъ Картузовъ довольно холодно.

Василій Ивановичъ, съ величайшею робостію и одергиваніемъ, вошелъ въ кабинетъ, помолился образамъ, прилично откашлянулся, помѣстившись у самой двери, отвѣсилъ Картузову низкій поклонъ, послѣ котораго, конечно, явилась необходимость встряхнуть волосами, что Василій Ивановичъ исполнялъ съ необыкновенною ловкостію.

* Конное судно.

Надобно замѣтить, что Василій Ивановичъ постарался изучить всѣ отборныя мѣщанскія и купеческія манеры, необходимыя въ словахъ и въ обращеніи съ хорошими людьми, въ чемъ онъ оказалъ отличныя успѣхи. Стороной говорили, что Василій Бобровъ въ ловкости своего обращенія не уступитъ любому гостинодворцу.

— Добро пожаловать!—произнесъ Картузовъ, смотря въ сторону: что хорошенькаго скажешь, братъ родимой?

— Да вотъ къ вашей милости пришоль-сь, дядюшка * Трифонъ Васильевичъ, выразился, окашлянувшись, Василій Ивановичъ.

— Милости просимъ,—проговорилъ Картузовъ машинально:—садись, братъ родимой, такъ гость будешь.

— Мы еще не стары, постоимъ-сь,—отозвался на это предложеніе Василій Ивановичъ.

Картузовъ, повидимому, не обратилъ на эту фразу ни какого вниманія. Онъ, признаться, терпѣть не могъ такихъ искусныхъ и вычурныхъ людей, и завсегда, бывало, срѣзывалъ ихъ на первыхъ же словахъ.

— За кладцой, небось, пришоль, братъ родимой, а ? спросилъ онъ.

— Сущая правда-сь, дядюшка Трифонъ Васильевичъ, отвѣтилъ Василій Ивановичъ—отчасти и за кладцой-сь.

— Какъ отчасти? развѣ еще что нужно?

— Никакъ нѣтъ-сь, не нужно-сь, отвѣтилъ, одернувшись, Василій Ивановичъ.

— Такъ чего тутъ отчасти-то и говорить? прямо говори, что пришоль за кладью... Изъ Самары, что-ли, тебѣ хочется? али изъ Майны?

— Мы непрочь и изъ Хвалына, дядюшка Трифонъ Васильевичъ.

— Изъ Хвалына, братъ-родимой, нѣтъ, а изъ Самары на одну росшивку будетъ, пожалуй отдамъ.

— Слушаю, сударь дядюшка Трифонъ Васильевичъ, мы, ничего, можемъ порѣшиться и изъ Самары... Почему же бы съ пудика вы пожаловали мнѣ, дядюшка Трифонъ Васильевичъ?... до Рыбинска, значить... четыре недѣли выстоять...

— Не знаю, братъ-родимой, почему ты будешь просить.

* Самыя важныя мѣщане богатыхъ и пожилыхъ купцовъ называютъ дядюшками, что богачамъ чрезвычайно нравится.

— Да ужь какъ въ людяхъ, дядюшка Трифонъ Васильевичъ, такъ и мы возьмемъ: лишняго съ васъ взять не намѣрены-сь.

— Про людей, братъ-родимой, я знать не хочу, люди для меня не установщики; въ цѣнѣ мы съ тобой вольны... Али ты себя-то и за человѣка ужь не считаешь, а?—присовокупилъ Картузовъ въ видѣ шутки.

Василій Ивановичъ немножко растерялся.

— Цѣны Богъ строить,—проговорилъ онъ, желая немножко поправиться.

— Это, братъ-родимой, я ужь давно знаю и безъ тебя; ласами-то, братъ, намъ кормить другъ дружку печего... Говорика, сколько возьмешь изъ Самары-то? а нѣ то, братъ, прощай, балясы-то точить мнѣ съ тобой некогда.

Картузовъ хорошо понималъ людей, и потому для каждого человѣка употреблялъ особенную изворотливость, посредствомъ которой онъ всегда удачно достигалъ своей цѣли. На много онъ дѣйствовалъ религіей, много ласкалъ обѣщаніями, много ловилъ въ словахъ и сбивалъ съ толку, а инаго пугалъ своимъ вліяніемъ. Василя Ивановича, какъ человѣка пустого, но имѣющаго претензію на бойкость, Картузовъ старался сбивать съ мысли и ловилъ его почти на каждомъ словѣ.

Василій Ивановичъ окашлянулся и одернулъ свою сбирку.

— Я бы думалъ взять, дядюшка Трифонъ Васильевичъ,—началъ онъ не безъ замѣшательства,—по шестьдесятъ копѣчекъ съ пудика.

— Я, братъ-родимой, не о томъ тебя спрашиваю, сколько быты «думалъ взять», а спрашиваю, сколько возьмешь. Ты, вотъ, думаешь взять по шестьдесятъ копѣчекъ, ну а возьмешь-то почему? Ты мнѣ это, братъ, говори: почему возьмешь.

— Извольте, дядюшка Трифонъ Васильевичъ, съ васъ пятьдесятъ-девять копѣчекъ возьму-сь.

— А съ другога-то сколько же бы ты взялъ, а?

— Съ другога могли-бы и побольше запросить, отвѣтилъ съ нѣкоторою оторопью Василій Ивановичъ.—Человѣка, значить, съ человѣкомъ ровнять нельзя-сь.

— Такъ тебѣ поменьше-то, что-ли съ меня, хочется взять-то? да совѣстнисья видно, а?.. Меня, братъ, совѣститься нечего. Я человѣкъ простой, на это не осержусь. Коли хочется поменьше взять—поменьше и проси... Сколько-же бы ты помень-

ше-то съ меня взялъ? говори, братъ-родимой, прямо, не стыдись.

Василій Ивановичъ замаялся съ своей ловкостью и почти не зналъ, что и отвѣчать. Не имѣя дара изворотливости въ словахъ, онъ рѣшился еще выступить копѣчку съ пуда, и выпросилъ пятьдесятъ-восемь копѣекъ.

— Это ужъ ты поменьше-то, что-ли, съ меня выпросилъ, а? спросилъ Картузовъ.

— Точно такъ-съ, дядюшка Трифонъ Васильевичъ,—отвѣтилъ Василій Ивановичъ:—я изволилъ объявить вамъ самую послѣднюю цѣну.

Картузовъ немножко усмѣхнулся.

— Не въ огна, братъ Василій, ты пошолъ,—замѣтилъ онъ;—ты братъ его мудренѣе, только жить-то станешь ли, при-совокупилъ онъ въ видѣ шутки.—Отецъ, братъ, у тебя—царство ему небесное!—былъ прямой человѣкъ: съ нимъ можно было дѣло дѣлать... Съ нимъ, бывало, я въ два слова рѣшался, а съ тобой, смотри-ко, сколько воду-ту по пустому толку...

— Желательно-бы, дядюшка Трифонъ Васильевичъ, отъ васъ услышать вашу цѣну.

— Цѣна-то, братъ родимой, должна быть одна, что у тебя, что у меня; а ты ужъ, видно, и самъ видишь, что тебѣ этой цѣны не дадутъ, какую ты выпросилъ, а?.. такъ?..

Василій Ивановичъ молчалъ.

— Что, братъ, ничего не говоришь? молчаньемъ, пріятель, города не возьмешь... Вѣдь не думалъ, что я тебѣ такую цѣну дамъ, а? прибавилъ Картузовъ шутливо:—скажи по правдѣ, не думалъ?

— Сущая правда, дядюшка Трифонъ Васильичъ, не думалъ, отвѣтилъ въ торопяхъ Василій Ивановичъ.

— Такъ что-же, братъ-родимой, шутишь, что-ли, ты надо мной старикомъ, а? произнесъ Картузовъ довольно сердито:—самъ не думаешь, что дадутъ такую цѣну, а просишь. Ужъ если, братъ-родимой, ты не думаешь, такъ я то какъ же буду думать объ этомъ? Вѣдь денежки-то мои—горбомъ нажиты: кидать ихъ не приходится. Такъ, братъ Вася, хорошіе поставщики не дѣлаютъ, а что думаютъ взять, то и просятъ. А ты вотъ заломилъ такую цѣну, что ужъ самъ не думаешь, чтобы такая цѣна состоялась. Не хорошо, братъ Вася, ты на первыхъ порахъ дѣлаешь, право не хорошо...

— Запросъ въ карманъ не кладуть-сь, дядюшка Трифонъ Васильевичъ, возразилъ, все еще не безъ ловкости, Василий Ивановичъ: можно для вашей милости и уступочку маленькую сдѣлать-сь.

— Такъ чего-же, братъ, дожидаетесь? блиновъ, что-ли?.. ма-слиница-то, братъ-родимой, прошла. Ты, я вижу, только время тнуть пришолъ, а не дѣло дѣлать, а еще я было за хорошиго поставщика тебя считалъ, право такъ... говори-ко, однакоче, какую ты уступочку-ту сдѣлаешь, я послушаю?

— Пятьдесятъ шесть копѣшекъ возьмемъ, дядюшка Трифонъ Васильевичъ, дѣлать нечего-сь.

— Ну, братъ, это точно маленькая уступочка, правду ты сказалъ; а большинькой-то уступочки. ужь, видно, я по твоему не стою, а?.. не стою?

Василий Ивановичъ одернулъ сибирку, значительно откашлянулса, но отвѣта дать на это не нашолса.

— Говори-же, братъ, не стою, что-ли, а?

— Какъ это можно-сь, отвѣтилъ съ замѣшательствомъ Василий Ивановичъ: насчетъ етова нельзи сказать, чтобы вы не стояли... Вы, сударь, стоите большаго дѣла, а нетокмо что етова, прибавилъ Василий Ивановичъ, не понимая уже и самъ что говорилъ.

— Я, братъ, и самъ думаю, что чего-нибудь да стою: добрые люди цѣнять меня, а ты вотъ, братъ родимой, оцѣнилъ только въ копѣйку. Не грѣхъ-ли, братъ, тебѣ будетъ, а?...

Василий Ивановичъ, избѣгая грѣха, принужденъ былъ уступить еще одну копѣчку.

— Ну, братъ-родимой, спасибо и на томъ, все-таки видно, что ты хорошиій человекъ, хоть сколько-нибудь да уважаешь старика, и я, братъ Вася, тебя съ другимъ поставщикомъ не сровняю, повѣрь Богу—такъ! На будущій разъ противъ другихъ прибавлю, Богъ-свидѣтель,—прибавлю и въ другомъ-чемъ помогу... Да что, братъ, ты нынче рыбой-ту на масленицѣ-то не торговалъ?.. говорятъ, нынче торговали хорошо?

— Деньжонокъ-то въ заулишкѣ не случилось, дядюшка Трифонъ Васильевичъ,—отвѣтилъ Василий Ивановичъ.

— Такъ ко мнѣ бы, братъ, зашолъ; тебѣ, братъ Вася, по-сосѣдски, не откажу. Напрасно не зашолъ, право напрасно!

— Не посмѣль-сь, дядюшка Трифонъ Васильевичъ,—отвѣтилъ Василий Ивановичъ, радуясь внутренно такому вниманію Карту-

зова;—ужь напередки не оставьте-сь, и Василій Ивановичъ поклонился и ловко встряхнулъ волосами.

— Изволь, братъ, изволь, приходи когда хочешь—не откажу, заключилъ Картузовъ. Такъ теиерь, братъ, о дѣлѣ-то по толкуемъ. На первый разъ, братъ Вася, для преду, хороіішій человекъ всегда дѣлаеть уступочку, для преду, знаешь. Такъ-ли я говорю? правду ли?

— Сущая правда, дядюшка Трифонъ Васильевичъ, отвѣтилъ, немножко переминаясь, Василій Ивановичъ, для преду, значить, дѣлаётся уступочка, и я вотъ... началъ было онъ.

— Что-же ты-то? перебилъ его Картузовъ.

— Больше, Трифонъ Васильевичъ, уступить не могу-сь, ей-Богу, не могу, не изъ-чего, заключилъ Василій Ивановичъ чуть не со слезами.

— Какъ не изъ-чего? возразилъ Картузовъ:—а изъ пятидесяти-трехъ копѣекъ, братъ-родимой, и уступай—есть изъ-чего уступать, слава Богу, а то не «изъ-чего» говорить; экой, братъ ты шутникъ какой, право, чего только не надумаешь...

Тутъ Картузовъ самъ вступилъ съ Василіемъ Ивановичемъ въ шуточный разговоръ, по поводу коего Василій Ивановичъ невольнымъ образомъ, какъ будто безозпательно, уступилъ еще денежку съ пуда, и выпросилъ съ Картузова послѣднюю, и самую рѣшительную цѣну: пятьдесятъ двѣ копѣйки.

Картузовъ давно уже видѣлъ, что Василій Ивановичъ просить съ него подходящую цѣну, да все крѣпился и не назначалъ ему съ своей стороны ни какой еще цѣны. Наконецъ, когда уже съ Василья Ивановича пролилъ третій потъ, и когда онъ рѣшительно не сталъ сдаваться уже ни на какія резоны и не выступалъ ни одной полушки, Картузовъ рѣшился предложить ему птьдесятъ копѣекъ съ денежкой. Василій Ивановичъ не согласался. Желая немножко потѣшить его, Картузовъ прибавилъ ему еще одну денежку; но Василій Ивановичъ и на это не согласился. Онъ думалъ уже вовсе не объ уступкѣ, а о томъ, чтобы какъ отдѣлаться отъ Картузова, потому что невольнымъ образомъ выпросилъ съ него такую цѣну, о которой прежде ни какъ не предполагалъ. Въ минуту исчезла у него вся ловкость. Онъ началъ вздыхать, переминаться съ ноги на ногу и смотреть по угламъ. Одергиваньямъ, покашливаньямъ не было конца. Прежняя, рѣзкая и нѣсколько порывистая его рѣчь превратилась въ плаксивую. Василій Ивановичъ хотѣлъ было рѣшитель-

но отказаться от своей цѣны, которую выпросилъ, и отказался бы непременно, да слишкомъ уже боялся Картузова.

Пользуясь видимымъ смущеніемъ Василія Ивановича, Картузовъ, будто изъ милости и снисхожденія, согласился дать ему пятьдесятъ одну копейку съ денежкой, и тутъ-же предложилъ на первый разъ, какъ это водится, задатокъ, который онъ тотчасъ отсчиталъ и выложилъ на столъ, предполагая навѣрняка, что Василій Ивановичъ, видя задатокъ, въ денежку уже торговаться не станетъ.

Василій Ивановичъ просто оторопѣлъ: и деньги его смущали и цѣна пугала. Нерѣшительность его выразилась какъ-то глупо.

— Что-же, братъ, толчешься на одномъ-ту мѣстѣ, да вздыхаешь, замѣтилъ Картузовъ съ видомъ сильнаго негодованія:— али изъ-за деньги-то торговаться еще станешь?.. этого, братъ, я не люблю; изъ-за такихъ пустяковъ торговаться съ тобой не стану. Хочешь—бери, не хочешь—ступай вонъ.

Картузовъ дѣйствительно не любилъ, чтобы окончательная цѣна состоялась посредствомъ прибавки съ его стороны а непременно добивался чтобы со стороны поставщика сдѣлана была уступка. Велика-ли, мала-ли эта уступка, но только бы была уступка. Кто хорошо зналъ Картузова, тотъ всегда уже держалъ въ предметъ хоть одну денежку, которую и уступалъ при самомъ окончательномъ рѣшеніи въ цѣнѣ; но Василій Ивановичъ не только не имѣлъ въ предметъ ни одной денежки; но доуступался, уже какъ говорится, до нельзя вплоть. По этому случаю, онъ рѣшительно отказался отъ всякой уступки; да въ торопяхъ какъ-то неловко еще выразился, что будто бы Картузовъ его притѣсняетъ.

И Богъ знаетъ какъ озлобился на это выраженіе Трифоновъ Васильевичъ. Самымъ неистовымъ образомъ рывкнулъ онъ на Василія Ивановича, затопалъ ногами и безъ церемоніи выгналъ его вонъ.

— Аха ты каналья, мошенникъ!—кричалъ онъ вслѣдъ Василію Ивановичу:—развѣ я людей притѣсняю, а? развѣ я плутъ какой, а?!

Василій Ивановичъ, поджавъ микитки, съ поспѣшностію улизнулъ изъ комнаты Картузова; довольно крупной рысцою прошагалъ онъ дворъ, торопливо выбѣжалъ на улицу и отправился домой.

— Что не порѣшился-ли? спросила его Пелагея Петровна.

— Нѣтъ дешево даетъ, — отвѣтилъ угрюмо Василій Ивановичъ.

— Почему изъ Самары-то даетъ?

— Да пятьдесятъ пять копѣекъ надавалъ, а больше, говорить, подумаю.

— А ты что съ него выпросилъ?

— Да чего ужъ, я выпросилъ было пятьдесятъ восемь копѣекъ.

— Ужъ ищю ииъ бы ему, проклятому, уступилъ копѣчку, что-ли.

— Уступить-то еще успѣемъ, — возразилъ Василій Ивановичъ съ важностію: — Въ Нижній вотъ надобно съѣздить, тамъ что будетъ.

— Въ Нижній, такъ въ Нижній, время-то терять нечего; завтра вотъ и поѣзжай: не попадутся ли попутчики...

— Да вотъ только бы попались попутчики-то, а то мѣшкать нечего.

Такимъ образомъ Василій Ивановичъ рѣшился безотлагательно, съ первыми попутчиками, отправиться въ Нижній за кладью.

V.

Два друга.

У Василья Ивановича былъ одинъ закадычный пріятель — дальній родственникъ, Проша Кулаковъ. Проша былъ немножко постарше Василья Ивановича, но въ дѣлѣ житейской опытности они были почти одинаковы. Тотъ и другой воспитывались подъ надзоромъ весьма строгихъ матерей и оба не имѣли ужъ отцовъ. Несмотря на дальнее между собою родство, оба пріятеля нерѣдко именовали себя братьями.

Проша въ это время тоже собирался въ Нижній за кладью, и искалъ себѣ попутчика. Узнавъ объ одинаковомъ намѣреніи Васи, онъ предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ на половинныхъ издержкахъ, на что Вася съ величайшею охотою согласился.

— Чего еще лучше-то, — выразился съ удовольствіемъ Василій Ивановичъ: — мы съ тобой и квартиру-ту отдѣльную найдемъ, подалее, знаешь, отъ людей, и все такое...

— Я для этого, вѣдь, тебѣ и сказалъ, подтвердилъ Проша: — одному, значить, ѣхать — ни то, ни сѣ; съ чужимъ человѣкомъ

хоть не хочется; ну а съ тобой-ту мы, Богъ дастъ, какъ нибудь помаленьку уладимъ...

Оба пріятели обѣщались помогать другъ другу совѣтами, дѣйствовать сообща для обоюдной пользы. Ни мало не медля, они наняли одноконнаго извозчика и начали собираться въ путь. Извозчикъ сначала пріѣхалъ къ Прошѣ, а потомъ, когда тотъ собрался и уложился совсѣмъ, завхали они и за Васильемъ Ивановичемъ. Мать Прошина, какъ водится, пришла на проводы.

Снаряжая сына въ путь, Пелагея Петровна то и дѣло просила Прошку, какъ болѣе опытнаго чловѣка, поучить Васю, гдѣ онъ не досмыслитъ.

— Ужь ты, Прошенька, не оставь моего-то Васю, говорила она:—понаразумь, да порастолкуй ему, гдѣ онъ не догадается; вѣдь онъ еще въ этихъ дѣлахъ не больно опытенъ; а ты ужь, батюшка, постарше его, да и поопытнѣе.

— Какъ-же, тетушка Пелагея,—отвѣчалъ Проша самодовольно: вѣдь мы не чужіе...

— Полно-тко матушка Пелагея Петровна,—пристала къ слову Акулина Петровна:—твой-отъ Васинька хоть и помоложе моего-то Проши, да пожалуй побойчѣе его будетъ. Вѣдь мой-отъ, матушка, простоватъ; весь въ покойника отца, а твой-отъ, видно, въ матушку родимую, на свою руку охулки не дастъ, не такой парень.

Пелагея Петровна самодовольно улыбнулась и для приличія не вполне согласилась съ отзывомъ Акулины Петровны.

Поспоривъ немного о преимуществахъ своихъ сынковъ, добрыя матери совсѣмъ снарядили ихъ въ путь и снабдили добрыми совѣтами, чтобы они другъ безъ дружки ничего не дѣлали, а все бы по согласу да по любви.

— Ты батюшка, Васенька, одинъ-отъ безъ Проши ни на что не рѣшайся, говорила Пелагея Петровна Васѣ:—все его, батюшка, спроси да повинуйся.

Такъ же точно говорила своему сынку и Акулина Петровна. Собравшись совсѣмъ, добрыя друзья, какъ водится, присѣли на лавки; то же самое сдѣлали и всѣ присутствовавшіе на провахъ.

Акулина Петровна заботливо напомнила Пелагеѣ Петровнѣ, что закрыта ли труба и хорошо ли притворены двери.

— Закрыта, матушка, отвѣтила Пелагея Петровна. На дверь

же только всё посмотрѣли и удостовѣрились, что она притворена хорошо.

Послѣ этихъ предосторожностей всё сдѣлали довольно религиозныя фізіономіи, почти всё, для приличія, вздохнули, вставши съ лавокъ, и принялись усердно молиться Богу.

Чувствительныя матери на молитвѣ прослезились: Проша и Вася ограничились только плаксивостью своихъ фізіономій; но слезъ замѣтно не было.

Кончивъ молитву, добрые друзья простились съ своими домашними и пошли усаживаться въ сани.

Пелагея Петровна на минуточку остановила Васю въ комнатѣ, для какихъ то домашнихъ порученій, а Акулина Петровна съ Прошей вышли вонъ.

Оставшись одна съ Васей, Пелагея Петровна наказала ему строго-на-строго, чтобы онъ обдѣлывалъ свои дѣла хорошенько.

— Смотри же ты у меня, ротозѣй, Прошкѣ-то въ ротъ-то не гляди, разгильдяемъ-ту не будь: ничего ему не говори, что узнаешь. «Я, молъ, ничего не знаю; ничего молъ не слыхалъ»... а отъ его повывѣдывай; да и другихъ-ту поставщикковъ не подичись, и отъ нихъ все узнавай, да вывѣдывай. А съ Прошкой-ту, смотри, ничего не говори!

— Знаемъ и безъ тебя, отвѣчалъ Вася довольно грубо: учить-то меня ужъ нечего...

Пелагея Петровна хоть и неслишкомъ была довольна отвѣтомъ Василья Ивановича, однако на этотъ разъ ничего ему не возразила: она вообще, когда сынъ дѣлалъ какое нибудь особливо выгодное торговое дѣло, многое ему спускала.

Кончивъ нужные домашніе переговоры съ сыномъ, Пелагея Петровна сошла съ нимъ на дворъ. Проша сидѣлъ ужъ въ саняхъ.

Акулина Петровна охорашивала его и тоже что-то нужное передавала ему на-ухо и довольно громко закончила свою рѣчь словами:—«Петь, слушай же у меня!»

— Все, матушка, сына-то учу да наставляю,—произнесла она, обращаясь уже къ Пелагее Петровнѣ:—Поберегайте, молъ, себя-то, дружки; съ горь-ту, молъ, тихонько спущайтесь, да въ прорубь, молъ, какъ не попадите...

— И я, матушка, то же своему-ту говорю, перебила Пелагея

Петровна : ужь пытаю всегда наказывать: здоровье-то - молъ свое дороже всего на свѣтѣ...

Послѣ достаточныхъ переговоровъ, добрыя матери еще разъ напутствовали своихъ сынковъ миролюбивыми совѣтами, чтобы они другъ безъ дружки ничего не дѣлали, и окончательно съ ними распростились.

Ямщикъ сначала достаточно нахлесталъ мохнатую клячку плетью, потомъ принялся дуть се кнутовищемъ. По этому поводу лошадь, оглянувшись назадъ и какъ бы удостовѣрившись, что дуетъ ея такимъ образомъ законный хозяинъ, начала съ усердіемъ подергивать сапи въ разныя стороны, которые съ помощію ямщика и провожатыхъ тронулись наконецъ съ своего мѣста, и добрые друзья благополучно отправились въ путь. Безмятежно проѣхали они дома два, а потомъ явилась необходимость на минуточку остановиться, потому что развозжалась возжа. Ямщикъ слѣзъ съ саней и поправилъ возжу какъ слѣдуетъ. Шаговъ черезъ десять развязалась другая возжа: ямщикъ прикрѣпилъ и другую возжу. При выѣздѣ изъ слободы догадливый ямщикъ тотчасъ увидѣлъ, что нужно поправить черезъ сѣдельникъ. Такимъ образомъ на первой же верстѣ хорошей ямщикъ переладилъ всю упряжь. Какъ бы то ни было, но дѣло управилось благополучно. Ямщикъ счелъ болѣе полезнымъ замѣнить свою плеть хорошей дубиной. Поэтому случаю долгошерстная кляча, совершенно неожиданно, принялась потихоньку потрухивать, даже проскакала козлякомъ цѣлыхъ полверсты, чѣмъ несказанно развеселила своего хозяина. Сдвинувъ шапку на бекрень, онъ приободрился и тотчасъ запѣлъ свою любимую пѣсню:

«Что ты Шаша приуныла?

«Не слышать твоихъ рѣчей,

«Прежде пѣла распѣвала,

«Словно въ садѣ соловей, и проч.

Не успѣлъ онъ кончить своей пѣсни, какъ опять представилась ему работа, потому что отъ такой небывалой ѣзды лошадь совсѣмъ выѣхала изъ оглобеля. При этомъ случаѣ смысленный ямщикъ, неизвѣстно за-что и про-что счелъ за полезное отдуть ретиваго коня порядочнымъ коломъ по хребту. Потомъ съ помощію Проши и Васи онъ запрягъ его поакуративѣй и доѣхалъ до ночлега безъ всякихъ уже поправокъ.

Наши путешественники и друзья совѣщались на дорогѣ, гдѣ имъ въ Нижнемъ остановиться, къ какимъ хозяевамъ побывать

и справиться на счетъ кладѣ. Положено было въ первые дни никуда не ходить; а только поразнюхать хорошенько, стороной, какъ идутъ дѣла, потомъ сходить къ Ивану Федоровичу Мочкуну. Условились также держаться хорошей цѣны и не брать изъ Самары дешевле 62 коп. съ пуда — «потому что, — говорилъ Проша, — хлѣба на пристаняхъ нынче тьма тьмушая — амбары ломятся, а сѣдовъ не достаетъ, значить, поставки должны вздорожать. Нынче, Богъ милостивъ, торопиться нечего» — заключилъ Проша съ увѣренностію. Это же самое подтвердилъ и Василій Ивановичъ, присовокупивъ съ своей стороны, что и Куртузовъ наваливалъ ему кладъ изъ Самары по 60 коп. съ пуда, да только онъ самъ не согласился.

— Такъ что-же, братецъ ты мой, ты не рѣшился? — спросилъ его Проша съ какою-то недовѣрчивостію.

— Да отъ этой цѣны не уйдетъ никогда, — произнесъ Василій Ивановичъ тономъ увѣренности. — Нынче, Богъ милостивъ, поправимся, — присовокупилъ онъ, значительно похлопавши въ рукавицы.

Тутъ Василій Ивановичъ счелъ за необходимое пошутить немножко съ Прошей, и потому схватилъ его въ охапку и началъ, повидимому, вываливать изъ саней. Проша удержался и въ свою очередь схватилъ въ распахъ Василья Ивановича съ тѣмъ же самымъ намѣреніемъ, чтобы вывалить его изъ саней; удержался и Василій Ивановичъ.

Прѣшу, несмотря на такую веселость, все еще, видно, не оставяла мысль о томъ, что Куртузовъ давалъ по 60 копѣекъ съ пуда. Онъ опять заговорилъ о томъ съ Васильемъ Ивановичемъ,

— Сквозъ земли пройти — давалъ! — произнесъ тотъ; отсохни рука и нога — не лгу! Что мнѣ? я бы сказалъ. Я, братъ, лгать не люблю.

Проша хоть и не сдѣлалъ никакого возраженія, однако довольно сомнительно покачалъ головой.

Друзья прибыли въ Нижній на другой день благополучно, отыскали тамъ, въ какомъ то глубокомъ оврагѣ, грязную избенку и остановились въ ней, съ условіемъ платить по 5 коп. серебромъ въ сутки, съ двоихъ. Хозяева квартиры были какія то двѣ бабенки сомнительной добродѣтели. На щекахъ той и другой замѣтенъ былъ цѣлый пластъ искусственнаго румянца.

Такъ какъ было неслишкомъ еще поздно, то Проша изъявлялъ желаніе сходить за свѣчками и кое-кого повидать; а Василій

Ивановичъ выразилъ съ своей стороны необходимость посѣтить дѣвчій монастырь, съ цѣлью навѣстить тамъ одну свою родственницу. По этому случаю оба друга отправились съ квартиры, каждый по своей надобности.

Поздно вечеромъ тотъ и другой возвратились на свою квартиру.

Что, гдѣ побывалъ? Не слышалъ ли чего новинькаго?—спросилъ какъ будто разсѣянно Василій Ивановичъ своего пріятеля.

— Да кое-гдѣ, отвѣтилъ уклончиво Проша: кушалъ вотъ свѣчекъ, да потолкался на базарѣ.

— А что какъ поставки?

— Да даютъ, слышь, изъ Самары съ пятачкомъ по шести гривенъ.

— Это слава Богу!—произнесъ Василій Ивановичъ, подозрительно, впрочемъ, покосившись на Прошу.

— Извѣстно, слава Богу!—подтвердилъ Проша.—Торопитесь теперь намъ нечего, и навязываться къ нимъ, мошенникамъ, а той порой подѣдутъ еще кладчики изъ Ростова...

— Чего торопиться, перебилъ Василій Ивановичъ:—не машина, не облетитъ.

— А ты гдѣ побывалъ? спросилъ въ свою очередь Проша.

— Да почти нигдѣ. Сходилъ въ монастырь, а оттуда зашелъ въ харчевню, поѣлъ, грѣшный человѣкъ, блинчиковъ съ масломъ да съ лучкомъ...

Побесѣдовавъ такимъ образомъ достаточное время, наши пріятель закусили домашнихъ колобковъ, потомъ помолились за ужину и за спанье, и расположились спать на полу, на которомъ, для мягкости, постлали по изорванному халатинку.

— Завтра бы надобно къ заутренѣ сходить,—замѣтилъ съ благоговѣніемъ Василій Ивановичъ.

— Да, надобно бы,—подтвердилъ Проша.

— Я думаю сходить въ монастырь. Не хочешь ли? Пойдемъ вмѣстѣ.

— Пожалуй, пойдемъ,—отвѣтилъ какъ бы нахота Проша.

— Далеконько, правда,—замѣтилъ между прочимъ Василій Ивановичъ;—сегодня вотъ я насилу сходилъ, мочи нѣтъ, какъ усталъ. Впрочемъ утро вечера мудренѣе: прости-ка, Христа-ради, а спать хочу.

— Меня прости, Христа-ради, — произнесъ въ свою очередь Проша.

Друзья замолчали и заснули.

Ночью за перегородкой, въ хозяйской комнатѣ, сдѣялся какой-то шумъ. Стали неистово стучать въ перегородку и кричать: «караулъ!» Около двухъ часовъ ночи добрыхъ друзей довольно нецеремонно разбудилъ квартальный надзиратель; у того и у другаго осмотрѣлъ паспорта, перещупалъ у нихъ во всѣхъ мѣшкахъ и карманахъ, сопровождая каждый свой приемъ національными, и весьма энергическими выраженіями. Потомъ, предавъ вѣчному проклятію и домъ и мѣсто, и самихъ квартирантовъ — вышелъ вонъ.

Послѣ чего друзья опять успокоились сномъ праведниковъ, ни мало не возмущаясь происшествіемъ, безъ котораго въ подобныхъ квартирахъ почти не обходится ни одной ночи.

На другой день Василій Ивановичъ поднялся ни свѣтъ ни зоря и началъ собираться къ заутренѣ.

— А ты не пойдешь, что-ли? — спросилъ онъ Прошу, когда тотъ пробудился и открылъ глаза.

— Нѣтъ, братъ, не пойду, что то голова болитъ, да и зубы ноютъ, отвѣтилъ Проша унылымъ тономъ. Всю ночь, братецъ ты мой, маялася.

— Всѣ, братъ, подъ Богомъ ходимъ, — замѣтилъ Василій Ивановичъ съ чувствомъ; — отъ человѣка, значитъ, до скота. Лучше ужъ полежи немножко; обогнись потеплѣе тулупомъ, да препотѣй хорошенько; можетъ быть, Богъ дастъ, и пройдетъ. До меня смотри ужъ не выходи никуда, здоровье-то, братъ, дороже всего на свѣтѣ...

— Нѣтъ, ужъ не пойду, — отвѣтилъ Проша; — А ты въ монастырь, что-ли?

— Да, въ монастырь хочется.

— Съ Богомъ! — произнесъ Проша, и съ этимъ словомъ, по совѣту брата, обогнулся съ головой овчиннымъ тулупомъ и отворотился къ стѣнѣ.

Василій Ивановичъ, помолясь Богу, вышелъ вонъ.

Только что Василій Ивановичъ успѣлъ затворить дверь, какъ Проша мгновенно сдернулъ съ себя тулупъ, немножко приподнялся и убѣдившись по скрипу воротъ, что Василій Ивановичъ сошелъ со двора, вскочилъ съ постели, поспѣшно одѣлся и такъ же вышелъ вонъ со двора.

Проша прямо отправился къ Ивану Федоровичу Мочкину, въ гостиницу Лондонъ, гдѣ обыкновенно тотъ квартировалъ.

Купцы вообще встаютъ весьма рано; но во время раздачи мѣдѣй встаютъ они еще раньше. Мочкинъ поднялся еще до заутрени. Освѣдомившись отъ корридорщика, что Иванъ Федоровичъ давно уже всталъ и занимается дѣломъ, Проша прямо вошелъ къ нему въ комнату и, къ величайшему своему удивленію, увидѣлъ тамъ своего любезнаго брата, Васю, который въ это время только что выпросилъ съ Ивана Федоровича послѣднюю цѣну 52 копѣйки съ пуда.

— Если ты не вѣришь мнѣ, такъ спроси вонъ его: онъ самъ идетъ,—произнесъ Иванъ Федоровичъ, показывая на входящаго Прошу. — Мое почтеніе! — прибавилъ онъ тому машинально. — Вотъ онъ вчерась просилъ съ меня 51 копѣйку, да я не далъ.

Оба пріятеля какъ будто остолебенѣли. Уставившись неприязненно смотрѣть другъ на друга, они не могли промолвить ни одного слова. Мочкинъ взглянулъ на того и на другого и тотчасъ смекнулъ въ чемъ было дѣло. Онъ самъ былъ прежде поставщикомъ и потому, зная всѣ ихъ изворотливыя штуки, сдѣлалъ видъ, что какъ будто бы и не замѣчаетъ ихъ смущенія, а самъ между тѣмъ объявилъ торжественно:

— Угодно вамъ изъ Самары до Рыбинска по 49 копѣекъ берите, а нѣтъ—какъ хотите... Мочкинъ немножко поклонился и развелъ руками.

— Какъ это можно!—возразили въ одинъ голосъ оторопѣвшіе пріятели;—и думать этого нельзя... Мочкинъ въ свою очередь тоже сдѣлалъ знакъ, которымъ показывалъ, что и ему тоже нельзя.

Пріятели, для приличія, потоптались немножко на одномъ мѣстѣ, покашлиали, повздыхали, поодергивались, даже высморкались, какъ говорится, върушную, и оба вмѣстѣ пошли къ двери, съ намѣреніемъ выйти вонъ.

Проша шолъ впереди, а Василій Ивановичъ позади. Когда Пряхоръ отворилъ дверь, въ это время у Василія Ивановича сдѣлалось что-то неисправно въ сапогѣ, по этому случаю онъ, наклонившись, сталъ поправлять его, а Пряхоръ той порой вышелъ вонъ.

Поправивъ сапогъ, Василій Ивановичъ опять вернулся къ Ивану Федоровичу и выпросилъ съ него скороговоркой 51 ко-

пійку; въ контрактѣ же, для видимости прочтѣвъ поставщикантъ, вызвался поставить двумя копѣйками ниже, т. е. 49 копѣекъ.

— А брату скажешь, что взялъ 51 копѣйку? спросилъ его Мочкинъ полумшутливо.

— Сквозь землі провалиться—не скажу;—произнесъ Василій Ивановичъ.

Мочкинъ согласился и вслѣдъ затѣмъ помолились Богу и хлопнули по рукамъ. Иванъ Ѳеодоровичъ выдалъ Василью Ивановичу въ число задатка 100 рублей, съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно отправился въ маклерскую писать контрактъ.

— А двѣ-то копѣчки съ пуда, Иванъ Ѳеодоровичъ, при задаткѣ изволите выдать?—спросилъ Василій Ивановичъ.

— Само-собой, отвѣтилъ Мочкинъ утвердительно, смотря между тѣмъ въ сторону.

— У меня расшивка-то поднимаетъ двѣнадцать тысячъ пудовъ, стало-быть приходится...

—Знаю, знаю, сочтемся братецъ ты мой,—перебилъ его Иванъ Ѳеодоровичъ.

Ободренный такимъ ласковымъ обхожденіемъ, Василій Ивановичъ рѣшился перемолвить, между прочимъ, съ Мочкинымъ еще словца два—три.

— Намъ, сударь, Иванъ Ѳеодоровичъ, не стыдно супротивъ другихъ и передать, началъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ:—у меня расшивка-то просто картина, не то что брата Прохора.

— А что-же та-то? спросилъ поставщикъ.

— Да его-то, говорить надо правду, просто садокъ, рыбу въ той расшивѣ-то возить, а не хлѣбъ.

Мочкинъ хоть и вполнѣ довѣрялъ дѣйствительности такой рекомендаціи, однако все таки принялъ это къ свѣдѣнію и не премѣнно хотѣлъ удостовѣриться въ этомъ 'отъ самого Кулакова.

— Вы, сударь, Иванъ Ѳеодоровичъ, про меня ему насчетъ етова не говорите, —замѣтилъ Василій Ивановичъ. Иванъ Ѳеодоровичъ обѣщался.

Между тѣмъ Проша, выйдя на улицу, подождать тамъ немножко своего брата и хотѣлъ, было, опять воротиться къ Ивану Ѳеодоровичу; но въ это время Василій Ивановичъ вышелъ уже вонъ.

Какъ звѣри встрѣтились наши друзья въ корридорѣ гостиницы, посмотрѣли нѣзъ подлюбыя другъ на дружку и, молча, вы-

шли на улицу. Долго шли они вышоть, не отставая другъ отъ друга, но рѣчи между собой никакой не вели. Тотъ и другой придумывали только съ чего бы начать разговоръ; наконецъ Проша какъ бы понатужился и перервалъ молчаніе.

— Этакъ-ту, братъ, хорошіе-то люди не дѣлають, заговорилъ онъ;—сказалъ, что къ завтрашнѣй пошолъ, а улизнулъ пошлущки, къ кладчккк.

— Случай, значить, выпалъ, такъ и зашолъ, а безъ случая, знаемъ - дѣло, не зашолъ бы, не по твоему. Ты вотъ вчерась еще поворовски-то заходилъ къ нему. Цѣны только сбивать прѣхалъ; плуть эдакой, право!

— Это было еще вчера, а что было, то слыло,—выразился Проша тономъ насмѣшки;—ты вотъ отводы-то равные дѣлаешь: зачѣмъ ты тамъ еще остался?

— Зачѣмъ, значить, прѣхалъ, зачѣмъ и остался,—отвѣтилъ самодовольно Василій Ивановичъ.

Прохоръ молчалъ.

— Порѣшился что-ли?—спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Порѣшился-ли, не порѣшился-ли,—это мое дѣло,—отвѣтилъ Василій Ивановичъ, стараясь уйти впередъ.

Прохоръ, повидимому, началъ отставать, и дѣйствительно остался за угломъ; однако все таки слѣдилъ за Васильемъ Ивановичемъ издали.

Послѣдній, какъ замѣтилъ, что Прохоръ отъ него отсталъ, тотчасъ повернулъ въ переулочъ и вошелъ въ маклерскую контору.

Проша тутъ же догадался, что Василій Ивановичъ зашолъ туда заказать контрактъ. Когда Василій Ивановичъ вышелъ изъ маклерской и повернулъ въ другую улицу, по направленію къ своей квартирѣ, Проша вошелъ въ маклерскую, справился тамъ о цѣнѣ поставки Василья Ивановича и потомъ опять отправился къ Мочкину.

— Что, надумалъ? спросилъ его Иванъ Федоровичъ.

— Да по 51 копѣечкѣ надумалъ, Иванъ Федоровичъ, отвѣтилъ Проша.

— Братъ вонъ твой взялъ по 49 к., справься хоть въ контрактѣ.

— Мы етова ничего не знаемъ,—отвѣтилъ уклончиво Проша;—братъ для меня не уставщикъ; если угодно вашей милости, пятьдесятъ копѣекъ съ васъ возьму, а меньше, ей-богу, нельзя.

— За что же я тебѣ передамъ, а?—произнесъ шутливымъ тономъ Иванъ Федоровичъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно, Иванъ Федоровичъ, поставщика тоже съ поставщикомъ ровнять нельзя...

— Да вѣдь и ты не Богъ знаетъ какой; расшивка-то, говорятъ, у тебя худенька, порядкомъ потекаетъ;—произнесъ вдругъ Иванъ Федоровичъ, смотря пристально на Кулакова.

— Это вамъ наябедничаль братъ Васька,—перебилъ его съ азартомъ Кулаковъ.—Про себя, небось, ничего не сказалъ, какъ его-то расшивенка прошлой осенью никакъ три раза тонула; о камень, значить, разбила, либо о каршу какую-нибудь. Про это, я думаю, умолчалъ... Али хоть бы и насчетъ кровли-то сказать; у меня, вонъ, крыша-то просто—слово, а у него что?—рѣшето... Тутъ Проша въ расшивѣ Васиіи Ивановича нанкалъ такихъ изъяновъ, что Мочкинъ слушалъ слушалъ, да только махнулъ рукой и отдалъ все на волю Божию. Онъ думалъ-было отказать въ поставкѣ тому и другому, да ужь очень дешево они взяли. Мочкинъ въ этотъ же день отдавалъ кладъ другимъ поставщикамъ по 53 и 54 копѣйки съ пуда.—Съ Кулаковымъ порѣшился онъ въ поставкѣ по 50 копѣекъ, по съ тѣмъ, чтобы тотъ не говорилъ объ этомъ брату.

— Зачѣмъ сказывать, мы тоже, Иванъ Федорычъ народъ торговый: правды говорить не любимъ-съ,—произнесъ Проша съ вѣкоторою даже гордостью и достоинствомъ.

Послѣ этого, не зная, что и дѣлать отъ радости, онъ немедленно отправился въ ту же маклерскую для написанія контракта; а потомъ съ веселымъ и торжествующимъ лицомъ возвратился въ свою квартиру, гдѣ встрѣтилъ и своего милаго брата.

Долго сидѣли они молча. Прохора такъ и подмывало, чтобы поскорѣе открыть Васиію о цѣнѣ своей поставки, да только не зная съ чего начать разговоръ. Васиіи Ивановичъ тоже обнаруживалъ видимое нетерпѣніе узнать, что сдѣлалъ Прохоръ.

— Что, чай, не понашенски снялъ? чай, по шести гривенъ, не бось, слушилъ?—началъ онъ, смотря въ уголъ.

— Мъ, братъ, дорого-то братъ не умѣемъ, отвѣтилъ иронически Прохоръ: — намъ и 50 копѣекъ будетъ; вы ужь дорогие-то поставщики.

— Гдѣ намъ противъ васъ тягаться, возразилъ Васиіи Ивановичъ съ язвительной улыбкой:—намъ, братъ, больше 49 копѣекъ не даюгъ, не наше, значить, счастье. Тутъ Васиіи Ива-

новичъ, будто не замѣчая, выронилъ на полъ какую-то писаную бумажку и, принявъ на себя заботливый видъ, вышелъ вонъ, будто за надобностью.

Проша той порой успѣлъ, самымъ незамѣтнымъ образомъ, наступить на бумажку ногой, и когда Василій Ивановичъ заворилъ за собою дверь, онъ торопливо подхватилъ съ полу бумажку и принялся разсматривать ее.

На бумажкѣ было написано рукою Василя Ивановича слѣдующее: «183... *Маръ-та 12 дня взялъ я василіи івановѣ къ лавѣ исамары до рыбны ценоі 51 копейку и Вконятраке (въ контрактѣ) написать 49 коп. подвое копейки взять призадѣлке.*»

Прочитавши это, Проша такъ и остолбенѣлъ. Злобно и свирѣпо посмотрѣлъ онъ на Василя Ивановича, когда тотъ возвратился въ комнату.

— Ая, братъ, мошенничать приваялся?—началъ онъ неровнымъ голосомъ;—своего брата поставщика вздумалъ надувать, а?... продажная душа!.. и Прохоръ съ злобнымъ презрѣніемъ бросилъ бумажку въ лицо Василя Ивановича, которая далеко не долетѣла, а заковылялась въ воздухѣ и упала на полъ.

— Вотъ она гдѣ, а я ищу ее,—произнесъ Василій Ивановичъ, поднимая съ полу бумажку и, повидимому, нисколько не обращая вниманія на бѣшенство Прохора.—Чужіе, братъ, записки тебѣ воровать не приходится, присовокупилъ онъ, не горячась:—мало ли что въ чужой-ту запискѣ написано...

— Мошенникъ, мошенникъ!—повторялъ только въ сердцахъ Прохоръ.

— Мы не мошенники,—возразилъ довольно скромно Василій Ивановичъ;—ругаться, братецъ ты мой, намъ съ тобой не приходится,—прибавилъ онъ какимъ-то дидактическимъ и спокойнымъ тономъ, наслаждаясь внутренно злобною досадою Прохора;—осержаться тебѣ на меня нечего, вѣдь ужъ извѣстное дѣло, что Иванъ Федоровичъ меня съ тобой не сравниваетъ, надо говорить прямо, всегда ужъ передастъ мнѣ копѣйку, или двѣ лшнихъ. Я, братъ, всегда люблю говорить правду.

— Тѣфу тебѣ, вотъ!—сплюнулъ на это Прохоръ и рѣшился, во что-бы-то ни стало, выпросить у Мочкина ту же цѣну, какую онъ назначилъ Василю Ивановичу; въ противномъ случаѣ—уничтожить контрактъ, который находился еще въ его рукахъ.—Продавай мой десять рублей за контрактъ, а ужъ на своемъ

поставлю», подумалъ онъ про себя, и съ этими мыслями отправился къ Ивану Федоровичу.

— Что скажешь, господинъ Кулаковъ? спросилъ его тотъ.

— Да къ вашей милости приполъ, отвѣтилъ робко Кулаковъ.

— Что тебѣ нужно?

— Да прибавочки хочется, наравнѣ съ братомъ, получить, Иванъ Федорычъ.

— А контрактъ его ты видѣлъ?

— Видѣть-то видѣлъ; да вѣдь вы изволили прибавить ему сверхъ контракта двѣ копѣйки въ пудѣ.

— А кто тебѣ это сказалъ?—спросилъ съ сердцемъ Мочкинъ.

— Да онъ самъ мнѣ сказалъ, и заниску свою насчетъ этого показывалъ.

— Обманываетъ, произнесъ Иванъ Федоровичъ утвердительно.

— Да какъ же это?... началъ было Проша.

— Я тебѣ говорю, что обманываетъ, перебилъ его Иванъ Федоровичъ самымъ рѣшительнымъ тономъ. — Впрочемъ, если тебѣ кажется мало, такъ мое почтеніе!... больше я не прибавлю ни одной копѣйки.

Проша немножко успокоился и рѣшился остаться при прежнемъ условіи.

На другой день Василій Ивановичъ явился къ Ивану Федоровичу съ контрактомъ. Иванъ Федоровичъ прочиталъ его отъ начала до конца и предложилъ Василю Ивановичу росписаться въ полученіи полного задатка.

Василій Ивановичъ росписался.

Отсчитавъ задатокъ, какой слѣдуетъ по контракту, Иванъ Федоровичъ вручилъ его Василю Ивановичу; тотъ провѣрилъ его раза два и медленно положилъ въ бумажникъ. Потомъ всталъ, началъ окашливаться, переминается съ ноги на ногу и поглядывать на Ивана Федоровича.

— Вѣрно?—спросилъ его тотъ, какимъ-то недовольнымъ тономъ.

— Да, какъ бы вамъ сказать, то есть, на счетъ контракта—вѣрно...

— Ну такъ мое почтеніе! произнесъ, поклонившись, Иванъ Федоровичъ, и съ этимъ словомъ отворотился отъ него прочь.

— Какъ же, Иванъ Федоровичъ, на счетъ двухъ-то копѣчекъ; то есть, значить, сверхъ контракта-то?

— Мое почтеніе!—повторилъ Иванъ Федоровичъ, принимаясь

за свои бумаги.—Больно, братъ, любншь болтать, да хватать, не поймавши—щиплешь, прибавилъ онъ какъ-бы про себя.

— Это, значить, свое слово нарушать, заговорилъ жалобно Василий Ивановичъ: по нашему слово законъ..

— Мое почтенье!— снова произнесъ Иванъ Федоровичъ и, поклонясь машинально, вышелъ въ другую комнату.

Василий Ивановичъ помялся немножко; поканчалъ, поодергивался и все-таки принужденъ былъ уйти.

Какъ темная ночь, возвратился онъ на свою квартиру и молча, съ величайшими вздохами, началъ укладываться.

Проша въ это время былъ тоже на квартирѣ. Онъ покосился на любезнаго братца, хныкнулъ и тотчасъ догадался, что Василья обдули. По лицу Проши пробѣжала радостная улыбка.

— Что, все-ли слава Богу?— началъ онъ, довольно сдерживая въ себѣ злобную радость.

— Какъ бы не ты, мошенникъ, такъ я знаешь ли бы какую цѣну-ту взял? произнесъ съ сердцемъ Василий Ивановичъ, не нѣтя уже возможности сдержать своей кровной обиды. — Ты вчерась цѣну-ту сбиль, плутецъ этакой, да еще вздумалъ мою расшиву порочить, разбойникъ!..

— Ругаться, братъ Василий, тебѣ не слѣдъ, проговорилъ Прохоръ безъ всякаго пылу:— я вотъ и *подешевле* тебя ваялъ, да и то не жалуясь; что дѣлать? значить Богъ цѣны стронть, вотъ что... А тебѣ ругаться не приходится...

Василий Ивановичъ замолчалъ: онъ словъ ужъ не нашолъ выразить свою злобу.

Обратно изъ Нижняго наши пріатели ѣхали уже на разныхъ подводахъ.

VI.

Ряда бурлаковъ.

По пріѣздѣ домой, Василий Ивановичъ не зналъ съ тоски, что и дѣлать и за что приняться. Онъ метался во всѣ стороны, рвалъ на себѣ волосы, сутки двои голодалъ, даже хотѣлъ было наложить на себя руки, да только жалѣлъ больно оставить расшиву, потому что она слишкомъ была легка на ходу.

Василий Ивановичъ не о томъ тосковалъ, что кладъ была не выгодна и что мало придетъ барыша; — нѣтъ: поставки тогда вообще были весьма выгодны; но онъ досадовалъ только на то, что другіе поставщики снади кладъ дороже его.

Когда Пелагея Петровна узнала обо всемъ обстоятельно, то сначала напустилась-было на одного кладчика.

— Да что онъ, еретикъ этакой, Бога видно не боится, завопила она жалобнымъ голосомъ:—попросить бы на него, окаяннаго, вѣдь онъ, проклятикъ, не безсудная же земля, неужто ужъ на него и судьи нѣтъ? Экія дѣла какія! такъ бы взялъ да и разорвался! такъ бы и разорвался!.. Шуткали, матушки мои, двѣ копейки въ пудѣ! вѣдь это двѣсти сорокъ рубликовъ — на цѣлый годъ хлѣба! наши дѣтки, матушки мои, не какъ въ людяхъ, не умѣютъ дѣльца обдѣлять. Какъ Проша-то, вотъ, насквозь дѣло-то видитъ, ну ужъ и хозяева-то видятъ, что молодецъ; какъ этакому молодцу не прибавить, не какъ мой ротозѣй; въ ротъ, дураку, въѣхали да и выѣхали—не слыхалъ. Этакими дѣтками—псами Богъ награди!

— Да что ты на меня-то кричишь? выразился въ свою очередь Василій Ивановичъ:—отъ меня, что-ли, вышло? Кто его зналъ мошенника, что онъ обманеть... Какъ бы не Прошка-то, твой хваленый, мошенникъ, подвернулся, такъ, можетъ быть, и не обманулъ бы..

— Молчи ужъ у меня, ротозѣй! — перебила его съ гнѣвомъ Пелагея Петровна: — заткни языкъ-отъ за поясъ! еще смѣетъ говорить, ротозѣй! Гдѣ тебѣ, ростяпкѣ, съ Прошкой ровняться! До кошеля допромышляется, развалье этакое—ротозѣй!..

— Чортъ знаетъ! хоть руки на себя наложить!—произнесъ, озлобившись, Василій Ивановичъ, которому наименованіе «ротозѣй» не нравилось страшнымъ образомъ. Съ послѣднимъ словомъ онъ вышелъ изъ избы вонъ и сильно хлопнулъ дверью.

— Не отъ матери ли руки-то хочешь наложить, окаянный?! вскричала вслѣдъ ему Пелагея Петровна: — не мать ли виновата?.. я тебѣ окаянному, дамъ — руки наложить!.. Вотъ, мать, пекись объ дѣткахъ-ту да заботься, а они, проклятики, вонъ что говорятъ: «руки наложить» этакую мать-ту озорницу нашолю, разбойникъ!.. ы!.. ы!.. И Пелагея Петровна, оставшись въ избѣ одна, отъ злости завывала.

Такого рода ругательства до того разстроили Василья Ивановича, что онъ совершенно упалъ духомъ; соображеніе его какъ-то перепуталось; онъ думалъ уже, что ему предстоитъ страшная напасть, и что отъ снятой имъ поставки онъ разорится въ конецъ. Тревожный такого рода мыслями, онъ въ какомъ-то

полусознательномъ состояніи прошолъ раза два по двору, побывалъ зачѣмъ-то въ банѣ, слазилъ на сѣнницу и въ подсынье; наконецъ отправился на подволоку, сѣлъ тамъ въ уголъ и просидѣлъ такимъ образомъ часа два, на одномъ мѣстѣ. Не вдалекѣ отъ него что-то стукнуло. Василій Ивановичъ мгновенно вскочилъ съ своего мѣста, схватилъ кирпичъ и сталъ зорко сторожить, что нейдетъ ли кто на подволоку. Онъ готовъ былъ тогда разможжить чью бы то ни было голову, которая покажется на подволоку. Къ счастью шевелелась гдѣ-то кошка. Удостоверившись въ этомъ, Василій Ивановичъ опять сѣлъ на прежнее мѣсто и предался своимъ мрачнымъ думамъ. По временамъ поднимался онъ на ноги, и, нахмуренный и взъерошенный, какъ смертный грѣхъ, принимался, дрожащими руками, привязывать за стропилы свой крѣпкій шолковый поясъ; потомъ опять останавливался, думалъ, снова садился на прежнее мѣсто, и высчитывалъ по пальцамъ барышъ, какой надѣялся получить отъ поставки.—«Какъ ни валай»—пробормоталъ онъ наконецъ съ какимъ-то дикимъ довольствомъ, — «а двѣ тысячи рублей очистятся»... Успокоившись нѣсколько этимъ результатомъ, Василій Ивановичъ опять сошелъ внизъ.

Съ матерью своей не встрѣчался онъ до перваго торговаго дня, а въ торговый день они помирились, потому что въ этотъ день необходимо нужно было рядить бурлаковъ.

День этотъ, какъ первый для бурлацкой ряды, былъ весьма замѣчательнъ во многихъ отношеніяхъ. На базаръ съѣхалось народу, со всѣхъ концовъ, видимо-невидимо. Улица, гдѣ обыкновенно рядили бурлаковъ, набита была биткомъ; народъ какъ будто бы слился въ ней въ одну сплошную массу. Бывало, какая нибудь бойкая баба выбѣжить на скорую руку на базаръ, купить грибовъ-маслятокъ на говѣнье и въ торопяхъ затѣшется въ самую средину народа—такъ, просто, нашу бабу и отпихивай, что пропала. Бурлаки неразрывной массой стиснутъ бойкую бабу до того, что ей небо съ овчинку покажется, и съ шумнымъ крикомъ: — у!.. у!.. у!.. увлекутъ ее на другой конецъ улицы, куда бы ей вовсе и не хотѣлось; а потомъ съ тѣмъ же у!.. у!.. у!.. прижмутъ ее къ забору и т. д. Неостановившаяся баба крикомъ-кричитъ иногда на весь базаръ: «сбатюшки, смерть моя! пріятели — смерть моя»... а бурлаки и въ усъ себѣ не дуютъ, только хохочутъ во все горло, да стараются втиснуть бабу туда, гдѣ ногуше народу. Такимъ образомъ плавааетъ наша баба,

какъ въ бурномъ морѣ, изъ одного конца улицы въ другой, отъ забора къ забору, до поздняго иногда вечера и возвратит-ся домой не съ чѣмъ, а только съ измятыми боками.

Каждая артель бурлаковъ обыкновенно выбираетъ изъ среды себя одного стоящаго человѣка въ подрядчики, съ котораго хозяинъ судна и условливается въ цѣнѣ, конечно, въ виду всѣхъ бурлаковъ; но только рѣчь уже ведетъ съ однимъ подрядчикомъ. Иногда артель объявитъ подрядчику, по секрету, самую послѣднюю цѣну, на которую онъ можетъ, въ крайнемъ случаѣ, согласиться; но большею частію цѣна устанавливается при самой радѣ. Случается, что подрядчикъ стаянется прежде съ хозяиномъ, а потомъ, при радѣ, дѣлаетъ большія уступки. Бурлаки какъ-то скоро пронохиваютъ объ этомъ и какъ дикіе звѣри бросаются тогда всею артелью на измѣнника, оттузятъ его въ бока своимъ судомъ и тутъ же выставляютъ изъ артели новаго подрядчика.

Василій Ивановичъ вышелъ на базаръ и прямо отправился въ толпу бурлаковъ, которые, по его синему халату и малаканскому кушаку, также и по особеннымъ манерамъ, тотчасъ узнали, что это хозяинъ*.

Они раздвинулись, дали ему мѣсто и опять сомкнулись въ кружокъ. Лицомъ къ лицу къ нему выступилъ, для пренія, подрядчикъ, который на этотъ разъ былъ въ новыхъ барановыхъ рукавицахъ. Василій Ивановичъ тоже былъ въ рукавицахъ, но со-всѣмъ другаго обихода — въ мурашкинскихъ.

Хозяинъ сначала окинулъ весь кругъ глазами, чтобы по-смотреть какова артель, которая его окружила. Артель оказа-лась молодецъ къ молодцу. «Поглядѣлъ бы теперъ Прошка-то, мошонникъ, какая меня артель-то окружила» подумалъ про се-бя Василій Ивановичъ и, приосанившись, какъ слѣдуетъ хозя-ну, началъ вести со всей артелью предварительный перегово-ръ.

— Что ребята, нѣтъ-ли охоты породиться изъ Самары?—на-чалъ онъ.

— Какъ не быть, затѣмъ вышли, что родиться, отвѣтили бурлаки въ нѣсколько голосовъ.

— Такъ вотъ у меня изъ Самары, ребята, давайте родиться.

— Доброе дѣло,—отвѣтили бурлаки.

— Изъ Самары, такъ изъ Самары.

— Радись, дядя Тихонъ,—прибавили они, обращаясь къ под-рядчику.

* Бурлаки каждого поставщика вообще называютъ хозяиномъ.

— Отчего не радиться, радиться можно,—отвѣтилъ дядя Тихонъ, поправляя свои рукавицы.

— Ну, такъ что станете просить, ребята?—спросилъ хозяинъ.

— А по скольку человѣкъ на тысячу? спросилъ въ свою очередь подрядчикъ.

— Знамо дѣло, по 4 человѣка,—отвѣтилъ хозяинъ.—У насъ, братъ, не какъ у Кулакова, мы шишляться не любимъ,—прибавилъ онъ съ важностію.

Бурлаки изъявили видимое удовольствіе на то, что хозяинъ не любитъ шишляться.

— А много ли у тебя росшивко-то подниметь? спросилъ подрядчикъ.

— Двѣнадцать тысячъ, отвѣтилъ хозяинъ: росшива, значитъ, самая подходящая.

— А глубока ли полнымъ-ту грузомъ?

— Да четвертой девяти, не больше...

— Не было бы съ полуаршиномъ, замѣтилъ кто-то изъ артели.

— Мы, любезный, пустяковъ говорить не любимъ,—отвѣчалъ хозяинъ, видимо недовольный сдѣланнымъ ему замѣчаніемъ.

— Ну такъ по чемъ же давать то станешь? началъ опять подрядчикъ.

— Послушаемъ, что станете просить, отвѣчалъ хозяинъ.

— Да по нынѣшнимъ кладямъ по 70 рубликовъ надобно бы взять, сказалъ, не думая, подрядчикъ.

— У!... у!... у!... произнесъ Василій Ивановичъ протяжнымъ тономъ.

— Отъ тебя не слышали, продолжалъ подрядчикъ; — мы запросили много, такъ ты давай мало.

— Да по моему, ребята, чѣмъ говорить долго пустяки: полста рубликовъ можно посулить, а больше подумаемъ.

— Раздашься, такъ дашь и больше, — замѣтилъ кто-то изъ артели; — на это, братъ, нынче ужъ не поймашь.

— Да, вѣдь, надобно, ребята, говорить дѣло; а безъ дѣла нечего и говорить: воду толчи, вода и будетъ! Съ рубликомъ, если хотите, дамъ; а больше погожу: что Богъ дастъ.

Василій Ивановичъ, важности ради, выражался всегда въ рѣдкой дѣйствительно особеннымъ манеромъ. Онъ думалъ, что его сочтутъ за это самымъ ловкимъ человѣкомъ.

— Коли ты сталъ прибавлять, такъ и мы сдѣлаемъ уступку,

началъ подрядчикъ : вотъ тебѣ безъ пары семьдесятъ! и подрядчикъ весело хлопнулъ хозяина по рукѣ своей бараньей рукавицей.

При этихъ словахъ откуда ни влетѣли подрядчику въ голову три порядочныя плюхи. Подрядчикъ немножко смялся.

— Что же это за озорничество, ребята? — заговорилъ онъ довольно сердито, оборотясь къ артели и поправляя свою шапку: — коли я плохъ , такъ пусть другой радится, а бить вамъ меня не слѣдъ, вотъ что....

— Ты радится-то радись!—вскричали въ нѣсколько голосовъ изъ артели;—да только знай край, да не падай; уступай, значить, поменьше.

— Да какъ же это драться-то можно?—продолжалъ все еще разобиженный подрядчикъ;—драться вамъ, ребята, не приходится—не долѣветъ; за это отвѣтите, вотъ что.

— А ты ужъ за всякой-то мухой съ обухомъ не гоняйся,—замѣтилъ изъ артели одинъ бурлакъ, по имени Данило, а по прованію Верея, мужчина преогромный и сильный;—вѣдь тебя бьютъ, ума, значить , даютъ. Дѣлай-ка вотъ дѣло-то: говори съ хозяиномъ—ту , продолжалъ Данило , и съ этимъ словомъ схватилъ подрядчика за плеча, поворотилъ его къ хозяину лицомъ къ лицу и снабдилъ порядочнымъ подзатыльникомъ, только ужъ не въ ссору, а въ шутку.

Подрядчикъ снова поправилъ шапку, почесалъ немножко въ затылкѣ и опять началъ радиться; только выступалъ уже понемножку. Хозяинъ надавалъ 55 рублей и больше не сталъ прибавлять—вышелъ изъ круга. Пройдя шаговъ 30, его обступила другая артель, и ряда началась снова.

Подрядчикъ другой артели запросилъ 72 рубли; хозяинъ хлопалъ съ нимъ рука объ руку разъ десятокъ, надавалъ 57 рублей и перешолъ въ третій кругъ. Такъ переходилъ онъ изъ одного круга въ другой почти до самаго вечера. Много уже было поражено артелей; но Василій Ивановичъ все еще крѣпился въ цѣнѣ. Наконецъ порѣшился онъ съ первой артелью по 62 рубли; только народъ былъ уже далеко не такой, какой былъ съ утра. Прежніе бурлаки разошлись по другимъ артелямъ, котора порядились раньше.

Хорошіе хозяева въ рядѣ бурлаковъ никогда не мѣшкаютъ , потому что изъ большой массы народа удобнѣе выбрать хорошихъ работниковъ.

Бурлаковъ переписали въ реэстръ и дали по небольшой части задатка, подъ росписку сельскаго начальника, который вмѣстѣ съ тѣмъ обязался выслать хозяину паспорты.

Каждый хозяинъ купилъ для своей артели вина: иной ведро, иной полтора, смотря, конечно, по величинѣ поряженной артели; Василій Ивановичъ для своей артели купилъ ведро. Артели разиѣстились отдѣльными кружками: кто на дворѣ, кто на улицѣ, кто на обрубѣ, и принялись пить вино.

Вино обыкновенно стояло посреди круга въ ведрѣ, изъ котораго десятникъ или подрядчикъ черпалъ стаканомъ и подчивалъ поочередно каждого бурлака. Кто не пилъ вина, тотъ очередной свой стаканъ подносилъ какому нибудь своему пьющему пріятелю.

Первый стаканъ начинался съ хозяина. Если же хозяинъ не пьетъ, то бурлаки попросятъ его хоть взять отъ нихъ стаканъ вина въ руки и поздравить ихъ съ благополучной порядой.

Стаканъ обошолъ артельный кругъ два раза и бурлаки повеселились. Съ третьяго стакана принялись они во все горло пить развеселыя пѣсни, каждая артель—свою.

— Кто въ складчину?!—прокричалъ внезапно Данило Верея, когда замѣтилъ, что въ ведрѣ не осталось уже ни капли.—По гривнѣ! — продолжалъ Верея повелительно, вставши съ своего мѣста, и первый положилъ въ шляпу гривну.

— По гривнѣ, такъ по гривнѣ!—прокричали въ нѣсколько голосовъ изъ артели, и всѣ торопливо принялись развязывать свои кошельки. Отъ складчины не отказались даже и тѣ, которые вовсе не пили вина. Бурлаки собрали еще на полведра и принялись распивать его съ прокладой.

Между тѣмъ веселые ребята, сдвинувши свои шапки на бекрень, начали шутить и подходить къ другимъ артелямъ, для того, чтобы поострить немножко другъ надъ дружкой.

— Вишь, какихъ хватовъ набрали,—заговорилъ съ насмѣшкою Андрей, подошедши къ кружку изъ другой артели, и показывая на малорослыхъ и молоденькихъ бурлаковъ.

— Какъ на низъ-отъ ребята поплывете, такъ не забудьте же со-скамнъ запастись, а то, вѣдь, ребяташки то заревутъ. Ха!.. Ха!.. Ха!..

— Они парусъ на соски-то изрѣжугъ,—съострилъ другой паревъ той же артели, изъ которой былъ Андрей.

— А Яшка-то, вотъ, въ кормилки пойдетъ, — прибавилъ,

смѣючись, Андрей, указывая на одного широкоорожаго парня.— Кокошникъ тебѣ, Яшка, купать. У насъ, вошь, у господъ, кор- милка-то все въ кокошникахъ ходить; рожа-то этака же лупанда: двѣ капли воды—Яшка. А ужь бороду-ту, братъ Яшуха, опали, жалѣть-то нечего... А вы, ребята, покормливайте же Яшутку-ту хорошенько,—прибавилъ Андрей, обращаясь къ артелям:—а то вѣдь онъ и молока не станетъ давать...

— Ты, братъ, ступай, куда идешь!—заговорилъ Яковъ, видимо разобиженный насмѣшками Андрея. — Мимо нашего стола дорога столбова, проходи, значить, мимо, а не то, братъ, смотри!.. держи ушки на макушкѣ!.. и Яковъ погрозилъ Андрею пальцемъ.

При послѣднихъ словахъ Якова, вся артель такъ и залилась хохотомъ, и Богъ знаетъ надъ чѣмъ. Послѣднія его слова показались имъ до того смѣшными, что изъ всей артели не выдержалъ ни одинъ человѣкъ, чтобы не захохотать во все горло. А Никитка Горбатой, съ огромнѣйшими на выкатѣ глазами, безъ всякаго выраженія, такъ и помиралъ отъ смѣху при каждомъ Яшкиномъ словѣ. Поджавъ свой животъ обѣими руками и покачиваясь, отъ насады взадъ и впередъ, Никитуха отъ смѣху только уже и могъ приносить: — ои, Яшка! ои, Яшка!.. Яшка, не выдержи!—умру!..

Этотъ неистовый хохотъ озлобилъ Андрея страшнымъ образомъ. Молча онъ подошелъ къ артели, обошелъ половину круга и мимоходомъ пнулъ Якову въ спину носкомъ сапога. Тотъ вскочилъ во мгновеніе ока и залепилъ Андрею плеху. Андрей, наплевавъ въ кулакъ, отвѣтилъ Якову тѣмъ же. Яковъ чуть только не слетѣлъ съ ногъ.

— *Робя!* нашихъ бьютъ! — вскричали изъ кружка артели, къ которой принадлежалъ Яковъ, и тутъ же вскочили нѣсколько человѣкъ и бросились за Андреемъ.

Андрей хотѣлъ было улизнуть подъ защиту своей артели; но его догнали и начали порядкомъ тусить въ виду его артели.

— *Робя!* Андрюшку Самусу бьютъ! не выдавай,—закричали изъ Андреевой артели.

Въ ту же минуту вскочила другая артель и бросилась на преслѣдователей Андрея.

Двѣ артели вступили въ бой.

Сначала бурлаки дѣйствовали было съ разборомъ: шли, какъ водятся, артель на артель; а потомъ сдѣлали такую схватку,

что колотили всякаго, кто попадетъ подъ руку. Немного погоды пристали къ дракѣ и изъ другихъ артелей, а потомъ взбунтовался почти весь базаръ. Разсвирѣпѣвшіе бурлаки шолкали другъ друга безъ всякаго разбора. Схватка была ужасная, тѣмъ болѣе, что не видно было непріятельскихъ сторонъ, а каждый бурлакъ въ отношеніи къ другому былъ непріятель.

— Не подходн!—вскричалъ Данило Верея своему хозяину, завидѣвъ его издали:—а не то такое паникадло засвѣчу, что вѣкъ будешь помниты!—И Данило показалъ хозяину свой огромный кулакъ.

— Что ты, чортъ, на хозяина-то кричишь, что онъ тебѣ сдѣлалъ?—замѣтилъ кто-то Данилу.

— Линія, значить, вышла такая! не подвертывайся сегодня никто!—продолжалъ кричать Данило, размахивая руками.

Мужики какъ будто съ охотою спѣшили на драку. Одинъ, по-видимому, самый смиреннѣйшій мужичокъ, совсѣмъ-было собрался домой и, сидя на подворьѣ, закусывалъ уже на дорогу *мяконьками*; * но какъ скоро услышалъ онъ, что на улицѣ драка, то ропливо сунулъ мяконькой въ пазуху и поспѣшно побѣжалъ со двора, чтобы успѣть хоть немножко съ кѣмъ нибудь подраться. Черезъ четверть часа мужичокъ возвратился на подворье почти безъ глазъ и съ разбитымъ рыломъ. Спокойно, безъ думы, запрягъ онъ свою лошаденку и поѣхалъ домой.

Между тѣмъ на улицѣ дѣло дошло до того, что бурлаки начали другъ дружку бросать съ обруба; а обрубъ былъ двѣ сажени вышины. Чуть только кто нибудь немножко оплошаетъ—схватятъ его за руки, да за ноги, раскачаютъ—да и маршь подъ-обрубъ. Нѣкоторые бурлаки, для большей смѣлости, опять завертывали въ кабакъ и выходили оттуда настоящими уже героями. Съ этою же цѣлью и Яковъ забѣжалъ было въ кабакъ; но ему не повезло. Впервыхъ онъ, какъ видно, многоюкно хлебнулъ, а вовторыхъ, наткнулся тамъ на своего врага Андрюшку.

— А!—а!.. вскричалъ Андрей Самусъ, свирѣпымъ голосомъ, и съ словомъ кинулся на Якова, какъ дикій вепрь, схватилъ его за волосы и потащилъ вонъ изъ кабака. Пьяный и избитый Яковъ защищался уже мало, а особенно когда Андрюха отпугивалъ ему три порядочныхъ взрыльника.

Андрей притащилъ Якова къ краю обруба, кивнулъ головой

* Мяконькингъ называется вообще хлѣбъ, печеной изъ пшеничной муки.

какому-то своему пріятелю, и Яковъ, побарахтавшись немного, полетѣлъ съ обруба. Андрей послѣ этого, счелъ за полезное влѣпить хорошую зазвонную и своему пріятелю. Впрочемъ, немного погодя, стащили-таки съ обруба и Андриюху, чему усердно помогаль уже его пріятель.

Для усмиренія такого страшнаго побоища явились-было десятскіе и сотскіе изъ полиціи, но ихъ и близко не подпустили. Отставной солдатъ, исправляющій должность сотскаго, вооруженный форменною палкой, рѣшился-было ворваться въ самое поле сраженія, но наткнулся тамъ на Данила Верю, который обезоружилъ его въ одну минуту.

— Прочь, не твое здѣсь дѣло!—закричалъ Данило страшнымъ голосомъ, замахнувшись на кавалера его же палкой.

Другіе разсвирѣпѣвшіе бурлаки также бросились на солдата съ кулаками.

Кавалеръ струсилъ. Форсированнымъ маршемъ поспѣшилъ онъ обратно къ своимъ товарищамъ, которые стояли за угломъ.

— Проща! Гришка! лови его, Лови!.. кричали бурлаки вслѣдъ солдату.

Но тотъ въ это время уже улизнулъ за уголъ и находился внѣ опасности.

— Молите Бога, что никто не попался! — произнесъ онъ грозно, когда очутился среди своихъ товарищей.

— Я бы васъ, мошенниковъ, перебралъ понашински! прибавилъ онъ, грозя издали на бунтующихъ бурлаковъ.

— Такъ что же не перебралъ?—замѣтилъ съ насмѣшкою одинъ, довольно неторопливый десятскій, изъ мѣщанъ.

— А ты любезный, на *Кавказъ* бывалъ? Ермолова видалъ?.. спросилъ скороговоркой кавалеръ, обращаясь къ десятскому съ грознымъ видомъ.

Десятскій, озадаченный внезапностью такого неожиданнаго вопроса, немножко позамялся въ отвѣтъ.

— Такъ, братецъ ты мой, со мной не говори,—перебилъ его кавалеръ, самодовольно посматривая на другихъ десятскихъ.

Сраженіе кончилось къ десяти часамъ вечера; но оханье и стоны продолжались до полуночи.

На другой день, рано утромъ, два пріятеля, обнявшись другъ съ другомъ, шли по направленію къ цареву кабаку и дружно разговаривали о происшествіяхъ вчерашняго вечера.

На обихъ пріятелей страшно было и взглянуть: такъ лица

ихъ были избиты и изуродованы. Надъ правымъ глазомъ одного пріятеля висѣлъ огромный желвакъ и обѣ губы раздулись какъ простни. Лицо другого пріятеля было котловиднаго цвѣта.

— А долго ли ты подѣ-обрубомъ-то лежалъ? спросилъ одинъ пріятель другого.

— Кто ее знаетъ? вѣдь я лежалъ не по часамъ... Я, братъ, такъ тутъ и соснулъ маленько; больно ужъ обухмарило.

— А каково ты подѣ-обрубъ-отъ слетѣлъ? чай, ляпнулся порядкомъ?

— Да ничего... руку, правда повыломилъ немножко; Окулька насилила направила... а то—ничего.

— А зубъ-отъ гдѣ же ты вышибъ?

— Да зубъ-отъ, дурова голова, вѣдь ты мнѣ вышибъ, кулакомъ.

— Неужто я?

— Лопни глаза! — ты. Вѣдь я свѣту Божьяго не взвидѣлъ, какъ ты дернулъ меня одинъ разъ.

— Ха! ха! ха!

— Ха! ха! ха!

— А вѣдь послѣ-то мошенники и меня сбросили. Я, братецъ ты мой, упалъ какъ-то неловко: плашмя знаешь; и теперь въ боку дохнуть недаеть.

— Такъ неужто и тебя сбросили?

— Иссохнутъ—сбросили.

— Ха! ха! ха!

— Ха! ха! ха!

Черезъ полчаса-мѣста оба пріятеля сидѣли на томъ же обрубѣ и, подпершись въ виски руками, драли, что есть силы, захватскую пѣсню:

«Сизъ голубчикъ дорогой,

«Жаль разстаться мнѣ съ тобой, и проч:».

Пріятели были: Андрей и Яковъ.

VII.

НОВЫЕ ХАРАКТЕРЫ.

Дружно началась весна: жаркіе весенніе дни рано согнали съ полей снѣгъ. Ледъ на Волгѣ прошолъ благополучно и не повредилъ ни одной расшивы. Съ величайшимъ крикомъ и ругательствомъ приготовляли поставщики суда свои къ сплаву.

Для защиты отъ весенняго льда, они старались заводить ихъ въ рѣку, которая въ самой Гавриловой слободѣ впадаетъ въ Волгу и весной бываетъ значительно широка и глубока. При этой ввѣдкѣ никогда уже не обходится безъ дракъ и безъ страшныхъ ругательствъ, въ которыхъ участвуютъ не бурлаки, а собственно сами судохозяева. Каждый хозяинъ старается ввести свое судно впередъ другихъ; старается также всѣми мѣрами заслонить другимъ дорогу и попрепятствовать ввѣдкѣ ихъ судовъ. Здѣсь болѣе всего выражается общій характеръ бойкаго судопромышленника—волгара. Судохозяинъ обыкновенно подаетъ съ судна на берегъ крѣпкія чалки, закладываетъ ихъ на шпиль и приказываетъ рабочимъ ворочать эти шпиль, насколько хватить ихъ силъ; чалки натягиваются какъ струны, и судно начинаетъ подвигаться впередъ, ломая иногда своими боками другія суда, менѣе устойчивыя въ своемъ основаніи. Полезно-ли въ настоящій моментъ это движеніе судна, или бесполезно—хозяинъ не разсуждаетъ, лишь бы только оно препятствовало ходу другихъ, лишь бы только подрывало чужіе интересы. Какъ самки хищныхъ звѣрей, защищающія своихъ дѣтенышей, бросаются судохозяева другъ на дружку со стагами, даже съ топорами. При этихъ случаяхъ они не только ругаются между собою; но ругаютъ и позорятъ жонъ, сестеръ, дѣтей; ругаютъ сваху, двоюродную тетку, отца крестнаго, даже ругаютъ попа того прихода, къ которому принадлежитъ соперникъ. Самые бойкіе судовщики уплыли нанизъ вмѣстѣ со льдомъ, и потому многія суда переломало льдомъ во время сплаву.

Василій Ивановичъ, въ красной александрійской рубашкѣ и синнихъ шароварахъ, подпершись фертонъ и раздвинувъ, для важности, ноги довольно широко, стоялъ на ноу расшивы, на самомъ видномъ мѣстѣ, и съ гордою величавостію поглядывалъ на берегъ. Расшива его въ это время совсѣмъ уже приготовлена была къ отвалу; для большей парадности развѣвались на ней два флага.

— Отваливай!—закричалъ лощманъ.

Бурлаки подобрали чалки, дружно гренули отъ берега и расшива понеслась стрѣлою, внизъ по теченію Волги.

Благополучный отваль судна Василя Ивановича ознаменовался троекратнымъ выстрѣломъ изъ пушки.

Пелагея Петровна не могла и налюбоваться съ берега на своего сына и на красавицу расшиву. Долго стояла она на берегу

въ какомъ-то раздумьи и смотрѣла въ ту даль, куда скрылась вся ея отрада.

— Жидкой путь, — произнесла наконецъ она, съ глубокимъ вздохомъ, — мало ли что можетъ случиться?.. И Пелагея Петровна съ грустію возвратилась домой и почему-то прослезилась.

Въ этотъ день она была чрезвычайно мрачна и печальна; передъ вечеромъ опять вышла на берегъ и полюбовалась на то мѣсто, гдѣ стояла расшива. Расшивки уже не было — все было тихо и спокойно; и Пелагея Петровна возвратилась домой еще мрачнѣе, еще печальнѣе. Ее томили какая то тоска и грусть, въ которыхъ она не могла себѣ дать никакого отчета.

На другой день Пелагея Петровна, для развлечения, пожелала посѣтить Матрону Семеновну Тальникову. По этому случаю она отобѣдала пораньше и отправилась къ ней на посѣдки съ работою.

— А ли сына, матушка, проводила?—спросила ее на первый разъ Матрена Семеновна, съ видимымъ участіемъ.

— Проводила, матушка, — отвѣтила уныло Пелагея Петровна; — да теперь вотъ все и горюю... какъ бы, молю, чего не послучилось...

— Эхъ, Пелагея, и слушать-то тебя, такъ не хочется, — перебила ее Матрена Семеновна; — ну, бѣсъ-ли ему сдѣлается? подумай-ка ты! вѣдь, не навѣкъ уѣхалъ, не въ солдаты. Пріѣдетъ, матушка моя, не горюй. Я, вонъ, своего пса Гришку, такъ не знаю куда и спроводить: хоть бы, молю, провалился куданибудь на годъ, или бы, молю, посудовѣлъ * ужъ гдѣнибудь, песь этакой... Больно ужъ надоѣлъ! за дѣвчонками ужъ, проклятикъ этакой, бѣгать сталъ, думай-ка ты Пелагеюшка! — а на мать-ту песь и не глядитъ... Ужъ все клянупса, пса этакова: «будь, молю, ты отъ меня анафема проклятъ! что бы, молю, тебѣ въ тарь-тарарахъ мѣста не было!» такъ ужъ все и говорю...

Пелагея Петровна съ негодованіемъ покачала только головою и немножко усмѣхнулась.

— Ну что ты башкой-ту мотаешь?—продолжала Матрена Семеновна, смотря въ какомъ-то недоумѣніи на Пелагею Петровну: — не такъ, что ли, по твоему дѣлаю? Вѣдь ужъ я, matka, не всегда-де его клянупса... Да ему, псу, ничего и не дѣлается. *Бужельтъ*. вонъ только, точно поросенокъ. Вонъ онъ идетъ,

* Слово *посудовѣлъ*, значитъ все равно, что *потѣшулъ*.

песъ этакой!—продолжала Матрена Семеновна, указывая въ окошко на своего сына, который въ это время проходилъ по улицѣ;—походка-та, вѣдь, у пса ровно барская... вишь какъ ногти разставляетъ... Я тебѣ, песъ этакой!—закричала вдругъ Матрена Семеновна, на Григорья, сильно застучавъ въ окно: — Я тебѣ дамъ! приди у меня только домой-ту!..

— За что же ты теперь на него кричишь?—замѣтила, смѣючись, Пелагея Петровна:—Что онъ тебѣ сдѣлалъ?

— Ну, пеужто ужъ на него и не покричать? Вѣдь я, прости Богъ, не подружка ему какая, а законная мать... А иное дѣло, Петровнушка, вѣдь и жаль пса этакова, здѣсь, вонъ, уѣзжалъ онъ на недѣлю въ деревню, такъ я глазоньки-то всѣ объ немъ проревѣла: «не съѣли бы, молю, его, моего батюшка, волки, али не нападъ бы, молю, на него лихой человекък»... и ночи то не спала, все объ этомъ думала. Тебѣ, вонъ, своего-то Васю видно ни крошечки не жаль. Я бы, кажется, все ревѣла, и глазъ бы, кажется, не осушала, а ты, вопъ, только зубы лупишь...

Пелагея Петровна дѣйствительно засмѣялась отъ души. Такія переходчивыя сужденія Матрены Семеновны развеселили ее окончательно и разсѣяли ея мрачныя думы.

— Да что ты, Палашка, и въ самомъ дѣлѣ все смѣешься?—начала опять Матрена Семеновна, шутливымъ топомъ;—на меня что ли, псовка, все зубы-то скалишь?.. что на мнѣ смѣшинова-то нашла?

— Какъ на тебя не смѣяться-то, на болтушку этакую,—отвѣтила Пелагея Петровна: говорила ты съ три вечера, а слушать нечего; какъ тебя послушаешь, такъ просто съ ума сойдешь... Помнишь-ли ты что наговорила?

— Ничего, Пелагеюшка, не помню, хоть зарѣжь—не помню. Памяти-то у меня ужъ ни крошки нѣтъ; кому, вонъ, что въ долгъ отдамъ—все забуду.

Насчетъ памяти своей Матрена Семеновна сказала неправду: память у нея была самая отличная, только дѣло въ томъ, что Матрена Семеновна имѣла маленькую слабость — по немножку приписывать иногда къ цѣнамъ забраннаго у нея въ долгъ товара; случалось, что съ простенькаго должника она возьметъ за какую нибудь вещь и въ другой разъ. Если же Матрену Семеновну въ этомъ уличали, то она обыкновенно ссылалась всегда на недостатокъ своей памяти.

Надобно замѣтить, что Матрена Семеновна въ это время торговала всякой всячиной: и орѣхами, и пряниками, и мукой, и крупой, и клеємъ, и чаємъ, и дегтемъ, и купороснымъ масломъ, и мочальными шлеями, и вѣшниками, да и Богъ знаетъ чѣмъ только она не торговала. Въ послѣднее время появились у нея въ продажѣ три приступка изъ какой-то старой лѣстницы.

Сначала этою торговлею занимался ея большачокъ — Иванъ Миненчъ; и торговалъ-было онъ хорошо, да сталъ немножко зашибаться хмѣлькомъ, а потомъ ужъ и совсѣмъ спился съ круга. По этому случаю Матрена Семеновна забрала къ себѣ въ руки всѣ его капиталы, и принялась распорядиться сама. Теперь они торговали уже въ двой руки вмѣстѣ съ сыномъ Григорьемъ; но капиталомъ завѣдывала все еще Матрена Семеновна; большачокъ же ея проживалъ на праздноѣ уже вакансiв.

Иванъ Миненчъ былъ человекъ весьма неглупый; но подчасъ былъ страшный озорникъ, а особенно *подъ вялую руку*. Золъ онъ былъ до того, что нерѣдко колотился головой объ стѣну. Матрену Семеновну онъ просто презиралъ; но обращался съ ней всегда самымъ тонкимъ и учтивѣйшимъ образомъ, конечно, съ злой иронiей, и иронiя эта въ послѣдствiи времени вошла у него въ привычку, такъ что онъ не могъ уже съ своей супругой иначе и объясняться, какъ только самымъ вѣжливымъ образомъ, и всегда на «вы». Билъ ли онъ когда свою жену, ласкался ли къ пей, — никогда уже не нарушалъ своего обычнаго, вѣжливаго тона. — «Позвольте, сударыня Матрена Семеновна, вамъ въ ушко залепить», скажетъ, бывало, Иванъ Миненчъ, когда найдетъ на него какойнибудь *стихъ* (*), и тутъ же поднесетъ своей супругѣ такого тумака, что та съ ногъ слетитъ.

Въ послѣднее время Матрена Семеновна поддавалась ему рѣдко, а всегда уже вывертывалась у него, и убѣгала. Иванъ Миненчъ побушуетъ немножко безъ нея въ четырехъ стѣнахъ, поколотится объ стѣну головой, да тѣмъ дѣломъ и закончитъ; а ужъ сору изъ избы не вынесетъ.

Случалось, когда Матрена Семеновна возвратится изъ побѣга домой, Иванъ Миненчъ, какъ будто ничего не бывало, пригласитъ ее съ собой спать; но Матрена Семеновна не поддава-

(* Стихъ означаетъ въ простонародiи внезапную мысль, внезапную мысль женою.)

лась уже и на эту удочку, потому что Иванъ Миненчъ однажды чуть было ее не задушилъ тамъ до смерти.

Когда Пелагея Петровна посѣтила Матрену Семеновну, Ивана Миненча не было дома: въ это время онъ постоянно находился въ банѣ. Впрочемъ, Иванъ Миненчъ, при постороннихъ людяхъ былъ также вѣжливъ, и никогда не заводилъ домашнихъ неприятныхъ сценъ.

Матрена Семеновна поставила для Пелагеи Петровны самоваръ, и принялась угощать ее чаемъ. Она предлагала было ей бѣленькаго винца; но Пелагея Петровна отъ бѣленькаго отказалась совершенно.

— Ужь больно, Пелагеюшка, я тебѣ рада, что ты ко мнѣ зашла, право,—заговорила Матрена Семеновна во время чая:— я ужь думала, что ты меня вовсе позабыла. Здѣсь, вонъ, говорятъ, ты бучила; чтобы, матка, меня позвать платье-то помыть?... Богъ съ тобой, Пелагеюшка! горда ужь больно стала... Когда избу-ту станете мыть-то?

— Да на этой недѣли собираемся,—отвѣтила Пелагея Петровна.

— Петъ никого же у меня не зови! я одна вымою, а не то и знаться съ тобой не стану! вотъ что. Я было все собиралась къ тебѣ придти, да соръ съ двора свозить; вѣдь у васъ, вонъ, на дворѣ-то чортъ ногу переломить, другой-то и не выворотить; да поди-моль съ ней свяжись...

— Полнотко, Матрена! ну хорошее ли, матка, дѣло тебѣ соръ возить? вѣдь, ты не мужикъ... Сосѣди-то, матка, увидятъ, такъ насмѣются...

-- Ночью, Петровнушкѣ, свожу, никто не увидитъ, только вели,—перебила ее Матрена Семеновна.—А другое дѣло, хоть и увидятъ, такъ чортъ съ ними, не ихъ добро-то вожу...

— Да мнѣ, пожалуй, вози, Богъ съ тобой! вѣдь мнѣ не жалъ,—сказала, смѣячись, Пелагея Петровна.

Такимъ образомъ Матрена Семеновна взялась у Пелагеи Петровны и избу къ празднику вымыть, и свозить со двора соръ.

Не успѣли онѣ кончить чай, какъ дверь въ горницу съ шумомъ отворилась, и въ дверяхъ показался Иванъ Миненчъ, который, какъ видно, былъ уже зѣло шумень.

Это былъ широкоплечій мужчина лѣтъ въ 40, съ умною, но злою физиономіей.

— Ничего-съ!... не беспокойтесь-съ!.. произнесъ Иванъ Миненчъ, приостановившись немножко въ дверяхъ.—Пелагеѣ Пет-

ровѣ мое надглубочайшее почтеніе-съ! прибавилъ онъ, войдя въ горницу, и обращаясь къ Пелагеѣ Петровнѣ съ поклономъ.— Таково же-съ и вамъ, сударыня Матрена Семеновна... только немножечко того-съ... и Иванъ Миневичъ вѣжливо поклонился и Матрисиъ Семеновнѣ.

Онъ пилъ хоть и много, но въ рѣчахъ былъ всегда довольно твердъ и чрезвычайно крѣпокъ на ногахъ.

— Что, пьяница, опять нализался?!—закричала на него Матрена Семеновна, съ гнѣвомъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, сударыня Матрена Семеновна,—отвѣтилъ вѣжливо Иванъ Миневичъ, принявъ самую почтительную позу: въ ошибку, сударыня, изволили впасть.

Иванъ Миневичъ никогда не сознавался, что онъ пьяница, по этому случаю, онъ старался напиваться украдкой, для чего и воровалъ всегда тихонько различныя домашнія вещи и пропивалъ ихъ въ кабакѣ.

— Полно, пьяница!—продолжала Матрена Семеновна, посмотрѣвъ на харю-то свою; вѣдь ужъ она у тебя съ вина-то опухла, лопнуть хочеть,—проеецъ ты этакой!..

— Не безпокойтесь, сударыня Матрена Семеновна. Товаръ тяжкой, полагаю такъ, что нескоро еще лопнетъ.—отвѣчалъ Иванъ Миневичъ и спокойнѣйшимъ образомъ обвелъ лицо рукой.

Пелагея Петровна засмѣялась.

— Нельзя ли, сударыня Матрена Семеновна, снабдить меня чашечкой чайкомъ?—продолжалъ Иванъ Миневичъ, протягивая къ жещъ вѣжливо чашку.

— Выторговалъ ли, пьяница, на чай-то?—заговорила съ гнѣвомъ Матрена Семеновна.

— Коммерція, сударыня въ рудѣ Божіей и вашей! Вы сами этимъ изволите завѣдывать-съ; стало быть, для васъ это виднѣе-съ... А мнѣ только пожалуйста чашечку чайку-съ.

— Съ нынѣшней-то торговлей на соль не выторгуешь, а не то что на чай. Посмотри-ка, пьяница, много ли въ лавкѣ то товару-ту осталось?..

— По слухамъ-съ товару въ вашихъ магазинахъ не убываетъ, а прибываетъ. Говорятъ, у васъ на дняхъ приступочки въ продажу поступили, да вѣнички. Стало быть, сударыня, коммерція ваша пошла шире. По этому случаю, ужъ пожалуйста мнѣ чашку чайку, какъ вамъ угодно.

— Налей, матка, ему, что ты,—замѣтила въ свою очередь

Пелагея Петровна:—А вы ужь другъ дружкѣ немножечко снисходите, такъ и будетъ все хорошо; не за всякой ужь мухой съ обухомъ...

— Хорошо тебѣ, Пелагея, говорить-то, какъ своего-то большака отправля на тотъ свѣтъ,—перебила ее съ азартомъ Матрена Семеновна:—теперь, вотъ, барыней живешь, а какъ пожила бы, вотъ, съ этакимъ-то чортомъ!—На, вотъ, пьяница, трескай! чтобы тебя розлопало!.. съ послѣднимъ словомъ Матрена Семеновна сердито пхнула Ивану Миненчу чашку чаю.

Иванъ Миненчъ, принимая отъ нея чашку, скоркнулъ немножко зубами.

Пелагея Петровна съ негодованіемъ посмотрѣла на Матрену Семеновну и глубоко вздохнула.

— Не испытала еще, дружочекъ, какова вдовья-то жизнь,— произнесла она съ грустію:— а какъ испытаешь, такъ можетъ и не то заговоришь.

— А я, Петровнушка, все завидую тебѣ, право, завидую. Экое, молъ, ей житье какое, посидѣлъ бы, молъ, на вдовьемъ-ту стулѣ, право! А вѣдь, поди, чай, Петровна, послѣ-то и жаль стало?.. Чай, когда-нибудь и вспомнишь тоже?... Я, дѣвушка, такъ больно жаллива, страхъ какъ жаллива!.. Имъ, проклятикамъ, вѣдь, насъ такъ-ту не жаль, какъ мы ихъ жалѣемъ,— и Матрена Семеновна отъ души захохотала. Она не прочь уже была и помириться съ своимъ супругомъ, но тотъ что-то сурово на нее смотрѣлъ.

— Ну, что ты зѣнки-то на меня выпучилъ?—продолжала она весело, обращаясь къ своему супругу:—не правду, что ли, говорю, ахидъ?

— Вы, сударыня Матрена Семеновна, всегда справедливо изволите выражаться,—отвѣтилъ Иванъ Миненчъ.—Умную вашу рѣчь пріятно и слышать; а еще было бы пріятнѣе, еслибы вы, сударыня, рыло то ваше позаткнули маленько, хоть на малъ часть.

— Полно, пьяница,—заорала опять Матрена Семеновна;— глаза-то бы на тебя не глядѣли, на пьяницу!

— Такъ не прикажете ли выйти, сударыня Матрена Семеновна?

— Поди, хоть провались куда-нибудь!—отвѣтила Матрена Семеновна, махнувши рукою.

— Слушаю, сударыня Матрена Семеновна.. Прощенія про-

щенія просимъ, сударыня; за пріятное угощеніе покорно вась благодарю-сь... и Иванъ Миненчъ, раскланявшись съ Матреной Семеновной и Пелагеей Петровной, вышелъ вонъ. Въ сѣнахъ онъ сдернулъ со стѣны какой-то сарафанъ, и поспѣшно отправился съ нимъ въ кабакъ.

По уходѣ Ивана Миненча, Пелагея Петровна сдѣлала нѣсколько замѣчаній Матренѣ Семеновнѣ, что она обходится съ мужемъ слишкомъ неприлично, и что раздражаетъ его каждую минуту безъ всякаго дѣла.

— Еще онъ у тебя переносчивъ, право,—говорила между прочимъ Пелагея Петровна: — другой бы, матушка, за этакія-то слова и зазвонную далъ.

— Да, вѣдь, какъ тебя бы не было, Пелагеюшка, такъ ужъ онъ давно бы, матушка, меня приколотилъ. Ужѣ, вотъ, какъ не убѣгу, такъ въ улокъ притаскаетъ,—мѣстечка живого не оставить. Только при людяхъ-ту, вѣдь, я и царствую надъ нимъ, надъ псомъ; а послѣ-то все выместить, словечка не забудеть... Больно ужъ, разбойникъ, памятливъ.

Пелагея Петровна насмѣшливо улыбнулась.

— Зачѣмъ же ты его при людяхъ-то, глупая этакая, раздражаешь?—проговорила она вслухъ:—вѣдь, ужъ, видно плеть обуха не перешибеть...

— А сама-то лучше, что ли, съ своимъ-ту покойникомъ дѣлала? — отвѣтила съ сердцемъ Матрена Семеновна; — на себя-то, Пелагеюшка, оглянись! вѣдь, я все это отъ тебя же и переняла, самой-ту бы и въ голову-ту не пришло.

Раздосадованная немножко этимъ упрекомъ, Пелагея Петровна, что-то было ей на это возразила, но наша Матрена Семеновна и полѣзла въ гору: перебрала всѣхъ и живыхъ, и мертвыхъ; и еслибы Пелагея Петровна передъ прощаньемъ не пригласила ее свозить со двора соръ, такъ она, навѣрное бы, съ ней разбранилась; ну, а тутъ онѣ разстались мирно.

Возвращаясь домой, Пелагея Петровна, опять вспомнила своего сына Васеньку и глубоко о немъ вздохнула. Последнія, шумныя его распоряженія, насчетъ приготовленія расшивы къ славу, крайне ей понравились, и потому она въ душѣ своей примирилась съ нимъ окончательно. Напротивъ того, все свое негодованіе обратила на Николю, который какъ-то странно и равнодушно смотрѣлъ на всю эту суматоху, даже на краси-

цу расшиву и почему-то не находилъ въ этомъ никакого для себя наслажденія.

VIII.

НЕСЧАСТІЕ.

Въ 183... году было страшное мелководіе: многіе, не слышавъ мелководныя суда, захватяло еще ниже Казани. Расшива Василья Ивановича сплыла благополучно до мѣста, нагрузилась, потомъ попала въ низовые вѣтра и выбѣжала дальше Казани. Такъ какъ она была весьма легка на ходу, то далеко оставила назади весь самарскій караванъ судовъ, даже много обходила уже маинскихъ судовъ. Василій Ивановичъ торжествовалъ: — «эй маята, прочь съ дороги»; кричалъ онъ на маинскія суда, насмѣхаясь надъ ними съ гордою величавостію.

— Погоди, расквасишь посъ-отъ! отвѣчали съ досадою съ маинскихъ судовъ. Этою фразою намекали они, что ему безъ паузка не миновать; что расшива его на какомъ нибудь перекаатѣ, ткнется носомъ въ песокъ.

— Посмотримъ, кто сперва расквасить, отвѣчалъ самонадѣянно Василій Ивановичъ.

Предсказаніе маинскихъ оправдалось; судно Василья Ивановича начало поприхватывать. На одномъ перекаатѣ едва-едва перетерлись на шиили; къ другому перекаату только подошли, попробовали неможно, да болѣе не стали и работать.

— Хозяинъ! время-то тянуть печего—давай паузокъ! закричали бурлаки: а не то мы завтра же котомки на плеча, да и маршъ.

Бурлаки угрожали разбѣжаться.

Во время хозяйской невзгоды они свирѣпствуютъ страшнымъ образомъ. Къ хозяйской бѣдѣ нѣтъ у нихъ никакого сочувствія. Впрочемъ, надобно сказать правду, что и хозяева не много сочувствуютъ бурлацкой бѣдѣ. Постороннее бѣдствіе кажется нисколько не тревожить ни того ни другого.

— Богъ дастъ, ребята, попробуемъ хорошенько, можетъ быть, и пройдемъ безъ паузка, отвѣтилъ, присмирѣвъ, Василій Ивановичъ. — Здѣсь бы только пройти, а тамъ, говорятъ, на всѣхъ перекаатахъ глубина странная. До Нижняго-то, можетъ быть, и не паузясь, дойдемъ; а въ Нижнемъ какъ понадобится, такъ найдемъ—дѣшкать не станемъ. Я, вѣдь, это васъ же жалѣючи голо-

ря, чтобы напрасно, значитъ, не проломаться нынче для рабочаго человѣка день дорогъ...

— Мелкимъ-ту бѣсомъ, Василій Иванычъ, ты не вертись, — закричали бурлаки; — жалѣть-то насъ нечего; намъ теперь паузокъ-отъ давай! а въ Нижномъ-ту наймешь и другой; расшиву-ту, можетъ быть, нынче и въ кулекъ сложишь. Зайцевъ-отъ, вотъ, и пошире тебя въ полахъ-то былъ, да и тотъ съ мелководнаго-то года по міру пошолъ... Мы, братъ, на каждомъ перекатѣ стоять или на шпеляхъ перетираться не станемъ, прямо тебѣ говоримъ... Народу-ту, такой сякой, не додагъ, да еще и за паузкомъ-то вотъ продайся!..

Василій Ивановичъ, изъ видовъ экономіи, дѣйствительно не додагъ 2-хъ человѣкъ въ число полного комплекта, чѣмъ чрезвычайно озлобилъ всѣхъ бурлаковъ.

— Я думаю, ребята, идемъ, не отстаемъ отъ другихъ, — возразилъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ Василій Ивановичъ. — Не бось не шишляемся. Есть-ли впереди-то насъ изъ самарскихъ-ту хоть одна расшива?

— Это, братъ, насъ ужъ Богъ вынесъ, да наши плеча, а не ты. Вѣтромъ-то, вѣдь, и дуракъ умѣетъ бѣжать-то... А ты коли шишляться-то не любишь, такъ и не шишляйся, давай, вотъ, паузокъ-отъ поскорѣе.

— Да гдѣ же его теперь возьмешь?.. заговорилъ было Василій Иванычъ.

— Гдѣ хочешь бери! закричала вся артель, а не то мы уйдемъ, говоримъ тебѣ толкомъ.

Василью Ивановичу хотѣлось попробовать, что нельзя ли будетъ на этомъ перекатѣ перетереться на шпели и идти дальше до слѣдующаго переката: «а той порой, думалъ Василій Ивановичъ въ свое утѣшеніе, — не прибудетъ ли вода и не допустить ли ихъ дойти по крайней мѣрѣ до Нижняго», гдѣ онъ надѣялся нанять паузокъ дешевле.» Но бурлаки не хотѣли трогаться и съ мѣста, а настоятельно требовали тутъ-же паузка.

— Да вѣдь вода-то, ребяташки, кажется, прибывать начала, присовокупилъ Василій Ивановичъ, обманывая впрочемъ и себя и бурлаковъ: — до Нижняго-то, Богъ дастъ, дойдемъ безъ паузка, а тамъ увидимъ...

— Ты насъ не морочь, вода-то не прибываетъ, а убываетъ, — кричали бурлаки: — мы вчерась уже замѣчали, черезъ ночь

убыло почти на вершокъ и сегодня замѣтили — вонъ мѣтка-то! видишь?..

Тутъ бурлаки показали хозяину мѣтку.

— Завтра, братъ, посмотримъ прибудеть ли, — продолжали бурлаки: — прибудеть — попробуемъ идти черезъ перекать, а не прибудеть — съ мѣста не тронемся, говоримъ тебѣ прямо. При порядѣ-то говорилъ, что девять четвертей; а она, вонъ, на одиннадцати четвертяхъ трется. У тебя вездѣ все выдумка-то плутская...

Василій Ивановичъ не возразилъ ни слова, а представился, что онъ будто не разслушалъ, о чемъ ему говорилъ бурлаки.

— Хозяинъ, ступай ужинать! щи простынуть, вскричалъ Данило Верея.

— Ужинайте, братцы; я не хочу, отвѣтилъ смиренно Василій Ивановичъ.

— На хлѣбъ-отъ сердиться нечего, хлѣбъ не виновать, — продолжалъ Данило; но Василій Ивановичъ все-таки ужинать не сѣлъ.

Сочувствуя хозяйской бѣдѣ, лоцманъ и водоливъ увели хозяина въ казенку для того, чтобы посоветоваться съ нимъ, какъ сдѣлать получше.

— На свѣтъ-отъ бы не глядѣлъ, Василій Ивановичъ, началъ водоливъ самымъ заботливымъ тономъ: — мы ужъ здѣсь съ дядей-ту * вотъ пытали *сакать*. ** И такъ-ту, и сякъ-ту подумаешь... инды въ горлѣ пересохло, — кусокъ въ глотку нейдетъ, право такъ!.. Нѣтъ ли, пожалуйста, Василій Ивановичъ, по стаканчику випца?

Василій Ивановичъ не отказалъ.

Выпивъ по стакану вина, лоцманъ и водоливъ вздохнули о хозяйскомъ горѣ, потоптались немножко на одномъ мѣстѣ и вышли вонъ изъ казенки ужинать; но особенно полезнаго совѣта какъ-то у нихъ не состоялось.

Хозяинъ и бурлаки положили подождать до утра и удостовѣриться насчетъ прибыли или убыли воды.

Василій Ивановичъ не спалъ всю ночь, все караулил мѣтку; бурлаки въ свою очередь тоже приставили къ мѣткѣ своего караульщика.

* Т. е. съ лоцманомъ, котораго вообще называютъ въ разшивѣ дядей.

** Толковать разсуждать.

На другой день оказалось, что вода хоть самую малость, но все-таки убываетъ.

Бурлаки всё въ одинъ голосъ заорали, чтобы хозяинъ сейчасъ же отправлялся за паузкомъ, а имъ, за простой, положилъ по 30 коп. на человѣка въ сутки. Василій Ивановичъ сталъ было что-то имъ возражать; но Данило Верея въ одну минуту уложилъ свою котомку и постельку, взвалилъ ихъ на плеча и поплъзъ съ расшивы долой.

— Коли не дасть ничего за простой, ребята, такъ маршъ на берегъ!—вскричалъ Данило повелигельно, усаживаясь въ лодку.

Бурлаки заторможились и также стали укладывать свои постельки.

Хотя, по праву законному, бурлаки, за побѣгъ съ расшивы подвергались отвѣтственности; но на эту отвѣтственность они не смотрѣли, а надѣялись какъ нибудь отъ нея отдѣлаться.

Дѣлать было нечего; чтобы остановить разсвирѣпѣвшихъ бурлаковъ на расшивѣ, надобно было согласиться на ихъ требованіе, тѣмъ болѣе, что требованіе это было совершенно законное.

По уставу судоходному дѣйствительно положено бурлакамъ получать съ хозяина простойныя деньги по 30 коп. въ сутки, на каждого человѣка.

Съ величайшею злостью и досадою Василій Ивановичъ далъ бурлакамъ письменное обязательство въ уплатѣ имъ, при раздѣлѣ, простойныхъ денегъ, сколько причтется. Получивъ съ хозяина сказанную подписку, бурлаки немножко успокоились; но все таки протурили его за паузкомъ, потому что лѣтній день считали они дороже 30 коп. Впрочемъ, Василій Ивановичъ и самъ видѣлъ, что безъ паузка дѣло не обойдется.

Мрачный и унылый походилъ онъ немного по расшивѣ, махнулъ на все рукой и отправился на лодкѣ впередъ, искать паузка.

Не болѣе какъ на 7 верстахъ попалась ему барка, весьма удобная для паузка; но Василій Ивановичъ съ хозяиномъ барки не сошелся въ цѣнѣ. Онъ полагалъ встрѣтить другую, подходящую посудинку; но такой посудинки, на грѣхъ, не попадалось. На третій уже день попалась ему другая, не слишкомъ удобная барка, за которую, однако же, просили прокату болѣе нежели за первую. Василій Ивановичъ съ досады не зналъ, что и дѣлать. Какъ ни убѣждалъ онъ хозяина барки взять по крайней мѣрѣ ту же цѣну, какую просили съ него за первую барку, но

хозяинъ не сдѣлался ни на какія убѣжденія, а какъ запросилъ, такъ и не выступилъ ни одной копѣйки.

Дѣлать было нечего; Василій Ивановичъ принужденъ былъ дать за паузокъ ту цѣну, которую съ него просили. За то удалось ему чрезвычайно выгодно нанять рабочихъ какъ для сплавки барки къ судну, такъ равно и въ прибавокъ къ артели, потому что къ паузку всегда уже прибавляется нѣсколько человѣкъ рабочихъ.

Распорядившись такимъ образомъ, Василій Ивановичъ далъ хозяину барки 100 руб. задатку и отправился на расшиву, съ намѣреніемъ послать на встрѣчу барки еще нѣсколько человѣкъ рабочихъ. Оказалось, что когда бурлаки увидѣли, что мимо нихъ проплыла хорошая барка, весьма удобная для паузка, которую хозяинъ почему-то не нанялъ, то не стали болѣе дожидать его и всѣ до одного разбѣжались; на расшивѣ остались только одинъ лоцманъ да водоливъ, да тѣ бурлаки, которые ѣздили за паузкомъ. Василій Ивановичъ совершенно упалъ духомъ. Растерянный и разстроенный, онъ снова отправился на барку, по крайней мѣрѣ поспѣшить ея сплавомъ; но тутъ встрѣтила его новая бѣда. Бурлаки, которыхъ Василій Ивановичъ нанялъ для сплава барки и для прибавки къ артели, сообразивши, что они порядились слишкомъ дешево, оставили барку и тоже разбѣжались; на баркѣ остался только одинъ хозяинъ и прежніе его сплавщики.

Василій Ивановичъ сдѣлался, какъ шальной. Кромѣ невозвратныхъ убытковъ, которые, по разстройству своему, онъ не могъ уже и сообразить, его тревожило много другихъ обстоятельствъ. Во первыхъ, терзало его чувство убитаго самолюбія, что онъ, бойкій и расторопный человѣкъ, какъ будто не могъ уже сладить съ паузкомъ; во вторыхъ, онъ боялся строгихъ упрековъ и ругательства Целаген Петровны. Тутъ же, какъ на бѣду, совершенно неожиданно, присѣла новая неприятность: вода въ Волгѣ начала вдругъ прибывать — паузка не понадобилась. Расшивы, имѣвшіе одинаковую осадку въ водѣ, пришли черезъ перекать безъ паузка. Казалось бы это благопріятствовало выгодамъ и Василія Ивановича; но онъ смотрѣлъ на это иначе. Онъ рвался и досадовалъ на то, что другія суда прошли черезъ перекать безъ всякой траты, между тѣмъ какъ у него и бурлаки разбѣжались, да и за паузокъ было отдано задатку 100 руб., которые должны были пропасть. Къ довершенію же несчастія любезный

братецъ Проша также прогололъ, не паузаясь. Увидѣвъ Василія Ивановича, Проша никакъ не вытерпѣлъ, чтобы не посмѣяться злобно надъ его несчастіемъ. — Али потелдаться расшивка-то зикотѣла?—вскричалъ Проша съ язвительной насмѣшкой? — А бурлаковъ—ту собирать, что ли, послалъ?.. Василій Ивановичъ не отвѣтилъ уже ничего, а только съ досады, в почти со слезами на глазахъ, плюнулъ въ воздухъ, по направленію къ Прошѣ.

Всѣ эти обстоятельства, въ совокупности взятая, сокрущили молодого человѣка окончательно и убили въ немъ послѣднюю силу духа. Подъ вліяніемъ мрачныхъ думъ, онъ долго ходилъ, повѣся голову, взадъ и впередъ по далубѣ барки и что-то думать; нѣсколько разъ обращался къ хозяину барки съ требованіемъ отъ него задатка, но тотъ отказалъ ему въ этомъ наотрѣзъ.

— Хоть половину-ту ужъ, братецъ ты мой, выдай,—просилъ злобно Василій Ивановичъ; — видишь, что бѣда человѣку пришла; пожалѣй, значить, хоть немножко!..

— Какъ при церкви, любезный, жить, да по всякомъ покойникѣ выть, такъ и слезъ не напасешься,—отвѣтилъ насмѣшливо хозяинъ.

Василій Ивановичъ не выдержалъ. Онъ сѣлъ на порыскъ, облокотился руками на колѣни, и, по малодушію своему, заплакалъ.

Долго сидѣлъ онъ, повѣся голову и по временамъ что-то про себя шепталъ. Потомъ всталъ на ноги, посмотрѣлъ какимъ-то дикимъ и отчаяннымъ взглядомъ на всѣ стороны и полѣзъ въ мурью.

— Что же хозяинъ? вѣхать надо; пробѣдаться-то здѣсь нечего, заговорили бурлаки, которые пріѣхали съ расшивы.

— Да вотъ, ребяташки, отдохну немножко, что-то къ сердцу привалило,—отвѣтилъ угрюмо Василій Ивановичъ, слѣзая въ мурью. — Сейчасъ вотъ и поѣдемъ, дѣлать здѣсь нечего.

Бурлаки давно уже замѣчали, что хозяинъ смотритъ быкомъ, и что въ головѣ у него что нибудь да неладно, и потому начали слѣдить за нимъ.

Немного погода одинъ бурлакъ тоже отправился въ мурью отдохнуть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и посмотрѣть за хозяиномъ.

Только что сошелъ онъ внизъ и окинулъ взглядомъ внутренность барки, какъ благимъ матомъ закричалъ: «караулъ!»

— Караулъ! батюшки, неладно!.. кричалъ бурлакъ неистовымъ голосомъ.

Всѣ торопливо сбѣжали въ мурью, взглянули туда, куда указывалъ первый бурлакъ и въ страшномъ испугѣ всплеснули руками. Несчастный Василій Ивановичъ висѣлъ въ мертвой петлѣ. Онъ должно быть только что успѣлъ повѣситься, потому что былъ живъ и, какъ видно, не потерялъ еще чувства самосознанія. Въ страшныхъ предсмертныхъ мученіяхъ, онъ бился руками и ногами, и силился сорвать съ себя мертвую петлю; но мертвая петля потому и называется мертвою, что сорвать ее невозможно.

На другой день произведено было слѣдствіе. Хозяина барки, какъ водится, притянули къ дѣлу, и сорвали съ него сто рублевиковъ съ хвостикомъ: Шкиркѣ тоже не посчастливилось: на допросахъ онъ проболтался, показалъ, что можно было Василя Ивановича спасти.

— Такъ зачѣмъ же ты, мошенникъ этакой, не спасалъ, а? — заоралъ на него слѣдопроизводитель, неистово затопавъ ногами.

Шкирька растерялся, со-страху началъ показывать совсѣмъ другое и его, за разнорѣчивыя показанія, засадили въ острогъ.

III. Зарубинъ.

ЭКОНОМКА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

VIII.

Съ самодовольнымъ видомъ сидѣлъ Ясняга въ своей квартирѣ, когда къ нему вошелъ голова, Павелъ Ивановъ.

— Здравствуйте, Федоръ Осиповичъ!—сказалъ голова.

— Здравствуйте, Павелъ Ивановичъ, здравствуйте,—говорилъ Ясняга, подавая важно руку головѣ. Прощу покорно садиться.

— Съ новою должностію я зашелъ поздравить. Дай Богъ намъ съ честію, да въ добромъ здоровьѣ проходить ее!—говорилъ голова, присѣдая на стулъ.

— Покорно васъ благодарю-съ; веселья-то только отъ этого нашему брату что-то мало.

— Что же такъ-съ?

— Очень трудно. Покойный Никита Федоровичъ не мнѣ былъ чета в служилъ сколько лѣтъ, а чѣмъ покончилъ?

— Все, вѣдь, это для него изъ этого неудовольствія вышло... началъ голова и замылся на послѣднемъ словѣ.

— Съ Настасьи Федоровны, извѣстно, — докончилъ за него Ясняга.

— И что ему тогда это вздумалось?.. Отчего бы и не уголить было ей?

— Слишкомъ понадѣялся на себя, да на расположеніе барина, ахъ вѣжо такъ, что плетью, видно, обуха не перешибель.

— Что мнѣ дѣлать съ его сынишкомъ Васюткой—не знаю,—провзнесъ голова, какъ бы въ видѣ вопроса.

— Возьмите его къ себѣ. Вамъ не грѣшно сдѣлать доброе дѣло; покойникъ-то былъ съ вами пріятель.

— Куда мнѣ взять, помилуйте, своя семья большая. Лучше ужъ если такъ теперь, такъ отдать его Трофиму Нѣкшинскому. Онъ мужикъ зажиточный; ему и цайка давать не нужно.

— Въ самомъ дѣлѣ. Баринъ на дняхъ еще вспоминалъ Трофима и хвалилъ его,—сказалъ Ясныга съ важностью.

— Баринъ, значить, какъ былъ въ Нѣкшинѣ, такъ видѣлъ его.

— Да... мы вмѣстѣ ѣхали, баринъ въ кабриолеткѣ, а я верхомя... Пашутка Степанова полетѣть въ огородъ у самой дороги, да такъ и распѣваетъ пѣсни. Баринъ ошолохъ съ лошади, подошелъ къ Пашуткѣ да и говоритъ: «Богъ помощь красавица!» Она, видно, не слыхала, какъ мы подъѣхали, взглянула на барина, да и оторопѣла. «Чья ты?» спросилъ тотъ. «Изъ десятаго номера» отвѣтила, оправившись, Пашутка. «Какъ тебя зовутъ красавица,» говоритъ баринъ, а самъ треплетъ ее рукою легонько по щекѣ. «Пашей,» отвѣтила она. «Хорошее имячко.» «Ужъ какое пощъ далъ, отвѣтила Пашутка, дѣвка боѣ! Баринъ усмѣхнулся и все время, какъ былъ въ Нѣкшинѣ, былъ превеселый. Вотъ пріѣхалъ домой, да и говоритъ Настасѣ Федоровнѣ, что въ Нѣкшинѣ видѣлъ прехорошенькую и преумную дѣвушку. А Настасья Федоровна призвала меня и спрашиваетъ: «чью дѣвушку видѣлъ баринъ въ Нѣкшинѣ?» Я сказалъ чью. Ну, «говорить она, когда она понравилась барину, такъ я возьму ее къ себѣ въ горничныя.»

— А Луневу Анютку онъ видѣлъ?

— Нѣтъ, да.....

Въ это время вбѣжала въ комнату, запыхавшись, Степанида.

— Что тебѣ надо?—спросилъ сердито Ясныга.

— Я мыла на рѣкѣ, да увидала, что наной-то баринъ ѣдетъ къ намъ, такъ пришла доложить вамъ,—отвѣчала оторопѣвшая Степанида.

— Тебѣ-то что за дѣло? Ступай въ свое мѣсто,—строго сказалъ Ясныга.

Степанида ушла.

— До пріятнаго свиданія,—заговорилъ голова, вставая съ своего мѣста.

— Куда вы торопитесь? Посидите!

— Можеть вамъ надобно идти встрѣтить.

— Скажутъ, когда нужно будетъ, уопѣю.

Однакоголова всталъ и ушолъ. Проводивши его, Ясняга понолъ въ садъ, гдѣ за грунтовыми сараями встрѣтилъ Степаниду.

— Не сердись, моя кралячка, что я прикрикнулъ на тебя сейчасъ. Видишь ты какая неосторожная; ну, можно ли такъ дѣлать? — сказалъ ласково Ясняга.

— Да, — отвѣчала съ обидой Степанида, — я дѣлала отъ усердія; а ты ругаешься.

— Не сердись же, моя кралячка! Ты видѣла, кто былъ у меня. Ты бо хоть поостереглась маленько..... Послушала бы, нѣтъ ли кого у меня.

— Ты самъ мнѣ не велѣлъ подслушивать... Прощай-но однако!.. меня чертовка-то дожидается.

— Прощай, прощай! проговорилъ ей въ слѣдъ Ясняга.

Степанида пришла въ домъ, прокралась къ гостиницѣ, посмотрѣла въ замочную скважину и приложила ухо къ двери.

Настасья ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Глаза ея были заплаканы; она безпрестанно грызла ногти и, казалось, была въ сильно тревожномъ состояніи духа.

— Степка, Степка! крикнула она нѣсколько разъ, замѣтно думая о другомъ.

Та предстала.

— Гдѣ Ясняга, спросила Настасья.

— Федоръ Осиповичъ?

— Ну, да!

— Должно быть у себя-съ.

— Поди позови его скорѣй.

Черезъ нѣсколько минутъ Ясняга явился.

— Есть у тебя деньги?—спросила Настасья.

Ясняга пошарилъ въ карманѣ жилета, вытащилъ оттуда два четвертака и, подавая Настасьѣ, проговорилъ:—только всего и осталось отъ жалованья.

— Убирайся ты къ чорту съ этими своими деньгами. Сколько у тебя бариновыхъ?

— Въ кассѣ двѣ тысячи.

— Дай мнѣ тысячу?

— Да какъ же это такъ?

— Не разсуждать!

— Вѣдь объ нихъ, сударыня Настасья Федоровна, я отчетъ долженъ барину отдать?

— Ну, это когда еще потребуютъ.

— Баринъ послѣ завтра домой будутъ.

— Безъ разсужденій. Это мое дѣло.

Ясняя пожалъ плечами и пошолъ въ контору. Настасья послѣдовала за нимъ. Тамъ онъ изъ конторки вынулъ тысячу рублей и подалъ ей. Она проворно взяла деньги въ карманъ и ушла къ себѣ.

— Теперь ты у меня, бестія эдакая, не вывернешься! — проговорилъ ей въ слѣдъ Ясняя. Настасья между тѣмъ, возвратившись домой, часа полтора по крайней мѣрѣ писала длинное предлинное письмо.

«Такъ какъ ты теперичи душенька мой Жакъ, писала она; въ своемъ несчастіи находишься, потерявши проклятые казенные деньги, чѣмъ меня не малое удивленіе привелъ и причинилъ мнѣ тѣмъ великое огорченіе, такъ что я можетъ быть теперь нахожусь разсудку лишившись, и тѣмъ самымъ чтобы утѣшить твои и свои горести, я взяла почестъ воровски уже барскихъ денегъ, кои къ тебѣ и посылаю, такъ какъ вся моя жизнь супротивъ твоего счастья ничего для меня не стоитъ; только обвинять и прижимать тебя къ груди своей денно и ночно я желаю и посылая тебѣ миліонъ поцѣлуевъ остаюсь по гробъ обвиняющая тебя.

Н.—

Письмо это на конвертѣ было адресовано Верстовскому и отправлено въ Петербургъ.

IX.

Баринъ вернулся домой и отдалъ приказаніе, чтобы какъ на мызѣ, такъ и по всей вотчинѣ все приведено было въ порядокъ, потому что къ нему обѣщали пріѣхать въ гости одинъ богатый сосѣдъ, которому онъ хотѣлъ показать свое хозяйство во всемъ блескѣ. Поднялась бѣготня всюду. Нѣмцы отправились осматривать дома крестьянъ, дороги и поля и приводить все въ порядокъ. На мызѣ поднялась такая чистота, что на площадяхъ и дорожкахъ не только выщипали травку, но даже подобрали мелкія соринки и камешки. Настасья Федоровна съ Яснейгой смотрѣли, какъ убирали и чистили комнаты и повѣрля провзцію въ

кладовыхъ. Неподалеку отъ дома Настасьи два мужика ровняли у тротуара канавку, высланную камнемъ.

— Посмотри-ка, Ефимъ, ровно-ли?—говорилъ одинъ изъ нихъ, постарше своему товарищу, прикидывая ватерпасомъ вдоль канавы.

— Кажись, ладно, дядя Ефремель,—отвѣчалъ товарищъ, поглядѣвши на отвѣсъ.

— Ладно... А вонъ камень-то высунулся изъ ряду. Возьми-ка вмигъ, да положи его поровнѣе.

— Сойдетъ и такъ.

— Сойдетъ, гляди.

— Вѣдь это не плита, гдѣ уровнять! Притесывать, что ли, станешь?

— Тише!.. Глянь-ка какимъ фертомъ рыжій-то чортъ стоитъ на балконѣ;—проговорилъ почти уже шопотомъ первый мужикъ.

— Камердинеромъ сдѣлали, такъ теперь и знать никого не хочеть,—проговорилъ его товарищъ тоже тихо.

— И такой, говорятъ, лютый сталъ, что и Боже упаси,—продолжалъ Ефимъ:—теперь кому нужда до барина—и найди безъ денегъ.

— Что вы тутъ ратозѣйничаете? раздался позади ихъ строгій голосъ и мужики обернулись назадъ. Это проходилъ голова.

— Да мы, Павелъ Ивановичъ, вотъ ватерпасомъ прикидываемъ,—проговорили оба въ одинъ голосъ.

— Ватерпасаномъ прикидываютъ, окаянный народъ!—проговорилъ голова и прошолъ къ Настасьѣ Федоровнѣ. Ея не было дома; вновь взятая горничная, Парасковья, пошла сказать ей. Настасья пришла, поздоровалась съ головой и, отпыхиваясь, сѣла въ кресло.

— Утомились, сударыня, хлопотъ-то вамъ много, — сказалъ голова.

— И не говорите, Павелъ Ивановичъ, дѣла столько, что голова кругомъ идетъ. Да что это вы не садитесь!

Голова продолжалъ переминаясь на мѣстѣ.

— Что вы, по дѣлу, что ли, какому?—продолжала Настасья.

— Да то по дѣлу: рыжій этотъ плугъ, Ясняга, насчитываетъ на меня тысячу рублей. Говорить, что отдалъ мнѣ на дняхъ для уплаты за хлѣбъ, чтó куплено для Сиворскихъ крестьянъ. Я ни гроша не получалъ отъ него.

— Какъ же это такъ?

— Да такъ, сударыня,—въ конецъ разорить хочеть.

— Странно! Не было ли у васъ съ нимъ расчетовъ какихъ нибудь прежде?

— Всѣ счеты, какіе были, сведены съ нимъ и за мною не оставалось ни гроша. Просто грабитель такой, что по-міру отъ него иди. Заступитесь, сударыня, Настасья Федоровна, не дайте напрасно въ обиду.

— Не беспокойтесь, Павелъ Ивановичъ, коли ваше дѣло правое...

— Да съ этимъ плутомъ и правый виноватымъ станешь. Худъ былъ покойникъ, не тѣмъ будь помянуть; а этотъ и сказать не умѣю, какъ худъ.

— Не беспокойтесь, Павелъ Ивановичъ, я постараюсь разузнать все... Ясняга, можетъ быть, какъ нибудь и ошибся.

— Не оставьте, сударыня, вашей милостью, сказалъ голова и вышелъ.

Настасья Федоровна снова отправилась въ домъ смотрѣть, какъ развѣшивали драпировку на двери и окна баринской спальни.

Вошелъ Ясняга. Настасья Федоровна отозвала его въ сторону и въ полголоса стала говорить ему.

— Зачѣмъ ты такъ много насчиталъ на голову?

— А онъ уже успѣлъ вамъ наобедничать на меня?

— Я тебя спрашиваю, отчего ты такъ много насчиталъ на него; вѣдь я тебѣ говорила, чтобы на него показалъ только двѣсти, сказала она строго.

— Остальныя то откуда прикажете взять?

— Какъ откуда? Развѣ я тебѣ не говорила?

— Дождаться этого, сударыня, долго; а баринъ того и гляди станетъ кассу повѣрять.

— Повѣрять онъ не будетъ, теперь не до того. Народу столько найдеть... можно, я думаю, въ расходъ вывести, сколько хочешь... и не этакую сумму.

— Да что вы такъ плута этого жалѣете? Должно быть, онъ казанской сиротой прикинулся. Не вѣрьте ему, сударыня, ни на грошъ... что ни скажетъ—все совретъ, загривенникъ побожиться радъ.

Настасья хотѣла было ему на то возразить; но въ то время вошелъ въ комнату лакей и позвалъ ее къ барину.

Пріѣхалъ гость, пробылъ два дня и остался очень доволенъ всѣмъ, что ему показывали. Осчастливленный его вниманіемъ, помѣщикъ, противъ обыкновенія, сдѣлался ласковъ и снисходительнъ.

теленъ къ окружающимъ его, что, конечно, отразилось и на его челяди. Всѣ были веселы и развязны, дружелюбно обходились между собою, и, какъ будто, вражда и мелкія интриги прекратились.

Для черезъ два вечеромъ къ Настасѣ опять пришолъ голова.

— А, Павелъ Ивановичъ! милости прошу. Я васъ свѣженькимъ чайкомъ поподчю, — говорила она ему ласково; — что у васъ хорошаго?

— Скверныя дѣла пошли.... голова оборвался на послѣднемъ словѣ, потому что дѣвушки въ это время внесли самоваръ.

Настасья Федоровна встала и пошла въ дѣвичью, чтобы выслать ихъ, для безопасности.

— Кто это лежитъ тамъ въ углу? — спросила Настасья Федоровна.

— Степанида захворала, жалуется, что ее животомъ замучило, — отвѣтила Парасковья.

Настасья Федоровна подошла посмотрѣть больную, но та спала крѣпкимъ сномъ, даже по временамъ всхрапывала.

— Ну, пусть дрыхнетъ, а вы ступайте на кухню: ты, Пашутка, сдѣлай мнѣ миндального молока, да смотри, хорошенько вытолки миндаль. Дунька пусть чиститъ мою мѣдную посуду, а ты, Малашка, выстирай мнѣ это платье, — сказала Настасья Федоровна и, увѣренная, что никто ихъ не подслушаетъ, пошла толковать съ головой.

— Что такое случилось, Павелъ Ивановичъ? — спросила она, начавъ разливать чай.

— Скверные порядки заводитъ этотъ Ясняга, — началъ тотъ.

— Что же такое?

— А вотъ изволите видѣть, — продолжалъ голова, принимая стаканъ чаю отъ Настасьи Федоровны, — когда гость теперь этотъ былъ, плутъ этотъ Ясняга не въ очередь назначилъ караулить лебедой съ Нѣкшина Анютку Луневу.

— Какую это Анютку Луневу?... Помнится мнѣ, что про нее говорили что-то. Ахъ, да! Что же дальше?

— Надобно вамъ сказать, — дѣвушка смазливая, особливо этакъ на барскій вкусъ.

— Вотъ что... проворчала, прикусывая губы, Настасья.

— И такой то разбестія этотъ Ясняга, — продолжалъ голова, прилебывая чай съ блюда, — когда пошли вечеромъ гулять по саду баринъ съ гостемъ, онъ возьми да и забѣги впередъ, да и

поставь Анютку на такое мѣсто, чтобы господа то ее видѣли. Они, какъ ее увидали, такъ и ахнули! очень, значить, имъ она понравилась: постояли съ ней, пошутили.

— Что-жь потомъ?—спросила Настасья; голосъ ея замѣтно начиналъ дрожать.

— Потомъ, извѣстно: Ясняга ее чѣмъ свѣтъ спровадилъ домой; а вечеромъ, гляжу, ее опять наряжаютъ въ караулъ; «какъ такъ?—говорю—она свой чередъ отбыла!» «Баринъ, говоритъ, приказалъ.» Дѣлать нечего послали за ней! Скачетъ оттуда старшина верхомъ. «Нейдетъ, говоритъ, мать и баушка не пускаютъ. Не потрудитесь-ли сами съѣздить: меня они не послушаютъ.» Смотрю, баринъ идетъ по деревнѣ... Я вышелъ къ нему, поздоровался оуъ со мной таково ласково. Дай, думаю спрошу самого: не проврался-ли какъ Ясняга... «Какъ молъ, говорю, ваше сіятельство, насчетъ сегодняшней очереди для лебедей прикажете...» «А развѣ, говоритъ, вамъ Федоръ нечего не говорил?..» А самъ тамъ и съѣсть глазами хочеть... «Говорилъ-съ,» говорю. «Ну такъ, говоритъ, что вамъ сказано, то и дѣлайте.» Я дѣлать неча, запрягъ лошадь и повѣхалъ въ Нѣкшино.

— И не стыдно вамъ, Павелъ Ивановичъ, было это дѣлать? Голова только махнулъ рукой.

— И какого тамъ страму-то набрался, такъ и не вспомнить бы, продолжалъ онъ:—пріѣхалъ въ Нѣкшино-то прямо къ Луню въ избу и говорю, собирайся Анютка на село. Она и говоритъ сквозь зубы: я «не пойду.» И такая-то нравная, что какъ затвердила одно, такъ едва силой ужъ въ телѣгу посадили. Мать-то съ старухой такъ и заголосили. Ну я тоже крикнулъ на нихъ: мать-то унялась, а старуха всю деревню провожала, да словно все по покойникѣ все причитала. Хотѣла было и дальше идти, да я ужъ велѣлъ старшинѣ домой ее тащить. Хорошо, что еще Луня-то не было самого дома, а то и не знаю, что было-бы. Опять это тоже Яснягины штуки. Съ какой-бы-то стати было самому барину назначать Луня ѣхать въ тверское имѣніе.

— Что-же дальше-то было?—перебила съ нетерпѣніемъ Настасья?

— Дальше что было, я ужъ и не умѣю какъ и рассказать вамъ. Ну, просто привели ее въ садъ, сдали Яснягѣ; а тотъ проводилъ ее въ швейцарскій домикъ: и теперь тамъ гостить.

— Вонъ ее мерзавку! сейчасъ вонъ!—закричала въ злости

Настасья Федоровна, вставая съ своего мѣста, и начиная ходить по комнатѣ.

— Нельзя-съ её вонъ, — сказалъ голова.

— Какъ нельзя? Что-же ты слушаться няня не хочешь, — кричала Настасья Федоровна и съ сжатыми кулаками подступила было къ головѣ.

— Да оттого и нельзя, — говорилъ тотъ, отступая отъ нея, — на ней женится Ясняга.

Настасья опустила руки и устремила пылающіе глаза свои на голову. Минутъ пять стояла она неподвижно. Между тѣмъ первые порывы гнѣва ея прошли и она, немного успокоившись, спросила голову: — Что это еще такое?

— А то, что ужъ сама теперь нейдетъ. «Непойду, говорить, домой. Что мнѣ тамъ дѣлать?»

— Эво, извергъ какой! — злобно замѣтила Настасья.

— А разбойникъ то и тутъ нашолся. Что говорила Анютка — барину ничего не сказалъ, а повалился въ ноги и сталъ просить позволенія жениться на ней.

— Что же баринъ?

— Барину это понравилось. «Хорошо, говорить, я, говорить, за это тебя никогда не оставляю.» Отцомъ даже благословеннымъ обѣщаль быть.

— Ну, пусть его женится, — злобно сказала Настасья Федоровна.

Голова поднялся.

— Благодарю васъ, что сообщили мнѣ все это, сказала она ему ласково.

Павель Ивановичъ ушелъ; а Настасья Федоровна оставшись одна, долго ходила въ раздумьи по комнатѣ и до крови почти обкусала ногти своихъ красивыхъ рукъ.

XI.

На другой день послѣ свиданія головы съ Настасьей Федоровной рано утромъ Степанида пришла къ Яснягѣ.

— Здравствуй, моя кралечка, — сказалъ тотъ ласково.

Степанида молча стояла и какъ то дико изъ-подлобья выглядывала на Яснягу, которому страннымъ показался такой видъ дѣвушки, всегда бойкой и разговорчивой.

— Подлецъ ты, подлецъ! — заговорила наконецъ она съ горечью, послѣ минутнаго молчанія.

— Что ты ругаешься — строго проговорилъ Ясняга.

— А! ругаешься! кровь моя говоритъ во мнѣ, а не я, душегубецъ проклятый.

— Что такое съ тобою?

— Иуда-предатель! видишь какимъ праведникомъ прикинулся, будто ничего и не знаетъ; а я-то, дура безталанная, повѣрила ему, какъ доброму человѣку.—И Степанида, закрывши лицо свое руками, бросилась на скамейку и громко зарыдала.

— Стеша! Стеша! что съ тобой,—нѣжно заговорилъ Ясняя и подошелъ было къ ней.

— Прочь, змѣй! а не то я задушю тебя,—вскричала, вскочивши, Степанида.

Ясняя отскочилъ прочь.

— Что ты съ ума спятилась!—сказалъ онъ уже съ злостію.

— Господи, Боже мой! долго ли я такъ буду мучиться? Знать и конца не будетъ моимъ мукамъ! На-ка посмотри, — произнесла скороговоркой Степанида и, засучивъ рукавъ, показала Яснѣ свою руку, покрытую сплошными синяками.—Все тѣло мое избито; а все изъ за васъ, предателей!

Ясняя молча пожалъ плечами.

— Что кобянишься-то,—злбно прошипѣла Степанида. Потомъ, помолчавъ немного, снова заговорила.—Послужи, Стешенька, дай только мнѣ немного пообжиться, а тамъ женюсь на тебѣ, барыней заживешь, пальцемъ тебя никто не посмѣетъ тронуть. Подлецъ! Обманщикъ!

— Ну что жь? Говорилъ, такъ женюсь.

— На Анюткѣ, Иуда, женишься!—вскрикнула Степанида.—А мнѣ, видно, все въ томъ же котлѣ быть.

Съ послѣднимъ словомъ она снова упала на скамью и зарыдала. Ясняя отошелъ къ окну и далъ волю выплакаться Степанидѣ. Долго она плакала, наконецъ сѣла на лавку и стала утирать слезы рукавомъ своей рубахи.

— Развѣ я по своей волѣ это дѣлаю,—заговорилъ сквозь зубы Ясняя.—Какъ бы ты знала, что у меня здѣсь!... онъ указалъ на грудь.

— Не обманывай,—проговорила недověрчиво Степанида.

— Чего обманывать-то?—говорить надо дѣло.

— Дѣло говорить, а самъ на Анюткѣ женишься,—съ горечью проговорила Степанида.

— Да ужь если на то пошло, такъ это, можетъ, дѣлается, чтобы только глаза отвести Настасѣ. А Анютка мнѣ не жена!

Степанида съ сомнѣніемъ смотрѣла на Ясныгу.

— Не вѣришь? Такъ увидишь, что будетъ! Скоро ей конецъ будетъ.

Въ это время къ окну подбѣжала Авдотья.

— Федоръ Осиповичъ, нѣтъ ли у васъ Стешки? Съ часъ ее ищемъ, не можемъ найти: барыня ее спрашиваетъ.

Степанида опрометъ бросилась отъ Ясныги.

— Вотъ дура-то шальная, совсѣмъ съ ума спятила. Велика важность, что быють... За мужикомъ-то бы замужемъ жила все равно били бы!—рѣшилъ онъ мысленно.

Настасья Федоровна была очень взволнована разговоромъ головы. Она всю ночь не спала и думала какъ бы сбыть съ рукъ опасную соперницу: выслать ее совсѣмъ вонъ изъ имѣнія не было никакой возможности, это значило явно вооружиться противъ воли барина, который былъ непреклоненъ и никогда не прощалъ тому, кто осмѣливался идти явно ему наперекоръ. Оставить же ее въ усадьбѣ, значило дать возможность укрѣпиться соперницѣ на погибель себѣ. Явилась ей мысль избавиться отъ соперницы посредствомъ яда и она не задумалась бы это сдѣлать, еслибы страхъ—быть обвиненной въ томъ—не удерживалъ ее, а тѣмъ болѣе, что Ясныга былъ не изъ такихъ, чтобы его легко можно было обмануть. Теперь только вполнѣ она поняла этого человѣка и горько ужъ раскаялась, что сама способствовала сдѣлаться ему камердинеромъ. Все это подымало ея жолчь и она нещадно тиранила своихъ дѣвушекъ. Въ отношеніи же Ясныги и Аннушки затаила все и даже послѣднюю перевела къ себѣ изъ швейцарскаго домика и съ материнскою иждивеніемъ ухаживала за ней, стараясь снискать къ себѣ ея довѣріе и расположеніе и вызнать ея характеръ.

Отпраздновали свадьбу Ясныги съ Аннушкой. Баринъ былъ отцомъ благословеннымъ; а Настасья Федоровна матерью, и уже потомъ она прямо говорила, что не нарадуется счастьемъ названныхъ дѣтей своихъ. Аннушка сдѣлалась любимой ея гостьею, которую она отъ всего усердія подчивала шампанскимъ, такъ, что та не разъ возвращалась отъ нея домой въ очень веселомъ расположеніи. Это не нравилось Ясныгѣ; онъ старался удерживать отъ этого жену свою и внушать ей, чтобы она была очень осторожна съ Настасьею Федоровной.

— Ты вся, какъ есть, должна быть мужчиною,—говорилъ онъ

ей;—въ законѣ теперь сказано: «жена да боится своего мужа.» Тайна сія велика есть, окромя мужа, ни съ кѣмъ не должна водить никакихъ тайностей.

Аннушка молча смотрѣла на мужа.

— Хоть бы и Настасья Федоровна,—продолжалъ Ясняга, послѣ минутнаго размышленія,—въ отношеніи наружности доброты совершеннѣйшей; а что у ней на умѣ — одинъ Богъ вѣдаетъ и вдаваться ей, безъ всякой осторожности, не для чего!..

Съ минуту подождалъ отвѣта жены Ясняга, но, не получивши его, продолжалъ:

— Я говорю, въ отношеніи благороднаго обращенія съ Настасьей Федоровной быть должно, но секретныхъ сюжетовъ имѣть не надобно. Повтому и ходить часто къ ней, а тѣмъ болѣе рассказывать что нибудь объ мужѣ не слѣдуетъ.

— Ты что хочешь говори, а я къ Настасьѣ Федоровнѣ ходить буду, пока она звать къ себѣ будетъ,—отвѣтила упрямо Аннушка.

— То есть какъ бы тебѣ оказать? Не въ противность супружескому согласію отчего не сходить; но я говорю къ тому, чтобы ты, какъ нинаестъ, что въ разговорахъ съ нею на счетъ мужниныхъ дѣлъ никакихъ сюжетовъ не имѣла; развѣ только что Настасья Федоровна въ подозрѣніи имѣть будетъ, то передавать слѣдуетъ мужу для выраженія ему своей супружеской обязанности.

— И ходить, и говорить съ нею всегда все буду,—отвѣтила твердо Аннушка. — Кромѣ ей, у меня нѣтъ никого: отецъ и мать отъ меня отступились...

Ясняга злобно и подозрительно посмотрѣлъ на жену свою.

— Я тебѣ ничего худого и не говорю про нее и ходить не запрещаю, но стараюсь внушить тебѣ, какъ ты должна вести себя. Ты человекъ темный, жила, какъ есть, въ деревнѣ, хоть бы и теперь затвердила одно: «ходить буду.» Ходить, какъ есть, по благородному, значить, знать время и порядокъ. Прийти не на всякій зовъ, а такъ — изрѣдка. Не вступать въ разглагольствія безъ соображенія, и ни въ чемъ не имѣть излишества.

Аннушка отвернулась отъ мужа, Яснягѣ тоже тяжело было выражаться (какъ онъ думалъ) по ученому; для него это дѣло было непривычное. Онъ тоже отвернулся отъ жены, и сталъ по столу выводить пальцемъ узоры. Молчаніе водворилось

въ комнатѣ и молодые супруги просидѣли съ часъ, не глядя другъ на друга.

Начало смеркаться; Аннушка покрылась платкомъ, и вышла изъ комнаты. Ясняя ударилъ кулакомъ по столу.

— Вотъ сатана-то навязался на шею!—сказалъ онъ съ злобой.—Еще на первыхъ порахъ такую рысь показала. Что дальше отъ ней будетъ. Не хочеть слушать! Да я не долго буду смотрѣть ей въ зубы. Это Настасьины внушенья. Видишь, какъ подольстилась къ ней. Матерью родной прикинулась. А ну, чортъ съ ней! пропади она, когда не хочеть слушаться: мы и безъ ней найдемъ смѣну Настась! Съ послѣднимъ словомъ Ясняя махнулъ рукою и ушелъ на улицу.

Между тѣмъ Настасья твердо держалась задуманнаго плана, ласкала и поила Аннушку, въ присутствіи ея старалась быть проткою; но какъ скоро уходила Аннушка, она съ яростію кидалась на своихъ дѣвушекъ, била и тиранила ихъ. Особенно доставалось больше всѣхъ Прасковѣ и Степанидѣ, первой за то, что она была очень красива и умна; а вторую она просто ненавидѣла, по какому-то инстинкту.

Больше всего было смотрѣть на бѣднаго Пухтю. Съ тѣхъ поръ, какъ Аннушка появилась на мызѣ, онъ страшно измѣнился. Блѣдный и унылый онъ ходилъ медленно, съ опущенной головой и по цѣлымъ часамъ стоялъ на одномъ мѣстѣ съ бессмысленно устремленными взорами на какой-нибудь предметъ. Чтò было у него на душѣ, этого никто не зналъ. Онъ почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ, потому что былъ одинаково равнодушенъ ко всѣмъ, и когда только онъ встрѣчался съ Яснейгой, то вздрагивалъ, какъ будто при видѣ какого-нибудь гада и въ глазахъ его мелькалъ огонь злобы. Настасья Федоровна прежде всѣхъ обратила вниманіе на перемѣну Пухти. Она старалась приобрѣсти его расположеніе, всегда съ участіемъ обращалась къ нему, и даже во многихъ случаяхъ спасала его отъ расправы за упущенія по должности, которыя случались съ нимъ частенько. Пухтя долго не обращалъ на это вниманія; но постоянное вниманіе къ нему Настасья побѣдило его упрямство, и онъ какъ-то ласковѣе на нее сталъ посматривать. Настасья только этого и надобно было. Послѣ долгихъ усилій ей удалось, наконецъ, добиться откровенности отъ Пухти. Онъ высказалъ ей всю свою любовь къ Аннушкѣ и безнадежность сво-

ей горькой участи. На этомъ Настасья задумала достроить новыя козны.

Степанида, все это время ревѣвшая отъ собственного гора и безпрестанно битая барыней, полоскала разъ вечеромъ бѣлье на плоту.

Къ ней подошла коровница Марѳа.

— Здорово Степанишка, родная. Каково поживаешь? — сказала та, кланяясь Степанидѣ.

— Ужъ какое житье наше! — отвѣчала Степанида, оставивши свою работу. — Дня не пройдетъ, чтобъ не тиранила насъ подьянка-то наша. Вчера Пашутку такъ избила, что все лицо изуродовала.

— Чтожь Паша-то?

— Что Паша? перенослива ужъ она очень! Все молчить, а словно бересто, ужъ побѣлѣла.

— Да за что она ее такъ?

— Поди, узнай за что! Временемъ на нее это находить: вдругъ взбѣется, какъ бѣшеная, и начнетъ на всѣхъ кидаться.

— Подишь ты! Правда ли Степанишка, что она, говорятъ, и барина-то къ себѣ приворожила? — спросила потихоньку коровница.

— А будто и нѣтъ? Она каждую ночь все ворожить.

— Ахъ ты Господи! — проговорила, всплеснувъ руками, коровница.

— Ночью возьметъ черную книгу, развернетъ и начнетъ смотрѣть по ней. Да вѣдь такая проклятая! сейчасъ все узнаетъ. Этакъ вздумаешь посмотреть къ ней въ замочную скважину; а она и подойдетъ къ двери. Будто нечистый что ей подскажетъ.

— Говорятъ, будто къ ней огненный змѣй, мать, летаетъ. Игнашка божится, что самъ видѣлъ, какъ змѣй-то надъ ея домомъ разсыпался въ полночь. Самъ, говоритъ, видѣлъ, когда въ ночныхъ ходилъ.

— Очень можетъ быть, очень! Другой разъ ночью такъ загудитъ въ трубѣ, что какъ крѣпко ни спи, а проснешься непременно. Ужъ крестись, крестись!

— Эка подумаешь, какъ лукавый-то владѣетъ человекомъ.

— Не говори. Теперь ей далась эта Анютка, такъ все съ ней и няньчится.

— Это Яснигина-то?

— Да, зазоветъ къ себѣ и ну поить ее, и такъ напоить,

что та шатается! а она ее плясать заставить, та и пляшетъ и валлется. Смѣху-то, смѣху!

— Вишь ты!

— Свела теперь ее съ Пухтей. Коего дня зазвала какъ-то Пухтю, — ну а Анятка-то завсегда ужъ торчитъ у ней, — наполни ее, а Пухтя-то не сталъ пить, какъ она ни приставала. А ей все это неймется: заставила Анятку цѣловать при себѣ Пухтю. Анятка-то къ нему лѣзеть, а тотъ краснѣетъ, да отъ ней отворачивается, — такъ просто комедія.

— Что же Ясняга-то смотреть?

— Присмирѣлъ; видитъ, что не взять ему, такъ и сталъ хвостъ подкидывать всѣмъ.

— А ужъ куда онъ прохитростный такой.

— Что онъ ни дѣлай, а Настасья ему не пересилить; хоть кого приворожить, — проговорила Степанида.

— Степанида! — раздался звонкій дѣвичій голосъ съ горы въ это время. Коровница пошла прочь, дѣлая видъ, будто она шла мимо; а Степанида стала поспѣшно допоясываться бѣлье и сбираться домой.

ХII.

Настасья сидѣла вечеромъ въ своей комнатѣ за чаемъ; вдругъ къ ней стремительно вбѣжала растрепанная Аннушка и повалилась въ ноги.

— Магушка, защити! — проговорила она задыхаясь.

Настасья, встревоженная такою неожиданностью, сурово спросила ее:

— Что это значитъ?

— Разбойникъ-то дерется, посмотри, какъ онъ избилъ меня, — проговорила Аннушка и громко зарыдала.

— Кто избилъ? — проговорила Настасья, какъ-бы не догадываясь въ чемъ дѣло.

— Мой мужъ-разбойникъ.

Настасья задумалась.

— За что же онъ прибилъ тебя? — спросила Настасья.

— Безъ всякаго резону, — отвѣчала та; — какой-то дьяволъ насучилъ ему, будто-бы я съ Пухтей гуляю. А что у насъ съ нимъ худого было?.. ровно ничего! Развѣ когда при васъ съ нимъ поцѣлуемся и то въ угодность только вамъ. А, онъ разбойникъ, и Богъ вѣсть, что подумалъ!

Настасья снова задумалась.

— Все таки онъ мужъ твой! какъ же тебѣ идти противъ него?—проговорила она.

— Какой онъ мнѣ мужъ! Онъ злодѣй мой! — съ злобой отвѣчала Аннушка.

— Такъ зачѣмъ же ты шла за него замужъ?

— Кто за него шоль? Развѣ я волей шла за него? подвернулся въ тѣ поры кроткимъ да добрымъ; думала, что заступитъ мнѣ отца и мать. Кто могъ знать, что у него на душѣ было, что онъ замышлялъ недоброе... Она не могла продолжать далѣе, рыданія прервали слова ея.

— Что же онъ замышлялъ?

— Что замышлялъ? — извѣстно! Беззаконникъ проклятый! только еще тогда повѣнчали насъ, такъ сперва-на-перво сталъ уговаривать меня, чтобы я къ вамъ не ходила, что мнѣ неприлично водить съ вами знакомство.

— Это почему?

— А вотъ поди! Ему хотѣлось, чтобы у меня никого заступниковъ не было. Потомъ сталъ научать, какъ барина мнѣ обольщать.

— Какъ же онъ училъ тебя?—нетерпѣливо перебила Настасья.

— И говорить-то не хочется. Скаалась да ужъ поздно было.

— Что же ты и послушалась его?

— Стану я его слушать! Али у меня нѣтъ креста на вороту? За тѣмъ развѣ замужъ шла, чтобы сдѣлаться....

— Самъ училъ, а теперь колотить за одно подозрѣнiе,—проговорила Настасья.

— Билъ-бы за дѣло, такъ и не обидно бы и было; а то ни за что. Просто сказать бьетъ за то, что не удалось ему...

Между тѣмъ подали вино. Аннушка съ жадностию посмотрѣла на бутылку. Настасья сей часъ-же налила ей цѣлый стаканъ. Она выпила его залпомъ и потомъ сама ужъ налила себѣ еще и еще, и совершенно забывъ свое горе, стала пѣть пѣсни и смѣяться безъ всякой причины, а къ концу вечера, раскраснѣвшись, шла, пошатываясь, домой и въ полголоса напѣвала пѣсни.

Настасья торжествовала. Повидимому, обстоятельства принимали оборотъ для нея самый благоприятный; потому что противъ Ясныги все вооружалось; даже и жена его. Впрочемъ Настасья не довольствовалась еще врагами Ясныги; она старалась вооружить противъ него и Пухтю; драка съ Аннушкой да-

вага самый удобный къ тому поводъ. Она умѣла внушить Пухтѣ, что изъ за него Аннушка страдаетъ, а потому онъ долженъ защищать ее отъ жестокостей мужа. Пухтя и безъ того ненавидѣлъ Яснягу, а подстрекаемый Настасьей, онъ сталъ искать случая, чтобы отмстить Яснягѣ за все зло, которое онъ терпѣлъ отъ него. Случай скоро представился. Баринъ уѣхалъ куда-то; Ясняга на овободѣ выпилъ, по обыкновенію, порядочно и принялся расправляться съ своей женой. Пухтя явился на зашиту и пошла такая свалка, что еслибы сбѣжавшаяся на крикъ дворян не розняла ихъ, то врядъ-ли бы остался Ясняга въ живыхъ; потому что Пухтя такъ раскодился, что трое лакеевъ едва могли съ нимъ справиться. Настасья съ нетерпѣніемъ дождалась возвращенія барина, чтобы передать о происшествіи, въ полной надеждѣ, что это окончательно погубить Яснягу; но ошиблась. Какъ она ни старалась обвинить Яснягу передъ баринномъ, тотъ ему ничего не сдѣлалъ; а Пухтю отдалъ въ солдаты. Аннушку же велѣлъ наказывать розгами и такъ озлобился на нее, что, встрѣчая ее, всегда отворачивался отъ ней въ сторону. Настасья призадумалась: она сейчасъ же совершенно переиѣнилась къ Аннушкѣ: перестала ее звать къ себѣ и старалась снова сблизиться съ Яснягой, который больше всего ее беспокоилъ взятыми у него барскими деньгами. Объ этомъ она рѣшилась наконецъ поласковѣй переговорить съ нимъ и позвала его къ себѣ.

— А что, другъ мой, какъ же, ты расписалъ-ли въ расходъ деньги, о которыхъ я тебя просила?

— Никакъ, сударыня, невозможно этого сдѣлать,—отвѣчалъ тотъ.

У Настасьи загорѣлись глаза.

— Вотъ какъ ты,—проговорила она;—а если я тебѣ приказываю? Ты долженъ, кажется, меня слушаться.

— Въ чемъ слѣдуетъ-съ, я никогда изъ вашей воли не выходилъ; а такого приказанья я исполнить не могу.

— Ахъ ты, овиное рыло, смѣешь мнѣ такъ говорить,—вскричала въ гнѣвъ Настасья.—Да знаешь ли, что я тебя уничтожу, какъ червя.

— Неприлично вамъ, сударыня, говорить, а мнѣ слушать такіа рѣчи,—отвѣтилъ съ важностью Ясняга.—Мы люди подчиненные барину: его воля—казнить насъ и миловать. А вѣдь и вы такъ же, какъ я, можете отвѣтъ дать барину.

— Въ чемъ, хамъ проклятый, я могу дать отвѣтъ барину?

— Да мало ли въ чемъ. Хоть бы въ тѣхъ-же деньгахъ; извѣстно куда они ушли! Ивану Ивановичу на промотъ. Его не насытишь. Мы знаемъ, что такое Иванъ Ивановичъ и по какой линіи онъ вамъ приходится. Такъ и вамъ бы, сударыня, нужно быть посписходительнѣе, какъ-бы, неровенъ часъ, и Ясныа не сказалъ вамъ того, что вы ему говорить изволили...

— Вонъ съ глазъ моихъ... — закричала, затопавъ ногами, Настасья.

— Не больно брыкайся, умнешься,—проговорилъ злобно Ясныа, выходя отъ Настасьи.

Когда прошолъ порывъ гнѣва, Настасья одумалась; она видѣла, что поступила очень неосторожно, явно выказавши свое нерасположеніе къ Ясныгѣ; но еще болѣе смущала ее грубость его. Вѣрно, думала она, онъ имѣетъ какія-нибудь дѣйствительныя доказательства, что такъ осмѣлился говорить мнѣ. Мысль, избавиться отъ Ясныа, какимъ бы то ни было средствомъ, не давала ей покоя.

Въ субботу вечеромъ Настасья встрѣтила Аннушку и, сама ужъ хорошенько не зная зачѣмъ, зазвала ее къ себѣ.

— Давно мы не видались съ тобой, Аннушка; — говорила она.—Какъ-то ты поживаешь?

— Какое ужъ, сударыня, житье мое,—отвѣчала сквозь слезы Аннушка.

— Что жъ, мужъ обижаетъ?

— Да вотъ, какъ уѣхалъ баринъ, каждое утро встанетъ, отправится въ свою камердинерскую, нализется, приѣдетъ меня и ляжетъ спать, послѣ обѣда опять натрескается, и драться лѣзетъ. Вотъ такъ-то я и маюсь съ нимъ.

— Ахъ ты бѣдная!

— Вотъ завтра праздникъ; а онъ ужъ въ церковь не пойдетъ къ обѣднѣ, къ этой порѣ успеетъ нализаться. А вѣдь все ромъ пьетъ.

— Экой грѣховодникъ какой,—проговорила Настасья. — Да что ты ко мнѣ стала рѣдко ходить? Заходи почаще.

— Покорно благодаримъ,—отвѣтила Аннушка и ушла.

Проводивши гостью, Настасья сдѣлалась какою-то озабоченною, безъ всякой нужды брала разныя вещи, перекладывала ихъ безсознательно на другія мѣста, однимъ словомъ, была во весь вечеръ сама не своя. Утромъ на другой день она подня-

лась очень рано и суетилась безъ всякой надобности. Отдавала приказанія и сряду же отиѣняла ихъ. Наконецъ, она вскинулась на горничныхъ, что онѣ никогда въ церковь не ходятъ и услала ихъ всѣхъ къ обѣднѣ, а сама тихонько прокралась въ камердинерскую. Ясняга спалъ крѣпкимъ сномъ; пустая бутылка изъ-подъ рому стояла возлѣ его постели. Настасья потихоньку подошла къ спящему Яснягѣ и дотронулась легонько до лица его; но тотъ такъ крѣпко спалъ, что даже не пошевелился. Тогда Настасья оглядѣлась кругомъ, вынула изъ кармана бритву ихватила ею со всего размаху по горлу спящаго Ясняги. Ясняга забился на постели, но Настасья удержала его, стараясь только, чтобы не замараться въ крови, которая хлынула изъ раны. Потомъ она вынула ключъ отъ кассы изъ кармана Ясняги, сходила въ кассу, взяла тысячу рублей и снова положила ключъ въ карманъ мертвому Яснягѣ. Послѣ всего она осмотрѣла свое платье, ушла такъ же незамѣтно въ свою комнату, раздѣлась и легла въ постель.

Вечеромъ разнесся по мызѣ слухъ, что Ясняга зарѣзался. Доложили Настасьѣ, та съ участіемъ пожалѣла о немъ и велѣла послать за полиціей и запечатать кассу.

Черезъ два дня похоронили Яснягу за кладбищемъ безъ отиѣванія, какъ самоубійцу.

ХІІІ.

Настасья, избавившись отъ Ясняги, торжествовала; ей уже некого было опасаться, — по ея просякамъ былъ сдѣланъ камердинеромъ Ефимовъ, человекъ тихій, простой и добрый, который ни въ чемъ не противорѣчилъ ей. Все покорилось ей, она сдѣлалась полною госпожою въ усадьбѣ, гдѣ всѣ трепетали ея и безпрекословно повиновались ея волѣ. Но, несмотря на такого рода торжество, она постоянно была въ дурномъ расположеніи духа; постоянно была всѣмъ недовольна: угодить ей не было никакой возможности и бѣдныя дѣвушки терпѣли такіа страшныя истязанія, что и вообразить было трудно. Онѣ были такъ забиты и загнаны своею тиранкою, что смотрѣть было на нихъ больно. Одна только Прасковья была несокрушимо тверда; никакіа мученія не могли вызвать изъ груди ея ни стона, ни жалобы. Только по впалымъ и блѣднымъ щекамъ ея, да по большимъ голубымъ глазамъ, полнымъ безотрадной грусти, можно

было видѣть, что она, при всей твердости своего характера, не въ силахъ была сносить тиранства Настасьи. А надъ нею-то всего болѣе раздражалась злоба Настасьи. Прасковья была старшею ея горничной, она убирала ея голову, одѣвала ее, смотрѣла за ея гардеробомъ и, какъ старшая, отвѣчала за всѣ пропускны прочихъ.

— Ну, Паша, какая ты переносливая, — говорила ей Степанида, — словно ты желѣзная!

Прасковья поглядѣла на подругу и улыбнулась; но въ этой улыбкѣ выразилась вся тяжесть и безнадежность ея страданій.

— Что ни говори, а мы надивиться тебѣ не можемъ, — продолжала Степанида. — Али ты приговоръ какой знаешь, что когда она бьетъ тебя, ты все молчишь, словно убитая: развѣ тебѣ не больно?

— Не велика радость и рюмить-то послѣ каждаго щелчка! — отвѣчала Прасковья.

— Извѣстное дѣло; а все-таки полегче, какъ поплачешь.

— Плачь пожалуй; ей же, варваркѣ, эта удовольствіе, — сказала съ презрительной улыбкой Прасковья.

— Провались она сквозь землю! Эко удовольствіе смотрѣть на слезы человѣчи!

— Что же, Степинька, дѣлать; вѣрно на роду намъ такъ написано.

— Али нѣтъ никакого средства сбыть отъ ней!

— Да какъ же ты сбудешь-то?

— Хоть бы уйти куда нибудь.

— Эхъ ты, простота сердечная! Куда ты пойдешь?

— Да мало ли куда! Вотъ хоть бы Лунь ушолъ какъ Аниютку выдали за Яснигу, да и до сихъ поръ найти не могутъ. Нашолъ же онъ мѣсто, куда уйти.

— То Лунь, а то ты. Разница большая. Гдѣ ты бывала? Дальше Нѣкшина и дороги не знаешь.

Степанида задумалась на минуту.

— Дороги не знаешь, — проговорила она нерѣшительно, — добрые люди укажутъ дорогу.

— Тѣ же добрые люди свяжутъ и приведутъ обратно, тогда еще не такая раздѣлка будетъ, — съ горечью замѣтила Паша.

— Ахъ ты Господи! Терпишь, терпишь горе и конца ему невидно, — проговорила Степанида.

Прасковья глубоко вздохнула.

— Знаешь ли что?—заговорила Степанида.—Пойдемъ, уадемъ въ ноги барину и станемъ просить его, чтобы онъ избавилъ насъ отъ этой напасти.

— Отправить за Волховъ; а оттуда опять вернешься сюда,—отвѣтила съ горечью Паша.

— А можетъ быть онъ и смилуетя!

— Попробуй!

— Что мнѣ пробовать? Идти, такъ идти всѣмъ вмѣстѣ.

— Пашутка!—раздался голосъ Настасьи изъ сосѣдней комнаты.

— Ты что мерзавка мнѣ худо завилла локоны!—И громкія почочкины раздалися по комнатамъ.—Поправь сейчасъ.

Паша схватила щипцы, которыми припекала волосы Настасьи, мигомъ нагрѣла ихъ, пришла въ комнату Настасьи, завернула волосы Настасьи въ бумажки, и стала зажимать щипцами. Легкій паръ отъ волосъ отразился въ зеркалѣ. Настасья вскочила, Прасковья не успѣла отнять щипцовъ и ухо Настасьи коснулось ихъ слегка. Настасья вскрикнула и пришла въ бѣшенство.

— Ты жечь меня вздумала, жечь,—говорила она, скрипя отъ злости зубами.—Такъ вотъ я тебѣ! Она разорвала рубашку Пашы и калеными щипцами начала хватать за голую грудь бѣдной дѣвушки. Щипцы шипѣли и дымились; а нѣжная кожа лепестками оставалась на щипцахъ. Паша задрожала всѣмъ тѣломъ и глухо застонала; въ глазахъ ея заблестѣлъ какой-то фосфорическій свѣтъ и она опрометью бросилась вонъ изъ комнаты.

Братъ Пашы, молодой парень, лѣтъ девятнадцати, находился поваренкомъ на кухнѣ барина. Онъ въ окно увидалъ, что сестра его растрепанная побѣжала по направленію къ рѣкѣ. «Что нибудь да неладно», подумалъ онъ и погнался за сестрою, которую едва догнавъ на берегу рѣки — и схватилъ ее, чтобы остановить.

— Пусти меня, пусти,—говорила Паша, стараясь освободиться изъ рукъ брата.

— Куда ты бросаешься? Что съ тобой?—спрашивалъ братъ.

— Въ воду... утопиться...—отрывисто отвѣчала Паша. Съ ней сдѣлался сильный истерическій припадокъ. Она зарыдала и опустилась на руки брата, который бережно опустилъ ее на лугъ и самъ не зная, что ему дѣлать.

— Паша!... Парасковья!... Что съ тобою?... Что это ты задумала?—говорилъ растерявшійся братъ, ходя вокругъ сестры.

Параша металась и рыдала. Наконецъ братъ догадался и началъ носить пригоршнями воду и поливать на голову и грудь бѣдной дѣвушки. Она очнулась.

— Дай мнѣ испить,—проговорила дѣвушка слабымъ голосомъ. Братъ принесъ воды и сѣлъ возлѣ сестры.

— Что это съ тобою сдѣлалось?—спросилъ онъ съ участіемъ.

Паша, молча, показала брату истерзанную грудь свою и заплакала.

— Кто это такъ тебя истерзалъ?—спросилъ братъ, тревожнымъ голосомъ.

Паша рассказала брату, какъ тиранила ее Настасья.

Во время всего разсказа братъ молчалъ. Онъ только изрѣдка поскрипывалъ зубами, глаза его налились кровью и онъ судорожно сжалъ свои кулаки.

— Змѣя подколодная! — прошипѣлъ онъ, когда кончила разсказъ свой Паша. Долго продолжалось молчаніе, прерываемое болѣзненными вздохами Паши и скрипомъ зубовъ брата. Придя немного въ себя, онъ началъ что-то шептать на ухо Пашѣ, та отрицательно трясла головой, онъ горячился и махалъ руками, наконецъ Паша сама стала говорить шопотомъ брату на ухо. Долго они шептались и, повидимому, о чемъ-то жарко спорили; наконецъ Паша сказала громко.—Ну, ладно! Пусть будетъ, что будетъ!—и вмѣстѣ вернулись на мызу.

Не прошло и пяти дней послѣ этого происшествія, какъ рано утромъ прибѣжала на кухню къ брату Паша, отозвала его въ сторону и стала съ нимъ шептаться. Братъ взялъ большой поварской ножъ и сталъ точить его на брускѣ. По временамъ онъ выдергивалъ изъ головы своей волосъ, клалъ на лезвіе ножа и дулъ на него; но волосъ оставался цѣлъ, тогда съ новымъ усиліемъ онъ принимался точить ножъ. Наконецъ ножъ такъ сдѣлался остръ, что съ разу пересѣкалъ волосъ. Тогда поваренокъ спряталъ ножъ подъ передникъ и вышелъ изъ кухни.

— Что, спать?—спросилъ поваренокъ сестру, которая встрѣтила его у Настасьина дома.

— Спать, иди смѣло,—говорила Паша, проводя брата въ сѣни.

— Поди, посмотри, не проснулась ли,—сказалъ, остановившись въ дверяхъ, поваренокъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ и дико озирался во всѣ стороны. Паша ушла, поваренокъ вынулъ изъ подъ передника ножъ, попробовалъ его на ногтѣ большого пальца и спряталъ.

— Спать мертвымъ сномъ,—сказала Паша, вернувшись къ брату.

— Нѣтъ ли кого, посмотри,—говорилъ поваренокъ, неохотно идя за сестрой.

— Да никого нѣтъ,—говорю тебѣ; я ихъ всѣхъ разослала, проговорила нетерпѣливо Паша, вводя брата въ комнату Настасьи и вышла вонъ, замкнувъ брата съ Настасьей.

Тихонько, на цыпочкахъ подкрался поваренокъ къ спящей. Настасья, закутанная до самой шеи въ бѣлое тканое одѣяло, лежала навзничь. Поваренокъ затрясся всѣмъ тѣломъ, взмахнулъ ножомъ и ударилъ имъ въ горло Настасью. Онъ былъ въ такомъ изступленномъ состояніи, что не видѣлъ, что дѣлалъ, и потому ударъ былъ невѣренъ: онъ только легко ранилъ ее въ шею и отскочилъ прочь, съ намѣреніемъ бѣжать вонъ изъ комнаты.

Настасья вскрикнула и проснулась. Поваренокъ подбѣжалъ къ ней, занесъ ножъ, чтобы повторить ударъ; но Настасья уже освободила изъ подъ одѣяла правую руку и схватилась за ножъ убійцы: два пальца ея правой руки упали на полъ и кровь фонтаномъ брызнула въ лицо поваренка. Онъ ударилъ ее ножомъ въ грудь.

— Вася, Василій! пощади меня: вѣдь тебѣ ничего не сдѣлала худого,—проговорила Настасья. Она сдѣлала усиліе, чтобы встать съ кровати и упала на полъ. Лѣвой рукой она такъ крѣпко схватила за ноги убійцу, что тотъ упалъ на нее, нанеся ей раны ножомъ, куда попало.

— Не убивай меня,—просила его Настасья.—Я выхлопочу тебѣ вольную, отдамъ всѣ деньги, какія у меня есть, а дамъ тебѣ десять тысячъ, только оставь меня живою.

Поваренокъ молчалъ и не переставалъ наносить ей новыя раны. Настасья захрипѣла. Поваренокъ бросился вонъ, вышибъ двери и побѣжалъ на кухню.

Поварь стоялъ у плиты, задомъ къ двери, когда вошелъ Василій въ кухню и бросилъ на столъ окровавленный ножъ.

— Ты гдѣ былъ?—спросилъ его поварь, не глядя на Василья.

— Съживалъ скотину,—отрывисто отвѣтилъ Василій.

— Ты съ ума сошелъ... проговорилъ поварь и взглянулъ на Василья. — Что весь въ крови?—прибавилъ онъ.

— Ну, что?.. что сдѣлано, того не вернешь. Я зарѣзалъ Настасью... мрачно проговорилъ Васька.

— Караулъ! крикнулъ поваръ въ окно во все горло.

Васька бросился-было бѣжать, но сбѣжавшаяся дворня успѣла схватить его. Поваренка связали и вмѣстѣ съ сестрой посадили въ подвалъ до пріѣзда барина, который еще наканунѣ уѣхалъ изъ усадьбы верстъ за тридцать.

— Ты правду говорила, что добра изъ того не будетъ. Такъ и вышло,—говорилъ Василій сестрѣ и въ отчаяніи старался разорвать веревки, которыми былъ связанъ.

— Баба,—отвѣчала съ твердостью Паша и отвернулась, чтобы не видѣть малодушія брата.

XIV.

Прошло лѣтъ съ пять послѣ смерти Настасьи. На паромѣ рано утромъ ловилъ удочкой рыбу Гаврило Прокофѣичъ. Онъ такъ былъ занятъ, что не видалъ, какъ съ другой стороны подѣхалъ на лодкѣ солдатъ и, взоидя на паромъ, подошолъ къ удившему Гаврилѣ и взялся за удочку.

— Не балуй, отстань,—сердито проговорилъ Гаврило и взглянулъ на солдата.

— Пухтя! вона это кто—а!—воскликнулъ радостно Гаврило, бросая удочку.

— Еще Богъ судилъ намъ свидѣться, Гаврило Прокофѣичъ! Все ли подобрау поздорову у васъ? говорилъ Пухтя, цѣлуясь съ Гавриломъ.

— Да что-же мы тутъ стоимъ? Пойдемъ на мызу,—заговорилъ Гаврило.

— Нѣтъ, вотъ сядемъ здѣсь на скамейку да потолкуемъ. Ус пѣомъ еще, сказалъ, сядясь на скамейку, Пухтя.

Гаврило сѣлъ возлѣ него и внимательно разсматривалъ стараго товарища.

— Какъ у васъ и что подѣлывается? Что баринъ?

— Баринъ,—проговорилъ Гаврило и оглянулся,—еще сталъ люте, а особливо послѣ смерти Настасьи.

— Развѣ она умерла? Вотъ дѣло-то какое.

— У насъ дѣловъ сколько хочешь. Не своей смертью умерла, покойница, не тѣмъ будь помянута. Зарѣзали ее.

— Кто же?

— Васютку поваренка помпнишь?

— Какъ не помнить. Такой былъ шустрый мальчишка.

— Ну, вотъ онъ и зарѣзалъ ее. Сестра-то его, Пашутка, терпѣла, терпѣла, да хотѣла ужъ топиться съ гора; а онъ и позаступился за нее.

— Что-же, небось, баринъ его заперолъ до смерти?

— Какое!.. И не вспоминай! Страсти такія были, что и не приведи Господи! Сколько сколько народу православнаго погибло.

— Какъ же это такъ?

— Просто брали, да въ острогъ въ городъ отправляли, а потомъ здѣсь же кнутомъ и сѣкли.

Пухтя покачалъ головою.

— Васютку съ Пашуткой засѣкли на смерть.

— Бѣдные, бѣдные!

— Чего, даже протопопа выгналъ вонъ баринъ.

— А протопопа-то за что?

— Видишь, баринъ удумалъ въ церкви похоронить Настасью, тотъ не согласился; онъ его и вонъ, а Настасью все таки похоронилъ въ церкви.

— Экой грѣхъ какой!

— У насъ во дворѣ все новыя, насъ только трое осталось,—помолчавъ проговорилъ Гаврило.

— А Ясняга?—спросилъ Пухтя не безъ волненія.

— Зарѣзался, сердечный!

— Какъ такъ?—поспѣшно спросилъ Пухтя.

— Пилъ да гулялъ, да деньги барскія промоталъ. Бритвой и хватилъ себя по горлу. Двухъ тысячъ цѣлковыхъ не досчитались, какъ стали послѣ него повѣрять кассу. Хоть бы женѣ сколько нибудь оставилъ; а то осталась бѣдная безъ гроша.

— Гдѣ же она теперь? Жива?—съ участіемъ спросилъ Пухтя.

— Жива-то; жива; а лучше было бы, еслибы ее прибралъ Богъ.

Пухтя поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Какъ зарѣзался мужъ то,—продолжалъ говорить Гаврило, не обращая вниманіе на волненіе Пухти,—ей дѣться то было некуда. Отецъ, самъ знаешь, бѣжалъ; говорятъ, что ушолъ въ скиты къ раскольникамъ, мать извелась съ горя, осталась только бабка старуха и та живетъ въ чужихъ людяхъ. Куда ей было дѣваться? Вотъ и опредѣлили ее на скотный дворъ. Сперва крѣпилась она долго, потомъ начала пить да гулять съ матросами да такъ догулялась, что теперь ее и не узнаешь: долго была

въ лазаретѣ несчастная, да, знать, ее ужь не вылечить. Такъ теперь Христовымъ именемъ и живеть.

— Да что это ты, аль нездоровится—спросилъ Гаврило Пухтю, посмотрѣвши на помертвѣвшее лицо его.

— Такъ, ничего, это пройдетъ.

— Пойдемъ же на мызу.

— Нѣтъ ужь, спасибо! Я вернусь назадъ. Дѣлать мнѣ тамъ нечего.

— Да хоть пообѣдать.

— Спасибо, Гаврило Прокофьичъ! — сказалъ Пухтя, обнялъ крѣпко стараго товарища, поцѣловалъ и пошелъ къ лодкѣ.

— Вернись, пообѣдай!—кричалъ ему въ слѣдъ Гаврило.

Пухтя даже не обертывался на его слова.

Т—нѣ.

ДВОЕ ФОСКАРИ,

ТРАГЕДІЯ БАЙРОНА.

Л и ц а :

ФРАНЧЕСКО ФОСКАРИ, венеціанскій дожъ.
ДЖАКОПО ФОСКАРИ, сынъ его.
ЛОРЕДАНО, патрицій, членъ совѣта Десяти.
МАРКО МЕММО, президентъ совѣта Сорока.
БАРБАРИГО, патрицій и одинъ изъ Десяти.
МАРИНА, жена молодого Фоскари.
СЕНАТОРЫ, СОВѢТЬ ДЕСЯТИ, СТРАЖА, СЛУЖИТЕЛИ и проч.

Мѣсто дѣйствія—дожескій дворець, въ Венеціи.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Сцена — зала въ дожескомъ дворцѣ.

ЛОРЕДАНО и БАРБАРИГО. *(Входятъ съ разныхъ сторонъ.)*

ЛОРЕДАНО.

Гдѣ арестантъ?

БАРБАРИГО.

Отъ пытки отдыхаетъ.

ЛОРЕДАНО.

Не долго ли, — часъ новаго допроса,
Назначенный вчера, уже прошолъ.
Войдемъ въ Совѣтъ и отдадимъ приказъ—
Позвать его.

БАРБАРИГО.

Дадимъ ему хоть малость

Истерзанные члены укрѣпить;
Его допросъ вчерашній былъ ужасенъ.
Онъ можетъ умереть подъ пыткой.

Лоредано.

Ну?

БАРБАРИГО.

Я знаю самъ не меньше твоего
Всю цѣну правосудья; я и этихъ
Честолюбивыхъ Фоскари—отца,
И дѣтище, и весь зловредный родъ ихъ —
Не меньше ненавижу, чѣмъ ты самъ.
Но этотъ злополучный вынесъ больше,
Чѣмъ въ силахъ человѣка—

Лоредано.

Не признавшись,
Однако, въ преступленьи.

БАРБАРИГО.

Можетъ быть,
Не сдѣлавъ преступленья. — Если онъ
Признался въ перепискѣ съ иностраннымъ
Правителемъ, то слѣдуетъ принять
Въ расчетъ его страданья—

Лоредано.

Поглядимъ.

БАРБАРИГО.

Ты слишкомъ далеко ужъ простираешь
Наслѣдственную ненависть.

Лоредано.

А какъ?

БАРБАРИГО.

До истребленья рода.

Лоредано.

Это ты

Сказать мнѣ будешь въ правѣ — вотъ когда
Онъ будетъ истребленъ. — Войдемъ въ Совѣтъ.

БАРБАРИГО.

Не торопись; чтобъ приступить къ допросу,
Тамъ, кромѣ насъ, не достааетъ двухъ членовъ.

Лоредано.

И главнаго судьи, конечно, дожа?

БАРБАРИГО.

Нѣтъ, новый Брутъ всегда приходитъ первый
На этотъ судъ противу своего
Послѣдняго, единственнаго сына.

Лоредано.

Последняго—да, правда.

Барбариго.

Ну, и ты

Не тронешься?

Лоредано.

А онъ? ты полагаешь,

Онъ чувствуетъ?

Барбариго.

Судя по виду, нѣтъ.

Лоредано.

Я это самъ замѣтилъ въ немъ.—Злодѣи!

Барбариго.

Но, говорятъ, вчера, при возвращеньи
Въ свой дожескій дворець, старикъ, едва
Переступивъ порогъ, упалъ безъ чувствъ.

Лоредано.

Такъ на него подѣйствовало, значить.

Барбариго.

Тутъ половина дѣйствія—твоя.

Лоредано.

Оно мнѣ *все* должно принадлежать.

Я потерялъ отца и дядю.

Барбариго.

Я

Читалъ ихъ эпитафіи; ихъ смерть

Приписана тамъ яду.

Лоредано.

Этотъ дожъ

Однажды объявилъ, что онъ себя
Не будетъ признавать за государя,
Покуда живъ Піетро Лоредано,—
И мой отецъ и дядя умираютъ
Въ одинъ и тотъ же день: онъ—государь.

Барбариго.

Злосчастный государь.

Лоредано.

А что ты скажешь

О тѣхъ, кого онъ сдѣлалъ сиротами?

Барбариго.

Да онъ ли это сдѣлалъ?

Лоредано.

Да.

Барбариго.

И ты

Способенъ доказать?

Лоредано.

Нѣтъ, государи
Рѣшаются на тайну не за тѣмъ,
Что бы она доказана могла быть,
Иль возбудить процессъ; но у меня
Такъ много есть уликъ, что о процессѣ
Я не хочу и думать.

Барбариго.

Отчего-жь?

Я призывалъ бы законъ на помощь.

Лоредано.

Я

Готовъ призвать ихъ всѣ, какіе только
Онъ намъ оставилъ.

Барбариго.

Въ этомъ государствѣ
Они такого свойства, что расправа
Здѣсь получается скорѣе, чѣмъ во всѣхъ
Другихъ странахъ.—А правда-ль будто ты
Въ своей торговой книгѣ записалъ
(Вѣдь здѣсь живутъ первѣйшіе дворяне
Торговлею): «Дождь Фоскари—должникъ мой
За Марко и Пьетро Лоредано,
Двухъ мертвецовъ: за дядю и отца?»

Лоредано.

Я это записалъ.

Барбариго.

И не сотрешь?

Лоредано.

Пока не расквитаюсь.

Барбариго.

Какъ?

*(Два сенатора проходятъ черезъ сцену
въ залу совѣта Десяти).*

Лоредано.

Ты видишь—

Всѣ на лицо. — Иди за мною вслѣдъ.

(Лоредано уходитъ).

Барбариго. *(Одинъ).*

Иди вслѣдъ за тобой! я долго шолъ
Путемъ опустошенья, какъ волна
Вслѣдъ за волной, несущейся предъ нею,
Чтобъ поглотить колеблемый вѣтрами
Свирѣпыми корабль — и бѣдняка,
Вопящаго внутри его разбитыхъ,
Водою заливаемыхъ досокъ.

Но этотъ сынъ съ отцомъ своимъ способенъ
 Разжалобить стихій... и на нихъ
 Я долженъ налегать, какъ эти волны...
 О, еслибъ я былъ холоденъ и слѣпъ
 Подобно имъ! Но, чу! его ведутъ.
 Не надрывайся, сердце! вѣдь они
 Твои враги; они должны твоими
 Быть жертвами: ужель ты будешь биться
 За тѣхъ, кто такъ разбилъ тебя?

(*Входитъ стража съ молодымъ Фоскари, какъ съ арестантомъ.*)
 СТРАЖЬ.

Позволимъ

Ему вздохнуть.—Синьоръ, повремените.

Д. Фоскари.

Благодарю, мой другъ; я точно слабъ.
 Но ты рискуешь.

СТРАЖЬ.

Это можетъ быть.

Д. Фоскари.

Ты добрый человекъ; я замѣчалъ
 Къ себѣ порою жалость; но пощады
 Я не видалъ; и это въ первый разъ.

СТРАЖЬ.

И быть могло-бъ въ послѣдній, еслибъ насъ
 Изъ нашихъ самодержцевъ кто увидѣлъ.

БАРБАРИГО. (*Подходя къ стражу*).

Одинъ изъ нихъ васъ видитъ; но не бойся;
 Я ни твоимъ судьей быть не хочу,
 Ни обвинителемъ. Совѣтъ открыть,
 Но васъ еще не требуютъ: я самъ
 «Изъ Десяти»; ты подождешь, пока
 Дадутъ приказъ ввести его; мы вмѣстѣ
 Тогда войдемъ. — Смотри за арестантомъ.

Д. Фоскари.

Ктобъ это былъ? Ахъ, это Барбариго!
 Врагъ нашего семейства, изъ числа
 Судей моихъ.

БАРБАРИГО.

Противъ врага такого,—

Пусть это врагъ,—въ числѣ твоихъ судей
 Отецъ твой засѣдаетъ.

Д. Фоскари.

Засѣдаетъ,

Дѣйствительно.

БАРБАРИГО.

Такъ не вини законы

Въ жестокости; иначе твой отецъ
 Не могъ имѣть-бы голоса въ столь важномъ,
 Въ столь чрезвычайномъ дѣлѣ, какъ спасенье
 Республики —

Д. Фоскари.

И собственнаго сына.

Я ослабѣлъ; позвольте подышать
 Мнѣ воздухомъ, — вонъ у того окна,
 Что на воду выходитъ.

(Входитъ офицеръ и говоритъ на ухо Барбарисо.)

БАРБАРИГО. *(Къ стражѣ).*

Подведите

Его къ окну: я больше не могу
 Съ нимъ говорить; я даже этой краткой
 Бесѣдою переступилъ свой долгъ,
 И долженъ объясниться предъ Совѣтомъ.

(Барбарисо уходитъ, стража подводитъ Фоскари

СТРАЖЪ.

къ окну).

Вотъ я его открою. — Какъ синьоръ
 Теперь себя находить?

Д. Фоскари.

Какъ дитя.

Венеція!

СТРАЖЪ.

А ваши члены?

Д. Фоскари.

Члены!

О, сколько разъ они меня носили
 Надъ этою синѣющей волной,
 Когда дитѣй за дѣтскій призъ я мчался,
 Одѣтый гондольеромъ молодымъ,
 Въ гондолѣ межъ соперниковъ веселыхъ,
 Такихъ же благородныхъ, какъ и я,
 Подобно мнѣ желавшихъ отличиться
 Ребяческою силой, между тѣмъ —
 Какъ свѣтлый рой столпившихся красавицъ,
 Плебеекъ и дворянокъ, вдохновляя
 Насъ хохотомъ веселымъ, развѣвая
 Платки для насъ, крича, рукоплеща —
 До самаго барьера! — Сколько разъ
 Я, болѣе окрѣпнувшей рукою
 И грудью возмужалой, разсѣкалъ
 Волну неукротимую, — такъ дерзко
 Отбрасывая кудри за плечѣ,
 Отъ устъ моихъ руками отгребая
 Солонный валъ, который ихъ лобзала,

Какъ чапа искрометная; какъ гордо
 На гребнѣ волнъ я вылеталъ съ волной,
 Тѣмъ больше упивался, чѣмъ бурнѣ
 Волна была; какъ часто безъ ума
 Восторженный — я опускался въ бездну
 Зеленую хрустальныхъ этихъ водъ,
 До самой ихъ травы горькосолоной
 И раковинъ, — и между тѣмъ какъ страхъ
 Сжималъ сердца у зрителей, я съ шумомъ
 Вдругъ выплывалъ, держа въ моей горсти
 Залоги очевидные, что бездну
 Измѣрилъ я; и только успѣвалъ
 Меня привѣтъ громовый встрѣтить, только
 Грудь облегчить я успѣвалъ, какъ вновь
 Надъ пѣнистой волной летѣлъ, какъ чайка
 Проворная! — я былъ дитя тогда.

Стражъ.

Теперь явитесь мужемъ; бѣльшей нужды
 Вы въ этомъ не встрѣчали никогда.

Д. Фоскари. *(Глядя въ окно)*.

Красавица! родная, дорогая
 Венеція! о, это тыдохнула!
 Я чувствую, что это ты своей
 Морской, адриатической прохладой
 Лицо мнѣ освѣжила; кровь моя
 Родимый вѣтеръ узнаетъ и льется
 Прохладнѣе. — О, какъ онъ не похожъ
 На знойный вѣтеръ цикладскій, что ревѣлъ
 На мой острогъ кандійскій и больную
 Мнѣ грудь щемилъ!

Стражъ.

Я снова вижу краску
 Въ лицѣ у васъ: пошли Господь вамъ силы
 Перенести — что ждетъ васъ: я боюсь
 Объ этомъ и подумать.

Д. Фоскари.

Но они,
 Конечно, не сошлютъ меня! нѣтъ, нѣтъ —
 Пусть истязаютъ: я еще здоровъ.

Стражъ.

Сознайтесь — и вашимъ истязаньямъ
 Тогда конецъ.

Д. Фоскари.

Я прежде сознавался
 Въ двухъ случаяхъ: мнѣ каждый случай стоилъ
 Изгнанія.

Стражъ.

Но третій — васъ убьетъ.

Д. Фоскари.

О если бы! тогда меня схоронять
На родинѣ: я предпочту скорѣй
Здѣсь прахомъ быть, чѣмъ—къмъ или чѣмъ пибудь—
Живымъ въ другихъ странахъ.

Стражъ.

Любить такъ землю,

Которая такъ ненавидитъ васъ!

Д. Фоскари.

Земля! ахъ, нѣтъ; моя земное племя
Преслѣдуетъ: родимая-жь земля,
Какъ мать, меня въ свои объятья приметъ.
Я требую немногаго: могилы,
Или тюрьмы,—чего угодно, только
Въ Венеціи.

Входитъ офицеръ.

Офицеръ.

Введите арестанта.

Стражъ.

Вы слышите приказъ, синьоръ.

Д. Фоскари.

Да, слышу;

Я къ этому привыкъ: меня пытаются
Ужь въ третій разъ.—Дай руку мнѣ.

Офицеръ.

Вотъ вамъ

Моя, синьоръ; и я сопроводать васъ
Обязанъ самой службой.

Д. Фоскари.

Вы!—но вы

Вчера моей распорядились пыткой.
Посторонитесь! я пойду одинъ.

Офицеръ.

Какъ вамъ, синьоръ, угодно: приговоръ
Не мною былъ подписанъ; а совѣта
Ослушаться не могъ я, если онъ—

Д. Фоскари.

Велѣлъ тебѣ вытягивать мнѣ жилы.
Пожалуйста, подалше отъ меня.
Твоя пора придетъ еще; ты снова
Приказъ такой получишь; но пока
Не получишь—не подходи ко мнѣ.
При видѣ рукъ, терзавшихъ эти члены,
Имъ чувствуется близость палача,

Ихъ обнимаетъ холодомъ, какъ будто...
Но я иду; что можно выносить—
Я вынесу.—Какъ смотреть мой отецъ?

Офицеръ.

Да-какъ обыкновенно.

Д. Фоскари.

Такъ! ничто

Не измѣнило вида,—ни земля,
Ни синій океанъ, ни это небо,
Ни этотъ свѣтлый городъ, ни верхи
Дворцовъ его, ни шумъ его Пиаццы; —
Вотъ и теперь веселый этотъ гамъ
Племень разноязычныхъ проникаетъ
Подъ эти даже своды, гдѣ царятъ
Невѣдомыя власти, гдѣ безъ счета
Невѣдомыя жертвы погибаютъ.
Должны втиши;—все въ мирѣ сохраняетъ
Все тотъ же видъ—и даже мой отецъ!
Для Фоскари ни въ комъ нѣтъ чувства, даже
И въ Фоскари.—Синьоръ, я вашъ слуга.

(Уходятъ всѣ).

Входятъ Меммо и другой сенаторъ.

Меммо.

Здѣсь нѣтъ его; мы, значить, опоздали.
А какъ ты полагаешь: долго будетъ
Сегодня засѣданье?

Сенаторъ.

Говорятъ,

Что арестуютъ все въ первомъ показаньи
Упорствуетъ; а больше ничего
Я не могу сказать тебѣ.

Меммо.

Довольно

И этого: нашъ грозный трибуналь
Такая-жъ точно тайна для первѣйшихъ
Патрициевъ, какъ и для черни.

Сенаторъ.

Мы

Живемъ одними слухами, которыхъ,
Какъ розказней о мертвецахъ, никто
Не могъ еще вполнѣ ни опровергнуть,
Ни доказать: о состояньи дѣлъ
Въ республикѣ—мы всѣ тутъ знаемъ столько-жъ,
Какъ о загробныхъ тайнахъ.

Меммо.

Но придетъ

И наше время—знать ея дѣла.
 Когда нибудь могу же быть и я
 Однимъ изъ децемвировъ.

Сенаторъ.

Или дожемъ.

Меммо.

Нѣтъ, этого я менѣе всего
 Могу желать.

Сенаторъ.

Но это главный постъ
 Въ республикѣ, и онъ открытъ для всѣхъ
 Законныхъ домогательствъ—благородныхъ
 Искателей.

Меммо.

Желаю имъ успѣха.

Мой знатный родъ излишнимъ честолюбьемъ
 Не заражонъ: на взглядъ мой единица
 Въ союзѣ полновластныхъ Десяти
 Почтительнѣй, чѣмъ одинокой нуль,
 Хоть будь онъ раззолоченъ.—Это кто?
 Супруга Фоскари?

(*Входитъ Марина съ служанкою.*)

МАРИНА.

Какъ! ни души?

Ахъ, виновата, даже двѣ; но только
 Сенаторскихъ.

Меммо.

Высокая синьора,
 Что будетъ вамъ угодно приказать?

МАРИНА.

Мнѣ приказать! Увы! моя вся жизнь
 Была молитвой долгой... и молитвой
 Напрасною.

Меммо.

Я понимаю васъ;
 Но отвѣчать вамъ не могу

МАРИНА. (*Запальчиво.*)

Ты правъ:

Здѣсь отвѣчаютъ только палачу,
 А спрашивать имѣютъ власть —

Меммо. (*Прерывая ее.*)

Синьора,

Опомнитесь,—здѣь вы?

МАРИНА.

Гдѣ я? тутъ былъ
 Дворецъ отца супруга моего.

МЕММО.

Дворецъ,—съ тѣмъ вмѣстѣ,—дожа.

МАРИНА.

И острогъ

Его родного сына,—не забыла
 Я этого; и еслибъ для меня
 Тутъ не было другихъ воспоминаній
 И горше и свѣжѣе, то меня
 Ты очень обязалъ бы, объяснивъ мнѣ
 Высокое значенье этихъ стѣнъ.

МЕММО.

Синьора, успокойтесь.

МАРИНА. (*Возводя глаза и руки
кз небу*).

Я спокойна.

Но ахъ, какъ Ты, какъ можешь Ты, о Боже!
 Подобный міръ спокойно выносить?

МЕММО.

Но вашъ супругъ быть можетъ признанъ правымъ.

МАРИНА.

И праведнымъ... у Бога. Но оставимъ,
 Синьоръ сенаторъ, этотъ разговоръ,
 Я васъ прошу.—Вы человекъ служебный;
 И дожъ обязанъ службой: у него
Теперь вотъ, въ этотъ мигъ, въ застѣнкѣ сынъ,
 А у меня супругъ; они за этой
 Стѣною вотъ, по крайней мѣрѣ, были
 Тамъ часъ назадъ,—судья и подсудимый, —
 Лицомъ къ лицу: что, *ога его* осудить?

МЕММО.

Конечно, нѣтъ.

МАРИНА.

Но если нѣтъ,—то тамъ

Такіе господа есть, что осудятъ
 Обоихъ ихъ.

МЕММО.

Тѣ могутъ.

МАРИНА.

А для нихъ

Возможность зла—есть вмѣстѣ и желанье
 Злодѣйствовать: мой мужъ погибъ.

МЕММО.

Синьора,

Въ Венеціи другого нѣтъ судьи,
 Какъ только правосудье.

МАРИНА.

Еслибъ это
 Была не ложь,—Венеции давно бы
 Ужь не было. Желаю процвѣтать
 Ей много лѣтъ; но для чего же десять
 Созданій кровожадныхъ не дають
 Здѣсь людямъ умирать своею смертью?
 Ахъ,—крики!—стонъ!

(Слышенъ слабый крикъ).

СЕНАТОРЪ.

Позвольте—

МЕММО.

Это крикъ—

МАРИНА.

Не Фоскари,—не моего супруга,—нѣтъ!

МЕММО.

Но этотъ голосъ—

МАРИНА.

Не его. Чтобъ онъ—
 Кричать сталъ... нѣтъ! Скорѣе это стонеть
 Его отецъ: мой Фоскари умереть
 Безъ крику, молча.

(Снова слышно стеланіе).

МЕММО.

Стойте—

МАРИНА.

Это онъ!

Мнѣ трудно ошибиться—и однако
 Я все еще не вѣрю.—Перестать
 Любить его, конечно, я не въ силахъ
 И послѣ этой слабости; но нѣтъ, —
 Какая же должна быть это мука,
 Которая способна вырвать стонъ
 Изъ усть его!

СЕНАТОРЪ.

Вы въ странномъ ослѣпленьи
 Находитесь. Нельзя, чтобъ вашъ супругъ
 Могъ оставаться молча въ истязаньяхъ
 Почти не человѣческихъ.

МАРИНА.

Мы всё

Родимся для мученій. Если я
 Не сдѣлала безплоднымъ благородный
 Домъ Фоскари, который долженъ вдругъ
 Утратить дожа съ сыномъ, то вѣдь я,
 Давая жизнь наслѣдникамъ ихъ блеска,

Перенесла не меньше, чѣмъ они,
Ее теряя, могутъ перенести.
Но я свои переносила скорби
Съ веселіемъ: конечно, я могла
Стенать въ изнеможеніи, я имѣла
Права на то; но я была тверда.
Я думала родить на свѣтъ героевъ —
И встрѣтить ихъ слезами не хотѣла.

МЕММО.

Все, кажется, умолкло.

МАРИНА.

Можетъ быть,

Все кончено. Но мнѣ отраднѣй думать,
Что онъ собрался съ силами и тернѣй
Въ молчаніи.

Входитъ поспѣшно офицеръ.

МЕММО.

Что тамъ такое вышло?

Куда вы, другъ, спѣшите?

ОФИЦЕРЪ.

За врачомъ.

Съ преступникомъ припадокъ.

(Уходитъ).

МЕММО.

Вамъ, синьора,

Не лучше ли уйти?

СЕНАТОРЪ. *(Предлагая ей услуги).*

Я даже васъ

Прошу объ этомъ.

МАРИНА.

Дальше!—Я иду

Помочь ему.

МЕММО.

Какъ, вы! Синьора, что вы?

Да въ эти двери, кромѣ Десяти
И нужныхъ имъ людей, не проникаетъ
Ничья нога другая.

МАРИНА.

Хорошо;

Я знаю, что оттолъ не выходилъ
Еще никто—какимъ входилъ туда,
Что многіе совсѣмъ не выходили;
Я это знаю и хочу войти.

МЕММО.

Ахъ, это только значить—добиваться
Дурного обхожденія.

МАРИНА.

Кто же смѣетъ
Со мной такъ обойтись?

МЕММО.

Да тѣ, кому
Такъ съ вами поступить велитъ ихъ долгъ.

МАРИНА.

Такъ это даже *долгъ ихъ*—издѣваться
Надъ чувствами людскими, разрывать
Всѣ связи,—человѣка къ человѣку
Влекущія,—и въ этомъ превзойти
Всѣхъ дьяволовъ, которые за это
Современемъ надъ ними истощать
Все, все разнообразье мукъ.—Но я
Войду туда.

*(Она хочетъ идти. Меммо
слежка загоразживааетъ ей до-
рогу).*

МЕММО.

Синьора, это будетъ
Напрасный трудъ.

МАРИНА.

Я это испытаю.
Отчаянье способно презирать
И самый деспотизмъ, а то, что я
Въ груди теперь имѣю,—легіоны
Заставитъ разступиться предо мной.
Такъ нѣсколько тюремщиковъ безсильны
Меня остановить.—Посторонись.
Я во дворцѣ у дожа; этотъ дождь
Отецъ супруга моего,—супруга
Невиннаго.—Я выскажу имъ это.

МЕММО.

Вы этимъ раздражите лишь судей.

МАРИНА.

Какіе жь это судьи, если имъ
Доступенъ гнѣвъ? Тогда—они убійцы.
Посторонитесь!

(Уходитъ).

СЕНАТОРЪ.

Бѣдная синьора!

МЕММО.

Она совсѣмъ въ отчаяньи; но ей
Переступить порога не дадутъ.

СЕНАТОРЪ.

Дадутъ, или нѣтъ,—но дѣло въ томъ, что мужа

Ей не спасти: гляди, тотъ офицеръ
Идетъ назадъ.

(Проходитъ офицеръ съ постороннимъ лицомъ.)

Меммо.

Однако я не думалъ
Такую жалость встрѣтить въ Десяти,
Чтобъ пригласить врача къ бѣднягѣ—
Сенаторъ.

Жалость!

Да развѣ это жалость—привести
Въ сознание несчастнаго, который
Такъ радъ бы умереть былъ, чтобъ найти
Последнее убѣжище—хоть въ смерти—
Отъ этой тиранніи?

Меммо.

Удивляюсь—

Зачѣмъ они не порѣшати съ нимъ разомъ.

Сенаторъ.

Такая ужъ политика: хотять,
Чтобъ онъ былъ живъ, затѣмъ—что онъ за счастье
Считаетъ смерть; хотять его сослать—
И все-таки за тѣмъ, что, исключая
Венеціи, онъ видитъ въ цѣломъ мірѣ
Обширную тюрьму; что самый воздухъ
Чужой земли считаетъ онъ за ядъ,
Тѣмъ болѣе убійственный, что онъ
Медлительный.

Меммо.

Замѣть, что этотъ фактъ
Противъ него,—хоть онъ и продолжаетъ
Упорствовать...

Сенаторъ.

Во всемъ, кромѣ письма,
Имъ писаннаго къ герцогу Милана,
И будто бы—и писаннаго съ тѣмъ,
Чтобъ именно оно попало въ руки
Сенаторовъ и чтобъ изъ-за него
Быть позваннымъ въ Венецію.

Меммо.

Къ отвѣту.

Сенаторъ.

Къ отвѣту, но на родину: вотъ все,
Чего онъ домогался, — если вѣрить
Его словамъ.

Меммо.

Въ принятіи подарковъ

Онъ тоже уличенъ.

СЕНАТОРЪ.

Не очень; но
Въ убійствѣ онъ оправданъ совершенно.
Что президентъ совѣта Десяти
Убить не имъ, такъ Николай Эриццо
Признался въ этомъ дѣлѣ на духу,
Въ предсмертный часъ.

МЕММО.

Да въ чемъ же, въ самомъ дѣлѣ,

Онъ виноватъ?

СЕНАТОРЪ.

Объ этомъ ужъ поди—
Спроси у нихъ: но только всѣмъ извѣстно,
Что Альмора Донато былъ убитъ,
Какъ я ужъ объяснилъ, рукой Эриццо,
По чувству личной мести.

МЕММО.

Мудрено...

Я думаю, что этимъ непонятнымъ
Процессомъ достигаютъ не того,
О чемъ его затѣяли... Вотъ двое
Изъ Десяти: оставимъ ихъ въ покоѣ.

(Меммо и Сенаторъ уходятъ.

Барбариго и Лоредано входятъ.)

БАРБАРИГО.

Нѣтъ, это было слишкомъ: согласись,
Что мы могли не продолжать — *при ней*
Пытать его.

ЛОРЕДАНО.

Остановить Совѣтъ—
Замедлить правосудье — потому,
Что въ наше засѣданье ворвалась
Вдругъ женщина?

БАРБАРИГО.

Нѣтъ, не объ этомъ рѣчь:
Ты видѣлъ положенье арестанта.

ЛОРЕДАНО.

Онъ былъ безъ чувствъ; но онъ ихъ возвратилъ—

БАРБАРИГО.

Чтобъ потерять отъ новыхъ истязаній.

ЛОРЕДАНО.

Ну,—ихъ и прекратили.

БАРБАРИГО.

Ты и этимъ

Обидѣлся: однако большинство
Тебя не поддержало.

ЛОРЕДАНО.

Этимъ я,
Синьоръ, обязанъ вамъ и этой старой,⁶¹
Безмысленной фигурѣ дожа: я
Вамъ очень благодаренъ.

БАРБАРИГО.

Я—судья;
Но я признаться долженъ, что та часть
Суровой нашей службы, по которой
Мы прибѣгаемъ къ пыткамъ и слѣдимъ
За тѣмъ, какъ тянуть жилы, заставляетъ
Меня желать—

ЛОРЕДАНО.

Чего?

БАРБАРИГО.

Чтобъ иногда
Ты чувствовалъ то-жъ самое, что я
Всегда при этомъ чувствую.

ЛОРЕДАНО.

Поди!—

Такъ чувствуютъ лишь дѣти, отъ дыханья
Готовые погнуться, отъ слезы —
Расплакаться, отъ вздоха — умилиться.
Безцвѣнный для Венеціи судья!
Сановный мужъ, достойный мой товарищъ
Въ политикѣ!

БАРБАРИГО.

Ты о слезахъ напрасно
Мнѣ говоришь: онъ слезъ не проливалъ.

ЛОРЕДАНО.

Онъ вскрикивалъ два раза.

БАРБАРИГО.

При такомъ
Изысканномъ искусствѣ истязаній,
Святой бы могъ взмолиться; впрочемъ онъ
Кричалъ не о пощадѣ; этотъ крикъ
Былъ вырванъ только болью.

ЛОРЕДАНО.

Онъ все время
Ворчалъ сквозь зубы что-то.

БАРБАРИГО.

Я не слышалъ.
Ты около него стоялъ.

ЛОРЕДАНО.

Да, близко.

БАРБАРИГО.

Мнѣ кажется, — хоть это очень странно, —
Ты тронуть былъ и самъ: когда упалъ
Онъ въ обморокъ, ты первый предложилъ —
Подать ему врачебное пособие.

ЛОРЕДАНО.

Я полагалъ, что это былъ послѣдній
Съ нимъ обморокъ.

БАРБАРИГО.

Давно ли эту смерть,
Равно какъ смерть отца его, ты ставилъ
Предметомъ всѣхъ желаній?

ЛОРЕДАНО.

Если мы,
Допустимъ умереть его невиннымъ,
То есть, неувлеченнымъ, — онъ умереть
Оплаканнымъ.

БАРБАРИГО.

Ты хочешь даже *намять*
Его убить!

ЛОРЕДАНО.

А вамъ, синьоръ, угодно,
Чтобъ онъ оставилъ дѣтямъ весь почетъ
Высокаго рожденья?

БАРБАРИГО.

Враждовать
Противъ дѣтей!

ЛОРЕДАНО.

Противъ всего ихъ рода,
Покуда въ немъ, иль въ собственномъ моемъ,
Есть хоть душа живая.

БАРБАРИГО.

И тебя

Ни блѣдная жена его, съ своею
Печалью безнадежной, ни старикъ
Отецъ его, который при наружномъ
Спокойствіи высокаго чела
Такъ часто измѣнялъ себя, — то дрожью
Внезапною, то градомъ крупныхъ слезъ
Мгновенно высохавшихъ, — такъ тебя
Не тронуло при этомъ ничего?

(*Лоредано уходитъ*).

Онъ такъ же молчаливъ въ своей враждѣ,
Какъ Фоскари въ своемъ терпѣннѣ. Бѣднѣй!

Его молчанье тронуло меня,
 Какъ самые отчаянные вопли
 Не въ силахъ были тронуть. — Этотъ мигъ,
 Когда его жена предъ трибуналомъ
 Явилась какъ безумная, и вдругъ
 Увидѣла — чего и мы не можемъ
 Безъ содраганья видѣть — мы, со всей
 Привычкой къ этимъ видамъ — этотъ мигъ
 Ужасенъ былъ! — Однако, это значитъ
 Жалѣть своихъ враговъ, забывать
 Ихъ старыя обиды, отречься
 Отъ плановъ Лоредано, по которымъ
 Онъ мститъ за насъ обоихъ... только я
 Не думалъ ни желать, ни добиваться
 Столь тяжкаго возмездія, какъ онъ;
 Я и его желалъ бы видѣть склоннымъ
 Къ какимъ нибудь уступкамъ. Я такъ радъ,
 Что Фоскари дана отсрочка: этимъ
 Онъ одолженъ, безпорно, появленью
 Своей жены въ Советъ. — Чу! Они? —
 Какъ слабы! какъ убиты! я не въ силахъ
 Глядѣть на нихъ. Пойду и попытаюсь
 Смягчить и Лоредано наконецъ.

14

АКТЪ ВТОРОЙ.

Сцена—внутренняя комната во дворцѣ дожа.

Дождь и Сенаторъ.

Сенаторъ.

А эту вотъ бумагу — вамъ угодно
 Скрѣпить теперь, или до утра ее
 Отложите?

Дождь.

Теперь. Я просмотрѣлъ
 Ее вчера: подъ ней не достаетъ
 Лишь подписа. — Подайте мнѣ перо.

(Дождь садится и подписываетъ бумагу).

Вотъ вамъ, сеньоръ.

Сенаторъ.

Вы, государь, забылись,
 Бумага не подписана.

Дождь.

Какъ такъ? —

Ахъ, у меня глаза ужъ начинаютъ

Отъ старости слабѣть; я не замѣтилъ,
 Что слабо обмакнулъ перо. *(Опускаетъ перо въ
 чернильницу и кла-
 детъ передъ собой
 бумагу).*

СЕНАТОРЪ.

У васъ

Рука трясется, государь: позвольте —
 Вамъ слѣдуетъ —

Дождь.

Благодарю, я кончилъ.

СЕНАТОРЪ.

Вотъ наконецъ тотъ актъ, скрѣпленный вами
 И Десятью, который миръ даетъ
 Венеціи.

Дождь.

Она его не знала

Такъ много лѣтъ: дай Богъ, чтобъ онъ продлился
 Такой же срокъ.

СЕНАТОРЪ.

Вотъ тридцать три ужь года,

Иль около, какъ мы ведемъ войну
 То съ турками, то противъ итальянскихъ
 Владѣтелей: республика нуждалась
 Въ спокойствіи.

Дождь.

Да, это правда. Я

Нашолъ ее царицей океана,
 И я ее покину госпожой
 Ломбардіи: алмазы, — какъ Равенна
 И Брешиа, — горятъ въ ея вѣнцѣ
 Все по моей же милости; ты знаешь,
 Что ей принадлежатъ Пергамъ и Крымъ.
 Пока я правилъ ею, власть ея
 На сушѣ — возрасла, а на моряхъ
 Осталась столь же славной, какъ была.

СЕНАТОРЪ.

Все это справедливо, государь;
 Отечество обязано къ вамъ быть
 Признательнымъ.

Дождь.

Быть можетъ — что и такъ.

СЕНАТОРЪ.

Оно должно бы выразить вамъ это.

Дождь.

Но я, синьоръ, не жалуюсь —

СЕНАТОРЪ.

Мнѣ государь.

Простите,

Дождь.

Чего?

СЕНАТОРЪ.

Я всей душою

Скорблю о васъ —

Дождь.

О мнѣ?

СЕНАТОРЪ.

И вашемъ —

Дождь.

Стойте!

СЕНАТОРЪ.

Нѣтъ, государь, я долженъ вамъ открыться:
Я столько одолженій получилъ
Отъ дома вашей свѣтлости, что быть
Безчувственнымъ къ тому, что терпитъ сынъ вашъ,
Я не могу.

Дождь.

Вамъ это поручили?

СЕНАТОРЪ.

Что, государь?

Дождь.

Болтать о томъ, чего вы

Не знаете. Однако, я трактатъ
Вамъ подписалъ: васъ могутъ ждать въ Совѣтъ,
Откогда васъ прислали.

СЕНАТОРЪ.

Я иду.

Но мнѣ Совѣтъ велѣлъ еще просить васъ
Назначить часъ — когда ему открытъ
Присутствіе.

Дождь.

Когда ему угодно —

Теперь, — сейчасъ, — сію минуту, — я
Всегда слуга республики.

СЕНАТОРЪ.

Но онъ

Желаетъ дать вамъ время для покоя.

Дождь.

Какой покой! то есть какой покой,
Когда вредить онъ можетъ государству.
Пускай Совѣтъ собирается, какъ хочетъ,

Я буду, *идя* я долженъ быть, — *такимъ*,
Какъ я всегда былъ.

(*Сенаторъ уходитъ; Дожь остается въ молчаніи.
Входитъ служитель.*)

СЛУЖИТЕЛЬ.

Государь —

Дожь.

Ну, дальше —

СЛУЖИТЕЛЬ.

За этими дверьми стоитъ ихъ свѣтлость,
Синьора Фоскари.

Дожь.

Пускай войдетъ.

Ахъ, бѣдная Марина!

(*Служитель уходитъ; Дожь, по прежнему, оста-
ется въ молчаніи. Входитъ Марина.*)

МАРИНА.

Я, отецъ мой,

Быть можетъ, одиночество твое
Нарушила.

Дожь.

Дитя, ты никогда здѣсь

Не лишняя. Располагай своимъ

Всѣмъ временемъ, когда оно не нужно
Республикѣ.

МАРИНА.

Я говорить съ тобой

Хочу о немъ.

Дожь.

О вашемъ мужѣ?

МАРИНА.

Да,

О вашемъ сынѣ.

Дожь.

Дочь моя! — Ну, что же?

МАРИНА.

Мнѣ было позволеніе дано

Отъ Десяти — заботиться о мужѣ

Въ его тюрьмѣ.

Дожь.

Да, это позволенье

Дано тебѣ.

МАРИНА.

Оно отменено.

Дожь.

Кѣмъ?

МАРИНА.

Десятью. Я съ Фоскари хотѣла
Взойти на «Мостъ Стенаний»; но меня
Стоящій тамъ угрюмый часовой
Не пропустилъ: послали къ Десяти;
Но такъ какъ ихъ въ Совѣтѣ не застали,
А мнѣ отъ нихъ бумаги никакой
Не выдано, — мнѣ такъ и отказали.
При томъ мнѣ объяснили, что пока
Верховный судъ не соберется снова,
Я буду все въ разлукѣ.

Дождь.

Это правда.

Въ совѣтѣ позабыли, второпяхъ,
Формальность соблюсти; и ты едва ли
Успѣешь въ чемъ, пока онъ не открытъ.

МАРИНА.

Пока онъ не открытъ! а онъ открытъ
Лишь для того и будетъ, чтобы снова
Его терзать; и я такой цѣною
Должна купить святѣйшее изъ правъ,
Какія только есть подъ небомъ, — право
Женѣ увидѣть мужа... Воже! Воже!
Ты видишь ли все это?

Дождь.

Дочь моя,

Дитя мое.

МАРИНА.

Не говори, что я

Твое дитя: ты скоро перестанешь
Имѣть дѣтей; ты никогда имѣть ихъ
Достойнъ не былъ, — ты, который можешь
Такъ холодно о сынѣ говорить,
Тогда какъ онъ кровавыя бы слезы
Могъ вызвать у спартанцевъ! Да, они
Не плакали о дѣтяхъ, умивавшихъ
Въ сраженіяхъ, но писано-ли гдѣ,
Чтобъ на дѣтей, терзаемыхъ на части,
Они могли глядѣть, не попытавшисьъ
Избавить ихъ?

Дождь.

Я весь передъ тобой;

Я плакать не могу; я и хотѣлъ бы,
Да не могу; но еслибъ каждый волосъ
На этой головѣ съдой былъ жизнью,
А этотъ токъ всемірною короной,

А это вотъ кольцо,—которымъ я
Съ волнами обручался,—талисманомъ,
Способнымъ усмирять ихъ, я бы все,
Все отдалъ за него.

МАРИНА.

Его спасти

Гораздо меньше стóитъ.

Дождь.

Это знакъ,

Что ты, дитя, Венеціи не знаешь.
Да какъ тебѣ и знать ее? Увы!
Она сама всѣхъ тайнъ своихъ не знаетъ.
Пойми меня: тѣ, что ведутъ подкопы
Подъ Фоскари,—и подъ его отца
Подводятъ ихъ; такъ точно какъ съ паденьемъ
Родителя сынъ все — таки погибъ.
Они идутъ различными путями
Къ единой цѣли,—это... Но, вѣдь, я
Еще не побѣжденъ.

МАРИНА.

Но ты раздавленъ.

Дождь.

И этого покуда нѣтъ,—я живъ.

МАРИНА.

А сынъ твой, — онъ какъ долго проживетъ?

Дождь.

Надѣюсь, что не меньше,—и гораздо
Счастливіе,—чѣмъ жилъ его отецъ.
Старая нетерпѣннѣе возвратиться,
Безумный сорванецъ испортилъ все
Письмомъ несчастнымъ эгимъ: — преступленіе
Открытое, котораго — какъ дождь —
Я не могу отвергнуть,—какъ отецъ—
Не въ правѣ извинить. Но потерпи,
Еще немного потерпи, онъ ссылку
Кандійскую—я могъ имѣть надежды...
Онъ прошли,—онъ долженъ возвратиться.

МАРИНА.

Въ изгнѣнье?

Дождь.

Да.

МАРИНА.

А я могу съ нимъ тоже

Отправиться?

Дождь.

Тебѣ два раза въ этомъ

Отказывали Десять: мудроно,
 Чтобъ въ третій разъ ты той же неудачи
 Не встрѣтила,—тѣмъ больше, что твой мужъ,
 Своей виной послѣдней увеличилъ
 Обычную ихъ строгость.

МАРИНА.

Строгость? Звѣрство!

Враги людей, одной ногой въ могилѣ
 Стоящіе, съ трясучкою въ рукахъ,
 Съ безчувствіемъ сердець своихъ холодныхъ,
 Съ глазами недоступными для слезъ,
 Съ позорной сѣдиной молуплѣшивыхъ
 Головъ своихъ—они весь родъ людской
 Отдать подъ судъ, закабалить готовы,
 Въ гробъ уложить его, какъ будто жизнь—
 Такая же негодность, какъ ихъ души
 Проклятыя.

Дождь.

Ты знаешь —

МАРИНА.

Знаю, — знаю

Не менѣе, чѣмъ знать ты долженъ самъ,
 Что это демоны: будь это люди,
 Которые отъ женщинъ рождены,
 Ихъ грудию питались, ихъ любили,
 Иль про любовь хотъ говорили имъ;
 Которые священные обѣты
 Пожатыемъ рукъ скрѣпляли, иль порой
 Своихъ дѣтей качали на колѣняхъ,
 И плакали надъ ними изъ-за ихъ
 Болѣзни или смерти; будь у нихъ
 Хотъ образъ человѣческій,—могли ль
 Они такъ поступить съ твоимъ рожденіемъ,
 Съ самимъ тобой, *тобой*, который ихъ
 Горю защищаешь?

Дождь.

Ты не знаешь,

Что говоришь: я не виню тебя.

МАРИНА.

Ты знаешь все; но чувствуешь ли ты
 Хотъ что-нибудь?

Дождь.

Я перенесъ такъ много,
 Что ужъ слова не трогаютъ меня.

МАРИНА.

Я думаю! Ты видѣлъ—какъ въ своей

Крови твой плавалъ сынъ — и не былъ тронуть.
 Чтò передъ этимъ женскія слова,
 Чтобъ ты могъ ими тронуться? — не больше,
 Чѣмъ женскія — и слезы.

Дождь.

Женщина!

Я говорю тебѣ, твой громкій плачь
 Предъ этою безмолвною печалью.
 Которая... но, бѣдная Марина,
 Мнѣ жаль тебя.

МАРИНА.

А моего супруга?

Жалѣй о немъ,—жалѣй о сынѣ! Ты
 Сжалишься!—нѣтъ, это слово чуждо
 Твоей душѣ: — какъ вырвалось оно
 Изъ устъ твоихъ?

Дождь.

Я долженъ выносить

Всѣ эти укоризны, какъ ни больно
 Мнѣ слушать ихъ: когда бы ты могла
 Лишь прочитать...

МАРИНА.

Конечно, не въ твоихъ

Дѣлахъ, отецъ; ни на твоемъ челѣ,
 Ни у тебя во взорахъ: гдѣ же это
 Могла бы иль могу я прочитать
 Такое чувство?

Дождь.

(Указывая на землю).

Тамъ!

МАРИНА.

Въ землѣ?

Дождь.

Къ которой

Склоняюсь я; когда вотъ эта грудь
 Заснетъ подъ ней и мраморомъ тяжелымъ
 Притиснется, и все-таки себя
 Почувствуетъ вольнѣе, чѣмъ подъ гнетомъ,
 Ее теперь давящимъ, то ты лучше
 Поймешь меня.

МАРИНА.

Подумаешь, что ты

И въ самомъ дѣлѣ жалокъ.

Дождь.

Жалокъ! нѣтъ;—

И самые враги мои едва ли

Презрѣннымъ этимъ словомъ захотятъ
Мое унизить имя; это имя
Останется возвышеннымъ, какъ я
Носилъ его, какимъ оно досталось
Отъ предковъ мнѣ.

МАРИНА.

Но еслибы несчастный,
Котораго не хочешь ты спасти,
Не покидалъ сиротъ—ты это имя
Носить бы могъ послѣдній.

Дождь.

И я могъ
Благодарить судьбу. Да, не родиться
Ему-бы было лучше. Онъ нашъ домъ
На вѣки обезславилъ.

МАРИНА.

Это ложь!
Вѣрный, честный, открытый, благородный
И искренный еще не билось сердце
Ни въ чьей груди; нѣтъ, я бъ не захотѣла
Гонимаго супруга моего,
Униженнаго, ссыльнаго, всѣхъ правъ
Лишеннаго, затоптаннаго въ землю,
Ни въ жизни, ни по смерти—промѣнать
Ни на какого въ мѣръ паладина,
Иль сказочнаго принца, хоть бы онъ
Повелѣвалъ вселенной. *Обезславилъ!*
Онъ обезславилъ домъ твой! нѣтъ, скорѣй
Навѣки обезславилъ себя
Венеція. Я говорю тебѣ:—
Онъ для нея тягчайшей укоризной
Останется, но лишь за то, что онъ
Въ ней перенесъ, а не за то, что сдѣлалъ.
Измѣнники, тираны—это вы!
Одни лишь вы! Когда бъ свою отчизну
Любили вы настолькоъ же, какъ онъ,—
Изъ-подъ цѣпей идущій на пропятье,
Все переместъ готовый, чтобъ не быть
Лишь сосланнымъ,—вы пали бъ на колѣни
Тогда передъ нимъ; вы о своей винѣ
Чудовищной, въ слезахъ,
Молились бы.

Дождь.

Ты не ошиблась: онъ
Былъ этимъ всѣмъ. Я потерялъ двоихъ

Ужь сыновей: мнѣ это было легче
Джакопова безславья.

МАРИНА.

Это слово

Ты повторилъ?

Дождь.

Да развѣ въ первый разъ

Онъ судится?

МАРИНА.

Да развѣ судить только

Преступниковъ?

Дождь.

Я очень бы хотѣлъ,

Чтобъ время оправдало мнѣ его!

Онъ былъ моею гордостью, на немъ...

Но это бесполезно.—Я къ слезамъ

Наклоненъ очень мало; но я плакалъ

Отъ радости, въ тотъ день, когда онъ былъ

Рожденъ на этотъ свѣтъ: то были слезы

Зловѣщія.

МАРИНА.

Отецъ! онъ не виновенъ;

Но пусть ужь онъ преступникъ:—неужель

Въ минуты роковыя—отступиться

Отъ насъ должна и собственная кровь?

Дождь.

Я отъ него не отступаюсь; но

На мнѣ лежатъ обязанности, кромѣ

Родительскихъ; республика не хочетъ

Ихъ снять съ меня; объ этомъ я просилъ

Два раза,—мнѣ отказано: я долженъ

Ихъ исполнять.

Входитъ Служитель.

СЛУЖИТЕЛЬ.

Къ вамъ, государь, съ докладомъ

Отъ Десяти.

Дождь.

А кто его принесъ?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Патрицій Лоредано.

Дождь.

Онъ!—а впрочемъ

Прими его.

МАРИНА.

А я уйти должна?

Дождь.

Ты можешь и остаться, если дѣло
Идетъ о немъ, а если нѣтъ...

(Къ Лоредано, который входитъ)

Синьоръ,

Что вамъ угодно?

Лоредано.

Я отъ Десяти.

Дождь.

Я нахожу ихъ выборъ превосходнымъ.

Лоредано.

Меня сюда приводить этотъ выборъ.

Дождь.

Онъ дѣлаетъ большую честь и ихъ
Учтивости и ихъ благоразумью—
Но къ дѣлу.

Лоредано.

Мы рѣшили.

Дождь.

Мы?

Лоредано.

Въ Советѣ.

Дождь.

Такъ онъ ужь собирался—и ни слова
Объ этомъ мнѣ?

Лоредано.

Онъ пощадить хотѣлъ

Лѣта и чувства ваши.

Дождь.

Это новость;—

Когда щадилъ онъ тѣ или другія?

Но, несмотря на это, я ему

Признателенъ.

Лоредано.

Вы знаете, что Десять

Имѣютъ власть—дѣла рѣшать безъ дожа,

Иль вмѣстѣ съ нимъ, по усмотрѣнью.

Дождь.

Я

Объ этомъ зналъ гораздо прежде,—прежде;

Чѣмъ сдѣлался я дожемъ, иль мечталъ

Объ этомъ возвышеньи; вамъ, синьоръ,

Не слѣдуетъ учить меня; я въ этомъ

Советѣ засѣдалъ, когда вы были

Лишь молодымъ патрициемъ.

Лоредано.

Когда

Былъ живъ еще мой дядя—адмиралъ —
И братъ его—отецъ мой—я объ васъ
Огъ нихъ еще наслышанъ; вапа свѣтлость,
Конечно, не забыли ихъ: они
Скоропостижно померли, какъ тотъ,
Такъ и другой.

Дождь.

Такъ умереть, сеньоръ,
Какъ умерли они, гораздо лучше,
Чѣмъ какъ нибудь иначе.

Лоредано.

Несравненно!

Но многіе желаютъ дни свои
Прожить сполна.

Дождь.

А вашъ отецъ и дядя

Не прожили?

Лоредано.

Про то могила знаетъ:

Я говорю, что смерть скоропостижно
Ихъ унесла.

Дождь.

Да что-же тутъ такого,
Чтобъ вамъ на этомъ словѣ ударять?

Лоредано.

Я ничего не вижу тутъ; напротивъ,
Ихъ смерть была такой простою вещью,
По моему, какъ только можетъ быть.
А вы иначе думали?

Дождь.

Что думать

О смертныхъ мнѣ иначе?

Лоредано.

Что у нихъ

Смертельные враги есть.

Дождь.

Я васъ понялъ:

Вашъ родъ съ моимъ вражду имѣлъ, а вы
Всему теперь наследникъ.

Лоредано.

Вамъ вѣрнѣй

Объ этомъ знать.

Дождь.

Я знаю. Вамъ отецъ

И дядя вашъ со мной считались местию;
Я слышала про недѣльную молву,
Читала и эпитафію, въ которой
Причиною ихъ смерти ставятъ ядъ.
Въ ней, можетъ быть, ни чуть не меньше правды,
Чѣмъ въ надписяхъ надгробныхъ вообще;
Но это не мѣшаетъ быть ей—сказкой.

Лоредано.

Кто бъ это могъ сказать мнѣ?

Дождь.

Я!—Вы правы,

Родитель вашъ столь заклятымъ врагомъ
Былъ для меня, какъ никогда не можетъ
Быть сынъ его; такъ точно какъ и я
Былъ врагъ ему; но я ему врагомъ
Открытымъ былъ: я никогда въ Совѣтъ
Не поджигалъ, не распускалъ клеветы
Въ республикѣ; тутъ не было, синьоръ,
Ни яду, ни книжала; ваша жизнь
Порукой въ этомъ служить.

Лоредано.

Я не трусь.

Дождь.

Я человекъ такой, что вамъ быть трусомъ
Причины нѣтъ; но будь я тѣмъ, чѣмъ вы
Считать меня хотѣли—вы, конечно,
Теперь бы ужъ давно ни передъ чѣмъ
Не трусили.—Мнѣ все равно, враждуйте.

Лоредано.

Я этого не зналъ, чтобъ дворянинъ
Въ Венеціи могъ опасаться дожа
За жизнь свою,—копечно, если дождь
Ведетъ себя открыто.

Дождь.

Но вѣдь я

Не просто дождь; я означаю *больше*,—
По крайней мѣрѣ прежде означалъ,—
По крови, по связямъ, и напоследокъ
Самъ по себѣ: объ этомъ хорошо
Извѣстно всемъ, которые боялись
Избрать меня, и влѣдствіе того,
Все сдѣлали, что смѣли, чтобъ меня
Огосторонить: такъ вѣрите, если бъ я
Тогда, теперь, нль хоть когда-нибудь —
Такъ много вамъ значенія придалъ,
Чтобы желалъ отъ васъ освободиться,

То я однимъ дыханьемъ могъ создать
 Такихъ духовъ, которые могли бы
 Васъ обратить въ *лмчто!* Но я во всѣхъ
 Дѣлахъ моихъ проникнуть былъ строжайшимъ
 Вниманіемъ не только къ тѣмъ законамъ,
 Которые обязываютъ васъ
 Имѣть ко мнѣ вниманье,—и я вамъ
 Могъ доказать бы это, опираясь
 На власть мою, когдабъ я захотѣлъ
 Васъ вразумить (я говорю *о васъ*,
 Какъ объ одномъ изъ многихъ),—нѣтъ, я былъ,
 Какъ я сказалъ, проникнуть уваженіемъ,
 Какъ жрецъ предъ алтаремъ сватымъ, къ правамъ,
 Къ величію, довольству, процвѣтанью
 Республики; я этимъ чувствомъ къ ней
 Проникнуть былъ до жертвы ей здоровьемъ,
 Спокойствіемъ и кровью... Ну, синьоръ,
 Скажите мнѣ въ чемъ дѣло.

Доредано.

Рѣшено, —

Не повторяя пытки и допроса,
 Которые лишь клонятся къ тому,
 Чтобъ обличить въ преступникѣ упорство,
 А также во вниманье взявъ законъ
 О прекращеніи пытокъ вслѣдъ за полнымъ
 Сознаніемъ, и примѣнивъ къ нему,
 Что арестантъ отчасти ужь сознался,
 Отнюдь не отвергая, что письмо
 Въ Миланъ на имя герцога *писалъ* онъ,—
 Вернуть Джакомо Фоскари опять
 Въ изгнаніе, взявъ для того галеру
 Ту самую, которая его
 И привезла.

Марина.

Благодарю, мой Боже!

Его не стануть болѣе влачить
 На этотъ судъ ужасный. Еслибъ онъ,—
 Подобно мнѣ,—я не одинъ опъ,—всякій,
 Живущій здѣсь,—могъ только разсудить...
 Онъ высшаго не пожелалъ бы счастья,
 Какъ быть вдали отъ родины такой.

Дождь.

Такая мысль, дитя мое, не можетъ
 Быть названа венеціанской.

Марина.

Нѣтъ;

Она бы не могла быть названа
Въ то время человѣческой. — А я
Могу, синьоръ, съ нимъ раздѣлить изгнанье?

Лоредано.

Совѣтъ объ этомъ умолчалъ.

Марина.

Я такъ

И думала, — вѣдь это былъ бы тоже
Поступокъ человѣческой. — Но онъ
Не запретилъ?

Лоредано.

Объ этомъ и помню

Тамъ не было.

Марина. (*Къ Дожду*).

Такъ ты, отецъ, конечно,

На это мнѣ получишь или дашь
Согласіе; а что до васъ, синьоръ, —
Вы только не противьтесь моему
Ходатайству.

Дождь.

Я буду помогать.

Марина.

А вы, синьоръ?

Лоредано.

Могу ли я, синьора,

Противиться любезности Совѣта?

Марина.

Любезности! — избрать такое слово,
Чтобы назвать...

Дождь.

Дитя мое, подумай,

При комъ ты говоришь!

Марина.

При государѣ

И подданномъ его.

Лоредано.

И подданномъ?

Марина.

Ахъ, это вамъ обидно, — хорошо:
Вы равные, какъ вы хотите думать;
Хоть этого, и нѣтъ и никогда
Не можетъ быть, — будь онъ престолюдиномъ; —
Но хорошо: вы дворянинъ, вы принцъ,
Вы равные; — а что же я, синьоръ?

Лоредано.

Вы отрасль благороднаго семейства.

МАРИНА.

И нахожусь въ меньшее благородномъ
Въ замужествѣ. Такъ чье же бы теперь
Присутствіе моей свободной рѣчи
Могло мѣшать?

ЛОРЕДАНО.

Присутствіе судей
Супруга вашего.

ДОЖЪ.

И уваженье,
Котораго малѣйшія слова
Правителей Венеціи достойны.

МАРИНА.

Храните эти правила для робкихъ
Поденщиковъ, для вашихъ торгашей
И данниковъ, невольниковъ изъ грековъ
И изъ далматъ, для вашихъ шутовскихъ
Патрициевъ, для безъязычныхъ гражданъ,
Для сбировъ и шпионовъ, для своихъ
Галерныхъ и другихъ рабовъ,—которыхъ
Полночные аресты ваши съ ихъ
Короткою расправой, ваши тюрьмы
Подъ крышами, въ подвалахъ, подъ водой,
Ночныя ваши сходбища, безгласность
Таинственныхъ рѣшеній, произволъ
И беззаконность казней, «Мостъ Стенаній»,
Застѣнокъ вашъ и въ немъ хранимый адъ
Орудій мукъ—въ васъ заставляютъ видѣть
Какихъ—то исполиновъ зла!—но я
Васъ не боюсь; я знаю васъ,—ахъ, знаю—
По адскому процессу надъ моимъ
Несчастнымъ Фоскари.—Вамъ остается
Ту-жь самую любезность показать
На мнѣ самой; но я ужъ этотъ опытъ
Перенесла при видѣ—какъ ему
Вытягивали жилы: такъ чего же
Бояться остается мнѣ *отъ васъ*,
Будь даже я изъ робкихъ, хоть я вовсе
Не такова?

ДОЖЪ.

Все это такъ безумно,
Вы слышите.

МАРИНА.

Быть можетъ, безразсудно;
Но отчего жъ безумно?

Доредано.

Я, синьора,
 Не вынесу съ собою за порогъ,
 Чтò слышала здѣсь, конечно, кромѣ дѣла
 Республики, которыхъ мы касались
 Съ ихъ свѣтлостью. Имѣетъ ли чтò дожъ
 Мнѣ поручить?

Дождь.

Да, кое-что отъ дожа
 И отъ отца, быть можетъ.

Доредано.

Я сюда
 Былъ присланъ только въ дожу.

Дождь.

Такъ скажите,
 Что дожъ найдетъ особаго посла,
 Иль передастъ, чтò будетъ нужно, лично;
 Что до отца—

Доредано.

Я помню о своемъ.—
 Счастливыи день,—цѣлую ваши ручки,
 Свѣтлѣйшая синьора; мой поклонъ
 Примите, дожъ.

(Доредано уходитъ).

Марина.

Пу,—ты теперь доволенъ?

Дождь.

Ты можешь это видѣть.

Марина.

Это тайна.

Дождь.

Все въ человѣкѣ тайна: кто постигнетъ
 Ее кромѣ создавшаго его?
 И если есть отважные умы,
 Которые стараются проникнуть
 Въ столь гнусный фоліантъ, какъ «Человѣкъ,»
 Корпятъ въ поту надъ этими листами
 Крѣпкими и черными,—надъ сердцемъ
 И мозгомъ человѣческимъ,—они
 Опасною и гибельной для нихъ
 Увлечены наукой: мы творимъ
 Гнуснѣйшія дѣла на этомъ свѣтѣ;
 Всѣ наши преимущества—дары
 Случайности: рожденіе, богатство,
 Здоровье, красота—все это случай.
 И если мы порою вопіемъ

Противъ судьбы, то намъ одно безумье
 Мѣшаетъ вразумиться, что судьба
 Не въ силахъ ничего отнять у насъ,
 Кромѣ того, что намъ дала; за тѣмъ
 Все остальное—наша нагота,
 Желанія, склонности, пороки
 Да суетность,—всеобщій нашъ удѣлъ
 Тѣмъ болѣе тяжолый, чѣмъ мы дальше
 Стоимъ отъ скромной доли, гдѣ нужда,
 Свирѣпствуя всей силою проклятья,
 Велѣвшаго ѣсть человеку хлѣбъ
 Въ поту лица,—смиряетъ въ немъ всѣ страсти,
 Кромѣ боязни голода!—Вездѣ
 Фальшивость, ложь, ничтожность: наша слава
 Зависитъ отъ дыханія людей,
 Жизнь—отъ чего-то меньшаго, чѣмъ даже
 Дыханіе, длина ея—отъ дней,
 Дни—отъ временъ годичныхъ; словомъ, все въ насъ
 Зависитъ отъ чего-то, кромѣ насъ!
 Ничто не въ нашей волѣ: мы рабы
 Отъ малыхъ до великихъ; нашей волей
 Былинка управляетъ точно такъ же,
 Какъ ураганъ; въ тотъ мигъ, какъ мы вождями
 Мечтаемъ быть, мы болѣе всего
 Идемъ вслѣдъ за другими, и идемъ
 Еще навстрѣчу смерти... этой гостьи,
 Которая, какъ множество другихъ
 Случайностей, какъ самое рожденье,
 Приходитъ къ намъ безъ вѣдома для насъ,
 Безъ выбора... Вотъ почему порой
 Я думаю, что вѣрно согрѣшили
 Мы гдѣ нибудь—въ другомъ, отжившемъ мірѣ,
 А *этотъ*—только адъ; чѣмъ онъ хорошъ—
 Такъ тѣмъ, что онъ не вѣченъ.

МАРИНА.

Мы объ этихъ
 Вещахъ судить не можемъ на землѣ.

Дождь.

Такъ какъ же намъ судить другъ друга, если
 Мы всѣ—земля, и какъ же мнѣ судьей
 Надъ сыномъ быть? Я управляя моею
 Отчизною побѣдоносно, честно;
 Я это доказать могу ей
 Ландкартою: я увеличилъ вдвое
 Республику, и вотъ, взаимно того,

Признательной Венеціи обязанъ
Я только тѣмъ, что сдѣланъ одинокимъ.

МАРИНА.

А Фоскари? но эти размышленья
Касаются тебя лишь;—я хочу
Быть всюду съ нимъ.

Дождь.

И будешь; въ этомъ трудно
Имъ отказать.

МАРИНА.

Пускай откажутъ—я
Могу бѣжать.

Дождь.

Ты этого не можешь,
Да и куда?

МАРИНА.

Не знаю,—все равно—
Ну, въ Сирію, въ Египеть, къ оттоманамъ
Или еще куда-нибудь, гдѣ воздухъ
Не огороженъ тюрьмами, гдѣ жить
Возможно безъ шпионовъ, гдѣ не знаютъ
Указовъ инквизиторскихъ, какъ здѣсь.

Дождь.

Такъ неужель ты хочешь, что бы мужъ твой
Былъ ренегатъ? потерпишь, чтобъ онъ сталъ
Измѣнникомъ?

МАРИНА.

Не онъ измѣнникъ, нѣтъ!
Измѣнница страна, что отвергаетъ
Такого изъ сыновъ своихъ, какъ онъ.

Дождь.

Я за невѣрность родинѣ моей
Не заслужилъ укоровъ.

МАРИНА.

Нѣтъ, ты вѣрнѣ
Законамъ остаешься,—хоть такимъ,
Что древніе драконы предъ ними—
Лишь кодексъ милосердыя.

Дождь.

Я законовъ
Не составлялъ; я ихъ засталъ. Будь я
Простымъ здѣсь гражданиномъ—я бы въ нихъ
Могъ предложить поправки, но какъ дождь,
Я не рѣшусь, въ видахъ семейной пользы,
На перемѣну хартіи, дошедшей

Къ намъ отъ отцовъ.

МАРИНА.

Ужель они ее
Для гибели дѣтей своихъ писали?

Дождь.

Венеція возвысилась такими
Законами до этого, чтобъ быть
Соперницей дѣяній, долготѣя,
Могущества, и—я добавлю—славы
(Мы съ римскою душою знали гражданъ
Между себя), и наконецъ всего,
Что только Римъ и Карагенъ имѣли
Великаго въ цвѣтушіе ихъ дни,
Когда народъ державствовалъ посредствомъ
Сенаторовъ.

МАРИНА.

Скорѣй—скажи—стональ
Подъ гнетомъ олигарховъ.

Дождь.

Можетъ быть,
Но покорялъ вселенную; въ подобной
Республикѣ—будь частный человекъ
Первѣйшимъ гражданиномъ по богатству
И знатности, иль вовсе нищимъ будь,
Безъ имени,—онъ все равно ничто.
Правительство, стремясь къ великой цѣли,
Должно держать политику въ рукахъ.

МАРИНА.

Ты болѣе правитель, чѣмъ отецъ.

Дождь.

Я больше гражданинъ, чѣмъ что-нибудь.
Не будь подобныхъ гражданъ между нами,
Какъ тысячъ ихъ было,—и они
Всегда, надѣюсь, будутъ,—этотъ городъ
Могъ ничего не значить на землѣ.

МАРИНА.

Будь проклятъ этотъ городъ, гдѣ законы
Природу заглушаютъ.

Дождь.

Еслибъ я
Такъ много сыновей имѣлъ, какъ много
Имѣю лѣтъ, я отдалъ бы ихъ всѣхъ,
Хоть съ горестью, но я бы отдалъ ихъ
Отечеству, чтобъ исполнять его
Желанія во флотъ иль на сушѣ,

И если суждено (увы! и это
Уж суждено), въ изгнаньи, въ кандалахъ,
Подъ остракизмомъ—всюду, гдѣ оно
Имъ только указать могло.

МАРИНА.

И это

Патріотизмъ? я вижу тутъ одно
Лишь варварство. Позволь мнѣ видѣть мужа.
При всемъ своемъ усердіи, Совѣтъ,
Конечно, съ слабой женщиной не будетъ
Такъ враждовать, чтобъ запретить ей входъ,
Минутный входъ—въ темницу мужа.

Дождь.

Я

Берусь тебѣ доставить разрѣшенье
На этотъ входъ.

МАРИНА.

Что Фоскари сказать

Могу я отъ отца его?

Дождь.

Чтобъ онъ

Смирися предъ закономъ.

МАРИНА.

А потомъ?

Ужель ты съ нимъ не хочешь предъ отъѣздомъ
Увидѣться? Быть можетъ, это будетъ
Въ послѣдній разъ.

Дождь.

Въ послѣдній! сынъ мой! сынъ!

Въ послѣдній разъ съ послѣднимъ изъ дѣтей
Увидѣться!—Скажи, что я найду.

(Уходятъ.)

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Сцена—тюрьма Джакомо Фоскари.

ФОСКАРИ. (Одинъ.)

Все сумрачно; чуть брезжетъ слабый свѣтъ
Вдоль этихъ стѣнъ, гдѣ нѣтъ другого эха,

Какъ вздохъ тюремной скуки, шумъ шаговъ,
 Звенящихъ кандалами, стонъ печали,
 Предсмертное томленье, или крикъ
 Отчаянья! Межъ тѣмъ я возвратился
 Въ Венецію *за этимъ*,—не совсѣмъ,
 Конечно, безъ надежды, чтобы время,
 Стирающее мраморъ, не могло
 Стереть вражды съ сердець людскихъ: я мало
 Ихъ зналъ тогда;—и здѣсь вотъ схоронить
 Теперь обязанъ собственное сердце,
 За то, что въ немъ другого чувства нѣтъ
 Къ Венеціи, какъ то, съ какимъ голубка,
 Досыта накружившись въ высотѣ,
 Слѣшится къ гнѣзду далекому—привѣтять
 Свою неоперенную семью.

(Подходитъ къ стѣнѣ.)

Что за слова на этой непреклонной
 Стѣнѣ тутъ нацарапаны?—темно—
 Не разберешь. Ахъ! имена несчастныхъ,
 Здѣсь до меня сидѣвшихъ, числа,—дни
 Отчаянья,—слова сердечной муки,
 Для многихъ слишкомъ тяжелой. Этотъ листъ
 Гранитный—ихъ исторія, такъ точно,
 Какъ ихъ и эпитафія; онъ мнѣ
 Передаетъ сказанья о несчастныхъ,
 Какъ мощный дубъ, съ нарѣзкой на своей
 Корѣ съдой, передаетъ счастливцу
 Любовную исторію.—Я вижу
 Здѣсь имена знакомыя, увы!
 Не менѣе покрыты позоромъ,
 Какъ и мое, которое внести
 Хочу я въ эту лѣтопись, что пишуть,
 Равно какъ и читають, лишь одни
 Несчастные.

*(Вырываетъ свое имя. Входитъ
 тюремный смотритель.)*

Тюр. Смотритель.

Я вамъ принесъ обѣдъ.

Фоскари.

Поставьте тутъ; со мной прошолъ ужъ голодъ;
 Но мнѣ палить уста,—воды!

Тюр. Смотритель.

Извольте.

Фоскари. *(Написшись.)*

Благодарю; мнѣ лучше.

ТЮР. СМОТРИТЕЛЬ.

Я имѣю

Вамъ сообщить, что вашъ допросъ отсроченъ.

ФОСКАРИ.

Надолго ли?

ТЮР. СМОТРИТЕЛЬ.

Не знаю. У меня

Въ приказѣ также значится, чтобъ вашу
Свѣтлѣйшую супругу пропустить.

ФОСКАРИ.

Они-таки смягчились! А ужь я

На это и надежду потерялъ;

Да и пора.

(*Входитъ Марина.*)

МАРИНА.

Мой милый! милый мой!

ФОСКАРИ. (*Цѣлуетъ ее.*)

Подруга неизмѣнная,—мой другъ

Единственный!

МАРИНА.

Мы больше разставаться

Не будемъ ужь.

ФОСКАРИ.

Какъ, неужель ты хочешь

Здѣсь раздѣлять тюрьму со мною?

МАРИНА.

Да,

Застѣнокъ и могилу,—хоть могилу

Позднѣй всего: вѣдь мы другъ другу будемъ

Чужіе тамъ,—но только и ее

Я раздѣлю съ тобою,—все на свѣтѣ,

Кромѣ разлуки; я перенесла

Ихъ двѣ уже: довольно!—Какъ, мой милый,

Ты переносишь *это*,—какъ твои

Изыявленные члены?—Ахъ, о чемъ

Тутъ спрашивать? Такая блѣдность—

ФОСКАРИ.

Это

Отъ радости свиданія съ тобой;

Я ждалъ тебя такъ мало, что во мнѣ

Вся кровь прильнула къ сердцу; ну,—а ты?—

Да ты блѣднѣй меня, Марина.

МАРИНА.

Это

Отъ темноты;—твой вѣчный казематъ,

Не знавшій никогда дневного свѣта,

Печальный этот факелъ—твоего
 Приставника—съ своимъ огнемъ смолистымъ,—
 Скорѣе приходящимся сродни
 Полночной тьмѣ, чѣмъ свѣту,—и миазмы
 Тюрьмы твоей, здѣсь застилаютъ все,
 Не исключая глазъ твоихъ;—ахъ, нѣтъ! —
 Она горять, ахъ, какъ горять, мой милый!

ФОРКАРИ.

Отъ этого я факела ослѣпну,
 Мнѣ кажется.

МАРИНА.

А я—такъ безъ него.

Ужель ты можешь видѣть тутъ?

ФОСКАРИ.

Сначала

Почти не могъ; но время и привычка
 Со тьмой меня освоили, и мнѣ
 Вотъ этотъ свѣтъ, похожій на мерцанье
 Дневныхъ лучей сквозь трещину стѣны,
 Былъ веселѣй полуденнаго блеска,
 Горѣвшаго на шплицахъ... не на шплицахъ
 Венеціи, конечно; я какъ разъ
 Предъ тѣмъ, какъ ты вошла сюда, писалъ здѣсь.

МАРИНА.

Что?

ФОСКАРИ.

Собственное имя. Погляди
 Оно вотъ тутъ занесено на память,
 Близъ имени того, кто здѣсь сидѣлъ
 Передо мной.

МАРИНА.

А что же съ нимъ случилось?

ФОСКАРИ.

Конецъ людей межъ этихъ стѣнъ есть тайна,
 Доступная, быть можетъ, имъ однимъ.
 Такія стѣны строятъ надъ землей
 Лишь мертвецамъ, да тѣмъ, кого готовятъ
 Отправить къ нимъ. Ты спрашиваешь—что
 Случилось съ нимъ? Такъ точно скоро спросятъ
 И обо мнѣ и, можетъ быть, въ отвѣтъ
 Одинъ намекъ двусмысленный, ужасный
 Получать точно такъ же, если только
 Ты не расскажешь повѣсти моей.

МАРИНА.

Мнѣ о тебѣ рассказывать?

ФОСКАРИ.

Такъ что-жь?

Вѣдь обо мнѣ въ то время будетъ можно
 Всѣмъ говорить
 За память о себѣ
 Я поручусь; за жизнь—съ трудомъ... а впрочемъ
 Я не боюсь за обѣ.

МАРИНА.

Жизнь твоя

Пощажена.

ФОСКАРИ.

Ну,—а свобода?

МАРИНА.

Пусть

Душа создастъ свою.

ФОСКАРИ.

Прекрасный звукъ!

Но это—звукъ! гармонія его
 Властительна, но скоропреходяща.
 Душа, конечно, много, но не все.
 Я рисковалъ опасностію смерти,
 И болѣе, чѣмъ смерти,—если смерть
 Есть только сонъ глубокой,—я безъ стона
 Подъ пыткою лежалъ, а если крикъ
 Внезапный издавалъ, то онъ безславилъ
 Моему судей скорѣе, чѣмъ меня:
 Вотъ чѣмъ душѣ обязанъ я; но это
 Еще не все; есть вещи несравненно
 Ужаснѣе,—какъ напримѣръ вотъ эта
 Громадная тюрьма, гдѣ я могу
 Быть брошенъ навсегда.

МАРИНА.

Увы! и эта

Огромная тюрьма есть все, чѣмъ ты
 Владѣешь въ государствѣ, гдѣ отецъ твой
 Поставленъ государемъ.

ФОСКАРИ.

Эта мысль

Меня не утѣшаетъ. Я песу
 Судьбу довольно общую; въ темницахъ
 Не мало есть людей, хотя и точно
 Межъ ними никого нѣтъ, кто-бъ такъ близко

Сидѣлъ къ дворцу отцовскому, какъ я.
 И все-таки я будто воскресая
 По временамъ, и будто предо мной
 Сквозь этотъ лучъ темничный, засоренный
 Мыриадами пылинокъ, вдругъ мелькнетъ
 Какая-то надежда,—хоть всѣ виды,
 Которые я вижу здѣсь—вотъ эта
 Свѣтящаяся муха, да вонъ тотъ
 Большой паукъ въ своей мудреной сѣти
 Гнѣздящійся, да иногда ночникъ
 Тюремщика.—Увы, я очень знаю,
 Способна-ль насъ поддерживать душа;
 Я самъ имѣю душу,—и на это
 Свидѣтели найдутся... но она
 Въ уединеніи чахнетъ: я не оозданъ
 Затворникомъ.

МАРИНА.

Я буду жить съ тобою.

ФОСКАРИ.

Ахъ, еслибы! но этого доселѣ
 Тебѣ не разрѣшали, и конечно
 Не разрѣшать: я буду все одинъ
 Вдали людей, безъ книгъ,—безъ этихъ коній
 Обманчивыхъ съ обманчивыхъ людей.
 Я спрашивалъ недавно самыхъ скромныхъ
 Вещей у *нихъ*: сказаній лѣтописныхъ,
 Исторіи,—иль назови какъ хочешь
 Тѣ очерки, которые людей
 Передаютъ, какъ будто бы портреты,
 Изъ рода въ родъ,—и получилъ отказъ.
 Я долженъ былъ предметомъ изученія
 Поставить свой острогъ и эти стѣны,
 Которыя съ ихъ плѣсенью и мракомъ
 Въ сто разъ вѣрнѣй изображаютъ намъ
 Исторію Венеціи, чѣмъ эти
 Палаты недалекія отсель,
 Хранящія портреты сотни дожей
 Съ подробнымъ описаніемъ ихъ дѣлъ.

МАРИНА.

Но я хочу сказать тебѣ рѣшенье
 Твоей судьбы въ совѣтѣ Десяти.

ФОСКАРИ.

Я зналъ его заранѣй—погляди!

*(Показываетъ ей свои раны
 съ тѣмъ, чтобы напомнить о му-
 кахъ, которымъ его подвергали.)*

МАРИНА.

Ахъ, нѣтъ, — не это, — нѣтъ! они устали
Свирѣпствовать.

ФОСКАРИ.

Такъ что же?

МАРИНА.

То, что ты

Вернуться долженъ въ Кандію.

ФОСКАРИ.

Тогда —

Я потерялъ послѣднюю надежду.
Я могъ терпѣть тюрьму: она была
Въ Венеціи; я выносить могъ пытку: —
Здѣсь воздухъ стороны родной меня
Поддерживалъ: корабль, гонимый бурей,
Еще не унываетъ, если онъ
Путь продолжать способенъ и бороться
Съ свирѣпствомъ волнъ; но тамъ, вдали, на этомъ
Невольничьемъ, проклятомъ острову,
Тамъ и душа подобная вотъ *этой*
Казалась сокрушонной — какъ ледя
Забитая волнами. — Если снова
Меня сошлютъ, я буду изсыхать
По каплѣ тамъ.

МАРИНА.

А здѣсь?

ФОСКАРИ.

Здѣсь могутъ *разомъ*
Покончить все; и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Какъ, неужель мнѣ такъ же и въ гробницѣ
Отцовъ моихъ откажутъ, какъ въ наслѣдствѣ
И въ домѣ отказали?

МАРИНА.

Другъ мой! я
Надѣюсь похотѣтайствовать право —
Сопутствовать тебѣ. Твоя любовь
Къ странѣ неблагодарной и жестокой
Не есть патриотизмъ, а только страсть.
Что до меня, то мнѣ равны всѣ страны
И климаты, лишь былъ бы только ты
Спокоенъ и свободенъ. Эта груда
Дворцовъ и тюремъ не есть, конечно, рай;
Венеція начальнымъ основаньемъ
Обязана несчастнымъ бѣглецамъ.

ФОСКАРИ.

Я знаю какъ они несчастны были!

МАРИНА.

Ты видишь, между тѣмъ, какъ отъ татаръ
 На этихъ островахъ пустыхъ скриваясь,
 Они съ античной твердостью души, —
 Единственнымъ наследствомъ ихъ отъ Рима, —
 Создали постепенно этотъ Римъ
 Океаническій; ужели зло,
 Которое къ добру ведетъ такъ часто,
 Убить тебя способно?

ФОСКАРИ.

Еслибъ я
 Отчизну покидалъ какъ патриархи
 Старинные, ища своимъ стадамъ
 Земли другой, иль еслибъ изъ Сіона
 Былъ изгнанъ, какъ еврей, иль какъ нини
 Прапрадѣды, Италію свою
 Оставить принужденные Аттилою
 Для этихъ острововъ, то я своей
 Покинутой отчизнѣ посвятилъ бы
 Слезы нѣсколько и много, много думъ...
 Ну, а за тѣмъ, такъ точно какъ другіе,
 Я принялся бы строить новый домъ
 И государство новое: быть можетъ, —
 Я бъ въ силахъ былъ все это перенести...
 А можетъ быть и нѣтъ.

МАРИНА.

Зачѣмъ же нѣтъ?
 Таковъ удѣлъ миліоновъ былъ, и снова
 Миліарды ждетъ такая участь.

ФОСКАРИ.

Да,

Мы знаемъ лишь о тѣхъ, что уцѣлѣли
 Въ своихъ отчизнахъ новыхъ, ихъ трудахъ,
 Количествѣ, успѣхахъ, но никто
 Не исчислялъ сердецъ, разбитыхъ молча, —
 При самой ихъ разлукѣ иль потомъ, —
 Болѣзнию, въ которой предъ глазами
 Изгнанника надъ бездною морской
 Такъ живо представляются родныя,
 Зеленыя поля, что онъ готовъ
 Ходить по нимъ, когда бъ его насильно
 Не берегли. Ты слышала ль про эту
 Мелодію, которую во всемъ
 Несчастный житель горъ воображаетъ, —
 Томясь вдали отъ скалъ своихъ родныхъ
 И облаковъ узорныхъ, — до того,

Что, сладкою отравой упиваясь,
Онъ съ тѣмъ и умираетъ. Это *слабость*,
Ты говоришь! О, вѣрь, что это сила.
Тотъ ничего не любить, кто не любитъ
Страны родной.

МАРИНА.

Такъ повинуйся ей:
Она тебя къ изгнанью присудила.

ФОСКАРИ.

Да, это такъ: мысль эта тяготѣетъ
Проклятемъ материнскимъ надо мной.
Изгнанники, которыхъ ты на память
Мнѣ привела, въ путь отправлялись свой
Народами, съѣпившись на дорогу
Рука съ рукой; они свои палатки
Раскидывали вмѣстѣ: я — одинъ.

МАРИНА

На этотъ разъ ты не одинъ, и я
Иду съ тобою.

ФОСКАРИ.

Добрая Марина!

А наши дѣти?

МАРИНА.

Дѣти... я боюсь,
Что гнусная политика Совѣта, —
Которая желаетъ разрывать
Всѣ связи, будто нитки, — не потерпитъ
Чтобъ мы съ собой ихъ взяли.

ФОСКАРИ.

И ты можешь
Оставить ихъ?

МАРИНА.

Могу. Мнѣ это будетъ
Мучительно; они еще такъ малы;
Но я могу оставить ихъ, чтобъ ты
Былъ менѣе дитѣю. Научись
Изъ этого владѣть самимъ собою,
Когда къ тому обязываетъ долгъ;
А на землѣ нашъ первый долгъ — терпѣть.

ФОСКАРИ.

Я не терпѣлъ еще!

МАРИНА.

О, слишкомъ — слишкомъ
Довольно для того, чтобъ научиться
Своей настоящій жребій перенести:

Въ сравненіи съ тѣмъ, что переносъ ты, это—
Лишь благодать.

Фоскари.

Ахъ! ты не покидала
Венеціи ни разу, никогда
Не видѣла ея прекрасныхъ башенъ,
Отъ взора убѣгающихъ, межъ тѣмъ
Какъ бѣгъ короны,—какъ я извѣдалъ это,—
При каждой бороздѣ своей, тебѣ
Надрѣзывалъ бы сердце; ты ни разу
Не видѣла, какъ догараеть день,
И золотомъ и пурпуромъ блистая,
На нашихъ колокольняхъ, и потомъ,
Увидѣвъ ихъ во снѣ, не просыпалась
Съ тѣмъ, чтобъ найти, что это былъ лишь сонъ.

Марина.

Я это испытаю. Намъ пора
Готовиться оставить этотъ городъ
Возлюбленный (ты, кажется, никакъ
Не въ силахъ разлюбить его) и этихъ
Правителей, которые тебѣ
Признательность его такъ выражаютъ.
Здѣсь дяди позаботятся мнѣ
И дождь о нашихъ дѣтяхъ: мы должны
На корабль быть къ ночи.

Фоскари.

Это скоро.

Ужель отца я не увижу?

Марина.

Нѣтъ, —

Увидишь.

Фоскари.

Гдѣ?

Марина.

Иль здѣсь, иль во дворцѣ,
Онъ не сказалъ. — Я очень бы желала,
Чтобъ ты свою могъсылку выносить,
Какъ онъ ее выносить.

Фоскари.

Ты его

Не осуждай. Я самъ роншу порою;
Но онъ не въ состоянн былъ иначе
Вести себя: видъ жалости, иль чувства
Привлечь могъ подозрѣнне Десяти
На старческую голову его, —
А на мою — сугубыя гоненья.

МАРИНА.

Сугубья! да развѣ есть у нихъ
Еще какія муки, отъ которыхъ
Они тебя избавили?

ФОСКАРИ.

Я могъ
Венецію покинуть, не простившись
Съ отцомъ, какъ и съ тобою: мнѣ могли
И это запретить, какъ поступили
Со мной при первой ссылкѣ.

МАРИНА.

Это правда.

И я теперь должника государства;
Но я внолѣ одолжена имъ буду
Въ то время лишь, когда мы по волюмъ
Свободнымъ будемъ мчаться дальше-дальше,
Хотя-бъ на самый край земли, — отъ этой
Неправедной, безчеловѣчной, и—

ФОСКАРИ.

Не проклинай ее. Какъ скоро я
Молчанье сохраняю, кто мою
Очизну обвинять посмѣетъ?

МАРИНА.

Люди

И ангелы! кровь цѣлыхъ мириадъ,
Дымящаяся къ небу, плачь и стоны
Рабовъ въ цѣпяхъ, людей сидящихъ въ тюрьмахъ,
Мужей и жонъ, отцовъ и матерей,
И поданныхъ, зависящихъ такъ рабски
Отъ десяти безумныхъ стариковъ,
Твое молчанье, наконецъ.—Кто можетъ
Такое порицанье ей оказать,
Какимъ должно считать твою защиту?

ФОСКАРИ.

Такъ будемъ же сбираться, если намъ
Такъ суждено. Кто тамъ идетъ?

*Входитъ Лоредано съ двумя
тюремщиками.*

ЛОРЕДАНО. (*Къ тюремщикамъ.*)

Уйдите,

А факель здѣсь оставьте.

ФОСКАРИ.

Вы, синьоръ.

Пріятный посѣтитель. Я никакъ
Не могъ предполагать, чтобъ вы своимъ

Присутствіемъ почтили это мѣсто
Несчастное.

Лоредано.

Не думайте, что въ этихъ
Мѣстахъ я въ первый разъ.

Марина.

И не въ послѣдній
Конечно бы вы были въ нихъ, — когдабъ
Всѣ люди награждались по заслугамъ.
Вы оскорблять пришли насъ, иль шпіонить,
Иль въ качествѣ заложника за насъ?

Лоредано.

Нѣтъ, я съ другою цѣлью здѣсь, синьора;
Я къ вашему супругу—съ объявленьемъ
Рѣшомъ Десяти.

Марина.

Вы опоздали,
При всей своей любезности: оно
Извѣстно.

Лоредано.

Какъ?

Марина.

Я объявила мужу,
Не такъ, конечно, ласково, какъ вы
Могли-бъ при вашихъ чувствахъ это сдѣлать,
Но только онъ ужъ знаетъ—чѣмъ обязанъ
Онъ вашимъ сослуживцамъ: если вы
Пришли за благодарностью,—примите
Ее отъ насъ и згните съ нашихъ глазъ!
Темничный мракъ здѣсь, кажется, безъ васъ
Довольно густъ и колонъ всякихъ гадъ,
Не меньше отвратительныхъ, хотъ жало
У нихъ честнѣй.

Фоскари.

Я умоляю—будь
Спокойнѣ: что пользы намъ съ тобою
Въ такихъ словахъ?

Марина.

Онъ долженъ знать, что знаютъ
Кто онъ такой.

Лоредано.

Прекрасный полъ имѣетъ
Свой права.

Марина.

Я синовой нѣю:

Со временемъ они еще не такъ
Признательны вамъ будутъ.

ЛОРЕДАНО.

Вы имъ очень

Похвальное дадите воспитанье.

Такъ приговоръ вамъ, Фоскари, извѣстенъ?

ФОСКАРИ.

Я въ Кандію,—обратно?

ЛОРЕДАНО.

Да, но жизнь.

ФОСКАРИ.

Ненадолго.

ЛОРЕДАНО.

Я вамъ сказалъ по жизни.

ФОСКАРИ.

Ненадолго—я повторяю вамъ.

ЛОРЕДАНО.

Съ годичнымъ содержаніемъ въ тюрьмѣ,

И съ полною свободою потомъ

На цѣломъ острову.

ФОСКАРИ.

Такъ двѣ тюрьмы —

Съ свободою и безъ нея: мнѣ обѣ

Равны, сньюръ. Жена мнѣ тоже будетъ

Сонутотвовать?

ЛОРЕДАНО.

Да, если пожелаетъ.

МАРИНА.

Кто оказалъ мнѣ эту справедливость?

ЛОРЕДАНО.

Одинъ изъ тѣхъ, кто въ женщинахъ не видитъ

Враговъ своихъ.

МАРИНА.

И потому тиранить

Однихъ мужчинъ; однако за подарокъ —

Единственный, какой мнѣ сдѣлать могъ

Подобный человекъ—я выражаю

Ему мою признательность.

ЛОРЕДАНО.

Конечно,

Онъ такъ ее и приметъ, какъ она

Приносится.

МАРИНА.

О, если бы онъ такъ же

Могъ съ ней и благоденствовать!

ФОСКАРИ.

Синьоръ,
Вы кончили со мной?—Намъ дали срокъ
Не слишкомъ продолжительный для сборовъ.
А между тѣмъ вы видите, что ваше
Присутствіе тревожить эту даму,
Которой домъ настолько же дворянскій
Какъ вашъ, синьоръ.

МАРИНА.

Нѣтъ, болѣе дворянскій.

ЛОРЕДАНО.

Какъ болѣе дворянскій?

МАРИНА.

Такъ какъ онъ
Породистѣй. Вѣдь мы же называемъ
«Породистымъ» коня, чтобъ отличить
Всю чистоту его высокой крови.
Зачѣмъ же не назвать и человѣка
«Породистымъ?» Какъ скоро мы хотимъ
Давать значеніе роду, то скорѣе
По свойствамъ, чѣмъ по давности; а мой,
Бывъ столько же стариннымъ, какъ и вашъ,
Гораздо знаменитѣй превосходствомъ
Своихъ дѣтей;—не хмурьтесь на меня
Такъ пасмурно,—подите хмурьтесь лучше
Надъ родословнымъ деревомъ своимъ,
Созрѣвшимъ для погибели,—поди
И покраснѣй, что ты найдешь тамъ предковъ,
Которыхъ бы краснѣть заставилъ смѣль
Такой, какъ ты, холодный ненавистникъ,
Ты, злобная душа!

ФОСКАРИ.

Опять, Марина...

МАРИНА.

Опять! *еще* Марина! онъ сюда
Пришолъ пресытитъ ненависть свою,
Въ послѣдній разъ взглянуть на наши скорби:
Такъ пусть онъ ихъ раздѣлитъ —

ФОСКАРИ.

Это трудно.

МАРИНА.

Нѣтъ ничего, напротивъ, легче: онъ
Ужъ ихъ и раздѣляетъ; да, онъ можетъ
Подъ мраморнымъ челомъ своимъ, подъ этой
Улыбкой ядовитой скрывать

Всѣ роды мукъ, но онъ ихъ раздѣляетъ.
 Святое слово истины смущаетъ
 Слугъ дьявольскихъ такъ точно, какъ и ихъ
 Властителя. Я надъ его душою
 Минутный опытъ сдѣлала предъ тѣмъ,
 Какъ ей горѣть огнемъ неугасимымъ.
 Глади, онъ отступаетъ отъ меня
 Со смертью, съ кандалами, съ заточеньемъ
 Въ своихъ рукахъ; онъ видитъ въ нихъ свое
 Оружіе, но не свою кольчугу:
 Мои слова проникли вплоть до сердца
 Его холодной груди. Пусть теперь
 Онъ хмурится еще грознѣй,—мы можемъ
 Съ тобой лишь умереть, а онъ—лишь жить,
 И для него нѣтъ ничего ужаснѣй
 Такой судьбы: въ немъ дьяволъ съ каждымъ днемъ
 Вѣрнѣй свою добычу будетъ видѣть.

ФОСКАРИ.

Ты вовсе—какъ безумная—

МАРИНА.

Быть можетъ,

Но кто же обезумилъ насъ?

ЛОРЕДАНО. (*Изъ Фоскари*).

Оставьте,

Меня не обижаетъ это.

МАРИНА.

Ложь.

Вы думали свой леденящій взоръ
 Порадовать здѣсь тысячью печалей;
 Вы думали побѣдой безсѣрдечной
 Упитъся здѣсь, услышать наши просьбы
 Напрасныя, увидѣть наши слезы,
 Подслушать наши вздохи, посмотрѣть
 На бѣдняка, какимъ теперь сталъ мужъ мой
 Изъ сына государя, словомъ, вы
 Пришли сюда за тѣмъ, чтобъ поругаться
 Надъ падшими,—воступокъ, предъ которымъ
 Палачъ бы отступилъ, какъ передъ нимъ
 Самимъ всѣ отступаютъ. Много-ль вы
 Успѣли въ этомъ дѣлѣ? Мы несчастны,
 Мы такъ, синьоръ, несчастны, какъ могли
 Насъ сдѣлать ваши козни, какъ того
 Могло желать лишь мщенье; ну а вы
 Какъ чувствуете это?

ЛОРЕДАНО.

Какъ скала.

МАРИНА.

Грозою опаленная! она
 Нечувствуетъ, но тѣмъ не меньше громомъ
 Раздроблена. Ну, Фоскари, идемъ.
 Пусть этотъ ненавистникъ остается
 Одинъ тутъ въ казематъ; онъ одинъ
 Такой тюрьмы достоинъ, и покуда
 Онъ самъ не сядетъ на цѣпь въ ней, ей будетъ
 Недоставать достойнаго жильца.

(Входитъ Дожь).

ФОСКАРИ.

Отецъ!

Дожь.

Джакопо! сынъ мой, сынъ!

ФОСКАРИ.

Отецъ!

Я такъ давно не слышалъ, какъ мое
 Ты произносишь имя, *наше* имя.

Дожь.

Дитя мое! Когдабъ ты зналъ —

ФОСКАРИ.

Синьоръ,

Я не ропталъ, иль рѣдко.

Дожь.

Я и это

Все чувствовалъ.

МАРИНА.

Дожь, оглянись!

(Указываетъ на Лоредано).

Дожь.

Я вижу

Того синьора.—Что же?

МАРИНА.

Осторожность!

ЛОРЕДАНО.

Синьора восхваляетъ добродѣтель,
 Въ которой вѣсть съ тѣмъ могла-бъ служить
 И образцомъ.

МАРИНА.

Гдѣ добродѣтель? это

Простое поведеніе людей,
 Съ порокомъ обращаться принужденныхъ;
 Я точно такъ могла бъ предостеречь

И всякаго, подъ чѣмни бы ногами
Увидѣла ехидну.

Дождь.

Дочь моя,
Ты слишкомъ увлекаешься; я знаю
Давно ужъ Лоредано.

Лоредано.

Онъ, конечно,
Для васъ извѣстенъ лучше.

Марина.

Да, онъ хуже
Не можетъ быть извѣстенъ.

Фоскари. (*Къ жемъ*).

Перестань

Прощальные часы терять на эти
Упреки бесполезные.—Отецъ
Я не могу повѣрить,—неужели
Мы видимся въ послѣдній разъ?

Дождь.

Ты видишь

Сѣдые эти волосы!

Фоскари.

И знаю,

Кромѣ того, что до такихъ волосъ
Не доживу я.—Пощади меня.
Я никогда не могъ тебя сильнѣе
Любить, чѣмъ въ этотъ часъ; но я всегда
Любилъ тебя, родитель. Береги
Дѣтей моихъ. Пускай они замѣнятъ
Все для тебя, чѣмъ былъ когда-то я,
И никогда не будутъ—чѣмъ я нынѣ
Сталъ для тебя. Конечно, я и съ ними
Прощусь?

Марина.

Постой—не здѣсь.

Фоскари.

Имъ все равно

Родителя увидѣть гдѣ нибудь.

Марина.

Но только не въ такомъ проклятомъ мѣстѣ,
Гдѣ бь въ жилахъ ихъ младенческихъ могла
Застыть вся кровь, а ихъ любовь—смишаться
Съ болзнію. Я вовсе не затѣмъ
Лягала ихъ сонъ, всегда держала
Ихъ въ сытости, чтобъ вдругъ теперь открыть имъ
Что ихъ отецъ—лишонный нравъ изгнанникъ.

Его судьба, конечно, можетъ быть
 Наслѣдствомъ ихъ, но пусть она покуда
 Наслѣдствомъ остается, пусть *владыкѣ*
 Придетъ воздѣй. Ихъ чувства точно такъ-же
 Доступны для любви, какъ и для страха;
 А этотъ смрадъ и плѣсень этихъ волиъ
 Съ ихъ тиною зеленой, что надъ этой
 Тюрьмой подвальной плещутъ и сюда
 Заразой проникають,—въ состояннѣ
 Ихъ поразить: нѣтъ, эта атмосфера
 Имъ губна,—хотя при этомъ, ты,
 И ты, и *сы*, достойный Лоредано,
 Вы даже особливо, здѣсь могли бѣ
 Безъ всякаго вреда для васъ дышать.

ФОСКАРИ.

Я съ этимъ соглашаюсь.—Такъ я ихъ
 Оставлю не простившись?

Дождь.

Нѣтъ, ты съ ними

Простишься во дворцѣ,—тамъ,—у меня.

ФОСКАРИ.

Ужель я ихъ оставить долженъ всѣхъ?

ЛОРЕДАНО.

Да, вы должны.

ФОСКАРИ.

Зачѣмъ же всѣхъ?

ЛОРЕДАНО.

Они

Принадлежать республикѣ.

МАРИНА.

А я

Считала ихъ своими.

ЛОРЕДАНО.

И считайте

Во всемъ, къ чему обязываетъ васъ
 Долгъ матери.

МАРИНА.

То есть, во всемъ—что есть

Печальнаго. Они больны—такъ я

Обязана ухаживать за ними;

Они умрутъ—я ихъ должна оплакать

И скоронить;—но ежели они

Останутся въ живыхъ, такъ ихъ назначать

Въ сенаторы, въ невольники, въ солдаты,

Въ изгнанники—во что лишь захотятъ;

А если это дочери—съ приданнымъ,

Ихъ отдадутъ, или продадутъ въ невѣсты
Патриціямъ! И вотъ въ чемъ всѣ заботы
Республики о сыновьяхъ своихъ
И матеряхъ!

ЛОРЕДАНО.

Вамъ надо поспѣшить,

Пока попутный вѣтеръ—

ФОСКАРИ.

Какъ вы вѣтера

Узнали здѣсь, гдѣ никогда своею

Прохладой онъ не вѣетъ?

ЛОРЕДАНО.

Я замѣтилъ,

Какъ шолъ сюда; а на полеть стрѣлы

Отъ Рива Скиавони ждетъ галера.

ФОСКАРИ.

Я думаю, родитель, что дѣтой

Заранѣ бы нужно приготовить

Къ свиданью съ ихъ отцомъ.

ДОЖЬ.

Будь твердъ, мой сынъ!

ФОСКАРИ.

Отецъ, я постараюсь.

МАРИНА.

Такъ—прощай,

Проклятая темница, какъ и тотъ,

Кому онъ былъ минувшимъ заточеньемъ

Такъ много одолжонъ.

ЛОРЕДАНО.

И настоящей

Свободою.

ДОЖЬ.

Онъ правду говоритъ.

ФОСКАРИ.

Всѣхъ всякаго сомнѣнья; онъ съ меня

Снялъ кандалы, чтобы надѣть другія

Тягчайшія; онъ это зналъ: иначе

Онъ и мѣнять не сталъ бы ихъ. Но я

Не жалеюсь.

ЛОРЕДАНО.

Синьоръ, пора.

ФОСКАРИ.

Увы!

Я никогда не думалъ, что такое

Убѣжище я буду оставлять
 Съ печалію; но чувствуя, что каждый
 Мой шагъ отсель есть въ то же время шагъ
 И изъ Венеціи, я озираюсь
 На мрачныя, сырыя стѣны, и—
 Дождь.

Дитя! безъ слезъ—

МАРИНА.

Нѣтъ, пусть онѣ прольются;
 Онѣ ихъ не лить подѣ пыткой, изъ боязни
 Безславія; теперь онѣ ему
 Не сдѣлаютъ безславья,—а дадутъ.
 Быть можетъ, облегченье этой груди
 Незлобивой; придетъ пора, когда
 Я осушить могу ихъ, или съ ними
 Смѣшать свои; н-бъ и теперь готова
 Съ ними зарыдать, но это былъ бы слишкомъ
 Любезный видъ для этого синьора.
 Пойдемте. Дождь, веди насъ.

ЛОРЕДАНО. *(Къ тюремщику).*
 Факель!

МАРИНА.

Да,
 Свѣти намъ къ погребальному костру.
 Межъ тѣмъ какъ Лоредано съ сокрушенемъ
 Наслѣдника пойдетъ за нами въ свѣдъ.

Дождь.

Мой сынъ, ты слабъ; возмись за эту руку.

ФОСКАРИ.

Увы! за эту руку, для которой
 Я долженъ бы опорой служить!

ЛОРЕДАНО.

Вотъ вамъ моя.

МАРИНА.

Не прикасайся къ ней,
 Она тебя ужалитъ. Прочь, синьоръ!
 Я васъ могу увѣрить,—еслибъ этой
 Рукой вы захотѣли насъ извлечь
 Изъ пропасти, въ которую насъ свергли,
 Мы и тогда-бъ не прикоснулись къ ней.
 Вотъ, Фоскари, рука, предъ алтаремъ
 Врученная тебѣ; она не въ силахъ
 Спасти тебя, но быть поддержкой—можетъ.

(Уходитъ).

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Сцена — одна изъ дворцовыхъ залъ, какъ въ первомъ актѣ.

Входятъ Лодерано и Барбарико.

БАРБАРИКО.

Ты думаешь, что этотъ планъ успеетъ?

ЛОРЕДАНО.

Я думаю.

БАРБАРИКО.

Какое испытанье

Въ его лѣта!

ЛОРЕДАНО.

Скорѣй—благодѣянье:

Онъ будетъ облегченъ отъ всѣхъ заботъ
Общественныхъ.

БАРБАРИКО.

Я думаю,—въ немъ сердце

На части разобьется.

ЛОРЕДАНО.

Ты въ немъ сердце

Нашолъ еще?—Онъ видѣлъ сердце сына
Разбитымъ предъ собою—и смотрѣлъ,
Какъ истукалъ.

БАРБАРИКО.

Наружно,—я согласенъ,—

Онъ, точно, твердъ. Но этотъ строгій видъ
Казался мнѣ порой столь безотраднымъ,
Что самая крикливая печаль
Ему бы позавидовать не смѣла.

Онъ гдѣ теперь?

ЛОРЕДАНО.

Тамъ, въ собственныхъ покояхъ,

Со всею породой Фоскари—я съ сыномъ.

БАРБАРИКО.

Прощаются?

ЛОРЕДАНО.

Въ послѣдній разъ, какъ онъ

И съ дожествомъ проститься долженъ скоро.

БАРБАРИКО.

Сынъ отливаетъ мнѣ?

ЛОРЕДАНО.

Вслѣдъ за этимъ

Прощеньемъ безповоротнымъ; мнѣ не худо
Напомнить бы объ этомъ.

БАРБАРИГО.

Потерпи.

Ты очень ужь торопишься.

ЛОРЕДАНО.

Не я,

А нужды государства: этотъ день
Назначенъ быть послѣднимъ днемъ правленья
Изношеннаго дожа, какъ и первымъ
Послѣдняго изгнанья для его
Наслѣдника и сына: вотъ мое
И мщеніе.

БАРБАРИГО.

По моему, ужь слишкомъ

Жестокое.

ЛОРЕДАНО.

Нисколько; даже легче,

Чѣмъ жизнь за жизнь, какъ это искони
Считается закономъ; мнѣ они
Должны еще за жизнь отца и дяди.

БАРБАРИГО.

Дождь называлъ все это клеветой—
Тебѣ въ лицо.

ЛОРЕДАНО.

Да, называлъ.

БАРБАРИГО.

И ты

И этимъ все не разувѣренъ?

ЛОРЕДАНО.

Нѣтъ.

БАРБАРИГО.

Но если ужь на этомъ низложенъ
Мы настоять рѣшились,—то оно
Должно произойти со всѣмъ вниманьемъ
Къ его лѣтамъ, его дѣламъ, заслугамъ
И званію.

ЛОРЕДАНО.

Располагай какъ хочешь

По части церемоній; этимъ я
Не огорчусь. Пускай Совѣтъ къ нему
Отправится, пожалуй, на колѣнахъ,
Какъ Барбаросса къ папѣ, только бъ онъ
Былъ такъ учтивъ и сдѣлалъ отреченье.

БАРБАРИГО.

Но если онъ не сдѣлаетъ его?

ЛОРЕДАНО.

Мы изберемъ другого; онъ за штатомъ
Останется.

БАРБАРИГО.

Но будетъ ли за насъ

Законъ стоять?

ЛОРЕДАНО.

Какой законъ? законъ

Весь въ Десяти; а еслибъ это было
Иначе-какъ,—то я на этотъ случай
Явлюсь законодателемъ.

БАРБАРИГО.

И примешь

Всю на себя отвѣтственность?

ЛОРЕДАНО.

Ея

Не можетъ быть: я говорю, что мы
Не превышаемъ правъ своихъ.

БАРБАРИГО.

Но онъ

Два раза ужъ просилъ объ удаленьи;
Ему отказъ два раза сдѣланъ былъ.

ЛОРЕДАНО.

Тѣмъ лучшая причина—уступить
На этотъ разъ.

БАРБАРИГО.

Безъ просьбы?

ЛОРЕДАНО.

Это знакъ,

Что прежнія ходатайства его
Произвели вліянье: если онъ
Былъ искрененъ, онъ будетъ благодаренъ;
А если нѣтъ, пусть лицемерье будетъ
Наказано.—Пойдемъ; я полагаю,
Теперь пора. Такъ *будьте же тверды*
На этотъ разъ. Я доводы такіе
Несу съ собой, что трону весь Совѣтъ;
И такъ какъ мнѣ расположенъ членовъ
И мысли ихъ извѣстны,—такъ ужъ *вы*
Не будьте хоть чувствительны, какъ это
Вамъ свойственно; васъ просятъ объ одномъ,
Не вмишиваться въ дѣло.

БАРБАРИГО.

Еслибъ я

Былъ убѣжденъ, что это не преддверье
Такого же гоненья на отца,

Какое вы обрушили на сына,
Я былъ бы вамъ поддержкой.

Лоредано.

Но вѣдь я
Вамъ говорю, что восемьдесятъ пять
Годовъ его тянуться могутъ столько,
Какъ только онъ способенъ ихъ влечь.
Пусть здравствуетъ, и если отъ него
Хотятъ чего, такъ это только трона.

Барбариго.

Властители низложенные рѣдко
Бываютъ долговѣчны.

Лоредано.

Старикъ

Почти ста лѣтъ еще гораздо рѣже.

Барбариго.

Зачѣмъ же намъ не подождать бы этихъ
Немного лѣтъ?

Лоредано.

Зачѣмъ, что мы ужъ ждали
Довольно съ насъ; онъ дольше жилъ—чѣмъ сколько
Довольно бы съ него.—Идемъ въ Совѣтъ.

(Лоредано и Барбариго уходятъ).

Входятъ Меммо и Сенаторъ.

Сенаторъ.

Какую бы Совѣтъ имѣлъ въ насъ нужду?
Чтобъ это означать могло?

Меммо.

Спроси

У Десяти: у нихъ такого нѣтъ
Обычая, чтобъ извѣщать заранѣй
О предстоящемъ дѣлѣ. Насъ зовутъ—
И все тутъ,—и довольно.

Сенаторъ.

Да, для нихъ,

Но не для насъ; я-бъ знать хотѣлъ—зачѣмъ.

Меммо.

Мы это и узнаемъ, если будемъ
Покорными; а нѣтъ, такъ мы узнаемъ,
Зачѣмъ бы намъ тутъ слѣдовало быть —
Покорными.

Сенаторъ.

Я имъ сопротивляться

Не думалъ, но...

Меммо.

Въ Венеціи взмѣной:

Считаютъ «Но»; оставьте эти «Но»;
Иль можетъ быть, вамъ нравится прогулка
Черезъ этотъ «Мостъ», котораго обратно
Почти не переходать?

СЕНАТОРЪ.

Я молчу.

МЕММО.

Къ чему такъ колебаться? Десяти
Угодно приказать, чтобъ въ засѣданье
На помощь имъ явились двадцать пять
Патрициевъ сенатскихъ;—мы съ тобою
Изъ ихъ числа; случайность намъ обонимъ
Тутъ помогла, иль выборъ, я считаю
Попастъ въ совѣтъ столь царственный—за честь.

СЕНАТОРЪ.

Все это справедливо: я ни слова.

МЕММО.

И такъ какъ мы надѣемся и сами,—
Такъ какъ и всѣ надѣются, синьоръ,
(То есть, всѣ тѣ, чей родъ дворянской крови) —
Быть тоже децемвиромъ, то для насъ,
Избранниковъ сената, безъ сомнѣнья,
Здѣсь истинная школа мудрецовъ.
Мы будемъ новичками между ними,
Однакоже мы можемъ увидать
Ихъ танства.

СЕНАТОРЪ.

И поглядѣть на нихъ,—

Чего они, конечно, стоятъ.

МЕММО.

Да;

Рѣшися мы разболтать ихъ—это стоитъ
Намъ будетъ нашей жизни; такъ они
Чего нибудь да стоятъ,—безъ сомнѣнья,—
По крайней мѣрѣ, намъ съ тобою.

СЕНАТОРЪ.

Я

Въ святилище попасть не добивался;
Но бывъ почтенъ избраньемъ, я съумѣю
Исполнить долгъ.

МЕММО.

Мы можемъ опоздать

Явить свою покорность Десяти.

СЕНАТОРЪ.

Я съ вами соглашаюсь, хоть и знаю,
Что мы придемъ едва-ль не раньше всѣхъ.

МЕММО.

На важныхъ совѣщаньяхъ никогда
Не худо быть изъ рано-приходящихъ.

(Уходятъ).

Входятъ Дожь, Джаконо Фоскари и Марина.

ФОСКАРИ.

Родитель! я обязанъ, я согласенъ
Отправиться, но я тебя молю
Добейся позволенья мнѣ—вернуться
На родину. Пусть самый длинный срокъ
Назначать мнѣ, какой угодно длинный,
Но только бѣ срокъ урочный, какъ малекъ,
Мнѣ вдалекѣ видѣлся; пусть они
Прибавятъ наказанья мнѣ, но только
Позволятъ возвратиться.

Дожь.

Сынъ, Джаконо,
Исполни приговоръ своей страны:
Заглядывать впередъ—не наше дѣло.

ФОСКАРИ.

Однако же я не могу, родитель,
Назадъ не бросить взгляда. Умоляю,
Подумай обо мнѣ.

Дожь.

Увы! ты былъ
Дражайшимъ изъ дѣтей моихъ и прежде,
Когда ихъ было много; и теперь, —
Последній между ними,—ты же меньше
Любезенъ мнѣ. Но еслибъ отъ меня
Республика потребовала ссылки
Костей твоихъ трехъ братьевъ, что теперь
Въ землѣ лежатъ, и если бы ихъ тѣни
Въ отчаяньи летали вкругъ меня,
Чтобъ помѣнать разрытію ихъ праха,
Я все-таки исполнилъ бы свой долгъ,
Превосходящій всякій долгъ...

МАРИНА.

Мой другъ!

Отправимся: мы этимъ лишь продолжимъ
Печаль свою.

ФОСКАРИ.

Но насъ еще никто
Не требуетъ; я парусовъ не вижу
Распущенныхъ: кто знаетъ? самый вѣтеръ
Перемѣниться можетъ.

МАРИНА.

Только онъ
Ни ихъ сердцецъ перемѣнить не можетъ,
Ни участи твоей: насъ повезуть
Изъ пристани на веслахъ.

ФОСКАРИ.

Вы, стихин!

Гдѣ ваши бури?

МАРИНА.

У людей въ сердцахъ.
Ужель тебя ничто не успокоитъ?

ФОСКАРИ.

Нѣтъ, никогда къ святителю-патрону
Морякъ не возсылалъ такихъ молитвъ,
Проявляя вѣтровъ попутныхъ и пріятныхъ,
Какъ я теперь взываю къ вамъ, святые
Хранители моей отчизны! къ вамъ,
Которые не болѣе святою
Ее любовью любите, чѣмъ я!
Взволнуйте Адриатику до самыхъ
Глубокихъ безднъ, заставьте ураганъ,
Владыку бурь, проснуться и ревѣть,
Пока мой трупъ не выброситъ волною
На мой родимый берегъ, гдѣ лежитъ
Пустынный Лидо, гдѣ меня засыплетъ
Пескомъ страны, которую люблю
И никогда ужь не увижу больше!

МАРИНА.

И этого желаешь ты въ то время,
Когда и я на томъ же кораблѣ
Плыву съ тобой?

ФОСКАРИ.

Нѣтъ, нѣтъ, — не для тебя
Я этого желаю, — не тебѣ,
Столь ласковой, столь доброй! долго, долго
Будь матерью дѣтей, которыхъ ты
Изъ-за твоей любви ко мнѣ, столь вѣрной,
На время покидаешь безъ своей
Ояеры материнской. — Я молю
Лишь одному себѣ того... пусть всѣ,
Всѣ вѣтры поднебесные задышутъ
На нашъ заливъ, взреветъ на мой корабль, —
До той поры, пока его матросы
Смущенные въ отчаяньи своемъ
Не взглянутъ на меня, какъ финикійцы
Когда-то на Юну, и меня

Не выбросать, как жертву, чтобы волны
 Утихнули. Пусть поглотитъ меня
 Солонный валъ; онъ будетъ милосерднѣй,
 Чѣмъ человекъ; онъ понесетъ меня,
 Хоть мертвецомъ, но понесетъ... въ могилу
 Родимую, которую рыбаки
 Мнѣ выроетъ на берегу пустынномъ,
 На берегу, который изъ своихъ
 Безчисленныхъ осколковъ никогда
 Не видѣлъ столь разбитаго, какъ эта
 Въ то время будетъ грудь... Но отчего жь
 Она не разобьется? для чего
 Мнѣ жить еще?

МАРИНА.

Чтобъ быть самимъ собою
 Со временемъ, и побѣдить свою
 Тоску по этой роднѣ... Несчастливымъ
 Ты былъ всегда, но никогда такимъ
 Стенающимъ: и что же это значитъ
 Передъ тюрьмой и пыткой? а межъ тѣмъ
 Ты перенесъ ихъ молча.

ФОСКАРИ.

Вдвое, втрое,
 Въ сто разъ больнѣе пытку!... Впрочемъ, ты
 Всегда права: я долженъ покориться, —
 И я—Отецъ! твое благословенье.

ДОЖЬ.

Ахъ, еслибы оно могло тебѣ
 Доставить только пользу! Тѣмъ не меньше,
 Мое благословенье надъ тобой.

ФОСКАРИ.

Прости.

ДОЖЬ.

Кого?

ФОСКАРИ.

Мать бѣдную мою
 За то, что я родился, и меня
 За то, что жилъ, и самого себя
 За то, что ты низвелъ, какъ мой родитель,
 Даръ жизни на меня.

МАРИНА.

Но, милый мой,
 Что жь ты такое сдѣлалъ?

ФОСКАРИ.

Ничего.

На совѣсти моей нѣтъ никакого

Пятна, кромѣ печали; но я былъ
Такой судьбой необщю наказанъ
И посвященъ, что долженъ допустить,
Что я злодѣй. И если это правда,
Дай Богъ, чтобъ то, что перенесъ я здѣсь
Спасло меня отъ мукъ подобныхъ *тамъ*.

МАРИНА.

Не бойся; *тамъ* готовятъ это
Мучителямъ твоимъ.

ФОСКАРИ.

Позволь мнѣ думать,

Что нѣтъ.

МАРИНА.

Что нѣтъ?...

ФОСКАРИ.

Я не могу желать

Имъ *всѣмъ* подобной кары.

МАРИНА.

Всѣмъ! сторицей

Проклятымъ этимъ извергамъ! И пусть
Тамъ червь неумирающій ихъ точитъ
Безъ усталы.

ФОСКАРИ.

Они, придти способны

Въ раскаянѣ.

МАРИНА.

Пусть придутъ: небеса

Огъ демоновъ не примутъ покаянъ.

Входитъ офицеръ и стража.

ОФИЦЕРЪ.

Синьоръ! галера съ якоря снята,
Встаетъ попутный вѣтеръ; мы готовы
Вамъ предложить услуги.

ФОСКАРИ.

Я готовъ

Ихъ принимать. Отецъ, еще разъ, руку!

Дождь.

Пожми ее. Увы! ты чуть владѣешь
Рукой своей —

ФОСКАРИ.

Нѣтъ, это ты, родитель,

Самъ ослабѣлъ. Прощай!

Дождь.

Прощай, а больше

Ты ничего не скажешь?

ФОСКАРИ.

Ничего.

(Къ офицеру).

Позвольте опереться мнѣ, синьоръ.

ОФИЦЕРЪ. *(Подавая ему руку).*

Я вашъ слуга. Вы блѣдны, очень блѣдны,
Ахъ, помогите! поскорѣй! воды!

МАРИНА.

Онъ при смерти.

ФОСКАРИ.

Ну, — я готовъ; ведите —

Я ничего почти не вижу.

(Отпускается на полъ).

МАРИНА. *(Къ офицеру).*

Прочь!

Позвольте мнѣ смѣнить васъ. *(Наклоняется къ
Фоскари).*

Милый, милый!

Какъ слабо бьется — Боже! — этотъ пульсъ
И это сердце.

ФОСКАРИ.

Свѣту! Дайте свѣту!

Я ослабѣлъ.

ОФИЦЕРЪ. *(Подавая воду, принесенную однимъ изъ стражи).*

Ему, быть можетъ, лучше

Поможетъ вольный воздухъ.

ФОСКАРИ.

Я надѣюсь.

Жена, родитель, ваши руки!

МАРИНА.

Боже!

Онъ умираетъ. Фоскари! Мой милый!

Скажи мнѣ, милый, какъ ты —

ФОСКАРИ.

Хорошо.

(Умираетъ).

ОФИЦЕРЪ.

Онъ умеръ.

Дождь.

Онъ свободенъ.

МАРИНА.

Умеръ! нѣтъ.

Я говорю, что въ этомъ сердцѣ жизнь
Должна еще таиться: онъ меня
Не можетъ такъ покинуть.

Дождь.

Дочь!

МАРИНА.

Старикъ!

Храни свое спокойствіе. Я больше
Не дочь тебѣ, ты не имѣешь сына
О, Фоскари!

Офицеръ.

Намъ остается тѣло

Перенести.

МАРИНА.

Не подходитъ къ нему,
Тюремщики! для вашей подлой службы
Тутъ больше ничего нѣтъ: для нея
Убийство есть предѣлъ, по вашимъ даже
Убийственнымъ законамъ. Предоставь
Останки эти тѣмъ, кто знаетъ лучше —
Какъ ихъ почитать.

Офицеръ.

Я долженъ извѣстить

Синьорію, узнать ея рѣшенье.

Дождь.

Такъ отъ меня, отъ дожа, извѣсти
Синьорію, что никакой дальнѣйшей
Нѣтъ власти у нея на этотъ прахъ.
Пока онъ жилъ, онъ былъ ея, какъ всякій
Изъ подданныхъ, теперь онъ мой съ своимъ
Небьющимся, разбитымъ сердцемъ... сынъ мой!
(Офицеръ уходитъ).

МАРИНА.

И я должна тутъ жить еще!

Дождь.

МАРИНА,

Ты для дѣтей должна жить.

МАРИНА.

Для дѣтей!

Да, правда, я должна жить для того,
Чтобъ приготовить ихъ служить отчизнѣ
И умереть, какъ умеръ ихъ отецъ.
Увы! какимъ въ Венеціи блаженствомъ
Безплодность бы служить могла! За чѣмъ
Ты не была такою, мать моя?

Дождь. (Обращаясь къ тѣлу сына)

Несчастное дитя мое!

МАРИНА.

Ужели?

Такъ стало быть ты чувствуешь? и ты?
Гдѣ жь непреклонный стоишь?

Дождь. (*Повертаясь на землю подлѣ тѣла*).

Здѣсь.

МАРИНА.

Да, плачь;

Я думала тебѣ ужь отъ природы
Слѣзь не дано; а ты ихъ все копишь
Пока онѣ не стали бесполезны.
Такъ плачь же, плачь! онѣ болыне никогда,
Ахъ, никогда не будутъ плакать болыше!

(*Входятъ Лоредано и Барбарико*).

ЛОРЕДАНО.

Что это тутъ?

МАРИНА.

Ахъ! это надругаться

Надъ мертвецомъ приходитъ дьяволъ. Згнивь!
Люциферъ воплощенный! это мѣсто
Теперь святое: мученика прахъ
Лежить на немъ; оно теперь все то же,
Что и алтарь. Згнивь, згнивь въ свой адъ!

БАРБАРИГО.

Синьора,

Мы ничего не знали о такомъ
Печальномъ приключеньи. Мы зашли
Сюда лишь потому, что изъ Совѣта
Тутъ проходили мимо.

МАРИНА. (*Дѣлая жестъ, чтобъ они убирались*).

МИМО!

ЛОРЕДАНО.

Намъ

Здѣсь нуженъ дождь.

МАРИНА. (*Указывая на дождя, рас-
простертаго подлѣ тѣла*).

Онъ занятъ; поглядите

Какимъ онъ вамъ занятіемъ обязанъ.

Довольны вы?

БАРБАРИГО.

Родительскихъ печалей

Мы прерывать не будемъ.

МАРИНА.

Ваше дѣло—

Ихъ только причинять; такъ и оставьте
Въ покоѣ ихъ.

Дождь. (*Вставая*).

Синьоры, я готовъ.

БАРБАРИГО.

Нѣтъ, не теперь

Лоредано.

Но дѣло слишкомъ важно.

Дождь.

Какъ скоро такъ, я только повторю,
Что я готовъ.

БАРБАРИГО.

Нѣтъ, утопай хоть въ безднѣ

Венеція, какъ гибнущій корабль,

Я этого теперь не допущу.

Я ваши огорченья уважаю.

Дождь.

Благодарю васъ. Если вы съ собой
Мнѣ принесли дурныя вѣсти, вы
Ихъ можете сказать: меня ужь тронуть
Ничто не можетъ болѣе, ничто,
Какъ и его. (*Указываетъ на трупъ сына*).

А если это вѣсти

Хорошія, опять скажите ихъ:

Вамъ нечего бояться, чтобъ они

Могли мнѣ дать отраду.

БАРБАРИГО.

Я душевно

Желалъ бы, чтобъ могли.

Дождь.

Я говорю

Не вамъ, а Лоредано; мы другъ друга

Съ нимъ поняли.

МАРИНА.

Ахъ! это я заранѣй

Привидѣла.

Дождь.

Что хочешь ты сказать?

МАРИНА.

Гляди, гляди! у Фоскари изъ устъ,

Кровь начинается литься—это тѣло

Присутствіе убійцы чуетъ здѣсь.

(*Къ Лоредано*).

Да погляди-жь, убійца, погляди —

Какъ смерть сама идти противъ тебя

Въ свидѣтели желаетъ!

Дождь.

Дочь моя!

Все это лишь твое воображенье.

(*Къ своимъ собравшимся служителямъ*).

Перенесите тѣло.

(*Къ Лоредано и Барбариго*).

Ну, синьоры,

Я выслушать могу вѣсь черезъ часъ.

Не далѣе.

(*Дождь и Марина уходятъ; домашніе ихъ служители уносятъ тѣло. Барбариго и Лоредано остаются*).

БАРБАРИГО.

Такъ мы теперь не будемъ

Пока его тревожить.

ЛОРЕДАНО.

Онъ сказалъ,

Что ужь его не можетъ потревожить

Ничто теперь.

БАРБАРИГО.

Но это, вѣдь, слова;

Печаль не любитъ шуму: прерывать

Ее безчеловѣчно.

ЛОРЕДАНО.

Нелюдность

Ей служить только пищей: мы ничѣмъ
Огнелечь ея не можемъ отъ печальныхъ
Картинъ иного свѣта, какъ лишь тѣмъ
Чтобъ не давать забыть ему *про это*.
Тамъ не до слезъ, гдѣ мы поглощены
Заботами.

БАРБАРИГО.

И потому ты хочешь,

Чтобы старикъ избавленъ былъ отъ всѣхъ

Заботъ своихъ?

ЛОРЕДАНО.

Ты знаешь, это дѣло

Рѣшонное. Джіунтой съ Десятью

Ему дано значеніе закона:

Кто-жь этому противиться теперь

Закону будетъ?

БАРБАРИГО.

Человѣчество!

ЛОРЕДАНО.

Изъ-за того, что померъ Фоскари?

БАРБАРИГО.

Что онъ еще не погребенъ.

ЛОРЕДАНО.

Будь это

Извѣстно намъ въ то время, какъ мы актъ
Готовили; онъ могъ бы быть задержанъ;
Но такъ какъ онъ подписанъ и скрѣпленъ,
То долженъ быть, конечно, и исполненъ.

БАРБАРИГО.

Я ни за что не соглашусь.

ЛОРЕДАНО.

Вы были

На главное согласны; остальное—
Оставьте мнѣ.

БАРБАРИГО.

Зачѣмъ же непременно

Идти къ нему теперь за отреченьемъ?

ЛОРЕДАНО.

Республика изъ-за семейной скорби
Не можетъ прерывать теченье дѣлъ,
И что она опредѣлитъ сегодня,
Того нельзя, изъ-за такой простой
Случайности, откладывать до завтра.

БАРБАРИГО.

Ты самъ имѣешь сына.

ЛОРЕДАНО.

И имѣлъ

Еще отца.

БАРБАРИГО.

Неумолимъ?

ЛОРЕДАНО.

Какъ видишь.

БАРБАРИГО.

Пусть только бы похоронилъ онъ сына;
Эдиктъ не опоздаетъ.

ЛОРЕДАНО.

Я согласенъ;

Но пусть онъ воскреситъ мнѣ моего
Родителя и дядю. Человѣкъ
И человѣкъ маститый даже, можетъ
Прослыть отцомъ полсотни сыновей,
Но отъ своихъ отцовъ не въ состоянн
Пылинки оживить одной.—Тутъ есть
Еще одна причина: онъ своихъ
Дѣтей лишилъ естественною смертию;
А мой отецъ внезапно былъ сражонъ

Таинственной болѣзнью.—Я ни къ яду
 Не прибѣгалъ, ни тонкихъ знатоковъ
 Убийственной науки врачеванья
 Не подкупалъ къ тѣмъ мѣрамъ, что даютъ
 На вѣки исцѣленье; ну—короче.
 Его четыре сына (у него
 Четыре было сына) всѣ скончались
 Безъ всякаго участья моего
 Въ презрѣнномъ отравленьи...

БАРБАРИГО.

Ты не можешь

Разстаться съ этой мыслью.

ЛОРЕДАНО.

Не могу.

БАРБАРИГО.

Онъ кажется такимъ чистосердечнымъ.

ЛОРЕДАНО.

Назадъ тому недавно онъ такимъ
 Казался Карманьолой.

БАРБАРИГО.

Чужестранцу?

Извѣстному измѣннику?

ЛОРЕДАНО.

Пусть такъ.

Когда въ ту ночь, въ которую рѣшалась
 Его судьба въ совѣтѣ Десяти
 (Гдѣ былъ и дождь) онъ встрѣтилъ на разсвѣтѣ
 Ихъ свѣтлость остротой,—то есть,—спросивъ
 Чего ему желать онъ долженъ лучше:
 «Дня добраго, или доброй ночи?» дождь
 Любезно отвѣчалъ ему:—«что точно
 Онъ ночь провелъ недобрую, что въ ней
 (Прибавилъ онъ съ улыбкою) нерѣдко
 Вопросъ касался васъ».—Вопросъ былъ въ томъ,
 Что гибель Карманьолы порѣшили
 За цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ,—пока
 Съ нимъ кончили,—и старый дождь, который
 Зналъ приговоръ, ему такъ улыбался
 Всѣ восемь длинныхъ мѣсяцевъ, съ такой
 Убийственной фальшей, до которой
 Наукою восьмидесяти лѣтъ
 Доходятъ лишь. Отважный Карманьола
 Теперь мертвецъ,—не менѣе того,
 Какъ Фоскари, какъ и его три брата...
 Я имъ не улыбался никогда.

БАРБАРИГО.

Но развѣ Карманьола былъ твой другъ?

ЛОРЕДАНО.

Онъ этому былъ городу щитомъ.—

Бывъ въ юности врагомъ ему, потомъ

Спасителемъ, онъ подъ конецъ сталъ жертвой.

БАРБАРИГО.

Ахъ, кажется, спасенье городовъ

Всегда ведетъ къ такой наградѣ. Тотъ,

Противъ кого мы дѣйствуемъ, не только

Спасалъ родной свой городъ, но склонялъ

Подъ власть его другіе.

ЛОРЕДАНО.

Римляне

(А мы ихъ обезьянимъ) награждали

Вѣнкомъ того, кто городъ бралъ; вѣнокъ

Давали и тому, кто гражданина

Спасалъ въ бою: награды были равны.

Теперь, когда-бъ исчислить города,

Которые взялъ Фоскари, и гражданъ,

Которые погибли отъ него,

Иль чрезъ него, итогъ бы былъ ужасно

Противъ него.—Ужъ онъ не за него,

По цифрѣ только темныхъ дѣлъ,—подобныхъ

Случайности, постигшей моего

Покойнаго отца!

БАРБАРИГО.

Такъ ты упорно

Стоишь въ одномъ?

ЛОРЕДАНО.

А что жъ поколебать

Могло-бъ меня?

БАРБАРИГО.

То, что меня колеблетъ:

Я знаю, что ты ираморъ,—но теперь,

Когда ты до конца дошелъ, когда

Старикъ уже низверженъ; домъ его

Опустошонъ, семья убита, имя

Унижено,—ужели ты, своей

Побѣдой упоенный, можешь спать?

ЛОРЕДАНО.

И очень крѣпко.

БАРБАРИГО.

Это заблужденье.

И это ты почувствуешь скорѣй,

Чѣмъ будешь спать между своихъ отцовъ.

Лоредано.

Онъ не спятъ въ своихъ могилахъ раннихъ,
И не заснутъ, пока не легъ въ свою
Самъ Фоскари.—Нѣтъ ночи, чтобъ они
Вокругъ моей постели не бродили,
Нахмурившись, указывая мнѣ
На дожескій дворецъ и призывая
Къ отмщенію.

Барбаригго.

Болѣзнь воображенья!

Нѣтъ ни одной столь суевѣрной страсти,
Какъ ненависть: и самая любовь,—
Обратная ей страсть,—не населяетъ
Такъ воздухъ привидѣньями, какъ это
Сердечное безумье.

Входитъ офицеръ.

Лоредано.

Погода,

Куда идешь?

Офицеръ.

Ихъ свѣтлость приказали
Потвердить обряды похоронъ
Последняго изъ Фоскари.

Барбаригго.

Ихъ склепъ

За эти годы часто открывался.

Лоредано.

Онъ скоро будетъ полонъ и закрытъ
Ужъ навсегда.

Офицеръ.

Могу идти я?

Лоредано.

Можешь.

Барбаригго.

Какъ должъ свое несчастье переносить?

Офицеръ.

Съ рѣшимостью отчаянья;—онъ мало
При постороннихъ лицахъ говоритъ;
Но только на устахъ его движеніе
Замѣтно постоянно: разъ или два
Я слышалъ изъ сосѣдняго покоя
Какъ онъ шепталъ чуть слышно: «смиръ мой!» — Я
Обязанъ поспѣшить.

(Уходитъ.)

Барбаригго.

Такой ударъ

Заставить всю Венецію принять
Участье въ немъ.

Доредано.

Ты правъ! намъ ни минуты

Нельзя терять: идемъ же собирать
Назначенныхъ Совѣтомъ депутатовъ
Представиться къ нему—*съ опредѣленьемъ.*

БАРБАРИГО.

Я съ этого мгновенья—протестую
Противъ него.

Доредано.

Какъ хочешь; тѣмъ не меньше

Я соберу объ этомъ гомлоса
И посмотрю—чей будетъ перевѣсъ.
(*Уходитъ.*)

АКТЪ ПЯТЫЙ.

Сцена—внутренняя комната во дворцѣ дожа.

Дождь и слуги.

Служитель.

Вы, государь, забыли депутатовъ...
Но если бъ вамъ угодно было ихъ
Принять въ другое время, то они
Готовы удалиться.

Дождь.

Для меня

Всѣ времена равны. Пускай войдутъ.
(*Служитель выходитъ.*)

Офицеръ.

Я, государь, исполнилъ вашъ приказъ.

Дождь.

Какой приказъ?

Офицеръ.

Одинъ изъ самыхъ грустныхъ....

Касательно того, чтобъ ускорить
Обряды—

Дождь.

Такъ—такъ—такъ: я извиненъ

Прошу у васъ: я начинаю память
Утрачивать; старъ очень становлюсь.
Старъ такъ же, какъ лѣта мои; доселѣ
Я противъ нихъ боролся; но они
Брать начинаютъ верхъ.

Входит депутация, состоящая из шести членов синьории и президента совета Десяти.

Дождь.

Синьоры! ваши

Намѣренья?

Президентъ Десяти.

Одно изъ первыхъ, Десять

Глубоко огорчаются за дождя,
По случаю его семейной окорби.

Дождь.

Нѣтъ, не объ этомъ—дальше—

Президентъ Десяти.

Дождь не хочетъ

Принять дань уваженья?

Дождь.

Принимаю!

Такъ искренно, какъ вы могли ее
Мнѣ только предложить; но дальше—

Презид. Десяти.

Десять

Съ Джуңтою —изъ двадцати пяти
Сенаторовъ высокородныхъ, нынѣ
Имѣвши разсужденье о дѣлахъ
Республики и тягостныхъ заботахъ,—
Которыя отъ сей поры сугубо
Быть трудными должны для вашихъ лѣтъ,
Столь долго посвящаемыхъ отчизнѣ,—
За должное признали отнестись
Теперь же къ вашей мудрости (и съ этимъ
Нельзя не согласиться ей)—и васъ
Со всяческимъ вамъ должнымъ уваженьемъ,
Просить объ отреченьи отъ кольца
Венеціанскихъ дождей, что такъ долго
И вмѣстѣ съ тѣмъ почетно вы носили.
А въ знакъ того, что ваши имъ лѣта
Внушаютъ уваженье, а заслуги
Признательность,—вамъ дѣлаютъ окладъ
Въ двѣ тысячи дукатовъ золотыхъ,
Чтобъ вамъ доставить средства къ удаленью
Столь пышному, какимъ должна лишь быть
Отставка государя.

Дождь.

Вѣрно-ль я

Разслушалъ васъ?

Презид. Десяти.
Я повторю?...

Дождь.
Нѣтъ, нѣтъ —

Вы кончили?

Презид. Десяти.
Я все сказалъ. Вамъ сутки

Даются для отвѣта.

Дождь.
Мнѣ минуты

Достаточно.

Презид. Десяти.

Мы удалимся.

Дождь.
Стойте!

Того, что я сказать имѣю—сутки
Ни въ чемъ не перемѣнять.

Презид. Десяти.
Говорите.

Дождь.

Я изъявлялъ желанье отреченья
Два раза вамъ: мнѣ дважды было въ немъ
Отказано, и мнѣ не только было
Отказано, я принужденъ былъ дать
Присягу вамъ, что никогда не буду
Возобновлять впередъ подобной просьбы;
Я поклялся, что я умру на службѣ,
Которую я призванъ отправлять здѣсь
Страной моею; а потому—согласно
И съ честію и съ совѣстью моею—
Я не могу переломить присяги
Мною сдѣланной.

Презид. Десяти.
Вы доведете насъ

До новыхъ настояній.

Дождь.

Провидѣнье

Длитъ дни мои, чтобъ испытать меня
И наказать: но вы меня не въ правѣ
Такъ укорять за долготу моихъ
Печальныхъ дней: въ нихъ каждый часъ отчизнѣ
Былъ посвященъ.—Я положить готовъ
Жизнь за нее, какъ положилъ предметы
Дороже самой жизни; но мнѣ
Избраніемъ я былъ обязанъ *цѣлой*
Республикѣ. Когда она опять

Всеобщее желаніе изъявить —
Вы отъ меня получите отвѣтъ.

Презид. Десяти.

Такой отвѣтъ насъ очень огорчаетъ,
Но это не послужитъ ни къ чему.

Дождь.

Я знаю все, что можетъ быть со мною.
Но я не измѣню себѣ ни въ чемъ.
Теперь опредѣляйте—что хотите.

Презид. Десять.

Такъ мы должны уйти отсюда лишь съ этимъ?

Дождь.

Вы слышали меня.

Презид. Десяти.

Мы оставляемъ

Васъ съ полнымъ уваженіемъ.

(*Депутация уходитъ*).

Входитъ служитель.

Служитель.

Государь,

Свѣтлѣйшая смышора, ваша дочь,
У васъ свиданья проситъ.

Дождь.

У меня

Нѣтъ для нея отказа.

Входитъ Марина.

МАРИНА.

Государь,

Могу-ль войти? вы, можетъ быть, хотите
Побыть одинъ.

Дождь.

Одинъ! одинъ,—вращайся

Хоть цѣлый міръ вокругъ меня, одинъ—
Я навсегда одинъ теперь.—Но мы
Перенесемъ и это.

МАРИНА.

Рядъ тѣхъ,

Которые должны переносить—
О, мой супругъ!

Дождь.

Не поминай о демъ;

Я не могу тебя утѣшить.

МАРИНА.

Онъ,

Столь преданный привычкамъ тихой жизни,
Столь любящій и столь любимый, могъ

Жить долго-бы—будь у него другое
 Отечество; и кто такъ глубоко
 Могъ чувствовать или внушать блаженство,
 Какъ мой несчастный Фоскари? Чтобъ быть
 Счастливыми, мы все имѣли!—кромѣ
 Того, чтобъ онъ венеціанцемъ не былъ.

Дождь.

И сыномъ государя.

МАРИНА.

Все на свѣтъ,
 Чѣмъ только честолюбіе живетъ,
 Что счастіемъ обманчивымъ прельщаетъ
 Другихъ людей, все для него въ погибель
 Обращено судьбой какой-то было.
 Страна, народъ, который онъ любилъ,
 И государь, котораго онъ сыномъ
 Старѣйшимъ былъ—

Дождь.

Который перестанетъ

Быть государемъ скоро.

МАРИНА.

Какъ?

Дождь.

Меня
 Хотятъ лишить кольца и діадемы,
 Такъ долго мной носимыхъ.

МАРИНА.

О, тираны!

Въ подобный часъ!

Дождь.

Удобнѣйшаго эрока

Нельзя желать: назадъ тому лишь часъ
 Я-бъ этимъ огорченъ былъ.

МАРИНА.

А теперь
 Ты равнодушенъ къ этому? О, мщенье!
 Но тотъ, кто моръ служить тебѣ щитомъ,
 Когдабъ онъ самъ нашолъ въ тебѣ защиту,
 Не въ силахъ защитить теперь отца.

Дождь.

И никогдабъ не смѣлъ дерзнуть на это
 Противъ своей отчины, хоть-бы онъ
 Былъ тысячами жизней одаренъ,
 На мѣсто той—

МАРИНА.

Которой онъ лимонъ

Подъ пыткой. Быть можетъ это высшій
 Патриотизмъ.—Я женщина; мой мужъ,
 Мои младенцы были для меня
 Моей отчизной. Я его любила—
 Какъ я его любила!—онъ прошолъ
 Въ моихъ глазахъ такія ордали,
 Что отъ нихъ
 Могли бы отступить: его не стало;
 А я вотъ, я, которая отдать
 Кровь за него готова бы,—лишь плакать
 Могу о немъ!—Будь только въ силахъ я
 Воздать имъ по заслугамъ! Погодите;
 Я сыновей имѣю; будетъ срокъ—
 Они мушны будутъ.

Дождь.

Ты отъ грусти

Готова помѣшаться.

МАРИНА.

Я ее
 Надѣялась перенести въ то время,
 Когда онъ представлялся мнѣ—такимъ
 Измученнымъ, такимъ унылымъ,—да,
 Я думала, что мнѣ на трупъ его
 Смотрѣть гораздо легче, чѣмъ на вѣчный
 Его острогъ: и вотъ за эту мысль
 Я такъ теперь наказана—за чѣмъ
 Не я въ его могилу лягу!

Дождь.

Я

Взглянулъ бы на него.

МАРИНА.

Иди за мной.

Дождь.

Онъ положонъ—

МАРИНА.

На нашемъ брачномъ ложѣ,

На мѣсто катафалки.

Дождь.

Онъ и въ саванъ

Уже одѣтъ?

МАРИНА.

Пойдемъ, старикъ, пойдемъ.

(Дождь и Марина уходятъ).

Входятъ Барбарико и Лоредано.

БАРВАРИКО.

Гдѣ дождь?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Сейчасъ былъ здѣсь, и только вывелъ
Съ свѣтлѣйшею вдовицею отсель.

БАРБАРИГО.

Куда?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Въ покой, гдѣ почиваетъ тѣло.

БАРБАРИГО.

Оставимъ ихъ.

ЛОРЕДАНО.

Мы этого не можемъ;
Намъ сказано,—и очень ясно,—ждать
Джунты здѣсь,—и раздѣлить потомъ
Посольство съ ней: она за ними слѣдомъ
Должна придти.

БАРБАРИГО.

Ужель она захочетъ
Наставивать, чтобъ дожъ ей далъ отвѣтъ?

ЛОРЕДАНО.

Онъ самъ хотѣлъ, чтобъ все такъ быстро шло.
Онъ отвѣчалъ въ два слова, мы не смѣемъ
Остаться передъ нимъ въ долгу; къ нему
Относятся съ почтеньемъ; передъ нимъ
Почти благоговѣюгъ,—такъ чего-жь
Желать онъ можетъ больше?

БАРБАРИГО.

Умереть

Въ своей почетной мантин; онъ въ ней
Не долго бы ходить сталъ;—я всѣ мѣры
Употребилъ, хотя и безъ успѣха,
Чтобъ ваше предложенье устранить.
За чѣмъ еще попалъ я въ депутаты?
Я не желалъ.

ЛОРЕДАНО.

Но это было нужно.

Здѣсь долженъ быть свидѣтель изъ людей
Противныхъ съ нами мнѣній,— а не то
Злымъ языкамъ представилъ бы случай
Разсказывать, что будто большинство
Кого нибудь боялось.

БАРБАРИГО.

И меня,

Я думаю, унижить нужно было
За мой протестъ? Ты мечь свою ведешь
Причудливо, какъ геній, Лоредано,
И какъ поэтъ, какъ истинный Овидій

*Въ наукѣ ненавидѣть: * вѣдь и я
(Конечно я предметъ второстепенный
Но ненависть предвидѣть всѣ) — и я,
Тебѣ же все обязанъ, что вотъ жду здѣсь
Твоей Джиунты.*

ЛОРЕДАНО.

Какъ! *моей* Джиунты!

БАРБАРИГО.

Твоей, синьоръ. Она твой ловить взглядъ,
Слѣдитъ твой каждый жестъ, она твой планъ
Приводитъ въ исполненье, такъ еще
Она бы не твоя!

ЛОРЕДАНО.

Вы говорите

Не слишкомъ осторожно, и для васъ
Полезнѣе, чтобъ этого другіе
Не слышали.

БАРБАРИГО.

Ахъ, это имъ услышать

Когда нибудь придется изъ другихъ,
Изъ болѣе громовыхъ устъ: они
Предѣлъ переступили даже *милъ*
Ни съ чѣмъ несообразныхъ правъ; а это
Къ добру не приведетъ.

ЛОРЕДАНО.

Ты говоришь

Безсмыслицу.

БАРБАРИГО.

Ну, — это подъ сомнѣньемъ,
Вотъ и Джиунта. *Входитъ Депутація.*

Презид. Десяти.

Дождь, конечно, знаетъ

О нашемъ посѣщеньи?

Служитель.

Я ему

Объ этомъ доложу.

БАРБАРИГО.

Онъ въ этотъ мигъ

Находится у сына.

Презид. Десяти.

Если такъ,

То мы его не потревожимъ; пусть
Онъ кончитъ погребенье. — Удалимтесь.
Намъ времени довольно будетъ завтра.

* Овидій написалъ поэму: «*Arx amandi*,» *Наука — любить*,

ЛОРЕДАНО. (*Тихо къ Барбарико.*)

Огонь бы вамъ геенскій на языкъ
За эту болтовню пустую! Я
Ручаюсь вамъ, что это краснорѣчье
Вамъ не пройдетъ.

(*Громко.*)

Синьоры, вы не будьте
Однако такъ поспѣшны.

БАРБАРИГО.

Будьте—люди.

ЛОРЕДАНО.

Но вотъ и дождь!

Входитъ Дождь.

Дождь.

Синьоры, вы желали

Со мною говорить.

Презид. Десяти.

Мы повторить

Пришли къ вамъ нашу просьбу.

Дождь.

Я пришолъ

Вамъ отвѣчать.

Презид. Десяти.

Отвѣтъ вашъ?

Дождь.

Мой отвѣтъ —

Единственный! Вы слышали его.

Презид. Десяти.

Такъ я вамъ объявляю нашъ послѣдній,
Рѣшительный, конечный —

Дождь.

Къ дѣлу! къ дѣлу!

Всѣ нѣжности судейскихъ этихъ формъ,
Всѣ сладости вступленій къ строгимъ актамъ
Я самъ отлично знаю. Продолжайте.

Презид. Десяти.

Вы болѣе не дождь; васъ разрѣшаютъ
Отъ царственной присяги вашей; вы
Обязаны снять облаченье дожа;
Но, снисходя ко всѣмъ заслугамъ вашимъ,
Республика, какъ мы объ этомъ вамъ,
При первомъ посѣщеніи объявили,
Окладъ вамъ назначаетъ. Вы въ три дня
Обязаны отселъ удалиться—
Подъ страхомъ конфискаціи всего,

Чѣмъ только вы, какъ частная особа,
Владѣете.

Дождь.

Насчетъ послѣдней мѣры

Я съ гордостью скажу вамъ, что она
Едвадь собой обогатитъ казну.

Презид. Десяти.

Дождь! —вашъ отвѣтъ?

Доредано.

Вашъ, *Фоскари*, отвѣтъ?

Дождь.

Когда-бъ я могъ предвидѣть, что мое
Отечество вмѣнить мнѣ въ преступленье
Преклонность лѣтъ монахъ, то, какъ глава
Республики, никакъ бы не явился
Такимъ неблагодарнымъ, чтобъ свое
Почетное значенье ставить выше
Своей страны; но такъ какъ эта жизнь
Такъ много лѣтъ была не бесполезна
Странѣ моей, то я хотѣлъ бы ей
Отдать мои послѣднія минуты.—
Но вами данъ декретъ — я повинуюсь.

Презид. Десяти.

Когда трехъ дней означенныхъ вамъ мало,
То мы, изъ уваженья къ вамъ, охотно
Готовы ихъ продолжить до восьми.

Дождь.

Ни до восьми часовъ, синьоръ; ни даже
Восьми минутъ.

(Снимаетъ дождескую шапку и кольцо.)

Вотъ діадема дожа,

А вотъ его кольцо. Теперь свободна
Вѣнчаться Адриатика съ другимъ.

Презид. Десяти.

Но вы не выходите такъ поспѣшно.

Дождь.

Я старъ, синьоръ; съ моей походкой трудно
Поспѣшнымъ быть,—такъ я ужь не могу
Не поспѣшать! Мнѣ кажется межъ вами
Я вижу незнакомое лицо.—
Сенаторъ, ваше имя? по одеждѣ
Вы смотрите главою Сорока.

Меммо.

Синьоръ, я Марко Меммо.

Дождь.

Ахъ! вы сынъ

Отца, что былъ мнѣ другомъ. Но отцы
И сыновья! Гей!—слуги!

Служитель.

Государь!

Дождь.

Нѣтъ государя.

(Указывая на депутатовъ.)

Вотъ кто государи

Надъ этимъ государемъ. Мы должны
Сейчасъ отсѣль выйти; приготовьтесь.

Презид. Десяти.

За-чѣмъ же такъ поспѣшно? это можетъ
Произвести тревогу?

Дождь. *(Къ депутатамъ.)*

Ваше дѣло —

Вашъ и отвѣтъ.

(Къ служащимъ.)

Друзья, поторопитесь;

Здѣсь ноша есть одна: я васъ прошу

Нести ее съ особою заботой,

Хоть вредъ, при томъ, теперь ей недоступенъ;

Я, впрочемъ, самъ за этимъ наблюдаю.

БАРБАРИГО.

Онъ говорить о переносѣ тѣла.

Дождь.

И позовите дочь мою, Марину.

(Входитъ Марина.)

Дождь.

Дитя, приготовляйся. Плакать намъ

Въ другомъ придется мѣстѣ.

МАРИНА.

Всюду.

Дождь.

Правда;

Но только на свободѣ; не при этихъ

Завистливыхъ къ величію шпіонахъ.

Вы можете, синьоры, отправляться;

Чего еще вамъ нужно? мы идемъ.

Боятесь вы, что эти мы палаты

Возьмемъ съ собой? Да, древнія ихъ стѣны,

Что въ десять разъ древнѣе, чѣмъ какимъ

Считаюсь я, хотя я очень старъ,

Служили вамъ, какъ я служилъ; и я—

Какъ и они—могли бы рассказать

Исторію; но я не заклинаю

Ихъ клятвою—обрушиться на васъ;

Не то-бъ онѣ обрушились такъ точно,
 Какъ нѣкогда Дагоновъ тяжкій храмъ,
 Поверженный израильскимъ героемъ
 На филистимскихъ недруговъ его.
 Я думаю, такая сила можетъ
 Найдись въ такомъ проклятьи, какъ мое,
 Противъ такихъ людей, какъ вы. Но я
 Не проклинаю васъ. Прощайте!
 Пусть новыи дождь, синьоры, будетъ лучше,
 Чѣмъ настоящій.

Лоредано.

Настоящій дождь

Паскаль Малиниеро.

Дождь.

Нѣтъ, онъ будетъ,
 Когда лишь я черезъ порогъ той двери
 Перешагну.

Лоредано.

Но въ честь его избранья
 Сейчасъ въ большой ударятъ колоколъ
 Святого Марка.

Презид. Десяти.

Да.

Дождь.

Земля и небо!

Вы повторить хотите этотъ звонъ —
 И я его услышу! первый дождь,
 Когда нибудь подобный звонъ слыхавшій,
 Въ честь своего преемника. Преступный,
 Суровый мой предшественникъ Фальеро *,
 Счастливѣ меня былъ: онъ отъ этой
 Обиды былъ избавленъ.

Лоредано.

Вы жалѣтъ

Рѣшаетесь измѣнника?

Дождь.

Нѣтъ, я

Завидую лишь мертвецу.

Презид. Десяти.

Синьоръ,

Какъ скоро вы хотите въ самомъ дѣлѣ
 Внезапно такъ оставить вашъ дворецъ,
 То выдѣте изъ него, по крайней мѣрѣ,

* Слишкомъ известный Марино Фальеро; казненный въ 1355 году.

По лѣстницѣ, которая выходитъ
На мостовую вдоль канала.

Дождь.

Нѣтъ;

Я тѣмъ же приступками сойду,
Которыми всходилъ на государство,
Приступками «Гиганта» *, на верху
Котораго я облеченъ былъ въ дожди.
Я на его ступени призванъ былъ
Заслугами; я съ нихъ схожу по злобѣ
Моихъ враговъ. Съ тѣхъ поръ ужъ тридцать пять
Минуло лѣтъ, какъ въ этихъ я палатахъ
Былъ водворенъ; я никогда не думалъ
Чтобы меня могли изъ нихъ прогнать
Сограждане; я думалъ ихъ покинуть
Лишь мертвецомъ, быть можетъ, мертвецомъ
Сряжавшимся за нихъ у ихъ дверей.
Но я иду; мы оба съ сыномъ, вмѣстѣ, —
Идемъ отсюда: онъ—въ свою могилу,
Я—о своей молиться.

Презид. Десяти.

Такъ публично?

Дождь.

Я былъ публично избранъ и хочу
Быть низложенъ такъ точно. Дочь моя!
Тебѣ угодно?

Марина. (*Предлагая ему руку*).

Вотъ моя рука.

Дождь.

И вотъ мой посохъ: вотъ съ какой опорой
Я выхожу.

Презид. Десяти.

Нѣтъ, этого нельзя:

Народъ на это обратитъ вниманье.

Дождь.

Народъ! Здѣсь нѣтъ народа, это очень
Извѣстно вамъ; иначе никогда
Ни съ нимъ бы, ни со мной такъ обходиться
Не смѣли вы; здѣсь есть простонародье,
Которое способно пристыдить
Васъ взглядами; но ни роптать на васъ,
Ни проклинать не смѣетъ васъ, какъ развѣ
Проклятиемъ сердецъ своихъ и глазъ.

* Названіе лѣстницы; въ русской печати она встрѣчается подъ названіемъ «Лѣстницы великановъ».

Презид. Десяти.

Въ васъ говорить такъ страсти —

Дождь.

Это правда,

Я черезъ чуръ ужъ много говорилъ,
Противъ моихъ привычекъ: эта слабость
Всегда была чужда мнѣ, тѣмъ скорѣй
Она для васъ составитъ извиненье,
Какъ знакъ того, что я впадаю вновь
Въ ребячество, которымъ свой поступокъ
Вы можете оправдывать, хотя
Законъ противъ него! Прощайте!

Презид. Десяти.

Вы

Должны идти со свитой, какъ того
Минувшій вашъ и даже настоящій
Санъ требуетъ. Мы, съ должнымъ уваженьемъ,
Намѣрены въ вашъ собственный дворецъ
Васъ проводить, какъ дождя. Вы согласны,
Сильоры, говорите?

Разные голоса.

Да! да, да!

Дождь.

Вы не сойдете съ мѣста, вслѣдъ за мною,
По крайней мѣрѣ. Я сюда вошелъ,
Какъ государь, а выхожу отсюда,
Какъ гражданинъ; хоть черезъ тѣ же крыльца,
Но все таки какъ гражданинъ. Всѣ эти
Пустыя церемоніи не больше,
Какъ низкія обиды, что больнѣй
Грудь растрavляютъ только; это яды,
Которые имѣютъ видъ одинъ
Противоядій. Пышность создана
Для государей; я—не государь.
Нѣтъ, ложь, я государь, но лишь до этихъ
Дверей, не дальше... Ахъ!

(Раздается большой колоколь св. Марка).

Доредано.

Чу!

БАРБАРИГО.

Колоколь!

Презид. Десяти.

Святого Марка; это въ честь избранья
Малипiero раздается онъ.

Дождь.

О, этотъ звонъ я узнаю! Я слышалъ

Его одинъ лишь разъ, одинъ лишь разъ,
И этому теперь ужь тридцать пять
Минуло лѣтъ; я и въ то время не былъ
Ужъ молодымъ.

БАРБАРИГО.

Присядьте, государь;
Вы всё дрожите.

Дождь.

Это похоронный
Звонъ о моемъ несчастномъ сынѣ. Горько!
Какъ горько мнѣ!

БАРБАРИГО.

Прошу васъ, сядьте.

Дождь.

Нѣтъ;
Здѣсь былъ мой сидѣннемъ тронъ. Марина!
Идемъ.

МАРИНА.

Идемъ!

Дождь. *(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ
и останавливается).*

Я ощущаю жажду —
Не можетъ ли быть кто нибудь любезенъ —
Воды подать мнѣ?

БАРБАРИГО.

Я.

МАРИНА.

И я.

Лоредано.

И я.

*(Подаютъ ему три кубка. Дождь
беретъ у Лоредано).*

Дождь.

Беру изъ вашихъ рукъ, синьоръ, изъ рукъ,
Которыя особенно подходятъ
Подъ этотъ случай.

Лоредано.

Какъ такъ?

Дождь.

Говорятъ,

Что въ нашемъ хрусталѣ венеціанскомъ
Такая есть чувствительность—къ отравамъ,
Что онъ мгновенно колетса, какъ только
Къ нему что ядовитое коснется:
Вы этотъ кубокъ предложили мнѣ,
А онъ не раскололся.

Лоредано.

Ну, синьоръ?

Дождь.

Такъ это ложь, или вы не ядовиты.
Что до меня, изъ этихъ двухъ вещей
Я ни одной не вѣрю, это просто
Пустой народный говоръ.

МАРИНА.

Твой языкъ

И разговоръ такъ странны; успокойся,
И подождемъ идти отсюда,—ахъ!
Ты блѣдень, какъ мертвецъ.

БАРБАРИГО.

Онъ упадетъ!

Скорѣ кресло—нужно поддержать! —
Онъ падаетъ!

Дождь.

Тотъ колоколъ звонитъ—
Звонитъ!... пойдемъ. Мой мозгъ горитъ огнемъ.

БАРБАРИГО.

Я умоляю васъ, позвольте намъ
Попридержать васъ.

Дождь.

Нѣтъ! властитель стоя
Обязанъ умереть. Мой бѣдный сынъ!
Прочь ваши руки!... этотъ колоколъ!

(Дождь падаетъ и умираетъ).

МАРИНА.

Мой Богъ! Мой Богъ!

БАРБАРИГО. *(Къ Лоредано).*

Смотрите, ваше дѣло

Совершенно.

Презид. Десяти.

Ужель тутъ никакой
Нѣтъ помощи? пусть позовутъ—

Служитель.

Напрасно;

Все кончено.

Презид. Десяти.

Когда уже иначе
Не можетъ быть, по крайней мѣрѣ, прахъ
Его мы похоронимъ, какъ прилично
И имени, и націи его,
И званію, и рвенію о пользахъ
Республики, пока его лѣта
Заботиться о нихъ лишь позволяли
Ему съ такою славой. Такъ нль нѣтъ?
Собратія, рѣшайте.

БАРБАРИГО.

Такъ какъ онъ
Не дожидъ до несчастья умереть
Въ подданствѣ тамъ, гдѣ царствовалъ, то пусть
Онъ будетъ погребенъ какъ государь.

Презид. Десяти.

Такъ мы согласны?

Всѣ, (*кромя Лоредано*).

Да.

Презид. Десяти.

Да будетъ вѣчный
Покой надъ нимъ.

МАРИНА.

Синьоры, извините:
Я вижу тутъ насмѣшку. Будетъ вамъ
Надъ этимъ бѣднымъ прахомъ издѣваться.
Покуда въ немъ душа была (душа,
Которая раздвинула придѣлы
Республики и сдѣлала ея
Могущество столь гордымъ, какъ онъ самъ
Великимъ былъ), вы изъ его дворца
Его съ такимъ упорствомъ выгнали;
Вы за полы немилосердно такъ
Его тащили съ трона: это было
Лишь за одну минуту; а теперь, —

Когда онъ этихъ почестей не можетъ
 Почувствовать, и еслибъ могъ, то ихъ
 Не принялъ бы, — вы неумѣстнымъ блескомъ
 Хотите окружить его, парадъ
 Устроить изъ того, что вы ногами,
 Синьоры, попирали. Этотъ блескъ
 Монаршихъ похоропъ скорѣй укоромъ
 Послужить вамъ, чѣмъ почестью ему.

Презид. Десяти.

Синьора, мы не такъ легко отъ нашихъ
 Рѣшеній отступаемся.

МАРИНА.

Я знаю,
 Когда идетъ о томъ, чтобъ истязать
 Живыхъ людей; но мертвыхъ я считала
 Свободными...
 Отдайте мнѣ его:
 Продлись въ немъ жизнь, которую съ такой
 Вы добротой пресѣкли — вы за этимъ
 Стоять бы, вѣдь, не стали: это мой
 Последнй долгъ, и я могу найти —
 Хоть грустную—въ немъ для себя отраду.
 Печаль такъ суевѣрна, что съ любовью
 Глядитъ на мертвецовъ и ихъ гробъ.

Презид. Десяти.

Вы все-таки хотите съ нами спорить
 О правѣ погребенья?

МАРИНА.

Да, синьоръ.
 Хотя свое имущество сполна
 Онъ издержалъ на службѣ государству,
 Я на мое приданое могу
 Зарыть его останки и останки—

(Останавливается отъ волненья).

Презид. Десяти.

Приданое свое поберегите
 Вы лучше вашимъ дѣтямъ.

МАРИНА.

Да, они
 Вѣдь сироты—благодарю васъ.

Презид. Десяти.

Мы

Не можемъ согласиться съ вашей просьбой;
Его останки будутъ почтены
Обыкновеннымъ блескомъ; новый дождь
Ихъ будетъ провожать до ихъ могилы,
И не какъ дождь, а просто какъ сенаторъ.

МАРИНА.

Я слышала, что есть смертоубійцы,
Которые хоронятъ жертвъ своихъ;
Но чтобъ они такимъ притворнымъ блескомъ
Убитыхъ окружали—никогда
Не слышала. Я слышала о горькихъ
Слезахъ вдовицъ—увы! я проливаю
Ихъ и сама! благодаря все вамъ.
Я слышала о траурныхъ одеждахъ
Наслѣдниковъ... покойникъ всѣхъ своихъ
Лишонъ, по вашей милости, такъ вы
Ихъ роль сыграть хотите. Чтожъ, синьоры,
Да будетъ ваша воля свершена,
Какъ нѣкогда, надѣюсь, совершится
И Божья воля!

Презид. Десяти.

Знаете ль, синьора,
Кому вы говорите, и весь рискъ
Подобной рѣчи?

МАРИНА.

Первое я знаю
Короче васъ; послѣднее какъ вы,
И ни предъ тѣмъ, ни предъ другимъ не трушу.
Желаете вы новыхъ похоронъ?

БОРБАРИГО.

Не взвѣшивайте строго этихъ словъ;
Ея печаль ей служить извиненьемъ.

Презид. Десяти.

Такъ мы ихъ позабудемъ.

БОРБАРИГО. (*Къ Лоредано, который
пишетъ на своихъ та-
блицѣхъ*).

Что такое

Ты на своихъ таблицахъ пишешь тутъ
Съ толь озабоченнымъ челомъ?

Лоредано. (*Указывая на тѣло дожа*).

Что онъ

Мнѣ заплатилъ!

Презид. Десяти.

Какой же вы за нимъ

Имѣли долгъ?

Лоредано.

Старинный и безспорный;

Настолько жь долгъ природы, какъ и мой.

(*Занавѣсъ падаетъ*).

Е. Зарницъ.

БРОДЯГА.

Рассказъ.

Года три или четыре тому назадъ, а, можетъ быть, немного и болѣе, въ одно прекрасное присутственное утро, привели въ нашъ богоспасаемый уѣздный судъ трехъ бродягъ къ передопросу. Одинъ изъ нихъ обратилъ мое вниманіе благороднымъ и симпатическимъ выраженіемъ лица, и развязностью манеръ. Въ лицѣ его выражалась грусть и вызывала невольное участіе къ нему. При передопросѣ онъ не открылъ своего происхожденія и, какъ большая часть бродягъ, сказалъ, что не помнитъ и не знаетъ ни роду, ни племени... читать и писать его научили добрые люди во время странствованія. Во время увѣщанія съ бродягой происходила сильная внутренняя борьба; заиѣтно было, что онъ хотѣлъ открыть свое происхожденіе, но отчего не открылъ — неизвѣстно. Почеркъ имѣлъ бойкій, довольно красивый, подпись безъ грамматическихъ ошибокъ. Изъ всего этого ясно можно было видѣть, что Иванъ Непомнящій родства — непременно изъ чиновнаго класса.

Меня терзало мучительное любопытство—узнать, во что бы то ни стало, кто такой Иванъ Непомнящій.

Нужно предупредить незнакомыхъ съ судейскихъ порядкомъ, что почти во всякомъ уѣздномъ судѣ, при приводѣ арестантовъ, столена начальники а пожалуй и самъ почтенный секретарь, вымываютъ преступниковъ киваніями пальцевъ и другими имъ извѣстными телеграфическими знаками въ сѣнцы, гдѣ происходитъ и торгъ за дѣло и совѣщаніе насчетъ показаній; а караульные отходятъ немного въ сторону. Въ настоящемъ случаѣ я

тоже воспользовался этимъ обыкновеніемъ, и когда непомятаго вывели въ сѣни, я слѣдомъ вышелъ за нимъ и остановилъ его.

— Послушайте, будьте со мной откровенны! Изъ вашей фнзіономіи, письма и разговора видно, что вы не простого званія. Васъ какойнибудь дурной поступокъ заставилъ бродяжничать. Скажите, что вы сдѣлали?

— Сдѣлалъ дѣльце, за которое не помилуютъ,—сказалъ, съ грустнымъ выраженіемъ, Непомнящій.

— Но все таки за него, можетъ быть, легче наказаніе, чѣмъ за бродяжничество, за которое васъ во первыхъ тѣсно накажутъ, потомъ отдадутъ въ арестантскія роты...

Непомнящій сталъ размышлять.

— Время дорого, да притомъ же холодно. Пожалуйста, говорите откровенно: какое вы сдѣлали преступленіе?

— Если ужъ такъ вамъ хочется знать кто я и какое сдѣлалъ преступленіе,—извольте, скажу, только вы будете молчать?

— Буду.

— Вотъ что: бывши письмоводителемъ N-скаго предводителя дворянства, я растратилъ казенную сумму, тысячу рублей.

— Предводитель богатъ?

— Очень.—Имѣетъ большое состояніе.

— Добрый?

— Да.

— И умный?

— И умный, и образованный.

— Къ вамъ былъ расположенъ?

— Въ его домѣ я всегда хорошо былъ принятъ.

— Какъ ваше имя - отчество?

— Иванъ Васильичъ Павельевъ.

— Будьте увѣрены, Иванъ Васильичъ, что, при недочетѣ суммы, предводитель не допустилъ огласки, а тотъ-часъ позволилъ своими деньгами. Вамъ печего опасаться. Молитесь Богу и идите въ присутствіе—откройте свое происхожденіе. Въ утѣшеніе ваше скажу, что подобная исторія случилась въ здѣшнемъ земскомъ судѣ очень недавно. Приходорасходчикъ неизвѣстно куда растратилъ казенныя деньги и скрылся; исправникъ къ свѣдѣтельству суммы положилъ свои денежки—и концы въ воду.

— Правду ли вы говорите?..

— Могу васъ увѣрить, что какъ говорю, такъ и будетъ.

— Так и быть, послушаюсь васъ. Иду,—сказалъ рѣшительно Павелъевъ, и съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

Двое бродягъ искоса посмотрѣли на меня.

— Смотри, Иванъ, не больно сдавайся на его лисьи слова: пожалуй, мягко стелеть да жестко спать; пойдемъ-ка лучше съ нами,—проговорилъ одинъ изъ нихъ.

— Лучше на дорогу-то наставимъ, подхватилъ другой, съ насмѣшливой улыбкой.

Часовые засмѣялись.

— Ну, ребята, добру вы парня учите!—сказали они. Но самъ Павелъевъ, не обративъ вниманія на слова своихъ со товарищей, вошелъ въ присутствіе, и открылъ свое происхожденіе. При подписи показанія онъ снова поблагодарилъ меня за совѣтъ. Лицо его приняло нѣсколько веселый видъ.

По показанію Павелъева, послали собрать справки къ N-скому предводителю.

Мнѣ захотѣлось подробнѣе узнать объ немъ. На третій день послѣ перваго нашего знакомства, я посѣтилъ его въ тюремномъ замкѣ. Павелъевъ обрадовался моему посѣщенію.

— Благодарю васъ за ваше посѣщеніе, я многимъ обязанъ за вашъ совѣтъ; не знаю, какъ и чѣмъ васъ отблагодарить!

— Если вы считаете себя обязаннымъ мнѣ, то можете отблагодарить теперь,—сказалъ я:—разкажите про свое странствованіе.

— Съ удовольствіемъ. За этимъ дѣло не станеть.

— Долго вы странствовали?

— Почти годъ.

— Гдѣжь васъ поймали?

— Въ селѣ Грушовкѣ, гдѣ-было я поселился на житье у крестьянина Грудева.

— Я этого крестьянина знаю; онъ теперь здѣсь, въ тюремномъ замкѣ. Отъявленный воръ! страшлище всѣхъ коннозаводчиковъ!

— Это правда; но въ немъ есть много и добра, и онъ очень уменъ.

— Гдѣ-жь вы съ нимъ встрѣтились?

— Между городомъ и Грушовкой. Грудевъ ѣхалъ съ охоты,—какъ называется онъ свой промыселъ,—на тройкѣ отличныхъ лошадей, тихимъ шагомъ. Поровнявшись со мною, онъ спросилъ:

— Ты странникъ?

— Да.

— Куда идешь?

— Такъ куда нибудь, зарабатывать хлѣбъ.

— А, понимаю,—сказалъ Грудевъ,—вѣрно нѣтъ ни роду, ни племени, сирота безъ прозвища?

Я промолчалъ.

— Садись-ка братъ ко мнѣ, я тебѣ найду работу... Хочешь?

— Пожалуй, изволь,—сказалъ я.

— Ну, такъ садись, ѣдемъ.

— Ѣдемъ.

— Изъ какихъ ты? сказалъ Грудевъ.

— Барскій.

— Грамотный?

— Конторщикомъ былъ.

— Я и самъ писать-то маракую, да плохо. Ты мнѣ будешь пригоденъ, если захочешь пожить въ моемъ домѣ; у меня много добрыхъ людей жывало, — сказалъ съ усмѣшкою Грудевъ, — да всѣ не-по-рукѣ, — безграмотные!

— Ты гдѣ былъ?—спросилъ я Грудева.

— На охотѣ.

— Что жь, ничего не везешь? вѣрно, плоха охота.

— Везть не везу, а самого везуть. Еслибъ, такая охота была почаще, хорошо-бъ было.

Тутъ я догадался, какою охотою занимается Грудевъ.

— Гдѣ тебѣ послалъ Богъ такую славную дичь?—сказалъ я, смѣясь.

— Версть за сто отсюда. Я былъ въ Мѣловатѣ у пріятеля, хотѣли поохотиться, да линія не подошла; иду оттуда пѣшкомъ, глядь — меня догоняетъ поштарь; я къ нему: эй, любезный, подвези меня.

— Изволь... за косушку.

— Пожалуй, хоть двѣ.

Пріѣхали мы въ Грязнуху къ кабаку; я взялъ двѣ косушки, влилъ туда же вотъ этого снадобья, и попотчивалъ поштаря. При этомъ Грудевъ вынулъ изъ кармана косушку и показалъ мнѣ.

— А что это за снадобье?

— А вотъ что оно значитъ: поштарь какъ хватилъ—на веретѣ крѣпко заснулъ. Подъѣхавши подъ лѣсокъ, я оглядѣлся: ѣхать никто не ѣхалъ. Я взялъ поштаря на руки и положилъ подаль-

не отъ дороги, выпасться, а самъ съль и да трѣпанулъ: теперь ницѣ—свищи, а сѣренькіе завтра далеко будутъ!

— Что ты, братъ, попадайся когда нибудь?

— Какъ не попадаться. Разовъ пятокъ былъ въ острогѣ.

— Оттуда же какъ выходилъ?

— Безъ пріятелей нельзя. У меня есть одинъ пріятель, въ судѣ служить столоначальникомъ, Василиемъ Александровичемъ называется; онъ сколько разъ, дай Богъ ему здоровья, изъ-подъ плетей выручалъ меня, хоть и сдиралъ за это шкуру. Какъ попадешь въ острогъ, такъ сотняга другая ему попадетъ.

— За что-жь ты называешь его пріателемъ?

— За то, братъ, что съ нашимъ братомъ компанію ведетъ. Къ нему въѣзжаешь словно домой, съ охоты ли, или когда скрутно придетъ; приткнуться некуда — пріютъ даетъ. Вотъ прошлой зимой, я выжилъ у него ровно три мѣсяца, — бѣгалъ отъ становаго; за благодарность опосля коровушкой поклонился. Показать тоже научить какъ: «ты, говоритъ, Алѣха, знай-говори, какъ попадешься: знать не знаю и вѣдать не вѣдаю; такъ, знаешь, тебя въ подозрѣніи оставлять и болѣй ничего.» Охотники у него всё, напимѣръ, оброкъ платять, — правъ ли, виновать ли; а то, говоритъ, попадешься ко мнѣ въ когти—я упеку тебя. Ну, знамо дѣло, всякъ человекъ подъ-Богомъ ходитъ, такъ лучше и тово... Ну ужь, братъ, и подпакостить — такъ настеръ — пріятель мой. Вотъ скажу тебѣ какую штуканцію отъ отгилъ. Разъ меня ослободили изъ острога; пріятель мой увязался со мной покутить и благодарность получить. Пріѣхали домой. Отецъ и свои были рады. Пошолъ кутежъ. Старшина и голова, узнай, что я пріѣхалъ: то-жь пришли посусломойничать. Алексѣичъ, какъ чиновный, затесался въ передній уголъ, и началъ хвастаться, что кабы не онъ, такъ мнѣ бы и сгнить въ ѣстрогъ. Голова-то нашъ и скажи ему: «нѣтъ, дескать, ваше благородіе, еслибъ общество не приняло Алѣху, то и вы бы ничего не одѣлали, а общество-то упрашивали мы. Вѣдь правду сказалъ голова, и сердиться бы нечего. Нѣтъ! Алексѣичъ какъ векочить, — хлопъ голову въ рыло, хлопъ въ другой; и такъ, и разъ-эдакъ, — и пошолъ писать! Прогналъ голову съ старшиною. Послѣ ихъ мы покутили и улеглись спать. На другой день Алексѣичъ всталъ гдѣ тебѣ: смекнулъ, что дѣло плохое. «Ну-ка, говоритъ, Алѣха, запрягай-ка; поѣдемъ поскорѣй въ городъ». Пріѣхали. Алексѣичъ струсилъ. Ну, думаетъ, какъ пойдутъ

подлецы жаловаться къ губернатору, пропасть а! Нужно поправить какъ нибудь. — Старшина и голова прѣехали, — пожаловались судѣ. Судья хоть и крѣпко держалъ руку Алексѣича, а все таки смолчать нельзя было. Что дѣлать? — Пошолъ Алексѣичъ въ острогъ, къ арестанту, — Громовымъ называется. «Батюшка, Громовъ, выручи меня изъ бѣды. На меня прѣехали жаловаться грушовскіе голова и старшина; — наговори, пожалуйста, что ты ворованныхъ лошадей продалъ имъ, зазнаемо краденныхъ.» Въ тотъ же день Громовъ сказалъ страпчему, что онъ хочетъ объяснить въ судѣ какое-то дѣло, а на другой день по этой причинѣ его вызвали въ судъ, и онъ показалъ какъ его Алексѣичъ научилъ. Голову и старшину сейчасъ было въ острогъ. Мужики сробѣли, дали Алексѣичу по двѣсти — и дѣло пошабашили: Это ничего. Тутъ онъ себя защищалъ, а то послухай-ка, что онъ съ попомъ сдѣлалъ. Безъ всякой вины напакостилъ ему. Вишь дѣло въ чемъ: Алексѣичъ жилъ, такъ то есть, съ прихлебательницей, которая добре огоронивала его. Не вѣтъ же съ ней жить, нужно и законъ исполнить. Пожалуй, такому мошеннику ничего бы, онъ законъ на свой ладъ мастеръ повертывать: да супротивъ начальства стыдно. Благодѣтель его — судья — каженный день все толкуеть ему, что жениться пора; ну и прихлебательница-то рожа была, хоть онъ и самъ на чорта больно смахиваетъ. Вотъ и засваталъ онъ у попа дочку, — подпустилъ попу, знаешь, всякія турусы... Дѣвка была хорошая, ей не хотѣлось итти за такого уродину. Отецъ то — то есть поцъ — узнай стороной, что у него прихлебательница есть; возми, да откажи. Какъ получилъ Алексѣичъ спицу въ носъ, и прикажи моему брату у попа тройку свести, а самъ дождался у меня пока воротится братъ и приведетъ лошадей. Братъ въ ту же ночь обдѣлалъ дѣло. Спустили тройку; денежки раздѣлили на трехъ. Въ ту же ночь Алексѣичъ былъ въ городѣ. Утромъ пришолъ въ судъ, да говорить невѣстину брату: что, Николушка! лошадокъ-то трончку поддѣли у васъ? А парень и сномъ-духомъ не вѣдаетъ что сдѣлалось дома. Этимъ Алексѣичъ не донялся; научилъ арестанта наговорить на парня, что онъ взялъ съ него деньги и общался списать копію съ его дѣла, а написать не написалъ. Парня было ни-за-што ни-про-што выгнать хотѣли изъ службы. На силу бѣдняга упросился перейти куда-то, — да магарычи добрые поставилъ за здорово живешь. Если денегъ не случится, сей часъ промыслить почище нашего брата. Какъ-то разъ пришолъ ему

голодный годъ на деньги, и у охотниковъ пожива была плоха. Откуда взять? Пошолъ опять въ острогъ къ одному арестанту: «ну, говоритъ, хочешь что ли на свободѣ быть, али нѣтъ?»

— Какъ не хотѣть, в. б., сдѣлайте божескую милость.— Ну, такъ покажи, что ты покраденныя вещи передалъ тулупнику Кирѣеву. Когда Кирѣева притащили въ судъ къ допросу, онъ обомлѣлъ отъ страха. Въ сѣняхъ его повстрѣчалъ Алексѣвичъ. Что, говоритъ, попался? Тотъ залился горючими слезами.— Ну, я вижу, говоритъ, что ты человѣкъ добрый; — давай пятьсотъ. Кирѣевъ въ ноги. Батюшка, Алексѣевичъ, возьми дѣсти! только и есть въ пачинности. Смиловался Алексѣвичъ за триста. Ну, говоритъ, я человѣкъ добрый, Богъ съ тобою!.. Вотъ молодець, такъ молодець. А что нашъ братъ? Пошолъ на охоту — гляди, попался. Изъ кармана-то вылетитъ да и бокамъ подъ часть достанется. А если, Богъ дастъ, благополучно обойдется, то все-таки мало пользы. Хорошо какъ за полцѣны спустишь, а болѣе — за третью, либо за четвертую часть.... Кабы мнѣ не было написано на роду, давно бы я бросилъ охотничать, — сказалъ Алексѣй задумавшись. — Я и самъ гляжу: нехорошо воровать; — дай брошу, — буду работать; — а какъ увидишь добрыхъ лошадокъ, такъ всѣ суставчики заходятъ; такъ и толкаетъ: возьми да возьми!...

— А въ своемъ селѣ ты охотишься?

— Помилуй Богъ! У своихъ воровать стыдно и страшно. Попадешься въ острогъ, да какъ рѣшать дѣло: — отдать на поруки, скажутъ: «Не хотимъ! онъ воръ.» А то каженный разъ принимаютъ меня изъ острога съ большимъ удовольствіемъ. И воровать-то въ нашемъ селѣ, по правдѣ сказать, негдѣ. Что ни дворъ, то воръ. Развѣ у духовныхъ позычимъ чего нибудь изрѣдка, и то по съясной части. Больше мы охотимся верстѣ за пятьдесятъ, за сто, — гдѣ насъ не знаютъ.

Вечеркомъ мы благополучно пріѣхали въ Грушовку; хорошо поужинали и улеглись спать.

На другой день, я изъ любопытства началъ осматривать хозяйство Грудева. Дворъ былъ крѣпкій; лошади и коровы хороши и сытыя; мелкой скотины очень достаточно; хлѣба довольно.

— А гдѣ, Алексѣй, та тройка, что мы пріѣхали?

— Здѣсь, — па дворѣ.

— Я весь дворъ исходилъ, а не видалъ.

— Не увидишь и не найдешь, будь хоть семи пядей во лбу.

— Ну; такъ покажи самъ, пожалуйста, гдѣ они?

— Теперь нельзя, — вечеромъ.

День я убилъ кой-какъ. Наступилъ вечеръ: Алексѣй при-
шолъ откуда-то навеселѣ. Смерклося.

— Пойдемъ-ка, Ванюха, я тебѣ покажу, гдѣ лошадки стоятъ.

Мы пришли въ темный сарай, зажгли фонарь.

— Ну-ка Ванюха! потащи съ той стороны клинъ.

Я вытащилъ. Стѣна, сдѣланная изъ маленькихъ пучковъ соло-
мы, опустилась до земли. Мы вошли въ потайную конюшню.
Съ одной стороны была конюшня, съ другой небольшая комнат-
ка съ городской мебелью.

— А что Ванюха, вѣдь ты бывалъ въ господскихъ домахъ?

— Бывалъ.

— У господъ есть комнатка, — кабинетомъ зовутъ, — это вотъ
мой кабинетъ. Садись-ка, посидимъ да въ дорогу.

Сѣли.

— Ну-ка достань-ка вонъ оттуда бутылку шинпанскава. Нужно
дорожку взпрыснуть. Сей-часъ запрягать да ѣхать, — сѣрень-
кихъ спровадить.

Я досталъ бутылку; выпили; вино въ самомъ дѣлѣ было шам-
панское, — очень хорошее.

— Гдѣ ты, Алексѣй, взялъ это вино?

— Мнѣ подарилъ пріятель, — господскій человекъ. Я съ нимъ,
знаешь, дѣлишки кой-какія заправляю.

Вывели лошадей; — запрягли и Алексѣй залезъ на нихъ
куда-то. Вечеромъ на другой день онъ вернулся на парѣ дру-
гихъ лошадей.

Я подружился съ Алексѣемъ. Онъ меня тоже полюбилъ.
Мнѣ надоѣло шляться безъ гроша, безъ платья, безъ име-
ни, просить иногда кусокъ насущнаго хлѣба, ради Христа, и вотъ,
пріютившись къ теплomu и спокойному уголку, душа, измученная
постоянными мелкими ежедневными тревогами, отдохнула, и я
началъ размышлять — какъ жить дальше и на что рѣшиться. Разъ
какъ-то сидѣли мы въ кабинетѣ у Алексѣя; я ему высказалъ свою
мысль. «Вотъ-что Ванюха, — сказалъ Алексѣй, — ты видишь, что я
грамотѣ маракую, вѣдь я дошелъ до этого самоукоей. Поучи-ка
меня хорошенъко письму. Выучимся, тогда въ купцы. Ужъ годъ
куда ни шолъ, не буду воровать, буду день и ночь учиться. Потомъ,
вѣрно ужъ въ послѣдній разъ, отцѣплю тройку заливчатскихъ —
да въ Таганрогъ или Астрахань, либо въ Одесю, — куда Богъ при-

ведетъ. Поступимъ съ тобой въ какую нибудь контору, — къ купцу; послужимъ мѣсяць — другой и хватимъ изъ сундука. А если ужъ не гожусь въ контору, то лакеемъ къ какому нибудь барину, хорошенько повывысмотрю, да цапну. Вернемся домой; я, пожалуй, въ купцу, а тебя Алексѣичъ въ офицеры возьметъ служить. Славный паренъ Алексѣичъ, что хошь сдѣлаетъ за деньги. А за билетами дѣло не станеть; мы такіе достанемъ — хоть въ Питерь ступай».

Алексѣй началъ очень усердно учиться. Это продолжалось недѣли три. Во время обѣда неожиданно влетѣлъ становой приставъ для обыска съ понатыми, — и прямо ко мнѣ.

— Ты что за человекъ?

— Прохожій, — сказалъ я, испугавшись.

— Паспортъ есть?

— Есть-съ!

— Подавай сюда!

Я началъ рыться въ своей котомкѣ. Тамъ ничего не было.

— Эй, взять его!

Меня взяли въ сельскую расправу, а оттуда сюда. Дня чрезъ три и Алексѣй пожаловалъ, по милости сѣренскихъ, въ острогъ. Съ нимъ мнѣ не такъ скучно, и нужды никакой не терплю, хоть у меня нѣтъ ни гроша; — водка у насъ всегда.

— Водка? — сказалъ я. — Но чтобъ доставать ее, нужно и утишье, и деньги.

— Что-жь деньги? вѣдь арестантъ ужъ ихъ въ карманъ не положить, а зашьетъ либо въ верхнее либо нижнее бѣлье, такъ что незамѣтно. Захочетъ водки — вынетъ изъ секретнаго мѣста деньги, отдастъ часовому цѣлковый, а тотъ прине-сетъ полкварти въ ружейномъ стволѣ, чтобъ караульный офицеръ не замѣтилъ.

Послѣ этого я въ продолженіе недѣли, каждый день посѣщалъ Павельева. Но потомъ три недѣли обстоятельства не позволили быть у него. Возвратившись въ городъ, я сей частъ-же успѣшилъ къ нему въ острогъ; но мнѣ сказали, что онъ ужъ пересланъ въ N-скъ по требованію тамошней полиціи, для окончательнаго обслѣдованія его показанія. Пожальвъ о бѣдномъ молодомъ человекѣ я спросилъ объ Алексѣѣ. Мнѣ указали его на дворѣ, по которому онъ, съ кандалами на ногахъ, спокойно и весело прогуливался.

— Что, плутъ, погубилъ-было Павельева-то? — проговорилъ я ему.

— Не я, ваше благородіе, а вы его погубили, — отвѣтилъ мнѣ дерзко Алексѣй; — тоже достаточно онъ пожилъ съ нами; нашего общества сталъ человѣкъ: куды его теперь не приставляй — только у насъ, воровъ, въ услуженіи и можетъ быть.

— Полно врать! — перебилъ я его съ сердцемъ: — самъ-то зачѣмъ сюда безрестанно попадаешь: не надобно видно!

— Самъ-то? — повторилъ Алексѣй. — Мѣстоположеніе-то, видно, очень ужъ мнѣ здѣсь нравится! — прибавилъ онъ, обводя насмѣшливо глазами стѣну и видѣвшійся вверху клочокъ неба.

Я только махнулъ рукой и ушелъ.

Евгеній Воскресенскій.

АБОЛИЦИОНИЗМЪ И АБОЛИЦИОНИСТЫ.

(Окончаніе.)

Опроверженіе главныхъ вигитскихъ положеній противъ эманципации.—Орегонскій билль.—Присоединеніе Калифорніи.—Компромиссъ 1850 года.—Агитация противъ него со стороны абolicіонистовъ.—Паденіе партіи виговъ.—Билль о Небраскѣ.—Канзасскія событія.—Рѣшеніе по дѣлу Дредъ Скотта.—Распаденіе партіи демократовъ.—Торжество абolicіонистовъ.—Можетъ ли современная сѣвероамериканская война повести къ эманципации негровъ.—Вулуца миссія абolicіонистовъ.

Мы видѣли, что главные аргументы виговъ противъ эманципации, на которые указываютъ также многіе изъ европейскихъ писателей, исчерпываются тремя положеніями: во 1-хъ, незаконностію чьего бы то ни было вмѣшательства въ дѣла рабовладѣльцевъ, во 2-хъ, опасеніемъ помѣси бѣлой и черной расы, и въ 3-хъ, неизбѣжностію кроваваго антагонизма между обѣими расами. «Негры, по мнѣнію одного изъ сторонниковъ вигитской партіи, могутъ долгое время оставаться невольниками, не жалуйсь на свое положеніе; но сдѣлавшись свободными людьми, они придутъ въ негодованіе, увидѣвъ себя лишонными почти всѣхъ гражданскихъ правъ; не имѣя возможности сдѣлаться равными бѣлымъ, они сдѣлаются ихъ врагами;—жить-же обѣимъ расамъ вмѣстѣ, на правахъ полнаго равенства, нѣтъ никакой возможности, потому что бѣлая раса никогда не признаетъ негровъ равными себѣ, а тѣмъ менѣе захочетъ подчиниться имъ, будучи высоко образованнымъ, благороднымъ племенемъ».

Ни съ однимъ изъ этихъ положеній не хотятъ согласиться

аболиціонисты. Прежде всего—они не только не видят ничего противозаконнаго въ овоемъ вмѣшательствѣ въ дѣла южныхъ штатовъ по вопросу о невольничествѣ, но даже считаютъ это вмѣшательство нравственнымъ долгомъ каждаго гражданина сѣверныхъ штатовъ. Если даже допустить, что штаты Сѣверо-Американскаго Союза находятся, въ отношеніи другъ къ другу на правахъ иностранныхъ государствъ,—какъ доказываютъ демократы,—то и тогда остается за ними право на взаимное вмѣшательство въ такого рода внутреннія дѣла, какъ невольничество; ибо чувство человѣколюбія не ограничивается какими нибудь мѣстными предѣлами. Нравственныя духовныя связи соединяютъ всѣхъ людей, какія-бы огромныя пространства ни отдѣляли ихъ другъ отъ друга, къ какимъ-бы разнороднымъ политическимъ тѣламъ они ни принадлежали. Поэтому вездѣ, гдѣ-бы ни оскорблялось человѣчество, оно имѣетъ право на всеобщее сочувствіе. Слишкомъ была бы узка и эгоистична политика того государства, которое позволило бы совершать на своихъ границахъ варварскіе и безчеловѣчныя поступки, оставаясь хладнокровнымъ зрителемъ и нисколько не заботясь о прекращеніи ихъ, потому только, что они совершаются не внутри его, а на границѣ.

На признаніе невольничества государственнымъ учрежденіемъ виги ссылались обыкновенно какъ на причину, которая должна оградить рабство отъ всякаго рода нападокъ. По мнѣнію же аболиціонистовъ это самое даетъ еще болѣе основаніе всеобщему негодованію противъ него. Зло, говорятъ они, нисколько не теряетъ своего безобразія, становясь учрежденіемъ; то есть вещь, признанною закономъ и защищаемую государственною властью, но приобретаетъ еще большую силу, и потому требуетъ болѣе серьезнаго сопротивленія. На дѣйствія нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, преслѣдующихъ дурныя цѣли, можно еще не обратить вниманія; но когда цѣлое общество, открыто, посредствомъ самыхъ законовъ и вооруженной силы, признаетъ и поддерживаетъ страшную несправедливость, въ такомъ случаѣ всѣ, кому только дорого благо человѣчества, должны соединиться вмѣстѣ, для противодѣйствія ему. Конечно, противодѣйствіе это должно совершаться путемъ нравственнаго вліянія на народныя массы, а не грубой физической силы. Распространеніе въ обществѣ своихъ убѣжденій посредствомъ литературы, изустной проповѣди и ассоціацій было единственнымъ средствомъ, при по-

мощи котораго аболиціонисты стремились уничтожить ненавистное имъ учрежденіе, единственнымъ способомъ вмѣшательства ихъ въ рѣшеніе вопроса о невольничествѣ на югѣ. Они всегда воздерживались отъ употребленія физической силы противъ учрежденія, защищаемаго государственною властью, но никогда не преклоняли предъ закономъ—своего нравственнаго убѣжденія, своей свободы мысли и слова, считая совѣсть чловѣка внѣ какой бы то ни было чловѣческой власти. Въ этомъ заключался единственный вѣрный путь къ достиженію ихъ высокой цѣли. Въ демократическихъ государствахъ, гдѣ всѣ законы и социальныя реформы имѣютъ своимъ источникомъ сознаніе и волю народа, конечно, та нравственная пропаганда, которая всегда была главнымъ оружіемъ аболиціонистовъ, скорѣе всего можетъ принести желанные результаты. Имѣй аболиціонисты на своей сторонѣ большинство свободнаго населенія южныхъ штатовъ—невольничество давно уже было бы уничтожено мѣстнымъ законодательствомъ этихъ штатовъ, подобно тому, какъ это было на сѣверѣ. Потому—то плантаторы съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдуютъ проникновеніе аболиціонныхъ идей на югъ, поставляя провозъ сочиненій, принадлежащихъ аболиціонистамъ, наравнѣ со всякимъ уголовнымъ преступленіемъ и требуютъ отъ правительства сѣверныхъ штатовъ воспрещенія аболиціонистамъ распространять свои убѣжденія. Аболиціонисты не разъ объявлялись югомъ государственными преступниками, хотя ни одинъ изъ нихъ не былъ уличенъ въ возбужденіи невольниковъ къ возстанію или въ употребленіи другихъ какихъ бы то ни было средствъ, угрожающихъ безопасности государства. Мнѣніе, что агитация аболиціонистовъ противузаконна, было такъ сильно въ Америкѣ, что, неговоря о плантаторахъ, вся партія виговъ признала справедливость его, и, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, не разъ обращалась къ аболиціонистамъ съ порицаніемъ.

Признавая за собою право на вмѣшательство въ рѣшеніе вопроса о невольничествѣ въ южныхъ штатахъ даже и въ томъ случаѣ, если послѣдніе находятся къ сѣверу въ отношеніяхъ, существующихъ обыкновенно между иностранными державами, аболиціонисты признаютъ за собою еще болѣе правъ на это вмѣшательство, если свободные и невольничьи штаты составляютъ вмѣстѣ одно государство. Невольничество—говорятъ аболиціонисты—не есть явленіе, касающееся отдѣльной мѣстности; съ нимъ связаны интересы всего Сѣверо-Американскаго Союза. Граждане сѣвер-

ныхъ штатовъ поставлены въ близкія отношенія къ невольничеству юга, которое дѣлаетъ ихъ участниками въ преступленіи, и слѣдовательно возлагаетъ на нихъ обязанность—употреблять всѣ средства, не выходящія изъ предѣловъ законности, къ его уничтоженію.

Эти близкія отношенія происходятъ прежде всего изъ известнаго закона о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ, вслѣдствіе котораго преступленіе юга, очевидно, становится преступленіемъ сѣверныхъ штатовъ. Выдавая беззащитную жертву въ руки ея палачей, сѣверные штаты становятся съ тѣмъ вмѣстѣ и виновниками жестокостей, которыя ожидаютъ невольника по возвращеніи его къ господину. Невольникъ не остается безнаказаннымъ за свое намѣреніе сдѣлаться свободнымъ. Напротивъ, ни одно преступленіе его не преслѣдуется съ такою строгостью, какъ бѣгство; его присуждаютъ къ самымъ страшнымъ пыткамъ, и мы, граждане сѣверныхъ штатовъ, выдавшіе его, становимся, говорятъ аболіціонисты, отвѣтственными въ каждомъ ударѣ плети, разрывающемъ его тѣло. Югъ настаиваетъ на неприкосновенности закона о бѣглыхъ невольникахъ, видя въ немъ необходимую поддержку своихъ учреждений; вслѣдствіе этого закона, свободные штаты дѣлаются стражами и охранителями невольничества: они берутъ на себя обязанность тюремщиковъ и полиціи этого учрежденія, и неужели послѣ этого можно говорить еще, что невольничество не имѣетъ ни какого отношенія къ сѣвернымъ штатамъ, что они не имѣютъ ни какого права вмѣшиваться въ дѣла, относящіяся до него?

Аболіціонисты признаютъ за каждымъ гражданиномъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ не только право, но и нравственный долгъ — воздерживаться отъ всякаго личнаго участія въ томъ, что онъ считаетъ преступнымъ, хотя бы это преступленіе и освящалось закономъ. Отъ общества же требуютъ они отиженія въ конституціи всего, что находится въ противорѣчій съ убѣжденіями большинства членовъ его и мнѣніями всего цивилизованнаго міра. По этому требовать отиженія въ конституціонной хартіи постановленій, освящающихъ несправедливость, имѣетъ право каждый гражданинъ, какъ лицо, участвующее, посредствомъ своихъ представителей, въ верховной власти государства и какъ членъ политическаго тѣла.

Сѣверъ имѣетъ отношеніе къ невольничеству еще съ другой стороны. Невольническіе штаты, по своимъ географическимъ гра-

ницамъ, соприкасаются съ свободными. Отъ близкаго созерцанія невольничества, во многихъ случаяхъ, могутъ грубѣть сердца гражданъ Сѣвера и извращаться ихъ нравственный смыслъ. Сѣверные штаты, — находясь въ болѣе или менѣе тѣсныхъ отношеніяхъ съ южными, соединенные узамъ общей національности съ страной въ которой страшное преступленіе освящено закономъ, — не могутъ не пострадать сами отъ этого заразительнаго соприкосновенія. Не говоря уже о семейныхъ и дружескихъ связяхъ, самая торговля между ними возбуждаетъ во многихъ гражданахъ свободныхъ штатовъ чисто денежный интересъ къ поддержанію рабства. Трудъ невольника составляетъ богатство не однихъ плантаторовъ, но и всего торговаго и промышленнаго населенія Сѣвера, ибо главные продукты невольническаго труда поддерживаютъ всю промышленность свободныхъ штатовъ. Для купцовъ и фабрикантовъ Сѣвера, хлопка заслоняетъ собою всѣ высшіе интересы. Для нихъ нѣтъ дѣла до тѣхъ несчастныхъ созданій, руками которыхъ производится ихъ главный предметъ торговли съ Югомъ. Всѣ ихъ симпатіи обращаются къ человѣку, съ которымъ они ведутъ дѣла, который оказываетъ имъ довѣріе и который, въ свою очередь, пользуется у нихъ тѣмъ же, а не къ невольнику, обогащающему ихъ своимъ трудомъ. Естественно, что они не могутъ желать какой-бы то ни было перемѣны въ системѣ, столь выгодной для нихъ. Такого рода вліяніями Югъ всегда болѣе или менѣе парализуетъ нравственный смыслъ Сѣвера. Невольничество привыкли здѣсь называть зломъ, но это остается только пустой фразой, не имѣющей никакого вліянія на жизнь. Кромѣ того, съ невольничествомъ тѣсно связана вся политика Сѣверной Америки; оно опредѣляетъ развитіе партій, управляетъ рѣшеніемъ самыхъ важныхъ административныхъ дѣлъ и является постоянно главнымъ предметомъ внутреннихъ раздоровъ и борьбы. До тѣхъ поръ пока это учрежденіе будетъ оставаться неприкосновеннымъ, американскій народъ не достигнетъ національнаго единства, и невольничьи штаты останутся навсегда рѣзко отдѣленными отъ свободныхъ, по своимъ чувствамъ и убѣжденіямъ. Трудно, чтобы Югъ, въ которомъ одна половина народонаселенія находится въ полуварварскомъ, полускотскомъ состояніи, а другая привыкла къ власти и господству, могъ понимать и сочувствовать стремленіямъ Сѣвера, гдѣ равенство сдѣлалось принципомъ не только государственнаго управленія, но и жизни каждаго гражданина. Югъ, видя во вся-

комъ физическомъ трудѣ униженіе, естественно, долженъ смотрѣть съ презрѣніемъ на самую значительную и самую вліятельную часть народонаселенія Сѣвера, на рабочіе и земледѣльческіе классы. Изъ этихъ основныхъ различій въ самомъ социальномъ положеніи между Сѣверомъ и Югомъ истекаютъ всѣ дѣйствительныя или воображаемыя столкновенія ихъ интересовъ, взаимное чувство неприязни, отвращенія и опасенія. Конгрессъ становится постоянно ареною борьбы между Сѣверомъ и Югомъ. Невольничество уничтожаетъ всякое единство въ Сѣверо-Американскомъ Союзѣ. Безъ него американская нація была бы соединена тѣсными и неразрывными узами. «Неужели и послѣ этого, говорятъ аболіціонисты, намъ нѣтъ никакого дѣла до невольничества, и одинъ только Югъ долженъ заниматься имъ? Неужели мы должны молчать, воображая что этотъ вопросъ точно такъ же чуждъ для насъ, какъ рабство въ Турціи? Къ сожалѣнію, онъ не только имѣетъ близкое отношеніе къ намъ, но мы чувствуемъ на себѣ всю его тяжесть. Потому на насъ лежитъ обязанность, какъ въ отношеніи самихъ себя, такъ и въ отношеніи всего человѣчества — употребить всѣ усилія къ тому, чтобы законнымъ и мирнымъ путемъ достигнуть уничтоженія невольничества».

Что касается до второго препятствія къ эманципаціи негровъ — помѣси расъ — то оно еще менѣе имѣетъ вѣса, и съ нимъ соглашаются даже не всѣ виги. Соединеніе бѣлаго племени съ чернымъ въ сѣверныхъ штатахъ является только какъ исключеніе. Въ южныхъ штатахъ оно дѣлается общимъ правиломъ. Соединеніе негра или негритянки съ лицомъ бѣлаго племени можетъ совершаться въ штатахъ, вообще не допускающихъ у себя невольничества, только подъ условіемъ заключенія брака; для послѣдняго же необходимо достиженіе освобожденными неграми одинаковаго умственнаго развитія и равнаго положенія въ обществѣ, чего до сихъ поръ не существуетъ въ сѣверныхъ штатахъ. Напротивъ въ южныхъ штатахъ — гдѣ незаконныя связи совершаются гораздо легче, гдѣ ничто не предохраняетъ владѣльческаго класса отъ нихъ — помѣсь расъ является самымъ естественнымъ результатомъ. Въ настоящее время между невольниками южныхъ штатовъ трудно найти негра чистой африканской породы. Элементъ кавказскаго племени до такой степени преобладаетъ во многихъ изъ нихъ, что часто можно встрѣтить невольниковъ, ни чѣмъ не отличающихся по цвѣту кожи отъ своего владѣльца. Рабство, слѣдо-

вательно, не только не предохраняетъ отъ смѣшенія расъ, но еще является главною причиною его. Но если даже и въ самомъ дѣлѣ эманципация повлекла бы за собою неизбежно смѣшеніе расъ, изъ этого не можетъ произойти еще особеннаго несчастія. Если стремленіе европейской расы къ соединенію съ африканскою такъ велико, что даже крайняя степень униженія послѣдней не можетъ предохранить отъ этого, то очевидно, что въ немъ нѣтъ ничего противнаго природѣ и, следовательно, сопротивляться ему—нѣтъ никакого основанія.

Еще болѣе странно опасеніе, что эманципация повлечетъ за собою междоусобную войну, вслѣдствіе того обстоятельства, будто бѣлая раса даже послѣ освобожденія негровъ не захочетъ признать ихъ себѣ равными, что, естественно, вызоветъ всеобщее возстаніе ихъ. Но въ такомъ случаѣ намъ надо опасаться,—говорятъ абolicіонисты,—самихъ себя; намъ надо опасаться, чтобы негры и послѣ освобожденія не остались невольниками, чтобы гордость и страсть къ господству бѣлаго племени не сдѣлались причинами новаго угнетенія ихъ. Безъ послѣдняго, конечно, не будетъ никакого повода невольникамъ къ возстанію, котораго во всякомъ случаѣ трудно ожидать, зная кроткій и терпѣливый характеръ негровъ. Эманципация уменьшитъ опасность сосредоточенія негровъ въ южныхъ штатахъ. Съ свободою въ дѣйствіяхъ явится у негровъ желаніе перемѣнить мѣсто жительства; народонаселеніе негровъ, надо по малу, распредѣлится равномерно по всѣмъ штатамъ Сѣверо-Американскаго Союза. При обширныхъ предѣлахъ, занимаемыхъ этой страной, негры разсыются между бѣлымъ населеніемъ такимъ образомъ, что имъ не будетъ никакой возможности угрожать нарушеніемъ общественнаго порядка, даже и въ томъ случаѣ, если бы у нихъ явилось подобное желаніе. Люди недовольные, отважные, предприимчивые, весь неспокойный и опасный элементъ негритянскаго населенія, будутъ стремиться въ отдаленныя мѣстности, руководясь надеждою на лучшее, чувствомъ новизны и потребностями перемѣны. Страна, предѣлы которой простираются отъ одного океана до другого, и которой назначеніе состоитъ въ воспріятіи постоянно возрастающаго населенія Стараго Свѣта, всего менѣе можетъ опасаться эманципации. Наконецъ, если допустить съ вигами, что эманципация негровъ представляетъ въ самомъ дѣлѣ большія опасности, то развѣ эти опасности могутъ впослѣдствіи уменьшиться? На-

противъ, онѣ увеличатся еще болѣе, когда число невольниковъ современемъ удвоится или утроится.

Таковы были, въ главныхъ основаніяхъ, убѣжденія относительно невольничества трехъ великихъ національныхъ партій Сѣверной Америки въ періодъ достиженія аболиціонистами самостоятельнаго политическаго значенія. Эти убѣжденія опредѣляютъ вполне послѣдующую дѣятельность каждой изъ трехъ партій и руководятъ политикой Сѣверо-Американскихъ-Штатовъ, смотря по тому, какая изъ этихъ партій становится во главѣ управления. Вигитскій взглядъ на вещи нашолъ свое осуществленіе въ компромиссѣ 1850 года; преобладаніе демократовъ при Пирсѣ и Бухананѣ оставило свои слѣды въ исторіи Сѣверо-Американскихъ-Штатовъ биллемъ о Небраскѣ и рѣшеніемъ дѣла Дредъ-Скотта; наконецъ, убѣжденія аболиціонистовъ выразились въ томъ энергическомъ сопротивленіи, которое оказывали сѣверные штаты рабовладѣльческимъ стремленіямъ Юга, горячо оспаривая каждый шагъ демократовъ на политическомъ поприщѣ.

Аболиціонисты, организовавшіеся, послѣ конвента въ Буффало, въ самостоятельную политическую партію, въ состояніи были выставить болѣе чѣмъ когда либо серьезную оппозицію демократамъ. Разрывъ Ванъ Бурена съ демократами и соединеніе имени аболиціонистовъ съ болѣе популярнымъ именемъ *фри-сойлеровъ*, возвысили ихъ на степень національной партіи. Правда, они не восторжествовали ни въ одномъ штатѣ вполне, но во многихъ получили второе мѣсто, отбросивъ демократовъ на третье. Вновь избранный президентъ, генералъ Тейлоръ, хотя и принадлежалъ Югу и даже былъ плантаторомъ, но никогда не защищалъ горячо невольничества; было даже мнѣніе, что онъ отчасти раздѣлялъ убѣжденія фри-сойлеровъ. Въ палатѣ представителей аболиціонисты располагали болѣе чѣмъ когда либо значительными силами; на первомъ же конгрессѣ, слѣдовавшемъ за конвентомъ въ Буффало, аболиціонисты обнаружили все свое вліяніе. Они требовали, чтобы орегонская территорія, лежащая къ сѣверу отъ Калифорніи, была принята на правахъ свободнаго штата, основывая свои требованія на постановленіи 1787 года, принадлежавшемъ Джефферсону. Послѣ долгихъ преній, сенатъ долженъ былъ согласиться съ рѣшеніемъ палаты представителей и орегонскій билль прошолъ, съ небольшимъ только измѣненіемъ, предложеннымъ Дугласомъ. Демократамъ удалось, однако, настоять въ сенатѣ—

принять основаніемъ орегонскаго билля миссурійскій компромиссъ, чтобы этимъ самымъ отвергнуть законность примѣненія, на будущее время, Джефферсонова постановленія. А такъ какъ палата представителей, большинствомъ 121 противъ 82 голосовъ, выразила то мнѣніе, что линія миссурійскаго компромисса простирается только на области, приобретенныя черезъ покупку Луизианы, а сенатъ въ свою очередь, продолжалъ держаться своего рѣшенія, — то изъ этого произошло такое обстоятельство, что хотя Орегонъ и былъ принятъ въ союзъ на правахъ свободнаго штата, но вопросъ о томъ — имѣеть ли конгрессъ право, представляемое ему постановленіемъ Джефферсона, запрещать невольничество въ территоріяхъ, остался нерѣшоннымъ. Мало того, нѣкоторые изъ демократовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Кальгунъ, отказались даже отъ своей прежней теоріи, по которой рѣшеніе вопроса о введеніи невольничества въ территоріи предоставлялось самому населенію ея. Примѣненіе этой теоріи представляло первоначально значительныя выгоды для демократовъ, такъ какъ большая часть штатовъ образовывалась изъ земель, лежащихъ на югѣ, гдѣ плантаторы являлись всегда одними изъ первыхъ поселенцевъ. Но когда на конгрессѣ дѣло коснулось Орегона, который, по своему сѣверному положенію, исключалъ возможность невольничества, защитники этого учрежденія перемѣнили прежнюю политику. Они объявили, что конгрессъ, даже и съ согласія жителей территоріи, не имѣеть власти запретить плантатору брать съ собою въ какую бы то ни было часть союза свою человѣческую собственность и обладать ею. Эта новая теорія получила еще большую силу, когда, вслѣдъ за принятіемъ Орегона, аболиціонистами предложено было принятіе Калифорніи на тѣхъ же правахъ.

Калифорнія, несмотря на свое южное положеніе, мало представляла благоприятныхъ условій для введенія невольничества. По открытіи золотосныхъ росыпей, здѣсь произошло то же самое, что происходитъ теперь въ Австраліи. Лица всѣхъ сословій и классовъ бросились на разработку рудниковъ. Всякое различіе между слугою и господиномъ, джентльменомъ и простымъ земледѣльцемъ исчезло. Въ такомъ обществѣ, гдѣ, благодаря труду, каждый становился вполне свободнымъ, присутствіе класса рабовъ было бы униженіемъ достоинства труда. Понятно, что Калифорнія не могла и не должна была войти въ союзъ иначе какъ только на правахъ свободнаго штата. Несмотря на то,

въ сенатѣ сопротивление, встрѣченное аболіціонистами по этому поводу, было такъ велико, что 30-й конгрессъ разошелся, не рѣшивъ вопроса о Калифорніи. Тогда, по предложенію президента Тейлора, граждане этой территоріи взяли сами за составленіе себѣ новаго государственнаго уложенія. На конвентѣ, созванномъ въ Санъ-Франциско было постановлено—не вводить невольничества въ Калифорніи. Это встревожило весь Югъ. Демократы боялись, чтобы присоединеніе двухъ свободныхъ штатовъ къ союзу не ослабило ихъ вліянія въ конгрессѣ. Они рѣшились защищать во что бы то ни стало свои интересы и энергически сопротивляться всякому ограниченію предѣловъ невольничьей территоріи. Какъ и всегда въ угрозахъ о расторженіи Союза не было недостатка. За двѣ недѣли до собранія въ National Intelligencer появилась переписка сенатора Фута изъ Миссисипи съ однимъ изъ депутатовъ Сѣверной Каролины, въ которой доказывалось, что невольничьи штаты должны сопротивляться всѣмъ распоряженіямъ конгресса, клонящимся къ исключенію института рабства. Это послужило знакомъ соединенія всѣхъ рабовладѣльцевъ, были ли они виги или демократы. Изъ опасенія, чтобы угрозы о расторженіи союза на самомъ дѣлѣ не осуществились, къ нимъ примкнули и сѣверные виги, во главѣ которыхъ стояли Вебстеръ и Фильморъ. Такимъ образомъ силы защитниковъ рабства снова выросли и аболіціонистамъ предстояло вступить далеко въ неравный бой, который ни въ какомъ случаѣ не могъ окончиться въ ихъ пользу.

До сихъ поръ нерѣшенный вопросъ о принятіи и организациіи территорій съ невольничествомъ или безъ него снова долженствовалъ быть поднятымъ на конгрессѣ, по поводу Калифорніи. Чтобы избѣжать всѣхъ споровъ о законодательной власти конгресса относительно вопроса о невольничествѣ, Тейлоръ предложилъ—принять Калифорнію съ составленною ею гражданами конституціею и руководиться тѣмъ же самымъ правиломъ относительно всѣхъ земель, уступленныхъ Сѣверо-Американскому Союзу Мексикою, то есть—предоставить самому народонаселенію территорій рѣшать вопросъ о допущеніи или исключеніи невольничества изъ вновь присоединенныхъ къ союзу штатовъ. «Если мы будемъ принимать территоріи на правахъ штатовъ—говоритъ Тейлоръ,—то самъ собою устраняется вопросъ: нужно ли конгрессу братья за рѣшеніе вопроса о территоріяхъ.» Теорія невмѣшательства въ учрежденіе невольничества, высказанная еще баль-

тиморскимъ конвентомъ, была главною цѣлю, къ осуществленію которой стремился новый президентъ. Несмотря на все желаніе Тейлора устранить этимъ путемъ главный предметъ раздора въ конгрессѣ, борьба партій оказалась неизбежною. Предложеніемъ президента остались недовольны ни ярые защитники невольничества, приготовившіеся къ долгой, упорной борьбѣ, ни аболиціонисты, требовавшіе рѣшенія спора въ самомъ его принципѣ, а не временнаго только устраненія его. Аболиціонисты требовали полнаго примѣненія Джефферсонова постановленія которымъ невольничество исключалось изъ всѣхъ вновь образовываемыхъ штатовъ. Демократы не хотѣли и слышать о подобныхъ требованіяхъ. Они доказывали, что хотя въ земляхъ, уступленныхъ Соединеннымъ Штатамъ Мексикою, невольничество не существуетъ и не допускается законами этой страны, но такъ какъ, вслѣдствіе самаго уже присоединенія ихъ къ Сѣверо-Американскому Союзу, законы, которыми управлялись они прежде, становятся недействительными, то невольничество вводится въ нихъ, согласно законодательству невольничьихъ штатовъ и принимается подъ защиту союзнаго правительства. Этимъ самымъ демократы требовали признанія невольничества дѣломъ національнымъ, принципомъ государственнаго устройства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ на все будущее время, допуская свободу только въ видѣ исключенія и то «въ строго истолковываемомъ смыслѣ.» Это новое ученіе развилось въ послѣдствіи воплотивъ въ такъ называемомъ рѣшеніи Dred-Scott. Умѣренные виги, въ лицѣ Генриха Клея, предложили свой собственный планъ для рѣшенія вопроса объ образованіи территорій. Они доказывали, что такъ какъ мексиканское законодательство не допускало рабства въ земляхъ уступленныхъ союзному правительству и такъ какъ это учрежденіе не есть также необходимая принадлежность государственнаго устройства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, то конгрессъ имѣетъ право исключать невольничество изъ всѣхъ вновь приобрѣтенныхъ территорій, если только само народонаселеніе ихъ не воспротивится тому.

Такъ какъ при всеобщемъ разногласіи членовъ конгресса ни одно изъ приведенныхъ мнѣній не имѣло на своей сторонѣ большинства и демократы не могли надѣяться на признаніе своихъ требованій, то они рѣшились, по крайней мѣрѣ, достигнуть законнаго отверженія требованій главныхъ своихъ противниковъ. Съ этой цѣлю они взяли сами предложить конгрессу на об-

сужденіе главные пункты программы аболіціонистовъ. Въ февралѣ 1850 года одинъ изъ депутатовъ Огэйо предложилъ запретить невольничество во всѣхъ земляхъ, уступленныхъ Мексикою Соединеннымъ Штатамъ; билль его, какъ и слѣдовало ожидать, отвергнуть значительнымъ большинствомъ голосовъ. Затѣмъ,— чтобы нанести окончательный ударъ аболіціонистамъ и показать непримѣнимость на дѣлѣ идеи равенства, провозглашеннаго основателями республики,— демократы предложили конгрессу—при учрежденіи управленія какими бы то ни было территориями—допускать все безъ исключенія народонаселеніе ихъ къ пользованію правами, поименованными въ самомъ началѣ «Объявленія независимости». Но и этотъ билль тоже былъ отвергнуть, что было почти равносильно уничтоженію Джефферсонова постановленія, которымъ предоставлялось конгрессу право исключать невольничество изъ вновь присоединяемыхъ территорій. Не ограничиваясь одержанной побѣдой надъ аболіціонистами, демократы не хотѣли, кромѣ того, признавать конституціи Калифорніи, запрещающей введеніе невольничества въ этой странѣ. Въ своихъ требованіяхъ они не знали предѣловъ. Представитель демократической партіи, Кальгунъ, въ рѣчи, произнесенной имъ 4 марта 1850 года, настаивалъ на видоизмѣненіи конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Онъ предлагалъ дать Югу власть къ защитѣ себя посредствомъ избранія двухъ президентовъ, изъ которыхъ бы одинъ былъ для свободныхъ штатовъ, другой для невольничьихъ; всѣ акты конгресса тогда только могли, по его мнѣнію, получать законную силу, когда будутъ утверждены обоими президентами. Дарованіе Югу самостоятельнаго правленія было предсмертною мыслью Кальгуна. Непомѣрная притязанія Юга, естественно, вызвали всеобщее негодованіе со стороны сѣверныхъ штатовъ; ожесточеніе партій достигло крайней степени, такъ что во всеобщемъ настроеніи умовъ виги видѣли серьезную опасность для цѣлости союза. Чтобы избѣгнуть расторгенія союза, которое въ устахъ демократовъ, казалось, не было пустою угрозою, виги рѣшились прибѣгнуть къ компромиссу. Въ январѣ 1850 года Клей внесъ въ сенатъ согласительное предложеніе, главными пунктами котораго было: 1) допущеніе Калифорніи въ союзъ съ ея конституціею, исключаящею невольничество, 2) предоставленіе самому народонаселенію уступленныхъ союзу Мексикою земель рѣшенія вопроса о введеніи или недопущеніи у себя невольничества.

ства, 3) уничтоженіе невольническаго рынка въ округѣ Колумбіи, 4) уплата Техасу части долга, заключеннаго имъ предъ присоединеніемъ его къ союзу, подъ условіемъ уступки Сѣверо-Американскимъ Штатамъ всѣхъ земель Новой Мексики, на которыя онъ имѣлъ притязанія и 5) принятіе новыхъ мѣръ относительно поимки бѣглыхъ невольниковъ. Споры въ конгрессѣ по поводу компромисса Клея продолжались въ теченіе цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ. Всѣ самые извѣстные ораторы того времени приняли живѣйшее участіе въ нихъ. Ожесточеніе, съ которымъ велись дебаты, было такъ велико, что, казалось, залы конгресса готовы были обратиться въ кровавую арену. Одинъ изъ сенаторовъ, Футъ, въ жару спора хотѣлъ застрѣлить своего противника и только ловкость другого сенатора Диконсона, вырвавшаго у него пистолетъ, спасла законодательное собраніе отъ такого позора. Чтобы положить конецъ спорамъ, былъ составленъ комитетъ изъ 13 членовъ, для разсмотрѣнія предложенія, сдѣланнаго Клеемъ. Но и донесеніе комитета не удовлетворило ни одной изъ спорящихъ сторонъ. Имъ были равно недовольны какъ демократы такъ и аболиціонисты. Каждой изъ сторонъ казалось, что она уступаетъ другой слишкомъ много и каждая считала себя обиженной. Напрасно генералы Кассъ, Гоустонъ, Футъ и болѣе всѣхъ Вебстеръ истощали всѣ свои силы и краснорѣчіе, чтобы убѣдить конгрессъ въ необходимости принять предложенія Клея; напрасно они указывали на расторженіе союза, какъ на неизбежный результатъ раздора партій: ничто не могло убѣдить представителей двухъ противоположныхъ сторонъ къ заключенію мира. Споры возобновились съ прежнею силою между аболиціонистами и приверженцами рабства, и трудно было предвидѣть— за кѣмъ останется побѣда, если бы въ это время не произошло неожиданное событіе. 9 іюля 1850 года скончался президентъ Тейлоръ.

При тогдашнихъ обстоятельствахъ смерть Тейлора была несчастіемъ для аболиціонистовъ. Какъ ни была двусмысленна, въ началѣ, политика его, но, во всякомъ случаѣ, она была выгоднѣе для аболиціонистовъ, чѣмъ дѣйствія слѣдовавшаго за нимъ Фильмора. Последнее сомнѣніе насчетъ политики вновь избраннаго президента исчезло, какъ только онъ, спустя нѣсколько дней по вступленіи въ должность, наименовалъ своимъ первымъ министромъ (secretary of state) Вебстера, жаркаго защитника компромисса, предложеннаго Клеемъ. Лица, раздѣлавшія

ишнія Тейлера, были устранены изъ комитета. Все новое министерство составлено было изъ людей одинакихъ убъжденій съ Вебстеромъ. Пренная политика невѣштательства отвергнута, и зашнена открытымъ покровительствомъ компромиссу. Благодаря самому энергическому содѣйствию президента, подкупности сѣверныхъ демократовъ, и наконецъ оскорбленію самыхъ формъ, принятыхъ разъ навсегда конгрессомъ при вотированіи законодательныхъ мѣръ, положенія компромисса 1850 года прошли въ конгрессѣ одно за другимъ, несмотря на горячій протестъ Сьюарда, Бентона, Шмита, Гане и другихъ защитниковъ аболіціонизма.

Принятіемъ компромисса 1850 года, демократы приобрѣтали большія выгоды, не сдѣлавъ почти никакихъ уступокъ дѣлу свободы. Невольничество въ Калифорніи исключалось уже самою конституціею ея, и демократы медлили допущеніемъ этой территоріи въ число штатовъ, желая придать большую цѣну своей уступкѣ. Въ округѣ Колумбіи хотя и объявлялось уничтоженіе невольническаго рынка, но само невольничество оставалось неприкосновеннымъ. Демократы доказывали несправедливость уничтоженія невольничества въ Колумбіи безъ согласія ея жителей и вознагражденія владѣльцевъ. Самое допущеніе Новой Мексики въ число территорій безъ обязательнаго введенія рабства было условіемъ въ высшей степени выгоднымъ для плантаторовъ, какъ показалъ, четыре года спустя, бшль о Небраскѣ. Но самое главное, почему компромиссъ 1850 года сдѣлался ненавистнымъ не только для аболіціонистовъ но и для всѣхъ гражданъ сѣверныхъ штатовъ, былъ законъ о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ. По этому закону каждый плантаторъ, получивъ удостовѣреніе двухъ свидѣтелей въ дѣйствительности бѣгства своего невольника, имѣлъ право преслѣдовать его во всѣхъ штатахъ Сѣверо-Американскаго Союза. Пойманный негръ представлялся комиссару, и если послѣдній находилъ примѣты его сходными съ тѣми, которыя описаны въ свидѣтельствѣ, выданномъ владѣльцу, то бѣглець снова уводился въ неволю. Такимъ образомъ дѣло о свободѣ негровъ рѣшалось не судомъ присяжныхъ, но второстепеннымъ должностнымъ лицомъ, что подавало поводъ къ страшнымъ злоупотребленіямъ. Нерѣдко случалось, что свободные негры, жившіе въ сѣверныхъ штатахъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, арестовывались по самымъ ничтожнымъ доказательствамъ и лишались свободы.

Отсылка невольника въ штатъ, изъ котораго онъ скрылся, принималась насчетъ союзнаго правительста, въ чемъ и состояло существенное отличіе новаго закона отъ постановленія 1793 года, возлагавшаго на самихъ рабовладельцевъ всѣ издержки доставленія невольника въ южные штаты. Плянатору предоставлялось право требовать, для конвоирования пойманныхъ невольниковъ, окружного пристава, который при этомъ случаѣ могъ приглашать для помощи себѣ гражданскую милицію графствъ. Окружной приставъ (Marshal или deputy marshal), отказавшійся доставить бѣглаго невольника владѣльцу, подвергался денежному взысканію въ 1000 долларовъ; въ случаѣ же бѣгства препровождаемаго имъ негра, отвѣчалъ всею суммою стоимости его. Всякое лицо, давшее убѣжище преслѣдуемому негру, или какии бы то ни было образомъ оказавшее ему помощь, подвергалось той же пени и, кромѣ того, шестимѣсячному тюремному заключенію.

Трудно представить себѣ степень всеобщаго негодованія аболиціонистовъ, возбужденнаго закономъ 1850 года. Въ одномъ изъ конвентовъ, созданныхъ ими въ Нью-Йоркскомъ штатѣ всѣ члены конгресса, подавшіе голосъ въ пользу закона о бѣглыхъ невольникахъ и президентъ, утвердившій его, объявлялись врагами «божества и человѣчества». Многіе проповѣдники предали этотъ законъ торжественному проклятію. Аболиціонисты употребили всѣ усилія, чтобы возстановить общественное мнѣніе противъ ненавистнаго имъ закона и вскорѣ достигли того, что всѣ сѣверные штаты открыто отказались повиноваться ему. Особенно сильный ударъ компромиссу 1850 года нанесъ извѣстный романъ Бичеръ-Стоу. Хижина Дади Тома возбудила необычайное сочувствіе во всѣхъ къ судьбѣ невольниковъ и пріобрѣла популярность, какую не пользовалось ни одно изъ первоклассныхъ произведеній американской литературы. Въ самое короткое время она пережила нѣсколько десятковъ изданій. Драма, переделанная изъ этого романа, сдѣлалась вскорѣ любимымъ представленіемъ на всѣхъ театрахъ сѣверныхъ штатовъ. Въ Нью-Йоркѣ она была поставлена 150 разъ сряду на Bowery theatre и каждый разъ производила потрясающее дѣйствіе на зрителей. Переворотъ, произведенный аболиціонистами въ общественномъ мнѣніи сѣверныхъ штатовъ былъ такъ великъ, что исполненіе закона 1850 года сдѣлалось почти невозможнымъ. Поимка каждаго невольника вызывала открытое сопротивленіе въ народѣ.

Правительство должно было постоянно прибѣгать къ вооруженной силѣ, для подавленія народныхъ возстаній. Городъ Бостонъ находился нѣкоторое время въ настоящемъ осадномъ положеніи. Для поимки одного невольника, въ немъ создана была десятая часть всѣхъ войскъ союзнаго правительства. Улицы были установлены пушками. Но это не остановило жителей города отъ выраженія своего сочувствія къ пойманному негру. Черныя знамена вывѣшивались на балконахъ домовъ, мимо которыхъ проводили его и погребальный звонъ раздавался въ церквахъ, какъ только показывался издалека пароходъ, влекущій свою добычу.

Югъ былъ въ высшей степени раздраженъ такого рода народными манифестаціями въ сѣверныхъ штатахъ. Южная Каролина, Алабама и Миссури угрожали расторгненіемъ союза. Чтобы успокоить всеобщее раздраженіе умовъ, главный виновникъ закона 1850 года, Вебстеръ, предпринялъ путешествіе по сѣвернымъ штатамъ. На множествѣ митинговъ, созданныхъ имъ, онъ произносилъ рѣчи, въ которыхъ убѣждалъ народъ въ необходимости повиненія закону. Но его слова далеко не встрѣтили всеобщаго сочувствія. Въ Сиракузахъ, во время самаго его пребыванія, вспыхнуло возстаніе жителей города, по поводу ареста одного невольника; они требовали немедленно освобожденія его, и когда, по настоянію Вебстера, имъ было отказано въ томъ, то они силою ворвались въ тюрьму, отняли негра и выбросили полицейскихъ чиновниковъ въ окно.

аконъ о бѣглыхъ невольникахъ уронилъ партію виговъ въ общественномъ мнѣніи и содѣйствовалъ главнымъ образомъ паденію ея. Несостоятельность убѣжденій виговъ, хотѣвшихъ держаться средины между рабствомъ и свободой, и примирить вещи, непримиримыя по самой своей природѣ, выказалась въ компромиссѣ 1850 года съ большею, чѣмъ гдѣ либо ясностію. Имъ были недовольны одинаково какъ аболиціонисты, такъ и демократы. Въмѣсто того, чтобы возстановить миръ и спокойствіе въ государствѣ, онъ послужилъ новою причиной внутреннихъ раздоровъ. Онъ привелъ въ раздраженіе Сѣверъ, не принеся никакихъ существенныхъ выгодъ Югу. «Цѣпи, которыми было окружено судилище въ Бостонѣ, убійства въ Христіаніи, потоки крови въ Уилксбаррѣ, набатный звонъ въ Сиракузахъ и борьба съ оружіемъ въ рукахъ между мѣстной администраціей и должностными лицами союзнаго правительства, въ Огэйо, въ Вис-

консалтъ и другихъ свободныхъ штатахъ, — все это показываетъ какого рода миръ даровали виги Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Виги должны были наконецъ убѣдиться, что ни въ какихъ компромиссахъ, ни въ какихъ сдѣлкахъ справедливости съ несправедливостью нельзя искать спасенія государству. Компромиссъ 1850 года показалъ всю ложность основнаго принципа вигитской политики и уничтожилъ навсегда партію, бывшую главной виновницею его. Вигитскія убѣжденія, журналы съ вигитскимъ взглядомъ на вещи можно встрѣтить еще и въ настоящее время въ Сѣверной Америкѣ. Но виговъ, какъ самостоятельной политической партіи, не существуетъ болѣе. Они поглотились двумя великими національными партіями, раздѣлившими весь Сѣверо-Американскій Союзъ на два непримиримыхъ, враждебныхъ другъ другу стана — демократовъ и республиканцевъ. Выборы 1852 года показали какъ нельзя лучше безсиліе виговъ. Число голосовъ, поданныхъ въ пользу кандидата вигитской партіи было такъ незначительно, что самъ Вебстеръ долженъ былъ сознаться въ окончательномъ пораженіи виговъ: «Послѣ 2-го ноября 1852 года (день избранія Пирса) существованіе виговъ, какъ національной партіи, — сказалъ онъ, — останется только въ исторіи.»

Компромиссъ 1850 года, бывшій причиною гибели виговъ, послужилъ еще къ большому усилению абolicіонистовъ, возбудивъ въ сѣверныхъ штатахъ всеобщее негодованіе противъ сторонниковъ рабства. Въ 1852 году абolicіонисты получили еще болѣе правильную организацію, принявъ названіе «свободной демократической партіи». Принципы, провозглашонныя ими на пйтсбургскомъ конвентѣ, созванномъ 12 августа, были слѣдующіе: 1) назначеніе правительства состоятъ въ обезпеченіи всѣмъ гражданамъ пользованія неотъемлемыми правами каждаго человѣка на жизнь, свободу и стремленіе къ благосостоянію; 2) правительство не имѣетъ права лишить безъ суда ни одно лицо жизни, свободы или собственности; оно не можетъ сдѣлать никого невольникомъ, точно такъ же, какъ не въ состояніи сдѣлать кого бы то ни было царемъ; оно должно освободить себя отъ всякой отвѣтственности въ распространеніи невольничества; 3) никакая новый штагъ и никакая область, допускающія у себя невольничество, не должны быть принимаемы въ союзъ; всѣ законы о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ должны быть отвергнуты; компромиссъ 1850 года, относящійся до яонки невольни-

ковъ въ свободныхъ штатахъ, несовѣстимъ съ принципами истинной демократіи; рабство есть чисто мѣстное учрежденіе южныхъ штатовъ, свобода же есть дѣло всего союза; 4) всѣ люди имѣютъ естественное право на владѣніе землею; такъ какъ безъ пользованія ею невозможно ни для кого существованіе, то право каждаго челоуѣка на часть почвы такъ же священно, какъ и право на самую жизнь; 5) опредѣленіе, принятое демократической партіей на бальтиморскомъ конгрессѣ, что компромиссъ 1850 года есть окончательное рѣшеніе, которое не можетъ быть подвержено измѣненію или отмѣненію, находится въ прямомъ противорѣчій съ принципами основателей республики и опасно для народной свободы; наконецъ, 6) свободная демократическая партія принимаетъ своимъ знаменемъ: свободу земли, свободу слова, свободу труда и свободу личную.

Питсбургскій конвентъ былъ созванъ собственно съ цѣлью избранія кандидатовъ на президентское и вице-президентское мѣста; на первое былъ избранъ Джонъ Галле, изъ Нью-Гамшира, на второе—Джорджъ Юманъ изъ Индіаны. Но еще раньше питсбургскаго конвента партія демократовъ созвала конвентъ въ Бальтиморѣ, избравъ своимъ президентомъ Фраклина Пирса. Въ пользу его же подали голоса и всѣ виги, принадлежавшіе къ числу плантаторовъ, отказавшись избирать своего собственного кандидата. Это было причиною того, что Пирсъ одержалъ верхъ надъ всѣми своими соперниками.

Занявъ мѣсто президента, благодаря единодушнымъ усиліямъ всѣхъ вообще приверженцевъ невольнической системы,— принадлежали ли они къ партіи виговъ или демократовъ,— Пирсъ, естественно, сдѣлался слѣпымъ орудіемъ плантаторовъ. Интересы Юга во время президентства его выступили на первый планъ въ политикѣ Соединенныхъ Штатовъ. Пользуясь рѣшительнымъ преобладаніемъ въ конгрессѣ во время управленія Пирса, они въ состояніи были достигнуть болѣе серьезнаго обезпеченія своихъ правъ, чѣмъ то, которое предлагали имъ виги. Сознаніе своихъ силъ было такъ велико у нихъ, что они рѣшились посягнуть на самое законодательство Соединенныхъ Штатовъ, враждебное интересамъ рабовладѣльцевъ. Первымъ шагомъ къ такому посягательству былъ билль о Небраскѣ.

Извѣстно, что 8-мъ параграфомъ миссурійскаго компромисса

запрещалось навсегда введенію невольничества во всѣхъ частяхъ Луизианы, расположенныхъ къ сѣверу отъ 36°30' сѣверной широты. Небраска, по своему географическому положенію, относилась къ той же категоріи, какъ Иллинойсъ, Индіана, Висконсинъ и Йова, принятые прежде въ число свободныхъ штатовъ. Область, извѣстная подъ именемъ Небраски и Канзаса, во время принятія миссурійскаго компромисса представляла собою громадные незаселенныя пространства, обитаемыя одними индійцами, и плантаторы соглашались въ 1820 году на запрещеніе невольничества въ нихъ, конечно, не предполагая скораго заселенія ихъ. Но когда, 30 лѣтъ спустя, народонаселеніе этихъ мѣстностей было такъ велико, что изъ нихъ могли образоваться территоріи, въ которыхъ по миссурійскому компромиссу должно быть исключено невольничество, демократы возстали и противъ этого компромисса. Какъ только открылись засѣданія 33 конгресса, представитель демократической партіи, Дугласъ, внесъ билль о Небраскѣ. Главныя основанія его состояли въ слѣдующемъ: по мнѣнію демократовъ компромиссъ 1850 года лишаетъ конгрессъ права издавать законы, относящіеся до внутреннихъ учрежденій различныхъ территорій и отмѣняетъ такимъ образомъ миссурійскій компромиссъ. Основываясь на великомъ принципѣ самоуправленія, онъ предоставляетъ самому народу рѣшать свои дѣла и уничтожаетъ географическія границы между свободой и невольничествомъ. Это неувѣщательство конгресса въ дѣла, касающіяся до невольничества въ территоріяхъ, должно также простираться и на вновь образовываемыя области. Только въ такомъ смыслѣ компромиссъ 1850 года можетъ быть окончательнымъ постановленіемъ и всякое дальнѣйшее возбужденіе этого вопроса будетъ предупреждено разъ навсегда. Этимъ не уничтожается, по мнѣнію демократовъ, миссурійскій компромиссъ, но только отмѣняется то опредѣленіе его, которое находится въ противорѣчій съ закономъ 1850 года. «Предложенію этой законодательной мѣры могутъ сопротивляться, — говорилъ Дугласъ, — одни аболиціонисты; но своимъ сопротивленіемъ они обнаруживаютъ только свою враждебность къ компромиссу 1850 года».

Противъ такого толкованія компромисса 1850 года горячо возстали аболиціонисты. Они доказывали, что законъ о неувѣщательствѣ конгресса въ рѣшеніе вопроса о невольничествѣ въ территоріяхъ относится только до Юты и Новой Мексики,

ибо въ немъ нѣтъ ни слова, чтобы это правило простиралось на другія области и дѣлалось общимъ постановленіемъ. «Опредѣленія компромисса 1850 года относятся исключительно до двухъ территорій,—говорить Эверетъ,—они не устанавливаютъ никакого общаго положенія, которое бы могло простираться на другіе случаи; они не касаются вопроса объ организаціи будущихъ территорій и не говорятъ ничего объ областяхъ, которыя были подчинены уже постановленіямъ компромисса 1820 года». Мнѣніе, что билль о Небраскѣ вытекаетъ изъ принципа самоуправленія, не имѣетъ никакого основанія. Онъ не предоставляетъ народонаселенію территорій рѣшать самому свои дѣла, но замѣняетъ только виѣшательство конгресса виѣшательствомъ президента. Территоріи, во всякомъ случаѣ, не могутъ управляться сами собою подобно штатамъ. Для управленія ими назначаются обыкновенно президентомъ губернаторы, окружные, стряпчіе, пристава и другія должностныя лица, которыя, естественно, пользуются большимъ вліяніемъ на всѣ рѣшенія територіальнаго законодательства. Такимъ образомъ всякое распоряженіе мѣстнаго правительства подчинено контролю исполнительной власти, вслѣдствіе чего если устранить зависимость территорій отъ конгресса, рѣшеніе вопроса о допущеніи или исключеніи невольничества въ нихъ будетъ предоставлено на волю одного президента. «Билль о Небраскѣ, доказывая необходимость не виѣшательства, на самомъ дѣлѣ, допускаетъ противоположное,—говоритъ Чазъ.—Онъ предоставляетъ президенту въ територіальныхъ учрежденіяхъ руководитися своимъ собственнымъ взглядомъ на вещи, если только народъ не противопоставитъ этому рѣшительнаго сопротивленія». Противники рабства возстали противъ билля о Небраскѣ, какъ противъ поруганія общественной вѣры, оскорбленія національной чести и нравственности. Сумлеръ опровергалъ билль во имя естественнаго права человѣколюбія, Сьюардъ во имя неприкосновенности государственныхъ законовъ. Но, несмотря на всѣ усилія аболиціонистовъ, 4 марта 1854 года онъ прошелъ въ сенатѣ большинствомъ 37-ми голосовъ, противъ 14-ти. За то въ палатѣ представителей аболиціонисты одержали верхъ и настояли на томъ, что при первой подачѣ голосовъ билль былъ отвергнутъ. Къ сожалѣнію, окончательное рѣшеніе вопроса было отложено на нѣсколько недѣль. Этимъ временемъ воспользовалась какъ нельзя лучше административная партія. Различнаго рода обѣщаніями, раздачею

мѣстъ и всѣми средствами, которые находятся обыкновенно въ распоряженіи партій, стоящей во главѣ правленія, приверженцы рабства успѣли склонить голоса многихъ членовъ палаты на свою сторону и 21 марта 1854 года, большинствомъ 109-ти противъ 88-ми голосовъ, отвергнутый билль снова былъ принятъ. Этимъ биллемъ организовались двѣ новыя территоріи Небраска и Канзасъ. Въ 14-мъ пунктѣ его, относившемся до вопроса о невольничествѣ, говорилось, что «конституція и общіе законы Соединенныхъ Штатовъ должны имѣть въ упомянутыхъ территоріяхъ ту же силу и значеніе, какія они имѣютъ во всѣхъ штатахъ Сѣверо-Американскаго Союза, за исключеніемъ восьмого параграфа акта отъ 6-го марта 1820 года о принятіи Миссури; этотъ параграфъ объявляется недействительнымъ, и не имѣющимъ никакого значенія, ибо онъ не соответствуетъ невмѣшательству конгресса въ дѣла о невольничествѣ въ штатахъ и территоріяхъ, принятому закономъ 1850 года.»

Изъ всѣхъ свободныхъ штатовъ одинъ только Иллинойсъ объявилъ себя въ пользу билля о Небраскѣ, всѣ же остальные штаты были противъ него. 3000 членовъ духовенства Новой Англіи представили въ конгрессъ протестъ противъ принятія его. Нью-Йоркскія законодательныя собранія требовали отъ своихъ депутатовъ въ конгрессѣ сопротивленія всякой мѣрѣ, клонящейся къ отмѣненію принциповъ миссурійскаго компромисса. Чтобы поправить проигранное дѣло, аболиціонисты рѣшились обратить въ свою пользу положеніе новаго закона, которымъ предоставлялось самимъ жителямъ территорій рѣшать вопросъ объ исключеніи или допущеніи у себя невольничества. Еще во время самыхъ преній въ конгрессѣ по поводу Небраски, въ сѣверныхъ и западныхъ штатахъ стали составляться общества для заселенія Канзаса свободнымъ классомъ людей. Въ теченіе одной осени 1854 года переселилось туда около 2000 свободныхъ поселанъ. Вслѣдствіе этого число лицъ, переселившихся въ Канзасъ изъ сѣверныхъ штатовъ значительно превышало число переселенцовъ съ юга; при выборахъ въ законодательное собраніе территорій, которые должны были вскорѣ начаться, первые, естественно, одерживали верхъ надъ плантаторами, и невольничество могло быть легко исключено изъ Канзаса. Чтобы воспрепятствовать выборамъ, враждебнымъ любимѣйшему учрежденію Юга, плантаторы успѣли набрать въ Миссури вооруженную шайку до 2000 людей; съ нею они двинулись въ Канзасъ наканунѣ

дня, въ который назначена была подача голосовъ избирателями.— Раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ по всѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ находились собранія избирателей, они уничтожили всѣ опредѣленія послѣднихъ, противныя невольничеству и принудили силою—избрать представленныхъ ими кандидатовъ. Неудивительно, что, при помощи всевозможныхъ насилій, совершенныхъ плантаторами, имъ удалось склонить выборы въ свою пользу. На другой-же день послѣ окончанія выборовъ, они торжественно провозгласили свою побѣду: «Вчерашній день, говоритъ Канзаскій Вѣстникъ отъ 31 марта 1855 года, будетъ памятнымъ днемъ для всѣхъ людей, расположенныхъ къ правамъ Юга. Партія плантаторовъ одержала полную, неоспоримую побѣду. Всѣ жители Юга могутъ теперь смѣло явиться сюда, брать съ собой невольниковъ и заселять ими территорію. Канзасъ опасенъ, аболіціонизмъ разбитъ, его крѣпости уничтожены, его знамя пограно.» Насилія совершенныя плантаторами вызвали протестъ со стороны канзаскаго губернатора; онъ объявилъ произведенные выборы не дѣйствительными и отправился лично въ Вашингтонъ, съ просьбою о помощи противъ миссурійцевъ. Вмѣсто того чтобъ принять подъ свою защиту принципъ самоуправленія народонаселенія территорій, оскорбленный такъ нагло плантаторами, президентъ обратился къ гражданамъ Канзаса и всѣхъ сѣверныхъ штатовъ, съ увѣщаніемъ—не нарушать общественнаго спокойствія; онъ старался извинить преступныя дѣйствія миссурійцевъ, говоря, что они были вызваны самими аболіціонистами, хотѣвшими, при помощи свободныхъ переселенцевъ, обратить канзаскую территорію въ свободный штатъ. Имъ виѣнялось такимъ образомъ въ преступленіе то, что они хотѣли воспользоваться единственнымъ предоставленнымъ имъ средствомъ защиты свободы. Встрѣтивъ такое явное одобреніе со стороны президента, партія плантаторовъ позволила себѣ еще большее самоуправство. Депутаты, избранные ею въ члены законодательнаго собранія территоріи отказались засѣдать въ городѣ, назначенномъ для нихъ губернаторомъ и избрали мѣстомъ для своихъ собраній мѣстечко, пограничное съ Миссури, гдѣ они могли во всякое время располагать вооруженною силою плантаторовъ. За тѣмъ они принимали, одно за другимъ, всѣ рѣшенія, враждебныя дѣлу свободы. Всѣхъ депутатовъ свободныхъ поселенцевъ они исключили изъ своей среды, объявивъ ихъ избранными противозаконно и сдѣлали постановленіе, по которому тотъ только гражданинъ мо-

жесть пользоваться избирательнымъ правомъ, который приметъ присягу конституціи Соединенныхъ Штатовъ, закону о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ и биллю о Небраскѣ. Губернаторъ отказался подтвердить подобныя постановленія, и этимъ возбудилъ къ себѣ всеобщее нерасположеніе со стороны депутатовъ партій плантаторовъ. Они обвинили, предъ вашингтонскимъ правительствомъ, губернатора Ридера въ превышеніи принадлежащей ему власти, доказывали неспособность его къ управленію Канзасомъ и требовали назначенія новаго губернатора. Вашингтонскій кабинетъ воспользовался этими жалобами, чтобы удалить отъ должности Ридера, не хотѣвшаго содѣйствовать осуществленію его анти-аболиціонныхъ плановъ, и назначилъ на его мѣсто Шанона. Въ это время въ законодательномъ собраніи Канзаса послѣдовало окончательное отдѣленіе представителей свободныхъ поселенцевъ отъ защитниковъ невольничества. Первые составили изъ себя конвентъ въ Топекъ; вторые избрали мѣстомъ своего собранія Лекомптонъ, находившійся неподалеку отъ миссурійской границы. Топекскій конвентъ, пользуясь принципомъ самоуправленія, установленнымъ биллемъ о Небраскѣ, составилъ конституцію для канзасской территоріи въ интересахъ свободы; но лекомптонское собраніе отказалось признать ее, объявивъ дѣйствія конвента противозаконными. Мѣстная администрація и вашингтонское правительство приняли открыто сторону приверженцевъ рабства. Въ своемъ посланіи къ палатѣ депутатовъ отъ 24 января 1856 года, президентъ называетъ образъ дѣйствія свободныхъ поселенцевъ явнымъ бунтомъ и уполномочиваетъ губернатора Канзаса употребить вооруженную силу противъ всѣхъ, кто откажется повиноваться законамъ, изданнымъ миссурійцами.

Канзасскія событія вызвали жаркія пренія въ конгрессѣ, которыя продолжались въ теченіе всего 1855 года. Для изслѣдованія на мѣстѣ всѣхъ безпорядковъ, происшедшихъ при выборахъ въ Канзасъ, палата депутатовъ назначила особый комитетъ, который въ самое короткое время успѣлъ открыть страшныя злоупотребленія. Онъ донесъ о всѣхъ жалобахъ свободныхъ поселенцевъ противъ насилій, совершенныхъ плантаторами, и изложилъ канзасскія событія въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Руководясь доносеніемъ комитета, палата депутатовъ объявила всѣ законодательныя мѣры принятія лекомптонскимъ собраніемъ, не дѣйствительными, такъ какъ члены этого собранія не были на-

стоящими представителями народонаселения территорий, но состояли из лиц, обязанных своим избранием плантаторамъ.

Устрашенные всеобщимъ сочувствіемъ, встрѣченнымъ защитниками свободы, миссурійцы обратились за новою помощію къ Югу, который и не замѣдлилъ исполнить ихъ просьбу. Въ апрѣлѣ 1856 года явились въ Канзасъ изъ Каролины, Георгіи и Алабамы цѣлыя сотни лицъ, поставившихъ себѣ задачею—изгнать всѣхъ свободныхъ поселенцевъ изъ территоріи. Подъ предводительствомъ полковника Буфорда, вооруженныя шайки южныхъ мародеровъ стали производить самыя страшныя неистовства. Путешественники задерживались на дорогахъ; свободные поселенцы лишались всего своего имущества, изгонялись изъ своихъ жилищъ или растрѣливались безъ всякаго суда и расправы. Самый городъ Лорансъ, бывший главнымъ пунктомъ соединенія западныхъ и сѣверныхъ свободныхъ поселенцевъ, не избѣгнулъ нападенія разбойничьихъ шайкъ Буфорда.

Вѣсть о новыхъ неистовствахъ плантаторовъ въ Канзасъ вызвала всеобщее негодованіе на Сѣверѣ. Аболиціонисты должны были наконецъ сознать всю безплодность пассивнаго сопротивленія и взяться за оружіе, для своей защиты. Съ Сѣвера начали прибывать вооруженныя толпы новыхъ поселенцевъ и отражать силою нападенія своихъ противниковъ. Въ этой войнѣ гверильсовъ сдѣлалось въ особенности извѣстнымъ имя Джона Броуна, смерть котораго составляетъ одинъ изъ трагическихъ эпизодовъ исторіи аболиціонизма. Въ отдѣльныхъ стычкахъ, которыя происходили между свободными поселенцами и шайками, прибывшими съ Юга, первые постоянно одерживали верхъ и мѣстная администрація видѣла себя принужденной войти въ мирныя соглашенія съ партіею защитниковъ свободы и признать права большинства народонаселенія территоріи. Томекское собраніе снова открыло свои засѣданія. Спокойствіе въ Канзасѣ еще болѣе начало восстанавливаться, когда съ окончаніемъ президентства Пирса и вступленіемъ въ должность Бухавана былъ назначенъ губернаторомъ въ эту территорію Уокеръ. Руководясь искреннимъ желаніемъ положить конецъ безпорядкамъ въ Канзасѣ и рѣшить, по возможности безпристрастно, споръ между миссурійцами и свободнымъ населеніемъ страны, новый губернаторъ достигъ того, что обѣ враждующія стороны соединились вмѣстѣ для произведенія новыхъ выборовъ. На этихъ выборахъ партія защитниковъ свободы одержала полную побѣду. Боль-

ншинствомъ 7600 голосовъ противъ 3700 ей удалось избрать депутатомъ въ конгрессъ своего собственного кандидата. Большинство членовъ законодательнаго собранія территоріи были избраны тоже изъ ея среды. При такомъ счастливомъ для аболіціонистовъ результатѣ выборовъ, партіи плантаторовъ естественно угрожала опасность—лишиться громадной области, для пріобрѣтенія которой она не щадила никакихъ пожертвованій и не отступала не предъ какимъ средствомъ. Это, естественно, вызвало новое отдѣленіе ея отъ защитниковъ свободы. Въ Лекомптонѣ снова открылись засѣданія представителей интересовъ Юга. Они объявили произведенные выборы недействительными и взялись за составленіе конституціи для Канзаса. Главными основанія ея состояли въ слѣдующемъ:

1) право собственности стоитъ выше конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и не требуетъ ея признанія; права владѣльца на своихъ невольниковъ такъ же неоспоримы и нерикосновенны, какъ и право на всякую другую собственность;

2) законодательство не можетъ издать никакого распоряженія, относящагося до эманципаціи невольниковъ, не испросивши предварительно согласія на то ихъ владѣльцевъ и не выдавъ послѣднимъ полнаго вознагражденія.

Уокеръ протестовалъ какъ противъ конституціи начертанной Лекомптонскимъ собраніемъ, такъ и противъ законности самаго собранія. Но за этотъ протестъ онъ былъ удаленъ отъ должности Бухананомъ. На его мѣсто назначенъ новый губернаторъ, болѣе способный служить орудіемъ антиаболіціонной политики вашингтонскаго кабинета. Несмотря на то, что 4 января 1758 года все народоселеніе канзасской территоріи отвергнуло большинствомъ 10226 голосовъ предложенную ему лекомптонскимъ собраніемъ конституцію, президентъ требовалъ отъ конгресса принятія ея. Сенатъ, въ которомъ преобладающимъ элементомъ были представители невольническихъ штатовъ, согласился съ предложеніемъ Буханана. Но палата депутатовъ отвергнула рѣшеніе сената. Она требовала предоставить народонаселенію Канзаса—вотировать еще разъ по поводу лекомптонской конституціи и, въ случаѣ отверженія ея, произвести выборы новаго законодательнаго собранія территоріи, которому и поручить составленіе конституціи, болѣе согласной съ желаніемъ народа. Сенатъ не принялъ предложенія палаты депутатовъ и продолжалъ оставаться при своемъ рѣшеніи. Тогда, для прекращенія спора, одинъ изъ

сенаторовъ, Уильямъ Энглизъ, предложилъ составить такъ называемый конференц-комитетъ, состоящій изъ одинаковаго числа членовъ сената и палаты представителей. Несмотря на то, что лекомптонскій конвентъ образовался противъ воли большинства народонаселенія Канзаса и что, слѣдовательно, онъ не имѣлъ никакого права составлять конституцію для этой территоріи, конференц-комитетъ постановилъ: допустить канзаскихъ жителей къ новой подачѣ голосовъ насчетъ принатія лекомптонской конституціи, которая объявляла Канзасъ невольничьимъ штатомъ. Въ случаѣ принатія ея, комитетъ предлагалъ тотчасъ же объявить канзасскую территорію штатомъ; если же она будетъ отвергнута, то онъ соглашался допустить эту территорію въ число штатовъ Сѣверо-Американскаго Союза не раньше какъ послѣ возвышенія народонаселенія ея до 93,346 жителей, — числа, необходимаго для выбора одного депутата въ конгрессъ. Рѣшеніе комитета, послѣ 17-ти дневныхъ жаркихъ преній, было принято обѣими палатами. Канзасское народонаселеніе отвергло постыдное для себя предложеніе. «Скорѣе мы согласимся вѣчно остаться территоріей, говорили приверженцы партіи свободы, чѣмъ сдѣлаться штатомъ на такихъ позорныхъ и унижительныхъ условіяхъ». 3 августа 1858 года большинствомъ превышавшимъ 10,000 голосовъ народъ объявилъ себя противъ принатія лекомптонской конституціи. Вслѣдъ за тѣмъ начались выборы новаго территоріальнаго собранія, главными постановленіями котораго были: всеобщая амнистія; отмѣна вѣхъ постановленій лекомптонскаго собранія; созваніе конвента для составленія новой конституціи; уничтоженіе въ Канзасѣ невольничества навсегда.

Отмѣняя биллемъ о Небраскѣ миссурійскій компромиссъ, плантаторы надѣялись на легкое введеніе невольничества въ территоріяхъ. Событія въ Канзасѣ жестоко разочаровали ихъ въ этомъ. Чтобы утвердить невольничество въ территоріяхъ, необходимо было прибѣгнуть къ болѣе радикальнымъ мѣрамъ, чѣмъ принципъ самоуправленія, предоставленный жителямъ территорій. За это взялось верховное судище Соединенныхъ Штатовъ, состоявшее болшею частью изъ горячихъ приверженцевъ рабства. Поводомъ къ своему вмѣшательству въ рѣшеніе вопроса о невольничествѣ оно избрало процессъ невольника Дредъ Скотта.

Дредъ Скоттъ родился невольникомъ въ штатѣ Миссури. От-

сюда онъ сопровождалъ своего владѣльца въ одну изъ крѣпостей штата Иллинойса, гдѣ невольничество запрещено закономъ. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ этомъ штатѣ онъ былъ взятъ въ бывшую территорію Миннезотта (теперешній свободный штатъ), въ которомъ невольничество исключено миссурійскимъ компромиссомъ. Пробывъ и тутъ не менѣе двухъ лѣтъ какъ въ Иллинойсѣ, онъ возвратился съ своимъ господиномъ въ Миссури. Здѣсь онъ предъявилъ въ миссурійскій судъ первой инстанціи права на свободу, основывая ихъ на своемъ случайномъ пребываніи въ свободныхъ штатахъ, и получалъ благопріятное для себя рѣшеніе. Но, по апелляціи владѣльца, окружной миссурійскій судъ (Circuit Court) отменилъ это рѣшеніе. Тогда Дредъ Скоттъ обратился съ жалобой въ верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ. По поводу этого частнаго случая верховный вашингтонскій судъ вздумалъ сдѣлать общія постановленія, относительно правъ негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и невольничества вообще. Объявивъ некомпетентность судовъ низшихъ инстанцій въ рѣшеніи жалобы Дредъ Скотта, такъ какъ послѣдній есть негръ африканскаго происхожденія, который не признается гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ и, слѣдовательно, не можетъ приносить никакой жалобы предъ какимъ бы то ни было судомъ этого государства, онъ сдѣлалъ при этомъ слѣдующія опредѣленія:

1) каждый гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ право брать съ собою въ территоріи всякій родъ собственности, который признанъ конституціею Соединенныхъ Штатовъ собственностью;

2) конституція Соединенныхъ Штатовъ признаетъ невольниковъ собственностію и обязуетъ союзное правительство охранять эту собственность. Поэтому конгрессъ не можетъ пользоваться въ отношеніи ея большею властью, чѣмъ въ отношеніи всякой другой собственности;

3) свободный негръ никогда не можетъ быть гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ;

4) параграфъ миссурійскаго компромисса, запрещающій невольничество въ территоріяхъ, лежащихъ къ северу отъ 36° 30' противенъ конституціи; и —

5) Невольникъ, взятый своимъ господиномъ въ одинъ изъ свободныхъ штатовъ, не приобретаетъ, вслѣдствіе этого, правъ на свободу.

Несмотря на то, что, принимая подобное рѣшеніе, верховный судъ выходилъ изъ предѣловъ власти, предоставленной ему конституціею Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и присвоивалъ себѣ принадлежащую одному только конгрессу законодательную власть; несмотря также на то, что своимъ рѣшеніемъ онъ прямо отвергалъ только что принятый предъ тѣмъ билль о Небраскѣ, не допускающій виѣшательства союзнаго правительства въ дѣла территорій, — приверженцы рабства горячо взялись за постановленіе, сдѣланное верховнымъ судомъ, и поставили его выше всѣхъ законовъ, изданныхъ конгрессомъ. Законодательствомъ 1854 года Югъ надѣялся распространить невольничество, при помощи ученія о народномъ самоуправленіи; но когда эта теорія не повела къ желаннымъ результатамъ и даже послужила во вредъ его собственнымъ интересамъ, онъ не задумался первый поднять руку на билль о Небраскѣ, предложенный имъ же самимъ. Онъ не только признавалъ за конгрессомъ право, но даже виѣнялъ ему въ обязанность виѣшиваться въ дѣла территорій, требуя отъ него охраненія рабовладѣльческихъ правъ. Рѣшеніе по дѣлу Дредъ Скотта до такой степени находилось въ противорѣчьи со всѣми убѣжденіями сѣверныхъ штатовъ, что Югъ не рѣшился тотчасъ же обнародовать его и ожидалъ чѣмъ кончатся начавшіеся въ то время выборы, чтобы быть увѣреннымъ въ поддержкѣ своихъ требованій со стороны новаго президента. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что въ это время абolicіонисты сдѣлались преобладающею партіею на всемъ Сѣверѣ и легко могли стать во главѣ правленія.

Реакція, вызванная на Сѣверѣ компромиссомъ 1850 года, еще болѣе увеличилась, вслѣдствіе принятія билля о Небраскѣ и канзасскихъ событій; демократическіе и вигитскіе принципы потеряли всю свою силу въ свободныхъ штатахъ; крайнія мѣры; къ которымъ прибѣгли невольничьи штаты для увеличенія своего политическаго преобладанія надъ свободными, встревожили весь Сѣверъ и заставили обратить серьезное вниманіе на вопросъ о невольничествѣ. Многие, раздѣлявшіе до тѣхъ поръ не только вигитскія убѣженія, но даже почувствовавшіе демократическимъ принципамъ, провозглашоннымъ Кальгуномъ, сознали необходимость энергическаго сопротивленія властолюбивымъ стремленіямъ Юга и перешли на сторону абolicіонистовъ. Предстоящіе выборы новаго президента слили всѣ разрозненные абolicіонныя и фрисойлерскіе элементы сѣверныхъ штатовъ въ одну свобод-

ную демократическую или республиканскую партію. Въ февралѣ 1856 года, депутаты этой партіи собрались въ Питобургѣ въ Пенсильваніи и здѣсь послѣдовала окончательная организациія ея. Спустя четыре мѣсяца, республиканцами былъ созданъ въ Филадельфіи національный конвентъ для назначенія кандидата въ президенты. Программа, обнародованная этимъ конвентомъ отличалась еще болѣе рѣшительнымъ характеромъ, чѣмъ изданная въ 1852 году. Республиканская партія безусловно отвергла невольничество, говоря, что ни конгрессу, ни территоріальному законодательству, ни какому бы то ни было обществу или отдѣльному лицу, конституція Сѣверо-Американскихъ Штатовъ не даетъ права узаконять невольничество, а виѣняетъ, напротивъ, въ обязанность конгрессу—запрещать его во всѣхъ территоріяхъ, находящихся въ его вѣдѣніи. Кандидатомъ на президентское мѣсто республиканская партія провозгласила полковника Фримонта.

Въ то же время партія демократовъ созвала національный конвентъ въ Цинцинатѣ. Въ программѣ, изданной этимъ конвентомъ, демократическая партія требовала сохраненія компромисса 1850 года относительно закона о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ, запрещенія всякой агитаціи по вопросу о невольничествѣ и неприкосновенности билля о Небраскѣ. Въ послѣднемъ биллѣ она уничтожала мѣстный характеръ и придавала ему значеніе общаго закона, объявляя, что народъ во всѣхъ штатахъ, которые будутъ образовываться изъ территорій, принадлежащихъ союзному правительству, имѣетъ право дозволить или запретить у себя невольничество; но при этомъ ни слова не говорилось о невольничествѣ въ территоріяхъ до тѣхъ поръ пока изъ нихъ не образовались еще штаты. Это ввело въ обманъ сѣверные штаты. Полагая, что воля народа должна рѣшать вопросъ о существованіи невольничества и въ территоріяхъ, многіе граждане Нью-Джерсея, Индіаны и Иллинойса подали свои голоса въ пользу кандидата, выставленнаго демократами—Буханана, изъ Пенсильваніи. Избирая въ президенты человека изъ сѣверныхъ штатовъ, плантаторы этимъ самымъ давали нѣкоторую надежду послѣднимъ, что съ новымъ президентомъ умѣренно-либеральное воззрѣніе Сѣвера одержитъ верхъ въ политикѣ новаго правительства. Отсутствие въ Америкѣ Буханана въ 1852 году, бывшаго въ это время посланникомъ въ Англія, не соединяло его имени съ ненавистнымъ для Сѣвера биллемъ о Небраскѣ и такимъ образомъ содѣйствовало тому, что многіе считали

его за приверженца свободы. Пенсильванцы до такой степени были убѣждены въ послѣднемъ, что, подавая голосъ въ пользу Буханана, они въ то же время требовали признанія Канзаса свободнымъ. Благодаря подобному заблужденію, а также опасенію многихъ сѣверныхъ гражданъ за разрывъ союза въ случаѣ достиженія власти кандидатомъ аболиціонистовъ, Бухананъ одержалъ верхъ на президентскихъ выборахъ. Онъ былъ избранъ 1,838,232 голосами. Но и на сторонѣ кандидата республиканской партіи число голосовъ, поданныхъ въ его пользу, достигло такой цифры, какой никогда еще до тѣхъ поръ не достигали представители аболиціонистовъ. Въ пользу Фримонта было подано 1,341,584 голоса. Ясно, что если на этихъ выборахъ аболиціонисты и потерпѣли поражение, то они имѣли основаніе ожидать болѣе счастливаго исхода отъ слѣдующихъ.

Не прошло трехъ дней послѣ вступленія въ должность Буханана, какъ обнаружилась вполнѣ политика и его самого и той партіи, которая стала съ нимъ во главѣ правленія. Первымъ дѣломъ его было признаніе рѣшенія верховнаго суда по поводу Дредъ Скотта. Онъ объявилъ неприкосновеннымъ невольничество въ территоріяхъ и возлагалъ на конгрессъ обязанность — защищать въ нихъ собственность рабовладѣльцевъ. «Нашимъ верховнымъ судомъ торжественно опредѣлено было, — объявилъ онъ 2 февраля 1858 года въ своемъ посланіи къ конгрессу, — что невольничество въ Канзасѣ существуетъ въ силу конституціи Соединенныхъ Штатовъ. По этому Канзасъ въ настоящее время такой же невольническій штатъ, какъ Георгія и Южная Каролина».

Рѣшеніе дредъ-скоттова дѣла вызвало жаркія пренія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ между представителями всѣхъ партій. Аболиціонисты не хотѣли и слышать о томъ, чтобы союзная власть приняла на себя обязанность охранять невольничество въ территоріяхъ. Союзныя территоріи, говорили они, принадлежатъ націи, состоящей болѣе чѣмъ изъ 25,000,000 душъ. Эта нація пользуется, въ отношеніи ихъ, верховною властью. Она позволяетъ народонаселенію ихъ имѣть у себя общинное самоуправленіе въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; но до тѣхъ поръ пока она пользуется верховною властью, — то есть до тѣхъ поръ, пока изъ территоріи еще не образовались штаты, — она не можетъ и не должна позволить ему вводить у себя учрежденія, находящіяся въ противорѣчьи съ убѣжденіями всего цивилизованнаго міра, какъ на примѣръ, рабства, многоженства, и т. п. Опре-

дѣленіе верховнаго суда, дѣлавшее невольничество національнымъ учрежденіемъ, республиканская партія отвергаетъ какъ противорѣчащее воимъ основнымъ законамъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Рѣшеніе по дѣлу Дредъ Скотта было заключительнымъ актомъ всей предшествовавшей политики приверженцевъ рабства. Больше этого ничего не оставалось желать демократамъ. Рабство, въ которомъ они видѣли единственный источникъ спасенія для человѣчества, единственное разумное основаніе всякаго государства, признано было наконецъ принципомъ всего государственнаго устройства Соединенныхъ Штатовъ и должно было сдѣлаться вскорѣ учрежденіемъ не одного Юга, но и Сѣвера. Естественно, что въ примѣненіи рѣшенія по поводу процесса Дредъ Скотта рабовладѣльцы не могли ограничиться предѣлами однихъ территорій. Если конституція Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ самомъ дѣлѣ признавала невольника собственностью, наравнѣ со всякою другою, то плантаторы имѣли полное право пользоваться этой собственностью не только въ невольничьихъ штатахъ, но и въ свободныхъ; и всякій законъ отдѣльнаго штата, запрещающій невольничество, долженъ былъ быть признанъ противнымъ конституціи. Партія приверженцевъ рабства, конечно, не замедлила бы привести эту теорію въ исполненіе, если бы политическая власть осталась попрежнему въ ея рукахъ. Это отчасти обнаружилось уже въ послѣдній годъ президентства Буханана. Когда территоріальныя собранія Небраски и Канзаса объявили значительнымъ большинствомъ голосовъ запрещеніе въ своихъ областяхъ невольничества, губернаторы обѣихъ территорій воспротивились этому запрещенію, объявивъ его противозаконнымъ. «Конституція, говорили они, признаетъ всякій родъ собственности, слѣдовательно и невольничество; по этому никто не имѣетъ права уничтожать его». Но такія крайнія мѣры, за которыми взялись приверженцы рабства; для утвержденія своей власти, содѣйствовали и окончательному пораженію ихъ. Онѣ вывели разъединеніе въ нихъ собственныхъ рядахъ и заставили многихъ сѣверныхъ демократовъ, державшихъ прежде постоянно сторону Юга, перейти въ ряды республиканской партіи, или представить своего собственнаго кандидата на президентство. На конвентѣ, созванномъ демократами въ апрѣлѣ 1860 года въ Чарлстоутѣ, въ Южной Каролинѣ, послѣдовало отдѣленіе сѣверной части этой партіи отъ южной. Первая составила новый конвентъ

въ Балтиморѣ, избравъ своимъ кандидатомъ Дугласа и издала программу ничѣмъ не отличавшуюся отъ принятой четыре года тому назадъ въ Цинцинати; вторая, требовавшая безусловнаго принятія рѣшенія по дѣлу Дредъ Скотта, созвала конвентъ въ Ричмондѣ и избрала своимъ кандидатомъ Брекинриджа.

Въ то же время республиканская партія открыла національный конвентъ въ Чикаго и обнародовала программу такого рода:

«Новое ученіе, по которому, на основаніи самой конституціи, допускается невольничество въ территоріяхъ, принадлежитъ къ числу самыхъ опасныхъ политическихъ заблужденій и находится въ колномъ противорѣчій какъ съ прямымъ смысломъ конституціоннаго акта, такъ и съ убѣжденіями современниковъ революціи и съ прежними рѣшеніями судебно-законодательной власти.

«Всѣ земли, принадлежащія Соединеннымъ Штатамъ, слѣдуетъ признавать свободными. А такъ какъ основатели нашей республики, при уничтоженіи невольничества въ союзныхъ территоріяхъ, рѣшительно постановили, что и здѣсь никто и никогда не можетъ быть лишонъ жизни, свободы или собственности безъ закономъ предписаннаго судопроизводства, то на насъ лежитъ обязанность всѣми законодательными мѣрами, какія будутъ необходимы къ тому, охранять это государственное постановленіе противъ всякаго посягательства, и мы не признаемъ ни за конгрессомъ, ни за территоріальнымъ правительствомъ, ни за какимъ бы то ни было отдѣльнымъ лицомъ права—учреждать невольничество въ территоріяхъ Соединенныхъ Штатовъ».

Кандидатомъ своимъ республиканская партія представила Линкольна. На президентскихъ выборахъ, происшедшихъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, она одержала верхъ, и въ мартѣ текущаго года Линкольнъ вступилъ въ отправленіе своей должности. Съ избраніемъ Линкольна сѣверные штаты освободились, наконецъ, отъ того политическаго подчиненія, въ которомъ они находились до тѣхъ поръ въ отношеніи къ южнымъ, и Сѣверная Америка вступила въ новый фазисъ историческаго развитія. Переходъ политической власти въ руки ненавистныхъ для плантаторовъ аболіціонистовъ, наряду со многими другими причинами, вызвалъ отторженіе южныхъ штатовъ отъ конфедераціи, которой такъ долго угрожали горячіе защитники правъ Юга, и повлекъ за собою гражданскую войну. Мы не будемъ останавливаться на событіяхъ, слѣдовавшихъ за избраніемъ Линкольна, какъ слыш-

комъ хорошо вѣстныхъ всѣмъ, кто слѣдитъ за ходомъ современной, политики, а позволимъ себѣ только, въ заключеніе статьи нашей, выразить мнѣніе о тѣхъ слишкомъ большихъ надеждахъ, которыя возлагаютъ въ настоящее время многіе на сѣверо-американскую войну. Въ ней видятъ войну за освобожденіе негровъ, думаютъ, что счастливый исходъ ея для сѣверныхъ штатовъ поведетъ къ окончательному разрѣшенію вопроса о невольничествѣ и къ повсемѣстной эманципации негровъ. Эти ожиданія намъ кажутся слишкомъ преувеличенными. Нѣтъ сомнѣнія, что однимъ изъ поводовъ къ современной войнѣ въ Америкѣ послужило невольничество и что сѣверные штаты горячо желаютъ прекращенія его. Но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы союзное правительство, въ случаѣ своего успѣха, рѣшилось поднять руку на это учрежденіе въ южныхъ штатахъ. Невольничество въ отдѣльныхъ штатахъ не зависитъ непосредственнымъ образомъ отъ его власти. Оно есть чисто мѣстное учрежденіе, предоставленное конституціею Сѣверо-Американскихъ Штатовъ исключительно на волю законодательныхъ собраній тѣхъ штатовъ, въ которыхъ оно существуетъ. На всемъ Сѣверѣ, гдѣ только прежде допускалось это учрежденіе, оно уничтожилось не конгрессомъ, но мѣстными законодательными собраніями. Такимъ именно образомъ въ 1780 году оно было уничтожено въ Пенсильваніи и Массачузетсѣ, въ 1784 году въ Родъ-Эйландѣ, Коннектикутѣ и Нью-Гемпширѣ, въ 1799 году въ Нью-Йоркѣ, въ 1804 въ Нью-Джерсеѣ. За тѣмъ, если союзному правительству и обязаны многіе изъ теперешнихъ свободныхъ штатовъ заврещеніемъ у себя невольничества, то это заврещеніе дѣлалось въ то время, когда эти штаты были еще на степени территорій и, слѣдовательно, находились въ полномъ вѣдѣніи конгресса. Этимъ именно путемъ получили свободу Огайо, Мичиганъ, Иллинойсъ, Индіана, Висконсинъ, Йова и въ послѣднее время Орегонъ и Калифорнія. Аболиціонисты, дѣйствовавшіе въ конгрессѣ, никогда не претендовали на уничтоженіе невольничества во всѣхъ штатахъ Сѣверо-Американскаго Союза. Они никогда не касались этого учрежденія въ тѣхъ мѣстныхъ штатахъ, которыя находились къ Союзу въ отношеніи самостоятельныхъ штатовъ. Вся исторія аболиціонизма Сѣверной Америки сосредоточивается на борьбѣ аболиціонистовъ съ приверженцами рабства по поводу территоріальнаго вопроса. Это былъ почти единственный, дозволенный конституціею путь, по которому мо-

гли идти аболиционисты. Начиная отъ конца прошлаго столѣтія и до настоящей минуты всё усилія аболиционистовъ были направлены къ тому только, чтобы положить конецъ дальнѣйшему распространенію предѣловъ невольничества. Правда, аболиционисты постоянно старались вооружить общественное мнѣніе противъ этого учрежденія и доказывали необходимость непосредственной эманципаціи невольниковъ во всехъ штатахъ Сѣверо-Американскаго Союза. Но этой эманципаціи они хотѣли достигнуть вполне легальнымъ, не противорѣчающимъ государственному устройству Сѣверо-Американскихъ Штатовъ путемъ. Они требовали уничтоженія рабства въ южныхъ штатахъ не отъ соизвольнаго вранительства, котораго не имѣетъ на то права, но отъ мѣстныхъ законодательныхъ собраній этихъ штатовъ. Ни одна изъ программъ, обнародованныхъ аболиционистами съ тѣхъ поръ какъ они достигли значенія политической самостоятельной партіи, и ни одно изъ дѣйствій новаго президента, не показываютъ, чтобы аболиционисты измѣнили въ настоящее время свои убѣжденія въ этомъ отношеніи и рѣшились посягнуть на права южныхъ плантаторовъ при помощи союзной власти. По этому, если бы сѣверные штаты одержали въ настоящее время полную побѣду надъ южными, то и въ такомъ случаѣ эта побѣда едва ли повлечетъ еще за собою непосредственную эманципацію невольниковъ на Югѣ. Это возможно только при явномъ нарушеніи конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, по праву сильнаго. А еще неизвѣстно, захотятъ ли воспользоваться этимъ правомъ аболиционисты. Объявляя освобожденіе негровъ, они возбуждали бы къ себѣ сочувствіе всего цивилизованнаго міра, не потеряли бы всякую популярность въ глазахъ всего сѣверо-американскаго общества, такъ высоко цѣнящаго свои государственныя учрежденія и могли-бы легко вызвать въ немъ реакцію, враждебную дѣлу свободы. Все, чего только можно ожидать отъ счастливаго исхода современной войны, такъ это ризвъ достиженія аболиционистами политическаго преобладанія, которое съ этихъ поръ сдѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее расширеніе предѣловъ невольнической территоріи. Само собою разумѣется, что невольничество, ограничиваясь теперешними своими предѣлами и не получая новыхъ силъ въ увеличеніи числа невольническихъ штатовъ, должно будетъ пасть въ скоромъ времени, благодаря благотѣльному вліянію цивилизаціи, а также самому свойству невольничьяго труда и благороднымъ усиліямъ аболиционистовъ.

ство. Невольничество ни въ какомъ случаѣ не можетъ долго оставаться въ Америкѣ неприкосновеннымъ, ибо оно находится въ прямомъ противрѣчїи со всѣми великими принципами нашего вѣка. Въ настоящее время такая вопіющая несправедливость какъ рабство не представляетъ никакихъ твердыхъ гарантій продолжительности своего существованія.

Но съ освобожденіемъ невольниковъ не кончится еще миссія аболіціонистовъ. Имъ предстоитъ употребить всѣ силы, все свое вліяніе на то, чтобы обезпечить освобожденнымъ неграмъ полное пользованіе своими правами. До сихъ поръ негры и цвѣтнокожіе остаются въ сѣверныхъ штатахъ не полноправными лицами, несмотря на свою свободу. Они не имѣютъ участія ни въ государственной, ни въ общественной жизни блага народонаселенія свободныхъ штатовъ и играютъ самую жалкую роль въ обществѣ. Для нихъ закрыты не только конгрессъ и законодательныя собранія штатовъ, но даже общественныя школы, церкви, театры, гулянья. Несмотря на то, что закономъ они признаются совершенно равными со всѣми бѣлыми гражданами, на дѣлѣ они не пользуются этимъ равенствомъ. Общественный предразсудокъ положилъ къ тому непреодолимую преграду. Уничтоженіе въ обществѣ глубоко вкоренившагося предубѣжденія противъ черной расы чуть ли не представляетъ еще болѣе затрудненій, чѣмъ самое освобожденіе ея. По крайней мѣрѣ, первыя попытки аболіціонистовъ поставить негровъ на равную ногу съ собою обходились имъ очень дорого. Въ Филадельфїи, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, городское населеніе при видѣ аболіціонистовъ и аболіціонистокъ, позволившихъ себѣ прогуливаться по городскимъ улицамъ съ неграми и цвѣтнокожими, какъ съ людьми совершенно равными себѣ, пришло въ такую ярость, что обратило въ пепелъ зданіе, предназначенное для собраній аболіціонистовъ и разогнало ихъ силою. Трудно предположить, чтобы уничтоженіе предубѣжденія бѣлыхъ жителей сѣверныхъ штатовъ къ неграмъ было совершенно дѣломъ невозможнымъ, чтобы это предубѣжденіе было результатомъ естественной, врожденной антипатїи кавказскаго племени къ черному, какъ думаютъ нѣкоторые, ибо подобной антипатїи не существуетъ въ мусульманскихъ государствахъ и даже на югѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ смяніе обѣихъ расъ происходитъ очень легко; но что уничтоженіе этого предубѣжденія, какъ и всякаго другого глубоко вкоренившагося

предразсудка, есть дѣло трудное и что одно только время способно уличить и пристыдить гордое племя въ его смѣнномъ заблужденіи—это тоже не подлежитъ никакому сомнѣнію. Отъ большихъ глупостей никогда не отказываются такъ, чтобы не произвести большого скандала.

Г. Симоенко.

СИЛА.

При чтеніи сочиненій,—столь многочисленныхъ въ настоящее время,—касательно результатовъ новѣйшей науки, всякого должно было поражать частое употребленіе въ нихъ термина—*сила*. И если кто не вполне знакомъ съ оттѣнками мысли, которые выражаются употребленіемъ этого термина, то онъ едва ли можетъ смотрѣть на него иначе, какъ съ нѣкотораго рода недоумѣвающимъ любопытствомъ. Правильно онъ понимаетъ это слово или нѣтъ?—Это вопросъ, который долженъ стоить ему усиленнаго размышленія. Самое слово имѣетъ свой особенный характеръ. Это не есть вполне техническій или чисто научный терминъ; а, повидимому, употребляется въ какомъ то специальномъ смыслѣ. Обыкновенно выражаемое имъ понятіе довольно знакомо намъ на практикѣ; употребленіе этого слова въ наукѣ, по видимому, свидѣтельствуеетъ о тождествѣ между понятіями обыкновенными и научными и обѣщаетъ большую простоту. Но это обѣщаніе существуетъ только для слуха. Названіе силы въ своемъ приложеніи принимаетъ такой широкій объемъ, который поставляетъ его рѣзко вѣдѣ границы нашего нагляднаго опыта; а общеупотребительность языка, по видимому, дѣлаетъ разнообразіе мысли еще болѣе сбивчивымъ. Потому что, между естественнымъ способомъ мышленія и тѣмъ, который внушается наукой, существуетъ рѣзкое и широкое различіе. Невидимая, но тѣмъ не менѣе дѣйствительная, грань раздѣляетъ два взгляда на вещи; взглядъ практический, взглядъ обыкновеннаго «здраваго смысла» и изглядъ, возникающій влѣдствіе умственнаго изысканія ихъ дѣйствительной

связи, и соотношеній между собою. И это разнообразіе мысли, дѣйствительно, не одинаково передается словомъ — «сила» для ума посвященнаго или не посвященнаго. Живое пониманіе міра, въ который вводитъ насъ наука, можетъ быть достигнуто не иначе какъ посредствомъ полного уразумѣнія этого обстоятельства. Къ счастью, это уразумѣніе пріобрѣтается безъ особаго труда. Научное употребленіе термина — *сила* есть совершенно естественное развитіе мысли, которая выражается имъ въ обыкновенномъ употребленіи этого слова. Различіе здѣсь возникаетъ почти всецѣло отъ внезапности преткновенія нашего обыкновеннаго пониманія: другими словами — отъ меньшей сферы, которую обнимаютъ наши чувства сравнительно съ нашими умственными способностями.

Въ чемъ состоитъ это различіе и какъ оно возникаетъ — это мы постараемся показать; какъ легко привить къ нашимъ обыкновеннымъ мыслямъ дальнѣйшія понятія, сообщаемыя наукой — это мы тоже покажемъ; и мы надѣемся, что адѣосъ съ полною очевидностію будетъ представлено, какою чистый и опредѣленный свѣтъ проливаютъ эти понятія на явленія природы.

Языкъ науки говоритъ не только о силѣ вообще (понятіи по видимому довольно отвлеченномъ), но еще, — какъ бы для увеличенія запутанности, — о *силахъ*. Кромѣ силъ механической, — какова наприм. сила, обнаруживающаяся въ дѣйствіи нашихъ рукъ, — свѣтъ, теплота и электричество суть также силы; равнымъ образомъ существуютъ силы: химическаго орудства, тяжести, сцѣпленія и магнетизма; и наконецъ — жизненная сила. Этимъ заключается списокъ. Здѣсь мы видимъ цѣлый рядъ «силъ — армію, которая сражается подъ знаменемъ науки, или лучше — армію, надъ которою наука должна одерживать свои побѣды. Почему все это называется однимъ общимъ именемъ силъ — мы легко можемъ понять. Всѣ они характеризуются общимъ для нихъ могуществомъ — производить перемѣны. Они дѣлаютъ то, для произведенія чего, какъ мы знаемъ, потребовалось бы употребленіе силы съ нашей стороны. Тяготѣніе двигаетъ тяжолыя массы; то же, при извѣстныхъ условіяхъ, дѣлаютъ теплота и электричество, химическое орудство и магнетизмъ, между тѣмъ какъ жизненная сила есть агентъ, воздѣйствующій на наши собственныя отиравленія. Свѣтъ, по видимому, не входитъ въ этотъ списокъ; однако же его право на полученіе названія силы зиждется на столь же очевидномъ основаніи, какъ права

вѣдѣ другихъ силъ. Онъ измѣняетъ химическое свойство тѣлъ, производа соединеніе или разложеніе различныхъ солей; онъ производитъ окисленіе металлическихъ зеркаль, отпечатывая изображенія на твердой стали; и мы имѣемъ всевозможныя основанія думать, что онъ могущественно дѣйствуетъ въ произведеніи кристаллическаго состоянія металловъ, въ теченіе долгаго времени подвергаемыхъ ея вліянію. Съ этими перемѣнами очевидно соединено понятіе силы. Вопросъ объ объемѣ здѣсь совершенно не важенъ. Чтобы превести въ движеніе какую нибудь малѣйшую крупинку, для этого точно такъ же нужна сила, какъ и для того, чтобы подвинуть гору или планету. При томъ нѣкоторыя изъ дѣйствій свѣта могутъ быть произведены силою въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Многократно повторенные удары молота или треніе колеса производятъ кристаллизацию въ металлическихъ брускахъ, какъ мы знаемъ это, къ сожалѣнію, изъ постоянно возрастающаго числа происшествій на желѣзныхъ дорогахъ.

Такимъ образомъ малѣйшія измѣненія въ тѣлахъ суть признаки силы, въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ и движенія громадныхъ массъ. Открывая эти измѣненія, мы заключаемъ о существованіи силы, точно такъ же, какъ и при видѣ движенія тяжелаго тѣла, заключаемъ о существованіи какого нибудь механическаго побужденія. И разнообразіе силъ, довольно просто, было выведено изъ разнообразія перемѣнъ, которыя мы замѣчаемъ такимъ образомъ. Химическія измѣненія приписаны химической силѣ; электрическія — электричеству; перемѣны температуры, или расширеніе — теплотѣ и такъ далѣе. Для каждаго разряда перемѣнъ предполагается спеціальная сила, которая ихъ производитъ.

Это есть первое понятіе, которое мы выносимъ изъ внимательнаго изученія природы. Вещественный физическій міръ является намъ въ видѣ пассивной сущности, (субстанции, состоящей, вѣроятно все изъ «атомовъ»); эта сущность находится подъ вліяніемъ извѣстныхъ силъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой спеціальный характеръ и производитъ особенные разряды результатовъ. Словомъ, силы являются какъ отдѣльныя существованія, какъ дѣятели относительно приписываемыхъ имъ дѣйствій. Но это только первый шагъ. Для ума невозможно остановиться здѣсь; и это понятіе о силахъ, какъ о различныхъ дѣятеляхъ, при дальнѣйшемъ его преслѣдованіи, уступаетъ мѣсто другому

представленію, болѣе вразумительному и въѣсть болѣе практическому.

Напр., очевидно, что движеніе не есть отдѣльная сила, производящая извѣстныя дѣйствія на вещество, но что оно само не болѣе какъ извѣстное состояніе вещества. Это не есть вещь, а положеніе вещи. Названіе «движенія» есть терминъ, прилагаемый къ состоянію какого бы ни было тѣла, которое можетъ двигаться; оно не обозначаетъ собою агента, оно существуетъ единственно во время этого состоянія движенія и есть скорѣй идея, чѣмъ сила. И такъ, насколько дѣло идетъ о движеніи видимыхъ массъ (въ которыхъ мы можемъ явственно замѣчать соотношеніе между фактами), — очевидно, что, говоря о «силѣ», мы не подразумеваемъ ничего, имѣющаго отдѣльное бытіе, а просто употребляемъ имя, которымъ обозначается особенное состояніе. И хотя очевидность этого и не въ такой степени осязательна въ отношеніи къ другимъ силамъ, каковы напр. теплота и электричество, за которыми мы не можемъ въ подробности слѣдить нашими чувствами, хотя они еще съ болѣею легкостью представляются нашему воображенію какъ самостоятельныя существованія, — но и относительно ихъ не менѣе истинно то, что они суть только состоянія сущностей, въ которыхъ мы находимъ ихъ.

Для установленія такого понятія о силахъ существуютъ два различные рода доказательствъ. Во первыхъ очевидность опыта, выводимая изъ того факта, что различныя силы могутъ быть произведены средствами, которыя просто воздѣйствуютъ только на состояніе вещества, что эти силы болѣе или менѣе могутъ происходить одна отъ другой или взаимно быть превращены одна въ другую. Эта очевидность безпрестанно представляется намъ въ самыхъ простыхъ формахъ. Теплота и свѣтъ суть обыкновенные результаты тренія; электричество почти точно такъ же. Когда мы сильно тремъ двѣ палки одна о другую и постепенно возрастающая отъ этого теплота наконецъ превращается въ пламя, то мы видимъ, что здѣсь движеніе производитъ теплоту и свѣтъ и пригомъ въ неограниченномъ размѣрѣ. Ясно, что движеніе не прибавляетъ никакого вещества къ этимъ тѣламъ; оно измѣняетъ только ихъ состояніе. Оно производитъ свѣтлое, разгоряченное *состояніе*; или, если для этого будутъ употреблены стекло и шолкъ, оно произведетъ состояніе, извѣстное подъ именемъ электричества. Продолжая наблюдать еще далѣе что происходитъ въ подобныхъ случаяхъ, мы находимъ, что получен-

ныя нами «силы» обязаны своимъ происхожденіемъ не столько просто движенію, сколько тренію. Чѣмъ крѣпче давленіе (при одинаковой скорости движенія) тѣмъ значительнѣе сумма электричества или теплоты. Почему бы это? Мы знаемъ, что давленіе или треніе задерживаетъ движеніе, передавая его сопротивляющемуся тѣлу. Это происходитъ и въ настоящемъ случаѣ. Треніе есть мѣра суммы задержаннаго движенія; оно служитъ также мѣрою суммы обнаружившейся теплоты (или другой подобной силы). Чѣмъ болѣе задержано движеніе (трениемъ), тѣмъ болѣе произведено теплоты. Ничто не можетъ быть проще. Неужели теплота есть что нибудь иное, а не то же самое движеніе, являющееся намъ подъ другою формою? Мы знаемъ, что движеніе останавливается не иначе, какъ вслѣдствіе сопротивленія другихъ тѣлъ и что тогда оно переносится только на нихъ и продолжается ими, если они свободны двигаться. Если же они не могутъ двигаться, то движеніе воспринимается частицами, изъ которыхъ они состоятъ; эти частицы расширяются и обнаруживаются нашимъ чувствамъ въ видѣ теплоты. Такимъ образомъ теплота является намъ какъ состояніе движенія съ неменьшею ясностью, какъ въ томъ случаѣ, когда большое тѣло, въ быстромъ движеніи, натолкнулось на множество мелкихъ тѣлъ: въ подобномъ случаѣ одиночное движеніе могло бы прекратиться, вполне или отчасти, и мѣсто его заступило бы множество маленькихъ движеній. Эти самые аргументы одинаково примѣняются къ свѣту и къ электричеству. Способы, которыми они могутъ быть произведены, представляютъ ихъ въ видѣ состояній движенія.

Обратимъ вниманіе на тѣла, издающія звукъ, наприм., струну, камертонъ. Въ подобныхъ тѣлахъ нѣтъ ничего, или они не обнаруживаютъ ничего, кромѣ движенія. Они просто дрожатъ. То же понятіе прилагается совершенно съ такимъ же удобствомъ къ тѣламъ горячимъ, электрическимъ, свѣтящимся. Внутри ихъ происходитъ движеніе,—и можно сказать почти съ положительною увѣренностью, что они дрожатъ.

Такимъ образомъ изъ отношеній, въ которыхъ различныя силы находятся къ движенію, видно, что на нихъ должно смотрѣть какъ на состоянія, а не какъ на вещи. Тутъ очевидность столь велика, что, говоря правду, она не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ. Какъ ни долго господствовалъ надъ человѣческимъ разумомъ взглядъ, противоположный этому, но такое

господство все-таки было возможно только въ слѣдствіе како-го-то умственнаго паралича. Подобная мысль опровергается самымъ свойствомъ ея. Двигатель, подобный предполагаемой «силѣ»—т. е. существованію, которое остается неуловимымъ для нашихъ чувствъ, непонятнымъ для нашего разума и предлагается только нашей вѣрѣ осуждается собственными своими свойствами, какъ чистая химера. Единственные элементы, съ которыми наши мысли могутъ имѣть дѣло, относительно вещественной природы, суть вещества въ ихъ измѣняющихся состояніяхъ; и если мы, ради удобства, раздѣляемъ ихъ мысленно на пассивную матерію и различныя силы, которыя на нее дѣйствуютъ, то мы должны помнить, что это дѣленіе можетъ существовать только въ идеѣ. А почему такъ долго господствовалъ противоположный взглядъ на этотъ предметъ—это мы увидимъ послѣ.

Итакъ понятіе движенія прилагается къ нѣкоторымъ силамъ въ высшей степени очевиднымъ образомъ. Не такъ легко, конечно, примѣнить его и ко всему, чему дается названіе силы,—напр. къ химическому средству, или къ тяжести, которыя суть не столько состоянія дѣйствія, сколько стремленія къ нему. Однако и тутъ могутъ быть приложимы понятія, выводимыя изъ движенія, если мы вспомнимъ, что движеніе представляется намъ подъ двумя формами, во первыхъ какъ движеніе активное и во вторыхъ какъ наклонность двигаться. Когда мы толкаемъ рукою стѣну, кирпичи не подаются, какъ подались бы въ томъ случаѣ, когда бы они не были такъ крѣпко соединены между собою, однакоже въ нихъ дѣйствительно есть движеніе. Давленіе произведено; движеніе существуетъ въ равновѣсіи.

Переставъ такимъ образомъ признавать силы за дѣятелей а рассматривая ихъ только какъ состоянія, мы, естественнымъ образомъ, можемъ подвести ихъ подъ одно общее понятіе. Говоря о *силѣ*, мы разумѣемъ подъ этимъ терминомъ всякія активныя состоянія вещества, какого бы рода они ни были. Общій итогъ этихъ активныхъ состояній есть вмѣстѣ съ тѣмъ общій итогъ силы. Различія существуютъ здѣсь только въ формѣ и способѣ; въ сущности всѣ они суть одно и то же.

Подобный примѣръ мы видимъ въ языкахъ. Многочисленныя разнообразія рѣчи суть не болѣе какъ различныя формы одного кореннаго факта—устной передачи мыслей. Существуетъ много

силы, но даръ слова — одинъ. Различныя виды рѣчи суть только равносильныя выраженія одной и той же вещи и могутъ быть взаимно превращены одинъ въ другой. Точно такъ же всѣ силы суть выраженія одного факта физической дѣятельности, равносильныя и взаимно *переходимыя* между собою. Основная идея можетъ быть выражена на какомъ угодно языкѣ и въ какой угодно формѣ, подобно тому какъ человекъ, надѣвая сперва одно платье, а потомъ другое, самъ остается совершенно тѣмъ же самымъ. Понятіе «силы» возникаетъ изъ среды силъ точно такъ же, какъ понятіе «дара слова» возникаетъ изъ множества языковъ.

Если-бы даже естественная склонность нашего ума къ обобщенію и не вынуждала насъ такимъ образомъ соединить всѣ силы въ одномъ понятіи, — насъ все таки заставилъ бы это сдѣлать тотъ фактъ, что эти «активные состоянія» (какъ мы уже замѣтили) безпрестанно переходятъ одно въ другое. Мы принуждены разсматривать силы, какъ нѣчто единое, потому что, въ дѣйствительности, онѣ не остаются отдѣльными одна отъ другой. На практикѣ мы не можемъ уединить ни одну изъ нихъ, развѣ только для какой либо спеціальной и временной цѣли; она постоянно будетъ ускользать отъ насъ и переходить въ другія формы. Движеніе разрѣшается звукомъ и теплотою; теплота улетучивается въ движеніе, въ химическое или электрическое измѣненіе; электричество пропадаетъ въ искрахъ свѣта, въ магнетизмъ, въ механическихъ расторженіяхъ, въ произведенія химической силы; химическая сила дѣйствуетъ не прежде, какъ когда уже перестаетъ быть химическою, и должна быть узнаваема во взрывахъ, въ электрическихъ токахъ, въ теплотѣ. Никакая сила не можетъ быть задержана въ состояніи неизмѣнности; если намъ нужно удержать ее, то мы безпрестанно должны производить ее вновь. А если такъ, то мы не можемъ изолировать какую бы то ни было силу отъ всѣхъ остальныхъ и въ нашемъ мышленіи о природѣ, какъ не можемъ этого достигнуть въ нашихъ дѣйствіяхъ на нее. Поступать такимъ образомъ — это для ума значило бы дѣлать безразсудство, производить безпорядокъ тамъ, гдѣ царствуетъ совершеннѣйшій порядокъ. Наша сила безпрестанно исчезала бы предъ нами безъ причинъ и появлялась бы вновь безъ необходимости. Мы не иначе можемъ слѣдить за одною изъ силъ, какъ когда признаемъ существенное тожество всѣхъ ихъ. Возьмемъ въ примѣръ дви-

женіе: умъ нашъ вполне обнимаетъ его только тогда, когда онъ понимаетъ его какъ одну и ту же вещь въ пламени, заступающемъ его мѣсто, и въ свѣтѣ, и въ менѣе дѣятельныхъ силахъ магнетизма или химическаго притяженія. Слѣдя за нимъ черезъ всѣ эти измѣненія, мы можемъ увидѣть, что оно, наконецъ, вновь принимаетъ свое первоначальное состояніе и вновь дѣлается движеніемъ.

По сказаніямъ классическихъ поэтовъ, Протей былъ настухъ Нептуна, старикъ и въ высшей степени необыкновенный прорицатель, который разумѣлъ вещи прошедшія и настоящія, равно какъ и будущія; такъ что не только угадывалъ впередъ но и назадъ, то есть, открывалъ и истолковывалъ всякую древность и вообще тайны всякаго рода. Онъ жилъ въ огромной пещерѣ, гдѣ, наблюдая за своими стадами тюленей, онъ обыкновенно, около полудня, начиналъ свои рассказы, и затѣмъ спалъ. Всякій, кто совѣтовался съ нимъ, могъ получить отъ него отвѣтъ не иначе, какъ заковавши въ цѣпи его руки и ноги; тогда онъ, стараясь освободиться, превращался во всевозможныя виды и формы: въ огонь, въ воду, въ дикаго звѣря и проч. пока наконецъ не принималъ опять своего собственнаго образа.

Лордъ Бэконъ, въ своей «*Мудрости древнихъ*» объясняетъ эту басню такимъ образомъ:—Протей представляетъ собою *вещество*; онъ есть слуга Нептуна, потому что вещество дѣйствуетъ главнымъ образомъ въ жидкомъ состояніи; онъ спитъ по окончаніи своихъ рассказовъ, потому что матерія, разъ опредѣливши различныя, виды вещей, перестала производить ихъ. Далѣе, — «если какой нибудь искусный изслѣдователь природы станетъ дѣйствовать на вещество силой и съ намѣреніемъ будетъ его томить и мучить, съ цѣлю уничтожить его, — то оно, доведенное до крайности, будетъ измѣняться и превращаться въ различныя формы и виды, представляющіе странное разнообразіе, — потому что только могущество Создателя можетъ уничтожить или дѣйствительно разрушить его, — такъ что, пройдя наконецъ весь кругъ превращеній и закончивъ свой путь, оно въ нѣкоторой степени снова восстанавливается, если дѣйствіе силы будетъ продолжено.»

Эта басня не менѣе истинна относительно вещества, какъ и относительно силы. Сила также имѣетъ свой кругъ превращеній; она переходитъ отъ одного изъ нихъ къ другому, когда она окончана, т. е. когда встрѣчаетъ сопротивленіе, или когда является какая нибудь помѣха къ продолженію ея въ данной формѣ.

Таково понятіе силы, которое представляет намъ наука. Вещество является намъ въ состояніи непрестанной дѣятельности, т. е. постояннаго измѣненія или склонности къ нему. Эта дѣятельность бываетъ многихъ родовъ и безпрестанно переходитъ изъ одного рода въ другой, но въ сущности она одна. * Мы можемъ изучать ее какъ одну и ту же дѣятельность, и, не обманываясь ея кажущимся исчезновеніемъ или появленіемъ, можемъ прослѣдить ее по всему ея безграничному поприщу. Такимъ образомъ мы охватываемъ нашею мыслию всю природу.

Но вотъ въ нашемъ умѣ возникаетъ вопросъ самой первостепенной важности. Всегда ли въ природѣ одинакова сумма дѣйствія, или она мѣняется, бывая иногда больше, а иногда меньше? Словомъ, получивъ общую идею о силѣ, какъ о чемъ-то единомъ, мы приходимъ, относительно ея, къ повнѣмъ идеямъ: мы начинаемъ дѣлать о ней вопросы—какъ о вещи, о которой мы можемъ спорить—какъ много? какъ мало? больше, или меньше? То есть мы разумѣемъ силу *количественно*.

Это довольно просто, что мы поставляемъ вопросъ—такимъ образомъ. И однако это—камень преткновенія для новѣйшей науки.

Въ самомъ дѣлѣ, количество силы въ природѣ (т. е. количество измѣненія или склонности къ измѣненію) всегда ли одно и то же? Наука отговѣчаетъ на эготъ вопросъ утвердительно. Сумма силы не измѣняется.

Существуетъ два рода доказательствъ, на которыхъ утверждается это положеніе. Впервыхъ свидѣтельство опыта, состоящее въ томъ, что когда какая нибудь форма силы исчезаетъ, то,—насколько мы можемъ слѣдить за фактами,—мѣсто ея всегда заступаетъ другая форма и притомъ въ объемѣ, который мы находимъ одинаковымъ, насколько можемъ измѣрять его. Свойство этой очевидности хорошо выражается въ томъ законѣ, что движеніе прекращается когда оно встрѣчаетъ сопротивленіе и что въ этомъ случаѣ оно въ той же пропорціи передается сопротивляющемуся дѣлу. То же самое представляютъ и всѣ формы силы, доступныя опыту; и хотя рѣдко можно опредѣлить со всею точностію равномерность количества силы во всѣхъ ея перемѣнахъ, за то никогда не

* Читатель можетъ исключить царство органическое изъ этой теоріи, которая тогда будетъ прилагаться только къ одному неорганическому міру.

бываетъ недостатокъ въ доказательствахъ болѣе или менѣе совершеннаго соответствія въ этомъ отношеніи. Высказанное нами предположеніе имѣетъ на своей сторонѣ всевозможную очевидность, какой только оно доступно по своей природѣ. Такъ, относительно гальванизма Фаредэй показалъ, что химическое дѣйствіе, производящее токъ, совершенно равно химическому дѣйствію, производимому этимъ токомъ. Если разложить на свѣту, подѣ лучами солнца, матерію разныхъ цвѣтовъ, то самая темная краска, — поглощающая наиболѣе свѣта, — имѣетъ наиболѣе возвышенную температуру и потому опускается глубже. Далѣе, — Жюль доказалъ, что механическія дѣйствія теплоты до поразительной степени соответственны суммѣ механической силы, употребленной на произведеніе ея. Если известная степень давленія или паденіе съ известной высоты производитъ данную сумму теплоты, то тутъ есть полное основаніе заключать, что та же самая сумма теплоты произведетъ равное давленіе или подыметъ падающее тѣло до равной высоты. Такимъ же точно образомъ, когда сила проходитъ чрезъ длинный рядъ перемѣнъ, то ни въ одномъ моментѣ ея видоизмѣненій нельзя найти доказательства, что она теряетъ или пріобрѣтаетъ что либо въ своемъ объемѣ. Хотя собрать или удержать ее—такъ трудно, что она рѣдко можетъ быть воспроизведена въ точности, однакоже всевозможные признаки несомнѣнно указываютъ на безусловное однообразіе ея суммы.

Но хотя это опытное доказательство въ своемъ мѣстѣ, пожалуй, и не лишнее, оно въ сущности есть доказательство второстепенной важности и отсутствіе его не могло бы набросить никакой тѣни сомнѣнія на наше положеніе, — потому что оно доказываетъ самою природою вещей. Предполагать, что сумма дѣйствій въ природѣ мѣняется—значило бы думать, что вещественные предметы прихотливо измѣняютъ свое собственное состояніе и такимъ образомъ ниспровергаютъ основное правило, на которомъ зиждется наука. Въ самомъ дѣлѣ, постоянство силы въ природѣ уже подразумѣвалось, уже безмолвие было принято, прежде чѣмъ оно было поставлено какъ спеціальнѣйшій вопросъ.

Оно было принято, впервыхъ, въ постоянствѣ законовъ природы и въ разумной связи всѣхъ ея процессовъ. Потому что это постоянство закона, такъ же и связи, проводимой разумомъ, есть не болѣе какъ выраженіе факта, что всякая дѣятельность, дѣйствительная для какого либо даннаго времени, остается

дѣйствительною навсегда, хотя и незамѣтнымъ образомъ. Безъ этого для разума не могло бы существовать никакой гармоніи; если бы сллы рѣшительно переставали дѣйствовать, то изъ этого должны бы были возникнуть перерывы въ природѣ, недостатокъ сообразности между бывшимъ и настоящимъ, и мы сознавали бы это какъ роковую преграду для науки. Безирестанное воспроизведеніе тѣхъ самыхъ состояній, которыя существовали прежде всякаго даннаго порядка перемѣтъ, первообразъ которыхъ химикъ находитъ въ незамѣтныхъ «элементахъ», безирестанно появляющихся вновь подъ всякими формами, служить доказательствомъ постоянства сллы.

Но это постоянство подтверждается также и тѣми доказательствами, которыми подтверждается постоянство вещества. Химикъ, съ помощью своихъ вѣсовъ, положительно знаетъ, что среди всевозможныхъ видоизмѣненій вещества *вѣсъ* его никогда не измѣняется; матерія, — говоритъ онъ, — никогда не пропадаетъ и не прибавляется, потому что сумма вѣса остается неизмѣнно тою же самою. Но отираваясь въ своемъ аргументѣ отъ вѣса, химикъ отирается отъ сллы. «Неисчезаемость матерія» здѣсь подтверждается доказательствомъ, представляемымъ неизмѣнностью одной изъ ея сллъ.

Это важное ученіе о неизмѣнной суммѣ дѣятельности въ природѣ извѣстно подъ именемъ «сохраненія сллы». Выражаясь иначе, сохраненіе сллы состоитъ въ томъ, что когда какою нибудь роль дѣйствія въ физическомъ мірѣ — будетъ или то движеніе или что либо другое, — прекращается, но на мѣсто его возникаетъ другое, равное дѣйствіе. Никогда не бываетъ абсолютнаго прекращенія, никогда не бываетъ абсолютнаго начала. Если какое нибудь дѣйствіе приходитъ въ нещцу, то оно продолжается или замѣняетъ другое дѣйствіе въ другомъ мѣстѣ; если одно какое либо дѣйствіе начинается, то какое либо другое дѣйствіе въ этомъ началѣ находитъ свой конецъ. Наука занимается преслѣдованіемъ этихъ дѣйствій, отираясь къ, когда они незамѣтны, в отношеніи къ предшущимъ, по видимому прекратившимся дѣятельностямъ, всѣ дѣйствія, которыя кажутся одиночными и самостоятельными.

Вслѣдствіе ограниченности нашихъ чувствъ, которыя замѣчаютъ только нѣкоторые изъ многихъ процессовъ дѣйствительно совершающихся въ природѣ, мы постоянно тераемъ цѣнь ея операций. Занежь этой цѣни безирестанно отъ насъ ускользаютъ, и,

появляясь вновь на какомъ нибудь отдаленномъ пунктѣ мѣста или времени, кажутся намъ первообразными и отдѣльными дѣйствіями. Отъ этого несовершенства нашихъ чувствъ—произошло ложное понятіе о различныхъ силахъ, какъ объ отдѣльныхъ другъ отъ друга существованіяхъ, или дѣйствіяхъ; это же было причиною и того, что такое понятіе господствовало такъ долго. Еслибы наши чувства были довольно проникательны, чтобы прослѣдить цѣлый ходъ дѣйствія въ природѣ и узнать его подъ всякою формою, то такая мысль никогда бы и не явилась. Поэтому разумъ устраняетъ ее, вспомяная собою недостаточность чувствъ и научая насъ признавать существованіе того, что мы не можемъ видѣть. Слѣдя за непрерывною цѣпью причинности въ природѣ, онъ на мѣсто воображаемыхъ дѣятелей—ставитъ неизмѣнную дѣятельность.

Одною изъ главныхъ причинъ обмана, въ которой насъ вводятъ чувства въ этомъ отношеніи, служитъ существованіе силы подъ двумя формами: одна—форма осуществленной дѣятельности, каково, напр., движеніе стрѣлы, пущенной изъ лука; и другая—дѣятельности тайной (какъ она была названа въ примѣрѣ теплоты), или наклоненной скрытымъ образомъ, какъ напр. въ натянутой тетивѣ того же лука. Первая изъ этихъ силъ (движеніе) очевидна для всякаго зрителя, послѣдняя (напряженіе) можетъ ускользнуть—или, лучше, навѣрно ускользнетъ—отъ наблюденія всякаго, кто не научился опытомъ узнавать ее. Однакоже очевидно, что объ эти силы суть одно и то же. Движеніе стрѣлы не только происходитъ отъ напряженія луна, но и тождественно съ этимъ напряженіемъ. Последнее дѣлается первымъ, то есть—переходитъ въ него. При этомъ актѣ оно переходитъ изъ скрытой формы въ осязательную. Этотъ случай есть только примѣръ изъ безчисленнаго множества другихъ; и обратный процессъ происходитъ такъ же часто. Осязательно дѣйствующія силы переходятъ въ сокровенную форму. Не только движеніе, такъ сказать, воплощается и исчезаетъ въ *давленіи*: другія силы одинаковымъ же образомъ ускользаютъ отъ наблюденія и только умственный глазъ можетъ замѣтить ихъ существованіе. Теплота, распуская ледъ или испаряя воду, пропадаетъ и кажется исчезнувшею; то же бываетъ со свѣтомъ, когда онъ «поглощается» газами и сообщаетъ имъ новыя химическія свойства, или усиливаетъ тѣ, которыя уже существуютъ.

Такимъ образомъ физическія тѣла представляются намъ (от-

постельно силы) подъ двумя большими и ясно обозначенными отдѣлами. Напряженный или спущенный лукъ можетъ служить типическимъ примѣромъ для того и другого. Первая группа содержитъ въ себѣ силу, готовую и склонную къ дѣйствованію: таковы натянутыя пружины, заключающія въ себѣ механическую силу; паръ, заключающій въ себѣ теплоту; взрывательные составы, содержащіе въ себѣ химическую силу; заряженная электрическая батарея и т. д. * Другая группа находится, относительно силы, въ пассивномъ состояніи; она склонна скорѣе принимать силу, чѣмъ обнаруживать ее; къ этому классу принадлежатъ спущенныя пружины, кристаллы, которые не имѣютъ никакой склонности къ измѣненію своего состава, разряженная электрическая батарея. При изученіи природы всегда необходимо держать въ умѣ это различіе и распознавать—къ какому классу принадлежитъ данное тѣло; потому что едва ли есть хоть одна сила (по всей вѣроятности нѣтъ ни одной), которая бы не существовала въ этомъ двойномъ состояніи, и своимъ присутствіемъ не сообщила бы какимъ нибудь формамъ вещества ихъ отличительныхъ свойствъ.

Изъ этого слѣдуетъ также, что всѣ встрѣчающіяся въ природѣ перемѣны, если ихъ разсматривать относительно силы, суть двухъ родовъ; или, лучше, единое дѣйствіе представляется намъ въ природѣ подъ двумя формами. Въ примѣръ этихъ формъ мы можемъ представить напряженіе и ослабленіе лука, или поднятіе и паденіе тяжести. Въ одномъ изъ этихъ дѣйствій сила влагается въ данныя вещества, въ другомъ — она выходитъ изъ нихъ; первымъ разрядомъ дѣйствій она поглощается, другимъ—издается. Мы поднимаемъ тяжесть съ земли: тутъ наша сила *положена* въ произведеніи возвышеннаго состоянія тяжести; мы даемъ ей участь—и сила, которая подняла ее, возвращается къ активной формѣ. Движеніе, которое пріобрѣтаетъ падающее тѣло, было бы достаточно для того чтобы поднять ту же самую тяжесть на такую же высоту.

Поднятіе тяжести требуетъ съ нашей стороны силы; паденіе же происходитъ, какъ мы сказали, *самостоятельно*. Различіе между этими двумя родами дѣйствій распространено по всей природѣ. И мы видимъ, что такъ и должно быть. Этому требуетъ законъ сохраненія силы; потому что однимъ изъ этихъ дѣйствій сила перестаетъ дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, другимъ—

* Таковы же, очевидно, растения и животныя. Они представляютъ превосходные примѣры громадной группы тѣлъ съ сокрытою силой.

она вступает въ новую дѣятельность; т. е. оба дѣйствія вмѣстѣ представляютъ перемѣну мѣста или формы силы—единственную перемѣну, которая возможна относительно ея, если сумма силы постоянна. Съ силою бываетъ то же, что съ веществомъ: если она является тамъ, гдѣ ея не было, она необходимо перестаетъ быть тамъ, гдѣ она была прежде. Но сила, оставляющая мѣсто прежняго своего пребыванія или переставшая дѣйствовать такъ, какъ она дѣйствовала, есть сама по себѣ уже дѣйствіе; это не просто пассивное состояніе, но активная перемѣна. Мы видимъ ее въ ослабленіи натянутого лука, въ паденіи тяжелаго тѣла, въ соединеніи сродныхъ между собою элементовъ—короче, во всѣхъ процессахъ, которые происходятъ, какъ мы сказали, *самостоятельно* и обнаруживаютъ силу, какъ свой результатъ. Что воѣ эти процессы суть переставаніе силы дѣйствовать тѣмъ способомъ какимъ она дѣйствовала прежде—это доказывается новымъ обнаруженіемъ силы, которое отъ нихъ происходитъ, — движеніемъ, теплотою и проч., которымъ они даютъ начало. Последнія не могли бы произойти безъ предварительной потери другой силы, въ совершенно одинаковомъ количествѣ.

Итакъ, сохраненіе силы имѣетъ два вида. Съ одной стороны оно можетъ быть разсматриваемо просто «какъ количество», мѣняющееся въ распредѣленіи или въ формѣ (какъ мы думаемъ о веществѣ); съ другой—это мѣняющееся распредѣленіе можетъ быть разсматриваемо какъ рядъ соотносительныхъ или взаимно дополняющихъ другъ друга дѣйствій. Изучая природу, мы необходимо должны имѣть въ виду обѣ эти стороны, потому что каждая изъ нихъ взаимно помогаетъ понимать другую. Равнымъ образомъ каждая заключаетъ въ себѣ свою особую истину. Одна признаетъ совершенную тишину, абсолютный покой, который охватываетъ собою и такъ сказать приводитъ къ отдохновенію всякую борьбу и тревогу природы; другая представляетъ непрестанную энергію, вихрь разнообразной дѣятельности, которымъ этотъ покой не только не возмущается, но даже поддерживается. Безпрерывныя измѣненія господствуютъ во всѣхъ вещахъ — потому-что въ сущности нѣтъ никакого измѣненія; эти измѣненія всегда двойственны въ своемъ характерѣ — потому-что собственно нѣтъ никакой перемѣны.

Каждое дѣйствіе въ природѣ заключаетъ въ себѣ—или, лучше, представляетъ собою—два равныя и противоположныя другъ другу дѣйствія. Одно не можетъ быть безъ другого: всадъ, гдѣ мы

замѣчаемъ одно, мы вправѣ искать другого. Мало того,—для истиннаго пониманія міра мы именно должны искать этого другого дѣйствія. Если, напр., одно раскаленное тѣло согрѣваетъ другое того же самаго рода, то, по мѣрѣ возвышенія температуры въ одномъ, она понижается какъ разъ въ той же самой степени въ другомъ. Возрастающая теплота и возрастающій холодъ идутъ въ точности равными шагами. Эти двѣ переменныя—неразлучная пара. Или опять, въ остроумно придуманной батарее, изобрѣтенія Гро-ва, образованіе воды изъ соединенія кислорода и водорода производится посредствомъ гальваническаго тока, который совершенно достаточенъ чтобы разложить подобное же количество воды обратно въ кислородъ и водородъ. Противоположныя дѣйствія въ этихъ случаяхъ очевидны, потому что они совершенно одного и того же рода; форма дѣйствія продолжаетъ оставаться тождественною, хотя направленіе его измѣняется. Но ясно, что то же самое противоположное соотношеніе двухъ силъ могло бы существовать и тогда, когда бы форма ихъ была совершенно различна. Теплота, произведенная паденіемъ тѣла на землю, служитъ примѣромъ такого соотношенія, точно такъ же, какъ теплота, сообщенная одному тѣлу посредствомъ охлажденія другого; электрическая искра, произведенная соединеніемъ двухъ газовъ, такъ же обнаруживаетъ эту противоположность, какъ и обратное разединеніе тѣхъ же самыхъ газовъ. Здѣсь мы, такъ же точно образомъ, видимъ въ одномъ дѣйствіи обнаруженіе, а въ другомъ принятіе силы. Этого правила должно строго держаться повсюду. Будетъ ли дѣло идти о процессахъ простыхъ или сложныхъ, ясныхъ или темныхъ, большихъ или малыхъ—мы никогда не должны терять увѣренности, что каждая переменная имѣетъ при себѣ равную ей, противоположную переменную, которая, хотя бы она была и невидима, тѣмъ не менѣе неизбежно присутствуетъ, и непременно будетъ открыта при тщательномъ розысканіи. Всѣ дѣйствія въ природѣ суть два равныя и противоположныя дѣйствія. Это законъ, не имѣющій никакого исключенія, никакой возможности исключенія. Равнымъ образомъ никакая переменная—никакое кажущееся возникновеніе или окончаніе дѣйствія—не можетъ быть правильнымъ образомъ понята, пока мы не увидимъ его въ этой безусловной связи съ его неразлучнымъ спутникомъ. Намъ хорошо уже извѣстно это правило въ нѣкоторыхъ простыхъ примѣрахъ, но требуется, чтобы мы были увѣрены въ немъ повсюду. Можно сказать, что душа науки состоитъ въ довѣрїи, съ которымъ мы

беремъ этотъ принципъ и прилагаемъ ко всѣмъ случаямъ, какъ бы далеко они ни находились за предѣлами нашего наблюденія, какъ бы ихъ сложность ни была недоступна нашему разъясненію и къ какому бы отдаленному времени ни относилось окончательное совершеніе процесса.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ природы это двойственное дѣйствіе давно уже признано и получило особое имя. Оно называется *вибраціей* (дрожаніемъ). Дрожащее тѣло совершаетъ два равныя движенія: одно—дающее силу, какъ свой результатъ, другое—требующее силы для произведенія его. Маятникъ, падающій съ точки своего возвышенія, пріобрѣтаетъ извѣстную скорость и эта же скоростъ возвращаетъ его къ точкѣ его возвышенія. Паденіе производитъ силу, возвышеніе потребляетъ ее: вотъ два движенія, противоположныя относительно силы.

Далѣе, — очевидно, что это отношеніе двухъ противоположныхъ дѣйствій, которое въ механикѣ называется дрожаніемъ, можетъ быть считаемо таковымъ, въ какомъ бы то ни было родѣ силы. Такъ какъ всякое измѣненіе въ природѣ (заключая въ себѣ силу, какъ всѣ измѣненія) должно состоять изъ двухъ равныхъ и противоположныхъ дѣйствій—изъ прекращенія силы съ одной стороны и возникновенія ея съ другой—то всѣ естественныя измѣненія могутъ быть, безъ натяжки, названы *дрожательными*. Ходъ природы, взятый во всей его цѣлости, есть рядъ—или сложная и безконечная игра — дрожаній, изъ которыхъ нѣкоторыя громадны, другія почти безконечно малы. Большой часовой маятникъ качается посредствомъ размаховъ, которые не перестаютъ производиться и не могутъ перестать, потому что они ничего не теряютъ. Измѣненія, взаимныя потери и прибавки происходятъ только въ частяхъ но въ цѣломъ нѣтъ и не можетъ быть никакой прибыли или убыли. Балансъ остается непогрѣшительнымъ.

Очевидно, этотъ фактъ абсолютной вибраціи происходитъ отъ постоянной равномерности силы и служитъ обнаруженіемъ этой равномерности. Мы не можемъ лучше представить себѣ дѣятельность природы, какъ принявъ ее за огромное, даже безконечное множество дрожаній: это—стремленіе, вихрь, лабиринтъ преходящихъ дѣйствій, мѣняющихъ свое мѣсто, свою форму, уступающихъ одно другому, видоизмѣняющихся и преобразующихся до безконечности, прекращающихся и вновь возникающихъ, не имѣющихъ ничего постоянного, кромѣ строгаго равно-

вѣсія. Въ этомъ именно состоитъ законъ совершеннаго порядка среди кажущейся беспорядочной путаницы; дѣятельность, которая не можетъ уменьшить или увеличить суммы своихъ дѣлъ, такъ же какъ и жизни; необходимость, возводящая случайность въ красоту.

Таково единое истинное *постоянство* въ природѣ: бытіе и дѣйствіе—неизмѣнны. Каковы бы ни были другія кажущіяся постоянства (а ихъ не мало), всѣ они происходятъ отъ безпрестаннаго повторенія условій, которыя ихъ опредѣляютъ. Эти условія не глубоки и не фундаментальны, какъ и всякія другія. Самыя наиболѣе постоянныя формы могутъ разнообразиться,—какъ это и дѣйствительно происходитъ,—но природа все-таки остается тою же самою. То, что для нашихъ чувствъ кажется наиболѣе постояннымъ, можетъ износиться, какъ платье, и быть оставлено. Дѣйствительная неподвижность заключается въ томъ постоянномъ равновѣсіи неувимой силы, которая, въ случаѣ нарушенія его, разорвала бы всякія узы и сдѣлала бы самое естество противоположеннымъ.

Это постоянство силы есть не только ключъ къ единству закона и свободы въ физическомъ мірѣ, къ единству, впечатлительному повсюду, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ разнообразію, почти безграничному, — но оно есть также тайна вѣчной юности міра. Земля и небо, — поютъ ангелы въ «Фаустѣ», —

«Sind herrlich wie am ersten Tag.»

(Прекрасны, какъ и въ первый день творенья.)

Въ каждомъ созданіи творящей силы мы видимъ свѣжесть новаго рожденія; красота первыхъ дней земли возобновляется на ней съ каждою весною. Сердце природы не дряхлѣетъ; порча проходитъ надъ нею, какъ тѣнь, оставляя каждый членъ ея здоровымъ и крѣпкимъ. Такъ и должно быть. Природа не можетъ старѣть; силы ея не могутъ быть истощены. Они постоянно возобновляются, и каждая убыль есть вмѣстѣ съ тѣмъ равномѣрная прибыль. Ни объ одной изъ ея дѣятельностей мы не можемъ сказать: она существовала, мы можемъ только сказать: она существуетъ.

Давно уже было признано, какъ характеристическій выводъ ученія объ абсолютномъ постоянствѣ силы, что никакое наше дѣйствіе никогда не прекращается въ своихъ результатахъ; что каждое слово, которое мы произносимъ, измѣняетъ — и измѣняетъ прочно—состояніе вселенной и, не уменьшаясь въ своей

силъ, проходить чрезъ безконечное время и безграничное пространство. Есть также другой выводъ изъ этого ученія, который считается едва ли не столько же важнымъ. Если всякое естественное дѣйствіе есть дрожаніе и заключаетъ въ себѣ противоположныя и равныя дѣйствія, то общая сумма его въ точности равняется нулю. Эти противоположныя силы похожи на *плюсъ* и *минусъ*, въ общемъ итогѣ дающіе 0. «Во вселенной никогда не бывало силъ, въ какой бы то ни было моментъ дѣйствія, которая не сопровождалась бы другою равною силой, дѣйствующею въ противоположномъ направленіи. Общая сумма всѣхъ силъ во вселенной, поэтому, равна *ничему*; и она всегда представляла такой результатъ.» Объяснимъ это положеніе простымъ примѣромъ въсовъ или коромысла. Вообразимъ, что два противныя движенія въ двухъ направленіяхъ — движеніе вверхъ и движеніе внизъ — сложены вмѣстѣ: не будутъ ли они въ точности равносильны неподвижности обоихъ? Не будутъ ли они (въ глазахъ разума) взаимно уничтожать другъ друга? Въ этомъ примѣрѣ мы видимъ общій типъ. Физическое дѣйствіе есть нуль, такъ сказать, анализированное и разлитое по времени и пространству — ничтожество. Для насъ оно — сила, безконечная сила; но само въ себѣ оно — ничто. Ничто? Нѣтъ. Это картина, это законченный образъ чего-то несравненно болѣе великаго. Это «*ничтожество*» составляетъ гордость нашего мышленія. Открытіе единства силы образуетъ въ насъ убѣжденіе, которое даетъ гармонію нашей умственной жизни. Разнородныя, энергическія дѣйствія природы, приведенныя къ единству, указываютъ на единый фактъ, какъ на ихъ источникъ и тайну, единый фактъ, обнаруживающійся въ безчисленныхъ формахъ, въ безконечной *кажущейся* послѣдовательности, — кажущейся, потому что, въ сущности, этотъ фактъ есть безконечное настоящее.

ДАРВИНЪ И ЕГО ТЕОРІЯ ОБРАЗОВАНІЯ ВИДОВЪ.

I.

Между многочисленными явлениями природы есть одно такое явление, которое всегда приводило въ смущеніе естествоиспытателей. Мы говоримъ о существованіи на поверхности земли множества видовъ растений и животныхъ. Эти виды существовали не во всё времена. Организованныя формы, въ такомъ изобиліи распространенныя вокругъ насъ, относятся, сравнительно говоря, къ недавней эпохѣ въ исторіи міра. Геологія указываетъ на предшествовавшія нынѣшнимъ другія формы, которыя, въ свою очередь, также возникали вслѣдствіе непрерывнаго обновленія фауны и флоры, украшавшихъ поверхность земнаго шара. Всѣ эти формы, какъ современныя намъ, такъ и давно исчезнувшія съ лица земли, должны были, однако, имѣть какое нибудь начало. Отсюда задача *о происхожденіи видовъ*.

Это темное явленіе породило множество разныхъ теорій. Чаще всего, для объясненія образованія видовъ, прибѣгали къ содѣйствію особенной силы, отличной отъ всѣхъ другихъ: зидительной силы.

Но въ глазахъ безпристрастной науки, предположеніе непосредственнаго изведенія различныхъ организованныхъ типовъ имѣетъ только значеніе гипотезы; совершенно равносильной той, по которой я допущу, на примѣръ: существованіе *силы образованія земной (organatrice)* т. е. силы, производящей организацию. Эту силу можно себѣ представить вѣчною, какъ всякая сила; и дѣйствіе ея непрестаннымъ. Стремленія этой силы проявляются въ формѣ органическихъ существъ. Въ колебаніи зву-

ка или свѣта сотрясеніе одной частицы, передаваясь отъ одной къ другой, поражаетъ сотрясеніе въ частицахъ болѣе и болѣе отдаленныхъ; сотрясенія эти нерѣдко продолжаются на весьма значительныхъ разстояніяхъ отъ исходной точки движенія, даже и послѣ прекращенія сотрясенія въ этой точкѣ, вслѣдствіе разныхъ препятствій. Волны продолжаютъ распространяться дальше и дальше концентрическими кругами, несмотря на то, что въ центрѣ этихъ круговъ сотрясеніе частицъ уже прекратилось. Подобнымъ образомъ могло случиться, что *организующая* (образующая) сила распространялась мало по малу, именно въ той связи, которая существуетъ между ея послѣдующими проявленіями съ предыдущими*. Каждое проявленіе нашей силы, то есть, каждое органическое существо, можетъ, какъ въ предшествовавшемъ примѣрѣ, продолжать жить долгое время послѣ своихъ предковъ, истребленныхъ подъ вліяніемъ тысячи разныхъ преградъ къ жизни. Въ этомъ случаѣ, всѣ органическія существа данной эпохи будутъ прямыя потомки существъ, непосредственно предшествовавшихъ имъ во времени. Животныя и растенія даннаго геологическаго періода всегда будутъ, такимъ образомъ, потомками животныхъ и растеній прежнихъ періодовъ и предками для растеній и животныхъ періодовъ послѣдующихъ.

Каждому естествоиспытателю приходится остановиться на которой нибудь изъ этихъ двухъ гипотезъ. Надо допустить или періодически дѣйствующую созидающую силу, или непрерывно дѣйствующую силу организующую. Первая приводитъ къ теоріи послѣдовательныхъ фаунъ и флоръ, вторая—къ теоріи медленнаго преобразованія, изъ котораго нѣкоторые выработали особенную *теорію постепеннаго совершенствованія*. Первая имѣла зна-

* Это сравненіе, вѣроятно, покажется слишкомъ смѣлымъ многимъ читателямъ. Свѣтовые волны въ одной и той же средѣ распространяются со скоростью равномѣрною. Напротивъ, ничто не можетъ быть болѣе неправильнымъ какъ слѣдованіе одного за другимъ поколѣній органическихъ существъ. Неправильность эта, однако, исчезаетъ, если принять во вниманіе тѣ непрерывныя измѣненія, которымъ подвергается каждый организмъ. Клѣточки каждаго живого тѣла непрерывно уничтожаются для того, чтобы дать мѣсто новымъ клѣточкамъ; онѣ слѣдуютъ почти съ такою же неправильностью, съ какою распространяются волны въ колеблющейся средѣ. Водоворотъ жизни не менѣе однообразенъ, чѣмъ распространеніе движенія. Такъ, яйцо представляетъ прежде всего клѣточку произведшаго его организма, ничѣмъ не отличающуюся отъ прочихъ того же организма. Продуктъ этой клѣточки, слѣдовательно, не составляетъ явленія, существенно отличающагося отъ послѣдовательнаго возобновленія клѣточекъ въ организмѣ.

лешныхъ защитниковъ, между которыми на первомъ мѣстѣ можно поставить Ливиса и Кьюве; они и до сихъ поръ вообще въ почетѣ. Представителями второй, между прочими, были Лямаркъ и Гѣте; положенія ихъ,—съ нѣкоторыми, впрочемъ, ограниченными,—были приняты Жофруа-Сентъ-Илеромъ.

Если взвѣсить выгоды и невыгоды обѣихъ теорій, то становится неудивительнымъ, почему повсюду и во всѣ времена, первая изъ нихъ по преимуществу привлекала поборниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте, что совершенно безпристрастный человѣкъ захотѣлъ бы хладнокровно вникнуть въ обѣ теоріи. Онъ не можетъ потребовать отъ теоріи послѣдовательнаго творчества видовъ—никакого образчика творчества. Теорія эта требуетъ допущенія большихъ промежутковъ времени, въ продолженіе которыхъ зиждительная сила остается недѣйствующею, и поборники ея утверждаютъ, что мы находимся въ одномъ изъ такихъ періодовъ недѣятельности этой силы. Тогда какъ тотъ же безпристрастный человѣкъ отъ теоріи преобразования видовъ—имѣетъ полное право требовать доказательствъ въ подтвержденіе ея истинности, потому что эта теорія предполагаетъ измѣняемость родовъ непрерывною. Слѣдовательно, обѣ теоріи происхожденія видовъ поставлены въ условія весьма различныя. Одна по своей сущности такова, что отъ нея невозможно требовать, чтобы она опиралась на положительные аргументы; но эта самая ея несостоятельность ставитъ ее въ сильное, почти неприступное положеніе. Другая, напротивъ, принуждена отвѣчать на всѣ сомнѣнія въ ея правотѣ. И какъ бы ни были искусны ея защитники, ихъ неудовлетворительныя объясненія служатъ исходной точкой для новыхъ нападеній. Неудивительно, поэтому, что нашъ безпристрастный судья, пресытившись возраженіями противъ теоріи постепеннаго преобразования видовъ, обращается съ предпочтеніемъ къ теоріи послѣдовательнаго ихъ созиданія. И дѣйствительно, послѣдняя имѣетъ въ настоящее время за собой преимущество—оставаться безъ нападеній, потому что она не въ состояніи защищаться.

Если такая образовательная сила, какою мы ее опредѣлили, дѣйствительно существуетъ въ природѣ, то ясно, что ея продукты, должны безпрестанно измѣняться, подъ вліяніемъ вѣчно измѣняющихся условій, посреди которыхъ появлялись эти продукты. Но дѣйствительно—ли происходятъ эти измѣненія и такъ

ле значительны они, чтобы произвести преобразование вида? Это-то намъ и желательно рассмотреть. Ламаркъ сдѣлалъ попытку подобнаго изслѣдованія, но попытка эта осталась безплодною. Онъ полагалъ, что всякое измѣненіе мѣстныхъ условій окружающей среды производитъ дѣйствіе на животныхъ, напримѣръ, рождая для нихъ такимъ образомъ новыя потребности. Эти потребности побуждаютъ животныхъ къ новымъ поступкамъ и привычкамъ, заставляя ихъ прибѣгать къ частому употребленію тѣхъ изъ своихъ органовъ, которые прежде оставались бесполезными, или не представляли первостепенной важности. Частое упражненіе необходимо должно подѣйствовать на особенное развитіе этихъ частей тѣла, между тѣмъ какъ другіе органы, сдѣлавшіеся бесполезными, понемногу атрофируются, т. е. теряютъ способность дѣйствовать. Теорія эта, однако, оказалась недостаточною для объясненія нѣкоторыхъ фактовъ, и приложенія, какія дѣлалъ изъ нея знаменитый ея авторъ, по необходимости пораждали новыя гипотезы, часто смѣшныя. Опыты Гёте имѣли тоже не много успѣха.

Послѣдніе отголоски теоріи Ламарка умерли вмѣстѣ съ Этьенномъ-Жофруа Сентъ-Илеромъ, и современные естество-испытатели, кажется, согласны между собой, возводя предположеніе о постоянствѣ видовъ какъ бы въ научный догматъ. Правда, нѣкоторые, какъ напримѣръ Альфонсъ де-Кандоль и Изидоръ-Жофруа Сентъ-Илеръ, стоятъ за измѣняемость вида, но измѣняемость ограниченную, которая нисколько не ослабляетъ догмата постоянства.

Но въ то время, когда теорія постепеннаго преобразованія видовъ казалась уже забытою, вдругъ выступаютъ два неожиданные бойца Дарвинъ и Уэллесъ, готовые поддержать ее новыми аргументами. Гениальныя соображенія, которыя эти ученые высказали противъ ученія о постоянствѣ типовъ, были причиною самыхъ энергическихъ споровъ въ Англіи и Америкѣ. Нельзя, по этому, не признать аргументовъ этихъ ученыхъ безусловно достойными вниманія и даже въ высшей степени важными. Незамѣчательному, но вовсе не случайному стеченію обстоятельствъ, два челоѣка, жители двухъ, очень отдаленныхъ одна отъ другой, странъ, пришли одновременно къ разработкѣ одной и той же теоріи происхожденія видовъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что теорія эта необходимо должна была ро-

дѣтся въ нашу эпоху, вслѣдствіе медленнаго, но постояннаго возрастанія нашихъ зоологическихъ, ботаническихъ и геологическихъ познаній *? Эти два человека не ограничились обнародованіемъ только однихъ кабинетныхъ выводовъ. Какъ тотъ такъ и другой долгое время жили посреди самой грандіозной природы. И они оба посвятили многіе годы созерцанію органическаго міра и изученію его тайнъ. Имя Дарвина съ давняго времени пользуется репутаціей далеко выступающей изъ круга обыкновенныхъ спеціалістовъ. Этому именно ученому мы обязаны почти всѣми свѣдѣніями, какія мы имѣемъ объ образованіи коралловыхъ острововъ. Всякому, хоть по слухамъ, извѣстны гигантскія работы звѣдчатыхъ коралловъ подъ волнами Тихаго океана; всякому извѣстно что эти крошечныя животныя своею безчисленностію и своимъ медленнымъ, но постояннымъ развитіемъ производятъ цѣлыя острова, выдвигающіеся изъ нѣдръ морскихъ; всѣмъ знакомы, по крайней мѣрѣ изъ рисунковъ, коралловые острова и рифы Полинезіи. И всѣ эти свѣдѣнія въ наше время стали популярными, благодаря въ особенности наблюденіямъ Дарвина **. Этому же ученому мы обязаны увлекательнымъ описаніемъ путешествія, совершеннаго имъ вокругъ свѣта, въ 1831—1835 годахъ. Описаніе это *** посвященное почти исключительно наблюденіямъ по естественной исторіи, преимущественно геологическимъ, тѣмъ не менѣе составляетъ въ высшей степени занимательное и легкое чтеніе, даже для лицъ, мало знакомыхъ съ наукой. Книга эта была принята съ необыкновенной благосклонностію читающимъ міромъ, и лучшимъ доказательствомъ этого служить быстрота, съ какою слѣдуютъ ея изданія одно за другимъ. Ученымъ, кромѣ того, извѣстно имя Дарвина по многочисленнымъ его трудамъ—болѣе спеціальнымъ, которыхъ достоинство признано повсюду. Таковы сочиненія этого автора о вулканическихъ островахъ, о геологіи Южной Америки и записки его о наносныхъ выгудахъ и о вулканическихъ явленіяхъ той же части Америки. Перечитывая въ настоящее время прежнія сочиненія Дарвина,

* Удѣлось познакомиться съ главнѣйшими чертами своей теоріи всего только въсколькими журнальными статьями, изъ которыхъ самая замѣчательная была помѣщена въ томъ же номерѣ «Journal of the Linnean Society», въ которой помѣщена первый очеркъ совершенно одинаковой теоріи Дарвина.

** См. сочиненіе этого ученаго, подъ заглавіемъ Structure and Distribution of Coral Reefs.

*** Journal of researches into the natural History and Geology of the countries visited during the voyage of H. M. S. Beagle round the world, by Ch. Darwin.

нельзя не замѣтить въ нихъ первыхъ зародышей его теоріи происхожденія видовъ. Но эта теорія еще не вполне ясно проведена въ нихъ. Напротивъ, новое сочиненіе Дарвина, появившееся въ 1859 г., уже прямо, однимъ своимъ заглавіемъ, * указываетъ на цѣль, съ которою оно написано. Въ самомъ дѣлѣ, оно называется: «*О происхожденіи видовъ*». Сочиненіе это, богатое тонкими наблюденіями и гениальными взглядами, есть не болѣе какъ предвѣстникъ болѣе обширнаго сочиненія о томъ же предметѣ. Оно, однако, содержитъ въ себѣ не только объясненіе новой теоріи, но и множество оправдывающихъ ее фактовъ, богатую жатву доказательствъ, способныхъ ее поддерживать. Оно, слѣдовательно, совершенно достаточно для того, чтобы считать позволительнымъ оцѣнивать положенія автора, опровергать ихъ и защищать. Это самое мы и предполагаемъ въ настоящемъ изслѣдованіи.

Дарвинъ положительно высказывается противъ ученія о постоянствѣ видовъ. Онъ полагаетъ, что виды, принадлежащіе къ одному роду, происходятъ путемъ генераций отъ другихъ видовъ, болшею частью пресѣкшихся, такъ же какъ разновидности (*variétés*) еще существующаго вида происходятъ отъ нормальнаго типа этого вида. Чтобы получить возможность слѣдить за Дарвиномъ въ изложеніи причинъ, служащихъ въ пользу этой теоріи, необходимо ознакомиться съ существующими измѣненіями видовъ.

Начнемъ съ видовъ животныхъ и растений, перешедшихъ въ состояніе домашнихъ.

Домашнія животныя и виды растений съ давнихъ временъ обрабатываемыя, представляютъ видоизмѣненія болѣе многочисленныя и болѣе значительныя, чѣмъ виды животныхъ и растений, которыя никогда не подвергались вліянію человѣка. Фактъ этотъ настолько извѣстенъ, что для его подтвержденія мы считаемъ излишнимъ приводить примѣры. Если вѣрить Андрию Найту (*Andrew Knight*), эта болшая степень измѣняемости находится въ прямой зависимости отъ излишества доставляемой животнымъ и растениямъ пищи, происходящаго отъ условій домашняго ихъ быта.

Какъ бы то ни было, обширное разнообразіе видовъ домашнихъ животныхъ и культурныхъ растений происходитъ непременно отъ условій ихъ жизни. Ручное состояніе порождаетъ, дѣйствительно,

* On the origin of Species, by Ch. Darwin London, 1859.

условія гораздо менше однообразныя, чѣмъ дикое. Важно, поэтому, изучить эти различныя условія и опредѣлить тѣ, которыя остаются одинаковыми въ состояніи дикомъ и домашнемъ. Не менше интересно было бы отыскать—какія условія дѣйствуютъ сильнѣе подъ вліяніемъ человѣка. Много говорили не только о вліяніи пищи (Найтъ), но и теплоты, свѣта, сырости и проч. на преобразование видовъ. Вся эти условія неопровержимо вліяютъ на видоизмѣненія животныхъ и растений. Невозможно сомнѣваться въ дѣйствіи свѣта при образовании цвѣтовъ или въ дѣйствіи температуры и пищи на обиліе шерсти. Но одни эти условія не произведутъ глубокаго измѣненія видового типа. Такое измѣненіе можетъ быть увеличено или усложнено посредствомъ другихъ вліяній, изъ которыхъ одни очевидны, другія загадочны. Въ числѣ первыхъ можно упомянуть объ употребленіи или бездѣйствіи извѣстныхъ органовъ; между вторыми упомянемъ о явленіи, которое Дарвинъ называлъ *соотнормленіемъ приращенія*. Частое употребленіе развиваетъ до чрезмѣрной степени соски коровъ и овецъ, если съ ними обращаться правильно. Наоборотъ, не слѣдуетъ ли отнести къ недѣятельности ушныхъ мускуловъ то состояніе вислицъ ушей, которое характеризуетъ нѣкоторые виды домашнихъ животныхъ, мало подверженныхъ тревогамъ? Подъ выраженіемъ *соотнормленія приращенія* Дарвинъ подразумѣваетъ тотъ фактъ, что нѣкоторыя видоизмѣненія влекутъ за собою очень часто другія, и при этомъ трудно услѣдить за нитью, связывающею одно съ другимъ эти измѣненія. Такъ напримѣръ, извѣстные яды дѣйствуетъ совершенно иначе на бѣлыхъ овецъ или бѣлыхъ свиней, чѣмъ на пестрыхъ животныхъ того же самаго вида; собаки, лишонныя шерсти, отличаются несовершенствомъ зубовъ; голуби съ мохнатыми ногами—на наружныхъ пальцахъ имѣютъ перепонки; кошки съ голубыми глазами—обыкновенно глухи и т. д.

Вотъ уже довольно много сложныхъ причинъ, способныхъ, при извѣстной комбинаціи между собой, произвести видоизмѣненія и различія въ нашихъ домашнихъ животныхъ и прозябаемыхъ. Но есть еще и другія. Могло случиться, что нѣкоторыя изъ нашихъ домашнихъ животныхъ произошли отъ многократно повторенной помѣси породъ, вначалѣ бывшихъ совершенно отличными другъ отъ друга. Эта гипотеза, правда, противорѣчитъ общепринятому мнѣнію, по которому два различные вида никогда не могутъ произвести, посредствомъ помѣ-

си, породу, которая бы потомъ продолжалась въ длинномъ ряду поколѣній. Во всякомъ случаѣ, это послѣднее мнѣніе, выражаемое такъ рѣшительно, и само представляетъ не болѣе какъ гипотезу. Дарвинъ имѣлъ полное право предположить, что два или болѣе вида, первоначально различавшіеся другъ отъ друга, могли смѣшаться между собой отъ скрещиванія и сдѣлаться такимъ образомъ родоначальниками известной породы домашнихъ животныхъ. Гибель (Giebel) и многіе другіе, держались этого самаго мнѣнія относительно происхожденія видовъ собакъ. Ясно, что ежели такія смѣшенія видовъ имѣли мѣсто въ древнюю эпоху, то они могутъ служить достаточнымъ объясненіемъ известныхъ видоизмѣненій. Эти послѣднія рождались бы, въ такомъ случаѣ подъ вліяніемъ очень известнаго закона *возвращенія къ типу*. Известно, что натуралисты опредѣляютъ этимъ словомъ стремленіе помѣсой и ублюдковъ возвращаться, въ своемъ потомствѣ, къ которому нибудь изъ первоначальныхъ типовъ, приближался къ нему, отъ поколѣнія къ поколѣнію, все ближе и ближе.

Тѣ, которые не захотятъ допустить вѣроятія подобнаго скрещиванія двухъ видовъ, должны, однако, признать возможность его между двумя породами одного и того же вида. Скрещиваніе такихъ двухъ породъ можетъ произвести среднюю между обѣими новую породу, въ которой будутъ проявляться, подъ вліяніемъ закона возвращенія къ типу, измѣненія, стремящіяся къ осуществленію той или другой первоначальной породы.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ измѣненій видовъ домашнихъ животныхъ надо еще прибавить замѣчательное вліяніе, которое, если не рождаетъ новыхъ видоизмѣненій, то увеличиваетъ значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, посредствомъ распространенія. Мы хотимъ говорить объ умышленномъ или неумышленномъ стараніи человѣка—сохранить преимущественно нѣкоторыя случайныя отличія, и ввести ихъ мало по малу въ породу. Скотоводамъ удалось произвести въ промежутокъ времени, относительно не большой, новыя породы, часто весьма отличныя отъ тѣхъ, которыя служили за исходную точку ихъ опытамъ. Чтобы придти къ такому результату, скотоводы стараются скрещивать между собой только индивиды, случай но представляющіе въ себѣ совокупленіе известныхъ особенностей, которыя скотоводамъ желательно обратить въ постоянныя. Благодаря стремленію природы, — замѣчаемому вообще на родителяхъ, — передавать дѣтямъ особенности, отличающія ихъ родителей, большая часть особей, происшедшихъ отъ

перваго скрещиванія представляютъ качества, желаемыя скотоводомъ. Послѣдній стараетсяъ сохранить на племя именно только эти индивиды, прочіе удаляетъ. Изъ рода въ родъ, количество индивидовъ обладающихъ требуемыми качествами, увеличивается, и наконецъ эти особенныя качества составляютъ постоянный удѣлъ породы, такимъ способомъ образованной. Таковъ порядокъ, которому слѣдуютъ въ примѣненіяхъ системы умышленнаго или сознательнаго развитія породъ не только животныхъ, но и растений.

Тому же порядку выбора слѣдуетъ человѣкъ и безсознательно, достигая и въ этомъ случаѣ результатовъ столь же поразительныхъ. Земледѣльцы всегда старались разводить лучшіе сорта фруктовыхъ деревьевъ, овощей и хлѣбовъ, тогда какъ сорта, не представлявшіе выгоды, они переставали разводить и даже намѣренно ихъ уничтожали. Благодаря этой сортировкѣ, повторяемой въ теченіе вѣковъ, лучшія породы деревьевъ нашихъ фруктовыхъ садовъ и огородныхъ растений постоянно измѣнялись, къ нашей выгодѣ, и образовали новыя породы, много лучшія своихъ древнихъ предковъ. Садовники классическаго періода, въ то время когда они ухаживали за лучшими грушами, какія имъ были доступны, вѣрно не думали о тѣхъ пышныхъ плодахъ, которые мы ѣдимъ теперь; несмотря на то, мы обязаны отчасти современнымъ превосходствомъ плодовъ тому исключительному старанію, съ какимъ садовники былаго времени сохраняли свои лучшіе сорта.

Какое разстояніе между махровыми фіалками нашихъ цвѣтниковъ, и скромными луговыми фіалками; между богатой розой и простымъ шиповнымъ цвѣтомъ! И однако же эти чудесныя превращенія произошли единственно отъ долговременнаго старанія садовниковъ, которые вовсе не сознавали и не имѣли въ виду результатовъ, къ которымъ привело ихъ постоянное предпочтеніе, оказываемое лучшимъ, т. е. отборнымъ, сортамъ. У Дарвина этотъ родъ безсознательнаго предпочтенія такъ и называется *отборностію* (selection).

Эта отборность, это улучшеніе, мало по малу достигающіе результаты, которыхъ даже и въ виду не имѣлось, примѣняются не только къ растеніямъ, но и къ животнымъ. Такъ охотникъ сохраняетъ по преимуществу потомковъ тѣхъ изъ своихъ собакъ, которыя лучше отыскивали дичь, и не держитъ такихъ, которыя ему относительно менѣе полезны. Фермеръ сохраняетъ

породу лучшей из своих сторожевых собак, плодовитѣйшей из своих куръ, и жертвуетъ преимущественно индивидами, изъ которыхъ онъ извлекаетъ наименьшую выгоду.

Изъ всѣхъ причинъ, разнообразящихъ виды домашнихъ животныхъ, *отборность*,—будетъ ли она сознательная, систематическая и быстрое или безсознательная и медленная, по тѣмъ болѣе дѣйствительная,—по мнѣнію Дарвина, есть самая важная. Ея вліяніе лучше всего доказывается на голубяхъ. Въ Англии столько любителей голубей, что они имѣютъ свой особенный клубъ. Оттого мало по малу въ этой странѣ образовалось множество самыхъ разнообразныхъ породъ голубей, которыя извѣстны у англичанъ подъ разными названіями (*tumblers, barbs, rants, routers, carriers, fan-tails*, и т. д.). Всѣ эти породы происходятъ отъ одной и той же породы *colombia livia*. Онѣ, болѣею частью теперь очень постоянны и любители голубей съ презрѣніемъ улыбаются, если естествоиспытатель вздумаетъ увѣрять ихъ, что эти различныя породы произошли отъ общихъ предковъ.

Разсмотрѣвъ причины измѣненій породъ домашнихъ животныхъ и условія, при которыхъ образуются породы подъ вліяніемъ челоуѣка, мы обратимъ теперь наше вниманіе на животныхъ и растенія, находящіяся въ природномъ быту.

Въ дикомъ состояніи виды животныхъ разнообразятся точно такъ же, какъ и въ домашнемъ, хотя, по видимому, въ границахъ болѣе тѣсныхъ. Надо, поэтому, отыскать—какого рода эти измѣненія и подъ какимъ вліяніемъ они происходятъ. Такія изысканія сопровождаются довольно значительными затрудненіями. Иногда, напримѣръ, чрезвычайно трудно опредѣлить, слѣдуетъ ли разсматривать ту или другую форму животную или растительную, какъ разновидность извѣстнаго вида или какъ особый видъ. Эти сомнительныя виды въ дѣйствительности очень многочисленны. Въ одной, напримѣръ, великобританской флорѣ Уатсонъ насчитываетъ сто восемьдесятъ два растенія, которыя считались, поочередно, то за разновидности, то за особые виды. Не говоря уже о родахъ не столь многоформенныхъ, простое сближеніе трудовъ Бабингтона и Бентама доставило Дарвину не менѣе ста тридцати девяти сомнительныхъ видовъ на двѣсти пятьдесятъ одинъ. Невозможно заниматься изслѣдованіемъ фауны и флоры безъ того, чтобы не быть пораженнымъ тѣмъ фактомъ, что различіе между разновидностями и видами у различныхъ естествоиспытателей весьма неопредѣленно и произвольно.

Несмотря на множество опредѣлений, до сихъ поръ никто не успѣлъ провести ясной черты между видами и расами или под-видами, если позволительно употребить этотъ терминъ Линка, между подвидами и рѣзкими разновидностями, между малоизмѣняемыми разновидностями и различіями чисто индивидуальными. По этому можно утверждать, что свойства разновидностей и чисто индивидуальных особенностей до сихъ поръ были слишкомъ пренебрегаемы натуралистами, сравнительно съ такъ называемыми специфическими свойствами.

Дарвинъ, напротивъ, обращаетъ очень серьезное вниманіе на индивидуальные видоизмѣненія. Далѣе читатель увидитъ—какую важность они представляютъ для его теории.

Виды, принятые естествоиспытателями, далеко не всѣ одинаково измѣняемы. Правда, часто случается, что одинъ видъ кажется намъ болѣе измѣчивымъ чѣмъ другой, по единственной причинѣ, что первый лучше намъ извѣстенъ. По этому зоологи и ботаники исчисляють многочисленныя разновидности почти всѣхъ полезныхъ или обращающихъ почему либо на себя особенное вниманіе видовъ. Во всякомъ случаѣ, совершенно достоверно, что измѣняемость видовъ далека отъ того, чтобы быть постоянною. Альфонсъ де Кандоль подмѣтилъ уже тотъ фактъ, что растенія, которыхъ географическое распредѣленіе очень обширно, представляютъ вообще разновидности. Дарвинъ изучалъ этотъ предметъ особеннымъ, очень счастливымъ способомъ. Разсматривая виды, какъ простые разновидности, только болѣе выразительныя и точнѣе опредѣленныя, онъ пришолъ къ предположенію, что виды большихъ родовъ, то есть родовъ, отличающихся многочисленностью видовъ должны представлять болѣе частыя измѣненія, чѣмъ виды малыхъ родовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если на извѣстной мѣстности распредѣлено много смежныхъ видовъ (т. е. видовъ одного рода), то можно ожидать порожденія еще многочисленныхъ разновидностей. Если на какомъ нибудь мѣстѣ растеть много высокихъ деревьевъ, то тамъ же находятъ обыкновенно безчисленные ихъ отпрыски; точно также, если на какой нибудь мѣстности много видовъ, принадлежащихъ къ одному роду, родилось отъ одного первоначального типа, то, значитъ, обстоятельства должны были благоприятствовать этимъ измѣненіямъ, и слѣдовательно, можно заключать, что они и теперь вообще таковы. Напротивъ, если виды, вмѣсто того чтобы произойти отъ измѣненій предшествовавшихъ типовъ, со-

оставляютъ, вслѣдствіе самъ по себѣ, особый актъ созданія, то нѣтъ никакой причины быть болѣе частымъ видоизмѣненіямъ въ родахъ, богатыхъ видами, чѣмъ въ родѣ не многочисленномъ.

Факты говорятъ здѣсь скорѣе въ пользу гипотезы Дарвина, чѣмъ въ пользу предположенія отдѣльнаго сотворенія. Этотъ ученый вздумалъ раздѣлить растенія, вмѣсто двѣнадцати областей, и жесткокрылыхъ насѣкомыхъ (coleoptera), вмѣсто двухъ округовъ, на двѣ почти равныя группы, изъ которыхъ одна содержитъ въ себѣ роды болѣе обильные видами, другая—менѣе обильные. Онъ постоянно находилъ, что количество видовъ, подверженныхъ измѣняемости, больше въ первой группѣ. Кроме того виды, подверженныя измѣняемости въ большихъ родахъ представляютъ всегда разновидности болѣе многочисленныя, чѣмъ виды, подверженные измѣняемости, но принадлежащія къ малымъ родамъ.

Такъ какъ виды большихъ родовъ болѣе другихъ способны разнообразиться, и такъ какъ разновидности составляютъ, по Дарвину, не что иное какъ начинающіеся виды, то очевидно, что эти роды стремятся сдѣлаться болѣе и болѣе богатыми количествомъ видовъ. Въ то же время, правда, какъ это показываетъ Дарвинъ въ другомъ мѣстѣ, эти большіе роды стремятся раздѣляться на многіе меньшіе. Таковъ медленно прогрессивный ходъ природы.

Сдѣлавъ это отступленіе, по поводу значенія разновидностей между видами, въ природномъ ихъ быту, возвратимся къ изученію условій, которыя сопровождаютъ образованіе этихъ разновидностей.

Условія, производящія измѣненіе видовъ домашнихъ животныхъ, должны равнымъ образомъ дѣйствовать и на виды дикихъ животныхъ. Одного, правда, условія здѣсь не достаетъ, условія самаго энергическаго, самаго дѣйствительнаго изъ всѣхъ; именно—сознательной или бессознательной *отборности*, производимой человекомъ. Но это вліяніе въ дикомъ состояніи замѣняется вліяніемъ совершенно аналогическимъ, открытіе котораго вполне достаточно для того, чтобы обезсмертить имя Дарвина. Я хочу сказать о естественной *отборности* (natural selection).

Органическія существа на поверхности земного шара находятся въ постоянной борьбѣ одни противъ другихъ. Большая часть изъ нихъ скоро погибаютъ въ этой борьбѣ за жизнь; побѣдителей, которые одни успѣваютъ продолжать свое бытіе въ про-

долженіе болѣе и менѣе продолжительнаго времени, относительно небольшого числа. У животныхъ борьба эта очевидна; у прозябаемыхъ она хотя и болѣе скрыта, но, конечно не менѣе энергична. Возьмемъ примѣръ. Въ странѣ, вся поверхность которой покрыта обильною растительностію, — какъ это очень можно допустить, — почва содержитъ приблизительно тахішимъ растений, которыя она въ состояніи только пропитать. Каждое изъ этихъ растений принесетъ кучу сѣмянъ. Нѣкоторыя растенія, напримеръ хвойныя, принесутъ миліоны и даже миліарды сѣмянъ въ теченіе своего индивидуальнаго существованія. И однако же ни одно растеніе въ продолженіе всей своей жизни не можетъ произвести среднимъ числомъ болѣе *одного* зерна, способнаго развиться, потому что земля, будучи покрыта тахішимъ возможной растительности, не можетъ представить условій, необходимыхъ для развитія новаго растенія безъ того, чтобы не погнбло какое нибудь другое растеніе. Между множествомъ сѣмянъ только очень небольшое количество достигнетъ своего полнаго развитія, и растенія, которыя стремятся сохраниться, неизнуемо должны вступить въ борьбу съ прежними.

Борьба за жизнь (struggle for life) существуетъ, какъ мы видимъ и въ царствѣ животномъ и въ царствѣ прозябаемомъ. Должны, слѣдовательно, быть побѣдители и побѣжденные, а кто будетъ побѣдителемъ — на это легко отвѣчать. Въ самомъ дѣлѣ, всякій индивидъ, обладающій индивидуальною особенностію, способною дать ему перевѣсъ въ борьбѣ, непремѣнно одолѣетъ своихъ однородныхъ. Такой индивидъ будетъ имѣть на своей сторонѣ гораздо болѣе шансовъ, чѣмъ другой, произвести многочисленное потомство, и это потомство будетъ заключать въ себѣ, согласно съ закономъ атавизма (сходства съ предками, особенно съ родителями), очень большое число особей, обладающихъ тою же самою особенностію, которой предки ихъ обязаны побѣдой. Съ каждымъ поколѣніемъ число индивидовъ, остающихся побѣдителями по одной и той же причинѣ будетъ возрастать и такимъ образомъ постепенно образуется разновидность или раса, характеризующаяся обладаніемъ этой особенности. Тутъ, слѣдовательно, безъ всякаго содѣйствія чловѣка происходитъ явленіе аналогическое съ отборностію, производимую скотоводами и земледѣльцами. И вотъ это и есть *естественная отборность*, которою явленіе можно вкратцѣ очертить словами: много званныхъ, но мало избранныхъ.

Августинъ Пирранусъ де-Кандоль, Линнъ и Гербертъ уже становили на существованіи борьбы, которая происходитъ такимъ образомъ между видами. Дарвинъ, однако, чувствительно измѣнилъ смыслъ этой *борьбы за жизнь*, принимая за главную побѣду произведеніе болѣе или менѣе значительнаго потомства. Необходимость борьбы происходитъ изъ посвѣпности, съ какою особи каждаго вида размножаются. Линней уже вычислилъ, что если бы растеніе приносило по два зерна въ годъ, потомъ каждое изъ новыхъ двухъ растеній на слѣдующій годъ давало бы два новыхъ зерна и такъ далѣе, то потомство одного зерна въ двадцатый годъ равнялось бы двадцати миліонамъ растеній. Слоны—животное, которое воспроизводится медленнѣе всякаго другого, такъ какъ слониха приноситъ всего шестерыхъ дѣтей между 30 и 90 годами своей жизни; и между тѣмъ потомство одной четы слоновъ въ теченіе пяти вѣковъ могло бы достигнуть до 15 миліоновъ особей. Недостатокъ пищи, къ счастью, противится такому быстрому размноженію. Борьба за жизнь, по сущности своей, есть то же ученіе Мальтуса, приспособленное къ совокупности царствъ животнаго и растительнаго. Въ дѣйствительности, причины, ограничивающія число индивидовъ каждаго вида чрезвычайно сложны; иногда ихъ невозможно различить. Климатъ и большее или меньшее обиліе пищи производятъ въ этомъ смыслѣ неопровержимое вліяніе. Но вліяніе это, кажется, вообще преувеличено; и тутъ, какъ повсюду, не надо упускать изъ вида *случайность*. Часто достаточно обстоятельствъ, повидимому, совершенно незначущихъ, чтобы произвести или быстрое приращеніе или такую же убыль въ числѣ индивидовъ, принадлежащихъ къ одному виду. Дарвинъ приводитъ любопытные примѣры такихъ случаевъ. Въ графствѣ сюррейскомъ находятся громадныя вересковыя пространства земли, перерѣзанныя кое-гдѣ, на длинныхъ промежуткахъ, небольшими рощами ельника. Достаточно окружить нѣкоторую часть земли въ этомъ мѣстѣ заборомъ, чтобы окружное пространство стало тотчасъ заростать лѣсомъ. Вліяніе оградъ здѣсь очевидно. Сѣмена деревьевъ, разносимыя вѣтрами, тотчасъ начинаютъ прозябать; между тѣмъ они никогда не могли бы развиваться въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, потому что они мнутса ногами животныхъ. Слѣдующій примѣръ еще исключительнѣе. Никто не повѣритъ, что обиліе фіалокъ и краснаго трилистника находится въ зависимости отъ количества кошекъ. Это, однако, иногда бываетъ, если вѣрить Дарвину. И дѣйствительно, эти цвѣты пло-

дятся только при условіи, если на нихъ налетаютъ шмели, которые переносятъ оплодотворяющую пыль съ тычинокъ мужскаго цвѣтка на пестикъ женскаго. Количество шмелей зависитъ числа крысъ, которыя истребляютъ ихъ гнѣзда и восковыя ячейки. Ньюманъ (Newman) полагаетъ, что болѣе двухъ третей шмелей Великобританіи погибаетъ такимъ образомъ. Наконецъ кошки нападаютъ на крысъ. Поэтому не сомнѣнъ невѣроятно, что обилію кошекъ приписывается многочисленность фіалокъ и краснаго трилистника по близости селеній.

Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы показать, до какой степени сложны элементы, вліяющіе на результатъ борьбы за существованіе. Во всѣхъ случаяхъ позволительно утверждать, что наиболѣе горячая борьба происходитъ здѣсь между недѣлимыми одного и того же вида, потому что они занимаютъ одні и тѣ же границы, требуютъ одной и той же пищи и подвержены однімъ и тѣмъ же опасностямъ. Сверхъ того, — такъ какъ виды одного и того же рода вообще имѣютъ между собою нѣкоторое сходство въ строеніи и привычкахъ, и всегда тождественную организацію, — борьба между ними, при ихъ встрѣчѣ, будетъ жарче, чѣмъ какая произошла бы между видами различныхъ родовъ.

Мы видѣли выше, что борьба за существованіе приводитъ къ такъ называемой у Дарвина естественной отборности. Эта послѣдняя должна произвести измѣненія видовъ болѣе многочисленныхъ и поразительныхъ, нежели какія могли бы произойти отъ методической или безсознательной отборности, производимой человекомъ. Въ самомъ дѣлѣ, человекъ дѣйствуетъ только на свойства внѣшнія и видимыя, между тѣмъ какъ естественная отборность, заботясь только о томъ, что полезно для индивида, часто дѣйствуетъ на внутренніе органы, на самые легкіе отгѣнки тѣлосложенія, на цѣлый механизмъ жизни. Она можетъ дѣйствовать на существа организованныя, и измѣнять ихъ во всякомъ возрастѣ, накопляя измѣненія, пригодныя для этого возраста. Она можетъ измѣнить фізіономію насѣкомаго, такъ же какъ животнаго совершеннаго. У животныхъ, живущихъ обществами, она можетъ измѣнять каждое недѣлимое въ интересахъ общины.

Естественная отборность часто обнаруживается какъ отборность половая, основанная на борьбѣ — уже не за право существованіе, а — за обладаніе самками. Результатомъ борьбы бываетъ вообще — не смерть побѣжденнаго совѣстника, а только — его невозможность

оставить по себѣ, многочисленное потомство. Такъ пѣтухъ безъ шапоро неспособенъ приобрести обладаніе хорошимъ гаремомъ изъ куръ; такъ олень безъ лѣса не въ состояніи найти себѣ подругу. Этотъ родъ битвы случается очень часто, чему доказательствомъ служатъ аллигаторы, лососи и проч. Тогда борьба принимаетъ болѣе мирный характеръ. Самцы нѣкоторыхъ видовъ птицъ—напр. райскихъ и другихъ—слетаются къ самкамъ и стараются соблазнить ихъ красотой своихъ перьевъ и своимъ прекраснымъ голосомъ. Въ этомъ случаѣ яркость перьевъ взрослога самца и превосходство его голоса, сравнительно съ молодыми индивидами, можетъ быть результатомъ половой отборности, повторяемой въ теченіе долгаго времени. Въ общемъ правилѣ Дарвину не кажется невѣроятнымъ, что бѣольшая часть различныхъ структуръ, цвѣтовъ и украшеній, встрѣчаемыхъ у самцовъ и самокъ нѣкоторыхъ видовъ, происходитъ въ сущности отъ медленнаго и постепеннаго дѣйствія половой отборности.

Нѣкоторыя обстоятельства могутъ ускорить образованіе разновидностей путемъ естественной отборности. Къ числу самыхъ важныхъ обстоятельствъ этого рода, кажется, можно отнести уединенность необширныхъ странъ. Страна небольшая и изолированная, напр., какойнибудь островъ среди моря, говоря вообще, представитъ намъ условія жизни, отличающіяся замѣчательнымъ единообразіемъ. Поэтому, естественная отборность будетъ здѣсь клониться къ тому, чтобы, соответственно одинаковымъ условіямъ существованія, измѣнить одинаковымъ образомъ недѣлимый видъ, подлежащаго измѣненіямъ. Помѣси съ недѣлимыми того же вида, недѣлимыми, которыя, при другихъ обстоятельствахъ, жили бы въ сосѣднихъ странахъ, будутъ невозможны, и произведенныя разновидности будутъ имѣть чрезъ это однимъ случаемъ меньше—возвратиться къ первоначальному типу. Безъ сомнѣнія, еще энергичнѣе уединенность страны дѣйствуетъ тѣмъ, что препятствуетъ поселенію въ ней видовъ болѣе сильныхъ, или лучше принаровленныхъ къ физическимъ измѣненіямъ (каковы напр. перемѣны климата, поднятіе почвы и проч.), которымъ можетъ подвергнуться данная страна. Это препятствіе къ поселенію другихъ видовъ, локализируя (сосредоточивая на одномъ извѣстномъ мѣстѣ) борьбу за существованіе, даетъ каждой новой разновидности, образовавшейся на почвѣ страны, время постепенно совершенствоваться и дѣлаться новымъ видомъ. Однако же, для способствованія къ происхожденію новыхъ видовъ вовсе нѣтъ на-

добысти въ томъ , чтобы уединенное пространство земли было слишкомъ мало, потому что въ такомъ случаѣ малочисленность индивидовъ въ соответственной степени уменьшитъ благоприятные шансы для произведенія новыхъ видоизмѣненій.

Впрочемъ, каково бы ни было значеніе уединенности обширной страны для образованія видовъ, Дарвинъ придаетъ большую важность огромнымъ протяженіямъ странъ, гдѣ индивиды многочисленны и борьба энергична. Въ самомъ дѣлѣ, подъ влияніемъ подобныхъ обстоятельствъ могутъ произойти только сильныя виды, способныя распространяться далеко и держаться въ теченіе долгаго періода времени.

Эти — чисто теоретическія, но очень остроумныя — соображенія совершенно согласны съ наблюденіемъ. На очень маленькомъ островѣ борьба за существованіе была менѣе сильна; поэтому истребленіе нѣкоторыхъ породъ или нѣкоторыхъ видовъ должно было быть менѣе частымъ, и, слѣдовательно, новыя видоизмѣненія тамъ были менѣе изобильны. Отсюда, можетъ быть, происходитъ фактъ, открытый однимъ ученымъ цюрихскимъ профессоромъ, Освальдомъ Геромъ, что флора остр. Мадеры похожа на третичную флору Европы. Такимъ же образомъ бассейны прѣсной воды, разсматриваемыя во всей ихъ совокупности, составляютъ относительно очень малое пространство; слѣдовательно, между живущими въ ней видами борьба за существованіе менѣе энергична, тѣмъ между видами, населяющими землю, или моря: поэтому и измѣненія видовъ прѣсной воды будутъ относительно не очень быстры и существенны. Въ подтвержденіе этой теоріи можно указать на тотъ фактъ, что въ прѣсныхъ водахъ мы находимъ только семь родовъ угольчаточешуйныхъ рыбъ — единственные остатки отъ огромнаго порядка, нѣкогда распространеннаго въ изобиліи по всѣмъ водамъ земнаго шара, Не въ прѣсныхъ ли водахъ мы встрѣчаемъ также формы повидному, самыя аномальныя для настоящаго міра — углоносовъ и лепидосиренъ, настоящія живыя окаменѣлости, служащія посредствующимъ звеномъ между классами, нынѣ раздѣленными между собою цѣлою бездною въ цѣпи существъ ?

Согласно теоріи Дарвина, виды маленькихъ очень уединенныхъ острововъ должны быть, относительно, менѣе сильны чѣмъ виды континентовъ; они не были укрѣплены борьбою столь энергичною, какова была битва въ которой континентальныя виды

весторжествовали. Это новое требование теории также подтверждается фактами; всякому, например, известно, съ какою быстротою растенія острововъ Полинезій изнемогаютъ въ борьбѣ съ растеніями европейскими и другими, которыя ввозятъ мореплаватели въ эту страну.

Словомъ, по мнѣнію Дарвина, огромныя материкъ представляють наиболѣе благопріятныя условія для произведенія новыхъ видовъ, лишь бы только эти материкъ были подвержены колебаніямъ своего уровня. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ обширныхъ странахъ борьба жарче и упорнѣе. Ихъ обитатели, многочисленные недѣлимые и виды, находятся въ постоянныхъ схваткахъ другъ съ другомъ. Когда, вслѣдствіе пониженія почвы, эти континенты раздѣлятся на многіе большіе острова, то на каждомъ изъ острововъ останется еще большое число представителей каждаго вида. Съ этой минуты помѣси между обитателями разныхъ острововъ сдѣлаются невозможными; переселенія будутъ пріостановлены, борьба потеряетъ свою горячность и на каждомъ островѣ созданныя такимъ образомъ новыя условія существованія стануть дѣйствовать посвоему. Въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ и тысячелѣтій естественная отборность накопитъ множество безконечно малыхъ измѣненій, которыя, наконецъ, произведутъ многочисленныя разновидности; за тѣмъ послѣдуетъ новая геологическая перемѣна. Возвышеніе почвы вновь соединитъ острова въ цѣльный материкъ. Ихъ населенія перемѣшаются между собою и борьба возобновится съ прежнею силой. Наиболѣе сильныя изъ многочисленныхъ, медленно образовавшихся, разновидностей одержатъ верхъ на своихъ слабѣйшими соперниками. Послѣдніе, мало по малу, сдѣлаются болѣе рѣдкими и наконецъ исчезнутъ; между тѣмъ какъ первые, оставаясь хозяевами почвы, создадутъ соотвѣтствующее число новыхъ видовъ. Эти виды стануть измѣняться въ свою очередь подъ вліяніемъ возможныхъ перемѣнъ въ условіяхъ жизни и подъ защитою естественной отборности.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что численное развитіе одной отборности происходитъ всегда въ ущербъ другой. менѣе благопріятствуюемой обстоятельствами и осужденной на то, чтобы дѣлаться все болѣе и болѣе рѣдкою. Но рѣдкость, по ученію геологій, предшествуетъ уничтоженію. Слѣдовательно, рѣдкіе виды, не будучи въ состояніи производить съ быстротою новыя разновидности, по необходимости будутъ побѣждены, въ битвѣ жизни, разнообразно измѣнившимися потомками видовъ обыкновенныхъ. Такимъ то обра-

зомъ, появленіе новыхъ видовъ влечетъ за собою уничтоженіе старыхъ типовъ. Сверхъ того, извѣстно—съ какою быстрою нѣкоторыя породы быковъ и барановъ и нѣкоторыя разновидности цвѣтовъ заступаютъ мѣсто смежныхъ съ ними породъ и разновидностей. Въ Йоркширѣ можно опредѣлить время когда старая бычачья порода была замѣнена породой съ длинными рогами, «которая въ свою очередь, по выраженію одного агронома, была истреблена породой съ короткими рогами, какъ будто морозомъ лавой.»

Если разновидности суть дѣйствительно возникающіе виды, то какимъ образомъ маленькія различія, отдѣляющія эти разновидности одни отъ другихъ, дѣлаются различіями столь существенными, — достаточными для приданія видамъ особеннаго отличительнаго характера? На этотъ вопросъ Дарвинъ, не затрудняясь отвѣчаетъ: У домашнихъ животныхъ несходства между двумя разновидностями возрастаютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; посредствующія формы постепенно исчезаютъ, и наконецъ являютъ двѣ породы, рѣзко отличающіяся одна отъ другой. Причину этого исчезновенія посредствующихъ формъ понять легко. Аматоры любятъ только крайности. Одинъ предпочитаетъ голубей съ короткимъ носомъ, другой — съ длиннымъ. Различіе между двумя этими категоріями голубей вначалѣ будетъ начтожно, но такъ какъ оба разрада любителей стремятся къ противоположнымъ крайностямъ и никто не думаетъ сохранять носы средніе, то это различіе сдѣлается, наконецъ, очень значительнымъ. Такимъ же образомъ лошади скаковая и лошадь ломовая несомнѣнно были вначалѣ очень похожи одна на другую, но заводчики, ищущіе въ виду двѣ, очень различныя одна отъ другой, цѣли, довели наконецъ до крайности несходства качествъ этихъ животныхъ. По мнѣнію Дарвина; то же самое происходитъ и въ природѣ. Опытъ показалъ, что для произведенія наиболѣе значительнаго количества лошадинаго корма на данной почвѣ достаточно засѣять ее многими видами злаковъ или многими сортами одного и того же вида. Слѣдовательно, наиболѣе несходныя разновидности всегда размножаются быстрѣе, нежели разновидности очень похожія между собою и, разумѣется, эти несходныя разновидности должны, наконецъ, уничтожить разновидности посредствующія. То же самое происходитъ съ животными. Видъ плотоядныхъ, питаясь только живою добычей, не можетъ мнѣжаться въ данной мѣстности, по рѣдкости подобной пищи. Но

разновидность этого вида, которая измѣнитъ свой образъ жизни до того, что станетъ питаться трунами, будетъ имѣть болѣе шансовъ къ существованію нежели всякая другая разновидность, болѣе близкая къ первоначальному типу и которая питается живою добычей.

Я только вкратцѣ привелъ аргументы, на которые опирается Дарвинъ. Но и сказаннаго мной я считаю достаточнымъ для доказательства, что чѣмъ болѣе разновидности одного вида расходятся между собою, тѣмъ болѣе онѣ имѣютъ шансовъ успѣха въ борьбѣ за существованіе. Онѣ поражаютъ многочисленное потомство, подверженное съ своей стороны многимъ видоизмѣненіямъ, между тѣмъ какъ разновидности посредствующія клонятся къ неизбѣжному исчезновенію.

Натуралисты часто старались представить родословное дерево видовъ, принадлежащихъ съ одному и тому же классу. Дарвинъ пользуется этимъ удачнымъ уподобленіемъ. Зеленныя вѣтви, снабженныя отпрысками, суть виды настоящіе; отпрыски—это разновидности, или возникающіе, будущіе виды; побѣги предшествующихъ лѣтъ представляютъ длинный послѣдовательный рядъ угасшихъ видовъ. Въ каждый періодъ возрастанія всѣ сучья старались раскинуться вѣтвями въ разныхъ направленіяхъ, лечь на сосѣднихъ вѣтвяхъ и заглушить ихъ, такъ же какъ это дѣлаютъ виды въ борьбѣ за жизнь. Большіе сучья, раздѣленные на сучья меньшіе, которые сами, въ свою очередь, даютъ рожденіе многочисленнымъ вѣтвямъ, были нѣкогда простыми отпрысками, во время молодости дерева. Эта связь отпрысковъ нынѣшнихъ съ отпрысками прежними, устанавливаемая посредствомъ развѣтвленныхъ сучьевъ, служитъ очень хорошимъ изображеніемъ классификаціи всѣхъ видовъ живущихъ и умирающихъ, представляя ихъ группами, подчиненными одна другой. Изъ многочисленныхъ вѣтвей, которыя благоденствовали въ то время, когда дерево было еще кустомъ, теперь существуютъ только двѣ или три, держащія на себѣ всѣ болѣе молодые сучья. Не служитъ ли это изображеніемъ геологической послѣдовательности существъ? Виды, распространенные въ первобытныхъ моряхъ, были многочисленны; но только малое число изъ нихъ дало жизнь длинному ряду потомковъ, видоизмѣняющихся все болѣе и болѣе. Многіе сучья, многія вѣтви куста, сдѣлавшагося деревомъ, засохли и отвалились. Это — порядки, семейства, погибшіе роды, которые не имѣютъ никакихъ представителей въ нынѣ существующемъ мірѣ. Наконецъ, какъ иногда тамъ и сямъ мы видимъ

одинокія палочки, дѣлныя и тонкія, которыя торчатъ изъ какаго нибудь внутренняго раздвоенія дерева, мы такимъ же образомъ находимъ въ нынѣшней природѣ какаго нибудь одинокаго угкопса, или лепидоспрену—утраченное воспоминаніе о давно-минувшихъ эпохахъ.

Таковъ превосходный механизмъ, съ помощью котораго теорія Дарвина показываетъ, что индивидуальныя варьяціи видовъ клонятся къ образованію разновидностей, предназначенныхъ сдѣлаться въ послѣдствіи прочными породами и наконецъ совершенно новыми видами. Столь замѣчательное, столь энергическое вліяніе человеческой отборности на образованіе породъ животныхъ домашнихъ, въ дикомъ состояніи замѣняется дѣйствіемъ, можетъ быть, не столько скорымъ, но еще болѣе энергическимъ—дѣйствіемъ естественной отборности. Она-то именно заботится о томъ, чтобы продлить существованіе нѣкоторыхъ индивидуальныхъ различій, упрочить ихъ и произвести изъ нихъ новые виды.

Правда, естественная отборность не *создаетъ* различій; она только упрочиваетъ ихъ существованіе, когда они появились, и усиливаетъ ихъ. Истинныя причины этихъ различій заключаются не въ ней. Они многочисленны и сложны, по, безъ сомнѣнія, управляются извѣстными законами. Дарвинъ въ своихъ изслѣдованіяхъ не упустилъ и этого предмета, которому онъ посвятилъ главу, исполненную высокаго интереса. Мы уже сказали нѣсколько словъ о причинахъ измѣненія по поводу домашнихъ животныхъ. Теперь мы можемъ дополнить этотъ предметъ, разсмотрѣвъ его болѣе общимъ образомъ.

По мнѣнію Дарвина, дѣйствіе пищи, климата и т. под. крайне слабо для измѣненія видовъ, въ особенности относительно животныхъ. Однакоже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно вѣроятно. Такъ Эдуардъ Форбесъ думалъ, что раковины представляютъ болѣе яркіе цвѣта на южныхъ предѣлахъ ихъ географической полосы и въ неглубокихъ водахъ. По словамъ Гоулда, перья птицъ подъ яснымъ небомъ отличаются болѣе яркими красками, а Уолластонъ допускаетъ большое вліяніе мѣстности на цвѣтъ насекомыхъ.

Недостатокъ упражненія извѣстныхъ органовъ тоже можетъ произвести нѣкоторыя измѣненія въ дикихъ животныхъ, какъ онъ производитъ таковыя въ животныхъ домашнихъ. Къ этой-то причинѣ Дарвинъ относитъ неспособность летать, замѣчаемую у многихъ птицъ, живущихъ на такихъ остро-

вахъ, гдѣ нѣтъ плотоядныхъ животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти птицы, не будучи никогда преслѣдуемы, теряютъ привычку пользоваться своими крыльями. На Мадерѣ изъ пяти сотъ пятидесяти видовъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ Уолластонъ насчитываетъ двѣсти, которыхъ крылья слишкомъ не развиты для летанія. На этомъ островѣ нѣтъ цѣлыхъ группъ жесткокрылыхъ, привыкшихъ летать и распространенныхъ повсюду. Можетъ быть, въ продолженіе цѣлыхъ тысячъ генераций, насѣкомыя, которыя чаще всѣхъ другихъ подымались на воздухъ, были вѣтромъ загоняемы въ море. Въ этомъ случаѣ ихъ смерть дала полный просторъ индивидамъ, которые, по несовершенному устройству своихъ крыльевъ, были мало способны летать. За то насѣкомыя по преимуществу воздушныя, каковы бабочки, имѣютъ на Мадерѣ крылья, относительно, большей величины. Несомнѣнно, что эти органы развились въ у нихъ слѣдствіе употребленія, соединеннаго съ естественной отборностью, потому что индивиды съ большими крыльями болѣе способны бороться противъ вѣтра. Такимъ же образомъ, повидимому, недостатокъ упражненія для глазъ сдѣлалъ слѣпыми столько животныхъ, населяющихъ пещеры Штирїи, Кентукки и другихъ странъ. Это мнѣніе тѣмъ правдоподобнѣе, что животныя пещеръ принадлежатъ къ весьма различнымъ группамъ. По замѣчанію Дана, слѣпыя животныя американскихъ пещеръ близки, по своему естественному средству, не къ слѣпымъ животнымъ Европы, а къ видамъ американскимъ, обладающимъ хорошими глазами. Такимъ же образомъ многія слѣпыя животныя европейскихъ пещеръ, съ зоологической точки зрѣнія, находятся въ близкомъ родствѣ съ животными, имѣющими глаза и живущими въ сосѣднихъ странахъ. Намъ было бы необыкновенно трудно—разумнымъ образомъ объяснить такое родство, еслибы мы приняли мысль, что каждый изъ этихъ видовъ былъ созданъ природою особо. Правда, между животными пещеръ есть нѣкоторыя, имѣющія очень ненормальную организацію, какъ американскій *amblyopsis*, между рыбами, и аделъсбергскій протей, между пресмыкающимися. Но такъ какъ борьба за существованіе во внутренности пещеръ была не сильна, то неудивительно, что тамъ сохранились многіе старыя типы.

Феномены соотношенія роста могутъ явиться какъ причины измѣненія въ дикихъ видахъ, такъ же какъ въ видахъ домашнихъ. Мы уже привели довольно примѣровъ этого соотноше-

нiя; Дарвинъ представляетъ много другихъ. Такъ у нѣкоторыхъ аястанковъ (*pelargonium*), когда центральный цвѣтокъ верхушки теряетъ темныя пятна, на двухъ верхнихъ лепесткахъ, то смежный медовникъ совершенно пропадаетъ. Если пятна не достаетъ только на одномъ изъ лепестковъ, то медовникъ бываетъ только меньше, чѣмъ въ нормальномъ состоянiи. Должно, однакоже, быть очень осмотрительнымъ въ приложенiи этого закона соотношенiя въ возрастанiи. Въ самомъ дѣлѣ, мы часто можемъ быть введены въ искушенiе — приписывать этому соотношенiю нѣкоторыя измѣненiя, которыя просто наследованы отъ предковъ. Можетъ случиться, напримѣръ, что одинъ индивидъ передаетъ своимъ потомкамъ извѣстную особенность, которая, путемъ естественной отборности, сдѣлается постоянною. Послѣ нѣсколькихъ тысячъ поколѣнiй опять какая нибудь новая особенность, совершенно независимая отъ прежней, можетъ сдѣлаться, въ свою очередь, принадлежностью этой породы. Въ этомъ случаѣ было бы ошибочно — искать извѣстнаго соотношенiя между двумя особенностями, которыя на самомъ дѣлѣ совершенно чужды одна другой. Такъ Альфонсъ де-Кандоль замѣтилъ, что въ неразверзаемомъ (*indéhiscent*) плодѣ никогда не бываетъ перистыхъ зеренъ. Дарвинъ говоритъ, что изъ этого нельзя выводитъ соотношенiе возрастанiя. Въ самомъ дѣлѣ, если перистыя сѣмена образовались путемъ естественной отборности, то, очевидно, они могли образоваться только въ плодахъ разверзаемыхъ. Изученiе феноменовъ соотношенiя роста очень трудно. Понятно, что въ извѣстныхъ случаяхъ перемѣна устройства одного органа въ минуту его появленiя можетъ повлечь за собою измѣненiя въ органахъ, которые развиваются позднѣе; но множество другихъ соотношенiй остаются неостижимыми.

Наблюденiе открываетъ извѣстные, довольно странные законы, которымъ подвержены измѣненiя органовъ. Такъ всякiй органъ, развитый у какого нибудь вида до крайности, сравнительно съ видами смежными, способенъ разнообразиться въ сильной мѣрѣ. Этотъ законъ, повидному столь странный, объясняется очень хорошо теорiей Дарвина. Въ самомъ дѣлѣ, когда индивидъ, обладающiй органомъ, развитымъ до крайности, даетъ начало роду или виду, отличающемуся уже самымъ развитiемъ этого органа, то должно ожидать, что этотъ органъ будетъ очень измѣняться въ величинѣ у потомковъ этого главы племени. Это также необходимое послѣдствiе наклонности, —

которую всегда имѣютъ потомки, — возвращаться къ первоначальному типу своихъ предковъ. Потребно очень значительное время для того, чтобы новый видъ прочно установился; но, по истечении этого времени, такое возвращеніе къ первоначальному типу сдѣлается очень рѣдкимъ и даже перестанетъ обнаруживаться.

Наклонность видовъ возвращаться къ первоначальному типу представляетъ Дарвину превосходный аргументъ въ пользу его теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, различные виды часто представляютъ сходныя измѣненія, и мы нерѣдко замѣчаемъ, что разновидности какого нибудь вида заимствуютъ свойства отъ видовъ смежныхъ. Этотъ странный феноменъ объясняется совершенно естественно, если всѣ виды одного рода происходятъ отъ одного общаго предка. Въ такомъ случаѣ это есть не что иное, какъ простое проявленіе хорошо извѣстнаго закона возвращенія къ типу. Замѣчательный примѣръ этого факта, приводимый Дарвиномъ, относится къ различнымъ видамъ семейства *equus* (лошадь).

На ногахъ осла часто встрѣчаются поперечныя полосы, сходныя съ полосами зебры. Часто также его плечевая кость бываетъ двойная. У геміона (степной конь) эта кость съ такимъ устройствомъ существуетъ въ видѣ исключенія, а ноги жеребятъ этого вида обыкновенно покрыты зебровыми полосами. Квагга (*equus quagga*), которой тѣло полосато, какъ у зебры, обыкновенно не имѣетъ полосъ на ногахъ, однакоже докторъ Грэй описываетъ одинъ экземпляръ этого вида съ зебрированными ногами. Въ Англій Дарвинъ замѣтилъ также зебриры на ногахъ и параллельныя полосы на плечахъ у большого числа лошадей, особенно у лошадей темной масти. Еще болѣе этого: лошади породы *каттиварь*, въ Индіи, имѣютъ полосу на спинѣ, полосы наплечныя, зебриры на ногахъ и на головѣ и притомъ такъ постоянно, что индивиды, у которыхъ недостаетъ какой нибудь части изъ этихъ отмітокъ, не считаются лошадьми чистой породы. Еще въ болѣе высокой степени мы встрѣчаемъ эту полосатость у помѣсей разныхъ видовъ, — не только у помѣсей осла и зебры или геміона и зебры, но даже у помѣсей между осломъ и лошадью, или между осломъ и геміономъ. Все это хорошо объясняется, если допустить, вмѣстѣ съ Дарвиномъ, что лошадь, оселъ, геміонъ, квагга, зебра происходятъ отъ одного общаго предка, отдѣленнаго отъ нихъ нѣсколькими тысячами поколѣній, — предка, ке-

термъ, вѣроятно, былъ подосать, какъ зебра, хотя, можетъ быть, очень непохожъ на нее въ другихъ отношеніяхъ.

Предшествующія страницы достаточны для того, чтобы дать ясное понятіе о теоріи Дарвина, которую можно резюмировать слѣдующимъ образомъ:

Все животныя и растительныя виды настоящей эпохи происходятъ къ прямой линіи отъ видовъ, которые жили во время предшествующихъ зоологическихъ эпохъ. Нѣкоторыя индивидуальныя измѣненія, происшедшія подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, клонятся къ образованію разновидностей, потомъ — новыхъ породъ, при помощи естественной отборности. Изъ всѣхъ породъ, происшедшихъ отъ одного и того же вида, наиболѣе несходныя, остаются въ живыхъ, между тѣмъ какъ посредствующія расы уничтожаются въ битвѣ жизни. Тогда остающіяся породы считаются отдѣльными видами.

Такова теорія Дарвина, теорія, по нашему мнѣнію, много обѣщающая въ будущемъ. Одни признають ее гениальною мыслью, другіе — правдоподобною гипотезой; но никто не въ состояніи отказать ея автору въ замѣчательной тонкости наблюденій.

Для обсужденія этой теоріи надобно поставить ее лицомъ къ лицу съ фактами, повѣрить ее пробнымъ камнемъ практическаго приложенія. Посмотримъ же теперь на Дарвина за дѣломъ, посмотримъ на его опыты рѣшенія важнѣйшихъ задачъ органической природы.

Ни одна изъ нихъ не пугаетъ его; онъ приступаетъ къ нимъ съ хладнокровіемъ; и если ему суждено разрѣшить ихъ, то это будетъ лучшимъ доказательствомъ того, что онъ сумѣлъ найти путеводную нить въ лабиринтѣ созданія. Многіе назовутъ эти опыты безразсудными; многіе обвиняютъ ученаго англичанина въ томъ, что онъ хочетъ взять приступомъ скалу Сизнафа. Эти упреки, можетъ быть, отчасти основательны. Тѣмъ не менѣе надо удивляться мужеству автора, который стремится къ великой цѣли — понять вселенную. Понять вселенную — это, дѣйствительно, равняется возможности пересоздать ее, какъ недавно сказалъ одинъ талантливый критикъ по поводу философіи Гегеля. И только герой не отступитъ предъ такою задачей. Пересоздать міръ! пересоздать по крайней мѣрѣ органическую природу! какой подавляющій трудъ! Правда, Дарвинъ не можетъ взять его на себя во всей его необъятности; но это потому, что онъ не можетъ располагать мириадами вѣковъ, необходимыми для выпол-

ненія такой необъятной задачи. Французская поговорка гласитъ, что «Римъ былъ построенъ не въ одинъ день». Какимъ же образомъ жизнь человѣка можетъ быть достаточкою для того, чтобы положить основы новому пониманію всего міра или хоть только міра органическаго?

Въ слѣдующей статьѣ мы покажемъ, какъ умѣетъ Дарвинъ отстаивать свои положенія и обращать въ ихъ защиту аргументы, представляемые нѣкоторыми естественными феноменами, повидимому, въ пользу его противниковъ. Теперь же мы ограничимся указаніемъ, съ какою вразумительностію новая теорія относится къ двумъ задачамъ весьма высокой важности, именно къ географическому распредѣленію организованныхъ существъ и къ единству сложенія существъ, принадлежащихъ къ одному и тому же отдѣлу.

Начнемъ съ географическаго распредѣленія органическихъ существъ. Разсматривая распредѣленіе органическихъ существъ на земномъ шарѣ, невозможно не замѣтить, что оно произошло не просто отъ вліянія климата или другихъ физическихъ условій. Австралія, южная Африка и южная Америка, между 25-мъ и 35-мъ градусами широты заключаютъ страны очень сходныя между собою по физическимъ условіямъ. Однако же трудно найти три фауны и три флоры болѣе несходныя, чѣмъ фауна и флора этихъ странъ. Органическія существа, живущія подъ 35° ю. ш. въ южной Америкѣ имѣютъ поразительное сходство съ тѣми, которыя живутъ подъ 25° с. ш. въ сѣверной Америкѣ. Подобные же факты можно бы привести относительно морскихъ произведеній. Можно даже сказать вообще, что есть большое сродство между произведеніями одного и того же материка или моря, хотя виды и были различны въ разныхъ полосахъ этого материка или моря. Подвигаясь съ юга на сѣверъ по одному и тому же континенту, странствующій наблюдатель бываегь пораженъ тѣмъ, что разныя группы животныхъ, близкихъ между собою родственниковъ, хотя специфически различныхъ между собою, послѣдовательно смѣняютъ одна другую. Онъ слышитъ почти одинаковое пѣніе почти одинаковыхъ птицъ; онъ видитъ, что онѣ вьютъ похожія гнѣзда и кладутъ яйца, испещренныя почти одинаковымъ образомъ. Напр. равнины, находящіяся вблизи Магелланова прилива, населены пандунами (американскій страусъ), а далѣе къ сѣверу другая большая птица живетъ на равнинахъ Ла-Платы. Это опять-таки пандунъ, а не страусъ, не казуаръ—

большія бѣговые птицы, населяющія Африку и Австралію, подѣтъ же самымъ градусомъ широты. Въ этихъ же долнинахъ Ла-Плагы мы встрѣчаемъ агуты и вискашей,—грызуновъ, которыхъ привычки напоминаютъ намъ образъ жизни нашихъ зайцевъ и кроликовъ, но которые принадлежатъ совершенно къ американскому типу. Взбираясь на крутыя вершины Кордильеръ, мы находимъ тамъ другой видъ вискашей, исключительно альпійскій; дѣлѣе, въ водахъ, мы находимъ—не бобра, не мускусовую крысу, а койпуса и морскую свинку—другихъ грызуновъ американскаго типа. На островахъ, прилежащихъ къ матеріку Новаго Свѣта, мы опять видимъ этотъ жъ самый типъ, мы снова встрѣчаемъ даже этотъ особый *facies* (обликъ), если можно здѣсь употребить этотъ техничeskій терминъ, — даже у земныхъ и морскихъ американскихъ окаменѣлостей третичнаго періода. Такимъ образомъ существуетъ сокровенная связь, которая, сквозь времена и пространство, соединяетъ между собою всѣ эти организмы одного и того же континента.

По мнѣнію Дарвина, эту связь служитъ передача типа по наслѣдству. Общность происхожденія есть причина сходственныхъ чертъ, какъ естественная отборность есть причина несходства. Сходство разныхъ фаунъ и разныхъ флоръ на одномъ большомъ материкѣ или въ одномъ большомъ морѣ приводитъ къ мысли, что настоящее распределеніе земель и морей восходитъ къ очень древней эпохѣ.

Но если сходство показываетъ общую генеалогію то должно допустить, что всѣ виды одного и того же рода происходятъ отъ общихъ родителей. Этимъ хорошо объясняется — почему столько родовъ и даже семействъ встрѣчается въ одной странѣ. Что касается до родовъ, которыхъ виды въ настоящее время распределены по всѣмъ почти странамъ земнаго шара,—должно думать, что они сформировались первоначально въ одной странѣ и затѣмъ мало по малу выселялись оттуда по разнымъ направленіямъ. Объяснить эти эмиграціи во многихъ случаяхъ очень трудно, въ особенности когда родъ, о которомъ идетъ дѣло, не восходитъ къ очень древней геологической эпохѣ.

Теорія Дарвина, въ этомъ отношеніи, находится въ полномъ согласіи съ теоріей центровъ созданія. По той и другой каждый видъ рождается на одномъ пунктѣ, изъ котораго онъ лучеобразно расходится, мало по-малу, по разнымъ направленіямъ,

но теорія Дарвина принасываетъ виду медленное и постепенно; образованіе насчетъ прежде существовавшаго тѣла; по теоріи же центровъ созданія, виды вообще происходятъ отъ непосредственнаго дѣйствія творческой силы.

Здѣсь факты сильно подтверждаютъ теорію Дарвина. Европа, Австралія и южная Америка не имѣютъ ни одного вида млекопитающихъ, который былъ бы общимъ для этихъ странъ. Однакоже условія существованія въ нихъ такъ сходны, что множество европейскихъ животныхъ и растений были, при содѣйствіи человѣка, натурализованы въ Австраліи и Америкѣ. Сверхъ того, существуетъ нѣкоторое число коренныхъ туземныхъ растений, общихъ всѣмъ тремъ странамъ. Нечего удивляться тому, что эти страны, столь отдаленныя одна отъ другой, не имѣютъ сходныхъ млекопитающихъ; потому что средства этихъ животныхъ къ переселенію очень малочисленны. Существованіе нѣкоторыхъ растений, общихъ этимъ странамъ, также не очень удивительно, если мы вспомнимъ легкость, съ какою сѣмена извѣстныхъ прозябаемыхъ переносятся чрезъ большія разстоянія. Впрочемъ мы дальше увидимъ какъ происходитъ это перенесеніе.

Итакъ, большія различія между фаунами и флорами странъ, отдаленныхъ одна отъ другой, но пользующихся сходнымъ климатомъ, и большое однообразіе между частями одного и того же материка или моря—заставляютъ насъ заключить, вмѣстѣ съ Дарвиномъ, что нынѣшнее распредѣленіе земель и морей восходитъ къ очень отдаленной древности. Правда, противъ этого можетъ быть сдѣлано одно возраженіе: это — почти совершенное тожество альпійскихъ фауны и флоры въ разныхъ частяхъ свѣта. Прозябаемыя холодныхъ странъ похожи другъ на друга на Альпахъ, Пиренѣяхъ, и въ Норвегіи, такъ же какъ и въ полярныхъ странахъ. Флора бѣлыхъ горъ сѣверной Америки встрѣчается и на Лабрадорѣ и даже въ Европѣ, на самыхъ возвышенныхъ вершинахъ ея. И такъ на альпійскія фауны и флоры нынѣшнее распредѣленіе земель и морей, по видимому, не имѣетъ ни какого вліянія.

Дарвинъ, слѣдуя примѣру Эдуарда Форбеса, очень хорошо объясняетъ эту аномалію съ помощью періода ледниковъ. Къ концу геологическаго періода, который предшествовалъ эпохѣ ледниковъ, большая часть жителей земного шара были, по своимъ свойствамъ, тѣ же что и теперь. Мы имѣемъ сильныя причины думать, что

въ эту эпоху климатъ былъ теплѣе чѣмъ въ наши дни. По всей вѣроятности, существа, которыя теперь живутъ подъ 60° сѣверной широты, могли въ то время существовать подъ 66—67°, между тѣмъ какъ арктическія произведенія находились въ непосредственномъ соседствѣ съ полюсомъ. Благодаря сплошной цѣльности странъ, лежащихъ вокругъ полюса, арктическія растенія и животныя легко могли переселяться съ одного материка на другой. Отсюда произошло большое единообразіе въ арктическихъ произведеніяхъ періода, предшествовавшего эпохѣ ледниковъ.

Когда климатъ началъ постепенно холодѣть, задолго до распространенія ледниковъ, арктическое населеніе должно было медленно подвинуться къ югу. Въ то же самое время, жители полосы, которую мы теперь называемъ умѣреннымъ поясомъ, стали переселяться къ тропикамъ. Такимъ образомъ страны стараго и новаго свѣта, въ настоящее время умѣренныя, единообразно населились, наконецъ, *организмами* арктическими. Таково было постоянное положеніе вещей въ теченіе собственно такъ называемаго періода ледниковъ.

Когда теплота мало по малу возвратилась, арктическія *формы* постепенно опять подвинулись къ сѣверу, сопровождаемыя произведеніями умѣренныхъ странъ, овладѣвшихъ почвой, которая оставалась свободной. Но эта эмиграція шла не единственно въ высоту. По мѣрѣ того, какъ снѣгъ и ледъ таяли на возвышенностяхъ, арктическія растенія и животныя отъ подошвы горъ поднимались на склоны, сдѣлавшіеся годными для прозябенія. Когда окрестныя долины были заняты фаунами и флорами умѣренныхъ странъ, то эти арктическіе организмы, оставшіеся въ горахъ, очутились отдѣленными отъ ихъ однородныхъ большими пространствами. Такимъ образомъ объясняется нынѣшнее единообразіе околополярныхъ и альпійскихъ произведеній стараго и новаго свѣта.

Феномены, которые мы сейчасъ видѣли смѣняющимися другъ друга на поверхности материковъ, должны были являться въ то же время и въ томъ же самомъ порядкѣ и въ моряхъ. Переселенія, сходныя съ земными, должны были происходить и въ океанѣ. Такимъ-то образомъ можно объяснить присутствіе подобныхъ организмовъ, — какъ въ настоящую, такъ и въ третичную эпоху, — на восточныхъ и западныхъ берегахъ части умѣреннаго въ нынѣшнее время пояса сѣверной Америки. Эти перемѣны температуры служатъ также ключемъ къ объясненію одного странна-

го феномена, замѣченнаго ученымъ Дана; мы говоримъ о единовременномъ присутствіи въ Средиземномъ и Японскомъ моряхъ нѣкоторыхъ раковидныхъ и рыбъ, почти сходныхъ между собою.

Эти истолкованія могутъ показаться нѣсколько произвольными тому, кто не вполне знакомъ съ результатами новѣйшей геологіи. Поэтому мы обязаны прибавить, что Дарвинъ вовсе не выдумывалъ этихъ перемины температуры единственно ради подтвержденія своей теоріи. Существованіе относительно-недавняго періода, отличавшагося чрезвычайнымъ холодомъ и значительнымъ расширеніемъ ледниковъ, теперь принято всѣми геологами. Можно даже сказать, что этотъ фактъ составляетъ одно изъ самыхъ прочныхъ завоеваній геологіи. Необъятное расширеніе ледниковъ въ эту эпоху со всею признано и тщательностію изслѣдовано въ большей части Европы и сѣверной Америки. Этотъ феноменъ своимъ происхожденіемъ не былъ обязанъ чисто мѣстнымъ вліяніямъ, потому что различные наблюдатели доказали существованіе ледниковъ въ ту же самую эпоху и на другихъ точкахъ земного шара,— правда, уединенныхъ, но весьма далекихъ другъ отъ друга, напр. въ Сибири, Гималаяхъ, Новой Зеландіи, Австраліи въ кордильерахъ экваторіальной Америки и Чили.

Если принять въ соображеніе, какъ всеобще было въ эту эпоху расширеніе ледниковъ и какъ повсемѣстно охлажденіе, то мы не найдемъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что оно произвело по мѣстамъ смѣшеніе арктическихъ формъ обоихъ полушарій. Такое смѣшеніе могло образоваться при посредствѣ горныхъ цѣпей и возвышенностей подобныхъ тѣмъ, какія встрѣчаются на примѣръ, въ экваторіальной Америкѣ. Согласно съ этою, весьма правдоподобною, гипотезой, д-ръ Гукеръ нашолъ отъ сорока до пятидесяти явнوبرачныхъ растений, общихъ для Европы и для Огненной земли. Эта цифра кажется весьма значительною, если принять въ расчетъ бѣдность флоры въ послѣдней странѣ. Встрѣчается также много формъ совершенно схожихъ съ европейскими видами, и весьма близкихъ къ нимъ на наиболѣе возвышенныхъ горахъ экваторіальной Америки и Абиссиніи, въ Гималаяхъ, на горахъ Цейлона и на вулканическихъ конусахъ острова Явы. Списокъ родовъ, собранныхъ на самыхъ высокихъ вершинахъ послѣдняго острова, кажется какъ бы снимкомъ со списка родовъ, которые ботаникъ можетъ собрать на холмахъ Европы.

Не странно ли замѣчать подобное сходство между обитателями высокихъ горъ всего земного шара, или между произведеніями морей, весьма удаленныхъ другъ отъ друга, тогда какъ этого сходства не замѣчается между обитателями равнинъ весьма далекихъ одна отъ другой, но имѣющихъ почти тождественные климаты? Этотъ фактъ, повидимому необъяснимый, становится однако же весьма понятнымъ, если, подобно Дарвину, мы внимательно рассмотримъ вѣроятное вліяніе ледяного періода. Правда, это вліяніе обнаруживается гораздо больше во флорахъ, чѣмъ въ фаунахъ; но это основывается, какъ мы уже сказали, на томъ, что переселенія растений совершаются съ болѣею легкостію, чѣмъ переселенія животныхъ. Однако же нѣкоторыя животныя способны, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, быть легко переносимы на большія разстоянія, и поэтому представляютъ феномены географическаго распредѣленія, весьма сходные съ тѣми, которые замѣчаются у прозябаемыхъ. По этой-то причинѣ животныя прѣсной воды занимаютъ вообще по истинѣ необыкновенно большія пространства.

Географическое распредѣленіе существъ должно было возбудить другой, повидимому, роковой для теоріи Дарвина вопросъ. Мы говоримъ о населеніи океаническихъ острововъ. Тѣмъ не менѣе Дарвинъ прямо подошелъ къ этому вопросу и, далеко не находя въ немъ причинъ къ сомнѣніямъ, сумѣлъ извлечь изъ него новыя доказательства, въ подтвержденіе своихъ выводовъ, не считая необходимымъ при этомъ, подобно Эд. Форбесу, выдумывать гипотетическія земли, а только предполагая въ неслишкомъ древнюю эпоху прямое сообщеніе между островами океана и великими материками. Послѣдуемъ за нимъ въ его любопытныхъ изслѣдованіяхъ.

Виды всѣхъ родовъ, населяющіе океаническіе острова, очень немногочисленны, если сравнивать ихъ съ видами, обитающихъ на такой же величины континентальныхъ пространствахъ. Этотъ законъ былъ положительно установленъ Альфонсомъ де Кандолемъ въ отношеніи къ растениямъ и Уолластономъ относительно насѣкомыхъ. Напримѣръ, во флорѣ маленькаго острова Энглези, принадлежащаго къ материку Европы, насчитывается семь сотъ шестьдесятъ четыре растенія, между тѣмъ какъ островъ Вознесенія первоначально обладалъ не болѣе какъ полудюжиною явнобрачныхъ растеній. Правда, въ настоящее время ихъ считается

тамъ больше, но это увеличеніе произошло вслѣдствіе натурализаціи иностранныхъ видовъ, пришесенныхъ человѣкомъ. Даже можетъ случиться, что туземные виды наконецъ совершенно исчезнутъ предъ этими натурализованными видами, какъ это уже совершилось, или почти что совершилось, на островѣ Святой Елены.

Хотя число видовъ, составляющихъ флору и фауну океаническихъ острововъ, бываетъ, относительно, не велико, но пропорція видовъ эндемическихъ, то есть такихъ, которые не встрѣчаются больше нигдѣ въ цѣломъ мірѣ, вообще очень сильна на этихъ островахъ. Число эндемическихъ моллюсковъ и птицъ тамъ значительнѣе, чѣмъ на островахъ континентальныхъ такого же размѣра. Теорія Дарвина, независимо отъ этого факта, могла бы сама собою привести къ такому предположенію. Въ самомъ дѣлѣ, видамъ, случайно заброшеннымъ въ разные длинныя промежутки времени на уединенныя мѣстности, предстояла борьба съ совершенно новыми совѣстниками. Такое условіе весьма благопріятствуетъ образованію новыхъ видовъ посредствомъ естественной отборности.

Океаническіе острова отличаются часто полнымъ отсутствіемъ извѣстныхъ классовъ органическихъ существъ, которыхъ мѣсто тогда, повидимому, занято другими классами. Такъ, напримѣръ, млекопитающія на Галапагосскомъ архипелагѣ замѣщены пресмыкающимися, въ Новой Зеландіи—исполинскими птицами съ атрофированными крыльями. Океаническіе острова лишены жабниковъ; одна только Новая Зеландія, въ гористыхъ округахъ, имѣетъ одинъ видъ лягушекъ. Но и этотъ видъ могъ пробраться туда втеченіе ледяного періода. Большая или меньшая легкость переселеній можетъ, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, служить объясненіемъ этихъ фактовъ.

Здѣсь можно упомянуть о многихъ другихъ достойныхъ вниманія подробностяхъ, относящихся къ этимъ океаническимъ островамъ.

Нѣтъ примѣра, чтобы земныя млекопитающія въ дикомъ состояніи населяли островъ, находящійся въ разстояніи ста льѣ отъ материка или отъ большого континентальнаго острова. Острова Фоклендскіе, на которыхъ есть особый видъ лисицы, близкій къ волку, составляютъ только кажущееся исключеніе; они соединены песчанюю отмелью съ материкомъ Америки, и не могутъ быть

разсматриваемы, какъ дѣйствительно омешическіе. За то почти на всѣхъ островахъ, разсѣянныхъ среди океана, встрѣчаются воздушныя млекопитающія (летучія мыши). Новая Зеландія представляетъ два вида этихъ животныхъ, которые составляютъ ея исключительную особенность.

Островъ Норфолкъ, архипелагъ Вити, острова Боневъ, Каролинскіе, Маринскіе и островъ Маврикія — всѣ имѣютъ свои особыя породы летучихъ мышей. Приверженцы теоріи творящей силы должны очень затрудниться объясненіемъ того, почему эта сила не могла создать никакихъ другихъ млекопитающихъ на островахъ удаленныхъ отъ континентовъ. Напротивъ, этотъ фактъ объясняется очень хорошо при помощи теоріи Дарвина. Земныя млекопитающія не могутъ перебираться черезъ большія пространства морей, тогда какъ ничто не мѣшаетъ летучимъ мышамъ перелетать съ острова на островъ. По этой гипотезѣ, виды континентальныя, утвердившись на отдаленныхъ островахъ, подвергались тамъ постепеннымъ видоизмѣненіямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, подъ вліяніемъ естественной отборности, продолжались непрерывно и окончили переходомъ въ виды эндемическіе.

По теоріи Дарвина острова вообще населялись переселеніями съ ближайшихъ материковъ. Безъ сомнѣнія, эти переселенія весьма трудно понять, особенно, когда дѣло идетъ объ островахъ значительно удаленныхъ отъ всякой земли. Но не слѣдуетъ забывать, что для такихъ переселеній потребно было почти неизмѣримое пространство времени. Въ извѣстныхъ случаяхъ между какимъ нибудь уединеннымъ теперь островомъ и ближайшимъ материкомъ могъ существовать временно промежуточный островокъ. Впрочемъ, здѣсь есть факты, которые могутъ взвѣсить каждый и эти факты вообще говорятъ въ пользу теоріи Дарвина.

Эта теорія утверждаетъ, что, въ большей части случаевъ фауна и флора океаническихъ острововъ носятъ печать ближайшаго материка. И это весьма часто подтверждается наблюденіями. Такъ напримѣръ, архипелагъ Гапагосскій, находится въ разстояніи отъ двухъ сотъ пятидесяти до трехъ сотъ лѣтъ отъ береговъ Южной Америки, и однакоже организмы водныя и земныя, обыкновенныя на этихъ островахъ, почти всѣ очевидно носятъ печать американскихъ естественныхъ произведеній. Изъ двадцати шести породъ земныхъ птицъ, двадцать пять, по сло-

вамъ Гоульда, принадлежать исключительно этимъ островамъ *. Следовательно, нужно было бы заключить, что онѣ здѣсь и созданы. Но сродство этихъ птицъ съ извѣстными американскими видами тѣмъ не менѣе неоспоримо обнаруживается въ ихъ зоологическомъ характерѣ, привычкахъ, движеніяхъ и голосѣ. То же самое встрѣчается въ большей части животныхъ и, какъ утверждаетъ д-ръ Гукеръ, почти во всѣхъ растеніяхъ. Естественныиытатель, блуждая по этимъ вулканическимъ островамъ среди Тихаго Океана, чувствуетъ, что будто вся окружающая его органическая природа переноситъ его въ Америку. Отчего же зависитъ это сродство? Ничто, положительно ничто изъ условій жизни, геологическаго характера почвы, высоты, климата и проч. не представляетъ тождественности Южной Америки съ Галапагосами. За то, почти во всѣхъ этихъ отношеніяхъ представляется чрезвычайное сходство между Галапагосскимъ архипелагомъ и островами Зеленаго Мыса; и однако же трудно найти что нибудь болѣе несходное между собою, какъ органическая природа на этихъ двухъ группахъ острововъ. Растенія и животныя острововъ Зеленаго Мыса запечатлѣны характеромъ африканскимъ, такъ же какъ естественныя произведенія Галапагосовъ — характеромъ американскимъ. Какая же тайная связь соединяетъ органическую природу Южной Америки съ природою Галапагосовъ и организмы Африки съ органическими существами острововъ Зеленаго Мыса? Ее нужно искать, — отвѣчаетъ Дарвинъ, — въ общемъ корнѣ генеалогическаго дерева, и доказательства, на которыя онъ опирается, дѣйствительно весьма увлекательны.

Второе примѣненіе теоріи Дарвина, о которомъ намъ остается сказать читателю, касается единства въ строеніи органическихъ существъ, принадлежащихъ къ одному отдѣлу. Въ этомъ, быть можетъ, заключается величайшій триумфъ этой теоріи, хотя она и недостаточна еще для того, чтобъ объяснить здѣсь всѣ подробности.

Внимательное изслѣдованіе органическихъ существъ, живущихъ и окаменѣлыхъ, обнаруживаетъ между порядками, весьма различными, сродство, неизбѣжно приводящее наблюдателя къ дробленію ихъ на многочисленныя группы, находящіяся въ за-

* По изданію 1860 г. книги «Voyage of the Beagle», это число должно быть низведено до двадцати трехъ или даже двадцати одной. Однако же это ограниченіе нисколько не ослабляетъ выводовъ Дарвина.

всѣмности одна отъ другой. Эти группы нашли положительное выраженіе въ іерархіи зоологической и ботанической классификаціи. Натуралисты группируютъ недѣлимыхъ на разповидности и виды; потомъ они соединяютъ эти виды въ роды, роды въ семейства, семейства въ порядки; наконецъ они собираютъ порядки въ классы и классы въ отдѣлы. Таковъ механизмъ такъ называемой естественной системы.

Ученые не сходятся во мнѣніяхъ относительно абсолютнаго достоинства этой системы. Одни смотрятъ на нее, какъ на произвольную отвлеченность, или, по крайней мѣрѣ, какъ на совершенно субъективную теорію, сообразную съ категоріями человѣческаго ума, какъ на средство для представленія общихъ положеній подъ наиболѣе точною формою. Другіе видятъ въ ней выраженіе плана, предначертаннаго Создателемъ въ твореніи міра.

Для Дарвина идеи рода, семейства и проч. представляютъ не одну только простую субъективную дѣйствительность. Онѣ заключаютъ въ себѣ нѣчто большее, нѣчто дѣйствительно объективное. Въ самомъ дѣлѣ онъ видитъ въ нихъ, какъ мы это показали во всемъ нашемъ разборѣ, общность происхожденія, существованіе одного общаго предка. Іерархическій порядокъ группъ одного класса естественъ въ глазахъ его только потому, что онъ въ точности выражаетъ порядокъ генеалогической. Хорошая классификація должна быть въ то же время и генеалогіей.

Чтобы сдѣлать такое понятіе о естественной классификаціи болѣе осязательнымъ, Дарвинъ употребляетъ слѣдующее сравненіе.—Если бы мы имѣли точную генеалогію человѣческаго рода, то ясно, что такой генеалогическій порядокъ расъ представилъ бы наилучшую классификацію языковъ, которыми говорятъ въ настоящее время на поверхности земного шара. Если бы при этомъ дать отчетъ о всѣхъ мертвыхъ языкахъ, о всѣхъ связующихъ нарѣчіяхъ и ихъ постепенныхъ видоизмѣненіяхъ, то такая только классификація была бы рациональною и возможною. Могло бы стать, что нѣкоторые изъ весьма древнихъ языковъ дошли бы до насъ, не подвергнувшись значительнымъ видоизмѣненіямъ и не произведя многочисленныхъ нарѣчій, тогда какъ другіе, подъ вліяніемъ очень разнообразныхъ результатовъ цивилизаціи, сдѣлались бы корнями весьма различныхъ новыхъ языковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои особыя, частныя нарѣчія.

Хорошая классификація всѣхъ этихъ языковъ должна заключать группы, зависящія одна отъ другой; но іерархическій порядокъ этихъ группъ будетъ непремѣнно и порядкомъ генеалогическимъ. И такъ, то, что будетъ правиломъ въ отношеніи къ языкамъ не должно ли быть въ такой же степени правиломъ для классификаціи существъ органическихъ?

Общность генеалогическаго дерева между видами одного и того же отдѣла разрѣшаетъ большую часть великихъ морфологическихъ задачъ. Такъ, напр., приверженцы непосредственнаго творенія никогда не дадутъ вамъ удовлетворительнаго объясненія касательно единства плана, которое обнаруживается во всѣхъ существахъ, принадлежащихъ къ одному отдѣлу. Напротивъ это объясняется очень хорошо, если принять, что всѣ существа, принадлежащія къ одному отдѣлу произошли отъ одного общаго предка, нисходящее потомство котораго уразнообразилось нечувствительно подъ вліяніемъ естественной отборности. Послѣдующія видоизмѣненія рѣдко достигаютъ до перемѣщенія органовъ и перемѣны основнаго типа. Кости какого нибудь члена, наприимѣръ, могутъ сдѣлаться короче, расширяться, покрыться толстою перепонкою, дойти до степени плавательнаго пера, или же значительно удлинниться, чтобы образовать ступню ноги; они могутъ, наконецъ, подвергнуться самымъ разнообразнымъ перемѣнамъ формы, но число частей первоначальнаго костяка не увеличится и связи между этими частями не измѣнятся. И обратно, легко понять, какимъ образомъ нѣкоторыя костистыя части скудѣютъ до степени исчезновенія. Всѣ анатомисты знаютъ въ настоящее время, что черепныя кости однородны съ составными частями позвоноковъ. Находятъ также явную однородность между передними и задними ногами позвоночныхъ, а такъ же между многочисленными принадлежностями раковидныхъ, какъ-бы плавательныя перья, лапы, челюсти, усики. Наконецъ, въ цвѣтахъ—относительное положеніе вѣнчиковъ, лепестковъ, тычинокъ и пестиковъ, такъ же точно, какъ и ихъ внутренняя структура, объясняются сродствомъ этихъ органовъ съ листьями отпрыска, расположенными, въ видѣ спирали, вокругъ ствола. Всѣ эти факты и много другихъ подобныхъ остаются совершенно необъяснимыми въ гипотезѣ творенія. Почему мозгъ заключенъ въ ящикѣ, составленномъ изъ позвоночныхъ элементовъ? Почему кости, составляющія крыло и заднюю ногу летучей мыши, или крыло и ногу птицы, сходны между собою?

Почему данное раковидное имѣетъ большее количество ногъ, чѣмъ его ближайшіе родственники, только тогда, когда у него меньше челюстей, и на оборотъ? Почему вѣшники, лепестки, тычинки и пестики цвѣтка, несмотря на ихъ столь различныя назначенія, имѣютъ, говоря вообще, тождественную организацію?

Дарвинъ, опираясь на теорію естественной отборности, не ужасается этихъ вопросовъ. Осъ тѣла позвоночныхъ состоитъ изъ ряда позвонковъ, имѣющихъ извѣстныя выступы и прибавки; корпусъ колѣчатыхъ раздѣляется на рядъ сегментовъ, которые могутъ быть снабжены прибавками, наконецъ, въ растеніяхъ мы видимъ длинный рядъ дополнительныхъ органовъ, расположенныхъ въ видѣ спирали. Между тѣмъ, по замѣчанію Овена и другихъ, частое повтореніе одного и того же органа очень обыкновенно между организмами низшими или мало видоизмѣнившимися. И такъ вѣроятно, что общій и неизвѣстный предокъ всѣхъ позвоночныхъ имѣлъ много позвонковъ, предокъ колѣчатыхъ—большое количество сегментовъ, а предокъ всѣхъ явнотрачныхъ растеній—множество дополнительныхъ органовъ, образовывавшихъ большое число спиралей. Вѣроятно и то, что естественная отборность, послѣ длиннаго ряда легкихъ видоизмѣненій, преобразовала мало-по-малу часть этихъ элементовъ, первоначально тождественныхъ, съ цѣлью примѣнить ихъ къ весьма различнымъ отправленіямъ. Эти видоизмѣненія обнаруживались только въ незамѣтныхъ степеняхъ, и, потому неудивительно, что еще удается открыть нѣкоторое основное сходство между органами, первоначально тождественными.

Другая морфологическая проблема, достойная вниманія натуралистовъ, есть тождественность зароденія извѣстныхъ органовъ, которые разнятся иногда по формѣ, а иногда по дѣятельности, у взрослыхъ недѣлимыхъ. Агассизъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что, забывъ приложить ярлычокъ къ одному очень молодому позвоночному зародышу, онъ не могъ опредѣлить потомъ былъ ли это зародышъ млекопитающаго, птицы, или чешуйчатаго пресмыкающагося. Дѣйствительно, зародыши этихъ трехъ классовъ тождественны въ первые періоды образованія. Примѣры животныхъ весьма несхожихъ во время возмужалости и почти тождественныхъ въ состояніи зародышей представляются каждому естество-испытателю во множествѣ. Дарвинъ приводитъ случай, какъ кистеногихъ считали моллюсками и какъ самъ Кювье не могъ узнать въ нихъ раковидныхъ.

Эти черты сходства между зародышами животных, весьма несходных во всем остальномъ, или же между известными низшими животными и зародышами животных, стоящихъ гораздо выше въ томъ же порядкѣ, чрезвычайно замѣчательны и позволяютъ утверждать сродство, часто неожиданное. Мы просимъ извиненія еще за одинъ примѣръ, часто поражающій насъ. У млекопитающихъ выходитъ изъ сердца толстая артерія, которая направляется сначала въ верхнюю часть груди, но вскорѣ образуетъ родъ изгиба и поворачиваетъ внизъ. Этотъ изгибъ аорты всегда находится на лѣвой сторонѣ. У птицъ тоже существуетъ изгибъ аорты, но онъ поворачиваетъ вправо. У крокодиловъ и всѣхъ чешуйчатыхъ пресмыкающихся представляются два изгиба аорты: одинъ на правой, другой на лѣвой сторонѣ. Первый по большей части болѣе развитъ, чѣмъ второй. Наконецъ у земноводныхъ и рыбъ находятъ многіе аортическіе изгибы, расположенные попарно, въ количествѣ отъ двухъ до пяти паръ. Съ перваго взгляда, при сравненіи этихъ, столь различныхъ, случаевъ, насъ поражаетъ только несходство. Однако же эмбриологическія изслѣдованія показываютъ, что зародыши всѣхъ позвоночныхъ и даже человѣка имѣютъ отъ пяти до семи паръ аортическихъ дугъ въ первые періоды своего развитія. Въ это время всѣ зародыши почти сходны между собою. Оскуднѣніе (*Atrophie*) нѣкоторыхъ изъ этихъ аортическихъ дугъ, уменьшаетъ мало по-малу ихъ число. Рыбы сохраняютъ еще нѣкоторое число этихъ дугъ, большая часть земноводныхъ удерживаютъ нѣсколько паръ ихъ, наконецъ пресмыкающія довольствуются одною только парюю, а птицы и млекопитающія — однимъ только простымъ изгибомъ, который помѣщаетъ—у первыхъ на правой, а у вторыхъ на лѣвой сторонѣ груди.

Приверженцы непосредственнаго творенія должны допустить, что эти черты первоначальнаго сходства допущены здѣсь только изъ любви къ типамъ.

Теорія Дарвина не встрѣчаетъ этого затрудненія. Первоначальное сходство зародышей ей очень кстати. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть особенностей, на которыя можетъ дѣйствовать естественная отборность, каковы средства къ защитѣ и половыя различія, появляются въ жизни недѣлимыхъ уже довольно поздно. Накопленіе большого числа легкихъ видоизмѣненій въ возрастѣ, когда животныя, сравнительно, уже довольно раз-

виты, оказывается тѣмъ, что производить очень большое различіе между взрослыми, тогда какъ зародыши вовсе, или почти что вовсе, недоступны этимъ видоизмѣненіямъ. Слѣдовательно зародышныя формы различныхъ видовъ должны имѣть между собою болѣе сходства, чѣмъ формы полнаго развитія. И это такъ въ дѣйствительности.

Мы сказали, что извѣстныя видоизмѣненія органовъ могутъ скопляться въ данную эпоху жизни. Это вовсе не безосновательное умозаключеніе. Каждый можетъ удостовѣриться въ этомъ изъ сравненія нѣсколькихъ различій или породъ одного и того же домашняго вида. Эти породы, образовавшіяся часто во времена историческія и происходящія неоспоримо отъ тождественныхъ родителей, отличаются теперь одна отъ другой характерами весьма рѣзкими. Тѣмъ не менѣе часто бываетъ невозможно опредѣлить—къ какой изъ этихъ породъ принадлежатъ маленькія недѣлимые, — такъ они сходны между собою. Каждый можетъ замѣтить это, взглянувъ на маленькихъ жеребятъ или маленькихъ собакъ.

Послѣдняя морфологическая проблема, касающаяся весьма близко предшествующей, относится къ первоначальнымъ органамъ. Почему самцы снабжены сосцами, иногда, въ видѣ исключенія, способными даже давать молоко? Откуда происходитъ эта косточка, затерявшаяся въ тѣлѣ зайца, которая есть не что иное, какъ бесполезная ключица? Зачѣмъ эти неразвитыя пясти у столькохъ отгрыгающихъ жвачку; къ чему этотъ глазъ, скрытый подъ мохнатую кожу зокора, или еще болѣе несовершенный глазъ эндопаразитныхъ рыбъ (миксины, бделлостоны)? Зачѣмъ зубы у зародыша кита * и едва замѣтныя или скрытыя подъ кожей ноги у кольчатыхъ ящерицъ и у близкихъ къ нимъ родовъ? Или, почему эти зачатки пестиковъ у мужскихъ цвѣтовъ столькохъ двупольныхъ растений?

На всѣ эти вопросы ни у одной извѣстной теоріи нѣтъ компетентнаго отвѣта. Напротивъ того, въ теоріи Дарвина существованіе основныхъ органовъ не имѣетъ ничего удивительнаго. Всякій органъ, сдѣлавшійся, въ новыхъ условіяхъ жизни, бесполезнымъ для животнаго, или растительнаго вида, долженъ мало-по-малу атрофироваться въ теченіе очень большаго

* Взрослые киты не имѣютъ ихъ и слѣдовъ.

числа генерацій. Естественная отборность можетъ также въ известныхъ случаяхъ способствовать къ уменьшенію и почти совершенному исключенію нѣкоторыхъ органовъ.

ПОРА МЯЖЬ ВОЛКОМЪ И СОБАКОЙ.

(«День». М.М. 1, 2, 3, 4, 5, 6).

Славянофильская партія выдаетъ себя за національную.

Чѣмъ она доказываетъ эту претензію?—Фразами.

Чѣмъ она опровергаетъ ее?—Фактами.

Передъ нами 6-ть М.М. новаго славянофильскаго органа, *уже нарицается*—День: и все это мертвые зады, мертворожденные фразы, чревоушанья и оракулы, пересыпанные возгласами самаго безперемоннаго, самаго базтактнаго, даже никого не обижающаго хвастовства.

Дидактизмъ и скука нашли себѣ тутъ то же самый благонадежный пріютъ. Хочется показать *присно-умирающей* школѣ, что время, великій вразумитель всякаго самодурства, и для нея проходило не даромъ, и что оно и ее, въ нѣкоторой мѣрѣ, провѣтрило своимъ освѣжающимъ крыломъ, и вотъ она, на *пятомъ* столбцѣ перваго М. своего новаго органа, называетъ свое ученіе «независимо отъ личныхъ уклоненій его послѣдователей *чуждымъ односторонности и исключительности относительно Западу*». Но, рекомендуя себя *сущевымъ образомъ* на столбцѣ пятомъ, она тѣмъ не менѣе на *второмъ* того же самаго М. проглаголала *такъ*: «Сколько накопили мы лжи въ теченіе полуторастагѣняго разрыва съ народомъ!... *(Конечно!)* И на какомъ широкомъ просторѣ разгулялась, да еще и разгуливаетъ эта ложь! *Все внутреннее развитіе, вся жизнь общества, какъ проказой, поражены и растлѣны ею. (Ротъ одобренія).* Ложь, ложь

въ просвѣщеніи, чисто внѣшнемъ, лишиномъ всякой самодѣятельности и творчества. Ложь въ вдохновеніяхъ искусства, слящагося во-элотить чуждые, случайные идеалы. (*Множократно повторенные крики: ложь! ложь! ложь!*) Ложь въ порицаніи нашей народности, *не въ силу негодующей, пылкой любви, (Выражайтесь яснѣе!) но въ силу внутреннего нечестія, инстинктивно враждебнаго всякой святости и долгу.* Ложь въ поклоненіи свободѣ, уживающемся рядомъ съ побужденіями самого утонченнаго деспотизма. Ложь въ религіозности, преданности Вѣрѣ, прикрывающей грубое безвѣріе. (*Общее недоуміе*)».

Фигура единоначатія, одушевляясь все *пушизмъ* жаромъ переходитъ въ третій столбецъ и въ то время, когда пораженный читатель не знаетъ чего и ожидать ему слѣдуетъ, чревоѣщаніе вдругъ разрѣшается самымъ успокоительнымъ, хотя и самымъ неестественнымъ образомъ: «и при всемъ томъ исцѣленіе возможно и даже несомнѣнно!» Къ концу того же третьяго столбца уже доказывается, что самая болѣзнь никогда не была такъ серъбзна, какою она представляется въ предыдущихъ строкахъ и столбцахъ — во первыхъ потому, что народъ въ своей массѣ и съ своею громадною крѣпостью организма постоянно оставался цѣлъ и невредимъ, а во вторыхъ: «Поблагодаримъ Провидѣніе! Въ мудромъ строеніи Божіемъ, въ общей экономіи исторіи—пережитыя нами испытанія должны занять свое законное мѣсто, принести благіе плоды, *и кто знаетъ, можетъ быть этотъ самый мучительный разрывъ былъ намъ спасителемъ и нуженъ?»*

Это — «*кто знаетъ?»*» восхитительно!—Изъ-за чего же было волноваться и обращаться ко всемъ красотамъ реторики? Гдѣ тутъ основаніе для какихъ бы-то нибыло чревоѣщаній? «*Кто знаетъ?»*» А между тѣмъ въ этомъ случаѣ болѣе, чѣмъ во многихъ другихъ, вся суть заключается именно въ томъ, чтобы *знать*, или хотя *вообразать*, что знаешь—какъ слѣдуетъ глядѣть на событіе. Такое отношеніе между предметами и человѣческимъ умомъ, которое выражается словами, «*а кто его знаетъ?»*» дѣйствительно существуетъ для громаднаго большинства людей, но оно уже не даетъ ни малѣйшаго права на дидактическій тонъ или обличеніе чужого невѣжества. Кто знаетъ? Можетъ быть это самое невѣжество и есть настоящая мудрость, которая, по мнѣнію «Дня», въ общей экономіи человѣческаго просвѣщенія должна занять свое законное мѣсто и принести благіе плоды. Писатель передовой статьи, которой мы здѣсь касаемся, — онъ же, вѣроятно, составитель и другихъ руководящихъ статей во «Днѣ», — грѣшитъ именно тѣмъ, что, говоря постоянно о необходимости, какъ единичнаго, такъ и коллективнаго, національнаго самосознанія, онъ, однако, нисколько не сознаетъ, что такая степень развитія для него самого должна бы быть предметомъ всѣхъ его усилій. Оттого, думая высказывать дѣльныя мнѣнія, которыя, въ его намѣреніи, должны бы харак-

теризовать серьёзную самостоятельную партію людей, онъ постоянно говорить какими-то не то — форнизмами, не то — оракулами, въ которыхъ здравомыслящему человѣку прежде всего бросается въ глаза то, что они не возбуждаютъ въ васъ ни малѣйшаго подозрѣнія о присутствіи въ нихъ какой бы-то ни было научной подкладки или самодѣтельнаго мышленія. Въ самомъ дѣлѣ, мы обращаемся къ самой капитальной вещи, (въ то же время самой казенной и самой избитой) ко взгляду передового писателя «Дня» на нашъ полустораствѣтній разрывъ съ народомъ, и мы приглашаемъ кого угодно опредѣлить, на основаніи этого взгляда: какого оттѣнка та историческая школа, къ которой принадлежитъ передовой писатель «Дня?» Думаетъ ли онъ, что исторію дѣлаютъ люди, какъ существа свободныя и самоуправляемыя, полагаетъ ли онъ, что движеніе ея опредѣляется фаталистическимъ закономъ необходимости, или, наконецъ, онъ видитъ въ ея развитіи характеръ провиденціальный? Общій характеръ газеты и партіи для насъ, конечно, устраняютъ всякое сомнѣніе на этотъ счетъ. Но отчего же передовой писатель «Дня» мыслить такимъ образомъ, что его точка зрѣнія обращается для насъ въ предметъ мистификаціи? Не умѣетъ онъ совладать съ нею, или она вообще такого свойства, что на ней нельзя оставаться послѣдовательнымъ?—Если исторія есть мудрое строеніе Божіе, то зачѣмъ онъ въ величайшемъ событіи русской исторіи и въ самомъ знаменательномъ ея періодѣ видитъ неизрѣченную ложь, несказанное растлѣніе и неизглаголанную проказу? А если онъ полагаетъ, что эта ложь, и это растлѣніе, и эта проказа соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ явленіямъ русской исторіи за послѣднія полтора ста лѣтъ, — то почему онъ думаетъ, что онъ остается вѣренъ своему воззрѣнію на исторію, какъ на мудрое строеніе Божіе? Пбредовому писателю такъ рассуждать нельзя, потому что это именно будетъ, говоря его собственными словами: «Ложь въ торжествѣ дикихъ ученій, созданныхъ безстыднымъ невѣжествомъ, безобязанно оскорбляющимъ общественную совѣсть.» Въ русскомъ словарѣ, можетъ быть, не много найдется словъ, съ которыми бы такому писателю, какъ передовой писатель — *Дня*, слѣдовало обращаться съ болѣею осторожностію, чѣмъ какой требуютъ отъ него слова: «безстыдное невѣжество,» или «дикія ученія,» или «оскорбленіе общественной совѣсти». Дика рутина, говорящая какимъ-то распухнувшимъ языкомъ и неумѣющая выпустить двухъ-трехъ газетныхъ номеровъ, или нанисать двухъ-трехъ столбцовъ, чтобы не зарекомендовать себя со стороны самой крайней, самой нетерпимой неприязненности къ здравому смыслу и научнымъ приемамъ. Ужели передовой писатель *Дня*, ужели *День* думаетъ, что можно обойтись, какъ безъ того, такъ и безъ другихъ, оставаясь съ одними отрывочными, полуждравыми, полухворыми понятіями о кое-какихъ вещахъ? Нѣтъ. Мы именно живемъ въ дни самосознанія, о которомъ такъ много и такъ нескладно говорится на столбцахъ *Дня*, въ дни самые погибельные для всякой умственной неурядицы, самые роковые для всякой разладицы съ общественною совѣстію. Вы, *День*, знаете это по себѣ: вамъ нѣ-

которые столбцы ваши не прошли даромъ, хотя, сказать по правдѣ, людямъ серьезнымъ васъ можно бы и не замѣчать: такъ мало до васъ дѣла здравому смыслу и всякому хоть надъ чѣмъ-нибудь работающему уму. Было время, когда на васъ сердились; было другое, когда надъ вами трунили. Теперь пора оставить и эти забавы, такъ какъ весь арсеналъ шуточекъ, которыя можно примѣнять къ вамъ, истощенъ уже на другого почтеннаго дѣятеля одинаковой съ вами глубины и того же закала. Вы, можетъ быть думаете, что вы глубже и многостороннѣе г. Асоченскаго? Но чѣмъ же? Въ науки нѣтъ ни умственной глубины, ни умственной многосторонности. Какъ вы ни будьте честны и благонамѣренны, но вы не можете избавиться отъ роковой необходимости—быть мелкими, не можете избѣжать несчастія быть оскорбителями общественной совѣсти, хотя притомъ собственная ваша совѣсть можетъ быть совершенно спокойна. Правда, истинная правда, что вы способны вознегодовать на человѣка, который назоветъ васъ единомышленникомъ г. Асоченскаго, то есть вы сознаете, въ нѣкоторой мѣрѣ, что строгая послѣдовательность изъ вашего краеугольнаго принципа доводитъ васъ до отрицанія человѣческаго смысла; вы всѣми силами стараетесь показать, что въ этомъ отношеніи вы люди непослѣдовательные и потому для общественной совѣсти не возмутительные. Но это ваша слабость, а не ваша сила. Здравый смыслъ и общественная совѣсть только сильнѣе возмущаются оттого, что вы непослѣдовательные люди. И это ваша роковая, ваша неизбѣжная необходимость, ваша Немезида, что вы не можете относиться ни къ уму, ни къ совѣсти людей иначе, какъ шероховатымъ образомъ. Теоретически, это очень просто: не возвысившись до строго послѣдовательнаго мышленія и опредѣлительнаго міросозерцанія, вы просто теряетесь въ подробностяхъ громадной массы человѣческихъ мыслей и поступковъ, и не хорошо понимаете, къ какому дѣлу можно оказать симпатію, безъ оскорбленія общественной совѣсти, и съ какою мыслию можно согласиться, не противорѣча здравому смыслу. И тутъ могутъ выходить престранные случаи: можетъ, на примѣръ, случиться, что иная мысль, говоря вообще, и не противна здравому смыслу, а если вы ее скажете, она будетъ ему противна. Почему? потому, что подходя къ извѣстному, послѣдовательному способу мышленія, она нисколько не подходитъ къ тому, который вы хотите считать вашимъ, по крайней мѣрѣ на словахъ. Здравый смыслъ очевидно оскорбленъ: вы принимаете мысль, о которой онъ по всѣмъ расчетамъ полагалъ, что вы ее отвергнете. Но бываетъ еще страннѣе: бываетъ, что принять—въ васъ не достаетъ послѣдовательности, а отвергнуть—смѣлости; вы становитесь въ положеніи полусдѣлки, полуразрыва: комизмъ достигаетъ высшей степени. Главная невыгода такого мышленія состоитъ въ томъ, что оно никому не нужно, никого не затягиваетъ ни къ какому извѣстному образу мыслей, такъ какъ этотъ извѣстный образъ мыслей, въ этомъ случаѣ, никому хорошенько не извѣстенъ. Хотите опытнаго доказательства?

Беремъ его изъ того же перваго нумера, на страницѣ третьей.—

«То, что называемъ мы общимъ духомъ школы, признающей надъ собою высшій судъ закона христіанскаго, не только не противно *нѣкоторой свободѣ* въ преподаваніи наукъ, но еще требуетъ этой свободы (*т. е. нѣкоторой*).... Нѣтъ сомнѣнія, что показанія нѣкоторыхъ наукъ положительныхъ, какъ геологія, фактическихъ, какъ исторія, или умозрительныхъ, какъ философія, кажутся не вполне согласными съ историческими показаніями Священнаго Писанія или его догматическою системою. То же самое было и съ другими науками, и иначе быть не могло. Науки не совершили круга своего, и мы еще далеко не достигли до ихъ окончательныхъ выводовъ. Точно такъ же не достигли мы и полного разумѣнія Священнаго Писанія. *Опасна не свобода наукъ; а опасно нѣмецкое суевѣріе* въ непреложность наукъ. Это суевѣріе, вредное для наукъ и еще вреднѣйшее для земли, должно быть устраниено отъ всякаго преподаванія; но какъ устранить ошибку, къ которой склонны преподаватели по своему ремеслу, а ученики по молодости, довѣрчивости и по самой любви къ наукъ? Средство просто. Семейство и общество должно имѣть свободный доступъ въ училища, особенно высшія. Суевѣріе въ наукъ и безвѣріе въ религіи не распространятся и не устоятъ передъ надзоромъ общества вѣрующаго».

Умный человекъ написалъ это, или совсѣмъ неразумный? Знакомый съ положительными науками, или незнакомый? Либеральный, или вѣтеранный?

Вы видите тутъ нѣкоторую свободу. Но вѣдь вы, конечно, не понимаете, что такое *нѣкоторая свобода*? Вы знаете, что въ дѣйствительности могутъ существовать только свобода и ея противоположность *не свобода*; а *нѣкоторая свобода*—что это такое: свобода, или *не свобода*? Но настоящему, *нѣкоторая свобода* должна быть однимъ изъ двухъ; чѣмъ нибудь третьимъ она не можетъ быть, по извѣстному логическому закону *исключеннаго третьяго*. И она, дѣйствительно, есть одно изъ двухъ, по причинѣ совершеннѣйшей логической невозможности быть еще чѣмъ-нибудь. Но что же вы можете подумать о писателѣ, сказавшемъ эти два звука, когда вы самымъ осязательнымъ образомъ постигаете, что онъ *съ нѣкоторою свободою* соединялъ нѣкоторое совершенно особое отъ свободы и *не* свободы понятіе?—А постигаете вы это слѣдующимъ образомъ:—покойный Хомяковъ не былъ обскурантомъ, въ художъ значеніи этого слова, и потому, партія столько гордится имъ, что мы никакъ не можемъ думать о немъ, чтобы онъ желалъ *не* свободы для науки. Очень хорошо. Но вы еще яснѣе видите, что онъ не желалъ для нея и свободы, не желалъ такимъ безтолковымъ образомъ, что ему самому непрѣмѣнно казалось, будто онъ желалъ: мы изумляемся въ этомъ случаѣ скорпешскому безсилію мысли покойнаго Хомякова, особенно наслушавшись, будто онъ былъ замѣчательный спорщикъ. Тутъ становится досадно уже не за то, что у покойнаго Хомякова мыслительная способность была въ параличномъ состояніи, а за то, что, при такой умственной силѣ

и вращаясь между людьми, не приобретшими особенно громадой известности своею тупостию, онъ могъ получить репутацію искуснаго диалектика. Это дѣйствительно больно, потому что это показываетъ, какъ высока можетъ быть степень безсознательнаго состоянія даже въ такихъ людяхъ, которые поставили себѣ задачу—говорить о необходимости и благодѣяніяхъ самосознанія. Варите пиво съ такими людьми.— «Опасна не свобода наукъ, —она столько же необходима для ихъ успѣха, сколько и для вѣры, — а опасно нѣмецкое суевѣріе въ непереложность наукъ. Это нѣмецкое суевѣріе, вредное для наукъ и еще вреднѣйшее для религіи, должно быть устраниено изъ всякаго преподаванія!» Такъ гордится почтенной памяти искусный диалектикъ и, очевидно, гордится самымъ добродушнымъ образомъ, нисколько не сознавая, что, говоря объ опасности нѣмецкаго суевѣрія въ наукъ, онъ именно говоритъ объ опасности свободы для науки, и что, требуя устраниенія этого суевѣрія изъ преподаванія, онъ не требуетъ ничего другого, какъ именно и единственно подавленія свободы въ преподаваніи. «Свобода столько же необходима для успѣховъ науки, сколько и для достоинства вѣры», однако это не значитъ, чтобы наука была свободна приходитъ къ выводамъ, которые вѣрующимъ обществомъ признаются за нѣмецкое суевѣріе; «преподаваніе науки тоже свободно», однако Боже упаси—если оно не будетъ освобождено отъ нѣмецкаго суевѣрія посредствомъ контроля вѣрующаго общества.—Контроль вѣрующаго надъ наукою!

Я,—то есть, собственно я,—человѣкъ вѣротерпимый; я могу терпѣть всякую секту и какую угодно религію; свобода совѣсти—есть самое коренное требованіе моей совѣсти. Однако, я рѣшительно не могу выносить суевѣрія ни въ какой сектѣ, ни въ одной религіи; и я почитаю долгомъ моей совѣсти заявить вѣрующему обществу, что пора обратитъ ему вниманіе на существованіе въ немъ раскольниковъ, лютеранства, раббинизма и магометанства.—Читатель, какой же я человѣкъ, послѣ этого, въ дѣлѣ вѣротерпимости? И эта—то самая безтолковщина, по понятію Хомякова, и есть *нѣкоторая свобода*, которой онъ желаетъ для успѣховъ науки и достоинства вѣры.

Я,—то есть, опять собственно я,—не такой неучъ, чтобы не понимать всей необходимости свободы для науки, несмотря на то, что я очень хорошо знаю, что показанія нѣкоторыхъ наукъ положительныхъ, какъ геологія, фактическихъ, какъ иссорія, или умозрительныхъ, какъ философія, кажутся не вполне (*опять это не вполне!*) согласными съ историческими показаніями Священнаго Писанія или съ его догматическою системою. Но я, при этомъ, также хорошо знаю —отъ чего это происходитъ: «науки не совершили своего круга, точно такъ же какъ мы не достигли и полнаго разумѣнія Священнаго Писанія.» И я ничего не имѣю противъ науки. Пусть она совершаетъ свой кругъ со всею безграничностію свободы, которой, въ сущности, нѣтъ даже ни какой возможности отнять у человѣческой мысли. Но я рѣшительно буду возмущенъ, если общественная совѣсть будетъ оста-

ваться спокойною при видѣ того, когда науки будутъ совершать кругъ свой по другой программѣ, а не по той, которая должна приводить къ тому неизбежному и спасительному результату, который примирялъ бы нѣкоторыя показанія положительныхъ наукъ съ историческими показаніями Священнаго Писанія и съ его догматическою системою. — Какъ вы думаете, читатель, смыслю я хоть что нибудь во всемъ томъ, о чемъ я говорю, — то есть, — и въ наукахъ положительныхъ, и фактическихъ, и историческихъ? И какъ, вы полагаете, совершался бы въ мозгу моемъ какой нибудь мыслительный процессъ въ то время, когда бы я говорилъ вамъ эти вещи совершенно искренно, будучи глубоко убѣжденъ, что я человекъ умный, и даже положительно зная, что меня признаетъ за такого цѣлая партія, считающая меня своимъ главою и, въ свою очередь, глубочайшимъ образомъ убѣжденная, что въ кругъ ея понятій существуетъ одна только нахальная ложь и дикія ученія, созданныя безтыднымъ невѣжествомъ, безбоязненно оскорбляющимъ общественную совѣсть? А между тѣмъ вы должны быть увѣрены, у Хомякова всѣ подобныя противорѣчія совершенно искренни; вы должны этому вѣрить потому, что вы не способны найти ни одной черты, которая бы унижала его характеръ. И вотъ эта-то несодѣянная путаница и составляетъ всю характеристику того способа, по которому «День» смотритъ на этотъ міръ, въ которомъ мы живемъ, и на всѣ условія, при которыхъ мы живемъ.

«День» можетъ возразить, что цѣлостнаго систематически-стройнаго и во всѣхъ отношеніяхъ толковаго воззрѣнія у него дѣйствительно нѣтъ, но что это его слабость, проявляемая только во взглядахъ на вещи, которыхъ онъ не понимаетъ, и что это нисколько не мѣшаетъ ему отлично понимать нѣкоторыя болѣе частныя подробности мироустройства и говорить объ этихъ подробностяхъ вполне толково и съ совершеннымъ знаніемъ дѣла. Во главѣ такихъ предметовъ стоитъ *русская народность*, именно «понятая и опредѣленная Кирѣевскими, Хомяковымъ и Аксаковымъ Константиномъ».

Эти три имени новый органъ славянофильства выбрасываетъ своимъ флагомъ.

— Русская народность! знаешь ли ты—кто такой Константинъ Аксаковъ, который такъ хорошо понялъ и опредѣлялъ тебя (по крайней мѣрѣ таково мнѣніе объ немъ его родного брата)?

— Знаю и могу поразсказать кое-что:

«Въ половинѣ обѣда * начались тосты. Первый тостъ былъ за Грановскаго, сопровождавшійся громкими единодушными криками западниковъ и славянофиловъ. Грановскій благодарилъ и предложилъ тостъ за Ш—ва. Третій тостъ былъ за университетъ.»

* Даннаго въ Москвѣ, въ 1844 году, въ честь Грановскаго, въ видахъ примиренія славянофиловъ съ тогдашними умными людьми. См. Литературн. Воспом. г. Панаева. Совр. 1861 г. Октябрь.

«Послѣ этого Константинъ Аксаковъ, съ энергически-сжатымъ кулакомъ и сверкающими глазами, громкимъ, торжественнымъ голосомъ, ударивъ кулакомъ по столу, произнесъ:

— Милостивые государи! я предлагаю вамъ тостъ за Москву!

«Тостъ этотъ былъ принятъ всѣми съ энтузіазмомъ... И въ ту самую минуту раздался звонъ колоколовъ, призывавшихъ къ вечернѣ.

«Ш—въ, воспользовавшись этимъ, произнесъ своимъ гнѣвнымъ и тоненькимъ голоскомъ:

— Слышите-ли, господа, московскіе колокола отвѣтствуютъ на этотъ тостъ!

«Эта эффектная выходка съ одной стороны возбудила улыбку, съ другой—восторгъ. Константинъ Аксаковъ подошелъ въ Ш—ву и они бросились въ объятія другъ друга...

«За тѣмъ Константинъ Аксаковъ произнесъ съ необыкновеннымъ пафосомъ извѣстные стихи свои къ Москвѣ, начинающіеся такъ:

«Столица древняя, родная,
Тебя-ль не вѣдаетъ страна?
Тебя назвать — и Русь святая
Съ тобою вмѣстѣ названа»... и т. д.

«Послѣ этихъ стиховъ, Ш—въ въ свою очередь подошелъ къ Аксакову и началъ прижимать его къ груди своей...

«Когда шумъ и славянофильскіе восторги смолкли, кто-то изъ заднихъ сказалъ:

— Милостивые государи! я предлагаю тостъ за всю Русь, не исключая и Петербурга...

«Г. Ш—въ вдругъ измѣнился въ лицѣ при этихъ словахъ...

— Позвольте, я прошу слова! воскликнулъ онъ...

«Милостивые государи! позвольте замѣтить, что тостъ, предложенный намъ сейчасъ—безполезенъ, ибо уже въ тостѣ за Москву заключался тостъ всей Россіи: Москва—ея сердце, мн. гг., ея представительница. Москва, какъ справедливо замѣтилъ Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ превосходной статьѣ своей, помѣщенной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, поминала ежедневно на переключкѣ всѣ русскіе города»... «И пошолъ и пошолъ.

Болѣе этого русская народность ничего не знаетъ о Константинѣ Аксаковѣ; а пока она не знала объ немъ этого, онъ былъ ей извѣстенъ не болѣе *извѣстнаго* финикійца Санхоніатона. И въ свою очередь мы имѣемъ слишкомъ положительныхъ данныхъ заключать, чтобы и Константинъ Аксаковъ зналъ о русской народности значительно больше, чѣмъ она объ немъ, какъ бы она при томъ ни казалась ближайшему родственнику Константина Аксакова понятю и опредѣленно со стороны этого послѣдняго.

И это бы ничего, что какойнибудь Константинъ Аксаковъ ждалъ,

приходить въ униженіе отъ звона московскихъ колоколовъ, считалъ петербургскую дѣятельность Бѣлинскаго личнымъ для себя оскорбленіемъ, а самый Петербургъ своимъ бѣльмомъ на глазу, любилъ обниматься съ людьми, хвалившими Москву—и умеръ, не сдѣлавши ничего болѣе значительнаго. Но смѣшно и странно, что изъ этого микроскопическаго имени выбрасываютъ флагъ; но дико, безобразно и болѣе чѣмъ невѣжественно, когда этотъ флагъ хотятъ навязать вамъ, какъ національный. Это тѣмъ болѣе смѣшно и необузданно, что не только какой нибудь Константинъ Аксаковъ, но и вся-то славянофильская партія, передъ лицомъ здраваго смысла оказывается какой-то небывальщиной, менѣе чѣмъ мнѳомъ, который всегда имѣетъ хоть символическое значеніе. Пора понять и заявить, что эта партія существуетъ, какъ названіе, потомъ—какъ группа людей, считающихъ взаимно другъ друга единомышленниками касательно какихъ-то имъ только извѣстныхъ мистерій, но что такой партіи, какъ дѣятельной силы, проявляемой какимъ-нибудь опредѣленнымъ способомъ, совершенно не существуетъ. Какая угодно премія тому, кто расскажетъ понятнымъ для человѣческаго смысла языкомъ, надъ какою задачею трудится эта партія и что она сдѣлала для ея объясненія!

Дадимъ себѣ отчетъ: что это такое значить—*понять и опредѣлить русскую народность*, какъ это, будто бы, сдѣлали Хомяковъ и Константинъ Аксаковъ? Изъ всѣхъ возможныхъ и ничего не объясняющихъ толкованій этой забытой и ужъ слишкомъ злоупотребляемой фразы самое удобное для пониманія намъ кажется то, которое прѳстѣе всѣхъ другихъ, именно: *понять и опредѣлить значить—узнать самому и передать другимъ*. Остается еще знать—что такое русская народность? Опять такъ говоря и понимая совершенно просто, это будетъ значить: русскій народъ въ его политической, экономической и общественной жизни. Продолжая понимать и говорить такъ же просто, мы должны будемъ выразиться, что *понять и опредѣлить русскую народность, значить сдѣлать для объясненія русской народности тоже самое, что сдѣлалъ въ нѣкоторой мѣрѣ для объясненія сѣверо-американскаго народа Токвилъ, или что сдѣлали для объясненія англійской народности Маколей и Диккенсъ, или что дѣлаютъ для объясненія той же народности почти каждый столбецъ Тейлса и рѣшительно каждая парламентская сессія, или что сдѣлали и отчасти дѣлаютъ, хотя въ самыхъ ничтожныхъ разнѣрахъ и всегда, по необходимости, одностороннимъ образомъ, для объясненія русской жизни нѣкоторые изъ нашихъ писателей, которыхъ вы, славянофильская партія, при вашей вѣчной разладицѣ съ самими собою, какъ нарочно считаете своими противниками—въ чемъ? на это мы не знаемъ никакого отвѣта, потому что не видимъ въ васъ ровно ничего.*

Вы видите, что мы безъ предразсудковъ и производимъ въ объяснители національностей не только людей многоученыхъ и съ философскимъ образомъ мыслей, но и поэтовъ, ораторовъ, романистовъ,

публицистов—и даже низшій разрядъ этихъ послѣднихъ—фельетонистовъ. Вѣрно это дѣло очень простое?

Да ужъ такое простое, что для занятія этимъ дѣломъ нужно только умѣть говорить, да въ придачу—имѣть глаза, чтобы видѣть, о чемъ говорить. Фельетонисту Теймса стоитъ только сказать: «мы, англичане, должны въ этомъ дѣлѣ, какъ и вездѣ, держаться своей національной политики»,—и ужъ всякій, рѣшительно всякій англичанинъ понимаетъ, что означаютъ эти четыре слова: *мы англичане и национальная политика*; этого мало: люди другихъ націй не хуже самихъ англичанъ понимаютъ въ совершенствѣ значеніе этихъ словъ, потому что англійская нація понятна даже и для людей, для которыхъ собственная народность можетъ оставаться загадкой. И не только фельетонистъ, человѣкъ съ болѣе или менѣе усовершенствованнымъ механизмомъ мышленія, самый непосредственный, рядовой Джонъ Буль, въ самомъ захолустанномъ митингѣ, можетъ произнести: «англійская нація не можетъ потерпѣть, чтобы ея министры были угодниками какой бы то ни было иностранной власти», и онъ можетъ быть увѣренъ, что онъ дѣйствительно истолковываетъ чувства всей англійской націи, потому что англійская нація не составляетъ для него никакого секрета: ея силы находятся все сполна въ свободномъ отпращиваніи. Открой глаза—и смотри на ихъ проявленіе; приложи палецъ—и шупай ихъ пульсъ; раскрой ротъ—и говори о ихъ дѣйствіи. Затруднятся тутъ рѣшительно не чѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ, Джонъ Буль не имѣетъ никакихъ другихъ даровъ для того, чтобы быть истолкователемъ своей націи, кромѣ глазъ и дара слова, и однако онъ ее отлично истолковываетъ. И вы, славянофильская партія, имѣете все дары Джона Буля, и однако вы своей націи, или о ней, не умѣете сказать ни одного толковаго слова. Отчего это?—По видимому отъ одного изъ двухъ: или вы не туда смотрите, или не о томъ говорите. Къ вамъ примѣняется и то и другое: вы, въ самомъ дѣлѣ, Богъ васъ знаетъ зачѣмъ устремляете ваши умственные и вещественные взоры на Тиссу, на Дриссу, на Саву, на Драву, Дунай, и отвращаете ихъ отъ Невы; или: съ пренебреженіемъ отзываетесь о сколько нибудь свѣтлой фактической дѣйствительности (*День. № 3, передовая статья*), и не можете до сѣихъ поръ по случаю открытія или отрытія тридцать третьяго варьянта сказки объ Ильѣ Муромцѣ. Но тутъ есть еще и третье (не такое, впрочемъ, какъ у Хомякова), именно: если бы вы были людьми и болѣе зоркими, вамъ все-таки для составленія понятія о русской народности довелось бы увидѣть очень мало.

— Но мы ничего такого не хотимъ и видѣть: это было бы только вѣдшее изученіе, а мы изучаемъ чедовѣка внутренняго, для насъ важнѣе всего его духовный образъ, мы стремимся, по удачному выраженію нашего Хомякова,

«Къ духу жизни, къ жизни духа».

— Ну, удачное, нечего сказать. Вы хотите намъ показать лицо

безъ тѣла, движеніе въ состояніи покоя, совершенно похожую физиономію народа, созданную по сказкамъ.

Да поймите же, что съ однимъ вдохновеніемъ, съ одною силою бессознательнаго творчества, столь восхваляемаго «Временемъ», нельзя дойти даже и приблизительно до уразумѣнія націи. Можете ли вы изучить мой характеръ, если я не буду имѣть всѣхъ удобствъ проявить его?—Пусть Москва будетъ сердцемъ Россіи (*Константинъ Аксаковъ и г. Шевыревъ*), пусть кдокола ея никогда не лишается своей обяательной силы (*г. Шевыревъ и Константинъ Аксаковъ*), но пусть же и здравый смыслъ войдетъ наконецъ въ права свои.

Вообразите, что ваше знаніе объ электрической силѣ, по какому нибудь случаю, ограничивалось бы только тѣмъ, что вы знали бы о ея существованіи. Много вы могли бы порассказать намъ объ этой силѣ? Были бы вы въ состояніи «понять и опредѣлить» ея характеръ и степень ея энергіи?

Вотъ русская-то національность и есть именно такая скрытая сила, о существованіи которой вы знаете только по сказкамъ. И знаете до такой степени плохо и сбивчиво, что самое очевидное, хотя и слабое, проявленіе ея вамъ показалось такою вещью, противъ которой вы почли долгомъ прибѣгнуть къ заклинаніямъ. Оно показалось вамъ (смѣшно это, или отвратительно? наивно, или тупоумно? — Кто знаетъ?) оно показалось вамъ навожденіемъ запада, который вы съ обыкновенною вашею разсудительностію объявляете терпимымъ въ то самое время, когда *чуть* не готовы порицать вашу націю за употребленіе зажигательныхъ спичекъ *кутно* съ стеариновыми свѣчами, и даже *на самомъ дѣлѣ* порицаете ее за цвѣта и ленты, любимые на западѣ.— Чего тутъ больше: аксаковщины или хомяковщины?

Вы, называющіе себя по преимуществу русскими людьми, задали себѣ риторическую задачу — создать характеристику русскаго народа во образцу, изобрѣтенному французомъ Лябрюеромъ. Но вы не умѣете понять, что такое упражненіе, — если бы оно и было нужно, — возможно только въ концѣ изученія, а не въ началѣ. Здравомыслящіе и дѣйствительно народолюбивые люди имѣли тысячу случаевъ убѣдиться, что вы, несмотря на вашу младенческую наивность, не обладаете ни одной крупницей той премудрости, которая умудряетъ младенцевъ: вы не понимаете такой простой вещи, что начинать нужно съ начала, и вы еще менѣе понимаете, — что именно нужно для начала. А между тѣмъ, кромѣ васъ, это понимаютъ почти всѣ, преданные дѣлу народнаго развитія, желающіе видѣть русскую народность въ ея типичномъ и самосознательномъ выраженіи, и эти люди формулируютъ свои помышленія такимъ образомъ: скрытая сила должна быть пробуждена, должна быть поставлена въ условія свободнаго проявленія; къ этому должна быть устремлена вся сила ума, — въ комъ олько есть такая сила, — и вся энергія патриотична, въ комъ только есть такая

эпигрѣ. — Неужели это безстыдная ложь, безобидно оскорбляющая общественную совесть? Въ такомъ случаѣ, не приведи Богъ никому говорить правду; пусть отвѣтитъ всякій языкъ, говорящій правду, противоположную этой лжи.

— Но тутъ все берутся наши слабыя стороны и обходится наша лучшая заслуга, наше центральное убѣжденіе: наша мысль и наши усилія о соединеніи съ народомъ той его части, которая остается отдѣленною отъ него съ эпохи мучительнаго разрыва.

— Вы сказали, и вы насъ дѣйствительно озадачили. Мы все думали, что вы одумаетесь. Въ вашихъ старыхъ литературныхъ органахъ это для васъ было не легко; ваши органы могли умирать, по обыкновенію; вы могли жить и думать не старому: крошечный лоскутокъ исторіи, лоскутокъ дѣйствительно мучительнаго свойства, по которому вы судили о дѣлѣ безпримѣрно великаго разрывателя, въ то время былъ еще крошечнѣе,—такъ что недалковидность вашего зрѣнія въ то время казалась безпричинною; но въ новомъ вашемъ органѣ она уже кажется слѣпотою; крошечный лоскутокъ исторіи сталъ сколько-нибудь обширнѣе по времени и сдѣлался замѣчательно великимъ по событіямъ. То, что безъ помощи великаго разрывателя могло бы не произойти во многіе десятки поколѣній, благодаря его нечеловѣческой силѣ и безграничному патріотизму, сдѣлалось въ какихъ-нибудь шесть—семь поколѣній. Возьмите этотъ самый разрывъ, — только возьмите его въ его существенномъ, а не воображаемомъ значеніи, возьмите его въ томъ смыслѣ, что онъ существовалъ во всё время, бывшій до великаго разрывателя и во всѣхъ исторіяхъ, начиная съ той, которая начата великимъ ловцомъ Немвродомъ, и кончая той, которую мы считаемъ своею;—возьмите этотъ разрывъ въ его несообразнѣйшемъ и вмѣстѣ самомъ характерномъ проявленіи, именно въ томъ, что люди раздѣлялись на обладающихъ и обладаемыхъ, вспомните всѣ степени и свойства этого разрыва и примѣните его къ положенію теперешняго момента нашей исторіи. Осмыслите такимъ образомъ вашъ взглядъ на дѣло разрыва, потомъ хоть на самое короткое время займитесь не на словахъ, а на дѣлѣ, предметомъ самосознанія и наблюдайте, какія чувства и какія мысли будутъ возникать въ васъ послѣдательной вереницей касательно великаго подвига исполнскаго разрывателя. Не будете ли вы въ немъ видѣть, напротивъ, самаго героическаго соединителя? Это очень просто; намъ кажется, что это способенъ понять даже г. Семеvскій, способенъ именно по той своей особенности, что онъ такъ любитъ говорить о разрывахъ человѣческихъ тѣлъ въ эпоху того; отъ котораго должны были зародиться въ нашемъ отечествѣ и развиваться все болѣе и болѣе и пощада къ человѣческимъ органамъ и уваженіе къ человѣческимъ личностямъ. Мы не удивляемся, что вы говорите о разрывѣ, но намъ страшно, что вы не можете понять его свойства: вы видите разрывъ въ томъ моментѣ, когда именно разрывъ-то и былъ разорванъ. Взгляните по обѣ стороны этого момента: до него и послѣ него. Въ первомъ случаѣ, то есть, до не-

то, разрывъ не то-что возникъ, а просто былъ естественный со-
стоянiемъ, освещенный всѣми условiями тогдашняго быта нашего оте-
чества; великiй разрыватель засталъ это положенiе дѣль такимъ, что
не было ни одной причины даже съ высоты нашей эпохи предвидѣть
ему конца; а между тѣмъ не прошло и семи поколѣнiй, какъ одна
изъ многихъ формъ этого разрыва, крѣпостное право, переживаетъ
свою естественную естественность. Но вы не видите прежняго раз-
рыва; онъ такъ густо замазанъ темною краскою тогдашняго всеобща-
го невежества, что вы принимаете его нестерпимую, безнадѣжную мо-
нотонность за дѣйствительную гармонiю; вы ведете лѣтосчисленiе раз-
рыва съ того времени, когда темная краска начинаетъ спадать тол-
стыми вѣдвовѣчными пластами. Честь и слава вашей прозорливости, но
еще большая честь и большая слава вашей скромности: потому что
теперь, когда исполнiскiе труды нечеловѣческаго великана проявляют-
ся въ ихъ лучшемъ послѣдствiи,—въ уничтоженiи несвободнаго со-
стоянiя въ Россiи,—вы это громадное послѣдствiе приписываете... ко-
му?—рука отказывается написать хулительныя слова; но мы все-таки
таки повторимъ эти хулительныя слова ваши:—вы приписываете его
себѣ, вашимъ славянофильскимъ усилiямъ! Мы повторили это именно
для того, чтобы вамъ было стыдно и чтобы всѣ видѣли, какъ вы
жалки для такой громадной претензiи. Въ Россiи всѣ грамотные ребята
знаютъ такую простую истину, что не будь въ ней нѣкотораго про-
свѣщенiя, не произошло бы въ ней и уничтоженiя крѣпостнаго со-
стоянiя, т. е. уничтоженiя нечеловѣческаго разрыва между человѣ-
комъ и человѣкомъ. И этимъ ребятамъ ужъ конечно не нужно объ-
яснять, что водворителями просвѣщенiя въ Россiи были не славяно-
филы, а тотъ, кто не нуждается въ названiи, чтобы быть великимъ
и узнаваемымъ во всѣ времена—на каждой пяди русской земли, въ
каждомъ дальнѣйшемъ биенiи пульса русской жизни, при уничтоженiи
всякой другой формы разрыва между русскимъ и русскимъ. Оставьте
же неблагодарную роль бросанiя микроскопическихъ камешковъ въ ве-
ликана маленькому г. Семейскому; вы хотите быть серьезными, такъ
перестаньте же возбуждать обидный для васъ смѣхъ, пока онъ не
сдѣлался всеобщимъ. Пусть это будетъ удѣломъ г. Семейскаго, если
ему такъ на роду написано.

Вы всегда имѣли враговъ. Ваши враги всегда были справедливы къ
вамъ въ томъ отношенiи, что признавали васъ людьми совершенно че-
стными. Но о честности безъ толковитости уже такъ много говорено,
что мы не хотимъ повторять общаго мѣста. Кромѣ того, на васъ не
лежитъ никакой обязанности говорить о васъ то, что до васъ не ка-
сается, а ваша признанная честность есть именно ваша частная добро-
дѣтель, частная въ строжайшемъ смыслѣ этого слова: обществу за
вашу честность точно такъ же не приходится благодарить васъ, какъ
и всякаго другого честнаго человѣка. Но мы считаемъ себя въ правѣ
сказать, что общество, если оно захочетъ приадуматься надъ вами, въ
крайнемъ результатѣ придетъ къ тому объ васъ заключенiю: какъ

дѣятельная сила, вы для общества вовсе не существуете; крайняя безурядица кое-какихъ мыслей вами усвоенныхъ, совершенное отсутствіе всякой центростремительной силы въ вашихъ случайныхъ сужденіяхъ о кое-какихъ предметахъ, и наконецъ крайняя безжизненность и неприменимость и вашихъ мыслей, и вашихъ сужденій, служатъ для васъ непреодолимыми препятствіями къ тому, чтобы вы получили смыслъ и какъ партія, и какъ литературный органъ; вашъ «День», какъ и весь складъ вашего ума и весь образъ вашихъ мыслей, не только не вносятъ ни въ русскую жизнь, ни въ русскій общественный смыслъ ничего похожего на день, а напротивъ какъ нельзя болѣе служатъ выразителями той дневной поры, которая такъ удачно у французовъ называется *entre loup et chien*, еже есть сказуемо—пора межъ волкомъ и собакой.

З—ъ.

ФЕЛЬТОНЪ.

НЕВНИНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ НАЧИНАЮЩАГО.

„Du bleibst verwaistes Kind!...“
H. Heine.

Мы всё читаемъ. Мы много читаемъ. Я даже не знаю, когда это у читающей публики достаетъ времени поглотить всю массу печатной бумаги, являющейся съ каждымъ новымъ мѣсяцемъ, съ каждой недѣлей, съ каждымъ днемъ...

Публика!.. Великое это слово. Развѣ на какого мертвеца, на человѣка, наполненнаго лимфой (по выраженію одного ученаго старца) слово это не дѣйствуетъ и не наводитъ на него думы сумрачно-безобразной...

Скажите, пожалуйста, кто изъ насъ публика?.. Я, по молодости лѣтъ, не рѣшу вопроса... Да и какъ взяться за него? Какой критеріумъ прикинуть?

Будь мы славянофилы, намъ легче было-бы отнестись къ вопросу о читающей публикѣ, и о томъ, что она такое для литературы и что литература для нея... Тогда-бы, какъ по написанному, размышляя:

«Все-де это одно *волненіе*, все-де это *призрачно*... Всѣ ваши интересы и движенія, мнѣнія и книги, проза и поэзія, наука и полетика *ерунда*, до тѣхъ поръ пока народъ не скажетъ своего слова!»

Вѣдь этакимъ манеромъ славно бы: *призрачно*—да и кончатъ балъ. А для насъ, признаемся, все это *дѣйствительно* .. Какъ хотите: массой берутъ города.

Надо же, напримѣръ, набрать 10—12 тысячъ читающихъ единицъ для ежегоднаго поглощенія вѣсколькихъ сотъ стопъ печатной бумаги, именуемой *Сыномъ Отечества*.

Вѣдь, согласитесь, 10 тысячъ—цифра внушительная... Это не призракъ, не мифъ!..

И эта цифра читаетъ очень охотно, отъ доски до доски... И ее надо назвать публикой...

Читаетъ она *Сынъ Отечества*; читаетъ она и другіе многоученые журналы, и руководства, и монографіи, и разные романы съ направленіемъ и *безъ* онаго.

Много у насъ толкуется о жизненно-общественномъ значеніи литературы; а какъ посмотришь что читаютъ и какъ читаютъ, такъ подумай: *придвигивъ въ крайнее недоумѣніе*...

Было такое время, когда развитіе и симпатія публики можно было измѣрять по литературнымъ героямъ. Была эпоха марлизма. Имѣла она свою законность и свои яркія черты. Тогда по одной книжкѣ, по одному заглавію можно было узнавать чего ищетъ читатель—какіе поэтическіе образы прельщаютъ его, каковы его вкусы и симпатія.

Ему нравился Амалятъ Бекъ и лейтенантъ Бѣлосоръ, и одинъ этотъ фактъ достаточенъ, чтобъ охарактеризовать эпоху. Было время печоринства. Цѣлыя вереницы людей, со всеми ихъ взглядами, претензіями и страданіями, прикрывались этимъ имѣнемъ. Видишь какая это была *публика* и чего отъ нея ждать...

А теперь кто-же литературные герои; какимъ именемъ мы съ вами прикроемся?

Стоить ли объ этомъ толковать, скажутъ мнѣ. Вѣдь эти герои были лживы; міръ, къ которорому они принадлежатъ, весь составленъ изъ фразы, себялюбія, драпировки и бездушія... Слава Богу, что мы простились съ этими ходульными исчадіями воображенія.

Прекрасно, спора нѣтъ; да вотъ въ чемъ дѣло:

Все же это были образы *идеальные*; они увлекали, въ нихъ былъ *prestige*. И очень сильный для своего времени. Какъ бы фальшива вещь ни была, но если она привлекаетъ, она должна имѣть хоть какую-нибудь силу и стойть, почему-либо, выше той массы, на которую она дѣйствуетъ. Каковъ бы ни былъ герой,

но если онъ для васъ герой, значитъ, вы были-бы далеко не прочь--стать на такой же пьедесталъ какъ и онъ...

Ну, положимъ: мы переросли всѣхъ этихъ лейтенантовъ Белозоровъ и всякіе виды онѣгинства и печоринства: но что-жь изъ этого?..

Послѣднія пятнадцать лѣтъ мы явля одну и ту же пѣсню... выработывали типъ неудавшагося чловѣка, разбирали себя по косточкамъ, создали героя; но развѣ этотъ герой — *герой*?

Увлечь онъ насъ не можетъ. Вѣдь не увлечемся мы видомъ какого-нибудь патологическаго нароста на собственномъ тѣлѣ.

Всѣ тургеневскіе герои могутъ намъ нравиться какъ литературныя личности; но не назовемъ же мы ихъ жизненными идеалами. Мы объ нихъ жалѣемъ и плачемъ, но въ то же время мы разбираемъ ихъ по ниточкамъ, мы смѣемся надъ ними, бранимъ ихъ, презираемъ ихъ.

Стало, это не идеалы.

Да и не нужно намъ ихъ... закричать мнѣ со всѣхъ сторонъ.—Мы живемъ насущностью. У насъ есть желаніе—не драпироваться; а знать себя. Вотъ мы и занимаемся физиологическими и патологическими изслѣдованіями... Ничто нежизненное не только увлечь, но и понравиться намъ не можетъ.

Но странно, что самые симпатичные люди рудинскаго типа существуютъ не для нашей дѣйствительности, и миръ ихъ до крайности призраченъ.

Того ли намъ нужно—если мы такъ реальны, тѣхъ ли людей мыслей и положеній?

Нѣтъ, не того; но кто же виноватъ, что русская жизнь и русское искусство не выработываетъ намъ положительнаго типа?.. А до тѣхъ поръ мы все-таки не умремъ безъ Амалятъ-Беконъ и Печоринныхъ...

Но можетъ ли общество, или читающая публика — какъ хотите — прожить хоть день безчувственно, не реагируя на то, что даетъ ей литература?.. Должно же хоть что нибудь нравиться ей въ данный моментъ. Какъ она ни облекается въ броню разумности и строгой правды своихъ впечатлѣній — все ударитъ ее въ какую-нибудь сторону.

Вотъ мы и работали надъ собой, бѣгали за насущностью, толковали о правдѣ и жизненности... громилъ всякую фальшь и литературную щедрю; ну, а что же сказать безпристрастному наблюдателю, прислушавшись къ толкамъ въ публикѣ?..

До сихъ поръ еще разводятъ разводы о томъ: хорошо ли поступила Наташа, бросивъ Соковлина?.. говорятъ, горячатся, спорятъ... значить, вещь нравится, значить публика серьезно занимается ею.

И неужели *такая* жизненность произведеній нужна ей; неужели она находитъ, что все прочитанное въ Подводномъ Камнѣ имѣетъ глубокое значеніе для ея насущности? Должно быть такъ; и то почему же бы читался и нравился романъ Авдѣева, точно такъ же какъ нравятся въ настоящую минуту *Ули жемчуже и Оскорбленные*?

Всѣ толкуютъ о томъ, что жизненные интересы выше всякаго литературнаго идеала, что прежде всего подавайте намъ правду; а между тѣмъ читаются вещи, лишонныя всякой почвы, безъ живыхъ людей, безъ живыхъ страстей и нормальныхъ отношеній.

И выходитъ на повѣрку, что маринизмъ и печоринство были несравненно здоровѣе: въ нихъ идеально фальшивыя струны тогдашняго человѣка затронуты были сильно и *почвенно*, какъ нынче выражаются...

И отчего же публика не реагируетъ правильно на такія изящныя произведенія, въ которыхъ есть все, кромѣ жизни и настоящихъ людей? Почему же ей нравятся эти надуманные люди, эта сочиненная жизнь?

Почему?

А гдѣ у насъ противодѣйствія подобнымъ вкусамъ и увлеченіямъ?.. Развѣ мы выработывали, въ себѣ самихъ, вполне здоровое чувство жизни, нормы правды; развѣ наше существованіе держится стойкими убѣжденіями, твердыми, общественными и народными основами, прямыми и горячими симпатіями?

Все это кажется моралью; но скажите мнѣ что-нибудь новое.

А тѣмъ временемъ *надуманные* люди и сочиненная жизнь продолжаютъ нравиться.

И кажется, что всѣ возгласы о реальности и правдѣ нашихъ вкусовъ и инстинктовъ—пустые звуки, дутыя фразы.

Можетъ быть, намъ нужно *направленіе*. Только бы чтонибудь доказывалось; а тамъ—какіе люди будутъ изображены, какая почва, это все равно... Только, чтобъ *выводилась* какаянибудь забирательная истина, да гладко читалось; а больше ничего не нужно...

Нѣтъ, врядъ ли это такъ... И чего—чего не наслушаешь-ся съ разныхъ сторонъ... Какія противорѣчія, какая путаница мнѣній!..

И азбучное правило въ лицахъ—нравится, и разговорцы кавалера съ дамой — нравятся, и тенденціи во образѣ надуманныхъ людей, чувствъ и дѣлъ—то же нравятся...

И поверхъ всего этого раздаются голоса смященные заявить, что имъ прежде всего нужна почва, жизнь, бытовая поэзія!... И гдѣ только они не выскиваютъ эту бытовую струю... И чѣмъ они ей не жертвуютъ!.. Всѣмъ, чѣмъ только можно, погрѣшая противъ разума и правды...

Всѣ эти разсужденія пахнутъ голыми и безцѣльными скептицизмомъ, скажете вы.

Пожалуй, я соглашусь съ этимъ. Но легче ли отъ того будетъ и вамъ и мнѣ, и подвинется ли вопросъ о публикѣ...

Нынче критики нѣтъ; нынче кричатъ, что есть нѣчто выше журнальныхъ отзывовъ: это—голосъ читающей массы, ея мнѣнія, ея симпатія... Но въ этой-то массѣ мы и видимъ сундуръ впечатлѣній, вкусовъ и возгласовъ...

У насъ нельзя успокоиться на томъ, что, дескать, во всемъ мірѣ такъ бываетъ. У насъ читающій людъ не носитъ на себѣ такихъ рѣзкихъ отмѣтокъ, какъ въ Европѣ. Мы по своему развитію — одноформенны: да иначе и быть не можетъ... Читающая масса существуетъ у насъ нѣсколько десятилѣтій, училась она все на одинъ фасонъ, подъ однообразными социальными, нравственными и эстетическими началами. Стало быть, если въ ней нѣтъ установившихся вкусовъ, если ея симпатія не подве-дешь ни подъ какую норму,—такъ тутъ дѣло не въ разнообра-зій развитія, а въ чемъ нибудь пожалостнѣе...

И что же выходитъ: авторъ ждетъ суда отъ публики, кото-рую могутъ увлекать картинныя моды, которая способна все читать; но неспособна сказать правдиваго слова... Критика ей набилла въ уши, что ей чужихъ книжныхъ мнѣній не надо, и оставила и ее и автора въ школѣ взаимнаго обученія!

Чему обучиться въ этой школѣ—рѣшить нелегко...

Начинаете вы писать — вы можете выбрать любую изъ мно-жества дорогъ, проложенныхъ въ литературѣ...

У васъ есть талантъ; но и съ талантомъ какъ-разъ возъ-меньше фальшивую ноту. . А кто васъ застрахуетъ отъ этой по-

ты, кто васъ направитъ на истинный путь, прежде нежели вы что-нибудь пустите въ свѣтъ?

Все нравится, все читается — вотъ вамъ и норма... вотъ безграничное море, плавайте, какъ хотите; все будетъ попутный вѣтеръ.

А между тѣмъ, время отъ времени раздаются строгіе карающіе голоса, приносятся очистительныя жертвы, проповѣдуется крайняя утилитарность литературы...

И не замѣчаютъ эти утилитарные боюды, что они способны, на каждомъ шагѣ, восхищаться надуманнымъ и сочиненнымъ, только бы этимъ надуманнымъ и сочиненнымъ что-нибудь доказывалось, разоблачалось и изобличалось. Тутъ у нихъ есть готовая фраза: бытовая поэзія!.. драма жизни, комедія жизни! слово *жизнь* теперь все прикрываетъ, всякую фальшь, всякую бездарность и пустоту. И въ этомъ заключается великій комизмъ нашей публики. Гонимая за жизнь и правдой, она теряетъ пониманіе этихъ немудреныхъ вещей. А все оттого, что она сама-то не знаетъ, чего ей нужно.

Это мнѣніе покажется очень рѣзкимъ; но оно подтвердится внутреннимъ сознаніемъ каждаго.

Ну, загляните въ себя самихъ.

Есть-ли въ насъ истинное чутье правды и красоты; откуда оно зайдетъ и на чемъ разовьется? Всякій, кто хоть окошконибудь задумывается надъ тѣмъ: что такое честное, самостоятельное мнѣніе, знаетъ, легко-ли его выработать. Чтобы судить, нужно имѣть идеаль; а гдѣ у насъ этотъ идеаль и можетъ ли онъ существовать при той легучести и фразѣрствѣ, съ которыми мы относимся ко всему?

Соціальной выдержки у насъ нѣтъ, кровныхъ вопросовъ—тоже, страсти и темперамента—никакого.

Возьмите, наприимѣръ, нашихъ поэтовъ, составьте изъ нихъ одну массу въ своемъ воображеніи, и что прежде всего бросится въ глаза? Отсутствие темперамента. Тоже самое и въ массѣ публики; она ступовывается, она расплывается, и если ее завѣрили, что она живетъ своимъ умомъ, то отъ этого она все-таки не выйдетъ изъ сумбура безтолковыхъ впечатлѣній и живыхъ реакцій, какія мы видимъ на каждомъ шагѣ

И право сдается, что если извѣстныя *направленія* въ литературу перестали уже привлекать всеобщее вниманіе, то это произошло не изъ разумнаго источника, а потому, что вещь

потеряла шикъ, вышла изъ моды; она механически утомила глаза, намозолила пальцы, которые переворачивали печатные листы.

И, слушая возгласы: мы пережили эпоху щедринства, мы стали выше того-то, для насъ не существуетъ то-то, неволью улыбаешься съ горькимъ, развѣдающимъ чувствомъ...

Мы пережили!.. Какое это звучное и модное слово! Ничего нѣтъ ни одного гимназиста, который не драпировался бы имъ, говоря объ испытаніяхъ, *пережить* имъ въ борьбѣ съ инспекторомъ за ношеніе длинныхъ волосъ или панталонъ съ лампасами.

Чтобъ пережить, нужно подняться всѣмъ корпусомъ, а передъ тѣмъ нужно положить въ пережитое всю свою душу, всѣ свои симпатіи, мысли и стремленія.

А на то и на другое мы едва-ли способны. Гдѣ у насъ новый идеаль?

Бросая щедринство или что другое, чѣмъ побуждались мы, на какую точку мы стали, какія новыя воззрѣнія мы себѣ выработали?..

Никто мнѣ не рѣшитъ этихъ вопросовъ, потому что осерчаетъ, и никто не захочетъ согласиться, что публика наша едва-ли истинно *пережила* хоть одну свою симпатію и одинъ свой приговоръ.

Кто-то, не помню, печатно разсуждалъ о томъ, что многіе бы авторы затруднились написать исторію своихъ произведеній. Имъ не легко бы было разсказать намъ: какъ они переживали все то, что выдѣлось наъ-подъ пера, какъ зрѣла и развивалась мысль, какъ создались характеры и выработывался весь типъ произведенія.

Но еслибъ тотъ же вопросъ задать публикѣ? Не поставилъ ли бы она ее въ такое же щекотливое положеніе?

Пусть она отвѣтитъ, какъ, *пережить* ею различныя литературныя впечатлѣнія, пусть она разскажетъ исторію своихъ приговоровъ, воззрѣній и симпатій...

Если подобный вопросъ заданъ былъ въ средѣ пишущей братіи и никого, сколько помнится, не удивилъ, не шокировалъ то почему-жь не предложить его читающей братіи, и какая есть причина скорее поручиться за читающую, чѣмъ за пишущую братію? Одно съ другимъ связано. А публика продолжаетъ тѣшиться тѣмъ, что она дѣйствительно растетъ не по днямъ, а по часамъ, и Бѣлинскаго, напримѣръ, головой переросла.

У насъ теперь что ни человекъ, то свой взглядъ.

Всякій смелится заявить, что онъ не по Бѣлинскому судить, и что мы-де стали на высшую точку зрѣнія; а на какую—неизвѣстно.

Если вы обладаете слухомъ и проницательностью, прислушайтесь къ литературнымъ мнѣнiямъ, хватайте ихъ палету и разсѣкайте анатомическамъ ножомъ.

Что же вы найдете?

Забавную игру въ слова, упражненiе въ искусствѣ—готовые взгляды облекать въ новую оболочку, дробить какуюнибудь маленькую идею того же Бѣлинскаго на миллионъ кусочковъ съ quasi—современнымъ оттѣнкомъ...

Все, что я сказалъ, способно возмутить... Сейчас поднимутся возгласы о бесплодности и старчевствѣ нашего скептицизма, о нашей заносчивости, и проч., и проч., и проч. Да что-жь за бѣда, что мы любимъ отрицательный тонъ?.. И почему же нантъ скептицизмъ долженъ непременно обозначать старчество? Напротивъ, я думаю, что онъ скорѣе признакъ крайней молодости. Доказываетъ ли это иное что, какъ не юношескую порывистость, какъ неспособность созидать въ воображенiи изъ недостатковъ—пороки, изъ припадковъ—недуги, изъ слабости и неразвитости—гниенiе и разлаганiе общества!...

Я, и вы, и пятый, и десятый въ этомъ грѣшны, и долго еще будемъ впадать въ такой грѣхъ, до тѣхъ поръ пока не взойдемъ въ возрастъ...

Съ разныхъ сторонъ слышатся возгласы: посмотрите на эту легкость тѣла, на эти дерзкіе фельетонныя сужденiя обо всемъ, на это отсутствiе добросовѣстности и уваженiя къ обществу, наукѣ, прогрессу!...

Ахъ Боже мой. Да мы всѣ такіе фельетонисты, сколько насъ ни есть... И пусть все написанное мною будетъ чистѣйшая ложь и дерзновеннѣйшее кривлянье — никто этому не долженъ удивляться, потому что я человекъ массы и не ставлю себя выше ея; я ношу ея пороки въ себѣ самомъ, и если сознаю ихъ посвоему, то, можетъ быть, въ самомъ сознании грѣшу больше всѣхъ...

И неужели наша молодость не радуется насъ...

Прошло какихънибудь пять лѣтъ—въ эти пять лѣтъ мы ничего путнаго не сдѣлали. Ну что-жь за бѣда?... Нѣмцы все XVIII столѣтіе да половину XVIII жили мерзопакостно: а хоть бы ухомъ поведи. Пребывали себѣ въ поднѣйшемъ самодоволь-

ствѣ, въ мельчайшемъ чиновничествѣ, бюргерствѣ, гелертерствѣ и ничего, такъ-таки ровно ничего.

А мы?.. Давай сейчасъ кричать: мы дрань, мы фразы, мы то, мы сб... и нѣтъ намъ спасенія ни въ этомъ мірѣ, ни въ будущемъ... Вотъ и я на тотъ же голоосъ пою; да и всякій, даже тѣ, которые съ негодованіемъ читають московскія *элеми* и читають фыркають на разные лады!..-

И мы съ вами не задумаемся завести рѣчь о крайнемъ нашемъ невѣжествѣ и ужасающей недобросовѣстности! И развѣ мы не будемъ правы?

Повѣрьте, русскій человѣкъ такъ устроенъ, что любимое его занятіе—ругать самого себя. Онъ только очень не любитъ менторскаго тона, какъ и всякій слишкомъ юный человѣкъ, а дайте ему самому говорить—такъ за поясъ заткнетъ всевозможныхъ элегическихъ и не элегическихъ доктринеровъ.

Я, напримѣръ, въ настоящемъ случаѣ правозглашаю, что ничего не знаю грустнѣе, какъ истекающій литературный годъ...

Есть вѣдь всякіе дѣти; одни бываютъ тупы, другіе залотушны, третьи склонны къ англійской болѣзни; но всѣ они могутъ подавать болѣе или менѣе пріятныя надежды, по крайней мѣрѣ своимъ папенькамъ и маменькамъ.

А истекающій литературный годъ такое дитя, которое для любящей и пристрастной маменьки не подастъ никакихъ надеждъ...

Какой смыслъ имѣетъ все то, что мы прочли въ десять мѣсяцовъ?—невольно спрашиваешь себя.

Точно вы побывали въ какомъ нибудь департаментѣ, въ какой нибудь канцеляріи, гдѣ все раздѣлено на отдѣленія и столы, народу много, и весь этотъ народъ какъ будто очень занятъ, исписываются большіе листы и накапливается ихъ горы.

И что же вы выносите изъ этого міра перьевъ и бумажнаго труда?

Безотрадное и бесплодное чувство...

Все тутъ есть: и работа, и продукты, и бумаги, и перья, и чернила... однако только нѣтъ—жизни!

Какъ будто вся наша изящная писменность существуетъ за тѣмъ, чтобы доставлять матерьялъ всепоглащающей журнальной машины, подъ бременемъ которой всѣ мы изныли.

Видимо, что у насъ кристоглавымъ журнальнымъ тѣломъ тре-

будется гораздо больше материала, нежели вытекает изъ свободного творчества.

И половина того, что даетъ намъ текущая русская словесность, *выдавливается*, искусственно вызывается на свѣтъ Божій и умираетъ преждевременною смертію подъ гнетомъ собственной бумажной тяжести...

Невольно вопрошаете вы себя: къ чему эта масса подѣстей, къ чему эти компиляціи?... Появились ли бы они, еслибы не существовала эта батарея толстыхъ журналовъ и тощихъ журнальцовъ?...

Насъ заставляютъ читать двадцать журналовъ, когда и на два то едвали хватаетъ живого и дѣльнаго содержанія... И съ каждымъ годомъ растутъ, какъ грибы, эти *депо* бумажныхъ материаловъ, и каждый новый журнальный промышленникъ выступаетъ съ бойкой рѣчью о необходимости сказать новое слово и ратовать противъ спекулятивнаго духа журналистики.

Вотъ ужъ подлинно и смѣхъ и грѣхъ!...

Неужели, въ наше время, можетъ еще зародиться такая дѣлая мысль, что, при существованіи ненужнаго, не-нормальнаго количества журналовъ, — возрожденіе литературы можетъ произойти отъ какого бы то ни было новаго органа... Уже потому этого нельзя, что этотъ новый органъ еще болѣе вызываетъ болѣзненное раздраженіе, *выдавливаетъ* всякой литературной вса-чины.

Вѣдь общество-то остается то же... тѣ же силы и дарованія: что непринужденно, что непосредственно, то само собой выльветъ наружу, особливо при такомъ обиліи органовъ...

И въ самомъ дѣлѣ, русскій человекъ изворотливъ. Ухитрился настрапать чуть не дюжину толстыхъ журналовъ съ одной и той же программой и ничего, все, говорить, еще мало... надо еще поновѣе... перемѣщеніе словъ можно сдѣлать на новый фасонъ.

И какъ же не сказать, что въ нашей жизни заключается глубокой комизмъ...

Мнѣ кажется, что этому комизму нѣтъ конца, точно такъ же какъ не видится конца этой дѣланной, срочной, промышленной литературѣ.

А между тѣмъ наступаетъ Новый Годъ, и мы, волею-неволею, должны предаваться надеждамъ и ждать того, чего намъ не далъ истекающій годъ.

Слышимъ, что появятся капитальные вещи... это большая ра-

доть; но вотъ что не радость.... Журнальный мiръ какъ бы существуетъ въ ожиданiи этихъ капитальныхъ вещей. Цѣлый годъ журналъ, со всѣми своими двѣнадцатью книжками, составляетъ какъ бы гарниръ къ одному важному блюду.... До сихъ поръ, редакция прiобрѣтая романъ какой нибудь знаменитости и начиная имъ новый годъ, смотритъ на это прiобрѣтенiе какъ на фондъ на базисѣ своей дѣятельности и своихъ барышей.

И происходитъ общая гонка за произведенiями знаменитостей и надаванiе цѣны до такихъ размѣровъ, что послѣ сами же редакции острять надъ непопулярностью ганорарiа. Великое дѣло литературный трудъ... Можно написать цѣлые томы о его высшемъ значенiи и о нравственной необходимости, вынужденной обществу—достойно поддерживать и воагнградять писателей.

Но мы, по всегдашней нашей привычкѣ, сейчасъ же церескочимъ за настоящую норму.... У насъ какъ разъ, взлетятъ на воздухъ, экономическiе законы, ибо намъ до нихъ дѣла нѣтъ. Денегъ у насъ мало; а платимъ мы непопулярно дорого; абсолютно-то оно, если хотите, еще сносно: такiе-ли ганоратины получаютъ пишущая братiя за моремъ, да не такой тамъ и спросъ, не такъво и потребление...

«Слава Богу, у насъ теперь можно жить *литературою*», вотъ что говорятъ добродушные люди... Правда; но за то и литература—то превращается въ средство къ жизни, за то и размножается съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, количество промышленныхъ, *выдвигаемыхъ* произведенiй всѣхъ родовъ и видовъ... Оттого-то и нужно любому толстому журналу прiобрѣсти вѣковѣчную вещь и скрасить ею свое годовое существованiе. Вотъ и теперь, въ ожиданiи новаго года, мы предаемся тѣмъ же размышленiямъ и знаемъ, что намъ дадутъ по нѣсколькы подарочковъ.... И знаемъ также, что эти подарочки ничего не скрасятъ, а будутъ себѣ стоять особнакомъ, безъ всякой связи съ текущей писменностью; не вознаградятъ за ту безвкусную пищу, которою мы будемъ питаться цѣлый годъ. И когда посмотритъ на эту вереницу изданiй всякаго калибра, на эту массу объявленiй о всевозможныхъ журналахъ и журнальцахъ, вновь издаваемыхъ,—невольна скажешь: гг., зачѣмъ вы силитесь завѣрнуть насъ, что все это намъ нужно, что этимъ исполняется важный проблѣмъ въ нашей умственной жизни; что журнальная литература имѣетъ сама по себѣ такое развитiе, содержанiе, богатство интересовъ; зачѣмъ все это, когда са-

мымъ толстымъ, самымъ разнообразнымъ журналамъ, нужны подарки на Новый Годъ, надобны дорогіе романы и повѣсти...

И не знаю, когда кончится это заманаваніе читателей именами и беллетрическими произведеніями, когда, наконецъ, мы перестанемъ превращать наши журналы въ кашу, вкусъ которой зависитъ отъ ложки масла, случайно попавшей туда? А главное: долго-ли продлится эта систематическая ложь, проникшая въ нашъ литературный міръ. Миѣ кажется весь этотъ міръ получаетъ видъ одного журнальнаго объявленія, гдѣ все есть, кромѣ правды; словъ, словъ—цѣлый океанъ, и надо всѣмъ этимъ—крайняя скудость интересовъ, крайняя шаткость убѣжденій и обилій всякаго рода недобросовѣстности, смѣлости и *промысленности*....

Скажите пожалуйста, кто нынче задумается издавать журналъ... Предложите это дѣло гимназисту—онъ согласится... И почему же не согласится?... Развѣ для этого требуется, что либудъ, кромѣ простой грамотности, да и ея, пожалуй, не нужно. Издавать журналъ—это все равно, что завести рысака, а завести рысака—надо издавать журналъ... дѣло обоюдное, одно безъ другаго существовать не можетъ....

Нѣтъ такого ничтожнаго писаки, въ городѣ Петербургѣ, который, маломальски *оперившись*, не питаѣ бы сладкой надежды—одѣлаться редакторомъ или издателемъ. Если онъ, въ теченіе полугода, писалъ о погодѣ или составлялъ какую нибудь внутреннюю лѣтопись по свѣденіямъ губернскихъ вѣдомостей—онъ уже мнитъ затѣять съ Новаго Года журналецъ, и настроичить объявленіе, гдѣ убѣдительнѣйшимъ образомъ докажетъ, что его изданіе—*отмѣнливѣйшій* органъ прогресса....

И растутъ какъ грибы эти продукты петербургской цивилизации, ляшонные мысли и содержанія, и влекутъ они, во славу прогресса, свое прѣсное и бессмысленно-спекулятивное существованіе.

Миѣ кажется, скоро настанетъ такой день, когда всѣ обратятся въ редакторовъ и издателей... даже разсылные изъ типографій. Это ужъ въ воздухѣ... и въ самомъ сѣверномъ воздухѣ—въ петербургскомъ, гдѣ все, кажется, стремится достигъ какими бы-то нибыло путями вождѣннаго храма наслажденій, при входѣ въ который стоятъ съ одной стороны—*рысакъ*, съ другой—*камелья*!...

И какъ свѣдѣнны эти журнальные сюрпризы.... Явится объявленіе, съ сотней именъ, съ обширной программой... подпишется двѣ, три, четыре тысячи, а къ концу года, начинаются возгласы: что же это такое!.. Какъ же можно такъ обманывать, на что же это похоже?...

Да позвольте спросить васъ, почтеннѣйшая публика: на чемъ основывали вы ваши ожиданія?... Какую гарантію имѣли въ томъ, что журналъ будетъ дѣльный, съ мыслью и содержаніемъ. Знали вы редактора, написалъ онъ что нибудь порядочное? А прежде всего: была ли у васъ истинная потребность въ новомъ журналцѣ, чего вамъ не доставало?.. Вы и сами-то не отвѣтите....

Такъ, видно, васъ опять прельстили фразы и имена...

Да хорошо еще, что публика-то сразу закричитъ и не дастъ хода промышленному журнальцу... а то вѣдь и этого нѣтъ: будетъ долго читать, не реагируя ни единымъ звукомъ...:

И вотъ въ этой-то взаимной школѣ и состоитъ пишущая и читающая братія...

Публикѣ даютъ всё, не спрашивая ни ея согласія, ни ея суждѣ, ни ея интересовъ. Ее, на каждомъ шагу, эксплуатируютъ дюжины литературныхъ промышленниковъ... дюжины недоучившихся и никогда ничего не думавшихъ писачекъ, которые, съ плеча, рѣшаютъ мировые вопросы, и дѣйствуютъ на основаніи того убѣжденія, что пельзя-же имъ не издавать журналовъ, когда всё издають, и когда публика читаетъ всё, что ей не подлежитъ.

И отъ нея же ждуть проговоровъ; ее же превращаютъ въ дельфійскаго оракула, и избавляютъ себя отъ книжной критики...

Можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ лучше; можетъ быть, въ этой массѣ выработается, подъ конецъ, нѣсколько своихъ, не надуманныхъ, а пережитыхъ взглядовъ, можетъ быть она возметъ за умъ и поведетъ энергическую и разумную войну съ всѣми тѣми, кто ее эксплуатируетъ...

И въ хаосѣ фразъ и разнаго бумагомаранья она найдетъ то, что ей нужно и дождется наконецъ и честныхъ публицистовъ, и глубокихъ мыслителей, и свѣтлыхъ художниковъ, которые бы вывели ее изъ того безцвѣтнаго разложенія, въ которомъ она находится.

Можетъ быть... одинъ годъ сдѣлаетъ то, чего за моремъ ждуть по столѣтіямъ. Мы вѣдь растемъ какъ сказочные богатыри... И Новый годъ надвигаетъ намъ нѣсколько подарковъ и эти подарки, авось, вызовутъ къ жизни настоящія, здоровыя

сннати, и во всякомъ случаѣ имъ, въ заключеніе, повториши—то что уже говорили—что если въ настоящее время мы и представимъ громаднѣйшіе недостатки, такъ это рѣшительно отъ молодости. Дурно только то, что—если имъ не станемъ стараться исправиться, и при дурно проведенной молодости, какъ, можетъ быть, не безызвѣстно и читателю,—часто выходитъ бездарная и ни на что не годная старость: примаръ тому французская литература.

ИЗСКАЖУСЯ.

ПОЛИТИКА.

I. Римскій вопросъ и г. Риказоли.

Къ числу самыхъ затруднительныхъ вопросовъ въ области современной политики принадлежить, безъ всякаго сомнѣнія, римскій вопросъ, по участию въ немъ всѣхъ вообще католическихъ державъ Европы и въ особенности по участию Франціи. Объ этомъ вопросѣ было написано множество политическихъ брошюръ, дипломатическихъ нотъ, газетныхъ статей, памфлетовъ, антологій и разсужденій, имѣвшихъ богословскій характеръ; какъ наприѣръ извѣстное посланіе къ католическимъ епископамъ, написанное патеромъ Пассалиа на латинскомъ языкѣ. Въ добавокъ ко всей этой письменности, въ настоящее время явились по римскому вопросу новыя бумаги, имѣющія совершенно отличный характеръ отъ всего того, что прежде было посвящено разсмотрѣнію папскихъ правъ на свѣтское самодержавіе. Мы говоримъ о письмахъ г. Риказоли, представленныхъ имъ 20 ноября туринской палатѣ депутатовъ. Письма эти сопровождаются проектомъ насчетъ устройства независимаго положенія папъ; какъ верховныхъ пастырей католической церкви, и рѣшенія отъ него, обыкновенно представляемыхъ министрамъ напечатать, тѣмъ, что они скорѣе всего похожи на манифестъ къ Италіи и ко всей Европѣ, нежели на ноты, обращенныя исключительно къ извѣстнымъ лицамъ. На предъизложенныя г. Риказоли туринскому парламенту письма, неоправданныя еще по назначенію, нужно смотрѣть какъ на оправдательныя и руководительныя статьи для политики нынѣшняго итальянскаго министерства. Письма эти не получили еще действительнаго значенія дипломатическихъ нотъ, но они важны по своимъ мыслямъ,

затрогивающимъ вопросъ о папской власти съ новой стороны—со стороны возможной схизмы, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства римскаго первосвященника—признать законность нынѣшняго итальянскаго движенія.

Представляя палатѣ упомянутыя письма, г. Риказоли сказалъ рѣчь, которая начиналась слѣдующими словами:

«Правительство короля считаетъ себя счастливымъ, находясь снова передъ представителями страны и отдавая на ихъ судъ документы, относящіеся къ такому вопросу, который такъ живо затрагиваетъ національное чувство.

«Великій государственный человѣкъ, кончину котораго мы никогда не въ состояніи достаточно оплакать, и о которомъ я сожалею лично болѣе, чѣмъ ктонибудь другой,—такъ какъ я съ меньшими силами долженъ принять на себя ту трудную задачу, которую онъ выполнилъ такъ превосходно,—этотъ великій государственный человѣкъ провозгласилъ, касательно римскаго вопроса, обильный послѣдствіями принципъ—принципъ свободной церкви среди свободной державы.»

Затѣмъ, г. Риказоли,—упомянувъ, что онъ считаетъ священнымъ долгомъ осуществить эту простую и вмѣстѣ съ тѣмъ громадную потребность,—прибавилъ, что онъ, съ своей стороны, уже представилъ въ сокращеніи проектъ касательно взаимныхъ гарантій какъ церковной, такъ и государственной свободы, и что онъ еще разъ представить подобный проектъ на усмотрѣніе святаго отца.

«Но такъ какъ, къ несчастію, — продолжалъ г. Риказоли, — для насъ закрыть всякій путь къ примымъ сношеніямъ съ его святѣйшествомъ, то мы просили содѣйствіемъ со стороны великодушнаго императора французовъ и его правительства, доброжелательство которыхъ къ Италіи выразилось многими и очевидными фактами точно такъ же какъ и чувство ихъ уваженія и преданности святому престолу.

«Еще прежде, при другомъ случаѣ, — говорилъ далѣе г. Риказоли, — я торжественно сказалъ вамъ какимъ образомъ правительство короля хотѣло идти на Римъ. Оно хотѣло идти туда не безпорядочнымъ потокомъ, не насильственными способами, не разрушая, не создавая церковь и доставляя ей возможность—приобрѣсти блескъ и новое величіе, вслѣдствіе ея освобожденія отъ свѣтскихъ узъ, которыя дѣлаютъ ее рабою, хотя, повидимому и даютъ ей способъ сохранять ея могущество. Всякій разъ, когда дѣло шло о Римѣ, я находилъ, что нужно было дѣйствовать въ согласіи съ Франціей, такъ какъ Италія никогда не забудетъ той могущественной поддержки со стороны Франціи, которая привела ее въ настоящее положеніе, позволяющее ей, — если только она твердо и разумно будетъ держаться уже прой-

деннаго ею вѣсти, — занять должное мѣсто среди другихъ державъ.»

Упомянутая дальѣ, что образъ дѣйствій королевскаго правительства былъ сообразенъ съ объявленными имъ началами, а также и съ дипломатическими усиліями, когда оно старалось разрѣшить римскій вопросъ соглашеніемъ съ папою и когда оно обращалось къ посредничеству Франціи, — г. Риказоли прибавляетъ, что, къ несчастію, однако, въ ту пору святой отецъ не желалъ выслушать никакого предложенія, и что при такихъ обстоятельствахъ французское правительство нашло несвоевременнымъ представлять Пію IX прозвѣтъ, составленный туранскимъ министерствомъ.

Въ послѣдней части своей рѣчи г. Риказоли говорилъ о томъ, что въ настоящее время королевское правительство чувствуетъ необходимость ознакомить народныхъ представителей и весь міръ съ тѣмъ, какъ оно понимаетъ свою обязанность въ отношеніи къ Італіи. Оно, по словамъ перваго итальянскаго министра, хочетъ достигнуть свободы и независимости этой страны, безъ всякаго ущерба для религіи и церкви.

Окончивъ въ этомъ смыслѣ свою довольно-продолжительную рѣчь, г. Риказоли предъявилъ парламенту прозвѣтъ своихъ писемъ къ кардиналу Антонелли, къ Пію IX и къ Нигри, итальянскому посланнику при парижскомъ дворѣ. Мы, съ своей стороны, укажемъ на общее содержаніе и на главные мѣста этихъ обширныхъ бумагъ.

Первое письмо начинается замѣчаніемъ о заботахъ итальянскаго правительства насчетъ пагубныхъ послѣдствій, какія можетъ породить, какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, образъ дѣйствій римскаго двора. Въ виду этихъ-то послѣдствій, королевское правительство, по словамъ г. Риказоли, желало еще разъ обратиться къ уму и къ сердцу святаго отца.

Послѣ упоминанія о томъ, какое мѣсто занимаетъ Антонелли при римскомъ дворѣ, какъ по своему высокому сану, такъ и по личному къ нему довѣрію Пія IX, г. Риказоли замѣчаетъ, что кардиналъ лучше всякаго другого можетъ въ настоящемъ случаѣ дать папѣ полезныя и дѣйствительныя совѣты, и что, вслѣдствіе этихъ соображеній, и препровождается къ его эминенціи письмо, написанное г. Риказоли къ папѣ по именному повелѣнію Виктора-Эммануила.

Перейдемъ теперь къ этому замѣчательному письму.

«Двадцать лѣтъ прошло, — пишетъ г. Риказоли, — съ той поры, какъ Італія, тронутая словами кротости и прощенія, исшедшими изъ устъ вашихъ, получила надежду — окончить рядъ своихъ вѣжовыхъ несчастій и начать эпоху своего возрожденія. Но такъ рядъ нисоземныхъ власти раздѣлили ее между различны-

ми повелителями, и сохраняли надъ ней и почительство, и господство, то дѣло возрожденія не могло совершиться мирно въ ся собственныхъ границахъ. Нужно было прибѣгнуть къ оружію, чтобы освободить насъ отъ иноземныхъ владыкъ, стоявшихъ среди насъ лагеремъ; иначе гражданскія преобразованія были бы задержаны и даже вовсе уничтожены при первомъ ихъ возникновеніи.

«Тогда вы, святой отецъ, помня, что служите на землѣ представителемъ Бога мира и любви и отцомъ всѣхъ вѣрныхъ католиковъ, отказали въ вашемъ содѣйствіи итальянцамъ въ священной для нихъ войнѣ за независимость. Но такъ какъ вы, будучи первосвященникомъ, были въ то же время и итальянскимъ государемъ, то рѣшеніе это превзошло великой горестью сердца итальянцевъ. Умы раздражились, и тогда разстроилось то единодушіе, которымъ было такъ счастливо и такъ сильно начало нашего возрожденія. Народныя бѣдствія, которыя послѣдовали затѣмъ немедленно, воспламеняли все болѣе и болѣе возбужденныя страсти, и послѣ рокового ряда прискорбныхъ событій, — которыя намъ всѣмъ хотѣлось бы забыть, — между итальянской нацией и апостольскимъ престоломъ возникло пагубное столкновеніе, которое существуетъ доселѣ и которое приноситъ одинаковый вредъ какъ той, такъ и другой сторонѣ.»

Замѣчая далѣе, что каждая борьба должна кончиться или пораженіемъ одной изъ враждующихъ сторонъ или взаимнымъ ихъ примиреніемъ, г. Риказоли высказываетъ мысль, что права итальянской націи, точно такъ же незлыбимы, какъ право апостольскаго престола, и что такъ какъ ни итальянская нація, ни папство не могутъ исчезнуть съ поля битвы, то имъ необходимо примириться между собою, чтобы не повергнуть міръ въ страшныя и нескончаемыя потрясенія. Упомянувъ далѣе избитую фразу о наслѣдственной почтительности Савойскаго дома къ папскому престолу и объ его преданности католической церкви, г. Риказоли уже безъ дальнѣйшихъ оговорокъ пишетъ слѣдующія строки:

«Если бы на каждомъ шагу идущаго впередъ общества церковь не была способна созидать новыя условія быта, на которыхъ могло бы основываться развитіе общественной жизни, то она была бы не всемірнымъ, вѣчнымъ учрежденіемъ, а тѣмъ-то временнымъ, проходящимъ. Богъ непоколебимъ въ существѣ своемъ, а между тѣмъ Онъ выказываетъ безконечную плодотворность въ созданіи новыхъ веществъ, въ произведеніи новыхъ формъ. Церковь представляла доселѣ блестящія доказательства этой плодотворности, разумно преобразовываясь въ своихъ точкахъ соприкосновенія съ гражданскимъ міромъ, при каждомъ новомъ переворотѣ, случавшемся въ обществѣ. Тѣ, которые ут-

верждаютъ, что она должна оставаться неподвижною, осмѣлится ли утверждать, что она никогда не измѣнялась въ своихъ внѣшнихъ формахъ и въ своихъ отношеніяхъ?»

Въ подтвержденіе этихъ словъ, г. Риказоли ссылается на разные условія, при которыхъ римская церковь существовала во времена Григорія VII, Льва X и въ первые вѣка христіанства, когда она, въ катакомбахъ, бѣдная, гонимая, погружалась въ созерцаніе вѣчныхъ истинъ. Далѣе г. Риказоли въ краткихъ словахъ рассказываетъ переходъ римской церкви изъ мрачныхъ катакомбъ въ блестящія базилики, и говоритъ о томъ благотворномъ влияніи, которое она имѣла на семейную, общественную и государственную жизнь.

«Но когда общество дошло до болѣе совершенной степени воспитанія, — замѣчаетъ г. Риказоли, — когда разумъ его просіялся, тогда прекратилась потребность въ церковной опеке и, вслѣдствіе этого, рушились ея основанія. Обратились снова къ преданіямъ старинной цивилизаціи, и папа, имя котораго связано съ этимъ дѣломъ, заслужилъ, что его именемъ названъ тотъ вѣкъ, въ который онъ жилъ. Итакъ, — если церковь доселѣ умѣла соединять съ пониманіемъ своего истиннаго значенія тѣ необходимыя, которыя налагаются на нее общественными преобразованіями, то не оскорбляютъ ли ее и не вредятъ ли ей скорѣе всего тѣ, которые желали сдѣлать ее неподвижною, уединить ее отъ гражданскаго общества и обратить ее въ врага духу новѣйшихъ временъ, чѣмъ мы, просящіе только у нея одного — чтобы она сохранила свои верховныя, духовныя права и была бы руководительницею свободы, которою пользуются созрѣвшіе народы. Какъ церковь, по самому своему учрежденію, не можетъ быть врагомъ честной гражданской свободы, — заключаетъ Риказоли, — такъ точно она не можетъ и противиться развитію національностей».

Г. Риказоли, въ настоящемъ письмѣ своемъ къ папѣ, понятіе о національностяхъ примѣняетъ ко взглядамъ римскихъ богослововъ. Для нихъ собственно онъ сообщаетъ, что, по волѣ Провидѣнія, родъ человѣческій раздѣленъ на группы, различныя по языку и по происхожденію, и что Всемогущій показалъ — какую цѣну человѣкъ долженъ придавать своей народности, когда, желая наказать еврейской народъ, не слушавшійся ни предостереженій, ни наказаній, онъ подвергъ его страшнѣйшей изъ каръ — иноземному владычеству.

Въ добавокъ къ такимъ доводамъ, г. Риказоли пишетъ:

«Вы сами, святой отецъ, доказали это, когда въ письмѣ къ австрійскому императору въ 1848 году, убѣждали его «положить конецъ войнѣ, которая не возвратитъ его имперіи духа ломбардцевъ и венеціанцевъ, справедливо дорожащихъ своею народностію.»

Далѣе г. Риказоли убѣждаетъ Пія IX замѣчаніемъ, что христіанская идея не допускаетъ притѣснять одного человѣка другинъ и одну націю утѣснять другою и что, слѣдовательно, итальянцы, требуя своихъ правъ, какъ нація, не нарушили никакого религіознаго принципа и не нашли въ своей вѣрѣ, какъ христіане и католики, ни одного догмата, который бы осуждалъ совершенное ими дѣло.

Безъ всякаго сомнѣнія, Пій IX, читая эти строки въ письмѣ г. Риказоли, можетъ вполне согласиться съ его толкованіями на счетъ правъ національности. Такимъ соглашеніемъ римскій первосвященникъ не принесетъ ни малѣйшаго ущерба своей самодержавной власти. Онъ не считаетъ себя властителемъ иноземныхъ, дѣло выходитъ здѣсь совершенно на оборотъ: верховность мпавства возникла изъ послѣдовательнаго хода событій въ Италіи и эта верховность, быть можетъ, удержала иноземцевъ отъ совершеннаго порабощенія итальянцевъ даже въ ихъ первенствующей столицѣ. Г. Риказоли, для убѣжденія папы въ его положеніи, вредномъ для итальянской національности, нужно было связать послѣднюю съ свѣтскимъ господствомъ папъ, и г. Риказоли слѣдалъ это, обрушивъ впрочемъ, какъ кажется, всю вину настоящаго положенія Италіи не на папство вообще, но только собственно на личность Пія IX. Не говоря ни слова о другихъ папахъ, пользовавшихся свѣтскимъ самодержавіемъ, г. Риказоли рассуждаетъ объ этомъ дѣлѣ слѣдующимъ образомъ.

«Итальянцы, вступая на пути, открытыя имъ Провидѣніемъ (для возстановленія своей національности), не имѣли въ виду оскорбить религію или повредить церкви; это доказывается радостью и почтеніемъ, которыми они окружили васъ въ первыя времена вашего папства и глубокой горестью, невыразимымъ смятеніемъ, съ какими они приняли окружное посланіе 29 апрѣля 1848 года. Имъ пришлось оплакивать столкновение, возникшее, къ несчастію, въ душѣ вашей между обязанностями первосвященника и государя. Они желали, чтобы могло установиться соглашеніе между двумя высокими званіями, соединившимися въ вашей священной особѣ; но, къ сожалѣнію, неоднократныя увѣренія и многозначительныя дѣйствія дали имъ понять, что это соглашеніе невозможно. Тогда, не имѣя возможности отказаться отъ своего собственнаго существованія, отъ непоколебимыхъ правъ націй, точно такъ же, какъ и отъ вѣры отцовъ своихъ, они положили, что государь долженъ уступить первосвященнику.

Итальянцы не могли не принять въ соображеніе тѣхъ противорѣчій, въ которыя часто заставляло впадать папскій престолъ соединеніе двухъ сановъ. Эти противорѣчія, раздражая умы противъ государя, ничего не прибавляли къ уваженію, подобающему особѣ первосвященника.

Обстоятельство это, по словамъ г. Риказоли, наведо итальян-

цевъ на мысль—разсмотрѣть происхожденіе этой власти, ея сущность и употребленіе, сдѣланное изъ нея,—и, добавляетъ г. Риказоли,—должно сознаться, что во многихъ отношеніяхъ разборъ этотъ былъ не въ ея пользу. По отношенію этой власти къ Италіи общественное мнѣніе, по выраженію письма, постановило рѣшеніе неблагопріятное. Какъ доказательство справедливости такого рѣшенія, г. Риказоли поставляетъ на видъ то обстоятельство, что Евангеліе содержитъ въ себѣ много словъ и призывовъ презрѣнія къ земнымъ благамъ, а также и убѣжденія Иисуса Христа, дѣлаемые ученикамъ насчетъ непомышленія о властвованіи и господствѣ. Не найдется ни одного изъ учителей церкви и богослововъ,—прибавляетъ г. Риказоли,—который утверждалъ бы, что политическое самодержавіе необходимо для исполненія сятаго призванія. Было, статья можетъ, время, когда всѣ права были шатки и были отданы на жертву силѣ и когда обаяніе свѣтскаго самодержавія способствовало независимости церкви. Но съ тѣхъ поръ, какъ они укрѣпились, присоединивъ къ себѣ свои естественные элементы и европейское государственное право утвердилось на разумныхъ и справедливыхъ основаніяхъ, какую выгоду могла найти церковь въ обладаніи небольшимъ королевствомъ, кромѣ-того, что она повергалась въ волненія, противорѣчія и затрудненія, порождаемая политикой и отвлекалась ирскими интересами отъ небесныхъ благъ?»

Разрѣшить этотъ вопросъ г. Риказоли предоставляетъ «совѣсти и доброму сердцу» Пія IX. Онъ же съ своей стороны приводитъ только послѣдствія такого порядка вещей.

«Духовенство уже раздѣляется, —пишетъ г. Риказоли,—стало оставляетъ своихъ пастырей. Есть прелаты, епископы и священники, которые открыто отказываются участвовать въ войнѣ, которая ведется въ Римѣ, съ итальянскимъ королевствомъ; еще большее число этихъ лицъ не расположено къ ней втайнѣ. Большинство съ негодованіемъ смотритъ на то, что съ каведры употребляютъ Слово Божіе, и дѣлаютъ изъ него орудіе осужденія и проклятія противъ всего, что итальянцы привыкли почитать и благословлять. Большинство, не привыкшее къ тонкимъ различіямъ, можетъ, наконецъ, приписать религіи то, въ чемъ иноваты только ея служители, и отдѣлиться отъ вѣры, принадлежающей къ которой итальянцы въ теченіе XVIII вѣковъ, почитали за славу и за счастье.»

Угроза расколomъ, конечно, должна сильно подѣйствовать на римскій дворъ. Потерявъ ближайшую къ себѣ итальянскую паству, глава католической церкви, по необходимости, долженъ будетъ покинуть Римъ, окруженный схизматиками. Приводя эту угрозу, г. Риказоли совѣтуетъ Пію IX освободить себя отъ суевѣрій королевской власти и тѣмъ самымъ стать выше земныхъ властителей. Италія, — добавляетъ г. Риказоли — даетъ вамъ

вѣрную резиденцію, полную свободу, новое величіе. Она уважаетъ первосвященника, но не можетъ остановиться на ходу своемъ передъ государемъ; она хочетъ остаться страною католической, но свободной и независимой.

Далѣе слѣдуютъ краснорѣчивыя фразы о будущемъ величій папы, когда онъ, какъ духовный владыка, простретъ, для благословенія, свою десницу надъ Ватиканомъ, Римомъ, и цѣлою вселенной. По всей вѣроятности, такія картины духовнаго величія мало плѣнятъ воображеніе Пія IX, смотрящаго на свое положеніе съ точки зрѣнія несходной со взглядомъ турецкаго министра. Письмо же послѣдняго оканчивается слѣдующимъ проэктомъ соглашенія между папствомъ и Италією.

§ 1. Святой отецъ сохранить свой санъ, неприкосновенность и все преимущества, подобающія государямъ, и, кромѣ того, то превосходство, которое установили обычаи относительно королей и прочихъ владѣтельныхъ особъ.

Кардиналы сохранять званіе князей святой церкви и почести, соединенныя съ этимъ саномъ.

§ 2. Правительство его величества короля итальянскаго обязывается ни въ какомъ случаѣ не препятствовать дѣйствіямъ его святѣйшества на основаніи каноническаго права, въ качествѣ западнаго патріарха и примаса Италіи.

§ 3. То же правительство признаетъ за папою право отправлять въ иностранныя земли нунціевъ и обязывается покровительствовать имъ во время ихъ пребыванія въ предѣлахъ Италіи.

§ 4. Папа будетъ имѣть полную свободу сноситься съ епископами и со всею паствою, и обратно, безъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства.

Равнымъ образомъ онъ можетъ, гдѣ и какъ пожелаетъ, созывать церковныя соборы и синоды.

§ 5. Епископы въ своихъ епархіяхъ и священники въ своихъ приходяхъ будутъ независимы отъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства въ отправленіе ихъ духовныхъ обязанностей.

§ 6. Тѣмъ не менѣе, однако, они должны подчиняться общимъ правиламъ въ случаѣ ихъ преступленія, наказываемаго законами гражданскими.

§ 7. Его величество отказывается отъ всякаго покровительства надъ церковными имуществами.

§ 8. Итальянское правительство отказывается отъ всякаго вмѣшательства касательно назначенія епископовъ.

§ 9. Помянутое правительство обязывается доставить его святѣйшеству постоянное, неизмѣняющееся содержаніе, размѣръ котораго будетъ опредѣленъ съ общаго согласія.

§ 10. Правительство его величества короля Италіи—съ цѣлью, чтобъ все державы и все католическіе народы могли способствовать содержанію папы—откроетъ съ этими державами своевремен-

ные переговоры, для опредѣленія отъ каждой изъ нихъ суммы на то содержаніе, о которомъ говорилось въ предыдущей статьѣ.

§ 11. Оно будетъ также вести переговоры и для того еще, чтобъ получать гарантіи по предметамъ, упомянутымъ въ предшествовавшихъ статьяхъ.

§ 12. Къ обсужденію этихъ условій его святѣйшество и правительство короля Италіи приступятъ черезъ посредство комиссаровъ, назначенныхъ для этой цѣли.

Третье письмо г. Риказоли, письмо къ г. Нигри, упоминаетъ прежде всего о томъ, что заботы, причиняемыя королевскому правительству римскимъ вопросомъ, непрерывны и что, кромѣ того, онѣ становятся все болѣе и болѣе важными; что правительство не можетъ не признать опасностей продолжительнаго замедленія, которыя, по различнымъ причинамъ, становятся все болѣе и болѣе настоятельными.

«Всѣ наши затрудненія, — пишетъ г. Риказоли, — общественное мнѣніе приписываетъ тому, что Римъ не наша столица. Никто не вѣритъ, чтобъ управленіе государствомъ могло утвердиться на прочномъ основаніи, пока центръ не будетъ переведенъ въ Римъ, — пунктъ, отстоящій на одинаковомъ разстояніи отъ оконечностей полуострова. Логика національнаго единства, — чувства, господствующаго нынѣ надъ италіянцами, — не допускаетъ, чтобы единство было нарушено существованіемъ, въ сердцѣ королевства, государства разнороднаго и притомъ враждебнаго. Должно сказать, что весьма понятное терпѣніе націи, желающей завладѣть своей столицей, возбуждается еще сильнѣе образомъ дѣйствій неаполитанскаго двора въ римскихъ дѣлахъ.»

Минуя подробности этого факта, г. Риказоли обращаетъ вниманіе представителя Италіи въ Парижѣ на причины, заставляющія италіянское правительство желать скораго разрѣшенія римскихъ дѣлъ. Причина эта заключается, по мнѣнію г. Риказоли, въ правѣ италіянцевъ владѣть Римомъ, принадлежащимъ націи, почему и долгъ италіянскаго правительства заключается въ томъ, чтобы вести дѣла къ этому результату, для избѣжанія необузданныхъ, всегда прискорбныхъ народныхъ движеній.

За тѣмъ г. Риказоли поручаетъ посланнику — сообщить императору Наполеону письмо, адресованное къ папѣ и просить его величество, чтобъ онъ дозволилъ своему представителю въ Римѣ передать это письмо Шю IX.

Прибывая къ посредничеству Франціи, по причинѣ разрыва туринскаго кабинета съ папою, г. Риказоли замѣчаетъ, что онъ и потому еще обращается къ императорскому правительству съ просьбою о содѣйствіи, что никакой голосъ не можетъ имѣть большаго значенія въ Римѣ, какъ голосъ Франціи, которая уже одиннадцать лѣтъ оказываетъ тамъ могущественное и уважаемое повѣрительство. Далѣе г. Риказоли говоритъ о томъ, что если

настоящая попытка не увѣчается успѣхомъ, то несомнѣнно, что религіозное чувство итальянцевъ будетъ сильно поколеблено отказомъ, и что весьма трудно будетъ сдерживать истеричіе націи, умѣряемое доселѣ надеждою на близкое рѣшеніе римскаго вопроса.

Въ заключеніе же г. Риказоли объясняетъ непринятую въ дипломатическихъ сношеніяхъ форму письма, отправляемаго къ папѣ не за подписью самаго государя, но за подписью его министра. Это, по словамъ г. Риказоли, происходитъ отъ того, что въ другихъ обстоятельствахъ, подобныхъ настоящимъ, Викторъ-Эммануилъ самъ обращался къ папѣ и не получилъ отвѣта или получалъ такой, который оскорбилъ его королевское достоинство. Кроиъ того, прибавляетъ г. Риказоли, королевскому правительству казалось, что въ такомъ случаѣ, когда почтительно обращаются къ папѣ отъ имени итальянской націи, обыкновенный истолкователь дѣйствій исполнительной власти, который, въ отсутствіе итальянскаго парламента, служитъ главнымъ представителемъ самой націи, долженъ былъ взять на себя и выраженія ея чувствъ и желаній.

Дѣйствительно г. Риказоли, предъявивъ, прежде отправки, упомянутыя письма представителямъ націи, придалъ имъ характеръ совершенно отличный отъ обыкновенныхъ дипломатическихъ депешъ. Письма эти, одобренныя въ парламентѣ, будутъ уже не простыми письменными сношеніями, но документами, адресами, выражающими народную волю; въ нихъ будетъ говорить не король, но Италия отъ лица своихъ представителей. Вообще же разсмотрѣнные здѣсь акты представляютъ въ дипломатической сферѣ новизну по своей формѣ и имѣютъ большую важность по своему содержанию. Прочитавъ же эти письма въ парламентѣ, г. Риказоли заблаговременно придалъ имъ особую гласность, какой бы они никогда не имѣли, если бы являлись въ формѣ обыкновенныхъ дипломатическихъ депешъ, допускаемыхъ къ чтенію въ палатахъ уже послѣ ихъ отправки по назначенію.

Кроиъ того едва ли нашолся бы другой лучшей способъ для объясненія парламенту виѣшней политики нынѣшняго туринскаго кабинета относительно римскаго вопроса, какъ тотъ, который былъ избранъ г. Риказоли.

II. Дашпская долина.

Въ политикѣ случается очень часто, что самое ничтожное, по-видимому, событіе бываетъ источникомъ важныхъ послѣдствій. Нерѣдко изъ нѣсколькихъ, не совсѣмъ ясно высказанныхъ строкъ какогонибудь стариннаго международнаго договора, поднятаго при случаѣ изъ архивной пыли, возникаетъ длинный рядъ сомнѣній, переходящихъ сперва въ письменный споръ между дипломатами,

потомъ—въ дипломатическій разрывъ, и наконецъ — въ боевую схватку и даже въ долгодѣтельную войну. Поэтому, очень помятно, какую важность въ политической сферѣ получило, какъ кажется съ перваго разу, весьма неважное дѣло о Даппской долинѣ, возникшее между Франціей и Швейцаріей. Императорская Франція, гордая своимъ могуществомъ, завела серьезный споръ съ республиканскою Швейцаріей, неподатливой въ виду штыковъ и пушекъ сальнаго сосѣда. Въ основѣ этого спора вращается вопросъ, возникшій изъ одного весьма важнаго дипломатическаго акта. Мы говоримъ о постановленіяхъ Вѣнскаго конгресса, который, среди множества дѣлъ, имѣвшихъ громадное значеніе для тогдашней Европы, обратилъ свое вниманіе и на скромную полосу швейцарской территоріи, называемую Даппской долиной.

Долина эта незначительна какъ по пространству, такъ и по населенію. Она занимаетъ всего 5000 акровъ и имѣетъ только 137 жителей. Даппской долины, вслѣдствіе ея малости, не находится ни на одной изъ лучшихъ географическихъ картъ Европы; поэтому, чтобъ указать ея мѣстность, скажемъ, что она лежитъ на склонѣ горы Юры, тамъ гдѣ сѣверо-восточная часть Ватлантскаго кантона граничитъ съ Франціей, и это-то обстоятельство придастъ ей особенную важность. Въ Даппской долинѣ находится живописная, впрочемъ весьма небольшая, швейцарская деревня Крессоньеръ, а въ виду этой деревеньки поднимаются стѣны небольшого французскаго форта Ле-Руссъ, съ французской таможеней. Въ этомъ-то скромномъ уголкѣ мирной Швейцаріи началась недавно завязка дѣла, которое, чего добраго, можетъ сдѣлаться однимъ изъ европейскихъ вопросовъ и если оно не приготовитъ войны, то, по крайней мѣрѣ, легко можетъ продержатъ нѣсколько времени въ самомъ сильномъ напряженіи всѣхъ дипломатовъ. Хотя дѣло это и не приняло еще до сихъ поръ такихъ общихъ, значительныхъ размѣровъ, тѣмъ не менѣе, однако, возникшій теперь вопросъ о Даппской долинѣ сдѣлался предметомъ дѣятельныхъ и щекотливыхъ переговоровъ между императорскимъ и федеральнымъ правительствами. Вопросъ этотъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней занималъ во французскихъ и другихъ европейскихъ газетахъ первые столбцы и даже нѣкоторое время отодвигалъ на второй планъ извѣстія о дѣлахъ итальянскихъ.

Только англійскія газеты, вопреки своей обычной симпатіи къ швейцарскимъ интересамъ, оставались равнодушны къ спору, затѣянному Франціей съ ея сосѣдомъ, а «Times» даже подсмѣивался надъ всѣмъ этимъ дѣломъ, говоря, что за всю Даппскую долину не дали бы на лондонскомъ рынкѣ 500 фунтовъ стерлинговъ и что она важна для Франціи потому только, что тамъ французскіе жандармы обшаривали нѣсколько времени тому назадъ путешественниковъ, съ тѣмъ чтобъ убѣдиться, нѣтъ ли у

кого набудь изъ нихъ женевскихъ часовъ, запряганныхъ въ бабенбардахъ или подъ ногтями. Впрочемъ легко понять, что въ этихъ шуткахъ первенствующей въ Европѣ газеты проглядываетъ насмѣшка не надъ сущностію самаго дѣла, но только надъ излишней притязательностію и мелочною придирчивостію со стороны Франціи, которая готова завести ссору съ своимъ, относительно ея слабымъ, сосѣдомъ, изъ-за какихъ нибудь пустяковъ, не стоящихъ никакого вниманія съ практической точки зрѣнія.

Впрочемъ, вопреки шуткамъ газеты «Times», надобно сказать, что Даппская долина, кромѣ таможенной важности для Франціи, имѣетъ еще для послѣдней нѣкоторую важность и въ стратегическомъ отношеніи, такъ какъ фортъ Ле-Руссъ можетъ сообщаться съ мѣстностію Жексъ, принадлежащею къ Энскому департаменту, не иначе какъ только черезъ Даппскую долину. Безъ всякаго сомнѣнія обстоятельство это имѣлось въ виду при составленіи вѣнскихъ трактатовъ, въ которыхъ, между прочимъ, сказано слѣдующее: «Валезія, территорія Женевы и княжество Невшатель присоединены къ Швейцаріи. Даппская долина, входившая въ составъ Ватланда, возвращается этому кантону.» Между тѣмъ послѣдовавшіе за Вѣнскимъ конгрессомъ политическіе перевороты, — возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы, битва при Ватерлоо и возстановленіе Бурбоновъ въ Франціи, — склонили европейскую дипломатію на сторону реставрированнаго ею французскаго правительства а вмѣстѣ съ тѣмъ и дали послѣднему удобный случай выговорить у конгресса другую декларацію, въ которой было сказано, между прочимъ, что признается справедливымъ требованіе Франціи о возвращеніи ей Даппской долины, во вниманіе къ болѣе важнымъ уступкамъ, сдѣланнымъ, съ ея согласія, въ пользу швейцарскаго союза.

Надобно однако замѣтить, что такое постановленіе конгресса не было никогда приведено въ исполненіе и что, такимъ образомъ, подъ словами: признается справедливымъ «подразумѣвался только взглядъ конгресса на право Франціи получить Даппскую долину, а не фактическое обладаніе этой мѣстностію. Вслѣдствіе этого, вопросъ о Даппской долинѣ былъ постояннымъ предметомъ спора между французскимъ и швейцарскимъ правительствами; но споръ этотъ не принималъ никогда ни того характера ни того размѣра, которыми отличается нынѣшній. Обыкновенно всѣ дѣла, возникавшія по поводу Даппской долины, оканчивались только ссылками со стороны Швейцаріи на декларацію 20 марта, передавшую Даппскую долину во владѣніе союза, со стороны Франціи — на позднѣйшее постановленіе вѣнскаго конгресса, признававшего справедливость домогательствъ, предъявленныхъ королевскимъ правительствомъ.

При такихъ обоюдныхъ притязаніяхъ, обѣ стороны улаживались между собою тѣмъ, что онѣ смотрѣли на небольшой кло-

чокъ земли, лежащій между Швейцаріей и Франціей, какъ на нейтральную территорію, такъ что при этомъ взглядѣ всякое самостоятельное распоряженіе на прострѣствѣ, занятомъ Далпскою долиною, какъ со стороны Швейцаріи, такъ равно и со стороны Франціи, считалось нарушеніемъ нейтралитета. Между тѣмъ такихъ случаевъ было очень много. Франція пользовалась Далпскою долиною, какъ необходимымъ для нея путемъ изъ Швейцаріи; вслѣдствіе этого французы устроивали здѣсь дорогу и таможию и требовали безпрепятственного пропуска своихъ войскъ. На первыя два распоряженія союзное правительство смотрѣло довольно спокойно и снисходительно, но послѣднее требованіе, — въ особенности со времени присоединенія къ французской имперіи Савойи, — было крайне непріятно для Швейцаріи и швейцарское правительство въ свою очередь дѣлало въ Далпской долинѣ, время-отъ-времени, разныя полицейскія распоряженія, не совсѣмъ совпадавшія съ распоряженіями французскихъ властей по таможенной и военной части; но все это имѣло своимъ послѣдствіемъ нѣсколько лишнихъ бумагъ въ Парижѣ и въ Бернѣ.

Въ послѣднее время вопросъ о Далпской долинѣ принялъ, однако, серьезный оборотъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ одинъ французъ, преданный въ Фрейбургъ суду за злостное банкротство, вздумалъ было искать спокойнаго убѣжища на ближайшей нейтральной землѣ и выбралъ для этого Далпскую долину; но, противъ его ожиданія, туда явились жандармы ватландскаго кантона и арестовали бѣглеца. Въ это же самое время, въ Далпской долинѣ былъ арестованъ другой французскій подданный, нѣкто Фурниѣ, подвергнувшійся судебному приговору за оскорбленіе женщины. При такомъ положеніи дѣлъ, французское правительство могло бы рѣшиться только на то, чтобъ вступить за своихъ подданныхъ, арестованныхъ чужой властью, но оно оставило это обстоятельство въ сторонѣ, а обратилось къ швейцарскому правительству съ вопросомъ, по какому праву оно можетъ такъ самовольно распоряжаться на нейтральной землѣ. Союзный совѣтъ, не вдаваясь на первый разъ въ дипломатическія истолковенія о правѣ Швейцаріи на Далпскую долину, отвѣчалъ г. Тувенелю, что если швейцарская полиція не будетъ дѣйствовать въ Далпской долинѣ, то послѣдняя въ скоромъ времени сдѣлается притономъ бродягъ и преступниковъ. Парижскій кабинетъ не удовольствовался этимъ и потребовалъ иныхъ, болѣе основательныхъ объясненій.

Между тѣмъ вопросъ о Далпской долинѣ, показавшійся многимъ новымъ приступомъ Франціи къ увеличенію своей территоріи, — появился въ столбцахъ «Монитера». Официальный органъ имперіи сообщаетъ, что французское правительство не имѣетъ намеренія употребить военную силу для разрѣшенія

спорнаго дѣла и что оно вполне надѣется на откровенныя объясненія съ союзнымъ совѣтомъ, которыя положатъ конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ касательно пограничныхъ дѣлъ.

Несмотря, однако, на такую официальную уступчивость французскаго правительства, засвидѣтельствованную «Мониторомъ», по извѣстіямъ другихъ газетъ, оно дѣйствуетъ иначе. Нѣкоторыя газеты, — заслуживающія довѣрія никакъ меньше, чѣмъ «Монитеръ», — передаютъ о сообщеніи, сдѣланномъ Франціею союзному совѣту, въ томъ смыслѣ, что если швейцарскіе жандармы вздумаютъ снова распорядиться въ Даппской долинѣ, то императорское правительство воспротивится этому силой и приметъ мѣры къ военному занятію спорной мѣстности. Слѣдовательно, если эти извѣстія справедливы, то весь вопросъ заключается въ томъ, подастъ ли швейцарское правительство, своимъ упрямствомъ, поводъ французскому правительству — осуществить его угрозу.

Оказалось, что швейцарское правительство не испугалось сдѣланной ему угрозы и что, въ случаѣ дѣйствительнаго миролюбія Наполеона III, оно само готово поспорить съ своимъ сосѣдомъ.

Въ отвѣтъ на упомянутыя требованія изъ Парижа, союзный совѣтъ уполномочилъ своего президента, г. Кнюзеля, подтвердить совѣту ватландскаго кантона, чтобы онъ не стѣснялся ничѣмъ въ исполненіи своихъ распорядительныхъ дѣйствій въ Даппской долинѣ, а представителю Франціи въ Бернѣ было объявлено, что Швейцарія, съ своей стороны, приметъ самыя энергическія мѣры для поддержанія прежняго порядка въ Даппской долинѣ.

Такимъ образомъ дѣло приняло важныя послѣдствія.

Едва только сдѣлались извѣстны упомянутыя распоряженія союзнаго совѣта, какъ отрядъ французскихъ войскъ выступилъ изъ форта Ле-Руссъ и занялъ деревню Крессоньеръ, лежащую, какъ мы сказали, въ Даппской долинѣ. Франція осуществила свою военную угрозу, вопреки увѣренію «Монитера» на счетъ миролюбивыхъ расположеній императорскаго правительства.

Получивъ сообщеніе о занятіи Даппской долины французскимъ отрядомъ, г. Кернъ, представитель союзнаго правительства при тюльрийскомъ дворѣ, послѣдилъ отправиться къ министру иностранныхъ дѣлъ г. Тувенелю, чтобы просить его объ удаленіи французскихъ войскъ; но рѣшеніе, принятое парижскимъ кабинетомъ, осталось неизмѣннымъ. Мало этого; увѣряютъ будто бы г. Тувенель преложилъ г. Керну прямо, безъ всякихъ отлагательствъ и проволочекъ, приступить къ переговорамъ объ отдачѣ Даппской долины въ единственное, безспорное владѣніе французской имперіи.

Такое требованіе со стороны французскаго правительства воз—

будило въ центральномъ швейцарскомъ правительствѣ сильную энергію противъ Франціи. Быстро слѣдовали въ Бернѣ собранія союзнаго совѣта одно за другимъ. На этихъ собраніяхъ, съ порывами горячаго патриотизма, обсуживались тѣ дипломатическія и военныя мѣры, которыя нужно было принять въ настоящемъ случаѣ. Отъ кантона Золотурна получена была между тѣмъ въ союзномъ совѣтѣ депеша, приглашавшая совѣтъ къ мужественной и дѣятельной защитѣ правъ Швейцаріи противъ оскорбительныхъ притязаній со стороны могущественнаго сосѣда.

Среди такихъ столкновеній, — конечно менѣе опасныхъ для Франціи, чѣмъ для Швейцаріи, — г. Тувенель прибѣгнулъ, однако, къ оправдательной системѣ объясненій, касательно занятія швейцарской деревни Крессоньеръ французскимъ отрядомъ. Онъ ссылается на то, что занятіе этой деревни французами не было проведено въ томъ смыслѣ, въ какомъ принято понимать подобныя дѣйствія, и что, слѣдовательно, швейцарское правительство напрасно дѣлаетъ такъ много шума на всю Европу изъ какой-нибудь бездѣлицы изъ какого-нибудь недоразумѣнія, неизбежнаго между двумя сосѣдними государствами.

Въ сущности, впрочемъ, отношенія между французской имперіею и швейцарской республикой слишкомъ затруднительны и натянуты въ настоящее время. Самолюбіе императорскаго правительства едва ли можетъ забыть ту строптивость, которую выказали передъ нимъ союзныя швейцарскія власти въ переговорахъ о Шабле и Фосиньи, тѣмъ болѣе, что эта строптивость сопровождалась довольно-рѣзкимъ отказомъ тѣхъ же властей послать депутатовъ для привѣтствованія императора Наполеона во время его прошлагодной поѣздки въ Южную Францію.

Виллаграндское дѣло, состоявшее въ вооруженной схваткѣ между швейцарцами и французскими жандармами, ограничилось переговорами; такъ какъ рѣшено было составить смѣшанную комиссію изъ депутатовъ отъ обоихъ правительствъ, заинтересованныхъ въ виллаграндскомъ дѣлѣ. Швейцарія въ этомъ случаѣ требовала, съ своей стороны, только того, чтобы отъ Франціи не были избираемы въ члены этой комиссіи жители департаментовъ, пограничныхъ и женевскимъ кантономъ, къ которому принадлежитъ Вилла-Гранда. Швейцарское правительство, не безъ основанія опасалось, что разные мелкіе дризги, неизбежно существующіе между близкими сосѣдями, будутъ внесены въ политическій вопросъ и такимъ образомъ придадутъ ему такой характеръ, который не должнъ имѣть дѣла подобнаго рода. Французское правительство приняло это условіе, выразивъ, впрочемъ, нѣкоторое тщеславіе передъ своимъ слабѣйшимъ сосѣдомъ, а именно, потребовавъ отъ Швейцаріи права — назначить прежде своихъ депутатовъ, а потомъ уже предоставить это право Швейцаріи. Союзное правительство оказалось въ на-

стоящемъ случаѣ весьма благоразумнымъ: оно не входило въ споры о такихъ мелочахъ.

Между тѣмъ вопросъ о Давпской долинѣ принялъ уже другой отбѣнокъ. Очевидно, что Швейцарія напѣрена не только не уступить французскому правительству, но даже хочетъ изъ всѣхъ силъ раздражать его своей строптивостію и невниманіемъ къ его требованіямъ и къ угрозамъ. Очень легко можетъ быть, что, при подобныхъ условіяхъ, ничтожное дѣло приметъ огромныя размѣры и—кто знаетъ?—легко станется, что безвѣстная до сихъ поръ Давпская долина сдѣлается предметомъ обсужденій и переписки европейскихъ кабинетовъ... Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что, по послѣднимъ депешамъ изъ Берна 30 (13)-го ноября, союзный совѣтъ продолжаетъ утверждать, что неприкосновенность Давпской долины нарушена не Швейцарією, но Францією. Онъ вмѣстѣ съ этимъ требуетъ удовлетворенія, отвергая французское опредѣленіе *status quo* и отказывается отъ всякихъ переговоровъ по вопросу о правѣ владѣнія Давпской долиной.

III. Новые финансовые распоряжки во Франціи.

Несмотря на политическое могущество Франціи, на развитіе ея внутренняго благосостоянія и на блескъ императорскаго двора, финансы французской имперіи находятся далеко не въ томъ выгодномъ положеніи, въ какомъ ихъ представляютъ обыкновенно на основаніи общихъ отчетовъ и разныхъ удачныхъ операцій по части государственныхъ финансовъ.

Прежнія послѣдовательныя событія, государственный перевороты, въ соединеніи съ восточною и, преимущественно, съ итальянскою войнами, также причины чисто случайныя, независящія отъ общаго хода политическихъ дѣлъ и отъ особыхъ распоряженій какъ прежнихъ, такъ и настоящихъ правительствъ,—поставили Францію въ затруднительное положеніе относительно финансовъ. Къ числу упомянутыхъ чисто-случайныхъ причинъ должно отнести прежде всего неурожай нынѣшняго года, вслѣдствіе котораго жатва была недостаточна не только по количеству собраннаго съ полей хлѣба, но и отъ дурного качества послѣдняго. Обстоятельство это усложнило еще болѣе финансовыя затрудненія французскаго правительства, которому пришлось изыскивать новые пути и новыя средства для поправленія своихъ денежныхъ дѣлъ. Во главѣ этихъ дѣлъ явился извѣстный финансистъ г. Фульдъ, занимавшій прежде должность государственнаго министра, до предоставленія ея графу Валевскому.

Новый министръ финансовъ принялъ портфель этого министерства въ самую затруднительную пору. Къ внутреннему финансовому кризису, угрожающему Франціи, присоединяется еще тор-

говій кризисъ; и при этомъ условіи для г. Фульда исчезло самое простое и самое удобное средство для того, чтобъ поправить внутреннее финансовое разстройство Франціи какимъ нибудь вѣтхимъ, хотя бы и значительнымъ займомъ. Исполнить это дѣло было не трудно при томъ огромномъ кредитѣ, и вліяніи которыми пользуется Франція, во вѣщи всѣхъ европейскихъ банкировъ.

Причиною такихъ неблагоприятныхъ для Франціи обстоятельствъ нужно считать отчасти и происходящую въ Сѣверной Америкѣ междоусобную войну. Извѣстно, что главный оборотъ вѣтшней французской торговли заключается въ предметахъ роскоши, а между тѣмъ положеніе Сѣверной Америки, — куда Франція отпускала огромную массу своихъ товаровъ, — теперь таково, что тамъ нѣтъ уже избытка въ лишніхъ деньгахъ, а слѣдовательно, недостаточность послѣднихъ прежде всего выразится въ соблюденіи экономіи относительно предметовъ, составляющихъ не необходимую потребность, но только роскошь или прихоть.

Добавимъ къ этому, что въ послѣднее время государственные расходы Франціи достигли чрезвычайныхъ, можно сказать небывалыхъ, размѣровъ. Изумительный блескъ двора, роскошные приемы высокихъ гостей, содержаніе громадной арміи, постоянное усиленіе флота, устройство верфей и арсеналовъ, многосложные и дорого-стоящіе опыты надъ всѣми нововведеніями, какія только являются въ мірѣ искусствъ и ремеслъ, безчисленныя сооруженія какъ въ самомъ Парижѣ, такъ и на всемъ пространствѣ имперіи — потребовали такихъ громадныхъ денежныхъ средствъ какихъ не въ состояніи доставить Франція.

Въ десятыхъ числахъ ноября, вслѣдъ за неожиданнымъ вступленіемъ г. Фульда въ должность министра финансовъ, въ Парижѣ стали ходить слухи о консолидированіи неутвержденнаго еще долга, о приведеніи всѣхъ государственныхъ долговъ къ одному процентному уровню, — именно къ тремъ процентамъ, о значительномъ уменьшеніи арміи и о передачѣ предсѣдательскаго мѣста въ совѣтѣ министровъ г. Фульду, какъ министру финансовъ.

Толки этого рода подтвердились отчасти, когда 14 ноября было напечатано въ «Монитерѣ» письмо императора къ государственному министру, начинавшееся одобреніемъ мнѣнія, которое, утромъ того же дня, было высказано г. Фульдомъ, въ засѣданіи тайнаго совѣта, касательно финансоваго положенія Франціи.

«Давно уже, какъ вамъ извѣстно, — писалъ императоръ, — я хотѣлъ заключить бюджетъ въ неизмѣнныхъ предѣлахъ и часто, предсѣдательствуя въ государственномъ совѣтѣ, выражалъ это нагѣреніе.

«Къ сожалѣнію, непредвидѣнныя обстоятельства и постоянно-

возраставшія потребности препятствовали мнѣ достигнуть этого результата. Единственное дѣйствительное для этого средство состоитъ въ томъ, чтобы я твердо отказался отъ принадлежащаго мнѣ права открывать новые дополнительные кредиты въ промежуткахъ времени, когда не засѣдаютъ палаты. Подобная система, — продолжаетъ императоръ, — не представитъ для казны никакихъ неудобствъ, если, по внимательномъ обсужденіи возможныхъ сбереженій, откровенное изложеніе дѣйствительныхъ потребностей администраціи убѣдитъ законодательное собраніе въ необходимости опредѣлять достаточныя суммы на разныя государственныя потребности».

«Затѣмъ, увѣдомля государственнаго министра о своемъ намѣреніи созвать сенатъ на 2-е декабря и объявить ему о своемъ отказѣ отъ права открывать дополнительные или чрезвычайные кредиты, императоръ прибавляетъ;

«Отказываясь отъ права, принадлежавшаго наравнѣ со мною и моимъ предшественникамъ даже при конституціонномъ правленіи, я полагаю, что этимъ отказомъ я принесу пользу нашимъ финансовымъ дѣламъ. Вѣрный моему происхожденію, я не могу считать правъ короны ни священнымъ залогомъ, къ которому не должно прикасаться, ни наслѣдіемъ, полученнымъ отъ моихъ предковъ, которое, прежде всего, слѣдовало бы въ неприкосновенности передать моему сыну. Избранникъ народа и представитель его интересовъ, я всегда, безъ сожалѣнія, готовъ отказаться отъ всякаго права, ненужнаго для общественной пользы, но за то непоколебимо сохраняю въ рукахъ моихъ всю власть, необходимую для спокойствія и благосостоянія страны».

Вслѣдъ съ этимъ письмомъ въ той же официальной газетѣ было напечатано другое письмо императора на имя г. Фульда. Въ письмѣ этомъ сказано слѣдующее:

«Любезный г. Фульдъ,

«Вы съ такою ясностью изложили въ тайномъ совѣтѣ и въ совѣтѣ министровъ одну изъ опасностей, грозящихъ моему правительству, и подкрѣпили ваше мнѣніе такими убѣдительными доводами, что я рѣшился вполне утвердить ваши предположенія и обнародовать вашъ докладъ въ «Мониторѣ».

«Я тѣмъ охотнѣе одобряю вашу систему, что я давно уже, какъ вамъ извѣстно, искалъ средства твердо упрочить государственный кредитъ ограниченіемъ расходовъ, производимыхъ по министерствамъ, опредѣливъ эти расходы неизмѣняемымъ бюджетомъ. Но полезное примѣненіе этой системы возможно только тогда, когда лицо, изучившее внимательно всѣ ея трудности, посвятитъ себя ея осуществленію. Поэтому, я вѣрю вамъ, портфель министерства финансовъ: я благодаренъ вамъ за то, что вы берете на себя это дѣло, послѣдствія котораго будутъ благотворны для общественныхъ интересовъ».

Въ заключеніе письма императоръ выразилъ увѣренность, что г. Фульдъ не перестанетъ, попрежнему, доставлять ему доказательство усердія и патриотизма и просилъ г. Фульда принять увѣреніе въ его искренней дружбѣ.

Посмотримъ же теперь, въ чемъ заключались убѣдительные доводы г. Фульда, выраженные имъ въ докладѣ императору, прочтенномъ въ засѣданіи тайнаго совѣта и совѣта министровъ, въ тюльрійскомъ дворцѣ 12-го ноября 1861 года.

Сказавъ, что правительство императора Наполеона обязалось передъ законодательнымъ собраніемъ представить проэктъ измѣненія сенатскаго указа 25 декабря 1852 года, г. Фульдъ добавляетъ, что онъ считаетъ долгомъ представить императору, по поводу означеннаго проэкта, соображенія, внушенныя ему его усердіемъ и опытностію .

Соображенія этого рода начинаются замѣчаніемъ, что недостатки финансовой системы, существовавшей въ то время, когда императоръ предложилъ на утвержденіе сената упомянутый законъ, относятся къ далекому прошлому, которое однако же не лишнимъ будетъ припомнить, чтобъ оцѣнить по справедливости важность той цѣли, какую имѣлъ въ виду императоръ.

Мы не будемъ останавливаться на подробныхъ объясненіяхъ, приводимыхъ г. Фульдомъ, а постараемся представить ихъ въ сжатыхъ словахъ.

По замѣчанію г. Фульда, палата депутатовъ, при прежнихъ правительствахъ, стремилась завладѣть всеми отраслями администраціи и хотѣла вникать въ назначеніе суммъ даже на самыя неважныя государственныя подробности. Слѣдствіемъ этого было чрезвычайное дробленіе бюджета и такъ какъ онъ разсматривался за полтора года впередъ, то нерѣдко случалось, что по нѣкоторымъ частямъ назначались недостаточныя суммы, между тѣмъ какъ по другимъ отдѣламъ отпускалось даже болѣе, чѣмъ было нужно.

Такая ошибка, по словамъ г. Фульда, нерѣдко бывала преднамѣренною, потому что правительство могло восполнять недочетъ по извѣстнымъ статьямъ чрезвычайными кредитами, которые назначались безъ предварительнаго разрѣшенія палаты; кромѣ того, министры иногда уменьшали свои смѣты для того, только, чтобъ избѣжать сильныхъ преній. Между тѣмъ правила отчетности не дозволяли употреблять излишекъ отъ одной расходной статьи на пополненіе другой, такъ что въ концѣ каждаго финансоваго года нѣкоторые кредиты, оставшіеся безъ употребленія, отмигались, тогда какъ другіе, особые, назначаемы были для выношенія очевидныхъ недочетовъ. Отсюда происходила невозможность въ точности опредѣлять финансовое положеніе и сводить потребности съ расходами безъ передвиженія не-

утвержденнаго долга и безъ особыхъ операцій со стороны государственнаго казначейства.

Послѣ революціи 1830 года, парламентъ сталъ предъявлять новыя требованія. Они выразились въ дробленіи различныхъ бюджетовъ на множество отдѣловъ, внесенныхъ въ законъ о бюджетѣ и въ исчисленіи тѣхъ изъ означенныхъ отдѣловъ, по которымъ правительству предоставлялось право открывать дополнительные кредиты въ протекучкахъ сессій. Эта предосторожность, по замѣчанію г. Фульда, оказалась бесполезною, такъ какъ упомянутый списокъ, послѣ безпрестанной борьбы министровъ съ финансовыми комиссіями, виѣцалъ, наконецъ, въ себѣ не менѣе 75 отдѣловъ.

Парламентъ и журналистика рѣзко нападали въ то время на финансовую систему, принятую королевскимъ правительствомъ. Недостатки этой системы сдѣлались, мало по-малу, слишкомъ очевидны и угроза финансовой реформой обратилась въ орудіе противъ правительства.

Поэтому, какъ говорить г. Фульдъ, въ числѣ измѣненій, какія слѣдовало ввести въ конституцію 14 января 1852 года, императоръ, сверхъ нѣкоторыхъ правъ, обусловливаемыхъ новымъ положеніемъ Франціи, потребовалъ еще безотлагательнаго преобразования финансовой системы. Онъ пожелалъ не только возвратитъ все то, что было въ этомъ отношеніи отнято постепенно у верховной власти, но и присвоилъ исключительно себѣ каждое начинаніе въ дѣлѣ общепользныхъ предпріятій.

Важность этой мѣры, по словамъ г. Фульда, была особенно важна въ примѣненіи ея къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, которая въ прежнее время, чрезвычайно длилась, вслѣдствіе споровъ и разногласій въ палатахъ. Мы находимъ возможнымъ пропустить нѣсколько замѣчаній г. Фульда, относящихся къ кредиту по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и потому перейдемъ прямо къ словамъ его о государственномъ бюджетѣ.

«Что касается бюджета, — говоритъ г. Фульдъ, — то сенатъ опредѣлилъ въ 12 статьѣ своего указа, что онъ будетъ представляемъ законодательному собранію — съ административными подраздѣленіями на статьи и отдѣлы, но не будетъ обсуживаемъ въ частности по министерствамъ. Для избѣжанія же дополнительныхъ кредитовъ, сенатъ предоставилъ правительству право переводить суммы изъ одного вѣдомства въ другое, по декретамъ императора.

«Таковы распоряжки нашей финансовой системы, — продолжаетъ министръ, — и вовсе не основательны тѣ нападки, которыми она подвергалась. Предлагаемое средство — дробное обсужденіе бюджета по каждому министерству — не привело бы къ ожидаемымъ отъ того результатамъ. Оно виѣшало-бы законодатель-

ную власть въ администрацію, но не возстановило бы расхо́всіа нашихъ финансовъ.»

Ссылаясь далѣе на доклады прежнихъ министровъ финансовъ второй минеріи, а также и на мнѣнія нѣкоторыхъ финансистовъ, принимавшихъ участіе въ устройствѣ государственныхъ финансовъ, а именно на Бишо, Маня, Шнейдера, Леру, Леніансо, Девинка и Луэз, г. Фульдъ упоминаетъ о невыгодахъ чрезвычайныхъ кредитовъ и объ удобствахъ переводить суммы изъ одного вѣдомства въ другое. Изъ доклада г. Фульда видно, между прочимъ, что съ 1840 по 1847 годъ открыто было дополнительныхъ и чрезвычайныхъ кредитовъ на 1200 миліоновъ. Съ 1851 по 1858 годъ открыто ихъ на 2400 миліоновъ, среднимъ числомъ по 300 миліоновъ въ годъ. Если же исключить отсюда, — добавляетъ г. Фульдъ, — расходы на восточную войну, составляющіе 1,348 миліоновъ, то останется 1058 миліоновъ или 130 миліоновъ въ годъ.

Съ января 1857 года переводы суммъ изъ одного вѣдомства въ другое допускались только по истеченіи года.

«Вашему величеству извѣстно, — пишетъ г. Фульдъ по поводу этой мѣры, — что бюджетъ расходуется не только въ томъ году, на который онъ утвержденъ палатами, но что расходы могутъ производиться въ январѣ и февралѣ слѣдующаго года. А между тѣмъ въ это время всѣ суммы бываютъ израсходованы.

«Я придаю особенную важность этимъ переводамъ суммъ и нахожу нужнымъ возстановить ихъ, сообразно съ сенатскимъ указомъ отъ 25 декабря 1852 года. Они должны прекратить открытіе не только дополнительныхъ, но и чрезвычайныхъ кредитовъ въ отсутствіе палатъ.

«Жалобы на наше финансовое управленіе и опытъ послѣднихъ лѣтъ не измѣнили моего мнѣнія. Теперь, какъ и въ 1852 году, я желаю оти́зны чрезвычайныхъ и дополнительныхъ кредитовъ, не утвержденныхъ палатами. Ваше величество позвольте мнѣ съ полною откровенностію выразиться объ этомъ предметѣ. Настоящая опасность для нашихъ финансовъ заключается въ предоставленной правительству свободѣ предписывать расходы безъ контроля со стороны законодательнаго собранія. Справедливо было замѣчено, что всего труднѣе бороться противъ самаго понятнаго изъ увлеченій, — противъ стремленія къ полезнымъ расходамъ.»

Замѣтивъ, что съ хорошо-составленнымъ бюджетомъ, въ которомъ достаточно были-бъ удовлетворены всѣ потребности, пожертвованіе со стороны правительства подобной прерогативой не представило-бъ никакого неудобства для движенія дѣлъ, г. Фульдъ ссылается на сосѣднюю державу, Англію, которая никогда не давала исполнительной власти права расходовать какую бы то ни было сумму безъ предварительнаго парламентскаго

разрѣшенія, а между тѣмъ въ этой странѣ суммы, назначенныя парламентомъ на извѣстный предметъ, не могутъ получать иного назначенія.

Къ этому г. Фульдъ добавляетъ, что во всѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ представительная система правленія, дѣлается то же самое.

«Напрасно ницу я примѣровъ,—продолжаетъ г. Фульдъ,—которые могли бы быть приведены противъ моего мнѣнія; напрасно стараюсь я представить неожиданной необходимости; я не встрѣчаю такого возраженія, на которое нельзя бы было отвѣчать. Случится ли какое нибудь общественное бѣдствіе во время отсутствія палатъ,—фонды министерства внутреннихъ дѣлъ и министерства земледѣлія и торговли всегда на лицо для помощи, посредствомъ перевода суммъ изъ одного вѣдомства въ другое. Необходимо война—и правительство въ силахъ сосредоточить на одной потребности денжныя средства министерствъ военнаго и морского, простирающіяся до 5 и даже 6 миліоновъ въ годъ. Впрочемъ, при подобныхъ случаяхъ, императоръ поспѣшилъ бы окружить себя законодательнымъ собраніемъ и могъ бы рассчитывать на его содѣйствіе тѣмъ болѣе безусловное, чѣмъ настоятельнѣе надобность».

Переходя затѣмъ къ праву, предоставленному конституціей законодательному собранію—утверждать бюджетъ, г. Фульдъ замѣчаетъ, что правѣ это будетъ почти воображаемое, если удержится во Франціи нынѣшній порядокъ вещей.

«Въ самомъ дѣлѣ,—пишетъ онъ,—можно ли считать контролемъ повѣрку расхода, производящуюся черезъ полгода послѣ того, какъ расходъ уже сдѣланъ? И на кого можетъ онъ простираться, какъ не на главу государства, такъ какъ министры отвѣтственны только передъ нимъ? Можно даже сомнѣваться въ пользѣ обсужденія бюджета государственнымъ совѣтомъ и законодательнымъ собраніемъ, если, вопреки одобренному сокращенію расходовъ, правительство можетъ, по окончаніи засѣданія палатъ, увеличивать расходы всякаго рода.»

Обратившись снова къ выводамъ о чрезвычайныхъ кредитахъ, сдѣланнымъ, какъ мы видѣли, по двумъ семилѣтнимъ промежуткамъ времени, г. Фульдъ прибавляетъ, что результаты по этому предмету оказываются въ пользу правительства Наполеона III, если только исключить расходы на восточную войну.

«Къ сожалѣнію,—пишетъ далѣе г. Фульдъ,—дѣла съ 1858 г. приняли болѣе тяжолый оборотъ. Дополнительные и чрезвычайныя кредиты, составлявшіе 83 миліона въ 1859 году, поднялись до 113 миліоновъ въ 1860 году, а въ 1861 году они доходятъ до 200 миліоновъ, не считая тѣхъ, которые нужно будетъ открыть вслѣдствіе поднятія цѣнъ на жизненные продукты. Съ большимъ сожалѣніемъ принято было на видѣ и то

еще обстоятельство, что значительнѣйшіе изъ этихъ кредитовъ были открыты тотчасъ послѣ прекращенія палатскихъ засѣданій.

«Изучая финансовый вопросъ, легко можно удостовѣриться, что если не произойдетъ перемѣны въ системѣ, то мы скоро впадемъ въ затрудненія, весьма важныя. Въ продолженіе 8 лѣтъ съ 1851 года по 1858 годъ открыто чрезвычайныхъ кредитовъ на 2 тысячи 400 миліоновъ франковъ. Прибавивъ къ этой суммѣ 400 миліоновъ за три года: 1859, 1860 и 1861, увидимъ, какъ много увеличились и общественный долгъ и дефициты казначейства.»

Для обнаруженія же передъ императоромъ всѣхъ финансовыхъ затрудненій Франціи въ настоящее время, г. Фульдъ выставяетъ тѣ средства, которыя употребляли для избѣжанія этихъ затрудненій. Изъ замѣчаній г. Фульда оказывается, что императорское правительство прибѣгало къ кредиту во всѣхъ его видахъ, и вѣстѣ съ тѣмъ, съ одобренія общественныхъ властей, пользовалось суммами специальныхъ заведеній, состоящихъ подъ вѣдѣніемъ государства.

Займы на ренту, заключенные въ 1854, 1855 и 1859 годахъ, простираются до 2,000 миліоновъ. Во время возобновленія привилегіи банка, казначейство поглотило 100 миліоновъ, которыми заставили банкъ увеличить его капиталъ. Всѣ 136 миліоновъ, полученные кассой доходовъ арміи, также были взяты казначействомъ, которое вписало эту сумму прямо въ большую книгу государственнаго долга. Наконецъ прибѣгли къ новому виду займа—къ тридцатилѣтнимъ облигаціямъ, которыхъ въ текущемъ году было выпущено на 132 миліона.

Извѣстно, что публика подписывалась на эти займы съ большою готовностію; но,—замѣчаетъ г. Фульдъ,—мы впадемъ въ опасное заблужденіе, если будемъ полагаться на то, что національный кредитъ никогда не истощится. Состояніе кредита,—добавляеть онъ,—должно тѣмъ болѣе обращать на себя вниманіе императора, что всѣ умы встревожены положеніемъ финансовъ. При послѣднемъ обсужденіи бюджета разсчитывали, что къ концу года дефициты возрастуть до тысячи миліоновъ, и нѣтъ сомнѣнія, что эта цифра не преувеличена. Законодательное собраніе и сенатъ уже высказали, что обстоятельство это безпокоить ихъ. То же безпокойство овладѣло и классомъ дѣловыхъ людей, которые всѣ предсказываютъ кризисъ тѣмъ болѣе важный, что, по примѣру государства, въ видахъ улучшенія и прогресса, департаменты, села и частныя компаніи пустились въ значительныя издержки и притомъ, быть можетъ, сдѣлали это слишкомъ опрометчиво.

«Истинное средство, — заключаетъ г. Фульдъ, — отвратить этотъ кризисъ состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать быстро и

рѣшительно, пресѣчь зло въ его источникѣ, отмѣнивъ дополнителныя и чрезвычайныя кредиты.»

Обращаясь затѣмъ къ лицу императора, г. Фульдъ пишетъ:

«Прежде, чѣмъ я составилъ себѣ мнѣніе, и рѣшился совѣтовать вашему величеству, чтобы вы отказались отъ власти распорядиться, безъ предварительнаго согласія со стороны законодательнаго собранія, государственныхъ суммами, я обсудилъ какія могутъ быть послѣдствія этого отреченія, и чѣмъ болѣе я вникалъ въ этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе мнѣ казалось, что это преимущество причиняетъ императору важныя затрудненія, не вознаграждая его за это никакими выгодами. Внутри государства оно поощряетъ общины и частныхъ людей къ требованіямъ всякаго рода, и императоръ не имѣетъ никакихъ средствъ противиться этимъ требованіямъ, когда они составляютъ выраженіе народныхъ желаній, основанныхъ на потребностяхъ или дѣйствительно-необходимыхъ, или оправдываемыхъ прежними при-мѣрами. А между тѣмъ интересы нашихъ финансовъ чаще всего требуютъ отсрочивать исполненіе подобныхъ требованій.»

Впрочемъ, въ существующихъ нынѣ во Франціи финансовыхъ распорядкахъ г. Фульдъ видитъ не одинъ только внутренній неудобства, но и находить, что они весьма неблагоприятно отзываются и въ дѣлахъ внѣшней политики.

«Въ отношеніи къ другимъ государствамъ, — пишетъ онъ, — хотя возможность располагать въ извѣстную минуту и притомъ непосредственно всѣми способами великой націи и сообщать правительству большую силу, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта возможность представляетъ своего рода опасность. Страхъ, внушаемый всѣмъ этимъ нашимъ сосѣдямъ, вынуждаетъ ихъ къ огромнымъ вооруженіямъ. Они успокоиваются только тогда, когда успеваютъ собрать силы, превышающія тѣ, которыя, по ихъ мнѣнію, угрожаютъ имъ, и о которыхъ они, подъ вліяніемъ страха, составляютъ себѣ преувеличенное понятіе. А поэтому, въ настоящее время, этотъ страхъ составляетъ, можетъ быть, единственную связь, соединяющую европейскія націи, которыхъ учрежденія и самыя интересы клонятся къ тому, чтобы разъединить ихъ. Нѣтъ той безразсудной клеветы, нѣтъ угрожающаго плана со стороны Франціи, которымъ не повѣрили бы эти націи.»

Послѣ такихъ краткихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ и основательныхъ доводовъ, г. Фульдъ обращается къ императору съ слѣдующими убѣжденіями:

«Еслибы ваше величество добровольно отказались отъ этой власти, болѣе видимой, нежели существенной, то вы не только возвратили бы довѣренность къ Франціи, но успокоили бы Европу и отняли бы всѣ поводы къ непріязненнымъ прояскамъ. Когда расходы на армію и флотъ будутъ предоставлены пра-

вильному утверждению законодательнаго собранія, тогда никто не будетъ ожидать внезапнаго, непредвидимаго нападенія; европейскія правительства не будутъ прибѣгать къ разорительнымъ вооруженіямъ и военнымъ приготовленіямъ; народы не будутъ болѣе угнетаемы увеличивающимися ежегодно налогами, которые раздражаютъ ихъ противъ Франціи и причину которыхъ пытаются приписывать самому императору. Тогда все сдѣлается легко, безопасность возстановится, пособія разовьются, теверешнія затрудненія можно будетъ устранить, и когда удовлетворятся требованія минувшаго времени, то нечего будетъ опасаться, чтобъ они возобновились.»

Конечно, читая эти строки нельзя не сказать, что г. Фульдъ придаетъ слишкомъ большее значеніе предлагаемой имъ мѣрѣ. Развѣ нельзя будетъ съ перваго же раза, безъ всякихъ дополнительныхъ и чрезвычайныхъ кредитовъ, ассигновать въ распоряженіе правительства на военныя издержки такую сумму, которой будетъ достаточно для того, чтобы привести въ исполненіе завосвательные замыслы императора, если только онъ дѣйствительно имѣетъ ихъ? Нужно, однако, замѣтить и то, что г. Фульдъ, представляя императору всѣ невыгоды его финансоваго самовластия, взвалилъ на него огромную отвѣтственность передъ Европой. Чтѣ если въ самомъ дѣлѣ все плохое состояніе Европы и разорительный ходъ ея дѣлъ зависѣли главнымъ образомъ отъ того, что императоръ французовъ въ продолженіе десяти лѣтъ имѣлъ право на открытіе чрезвычайныхъ и дополнительныхъ кредитовъ?..

Впрочемъ, какъ кажется, г. Фульдъ, думая успокоить Европу новыми финансовыми распоряженіями, противорѣчитъ самъ себѣ въ слѣдующихъ строкахъ своего доклада, когда онъ доказываетъ императору, что въ сущности его военное могущество несколько не измѣнится вслѣдствіе предлагаемой мѣры.

«Если даже допустить, — пишетъ г. Фульдъ, — вопреки всѣмъ вѣроятіямъ, что совершенный миръ въ Европѣ замѣнится вдругъ войною, то въ и такомъ случаѣ отреченіе императора отъ власти расходовать общественныя суммы по своему усмотрѣнію, не представляетъ, какъ я думаю, никакой опасности. Дѣйствительно, какая держава во всѣ времена была готова прежде всякой другой открывать военныя дѣйствія? Франція. Объ этомъ свидѣлательствуетъ ея исторія, за это ручаются воинственныя наклонности націи, ея любовь къ славѣ, довѣренность, которую питаетъ она къ вождю, избранному ею. Никогда наша нація, — продолжаетъ г. Фульдъ въ патріотическомъ восторгѣ, — не была глуха къ первому военному кличу и всегда предупреждала своихъ враговъ быстротою своихъ вооруженій, внезапнымъ всеокрушающимъ взрывомъ своей энергіи.»

Врядъ ли, — добавимъ мы отъ себя, — послѣ такого засвидѣ-

тельствования о воинственныхъ наклонностяхъ, любви къ славѣ, быстротѣ вооруженій и внезапности всесокрушающаго взрыва, удастся г. Фульдъ убѣдить Европу въ миролюбивой кротости французской націи тѣмъ только, что императоръ отказывается отъ права на дополнительные и чрезвычайные кредиты. Скажемъ даже, что безъ такого кредита Франція была бы еще грознѣе для Европы. Имперіи Наполеона III не угрожалъ бы безъ этого настоящій финансовый кризисъ, а въ виду этой опасности никакая, самая воинственная держава не можетъ думать о войнѣ. Между тѣмъ если бы денежныя средства Франціи не были истощены произволомъ императорскаго правительства, какъ истощены они теперь, то Франція, при деньгахъ и при воинственныхъ наклонностяхъ своего населенія, гораздо болѣе угрожала бы спокойствію Европы, нежели она угрожаетъ въ настоящее время при безсиліи своихъ финансовъ.

Справедливость замѣчанія насчетъ того, что новые финансовыя распоряжки не могутъ успокоить Европы, мы встрѣчамъ и въ ссылкѣ г. Фульда на энтузіазмъ французовъ, сопровождавшій поѣздку императора на войну въ Италію. Онъ найдетъ всегда тотъ энтузіазмъ, — присовокупляетъ г. Фульдъ, думающій успокоить Европу, — и можетъ быть увѣренъ въ добросовѣстномъ и преданномъ содѣйствіи всѣхъ государственныхъ словій, какъ скоро интересы Франціи или ея династіи потребуютъ чрезвычайныхъ усилій.

Затѣмъ, переходя снова къ внутреннему финансовому быту Франціи, г. Фульдъ разсуждаетъ такимъ образомъ:

«Предлагають, въ видѣ средства для отвращенія финансовыхъ опасностей, обсуждать по отдѣламъ бюджеты каждаго министерства; но—какъ я уже замѣтилъ—какого результата можно ожидать отъ подобнаго средства, если не идти дальше? Къ чему опредѣлять въ точности спеціальность всѣхъ статей бюджета, если достаточно будетъ одного предписанія, чтобы увеличить цифру суммъ, назначенныхъ для этихъ статей? Утвержденіе бюджета по отдѣламъ представитъ лишь неполное обезпеченіе противъ возврата увлеченій, причинившихъ затрудненія. Съ точки зрѣнія финансовой, эта мѣра принесла бы весьма сомнительную пользу, а съ точки зрѣнія политической она была бы, сопряжена со многими неудобствами.

«Итакъ,—продолжаетъ г. Фульдъ,—исполненный глубокаго убѣжденія, я умоляю ваше величество приступить къ другой мѣрѣ, болѣе сообразной съ нашими учрежденіями, болѣе достойной великаго вашего характера.

«Возвративъ законодательному собранію самыя неоспоримыя права его, ваше величество, сдѣлаете это собраніе порукою за ваше правительство; цѣною такой уступки оно пріобрѣтетъ бюджетъ, которымъ будутъ назначены суммы, болѣе сообразныя

съ потребностями государства. Короче, ваше величество, приво-
дете самымъ вѣрнымъ образомъ въ исполненіе ту прозорливую
мысль, которая внушила вамъ декретъ 24 ноября.»

Въ этомъ заключается первый актъ новаго министра финан-
совъ. Несмотря на нѣкоторую, быть можетъ, излишнюю широ-
кость взглядовъ, нельзя однако не видѣть и существенной поль-
зы въ этой мѣрѣ, если только успѣютъ ее поддержать тѣ, ко-
торымъ будетъ предоставлено охраненіе ея отъ какихъ либо
произвольныхъ попытокъ со стороны императорскаго правитель-
ства.

По извѣстіямъ, сообщаемымъ газетою «Times» подробная
программа дѣйствій нынѣшняго министра финансовъ явится
только въ декабрѣ мѣсяцѣ. Г. Фульдъ хочетъ прежде всего ос-
новательно ознакомиться съ государственнымъ дефицитомъ и со
способами, имѣющимися въ виду правительства для покрытія дол-
говъ и дефицита. Кромѣ того, онъ выжидаетъ разрѣшенія во-
проса объ уменьшеніи арміи, — вопроса, который болѣе всего дол-
женъ имѣть вліяніе на финансовую систему французской им-
періи.

IV. Столкновение англійскаго правительства съ вашинг- тонскимъ.

Взглядъ, выраженный неоднократно приверженцами вашингтон-
скаго правительства и ихъ журналами, на образъ дѣйствій от-
вавшихъ отъ союза штатовъ, какъ бы заранѣе ручался, что,
въ прошедшемъ столкновеніи, воюющими сторонами не только
не будутъ строго соблюдаемы принципы, принятые международ-
нымъ правомъ, но что, напротивъ, вашингтонское правительство
воспользуется всѣми способами для нанесенія вреда непріятелю.
Правительство Линкольна полагаетъ, что оно ведетъ не внѣшнюю
войну, среди которой требуется соблюденіе извѣстныхъ пра-
вилъ и формъ, но что оно усмиряетъ только непокорныхъ мя-
тежниковъ, противъ которыхъ могутъ быть приняты мѣры исклю-
чительныя, недопускаясь вообще международнымъ правомъ. Но
при дѣйствіи съ этой точки зрѣнія, правительству сѣверныхъ
штатовъ пришлось столкнуться съ Англійей и въ настоящее вре-
мя вопросъ объ этомъ столкновеніи и объ его послѣдствіяхъ
сдѣлался предметомъ журнальныхъ толковъ.

Все дѣло произошло слѣдующимъ образомъ.

7-го ноября выѣхалъ изъ Гаванны пароходъ «Трентъ» при-
надлежащій одной изъ многочисленныхъ англійскихъ компаній
пароходовъ. Въ числѣ пассажировъ, отправлявшихся на этомъ
пароходѣ въ Европу находились: г. Слайдель, назначенный по-
сланникомъ южныхъ штатовъ при французскомъ дворѣ. Онъ

ѣхалъ съ женою, сыномъ, тремя дочерьми, а также съ секретаремъ посольства г. Юстесомъ. вмѣстѣ съ г. Слайделемъ ѣхалъ и г. Мезонъ, назначенный посланникомъ тѣхъ же штатовъ при лондонскомъ дворѣ.

8-го ноября, около двухъ часовъ по полудни, пароходъ «Трентъ» встрѣтился съ военнымъ судномъ сѣверо-американскихъ штатовъ. Поровнявшись съ «Трентомъ» корабль поднялъ свой звѣздный флагъ, сдѣлалъ при этомъ одинъ выстрѣлъ, и потомъ, подойдя на разстояніе пистолетнаго выстрѣла, пустилъ ядро въ перерѣзъ англійскому пароходу.

Послѣдній остановился и поднялъ англійскій флагъ. Между тѣмъ съ американскаго парохода спустили шлюпку и отправили на ней офицера, который объявилъ капитану англійскаго парохода и бывшему съ нимъ агенту англійскаго правительства, что такъ какъ командиру американскаго парохода извѣстно, что на англійскомъ пароходѣ, въ числѣ пассажировъ, находятся посланники южныхъ штатовъ, и секретари посольства, то онъ возьметъ ихъ живыми или мертвыми. Капитанъ «Трента» и англійскій агентъ протестовали противъ такого неожиданнаго требованія и объявили, что они уступать только силѣ. Офицеръ удалился, но вскорѣ возвратился къ пароходу въ сопровожденіи двухъ шлюпокъ съ военнымъ десантомъ. Вторичное требованіе офицера сопровождалось на этотъ разъ револьверами, штыками и саблями.

Гг. Слайделль, Мезонъ, Юстесъ и Макферленъ вышли на палубу, чтобы сдать, желая предупредить напрасное кровопролитіе. Г-жа Слайделль, ся дочери, и г-жа Юстесъ со слезами умоляли офицера отказаться отъ своего намѣренія. Въ отвѣтъ на эти просьбы онъ приказалъ матросамъ взять посланниковъ и секретарей живыми или мертвыми. Тогда гг. Слайделль, Мезонъ, Юстесъ и Макферленъ отдались въ руки офицера; они были посажены въ шлюпки и подъ вооруженнымъ конвоемъ перевезены на американскій корабль «Санъ-Яцинто». Пока ихъ перевозили, американскій офицеръ, оставшись на пароходѣ, требовалъ, чтобъ капитанъ «Трента» перешолъ на американскій корабль, но тотъ отказался. Офицеръ передалъ этотъ отказъ своему командиру и затѣмъ, погрозивъ капитану, что возьметъ его силою, удалился, однако, съ своими матросами, не исполнивъ угрозы. Семейства же взятыхъ въ плѣнъ посланниковъ остались на англійскомъ пароходѣ и принуждены были продолжать путь въ Европу.

Вѣсть о такой расправѣ сѣверо-американскаго капитана съ дипломатическими агентами южныхъ штатовъ, находившимися подъ прикрытіемъ великобританскаго флага, произвела много толковъ и заботъ какъ въ финансовомъ, такъ и въ политическомъ мѣрѣ Европы. Съ особенною же сиюю отозвалась она, — какъ это-

го и падобно было ожидать, — въ Англии. Органы партіи торіевъ выражали сильное негодованіе противъ такого поступка и наставляли предъ правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ о необходимости строгаго наказанія оскорбителей чести и правъ англійскаго флага. Либеральныя министерскія газеты выражались по поводу этого происшествія съ замѣтною осторожностію и совѣтовали, прежде чѣмъ принять какія нибудь непріязненныя мѣры противъ вашингтонскаго правительства, — обсудить степень и важность оскорбленія и за тѣмъ уже потребовать удовлетворенія, не вызывая съ излишней торопливостію англійскаго посланника изъ Вашингтона и не предлагая отъѣздныхъ паспортовъ американскому посланнику въ Лондонѣ. Между тѣмъ коронные юристы должны были высказать опредѣленія о характерѣ описаннаго здѣсь происшествія.

Порывы негодованія противъ сѣверныхъ штатовъ высказались особенно на митингахъ, бывшихъ въ Ливерпулѣ. Однако газеты «Times» и «Globe» успѣли умѣрить патріотическіе порывы британцевъ, ссылаясь на то, что подобные примѣры самовольства встрѣчаются очень часто на страницахъ морской исторіи Англии и что капитанъ сѣверо-американскаго корабля, распорядившись такимъ образомъ, слѣдовалъ только примѣру, поданному уже не разъ судами великобританскаго флота. Къ этому газета «Morning Star» прибавила еще то замѣчаніе, что капитанъ англійскаго парохода, принявъ на себя перевозку уполномоченныхъ одной изъ воюющихъ сторонъ, не нарушилъ тѣмъ самымъ права нейтралитета.

Наконецъ, еще одна изъ англійскихъ газетъ, «Scotsman», объявила, что перевозка депешъ и посланниковъ одной изъ воюющихъ сторонъ на нейтральномъ кораблѣ, идущемъ изъ нейтральнаго порта въ другой нейтральный портъ, должна считаться военной контрбандой, а потому американцы имѣли полное право захватить гг. Слайделля и Мезона, хотя бы они и находились подъ англійскимъ флагомъ.

Такъ какъ здѣсь частный случай переходитъ уже въ общій вопросъ международнаго права, то здѣсь важенъ взглядъ на это дѣло газетъ другой европейской державы, имѣющей свои весьма значительные интересы на моряхъ — Франціи. До сихъ поръ правительственныя газеты Франціи говорили въ пользу Англии. Такъ газета «Pays» въ общихъ фразахъ порицаетъ дѣйствіи американскаго капитана. «Constitutionelle» высказываетъ почти то же самое мнѣніе, а «Patrie» утверждаетъ, что агенты вашингтонскаго правительства не имѣли никакого права арестовать дипломатическихъ комиссаровъ южныхъ штатовъ въ то время, когда они ѣхали на англійскомъ почтовомъ пароходѣ.

Между тѣмъ англійское правительство, въ ожиданіи дипломатической развязки оскорбившаго его происшествія, слѣдало распо-

ряженіе, чтобъ контръ-адмиралъ Мильнъ, командующій англійскою морскою станціею въ Мексасинскомъ заливѣ и у береговъ Сѣверной Америки отправилъ три паровыя фрегата къ острову Кубъ, съ тѣмъ, чтобъ они конвоировали англійскій пароходъ, отправляющійся еженедѣльно изъ Гаваши. Надобно полагать, что правительство Линкольна получило извѣстіе, что этимъ путемъ еженедѣльно отправляются изъ южныхъ штатовъ разные агенты и что по этому экспедиція, совершенная кораблемъ «Санъ-Яцинто», должна будетъ возобновиться, если только вашингтонское правительство не будетъ удержано отъ этого англійскимъ конвоемъ.

Что же касается официальныхъ отзывовъ по описанному здѣсь случаю, то, по мнѣнію сѣверо-американскаго посольства въ Лондонѣ, рѣшеніе вопроса въ пользу одной изъ прикосновенныхъ къ дѣлу сторонъ зависитъ прежде всего отъ того, зналъ ли капитанъ парохода «Трентъ», принимая въ Гаваннѣ четырехъ пассажировъ, впоследствии арестованныхъ сѣверо-американскимъ кораблемъ, о ихъ дипломатическомъ назначеніи. Если онъ зналъ о возложенномъ на нихъ порученіи и рѣшился, однако, принять ихъ къ себѣ на пароходъ, то онъ явно нарушилъ нейтралитетъ, объявленный въ прокламаціи англійской королевы. Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію американскаго посольства, всякое военное судно, зная обстоятельство дѣла, должно было объявить командиру парохода «Трентъ», что онъ поступилъ противъ правилъ нейтралитета, принявъ къ себѣ посланниковъ. При такомъ взглядѣ на дѣло, претензіи Англійи не могутъ быть признаны справедливыми, и она съ своей стороны можетъ жаловаться только на высокоумѣнное обращеніе г. Ферфакса, арестовавшаго южныхъ американцевъ на палубѣ англійскаго парохода уже слишкомъ безцеремоннымъ образомъ.

—*—*—*—

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Совѣтъ министровъ. — Главное выкупное учрежденіе. — Обмѣнъ выкупныхъ билетовъ на деньги. — Законъ о подстрекателяхъ. — Льготы западнымъ губерніямъ. — Заповѣдныя имѣнія. — Посредники-судьи въ своемъ дѣлѣ. — Два равныя рѣшенія по вопросу о розгѣ. — Курьѣзныя публикаціи. — Удивительныя: «слушали» и «опредѣлили» — Дѣвушка безъ носильнаго платья и госпожа фон-Вригенъ. — Таинственность с.-петербургскихъ мировыхъ учреждений. — Мудреное приказаніе ярославскаго губернатора. — Хроника женскаго образованія. — Училище св. Нины. — Приюты въ Орлѣ и въ Читѣ. — Курская губернія не такъ-то. — Отмѣна казенныхъ пансіонеровъ. — Гибель экономовъ. — Не могли забыть солдатскихъ грошей! — Юбилей александровскаго лицея. — Пушкинская стипендія. — Нѣсколько новыхъ узаконеній. — Гвардейскіе маркитанты. — Кредитныя бумаги. — Застой въ торговлѣ. — Вопросъ о хлопкѣ. — С.-Петербургское городское кредитное Общество. — Вѣо облигаціи. — Курляндское Общество взаимнаго страхованія отъ огня. — Кое что о нашихъ пожарныхъ. — Купеческое общество взаимнаго вспоможенія. — Нужны ли пенсіи въ частной службѣ? — Новый уставъ Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. — Куаферы не возмогутъ быть инженерами. — Виды на будущее.

Считаемъ обязанностію начать «Обозрѣніе» сообщеніемъ читателямъ о новомъ высшемъ государственномъ учрежденіи. Извѣстно, что кромѣ дѣлъ государственнаго управленія, подносимыхъ на высочайшее утвержденіе чрезъ государственный совѣтъ, комитетъ министровъ и другія высшія установленія, есть много такихъ, которыя представляются министрами и главноуправляющими непосредственно Его Императорскому Величеству. Для соблюденія общей системы и единства при разрѣшеніи ихъ, Государь Императоръ изволилъ признать полезнымъ повергать предварительному, въ своемъ присутствіи, разсмотрѣнію и об-

сужденію всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ тѣ изъ сихъ дѣлъ, кои требуютъ общаго соображенія. Съ этою цѣлью учрежденъ особый изъ министровъ и главноуправляющихъ «Советъ министровъ», подъ личнымъ Государя Императора предсѣдательствомъ. На разсмотрѣніе «совѣта» поступаютъ: а) «виды и предположенія къ устройству и совершенствованію» частей министерствъ или главныхъ управленій; б) свѣдѣнія о ходѣ работъ по сему устройству и совершенствованію и предположенія объ устраненіи могущихъ встрѣтиться при этомъ затрудненій; в) первоначальныя предположенія министерствъ и главныхъ управленій объ отмѣнѣ или измѣненіи какого либо дѣйствующаго закона; составленный затѣмъ проэктъ новаго законоположенія вносится на разсмотрѣніе государственнаго совѣта; г) мѣры, требующія общаго содѣйствія разныхъ вѣдомствъ, не подлежащія, по существу своему, разсмотрѣнію другихъ высшихъ учрежденій; д) свѣдѣнія о важнѣйшихъ распоряженіяхъ каждаго министерства и главнаго управленія по его вѣдомству, требующихъ общаго соображенія; е) заключенія особыхъ комиссій учреждаемыхъ, по высочайшимъ повелѣніямъ, для разсмотрѣнія отчетовъ министерствъ и главныхъ управленій, и ж) дѣла по особымъ повелѣніямъ Его Величества. Всѣ исчисленныя здѣсь дѣла вносятся въ «совѣтъ» по особымъ, каждый разъ, высочайшимъ разрѣшеніямъ, испрашиваемымъ каждымъ министромъ и главноуправляющимъ непосредственно. Въ «совѣтѣ министровъ» присутствуютъ и другія лица, по непосредственнымъ высочайшимъ назначеніямъ. При засѣданіяхъ «совѣта» находится государственный секретарь. Ему предоставляется по предметамъ, касающимся законодательныхъ вопросовъ, представлять свѣдѣнія изъ дѣлъ государственнаго совѣта и свои соображенія, основанныя на этихъ свѣдѣніяхъ. То же право предоставляется ему по вопросамъ, касающимся дѣлъ кавказскаго и сибирскаго комитетовъ и главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія. Дѣлами «совѣта министровъ» завѣдываетъ управляющій дѣлами комитета министровъ. Дѣла представляются въ «совѣтъ» и тамъ докладываются самими министрами и главноуправляющими; если же кто либо изъ нихъ не можетъ принять на себя докладъ, то — «завѣдывающимъ дѣлами». Высочайшая резолюція пишется министромъ, по принадлежности, на его докладѣ. Если она сложна и необходимо изложить бывшія въ «совѣтѣ» сужденія, то проэктъ резолюціи изготавляется «завѣдывающимъ дѣ-

лами», по соглашенію съ подлежащимъ министромъ, а по вопросамъ законодательнымъ или касающимся дѣлъ кавказскихъ, сибирскихъ или устройства сельскаго состоянія — съ государственнымъ секретаремъ, и затѣмъ представляется «завѣдывающимъ же дѣлами» на высочайшее утвержденіе. Высочайшее повелѣніе исполняется министромъ по принадлежности тѣмъ самымъ порядкомъ, какъ и Высочайшія повелѣнія, послѣдовавшія по личнымъ всеподданнѣйшимъ докладамъ. Если Его Величеству благоугодно, не постановляя въ «совѣтѣ» окончательнаго рѣшенія, обратитъ дѣло къ ближайшему обсужденію внѣ Высочайшаго присутствія, то для сего составляется особое совѣщательное собраніе или комиссія, изъ членовъ совѣта или комитета министровъ, или лицъ по особому для сего высочайшему назначенію. Въ семъ собраніи предсѣдательствуетъ старшій изъ членовъ. О результатахъ совѣщаній представляется Его Величеству, чрезъ завѣдывающаго дѣлами «совѣта», краткая меморія. Высочайшія на меморіяхъ резолюціи подлежатъ исполненію порядкомъ, означеннымъ выше, кромѣ случая, если Государю Императору благоугодно повелѣтъ вновь обсудитъ дѣло въ своемъ присутствіи въ «совѣтѣ министровъ». Сими правилами нѣсколько не измѣняется порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ, комитетѣ министровъ и другихъ высшихъ учрежденіяхъ.

Независимо отъ вышесказаннаго, въ видахъ сокращенія переписки, уменьшенія числа дѣлъ и облегченія по возможности правилъ и формъ дѣлопроизводства въ комитетѣ министровъ и вообще по всѣмъ вѣдомствамъ, высочайше поручено комитету, министрамъ и главноуправляющимъ составить подробныя по этому предмету соображенія и внести ихъ на высочайшее утвержденіе установленнымъ порядкомъ. Сокращеніе дѣлопроизводства по министерствамъ и главнымъ управленіямъ Государь Императоръ изволитъ признавать особенно необходимыми еще и въ тѣхъ видахъ, чтобы не обременять министровъ множествомъ дѣлъ, не имѣющихъ достаточной важности и отнимающихъ у нихъ всякую возможность обращать своевременно надлежащее вниманіе на дѣла серьезныя и направлять ихъ съ тою настоятельностью, какой они требуютъ.

Крестьянское дѣло вступило въ новый періодъ своего развитія: «Главное выкупное учрежденіе» для производства ссудъ, подъ залогъ угодій, приобретаемыхъ крестьянами у помѣщиковъ въ собственность вѣстѣ съ «усадебною осажденіемъ», открыло

27 минувшаго октября засѣданія и приступило къ дѣйствіямъ, возложеннымъ на него Положеніемъ 19 февраля. «Выкупное учрежденіе» состоитъ при с.-петербургской сохранный казнѣ. Къ составу его по дѣламъ выкупа присоединены одинъ членъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и два депутата отъ дворянства. На обязанности «учрежденія» лежатъ: а) разрѣшеніе выкупныхъ ссудъ, на основаніи «Положенія» и правилъ, которыя должны быть изданы по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ; б) распоряженія по заготовленію государственныхъ пятипроцентныхъ выкупныхъ билетовъ и свидѣтельствъ и доставка ихъ въ губернскія выкупныя учрежденія; в) тиражъ билетовъ, замѣна ихъ свидѣтельствами, извлеченіе изъ обращенія, составленіе годоваго отчета по выкупной операціи; г) обсужденіе вопросовъ и недоумѣній, какія будутъ возникать при исполненіи «Положенія» и представленіе о томъ, въ случаѣ надобности, на разрѣшеніе «высшаго правительства» и д) вообще всѣ новыя предположенія о лучшемъ устройствѣ и облегченіи выкупной операціи.

Для облегченія *обмѣна* на деньги помянутыхъ пятипроцентныхъ билетовъ, которые будутъ выдаваться помѣщикамъ въ счетъ выкупной суммы, постановлено, что желающіе воспользоваться *обмѣномъ* заявляютъ о томъ при представленіи выкупной сдѣлки; министерство финансовъ дѣлаетъ распоряженіе о продажѣ билетовъ, въ шестимѣсячный срокъ со дня утвержденія сдѣлки, съ тѣмъ чтобы, по продажѣ, помѣщикамъ выдаваема была, во всякомъ случаѣ, нарицательная сумма сполна.

Здѣсь кстатѣ сказать, что по возникшему въ одномъ изъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій вопросу: можетъ ли оно принимать къ разсмотрѣнію выкупныя сдѣлки по тѣмъ имѣніямъ, гдѣ крестьяне въ концѣ настоящаго или въ началѣ будущаго года перейдутъ, по уставнымъ грамотамъ, съ издѣльной повинности на оброкъ — министерство внутреннихъ дѣлъ отозвалось, что какъ помянутыя сдѣлки, прежде представленія ихъ въ главное выкупное учрежденіе, требуютъ собранія справокъ, то посему не можетъ быть пріятствія принимать ихъ и дѣлать предварительныя въ отношеніи ихъ распоряженія; но представленіе сихъ сдѣлокъ правительству можетъ послѣдовать лишь въ то время, когда крестьяне будутъ уже состоять на оброкъ.

Затѣмъ есть нѣсколько другихъ мѣръ по крестьянскому дѣлу,

о которыхъ умолчать «Обозрѣніе» считаетъ себя не въ правѣ, а именно:

Опредѣленъ порядокъ удаленія, *въ семь юду*, изъ мѣстъ жительства лицъ, виновныхъ въ подстрекательствѣ крестьянъ къ неповиновенію и безпорядкамъ. Всѣ эти лица предаются суду на основаніи общихъ узаконеній. Въ случаяхъ, когда мѣщане, крестьяне и вообще лица податныхъ состояній, а также разночинцы и отставные солдаты, за неимѣніемъ уликъ, не могутъ быть судомъ положительно обвинены въ подстрекательствѣ, а между тѣмъ возвращеніе ихъ на мѣсто жительства признано будетъ опаснымъ, начальникамъ губерній предоставляется предлагать на обсужденіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и представлять министерству объ удаленіи ихъ временно, на срокъ не болѣе двухъ лѣтъ, въ другія губерніи; за «удаленными» учреждается полицейскій надзоръ и изъ нихъ—неимѣющимъ средствъ къ пропитанію назначается содержаніе отъ казны.

Губерніямъ: виленской, гродненской и ковенской предоставлены льготы въ отношеніи сгоновъ или такъ называемыхъ *валюговъ*. Они отбывались крестьянами, по требованію и въ пользу помѣщиковъ, въ количествѣ отъ двѣнадцати до двадцати дней *съ души*, сверхъ обыкновенной барщины, и притомъ въ самую рабочую пору, къ крайнему, конечно, обремененію и разоренію крестьянъ. Нынѣ опредѣлено: а) по участкамъ, съ которыхъ отбывалось *болѣе* восьми сгонныхъ дней съ души, уменьшить число ихъ *до* восьми, примѣнивъ это правило и къ тѣмъ имѣніямъ, гдѣ сгоны полагались со двора; б) на будущее лѣто, *взаимнѣ* сгоновъ, причитающихся съ участка, число сгонныхъ дней распределить такъ, чтобы *три пятыхъ* ихъ приходилось на лѣтній періодъ, а *два пятыхъ* — на зимній, и всѣ эти дни раскладывать *уравнительно* по недѣлямъ каждаго періода; в) отиѣнить теперь же всѣ добавочныя повинности, какъ то: строительныя дни для починки помѣщичьихъ строеній (шарварки), сторожество, ночной при господскомъ дворѣ и другіе въ пользу помѣщика караулы, а также повинности, не опредѣленныя «однообразнымъ числомъ дней въ году»: ранницы и окурку для молотбы хлѣба, пособіе въ рыбной ловлѣ, мытье и стрижку овецъ, уходъ за рабочимъ скотомъ, поливку, посадку, полотье и уборку огородовъ и пр., и г) если гдѣ по имѣніямъ, въ коихъ не введена уставная грамота, окажется, что издѣльная повинность превышаетъ *двадцать три* рабочіе дня съ десятины, то

ее, т. е. повинность, уменьшить до размѣра двадцати трехъ дней.

Вообще въ западныхъ губерніяхъ повелѣно прекратить установленный въ 1837 году разборъ «вольныхъ» людей, записанныхъ по ревизіи «помѣщичьими крестьянами».

Новое крестьянское положеніе и новыя формы кредитныхъ учрежденій вызвали измѣненіе нѣкоторыхъ законоположеній и относительно заповѣдныхъ имѣній. Основное свойство заповѣднаго имѣнія — неотчуждаемость его, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, ибо оно признается собственностью цѣлаго рода, а не одного лица. Нынѣ постановленно, что помянутымъ правиломъ не ограничивается право крестьянъ на выкупъ усадьбыной осѣлости, полевыхъ земель и угодій и полученіе земель въ даръ отъ помѣщика. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ, владѣлецъ заповѣднаго имѣнія обязанъ внести въ кредитное установленіе всю сумму, полученную за уступку земли. Если же онъ подаритъ крестьянамъ ихъ землю, или уступить часть слѣдующаго за нее вознагражденія, то обязанъ внести за нее не менѣ той суммы, какая пришла бы къ выдачѣ ему за эту землю, на основаніи положенія о крестьянахъ. Внесенная сумма признается неприкосновеннымъ капиталомъ, входящимъ въ составъ имѣнія, а владѣлецъ пользуется только процентами съ капитала.

Еще одно распоряженіе заслуживаетъ вниманія: нѣкоторые мировые посредники, упустивъ изъ виду, что «никто въ своемъ дѣлѣ судьей быть не можетъ», преспокойно «принимали къ своему разбору и производству» дѣла по собственнымъ ихъ, посредниковъ, имѣніямъ. Такая безцеремонность сихъ господъ вызвала со стороны управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ циркуляръ начальникамъ губерній, въ коемъ значится, что «всѣ вообще дѣла мирового разбирательства и распорядительныя по имѣнію посредника, если оно находится въ предѣлахъ завѣдываемаго имъ участка, должны подлежать разбору и производству или его кандидата, или мирового посредника ближайшаго участка»... Странно, что подобныя, по видимому, до нельзя простыя для самаго безхитростнаго ума вещи, требуютъ еще, на ма-тушкѣ Руси, *разъясненія*....

Вотъ не менѣ любопытный фактъ изъ той же области: нѣкоторые изъ посредниковъ подольскихъ и кіевскихъ, очевидно великіе читатели завѣтной розги и охотники «добре барбарами шмаровать» подвергали, — не справляясь, разумѣется, съ «По-

ложеніемъ», — тѣлесному наказанію временнообязанныхъ крестьянъ «за неисправное отбываніе барщины и за неявку на работы». Мѣстный генералъ-губернаторъ, освѣдомясь о такой мѣрѣ, предложилъ крестьянскимъ присутствіямъ обѣихъ губерній, — каждому, конечно, порознь, — сообразить, рѣшить и дать знать посредникамъ, вправѣ ли они чинить помянутую расправу въ вышеприведенныхъ случаяхъ?.. Подольское присутствіе, основываясь, очевидно, сколько на точной оцѣнѣ «Положенія», столько же и на законахъ здраваго смысла, нашло, что «за неисправное крестьянами отбываніе повинности ни мировому посреднику, ни волостному суду тѣлеснаго наказанія не предоставлено», а присутствіе университетскаго города Кіева опредѣлило, что «посредники, въ случаяхъ, о коихъ идетъ рѣчь, имѣютъ право подвергать крестьянъ, кромѣ вознагражденія помѣщика, и тѣлесному наказанію».

Остальные свѣдѣнія по крестьянскому вопросу, при всей видной многочисленности ихъ, мало являютъ новаго и замѣчательнаго: все та же медленность въ составленіи уставныхъ грамотъ; то же, какъ утверждаютъ, уклоненіе крестьянъ отъ ихъ подписи, на основаніи, будтобы, укоренившася убѣжденія, что по истеченіи двухлѣтняго срока сдѣлана будетъ *добавка* къ положенію. Убѣжденіе это раздѣляется даже и иными помѣщиками. А насчетъ грамотъ, такъ нѣкоторые посредники сами входили въ губернскія присутствія съ представленіями объ отсрочкѣ составленія «таковыхъ» чуть ли не на годъ... Въ иныхъ мѣстахъ грамоты не могутъ состояться «по неразмежеванію еще дачъ, а въ другихъ — по неизмѣннѣ владѣльцами плановъ на принадлежащія имъ земли»... Последнее обстоятельство возбуждаетъ не малое удивленіе... Сколько десятковъ лѣтъ длится размежеваніе, сколько межевыхъ «корпусовъ» всевозможныхъ вѣдомствъ, межевыхъ «канцелярій», а все еще *значительное* количество неразмежеванныхъ пространствъ, все владѣльцы не получаютъ плановъ. Есть отъ чего въ отчаянье придти!.. Когда же эта значительность умалится?.. Когда придутъ планы?..

Здѣсь не можемъ не замѣтить, что губернскія вѣдомости, почему-то, за чрезвычайно рѣдкими исключеніями, даютъ или крайне мало извѣстій по дѣлу освобожденія крестьянъ, или же извѣстія, не представляющія ни малѣйшаго — ни общаго, ни даже мѣстнаго — интереса, такъ что, при всемъ желаніи, нельзя составить себѣ никакого опредѣленнаго понятія о ходѣ и поло-

женіи дѣла, о роли, какую дѣйствительно играетъ освобожденіе... И это тѣмъ печальнѣе, что блуждаетъ весьма много устныхъ о немъ толковъ, которые, въ видахъ общей пользы, не только желательны, но и *надлежало бы* разъяснить. Мы говоримъ: «почему-то» на томъ основаніи, что трудно, повидимому, повѣрить, будтобы, напримѣръ, саратовское покрестьянскимъ дѣламъ присутствіе не обрѣтаетъ для помѣщенія на страницы свои ничего болѣе занимательнаго и замѣчательнаго, какъ предложеніе чиновнику особыхъ порученій Тищенко «*сместити* (?) въ расходъ изъ канцелярскихъ суммъ одинъ рубль»—за полученные изъ губернскаго правленія десять экземпляровъ краткаго изложенія правъ и обязанностей крестьянъ и дворовыхъ людей—и отослать при отношеніи въ губернское правленіе, прося о полученіи ихъ (рубля ?) увѣдомленія», или рассказъ въ такомъ родѣ: «*слушали*: гг. членамъ и секретарю саратовскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія слѣдуетъ выдать жалованье за сентябрь сего года, а именно членамъ» и т. д. отъ альфы до омеги... (Сарат. Губ. Вѣд. № 43). Или — по рязанскому присутствію: *Слушали*: Егорьевскій мировой съѣздъ проситъ губернское присутствіе разрѣшить мировымъ посредникамъ заказать на счетъ сельскихъ обществъ печати для неграмотныхъ сельскихъ старостъ. *Опредѣлено*: увѣдомить Егорьевскій мировой съѣздъ, что циркуляромъ» и т. д. (Рязан. Губ. Вѣд. № 43, ч. оф. стран. 683). Или, наконецъ, по пензенскому: «*Слушали*: отношеніе городищенскаго уѣзднаго предводителя дворянства отъ 12 сентября № 672, которымъ онъ проситъ: селенія Ребровку и Александровку причислить къ казарской волости, керенскую волость упразднить, а волостнаго старшину той волости, за упраздненіемъ оной, отъ должности уволить. *Опредѣлили*: согласно предложенія уѣзднаго предводителя дворянства и отзыва мирового посредника, селенія Ребровку и Александровку причислить къ казарской волости, керенскую волость упразднить, а волостнаго старшину той волости, за упраздненіемъ оной, отъ должности уволить, о чемъ и увѣдомить какъ уѣзднаго предводителя, такъ и мирового посредника 2 участка»... (Пензенск. Губ. Вѣд. № 40). Эти: *слушали* и *опредѣлили* особенно замѣчательны, какъ образецъ канцелярскаго многописанія, состоящаго въ совершенно излишнемъ и ненужномъ пустословіи... Къ чему въ *опредѣлили* прописывать отъ слова до слова то же, что и въ *слушали*?.. Вообразите себѣ

присутствіе, въ которомъ сотня такихъ «слушали»? Сколько непроизводительнаго труда, въ ущербъ настоящему дѣлу?.. Сколько бесполезной траты времени, бумаги и пр?.. И не думайте, читатель, чтобы мы выбирали ихъ нарочно... Нѣтъ. Взяты рѣшительно первыя попавшіяся на глаза... Къ разряду самыхъ любопытныхъ извѣстій относится лишь слѣдующее: «слушали»: временно обязанная дворовая дѣвка помѣщицы фонъ-Бриггиной, Настасья Герасимова жалуется, что она съ тринадцатилѣтняго возраста отдана госпожою ея въ кондиторскую Фельбертонъ *безъ всякаго платья*, и потому проситъ сдѣлать распоряженіе объ увольненіи отъ помѣщицы на оброкъ. *Приказали*: записку Герасимовой препроводить къ саратовскому уѣздному предводителю дворянства, для зависящаго распоряженія.. Немного утѣшенія для Герасимовой, но все лучше чѣмъ ничего, и есть надежда, что будетъ (?) еще лучше... Авось и дождется когда нибудь платья, о чемъ да не преминуть въдомости ообщить... Оно будетъ несравненно занимательнѣе повѣсти «о выдачѣ жалованья членамъ»... А вѣдь, замѣтьте, «Саратовскія Въдомости» считаются еще одними изъ наиболее интересныхъ. Отсюда и заключайте: какую «тѣму пріятствъ» вѣщаютъ *наименѣе интересныя*!.. Или губернскія присутствія держатся и въ отношеніи публикацій той же, никѣмъ не желаемой и никѣмъ не требуемой отъ нихъ, таинственности, какую вздумало-было завести у себя—да можетъ статья и заведеть—въ отношеніи засѣданій мировыхъ съѣздовъ нижегородское присутствіе, о чемъ, ко всеобщему назиданію, заявлено въ № 2 газеты «День»?..

Впрочемъ нижегородская «таинственность» не болѣе какъ подражаніе столичной... Въ с.-петербургской губерніи считаются четыре мировыя учрежденія: мировые посредники столицы, мировой съѣздъ столичныхъ посредниковъ, мировой съѣздъ посредниковъ с.-петербургской губерніи и губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Засѣданія и юрисдикціи первыхъ трехъ, по закону, должны быть устныя и публичныя. А до сихъ поръ нигдѣ не заявлено печатно о времени и мѣстѣ этихъ засѣданій... Или же, говоря высокимъ слогомъ, «покрыты они преднамѣренно покровомъ непроницаемости», въ виду распределительнѣйшихъ требованій гласности?..

Но довольно съ крестьянскимъ дѣломъ. У насъ на очереди еще много другихъ предметовъ, подлежащихъ доведенію до свѣдѣнія читателей... И прежде всего, конечно, изъ области народ-

наго просвѣщенія. Эта область убѣждаетъ насъ нагляднѣ всего, что мы вообще идемъ впередъ, — несмотря на всяческіе и видимые и невидимые камни преткновенія, на долгіе подчасъ роздыхи, — медленно, иногда даже невыносимо-досадно медленно, безпрестанно встрѣчаясь и борясь съ крайними, едва постижимыми противорѣчіями, неизбѣжными, впрочемъ, въ подобныя настоящей нашей жизненной поры... Тѣмъ не менѣе, однако, идемъ, подвигаемся впередъ... Въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что-бы ни возражали противъ сего убогіе и не убогіе пессимисты... Стоитъ лишь взглянуть на женское образованіе и будьте вы мнительнѣ самой мнительности — невольно согласитесь, что для развитія, распространенія его уже сдѣлано много и, что главное, сдѣлано много хорошаго. Кола и Ялта, Троицкосавскъ и Брестъ-Литовскъ, Островъ и Ладога, Тифлисъ и Красный-Яръ, всѣ высшіе и низшіе классы и «люди средняго рода» волею-неволею несутъ непосильную лепту въ сокровищницу женскаго знанія; всѣ болѣе или менѣе участвуютъ въ дѣлѣ, служащемъ обыкновенно однимъ изъ сильныхъ стимуловъ и пособій къ преуспѣванію общества... Конечно, *много* — здѣсь понятіе относительное, и за нимъ, за этимъ «много» остается еще бѣлая доля «къ исполненію». Но въ сравненіи даже съ временемъ весьма недавно «протекшимъ», съ преданіемъ «свѣжимъ», — когда въ значительной части шести сотъ пятидесяти градусовъ и безчисленнаго множества весей пространной земли русской обучать женщину наукамъ, а козьми паче искусствамъ, масса населенія считала чуть ли не смертнымъ грѣхомъ, — нельзя не сознать, что слѣды прогресса въ этомъ смыслѣ очевидны. «Современная лѣтопись Русскаго Вѣстника» въ № 41 представила весьма обстоятельный обзоръ хода устройства женскихъ училищъ. Отсылая любознательныхъ за подробностями къ самому источнику, мы коснемся здѣсь бѣгло лишь наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ. Такъ, женское перворазрядное училище въ Полтавѣ, открытое на самыя незначительныя средства, поддерживается — и безъ сомнѣнія будетъ поддерживаться — сборами за концерты, публичныя лекціи, спектакли и пр. Учителя гимназій и кадетскаго корпуса, успѣвшіе послѣ долгихъ хлопотъ, организовать силы для поддержанія училища, взяли преподавать въ немъ въ *теченіе семи лѣтъ безвозмездно*. Вятская губернія, по числу открытыхъ тамъ учебныхъ заведеній, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ имперіи; въ первораз-

рядомъ училищъ въ Романовѣ, ярославской губерніи, также приняли на себя бесплатное преподаваніе штатный смотритель, священникъ Ѳ. М. Покровский и учителя уѣзднаго училища; во Владикавказѣ открыто бесплатное училище для вольноприходящихъ дѣтей «всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій» и шестнадцать дамъ и дѣвицъ изъявили готовность преподавать безвозмездно. Уставъ училища не допускаетъ наказаній, обязывая ограничиваться замѣчаніями. Для поддержанія средствъ его, составлено благотворительное общество; въ него вступаютъ мужчины и женщины; каждый членъ вноситъ не менѣе десяти рублей въ годъ. Въ Орлѣ открытъ дѣтскій пріютъ для дѣвицъ духовнаго званія. Инициатива этого дѣла принадлежитъ протоіерею Е. Остросмысленскому; при училищѣ будутъ огородъ, садъ и скотный дворъ. Курсъ воспитанія семилѣтній. Экзамены должны производиться ежегодно, а переводъ въ высшіе классы и выпускъ воспитанницъ—черезъ каждыя два года. При этомъ нельзя не замѣтить странности устава, гласящаго, что въ высшіе классы воспитанницы переводятся всѣ безъ исключенія, несмотря даже на безуспѣшность; и сіе для того, чтобы дѣвицы каждаго класса были одинаковыхъ лѣтъ. При переводѣ болѣе цѣнятся нравственность, нежели успѣхи. Изъ этого правила исключаются воспитанницы, замѣченныя въ дурныхъ поступкахъ. Ergo: добродѣтельные дѣвицы могутъ учиться кое-какъ, или, пожалуй, вовсе не учиться, и, на оборотъ, прилежныя могутъ вести себя дурно. Логика своего рода. Желательно, чтобы училищное начальство приняло на себя трудъ—поставлять публику отъ времени до времени въ извѣстность о результатахъ примѣненія оныхъ правилъ къ практикѣ. А еще желательнѣе, конечно, чтобы теперь же отиѣнило ихъ, замѣнивъ иными, болѣе рациональными. И мы остановились на нихъ долѣе, чѣмъ слѣдуетъ, въ видахъ предупрежденія другихъ уставовъ отъ внесенія подобной премудрости въ свои параграфы.

Одна курская губернія являетъ какую-то отсталость въ дѣлѣ женскаго образованія: тамъ, сколько извѣстно, есть лишь одно женское училище въ Бѣлгородѣ; но и то посѣщается дѣтьми чиновниковъ и купцовъ, а помѣщики взираютъ на него не совоѣмъ ласково и довѣрчиво. Ужь не по поводу ли анти-папирсной, приключившейся при открытіи его, исторіи, о коей въ свое время повѣдалъ «Русскій Міръ»?

За то съ особеннымъ уваженіемъ и любовію остановится,

безъ сомнѣнія, каждый благомыслящій на тифлисскомъ благотворительномъ заведеніи Св. Нины. Въ немъ сто пятьдесятъ воспитаницъ. Преподаютъ: законъ Божій, арифметика, геометрія вкратцѣ, географія, исторія, русскій, грузинскій и армянскій языки, чистописание, рисованіе и танцы... Странно—почему нѣтъ ни одного изъ западныхъ языковъ?.. Для полноты образованія, въ виду постоянного наплыва въ Тифлисъ французовъ и англичанъ, и наконецъ вслѣдствіе чрезвычайной всеобщности ихъ языковъ и богатства литературъ, казалось бы изученіе по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ рѣшительно необходимо... Въ слѣдующемъ году введутъ: естественную исторію и практическія свѣдѣнія изъ физики и химіи въ примѣненія къ хозяйству. Каждую недѣлю бывають въ заведеніи литературныя чтенія. Кромѣ того дѣвицы приучають къ хозяйству: онѣ подъ руководствомъ, конечно, старшихъ принимаютъ и выдаютъ провизію, ведутъ книги по этой части, выводятъ изъ нихъ дневныя, недѣльныя, мѣсячныя, и годовыя цифры расхода вообще на заведеніе и на каждую дѣвицу; сами себѣ шьютъ платья, бѣлье и вяжутъ чулки. Заведеніе Св. Нины — учрежденіе открытое: дѣвицы отпускаются домой въ праздничные и воскресные дни и на вакаціонное время. Такимъ образомъ, не разрывая связи ни съ домашнею жизнію, ни съ обществомъ, онѣ съ раннихъ лѣтъ знакомятся съ дѣйствительностію, усваивають себѣ ясныя и по возможности вѣрныя понятія о своемъ назначеніи и обязанностяхъ. Вообще систему воспитанія, принятую въ заведеніи Св. Нины, можно смѣло рекомендовать въ образецъ учрежденіямъ этого рода, которыхъ назначеніе — приготовить всесторонне развитыхъ, здравомыслящихъ гражданокъ, образованныхъ и полезныхъ членовъ обществъ, а не куколъ, лепечущихъ пофранцузски, считающихъ вязанье и штопанье чулковъ «занятіемъ унизительнымъ», а самымъ разумнымъ и полезнымъ времяпрепровожденіемъ — странствіе по моднымъ магазинамъ, чтеніе романовъ, и только романовъ, сплетни, безпощадныя пересуды и вожденіе на шолковыхъ снуркахъ и ленточкахъ книжечекъ и козочекъ.

По связи съ предыдущимъ упомянемъ еще объ учрежденіи приюта въ одной изъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей Руси, именно въ Читѣ. Еще многіе, даже подстоличныя, города не сдѣлали ни шагу въ этомъ отношеніи, при всевозможныхъ къ тому средствахъ, а Чита, почти за 7000 верстъ отъ С.-Петербурга и болѣе, чѣмъ

за 6000 отъ «Бѣлокаменной», городъ юный, вдали отъ всѣхъ удобствъ жизни, уже три года какъ учредилъ у себя пріютъ призрѣнія бѣдныхъ дѣтей. Теперь общее число призрѣваемыхъ, мальчиковъ и дѣвочекъ—40; онъ помѣщается въ собственномъ домѣ и имѣеть около 5500 рублей капитала, кромѣ денегъ на покрытие расходовъ по содержанию пріюта. Пожертвованія деньгами и вещами не прерываются. Въ нынѣшнемъ году отъ лоттерей въ пользу пріюта выручено 750 рублей. Эта выручка можетъ и должна заставить покраснѣть любой изъ губернскихъ пріютовъ... Какъ не выразить искренняго, теплаго сочувствія къ такой похвальной сторонѣ общественной дѣятельности членискихъ обывателей?..

Изъ другихъ явленій въ области, о которой ведемъ рѣчь, слѣдуетъ указать на перемѣны въ штатахъ «строительнаго училища главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій» и с. петербургской медико-хирургической академіи. Въ первомъ не будетъ впредь казенно-коштныхъ воспитанниковъ; остались лишь губернскіе и своекоштные и допущенъ пріемъ экстерновъ; въ числѣ ихъ могутъ быть своекоштные и губернскіе воспитанники, и казенные стипендіаты. Своєкоштные экстерны, за обученіе и снабженіе ихъ классными припасами, платятъ по шестидесяти рублей въ годъ. Въ губернскіе экстерны зачисляются тѣ изъ губернскихъ воспитанниковъ, которые, пробывъ съ одобрѣніемъ въ училищѣ не менѣе года, пожелаютъ жить на вольныхъ квартирахъ. Они имѣютъ право на полученіе отъ училища одежды, учебныхъ пособій, ежедневнаго стола въ училищѣ, и, въ случаѣ болѣзни, леченія въ его лазаретѣ. Казенные стипендіаты, пользуясь бесплатно обученіемъ и классными припасами, получаютъ еще отъ училища по двадцати рублей въ мѣсяцъ на содержаніе. На первое время стипендіатовъ полагается шестнадцать.

Въ медико-хирургической академіи почти такая же перемѣна: вмѣсто *трехсотъ* казеннокоштныхъ студентовъ, положено имѣть *пятьдесятъ* стипендіатовъ, съ производствомъ каждому на содержаніе по *триста* рублей въ годъ; въ число ихъ назначаются лучшіе студенты, пробывшіе въ академіи по крайней мѣрѣ годъ. Нынѣшнимъ воспитанникамъ прекращено казенное содержаніе съ перваго сентября, и взаменъ того отпускается причитающееся содержаніе изъ оклада двусотъ рублей въ годъ. Этотъ размѣръ содержанія сохранится до января 1863 года, а съ того времени пойдетъ, какъ сказано выше, по триста рублей въ годъ.

Сверхъ того, при переходѣ казенныхъ воспитанниковъ на частныя квартиры, отдаются имъ учебныя пособія, платье и другія казенныя вещи.

Такое преобразование не можетъ не отозваться благотворительно и на учащихся и на науку. Освобожденные отъ домашняго школьнаго надзора и ферулы, предоставленные самимъ себѣ, молодые люди, болѣею частію уже достаточно развитые, съ содержаніемъ, при которомъ, съ помощью благоразумной экономіи, не трудно сводить концы съ концами, конечно, несравненно съ болѣею ревностію посвящать себя на служеніе дѣлу, которому предназначаются. Съ другой стороны должно непремѣнно оказаться сбереженіе у правительства, съ отиѣною всѣхъ дровяныхъ, хлѣбныхъ, аммуниционныхъ комиссаровъ, экономовъ, и иныхъ чиновъ сей категоріи, отличающейся между прочимъ тѣмъ, что члены ея если пріобрѣтаютъ дома, имѣнія и другія богатства, и если помѣщаютъ въ кредитныя учрежденія капиталы, то не иначе, какъ на имена своихъ благородныхъ, высокоблагородныхъ и—сіе впрочемъ рѣдко—высокородныхъ супруговъ. Съ преобразованиемъ же закрытыхъ учрежденій въ открытыя—надобность въ смотрителяхъ и экономахъ минуется: сокращаются издержки казны и сохраняются во всей чистотѣ нѣсколько экземпляровъ челоуѣчества «безъ пятна и безъ упрека», понеже, не безызвѣстно, что иной, не получи онъ теплаго мѣстечка, подобнаго вышерѣченному—во всю жизнь и помышленія бы не имѣлъ о «благопріобрѣтенныхъ» домахъ, капиталахъ и о прочемъ... А тутъ, вдругъ посадили тебя по уши въ бочку съ медомъ. Какъ же не попробовать хлѣбнуть онаго «усты своими»? Тѣмъ болѣе, что, куда нивзглянешь, не только никто этимъ не брезгуетъ, но даже тѣ немногіе, что покушаются идти въ разладъ съ «обезпечивающимъ» направлениемъ, состоятъ у большинства или въ презрѣніи или въ почетѣ, какой оказывается «собакамъ на снѣгъ»... Пословица не даромъ говоритъ: «дадутъ казеннаго цыпленка кормить, а прокормишь и его, и себя и быка»...

Впрочемъ, къ слову сказать, не въ однихъ учебныхъ заведеніяхъ казенное хозяйство представляетъ тѣму соблазнительныхъ и скользкихъ путей, на которыхъ, однако, къ сожалѣнію, въ старыя, впрочемъ не такъ чтобы очень давнія, времена, почти никто не могъ удерживаться и повергался въ бездну «добра», которымъ судьба снабжала его чрезъ зло. Подобные тому примѣры встрѣчаемъ и во времена новѣйшія. Но до сихъ поръ

дѣянія этого рода оставались подъ снудомъ. Морское министерство, просвѣщенное начальство котораго ознаменовало себя уже многими полезными, вполне современными реформами въ служебномъ и хозяйственномъ дѣлѣ, первое представляетъ очю подобныхъ «злодѣтелей». Такъ «Кронштадтскій Вѣстникъ» сообщилъ о предавіи военному суду маіора *Климова* и капитана *Васильева*, за недодачу состоявшимъ подъ ихъ командой нижнимъ чинамъ, какъ обнаружилось на инспекторскомъ смотру: мундировъ, овчинныхъ полушубковъ, холста, кожаныхъ рукавицъ, шерстяныхъ варегъ, денегъ на рабочіе сапоги и на смазку *олухъ* и на поясные къ брюкамъ ремни и прочаго... Нельзя не выразить искренняго сочувствія разумной тенденціи — искоренить, на сколько это возможно, зло, у насъ, къ сожалѣнію, — благодаря многообразнымъ историческимъ, общественнымъ и чуть ли даже не климатическимъ условіямъ, столь сильно и повсемѣстно распространенное... Надо же рано или поздно принятъ выставять на показъ господъ, совпадающихъ богатства, и подчасъ далеко не незначительныя, подобными безгрѣшными доходами, на счетъ бѣдныхъ, безотвѣтныхъ, съ ограниченными до нельзя потребностями и средствами къ жизни, труженниковъ... Авоось, тамъ или въ иномъ мѣстѣ, на обширномъ пространствѣ матушки Руси кто нибудь и призадумается, съ пользою для себя и для подначальныхъ — для себя то, увь, быть можетъ, уже не съ *прежнею* — надъ строками, гдѣ ясно и разумительно напечатано, что нижніе чины заявили на инспекторскомъ смотру претензію; что она выслушана, дѣло разобрано не ниточкѣ, чины удовлетворены, а благодушные отцы-командеры, не погнушавшіеся попользоваться убогими солдатскими крохами притянуты «на цугундеръ.» — Право, иному и во снѣ не грезилось, что когда нибудь наступятъ такіа *обидныя* времена... Во истину, шагъ на пути преуспѣянія, и шагъ не малый!..

Но мы удалились отъ предмета и едва не упустили изъ виду рассказать читателямъ, что 19 октября бывшій царскосельскій — нынѣ Александровскій — лицей праздновалъ «пятидесятилѣтіе». Этого дня давно ожидали: коммиссія изъ депутатовъ отъ двадцати пяти куровъ, вышедшихъ со дня основанія лицея, почти годъ занималась приготовленіемъ соответственныхъ саму случаю торжествъ разнаго рода; но все они, предъ самымъ юбилеемъ, отнѣцены: юбилей справлять какъ нельзя болѣе скромно, а собранныя для него деньги *шесть тысячъ* рублей пожертвованы

на основаніе при с. петербургскомъ университетѣ вѣчной стипендіи подъ именемъ *жумлинской*—преимущественно въ пользу лучшаго воспитанника Псковской гимназіи. Фактъ — превыше всѣхъ похвалъ—громко, внятно и краснорѣчиво говоритъ самъ за себя.

Теперь не угодно ли познакомиться съ слѣдующими, заслуживающими вниманія законоположеніями, не касающимися сферъ, о которыхъ мы держали выше рѣчь:

Всѣмъ извѣстны правила о понудительномъ опредѣленіи въ военную службу дѣтей чиновниковъ, не дослужившихся до потомственного дворянства, въ случаѣ если бы эти дѣти не поступили до семнадцати лѣтъ въ учебныя заведенія, или не опредѣлились въ службу добровольно. Сихъ правилъ не существуетъ болѣе. Отсюда—полная возможность будущему мелко-чиновничьему поколѣнію, не оставаясь вѣчными прапорщиками или «канцелярскими», избирать иные жизненные пути, которые хотя не ведутъ вверхъ по лѣствицѣ ранговъ, крестовъ и прочихъ отличій, за то скорѣе, чѣмъ все сіе «въ совокупности» могутъ доставить «человѣчеству безъ протекцій» средства къ безбѣдному, а иногда, при улыбкѣ фортуны, и къ вполне обеспеченному существованію, особенно нынѣ, когда, благодаря многому-множеству сокращенныхъ, заштатныхъ, срочно и безсрочно-отпускныхъ, на каждое не только вакантное, но и на предполагаемое быть таковымъ чиновничье мѣсто, самое невзрачное, незначительное—есть чуть ли не сотни кандидатовъ...

Въ видахъ пользы службы предоставлено начальникамъ губерній право замѣщать должности полиціймейстеровъ и городничихъ, «безъ сношенія съ комитетомъ о раненыхъ», по непосредственному усмотрѣнію и подъ личною отвѣтственностію, въ слѣдующихъ значительныхъ по торговлѣ, промышленности и населенію городахъ: въ Архангельскѣ, Астрахани, Владимірѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Вяткѣ, Екатеринославлѣ, Казани, Калугѣ, Костромѣ, Курскѣ, Митавѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Новгородѣ, Орлѣ, Петрозаводкѣ, Пензѣ, Перми, Полтавѣ, Псковѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Рязани, Самарѣ, Саратовѣ, Симбирскѣ, Симферополѣ, Смоленскѣ, Тамбовѣ, Твери, Тулѣ, Харьковѣ, Черниговѣ, Ярославлѣ, Одессѣ, Муромѣ, Шуѣ, Бѣлгородѣ, Дерптѣ, Коломнѣ, Серпуховѣ, Болховѣ, Ельцѣ, Мценскѣ, Кременчугѣ, Вольскѣ, Сызрани, Вязьмѣ, Козловѣ, Моршанскѣ, Ржевѣ, Нѣжинѣ, Рыбинскѣ, Ростовѣ и въ посадѣ Дубовкѣ. Раціональность и благотѣльность

этой мѣры очевидны: отъ сколькихъ хлопотъ, тратъ, напрасныхъ передвиженій, иногда за тысячу и болѣе верстъ, въ видахъ исканія мѣста, избавляетъ она; отъ сколькихъ сѣтованій вследствие несбывшихся ожиданій, обманутыхъ надеждъ... Мы увѣрены, что много и много людей скажутъ за нее теплое искреннее спасибо...

Отъ дворянъ, вольноопредѣляющихся и пѣхотныхъ офицеровъ, при поступленіи или переводѣ въ армейскую кавалерію, не требуется денегъ въ полковой ящикъ на покупку лошади; всѣ означенныя лица обязаны вносить для офицерскаго обмундированія: драгунскаго—двѣсти рублей, уланскаго—двѣсти пятьдесятъ и гусарскаго—триста пятьдесятъ рублей и затѣмъ представленіе поступающими на службу въ ту кавалерію реверсовъ о достаточномъ состояніи къ содержанію себя въ этомъ родѣ войска—отмѣнено.

Наконецъ не пройдемъ уже молчаніемъ и постановленія «о маркитантахъ для гвардіи,» каковое свѣдѣніе то же можетъ подчасъ кому нибудь пригодиться... При выступленіи полковъ въ походъ, маркитанты избираются самими начальниками войскъ; а если желающихъ не явится, то военное вѣдомство входитъ въ сношеніе съ главнымъ городскимъ начальствомъ, которое или принимаетъ непосредственно мѣры къ приисканію поманутыхъ людей, или обращается къ содѣйствію городского головы. Сей послѣдній, въ свою очередь, приглашаетъ или черезъ старшинъ, или самъ, «извѣстныхъ своею благонадежностью» лицъ купческаго или мѣщанскаго сословія и убѣждаетъ ихъ вступить въ маркитантскую должность.» Впрочемъ, ни городское начальство, ни голова не обязываются ручательствомъ за успѣхъ дѣла или за «послѣдующую благонадежность» вступившихъ. Имъ ни въ какомъ случаѣ не дается денежнаго пособія изъ городскихъ или сословныхъ суммъ; но желающіе — освобождаются отъ общественныхъ службъ сверхъ времени, проведеннаго въ маркитантствѣ, еще на пять слѣдующихъ за тѣмъ лѣтъ; при особенныхъ же обстоятельствахъ, общества могутъ продолжить эту льготу и на болѣе долгое время. Для полученія ея ех-маркитанты должны представить въ сословныя управленія свидѣтельства «отъ воинскихъ начальствъ объ окончаніи маркитантскихъ обязанностей и о добросовѣстномъ исполненіи ими всѣхъ возложенныхъ на нихъ по сему званію порученій.»

Перейдемъ теперь въ міръ финансовъ, фондовъ, торговли, акцій и облигацій... Въ первомъ въ послѣднее время большое

вниманіе обратила на себя рѣчь министра финансовъ, «произнесенная въ засѣданіи совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій 25 октября 1861 года, при представленіи отчетовъ сихъ установленій за 1860 годъ.» Изъ этой рѣчи видимъ: кредитныхъ билетовъ оставалось къ 1861 году въ обращеніи почти на 713,000,000 рублей; пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ выпущено на сумму до 277,800,000 рублей; изъ нихъ, впрочемъ, одинъ процентъ погашенъ въ минувшемъ мѣсѣ; четырехпроцентныхъ непрерывно-доходныхъ билетовъ по 1-е октября сего года частнымъ лицамъ выдано почти на 39,000,000 руб., и наконецъ на 36,000,000 руб. выпущено четырехпроцентныхъ металлическихъ билеетовъ. Всѣ эти свѣдѣнія, полагаемъ, далеко не безразличны при настоящихъ повсемѣстныхъ толкахъ о безденежьи, объ упадкѣ курсовъ и подобныхъ близкихъ каждому матеріяхъ...

Кстати еще о кредитныхъ бумагахъ... Многіе наши органы гласности наполнены словопреніями безъ конца о томъ: какимъ образомъ возстановить цѣнность русскаго кредитнаго рубля.... Въ числѣ этихъ диссертацийъ есть прекуръзіи... Съ своей стороны мы считаемъ всѣ споры по этому предмету и совѣты въ родѣ «выпуска множества безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ» совершенно безцѣльными и бесполезными, имѣя убѣжденіе, что лишь время и перемѣна обстоятельствъ, изъ которыхъ слагаются экономическія и другія крупныя условія страны, могутъ имѣть вліяніе на измѣненіе помянутой «цѣнности»... Тѣмъ не менѣе нельзя не сознать, что пока, и довольно давно уже, денежные дѣла наши обстоятъ не совсѣмъ благополучно: дисконтъ отъ 8% до 9 и даже до 9¹/₂%, но и то номинально, такъ какъ, собственно говоря, дѣль съ нимъ нѣтъ, по той немудреной причинѣ, что достать денегъ крайне трудно. Съ фондами вообще обороты слабые. Съ акціями также дѣль нѣтъ, все отъ того же — отъ безденежья...

Въ торговлѣ вѣншей одинъ и тотъ же отзывъ: тихо и по привозу и еще тише по отпуску... Здѣсь, въ Одессѣ, и въ Ригѣ одинаково. О прочихъ портахъ и говорить не стоитъ. Вотъ, приклада ради, одинъ изъ ноябрьскихъ репортовъ о рижскихъ артикулахъ: «масло конопляное — безъ покупателей; конопля будущая — безъ спроса; льняное сѣмя, ячмень, овесъ, и пшеница будущіе — безъ всякаго дѣла, и спроса не видно; на рожь будущую покупателей не видно; табакъ — безъ покупателей»...

Свячка, значить, явственная... Вообще въ нынѣшнемъ году мы торговали неавантажнo, хуже прошлаго года, хотя и тотъ былъ не хорошъ. Вотъ, напримѣръ, отпускъ по с.-петербургской таможенѣ: въ семь году «товаровъ пошлинною очищенныхъ» по 1 ноября значилось по цѣнѣ на 46,747,433 рубли, а въ минувшемъ по то же число—на 51,720,691 рубль. Какъ мало ни придавайте вѣры официальнымъ цифрамъ, все же значительная разниа въ отпускѣ этихъ двухъ лѣтъ очевидна... Особенно замѣтно уменьшился вывозъ желѣза, канатовъ и веревокъ старыхъ, холста хряща, обмѣни льнянаго, хлѣба и сала... На московской биржѣ также невесело, и особенно замѣтно сокращеніе производства фабрикантами бумажныхъ издѣлій, вслѣдствіе дороговизны хлопка, которая, въ свою очередь, происходитъ отъ возвышенія на него цѣнъ въ Англии, гдѣ предвидится сильный недостатокъ въ этомъ продуктѣ, отъ неподвоза его изъ Америки, занимающейся нынѣ, какъ извѣстно, войной, а не мирнымъ земледѣльствомъ.... Вопросъ о хлопкѣ не перестаетъ крѣпко занимать Джонъ-Буля и онъ принимаетъ самыя энергическія мѣры для пополненія недостатка. Въ виду возрастающей и у насъ дороговизны на пряжу возбуждены толки о томъ: какимъ бы образомъ обезпечить русскую промышленность въ семь отношеніи? По этому случаю указываютъ на Хиву, Бухару, Коканъ и китайскій Туркестанъ. Безъ сомнѣнія эти страны могли бы снабжать насъ гораздо бѣльшимъ количествомъ хлопка, нежели сколько мы его до сихъ подъ оттуда получали. Но для этого потребно, чтобы вообще русская торговля съ Азією вышла изъ усыпленія, въ коемъ постоянно пребываетъ, благодаря, съ одной стороны, малой предприимчивости русскаго купечества, производящаго коммерцію съ означенными выше странами, а съ другой — характеру самой торговли, расположенію туземцевъ, постоянно выпрашивающихъ себѣ для своихъ «негоціантовъ» льготы въ Россіи, которыми тѣ и пользуются въ всемъ объемѣ ихъ и съ полнымъ обезпеченіемъ, между тѣмъ какъ русскимъ торговымъ людямъ въ поманутыхъ азіятскихъ областяхъ, мало представляется лестнаго, и едва ли это положеніе дѣлъ можетъ скоро измѣниться къ лучшему... Другая исторія, елибъ, какъ иные совѣтуютъ, мы сами принялись за учрежденіе хлопчатобумажныхъ плантацій, хотя бы на берегахъ подвластной намъ Сыръ-Дарьи... Но это предположеніе, какъ ни красиво оно, и какія бы прибыли ни обѣщало, хотя бы Дарьин-

свій хлопокъ обходился въ продажѣ по два рубля за пудъ, тогда какъ теперь мы платимъ за него отъ 9 до 13 р.—едва ли можетъ осуществиться въ близкомъ времени, но многими и многообразными причинами.

По акціонернымъ дѣламъ видное мѣсто занимаетъ и обращаетъ на себя общее вниманіе с.-петербургское городское кредитное Общество. Оно на первыхъ порахъ даетъ уже задатки преуспѣянія, вопреки ожиданіямъ и предсказаніямъ недоброжелателей... Имущество предъявлено въ оное къ залогу по городской оцѣнкѣ на шестнадцать миліоновъ, въ томъ числѣ на семь миліоновъ заложены въ государственномъ банкѣ и въ городской—поступать лишь по переводу; а остальные, какъ думаютъ, пойдутъ въ залогъ въ сумму не меньшую пятнадцати миліоновъ, такъ какъ городская оцѣнка, сколько извѣстно, весьма низка: вся она—т. е. всѣхъ городскихъ имуществъ—не превышаетъ девяноста миліоновъ... Но предъявленіе имуществъ къ залогу не кончилось: есть поводъ ждать несравненно большаго числа ихъ. Въ бывшемъ заемномъ банкѣ, при закрытіи его операцій по судамъ, находилось въ залогѣ домовъ на сорокъ миліоновъ; изъ нихъ остались до сихъ поръ въ залогѣ на двадцать миліоновъ; слѣдовательно кредитному Обществу предстоитъ принять многіе изъ нихъ; сверхъ того не слѣдуетъ забывать, что въ заемный банкъ деревянные дома не допускались къ залогу, а въ городскомъ—допускаются, и что въ послѣдніе два года начаты постройки до трехсотъ каменныхъ домовъ, которые всѣ станутъ, конечно, искать помѣщенія въ новорожденномъ Обществѣ. Немаловажнымъ ручательствомъ также за преуспѣяніе общества представляется разрѣшеніе: при расчетахъ съ с.-петербургскою сохранныю казною и бывшимъ заемнымъ банкомъ по займамъ подъ залогъ домовъ, которые будутъ перезакладываемы въ общество—облигаціи его принимать по *парицательной ихъ цѣнѣ*... Слѣдовательно, извѣтъ—всѣ шансы и всѣ способы обществу идти хорошо. Остается водворить разумность и добрый порядокъ внутри, чего мы ему искренно желаемъ, и что, по видимому, должно непремѣнно возмѣнить мѣсто, при столь значительномъ составѣ управленія... Въ немъ три директора, три кандидата и *двадцать* членовъ наблюдательнаго комитета... Пора же, наконецъ, убѣдить невѣрующаго опытомъ, какъ нельзя болѣе нагляднымъ, что извѣстная пословица о «семи нянькахъ» въ наше просвѣщенное и рациональное

время можетъ быть иногда «болѣе остроумна, чѣмъ основательна»...

Число страховыхъ обществъ въ Россіи увеличилось еще однимъ: учреждено *Общество взаимнаго страхованія отъ огня въ уѣздахъ курляндской губерніи*. Цѣль его—«обезпечить владѣльцевъ и арендаторовъ или временныхъ содержателей казенныхъ и частныхъ имѣній, домовъ и земель отъ пожарныхъ убытковъ, какъ въ недвижимомъ, такъ и въ движимомъ имуществѣ». Общество составляется изъ лицъ, обязывающихся взаимно вознаграждать другъ друга за убытки, соразмѣрно страховой суммѣ; строенія, принятыя въ немъ на страхъ, не могутъ быть застрахованы въ другихъ обществахъ; правленіе Общества состоитъ изъ трехъ директоровъ и двухъ кандидатовъ; ни тѣ ни другіе *не получаютъ* за службу свою *вознагражденія*. По окончаніи года составляется счетъ вознагражденіямъ, назначеннымъ къ отпуску въ истекшемъ году, издержкамъ по управленію и прочимъ расходамъ. На основаніи этого счета правленіе разлагаетъ годовыя преміи на членовъ Общества, по мѣрѣ стоимости застрахованнаго ими имущества. Въ общихъ собраніяхъ имѣютъ право голоса и владѣльцы имѣній, и арендаторы. Не принимаются на страхъ: жилыя строенія, не имѣющія каменныхъ или кирпичныхъ трубъ, кузницы безъ черепичной или жестяной кровли, крестьянскія бани, заводы: стеклянные, известковые, приготовляющіе эеиръ, фосфоръ, газъ и тому подобныя, легко воспламеняющіяся вещества. Жилыя строенія при всѣхъ этихъ заведеніяхъ могутъ страховаться, если отстоятъ отъ нихъ не менѣе, какъ на пятьдесятъ сажень и крыты черепицею или жестью. Строенія каменные и мазанки принимаются на страхъ не свыше *трехъ четвертей* оцѣночной суммы, а деревянныя и фахверковыя—въ *полной стоимости*. Въ случаѣ высокой оцѣнки и несогласія владѣльца понизить ее, дѣлается «формальная оцѣнка» двумя посредниками; изъ нихъ одинъ назначается владѣльцемъ, другой—правленіемъ и оба въ свою очередь избираютъ еще общаго посредника; а при разногласіи ихъ—онъ опредѣляется общимъ собраніемъ. Страхованіе можетъ быть общее и подробное. При каждомъ новомъ страхованіи вносится владѣльцомъ, въ видѣ единовременной преміи за вступленіе въ общество, *четверть* процента съ застрахованной суммы. Деньги эти не возвращаются, еслибы страхова-

ніе и прекратилось: изъ нихъ образуется запасный капиталъ. Члены общества обязаны имѣть извѣстное число пожарныхъ инструментовъ. Убытки отъ молніи общество вознаграждаетъ, а за убытки отъ войны—не отвѣтствуетъ. Вотъ главныя положенія устава. Мы приводимъ ихъ съ цѣлью вызвать подражаніе и въ другихъ нашихъ замлевлдѣльцахъ. До послѣднихъ временъ, говоря вообще, господа помѣщики, за немногими исключениями, изволили пробавляться въ области многолюбезнаго російскаго коекакства и какнибудства и между прочимъ объ устройствѣ пожарной части въ большинствѣ ихъ имѣній и слыхомъ не слыхать. Конечно, что жъ тутъ мудренаго, если и города-то, подчасъ, даже «значительные» опасаются отъ пожаровъ—если спасаются — преимущественно благою случайностію, а ужъ никакъ не пожарной командой. Она — что, разумѣется, многимъ доподлинно извѣстно — очень нерѣдко существуетъ единственно ради показа, *мн парата*, а еще больше, какъ, впрочемъ, и многіе изъ самихъ городовъ, для пользы и удовольствія начальства, которое, зачастую, и даже не вдали отъ столицъ, — а вдали-то ужъ и Богъ велитъ, — пожарными людьми и лошадьми и огородъ засадитъ, и поле запашетъ, и сѣно скоситъ, и всякому своему домашеству подспоритъ. Случится пожаръ — и бѣгутъ за тѣми и за другими «къ его высокоблагородію» на дачу... Но — мы удалились отъ предмета. Итакъ, повторяемъ, нельзя не пожелать, чтобъ и прочія губерніи принялись за учрежденіе обществъ взаимнаго страхованія отъ пожаровъ, по образцу курляндскаго.

Къ одной категоріи съ предыдущимъ по отношенію къ *взаимности* должно отнести *русское купеческое общество для взаимнаго вспоможенія*, хотя дѣятельность его, всеконечно, принадлежитъ совершенно къ иной сферѣ, какъ то видно изъ самаго названія. Въ проектѣ устава, между прочимъ, значится: количество ежегоднаго вноса опредѣляется самое ограниченное; для облеченія небогатыхъ членовъ взносы могутъ быть ушачиваемы по трестямъ года; при обществѣ учредится библіотека для чтенія, съ правомъ, для желающихъ, получать книги на домъ; дамамъ и дѣвицамъ предлагается избѣгать роскоши въ нарядахъ на семейныхъ, танцевальныхъ и концертныхъ вечерахъ, которые имѣютъ быть даваемы обществомъ. Члены его, придя въ бѣдность, въ преклонныя лѣта, въ болѣзнь и другія скорбныя

обстоятельства, коими такъ преукрашена вообще наша брeнная юдоля, имѣютъ право получать изъ благотворительной кассы общества, пособія и пенсіоны. На счетъ его относятся также: посѣщеніе медиками неимущихъ и снабженіе ихъ лекарствами; пособія на похороны; помѣщеніе въ богадѣльню, а дѣтей ихъ въ учебныя заведенія, пансіонерами общества; бѣднымъ дѣвкамъ, родственницамъ членовъ, при выходѣ замужъ дается приданое на счетъ общества. Управление дѣлами поручается конторѣ. За правильностію его дѣйствій наблюдаетъ особый комитетъ. Служащимъ въ обществѣ, за долговременную и честную службу, назначаются пособія и пенсіи... Очевидно, что бѣльшаго требовать отъ подобнаго общества, у насъ невозможно. И если оно будетъ выполнять программу свою вполнѣ разумно, человѣчно, то благотѣльность послѣдствій отъ его учрежденія несомнѣнна. Оставтса желать возможно скораго его осуществленія и возможно значительнаго числа желающихъ быть его членами...

По поводу пенсій служащимъ въ этомъ обществѣ обязываемся замѣтить, что за учрежденіе ихъ должны бы принятыя и прочія наши компаніи, хотя бы главныя и могущія—и на основаніи уставовъ и по теоріи вѣроятностей—разсчитывать на продолжительное существованіе. Это для нихъ необходимо, если онѣ желаютъ пріобрѣсть для служенія себѣ добропорядочныхъ, свѣдущихъ, достойныхъ людей. Необезпеченность въ семъ отношеніи частной службы составляетъ не малую причину къ тому, что многіе, весьма умные и полезные люди, — которые, за отсутствіемъ связей, вліанія и имъ подобныхъ даровъ фортуны, не въ силахъ ровно ничего сдѣлать для себя на службѣ коронной и вынуждены цѣлый вѣкъ проводить много-много что въ столоначальничествѣ, на неизмѣнныхъ «семистахъ тридцати,» а подчасъ и въ гораздо низшихъ степеняхъ,—не рѣшаются, однако, бросить ее и промѣнять на частную,—гдѣ оклады вообще выше казенныхъ, а нѣкоторые и очень выше,—не рѣшаются единственно потому, что въ ней, въ частной службѣ, кромѣ произвола, nepотизма и прочихъ имъ подобныхъ пріятностей, одинаково орудующихъ вездѣ, во всемъ мірѣ, участь бѣднаго чeловѣчества, «непризваннаго быть гостемъ на пиру жизни,» рѣшительно ничѣмъ не обезпечена... Тамъ, въ казні, послѣ извѣстнаго числа лѣтъ, дадутъ хоть какую-ни-на-естъ пенсію, могущую, при случаѣ, спасти отъ голодной смерти... А въ част-

ной?... Прослужи хоть сто лѣтъ, завтра понадобится мѣсто племяннику предержавшей компанейской власти, или просто-на-просто, — что, какъ извѣстно, тоже подчасъ случается, — не *пондравься* ей твоя фізіономія, и тебя, стараго служаку, вонъ, надѣвай суму... Повторяемъ, благомыслимъ компанейскимъ правленіямъ, въ видахъ какъ собственной пользы, такъ и пользы челоувѣчества вообще, въ которомъ, какъ вѣдомо всѣмъ, на одного имущаго приходится чуть ли не десятки тысячъ недѣльныхъ, обреченныхъ на жизнь «птицъ небесныхъ» очень не мѣшало бы подумать о пенсіяхъ...

Есть еще нѣсколько интересныхъ фактовъ изъ той же сферы «взаимнаго вспоможенія», но мы оставляемъ повѣсть о нихъ до слѣдующаго «Обозрѣнія», а настоящее кончимъ послѣднимъ и самымъ замѣчательнымъ явленіемъ акціонернаго міра — новымъ, утвержденнымъ 3 ноября, уставомъ *Главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ*. Основные пункты этого, столь нетерпѣливо жданнаго многими, устава гласятъ: обязанности общества ограничиваются устройствомъ двухъ линій: *варшавской* съ вѣтвью до прусской границы и *нижсегородской*. На той и на другой перевозка пассажировъ и грузовъ должна начаться «къ исходу будущаго года.» Для окончанія ливій правительство выдаетъ обществу, по мѣрѣ надобности, 28,000,000 рублей, съ условіемъ возврата впоследствии изъ компанейскихъ доходовъ. Основной капиталъ его составляетъ 112,359,625 рублей въ томъ числѣ 600,000 акцій въ 125 рублей, 70,000 облигацій въ 500 и 18,877 облигацій въ 125 рублей каждая. Въ обезпеченіе этого капитала правительство даруетъ обществу нынѣ же ручательство чистаго годоваго съ линій дохода по *пяти* процентовъ на сто на акціи, а на облигаціи тѣ проценты, какіе назначены въ условіяхъ выпуска ихъ (§ 7). Въ годы когда дохода у общества будетъ недостаточно на выдачу процентовъ, правительство дополняетъ дефицитъ, а когда чистый доходъ превыситъ сумму, нужную для этой выдачи, то излишекъ дѣлится на двѣ равныя части: одна идетъ на погашеніе компанейскаго долга казнѣ, а другая акціонерамъ, за вычетомъ изъ нея «по меньшей мѣрѣ» *пяти* процентовъ въ запасный капиталъ. Вообще платежъ процентовъ по бумагамъ общества и погашеніе ихъ за границею будетъ производиться по неизмѣнному курсу, считая за каждые 125 рублей: 500 франковъ, 20 фунтовъ

стерлинговъ, 236 голландскихъ гульденовъ и 134 прусскіе талера. Акціи могутъ быть и *на предъявителя* и *именныя*. По истеченіи 20 лѣтъ съ 1 января 1867 года правительство имѣетъ право выкупить дороги. Служащихъ общество выбираетъ здѣсь и за границею «по усмотрѣнію»; однако на мѣста техническія полагается принимать не иначе, какъ по представленіи въ главное управленіе путей сообщенія «и по рассмотрѣніи въ ономъ» удостовѣреній, что «ищущіе» обладаютъ надлежащими познаніями. А для назначенія директоровъ, главныхъ инженировъ и вообще *высшихъ должностныхъ лицъ* необходимо «одобреніе» главноуправляющаго путями сообщенія. Онъ можетъ требовать увольненія каждаго изъ компанейскихъ служилыхъ. Общество подвѣдомо непосредственно «главному управленію путей сообщенія» и компанейскій совѣтъ обязанъ исполнять законныя требованія главноуправляющаго. Жалобы на его рѣшенія приносятся въ мѣсячный срокъ ему же главноуправляющему; а онъ вноситъ ихъ, «съ надлежащимъ объясненіемъ», въ комитетъ министровъ. Совѣтъ состоитъ изъ четырнадцати членовъ: предсѣдатель и вице-предсѣдатель въ томъ же числѣ. Десять членовъ избираются общимъ собраніемъ: изъ нихъ *не мѣнье половины* должны быть русскіе подданные; а *четверо*—назначаются правительствомъ. Предсѣдателя и вице-предсѣдателя совѣтъ избираетъ ежегодно самъ изъ среды своей: они должны быть русскіе подданные и получить утвержденіе правительства. Сокращеніе числа членовъ, — которыхъ до сихъ поръ полагалось *двадцать*, — «достигается» постепенно, по мѣрѣ выbitія нынѣшнихъ, по жребію или «всякимъ инымъ способомъ.» Но четыре правительственные члена вступаютъ въ должность теперь же, не ожидая «сокращенія.» Для требующія расхода свыше 100,000 рублей, представляются на разрѣшеніе главноуправляющаго, а также могущія сильно вліять на доходность дорогъ — если члены отъ правительства будутъ *одного* мнѣнія, противнаго большинству. Общее собраніе созывается ежегодно не позже 15 мая и, сверхъ того, въ экстренныхъ случаяхъ, по усмотрѣнію совѣта. Оно составляется изъ акціонеровъ, имѣющихъ каждый не менѣе *сорока* акцій, и признается законнымъ, если соберется не менѣе *тридцати* акціонеровъ владѣтелей не менѣе *двадцатой* части общаго числа акцій. Приговоры собраніе постановляетъ по *безусловному* большинству голосовъ, включая

дѣль по займамъ и дополненіямъ, или измѣненіямъ устава: для нихъ должно оно состоять не менѣе, какъ изъ сорока членовъ представителей по крайней мѣрѣ *одной десятой* части выпущенныхъ акцій; а для приговорѣвъ требуется большинство *двухъ третей* голосовъ. Заступать мѣсто акціонера можетъ лишь акціонеръ «съ голосомъ.» *Повѣрка* голосовъ производится *въ общемъ собраніи* двумя владѣльцами наибольшаго числа акцій. При входѣ въ собраніе акціонеръ обязанъ *занести имя свое* въ списокъ. Ни по своимъ акціямъ, ни по довѣренностямъ никто не можетъ соединять въ одномъ лицѣ болѣе *десяти* голосовъ. За недѣлю до собранія раздается печатное объявленіе изъ отчета, а вслѣдъ за собраніемъ самый отчетъ съ протоколомъ собранія. Годичное собраніе, между прочимъ, избираетъ комиссію изъ *пяти* депутатовъ для повѣрки отчета и для разсмотрѣнія бюджета на будущій годъ. Бюджетъ сообщается ей не позже 1 октября, разсматривается и утверждается оною «совокупно съ совѣтомъ» по большинству голосовъ и представляется «въ списокѣ» главноуправляющему. Члены ревизионной комиссіи получаютъ за труды свои вознагражденіе, по назначенію общаго собранія. Обязательства общества по устройству еодоссійской и либавской линій отмѣняются. Работы по нимъ, смѣты, матеріалы и пр. передаются правительству за 6,400,000 рублей, съ зачетомъ ихъ обществу въ уплату долга его казнѣ. По неоплаченнымъ акціямъ и облигаціямъ внось денегъ должепъ окончиться въ *теченіе полугода со дня утвержденія сего устава*. Парижскій комитетъ съ 1 мая будущаго года упраздняется и за тѣмъ управленіе дѣлами общества сосредоточивается въ одномъ совѣтѣ. Всѣ эти и другія измѣненія устава, вызванныя печальнымъ опытомъ прошедшаго бывшей «необъятной» компаніи весьма важны, рациональны и, повидимому, должны, при прочихъ благопріятныхъ условіяхъ, и повести къ возвышенію бумагъ ея, и дать компаніи въ будущемъ полную возможность преуспѣвать, отрѣшась, всеконечно, отъ царившаго доселѣ въ средѣ ея произвола и отъ непомѣрнаго пристрастія къ «иноплеменнымъ» квазитехникамъ и псевдоспеціалистамъ, очень, можетъ быть, пригоднымъ для всякаго другого рода дѣятельности, но не для сооруженія русскихъ желѣзныхъ дорогъ...

ОВЪ ИЗДАНИИ

ЖУРНАЛА ДЛЯ ДѢТЕЙ

НА 1862 ГОДЪ.

«Журналъ для Дѣтей», издаваемый съ 1851 года подъ редакціею М. Чистякова, будетъ издаваться и на 1862 годъ, по прежней программѣ и съ прежнимъ направлениемъ. Цѣль его — содѣйствовать умственному, религіозно-нравственному и эстетическому развитію юношества, соотвѣтственно-современнымъ потребностямъ.

Выходить «Журналъ для Дѣтей» будетъ точно такъ же, какъ въ теченіи *одиннадцати* лѣтъ; еженедѣльно, по субботамъ, по одному печатному листу. Все годовое изданіе будетъ состоять изъ 50 *лѣтъ*, или 800 страницъ; для большаго поясненія и оживленія статей, особенно по части естественной исторіи и географіи, будутъ помѣщаемы *рисунки* лучшихъ художниковъ. Въ концѣ года приложена будетъ особая обертка и оглавленіе всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ теченіи года.

Подписка на «Журналъ для Дѣтей» принимается въ конторѣ «Журнала для Дѣтей», при книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, на Невскомъ проспектѣ, противъ гостинаго двора, въ домѣ Армянской церкви, въ С.-Петербургѣ, и въ Газетной Экспедиціи С.Петербургскаго Почтамта.

Цѣна за годовое изданіе:

Въ С.Петербургѣ, безъ доставки на домъ . . .	5 р.
— — съ доставкою — . . .	6 —
Съ пересылкою въ другіе города — . . .	6 — 50 к.

Каждый № «Журнала для Дѣтей» немедленно по выходѣ
сдается въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта,
въ наглухо заклеенныхъ пакетахъ. Въ случаѣ какой либо не-
исправности, Редакція покорнѣйше просить гг. подписчиковъ
съ требованіями обращаться въ контору «Журнала для Дѣтей».

Редакторъ «Журнала для Дѣтей» *М. Чистяковъ.*

ДОКТОРЪ АНТОНИО.

РОМАНЪ РУФНИИ.

(АВТОРА ЛОРЕНЦО БЕНОНИ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1861.

Приложеніе къ журналу «Библіотека для Чтенія» № 11, 1861 г.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВЕЛИКІЕ И МАЛЫЕ.

Въ теплый, прекрасный, апрѣльскій день 1840 года, изящная дорожная карета, запряженная четвернею почтовыхъ лошадей, шумно неслась по дорогѣ, извѣстной туристамъ подъ именемъ della Cornice. Эта дорога ведетъ изъ Генуи въ Ниццу, называясь по западной сторонѣ генуэзской Ривьеры *.

Немного есть въ Европѣ большихъ дорогъ, которые были бы до такой степени живописны и до такой степени соединяли бы въ себѣ три различныя стихіи, составляющія красоту природы: съ одной стороны Средиземное море, съ другой—Аппеннины, и надъ всѣмъ этимъ—великолѣпное итальянское небо. Человѣческій трудъ сдѣлалъ тутъ все, что было въ его силахъ; и если не могъ онъ соперничать съ природою, такъ за то и не обезобразилъ ее. Множество городовъ и деревень—одни, граціозно раскинувшись по берегу моря, какъ будто купались въ серебрянныхъ волнахъ; другіе разсыпались, какъ стадо барановъ по скатамъ горы, или кокетливо поднимались на самую ея вершину. Тамъ и сямъ, на самой высотѣ утѣса, омываемаго волнами, мелькая уединенныя часовни, то пріютившись гдѣ нибудь на холмѣ, то выглядывая изъ-за зеленого лѣса. Посреди золотистыхъ виноградниковъ и садовъ, покрытыхъ цвѣтами, между купами померанцовыхъ и лимонныхъ деревьевъ, показывались мраморныя дворцы и веселыя виллы. Безчисленное множество бѣлыхъ казино, съ зелеными рѣпотчатыми ставнями, были разбросаны по холмамъ, нѣкогда бесплоднымъ, а въ настоящее время покрытымъ группами оливковыхъ деревьевъ, благодаря остроумной системѣ устройства террасъ, вдушихъ уступами, для сохраненія земли. Однимъ словомъ, все, что сдѣлано здѣсь человѣческими руками, показывало дѣятельность и гений народа въ высшей степени артистическаго и богато одареннаго природою.

Дорога, о которой мы говорили, причудливо слѣдуя по зубчатымъ изгибамъ берега, неправильна и извилиста: она идетъ, то въ уровень съ моремъ, между рядами тамариновъ, аловъ и олеандровъ; то,

* Морскою берегъ называется Ривьерою.

извиваясь по скату горы, покрытой темными сосновыми лѣсами, она вдругъ подымается на такую высоту, что взоръ отказывается прослѣдить всю глубину пропасти. Здѣсь она скрывается подъ темными галлерейми, прорѣзанными въ утесъ, и совсѣмъ исчезаетъ, чтобы потомъ снова явиться на безпредѣльномъ пространствѣ земли, неба и воды: тамъ она дѣлаетъ крутой поворотъ, какъ будто намѣреваясь пробить себѣ путь черезъ гору; и, вмѣсто того, вдругъ стремится въ противоположную сторону, словно хочетъ броситься внизъ головою прямо въ море.

Только съ безчисленными созданиями калейдоскопа путешественникъ можетъ сравнить такое разнообразіе пейзажа. О, еслибъ можно было придать немного колорита, свойственного этой странѣ! Какая картина могла бы выйти у насъ! Но мы должны отъ этого отказаться. Слова слишкомъ слабы для того, чтобы передать эту блестящую прозрачность атмосферы, эту нѣжную лазурь неба, эту темную синь моря и пріятный переходъ тоновъ, которые отгѣняютъ горы, какъ бы волнующіяся и воздвигающіяся одна надъ другою. Развѣ кисти какого-нибудь Стэнфильда или д'Азеліо удалось бы это сдѣлать.

Среди такихъ волшебныхъ мѣстъ быстро катилась карета, о которой мы сказали вначалѣ. Она представляла собою лучшее произведеніе лучшаго изъ лондонскихъ каретниковъ; легка, изящна, красива, просторна и въ то же время покойна. Словомъ, она имѣла всѣ удобства и не имѣла ни малѣйшаго недостатка въ тѣхъ подробностяхъ, которыя развѣ указываютъ и на знатность происхожденія, и на богатство путешественниковъ. Положеніе, занимаемое ими на общественной лѣстницѣ Великобританіи, какъ нельзя ярче обозначалось каждою изъ этихъ подробностей, начиная съ герба, украшеннаго многосложными щитами и поддерживаемаго окровавленною рукою—этой превосходной миниатюры, едва отдѣлявшейся на темномъ фонѣ дверецъ—до чопорной горничной и почтеннаго объема камердинера безъ лаврокъ. Оба они сдѣлавъ сзади кареты, и по ихъ спокойному сву легко было заключить, до какой степени цѣнили они красоты природы.

Внутри кареты сидѣли двѣ особы: джентельменъ пожилыхъ лѣтъ и молодая дѣвушка—повидимому отецъ и дочь: Отражавшееся въ ихъ наружности равнодушіе къ разнообразнымъ и по истинѣ заслуживающимъ удивленіе красотамъ природы, казалось очень похожимъ на безчувственность ихъ слугъ. Бѣлые паруса, скользившіе какъ огромные лебеди по волнамъ, фруктовые деревья, до того покрытыя цвѣтами, что казались скорѣе безчисленными букетами, чѣмъ деревьями; поля устланныя желтымъ золотоцвѣтомъ, голубымъ анемономъ и бѣлымъ орнитогадомъ, наконецъ древніе утесы, покрытые у каждой расщелины гигантскими листьями,—все это быстро пробѣгло передъ глазами нашихъ путешественниковъ, ни мало не привлекая ихъ вниманія.

Обложенная со всѣхъ сторонъ грудю подушекъ, шалей и платковъ, молодая дѣвушка лежала во всю длину экипажа, употребляя

всвозможныя усилія, чтобы заснуть; и хотя лицо ея было блѣдно отъ утомленія, а синіе круги около глазъ достаточно доказывали необходимую потребность въ покоѣ, но сонъ бѣжалъ ея глазъ, въ чемъ спутникъ ея легко могъ убѣдиться по беспокойнымъ повамамъ, которыя она безпрестанно мѣняла, по ея живымъ движеніямъ и по жалобному ропоту ея дѣтскаго нетерпѣнія.

Молодая дѣвушка представляла собою чудный типъ красоты, который нрѣдко встрѣчается въ Англіи, особенно въ высшихъ слояхъ общества. Этотъ типъ, повидимому, соединялъ противоположныя характеры; печать достоинства почти близкаго къ высокому и вмѣстѣ идеальную прелесть контуровъ. Томность, разлитая во всей ея особѣ, придавала ея фizioноміи особенную грацію, непреодолимое очарованіе. Природа, сотворивъ это прелестное созданіе, казалось, написала во всѣхъ ея чертахъ: непрочность. Томное сплетеніе голубыхъ жилокъ на ея бѣлыхъ, какъ мраморъ, нискахъ, нѣжная лазурь глазъ, прозрачный цвѣтъ кожи, — слишкомъ ясно показывали скоропроходящій блескъ этого нѣжнаго цвѣтка. Густые локоны ея волось, нетерпѣливо пробиваясь изъ-подъ кружевъ ея изыскаго головнаго убора, имѣли тотъ роскошный золотой цвѣтъ, которымъ итальянскіе живописцы любятъ украшать головки своихъ херувимовъ. Однимъ словомъ, она представляла собою самое граціозное и восхитительное существо, какое когда либо видѣлъ человѣческой глазъ; она казалась ангеломъ въ земной оболочкѣ и эта оболочка до того была прозрачна, что сквозь нее такъ и свѣтилось ея небесное происхожденіе.

Сэръ Джонъ Давенни — такъ звали стараго джентльмена, сидѣвшаго рядомъ съ этимъ прекраснымъ существомъ, — былъ погруженъ въ глубокое, повидимому, мало-пріятное раздумье, отъ котораго ничто не могло его оторвать, кромѣ тихаго, сухаго кашля дочери, который, — хотя она и старалась скрывать его очень тщательно, — тотчасъ же пробуждалъ тревожную заботливость отца. Тогда онъ обращался къ своей молодой спутницѣ и голосомъ, полнымъ нѣжності, спрашивалъ ее — не чувствуетъ ли она себя хуже; потомъ произнесъ нѣсколько словъ утѣшенія, и затѣмъ поправлялъ вкругъ нея подушки.

Наружность отца имѣла также въ своемъ родѣ что-то привлекательное. Цвѣтъ лица нѣжный, почти какъ у женщины; голубые глаза, высокій лобъ, едва осянныи сѣдыми рѣдкими волосами, тщателью пригладженными напередъ; совершенно прямой станъ, по которому никакъ нельзя было предположить, чтобы ему было болѣе пятидесяти шести или семи лѣтъ, — словомъ, вся его наружность съ перваго взгляда производила пріятное впечатлѣніе. Но разсматривая ее ближе и притомъ съ большимъ вниманіемъ, можно было бы тотчасъ же открыть кой какія шероховатости на этой гладкой поверхности. Лобъ, бѣлый и чистый какъ мраморъ, былъ высокъ, но узокъ и закатистъ какъ у Георга III или у Карла X. Этотъ лобъ, характеристическая и наследственная черта всѣхъ семействъ баронета, не обманывалъ, изобличая упорство, ясно на

немъ отражавшееся: въ этомъ отношеніи, конечно, онъ сдѣлалъ бы честь коронованнымъ главамъ, съ которыми имѣлъ такое сходство. Голубые глаза путешественника были слишкомъ вышуклы и слишкомъ круглы. Тонкій, орлиный носъ былъ сжатъ у ноздрей. Губы тонкія и слегка приподнятыя, выказывали темпераментъ гордый и надменный. Общее выраженіе фязіономіи, казалось, говорило, что «самый воздухъ становится между благородствомъ джентельмена и грязью, изъ которой сдѣлано остальное человечество» *.

Продолжительное хлопанье бича и громъ мостовой, по которой въ эту минуту катилась карета, заставляли догадаться, что карета въѣхала въ городъ. «Посторонись!» громогласно воскликнулъ возница аристократическаго экипажа. Восклицаніе это возвѣщало непримѣтному возницѣ бѣднаго маленькаго calessino, остановившагося передъ почтовымъ дворомъ, что онъ долженъ уступить мѣсто богатому экипажу. Магическій ли эффектъ герба, производящаго впечатлѣніе даже издалека, или просто потому, что владѣтель кабриолета самъ спѣшилъ, — только приказаніе посторониться, тотчасъ же было исполнено, и завывленное calessino покатилося во всю прыть своей маленькой лошади, съ взъерошенной гривой, уступивъ мѣсто тяжелому сопернику.

Горничная и слуга спустились съ своихъ мѣстъ, и почтительно подошли къ дверцамъ кареты. Большая дѣвушка спросила стаканъ воды. Вода тотчасъ же была принесена и сэръ Джонъ, вливъ нѣсколько капель какой-то жидкости изъ пузырька, приблизилъ стаканъ къ губамъ молодой дѣвушки. Въ то же время двое записныхъ нищихъ, мужчина и женщина, въ своихъ живописныхъ рубищахъ, принялись пересчитывать длинную исторію своихъ несчастій, кончавшуюся, по обыкновенію, всегдашнимъ припѣвомъ: Божія мать и всѣ святые воздадутъ добрымъ благотворителямъ въдесятеро за ихъ милосердіе.

Миссъ Давеннъ вынула свой кошелекъ и положила деньги въ руку женщины, которая стояла съ ея стороны. Сэръ Джонъ бросилъ нѣсколько серебряныхъ монетъ на землю для стараго нищаго. Вѣроятно, какъ отецъ, такъ и дочь дѣйствовали подъ вліяніемъ одинаково похвальныхъ чувствъ. Но какая разница въ способѣ выраженія своихъ чувствъ! Самые нищіе почувствовали эту разницу: старуха кланялась и улыбалась; старикъ поднялъ деньги, и поплелся съ недовольнымъ видомъ.

— Какъ называется это мѣсто? — спросила миссъ Давеннъ.

— Сан-Ремо, отвѣчали ей.

Это имя, кажется, не пришлось по вкусу сэра Джона Давеннъ, въ чемъ свидѣтельствовали его губы, какъ-то особенно сжавшіяся, при этомъ названіи. Баронетъ осмотрѣлъ сверху до низу улицу и кончилъ тѣмъ, что отворотился отъ окна. Еслибы Сэръ Джонъ Давеннъ записывалъ свои впечатлѣнія, то, вѣроятно, въ своей дорожной книжкѣ онъ записалъ бы замѣчаніе въ такомъ родѣ: «Сан-Ремо, городъ

* Шекспиръ.

страннаго вида, улицы узкія, дурно приспособенныя, дома высокіе, неправильныя, жители оборванные, въ рубищахъ, толпа нищихъ,» и такъ далѣе съ начала до конца страницы. Къ счастью для чести Сан-Ремо, сэръ Джонъ не записывалъ своихъ впечатлѣній.

Между тѣмъ, четыре почтовыхъ лошади были впряжены въ карету; но по словамъ смотрителя необходимо было припречь еще пятую лошадь, по случаю длинной станціи и гористой дороги. Однако пятая лошадь вдругъ обнаружила глубокое отвращеніе къ назначенному ей мѣсту впереди другихъ лошадей. Долго она артачилась и брыкала; наконецъ вырвалась изъ упряжки и помчалась вдоль по улицѣ, преслѣдуемая всѣми мальчишками и мужчинами, бывшими на улицѣ.

Благодаря соединеннымъ усиліямъ этого несчетнаго множества помощниковъ, лошадь была наконецъ поймана, торжественно приведена къ экипажу и запряжена въ главѣ другихъ лошадей. Почтарь взобрался послѣ того на свое тяжелое сѣдло, длинный бичъ взвился вокругъ его головы, сперва справа, потомъ слѣва, что производило всякій разъ странное щолканье, похожее на пистолетный выстрѣлъ, и карета снова покатила, среди оглушительнаго шума и безтолковаго крика.

Скоро наши путешественники настигли кабріолетъ, встрѣченный ими въ Сан-Ремо, и взбравшійся въ это время по крутому и длинному косогору. Безспорно, это была самая кривая, безобразная, покоребленная, и, можно сказать, не имѣющая никакой формы машина, любопытный образецъ туземныхъ средствъ къ путешествію. Рассматривая ее, нельзя было не задать себѣ вопроса: какимъ образомъ составныя ея части держатся въ своихъ мѣстахъ?

Расстояніе между двумя экипажами замѣтно уменьшалось. Четыре колеса обгоняли два колеса почти съ такою же быстротою, съ какою большой пароходъ обгоняетъ маленькую лодку. Густой слой пыли, покрывавшій дорогу, ослаблялъ стукъ колесъ и топотъ лошадей, требуя настойчивѣе, чѣмъ когда либо, предупреждающаго свиста бичомъ.

Однако, почтарь не дѣлалъ этого. Вѣроятно, онъ полагалъ, что правящій кабріолетомъ долженъ предчувствовать приближеніе великолѣпнаго экипажа, и посторониться, а можетъ быть и то, что занятый, въ эту минуту, поправкою своего бича, онъ такъ погрузился въ это занятіе, что позабылъ о своихъ обязанностяхъ. Какая бы ни была тому причина, только англійскій экипажъ ринулся во весь оворъ съ вершины косогора, и совершенно неожиданно столкнулся съ скромнымъ кабріолетомъ. Вѣтероненная лошадевка, приведенная въ паническій ужасъ, такъ сильно бросилась всторону, что еслибы рука, державшая возжи, была не такъ сильна и не такъ искусна, то кабріолетъ, лошадь и возница—все это очутилось бы въ морѣ.

Человѣкъ, сидѣвшій въ кабріолетѣ, прилѣтствовалъ внезапное появленіе спутниковъ цѣлымъ залпомъ эпитетовъ; и по выраженію радости, съ какою они были произнесены, никакъ уже нельзя было принять ихъ за благословенія, — что было достаточнымъ доказательствомъ его бѣшенства противъ почтара и его бездерзости. Къ сча-

стью, миссъ Давеннъ, хотя довольно знакомая съ итальянскимъ языкомъ, не понимала нарѣчія Ривьеры: въ противномъ случаѣ она услышала бы удивительный обращикъ мѣстнаго краснорѣчія.

Если столкновение двухъ экипажей вывело изъ себя мохнатую лопадку и ея хозяина, то и знаменитая прибавочная лопадь, не болѣе оказала твердости. Испугъ ли заразителенъ, или эта лопадь имѣла особенную антипатію къ спускамъ, только съ той минутой, какъ *sallesino* было опережено, она то скакала въ галопъ, то становилась на дыбы, то брыкалась.

Сэръ Джонъ, высунувъ голову въ окно кареты, съ возрастающимъ безпокойствомъ слѣдилъ за странными движеніями животнаго; ему хотѣлось кликнуть почтаря, но двойной страхъ останавливалъ его: онъ боялся разбудить свою дочь, которая заснула съ самаго отъѣзда изъ Сан-Режо, боялся и остановить вдругъ лошадей, скакавшихъ во весь опоръ.

Но карета достигла наконецъ спуска, который былъ не очень длиненъ, и миссъ Давеннъ вдругъ проснулась. Сэръ Джонъ тотчасъ же закричалъ почтарю, чтобъ онъ остановился, и въ то же время приказалъ Джону, товарищу горничной, сойти и посмотреть, что такое случилось.

Джонъ сошелъ, и тогда между слугою и почтаремъ начался разговоръ, который, повидному, не могъ привести къ удовлетворительному результату. Дѣйствительно, почтарь, казалось, не понималъ ни слова изъ вопросовъ, которые ему дѣлалъ Джонъ, самымъ ломанымъ итальянскимъ языкомъ, и, съ своей стороны, Джонъ, ничего не могъ уразумѣть изъ объясненій почтаря на мѣстномъ нарѣчій Ривьеры. И тотъ, и другой бессмысленно повторяли, по нѣскольку разъ, однѣ и тѣ же фразы; англичанинъ Джонъ настаивалъ, чтобы упряжная буіная лопадь была запряжена въ корень, а на ея мѣсто была бы оставлена одна изъ смиренныхъ лошадей; почтарь же, съ сродной ему болтливостью, увѣрялъ, что нѣтъ никакой опасности, что брыканье и вскакиванье на дыбы передней лошади происходило отъ постромокъ, которыя били ее по ногамъ, но что эту бѣду тотчасъ же можно поправить.

Наконецъ, выразительная пантомима молодого итальянца (почтарю было не болѣе двадцати лѣтъ) — дала Джону нѣкоторое понятіе о томъ, что онъ хотѣлъ выразить. Фактъ, указанный имъ, былъ такъ явно еси не единственною, то одною изъ главныхъ причинъ нетерпѣливаго безпокойства лошади, что Джонъ, обрадованный возможностью оставить споръ, не унижая своего достоинства, поспѣшилъ удовольствоваться этимъ объясненіемъ. Доложивъ своему барину, что все затрудненіе происходило отъ постромокъ, и что это сейчасъ будетъ исправлено, онъ съ важностью снова усѣлся на свое покойное мѣсто, подлѣ миссъ Гутчинсъ.

Почтарь, посвистывая, принялся укорачивать постромки, чтобы онѣ не бились по ногамъ лошади. Въ это самое время кабріолетъ,

оставленный имъ далеко сзади, подѣхалъ, и остановился подлѣ него такъ тихо, что тотъ ничего не слыжалъ и не видалъ.

— Эй, Просперо!—закричалъ голосъ, по звуку котораго почтарь быстро обернулся, поднялъ глаза и снялъ съ нѣкоторою поспѣшностью шляпу; — что съ тобой случилось сегодня? Знаешь ли, дуракъ, что ты едва не сбросилъ меня въ море?

— Сбросить Vossignoria въ море!—вскричалъ Просперо, съ странною смѣсью досады и смущенія. — Vossignoria знаетъ, что я самъ скорѣе сто разъ утоплюсь; но это не ваше calessino. Какъ же я могъ отгадать, что вы тамъ сидите?

— А тебѣ что до этого?—съ гнѣвомъ кричалъ челоуѣкъ, котораго Просперо величалъ синьоромъ; — не все ли равно, я ли тутъ сижу или Великій Моголь? Какъ ты смѣешь играть жизнью людей? Твой долгъ и твоя обязанность такъ править лошадьми, чтобы жизнь мѣрныхъ гражданъ не подвергалась опасности. Понимаешь ли?

Просперо, присмирѣвъ, извинялся, и общалъ на будущее время употреблять всѣ свои усилія — предохранять себя отъ подобныхъ случаевъ.

— Довольно; но что это у тебя тамъ за лошадь?—продолжалъ голосъ.

И рука, протянутая изъ calessino, указывала на прибавочную лошадь.

— Это новая лошадка, синьоръ; она только со вчерашняго дня у насъ въ конюшнѣ. Она немножко рѣзва.

— Рѣзва, говоришь ты. Вездѣлнца! да я никогда не видалъ лошади съ такимъ норовомъ. Не слѣдовало бы твоему хозяину возить добрыхъ людей на такой бѣшеной лошади. Вотъ уже съ четверть часа, какъ я смотрю на твою, немножко рѣзвую, лошадку. Послушайся-ка меня, Просперо: пока еще есть время, и, вмѣсто того, чтобы затягивать эту пряжку, разстегни-ка ее, и пусти лошадь на свободу; она сама возвратится въ Сан-Ремо.

Будь Просперо лѣтъ пятидесяти и пользуйся онъ репутаціею хорошаго почтара, тогда, навѣрное, онъ послушался бы этого совѣта; но, какъ мы уже сказали, Просперо былъ молодъ, отваженъ, увѣренъ въ силѣ своихъ рукъ, и сверхъ того страшно желалъ прослыть первымъ силачомъ и лучшимъ ѣздокомъ по всей дорогѣ. При подобныхъ обстоятельствахъ отослать лошадь—значило бы признать свою слабость; а самолюбіе равно какъ и честолюбіе не позволяли ему этого сдѣлать. Почтари имѣютъ свое понятіе о чести, точно такъ же, какъ и тѣ, кого они везутъ.

Можетъ быть, это-то и было причиною, что Просперо отвѣчалъ, съ нѣкоторымъ самодовольствомъ:

— Такъ вамъ угодно, синьоръ, чтобы я ее бросилъ на дорогѣ? Но какъ же вы хотите, чтобы она нашла домъ, когда она у насъ только со вчерашняго дня, и намъ привели ее издалека? Досталось бы мнѣ отъ хозяина, еслибъ я ее бросилъ здѣсь! Но вѣтъ никакой опасности,—продолжалъ Просперо весело и почтительно,—какая лошадь

не станеть брыкаться, когда такая палка будетъ на каждомъ шагѣ бить ее по ногамъ? Посмотрите-ка, синьоръ, мнѣ стоить только развязать ремень и подтянуть постромки—и она побѣжитъ себѣ смирнехонько, словно агненокъ.

— По правдѣ сказать, ты долженъ лучше знать, что тутъ дѣлать, — отвѣчалъ голосъ; — во всякомъ случаѣ, наблюдай за нею, и обгоняя, постарайся не опрокинуть меня въ море; ты можешь избавить себя отъ этого труда.

Последнія слова были произнесены веселымъ голосомъ; почтарь при этомъ совѣтѣ показавъ свои бѣлые, какъ слоновою костью, зубы, залился веселымъ смѣхомъ и низко поклонился, когда кабріолетъ тронулся съ мѣста.

Этотъ разговоръ, продолжавшійся едва ли двѣ минуты, шолъ съ такою быстротою и живостью, что, разумѣется, не былъ понятъ англійскими путешественниками.

Голосъ невидимаго собесѣдника, былъ замѣчательнъ богатствомъ интонаціи и точнымъ, естественнымъ распредѣленіемъ того, что можно бы назвать оттѣнками рѣчи. Называя его невидимкой, мы подразумѣваемъ, что онъ былъ невидимъ только для путешественниковъ, сидѣвшихъ въ каретѣ, которые, по положенію обоихъ экипажей, находившихся почти въ прямой линіи одинъ передъ другимъ, не имѣли возможности видѣть что-нибудь отъ человѣка, сидѣвшаго внутри кабріолета, кромѣ руки, которую онъ высунулъ, указывая на лошадь.

Когда ремни были развязаны и постромки полтянуты, не надобно было много времени для большой англійской кареты, чтобы опередить демократическое calessino, но теперь это было сдѣлано очень сдержанною рысью, и только послѣ свиста бичомъ и предупредительныхъ криковъ раскаявшася Проспера.

Сэръ Джонъ вздохнулъ свободнѣе, когда проѣхали кабріолетъ. Странная вещь: баронетъ удостоилъ calessino чувствомъ личнаго отвращенія, и надѣялся, что видить его въ послѣдній разъ. Ахъ, сэръ Джонъ Давеннъ, есть пословица древнѣе самыхъ крестовыхъ походовъ: *Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ*. Упрямая лошадь пока вела себя порядочно, и миссъ Давеннъ крѣпко заснула. Всѣ причины досады и безпокойства, на этотъ разъ, исчезли, и сэръ Джонъ впасть въ прежнюю задумчивость, которая, несметра на всѣ его усилія, обратилась чрезъ нѣсколько времени въ самый крѣпкій сонъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ сэръ Джонъ закрылъ глаза, дорога нѣкоторое время шла въ гору, потомъ стала спускаться. Вироложденіе доброй мши, она шла зигзагомъ около голаго красноцветаго утеса, который выдавался въ море; потомъ, круто поворачивая направо, она занимала нижнюю часть отлогости, чрезвычайно крутой, и въ концѣ которой находилась плоская дорога, въ уровень съ моремъ. Далѣе, шагомъ черезъ двѣсти, дорога опять начинала идти въ гору, и скоро потрѣмъ раздвоялась. Меньшая отрасль ея шла направо,

подымаясь на небольшой мысъ, который закрывалъ собою горизонтъ на западъ; это былъ очаровательный, покрытый зеленью, уголокъ земли, съ колокольнею и разбросанными домиками, блиставшими на солнцѣ, — главная же дорога вилась вглубь, вокругъ утеса.

Просперо, котораго внимательность была возбуждена предостереженіями хозяина кабриолета, началъ спускаться съ большею осторожностью, чѣмъ прежде, и глаза его были постоянно устремлены на шекотавое животное.

Но все его вниманіе, вся его ловкость не могли помѣшать неизбежному результату слѣдующаго обстоятельства: построжки передней лошади, натянутыя при въѣздѣ на гору, натурально опустились и даже волочились по землѣ при спускѣ, вслѣдствіе чего велекъ, раздѣлявшій ихъ, началъ опять бить по заднимъ ногамъ животнаго. Два-три брыканья дали знать о приближеніи опасности.

Но эта опасность еще болѣе увеличилась при спускѣ, довольно отлогомъ сначала, но потомъ вдругъ чрезвычайно крутомъ, именно на поворотѣ, о которомъ мы говорили; и чѣмъ карета быстрѣе спускалась, тѣмъ болѣе неудобство упряжи увеличивалось. Бѣшенство, испугъ запальчиваго животнаго росли съ каждымъ шагомъ, и усилія почтара — успокоить его, пугали только остальныхъ лошадей.

Просперо, чувствуя, что не въ силахъ болѣе справиться съ пятью лошадьми, вдругъ опустилъ возжи, и, прищолкивая языкомъ, пустилъ ихъ во всю прыть, стараясь, съ величайшимъ вниманіемъ, избѣгать по дорогѣ малѣйшихъ препятствій. Карета спускалась съ такою быстротою, что малѣйшій толчокъ могъ лишить ее равновѣсія. Конечно, онъ надѣялся удержать своихъ лошадей, когда они почувствуютъ передъ собою морской берегъ.

Дѣйствительно, это было единственнымъ средствомъ къ спасенію, и увѣчалось бы полнымъ успѣхомъ, если бы сэръ Джонъ не проснулся минутою раньше. Настоящее положеніе вещей имѣло тягостное вліяніе на сонъ баронета; во все время ему снились только бѣшенныя лошади, и въ очень естественномъ волненіи онъ, проснувшись, высунулся въ окно и закричалъ почталюну, чтобы тотъ остановился.

Шумъ разбудилъ миссъ Давеннъ, которая въ свою очередь испугалась и начала кричать отъ ужаса. Крикъ съ одной стороны, шумъ съ другой, заставили несчастнаго Проспера обернуться, и это движеніе отвлекло его на одно мгновеніе отъ дороги.

Но и этого мгновенія было слишкомъ достаточно въ настоящемъ критическомъ положеніи. Одно изъ заднихъ колесъ проѣхало по камню, карета съѣздила скачкомъ, какъ будто хотѣла полетѣть, покачнулась на краю дороги, и, вдругъ, лошади и карета, — все опрокинулось.

Какъ ни велико было несчастіе, но оно могло быть еще ужаснѣе. Шоссе возвышалось надъ берегомъ на нѣсколько футовъ, и густой слой неску, по счастью, находившійся въ этомъ мѣстѣ, ослабилъ паденіе. Но малое счастье было и въ томъ, что сонъ сэра Джона не былъ прерванъ радъею; въ противномъ случаѣ, паденіе

могло имѣть слѣдствія гораздо важнѣе, даже и для такой значительной особы, какъ онъ.

Между тѣмъ какъ миссъ Гутчинсъ, въ полномъ разстройствѣ ума и туалета, послѣ внезапнаго воздушнаго полета, поднимается съ возможною скоростью, удивляясь, что осталась еще цѣла; между тѣмъ какъ Джонъ, болѣе чѣмъ когда нибудь серьезный и важный, не смотря на очень безобразное паденіе и разбитый носъ, изъ котораго ручьями лилась кровь, вытаскиваетъ изъ кареты сэра Джона, оказавшагося совершенно невредимымъ; между тѣмъ, какъ всѣ трое, соединенными усиліями, стараются вытащить, изъ опрокинутаго экипажа, лишонную чувствъ миссъ Давеннъ; между тѣмъ, какъ Просперо, въ порывѣ глубокаго отчаянія, перевода обезумѣвшіе взоры, поочередно, съ одного лица на другое, оставилъ своихъ лошадей брыкаться и рваться на свободѣ и, казалось, скорѣе упалъ съ облаковъ, чѣмъ съ козелъ,—не въ дальнемъ разстояніи показался отвратительный маленькій кабриолетъ, который несся съ горы съ быстротою урагана.

Не разгорячилась ли также маленькая мохнатая лошадка, или ея возница принадлежалъ къ той рѣдкой категоріи людей, на которыхъ надежда помочь кому нибудь въ бѣдѣ дѣйствуетъ, какъ опьяняющій напитокъ и дѣлаетъ ихъ нечувствительными во всякой личной опасности?

Мы это сейчасъ увидимъ.

— Не ушибся ли кто нибудь?—закричалъ господинъ, смѣвшій въ кабриолетъ, подъѣзжая къ мѣсту несчастія.—Могу ли я быть чѣмъ нибудь вамъ полезнымъ? Я докторъ.

Съ этими словами изъ карессы выльзъ и подошелъ къ группѣ людей, окружавшихъ миссъ Давеннъ, мужчина высокаго роста, смуглый съ черною бородою; на головѣ его была остроконечная шляпа съ широкими полями; словомъ, это была одна изъ тѣхъ фигуръ, при встрѣчѣ съ которыми, при другихъ обстоятельствахъ, сэръ Джонъ зарядилъ бы два пистолета, которые онъ постоянно носилъ при себѣ, съ тѣхъ поръ, какъ началъ свое путешествіе по классической землѣ бандитовъ.

Какъ бы ни было, но въ настоящемъ положеніи, англійскій баронетъ ограничился только тѣмъ, что бросилъ на невозвращающагося взглядъ удивленія, смѣшаннаго съ недоумѣнностью,—взглядъ, который, казалось, говорилъ: «къ какой породѣ принадлежитъ это животное?»

Ни сколько не смѣшавшись отъ такого пріема, незнакомецъ прошелъ мимо сэра Джона, сталъ на колѣни передъ молодой дѣвушкой, распростертой на песчаномъ берегу, и хотѣлъ пощупать ея пульсъ, какъ вдругъ сэръ Джонъ, понявъ его намѣреніе, съ живостью бросился, какъ будто хотѣлъ оттолкнуть его отъ своей дочери.

— Съ ума вы сошли? — кричалъ незнакомецъ по-итальянски; — вѣдь я докторъ, говорю вамъ, продолжалъ онъ по-французски, и потому, взглянувъ на лицо баронета и вдругъ увидавъ на немъ что-то

въ родѣ выставленнаго флага Великобританіи, кончилъ по-английски:—Did you not hear me say that I was a physician? *.

Звуки родного языка представили уму сэра Джона дѣло въ настоящемъ видѣ, и слабый лучъ утѣшенія блеснулъ въ его сердцѣ. Имѣть подъ рукою доктора въ подобномъ положеніи, да еще доктора, говорящаго по-английски— хотя наружность его и не согласовалась съ закоренѣлыми понятіями сэра Джона о medical gentleman,—чтонибудь да значить; самъ баронетъ соглашался съ этимъ.

Докторъ, какъ бы увѣренный, что сказанное имъ не имѣло нужды въ другомъ объясненіи, пощупалъ пульсъ у молодой дамы, потомъ снялъ съ нея шляпу и осмотрѣлъ ея голову. Грудь ея тоже не была ушибена, потому что дыханіе было хотя слабо, но правильно.

— Только нѣтъ-ли сотрясенія въ мозгу,—сказалъ про себя докторъ. Именно въ ту минуту, когда онъ покачалъ головой при этомъ непріятномъ предположеніи, глаза его встрѣтились съ глазами сэра Джона Давенна. Ни минуты нельзя было сомнѣваться въ причинѣ страшной душевной тревоги, написанной на его лицѣ.

— Вы не имѣете причины беспокоиться за вашу дочь, — сказалъ докторъ, предупреждая вопросъ и угадывая тотчасъ степень родства, соединявшіую ихъ; — это только обморокъ, она скоро придетъ въ себя.

И въ тоже время онъ вынулъ изъ кармана футляръ и досталъ изъ него большія ножницы.

— Возьмите, — сказалъ онъ, — передавая ихъ въ дрожащія руки миссъ Гутчинсъ, разрѣжьте шнурки корсета вашей госпожи, а я сбѣгаю къ морю за водою.

И, не дожидая отвѣта, докторъ удалился, наполнивъ водою свою шляпу и возвратился во мгновеніе ока. Всѣ движенія его были быстры и смѣлы; и хотя онъ видимо былъ взволнованъ, однако во всѣхъ его движеніяхъ и словахъ обличались твердость, спокойствіе, важность и нисколько не замѣтно было ни торопливости, ни смущенія.

Когда онъ возвратился, бившіяся на землѣ лошади и неподвижный Просперо обратили на себя его вниманіе.

— Обрѣжь постромки у лошадей,—закричалъ онъ послѣдному голосомъ, требующимъ немедленнаго повиновенія, — не заставляй повторять себя два раза.

И онъ не спускалъ глазъ съ несчастнаго, ошеломленнаго почтгаря до тѣхъ поръ, пока не увидалъ, что тотъ сталъ вертѣть головою, какъ арлекинъ въ бѣдѣ, и наконецъ началъ шарить въ карманѣ своего кафтана, чтобы достать ножъ.

Докторъ sprysнулъ свѣжею водою лицо и шею миссъ Давеннъ и положилъ ей на лобъ намоченный водою платокъ; между тѣмъ миссъ Гутчинсъ давала ей нюхать спиртъ и натирала руки одеколономъ. Не смотря на всѣ ихъ старанія, молодая дѣвушка не приходила въ себя. Ясно было, что надлежало прибѣгнуть къ болѣе сильному средству.

* Развѣ вы не слышали что я вамъ сказалъ: я докторъ.

Докторъ взялся, еще разъ, за свой футляръ и, къ великому смущенію сэра Джона, принялся вынимать изъ него ланцетъ.

Къ счастью, въ это самое мгновеніе, миссъ Давеннъ открыла глаза:

— Папа!—проговорила она слабымъ голосомъ.

— Что съ тобою, дитя мое?

— О! моя нога! какая боль въ ногѣ!

— Въ которой? — спросилъ итальянецъ.

Молоденькая англичанка посмотрѣла съ нѣкоторымъ удивленіемъ на молодого человѣка; потомъ, указывая ему на свою правую ногу, сказала:

— Вотъ въ этой.

Едва были произнесены эти слова, какъ докторъ схватилъ большія ножницы, разрѣзалъ въ одно мгновеніе пятачную ботинку и тонкій чулокъ и обнажилъ крошечную, алебастровой бѣлизны, ножку, созданную для Сандрильонова башмачка, но страшно изуродованную. Движеніемъ, быстрымъ какъ мысль, онъ набросилъ шаль на поврежденный членъ, чтобы скрыть его отъ отца и дочери, и спокойно сказалъ:

— А! вывихъ! это заставляетъ очень страдать, но нисколько не опасно. Мнѣ нужны всѣ платки, какіе только у васъ есть, прибавилъ онъ, смотря вокругъ себя.

Платки всевозможныхъ размѣровъ и качествъ посыпались изъ кармановъ присутствующихъ.

— Довольно! довольно!—закричалъ докторъ, улыбаясь при этомъ нежданномъ градѣ платковъ, мы слѣлаемъ изъ нихъ временную перевязку и это облегчитъ больную.

И онъ принялся съ величайшимъ вниманіемъ перевязывать больную ногу.

— Теперь я долженъ предупредить васъ, сударыня; чрезвычайно важно чтобы вы оставались, сколько возможно, въ спокойномъ положеніи, сказалъ ей докторъ. Я долженъ оставить васъ на минуту, чтобы привезти все нужное для надлежащей перевязки вашей ноги. Это надобно слѣлать прежде, чѣмъ вы перемѣните ваше настоящее неудобное положеніе. Обѣщаете ли вы мнѣ нетрогаться съ мѣста во время моего отсутствія?

— Да.—отвѣчала миссъ Давеннъ, стараясь поблагодарить его улыбкою.

Докторъ поспѣшно всталъ и хотѣлъ удалиться, когда оборотившись, вдругъ увидалъ подлѣ себя сэра Джона въ самомъ жалостномъ состояніи, что было почти смѣшно при его красномъ, багровомъ лицѣ.

— Хорошо было бы, сказалъ ему докторъ, подержать зонтикъ надъ головою вашей дочери; солнце падаетъ прямо ей въ лицо.

Потомъ, слѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ вскочилъ въ кабриолетъ и пустилъ во всю прыть свою лошаденку.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Гостинница.

Такъ это докторъ, папа? — сказала Люси: такимъ простымъ именемъ звали дочь гордаго баронета.

— По крайней мѣрѣ онъ выдаетъ себя за доктора, милое дитя мое, — отвѣчалъ сэръ Джонъ.

— Это большое счастье для меня! — замѣтила молодая дѣвушка.

— Да, большое счастье, — повторилъ сэръ Джонъ, — хотя у него странная наружность для доктора.

— Да, въ Англии, быть можетъ, онъ показался бы страннымъ, — отвѣчала Люси; — но вы знаете, за границею гораздо менѣе обращаютъ вниманія на одежду. Впрочемъ, въ немъ тотчасъ виднѣнъ порядочный человекъ. Замѣтили ли вы его руки, папа? Настоящія руки джентельмена.

— Можетъ быть, можетъ быть, — отвѣчалъ сэръ Джонъ, съ сомнительнымъ видомъ.

— Ужъ не англичанинъ ли онъ, папа? Онъ очень хорошо говорить по-англійски.

— Да; но, по его выговору, можно сейчасъ узнать иностранца, отвѣчалъ отецъ.

Люси замолчала и, опершись головою на руку, казалось, мало была расположена продолжать разговоръ. Предоставленный, такимъ образомъ, самому себѣ, сэръ Джонъ тотчасъ же вспомнилъ о почтарѣ. При этомъ воспоминаніи весь гнѣвъ его, подавленный на минуту безпокойствомъ о Люси, снова овладѣлъ имъ и излился потокомъ яростныхъ рѣчей. Онъ сталъ ругать несчастнаго почтаря на чистомъ англійскомъ языкѣ, вставляя кой-гдѣ сильное итальянское слово.

— Посмотрите на этого бездѣльника! — бубнелъ сэръ Джонъ, указывая на Просперо, неподалеку отъ него стоявшаго съ блуждающимъ взоромъ и мапинально державшаго за узду лошадей, какъ будто буря ругательства, уже около пяти минутъ гремѣвшихъ въ ухахъ его, нисколько не относилось къ нему.

Эта апатія, однакожь, происходила не отъ равнодушія, не отъ безчувственности и не отъ хладнокровія, но отъ глубокаго отчаянія, которое имъ овладѣло.

Сэръ Джонъ все болѣе и болѣе раздражался этою мнимою безчувственностью, и наконецъ объявилъ, что, не имѣя возможности здѣсь долго оставаться и принудить этого негодяя отвѣчать передъ судомъ за свое злоумышленное покушеніе на его жизнь, онъ рѣшится написать къ станціонному смотрителю и требовать, чтобы его выгнали. Почтарь и не пошевельнулся. — Выгнать его! Нѣтъ, этого слишкомъ недостаточно! сэръ Джонъ Давеннъ обратится къ англійскому посланнику въ Туринѣ; да, онъ рѣшится дать примѣръ, который послужитъ въ пользу будущимъ путешественникамъ. — Просперо оставался неподвижнымъ, какъ будто составлялъ часть утеса, у котораго стоялъ. — Но нѣтъ, и этого недостаточно! Нѣтъ, тысячу разъ

нѣтъ! сэръ Джонъ Давеннъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не предадутъ скорѣйшему и справедливому суду этого бѣшеннаго итальянскаго разбойника, и для этого онъ прибѣгнетъ къ самому его величеству, королю сардинскому,—самъ, своею особою, онъ явится къ нему, если это будетъ нужно.—Просперо, преступный Просперо, слышалъ звуки голоса разъяреннаго баронета; но, среди этого оглушительнаго потока словъ, всѣ мысли его были заняты пріемомъ, который ему сбѣлаетъ смотритель почты, и страхомъ: не былъ ли онъ причиною какого нибудь смертельнаго ушиба прекрасной синьорины. Этотъ взрывъ гнѣва принесъ, по крайней мѣрѣ, ту пользу, что служилъ развлеченіемъ, избавившимъ сэра Джона отъ неприяности ожидать обѣщаннаго возвращенія итальянскаго доктора.

Миссъ Давеннъ почувствовала глубокую сердечную благодарность, когда увидала бѣдный, старый кабриолетъ.

— Теперь,—весело сказалъ докторъ,—мы всѣ должны быть полезны! Вотъ этотъ зонтикъ мнѣ мѣшаетъ; не хотите ли поддержать его надъ вашею дочерью.—продолжалъ онъ, обращаясь къ сэру Джону,—а то солнце свѣтитъ ей прямо въ лицо. Извините; но вы ее защитите гораздо лучше, если сядете рядомъ съ нею, вотъ такъ.

И онъ усадилъ сэра Джона у изголовья его дочери.

— Вы можете сѣсть у ногъ вашей госпожи. — продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ;—и должны внимательно исполнять все, что я буду приказывать; мое же мѣсто здѣсь, посрединѣ.

Онъ сталъ на одно колено, повернувшись спиною къ сэру Джону и къ больной, скрывъ, такимъ образомъ, отъ нихъ все, что должно было произойти.

— Я не задоржу васъ долго и не стану слишкомъ мучить, прибавилъ онъ, повернувъ на минуту голову къ миссъ Давеннъ.

Сказавъ это, онъ развязалъ платки и приказалъ миссъ Гутчнису и Джону держать ногу больной.

Люся оставалась въ его рукахъ такъ же спокойной, такъ же послушной, такъ же довѣрчивою, какъ будто бы онъ былъ ея докторомъ съ дѣтства, а не человѣкомъ, случайно встрѣтившимся на большой дорогѣ въ Италиі.

Правду сказать, всѣ присутствующіе, не исключая и сэра Джона, находились подъ очарованіемъ простоты и силы, проявившихся въ этомъ человѣкѣ. Послышался легкій трескъ, какъ будто отъ соединенія двухъ костей. . потомъ сдержанный стонъ...

— Вотъ и кончено! —вскричалъ докторъ, стряхивая движеніемъ головы крупныя капли пота, выступившаго у него на лбу.—Теперь вы ужъ не такъ страдаете, не правда ли?—спросилъ онъ, наклонившись къ Люси.

Бѣдная дѣвушка! она такъ страдала, что ей трудно было опредѣлить состояніе, въ которомъ она находилась. Теперь надо было перевязать ногу,—операция, требовавшая величайшей осторожности и нѣкотораго времени. Однакоже и она, наконецъ, кончилась. Два предмета, изъ неопредѣленнаго матеріала, но вѣроятно двѣ тонкія и плоскія де-

щечки, заранѣе обернутыя полотномъ, чтобы скрыть отъ присутствующихъ настоящее ихъ свойство, были принесены докторомъ между перевязками, и сверхъ перевязки укрѣплены, съ каждой стороны больной ноги и операція была кончена.

Между тѣмъ, четыре сильныя крестьянки, съ загорѣлыми лицами; принесли что-то въ родѣ первобытныхъ носилокъ, устланныхъ матрацами, и остановились неподалеку отъ главной группы.

— Принесите одинъ изъ матрацовъ сюда!—закричалъ имъ докторъ, указывая мѣсто подлѣ миссъ Давеннъ.

Онъ развернулъ потомъ простыню, говоря своей больной:

— Мы подстелемъ эту простыню подъ васъ; потихоньку васъ приподымаемъ, положимъ на матрацъ и перенесемъ на носилки, не касаясь вашей ноги, и безъ всякой боли для васъ. Я прошу васъ объ одномъ: предоставьте намъ дѣйствовать и не дѣлайте ни малѣйшаго движенія.

— Вотъ уже другой разъ вы предупреждаете меня объ этомъ и съ такою настойчивостью. Развѣ ушибъ мой такъ опасенъ?—спросила, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, молодая дѣвушка.

— Нисколько,—отвѣчалъ итальянецъ,—не надобно пугаться изъ-за того, что я принимаю нѣкоторыя предосторожности.

И потомъ, снова наклонившись къ ней, онъ прибавилъ, понижая голосъ:

— Вы легко должны понять, что ушибъ вашъ, нисколько не подвергая вашу жизнь опасности, можетъ, однако, имѣть несчастныя послѣдствія. Ваша нога легко можетъ выздороветь, и это болѣе зависить отъ времени и терпѣнія, чѣмъ отъ искусства хирурга; но, чтобы выздороветьшая нога осталась совершенно такою, какъ была, ни короче, ни длиннѣе ни на одну линію. — Люси перемѣнилась въ лицѣ, услышавъ эти слова,—это совсѣмъ другое дѣло, и для этого нужны величайшая осторожность и вниманіе. Вы видите теперь, какая предостоятъ для васъ опасность, еслибъ вы вздумали ослушаться вашего доктора, и почему я стараюсь такъ настойчиво убѣдить васъ въ этомъ,—прибавилъ онъ съ ободряющею улыбкою;—всякое неблагоразуміе или безпечность съ вашей стороны можетъ сдѣлать безполезнымъ всѣ мои старанія.

По взгляду, брошенному на него, докторъ увѣрился, что онъ можетъ рассчитывать на повиновеніе больной; съ помощію миссъ Гутчансъ, онъ продернулъ простыню подъ миссъ Давеннъ; знакомъ подозвалъ къ себѣ трехъ женщинъ, приказалъ каждой взяться за уголъ простыни, самъ взялся за четвертый, и молодая дѣвушка, приподнятая, какъ въ койкѣ, была сначала положена на матрацъ и вмѣстѣ съ нимъ перенесена на носилки. Докторъ прикрылъ ее шалью, положилъ ей подушку подъ голову и подалъ знакъ—отправляться въ путь. Но, едва было носилки тронулись, онъ снова остановилъ носильщицъ и приказалъ имъ повернуться такимъ образомъ, чтобы больная могла видѣть своего отца, слѣдовавшаго за нею.

Докторъ объяснилъ итальянкамъ, что для молодой синьоры будетъ

великимъ утѣшеніемъ—имѣть передъ глазами дорогое и такъ хорошо знакомое лицо своего отца.

Рѣдко кто не замѣчалъ и не удивлялся быстрой понятливости и деликатности бѣдныхъ крестьянъ вообще во всемъ, что касается нашихъ привязанностей; но, въ смуглыхъ дѣтяхъ пламенной Италіи, это чувство въ высшей степени развито. Четыре пары глазъ увлажнились слезами и заблестали какъ черные брилліанты. Съ особеннымъ выразительнымъ напѣвомъ, свойственнымъ странѣ, четыре матроны обратились съ воззваніемъ къ Пречистой Богоматери.

Люся не имѣла нужды въ объясненіи, чтобы понять причпну приказаній доктора, и легкимъ наклоненіемъ головы или, скорѣе, главъ, сопровождаемымъ улыбкою, она дала замѣтить доктору, что поняла его. Взглядъ и улыбка больной отразились легкимъ отблескомъ на лицѣ и въ сердцѣ доктора. Это обстоятельство установило симпатическое сообщеніе, точно электрическая струя пробѣжала между молодыми людьми,—доктору было только тридцать лѣтъ.

— Какая утонченная деликатность въ этомъ человѣкѣ! — думала Люся.

— Какое нѣжное и признательное сердце!—думалъ докторъ.

Такимъ образомъ они поняли другъ друга.

Итальянецъ недалеко плелся позади носилокъ, когда баронетъ подошелъ и неожиданно сказалъ ему:

— Я думаю, синьоръ, мнѣ слѣдуетъ самому представиться вамъ: мое имя сэръ Джонъ Давеннъ, изъ Давеннъ-Голя, въ графствѣ....

Молодой человѣкъ, выведенный такимъ образомъ изъ своихъ размышленій, снялъ шляпу и, съ довольно пріятнымъ поклономъ, отвѣчалъ:

— А мое—докторъ Антоніо, докторъ общины Бордпгера.

При этомъ онъ слегка прищурилъ глаза, какъ будто находилъ что-то особенно пріятное въ своемъ отвѣтѣ.

Сэръ Джонъ приподнялъ губы и вздернулъ ноздри—почти такъ, какъ слѣдалъ бы это человѣкъ, котораго чувство обонанія поражено непріятнымъ образомъ; — гримаса, свойственная баронету, когда онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ, или что нибудь ему не нравилось.

— А позвольте мнѣ у васъ спросить,—продолжалъ онъ, обращаясь къ своему собесѣднику, чрезвычайно церемонно, изъ чего сейчасъ же можно было видѣть, что самолюбіе его задѣто за живое, вѣроятно потому, что съ нимъ не посовѣтовались насчетъ сдѣланныхъ распоряженій касательно его дочери,—позвольте васъ спросить, куда мы идемъ?

— Извините меня, милый синьоръ.—(Кзковъ нахалъ! подумалъ при этомъ сэръ Джонъ). Въ тревожной поспѣшности о состояніи вашей дочери, я совершенно забылъ вамъ сказать. Мы идемъ вотъ туда, въ этотъ красный домъ, на половину скрытый деревьями,—отвѣчалъ докторъ, указывая пальцемъ на старый двухъэтажный, полуразвалившійся домъ, влѣво отъ дороги, почти на полпути отъ мѣста совершив-

шагося несчастія и отъ очаровательнаго вышеописаннаго уголка земли.—Это простая уединенная гостинница, — продолжалъ онъ, — которую содержать бѣдную, но добрые и честные люди. Къ сожалѣнію, я долженъ вамъ признаться, что вы найдете тамъ не много комфорта, но за то всевозможное вниманіе и усердіе, и, — прибавилъ онъ значительнымъ тономъ, — что всего важнѣе въ настоящую минуту, постель для вашей дочери.

Сэръ Джонъ, судя по движенію мускуловъ его носа и рта, охотно прощіялъ бы всевозможныя обѣщанныя вниманія и попеченія, на немного бѣльшій комфортъ для своей особы, но онъ умолчалъ объ этомъ и отвѣчалъ.

— Хорошо, хорошо; мы не нуждаемся въ комфортѣ; лишь только дочь моя отдохнетъ немного, мы тотчасъ отправимся въ Ниццу.

— Я не думаю, чтобы вы говорили это серьезно! — воскликнулъ итальянецъ, отъ удивленія остановившійся на мѣстѣ.

Но, подавивъ въ себѣ все, что чуть было не сорвалось съ его языка, онъ прибавилъ спокойнымъ и примирительнымъ голосомъ:

— Боюсь, что это будетъ невозможно и даже увѣренъ въ томъ, что миссъ Давеннъ не можетъ продолжать путешествіе прежде чѣмъ пройдетъ нѣсколько...

Казалось онъ колебался продолжать.

— Часовъ? подсказалъ баронетъ.

— Дней, можетъ быть, недѣль, — тихо закончилъ докторъ.

— Недѣль! сказалъ глухимъ голосомъ сэръ Джонъ, остановившись въ свою очередь. — Невозможно! Я имѣю дѣла, которыя ни какъ не могу отложить. Мнѣ нужно быть въ Лондонѣ черезъ десять дней.

— Къ сожалѣнію, я долженъ вамъ сказать, что относительно вашей дочери объ этомъ нечего и думать...

— Нечего думать... нечего думать, — проворчалъ сэръ Джонъ, — а почему, позвольте васъ спросить?

Тонъ, которымъ сдѣланъ былъ этотъ вопросъ, былъ такъ высокомеренъ, такъ рѣзокъ, что докторъ вспыхнулъ.

— Потому, — отвѣчалъ онъ съ живостью, — если ужъ угодно вамъ это знать, потому что случившееся съ вашей дочерью не то...

Онъ хотѣлъ было прибавить: не то что я сперва объявлялъ, и Богъ знаетъ, что еще сорвалось бы у него съ языка; но, увидавъ выраженіе безпокойства во всѣхъ чертахъ лица несчастнаго отца, молодой хирургъ не имѣлъ духу докончить, и продолжалъ:

— Нельзя шутить тѣмъ, что случилось съ вашей дочерью.

— Ну, угадалъ, подумалъ сэръ Джонъ, успокоиваясь, — я вижу въ чемъ дѣло; этому человѣку хочется напугать меня, чтобы побольше вымануть изъ меня денегъ.

Конечно, такое размышленіе не много способствовало къ уничтоженію дурнаго расположенія духа баронета.

— Да, да, — сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ, — я знаю, да и кому это неизвестно, что значитъ вывихъ. Странная претензія подѣлять предлогъ какого нибудь вывиха держать насъ въ заключеніи на неопредѣленное время!

— Держать васъ въ заключеніи? — воскликнулъ итальянецъ, сильно нахмуривъ брови. — Никто и не думаетъ держать васъ въ заключеніи милый снѣборъ.

Какъ скрипъ пилы подѣйствовало на аристократическія фибры сэра Джона это повтореніе словъ: милый снѣборъ, — которыя на итальянскомъ языкѣ не что иное, какъ формула учтивости, но ни чуть не фамильярность.

— Вы здѣсь не у африканскихъ пиратовъ, — продолжалъ докторъ — по сосѣдству есть другіе доктора, которыхъ вы можете пригласить на консультацію; въ Ниццѣ даже есть англійскіе доктора, съ которыми вы можете посоветоваться.

— Я не имѣю нужды ни въ чьихъ совѣтахъ, — сухо возразилъ баронетъ; — не совѣты мнѣ нужны, а мнѣ ѣхать нужно и я поѣду.

— Вы можете дѣлать, что вамъ угодно, — отвѣчалъ итальянецъ, а я долженъ исполнить свой долгъ и исполняю его. Торжественно объявляю вамъ, что миссъ Давеннъ прежде сорока дней, по крайней мѣрѣ, не можетъ, безъ опасности, отправиться въ путь.

Сказавъ это, молодой докторъ пошелъ вслѣдъ за носилками, оставивъ своего собесѣдника на свободѣ предаваться размышленіямъ.

— Сорокъ дней, — вскричалъ сэръ Джонъ, смущенный и неподвижный. — Сорокъ дней! на одномъ мѣстѣ! — повторилъ онъ въ другой разъ, но уже съ злобною насмѣшкою. — Вотъ шутка не совсѣмъ забавная.

Потомъ, вдругъ обернувшись, онъ подошелъ къ Джону, стоявшему подлѣ кареты, и отдалъ ему приказаніе тотчасъ же привезти карету въ красный домъ, поручивъ ему въ то же время осмотрѣть хорошенько — не сломалось ли что.

Окончивъ, баронетъ медленно и съ угрюмымъ видомъ, послѣдовалъ за маленькимъ караваномъ, съ которымъ вскорѣ и дошелъ до мѣста назначенія.

— Вотъ мы и пришли, — сказалъ докторъ миссъ Давеннъ въ ту минуту, когда, свернувъ съ большой дороги, они повернули на лѣво въ ворота, у которыхъ была привѣшена сосновая вѣтка. Они прошли къ дому выкрашенному подъ кирпичъ.

Носилки были внесены на крутое крыльцо, потомъ прошли черезъ большую комнату, за нею потомъ еще чрезъ другую, поменьше, и наконецъ вошли въ маленькую комнатку, гдѣ и была положена Люси съ матрацами на кушетку.

Докторъ отпустилъ четырехъ женщинъ, и обратясь къ больной, которая казалась печальна и блѣдна, сказалъ:

— Правда, что здѣсь все слишкомъ просто, но вы можете быть увѣрены, что постель и бѣлье чисты; я самъ этимъ занялся, прежде чѣмъ васъ перенесли сюда.

— Вы очень добры, — сказала Люси весьма слабымъ голосомъ.

— Голыя стѣны и недостатокъ въ мебели производить, можетъ быть, на васъ непріятное впечатлѣніе, продолжалъ докторъ, мы живо придумаемъ, какъ бы сдѣлать эту комнату повеселѣе. Хотите я вамъ представлю вашихъ хозяекъ, Розу и ея дочь Сперанду? Не

правда ли, какія хорошенькія имена?—прибавилъ онъ, замѣтивъ улыбку на лицѣ Люси,—они предвѣщаютъ что-то доброе. И та и другая имѣютъ сильное желаніе быть вамъ полезными; вы ихъ сдѣлаете совершенно счастливыми, если примете ихъ услуги.

Люси кивнула головою двумъ стоявшимъ у двери женщинамъ, на которыхъ докторъ указалъ ей. Одна была уже пожилая женщина, другая блѣдная, молодая дѣвушка, съ черными глазами. Онѣ подошли по знаку доктора, и поцѣловали руку прелестной иностранки, съ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ нѣжнымъ восторгомъ.

Для двухъ итальянокъ, эта англичанка, съ бѣлымъ лицомъ, голубыми глазами и золотистыми волосами, скорѣе походила на ангела, чѣмъ на существо одного рода съ ними.

Докторъ, довольный добрымъ чувствомъ, установившимся между больною и ея хозяйками, сказалъ Люси:

— Мнѣ слѣдуетъ объяснить вамъ распоряженія, сдѣланныя для васъ; ничего лучшаго я не могъ устроить; четыре комнаты, изъ которыхъ состоятъ этотъ этажъ,—самыя лучшія въ домѣ,—принадлежать вамъ; вотъ эта комната для васъ, другая рядомъ для вашей горничной; а съ другой стороны большой залы или пріемной, черезъ которую мы сейчасъ проходили, есть спальня для вашего батюшки. Слуга же вашъ будетъ спать въ нижнемъ этажѣ.

— О! это прекрасно,—сказала блѣдная Люси, стараясь казаться веселой.—Надѣюсь, что папа будетъ такъ же доволенъ, какъ и я.

Итальянецъ не хотѣлъ возражать на эту несбыточную надежду; а только спросилъ у нея: не чувствуетъ ли она аппетита и не желаетъ ли чего покушать.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—отвѣчала она,—я нисколько не голодна.

— Тѣмъ лучше,—продолжалъ докторъ,—я совѣтую вамъ воздерживаться въ настоящую минуту отъ всякой тяжелой пищи. Теперь я васъ оставлю и надѣюсь, что вы заснете. Во всякомъ случаѣ, оставайтесь спокойны и старайтесь не дѣлать никакого движенія, — не забудьте этого. Я вамъ пришлю лекарство, которое вы можете принимать время отъ времени, по ложкѣ, если будете чувствовать жажду.

— Но скоро ли я опять увижу васъ?—спросила Люси, немного встревожившись при мысли, что ея новый другъ уходитъ.

— Черезъ часъ или черезъ два,—спокойно отвѣтилъ докторъ,—и тогда мы посмотримъ какъ устроить эту комнату немного комфортабельнѣе. Конечно, я говорю объ относительномъ комфортѣ. Все здѣсь, на землѣ, относительно; не правда ли?

Казалось, вздохъ скрывался за улыбкою, съ которою былъ сдѣланъ этотъ вопросъ.

— Употребите въ дѣло ножницы, когда будете раздѣвать вашу госпожу,—сказалъ онъ миссъ Гутчинсъ выходя;—миссъ Давеннъ не должна двигаться, понимаете вы меня? не должна двигаться!

И онъ повторилъ то же приказаніе Розѣ и Сперанцѣ, только по итальянски.

Выходя изъ комнаты, онъ встрѣтилъ на порогѣ сэра Джона, оставшагося нѣкоторое время внизу, чтобы посмотреть—ѣдетъ ли карета. Замѣтивъ, что баронетъ не расположенъ разговаривать, докторъ Антонио прошолъ мимо него въ молчаніи. Подумавъ, однакоже, что баронетъ захочетъ, можетъ быть, что нибудь сказать ему, послѣ свиданія съ дочерью, онъ остановился на нѣскольکو минутъ въ приемной,—такъ мы будемъ теперь называть первую комнату при входѣ.—Но англичанинъ вышелъ отъ дочери и прямо прошолъ, въ сопровожденіи Сперанцы, въ свою комнату, не обративъ вниманія на итальянца, а тотъ, видя, что въ немъ болѣе не нуждаются, поспѣшилъ удалиться.

Вошедши въ свою комнату и сердито оглядѣвши ее вокругъ, сэръ Джонъ, бросился на стулъ.

— Нечего сказать, очаровательное мѣсто!.. стоитъ, чтобы прожить въ немъ шесть недѣль!—вскричалъ баронетъ, съ злобною насмѣшкою.—Почему же и не шесть мѣсяцевъ?

По правдѣ сказать, комната совершенно оправдывала, если даже не превосходила, все, что сказалъ докторъ о бѣдности гостиницы. На стѣнахъ, нѣкогда бѣлыхъ, но теперь пожелтѣвшихъ отъ времени не было даже жалкихъ гравюръ, изображающихъ исторію Блуднаго сына, ни малѣйшаго кусочка зеркала, который бы сколько нибудь украсилъ ихъ голое однообразіе; окна безъ занавѣсокъ, старый деревянный столъ, два простые тростниковые стула, въ ногахъ кровати безъ полога, длинный сундукъ, въ видѣ гроба, — все это дѣлало комнату похожею скорѣе на келью пустытника, чѣмъ на спальню протестантскаго баронета.

— Во что бы то ни стало, намъ надобно, какъ можно скорѣе, вырваться изъ этой лачуги,—яростно ворчалъ сэръ Джонъ; пагая по комнатѣ.

Шумъ приближавшихся шаговъ заставилъ его остановиться. Это былъ Джонъ, получившій приказаніе, по осмотрѣ кареты, доложить баронету о ея состояніи. Джонъ принесъ хорошія вѣсти: кромѣ разбитыхъ стеколъ и кой-гдѣ разорванной обивки, ничего не случилось такого, что бы могло помѣшать немедленному отъѣзду въ Ниццу.

— Прекрасно,—сказалъ сэръ Джонъ,—прикажи сейчасъ же вставить стекла.

Къ несчастію это оказалось невозможнымъ. Джонъ справлялся уже и узналъ, что стекла такой величины можно найти только въ сосѣднемъ городѣ. При такой вѣсти у сэра Джона посыпались разнородныя восклицанія, наконецъ онъ объявилъ очень язвительно, что дѣйствительно было бы достойно удивленія, еслибъ случилось иначе. Джонъ продолжалъ докладывать, что карету нельзя было подвезти къ дому, потому что садовые ворота такъ узки, что невозможно проѣхать, да и сарай здѣсь нѣтъ, прибавилъ онъ.—Что же прикажете дѣлать?

Вмѣсто отвѣта, сэръ Джонъ отправился прямо къ садовымъ воротамъ и, глядя по переѣздно, то на мѣстность, то на карету, то на небо, послѣ минутнаго колебанія, приказаль Джону отодвинуть карету нѣсколько всторону, гдѣ онъ можетъ и на ночь оставаться *въ случаѣ необходимости*.

— Вѣдь ночи еще прохладны;—сказаль сэръ Джонъ со вздохомъ,—такъ что если намъ нельзя черезъ часъ или два ѣхать, въ чемъ я еще не совсѣмъ увѣренъ, то, пожалуй, придется здѣсь переночевать по милости этихъ проклятыхъ стеколъ. Но завтра, продолжалъ баронетъ съ рѣшительнымъ видомъ,—завтра, съ стеклами или безъ стеколъ, а мы непременно уѣдемъ въ Ниццу.

— Благоразумно ли будетъ,—возразиль нерѣшительно Джонъ, оставить на ночь карету и весь багажъ на большой дорогѣ?

— Конечно нѣтъ,—отвѣчалъ его господинъ,—но въ случаѣ, если мы останемся здѣсь, ты долженъ будешь ночевать въ каретѣ, вооружившись парюю пистолетовъ.

Распорядившись такимъ образомъ,—къ большому ли удовольствію Джона—этого мы не умѣемъ сказать,—баронетъ поднялся по каменному крыльцу во второй этажъ, сдѣлавшійся, на это время, его главной квартирой, и направиль шаги свои къ комнатѣ Люси. Но на половникъ дороги онъ встрѣтилъ миссъ Гутчинсъ, переступавшую на цыпочкахъ. Она остановила его, сказавъ что миссъ Люси чувствуетъ себя чрезвычайно утомленною и только что закрыла глаза, въ надеждѣ заснуть. Сильно раздосадованный при этой вѣсти, слишкомъ подтверждавшей его опасеніе, что ему придется цѣлую ночь провести въ этомъ жилищѣ, сэръ Джонъ удалялся въ свою комнату. Но, не пробывъ тамъ и четверти часа, онъ снова сополъ внизъ, и сталъ прохаживаться вдоль и поперекъ передъ домомъ, подходя, время отъ времени, къ воротамъ, чтобы бросить грустный взглядъ на карету. Вторая попытка повидаться съ дочерью не удалась по той же самой причинѣ, какъ и въ первый разъ и несчастный баронетъ сдѣлалъ еще нѣсколько дюжинъ оборотовъ вокругъ большой залы; удалялся въ свою комнату, бросился на стулъ и, взглянувъ на часы, вскричалъ:

— Какъ! неужели часы не идутъ въ этой проклятой сторонѣ?

И однакоже время шло и принесло съ собою новую прибавку къ запасу дурнаго расположенія духа и безпокойствъ бѣднаго джентльмена... уви, что значитъ брѣньность человѣческой природы, даже природы гордаго англійскаго баронета! Сэръ Джонъ проголодался, и сильно проголодался! Онъ и стыдился и бѣсился на это, но жестокая необходимость потребовать обѣдъ въ этомъ домѣ съ каждою минутою увеличивалась! Сѣсть за столъ подъ этою кровлей, да вѣдь это значитъ положить оружіе передъ непріятелемъ, вѣдь это значитъ разомъ отказаться отъ роли героя! Вообразите Аттилу или Регула, возвращающагося изъ Карфагена и вдругъ требующаго бѣстекъ! Сэръ Джонъ все это чувствовалъ, сэръ Джонъ мужественно боролся въ продолженіе нѣкотораго времени; но наконецъ сэръ Джонъ сдался. Онъ инстинктивно протянулъ руку къ шнурку воображаемаго колокольчи-

ка,—котораго вовсе тутъ не было,—и, къ своей величайшей досадѣ, долженъ былъ выйти на лѣстницу и самъ позвать своего слугу.

— Джонъ,—сказалъ баронетъ слабымъ голосомъ,—поди посмотри что тамъ есть у нихъ на кухнѣ, если только есть чтонибудь похожее на кухню въ этомъ... въ этомъ домѣ. Во всякомъ случаѣ посмотри, можно ли здѣсь найти чегонибудь поѣсть.

Сдѣлавъ эту жертву, сэръ Джонъ еще разъ отправился взглянуть на свою дочь. Бѣдная Люси! сколько было герозма съ ея стороны. Она страшно страдала!

— Гдѣ у тебя болятъ, дитя мое?

— О! папа, вездѣ. Я точно вся разбита; такое странное и непріятное ощущеніе въ ногѣ, какъ будто она вздулась подобно пробковому наросту.

— Но, милое дитя мое, вѣдь ты знаешь, что это существуетъ только въ твоёмъ воображеніи. Попробуй заснуть.

— Милый папа, я ужъ пробовала, но никакъ не могу.

Бѣдная! она была вся разбита отъ усталости и не могла сомкнуть глазъ. Сэръ Джонъ всѣми силами старался ее утѣшить и съ вѣжностью отстраняя длинные локоны, покрывавшіе ея пылающія щеки, обѣщалъ ей завтра же поспѣшить въ Ниццу, гдѣ она будетъ окружена всѣми удобствами, если ужъ необходимость заставитъ ихъ оставаться тамъ. Но слова отца не произвели ожидаемаго дѣйствія. Она не чувствовала въ себѣ довольно силы и мужества, чтобы отправиться на другой день въ Ниццу, и мало заботилась о комфортабельной квартирѣ, какую, по словамъ сэра Джона, курьеръ ихъ не замедлитъ прискаты въ городѣ, гдѣ столько проживаетъ англичанъ.

— У насъ будутъ тамъ первоклассные англійскіе доктора, дитя мое,—прибавилъ баронетъ, въ заключеніе рѣчи.

— О, что касается до этого,—сказала Люси,—я совершенно довольна этимъ итальянскимъ докторомъ; онъ гораздо пріятнѣе и внимательнѣе всѣхъ докторовъ, которыя у меня прежде бывали,—а вы знаете, папа, что у меня ихъ поребывало довольно.

Сэръ-Джонъ сдѣлавъ свою обыкновенную гримасу и ничего не отвѣчалъ.

— Не правда ли, папа, вы того же мнѣнія?—спрашивала Люси, съ настойчивостью избалованнаго ребенка.

— Право, Люси, не знаю что сказать; я такъ мало видѣлъ этого господина, да и притомъ я не способенъ такъ скоро привязываться къ людямъ.

За тѣмъ послѣдовало молчаніе, потому что хорошенькая Люси не любила, чтобы ей отвѣчали такимъ образомъ.

Черезъ полчаса тихо постучали въ дверь, и голосъ Джона торжественно возвыстился, что обѣдъ поданъ.

— И ты, милая Люси, должна чтонибудь скушать,—сказалъ отецъ вставая,—я пришлю тебѣ крылышко цыпленка, или яйцо въ сметку.

Надѣюсь, что по крайней мѣрѣ это можно здѣсь достать. Для тебя это будетъ полезно и подкрѣпитъ тебя.

— Нѣтъ, папа,— сказала рѣшительно Люси,— докторъ запретилъ мнѣ ѣсть.

— Ну, дѣлать нечего, дитя мое, слѣдуй его приказаніямъ на вынѣшній день,—возразилъ отецъ, столь же упорный въ своихъ мнѣніяхъ, какъ и дочь;—завтра, я надѣюсь, тобою будутъ руководить болѣе разумные совѣты.

Сказавъ это, онъ вышелъ изъ комнаты.

Столъ накрытъ былъ въ залѣ. Обѣдъ, къ величайшему удивленію сэра Джона, — удивленію смѣшанному съ нѣкоторою досадою,—хотя очень простой, былъ превосходенъ: рыба, жареная курица, овощи, личища, сыръ, консервы изъ фруктовъ, апельсины и бутылка домашняго винограднаго вина, которымъ не пренебрегъ бы самый тонкій знатокъ. Сэръ Джонъ ѣлъ и ворчалъ; но несмотря на это ворчанье, онъ ѣлъ все время съ чудеснымъ аппетитомъ. Въ бѣломъ галстукѣ и черномъ фракѣ съ большимъ кускомъ черной тафты на ободранномъ носу, съ салфеткою подъ мышкой—правда не изъ тонкаго фландрскаго дамъ, а изъ домашняго тонкаго полотна, Джонъ служилъ своему господину съ такимъ же торжественнымъ видомъ, такъ же на вытяжку, какъ и въ праздничные дни въ Давенпъ-Голѣ.

Баронетъ, въ томъ же угрюмомъ расположеніи духа, принимался уже за второй апельсинъ, только что сорванный съ дерева, когда докторъ Антоніо, съ толстымъ пакетомъ подъ мышкой, явился на порогъ. Докторъ поклонился, повернулъ на лѣво отъ сэра Джона, прошелъ черезъ всю комнату и тотчасъ же былъ впущенъ миссъ Гучинсъ къ миссъ Давоннѣ.

— Какъ вы долго не приходили!—сказала Люси, съ нетерпѣніемъ больной, лишь только его увидѣла.

— Я очень радъ слышать отъ васъ такіа слова,—отвѣчалъ онъ;—это хорошій знакъ, когда больной желаетъ присутствія своего доктора, потому что доказываетъ довѣріе, и слѣдовательно вполнину уже побѣду. Я былъ задержанъ противъ воли. Но скажите мнѣ какъ вы себя чувствуете?

Докторъ Антоніо слушалъ жалобы своей больной съ участіемъ, столь утѣшительнымъ для страждущаго, потомъ сказалъ:

— Мнѣ очень хотѣлось бы облегчить ваши страданія; но, признаюсь, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, это невозможно. Вы вытерпѣли сильное потрясеніе и жестоко пострадали; а когда натура такимъ образомъ потрясена, то нужно нѣкоторое время, для приведенія ея въ прежнее равновѣсіе. Мы, доктора, можемъ только помогать натурѣ, но насиловать ее никакъ не должны. Пейте побольше питья, которое я вамъ приготовилъ; это, можетъ быть, поможетъ вамъ заснуть.

Люси покачала головою, какъ будто была увѣрена, что ей уже не заснуть во всю жизнь, и сказала, указывая на свертокъ:

— Что вы тамъ принесли?

— Занавѣсы для вашего окна. Всѣ эти комнаты обращены на югъ: такъ надобно защитить васъ отъ яркихъ лучей нашего итальянскаго солнца.

И—присоединяя къ слову дѣло—онъ взобрался на стулъ и принялся вколачивать гвоздики, такъ тихо, какъ только было возможно.

— Въ деревнѣ научись дѣлать всего понемногу,—сказала онъ, поглядывая на Люси съ высоты своего стула и съ занавѣсками на рукахъ,—поза, конечно, не совсѣмъ геройская,—мы не походимъ на васъ, жителей большихъ городовъ; мы, бѣдняки, не представляемъ ничего интереснаго для торговцевъ, чтобы привлечь ихъ сюда. Здѣсь всякій самъ для себя садовникъ, плотникъ, обойщикъ, какъ вы это видите въ настоящую минуту. Даже часто случается, что для избѣжанія ничтожной издержки, нѣкоторые дѣлаются сами для себя докторами.

— Вы говорите *мы*, рассказывая объ этой сторонѣ,—замѣтила миссъ Давеннъ, — однако это не значитъ, что вы дѣйствительно дѣлшій уроженецъ?

— А что васъ заставляетъ такъ думать?—спросилъ докторъ, котораго развеселило ея замѣчаніе.

— Я не знаю какъ вамъ сказать,—отвѣчала молодая дѣвушка,—но въ васъ есть что-то такое, что заставляетъ предполагать, что вы не всю вашу жизнь провели здѣсь.

— Однимъ словомъ, вы хотите сказать, что у меня не совсѣмъ мужиковатый видъ, какъ вы ожидали найти въ деревенскомъ докторѣ? Вы одарены большою наблюдательностію для вашихъ лѣтъ.

— А которой, какъ вы думаете мнѣ годъ?—спросила Люси, развеселившись въ свою очередь.

— Шестнадцать, много семнадцать лѣтъ.

— Я гораздо старѣе; мнѣ почти двадцать лѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? На видъ вы кажетесь моложе вашихъ лѣтъ. Я долженъ, однако, отдать справедливость вашей проникательности и признаться, что вы точно не ошиблись, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что Ривьера не моя родина. Я сицилианецъ и родился въ Катани.

— Прошу васъ, извините мое любопытство, не ждали ли вы когда нибудь въ Англии?

— Нѣтъ, я никогда тамъ не бывалъ,—отвѣчалъ докторъ.—Васъ удивляетъ, что я говорю по-англійски, не правда ли? Я сейчасъ вамъ расскажу, какъ я выучился этому языку. Старшая сестра моей матери вышла въ 1810 г. замужъ за англійскаго офицера, служившаго въ одномъ изъ гарнизонныхъ полковъ, стоявшихъ, въ то время въ Сициліи. Дѣти моей тетки получили воспитаніе, во всѣхъ отношеніяхъ приличное англійскимъ дѣтямъ, и какъ у нихъ были няньки англичанки, то они съ колыбели стали говорить по-англійски. А я воспитывался вмѣстѣ съ моими двоюродными братьями; очень естественно, что и я выучился этому языку, и теперь владѣю имъ почти также свободно, какъ роднымъ итальянскимъ.

Разговаривая такимъ образомъ, и поколачивая молоткомъ, дѣятельный докторъ занималъ больную и въ то же время навѣшивалъ на

окно занавѣски. Полюбовавшись нѣсколько минутъ своимъ оконченымъ дѣломъ и потомъ, осмотрѣвъ комнату, онъ вдругъ сказалъ:

— А! кажется, мнѣ еще надо потрудиться. Я вижу щель въ двери, сзади вашей постели. Нѣтъ ничего опаснѣе сквознаго вѣтра и чѣмъ онъ незамѣтитъ, тѣмъ хуже.

Докторъ вышелъ, но тотчасъ же возвратился съ полоскою бумаги въ одной рукѣ и съ яичной скорлупой въ другой.

— Видали ли вы болѣе экономическое и скорое средство дѣлать клей! спросилъ онъ, показывая Люси щепотку муки и нѣсколько капель воды, находившейся въ скорлупѣ.

Люси засмѣялась и въ то же время удивилась его дѣятельности и изобрѣтательности его ума. И дѣйствительно, всякаго поразила бы благородная простота, съ которою онъ дѣлалъ все, что вообще люди считаютъ унижительною для себя. Всѣ свои дѣйствія онъ умѣлъ примирить тономъ забавной, добродушной шутки, не теряя ни на минуту благороднаго достоинства, которое всегда заставляло бы отличить его даже въ толпѣ.

Сэръ Джонъ вополь именно въ то мгновеніе, когда Антоніо наклонился, чтобы заклеить щель. Сначала баронетъ слѣдовалъ за всѣми движеніями доктора съ безпокойнымъ взглядомъ, какъ бы подозрѣвая—ужь не съ ума ли онъ сошелъ; но когда онъ увидѣлъ въ чемъ дѣло, то лицо его прояснилось и улыбка, выражавшая отвращеніе и глубочайшее презрѣніе, замѣнила прежнее безпокойство. Для сэра Джона высшій идеалъ порядочнаго человѣка, настоящаго джентльмена—былъ онъ самъ, но сэръ Джонъ никогда не унижился бы до того, чтобы взяться за работу, приличную, по его мнѣнію, только слугамъ, хоть бы отъ этого зависѣло спасеніе цѣлага міра, и конечно же человѣкъ, приклеивавшій бумагу, чтобы замазать щель въ двери и, слѣдовательно, исполнявшій работу столяра, — хоть это было и для миссъ Давенъ, — терялъ въ глазахъ его всякое право на уваженіе.

Между тѣмъ какъ въ головѣ сэра Джона толпилось неисчислимое множество мыслей насчетъ Антоніо, который впрочемъ нисколько не заботился о баронетѣ, Сперанца, дочь хозяйки, принесла огромный букетъ цвѣтовъ, большею частью полевыхъ, и подала его доктору, который, казалось, столько же гордился своимъ успѣхомъ по части клеенья, какъ и въ ремеслѣ обойщика. Онъ осмотрѣлъ букетъ и приваялся передѣлывать его на свой ладъ. Замѣтивъ, что онъ ставитъ въ воду только нѣкоторые цвѣты, а остальные выбрасываетъ въ окно, Люси спросила, зачѣмъ онъ кидаетъ самыя лучшіе цвѣты?

— Затѣмъ, что цвѣты, которые вы называете самыми лучшими, могутъ быть для васъ вредны. Я хочу, чтобы букетъ доставлялъ вамъ удовольствіе своею красотой, а не ароматомъ. Во всякое время нездорово ставить цвѣты въ комнатѣ, гдѣ спать, и еще болѣе, когда дѣло идетъ о спальнѣ больной. Даже и эти цвѣты, я не намѣренъ оставлять въ вашей комнатѣ.

И, выйдя въ сосѣдную комнату, онъ поставилъ вазу на столъ такъ, чтобы миссъ Давеннъ могла видѣть букетъ съ своей постели.

— Теперь что еще?—сказалъ онъ, прикладывая палецъ ко лбу, какъ бы желая вспомнить о чемъ,—а! вспомнилъ!..

И обратившись къ Люси сказалъ:

— Имѣете ли вы привычку оставлять на ночь огонь въ вашей спальнѣ?

И получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ:

— Такъ мы постараемся вамъ и это устроить.

Онъ позвалъ Сперанцу, приказалъ ей принести пробку и фитиль съ ихъ деревянной лампы и, изъ всего этого, устроилъ превосходный ночникъ. Потомъ, осмотрѣвъ еще разъ перевязку на ногѣ миссъ Давеннъ, сказалъ:

— Вотъ ужъ и поздно; добрый вечеръ. Если въ эту ночь вы почувствуете себя хуже, чего, я надѣюсь, не случится, то примите за мною въ Нордигеру. Ваши хозяева найдутъ кого послать, да къ тому же тутъ всѣ знаютъ, гдѣ живетъ докторъ Антонио.

— А скажите, пожалуйста, въ какомъ разстояніи находится отсюда *Біурдигора*, или какъ вы тамъ его называютъ?—спросилъ сэръ Джонъ, открывая ротъ въ первый разъ со времени прихода своего въ комнату.

— Около десяти минутъ ходьбы,—отвѣчалъ Антонио.—Да вотъ изъ этого окна можно ее видѣть. Тамъ, на вершинѣ холма, направо отъ насъ.

— Благодарю, а могу ли я просить васъ сказать мнѣ, можно ли найти судью здѣсь по сосѣдству?

— У насъ, въ Нордигерѣ, есть мирный судья,—отвѣчалъ докторъ.

— А! вотъ это очень хорошо. Я долженъ пойти къ нему завтра рано утромъ, потому что не хочу позволить этому бездѣльнику почтарю вывернуться такъ легко.

— О! что касается до этого, то вамъ придется немного подождать,—отвѣчалъ докторъ,—Просперо не въ состояніи никуда выйти. Онъ боленъ и въ постели,—не отъ ушиба, а отъ нравственнаго потрясенія; предъ моимъ отправленіемъ сюда, я долженъ былъ пустить ему кровь.

— Мнѣ это очень досадно,—сказалъ сэръ Джонъ, смягчаясь,—но вы согласитесь со мною, милостивый государь, что для пользы всѣхъ путешественниковъ, я не долженъ допускать, чтобы по милости дурного поведенія этого закосилаго пьяницы.

— Извините, если я перебыю васъ. Я нисколько не намѣренъ защищать Просперо; но повѣрьте мнѣ, пьянство нисколько не причиною случившаго сегодня несчастія. Во всю свою жизнь Просперо никогда не былъ пьянъ. Въ этомъ я могу положительно увѣрить васъ, потому что три года уже его знаю. Порокъ пьянства очень рѣдко проявляется въ этихъ мѣстахъ, и особенно наши почтари славятся своею воздержностію. Спросите у кучеровъ почтовыхъ каретъ, ежедневно отправляющихся изъ Генуи въ Ниццу и обратно,—они

вамъ скажутъ, какъ и мнѣ не одинъ разъ говорили, что если по этой дорогѣ случаются такъ рѣдко несчастія, несмотря на безпрестанныя горы и спуски, и большое число нечаянныхъ поворотовъ, то этимъ мы обязаны благоразумію и извѣстной воздержности почтарей.

Сэръ Джонъ ничего не отвѣчалъ на эту защитительную рѣчь; вслѣдствіе чего доктору не оставалось ничего дѣлать, какъ только раскланяться и удалиться.

— Я надѣюсь, папá, что вы не будете преслѣдовать этого бѣднаго молодого человѣка? — сказала Люси.

— Въ настоящую минуту, какъ ты слышала, это было бы бесполезно, милое дитя мое, когда же онъ снова будетъ въ состояніи исполнять свои обязанности, мы будемъ уже далеко отсюда.

— Ахъ! папá,—возразила Люси,—очень боюсь, что пройдетъ еще нѣкоторое время, прежде чѣмъ я буду въ состояніи переносить утомительное путешествіе; я такъ слаба, такъ вся разбита! Меня это очень огорчаетъ за васъ, милый папа.

— Не заботься обо мнѣ, милое дитя,—сказалъ сэръ Джонъ, погладивъ ее по щекѣ. Но ты еще не знаешь, сколько пользы можетъ тебѣ принести ночь, проведенная въ покойномъ снѣ; лишь бы только мы поправлялись скорѣе,—прибавилъ баронетъ, сдѣлавшійся великодушнымъ послѣ сытнаго обѣда,—а для меня ничего не значитъ поскучать нѣсколько дней.

Люси взяла руку отца и поцѣловала ее съ благодарностію.

— Знаете ли, папá,—сказала больная, послѣ короткаго молчанія,—вѣдь я открыла изъ какой онъ страны.

— Кто?—почтарь? спросилъ сэръ Джонъ, выведенный неожиданно изъ своихъ, не совсѣмъ пріятныхъ размышленій.

— Папа, папа, какъ это можно...? Докторъ. Онъ сициліяноць.

— Неужели? Я слышалъ, что Сицилія чудесная страна,—отвѣчалъ баронетъ довольно холодно.

— Я увѣрена, что тутъ есть какая нибудь тайна,—продолжала Люси. Я не думаю, чтобы судьба назначила его быть докторомъ. А вы какъ думаете, папа? Я нисколько не удивилась бы, еслибы узнала, что онъ—одинъ изъ изгнанныхъ аристократовъ. Помню, какъ говорилъ въ Римѣ, о политическихъ изгнанникахъ. Онъ совершенно походитъ на одну изъ тѣхъ головъ Ван-Дика, которыя мы видѣли въ Генуѣ. Не находите ли и вы, папа, что онъ очень хорошъ собою?

— Да, онъ очень красивъ, онъ могъ бы быть отличнымъ егеремъ, съ своею длинною бородою,—сухо сказалъ сэръ Джонъ.

— О! папа, это слишкомъ зло. Какъ вы можете такъ говорить о человѣкѣ, который, по всему видно, хорошо воспитанъ и, вообще, человѣкъ съ достоинствомъ,—и который былъ такъ добръ къ намъ?

— Моя милая Люси, благодарность твоя не совсѣмъ логична. Нѣтъ никакой причины, принимать этого господина за переодѣтаго принца потому только, что онъ былъ намъ полезенъ. Несмотря на то, милая Люси, я не пренебрегаю тебѣ стропить романы насчетъ этого

бородатого эскулапа; только я сильно подозреваю, что онъ предпочтетъ мой обычай благодарить за услуги, которыми мы ему обязаны.

Люси съ душевнымъ безпокойствомъ устремила глаза на отца.

— О! не бойся, Люси, я заплачу твоему герою соразмѣрно съ его скорѣ мнимымъ, чѣмъ настоящимъ званіемъ.

Видя, что и это не совсѣмъ успокоивало Люси, баронетъ продолжалъ:

— Глупенькая, неужели ты думаешь, что твой докторъ принялъ на себя весь этотъ трудъ только для твоихъ прекрасныхъ глазъ?

Люси только вздохнула, въ полной увѣренности, что докторъ во всемъ этомъ дѣйствовалъ изъ одной только чистой, душевной доброты. Можетъ быть, такое заключеніе было нѣсколько романнично съ ея стороны. Во всякомъ случаѣ, она не сказала ничего больше, потому что за вздохомъ послѣдовалъ припадокъ кашля, приведшій ее въ изнеможеніе.

Когда она успокоилась, сэръ Джонъ подумалъ, что лучше оставить ее одну, надѣясь, что она скорѣ заснетъ. Онъ нагнулся, чтобы поцѣловать ее, но въ эту минуту его глаза упали на что-то странное, помѣщонное въ изголовьи у нея и чего онъ прежде не замѣтилъ. Взглянувъ ближе, онъ увидалъ на столѣ маленькое оловянное распятіе, гипсовый слѣпокъ Пресвятой Дѣвы съ чашечкою святой воды внизу и вѣтку, также освященною. Всякій, путешествовавшій по Италіи, ежедневно видалъ подобные предметы, продающіеся на улицахъ или въ домахъ бѣдныхъ людей. Сэръ Джонъ, столько же исключительный въ отношеніи наружной религіи, какъ и во всемъ, потерялъ послѣднее терпѣніе, увидавъ все это надъ головою своей дочери, и рѣшительнымъ голосомъ, запрещающимъ всякое возраженіе, приказалъ Гутчинсу вынести ихъ вонъ и впередъ дѣлать такъ, чтобы онъ никогда не встрѣчалъ ничего подобнаго. Онъ пріостановился, чтобы видѣть исполненіе всѣхъ своихъ приказаній, потомъ, въ самомъ непріятномъ расположеніи духа, взялъ свѣчу и удалился въ свою комнату.

Отказъ Люси ѣхать на другой день и совершенное расслабленіе, въ которомъ она находилась, были причиною, что сэръ Джонъ, оставшись одинъ, предался грустнымъ предчувствіямъ и принялся раздумывать о страшномъ объявленіи доктора, насчетъ невозможности везти больную. Хорошо размысливши обо всемъ этомъ, онъ началъ колебаться въ твердо принятомъ имъ рѣшеніи—не обращать никакого вниманія на это объявленіе. Очевидно, въ умѣ сэра Джона происходила реакція. Въ первый разъ со времени вступленія въ гостиницу, гордый джентльменъ почувствовалъ, что страшная угроза—сорокъ дней оставаться въ этой пустынѣ, очень сбыточна на дѣлѣ, хотя, надо сказать правду, это предположеніе едва принятое, отвергалось или, лучше, уничтожалось мыслью, что съ твердою волею и деньгами можно все сдѣлать. Если мы разложимъ въ каретѣ матраць, думалъ сэръ Джонъ, и будемъ ѣхать шагомъ, то развѣ Люси не бу-

доть такъ же безопасна и спокойна въ каретѣ, какъ и въ постели? Превосходная идея, право; но... все же есть *но* и противъ такого распоряженія. Увы! напрасно несчастный баронетъ отталкивалъ это *но*: суровая дѣйствительность не переставала являться предъ его глазами.

Мучимый всѣми этими противорѣчiями, сэръ Джонъ съ глубокими вздохами приготовлялся лечь въ постель. Видъ бѣдной постели, съ перспективой безсонной ночи, не былъ единственною причиною вздоховъ баронета; воспоминанiя толпились въ его умѣ и пробуждали другаго рода безпокойство. Мысль, что на чужой сторонѣ вѣтъ по близости ни одного соотечественника, одна эта мысль, конечно, уже непрiятна; но думать, что находишься между итальянцами, — этого уже слишкомъ много, чтобы возбудить и подтвердить всякаго рода опасенiя. Въ одномъ отдѣленiи мозга сэра Джона находилась коллекцiя понятiй объ Итали, гдѣ кинжалы, разбойники и *кровомощенiе* рисовались около уединенныхъ гостиницъ и избушекъ на берегу моря, куда завлекають путешественниковъ, и потомъ грабятъ ихъ и убиваютъ.

— Чертовски непрiятная страна! — вздыхалъ сэръ Джонъ, — страна, гдѣ деревенскiе доктора, походятъ на Ринальдо-Ринальдони!

Колокола Бордигеры, звонившiе *De profundis* и въ то же время возвѣщавшiе первый часъ ночи, голоса рыбаковъ вдали откликавшiеся на зовъ другихъ, даже самый шумъ волнъ, исчезавшихъ на песчанномъ берегу, — все это въ ухахъ баронета отзывалось чѣмъ-то мрачнымъ. Онъ тихо вышелъ изъ своей комнаты, постучалъ въ дверь миссъ Гутчисъ и шопотомъ посоветовалъ ей запереться на замокъ; потомъ, возвратившись къ себѣ, загородилъ свою дверь чѣмъ могъ и легъ въ постель, почти въ такомъ же веселомъ расположенiи духа какъ будто попался къ какому нибудь племени краснокожихъ.

Надобно, однако, отдать справедливость сэру Джону, если бы онъ зналъ, или могъ только вообразить, что случившееся несчастiе съ его дочерью могло имѣть серьезныя послѣдствiя, какъ это было въ дѣйствительности, то его безпокойство за свою возлюбленную Люси не позволило бы всѣмъ этимъ смѣшнымъ опасенiямъ поднимать предъ нимъ свою гидроподобную голову; но теперь, увѣренный, что несчастiе Люси ограничилось вывихомъ, и не видя въ этомъ никакой причины къ опасенiю, умъ сэра Джона оставался довольно свободнымъ для того, чтобы разбирать не только свою дѣйствительную скуку, но еще выдумывать различныя мнимыя опасности. Тутъ невольно рождается вопросъ, какимъ образомъ могъ онъ обманывать себя при такихъ очевидныхъ обстоятельствахъ, и послѣ столь явныхъ намековъ доктора Антонио? Отвѣтъ очень простъ. Сэръ Джонъ былъ ослѣпленъ заранѣе созданною имъ идеею, что докторъ Антонио имѣлъ свои виды скорѣе увеличить, чѣмъ уменьшить важныя послѣдствiя несчастiя, случившагося съ миссъ Давенинъ. Предполагать же, что деревенскiй докторъ, да еще сверхъ, того итальянецъ, могъ бы, изъ уваженiя къ его родительскимъ чувствамъ скрыть настоящее опасное положенiе его дочери, — подобная

нелѣпость никогда не могла бы придти ему въ голову. Это было такъ же невозможно, какъ предположеніе что... что родъ Давенновъ не первый изъ всѣхъ первыхъ родовъ всего соединеннаго королевства.

Тогда какъ сэръ Джовъ запирался на запоры въ своей комнатѣ, а его смиренный теска, въ сильномъ нервномъ раздраженіи, собирався караулить цѣлую ночь въ каретѣ, Роза и Сперанца, убѣдившись, что ихъ услуги не нужны болѣе постояльцамъ, удалились въ комнату, которую оставили для себя. То была маленькая темная комната за кухнею, гдѣ обыкновенно сохранялись уголья и дрова. Тю-фякъ, набитый соломой и одно одѣяло на двухъ, вотъ все, что составляло ихъ постель, и что эти простыя, бѣдныя и трудолюбивыя женщины оставили для себя. Изъ состраданія къ молодой снѣборѣ и изъ уваженія къ сѣру Джону и его слугѣ Джону, онѣ согласились уступить имъ не только часть дома, назначенную для рѣдкихъ и скромныхъ путешественниковъ, которыхъ посылаютъ имъ иногда случай на одну ночь, но еще и свои собственные комнаты, и все, сколько у нихъ было постелей, тю-фяковъ, бѣлья, наволочекъ, и пр. Нисколько не жалѣя о томъ, что онѣ пожертвовали всѣми своими привычными, хотя и не большими удобствами, мать и дочь только и заняты были мыслію, нельзя ли еще что нибудь сдѣлать для спокойствія и удобства своихъ новыхъ жильцовъ.

— Какое счастье, — сказала Сперанца, — что эти знатные господа путешествуютъ съ своею серебрянною посуду! А то что бы мы стали дѣлать съ нашими четырьмя столовыми серебряными приборами? — Подумай, матушка, что старому господину нужны чистыя вилки и ложки за каждымъ кушаньемъ!

И обѣ женщины принялись мысленно разбирать имущество своихъ болѣе богатыхъ сосѣдей и разсчитывать удастся ли имъ занять на другой день, ту или другую вещь.

Впрочемъ, къ чему имъ ломать себѣ голову, когда у нихъ есть докторъ Антоніо? Ужъ докторъ Антоніо распорядится такъ, чтобы достать все, чего не достанетъ. Съ докторомъ Антоніо все пойдетъ хорошо. Послужать этихъ женщинъ — такъ можно бы подумать, что этотъ деревенскій докторъ, не что иное, какъ одинъ изъ геніевъ *Тысячи и одной ночи*, которымъ стоитъ только ударить ногою, чтобы тотчасъ же вышли изъ подъ земли совѣмъ меблированные дворцы.

— Матушка, сказала дочь, — прежде всего вотъ что надо намъ сдѣлать: надо снять сосновую вѣтку съ воротъ. Я знаю, что старый господинъ не можетъ этого терпѣть; онъ такъ нахмурился проходя мною...

— Ну, такъ мы ее снимемъ, — отвѣчала мать, — да вотъ что еще, не вынести ли намъ скамьи и столы изъ сада? Завтра воскресенье и народъ придетъ изъ Бордигеры послѣ вечеренъ; я увѣрена, что старому господину неприятно будетъ видѣть столько народу въ саду. Мы можемъ подать бутылку вина въ залу тѣмъ, кто спроситъ, а кто не захочетъ, тотъ можетъ идти куда ему угодно. Совѣмъ неприлично пѣть и курить подъ окнами *снѣборины*.

— Это правда, — сказала дѣвучка, — самъ докторъ Антонио говорилъ что прежде всего ей нужно спокойствіе. О, матушка, видала ли ты когда нибудь другое такое милое лицо? Она походитъ на Мадонну, которая стоитъ на алтарѣ.

— Это правда, — сказала Роза, — да благословить ее Богъ!

— Да благословить ее Богъ! повторила Сперанца.

И мать, и дочь заснули съ этой молитвою на устахъ.

Распредѣливъ по мѣстамъ все наши дѣйствующія лица, исключая главнаго, — или которое по крайней мѣрѣ должно бы быть главнымъ судя по заглавію нашего разсказа, — мы не худо сдѣлаемъ, если займемся и имъ немного.

Жилище доктора Антонио въ Бордигерѣ состоитъ изъ довольно большой комнаты, которая ему служитъ и гостиной, и пріемной и библіотекой, и ведетъ въ маленькую комнату, гдѣ онъ спитъ. Одна стѣна гостиной совершенно покрыта полками съ книгами; полдюжины стульевъ и небольшой столикъ составляютъ всю мебель. На стѣнѣ противъ полокъ съ книгами, висятъ флейта, гитара, пара риперъ, перчатки и маска; подъ ними — карта Сициліи. Книжки лежатъ на стульяхъ, на полу, повсюду; цѣлая гора книгъ возвышается и на столѣ, передъ которымъ сидитъ нашъ герой, поглаживая свою бороду и устремивъ глаза въ книгу, поглощающую все его вниманіе. Книга, о которой мы говоримъ, наполнена раскрашенными эстампами и въ всѣхъ возможныхъ степеняхъ вывиха, и всѣхъ употребленныхъ перевязокъ. Время отъ времени, докторъ Антонио встаетъ и прохаживается по комнатѣ, погруженный въ глубокое размышленіе; потомъ подходитъ къ полкамъ съ книгами; беретъ толстое in-folio, и повидному сличаетъ отмѣтки. Часы бѣгутъ, а онъ все еще читаетъ и поглаживаетъ свою бороду. Но вотъ, вдругъ, онъ посмотрѣлъ на свои часы; невольное восклицаніе сорвалось съ его языка, когда онъ увидѣлъ, какъ время быстро прошло; онъ беретъ лампу, какъ бы намѣреваясь идти спать въ сосѣднюю комнату, потомъ, вдругъ, останавливается, ставитъ лампу на столъ и опять подходитъ къ библіотекѣ. Вскъ еще пунктъ, который не совѣтъ уяснился къ его головѣ; неожиданно можетъ случиться сложная болѣзнь, чего онъ не находилъ еще въ своихъ книгахъ.

Утренняя заря, заблеставшая въ окнахъ, застаётъ его все еще за чтеніемъ. Наконецъ онъ закрываетъ книгу, тушитъ лампу, теоръ уже не нужную, и не раздѣваясь, бросается въ постель.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сэръ Джонъ Давеннъ.

Сэръ Джонъ Давеннъ, пятый баронетъ этого имени, вмѣстѣ съ отцовскими помѣстьями, получилъ еще нѣчто, что могло бы называться родовымъ наслѣдствомъ, и съ такимъ же стараніемъ перешло изъ рода въ родъ, какъ и все осгальное; — сибшныя при-

вытчи самаго наслуго, самаго мелѣнаго высококомѣрія и генеалогиче-ской гордости, выражавшейся какимъ-то благоговѣйнымъ обожаніемъ ко всему одушевленному и неодушевленному, что относилось къ блистательному роду Давенновъ и соответствующимъ превръ-щеніемъ ко всякому, кому фортуна менѣе благопріятствовала въ отношеніи предковъ и историческихъ воспоминаній.

Давенны изъ Давеннъ, въ графствѣ..., имѣли пріязніе считать свое происхожденіе отъ нормандскаго оруженосца, по имени д'Авеннъ, о которомъ упоминается въ различныхъ хроникахъ, что онъ сопровождалъ одного изъ Де-Веровъ на Гастингское сраженіе. Сэръ Джонъ утверждалъ, — точно такъ же какъ прежде утверждалъ его отецъ и отецъ его отца — что Давенны всегда раздѣляли славу и опасности храбрыхъ Де-Веровъ, которые, какъ намъ говоритъ исторія, были въ числѣ крестоносцевъ, послѣдовавшихъ за Ричардомъ Львиное Сердце въ Палестину. Почти въ ту же эпоху, выступая изъ ряда свѣтлой сферы этого благороднаго рода, заблестала своимъ собственнымъ свѣтомъ одна изъ Давенновъ, заслуживъ золотыя шпоры, и съ тѣхъ поръ, исторія фамиліи Давенновъ смѣшалась съ исторіею Англіи. Давенны принимали участіе въ войнахъ Двухъ Розъ. Одинъ изъ нихъ былъ убитъ въ Восвертѣ, другой переселился съ Эссексомъ въ Ирландію. Кромъ того одинъ изъ Давенновъ храбро сражались въ Марстонъ-Мурѣ и въ Нэзби, принадлежалъ къ небольшому числу преданныхъ людей, послѣдовавшихъ за Карломъ, во время его бѣгства въ Шотландію, и все время оставался при своемъ несчастномъ государѣ, однимъ изъ самыхъ упрямыхъ и неукротимыхъ воиновъ. Когда Кромвель слѣжался всемогущимъ, Давеннъ, имѣніе котораго было конфисковано, эмигрировалъ въ Голландію съ своимъ семействомъ и присоединился ко двору молодого Карла. Его вѣрность и преданность королю имѣли, во время реставраціи, результатъ болѣе благопріятный, чѣмъ вѣрность и преданность многихъ другихъ воиновъ, столько же вѣрныхъ и преданныхъ. Не только имѣніе его было ему возвращено, но, съ перемежною счастіемъ, онъ получалъ, сверхъ того, почтенье своего сосѣда, который, по выраженію того времени, принадлежалъ къ числу заклятыхъ круглоголовыхъ. Въ ту же эпоху Давеннъ былъ слѣланъ баронетомъ, — титулъ, который два баронета — отецъ и дѣдъ нашего сэра Джона — отказались вромѣнять на титулъ болѣе высокій; послѣдній, сэръ Обри, говорилъ, что онъ предпочитаетъ быть во главѣ баронетовъ, чѣмъ въ хвостѣ дворянъ.

Со времени реставраціи до революціи 1688 года, Давенны, казалось, болѣе думали объ удобреніи земли отцовскаго наслѣдія, чѣмъ о вмѣшательствѣ въ сферы королей и парламентовъ. Извѣстно, что все семейство осталось въ Давеннѣ, когда Іаковъ Второй убѣжалъ въ Сенъ-Жерменъ. Вѣроятно, сэръ Джонъ того времени, сохранивъ воспоминанія молодости, пожималъ плечами, при мысли объ испорченности вѣка, и довольствовался тѣмъ, что, удалившись въ глушь своихъ помѣстій, могъ проклинать парламенты и непокорныхъ епископовъ. Единственнымъ доказательствомъ привязанности его къ до-

му Стюартовъ служило то, что ни онъ, ни его семейство не явились ко двору Вильгельма и Маріи.

Воинственный духъ Давенновъ вдругъ проявился въ старшемъ сынѣ этого благоразумнаго отца. Онъ сражался и отличился подъ начальствомъ Мальборо, и достигъ степени генерала. Преемникъ его, сэръ Обри, заплатилъ долгъ воинственнымъ требованіямъ своего отца, вступивъ въ военную службу во время войны за американскую независимость. Если бы кто захотѣлъ представить себѣ настоящія чувства сэра Обри и его ультрапаторійскія правила, свято передаваемые изъ вѣка въ вѣкъ, отъ Давенна къ Давенну, то легко можно бы понять прискорбіе, съ которымъ онъ смотрѣлъ на успѣхи американцевъ и на призваніе ихъ независимости. Но надобно было жить во время этихъ происшествій, или отъ тогдашнихъ дѣятелей лично слышать описаніе англійскаго гражданина вообще, и провинціального дворянина въ особенности, чтобы составить себѣ настоящее понятіе о крайнемъ раздраженіи, ненависти и отвращеніи, овладѣвшимъ сэромъ Обри, когда во Франціи разразилась революція въ 1787 году. Гнѣвъ его въ нѣныя минуты доходилъ до бѣшенства, когда онъ читалъ въ журналахъ рѣчи англійскихъ ораторовъ, которые, по мнѣнію заклятаго тори, выражали въ самомъ англійскомъ парламентѣ, чувства почти столь же революціонныя, какъ и мнѣнія французскихъ республиканцевъ.

Нынѣ благоденствующій сэръ Джонъ родился въ 1783 году, въ слѣдствіе чего былъ воспитанъ и достигъ зрѣлаго возраста среди сильныхъ чувствъ, возбужденныхъ по другую сторону пролива политическимъ состояніемъ Франціи и безпрестанными войнами, продолженіе двадцати лѣтъ. Съ того дня, когда онъ еще ребенкомъ подошелъ къ стулу отца своего, чтобы присоединиться къ ежедневному тосту: «да погибнутъ французы!» до настоящей минуты, во мнѣніяхъ сэра Джона, въ его склонностяхъ и антипатіяхъ вполне отразилась атмосфера страстей, черезъ которую они прошли и въ которой они развились. Исключительное и безграничное удивленіе ко всему англійскому и непреодолимое отвращеніе отъ всего, что не было англійскимъ, окружало его понятія и чувствованія, какъ бы высокою китайскою стѣною.

Сэръ Джонъ женился въ 1811 году, спустя два года послѣ смерти отца, на дочери виконта Делорена, внучкѣ какого то герцога, по материнской линіи. Это было очень удачное супружество, какъ по общественному положенію, такъ и по любви, потому что баронетъ не былъ изъ тѣхъ людей, которые могутъ подавлять чувства, что происходило отъ двухъ причинъ: во первыхъ оттого что онъ ненавидѣлъ всякое противорѣчіе, подъ какимъ бы видомъ оно не представлялось; во вторыхъ оттого, что онъ считалъ свое происхожденіе столь блестятельнымъ, что оно очень могло пополнить недостатокъ герба со стороны его жены, если бы даже выборъ его палъ на дочь какого нибудь ремесленника. Весною, ровно черезъ годъ послѣ этого брака, у него родился сынъ и наследникъ, на которомъ сосредоточилась вся его гордость и любовь; — и уже гораздо позже, въ 1820 году, когда ма-

ленькому Обри было уже восемь лѣтъ, у него родилась дочь, потребовавшая отъ отца свою долю вниманія и любви.

Въ 1815 году, когда континентъ былъ открытъ для англійскихъ путешественниковъ, сэръ Джонъ, не могшій въ своей молодости объѣхать Европу, думалъ, что человѣку его званія прилично пополнить, хотя уже немного поздно, этотъ недостатокъ въ его аристократическомъ воспитаніи. Вслѣдствіе чего онъ посвящалъ нѣсколько мѣсяцевъ на осматриваніе, съ своею женою и сыномъ, Франціи, Германіи и Италіи. Безполезно было бы говорить, что пребываніе сэра Джона за границею оставило во всей своей цѣлости кору предрасудковъ, окружавшую его умъ. Соприкосновеніе съ нравами другихъ народовъ, насколько оно возможно было при ностерпимой спѣси и вѣчномъ страхѣ унижить свое достоинство, еще болѣе утвердило въ немъ то, что сэръ Джонъ величалъ патриотизмомъ—тотъ странный патриотизмъ, поставляющій всю свою честь, достоинство и добродѣтель въ узкомъ кругу, гдѣ онъ, сэръ Джонъ, родился, жилъ и дѣйствовалъ.

Скоро послѣ этой поѣздки за границу, открылась вакансія на мѣсто представителя графства, въ которомъ находилось помѣстье Давенни; стали просить сэра Джона быть кандидатомъ; но онъ уклонился отъ этой чести. По правдѣ сказать, онъ всегда отклонялъ отъ себя подобную честь избранія отъ имени мѣстечка, носившаго его имя. Сэръ Джонъ имѣлъ довольно здраваго смысла для того, чтобы понять, что онъ не рожденъ быть ни блестящимъ ораторомъ, ни государственнымъ человѣкомъ, и слишкомъ много гордости, чтобы допустить возможность считаться въ числѣ тѣхъ членовъ палаты, которыхъ вся сила краснорѣчія, выражается словами: «да и нѣтъ.» Но честолюбіе, которое онъ, за скудостью даровъ своей природы, принужденъ былъ подавлять въ самомъ себѣ, сэръ Джонъ считалъ непремѣнною обязанностью развивать въ сынѣ. Обри былъ настоящій Гераклъ—мальчикъ, исполненный надменности, и развѣянности свойственныхъ свободной юности людей богатыхъ. Его высокомерію, наглость и дерзкіе отвѣты были, въ глазахъ отца, залогомъ ранняго гения.

Отецеская гордость ослабляетъ людей и съ большимъ умомъ, чѣмъ какой былъ у сэра Джона. И такъ Обри, очевидно избранный судьбою, чтобы сдѣлаться великимъ человѣкомъ, еще съ пеленокъ назначенъ былъ для карьеры государственнаго человѣка, и едва вышедши изъ дѣтства отданъ былъ на руки губернѣру, который долженъ былъ на почтовыхъ везти его на первую станцію его путешествія въ Оксфордъ. Но маленькій будущій Вильямъ Питтъ противопоставилъ всякому ученому и литературному образованію силу *бездѣйствія* которая была бы достойна другого, лучшаго дѣла. Это обстоятельство наконецъ открыло глаза его отцу, и онъ послалъ его въ Итонъ, гдѣ молодой человѣкъ очень скоро отличился не въ классическихъ занятіяхъ, а въ чисто національныхъ искусствахъ: въ кулачномъ бою и дракѣ на палкахъ.

Въ семнадцать лѣтъ Обри, сдѣлавшись щоголомъ и дерзкимъ сорванцомъ, распростоялся съ Итономъ и школьною жизнью. Онъ возмужалъ;

его физическое развитіе находилось совершенно въ обратномъ отношеніи къ умственному. Узнавъ отъ отца, что долженъ отправиться въ Оксфордъ и назначенъ быть представителемъ въ Даунингъ—стритѣ, Обри объявлялъ наотрѣзъ, что ненавидитъ политику, что всѣ книги вообще давать его какъ кошмаръ, что онъ заранѣе увѣренъ, что его тотчасъ же исключать, если не выгонять, изъ Оксфордскаго университета; что уже очень давно онъ рѣшился не служить другому божеству кромѣ бога Марса, и что отецъ его ничего лучшаго не могъ сдѣлать, какъ купить ему какъ можно скорѣе право защищать флагъ ея величества. Все это было сказано такимъ развязнымъ тономъ, который однимъ ударомъ разбилъ всѣ честолюбивыя надежды отца. Сэръ Джонъ старался убѣдить его кротостію, просьбами и наконецъ угрозами; но Обри былъ достойнымъ сыномъ своего отца; онъ тряхнулъ своею красивою головою, послалъ къ чорту кандидатство и парламентъ и объявилъ какъ ultimatum, что если отецъ не дастъ своего согласія на его вступленіе въ армію аждельменомъ, то онъ вступитъ въ нее какъ простой солдатъ.

При такомъ рѣшительномъ объявленіи молодого повѣсы, волосы поднялись дыбомъ на головѣ сэра Джона; слушая его, онъ былъ убѣжденъ, что сынокъ его сдержитъ слово. Сэръ Джонъ хорошо зналъ натуру Давенновъ, и нѣкоторыя воспоминанія объ упрямствѣ Обри еще въ дѣтствѣ пришли ему на память. Воряба продолжалась еще нѣкоторое время; но кончилась, разумѣется, побѣдою Обри. Подъ важною наружностью чловѣка съ достоинствомъ, представлявшею сэра Джона довольно замѣчательною особою, скрывалось, — какъ это уже указано мимоходомъ, — множество слабостей, и между ними самая натуральная: слишкомъ обильная порція отеческаго снисхожденія. Къ тому же Обри, съ своимъ самохвальнымъ видомъ и надменною наружностью, казалось рожденъ быть торжествующимъ противникомъ, и еще болѣе тираномъ своего отца. Наглость, служившая основаніемъ характера сына и простиравшаяся до такой степени, какъ будто гордость всѣхъ Давенновъ, умершихъ и погребенныхъ, бѣжала въ его жилахъ, — эта наглость была одною изъ самыхъ высокихъ прелестей въ глазахъ баронета. Всѣ проказы Обри въ Итонѣ, рассказанныя имъ самимъ, происходили, какъ тотъ часъ же можно было видѣть, отъ высокомерія, которому даже имени нѣтъ, и дѣлали его еще дороже въ глазахъ сэра Джона. Въ этомъ умѣ, который не хотѣлъ спускать даже равнымъ себѣ, баронетъ видѣлъ одну только законную гордость представителя Давенновъ.

Все это кончилось тѣмъ, что, спустя шесть мѣсяцевъ по выходѣ изъ Итона, Обри вступилъ корнетомъ въ одинъ драгунскій полкъ, и въ томъ же году отправился въ Индію.

Онъ убѣдилъ своего отца не только дать ему позволеніе вступить въ полкъ, но и еще болѣе, — потому что въ этомъ страстная любовь отца боролась съ желаніемъ сына, — просить о переводѣ его въ полкъ, назначенный въ Калькату. Уже давно Обри только и меч-

талъ о слонахъ и тиграхъ, и Индія для него была обѣтованною землею. Такимъ образомъ осуществленіе желаній сына разрушило надежды отца.

Подъ тяжестью впечатлѣнія жестоко обманутой ожиданій, сэръ Джонъ въ первый разъ нѣсколько серьезно окинулъ взоромъ вокругъ себя, какъ бы ища утѣшенія, и впервые замѣтилъ, что подъ рукою у него существуетъ надежный бальзамъ отъ печалей, въ прелестномъ маленькомъ ангелѣ, протягивавшемъ къ нему ручки и, казалось, требовавшемъ мѣста въ его сердцѣ. Это мѣсто скоро было вполне ей отдано. Едва успѣла закрыться рана, произведенная эгостическимъ упрямствомъ Обри, какъ смерть леди Давеннъ накинута новый трауръ на домъ баронета. Здоровье леди, съ давнихъ поръ разстроенное, быстро ослабѣвало со времени отъѣзда сына. Горестъ сэра Джона была чрезмѣрна, хотя тиха и скрытна: всякое наружное выраженіе ея гордый баронетъ считалъ несомнѣннымъ съ своимъ достоинствомъ. Но онъ имѣлъ лучшую причину скрывать свои чувствованія. Эта причина заключалась въ страхѣ увѣличить свою печалью жестокою горестъ дочери.

Сэръ Джонъ удалился въ свое помѣстье и жилъ тамъ, сравнительно въ уединеніи, посвящая всего себя дочери, сдѣлавшейся съ этой поры единственнымъ предметомъ его занятій и удовольствій. Люси была умное, нѣжное и чувствительное дитя, по истинѣ имѣвшее нужду во всѣхъ нѣжныхъ попеченіяхъ отца; одно изъ тѣхъ прелестныхъ и деликатныхъ созданій, которыя пробуждаютъ разомъ и надежду и тревогу. Однакоже, деревенскій воздухъ, правильная жизнь, благоразумное распредѣленіе движенія и покоя, занятій и удовольствій, подъ руководствомъ умной гувернантки, такъ укрѣпили ея здоровье, что, въ семнадцать лѣтъ, миссъ Давеннъ, хотя все еще деликатнаго здоровья, сдѣлалась высокою и свѣжею дѣвушкой, замѣчательной красоты.

Жизнь большого свѣта открылась передъ нею въ Лондонѣ. Сэръ Джонъ не думалъ ни на минуту выводить ее изъ привычекъ, принятыхъ въ ея кастѣ. Ее слѣдовало представить ко двору. Отворились ставни дома въ-омъ Скверѣ, освѣтились великолѣпныя комнаты всѣмъ солнцемъ и свѣтомъ, какія могли только существовать въ столицѣ Великобританіи. Такимъ образомъ, сэръ Джонъ съ дочерью явился въ городъ весною 1837 года, и Люси, разъ бросившись въ вихрь удовольствій, скоро была увлечена имъ. Въ концѣ перваго сезона щоки ея поблѣднѣли и силы были истощены; но печаль, возбуждавшаяся при этомъ въ сердцѣ сэра Джона, скоро была имъ забыта, когда послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отдохновенія въ Давеннѣ, здоровье дочери совершенно, повидимому, поправилось. Молодость—могущественный помощникъ здоровью. И когда наступила новая весна, отецъ и дочь опять умчались въ Лондонъ. Но приглашенія, приемы, нагрѣтыя комнаты, ночи безъ сна, быстро уничтожили благотвѣтельное дѣйствіе природы, и Люси до окончанія сезона склонила головку. Испуганный отецъ услышалъ снова слабый, сухой кашель, враждебный сигналъ, съ которымъ онъ былъ уже знакомъ.

Бѣдный сэръ Джонъ сперва позвалъ одного доктора, потомъ другого и третьяго; первый посоветовалъ деревенскій воздухъ и молоко; второй леченіе холодной водой и верховую ѣзду; третій морскія ванны и нортвейнтъ; но всѣ были согласны въ совершенной необходимости воздерживаться отъ всякаго рода возбужденій или удовольствій. Все было испробовано; но ни одно изъ предложенныхъ средствъ не помогло освободиться отъ этого слабаго, но упорнаго каплія, котораго припадки заставляли трепетать сердце несчастнаго отца; ничто не могло побѣдить болѣзненной слабости, которая, казалось, уничтожала жизненные силы его дочери. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, пока доктора дали совѣтъ, который, въ привычныхъ ушахъ, звучалъ какъ колокольный звонъ по умершемъ: «Попробуйте переѣхать климатъ; пусть миссъ Давенингъ проведетъ будущую зиму въ Римѣ.» Приговоръ произнесенъ. Несмотря на старинную вражду сэра Джона противъ Рима, савато печальнаго города во всемъ христіанскомъ мірѣ, какъ онъ называлъ его при каждомъ удобномъ случаѣ, несмотря на лишеніе удовольствій, которыя клубная жизнь и дружескія бесѣды доставляли ему, баронетъ не колебался ни на одну минуту. Снова затворились ставни въ его лондонскомъ этажѣ, — печальный знакъ отсутствія; ключница Давенингъ употребила цѣлый мѣсяцъ на укладыванье и увязыванье вещей и сэръ Джонъ съ дочерью уѣхали въ Римъ.

Пожертвованіе имѣло свою награду. Зима съ 1839 года на 1840 была одна изъ самыхъ теплыхъ и прекрасныхъ, какія только можно запомнить въ Римѣ, и, шесть мѣсяцевъ чистаго и здороваго воздуха Италіи произвели чудное дѣйствіе на здоровье Люси. Сэръ Джонъ былъ такъ счастливъ этимъ результатомъ, что съ согласія доводимо извѣстнаго англійскаго доктора, рѣшился остаться до наступленія жаровъ, лѣтомъ путешествовать по Швейцаріи и возвратиться на piazza di Spagna провести другую зиму. Именно въ то время, когда онъ принималъ всѣ эти распоряженія, пришло изъ Мадраса письмо отъ Обри, нынѣ уже капитана Давенингъ, возвыщавшее о его возвращеніи, съ ближайшимъ мальпостомъ изъ Индіи, въ отпускъ на три года. Эта вѣсть потребовала перемѣны, или скорѣе нѣкотораго ограниченія; въ планѣ сэра Джона. Рѣшено было оставить Римъ ранѣе чѣмъ предполагали; въ маршрутѣ ихъ Англія замѣнила мѣсто Швейцаріи. На все это докторъ, снова призванный на совѣтъ, мѣложилъ одно условіе: ѣхать моремъ, а не сухимъ путемъ, для того, чтобы избѣжать выздоравливающую отъ всякаго утомленія.

Собразно съ этимъ предложеніемъ, сэръ Джонъ съ дочерью, въ половинѣ марта, заняли мѣста на казенномъ стижертѣ, отправлявшемся въ Марсель изъ Чивита-Веккиа. Море было спокойнѣе какъ озеро, когда они снялись съ якоря; но хорошая погода продолжалась только нѣсколько часовъ. Вдругъ поднялся одинъ изъ тѣхъ бурныхъ урагановъ, которые такъ часто случаются на Средиземномъ морѣ въ это время года. Продолженіе цѣлой ночи и цѣлаго дня, парадъ, съ двумя разбитыми колесами, была иррегулярною вѣтра и волнъ,

и только послѣ того, какъ онъ едва не погибъ въ заливѣ Спеція, пассажиры были высажены въ городѣ того же имени, находящемся на западѣ отъ Генуи. Испугъ и морская болѣзнь совершенно сломили бѣдную Люси, такъ что она не могла, ни двинуться съ мѣста, ни держаться на ногахъ. Въ такомъ жалкомъ состояніи перенесли ее на землю, и надо было нѣсколько дней покоя, прежде чѣмъ она могла собраться съ силами продолжать путешествіе, на этотъ разъ уже по сухому пути и только днемъ, съ курьеромъ, котораго отправляли раньше каждымъ утромъ, чтобы заготовить сколько возможно лучшихъ квартиръ для ночлега. Изнеможеніе Люси не было, къ несчастью, единственнымъ результатомъ испуга и морской болѣзни. Нѣкоторые изъ прежнихъ симптомовъ болѣзни, исчезнувшіе было во время пребыванія въ Римѣ, снова появились, къ величайшему безпокойству сэра Джона.

Это случилось на четвертый день ихъ отъѣзда изъ Спеція, когда, послѣ ночи, проведенной въ Онеалья, съ надеждою къ вечеру попасть въ Ниццу, нашъ рассказъ встрѣчаетъ отца и дочь; послѣдняя, какъ мы уже сказали, въ сильномъ волненіи и вопиюще призывающая сонъ, — баронетъ же раздѣляемый между новыми безпокойствами и тревогами за Люси и мысленнымъ произношеніемъ различныхъ спичей къ Обри, имѣвшихъ одну цѣль — убедить его оставить военную службу для политической карьеры.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

С Т Ы Ч К И.

На другой день, раннимъ утромъ, докторъ Антоніо спускался съ бордигерскаго холма по направленію къ гостинницѣ, гдѣ находилась его больная.

Онъ шолъ довольно скоро, впрочемъ, не спѣша; имѣлъ видъ задумчивый, хотя, по обыкновенію, покойный.

Докторъ Антоніо не былъ красавцемъ, по крайней мѣрѣ не имѣлъ той красоты, какую вообще надѣляютъ герои романовъ. Ротъ у него былъ большой, носъ ни греческій, ни римскій, выдавшіеся немного скулы, вообще всѣ черты неправильныя, имѣющія въ себѣ что-то львиное. Все, что можно сказать въ пользу его физіономіи, это то, что въ ней было чрезвычайно много выразительности и ума. Сила воли и могущество мысли ясно выражались на его широкомъ лбу и выдавшіеся вискахъ, которые онъ сжималъ иногда удивительнымъ образомъ. Его улыбка, къ которой примѣшивалась иногда спокойная иронія, была обыкновенно кротка и привѣтлива. Однимъ словомъ, наружность его, какъ мужчины, была замѣчательная, сло- рѣе, можетъ быть, потому, что она внушала болѣе уваженія, чѣмъ женщина.

И такъ нашъ докторъ направлялъ шаги свои къ гостинницѣ Mattone, такъ называлась смиренная гостинница, стоявшая у самой дороги; дано ей это имя отъ ея кирпичнаго цѣфта, или потому что она была построена на мѣстѣ, гдѣ прежде былъ кирпичный заводъ, этого мы

не можемъ сказать. Во всякомъ случаѣ никто не могъ бы опровергнуть, что она имѣла плачевный и странный видъ. Дѣло въ томъ, что домъ былъ вначалѣ построенъ фасадомъ на сѣверъ, то есть, къ дорогѣ, но въ послѣдствіи, вѣроятно отъ пыли, окна и входъ были заложены кирпичами и замазаны; окна и новыя двери были пробиты на противоположной сторонѣ, то есть на югъ.

Изъ всего этого вышло что-то искривленное, безобразное, и необыкновенно оригинальнаго вида. Чтобы замѣнить лѣстницу, которая прежде вела изъ нижняго жилья въ первый этажъ и, при новомъ устройствѣ, сдѣлалась бесполезной, снаружи придѣлали каменное крыльцо, котораго двойной рядъ ступеней соединялся у перваго этажа террасою у средняго окна, передѣланнаго въ дверь. Эти студеньки относительно ко всему строенію были огромныхъ размѣровъ, что-то въ родѣ балкона, совсѣмъ несообразнаго съ деревяннымъ домикомъ. Все это увеличивало странный видъ строенія. Казалось, будто платье взрослога человѣка надѣли на десятилѣтняго ребенка.

Докторъ Антоніо напелъ свою больную далеко не въ хорошемъ состояніи. Люси не могла сомкнуть глазъ во всю ночь: она жаловалась на головную боль и постоянную жажду; ея губы были сухи, пульсъ высокъ;—она была въ сильномъ жару.

— Жалѣю, что не пустилъ вамъ кровь вчера, — сказалъ докторъ, пощупавъ ей пульсъ;—не имѣете-ли вы отвращенія къ кровопусканію.

— Нисколько, если вы это находите необходимымъ, — сказала Люси, — но вы сдѣлаете лучше, если сперва поговорите объ этомъ съ папа.

— Очень хорошо. Не будете ли вы такъ добры, чтобы послать вашу горничную сказать сэръ Джону Давенну, что я желаю его видѣть.

Гутчинсъ, взглянувъ на свою госпожу, встала и хотѣла выйти.

— Подождите въ вашей комнатѣ, Гутчинсъ, прежде чѣмъ пойдете къ папа, — сказала Люси;— мнѣ нужно еще переговорить съ докторомъ.

Лишь только они остались одни, Люси, открывъ во всю величину свои глаза, одушевленные лихорадкою, устремила ихъ внимательно на доктора, нѣсколько удивленнаго, и сказала ему:

— Развѣ я въ опасности?

Докторъ засмѣялся.

— Столько же, какъ и я. Кто далъ вамъ подобныя мысли?

— Прошу васъ, — сказала Люси, — не старайтесь обмануть меня, не считайте меня за ребенка. Я не боюсь смерти; и если уже мнѣ надо умереть, то скажите мнѣ это: это необходимо, я этого хочу.

— Я вижу, что вы мужественны, — возразилъ докторъ съ нѣкоторымъ волненіемъ, — но могу васъ увѣрить, что настоящее положеніе ваше нисколько не требуетъ доказательствъ этого мужества на дѣлѣ. Вѣрьте мнѣ, вы столько же въ опасности умереть въ эту минуту, какъ и я.

— Честное слово? спросила Люси, протягивая свою маленькую ручку.

— Честное слово! — отвѣчалъ Антоніо, сжимая ее въ своей.

— Благодарю, — сказала Люси. — Теперь я скажу вамъ, что заставило меня думать, что я нахожусь въ опасности. Сегодня утромъ, очень

рано, первый кого я увидела — это была дѣвушка, которую вы называли Сперанцою. Кажется, я задремала, потому что не видала, какъ она вошла. Она сѣла на стулѣ и пристально смотрѣла на меня. Въ глаза, всегда столь выразительные, были такъ полны состраданія и печали, когда встрѣтился съ мной, что я задрожала отъ страха. Слезы, крупные слезы, текли по ея щекамъ. Мнѣ казалось, что эта молодая дѣвушка не стала бы такъ печалиться о чужестранцѣ, если бы болѣзнь моя не была смертельна, и, какъ я себя чувствовала очень дурно, то, натурально, вообразила себя....

— Какая нелѣпость, — прервалъ докторъ, — Сперанца — глупая дѣвочка, черезъ чуръ чувствительная и не можетъ утерпѣть, чтобы не показывать, при всякомъ удобномъ случаѣ, свою чувствительность. Мы, итальянцы, какъ вы, вѣроятно, знаете, извѣстны за народъ, откровенный до глупости, — прибавилъ онъ, смѣясь. — При томъ, я не удивляюсь, что дѣвушка съ такимъ превосходнымъ сердцемъ, какъ Сперанца, была тронута до слезъ, видя, что вы такая молодая и.... (здѣсь Антоніо остановился и замаялся, но только на одно мгновеніе) и столь достойная любви, такъ сильно страдаете... Позволите ли теперь видѣться мнѣ съ вашимъ батюшкою?

— О, да! — отвѣчала Люси.

И, возвысивъ немного голосъ, она попросила Гутчинсъ исполнить порученіе доктора Антоніо.

Сэръ Джонъ всталъ очень рано, въ плачевномъ расположеніи духа человѣка, прошедшаго дурную ночь, и у котораго, въ добавокъ, былъ припадокъ подагры. Сэръ Джонъ видѣлъ уже Гутчинсъ; онъ уже зналъ отъ нея о не совсѣмъ хорошемъ состояніи здоровья своей дочери, вслѣдствіе чего потерялъ всякую надежду пуститься въ дорогу въ тотъ же день. Сэръ Джонъ позвалъ Джона — подать себѣ бритвы; но оказалось, что Джона не было дома. Такое сѣпленіе неприятностей сильнымъ образомъ подѣйствовало на нервы самовластного баронета; и онъ нетерпѣливо ждалъ своего слугу, чтобы обрушить на его огромную, круглую голову всю досаду, накопившую въ его сердцѣ.

— Все идетъ на изворотъ въ этой проклятой сторонѣ! — воскликнулъ онъ, въ видѣ утѣшенія себѣ.

Сэръ Джонъ имѣлъ объ Италіи и итальянцахъ не слишкомъ обширныя, но за то очень положительныя свѣдѣнія. Италія... сэръ Джонъ соглашался въ половину... Италія — прекрасная страна, но въ ней едва едва можно было жить: раскаленная печь лѣтомъ, ледникъ зимою. Римъ... этотъ городъ заслуживаетъ, чтобы видѣть его, но все таки онъ исполненъ скуки непроходимой! Итальянцы же, по его словамъ, жадны, дурно одѣты, сладкорѣчивы и никогда не выходятъ изъ дома безъ четокъ въ однонъ карманѣ и безъ кинжала въ другомъ. Изъ первыхъ двухъ попавшихся вамъ итальянцевъ, одинъ непременно пѣвецъ или бандитъ, или разорившійся дворянинъ, живущій всякаго рода средствами. Этотъ каталогъ *существенныхъ* элементовъ итальянскаго общества обогащается, въ крайнемъ случаѣ, республиканцемъ-вампиромъ, вѣчно составляющимъ заговоры противъ своего законнаго государя, —

новое видоизмѣненіе итальянскаго племени, о которомъ сэръ Джонъ много слышалъ, во время своего послѣдняго пребыванія въ Римѣ отъ молодого римскаго князя, племянника кардинала, особенно любившаго англійское общество. Надобно сказать, что сэръ Джонъ, для удобнѣйшаго изученія итальянскихъ нравовъ, посѣщалъ одни только англійскія семейства, имѣлъ доктора англичанина, слугъ англичанъ, и даже повара англичанина, ѣлъ только англійскія кушанья, пилъ, такъ называемыя, англійскія вина, и покушалъ въ англійскихъ магазинахъ; наконецъ, сэръ Джонъ олицетворялъ въ Римѣ маленькій Лондонъ на свой ладъ.

Когда Джонъ, возвратившись, предсталъ предъ своимъ господиномъ, его лицо носило на себѣ такое выраженіе отчаянія, что буря брани, готовая разразиться надъ нимъ, тотчасъ же замѣнилась сдѣлующимъ вопросомъ:

— Что такое случилось?

— Я былъ въ Бордигерѣ, сэръ,—отвѣчалъ Джонъ,—но тамъ нельзя найти ни говядины, ни чаю, ни свѣжаго масла! Что мы будемъ теперь дѣлать!—спросилъ бѣднакъ, такимъ плачевнымъ голосомъ, что три четверти улыбки пробѣжали по губамъ сэра Джона.

Именно въ это интересное мгновеніе, тихо постучали у дверей. Это была миссъ Гутчинсъ, съ своимъ порученіемъ. Сэръ Джонъ, встревоженный, тотчасъ же вышелъ въ залу, гдѣ уже находился докторъ.

Сэръ Джонъ попросилъ доктора присѣсть.

— Сегодня утромъ я напольш у миссъ Давеннъ сильный жаръ,—сказалъ докторъ, садясь;—впрочемъ я и ожидалъ этого, и полагаю, что маленькое кровопусканіе было бы ей полезно.

Къ числу любимыхъ убѣжденій сэра Джона принадлежало и то, что итальянскіе доктора пускаютъ кровь *всѣмъ* своимъ больнымъ до тѣхъ поръ, пока тѣ умираютъ. Услыхавъ это предложеніе, баронетъ подскочилъ на стулѣ.

— Кровопусканіе! — воскликнулъ онъ. — Не надо кровопусканія; ни подъ какимъ видомъ не надо! Я не хочу кровопусканія!

Докторъ Антоніо покраснѣлъ до бѣлковъ глазъ и, Богъ знаетъ, что онъ сталъ бы отвѣчать; но, сдѣлавъ надъ собою жестокое усиліе, онъ возразилъ медленно и спокойно:

— Не захотите даже и тогда, когда я вамъ скажу, что это необходимо нужно?

— Я не признаю этой необходимости,—отвѣчалъ грубо баронетъ,—и воздержаніе отъ кровопусканія я ставлю условіемъ *vide quâ* для продолженію вашихъ попеченій о моей дочери.

— Такъ вотъ какъ? — сказалъ докторъ.

И, не говоря болѣе ни слова, онъ вырвалъ листъ изъ своей записной книжки, написалъ на немъ нѣсколько словъ, и, подавая его сэру Джону, прибавилъ:

— Вотъ, имена и адреса двухъ докторовъ, самыхъ близкихъ отсюда. Миссъ Давеннъ будетъ въ безопасности въ рукахъ того изъ

другого. Я тогда только удалось, когда одинъ изъ нихъ будетъ здѣсь.

Сказавъ это, онъ всталъ, поклонился, вышелъ на балконъ и, сложивъ руки, прислонился къ периламъ, въ положеніи часового, ожидающаго смѣны.

Видя столь внезапную рѣшимость итальянца, сэръ Джонъ, какъ большая часть людей, позволяющихъ себѣ увлекаться движеніемъ необдуманнаго гнѣва, началъ сожалѣть, что такъ далеко зашелъ. Затрудненія толпились у него въ головѣ, какъ горы. Очень можетъ случиться, что ни одинъ изъ этихъ двухъ докторовъ не говоритъ по-англійски, что даже очень вѣроятно. Очень можетъ случиться, что Люси, полюбившая этого Антонію, не захочетъ другихъ видѣть; очень можетъ быть и то, что этотъ человѣкъ говоритъ правду, и соаротвлеліе сэра Джона подвергнетъ опасности жизнь бѣдной дѣвухи.

— Наконѣцъ, — думалъ баронетъ, — все таки лучше употребить примирительныя средства съ этимъ непріятнымъ итальянцемъ;— онъ ждетъ, чтобы ему сказали только слово.

Итакъ, сдѣлавъ надъ собою огромное усиліе, онъ спросилъ задорливо:

— Зачѣмъ, хотите вы пустить ей кровь?

— Затѣмъ, — возразилъ Антонію, обернувшись къ баронету, чтобы отвѣчать ему, и снова принявъ первое положеніе, — за тѣмъ, что, какъ я уже прежде сказалъ, я считаю это необходимымъ.

Послѣдовало долгое молчаніе.

— Итальянскія врачебныя средства повсюду однѣ и тѣ же, — началъ сэръ Джонъ громко, въ родѣ монолога, — ничего другого, кромѣ ланцета, все одно и все по одной и той же стрункѣ, съ одного края до другого во всей странѣ. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. Я не могу согласиться на кровопусканіе.

Антонію слышалъ, но не отвѣчалъ ни слова.

— Докторъ Антонію, вы непремѣнно рѣшились пустить кровь? — вскричалъ баронетъ, шагая взадъ и впередъ по комнатѣ въ величайшемъ раздраженіи.

— Вы ошибаетесь, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, съ нѣкоторою гордостью. — Я рѣшился на одно: это передать вашу дочь въ лучшія руки. Я буду ждать внизу пріѣзда моего преемника.

И онъ пошелъ къ лѣстницѣ.

Сэръ Джонъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вслѣдъ за нимъ и сказалъ, движимый отчаяніемъ:

— Можетъ быть, я былъ слишкомъ рѣзокъ; но вы должны понять мои чувства, докторъ, чувства отца къ единственной дочери.

Было столько искренней скорби въ голосѣ баронета, столько искренней скорби въ его лицѣ, что докторъ былъ тронутъ.

— Доказательствомъ, что я понимаю и уважаю ваши чувства можетъ служить то, что вмѣсто того, чтобы оскорбиться вашими сарказмами и надъ моимъ званіемъ, и надъ моимъ отечествомъ, — что со мною случилось бы при всякомъ другомъ случаѣ, — я заклинаю васъ еще разъ позволить мнѣ дѣйствовать въ отношеніи моей больной такъ, какъ я считаю это необходимымъ.

Эти слова были сказаны такъ странно, и въ то же время съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ; въ этомъ человѣкѣ, стоявшемъ на порогѣ двери, было столько достоинства; поза его выражала такое торжественное предостереженіе, и вмѣстѣ столько было скромности и учтивости въ его голосѣ, что сэръ Джонъ, какъ ни было велико его раздраженіе, не могъ быть не пораженнымъ всѣмъ этимъ вмѣстѣ.

— Если я соглашусь позволить вамъ пустить кровь моей дочери, — сказалъ онъ съ видимымъ колебаніемъ, — я поступилъ противъ строгаго запрещенія всѣхъ докторовъ, которые ее лечили.

— Я вамъ то же самое сказалъ бы, — отвѣчалъ Антоніо; — но при извѣстныхъ условіяхъ необходимо измѣняются правила, самыя полезныя, и состояніе миссъ Давенни принадлежитъ именно къ этому разряду.

— Синьоръ, — сказалъ тогда сэръ Джонъ, — положеніе, въ которомъ я нахожусь не даетъ мнѣ другого выбора, какъ предоставить вамъ свободу дѣлать все, что вы считаете за нужное; только помните, что, пуская кровь миссъ Давенни, вы возлагаете послѣдствія совершенно на вашу отвѣтственность.

— О! передъ этимъ я никогда не отступалъ, и охотно принимаю всю отвѣтственность на себя, — отвѣчалъ торжествующій Антоніо.

И не дожидаясь долѣе, онъ возвратился въ комнату Люси.

Едва сэръ Джонъ успѣлъ дать это затруднительное согласіе, какъ, тотчасъ же раскаялся, и удалился къ себѣ, подѣ впечатлѣніемъ чувства глубокой досады. Черезъ четверть часа это чувство, должно питаемое и ласкаемое, выросло, созрѣло и обратилось въ убѣжденіе, ясное и рѣшительное со стороны баронета, что онъ недостойнымъ образомъ былъ обманутъ. Это открытіе тотчасъ же привело его къ жалости надъ самимъ собою и еще въ большее бѣшенство противъ тирана Антоніо.

— Такъ я теперь во власти этого человѣка! — сказалъ громко сэръ Джонъ.

Гордая кровь всѣхъ Давенниовъ закипѣла въ его жилахъ при этой мысли. Възбѣшенный, онъ бросился на балконъ и сталъ звать Джона, въ мрачномъ и уныломъ расположеніи духа расхаживавшаго въ саду; баронетъ приказалъ ему тотчасъ же заказать почтовыхъ лошадей и потомъ прійти къ нему. Послѣ этого онъ съ силою открылъ свой дорожный пульпиръ и принялся писать, но не съ свойственною ему высокопарною медленностью, а какъ принято писать на сценѣ, такъ живо отхватывая онъ направо и налево, только бумага рвалась, да перо трещало; это раздражило бы нервы всякаго, кто хладнокровно принялся бы за такое упражненіе.

Сэръ Джонъ окончилъ и запечаталъ свое письмо, когда слуга его вошелъ и передалъ ему утѣшительную вѣсть, что лошадей сейчасъ же приведутъ.

— Прикажи ихъ тотчасъ же заперчь, какъ только приведутъ, — сказалъ баронетъ, — и какъ можно скорѣе ступай въ Ниццу съ этимъ письмомъ къ англійскому консулу; ты отдашь его въ собственныя его руки. Я пролду его дать тебѣ адресъ лучшаго дотора въ

городѣ, — разумѣтся англійскаго доктора, — ты долженъ поспѣшно отыскать его и привезти сюда, во что бы то ни стало, и какъ только возможно скорѣе. Не останавливайся въ дорогѣ, завтра же ты долженъ возвратиться сюда.

Джонъ поклонился, и десять минутъ спустя, сэръ Джонъ имѣлъ утѣшеніе слышать стукъ уѣзжавшаго экипажа.

Одно слово о посланномъ. Джонъ Дукетъ происходилъ, по прямой линіи, отъ поколѣнія слугъ семейства Давеннъ, которые всѣ родились и выросли, какъ онъ, въ помѣстьѣ Давенновъ и находились въ домѣ въ качествѣ метръ д'отелей, съ такимъ постоянствомъ, что, наконецъ, это званіе сдѣлалось наследственнымъ въ ихъ семействѣ. Джонъ родился, когда его баринъ ходилъ еще въ рубашечкахъ и въ награду за вѣрную службу Дукетовъ, получилъ отъ сэра Обри имя наследника Давенновъ. Съ годами, Джонъ наследовалъ своему отцу и дѣду, и, теперь онъ былъ довѣреннымъ камердинеромъ сэра Джона; на немъ же сэръ Джонъ часто вымѣщалъ свою досаду. Джонъ былъ приученъ къ пассивному повиновенію съ самыхъ юныхъ лѣтъ, и до старости продолжалъ идти по этому пути. Это повиновеніе, впрочемъ, было для него совсѣмъ не тягостно; потому что, если и былъ въ свѣтѣ человѣкъ, имѣвшій о семействѣ Давенновъ еще болѣе высокое понятіе, чѣмъ самъ сэръ Джонъ, такъ это, конечно, былъ Джонъ Дукетъ. Одно имя Давенновъ было уже для него предметомъ поклоненія. Каждое слово, падавшее съ устъ сэра Джона, было для него изреченіемъ оракула. Если бы сэръ Джонъ приказалъ ему ѣхать въ Нинду и привезти ему, вмѣсто перваго доктора, перваго человѣка, встрѣтившагося ему въ городѣ, Джонъ поѣхалъ бы съ такимъ же рѣшительнымъ намѣреніемъ буквально повиноваться ему, и былъ бы увѣренъ, что сэръ Джонъ имѣетъ полное на это право.

Между тѣмъ какъ Джонъ, спокойно укачиваемый въ барской каретѣ, играетъ роль баронета и гордо посматриваетъ по дорогѣ на пѣшеходовъ, принимающихъ его за знаменитую особу и снимающихъ передъ нимъ шапки; между тѣмъ, какъ сэръ Джонъ считаетъ часы и заранѣе наслаждается своимъ мщеніемъ, — этимъ плодомъ, столь пріятнымъ въ воображеніи и столь горькомъ въ дѣйствительности, — докторъ Антоніо, съ тайною тревогою ожидаетъ дѣйствія сдѣланнаго утромъ кровопусканія. Онъ приходилъ уже четыре раза, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, и получалъ отъ Гутчисъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, и этотъ отвѣтъ принимается имъ, съ видомъ сильнаго удовольствія:

— Миссъ Давеннъ спокойна и, кажется, спитъ.

Получивъ строгое запрещеніе никого не впускать въ комнату больничой, чтобы не нарушить ея столь желаннаго и необходимаго сна, Гутчисъ, наблюдавшая за своею госпожою, изъ другой комнаты, время отъ времени, на цыпочкахъ приноситъ тотъ же бюллетень и сэру Джону. Въ домѣ, благодаря внимательной предосторожности Розы и ея дочери, все такъ тихо, что онъ кажется необитаемымъ. Воскресные посѣтители изъ Бордигера отсылаются назадъ безъ всякой пошады.

Передъ вечеромъ, Люси зоветъ свою горничную и спрашиваетъ, не приходилъ ли докторъ, и Антонио, около часу уже ждавшій на балконѣ, немедленно явился къ ней. Люси чувствуетъ себя лучше, думаетъ даже, что спала. Антонио шупаетъ ей пульсъ, проситъ ничего не говорить, даетъ въ стаканѣ успокоительное питье и желаетъ ей покойной ночи. Нѣтъ сомнѣнйя, благовременное кровопусканіе разсѣяло complicationъ, которой онъ такъ боялся. По его лицу можно видѣть, что умъ его освободился отъ великой тяжести. Онъ возвращался къ себѣ болѣе легкими шагами, чѣмъ утромъ, и мда цо дорогѣ, напѣвалъ въ полъ-голоса арію.

Люси заснула, и заснула такъ крѣпко, что проснулась только на другой день, въ десять часовъ утра; свѣжая и бодрая, она чувствуетъ себя совсѣмъ другою.

— А я началъ думать, что вы не хотите болѣе моихъ услугъ,—во село сказала Антонио, входя въ сопровожденіи миссъ Гутчисъ,—два раза я приходилъ сегодня утромъ, и, всякій разъ, находилъ двери затворенными.

— Въ самомъ дѣлѣ, я спала очень долго,—сказала миссъ Давенцъ, немного сконфуженная.

— Тѣмъ лучше,—возразилъ докторъ,—вы вознаградили потерянное время. А какъ вы себя чувствуете? Ваше лицо полно добрыхъ вѣстей.

— А что оно говоритъ?—спросила Люси,—я хочу видѣть говорить, ли оно правду.

— Оно говоритъ,—началъ Антонио,—во первыхъ, что у васъ нѣтъ больше жару; потомъ, что вамъ хочется позавтракать. Вѣрно ли я отгадалъ.

— Какъ второй Дамилъ,—отвѣчала Люси, съ улыбкою.—По истинѣ, я вздыхала въ настоящую минуту по чашкѣ чаю и свѣжемъ маслѣ.

— Гмъ!—сказалъ докторъ,—что касается до чашки чаю, у васъ на это есть средство. Я предвидѣлъ, что ибная англійская дѣвица будетъ вздыхать о чаѣ, и,—какъ водится,—положилъ его для васъ въ карманъ.

— Какъ вы добры!—сказала Люси.—Развѣ вы не запрещаете пить чай, въ качествѣ итальянца?—спросила она шуутливо.

— Совсѣмъ напротивъ; я самъ великій любитель этого напитка.

— Который веселитъ сердце, не смущая разсудка.

— Я всегда пью чай за завтракомъ. Что касается до масла, то это другое дѣло. Я думаю, что за вѣсь золота нельзя будетъ достать его во всемъ этомъ краю.

— Развѣ здѣсь не бѣдятъ масла?—вскричала Люси,—или вы хотите сказать, что здѣсь не умѣютъ его дѣлать?

— Здѣсь не совсѣмъ ужъ такіе отстаые люди—отвѣчалъ итальянецъ.—Но вотъ я объясню вамъ въ чемъ дѣло. И какъ вы у меня прелестная болыная, которая приноситъ мнѣ много чести, то я долженъ насъ вознаграждать за то:— я самъ вамъ сдѣлаю масло.

— Вы! — воскликнула Люси, — вы будете бить масло!

— А вотъ увидите, — отвѣчалъ онъ, смѣясь надъ ея удивленіемъ.

Потомъ онъ вышелъ изъ комнаты и, черезъ четверть часа, возвратился съ большою бутылкой, въ три четверти наполненнымъ масломъ.

Онъ сѣлъ подлѣ постели больной, и съ величайшею важностью принялся болтать бутылку съ такою силою и постоянствомъ, что скорѣ раскраснѣлся, какъ огонь. Люси не могла удержаться отъ смѣха.

— Вы смѣетесь надъ моею пахтальницею, — спокойно сказалъ онъ, — действительно, это первобытная машина, но она мнѣ отслужитъ службу такъ же хорошо какъ и всякая другая. — И бутылка принялась снова работать въ его рукахъ.

— Посмотрите, — продолжалъ онъ, — ставя ее передъ двумя большими глазами, слѣдившими за его дѣйствіями, съ шаловливостью, смѣшанною съ удивленіемъ, — видите вы эти маленькіе шарики? Это начало вашего будущаго масла.

— Но вы забываете, — прервала Люси, — вѣдь вы мнѣ еще не рассказали почему вы сами принуждены бить это масло.

Произнося эти слова, она въ то же время думала:

— Чтó бы сказалъ, папа, еслибъ увидалъ доктора въ эту минуту!

— Во первыхъ, — началъ докторъ — почва здѣшней земли слишкомъ суха, и не можетъ давать хорошихъ пастбищъ; вотъ вамъ причина — почему наши земледѣльцы не могутъ имѣть болѣе одной или двухъ коровъ. Потомъ, — молоко одной или двухъ коровъ не дастъ столько сливокъ, чтобы стоило бить масло каждые два дня, понимаете?

— Нѣтъ, я ровню ничего не понимаю, — сказала молодая дѣвушка, не переставая смѣяться, — но нужды нѣтъ, продолжайте.

— Изъ этого слѣдуетъ, — началъ Антоніо, — что сливки собираются въ продолженіе цѣлой недѣли, чтобы сбить масло, но, какъ въ продолженіе этого времени почти всѣ сливки скисаютъ, то масло, которое изъ нихъ дѣлается, выходитъ предурное: оно жжотъ горло и портитъ желудокъ человѣка. А между тѣмъ оно могло бы быть превосходно, потому что здѣсь растутъ въ большомъ количествѣ ароматическія травы, и молоко чрезвычайно пріятно, хотя не очень густо; но, главное, — надо правду сказать, что масла здѣсь никто не спрашиваетъ.

— Никто не спрашиваетъ! — повторила Люси; — но что же употребляютъ жители, то есть я хотѣла сказать, порладочные люди.

Докторъ улыбнулся.

— Вѣдь мы не въ Англіи, синьора, и находимъ, что наше прованское масло очень выгодно завѣняеть его.

— О! — сказала Люси, — я ненавижу прованское масло!

— Одинъ изъ вашихъ англійскихъ предрасудковъ, — отвѣчалъ онъ.

Затѣмъ послѣдовало краткое молчаніе, въ продолженіе котораго Люси смотрѣла на мужественное и умное лицо доктора, такъ поразительно противоположное его занятію.

Наконецъ, послѣ внимательнаго обзора того, что находилось въ бутылкѣ, докторъ вскричалъ:

— Вотъ оно! вотъ ваше масло.

И онъ прибавилъ полуторжественнымъ тономъ:

— Теперь я долженъ пойти присмотрѣть, какъ будутъ мыть и выжимать мое микроскопическое произведеніе. Поюсъ, чтобъ оно не растаяло во время операціи.

Во все это время, физиономія Гутчинсъ была бы превосходнымъ этюдомъ для живописца. Каждая линія ея лица отражала послѣдовательно, и самымъ выразительнымъ образомъ недоувѣріе, насмѣшку, потомъ удивленіе и наконецъ остоленіе.

— Такъ какъ мнѣ нельзя приходять каждое утро бить для васъ масло,—сказалъ докторъ, возвращаясь,—то я посоветую вамъ, для того чтобы всякой день было свѣжее масло для васъ и для вашихъ дошашнихъ, это нанять пару коровъ. Сперанца все это вамъ устроить, если вы хотите, и сама же она вызывается доить коровъ для того, чтобы быть увѣренною, что молоко для васъ будетъ чистое и неподмѣтанное. И какъ мы уже начали говорить о слѣстныхъ припасахъ, то позвольте вамъ передать двѣ, три мысли, которыя могутъ быть вамъ полезны, потому что вы должны остаться на нѣкоторое время въ этомъ бѣдномъ жилищѣ.

— Но что же тогда будетъ съ напѣ—спросила съ нѣкоторымъ безпокойствомъ Люси,—онъ такъ нетерпѣливо желаетъ возвратиться въ Лондонъ!

— Моя дорогая пациентка,—отвѣчалъ Антоніо, ободряющимъ голосомъ,—думайте только объ одномъ: сэръ Джонъ ничего такъ не желаетъ, какъ вашего выздоровленія; выслушайте же, что я вамъ хотѣлъ сказать: всякій день проходятъ здѣсь два дилижанса, одинъ изъ Генуи въ Ниццу, другой изъ Ниццы въ Геную. Изъ обонхъ этихъ городовъ вы можете выписывать все, что вамъ нужно, только надо, чтобы у васъ кто нибудь былъ или въ Генуѣ или въ Ниццѣ, чтобы дѣлалъ вамъ закупки и отправлялъ ихъ въ контору дилижансовъ. Въ томъ и другомъ городѣ у меня есть пріятели, которые охотно возьмутъ на себя эту обязанность если вы хотите.

— Я вамъ очень благодарна,—сказала Люси,—но въ Ниццѣ находится нашъ курьеръ; онъ избавитъ вашихъ друзей отъ этого труда.

— И прекрасно,—отвѣчалъ Антоніо.

Въ это мгновеніе Гутчинсъ явилась съ завтракомъ, и миссъ Люси принялась за жаркое масло съ послѣшностью, служившею хорошимъ знакомъ, и объявила, что лучшаго масла она никогда не ѣдала.

— Кстати,—сказала миссъ Даввенъ,—что сдѣлалось съ Сперанцой? Я ее не видала со вчерашняго утра.

— Сперанцѣ порядкомъ досталось,—отвѣчалъ докторъ—такъ что ей стыдно показаться.

— Такъ вы ее бранили? за что же это?

— За то, что она напугала одну дѣвцу своими глупыми, испуганными взорами, отвѣчалъ Антоніо;—я никогда не думалъ, чтобы она была такая дура.

— А что? спросила Люси.

— А то, что... вообразите вы себѣ,—продолжалъ докторъ,—когда

эта глупенькая дѣвушка узнала, что вы приказали вынести распятіе и мадонну, которые висѣли надъ вашею постелью....

— Она этимъ оскорбилась, неправда ли? докончила Люси.

— Нѣтъ, нѣтъ! Но она изъ этого тотчасъ же заключила, — только немного посиѣбно, — что вы не христіанка, и это ее такъ опечалило, говорила она мнѣ. такъ ей горько стало думать, что вы никогда не будете въ раю, что потомъ, когда она увидала васъ, то не могла удержаться, чтобы не заплакать.

— Вѣдняжка! — воскликнула Люси, — не надо оставлять ее въ заблужденіи, будто бы я не христіанка. Докторъ Антоніо, прошу васъ, позовите ее сюда.

Антоніо вышелъ и скоро возвратился, таща за собою молодую итальянку, которая была прекраснѣе, чѣмъ когданибудь, со щеками раскраснѣвшими отъ стыда, какъ вишни.

— Простите меня, сирора, — робко сказала она Люси, — я не хотѣла васъ разсердить, — видить Богу, не хотѣла.

— Я ни сколько не сержусь, моя милая, — сказала ласково Люси, но итальянски. въ свою очередь также нѣсколько сконфузясь, отчего показалась краска на ее блѣдномъ лицѣ.

Въ это мгновеніе двѣ молодыя дѣвушки составляли прелестную картину.

— Напротивъ, я вамъ очень благодарна за ваше участіе ко мнѣ, для васъ совершенно чужой. Если бы я не была христіанка, то конечно должна бы быть предметомъ сожалѣнія для всѣхъ. Но я христіанка, моя добрая Сперанца, и поклоняюсь и молюсь тому же Богу, какъ и вы!

Сперанца взяла руку молодой англичанки и хотѣла поднести ее къ своимъ губамъ, но Люси съ живостью притянула ее къ себѣ и поцѣловала въ щоку.

— Прекрасно. все идетъ къ лучшему, прервалъ докторъ, совѣтъ не хотѣвшій, чтобы больная его могла прійти къ волненію, — однако, не надобно забывать, что масло мое еще на вашей тарелкѣ.

Сэръ Джонъ вошелъ спустя нѣсколько минутъ послѣ этой сцены, когда дѣйствующія лица, находившіяся еще подъ вліяніемъ случившагося, казались всѣ чрезвычайно довольными. Не новая, но тѣмъ не менѣе утѣшительная и достойная замѣчанія истина, что нѣтъ ничего здоровѣе, ничто не даетъ болѣе счастливаго выраженія, какъ взаимный обмѣнъ дружественнаго расположенія. Въ настоящую минуту сэръ Джонъ былъ способенъ къ воспріятію веселости другихъ.

Совершенно противоположно первой ночи, сэръ Джонъ превосходно спалъ. Не должны ли мы чувствовать удивленіе и стыдъ при мысли, что нашъ взглядъ на вещи зависитъ часто отъ того, какъ провели мы ночь? И такъ мы сказали, что сэръ Джонъ спалъ превосходно; бритвы его дѣйствовали какъ нельзя лучше; онъ услышалъ добрую вѣсть о своей дочери; выпилъ чашку превосходнаго чаю, принесеннаго докторомъ — и вотъ онъ чувствовалъ себя въ свѣтломъ расположеніи духа.

— Вы видите, сэръ Джонъ,—сказалъ съ важною докторъ Антоніо, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, — вы видите, что жестокая манера пускать кровь можетъ приносить удовлетворительные результаты. Ваша дочь можетъ засвидѣтельствовать этотъ фактъ.

— Никто не радуется искреннее меня успѣху вашего средства; я и миссъ Давеннъ много обязаны вамъ... отвѣчалъ сэръ Джонъ, чувствуя большое безпокойство, при мысли, что англійскій докторъ очей можетъ пріѣхать въ то время, какъ итальянецъ находится еще здѣсь.

Но именно въ тотъ мигъ, какъ опасеніе подобнаго столкновенія представилось его уму, докторъ Антоніо взялся за шляпу, говоря, что, кажется, ему передъ вечеромъ, къ его сожалѣнію, нельзя будетъ прійти.

— Ужь не хотите ли вы меня оставить потому, что мнѣ стало лучше? — спросила миссъ Давеннъ съ видимымъ безпокойствомъ на лицѣ.

— Ни за что въ свѣтъ.—съ живостью отвѣчалъ докторъ, — но я долженъ сдѣлать визитъ за нѣсколько миль отсюда; вотъ уже два дня, какъ я его отлагаю, но теперь не могу болѣе откладывать.

— На минуту, докторъ Антоніо, — сказалъ сэръ Джонъ, еще болѣе равеселившись при этомъ извѣстии, и, увлекаемый инстинктивнымъ, столь свойственнымъ человѣческой природѣ, — желаніемъ, сдѣлать что нибудь пріятное для человѣка, для котораго готовится горькое оскорбленіе.—Не можете ли вы сказать мнѣ объ этомъ несчастномъ почтарѣ?

— О Просперѣ? — отвѣчалъ докторъ въ удивленіи;— онъ очень боленъ. У него перемежающаяся лихорадка.

— Она опасна? — спросила Люси.

— Нѣтъ; но она можетъ продержатъ его въ постели на нѣсколько недѣль; — печальная перспектива, миссъ Давеннъ, для людей, которые своими руками зарабатываютъ насущный хлѣбъ и, сверхъ того, имѣютъ еще нѣсколько человѣкъ на рукахъ.

— Развѣ Просперо женатъ? — спросила молодая дѣвушка.

— Нѣтъ еще; но у него старуха мать и маленькій братъ, которыхъ онъ содержитъ. Бѣдный Просперо исполняетъ обязанности сына и брата лучше, чѣмъ обязанности почтаря, но наконецъ мнѣ надо, въ самомъ дѣлѣ, васъ оставить; прощайте же, до свиданія!

— Папа,—сказала Люси, когда докторъ ушелъ.—вѣдь вы позволите мнѣ послать нѣсколько денегъ этому бѣдному человѣку? докторъ Антоніо сказалъ о немъ столько хорошаго.

Сэръ Джонъ удержалъ восклицаніе удовольствія, чуть было не сорвавшееся у него съ языка, при предложеніи, льстившемъ гордости отца, въ великодушныхъ чувствахъ дочери, и примирившемъ внушенія собственнаго, въ сущности добраго, сердца съ нелѣпыми понятіями о сохраненіи собственнаго достоинства, понятіями, по которымъ всѣ нѣжныя движенія души становились слабостью. Дѣло въ томъ, что сэръ Джонъ, узнавъ о несчастномъ положеніи Просперо, немедленно искалъ средства послать ему нѣсколько денегъ, не compro-

метвруя себя. Поэтому предложеніе Люси какъ нельзя лучше подходило къ его желаніямъ. Просперо получить деньги, но не онъ, сэръ Джонъ, пошлетъ къ нему, а Люси, — вотъ почему отвѣчалъ онъ съ притворною небрежностью.

— Дѣлай, какъ знаешь, милое дитя мое, хотя мы не очень обязаны ему благодарностью за то, что онъ чуть было не сломилъ намъ шею; однако черезъ это не должна страдать его мать. Пошли денегъ бѣдной старухѣ, которая, конечно, достойна сожалѣнія, что у нея такой глупый сынъ.

— Мнѣ кажется, папа, я сдѣлаю лучше, если переговорю объ этомъ съ докторомъ Антоніо; онъ научитъ меня какъ лучше сдѣлать.

— Какъ хочешь дитя мое, — сказалъ сэръ Джонъ. И, чтобы перебить предметъ разговора, онъ замѣтилъ, что день чудесный.

— О! да, — сказала Люси; — и воздухъ такъ пріятенъ. Если бы вы пошли прогуляться, папа, это было бы вамъ полезно.

— Я не прочь отъ этого; но ты, можетъ быть, соскучишься. Не хочешь ли, чтобы Гутчнисъ почитала тебя что нибудь въ мое отсутствіе?

— Я спрашивала у доктора можно ли это, папа; но онъ мнѣ сказалъ, что это слишкомъ еще рано.

— Вашъ докторъ Антоніо, моя милая, — сказалъ, съ досадою, сэръ Джонъ, — убійственно медленъ.

— Вы знаете, папа, у итальянцевъ есть пословица, которая говоритъ: «Chi va piano, va sano; chi va sano, va lontano» *, — весело возразила миссъ Давеннъ. — Я останусь спокойна: желаю вамъ хорошей прогулки, папа!

Море, небо, горы, все улыбалось вокругъ; пріятный свѣжій вѣтерокъ, умѣрялъ солнечный жаръ. Обвѣваемый, такъ сказать, этимъ чистымъ воздухомъ, сэръ Джонъ спокойно слѣдовалъ по бордигерской дорогѣ. Чувство физическаго благосостоянія овладѣло всѣмъ его существомъ, и подъ этимъ вліяніемъ, пробудились въ немъ всѣ добрыя инстинкты его природы. На сердцѣ стало у него такъ легко, что еслибъ въ ту минуту потребовали, чтобы онъ объяснилъ причины своего неудовольствія противъ доктора Антоніо, — вѣтряныя мельницы, которые наканунѣ были приняты имъ за гигантовъ, — онъ былъ бы въ большомъ затрудненіи отвѣчать на это.

Мы даже позволяемъ себѣ утверждать, что было мгновеніе, когда сэръ Джонъ желалъ, искренно желалъ, — или совсѣмъ не посылать Джона въ Ниццу или чтобы Джонъ возвратился одинъ.

Но это счастливое расположеніе духа продолжалось не долго. Сэръ Джонъ былъ очень гордъ и потому съ высоты своего величія былъ способенъ сильно оскорбляться, и получать очень непріятныя впечатлѣнія отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ, отъ какого нибудь сгиба на розовомъ листкѣ. На этотъ разъ его разстроилъ сгибъ розоваго листка подъ грубою формою здороваго крестьянина, съ открытою и веселою физиономіею.

Сэръ Джонъ встрѣчалъ уже многихъ мужиковъ, которые, проходя

* Кто идетъ не скоро, тотъ идетъ здорово, кто идетъ быстро, тотъ идетъ плохо.

мимо, снимали предъ нимъ свои шляпы, что, по понятіямъ баронета, и слѣдовало имъ дѣлать. Извѣстіе о несчастіи, случившемся съ англійскимъ джентельменомъ и его дочерью, сдѣланное Розою и Сперанцою описаніе удивительной красоты и ангельской кротости Дюси, распространились далеко въ окружности, и, натурально, возбуждали большую симпатію въ пользу прибывшихъ иностранцевъ.

Честные люди, при встрѣчѣ въ это утро съ сэромъ Джономъ, выражали это чувство, какъ мы уже сказали, снимая свои шляпы передъ джентельменомъ; но толстый земледѣлецъ, о которомъ идетъ рѣчь не удовольствовался молчаливымъ привѣтомъ. Онъ подошелъ къ баронету, сказалъ ему нѣсколько привѣтливыхъ фразъ, и кончилъ желаніемъ пожать ему руку. Подобная фамильярность ненавистна была сэру Джону и въ Англіи на выборахъ, и на публичныхъ празднествахъ, а еще менѣе расположенъ онъ былъ переносить ее въ Италиі, на большой дорогѣ.

Крестьянинъ, выражая увѣреніе въ участіи съ предложеніемъ услугъ на туземномъ нарѣчій, совершенно непонятномъ для ушей его слушателя, ни какъ не воображалъ, что наноситъ оскорбленіе баронету, какъ вдругъ увидѣлъ, что англичанинъ, въ замѣшательствѣ, повернулся къ нему спиною и направилъ шаги свои по дорогѣ въ гостиницу; туда сэръ Джонъ вернулся въ самомъ дурномъ расположеніи духа, совершенно противоположенномъ тому счастливому настроенію, которое украшало начало его прогулки.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Правильное сраженіе.

Не успѣлъ сэръ Джонъ возвратиться въ гостиницу, какъ стукъ колесъ быстро приближавшейся кареты заставилъ его вскочить съ мѣста и подбѣжать къ балкону. Это былъ его собственный экипажъ, остановившійся у воротъ. Онъ увидѣлъ, что изъ экипажа вылѣзъ толстый, маленькій человекъ, среднихъ лѣтъ, котораго Джонъ считалъ обязанностію провести черезъ садъ.

Сэръ Джонъ поспѣшилъ затворить дверь, отдѣлявшую Гутчинсъ отъ залы; потомъ довольно по-время успѣлъ возвратиться къ балкону, чтобы видѣть, какъ пріѣзжій остановился на лѣстницѣ, снялъ шляпу, вынулъ изъ кармана носовой платокъ, бѣлый какъ снѣгъ, медленно вытеръ свою лысую голову, блестящую на солнцѣ, какъ золотой шаръ, окинулъ быстрымъ взглядомъ все, что могъ видѣть изъ-за своей особы, топнулъ одной ногой, потомъ другой, чтобы стряхнуть слой пыли, затемнявшей блескъ его лакированныхъ сапоговъ, и наконецъ сталъ всходить на лѣстницу рѣшительными шагами.

— Это, что-то, въ родѣ доктора, пропешталъ баронетъ, когда увидѣлъ широкую, честную англійскую физиономію, гладко выбритый подбородокъ и неизбѣжный черный костюмъ, еще рѣзче бросавшійся въ глаза отъ галстука, безукоризненной бѣлизны и отъ ослѣпительнаго бѣлья.

Сердце сэра Джона расцвѣло, какъ при октябрьскомъ солнцѣ распускается цвѣтокъ, тронутый первыми морозами.

Пріемъ, сдѣланный сэромъ Джономъ незнакомцу, былъ на столько радушенъ, насколько позволяли это его характеръ и привычки. Здороваясь съ нимъ, онъ протянулъ ему указательный и средній палецъ правой руки и даже положительно извинился, что обезпокоилъ его. Англійскій докторъ принялъ, съ должнымъ уваженіемъ, между своими большими и указательнымъ два предложенные ему пальца и общилъ имъ легкое докторское давленіе, какъ будто бы щупалъ пульсъ. Сдѣлавъ это, докторъ Йоркъ — такъ звали поваго доктора — съ хладнокровіемъ чловѣка, привыкшаго съ давнихъ поръ обходиться со всѣми классами всѣхъ націй, и съ перваго взгляда открывать слабости людей, какъ и свойственныя имъ болѣзни, началъ съ того, что попросилъ сэра Джона не беспокоить себя извиненіями, потому что услуги его должны быть въ распоряженіи всѣхъ больныхъ вообще, и по обязанности своей онъ долженъ быть всегда готовъ на все. Въ настоящемъ же случаѣ, всякое личное безпокойство было болѣе, чѣмъ вознаграждено для него честью познакомиться съ сэромъ Джономъ (тутъ джентльмены раскланялись) честью и удовольствіемъ, — какъ онъ по крайней мѣрѣ, надѣялся, — быть сколько нибудь полезнымъ миссъ Джемсъ, о случившемся несчастіи съ которой онъ знаетъ черезъ слугу.

Все это шло, какъ слѣдуетъ, по понятіямъ сэра Джона о приличіяхъ и облегченіе, которое онъ чувствовалъ, слушая доктора, можетъ сравниться только съ чувствомъ чловѣка, спасающагося отъ задушенія. Во время минутнаго молчанія, когда маленькій толстакъ — докторъ переводилъ дыханіе, сэръ Джонъ имѣлъ время благословить судьбу, пославшую ему такого благосопитаннаго чловѣка. Наконецъ, когда всѣ предварительныя статьи были кончены, оба англичанина успѣлись, и сэръ Джонъ началъ длинный разговоръ, о случившихся съ нимъ несчастіяхъ: — о томъ, какъ они сѣли въ Чивита-Веккиа на корабль, объ ужасахъ бури, о высадкѣ въ Спеціи, (что за городишка, праведное небо! эта Спеція: постели твердыя, какъ камень, и короткія, слишкомъ на цѣлый футъ), и о путешествіи сухимъ путемъ до знаменитой катастрофы отъ опрокинутой кареты. Слушая сэра Джона, можно было подумать, что буря въ Средиземномъ морѣ и слишкомъ короткія постели въ Спеціи это такія несчастія, которыя не случались ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ него; но онъ не обвинилъ никого до той минуты, пока не дошолъ до несчастнаго почтара. Тогда, забывъ о своемъ внутреннемъ великодушіи, баронетъ объявилъ свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что паденіе кареты было не что иное, какъ рѣшительное покушеніе на убійство.

— Не спрашивайте меня о томъ, что могло побудить его къ этому, — продолжалъ сэръ Джонъ, разгорячаясь все болѣе и болѣе; — сэръ Джонъ имѣлъ нужду прійти въ ярость и потому дѣлалъ, все что могъ, чтобы возбудить въ себѣ раздраженіе. — О причинахъ побудившихъ его къ этому поступку, я не знаю; но тутъ была злоумышленность, положитель-

ная домысленность, сэръ, я на это имѣю неопровержимое доказательство въ равнодушіи бездѣльника во время случившагося несчастія. Пошевеливать ли онъ хоть пальцемъ, чтобы подать намъ помощь? Нисколько, сэръ: онъ оставался столько же безчувственнымъ, какъ и его лошади. — Нѣтъ, я ошибся, бѣдныя животныя дрожали отъ испуга!

Потомъ, сэръ, Джонъ сталъ разсказывать о томъ, какъ докторъ Антоніо упалъ на нихъ какъ бомба.

— Самый странный докторъ, какого я когда либо видѣлъ, — говорилъ баронетъ, — докторъ съ бородою, словно французской сапёръ и въ шляпѣ въ видѣ сахарной головы, будто начальникъ разбойниковъ, въ какой нибудь мелодрамѣ.

Учтивое вниманіе доктора Йорка въ это время удвоилось и едва замѣтная улыбка показалась на его губахъ.

Относилось ли это какъ учтивость къ расказчику, или иная странная мысль собственнаго соображенія пробѣжала въ его головѣ, — мы не знаемъ.

— Этотъ докторъ Антоніо, если только дѣйствительно это его имя, объявляетъ, что онъ докторъ, и, безъ дальнѣйшихъ объясненій, бросается къ моей дочери, осматриваетъ ея ногу, объявляетъ, что это не что иное, какъ вывихъ, и, нисколько не заботясь, хотимъ ли мы этого или нѣтъ, беретъ на себя перенести ее сюда. Я долженъ сказать вамъ, милостивый государь, продолжалъ сэръ Джонъ съ значительнымъ напряженіемъ голоса, — что это еще не все. Очень естественно я выразилъ свое намѣреніе продолжать путешествіе въ Ниццу, послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха. «Часовъ! воскликнулъ этотъ человекъ, пристально посмотрѣвъ на меня, вы можете быть, хотѣли сказать недѣль?» Недѣль! я припомлъ въ ужасѣ отъ такого чудовищнаго періода времени, а оракулъ, произнесъ своей приговоръ, объявляя, что моя дочь не можетъ тронуться съ мѣста прежде сорока дней. Сорока дней! ему-то это очень легко сдѣлать, но мнѣ-то совсѣмъ не легко жить въ такомъ мѣстѣ какъ здѣсь, не говоря уже о моемъ сынѣ, капитанѣ Давенни, который долженъ пріѣхать въ Лондонъ въ концѣ этого мѣсяца, послѣ десятилѣтняго отсутствія.

— Очень неприятно, вы совершенно правы, — замѣтилъ докторъ Йоркъ.

— Не потому, конечно — прибавилъ сэръ Джонъ, — чтобы это могло переимѣнить суцность дѣла, но я спрашиваю у васъ, докторъ. . . .

— Йоркъ, подсказалъ докторъ.

— Я спрашиваю у васъ, докторъ Йоркъ, у васъ, какъ у отличнаго члена медицинскаго сословія (докторъ Йоркъ поклонился) возможно ли, чтобы простой вывихъ могъ помѣшать кому нибудь, въ продолженіе сорока дней, путешествовать въ каретѣ удобной и спокойной?

Докторъ Йоркъ, къ которому такъ прямо относился вопросъ, вынулъ изъ кармана своего жилета тяжелую золотую табакерку, на крышкѣ которой была выгравирована надпись, и, какъ водится, три раза стукнулъ по ней, прежде чѣмъ открылъ, протанулъ ее къ сэру Джону,

но, за послѣдовавшимъ отказомъ, взявъ самъ щепотку табаку и отвѣчалъ, послѣ мунутнаго размышленія, что вопросъ этотъ не такъ легко разрѣшить, какъ то казалось бы съ перваго взгляда. Вообще говоря, простой вывихъ можно вылечить въ недѣлю или двѣ, но должно прибавить, что ему случилось встрѣчать несчастныя случаи подобнаго рода, сопровождаемые довольно тяжелыми припадками, требовавшими совершеннаго покоя на болѣе долгое время. Нужно знать къ какой категоріи принадлежитъ вывихъ миссъ Давенниъ, а это можно рѣшить только послѣ внимательнаго осмотра больной ноги, — докончилъ докторъ Йоркъ.

— Совершенно справедливо, — подхватилъ сэръ Джонъ; — внимательный осмотръ ногъ джентельменомъ такого достоинства и такой опытности — какъ вы, это все, чего только я могу желать. Я готовъ покориться вашему авторитету.

— Въ такомъ случаѣ, сэръ Джонъ, не будемъ терять времени: чѣмъ скорѣе, тѣмъ будетъ лучше, — замѣтилъ докторъ Йоркъ. — Итальянскій докторъ здѣсь?

Сэръ Джонъ отвѣчалъ отрицательно.

— Такъ я пропущу васъ тотчасъ же за вами послать; потому что его присутствіе необходимо.

— Я очень сожалѣю, что это такъ, докторъ Йоркъ, — отвѣчалъ довольно робко баронетъ; — докторъ Антоніо, когда былъ здѣсь утромъ, сказалъ намъ, что долженъ навѣстить больного, довольно далеко отсюда и что, вѣроятно, не возвратится прежде вечера.

— Вотъ эта странно! — воскликнулъ докторъ Йоркъ, — и онъ это сказалъ, зная, что вы послали за докторомъ въ Ниццу, для консультаціи.

Сэръ Джонъ, еще болѣе смѣшавшись, долженъ былъ признаться, что онъ не говорилъ объ этомъ съ докторомъ Антоніо.

— Великій Боже! Но это чрезвычайно какъ щекотливо! — воскликнулъ маленькій джентельменъ, начиная терять свое хладнокровіе: развѣ вы не знаете, любезнѣйшій сэръ Джонъ, что правило, фундаментальное правило между нами докторами, — никогда не осматривать больного иначе, какъ въ присутствіи доктора, прежде лечившаго его? . . . Попался же я въ такую непріятную исторію, — прибавилъ онъ внутренне.

— Но, докторъ Йоркъ, вѣдь это не что иное, какъ простая форма; не можете ли вы обойтись безъ ней въ настоящихъ обстоятельствахъ, — замѣтилъ очень важно сэръ Джонъ. — Вѣдь вы знаете, мы въ Италіи, а не въ Англіи.

— Правило, какъ здѣсь, такъ и тамъ, все одно и то же, — спокойно отвѣчалъ опытный англійскій врачъ. Въ нашихъ глазахъ это не пустая форма и не простая учтивость. Это законъ, принятый между нами, для избѣжанія злоупотребленій, которыя не замедлили бы появиться, еслибъ не было ограниченій. Вы знаете пословицу: «Много поваровъ...» А! вы здѣсь, — продолжалъ докторъ другимъ тономъ; — какъ же это кстати. Мы только что сожалѣли о вашемъ отсутствіи.

Эти послѣднія слова относились къ доктору Антоніо, котораго

длинная фигура появилась у двери. Докторъ Антоніо повратился скорѣе, чѣмъ думалъ сначала, и, когда онъ проѣзжалъ верхомъ мимо гостиницы, ему пришло въ голову, что утреннее жаркое и масло могли бытъ не совсѣмъ удобосваримы для желудка больной, и потому поспѣшилъ зайти.

Страшно сжалась круглые и выпуклые виски Антоніо и молнія гнѣва блеснула въ его глазахъ; но это продолжалось только мгновеніе; онъ вополь въ комнату съ яснымъ лицомъ и съ своей обыкновенной спокойной улыбкой Докторъ Йоркъ всталъ и, съ протянутою рукою, пошолъ на встрѣчу къ своему собрату по званію. Сэръ Джонъ съ неудовольствіемъ увидалъ, что доктора знали другъ друга и, казалось, были въ наилучшихъ отношеніяхъ, какъ это дѣйствительно и было. Они познакомились въ то время, когда холера свирѣствовала въ Ниццѣ, и въ окрестностяхъ и, не одинъ разъ, для консультаціи, встрѣчались у пзголовья умирающихъ.

— Какъ вы поживаете. любезнѣйшій другъ?—восло сказалъ Антоніо, — какъ я радъ, что могу позжать вамъ руку! Вы пріѣхали посмотрѣть больную? Такъ поидемъ къ ней вмѣстѣ.

— Вы видите меня здѣсь, — сказалъ докторъ Йоркъ, желавшій прежде всего ясно опредѣлить свое положеніе, — по желанію сэра Джона Давенна, пригласившаго меня для консультаціи съ докторомъ миссъ Давенъ, относительно ея болѣзни, и я очень радъ, что этотъ случай доставилъ мнѣ удовольствіе встрѣтиться съ вами. Когда больной находится въ такихъ хорошихъ рукахъ, то я тутъ совершенно безполезенъ. Впрочемъ, если вамъ не неприятно...

— Нисколько, — сказалъ докторъ Антоніо, не допустивъ своего товарища окончить фразу. — Столь просвѣщенному и способному судѣбъ какъ вы, я во всякое время считаю за честь подвергнуть на разсмотрѣніе употребленныя мною средства.

Докторъ Йоркъ замахалъ своею бѣлою и нѣжною рукою, какъ бы скромно отказываясь отъ комплимента.

— Да, для меня честь и, позвольте прибавить, удовольствіе, — продолжалъ итальянецъ, ударяя на послѣднее слово. — Но между друзьями, не надо словъ; я боюсь, что ужь и такъ задержалъ васъ слишкомъ долго. Еслибы сэръ Джонъ былъ такъ добръ и предупредилъ бы меня, что ждетъ васъ, — продолжалъ онъ медленно, и смотря прямо въ лицо баронету, — вы напали бы меня здѣсь.

Сэръ Джонъ почувствовалъ, что эти слова, какъ гиря, падаютъ на его совѣсть и молчалъ, счастливый ужь тѣмъ, что не успѣлъ ничего сказать о кровопусканіи, другой причинѣ своего неудовольствія противъ Антоніо.

— Теперь я къ вашимъ услугамъ, докторъ Йоркъ, — продолжалъ Антоніо; — но прежде чѣмъ идти къ миссъ Давеннъ, мнѣ — кажется, надо подумать, что если она такъ же не была приготовлена, какъ и...

— Она ничего не знаетъ, — поребилъ сэръ Джонъ.

— Въ такомъ случаѣ, — продолжалъ итальянецъ, — миссъ Давеннъ можетъ испугаться, встревожиться, хочу я сказать, — увидѣвъ нечаянно двухъ докторовъ.

— Очень можетъ быть, — сказалъ англійскій докторъ въ сторону.

— Она можетъ, очень натурально, предположить, продолжалъ съ важностью Антоніо, — что волеженіе ея въ самомъ дѣлѣ опасно.

— Ахъ! это правда, это правда, вы очень хорошо сдѣлали, что объ этомъ подумали, — сказалъ докторъ Йоркъ, улыбаясь; — старая голова на молодыхъ плечахъ, сэръ Джонъ.

Сэръ Джонъ желалъ бы, чтобы докторъ Йоркъ былъ не такъ веселъ.

— Гораздо было бы благоразумнѣе, — сказалъ итальянецъ, заканчивая рѣчь, — представить доктора Йорна за одного изъ моихъ друзей...

— И это суцая правда, — прервалъ докторъ Йоркъ.

— Одного изъ моихъ друзей, котораго я случайно встрѣтилъ, возвращаясь изъ Ниццы, и желалъ знать его мнѣніе на мой собственный счетъ.

Предложеніе это было принято и сэръ Джонъ пошелъ сказать дочери о визитѣ этихъ двухъ господъ.

Лишь только доктора остались вдвоемъ, Антоніо сказалъ своему собрату:

— Я спѣшу воспользоваться этимъ временемъ, и предупредить васъ, что обстоятельство, о которомъ идетъ рѣчь, чрезвычайно серьезно; дѣло въ томъ, что нога просто сломана и страшно раздавлена.

Докторъ Йоркъ нахмурился и вскричалъ:

— Гм! гм!.. плохо, очень плохо!

— Да, по истинѣ, — продолжалъ Антоніо, — complicacia самая неприятная. Не желая встревожить больную, молодую дѣвушку деликатнаго сложенія и чрезвычайно впечатлительную, я назвалъ это вывихомъ.

— Прекрасная мысль! — сказалъ англичанинъ.

— Когда же хотѣлъ передать отцу это обстоятельство въ настоящемъ видѣ, то увидалъ стараго джентельмента до того встревоженнымъ, что у меня не достало духу, особенно, когда я подумалъ, что онъ долженъ остаться здѣсь одинокимъ, посреди чужестранцевъ. Теперь, когда я объ этомъ думаю, — продолжалъ Антоніо, — мнѣ кажется, что я дурно сдѣлалъ, и если вы думаете, что лучше открыть ему истину...

— Нѣтъ, ни сколько, — съ живостью перебилъ его толстенькій джентельменъ. — Къ чему это послужить? Вы поступили какъ честный человекъ.

И, схвативъ руку Антоніо, маленькій докторъ съ жаромъ пожалъ ее. Гутчнису прервала припадокъ чувствительности англійскаго доктора, объявивъ, что ея молодая госпожа готова принять ихъ. Оба доктора послѣдовали за горничной и вошли къ миссъ Давеннъ, взявши подъ руку, чтобы больная не могла имѣть никакого сомнѣнія, откровенно ихъ друзья.

Итальянецъ представилъ официально англичанина, какъ своего

товарища и друга. Докторъ Йоркъ вошелъ въ назначенную ему роль и наставлялъ кучу любезностей молодой дѣвушкѣ, которая приняла новаго доктора, конечно учтиво, но очень холодно.

Осмотръ ноги продолжался не болѣе минуты.

Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, сдѣланныхъ докторомъ Йоркомъ, для формы, и выраженной имъ надежды въ скоромъ выздоровленіи, оба доктора удалились, вмѣстѣ съ сѣромъ Джономъ.

Они нашли столъ, накрытый въ залѣ и вкусный завтракъ, благодаря предусмотрительному Джону, воспользовавшемуся своею поѣздкою въ Ниццу, чтобы сдѣлать цѣлый запасъ: говядины, чаю, свижаго масла, чуть ли не на шесть мѣсяцевъ, и запахиваемаго всѣ свободные углы кареты всевозможными лакомствами и винами какія только могъ онъ найти.

Сэръ Джонъ и англійскій докторъ сѣли за столъ. Докторъ Антоніо отказался отъ приглашенія баронета и присоединиться къ нимъ. Онъ помѣстился такъ, что могъ видѣть въ лицо и сэра Джона и доктора. Послѣдовало короткое молчаніе, и Антоніо заговорилъ первый.

— Тамъ какъ я не могу располагать своимъ временемъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ доктору Йорку,—то прошу у васъ позволенія сейчасъ же начать разговоръ о предметѣ, заставившемъ насъ встрѣтиться здѣсь. (При этомъ сэръ Джонъ помѣсилъ носъ.) Присутствіе сэра Джона при этомъ, также необходимо.

— Чтобы дать вамъ полное понятіе объ этомъ предметѣ,—продолжалъ Антоніо,—я вамъ вкратцѣ повторю всѣ подробности и подвергну, потомъ, вашему сужденію....

— Мой любезный докторъ Антоніо, это совершенно ненужно,—началъ съ любезностью отвѣчать докторъ Йоркъ.—Удовлетворительное состояніе вашей больной достаточно свидѣтельствуетъ о достоинствѣ вашего леченія.

— Благодарю,—сказалъ докторъ Антоніо,—но я имѣю свои причины дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ, сколько возможно точно и методично. Не позволите ли вы мнѣ поступать такъ, какъ я нахожу это необходимымъ?

— Конечно, конечно. — отвѣчалъ докторъ Йоркъ, предчувствуя грозу въ воздухѣ.

— Въ первый разъ, когда я увидалъ миссъ Давоннъ,—началъ итальянецъ,—то есть, тотчасъ послѣ случившагося несчастія, я нашелъ ее лежащею на морскомъ берегу, совершенно въ безчувственномъ состояніи. Средства, употребляемыя обыкновенно въ такомъ случаѣ, оставались безъ дѣйствія; не видя никакого наружнаго поврежденія, которое могло бы объяснить столь продолжительный обморокъ, я сталъ опасаться потрясенія въ мозгу, и приготовлялся уже пустить ей кровь, когда молодая дѣвица пришла въ себя, и своими восклицаніями обратила вниманіе мое на свою правую ногу. Осмотрѣвъ болѣное мѣсто, я увидалъ, что лодыжка была вывихнута, тѣмъ особеннымъ образомъ, какъ я уже объяснялъ вамъ, прежде чѣмъ вы видѣли больную.

Докторъ Йоркъ сдѣлалъ выразительный знакъ согласія.

— Я перевязалъ ногу платками, какъ могъ лучше и поспекалъ домой за необходимыми биндами. Вы видѣли перевязку ноги: одобряете ли вы ее?

— О, совершенно, — сказалъ докторъ Йоркъ, — она сдѣлала бы честь самому искусному хирургу. Рѣдкая способность, которую очень желалось бы видѣть въ большей части изъ насъ.

Докторъ Антонио слегка наклонился и потомъ продолжалъ:

— Я положилъ больную на носилки, — единственный способъ переноски, который возможенъ былъ въ ея положеніи и перенесъ въ этотъ домъ, дорогой повторяя ей нѣсколько разъ, чтобы она старалась не дѣлать ни малѣйшаго движенія для избѣжанія дурныхъ послѣдствій. Не думаете ли вы, что я былъ чересчуръ остороженъ?

— Нисколько, нисколько, мой любезный собратъ, — сказалъ докторъ Йоркъ, все болѣе и болѣе желавшій при всякой новой подробности, помѣшать, чтобы гроза не разразилась, — предосторожность никогда не мѣшаетъ и вы не такой человекъ, чтобы дѣлать затрудненія безъ причины. Нога чрезвычайно нѣжный членъ, — продолжалъ онъ обращаясь къ сэру Джону, — членъ стоящій весь изъ волоконъ, сухихъ жилъ и.... наконецъ, эта вещь чрезвычайно опасная. Лечать ногу, это, такъ сказать, то же, что ходить по яйцамъ.

— Сэръ Джонъ Давеннъ, — продолжалъ Антонио, — желалъ, естественно, продолжать свое путешествіе; я счелъ обязанностью тотчасъ же предупредить его, что прежде, по крайней мѣрѣ, сорока дней, миссъ Давеннъ не можетъ ѣхать. Думаете ли вы, что я преувеличилъ время?

— Я желалъ бы имѣть право сказать вамъ: да, — отвѣчалъ англійскій докторъ; я желалъ бы имѣть право сказать вамъ: да, но я не могу этого сдѣлать. Я долженъ согласиться, что миссъ Давеннъ еще на долгое время не можетъ тронуться съ мѣста.

Сэръ Джонъ тяжело вздохнулъ, и лучъ надежды, освѣщавшій его лицо, совершенно исчезъ.

— Все это, — продолжалъ Антонио, — происходило въ субботу по полудни. Въ воскресенье утромъ, я наполнилъ мою больную не въ хорошемъ состояніи: бессонница, жажда, сухія губы, сильное волненіе и пульсъ — сто двадцать въ минуту. Я, не колеблясь ни одной минуты, тотчасъ-же....

— Пустили ей кровь, естественно, — подсказалъ докторъ Йоркъ.

Въ эту минуту, сэръ Джонъ возненавидѣлъ своего соотечественника.

— Да, я пустилъ ей кровь, — отвѣчалъ Антонио. — Сдѣлали ли бы вы то же?

— Непремѣнно! — симптомы болѣзни требовали этого.

— Около шести часовъ вечера жаръ уменьшился, сегодня же утромъ, послѣ ночи, проведенной спокойно, совершенно исчезъ. Больная находится, какъ вы говорите, въ удовлетворительномъ состояніи, сколь-

ко это возможно. Я не могу ничего болѣе прибавить относительно ея положенія!—заклучилъ итальянецъ.

—Съ моею же стороны,—сказалъ докторъ Йоркъ съ живостью, имѣвшей цѣлю дать удовлетвореніе справедливому гнѣву Антоніо и заставить сэра Джона понять необходимость признать сказанныя услуги,—я могу одно только сказать:—продолжайте и окончите съ тѣмъ же успѣхомъ, съ какими вы начали.

— Благодарю васъ,—сказалъ Антоніо, съ нѣкоторою холодною. Потомъ, обратившись къ сэру Джону, онъ прибавилъ:

— Надѣюсь, милостивый государь, что вы довольны?

Баронетъ, не зная, что сказать, поклонился такъ вѣжливо, какъ только могъ.

— Теперь,—началъ опять докторъ Антоніо, вставая,—теперь мнѣ остается сказать только, что я передаю мою больную въ руки болѣе искусныя, и за тѣмъ откланяться.

— Вы не обдумали того, что говорится, мой любезный собратъ,—воскликнулъ докторъ Йоркъ, почувствовавшій, что все пропадетъ.

И превосходный человекъ былъ приведенъ въ такое смущеніе, что его вилка, съ кускомъ чудесной, сочной ветчины, осталась между его ртомъ и тарелкой, между тѣмъ, какъ его взглядъ переходилъ отъ баронета къ мрачному лицу итальянца.

— Извините, докторъ Йоркъ,—отвѣчалъ Антоніо,—я совершенно обдумалъ,—что говорю. Я имѣю рѣшительныя причины такъ дѣйствовать. Для того, чтобы докторъ могъ исполнять свои обязанности, какъ слѣдуетъ, надо предоставить ему совершенную свободу дѣйствовать, какъ онъ разумѣтъ; — я не имѣю этой свободы; надо, чтобы не только больной имѣлъ къ нему полную довѣренность — къ счастью я этимъ пользуюсь—но и всѣ окружающіе больного, имѣющіе надъ нимъ авторитетъ. Вотъ этого-то мнѣ и не достаетъ. Сэръ Джонъ Давеннъ не имѣетъ ко мнѣ довѣренности.

Докторъ Йоркъ старался вставить свое слово.

— Позвольте на минуту,—сказалъ Антоніо, съ ласковою улыбкою,—я я сейчасъ кончу. Повторяю, сэръ Джонъ Давеннъ не имѣетъ ко мнѣ довѣренности. Я нисколько на это не жалуюсь, а только рассказываю фактъ. Лучшее доказательство недостатка этой довѣренности—ваше присутствіе здѣсь, присутствіе другого доктора, о которомъ даже не подумали меня предупредить. Въ этомъ положеніи вещей, изъ уваженія къ больному, изъ уваженія къ самому себѣ, изъ уваженія къ достоинству нашего званія, я долженъ удалиться. Это я и дѣлаю, и безъ всякаго неудовольствія противъ кого бы то ни было, напротивъ—въ въ наилучшемъ расположеніи духа.

И поспѣшно пожавъ руку, протанутую докторомъ Йоркомъ, чтобы удержать его, итальянецъ поклонился сэру Джону и вышелъ, безъ униженія и безъ фанфаронства, но довольно грустный. Докторъ Йоркъ побѣжалъ на балконъ и успѣлъ увидѣть только, какъ его другъ скрылся черезъ садовую дверь.

— Ну, по дайись же мнѣ!—проворчалъ докторъ Йоркъ, усаживаясь

снова за столъ, съ лицомъ челоѣка, только что проглотившаго лекарство.

Наступило ватруднительное молчаніе, прерванное наконецъ докторомъ, который сказалъ:

— Досадно, что вы не сказали прежде доктору Антонію о вашемъ намѣреніи послать за мною.

— Я не видѣлъ въ этомъ необходимости, — возразилъ сэръ Джонъ довольно отрывисто, — докторъ Антонію пользовалъ мою дочь вслѣдствіе обстоятельствъ, которыми онъ искусно воспользовался, для своихъ выгодъ.

Докторъ Йоркъ былъ свѣтскій челоѣкъ, заботившійся только о своихъ личныхъ выгодахъ и, вслѣдствіе этого, расположенный вообще льстить капризамъ своимъ кліентовъ, особенно кліентовъ богатыхъ; но онъ также былъ не безъ души, и, несмотря на всѣ систематическія усилія держать свои добрые истинники на удѣл, случилось иногда, что они вставали на дыбы и порывались. Это случилось и теперь, когда онъ понялъ, что сэръ Джонъ былъ не что иное, какъ старшій неблагодарный англійскій баронетъ. И потому, воскликнувъ: *oh* въ которомъ слышался упрекъ, докторъ Йоркъ понюхалъ табуку *ah igato* и сказалъ, съ нѣкоторымъ жаромъ:

— Позвольте мнѣ васъ увѣрить, что на этотъ разъ вы чрезвычайно ошибаетесь. Докторъ Антонію, не изъ такихъ людей, чтобы дѣйствовать подлѣ влияніемъ нивкихъ побужденій.

— А! въ самомъ дѣлѣ? — возразилъ баронетъ давая свободное теченіе своей досадѣ, съ полчаса уже накопавшейся въ немъ. — Я очень радъ это узнать. Я готовъ признать его за образецъ безкорыстія. Но если его надменное обращеніе утомляетъ меня, если я не имѣю права самъ выбрать медика? Прошу васъ, сэръ, не говорить болѣе объ этомъ предметѣ.

— Какъ вамъ угодно, — отвѣчалъ докторъ холодно и слегка покачавъ головою, какъ будто хотѣлъ сказать: къ чему тутъ разсуждать? — Позвольте мнѣ сдѣлать послѣдній вопросъ, относящійся къ этому предмету. Думаете ли вы, что миссъ Давенни можетъ обойтись безъ доктора?

— Я разсчитываю на васъ. — отвѣчалъ сэръ Джонъ.

— Конечно, конечно, — сказалъ докторъ Йоркъ, съ замѣтнымъ замѣшательствомъ. — Если письменный совѣтъ и мой визитъ изрѣдка. — напримѣръ, одинъ разъ въ недѣлю, — могутъ быть вамъ полезны въ такомъ случаѣ — я къ вашимъ услугамъ.

— Развѣ вы не можете остаться съ нами, — сказалъ сэръ Джонъ, съ смутнымъ безпокойствомъ, — и начать леченіе моей дочери? Что касается до вознагражденія... прибавилъ онъ съ надменностью.

— Не говорите объ этомъ, прошу васъ, — съ живостью прервалъ маленькій джентльментъ, — я отъ всего сердца желалъ бы имѣть возможность быть вамъ полезнымъ здѣсь или въ Ниццѣ, чтобы только вывести васъ изъ труднаго положенія; но мнѣ невозможно, совершенно невозможно оставаться здѣсь, даже на одинъ день. У меня

въ. Нищѣ куча больныхъ, которыхъ мнѣ невозможно оставить: лордъ В. съ жестокимъ припадкомъ подвгры, котораго я лечу уже двадцать лѣтъ.—вы понимаете, что я не могу его оставить;—и, потомъ, маленький виконтъ Ф. въ коря; его бѣдная мать, женщина въ высшей степени нервная, обожаетъ это дитя; все ее пугаетъ и она трепещетъ за него; я должна бывать у нихъ чрезъ каждыя два часа, чтобы успокоить ее. Эти больные постоянно имѣютъ во мнѣ нужду. Я не могу ихъ оставить: мнѣ это совершенно невозможно, вы сами это видите.

Хотя обманутый въ своемъ ожиданіи и въ высшей степени недовольный, сэръ Джонъ, ни на минуту однако не усомнился въ невозможности преодолѣть представленныя ему препятствія; два аристократическія имени упали, какъ двѣ капли масла на рану, нанесенную ему отказомъ доктора Йорка. Былъ ли бы нашъ баронетъ такъ сговорчивъ, если бы дѣло шло о какомъ нибудь мистерѣ Смитѣ, или мистерѣ Браунѣ?

— Если это такъ, то не можете ли вы мнѣ рекомендовать, какого нибудь, хорошаго доктора здѣсь, по сосѣдству? спросилъ сэръ Джонъ, послѣ минутнаго размышленія.

Докторъ сильно потеръ себѣ лобъ, устремилъ глаза въ землю, какъ будто бы разсматривалъ географическую карту, потомъ отвѣчалъ:

— По чести, за десять миль въ окружности даже во всей Ривьерѣ, я не знаю ни одного, котораго можно было бы сравнить съ докторомъ Антонио.

— Опять докторъ Антонио!—прервалъ съ бѣшенствомъ баронетъ,—зовите мнѣ кого хотите, только не его.

Докторъ Йоркъ прибѣгнувъ къ своей табакеркѣ.

— Я очень желалъ бы исполнить ваше желаніе, сказалъ онъ;—но такіе люди, какъ этотъ... итальянскій докторъ, не растутъ подъ каждымъ кустомъ. Знаете ли, онъ могъ бы быть даже англичаниномъ. Видите, какъ онъ говоритъ по англійски. Точно, ему слѣдовало бы родиться англичаниномъ. Безъ сомнѣнія, въ его походкѣ, въ его манерахъ, сей часъ же видѣнъ иностранецъ, и я нисколько не удивляюсь, что онъ вамъ непріятенъ. Я совершенно это понимаю; однако, миссъ Давеннъ, о которой тутъ сѣдуетъ больше всего думать, кажется, довольна имъ.

Тутъ докторъ Йоркъ съ намѣреніемъ приостановился, ожидая, по возможности, отвѣта. Сэръ Джонъ принужденъ былъ, къ своему неудовольствію, сдѣлать знакъ согласія.

— А это самое важное,—продолжалъ докторъ;—когда больной доволенъ, то и умъ его спокоенъ, а это чрезвычайно важно въ болѣзни, сэръ Джонъ, и заслуживаетъ, чтобы пожертвовать первыми нѣсколькими непріятными впечатлѣніями! Словомъ, докончилъ докторъ послѣ короткаго молчанія, — по моему мнѣнію, самое лучшее, что вы можете сдѣлать, это помириться съ этииъ итальянскимъ докторомъ и пригласить его продолжать свои визиты.

— Продолжать свои визиты!—воскликнулъ англичанинъ, готовый выйти изъ себя отъ бѣшенства. Но онъ вспомнилъ довольно вовремя,

что нейдетъ такому человѣку, какъ онъ, предаваться вспышкѣ, съ человѣкомъ, подобнымъ доктору Йорку, который можетъ отмстить за себя, разказами о немъ своимъ больнымъ въ Нидцѣ. Просить его возвратиться, послѣ того, что произошло! подвергнуть себя униженію отказа: унижить мое достоинство предъ этимъ самолюбивымъ человѣкомъ, предъ этимъ несговорчивымъ иностранцемъ, чортъ его возьми!

— Ну, ну.—сказалъ докторъ Йоркъ, миротворнымъ голосомъ, — кто говоритъ вамъ объ униженіяхъ? Кто предлагаетъ вамъ просить о чемъ бы то ни было? Стану ли я совѣтовать сэру Джону Давенну что нибудь, несомѣстное съ его характеромъ, съ его положеніемъ въ свѣтѣ? Но какія можно сдѣлать противъ этого возраженія, если я успѣю устроить это дѣло къ удовольствію обѣихъ сторонъ, тогда какъ вы останетесь спокойнымъ и совершенно въ сторонѣ; если я обещаю вамъ, что предложеніе, сдѣланное мною, будетъ принято съ... благодарностью?

Слѣво благодарности, — скорѣе вырвавшееся въ жару убѣжденій, чѣмъ обдуманное,—произвело болѣе успѣха въ дипломатикѣ доктора Йорка, чѣмъ все остальное его краснорѣчіе. Сэръ Джонъ почувствовалъ, что снова поставленъ, какъ будто волшебствомъ, на свой пьедесталъ, или скорѣе, на свой конѣкъ. Его превосходство, честь, которую должны чувствовать при сношеніяхъ съ нимъ, было ясно высказано, а ничтожество его противника было подразумеваемо, если не точно признано.

Докторъ Йоркъ тотчасъ же замѣтилъ одержанную имъ побѣду, и съ большимъ тактомъ умѣлъ воспользоваться ею. Сэръ Джонъ, послѣ довольно учтиваго сопротивленія, смягчился и далъ полную власть своему соотечественнику уговорить Антоніо возвратиться, — но, только съ однимъ условіемъ: докторъ Йоркъ долженъ былъ отъ имени итальянца завѣрить сэра Жона, что докторъ Антоніо не имѣлъ никогда намѣренія никакого оскорблять. Согласившись на этомъ пунктѣ, медицинскій полномочный, бросивъ дерзпительный взглядъ на солнце, вооружился зонтикомъ и отправился отыскивать доктора Антоніо.

Докторъ Антоніо возвратился къ своимъ пенатамъ, или, въ другихъ словахъ, пошелъ домой, и его собрать напалъ его съ рапирой въ рукѣ, упояющимся въ фехтовальномъ искусствѣ, противъ воображаемаго врага, представляемаго, на это время, стѣною его гостиной.

— Самое превосходное средство, чтобы прогнать скуку!—воскликнулъ маленькій человѣкъ:—хоропій моціонъ, хотя нечмоного сильный, для этого жаркаго времени.

— Жаркаго! — сказалъ Антоніо,—напротивъ, воздухъ чрезвычайно пріятенъ,—такая прохлада.

— Уфъ! позвольте мнѣ затворить это окно, я весь въ испаринѣ, какъ будто въ банѣ. Благодарю... Ну попался же я въ эту путаницу!—прибавилъ онъ мысленно, посмотрѣвъ на Антоніо.

И съ этимъ размысленіемъ добрый маленькій докторъ скорѣе упалъ, чѣмъ сѣлъ на стулъ.

— Съ вашей стороны, очень любезно отважиться на такой дале-

кій путь по солнцу, которое вы такъ ненавидите,—сказалъ Антоніо. Не хотите ли чего нибудь? стаканъ стараго хересу или ликёру? или лучше горячаго вина, потому что вы въ испаринѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу вина; немного лимонаду, если вамъ угодно. Уфъ! эти стулья несовсѣмъ то мягки, любезный другъ,—сказалъ докторъ Йоркъ, обмахиваясь платкомъ.

— Вамъ несовсѣмъ покойно?—сказалъ Антоніо улыбаясь. Какъ вы оставили миссъ Давеннъ?—спросилъ онъ, выжимая свѣжій лимонъ въ стаканъ.

— Вѣдь я не такой камень, какъ вы, — отвѣчалъ докторъ Йоркъ, открывая свой огонь: я не видалъ ея послѣ васъ; потому что у меня не достало храбрости пойти сказать ей, что вы ее оставили.

— Вѣдная голубка!—сказалъ Антоніо съ чувствомъ, которое, конечно, не доказывало, чтобы онъ былъ камень,—кроткая, какъ ягнёнокъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такая разсудительная!

— Да,—сказалъ докторъ Йоркъ, хладнокровно,—вы успѣли узнать все это.

— Она будетъ жалѣть обо мнѣ, я въ этомъ увѣренъ.

— Конечно, она пожалѣетъ о васъ,—сказалъ маленькій человѣчекъ, ударяя на эти слова. — А этотъ бѣдный сэръ Джонъ! Невозможно не пожалѣть также и о немъ: я никогда не видалъ человѣка въ болѣе затруднительномъ положеніи.

— Отчего? спросилъ итальянецъ, мѣшая сахаръ въ стаканѣ лимонада.

— Нѣтъ человѣка болѣе слѣпаго, чѣмъ тотъ, который самъ не хочетъ видѣть. Вы его оставляете, а я не могу здѣсь оставаться. Что будетъ съ его дочерью, этимъ кроткимъ и прелестнымъ существомъ?

— Вы не можете остаться?

— Невозможно! Я долженъ непремѣнно возвратиться въ Ниццу сегодня же пополудни; у меня столько тамъ больныхъ!

— Какъ это непріятно!—сказалъ со вздохомъ Антоніо—по истинѣ, это большое несчастіе! Мнѣ очень это жаль, чрезвычайно жаль для бѣдной молодой дѣвушки. Что же касается до этой старой воплощенной надменности, ея отца, то онъ вполне этого заслуживаетъ. Я никогда не видалъ старой муміи болѣе сухой, себялюбивой, упрямой, высокомерной и нечувствительной, какъ онъ.

Докторъ Йоркъ наклонилъ голову, какъ бы для того, чтобы предохранить себя отъ этой тучи прилагательныхъ.

— Еслибы дочь его была моею сестрою,—продолжалъ Антоніо,—я не могъ бы сдѣлать для нея болѣе того, что сдѣлалъ. И какъ поблагодарилъ меня за это достойный джентльменъ? Я видѣлъ отъ него только противорѣчія, недовѣріе, грубость, и мало ли что еще.

— Вы должны извинить его, любезный собратъ, — съ кротостью прервалъ докторъ Йоркъ. — Сила привычки, положеніе въ свѣтѣ,—вы знаете, — вѣдь эта одна изъ первыхъ фамилій въ Англіи.

— О, чортъ возьми!—воскликнулъ Антоніо, весь вспыхнувъ,—да нѣтъ-то до этого какое дѣло? Пускай хоть вся Англія благоговѣетъ

если хочеть, передъ его положеніемъ въ обществѣ и передъ его именемъ; не въ моемъ вкусѣ подражать этому. Я созданъ по образу Божію, какъ и онъ. и ни сколько не намѣренъ унижаться, хоть бы онъ въ двадцать разъ былъ богаче, и знатнѣе меня. Вы, англичане, гордецы, — тѣмъ лучше. Я и самъ гордецъ. и люблю. чтобы люди знали себѣ цѣну; но развѣ благородная гордость, основанная на сознаніи собственнаго достоинства, не допускаетъ уваженія къ достоинству другихъ?

— Конечно, ваша правда, — замѣтилъ докторъ Йоркъ, скрестивъ руки на почтенной округлости своего жилета и поворачивая свои большіе пальцы то въ одну сторону, то въ другую.

— Мнѣ кажется, что я имѣлъ право, — продолжалъ итальянецъ, — по крайней мѣрѣ на ту учтивость, которая должна быть между людьми, совершенно чужими другъ другу, еслибъ этотъ человекъ имѣлъ хоть каплю сердца или здраваго смысла. Разсудите сами: я ли его или онъ меня обязывалъ? Мнѣ ли онъ оказалъ какую услугу? — я вижу опрокинутую карету; бѣгу, чтобы помочь; я... но теперь, когда я подумаю, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, это была навязчивость съ моей стороны. Да, да, нѣтъ сомнѣнія! Какой же я былъ глупецъ, что не могъ прочесть все это тотчасъ же на лицѣ этого стараго животнаго? Да; онъ былъ правъ: какое дѣло было мнѣ заботиться о ногѣ молодой дѣвушки, перевязывать ее и дѣлать все, что я сдѣлалъ, не спрашивая позволенія у этого англійскаго властителя? Когда вы его увидите, скажите ему, пожалуйста, что я прошу его отъ всей души извинить меня: впередъ со мной этого никогда не случится. Чортъ меня возьми, если я еще когда нибудь это сдѣлаю! Съ этихъ поръ, всѣ англійскія леди могутъ ломать себѣ ноги, руки и шею, и могутъ быть увѣрены, что я уже не побѣгу предлагать имъ свои услуги.

Видали ли вы когда нибудь искуснаго рыболова, съ огромной семью на удочкѣ? видали ли вы, какъ онъ предоставляетъ разъяренной рыбѣ бѣгать на всемъ снуркѣ, не препятствуя ей ни малѣйшимъ держаніемъ, напротивъ опуская сколько возможно, удочку, поощряя такимъ образомъ своего плѣнника растратить всѣ свои силы, пока тотъ, истощившись сильными порывомъ, и тогда, искуснымъ движеніемъ, вытаскиваетъ свою добычу изъ воды и бросаетъ ее на берегъ?

Хитрый англійскій докторъ, не прерывая, предоставилъ своему молодому другу высказать сначала до конца всю свою филиппику, сильно опуская снурокъ для его гнѣва и ожидая благоприятной минуты, чтобы вытянуть свою добычу и положить ее на землю.

— Но молодая дѣвушка? — сказала докторъ Йоркъ, воспользовавшись минутою молчанія. — Вы ничего не говорите о дѣвушкѣ? И она такъ же дурно вела себя въ отношеніи васъ.

— О! нѣтъ, бѣдное дитя, — сказалъ Антоніо, котораго голосъ вдругъ смягчился. — Она показала себя съ самаго начала признательною и любезною.

— Стало быть, — воскликнулъ маленькій докторъ, все болѣе и болѣе

стѣнная непріятель, — вы хотите, чтобы грѣхи отца упали на невинную дочь?

Антонио хранилъ молчаніе.

— Очень хорошо, — сказалъ докторъ, — я понимаю ваше молчаніе. Для меня вопросъ теперь заключается въ томъ. (тутъ онъ попробовалъ подергать удочку) кто будетъ лечить миссъ Давеннъ? Вы не хотите; я не могу.

— Въ докторахъ недостатка нѣтъ, — возразилъ Антонио съ принужденною улыбкой; — одинъ есть въ Вентимильи, другой въ Самъ-Ремо. Я уже далъ сэру Джону Давенну ихъ имена и адреса.

— Это очень любезно съ вашей стороны; но вы знаете очень хорошо, что ни тому, ни другому не справиться съ этой болѣзью. Да, смотрите на меня сколько хотите, но вы знаете очень хорошо, что сломанная нога миссъ Давеннъ требуетъ руки болѣе искуснаго хирурга, чѣмъ каковы эти господа; требуетъ вниманія и постояннаго попеченія, которыя можетъ оказывать только человѣкъ живущій вблизи. Теперь же, — продолжалъ докторъ (сильно дергая удочкой), — что скажете вы, если эта невинная дѣвушка, такая добрая и любезная, останется хромою на всю свою жизнь, отъ недостатка необходимыхъ попеченій?

— Избави Богъ! — воскликнулъ Антонио съ жаромъ.

— Въ такомъ случаѣ — продолжалъ докторъ Йоркъ. — скажите одно слово и выведете изъ затрудненія стараго пріятеля. Хотите ли это сдѣлать?

— Въ какого затрудненія? — спросилъ удивленный итальянецъ, никакъ не ожидавшій подобной просьбы.

— Конечно, — сказалъ англичанинъ (вытаскивая свою добычу на землю), — вы должны понять, что каковы бы ни были мои обязанности въ Ниццѣ, а онѣ дѣйствительно важны, — я не могу, приличнымъ образомъ, оставить отца и дочь, въ подобномъ затрудненіи, въ чужой странѣ, хотя бы отъ пребыванія моего здѣсь страдало здоровье моихъ паціентовъ.

— Долженъ ли я думать, — спросилъ Антонио, послѣ короткаго молчанія, — что вы пришли отъ имени сэра Джона?

— Естественно.

— И что сэръ Джонъ жаждетъ...?

— Не только жаждетъ, прервалъ маленькій джентльменъ, съ восторгомъ. — онъ будетъ счастливъ, любезный другъ, онъ будетъ счастливъ снова имѣть васъ безъ всякихъ условій. Вы будете неограниченно распоряжаться въ комнатѣ больной.

— Ну, пусть будетъ по вашему, — сказалъ Антонио, побѣжденный. — Я возвращусь и снова буду лечить его дочь. Но вы должны быть убѣждены, что если я соглашаюсь, то это только для васъ и для бѣдной молодой дѣвушки.

— Благодарю, благодарю, — сказалъ докторъ Йоркъ отъ глубины души; — у васъ благородное сердце и вы стоите цѣлой дюжины сэровъ Джоновъ. Благодарю, — повторилъ онъ еще разъ, дружески пожимая обѣ руки Антонио.

Итальянец надѣлъ свою шляпу, — ту же коническую шляпу, которая такъ перепугала сэра Джона, при первой встрѣчѣ, — и оба доктора отправились вмѣстѣ, въ гостиницу del Mattono. Докторъ Йоркъ ни слова не упомянулъ о *нежеланіи оскорбить*, увѣреніе въ которомъ, по инструкціямъ сэра Джона, должно бы быть предварительнымъ условіемъ, *sine qua non*, всякихъ переговоровъ. Онъ нѣсколько не хотѣлъ подобнымъ затрудненіемъ подвергать опасности успѣхъ своего поученія. Хорошо зная горячую и великодушную натуру Антонію, онъ былъ вполне увѣренъ, что всякій первый шагъ, сдѣланный баронетомъ, будетъ принятъ итальянцемъ и въ духѣ совершеннаго примиренія.

Между тѣмъ сэръ Джонъ въ большой тревогѣ шагаль по загѣ вдоль и поперегъ, выходя иногда на балконъ, чтобы взглянуть на бордигерскую дорогу. Наконецъ баронетъ увидалъ обоихъ докторовъ, сходявшихъ съ холма подъ руку, и вмѣсто того, чтобы обрадоваться, онъ такъ вздернулъ ноздрями, какъ будто бы отъ всѣхъ апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ разливался не чудный запахъ по саду, а самыя отвратительныя испаренія.

Однако, когда эти господа вошли въ комнату, на лицѣ сэра Джона не оставалось ни малѣйшаго слѣда неудовольствія, и онъ принялъ ихъ чрезвычайно любезно и даже рѣшился сказать доктору Антонію нѣсколько учтивыхъ, но довольно церемонныхъ словъ, стараясь выразить свое сожалѣніе о случившемся недоразумѣніи, что заставило итальянца отвѣтить въ томъ же родѣ, только отвѣтъ его былъ гораздо изящнѣе. Безпокойство доктора Йорка, во время этихъ переговоровъ, выражалось безпрестаннымъ употребленіемъ табаку; онъ вздохнулъ свободно только тогда, когда согласіе было восстановлено, и сказалъ про себя:

— Ну, слава Богу, наконецъ-то я отдѣлался!

— Теперь, — сказалъ сэръ Джонъ, обращаясь къ доктору Йорку, — мнѣ остается только поблагодарить васъ, и извиниться, что я такъ долго пользовался драгоценнымъ для васъ временемъ. Не прикажете ли запрягать лошадей въ карету?

Поспѣшность, съ какою было принято это предложеніе, доказывала, какъ оно было кстати.

— Въ такомъ случаѣ, господа, позвольте мнѣ оставить васъ на нѣкоторое время. Я хочу воспользоваться случаемъ, чтобъ отправить нѣсколько нужныхъ писемъ въ Ниццу.

И довольный вымышленнымъ предлогомъ, онъ съ поспѣшностью вышелъ изъ комнаты.

Сэръ Джонъ съ пользою употребилъ время, пока доставали лошадей: онъ писалъ письмо за письмомъ: сперва къ своему сыну Обри, въ домъ въ — мѣ Скверѣ, потомъ къ своимъ банкирамъ, потомъ къ своему повѣренному въ Лондонъ, потомъ къ своему управляющему въ деревню (поручая, тремъ послѣднимъ, пересылать ему всѣ письма и журналы въ Нордигеру); къ этой перепискѣ, онъ прибавилъ длинный реэстръ вѣщамъ, которыя его курьеръ долженъ былъ ему выслать безъ замедленія; Джонъ также получалъ цѣлую кассу

словесныхъ порученій; изъ писемъ, реэстровъ, предписаній и порученій можно было видѣть, что сэръ Джонъ рѣшился на долгое время пребываніе въ этомъ непріятномъ мѣстѣ. Сэръ Джонъ, наконецъ, понялъ въ чемъ дѣло, и рѣшился (хотя противъ желанія) уступить неизбѣжности обстоятельствъ; хотя въ тоже время остатокъ неудовольствія волновалъ сердце сэра Джона, съ гораздо большею, чѣмъ когда либо, живостью.

Сэръ Джонъ настоялъ на томъ, чтобы проводить доктора Йорка до кареты, для того чтобы, по его словамъ, видѣть собственными глазами, все ли въ порядкѣ. Но это было не что иное, какъ выдуманный имъ предлогъ, для того, чтобы оставить на подушкѣ, подлѣ доктора Йорка, конвертъ; докторъ же въ это мгновеніе сдѣлалъ видъ, какъ будто ничего не замѣчаетъ; но, лишь только Джонъ хлопнулъ дверцы кареты, докторъ тотчасъ же раскрылъ конвертъ, тщательно осмотрѣлъ его, и, съ явными знаками удовольствія, положилъ его въ свой бумажникъ. Сдѣлавъ это, добрый маленькій докторъ, утомленный душою и тѣломъ, протянулся во всю длину кареты, и, воскликнувъ еще разъ: «изъ какихъ-же непріятныхъ хлопотъ я выпутался!» заснулъ такъ крѣпко, что проснулся только у двери своего дома, въ Ниццѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Маленькія занятія.

— Я должна васъ о многомъ разспросить, — сказала Люси, когда Антоніо появился на другой день утромъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — весело отвѣчалъ итальянецъ. — Ну и прекрасно, я готовъ; вы скорѣе устанете спрашивать, чѣмъ я отвѣчать. Но прежде, не скажете ли мнѣ, какъ вы чувствуете себя, да не позволите ли пощупать вашъ пульсъ?

По окончаніи медицинскаго изслѣдованія, Люси сказала:

— Теперь, прежде всего, для начала, скажу вамъ, что я намѣрена дать нѣсколько денегъ Просперо. Сколько надо ему послать?

— А вотъ, посмотримъ, — отвѣчалъ Антоніо, подумавъ. — Положимъ, что Просперо не можетъ приняться за работу двѣ недѣли, а это очень возможно; ну, пятнадцать дней работы, по тридцати су въ день — его обликновенное жалованье — составляютъ двадцать двѣ лиры и десять су. Если вы пошлете ему двадцать пять франковъ, то это доставитъ ему средства имѣть нѣсколько лучшую пицу во время выздоровленія.

Люси попросила Гутчинсъ подать ей кошелекъ. — Замѣтимъ одинъ разъ навсегда, что Гутчинсъ всегда присутствовала при визитахъ итальянца; она работала или подлѣ своей молодой госпожи, или же въ своей комнатѣ, за небольшимъ столомъ, какъ разъ противъ двери, всегда отворенной.

Люси подала деньги доктору.

— Пятьдесятъ франковъ! — сказалъ онъ; — это вдвое больше, чѣмъ я вамъ совѣтывалъ.

— Эти личніе двадцать пять фланковъ, — замѣтила Люси, — на доктора и на лекарства для Просперо:

— Просперо не имѣетъ нужды платить ни доктору, ни за лекарства. Я приходскій докторъ, и приходъ мнѣ платить за леченіе бѣдныхъ.

-- Но кто же даетъ имъ лекарства?

— Я. У меня ихъ много и я очень доволенъ, что могу отъ нихъ избавиться. Надо обращать большое вниманіе, какимъ образомъ помогать бѣднымъ. Помощь свыше того, чѣмъ требуетъ положительная необходимость, служить только къ поощренію лѣности и дѣлаетъ больше вреда, чѣмъ пользы.

— Вы говорите то же самое, что папа всегда говоритъ, — возразила Люси. Только, на этотъ разъ, докторъ Антоніо, я не стану настаивать, чтобы сдѣлать по своему, если вы дадите мнѣ слово, что предупредите меня въ случаѣ, если Просперо еще будетъ нуждаться, или кто другой изъ бѣдныхъ людей, кого вы знаете.

— Право, не знаю, долженъ ли я обещать вамъ это, — сказалъ Антоніо съ улыбкою, дававшюю другой смыслъ его словамъ. — Если вы будете дѣлать по вашему желанію, то я опасаюсь, что бѣдные люди всего здѣшняго околотка скоро всё избалуются. Ваши разспросы уже кончены?

— Я только что начала. Скажите, зачѣмъ вы привели вчера этого отвратительнаго англійскаго доктора?

-- Отвратительнаго? Отчего же отвратительнаго? — спросилъ въ свою очередь Антоніо, съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Ну да, отвратительнаго, потому что онъ такой сладенькій, приторный.... Я ненавижу людей, съ такой приторной рѣчью. Я не хочу другого доктора, кромѣ васъ; и вы не имѣете нужды приводить ко мнѣ никого.

— Сколько понимаю, этому предпочтенію я обязанъ своимъ несовѣтмъ свѣтскимъ манерамъ. Не бойтесь, нѣтъ опасности, чтобы докторъ Йоркъ отбилъ у меня мою больную, теперь онъ уже преспокойно сидитъ у себя въ Ниццѣ.

— Надѣюсь, что онъ тамъ навсегда и останется. Но зачѣмъ онъ пріѣзжалъ сюда? — сказала Люси рѣшительнымъ голосомъ.

— Онъ пріѣзжалъ, по моей просьбѣ, какъ я уже вамъ сказалъ. Онъ случайно заѣхалъ ко мнѣ, возвращаясь въ Ниццу, а я очень былъ радъ посоветоваться съ нимъ на счетъ вашей ноги. Но какъ нельзя было этого сдѣлать, не осмотрѣвъ ее, такъ я и привелъ его къ вамъ. Независимо отъ уваженія, какое я имѣю къ его мнѣнію, я думалъ, что если мы сойдемся, какъ я этого и надѣялся въ нашемъ взглядѣ на вашу болѣзнь, его мнѣніе придастъ мнѣ болѣе силъ и важности въ глазахъ сэра Джона.

— Почему? — спросила Люси, съ упрямствомъ ребенка.

— Развѣ вы не согласны со мной въ томъ, что англичанинъ естественно имѣетъ больше довѣрія съ англійскому доктору, чѣмъ къ доктору иностранцу?

— Развѣ у васъ произошли несогласія съ папѣ?

— Не то чтобы несогласія ; но нельзя же было ожидать, чтобы сэръ Джонъ , не будучи докторомъ , могъ судить о нѣкоторыхъ пунктахъ одинаково со мною. Вотъ и все тутъ.

— Прошу васъ, сказать мнѣ, — продолжала Люси, съ настойчивостью, — какіе эти пункты?

— Вы, кажется, дѣлаете мнѣ допросъ? — сказалъ докторъ Антоніо, смѣясь.

Да, — отвѣчала Люси сѣрьезно; — только не изъ простаго любопытства, какъ вы вѣроятно, думаете. Не знаю, что заставляетъ меня предполагать, что есть какое-то недоразумѣніе , насчетъ меня, между вами и папа; но я это подозреваю, и, — прибавила она, устремивъ глаза на Антоніо. — хочу все знать, чтобы потомъ дѣйствовать такъ, чтобы не осталось и слѣда этого недоразумѣнія.

— Вы очень добры, но теперь нѣтъ нужды ни въ какомъ посредничествѣ. Благодаря этому *отвратительному* доктору Йорку, — сказалъ онъ съ улыбкою, — сэръ Джонъ долженъ былъ убѣдиться въ необходимости оставаться въ этомъ бѣдномъ домѣ долѣе , нежели онъ ожидалъ или желалъ этого. Теперь вы знаете пунктъ, на которомъ мы не сходились.

— О! такъ вотъ почему папа былъ такъ молчаливъ, такъ задумчивъ вчера вечеромъ. Можемъ ли мы уѣхать въ концѣ этого мѣсяца?

— Боюсь, что нѣтъ.

— Какъ это непріятно! — воскликнула Люси.

— Развѣ вамъ такъ хочется уѣхать скорѣе изъ Итали?

— О, нѣтъ! я думала только о папѣ. Можемъ ли мы, по крайней мѣрѣ, уѣхать черезъ мѣсяць, считая съ этого дня?

— Да, я думаю, чрезъ мѣсяць, или около того.

— Цѣлый мѣсяць! я боюсь, что онъ покажется очень длиннымъ для папѣ. Ему такъ скучно здѣсь! у него даже нѣтъ здѣсь верховой лошади, а онъ привыкъ всякое утро прогуливаться верхомъ! Можно ли навѣтъ здѣсь, или по сосѣдству, верховую лошадь?

— О, навѣрное нѣтъ!

— Какъ это непріятно! — воскликнула снова Люси, — а когда мнѣ будетъ можно встать?

— Очень жаль, что не могу отвѣчать вамъ на этотъ вопросъ. Вы дѣлаете хорошо, если отложите это ad referendum, какъ говорится на швейцарскомъ сеймѣ.

— Ваша латынь, можетъ быть, и очень классична, но нисколько не забавна, — сказала Люси.

— Не можете ли вы сдѣлать усилія надъ собой, и представить себѣ на минуту, что у васъ совсѣмъ нѣтъ ноги? — сказалъ важно Антоніо.

Люси очень хотѣлось засмѣяться, но вмѣсто этого она объявила, что это ужасно, что она никогда не видала такого злого доктора. Хотя Люси было уже около двадцати лѣтъ, однако, она сохраняла, много свѣжести, прелести и даже капризовъ дѣтскаго возраста.

— Увѣрю васъ, сказалъ итальянецъ, въ отвѣтъ на эту вспышку, — я

Не продержу васъ въ постели-- часу долѣе, чѣмъ это необходимо.

— Благодарю,— сказала Люси, нѣсколько съ досадою.

Докторъ хранилъ молчаніе.

— Знаете ли, докторъ Антоніо,— продолжала Люси, чрезъ минуту,— я хочу поскорѣе встать для того, чтобы увидать этотъ прелестный холмикъ, который былъ отъ насъ направо, когда наша карета опрокинулась. Я бы желала на него посмотреть на свободѣ, спокойно, а не проскакать мимо, что есть духу.

— Вы хотите сказать— бордигерскій мысъ? сказалъ Антоніо.

— Да, я думаю, что такъ. Я дремала, когда папа меня разбудилъ, кликнувъ почтаря и лишь только открыла я глаза, какъ тотчасъ же замѣтила что-то зеленое, свѣжее, очаровательное. Это было на одно только мгновение, но такъ хорошо, что воспоминаніе объ этомъ представляется мнѣ всякую минуту точно волшебное видѣніе.

— Не давайте слишкомъ свободы своему воображенію,— возразилъ докторъ,— чтобы дѣйствительность не потеряла чѣны своей.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать, что какъ бы ни была прелестна дѣйствительность, моя милая больная, а все же она рѣдко представляетъ то, что обѣщаетъ намъ воображеніе.

— Я не слишкомъ высокаго мнѣнія о прелестяхъ воображенія,— сказала Люси,— но знаю, что дѣйствительность часто бываетъ не-пріятна.

— Напримѣръ, когда принуждены лежать въ постели,— сказалъ лукаво докторъ.

— Именно такъ. Но скажите мнѣ, пожалуйста, показалось ли мнѣ это, или дѣйствительно я видѣла огромныя пальмы на бордигерскомъ холмѣ?

— Вы дѣйствительно ихъ видѣли. Бордигера славится своими пальмовыми деревьями.

Казалось, Люси исчерпала весь свой запасъ вопросовъ; докторъ Антоніо хотѣлъ уже распрощаться съ нею, когда она удержала его, сказавъ:

— Еще одно слово, и я позволю вамъ уйти. Дѣло идетъ о Сперанцѣ: она меня очень интересуешь; она кажется иногда такой несчастной; не знаете ли вы— что съ нею?

— Сперанца имѣетъ свои огорченія, сказалъ Антоніо,— ея исторія проста и трогательна, но потеряетъ весь свой эффектъ, если будетъ рассказана мною. Я очень доволенъ, что вы принимаете участіе въ этой дѣвушкѣ; въ ея натурѣ есть много врожденнаго благородства. Не пренебрегайте ея знакомствомъ и старайтесь приобрести ея довѣренность. Моральный міръ чрезвычайно похожъ на міръ физическій; стоитъ лишь наклониться, чтобы найти съ самыхъ простыхъ слоевъ общества тысячу предметовъ, достойныхъ нашего вниманія и симпатій.

Докторъ замѣтилъ не безъ нѣкотораго удивленія, что съ этого времени миссъ Давеннъ никогда не жаловалась, что должна лежать въ постели и не говорила болѣе о своемъ желаніи встать.

На другой день, Люси было позволено читать романаго, и докторъ Антонио принесть ей томъ Шекспира и *Promessi Sposi* (Обрученные) Манцони. Черезъ день или два, ей было позволено сидѣть въ постели. По указанію доктора, постель приблизили къ окну, откуда былъ великолѣпный видъ на Средиземное море.

— Живали-ли вы, когда нибудь, на берегу моря?—спросилъ докторъ Люси.

— Никогда. Когда послали меня, братъ ванны, въ Брайтонъ, доктора запретили мнѣ жить въ домахъ на берегу моря.

— Тѣмъ лучше,—сказалъ Антонио;—въ такомъ случаѣ, наше море будетъ имѣть для васъ прелесть новости. Этотъ видъ всегда новъ; для книга, которая никогда не утомляетъ; она будетъ служить вамъ вѣсь безпрестаннымъ занятіемъ, и вмѣстѣ предметомъ удивленія, если вы будете слѣдить за его перемѣнами, богатствомъ цвѣтовъ, переходящихъ отъ бѣлаго, какъ снѣгъ, къ черному, какъ чернила. И потомъ спросите его о тайнахъ его разнообразнаго шума, начинающаго съ глухого и жалобнаго ропота, который кажется вздохомъ или поцѣлуемъ, до грома бури, заставляющей трепетать землю. Всѣ поэты воспѣвали море, но никто не воспѣлъ его въ такихъ могучихъ выраженіяхъ, какъ еврейскій царь.

Съ этими словами Антонио взялъ со столика, стоявшаго подлѣ Люси, англійскую библію, и прочелъ стихъ псалма. «Сходящій въ море въ корабляхъ, творящій дѣланія въ водахъ многихъ: Тимъ видѣша дѣла Господня и чудеса его во глубинѣ. Рече и ста духъ буревъ, и вознесошася волны его: Восходятъ до небесъ и низходятъ до безднъ: души ихъ въ злыхъ таяше. Смятошася, подвигошася яко пійный, и вся мудрость ихъ поглощена бысть.»

— Ничто, миссъ Давеннъ, не можетъ сравниться съ этимъ въ простотѣ, истинѣ и величіи.

Люси смотрѣла и слушала его, какъ, конечно, никогда не слушала и не смотрѣла ни на кого, потому она сказала.

— Какъ это странно! вы, кажется, хорошо знаете Библію?

— Это васъ удивляетъ?

— Да: я думала, что римскіе католики никогда не читаютъ библіи.

— Это-общее заблужденіе протестантовъ. Еслибъ вы знали наши религиозные обряды, вы увидали бы, что они основаны, большею частію, на Библии, и что священное писаніе всякій день, утромъ и вечеромъ читаютъ и поютъ въ нашихъ церквахъ, правда по-латыни, но переводъ его находится во всѣхъ нашихъ молитвенникахъ. Въ дѣйствительности же всю библію, переведеную на итальянскій языкъ, позволено читать съ двумя только условіями: первое, чтобы переводъ былъ сдѣланъ по тексту, который обыкновенно называютъ *Вульгатой*, (латинскій переводъ Библии, сличенный и дополненный св. Іеронимомъ); второе, чтобы текстъ латинскій былъ напечатанъ противъ итальянскаго. Если чтеніе Библии менѣе распространено въ Италиі, чѣмъ желалось бы, то это, я думаю, происходитъ особенно отъ недостатка народнаго образованія и еще болѣе оттого, что духовенство совѣмъ уже не воощряетъ къ этому чтенію. Однако,

я могу васъ застрѣть, что въ образованномъ классѣ людей у насъ многіе основательно знаютъ Библию и читаютъ ее не только въ переводе, но и въ другихъ переводахъ.

Люси была очень признательна, и находила большое удовольствіе и въ чтеніи и въ созорціи моря. какъ надѣялся докторъ. Не одинъ разъ дѣлала она ему описанія борьбы волнъ, при которой она присутствовала въ своей постели. Но мало по малу, и море, и чтеніе утратили свой интересъ, и докторъ Антонію, наблюдавшій за своей больной, съ материнскою заботливостію, увидалъ, что пришло время найти какое нубудь новое занятіе. Сперва онъ предложилъ, чтобы она читала ему, всякій день, одну главу изъ Манцони. Потомъ онъ, въ свою очередь, читалъ ей одну или двѣ сцены изъ Шекспира, чтобы усовершенствоваться, говорилъ онъ, въ англійскомъ выговорѣ; при этихъ чтеніяхъ раздавался, иногда, тихій серебряный смѣхъ, такъ сладко звучавшій въ ухахъ Антонію, къ которому, впрочемъ онъ и самъ присоединялся отъ всего сердца, хотя его небезукоризненный выговоръ былъ единственною причиною этого смѣха.

Его визиты сдѣлались чрезвычайно часты; онъ приходилъ по три и по четыре раза въ день. Правду сказать, всѣ свободныя минуты отъ своихъ обязанностей онъ проводилъ у изголовья прелестной пациентки; рѣдко приходилъ онъ съ пустыми руками; почти всегда приносилъ что нибудь, что, по его мнѣнію, могло доставить удовольствіе или развлеченіе для Люси. Сперва принесъ онъ альбомъ, съ видами и костюмами Сициліи, небольшую коллекцію древнихъ медалей, нѣсколько образчиковъ лавы, — все свое маленькое сокровище рѣдкостей. Потомъ являлся одно за другимъ; цвѣтокъ, рѣдкое растеніе, любопытное насѣкомое, земляной жукъ въ черной, какъ смола, кирасѣ, зеленый кузнечикъ съ лошадинымъ профилемъ, бабочка съ серебряными и золотыми крыльями, чудесная мохнатая гусеница яркихъ цвѣтовъ, съ широкими черными и правильными полосами.

Часы проходили быстро, когда докторъ объяснялъ молодой больной привычки, нравы и даже пользу, приносимую большею частію этихъ животныхъ. — Боюсь, — сказала онъ, — что это маленькое насѣкомое съ блестящимъ зеленымъ туловищемъ, которымъ вы такъ любуетесь, много теряетъ въ вашемъ мнѣніи, когда вы узнаете его названіе и употребленіе, которое дѣлаютъ изъ него. Не угадываете ли вы, теперь, какое это насѣкомое? Это родъ шпанскихъ мухъ, изъ которыхъ дѣлаютъ нарывные пластыри; это чрезвычайно хитрое твореніе: лишь только дотронешься до него, оно испускаетъ отвратительный запахъ и прикидывается мертвымъ... Неудивительно ли, что всѣ эти существа, живущія въ мірѣ, какъ бы они ни были малы или безобразны, всѣ имѣютъ свое особенное назначеніе, и снабжены средствами къ своей защитѣ? Посмотрите теперь вотъ на это, какъ оно быстро бѣгаетъ на многочисленныхъ своихъ ногахъ; видите ли — вотъ оно свернулось въ клубокъ. — Это его средство къ защитѣ противъ опасности. Это же неповоротливое и угрюмое маленькое твореніе,

которое вы едва удостоиваете взгляда, при дневномъ свѣтѣ, часто, я увѣренъ, возбуждало ваше удивленіе вечеромъ, на прогулкѣ.

— Неужели это свѣтящійся червякъ?—спросила Люси.

— Да, онъ также представляется мертвымъ, когда хочешь его взять, хотя, въ дѣйствительности, чрезвычайно живучъ. Однажды я дѣлалъ опыты надъ однимъ изъ нихъ: сперва онъ перенесъ восьмидневное заключеніе подъ стаканомъ, и пробылъ три часа въ чашкѣ съ водою; однакоже и оттуда вышелъ живой. Изъ этого я заключилъ, что онъ вполне заслуживаетъ свободы.

Докторъ Антоніо достигъ совершенно своей цѣли, заключавшейся въ томъ, чтобы сдѣлать для своей больной часы менѣе дѣльными и скучными. Люси никогда не уставала дѣлать вопросы, а Антоніо отвѣчалъ на нихъ всегда охотно, что дѣлало честь его учительскому терпѣнію.

Однажды, послѣ разговора въ этомъ родѣ, Люси оставалась въ глубокомъ раздумьи; докторъ, казалось, не хотѣлъ прервать ея молчанія. О чемъ думала Люси? Думала ли она о чемъ нибудь? Нѣтъ; она погружена была въ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ восторговъ, когда простое чувство существованія уже есть счастье, когда небо кажется глубже, чѣмъ когда либо прежде, море бластательнѣе, воздухъ чище. Глаза доктора Антоніо, отъ моря, перепли на задумчивое лицо его ученицы.

— Не утомилъ ли я васъ?—спросилъ онъ ее въ ту минуту, когда вѣеры ихъ встрѣтились.

— О! нѣтъ,—отвѣчала Люси голосомъ, который долженъ былъ его совершенно успокоить.

Во время вопроса и отвѣта, вечерній вѣтерокъ повѣялъ сладостнымъ запахомъ апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ, находившихся въ саду.

— Какой упоительный запахъ!—воскликнула Люси.

— Да, дѣйствительно упоительный,—отвѣчалъ Антоніо. — Любите вы цвѣты?

— О! страстно,—сказала она.—У меня ихъ было очень много въ дѣтствѣ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ такого прекраснаго запаха, какой имѣютъ простыя растенія въ этомъ саду.

— Вслибъ я былъ молодою дѣвницей,—сказалъ Антоніо.—то навѣрное ничего на свѣтѣ не любилъ бы такъ, какъ садъ.

— Вы такъ думаете, потому что вы мужчина,—сказала Люси.—Вы ничего не понимаете, что бываетъ съ дѣвушками. Вы и не представляете себѣ, сколькимъ вещамъ ихъ учать, для того, чтобы онѣ увидѣли потомъ, какъ я, что ничего не знаютъ.

— Что касается до этого,—отвѣчалъ Антоніо, разсмѣявшись,—то я увѣренъ, что многіе молодые люди могутъ сказать о себѣ то же самое.

Наступила снова минута молчанія; потомъ Люси, возвращаясь къ прежде начатому разговору, вдругъ сказала:

— Я всегда воображала, что померанцовые цвѣты вечеромъ пахнутъ лучше.

— И это не одно воображеніе, — возразилъ докторъ; — померанцовый цвѣтокъ, какъ и всѣ цвѣты съ сильнымъ запахомъ, дѣйствительно сильнѣе пахнутъ въ концѣ дня и въ первые часы, по заходженіи солнца. Даже есть нѣкоторые цвѣты, какъ напримѣръ, индійскій жасминъ, которые днемъ не имѣютъ никакого запаха, а вечеромъ пахнутъ чрезвычайно пріятно.

— Что даетъ цвѣтамъ ихъ запахъ? знаете ли вы это?

— Я вамъ покажу это завтра; теперь же слишкомъ уже поздно. Я чрезвычайно радъ,—продолжалъ онъ, что эти предметы васъ занимаютъ; это помогаетъ вамъ переносить ваше скучное заключеніе. Не правда ли, что невѣроятно, какой богатый источникъ къ наблюденіямъ и удивленію можно, если захочешь, найти вокругъ себя, въ насѣкомомъ, въ растеніи, въ каждой травкѣ?

Впродолженіе этой рѣчи итальянца, Люси вся покраснѣла.

— Какъ я вамъ обязана!—сказала она, протягивая ему руку.

Это странное восклицаніе заставило засмѣяться Антонію, и онъ поспѣшно распростерся. Предоставленная самой себѣ, Люси долго смотрѣла на море; его волнующіяся линіи издали освѣщались блестящими и золотистыми лучами заходящаго солнца, въ послѣднія минуты присутствія Антонію; теперь же быстро исчезали съ горизонта, а она все смотрѣла вдаль, и ей казалось, что нѣмой языкъ этого неизмѣримаго созданія природы, — въ этотъ вечеръ упительный, какъ вздохъ любви,—отвѣчалъ ей на нѣмые вопросы ея сердца. Наконецъ, небо, море и садъ потеряли всякій цвѣтъ, всякое движеніе, всякую форму, а Люси все еще смотрѣла въ темноту.

— Люси, дорогое дитя мое, — воскликнулъ сэръ Джонъ, отворяя дверь, съ лампою въ рукахъ,—ты въ темнотѣ и одна!

— Да, папа; послѣ ухода доктора Антонію, я послала бѣдную Гуччясъ прогуляться въ садъ.

Сэръ Джонъ подошелъ къ постели, продолжая держать лампу въ рукахъ.

— Посмотри, Люси,—сказалъ онъ, — я, просто, въ восторгѣ отъ старинной модели этой лампы. Хозяйка сказала Джону, что въ Генуѣ можно достать такой же формы и серебряныя. Я хочу купить нѣсколько такихъ лампъ, чтобы привезти съ собою домой.

И сэръ Джонъ показалъ Люси предметъ своего великаго удивленія. Это была простая лампа, обыкновенно употребляемая въ Италіи, и состоящая изъ мѣднаго шара, съ тремя продолговатыми оконечностями, съ продолговатою стрѣлкой въ центрѣ, на которой висѣла цѣпочка съ гасильникомъ и толстой большою булавкой, чтобы поправлять фитиль.

— Это очень мило, папа.

Взглядъ сэра Джона упалъ на лицо дочери, когда она осматривала лампу.

— Ты, кажется, чувствуешь себя хорошо нынѣшній вечеръ, Люси! — воскликнулъ онъ;—я не слышалъ сегодня, чтобы ты кашляла.

— Вотъ уже два дня, какъ я совсѣмъ не кашляю,—отвѣчала Люси;—здѣшній воздухъ, кажется, мнѣ очень полезенъ.

— Я то же думаю,—сказалъ съ удовольствіемъ отецъ.—Однако не надобно злоупотреблять хорошими вещами,—добавилъ онъ, затворяя окно.

На другой день, утромъ, докторъ Антоніо принесъ Люси небольшую померанцовую вѣтку, покрытую цвѣтами.

— Смотрите,—сказалъ онъ,— я вамъ принесъ то, что можно назвать вѣнцомъ нашихъ береговъ.

— О, какъ вы прекрасны!—сказала Люси, обращаясь къ цвѣтамъ, какъ къ существамъ разумнымъ.—Откуда у нихъ это чудное благоуханіе? продолжала она, сильно вдыхая ихъ запахъ.

Антоніо оторвалъ одинъ изъ плотныхъ лепестковъ цвѣтка и, показывая его на свѣтъ, сказалъ:

— Видите ли эти маленькія прозрачныя точки?

— Да.

— Ну, вотъ оттуда-то цвѣты получаютъ свой запахъ. Каждое изъ этихъ прозрачныхъ пятнышекъ не что иное какъ микроскопическая стьянка, содержащая въ себѣ эфирную частицу масла, откуда цвѣтокъ получаетъ свой запахъ, точно такъ же, какъ вы можете надушить вашъ гардеробъ флакономъ розоваго масла.

— Какъ это чудесно!—воскликнула восхищенная молодая дѣвушка;—какъ я счастлива, что узнала это!

Антоніо отрѣзалъ потомъ кусокъ апельсиновой корки и показалъ ей, что она также была наполнена подобными стьянками съ масломъ.

— Такъ вотъ оно какъ, сказала Люси;—но всѣ ли цвѣты надушны такимъ же способомъ?

— Да, и большая часть листьевъ, какъ напримѣръ, миртовые, снабжены сосудами такого же рода.

— Я всегда думала,—сказала Люси,—что запахъ находится въ этихъ маленькихъ кисточкахъ, покрытыхъ пылью.

И она указала на пылинки.

— Онѣ имѣютъ совсѣмъ другое назначеніе,—отвѣчалъ докторъ.

Тутъ онъ принялся объяснять ей названія и дѣйствія различныхъ частей цвѣтка.

— Никогда не запомнить мнѣ всего этого,—сказала Люси, печально покачивая головою.

— Я вамъ это напишу, если вы дѣйствительно желаете запомнить,—сказалъ Антоніо.

— О! да, докторъ Антоніо, я завтра я вамъ повторю мой урокъ.

Живое одушевленіе, освѣтившее прелестное лицо Люси, заставило Антоніо сказать:

— Видаете ли, что вы имѣете рѣшительную склонность къ ботаникѣ?

— Къ ботаникѣ! о, нѣтъ!—воскликнула Люси,—напротивъ, я терпѣть не могу всѣхъ этихъ названій и всѣхъ этихъ гадкихъ ученыхъ словъ; но я люблю слушать, какъ вы говорите о цвѣтахъ.

— Ну, такъ мы будемъ говорить о цвѣтахъ и именно о тѣхъ только,

которые вы любите.—сказалъ Антонію, улыбаясь.—Но если мнѣ случится принести вамъ болѣе рѣдкіе цвѣты, то вы не откажетесь прочесть то, что говорятъ о нихъ книги: я долженъ предупредить васъ, что мои познанія, въ этомъ предметѣ, неслишкомъ далеко простираются.

— О! слишкомъ далеко, для того чтобы объяснить мнѣ, что я хочу знать,—сказала Люси;—но если это васъ утомляетъ, то конечно, я должна буду приняться за ваши ужасныя книги?

Съ этого дня, цвѣты стали любимымъ занятіемъ миссъ Давеннъ и очень полезнымъ вспомогательнымъ средствомъ, для добрыхъ намѣреній Антонію. Люси находила неизъяснимое удовольствіе въ этихъ продолжительныхъ разговорахъ, во время которыхъ онъ ей объяснялъ таинственныя дѣйствія природы, отношенія царства растительнаго къ царству животному, сходства и различія, существующія между обоими царствами и о связь, соединяющую ихъ съ остальнымъ міромъ.

Случилось, что однажды, послѣ полудня, Антонію вошелъ во время проливнаго дождика.

— Посмотрите,—сказалъ онъ, подвигая кровать Люси къ окну для того, чтобы она могла видѣть деревья въ саду,—посмотрите, какой праздникъ для деревьевъ и растеній. Какъ листья поднимаются и пьютъ каждую каплю падающей воды!

— Какъ это странно слышать.—сказала Люси,—какъ вы говорите о растеніяхъ, точно это живныя существа, которыя дышатъ, пьютъ и кто знаетъ?—можетъ быть, и ѣдятъ.

И дѣвушка громко и весело засмѣялась.

— Отчего же нѣтъ?—возразилъ Антонію съ своею обыкновенною и нѣсколько насмѣпливою улыбкой.—Можно подумать, что изъ всѣхъ цвѣтовъ, украшающихъ землю, вы даете только молодымъ дѣвушкамъ исключительное право кушать устрицы и кровавый бѣстекъ?—Позвольте сказать вамъ, ваши садовыя соперницы, точно также, употребляютъ матеріальную пищу.

— О, докторъ Антонію! что вы это говорите!—возразила Люси, еще болѣе смѣясь.

— Я говорю истину, отиѣчалъ онъ. Діонея, извѣстная подъ обыкновеннымъ именемъ *мухоловки*, имѣетъ листья, вооруженные небольшими колючимъ пушкомъ. Когда насѣкомое дотрогивается до листа, онъ свертывается—и коѣпко держитъ свою добычу, и раскрывается тогда только, когда насѣкомое переварилось. И еще болѣе: дѣлали опыты питать діонею маленькими кусочками сырой говядины.

— Сырой говядины!—повторила Люси, съ отвращеніемъ.

— Да, увѣряю васъ, сырую говядиную! Листья свертывались точно такимъ же образомъ, и когда снова раскрывались, ничего уже не находили,—говядина была съѣдена.

— Отвратительная діонея!—воскликнула Люси.—я никогда не буду держать ее въ моемъ саду. Цвѣтокъ ѣстъ сырую говядину! но это настоящій долоѣдъ!

Сначала докторъ Антонію нисколько не думалъ учить свою больную,

онъ только хотѣлъ доставить ей иѣкоторое развлеченіе. Но быстрая понятливость Люси и желаніе знать, заклекли доктора далѣе, нежели онъ думалъ, и, наконецъ, оказалось, что онъ ей давалъ настоящія уроки ботаники и часто даже писалъ для своей ученицы перечень ихъ разговоровъ, такъ что Люси скоро имѣла въ своемъ распоряженіи небольшой ученый запасъ, который она накопила безъ всякаго усилія, и почти безъ вѣдома. И когда докторъ положилъ передъ ея глазами одну изъ «этихъ скучныхъ ученыхъ книгъ», которыя она такъ прежде ненавидѣла, она очень была удивлена, увидавъ, что содержащееся въ ней было ей, большею частью, извѣстно. Нѣтъ ничего удивительнаго, если Люси смотрѣла на своего учителя, какъ на неисчерпаемый колодезь науки, и что Антоніо былъ въ глазахъ ея самый замѣчательный человѣкъ въ мірѣ.

Въ одно утро, Люси, къ величайшему своему удивленію, услышала, что въ комнатѣ Гутчинсъ, кто-то пѣлъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Кто жъ это могъ быть другою, какъ не докторъ Антоніо?

— Bravo! — закричала она. — Развѣ таинственный трубадуръ не хочетъ показать намъ свою особу?

— А! а! миссъ Давеннъ, сказалъ Антоніо, входя съ гитарою, повѣшенною черезъ плечо. — теперь вы не можете больше обвинить меня въ недостаткѣ вѣжливости.

Люси съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— О! не отрицайтесь: вы знаете очень хорошо, что ужъ давно ждете, всякій вечеръ, серенады. Это ужъ было бы слишкомъ необыкновенно еслибъ молодая дѣвушка, путешествуя по Италіи, не встрѣтила ни разбойника, ни серенады. Теперь, вы имѣли свою серенаду, да еще при свѣтломъ днѣ, что еще болѣе придаетъ ей интереса.

— Признайтесь, докторъ Антоніо, что вы считаете дѣвицъ очень глупыми существами. — сказала Люси, смѣясь отъ всего сердца.

— Отчего жъ? — сказалъ докторъ, смѣясь въ свою очередь.

— Потому, что вы предполагаете будто онѣ непременно находятя въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго, какъ будто ужъ онѣ такъ отличаются отъ васъ!

— Нисколько. Развѣ разбойники и серенады не что иное, какъ мнѣ? и любовь къ приключеньямъ развѣ неприлична молодости? Что касается до меня, когда я былъ въ вашихъ лѣтахъ, я отдалъ бы все на свѣтѣ за какое нибудь потрясающее приключеніе на сушѣ или на морѣ, и романы Анны Радклифъ — ничто въ сравненіи съ тѣми, которые я самъ себѣ создавалъ?

— Какъ! вы, такой степенный?

— Да, я, олицетворенная степенность. Но, пока, вы мнѣ еще ничего не сказали о моемъ романсѣ.

— Именно, я сейчасъ только хотѣла сказать. Какой хорошенькій романсъ! онъ такъ простъ и исполненъ чувства!

— Правда; это одна изъ моихъ любимыхъ сицилійскихъ пѣсень. Я пришлю сегодня съ намѣреніемъ выучить васъ пѣть этотъ романсъ.

— Но я не умѣю играть на гитарѣ.

— Но вы можете выучиться; время не ушло. Расположены ли вы теперь получить первый урокъ?

Люси нетерпѣливо желала начать. Антоніо показалъ ей какъ надобно держать инструментъ, класть пальцы на струны. По окончаніи урока, онъ, по требованію Люси, окончилъ романсъ; романсъ былъ хорошенькій и очень понравился ей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Маленькія справки.

— Позвольте ли вы мнѣ,—сказала однажды вечеромъ Люси,—сдѣлать вамъ вопросъ?

— Чрезвычайно деликатный, я воображаю,—отвѣчалъ Антоніо,—если онъ требовалъ такого церемоннаго вступленія.

— Вопросъ этотъ касается собственно васъ, докторъ Антоніо, и я не совсѣмъ увѣрена, должна ли его сдѣлать.

— Во всякомъ случаѣ, спрашивайте,—сказалъ Антоніо,—я васъ уполномочиваю дѣлать мнѣ всѣ возможные вопросы, какіе только вамъ вздумается, касаются ли они до меня или нѣтъ.

— Благодарю. Я хотѣла бы знать, какимъ образомъ человекъ, такъ высоко стоящій надъ людьми, по своему образованію, какъ вы...

Антоніо расхохотался.

— А! очень хорошо,—сказала Люси, вдругъ остановившись,—вы можете смѣяться сколько хотите,—этимъ вы все таки не уменьшаете своихъ достоинствъ; вы это очень хорошо знаете.

— Если нѣкоторое воспитаніе и знаніе жить въ свѣтѣ, составляетъ то, что вамъ угодно называть высокимъ образованіемъ, въ такомъ случаѣ я горжусь моею отчизной.

— Вы хотите сказать, что въ вашемъ отечествѣ много людей подобныхъ вамъ?

— Вы говорите серьезно?—спросилъ Антоніо.—Въ такомъ случаѣ, вы смогрите на Италію, какъ на царство слѣпыхъ, гдѣ кривые,—цари. Повѣрьте мнѣ, дорогая моя больная, вы легко найдете много людей стоящихъ гораздо выше меня по всему, и которые, сравнительно, живутъ бесполезно и умираютъ неизвѣстные. Вы не можете себя представить,—продолжалъ онъ,—сколько ума, силы, благородныхъ стремленій теряется, отъ недостатка пространства и воздуха, въ этой мрачной пневматической машинѣ, которая, на картѣ Европы, называется Италіей.

Облако невыразимой грусти омрачило его лицо, обыкновенно спокойное Люси поняла его и хранила молчаніе.

— Ну,—началъ Антоніо, съ граціознымъ движеніемъ головы, какъ бы желая освободиться отъ подавляющей его тяжести,—что же вы не продолжаете? Вы удивляетесь, какимъ образомъ такой высшій чело-

вѣтъ, какъ я могъ унизиться до того, чтобы играть на гитарѣ. Вы это хотѣли сказать?

— О! нѣтъ, нѣтъ!—какъ онъ могъ жить въ маленькомъ мѣстечкѣ, среди грубыхъ крестьянъ?

— Грубыхъ крестьянъ!—повторилъ итальянецъ, —извините, если я опять васъ прерву; но я не могу слышать, чтобы такъ отзывались о самомъ кроткомъ племени на землѣ; называйте ихъ невольщиками, суевѣрами, всѣмъ чѣмъ хотите, но грубыми—никогда. Кто вамъ далъ подобныя мысли?

— Но, — сказала Люси, немного смущенная, — папа мнѣ говорилъ, что его нѣсколько разъ останавливали во время его прогулокъ и говорили ему грубости.

— Что сэръ Джонъ, не понимая ихъ нарѣчій, скучаетъ разговорами деревенскихъ людей—я это понимаю; но что онъ можетъ признавать ихъ добросердечіе за недостатокъ уваженія и обвинять ихъ къ грубости—это превосходить мое понятіе.

— Докторъ Антоніо, вы не отвѣчаете на мой вопросъ.

— Вы смотрите на образъ моего существованія, какъ на печальную долю?

— Какъ на печальную долю—нѣтъ; но ниже того, чего вы заслуживаете.

— Но если мнѣ не-изъ-чего было выбирать?—сказалъ Антоніо.

— Вы очень хорошо знаете, что это неправда. — возразила Люси съ нѣкоторою живостью;—вы очень хорошо знаете, что вамъ стоить только сказать слово, чтобы промѣнять ваше настоящее положеніе на положеніе безконечно высшее.

— Я вижу въ чемъ дѣло, —отвѣчалъ Антоніо съ улыбкой.—Вы подружились съ Сперанцою, и она наговорила вамъ волшебныхъ сказокъ о величій, ожидающемъ меня. Прошу васъ не слишкомъ довѣрять вѣстиямъ, которыя будутъ доходить до васъ путемъ, столь подозрительнымъ, какъ Сперанца и ея мать, во всемъ, что до меня относится.

— Однако, вы сами мнѣ сказали, что Сперанца умная и добрая дѣвушка.

— Да, и ея мать также, но воображеніе ихъ слишкомъ заносится, когда дѣло идетъ обо мнѣ. Я—ихъ конекъ, и еслибъ имъ сказали, что меня, гдѣ нибудь, ждетъ тронъ, онѣ повѣрятъ.

— Если онѣ къ вамъ привязаны,—что я очень хорошо знаю,—такъ на это онѣ имѣютъ свои причины.

— Причины воображаемыя или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ преувеличенныя. Женщины, продолжалъ онъ, — во всемъ стремятся къ крайностямъ. Ничто не разувѣритъ Розу, что я спасъ отъ смерти ея дочь, во время ея послѣдней болѣзни: а это неправда; Сперанца же воображаетъ, что обязана мнѣ глубочайшею благодарностью, за кой-какіе хлопоты въ сердечныхъ ея дѣлахъ, хлопоты, которыя надо признаться, были совершенно бесполезны.

— Какъ вы находчивы, чтобы уменьшить цѣну своихъ заслугъ!

— Нисколько, миссъ Давеннъ, прошу васъ вѣрить, что я имѣю довольно хорошее мнѣніе о своей особѣ; но я терпѣть не могу, когда меня такъ возвышаютъ. Хотите ли знать въ чемъ состоитъ эта высокая будущность, предстоящая мнѣ, по мнѣнію Сперанцы?

— Конечно хочу,— сказала Люси.

— Возвращенная въ свои настоящіе размѣры, она представитъ незападнее положеніе, предупреждаю васъ. Пропедедшій годъ... Но, чтобы вы скорѣе поняли, можетъ быть, я сдѣлаю лучше, рассказавъ вамъ прежде, какое сдѣленіе обстоятельствъ привело меня въ эту сторону.

— Да, прошу васъ,— сказала Люси, обратившись вся въ слухъ.

— Эту исторію можно рассказать въ нѣсколькихъ словахъ. Что сиихъ Сициліи, или всякой другой части этого полуострова, не желавшей ничего другого, какъ только жить и умереть на своей родинѣ, былъ насильно изгнанъ изъ нея, имѣя позади себя обнаженный мечъ впереди же—пустыню міра,—это слишкомъ обыкновенное обстоятельство и не имѣетъ нужды въ какихъ бы то ни было объясненіяхъ. За либеральный образъ мыслей и даже по одному подозрѣнію въ немъ всякій итальянецъ можетъ подвергнуться подобной участи. Судя по тѣмъ связи итальянскихъ правительствъ, можетъ показаться страннымъ, что челоуѣкъ, изгнанный изъ Сициліи, могъ найти убѣжище въ сардинскомъ государствѣ.

(Читатель не долженъ забывать, что докторъ Антоніо говоритъ въ 1840 году.)

— Это вотъ какъ случилось. Въ тотъ день, когда почва Катанія сдѣлалась для меня слишкомъ жаркою (безполезно, въ настоящее время, входить въ подробности обстоятельствъ, разумѣется, политическихъ, бывшихъ тому причиною), я былъ довольно счастливъ, что мнѣ удалось взять мѣсто на одномъ генуэзскомъ торговомъ суднѣ, отправлявшемся въ Геную. Когда мы приплыли сюда, у меня потребовали паспортъ, и какъ, разумѣется, у меня его не было, то мнѣ отказали въ позволеніи высадиться на берегъ. Къ счастью, дядѣ моему—англійскому офицеру,—женатому на старшей сестрѣ моей матери, какъ я это уже вамъ говорилъ, пришла счастливая мысль—дать мнѣ, когда я убѣждалъ, рекомендательное письмо къ одному изъ своихъ старинныхъ товарищей, своему другу, англійскому консулу въ Генуѣ. Я отослалъ письмо къ этому джентельмену и, черезъ его посредство, получилъ позволеніе не только сойти на землю, но и остаться дѣлю недѣлю въ городѣ. Я былъ въ большомъ затрудненіи, какъ вы это можете угадать, не зная, что мнѣ дѣлать и куда ѣхать, когда, въ одно утро, прочелъ въ мѣстной официальной газетѣ статью, выведшую меня изъ недоумѣнія. Въ то время, о которомъ я вамъ говорю, въ 1837 году, холера, пришедшая къ намъ изъ Азіи, свирѣпствовала по всей Ривьерѣ. Статья, прочитанная мною, заключала воззваніе къ докторамъ вообще, и къ молодымъ докторамъ въ особенности, приглашая ихъ явиться въ медицинскій факультетъ, родъ медицинскаго совѣта, которымъ и было сдѣлано это воззваніе. Назначалось жалованье тѣмъ, ко-

терые предложить свои услуги. Я понимал, что доска, могущая спасти меня от кораблекрушения, была брошена, только надо было поставить на нее ногу; потому что мысль—оставить Италию навсегда приводила меня въ отчаяніе. Въ случаѣ удачи, я былъ увѣренъ, что могу прожить приличныя образцы, не обременя моего семейства. Вслѣдствіе всего этого, я явился въ медицинскій совѣтъ и объявилъ, что, находясь, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Сициліи, во время свирѣпствовавшей тамъ холеры, я имѣю нѣкоторую опытность въ леченіи этой болѣзни, что было совершенно справедливо. Меня сначала приняли очень хорошо; но, осмотрѣвъ мой дипломъ, который, съ другими бумагами, я привезъ съ собою изъ Катаніи, мнѣ сказали, что такъ какъ я иностранецъ, — да, человекъ, родившійся на югѣ Италіи, считается иностранцемъ на сѣверѣ той же страны! — то мои услуги не могутъ быть приняты, и разнѣ только, вслѣдствіе особенной просьбы къ королю, для меня будетъ сдѣлано исключеніе. Въ первыя минуты мысль—подавать просьбу о томъ, чтобы мнѣ дали право подвергать опасности свою жизнь, служа ближнимъ, внушала мнѣ сильное отвращеніе. Однако, эти господа съ такимъ жаромъ убѣждали меня подвергнуться, какъ они говорили, пустой формальности; они такъ благосклонно иредложили мнѣ переложить мое прошеніе и подкрѣпить его своимъ ходатайствомъ, гдѣ слѣдуетъ; англійскій консулъ, съ своей стороны, опровергалъ мое сопротивленіе съ такою силою, что, наконецъ, я уступилъ. Такимъ образомъ, я послалъ прошеніе, и въ концѣ слѣдующей недѣли, получила увѣдомленіе, что просьба моя уважена и мнѣ дано позволеніе оставаться. Медицинскій совѣтъ тотчасъ же, послалъ меня въ Санъ-Ремо, куда я прибылъ двадцать третьяго апрѣля.

— День моего рожденія! — воскликнула Люси, въ порывѣ дѣтской радости. Какой странный случай!

— Скажите столько же счастливый; сколько и странный. — замѣтилъ Антоніо, тронутый ея невинною радостью, при этомъ открытіи. — Такъ черезъ два дня, вамъ будетъ двадцать лѣтъ: я очень радъ, что вы мнѣ это сказали; въ этотъ день, хотя и на чужой сторонѣ вы услышите дружескіе голоса, которыя отъ полноты сердца, выразятъ вамъ свои желанія.

— Не забудьте же этого, — сказала Люси, шутя, — но теперь продолжайте, и скажите мнѣ, какъ вы поселились здѣсь.

— Я сейчасъ докончу. Когда я пріѣхалъ въ Санъ-Ремо, холера была во всей своей силѣ. Я дѣлалъ, что могъ, хотя безъ особеннаго успѣха. Что сдѣлаетъ искусство и энергія человѣка противъ неослазаемаго непріятеля, который, какъ будто, насмѣхается надъ всякою человѣческою предусмотрительностью и прогнится всѣмъ средствамъ? Одно могу сказать въ свою пользу я не щадилъ себя.

О! я въ этомъ увѣрена, — съ живостью воскликнула Люси.

— Впрочемъ, я слишкомъ былъ вознагражденъ появленностью и благодарностью всѣхъ жителей этого округа. Послѣ многихъ мѣсяцевъ тяжкихъ трудовъ, эта страшная болѣзнь начала уменьшаться

ся, потомъ совершенно исчезла, сама собою. Спустя нѣкоторое время, общинный докторъ Вордингеры, очень старый человекъ, умеръ, и муниципальный совѣтъ предложилъ мнѣ это мѣсто. Этотъ городокъ мнѣ нравился, а въ немъ много разъ бывалъ; любилъ честныхъ людей, жившихъ тамъ, почти всѣхъ ихъ зналъ; и потому согласился. Но правительство отказалось утвердить мое опредѣленіе и все подѣлъ же предложилъ, что я иностранецъ, и имѣю дипломъ отъ иностраннаго университета. Въ Вордингерѣ, однако, непремѣнно хотѣли меня имѣть лекаремъ, и депутація, состоявшая изъ старшимъ и одного или двухъ муниципальных совѣтниковъ, отправилась въ Туринъ хлопотать. Комендантъ Санъ-Ремо, оказывавшій мнѣ большое уваженіе, подкрѣпилъ депутацію ходатайствомъ въ мою пользу. Услуги, оказанныя мною, были выставлены въ пышныхъ выраженіяхъ, хлопотали съ жаромъ, и, наконецъ, назначеніе мое было снабжено оффиціальною подписью и печатью, какъ будто бы дѣло шло о какомъ-то важномъ государственномъ дѣлѣ. Вотъ какинъ образомъ, поселился я въ этомъ мѣстечкѣ, въ качествѣ общиннаго доктора.

— Какая печальная участь, — воскликнула Люси, со слезами на глазахъ, — быть изгнаннымъ изъ своего отечества, изъ-подъ домашняго крова, далеко отъ всего, что любите. Изъ того, что вы мнѣ рассказали, я вижу настоящее положеніе этой страны, чего никакъ до сихъ поръ, не подозрѣвала. Вы будете поражены моимъ невѣжествомъ; но, пожалуйста, скажите мнѣ, сколько отдѣльныхъ государствъ въ Италіи?

— О! ихъ столько, — отвѣчалъ Антоніо, — что если не считать по пальцамъ, то потеряешь ихъ счетъ. Посмотримъ: Неаполь и Сицилія, Римъ, Сардинія, Тоскана, Парма, Лукка * и Модена; королевство Ломбардовенеціанское, подѣль владычествомъ Австріи, составляетъ восьмое.

— И всѣ правительства сходны между собой?

— Да; всѣ основываются на однихъ принципахъ.

— А правительство паны, такъ ли дурно, какъ и остальные?

— Точно такъ же, или даже еще хуже, если это возможно. Я удивленъ, что это васъ не удивляетъ.

— По истинѣ вамъ сказать, — отвѣчала Люси, съ небольшимъ смущеніемъ, — я никогда не обращала на это вниманія.

— Это нисколько не удивительно въ ваши годы. Молодая дѣвушка, которая ѣдетъ въ Римъ для здоровья и удовольствія, конечно, мало обращаетъ вниманія на образъ правленія. Со многими ли римскими семействами вы знакомы?

(*) Въ одной статьѣ Вѣнскаго трактата было рѣшено, что послѣ смерти Маріи Луизы Австрійской, царствующей герцогини пармской, герцогъ луккскій будетъ возстановленъ во владѣніи Пармой, а Лукка будетъ присоединена къ Тосканѣ. Эти перемѣны произошли въ 1847 году, по смерти Маріи Луизы, вслѣдствіе чего число маленькихъ итальянскихъ государствъ уменьшилось однимъ, именно луккскимъ.

— Почти ни съ кѣмъ; за исключеніемъ одного князя Софронія, мы выдались только съ англичанами.

— Это, вообще, случается съ иностранцами. Они пріѣзжаютъ въ Италію, какъ будто въ комфортабельную гостиницу, а когда человѣкъ живетъ въ гостиницѣ, то, конечно, его не могутъ интересовать ея постоянные обитатели.

— Что же я должна дѣлать, чтобы собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о людяхъ и вещахъ, когда опять поѣду въ Римъ?

— Есть одно только средство, — сказалъ Антоніо: — это сблизаться со всѣми классами общества, присматриваться и прислушиваться ко всему. Конечно, молодая дѣвушка не можетъ и не должна этого дѣлать.

— Какъ бы я желала не быть молодой дѣвушкой, — сказала Люси, съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ, — если это служить мнѣ препятствіемъ во всемъ. Но во всякомъ случаѣ, я постараюсь собирать свѣдѣнія.

— Конечно, — возразилъ Антоніо, — и такъ, какъ вы говорите, что должны возвратиться въ Римъ, то позвольте мнѣ вамъ дать полезный совѣтъ. Никогда, ни подъ какимъ предлогомъ, не давайте вашихъ протестантскихъ библій римлянину.

— Отчего? Вы мнѣ, какъ-то, сказали, что многіе итальянцы читаютъ библію.

— Это правда; но я, въ то же время, сказалъ, что для католиковъ есть только одинъ позволенный переводъ. Если узнаютъ, что вы раздаете другіе переводы, вы можете испытать на себѣ кротость и терпимость папскаго правительства. Что же касается до моихъ соотечественниковъ, позволяющихъ себѣ читать запрещенные переводы, то они дорого оплачиваются за это. Но, кажется, довольно о политикѣ. Теперь я долженъ рассказать вамъ о моей великой будущности.

— Ахъ! да, — сказала Люси, — расскажите мнѣ это, пожалуйста.

— Я уже жилъ здѣсь два года, когда мнѣ предложили точно такое же мѣсто въ самомъ Пьемонтѣ. Единственная выгода, какую я могъ имѣть тамъ, была денежная, потому что тамъ полагается вдвое больше жалованья противъ здѣшняго; но маленькій городъ, въ которомъ я долженъ былъ жить, находится въ узкой долинѣ, окруженной горами, вслѣдствіе того, тамъ всегда господствуетъ сырость, а зимою — чрезвычайно холодно. Могъ ли я, человѣкъ свободный, независимый оставить моихъ добрыхъ и ласковыхъ сосѣдей, которыхъ я знаю всѣхъ по именамъ, могъ ли я разстаться съ этою великолѣпною природою, которая услаждаетъ мои глаза и облегчаетъ сердце, и все это — изъ за пустой денежной прибыли? Я — избалованное дитя юга. Мнѣ нуженъ воздухъ, свѣтъ, теплота и яркость цвѣтовъ. Я люблю, до сумасшествія, это небо, это море? Я не могу обойтись безъ нихъ: они моя жизнь.

— Мнѣ пріятно видѣть, — сказала Люси, — что вы можете иногда приходить въ энтузіазмъ.

— Поставьте меня передъ природою, въ какую бы то ни было минуту.— отвѣчалъ Антоніо съ улыбкою.— и вы увидите...

— Такъ вы отказались?— сказала Люси.

— Конечно, и нисколько не колеблясь.

— Какъ я васъ узнаю въ этомъ?— воскликнула молодая дѣвушка, которой участие и уваженіе, внушаемое разсказчикомъ, увеличивалось съ каждымъ новой подробностью, живо выказывавшей благородную простоту его души.

— Другая золотая дверь, отворявшаяся предъ моею будущностью, такъ туманна, что я, право не знаю, какъ вамъ ее объяснить. Это была надежда на прибавочную кафедру анатоміи въ туринскомъ университетѣ. Эта кафедра могла быть получена только чрезъ конкурсъ. Старшій профессоръ, отчасти мой пріятель, совѣтовалъ мнѣ вступить въ число конкурентовъ. Для внесенія моего имени въ списокъ кандидатовъ, слѣдовало мнѣ снова подавать прошеніе, чтобы получить разрѣшеніе вступить въ сардинское подданство, какъ одно изъ необходимыхъ условій. Разъ я уже подавалъ прошеніе, этого слѣшкомъ достаточно... Я поблагодарилъ моего пріятеля, — тѣмъ дѣло и кончилось.

— Это очень дурно, — сказала Люси, съ упрекомъ.

— Вы говорите это потому, что не знаете удовольствія подавать прошеніе въ этой странѣ, — возразилъ Антоніо. — Самое названіе — прошеніе (челобитная), возмущаетъ мое сердце.

Черезъ два дня послѣ этого разговора было 23 апрѣля.

Когда Антоніо вошелъ, онъ увидалъ въ ногахъ постели Люси, три огромные букета, по крайней мѣрѣ двадцати дюймовъ въ діаметрѣ, сдѣланные на генуэзскій манеръ, и привязанные къ палкамъ, длиною въ два фута. Роза и Сперанца связали букеты не только отъ себя, но приготовили и третій, сэру Джону, чтобы онъ могъ подарить его своей дочери.

— Посмотрите! посмотрите, докторъ Антоніо, — воскликнула Люси, указывая на великолѣпную выставку цвѣтовъ, едва только появились докторъ.

— Дай вамъ Богъ увидать многое число подобныхъ дней! — началъ итальянецъ. — Я зналъ, что никакъ не могу соперничать ни съ Розою, ни со Сперанцею, и потому не принесъ вамъ букета, а только одинъ простой цвѣтокъ.

Сказавъ это, онъ подаль Люси вѣтку персикового дерева въ полномъ цвѣтѣ, которую онъ держалъ за спиною, входя въ комнату.

— О! это самый лучший изъ всѣхъ букетовъ. Боже мой, какъ онъ хорошъ! — воскликнула Люси, сложа руки.

— Не правда ли великолѣпный? — сказалъ Антоніо. — Можно ли вообразить себѣ что нибудь изящнѣе этого вѣничка, что нибудь роскошнѣе цвѣта этихъ лепестковъ, которые переходятъ отъ самаго темнаго пурпуроваго, къ самому вѣжному розовому. Вѣничекъ, какъ вы видите, многолепестковый...

— Не нужно технических словъ, не нужно анализа, — прервала Люси, — оставьте мнѣ насладиться удивленіемъ безъ примѣся...

— Вы правы, — отвѣчалъ Антонио, — если анализъ увеличиваетъ наши ученныя познанія, то это, почти всегда въ ущербъ нашихъ наслажденій. Одно только слѣдуетъ знать, что это — образцовое произведеніе природы.

— Это мнѣ напоминаетъ, — сказала Люси, — слова, сказанныя о полевой лиліи: « по истинѣ, Соломонъ, во всей своей славі, не одѣвался пышнѣе этихъ цвѣтовъ ».

— Я вижу, въ этой вѣткѣ, — сказала Антонио, — руку Верховнаго Творца такъ же положительно, какъ и въ величіи неба.

— Да, конечно, — отвѣчала Люси. — Какъ странно, что есть люди, которые хотятъ видѣть во всѣхъ чудесахъ вселенной — одно произведеніе матеріи и игру случая!

Антонио не отвѣчалъ, но его глаза были устремлены съ живымъ сочувствіемъ на молодую, прелестную англичанку, оставашуюся въ задумчивости, съ лицомъ, обращеннымъ къ небу.

Нѣтъ словъ, которыя бы могли передать краткое выраженіе фантоміи Люси. Молодые люди хранили молчаніе, въ продолженіе нѣкотораго времени; но никогда ихъ сердца не были въ столь тѣсномъ сообщеніи, какъ въ эту минуту.

Антонио началъ первый.

— Читали ли вы когданибудь Пиччиолу?

— Нѣтъ. Это романъ! — спросила Люси.

— Да, это романъ знаменитаго французскаго писателя Сантина. Ваши слова привели мнѣ его на память.

— О чемъ же идетъ дѣло?

— О цвѣткѣ, — отвѣчалъ Антонио. — Героиня этого романа — цвѣтокъ.

— Вотъ удивительно! И только цвѣтокъ?

— Ни болѣе, ни менѣе, — сказалъ Антонио, — и цвѣтокъ играетъ самую блестящую роль, какая только можетъ быть присвоена героинѣ.

— Вы возбуждаете мое любопытство, — сказала Люси, — расскажите мнѣ, что нибудь, объ этой Пиччиолѣ.

— Планъ рассказа слѣдующій: герой, одинъ изъ скептиковъ, о которыхъ вы сейчасъ говорили, молодой человекъ, замѣшанъ въ заговоръ противъ Наполеона I, и за это посаженъ въ крѣпость Фенестрелла. Заключенный въ четырехъ голыхъ стѣнахъ своей кельи, лишенный книгъ, перьевъ и чернилъ, всякого сообщенія съ людьми, онъ не имѣетъ другого развлечения, какъ часть прогулки во внутреннемъ дворѣ крѣпости. Въ одну изъ этихъ ежедневныхъ прогулокъ, по узкому и печальному пространству, огороженному со всѣхъ сторонъ, взгляды его, случайно, упалъ на маленькій зеленый стебелекъ, пробивавшійся между камнями, которыми былъ вымощенъ дворъ. Сначала, цѣлникъ смотрѣлъ съ совершеннымъ равнодушіемъ на эту былинку; но, всякій день возвращаясь на то же мѣсто, онъ сталъ слѣдить за его постепеннымъ развитіемъ и за его успѣхами жить.

Мало не мало, онъ сталъ принимать въ немъ участію, и это участіе ежедневно увеличивавшееся, кончилось тѣмъ, что обратилось въ настоящую страсть. Тайны растительности поразили умъ и сердце материалиста, и простой маленькій цвѣтокъ сталъ ступенью, возвысившею его къ мысли о первой причинѣ всего. Ничіюла, что значить маленькая или малютка,—такъ онъ назвалъ это растенію,—сдѣлалась миссіонеромъ, обратившимъ разочарованнаго скептика въ вѣрующаго.

— Но это очаровательная исторія,—сказала Люси: — надобно мнѣ достать себѣ эту книгу; напишите мнѣ, пожалуйста, ея заглавіе. А какое имению было растеніе, произведшее подобное чудо?

— Герой этого разсказа говоритъ, что онъ никогда не могъ открыть ботаническаго названія этого чудеснаго цвѣтка.

— Какъ это жаль!—сказала Люси.—Такъ бы и хотѣлось, чтобъ это была фіалка или *незабудка*, или... Кстати, докторъ Антонію,—между цвѣтами, которые вы мнѣ приносили, никогда не было *незабудки*. Развѣ она не растетъ въ Италиі?

— Напротивъ, въ большомъ количествѣ.

— И вы мнѣ никогда не принесли!—сказала Люси, съ упрекомъ.— Отчего вы этого не сдѣлали до сихъ поръ?

— По чести, я и самъ не знаю отчего,—сказалъ Антонію, улыбаясь, но съ нѣкоторымъ смущеніемъ;—можетъ быть, я думалъ, что видя меня такъ часто, вы не имѣли нужды вспоминать обо мнѣ.

— Дурная отговорка, слишкомъ самонадѣянная,—отвѣчала Люси, немножко надувшись,—совѣтую вамъ не слишкомъ на это полагаться.

Въ первый же разъ, когда пришолъ докторъ, онъ принесъ своей молоденькой больной огромный букетъ прелестныхъ голубыхъ цвѣточковъ; Люси поставила ихъ въ стаканъ на столѣ, подлѣ себя, и голосомъ, вполонину серьезнымъ, вполонину шутовымъ, сказала, указывая на нихъ:

— Вы не знаете еще, что я очень забывчива; пока будутъ у меня эти цвѣты, я васъ не забуду.

Вслабъ Антонію былъ тѣлеславленъ, какъ вообще всѣ мужчины, онъ могъ бы подумать, что Люси хотѣла сказать болѣе, чѣмъ сказала; но онъ видѣлъ въ словахъ молодой дѣвушки одно только доброе намѣреніе уничтожить дѣйствіе своихъ, нѣсколько сухихъ словъ, сказанныхъ наканунѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

СПЕРАНЦА.

Читая, любясь на море, изучая ботанику, учась на гитарѣ и проводя время въ разговорахъ съ докторомъ Антонію, Люси провела двадцать дней въ постели довольно легко, и не слишкомъ жалуясь на долговременность болѣзни и только необходимость оставаться въ постели, составляла существенную непріятность, напоминавшую несчастный случай наденія. Сильная боль, которую она чувствовала по временамъ, въ черные дни, особенно въ ногѣ, съ каждымъ днемъ

уменьшалась и наконецъ, совершенно исчезла; сонъ ея сталъ спокоенъ, словомъ, здоровье ея скорѣе улучшилось, сравнительно съ тѣмъ, какъ было до несчастнаго происшествія на дорогѣ Корниче.

Въ этотъ именно двадцатый день, Антонио явился съ утреннимъ визитомъ, ранѣе обыкновеннаго.

— Я приползъ проститься съ вами до завтра, — сказалъ онъ, — входя; — мнѣ надо ѣхать за нѣсколько миль отсюда, и я останусь ночевать тамъ, куда ѣду.

Люси съ грустью приняла эту вѣсть.

— Этотъ день будетъ очень скучнымъ для меня, — отвѣчала она.

И она не могла удержаться, чтобы не прибавить:

— Вы совершенно увѣрены, что возвратитесь завтра?

— Непремѣнно, — отвѣчалъ Антонио. — Я скажу Сперандѣ, чтобы она пришла съ вами посидѣть. Ея рассказы будутъ васъ забавлять. Теперь, скажите мнѣ, не считаете ли вы нужнымъ, чтобы я вополюгъ съ сэрю Джону, сказать, что дѣлюю сутки я буду въ отсутствіи?

— О! да, подите къ нему, — сказала Люси, съ благодарностью.

Люси давно уже взявши, что между ея отцомъ и докторомъ Антонио существовало взаимное принужденіе въ обращеніи, и она надѣялась, что первый шагъ къ сближенію, со стороны доктора, могъ бы къ привести къ лучшимъ отношеніямъ.

Гутчнсъ была послана, какъ обыкновенно, узнать, у себя ли сэръ Джонъ и потомъ Антонио, распроставшись съ Люси, последовалъ за Ирредю къ британскому Юпитеру.

Съ достопамятнаго визита доктора Йорка и рѣшительной побѣды, одержанной докторомъ Антонио, сэръ Джонъ, по странному своему образу мыслей, сталъ смотрѣть на итальянца, какъ на причину всѣхъ своихъ бѣдствій. Сэръ Джонъ не совсѣмъ былъ увѣренъ, что Антонио, своею вздорной болтовнею съ Просперо, былъ первою причиною паденія кареты; но что итальянецъ разными способами старался привести его до настоящаго непріятнаго положенія, въ томъ не было ни тѣни сомнѣнія для сэра Джона, и его неудовольствіе равнялось оскорбленію, которое, по его мнѣнію, было имъ получено. Люди благовоспитанные, какъ всякій знаетъ, имѣютъ тысячу способовъ, искуснымъ образомъ, дать вамъ понять, не отступая ни на одну линію отъ строгой вѣжливости, что они посылаютъ васъ ко всѣмъ чертямъ. Сэръ Джонъ, знаменитый наслѣдникъ генеалогіи, длинною въ аршинъ, сэръ Джонъ, изысканный джентльменъ, обладалъ, въ высшей степени, искусствомъ, быть вѣжливо непріятнымъ, когда этого хотѣлъ; это особенная отрасль дипломатіи, которую изучаютъ и въ которой упражняются въ салонахъ высшаго общества. Въ этой-то школѣ научаются церемонному поклону, далеко оттадживающему васъ; любезнымъ улыбкамъ, которыя оскорбляютъ васъ самымъ граціознымъ образомъ; холодному: «надѣюсь вы здоровы,» звучащему, какъ шепоту, и множеству подобныхъ способовъ быть, въ высочайшей степени, нестерпимымъ самымъ благосклоннымъ образомъ. Всѣ эти средства въ настоящемъ случаѣ, нашъ просвѣщенный англича-

нинъ употреблялъ съ рѣдкимъ достоинствомъ. Но въ чемъ онъ былъ неподражаемъ, это въ ежедневныхъ выраженіяхъ сожалѣнія и въ повтореніи извиненій предъ докторомъ, во всѣхъ его безпокойствахъ; каждое его слово исполнено было язвительности. Послѣ многихъ попытокъ, оставшихся безплодными, Антоніо рѣшился платить тѣмъ же: кланяясь баронету, онъ совершенно копировалъ его поклоны, спрашивалъ о здоровьи сэра Джона такимъ же ледянымъ тономъ, какъ и тотъ, освѣдомляясь о немъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ, онъ велъ себя, какъ бы сэръ Джонъ не существовалъ на свѣтѣ; и приходилъ въ гостиницу съ спокойствіемъ и веселостью, оставляющимъ его англійскаго противника въ сомнѣніи: была ли понята его тактика или нѣтъ.

Довольно странная вещь: это непріятное положеніе, несмотря на то, что причины, произведшія его, почти исчезли, продолжалось даже и тогда, когда время, этотъ великій примиритель, замѣтно уже укротило чувство раздраженія стараго джентльмена, противъ молодого доктора. Домъ, въ которомъ онъ жилъ, хотя и не обратился въ обѣтованную землю, однако же въ немъ не было уже прежнихъ непріятностей. Сэръ Джонъ, наконецъ, устроился довольно комфортабельно. Онъ получалъ, аккуратно, каждое утро, Times, и былъ приличнымъ образомъ снабженъ тѣми вкусными литературными яствами, которыя называются англійскими періодическими изданіями. Цѣлыя груды кресель, кушетокъ, зеркалъ, занавѣсей, лампъ, фарфора и проч. были привезены, нарочно, изъ Ниццы, въ томъ числѣ и поваръ, и еще какой поваръ! послѣдняго епископа Альбемгскаго, перваго гастронома въ Ривьерѣ! Черезъ дилжансъ, шедшій изъ Ниццы въ Геную, курьеръ его присылалъ все, нужное для стола. Двѣ коровы, съ содѣнной формы, опредѣлены были собственно для него, и очень недурное сливочное масло подавалось къ завтраку и чаю баронета. Во время прогулокъ никто болѣе его не безпокоилъ; съ тѣхъ поръ, какъ добрые поселяне узнали, что *milord inglese* не любитъ, чтобъ съ нимъ разговаривали, сэръ Джонъ былъ въ родѣ ходячей афиши, на который было написано *«запрещено приближаться.»* Меръ и почти всѣ муниципальные совѣтники Бордигеры являлись, лично, засвидѣтельствовать ему свое уваженіе; кромѣ того у него былъ съ визитомъ одинъ мѣстный аристократъ, называемый въ околосѣ не своимъ именемъ, а просто графомъ и проживавшій вдали отъ свѣта, въ своемъ палаціно, построенномъ по другую сторону бордигерскаго холма. Эти визиты, разумется, отлаиваемы съ строгою точностью, пріятно щекотали самолюбіе баронета. Онъ видѣлъ, что находится между людьми, признающими его превосходство надъ собою; найдите, если можете, во всей Великобританіи баронета, который признавалъ бы или думалъ, чтобы какой нибудь знатный итальянецъ, хотя имя его занимало мѣсто въ исторіи, прежде чѣмъ былъ вопросъ о Пантагенетахъ, чтобъ итальянецъ могъ быть равнымъ ему, британскому баронету! Однимъ словомъ, сэръ Джонъ чувствовалъ себя почти столько же довольнымъ, какъ въездѣ, гдѣ онъ бывалъ, съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ свой родной островъ.

Вслѣдствіе этого онъ замѣтно смягчился въ отношеніи итальянской расы вообще, и особенно въ отношенія ея обращенія, находившагося передъ его глазами, въ особѣ доктора Антоніо. Нескончаемыя похвалы, которыя Люси воздавала Антоніо за то, что онъ сдѣлалъ и придумывалъ еще сдѣлать для ея развлечения и что наконецъ самъ баронетъ видѣлъ.— все это, конечно, осталось не безъ вліянія на родительское сердце сэра Джона. Къ несчастію, онъ былъ слишкомъ напыщенъ и, побуждаемый ложнымъ стыдомъ, онъ продолжалъ выказывать себя, если не столь ѣдкимъ, какъ прежде, по крайней мѣрѣ, все также натянутымъ, несообщительнымъ и холоднымъ.

Теперь легко понять, отчего сэръ Джонъ, выходя изъ своей комнаты, сталъ самымъ перемоннымъ образомъ извиняться передъ докторомъ Антоніо, что заставилъ его такъ долго дожидаться — ровно одну минуту—и докторъ Антоніо, въ свою очередь, выразилъ, въ напыщенныхъ выраженіяхъ, свое сожалѣніе, что обезпокоилъ сэра Джона въ ненадлежащій часъ. Затѣмъ баронетъ объявилъ, что онъ всегда къ услугамъ доктора Антоніо, и просилъ его покорнѣйше присѣсть. Потомъ послѣдовали взаимные поклоны, сопровождаемые споромъ—кто сядетъ или не сядетъ первый, затрудненіе, которое посетитель и хозяинъ, какъ будто съ общаго согласія, вдругъ покончили, усѣвшись оба въ одно время.

— Я очень радъ,—началъ докторъ, тономъ нѣсколько восторженнымъ, — что могу принести вамъ самыя пріятныя извѣстія о нашей дорогой больной. Сегодня утромъ, миссъ Давеннъ чувствуетъ себя совершенно здоровой.

— Я въ восторгѣ, что слышу это отъ васъ,—отвѣчалъ сэръ Джонъ тономъ челоуѣка, оказывающаго великое снисхожденіе; — хотя, по истинѣ сказать, трудно было бы этого не ожидать, судя по искусству и внимательности, которыя вы обнаружили въ своихъ заботахъ о миссъ Давеннъ.

Антоніо сталъ просить, чтобъ онъ оставилъ комплименты.

— Нѣтъ, нѣтъ!—продолжалъ сэръ Джонъ,—вы мнѣ позвольте подтвердить то, что я уже сказалъ. Я знаю все, чѣмъ вамъ обязанъ, и цѣну вашего времени, и употреблю всѣ усилія, чтобы доказать вамъ, что понимаю то и другое.

— Кажется, этотъ *don magnifico* намѣренъ заплатить мнѣ за мои уроки на гитарѣ и за разговоры о ботаникѣ? подумалъ Антоніо.

И при этой мысли онъ сильно нахмурилъ брови и сухо отвѣчалъ:

— Вы слишкомъ преувеличиваете мои услуги и цѣну моего времени; время для меня совѣмъ не такъ дорого, какъ вы воображаете. Для избѣжанія недоразумѣній между нами, я долженъ вамъ сказать рѣшительно, что изъ десяти моихъ визитовъ девять не медицинскихъ и, слѣдовательно, стоятъ внѣ всякаго вопроса о вознагражденіи.

Сэръ Джонъ сдѣлалъ пренепріятную гримасу и сталъ раздувать ноздрями, какъ бы вѣтеръ приносилъ дурной запахъ.

Антоніо продолжалъ:

— Причина, по которой я побезпокоилъ васъ сегодня утромъ, относится къ миссъ Давеннъ. Миссъ Давеннъ, я долженъ ей отлатъ эту

справедливость, переносила съ удивительнымъ терпѣніемъ и ангельскою кротостью необходимость не вставать съ постели; однако, испытаніе это тяжело и станетъ еще тяжелѣе, когда наша больная будетъ приближаться къ совершенному выздоровленію; на этихъ дняхъ я придумалъ средство облегчить его. Я думаю, что для миссъ Давеннъ было бы великимъ облегченіемъ, если бы мы могли такъ устроить, чтобы всякій день переносить ее на балконъ, откуда она могла бы любоваться на окружающіе ее виды, имѣть болѣе свѣжаго воздуха, рисовать и, даже, принимать визиты, если бы ей этого захотѣлось. Я думаю, это было бы для нея большимъ утѣшеніемъ.

— Вольшимъ утѣшеніемъ, конечно,—повторилъ сэръ Джонъ.

— То, что было бы совершенно невозможно съ девятию девятью большими на сто, находящимися въ подобномъ положеніи, мнѣ кажется, можетъ имѣть совершенный успѣхъ съ особою возвышенныхъ чувствъ, какъ миссъ Давеннъ, съ ея благоразуміемъ и покорностью къ совѣтамъ доктора.

— Не можемъ ли мы имѣть каване на балконъ,—сказалъ сэръ Джонъ,—и переносить ее туда всякій день?

— Каване? нѣтъ, это было бы не совсѣмъ благоразумно,—отвѣчалъ докторъ.—Намъ нужно предохранить миссъ Давеннъ, чтобы она не сдѣлала себѣ вреда даже невольнымъ движеніемъ. Мнѣ кажется, я нашолъ именно такое средство, которое предохранитъ ее отъ такого рода опасности. Вотъ планъ кресла,—продолжалъ Антоніо, подавая сэру Джону эскизъ, — вы видите, что это походитъ на коляску и на немъ миссъ Давеннъ можетъ покойно лежать. Эта впадина, сдѣланная на ватѣ, предназначена для ноги, въ ней она совершенно предохранена отъ всякаго движенія, даже невольнаго. Все это можно поставить на колеса, которыя сидячая особа можетъ приводить въ движеніе по собственному желанію. Если вы одобряете этотъ планъ, то я могу тотчасъ же приказать привести его въ исполненіе одному изъ моихъ друзей, очень искусному столяру (при этомъ словѣ сэра Джона замѣтно передернуло), котораго увижу сегодня въ мѣстечкѣ, куда я ѣду на сутки.

— Ваша мысль превосходна,—сказалъ бароннетъ;—но увѣрены ли вы, что человѣкъ, о которомъ вы говорите, способенъ выполнить ее въ совершенствѣ?

— Я нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь,—отвѣчалъ итальянецъ;—человѣкъ, о которомъ я говорю, гениі въ своемъ родѣ. Я полагаюсь на него во всевозможныхъ улучшеніяхъ, которыя онъ найдетъ нужными, съ перваго взгляда. Во всякомъ случаѣ, — прибавилъ онъ,—я ничего не говорилъ объ этомъ миссъ Давеннъ, боясь, что, по какому нибудь случаю, мой прозекъ не исполнится и...

— Прекрасно,—прервалъ сэръ Джонъ,—я тоже не проговорюсь.

— Благодарю васъ. И теперь, получивъ ваше позволеніе,—сказалъ Антоніо, вставая, — я не хочу употреблять во зло вашихъ дорогихъ минутъ.

— Позвольте мнѣ, милостивый государь,—сказалъ сэръ Джонъ, тоже вставая, — позвольте мнѣ принести вамъ мою живѣйшую благо-

дарность. Съ вашей стороны, конечно, это очень любезно. Я вамъ чрезвычайно обязанъ.

Сэръ Джонъ былъ искрененъ въ своей благодарности и пронаесть послѣднія слова такимъ тономъ, къ которому не привыкъ Антоніо. Постоянная независимость характера итальянца и его безкорыстіе оскорбляли гордость надменнаго бароннета и, въ то же время, нравились ему. Изъ всѣхъ челоуѣческихъ достоинствъ сэръ Джонъ могъ всего лучше оцѣнить то, которое онъ болѣе всего уважалъ, — это гордость.

— Надо признаться, — сказалъ онъ, отправляясь въ комнату .Люси, — въ этомъ итальянецъ есть нѣчто, доказывающее, что онъ самый порядочный челоуѣкъ.

— Надо признаться, — сказалъ Антоніо, проходя черезъ садъ, — въ этомъ старомъ медвѣдѣ есть искра чего-то добраго.

Такъ они расстались, взаимно въ лучшемъ расположеніи, другъ къ другу.

Люси всѣми силами старалась какъ нибудь обмануть время, но безуспѣшно. Все, въ чемъ она принимала такое участіе, когда Антоніо былъ подлѣ нея, все это теряло свой интересъ для нея теперь, когда его не было; самое небо казалось не столь яснымъ и море не такъ синимъ. Она оставила свои книги и цвѣты и впала въ задумчивость. Никогда она не чувствовала себя столь одинокой, какъ теперь; и такъ какъ настоящая печаль всегда живѣе заставляетъ чувствовать прошедшее горе, среди множества смѣшанныхъ мыслей и образовъ, образъ ея матери живо представился ея воспоминанію.

При этомъ воспоминаніи чувство глубокой печали овладѣло бѣдной дѣвушкой. Какъ будто въ первый разъ, она почувствовала, что ей не достаетъ сердца матери, которому она могла бы вѣрится. Потомъ воспоминанія перенесли ее къ сценамъ дѣтства. Въ старая няня, ея игрушки, зеленая лужайка, садъ, — все это проходило передъ ея глазами, и жгучія слезы покатались по ея щекамъ.

Люси была очень печальна и спрашивала сама себя, отчего ей такъ грустно, отчего она чувствуетъ себя столь одинокой, отчего такая пустота вокругъ нея. Въ глаза отяжелѣли, и она стала желать, чтобы Сперанца пришла посидѣть съ нею, какъ это Антоніо сказалъ ей. Въ это утро для Люси могло быть пріятно только общество Сперанцы, которая казалась ей, и дѣйствительно была совершенная противоположность Гутчинсъ, а о своей Гутчинсъ миссъ Давеннъ никогда бы и не подумала въ подобномъ случаѣ.

Сперанца, наконецъ, появилась и тихо сѣла на свое обыкновенное мѣсто — въ ногахъ постели. Люси, взглянувъ на нее, замѣтила слѣды слезъ на ея глазахъ.

— Вы плакали, Сперанца, — сказала она ей; — скажите мнѣ, что прічиною вашихъ слезъ?

Сперанца, знакомъ руки, старалась увѣрить ее въ противномъ; — бѣдная дѣвушка! сердце ея было такъ переполнено, что при малѣйшемъ усилии заговорить она залилась бы слезами; — потому она наклонила голову на плечу.

— Подойдите ко мнѣ, — сказала Люси и тихо притянула ее къ себѣ.
— Что съ вами, моя бѣдная Сперанца? — спросила она самымъ ласковымъ голосомъ.

Нѣжный голосъ Люси проникъ къ самому сердцу бѣдной деревенской дѣвушки, и, не будучи въ состояніи долѣе удерживать себя, она прильнула къ груди Люси и громко зарыдала.

— Прошу васъ, скажите мнѣ, что съ вами; можетъ быть, я могу помочь вамъ, — продолжала она, цѣлуя Сперанцу въ голову и заплакавъ сама.

— Благодарю васъ, синьора, сказала итальянка прерывающимся отъ рыданій голосомъ. — Да наградитъ васъ Богъ за вашу жалость ко мнѣ; но моему горю никто не можетъ помочь и въ печали моей никто не можетъ утѣшить меня.

При этихъ словахъ она вынула изъ кармана своего платья письмо, подала его Люси и, снова сѣвъ на табуретъ, закрыла голову своимъ фартукомъ и предалась глубокому отчаянію. Письмо, написанное твердымъ и чистымъ почеркомъ, было изъ Генуи, и подписано: «*Батиста*», огромными буквами. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Добрая Сперанца,

«Мое дѣло было передано, наконецъ, на совѣтъ ревизіи, и я представилъ свои свидѣтельства, то есть письмо бордигерскаго мера, а также и приходскаго священника, присланное тобою. Офицеръ, читавшій эти письма и во все время говорившій одинъ, нашолъ, что все это вздоръ. Онъ сказалъ, что я долженъ благодарить совѣтъ, что меня не судили за неликъ — кажется, это слово онъ употребилъ, — и что, вслѣдствіе этого, меня не наказали, какъ ослушника. Потомъ записали мое имя въ реестръ. Теперь для меня все кончено. Меня записали на четыре года, какъ матроса, въ королевскую морскую службу. Еслибъ это такъ слѣдовало по закону, я не сталъ бы жаловаться. Я сказалъ бы тебѣ: «Ты молода и я тоже. Четыре года пройдутъ, какъ одинъ день. Жди меня!» Но со мною обошлись жестоко и безъ всякой справедливости. Такъ я докажу же имъ, что немного они выиграли, взявъ меня. При первомъ случаѣ, я убѣгу и буду искать счастья въ какойнибудь лучшей странѣ, гдѣ есть справедливость для бѣднаго, какъ и для богатаго. Стало бытъ, ты не должна болѣе обо мнѣ думать, развѣ только какъ о потерянномъ другѣ, потому что я имъ навсегда для тебя останусь. Если я сталъ бы говорить тебѣ, что сердце у меня растерзано, это только увеличило бы твою печаль; поэтому, я ничего тебѣ не стану говорить такого. До свиданія за гробомъ. Я дѣлалъ все, чтобы быть добрымъ сыномъ и жить въ страхѣ Божиемъ и къ его пречистой Матери. Къ чему мнѣ это послужило? Мнѣ приходитъ теперь охота класться, пить и драться, какъ дѣлаетъ большая часть моихъ товарищей, которымъ отъ этого ничуть не хуже. Писать еще — не послужитъ ни къ чему. Такъ, да благословитъ тебя Богъ, какъ я это дѣлаю изъ глупины»

моего сердца; не забывай и ты меня въ своихъ молитвахъ и думай, иногда, о твоёмъ несчастномъ

«Батиста.»

«P. S. Передай мое почтеніе доброй и милой матушкѣ Розѣ и добрѣйшему доктору Антоніо. Я хотѣлъ отослать тебѣ локонъ волосъ, который ты мнѣ дала вечеромъ, передъ моимъ первымъ путешествіемъ въ Марсель, и кольцо, которымъ мы помѣнялись въ капеллѣ Лампедусской Мадонны; но я не могу съ ними разстаться,—клянусь, не могу.»

Люси утерла слезы, отдавая письмо Сперанцѣ, которая не переставала рыдать и стонать.

Вообще, довольно ясное письмо Батисты оставляло однако темными многіе второстепенные пункты, которые Люси непременно хотѣла себѣ объяснить, движимая своимъ превосходнымъ сердцемъ и совершенно *женскимъ* участіемъ, какое вообще принимаютъ женщины въ любовныхъ исторіяхъ. Это желаніе привело къ перекрестному огню вопросовъ со стороны молодой англичанки и отвѣтовъ итальянки, прерываемыхъ рыданіями, увеличивавшими, можетъ быть, патетическій эффектъ, но, конечно, мѣшавшими ясности. Изъ этихъ отвѣтовъ, приведенныхъ въ нѣкоторый порядокъ, мы постараемся извлечь небольшую исторію Сперанцы, передавая, однако, разсказъ устами молодой деревенской дѣвушки, изъ боязни, чтобы, рассказывая его своими словами, не сдѣлать того, чего такъ боялся и чего не хотѣлъ докторъ Антоніо, то есть — чтобы не испортить его простоту.

— Батиста, — такъ начала Сперанца, былъ единственный сынъ блудной женщины, которую звали вдова Сусанна; хотя мужъ ея былъ еще въ живыхъ, но онъ ее оставилъ, когда Батистѣ не было еще и двухъ лѣтъ, и отправился во Францію, гдѣ и поселился. Какъ вдова Сусанна жила дверь съ дверью съ нами, — это было гораздо прежде, чѣмъ мы начали держать гостиницу, — то Батиста и я бывали такъ часто вмѣстѣ, какъ будто были братъ и сестра; мы не были выше этого — Сперанца указала на столъ, — и онъ иначе не называлъ меня, какъ свою жонущкой, а я его называла своимъ муженькомъ. Всякое воскресенье послѣ вечерни, Батиста дожидался меня у двери церкви, чтобы возвратиться домой, вмѣстѣ со мною, и никогда не говорилъ съ другими дѣвушками, кромѣ меня, хотя онъ съ ними часто заговаривали, потому что, надо правду сказать, онъ былъ самый красивый молодой человекъ изъ всего прихода. Когда я подросла и меня стали посылать въ лѣсъ за дровами, Батиста всегда встрѣчалъ меня на половинѣ дороги и доносилъ мою вязанку хвороста. Однимъ словомъ, все шло, казалось, такъ хорошо, что всѣ въ Бордигера были увѣрены, точно такъ же какъ и мы, что лишь только мы достигнемъ извѣстнаго возраста, насъ женятъ, хотя ни мой отецъ, ни моя мать, ни вдова Сусанна никогда объ этомъ не говорили ни слова. Батиста, отъ природы, имѣлъ страсть къ морю, и давно уѣхалъ бы, чтобы нажить денегъ для меня; но онъ былъ слишкомъ добрый сынъ, чтобы даже подумать оставить свою блудную, милую мать, у которой онъ

былъ единственною подпорою. Поэтому-только онъ и остался на риднѣ и сдѣлался рыбакомъ. И любо было смотрѣть, смѣюра, — при этомъ щоки Сперанцы зарумянились, — какъ онъ управлялъ лодкой. Онъ былъ самый искусный и лучшій изъ нашихъ лодочниковъ; всѣ безъ исключенія это говорили.

— Годы проходили, не принося никакихъ переменъ до того времени, пока этотъ домъ поступилъ, наконецъ, въ продажу. Отецъ мой, давно желавшій его имѣть, купилъ его, и мы переехали сюда жить. Здоровье отца моего было очень разстроено, и онъ надѣялся, что здѣшній воздухъ, не столь рѣзкій, какъ въ Бордигера, принесетъ ему большую пользу. И такъ мы переселились сюда, и вотъ, въ одинъ вечеръ—мнѣ представляется это такъ живо, какъ будто случилось вчера—мой отецъ сказалъ Батистѣ:

— Такъ какъ этотъ домъ долженъ нѣкогда принадлежать тебѣ, то есть, когда женишься на Сперанцѣ, то я надѣюсь, что ты будешь помогать мнѣ выплатить за него долгъ; потому что небольшія деньги, сбереженныя мною, надо признаться, всѣ пошли въ уплату перваго платежа, а въ три слѣдующіе года надобно сдѣлать еще три платежа, одинъ разъ въ годъ; нечего и думать, чтобы доходомъ отъ земли и гостиницы мы могли уплачивать этотъ долгъ и содержать себя. Такъ-то, любезный мой, принимайся за работу, съ помощію Вожію, и копн денежки. Вдова Сусанна будетъ жить съ нами съ этого времени, и ты можешь быть покоенъ на ея счетъ.

— Батиста былъ въ восторгѣ отъ этой сдѣлки и отъ того, что отецъ мой сказалъ ему; теперь онъ былъ уже увѣренъ, что я буду его женою. Онъ отправился въ Ниццу, гдѣ нанялся на купеческомъ суднѣ, вѣхавшемъ въ Геную; оттуда онъ съѣздили въ Ливорно, потомъ въ Марсель и въ Сетту и во многія другія мѣста; и всякій разъ, когда онъ возвращался домой, что случилось три раза, въ два первые года, проведенные имъ на морѣ, онъ всегда привозилъ что нибудь своей матери и мнѣ, и немного денегъ моему отцу, но очень немного, потому что барыши Батисты были невелики. Однажды мой отецъ сказалъ Батистѣ:

— Съ такими доходами и въ десять лѣтъ мы не уплатимъ за домъ. Я долженъ былъ занять деньги для второго платежа, а вотъ приближается и третій. Что дѣлать?

— Батиста отвѣчалъ, что онъ знаетъ мѣсто, гдѣ можно было бы найти деньги, еслибъ не рекрутскій наборъ, связывающій человека по рукамъ и по ногамъ, и онъ назвалъ это мѣсто: оно очень далеко, очень далеко, въ странѣ, называемой Типоды; нашъ школьный учитель говорилъ, будто бы она находится на другой сторонѣ земли, подъ нашими ногами. Но Батиста, который потомъ былъ тамъ, говорить, что все это вздоръ; потому что, если бы это была правда, то, какъ бы люди могли держаться на ногахъ? а, однако, они стоятъ на нихъ.

И Сперанца взглянула на Люси, какъ будто объявила доводъ, на который не могло быть и возраженій.

— Ну это не совѣтъ можетъ служить доказательствомъ,— сказала Люси, улыбаясь; — но мы объ этомъ поговоримъ въ другой разъ. Доканчивайте свой рассказъ.

— И такъ, продолжала Сперанца,— отецъ мой сказалъ Батистѣ:

— Но тебя не могутъ взять, ты это хорошо знаешь, потому что ты одинъ сынъ у матери.

— Это правда,— сказалъ Батиста.— Однако, мнѣ кажется я долженъ дожидаться своего номера; по крайней мѣрѣ, мнѣ сказали, что законъ такъ говорить, когда я былъ въ Генуѣ...

— Ахъ!— сказалъ мой отецъ,— они съ своими законами всегда нападаютъ на бѣдныхъ людей. Но это ничего, надо подождать только три мѣсяца; кто знаетъ! можетъ быть, тебѣ выйдетъ, номеръ, хороший и тогда ты будешь свободенъ, какъ птица.

— Дай Богъ, чтобъ это было такъ!— сказалъ Батиста.

— Богъ былъ къ намъ милосердъ, синьора; въ назначенное время номеръ Батисты вышелъ самый высокий, и Батиста не могъ быть взятъ. Его не было въ то время въ Ниццѣ, но тутъ бѣды не было, потому что господа Совѣта вынимаютъ номера и отсутствующихъ молодыхъ людей. Когда узнали въ Вордингерѣ о его счастьи снѣдикъ тотчасъ же написалъ ему письмо въ Геную, гдѣ Батиста былъ въ то время, — и какое чудесное письмо, по правдѣ сказать! — Съ нимъ онъ получилъ позволеніе идти всюду, куда хочетъ, а также всѣ бумаги, въ которыхъ имѣлъ нужду, и отправился въ ту страну, которая такъ далеко...

— Съ этого дня, насъ стали преслѣдовать одни только несчастья. Вдова Сусанна заболѣла лихорадкой, и несмотря на всѣ старанія доктора Антоніо, умерла черезъ мѣсяцъ. Я была такъ опечалена этою неожиданною потерей, такъ страдала отъ того, что должна была уведомить о томъ Батиста,—вѣдь онъ взялъ съ меня обѣщаніе уведомлять его обо всемъ, что случится съ его матерью, о хорошемъ и дурномъ, — и сверхъ того такъ утомлена ночами, проведенными у постели вдовы Сусанны, что сама заболѣла и пролежала шесть недель въ постели; и, конечно, никогда не выздоровѣла бы безъ доктора Антоніо. Я уже начинала вставать, когда, въ одно утро, снѣдикъ зашелъ сюда и сказалъ, что дѣло Батисты не такъ ясно, какъ онъ думалъ это сначала, и что Батиста долженъ явиться въ совѣтъ, который его уже и вызываетъ,—и что если онъ туда не явится, то поступитъ противозаконно. Нѣсколько дней спустя, объявленіе было напечатано къ зданію муниципальнаго правленія и другое къ нашему дому, гдѣ бѣдная мать Батисты жила въ послѣднее время. Въ этомъ объявленіи требовалось, чтобы бѣдный малый явился въ самое короткое время. Но въ этомъ не было никакого здравого смысла; не самъ ли снѣдикъ прямо написалъ, что Батиста не можетъ быть взятъ? И потомъ, какъ онъ могъ отвѣчать на требованіе, когда уже три мѣсяца, какъ онъ увѣдалъ, что всѣмъ было извѣстно?

— О, нѣтъ, продолжала Сперанца голосомъ, исполненнымъ негодованія,— все это было сдѣлано съ умысломъ, только для того, что-

бы можно было обвинить бѣднаго человека въ неповиновеніи закону; кто же могъ жалеть обвинить его, если не комендантъ Санъ-Ремо?...

— Какъ, комендантъ Санъ-Ремо! — сказала Люси, съ удивленіемъ.

— Надобно вамъ сказать, — продолжала Сперанца, — что этотъ комендантъ имѣлъ старинную злобу противъ Батисты, и вотъ по какому случаю: однажды комендантъ приказалъ Батистѣ принести отличную рыбу для большого обѣда, который онъ долженъ былъ дать для ницскаго губернатора. Батиста поймалъ чудеснаго сан-пѣтро и отвезъ его въ домъ къ коменданту, въ надеждѣ, что тотъ поблагодаритъ его и заплатитъ хорошую цѣну. Но ему предложили ровно половину того, что стоила рыба и за всѣ труды его; это ужасно взбѣсило Батиста. Онъ отвѣчалъ, что скорѣе опять броситъ рыбу въ море, чѣмъ отдастъ ее за такую низкую цѣну; что онъ и сдѣлалъ; и большой обѣдъ вышелъ весь на выворотъ, по случаю недостатка въ рыбѣ. Когда комендантъ узналъ причину того, онъ пришелъ въ страшный гнѣвъ и поклялся, что рано или поздно, но Батиста поплатится за это.

— Мы, въ свое очередь, очень бранили Батисту. Представьте себѣ сибиряка, бѣдный рыбакъъ издумалъ идти противъ человека самаго важнаго въ провинціи, да еще и военнаго, привыкшаго все дѣлать по своему, и предъ которымъ всѣ дрожатъ! Всѣ говорили, что комендантъ сдержитъ свое слово, и точно, онъ сдержалъ его.

— Время шло и намъ приходилось очень плохо и все время мы оставались безъ всякаго извѣстія отъ Батисты. Отъ гостиницы мы получали очень немного. Отецъ мой видимо ослабѣвалъ, и характеръ его, день ото дня, становился тяжелѣе. Онъ не переставалъ горевать и мучиться о своемъ здоровьѣ, жаловался, что не получаетъ извѣстія отъ Батисты, беспокоился о своихъ долгахъ, о томъ и о семъ, до того, что надобѣлъ всѣмъ обыкновеннымъ нашимъ посѣтителемъ, и они, одинъ за другимъ, перестали приходить въ нашу гостиницу. Немногія деньги, которыя мы получали, выходили всѣ на супъ, хорошую говядину и вино для бѣднаго отца, который былъ боленъ птицею въ желудкѣ.

— Чѣмъ? — воскликнула Люси.

— Птицею, сударыня, которая съѣдала все, что больной глоталъ; спросите у доктора Антонію, онъ вамъ объяснитъ, что я хочу сказать. Мы сдѣлались такъ бѣдны, что часто я была принуждена, по два раза въ день, ходить въ лѣсъ, и зарабатывала ровно столько, сколько нужно было, чтобъ отецъ могъ имѣть вино и говядину. Новъ доктора Антонію, который помогалъ намъ различными способами и былъ для насъ ангеломъ-хранителемъ, я не знаю, что бы съ нами стало. Наконецъ, послѣ шести мѣсяцевъ такой жизни, пришло письмо отъ Батисты. Оно было печально, потому что, когда онъ писалъ его, бѣднякъъ зналъ о смерти своей матери; для насъ же оно было посланіемъ съ небесъ, возбужденіемъ наше мужество. Это

было первое письмо, которое мы получали: хоть онъ много уже разъ писалъ, но тѣ письма не дошли до насъ.

— Онъ намъ писалъ, что здоровъ, и что уже отлеживъ порадочную сумку денегъ, и надѣялся чрезъ шесть мѣсяцевъ, удвоить ее, послѣ чего онъ возвратится, и мы будемъ всѣ счастливы. Мы плакали отъ радости, читая это письмо. Отецъ мой, чувствовавшій себя очень плохо, сказалъ, сложивъ руки:

— Теперь, Господи, возьми меня, если на это твоя воля, я готовъ идти, потому что, дитя мое, дочь моя Сперанца, не будетъ оставлена.

Нодѣлю спусти,—продолжала Сперанца, утирая глаза,—мы отнеси бѣднаго моего отца на кладбище... Ахъ! мы стали считать дни, какъ осужденный на смерть считаетъ часы, которые ему остается жить. Прошло шесть мѣсяцевъ, потомъ семь, потомъ восемь, девять, десять, а Батисты нѣтъ, какъ нѣтъ! Въ одну изъ бурныхъ ночей прошлаго марта мѣсяца, мать моя и я печально сидѣли въ темнотѣ, чтобы не тратить масла;—наша небольшая провинція приходила къ концу, и мы не имѣли денегъ, чтобы кушгъ ее;—вѣтеръ гудѣлъ, волны ревѣли, какъ дикіе звѣри, и я думала о бѣдныхъ морякахъ на морѣ, какъ, вдругъ, слышу, что кто-то идетъ по саду; мое сердце забилось, такъ забилось; я бѣгу, какъ полоумная къ двери... Это былъ онъ! я узнала его шаги, я была въ его объятіяхъ. О! благодолонная минута! всѣ печали мои были забыты, всѣ мои несчастія исчезли, потому что онъ возвратился, онъ былъ тутъ, онъ, Батиста! О, зачѣмъ Богъ послалъ мнѣ это счастье! Ужели для того, чтобы я еще сильнѣе почувствовала мою потерю? Мать моя и я, мы едва не сошли съ ума отъ радости...

— Увы! какъ скоро пролетѣли эти минуты! Лишь только мы зажгли лампу, то увидѣли страшную печаль на лицѣ бѣднаго Батисты. Онъ казался такимъ измученнымъ, блѣднымъ! глаза его свалились, ивали, правая рука была перевязана.

— Что случилось?—спросила я, вся задрожавъ.

— Мы претерпѣли кораблекрушеніе, отвѣчалъ онъ; мои бѣдные товарищи всѣ потонули, кромѣ меня и еще одного; и все, что я имѣлъ, погибло!

— Сказавъ это, онъ залился слезами. Мнѣ казалось, что сердце мое разорвется на части. Я развязала платокъ, которымъ была перевязана его рука. Вся она была въ крови. Мать моя побѣжала за докторомъ Антоніо, я была такъ поражена, что не могла двинуться съ мѣста, — скоро она привела его съ собою. Лишь только я услышала голосъ доктора, я почувствовала, что камень свалился у меня съ сердца, потому что я сказала сама себѣ: «Онъ намъ поможетъ. Въ печали голосъ друга такъ отраденъ сердцу, моя милая сестра,—сказала бѣдная дѣвушка, употребляя всѣ усилія, чтобы удержать слезы.—Докторъ Антоніо перевязалъ руку и сталъ насъ утѣшать, говоря, что мы должны быть благодарны за то благо, которое намъ остается; — что было бы, еслибы и Батиста погибъ вмѣстѣ съ другими; что деньги, наконецъ, не составляютъ счастья; что На-

твиста и я молоды, здоровы, и такъ какъ онъ потерялъ деньги, то мы должны работать еще съ большимъ усердіемъ и благодарить Бога, что онъ насъ сохранилъ другъ для друга.

— Услыхавъ эти добрыя слова, я снова возвратилась къ надеждѣ; ушніе мое прошло. Докторъ посидѣлъ съ нами, и тогда Батиста разсказалъ намъ о своемъ кораблекрушеніи: судно разбилось на корсиканскомъ берегу, почти въ виду отъ нашего дома и почти тотчасъ же потонуло: онъ и его товарищъ были приняты на французскій корабль, шедшій въ Марсель, а оттуда онъ приехалъ пѣшкомъ въ Бордигеру. Мы долго сидѣли, говорили и опять начинали говорить о прошедшемъ, о моемъ бѣдномъ отцѣ, о бѣдной вдовѣ Сусаннѣ, дѣлали разные проекты для будущаго; и, когда мы разстались, на сердцѣ у насъ было легче; да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ Батиста не былъ сохраненъ для меня и я для него? Какъ было уже за-полночь и Батиста не могъ уже найти ночлега въ такой часъ, то докторъ Антоніо увелъ его съ собою на эту ночь.

— На другой день, утромъ, я была увѣрена, что Батиста придетъ къ намъ рано утромъ. Я никакъ не предполагала, чтобы могло еще случиться какое несчастье, когда увидала, что докторъ Антоніо идетъ одинъ. Когда онъ подошелъ ближе, я увидала, по его лицу, что онъ принесъ недобрую вѣсть. Войдя, докторъ сказалъ мнѣ, что Батиста былъ потребованъ въ Санъ-Ремо, по случаю рекрутскаго набора, и что я не должна мучить себя, а скорѣе приготовиться идти съ нимъ и моею матерью въ Санъ-Ремо. Онъ же самъ поѣдетъ къ коменданту, и постарается уладить дѣло Батисты. Докторъ не сказалъ намъ тогда того, что мы узнали послѣ, что два карабинера были посланы изъ Санъ-Ремо, чтобы взять Батисту; что они остановили его на улицѣ, надѣли ему на руки цѣпи, провели въ такомъ видѣ по городу, какъ будто бы онъ былъ воръ или убійца, а потомъ повели его съ собою въ лодку. Онъ говорилъ, что таковъ законъ. Не думаю, чтобы въ подобныхъ законахъ было много справедливости,—прибавила Сперанца съ большою пронизательностью.

— Докторъ, мать моя и я пошли такъ скоро, какъ только могли, въ Санъ-Ремо, и прямо пришли въ тюрьму; но какъ мы не имѣли дозволенія, то насъ и не выпустили. Мы пошли тотчасъ же къ коменданту; намъ сказали, что онъ занятъ, и не принимается. Докторъ Антоніо сталъ настаивать, и былъ впущенъ, но не имѣлъ никакого успѣха, даже не могъ получить позволенія для насъ видѣть Батисту.— На всѣ просьбы намъ отвѣчали, что таковъ законъ, и что слѣдуетъ повиноваться закону. Послѣ недѣльнаго заключенія въ тюрьмѣ Санъ-Ремо, —Вогъ-знаетъ за что! Батисту повели въ Геную,—подъ конвоемъ карабинеровъ, и тамъ оставили его въ арсеналѣ, откуда онъ уже и не могъ болѣе выйти. Докторъ Антоніо просилъ за него, письменно, всѣхъ своихъ друзей и даже англійскаго консула въ Генуѣ. Приходскій священникъ намъ далъ письмо, въ которомъ говорилъ, что Батиста почти сирота, потому что отецъ его оставилъ, когда ему было только два года; но ничто не помогло.

— А какая разница, — спросила Люси, — если бы действительно отецъ умеръ?

— О! тогда бы онъ не попалъ въ рекрутскій наборъ. Единственный сынъ вдовы освобождается отъ военной службы. Такимъ образомъ, законъ сострадательнъ къ тому, у кого отецъ умеръ, почему же не можетъ быть онъ сострадательнъ къ тому, для кого отецъ не существуетъ, какъ бы онъ былъ уже въ могилѣ? Но къ чему объ этомъ разсуждать? Законъ слѣпкомъ суровъ къ бѣднымъ. Батиста, какъ вы знаете, осужденъ и... — Тутъ Сперанца сдѣлала жестокое усиліе, чтобы удержать свое волненіе, а потомъ продолжала медленно и тихо: — Но, да будетъ такъ, если ужъ это необходимо. Я могу все переносить безропотно. Не всѣ же родятся для того, чтобы быть счастливыми! Всѣ мои мірскія надежды, я хочу принести въ жертву Пресвятой Дѣвѣ, покровительницѣ всѣхъ скорбящихъ. Если уже такъ суждено, что я никогда не могу быть женою Ватисты, да будетъ воля Божія!.. и бѣдная Сперанца сильно зарыдала.

Въ первый разъ Люси была свидѣтельницею сердечнаго страданія. Въ первый разъ, нужда, бѣдность, несчастье — до тѣхъ поръ отвлеченныя идеи для нея — представились предъ нею, во всей ихъ, раздражающей сердце, дѣйствительности. Можно себѣ представить, какое глубокое сочувствіе возбудилъ этотъ печальный разсказъ въ душѣ доброй и кроткой Люси, и сколько словъ утѣшенія, ласки и горячихъ обѣщаній надавала она въ утѣшеніе бѣдной итальянки.

— Вы, можетъ быть, знакомы съ королемъ, — сказала Сперанца, поднимая вдругъ на Люси свои большіе, черные глаза, заблеставшіе надеждой.

— Нѣтъ, — сказала Люси. — А что?

— Потому что, — отвѣчала бѣдная дѣвушка, — если бы вы могли разсказать ему исторію Батисты, я увѣрена, что онъ сжалился бы надъ нами. Ахъ! если бы только король могъ все то знать! онъ такъ великъ на тронѣ: зачѣмъ желать ему, чтобы бѣдные люди, какъ мы, были такъ несчастны?

— Если мы не можемъ говорить съ королемъ, — сказала Люси, — то мы можемъ ему написать: я хочу сказать, можемъ написать просьбу за Ватисту.

— Это ни къ чему не послужитъ, — отвѣчала итальянка съ уныніемъ. Просьбы бѣдныхъ людей никогда не доходятъ до короля; дурные совѣтники не допускаютъ ихъ до него.

— Но, можетъ быть, наставляла Люси, мы найдемъ кого-нибудь, кто дастъ намъ обѣщаніе отдать просьбу въ руки самого короля.

Сперанца покачала головой. Было ясно, что она была такого же дурного мнѣнія о просьбахъ, какъ и докторъ Антоніо.

— Ужъ мы найдемъ какое нибудь средство, повѣрьте мнѣ, — сказала Люси. — Я спрошу у доктора Антоніо, что надобно дѣлать.

Объ молодыя дѣвушки остановились на этой мысли. Очевидно было, что Сперанца имѣетъ болѣе довѣренности къ доктору Антоніо, чѣмъ къ просьбамъ.

Люси долго думала объ разсказѣ Сперанцы и съ нетерпѣнїемъ ожидала слѣдующаго утра, желая спросить у доктора Антоніо, что нужно сдѣлать для бѣдной дѣвушки, которую она приняла подъ свое покровительство. Потому она съ любовью стала думать о роли, которую докторъ занималъ въ этой драмѣ, и надо признаться, она не находила ни преувеличеннымъ, ни ложнымъ названію ангела-хранителя, которое молодая итальянка съ энтузіазмомъ употребляла, говоря о немъ. Ей казалось, что этотъ человѣкъ рожденъ дѣлать добро. Она отовсюду слышала и наконецъ по собственному опыту видѣла, что нездѣ, гдѣ надобно было вылечить болѣзнь, осушить слезы, возбудить бодрость, --нездѣ находился докторъ Антоніо. Умъ ея какъ будто прояснился; она стала понимать, какъ такой необыкновенный человѣкъ могъ довольствоваться своею настоящею участью, или лучше, стала составлять себѣ высокое мнѣніе объ этой скромной сферѣ, куда судьба забросила молодого медика, сферѣ исполненной бѣдствій, притѣсненій и несправедливостей и, вслѣдствіе чего, какъ будто вызывающей всю энергію, всю рыцарскую преданность этой избранной натуры.

Люси скоро потерялась въ лабиринтъ смѣшанныхъ мыслей и идей, въ который мы за нею не послѣдуемъ; однако онѣ интересовали ее болѣе, чѣмъ Манчони или гитара и помогли провести день не такъ неприятно, какъ она ожидала. Когда сэръ Джошъ приползъ къ ней, вечеромъ, онъ тоже, казалось, былъ веселѣе и счастливѣе обыкновеннаго. Веселость эту Люси, отнесла къ утреннему посѣщенію доктора; но, такъ какъ сэръ Джошъ все время выхвалялъ искусство своего повара, бывшаго прежде поваромъ у епископа Альбенгскаго, то мы думаемъ, что скорѣе вкусно приготовленный обѣдъ, чѣмъ докторъ Антоніо, былъ причиною оптимизма баронета.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Проекты Люси.

На другое утро, просыпаясь, Люси напла, что небо и море приняли свой настоящій видъ, и пѣніе птичекъ необыкновенно приятно. Едва она успѣла окончить свой завтракъ, какъ послышались слыше и пѣснѣшныя шаги. При шумѣ столь знакомыхъ шаговъ, которые она отличала бы между собою другихъ, Люси спросила себя, отчего она чувствуетъ такое же волненіе, какое чувствовала Сперанца, усаживая въ саду шага своего Батисты?

Спусти нѣсколько шаговъ, докторъ Антоніо вошелъ, съ своею обыкновенною, прїятливою улыбкой и, такъ сказать, весь дыша добротою. Онъ былъ покрытъ пылью, и нѣсколько не казался отъ того въ глазахъ Люси, хуже, потому что эта пыль была живымъ знакомъ его нестерпимаго видѣть ее.

— Ночь перлъ большыкъ! — сказалъ онъ, входя, — вы, должно быть, хорошо спали: у васъ такой здоровый видъ. Посмотрите, какъ я трудился для васъ сегодня утромъ.

И онъ покрывъ ея постель цѣлою кучею дикихъ ароматныхъ растений.

— Вотъ тѣпнѣ. лавенда, розмаринъ, пахучій пиповникъ, тутъ есть чѣмъ затмить лучшій косметическій магазинъ. Вы должны сказать Рутчинсъ, чтобъ она сдѣлала вамъ пахучія подушечки. Ни пачули, ни мускусъ не могутъ сравниться съ этимъ.

— О! благодарю, благодарю,--сказала Люси;--какой чудный запахъ! эти цвѣты напоминаютъ мнѣ поля и зеленые холмы.

— Если вы посѣдуете моему совѣту, то ояѣ станутъ напоминать вамъ о нашей бѣдной Ривверѣ. когда вы будете далеко, очень далеко отсюда.

— И не говорите мнѣ, что я должна уѣхать отсюда, докторъ Антоніо; я такъ пристрастилась къ этой безобразной развалинѣ, что хочу убѣдить папѣ купить ее и устроить хорошею маленькую дачу. Развѣ вамъ неприятно будетъ имѣть насъ сосѣдами?

Своенравное выраженіе лица замѣнилось улыбкой, на которую Антоніо отвѣчалъ серьезнымъ, почти грустнымъ взглядомъ.

— Теперь, докторъ Антоніо, подите сюда, сядьте подлѣ меня и подумайте отдѣлаться отъ меня, по крайней мѣрѣ, прежде двухъ часовъ; мнѣ нужно такъ много рассказать вамъ и о многомъ распространить!

Антоніо повиновался, и Люси сказала ему, съ важнымъ видомъ:

— Вчера Сперанца говорила мнѣ о себѣ и о Батистѣ.

— Знаю. и очень радъ. вы пробудили ея мужество, и теперь она кажется не столь несчастною. Я сейчасъ читалъ письмо бѣднаго Батисты.

— Нужно имъ помочь,—сказала съ живостью Люси;--скажите мнѣ, что нужно сдѣлать:—вѣдь это все истина. что мнѣ рассказала Сперанца, не правда ли? дѣйствительно Батиста хорошій человекъ?

— Да,—сказалъ Антоніо,—онъ прекрасный молодой человекъ, какъ мы, итальянцы, называемъ, *di buona pasta* (изъ хорошаго тѣста); онъ такой спокойный такой даже простякъ, что я иногда удивлялся, какъ дѣвушка такая живая и умная, какъ Сперанца, могла такъ сильно привязаться къ нему. Впрочемъ, было бы глупостью удивляться подобнымъ случаемъ, вѣрно только то, что вся Нордигера, въ одинъ голосъ, стоитъ замесчастьнаго Батисту, а вы знаете, что похвалы ближнему не составляютъ главной добродѣтели маленькихъ городковъ. Что же касается до вѣрности рассказа Сперанцы, то я не ручаюсь вамъ за это; не думаю, чтобы она имѣла намѣреніе обмануть васъ, — она къ этому неспособна,—но она и ее мать, и Батиста, и, скажу даже, что десятая часть жителей Нордигеры имѣютъ объ этомъ дѣлѣ ложныя понятія, въ которыхъ никогда ничѣмъ нельзя ихъ разубѣдить. Естественно, Сперанца должна была передать вамъ свои оффиціальныя впечатлѣнія. Во первыхъ, я нихъ это составляетъ какъ бы законъ, что мать Батисты, будучи овдовѣла своимъ мужемъ, должно считаться за вдову,—и дѣйствительно, ни иначе ее не называютъ, какъ вдовой Сусанной, — а вслѣдствіе этого Батиста долженъ считаться сыномъ

вдовы. Но все это, можетъ быть, до известной степени справедливо по ужь конечно не по буквѣ закона. Потому они воображаютъ, что письмо бордигерскаго синдика, объявляющаго, что Батиста не подлежитъ рекрутскому набору, должно служить для Батисты официальнымъ документомъ. И въ этомъ они также ошибаются. Письмо синдика есть не что иное, какъ выраженіе личнаго мнѣнія, какъ свидѣтельство желанія услужить, но никакъ ужь не можетъ имѣть законной силы. Вотъ настоящее положеніе Батисты. Онъ вынулъ или скорѣе за него вынули, номеръ довольно высокій, такъ что могли думать сначала, что онъ освободится отъ участія въ рекрутствѣ, но впоследствии оказалось, что онъ не остался въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ.

Люси, казалось, не поняла.

— Представьте себѣ, что провинція, къ которой принадлежитъ Нордигера, должна представить молодыхъ людей, для морской службы;—очень хорошо!—Молодой человекъ, вынувши 20-й номеръ, считалъ себя какъ бы спасеннымъ и, по всей вѣроятности, это такъ и есть въ дѣйствительности. Однако случается иногда, что между вынувшими низшіе номера — отъ 1 до 10, напримѣръ, — а которые, вслѣдствіе этого, обязаны служить, одинъ или два не имѣютъ роста, положеннаго уставомъ, другіе два переселились за границу и не являются сюда, нѣкоторые принадлежатъ къ разряду имѣющихъ право на освобожденіе, признанное закономъ и такъ далѣе. Что должно быть естественнымъ слѣдствіемъ этого?—Когда правительство имѣетъ нужду въ десяти человекъ, надобно, чтобы оно ихъ нашло тѣмъ или другимъ способомъ. Естественно, изъ этого слѣдуетъ, что рекруты, имѣвшіе высокіе номера, должны замѣнить тѣхъ, которые неспособны къ службѣ, или которыхъ нѣтъ на лицо. Вотъ это самое и случилось съ бѣднымъ Батистой; и хотя, сперва, никто въ томъ не сомнѣвался, что его номеръ освобождалъ его отъ обязанности явиться на службу, однакоже случилось, что, вслѣдствіе необыкновеннаго числа исключеній и увольненій изъ разряда, къ которому онъ принадлежалъ, всѣ обманулись, и синдикъ ошибся вмѣстѣ съ другими.

— Теперь я понимаю,—сказала Люси,—я судя по тому, что вы сейчасъ сказали, я полагаю, что и обвиненія Сперанцы противъ коменданта Санъ-Ремо, въ томъ что онъ, изъ мщенія, былъ причиною несчастія Батисты, не имѣютъ другого основанія, какъ только въ воображеніи бѣдной дѣвушки.

— Я тоже такъ думаю,—отвѣчалъ Антоніо. — Что въ рекрутскомъ наборѣ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, наши коменданты вообще пристрастны и несправедливы — это дѣло известное, не подверженное ни малѣйшему сомнѣнію, и объясняющее почему Сперанца и другіе злѣйшіе жители такъ на это смотрятъ, а не иначе. Коменданты слишкомъ расположены употреблять во зло свою власть. Но въ этомъ частномъ случаѣ, о которомъ мы говоримъ, ничто, сколько мнѣ известно, не даетъ мнѣ права говорить, чтобы жалкое поло-

женіе Ватисты было дѣломъ коменданта Санъ-Ремо. Надо быть справедливымъ даже къ своимъ врагамъ.

—Развѣ комендантъ вашъ врагъ?—спросила Люси, нѣсколько встревожась.

—О, нисколько, хотя я и имѣю причины сомнѣваться въ искренности его дружбы, но, по наружности, мы въ превосходныхъ отношеніяхъ. Я когда нибудь скажу вамъ, чему я обязанъ выраженіемъ этой благодарности. Называя его моимъ противникомъ, я говорю это въ отношеніи политическомъ; онъ, разумѣется, рѣшительный приверженецъ деспотизма, даже одинъ изъ самыхъ страшныхъ абсолютистовъ, какихъ я когда либо встрѣчалъ. Когда онъ говоритъ о либералахъ, у него выступаетъ на губахъ пѣна, отъ бѣшенства; онъ охотно поѣсилъ бы, своими собственными руками, послѣдняго изъ нихъ.

—Какое чудовище! — воскликнула Люси.

—Но если — продолжалъ Антонио, я прямо и не обвиняю его въ зломъ умыслѣ противъ Ватисты, то не нахожу достаточно словъ, чтобы выразить мое негодованіе за напрасную жестокость, за варварство даже, съ которымъ онъ привелъ въ исполненіе законъ, — законъ, который и безъ того тяготѣетъ ужъ надъ бѣдняками и безъ преувеличенія его строгости... Вотъ въ чемъ я его обвиняю... Какую причину можетъ онъ имѣть, чтобы держать въ тюрьмѣ бѣднаго молодого человѣка, въ продолженіи цѣлой недѣли, отказывая ему даже въ удовольствіи видѣть двухъ бѣдныхъ женщинъ, и отослать его потомъ въ Геную подъ конвоемъ карабинеровъ, какъ преступника? Какая другая причина если не удовлетвореніе старинной вражды?

—Какая жестокость!—воскликнула Люси, и глаза ея заблестѣли негодованіемъ.—Если бы узнали о такомъ поведеніи, или граждане принесли бы жалобу правительству, безъ сомнѣнія этотъ комендантъ былъ бы отрѣшенъ.

—Вы забываете, что мы въ Италіи,—сказалъ Антонио, съ печальной улыбкой;—такіе поступки у насъ совершаются публично. Знаете ли вы, какой былъ бы результатъ такой просьбы, какую вы желаете написать? ее бы отослали къ самому же коменданту — и тогда бѣда подавпимъ просьбу!

—Но что онъ могъ бы съ ними сдѣлать?—спросила Люси.

—Спросите, скорѣй, чего бы онъ не могъ съ ними сдѣлать. Онъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ. Мы всѣ въ его власти: онъ можетъ произвольно позвать къ себѣ всякого, кого захочетъ, осыпать оскорбленіями, отослать въ тюрьму, или крѣпость безъ всякаго суда безъ всякой законной формы; приказать запереть лавку купца, отнять у другого данную ему привилегію; онъ можетъ написать двѣ строки въ Туринъ, — и меня лишать должности и изгонять изъ королевства; онъ можетъ повѣсить шляпу на шею, и, какъ Геслеръ, принудить каждаго прохожаго отдавать ей честь. Если онъ не дѣлаетъ этого, такъ не потому, чтобы онъ не имѣлъ на это власти, а потому, только что это не пришло еще ему въ голову.

— Но вы мнѣ описываете невыносимыя вещи, — сказала Люси.

— Именно невыносимыя, — продолжалъ Антоніо, — но крайней мѣрѣ, для людей мыслящихъ. Тѣ же которые не мыслятъ, — а они-то и составляютъ повсюду большинство, — замѣчаютъ это монѣ; ихъ собственное ничтожество ставить ихъ, до нѣкоторой степени, внѣ пріятностей, и жизнь матеріальная, съ своими неизбежными слухами — печалами слишкомъ ихъ занимаетъ для того чтобы, они могли думать о чемъ нибудь другомъ, кромѣ своихъ собственныхъ дѣлъ. Но мы далеко уклонились отъ нашего предмета, отъ Батисты.

— Да, это правда, — сказала Люси улыбаясь, — мы совсѣмъ его забыли. Теперь скажите мнѣ ваше мнѣніе, или лучше, скажите мнѣ, какаимъ образомъ я могу помочь ему.

— Увы! — сказалъ Антоніо, — я вижу къ тому только одно средство.

— Какое? — спросила Люси, замѣтивъ, что докторъ вдругъ остановился.

— Заменить его другимъ.

— Вы хотите сказать, заплатить кому нибудь, чтобы онъ поступилъ на службу вмѣсто Батисты?

— Точно такъ; но объ этомъ нечего и думать.

— Отчего? Развѣ это будетъ такъ дорого стоить? Если только есть возможность, я все сдѣлаю, — сказала пылкая и великодушная дворянка. — Что жъ я такое сказала, докторъ Антоніо, что вы смотрите на меня съ такимъ изумленіемъ? Чему вы такъ удивились?

— Признаюсь, ваша доброта и великодушіе застали меня перепуганнаго въ расплотъ.

— Ахъ, докторъ Антоніо, докторъ Антоніо, какой злой комплиментъ! — сказала Люси, притворяясь сердитой. — Не вы ли съ нами такъ часто говорили, что долгъ богатаго помогать бѣдному?

— Конечно, — сказалъ Антоніо, возвращаясь къ своему хладнокровію. — Благодареніе Богу, есть люди, для которыхъ потребность дѣлать добротная натура.

— Вотъ именно, что много разъ я думала объ васъ, и нѣмѣю полное право на это, — сказала Люси, съ веселостью и съ большими слезъ глазами. — А скажите, прибавила она, съ живостью, — что, трудно найти кто бы замѣстилъ его?

— Полагаю, что нѣтъ. Я недавно слышала объ одномъ морякѣ изъ Спадалетти, (деревушки, очень недалекой отсюда), срежъ его службы кончилась, и онъ, говорятъ, желалъ бы опять служить.

— Большую сумму онъ потребуетъ, чтобы замѣстить Батисту?

— Отъ полторы тысячи до тысячи восьмисотъ франковъ, я думаю.

— Сколько это будетъ на англійскія деньги?

— Отъ шестидесяти до семидесяти фунтовъ стерлинговъ.

— Ну, это ужъ не такая огромная сумма, — сказала Люси. Не знаю, въ кошелекѣ моемъ будетъ ли столько денегъ, но я могу ихъ достать. Миссъ Давоннъ, приказала Гутчинсъ, принести ей шагулку и, освидѣтельствовавъ въ какомъ состояніи находилась ея ошиваль,

яшла, что въ наличности было только тридцать фунтовъ, семнадцать шиллинговъ и нѣсколько пенсовъ.

— Остальное я попрошу у папа, -- сказала молодая дѣвушка, -- вся сумма будетъ готова къ завтраму. Хотите ли тотчасъ же заняться этими дѣлами, чтобы не терять ни ни одного дня?

— Съ удовольствіемъ, -- отвѣчалъ Антоніо, -- прежде всего я отыщу человѣка, о которомъ мнѣ говорили. Если онъ дѣйствительно желаетъ опять вступить въ службу, мы пошлемъ ему тотчасъ же въ Геную пятьдесятъ франковъ на его дорожные расходы. Остальную сумму, которую, по условію, мы должны будемъ ему отдать, можно будетъ вѣрить кому нибудь въ Генуѣ, -- англійскому консулу, напримеръ, -- и поручить отдать ему эти деньги, когда онъ уже замѣнитъ Батисту, но чтобы все это привести къ окончанію, для этого нужно время. Это дѣло, какъ и всякое другое, требуетъ много формальностей, и, ради Бога, ни слова объ этомъ Сперанцѣ; мы должны остерегаться пробудить въ ней слишкомъ живую надежду; потому что въ случаѣ, если нашъ планъ не удастся, мы только приготовимъ ей разочарованіе тѣмъ болѣе горькое.

— Такъ вы думаете, что мы можемъ имѣть неудачу? -- спросила Люси почти съ испугомъ.

— Конечно, -- отвѣчалъ Антоніо; -- если комендантъ узнаетъ о нашемъ намѣреніи и не захочетъ этого допустить, то мы непремѣнно будемъ побѣждены; слѣдовательно, намъ слѣдуетъ дѣйствовать съ большою осторожностью.

Какъ эти слова, наши намѣренія, мы должны слѣдить то или это, отзывались пріятно въ ухахъ Люси! какъ пріятно имѣть общій интересъ съ этимъ превосходнымъ докторомъ!

— Въ свое время я внушу Батистѣ и тому кто замѣнитъ его объ опасности разглашать это дѣло, -- сказалъ Антоніо, -- а пока я напишу бѣдному молодому человѣку сегодня же нѣсколько словъ въ утѣшеніе.

— Благодарю, -- сказала Люси.

И, видя, что докторъ встаетъ, она прибавила:

— Я еще не кончила, докторъ Антоніо; мнѣ хотѣлось бы знать, какая эта далекая, далекая страна, гдѣ былъ Батиста?

— Сидней, -- сказалъ докторъ, -- *въ странѣ Тиллодотъ*.

И онъ громко засмѣялся.

— Отъ какой болѣзни умеръ отецъ Сперанцы?

— Отъ болѣзни, которой страшное ученое названіе вы никогда не въ состояніи будете припомнить, которая препятствуетъ пищеваренію. Страдающій этою болѣзнію требуетъ безпрестанно ѣсть и однако съ каждымъ днемъ болѣзнь усиливается: здѣшніе простолюдины воображаютъ, что въ желудкахъ этихъ несчастныхъ находится звѣрь или птица, пожирающіе все, что они ѣдятъ. Не такъ ли вамъ рассказывала Сперанца?

— Да, дѣйствительно. И скажите мнѣ еще, пожалуйста, -- продолжа-

да Люси, — что значит ходить въ лѣсъ, фраза, которую такъ часто употребляетъ Сперанца?

— Почти всѣ наши приходы, — отвѣчалъ Антонио, — владѣютъ нѣкоторыми лѣсами, которые служатъ большою помощію для бѣдныхъ семействъ, потому что они оттуда получаютъ не только дрова и продукты, въ которыхъ имѣютъ нужду, но и еще могутъ заработать деньги, снабжая этими необходимыми предметами своихъ болѣе богатыхъ сосѣдей. Тяжолая необходимость ходить въ лѣсъ исключительно падаетъ на женщинъ. Однако это единственная тяжолая работа, которую онѣ должны исправлять. Жоны и дочери бѣдныхъ крестьянъ встаютъ обыкновенно въ часъ или два утромъ, чтобы идти въ лѣсъ, — который часто находится въ двухъ или трехъ часахъ ходьбы отъ нихъ, — и возвращаются къ десяти часамъ, чтобы приготовить обѣдъ для семейства, заработать десять или двѣнадцать копѣекъ, — сумма, почти равняющаяся платѣ за цѣлый день работы внѣ дома. Есть дѣвушки (и онѣ то пользуются всеобщимъ удивленіемъ) которыя успѣваютъ ходить въ лѣсъ по два раза въ день; эта работа и собираніе оливокъ служатъ главнымъ занятіемъ и пособіемъ для женщинъ. Преждевременную старость и болѣзнь большей части женщинъ я приписываю недостатку сна и чрезмѣрной усталости, происходящей отъ такой ходьбы.

— А что эта за лампедузская Мадонна, о которой Батиста говорить въ своемъ письмѣ?

— Это мѣсто богомолья, которое пользуется большимъ уваженіемъ и часто посѣщается нашими деревенскими жителями для поклоненія образу Мадонны, который, по преданію, чудеснымъ образомъ былъ перенесенъ на эти берега изъ Лампедузы, маленькаго острова на югѣ отъ Сициліи. Это мѣсто стоить, чтобы въ немъ побывать; капелла выстроена на высококомъ утесѣ, выдающемся въ море, откуда открывается великолѣпный видъ.

— Миѣ очень хотѣлось бы тамъ побывать, — сказала Люси.

— Ничего нѣтъ легче, когда вы будете въ состояніи выходить; разстояніе небольшое, вы можете доѣхать туда часа въ четыре. Въ домѣ, при часовнѣ, находится нѣсколько комнатъ для посѣтителей и больныхъ, которыхъ туда часто посылаютъ для воздуха, какъ говорятъ, необыкновенно полезнаго для здоровья.

— Вывали ли вы когданибудь тамъ?

— Нѣсколько разъ. Это только часъ ходьбы отъ Таджіа, любопытнаго маленькаго городка, отстоящаго на двѣ мили отъ моря, и на три часа ѣзды отсюда. Я тамъ былъ только вчера. Кстати, я сдѣлалъ для васъ эскизъ. Да гдѣ же онъ? я куда то положилъ его... а! вотъ онъ, въ моей шляпѣ.

— Какъ это хорошо сдѣлано! — воскликнула Люси. — По вашей манерѣ говорить, я была увѣрена, что вы должны рисовать. Какое должно быть очаровательное мѣстечко этотъ Таджіа! какъ онъ кокетливо расположенъ надъ покатостью горы!

— Очень радъ, что онъ вамъ нравится, — городъ разумѣется, но не эскизъ. — Надѣюсь, когданибудь вашъ карандашъ, отдастъ ему

лучшую справедливость. Но, я долженъ теперь оставить васъ; иначе будетъ слишкомъ поздно писать къ Батистѣ. До свиданья, снмьора.

Проходя чрезъ садъ, Антонио встрѣтилъ сэра Джона. Они остановились и Антонио сказалъ ему, что кресло, котораго плащъ онъ видѣлъ, будетъ чрезъ нѣсколько дней готово и тотъ, кому оно заказано, увѣряетъ, что оно вполне удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ. Сэръ Джонъ повторилъ свою благодарность: онъ даже удостоилъ спросить о здоровьи почтаря, — что всегда дѣлалъ баронетъ, когда хотѣлъ быть особенно вѣжливъ къ доктору Антонио. Просперо составлялъ какую то нейтральную землю, на которой встрѣчались миролюбиво два воюющія государства.

— Просперо, — отвѣчалъ Антонио, — только что всталъ съ постели и не въ состояніи еще работать.

— Будетъ ли такъ добръ докторъ Антонио, — спросилъ сэръ Джонъ, — чтобы сказать бѣдному молодому человѣку, что вслѣдствіе хорошаго отзыва, сдѣланнаго вами объ немъ онъ, сэръ Джонъ рѣшился оставить это несчастное дѣло, въ которомъ почтарь занималъ главную роль? Антонио отблагодарилъ какъ могъ за любезность сэра Джона и отвѣчалъ, что съ удовольствіемъ исполнитъ столь благосклонное порученіе, которое должно совершенно успокоить его. больного. На этихъ словахъ, они раскланялись и разошлись очень довольные другъ другомъ.

Въ этотъ же вечеръ, Люси рассказала отцу исторію бѣднаго Батисты. Она ему представила настоящее положеніе, молодого моряка и окончила свой рассказъ требованіемъ денегъ, чтобы помочь ему. Требованіе это тотчасъ же было исполнено. Сэръ Джонъ, столь же щедрый, какъ и богатый, рѣдко кому бы то ни было, отказывалъ въ деньгахъ, тѣмъ болѣе своей обожаемой дочери. Правда, что въ настоящемъ обстоятельствѣ, деньги были не единственнымъ предметомъ, полученнымъ Люси отъ превосходнаго отца: — деньги сопровождались цѣлымъ рядомъ совѣтовъ о необходимости осведомиться подробнѣе о настоящемъ характерѣ этого человѣка, чтобы увѣриться, дѣйствительно ли онъ заслуживаетъ ея вниманія; кто можетъ сказать, продолжалъ сэръ Джонъ, что этотъ итальянецъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые всегда въ открытой войнѣ съ законною властью, и о которыхъ Люси и онъ такъ много слышали въ Римѣ! Какимъ образомъ сэръ Джонъ, говоря о Батистѣ, приполъ къ такому подозрѣнію? Виновата была въ томъ Люси; желая оправдать своего новаго протежѣ, она ступила на опасную почву и ударила о переловыя укряженія, защищавшія приступъ къ отеческому мозгу. Въ рассказѣ хорошенькой Люси не одинъ разъ досталось коменданту Санъ-Ремо, она коснулась даже и гораздо высшихъ сферъ. Сэръ Джонъ, знавшій себя такъ, какъ и большая часть людей знаетъ себя, выдавалъ себя за либерала, и былъ всегда готовъ на споръ; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ не могъ слышать самой легкой критики противъ какого бы то ни было установленнаго закономъ правительства, да и не

только противъ правительства, даже и противъ какого бы то ни было изъ его чиновниковъ, безъ того чтобъ не оцѣтнѣть какъ какой дикобразъ и тотчасъ же привести въ хорошее состояніе защиты всѣ батареи, ограждавшія его умъ противъ вторженія всякой новизны подъ какой бы формой она ни являлась. Слова Люси удивили его и онъ началъ думать, что во всемъ этомъ дѣлѣ было возстаніе противъ власти. И потому, возвысивъ голосъ немного болѣе обыкновеннаго, онъ окончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

— Что же касается до твоихъ безразсудныхъ нападокъ на правительство, милая Люси, позволь мнѣ сказать—и ты можешь повторить то же самое доктору Антонію, отъ котораго, какъ я думаю, ты этого наслупалась—что народъ, имѣющій хорошую муниципальную систему, такую какъ я вижу здѣсь, этотъ народъ самъ виноватъ, если еще не уничтожены нѣкоторыя злоупотребленія, существующія во всякомъ обществѣ.

Эта фраза была одна изъ любимыхъ эффектныхъ сентенцій, которыя онъ всегда хранилъ въ запасѣ и высказывалъ при случаѣ. Какую причину имѣлъ сэръ Джонъ думать, что муниципальная система въ Бордигерѣ была превосходная,—мы этого не знаемъ, потому что достойный баронетъ вовсе не потрудился разузнать объ этомъ, а вѣроятно полагалъ, что система, представляемая такими дюжини и здоровыми личностями, каковы были снандикъ и нѣкоторые совѣтники города, которыхъ онъ зналъ по Филловоміи, не могла не быть благодѣтельной.

Люси чувствовала себя не одинъ разъ оскорбленною во время этого разговора и на разглагольствованіе своего отца отвѣчала почтительнымъ молчаніемъ.—средство, можетъ быть, болѣе вѣрное, чтобы успокоить раздражительность и щеколтливость баронета, чѣмъ какой бы то ни было отвѣтъ, сказанный самымъ кроткимъ и ласковымъ ея голосомъ. Она также не считала за нужное повторять рѣчь своего отца доктору Антонію, когда тотъ на другой день утромъ съ такою радостью принесъ ей желанную вѣсть, то есть, что онъ нашолъ человѣка, о которомъ онъ ей говорилъ, и что тотъ соглашается, за тысячу четыреста франковъ заступить мѣсто Ватисты и готовъ завтра же отправиться въ Геную. Глаза Люси выразили лучше словъ ея благодарность, когда она отдавала доктору Антонію деньги, которыя надо было отослать англійскому консулу въ Геную. Оба были счастливы счастьемъ, приготовленнымъ для другихъ, и даже сэръ Джонъ былъ доволенъ этимъ днемъ; потому что всѣ правительства и всѣ муниципальныя системы на свѣтѣ были великодушнo забыты.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

НА БАЛКОНѢ.

Диванный стулъ, выдуманый докторомъ Антонію, наконецъ явился и какъ слѣдуетъ прежде былъ попробованъ сэромъ Джономъ, который назвалъ его перломъ длинныхъ стульевъ. Многіе другіе пред-

ноты, назначенные играть роль въ важномъ прошествіи дня и между которыми находилъ огромный рисовальный ящикъ, привезенный изъ Шипцы, были приготовлены къ первому маю, и въ этотъ день около полудня докторъ Антоніо вополь къ миссъ Давеннъ, говоря:

— Приготовьтесь къ большому сюрпризу.

— Чтѣ бы это такое могло быть?—спросила Люси.

Почемъ, посмотрѣвъ ему въ лицо, она какъ будто бы прочла въ глазахъ его отвѣтъ, потому что вдругъ вся покраснѣла и сказала:

— Ужь не позволяете ли вы мнѣ встать?

— Bravo!—воскликнулъ Антоніо,—вы угадали съ перваго раза. *La lingua hatte dove il dente duole*. Вы сейчасъ можете встать, но съ условіемъ—подвергнуться безчисленнымъ предосторожностямъ. Вамъ не позволится ходить, даже ставить ногу на землю и непримѣнно нуженъ еще двухъ-недѣльный отдыхъ. Вы оставите вашу постель только для того, чтобъ улечься въ это длинное кресло, которое Роза и Сперанца несутъ, и я пропущу васъ отдаться въ совершенное распоряженіе ихъ и миссъ Гуччинсъ, которыя васъ одѣнутъ. Вы все таки не обманулись въ вашемъ ожиданіи,—прибавилъ онъ съ душевнымъ безпокойствомъ, видя что прелестный румянецъ ея лица, вдругъ исчезъ и углы ея выразительныхъ губъ опустились.— Я желаю бы возомыть вамъ болѣе, но не смѣю.

Надо бы имѣть сердце болѣе жестокое, чѣмъ оно было у Люси, чтобы сопротивляться трогательному голосу и умоляющему виду итальянца. Легкое облако, которое на минуту омрачило ея лицо, зашмыкнулось кроткою улыбкой.

— Какая я неблагодарная! простите меня.

Она протянула ему руку, такую прелестную, маленькую ручку, что Антоніо почувствовалъ страшное желаніе поцѣловать ее; однако онъ удовольствовался тѣмъ, что удержалъ ее на нѣсколько мгновений въ своей рукѣ. Часъ спустя, сэръ Джонъ радостно помогалъ Люси катить кресло изъ залы на балконъ, о которомъ мы такъ часто говорили въ нашей правдивой исторіи. Надъ балкономъ былъ сдѣланъ навѣсъ, чтобы защитить прелестную больную отъ солнечныхъ лучей.

— Какъ это хорошо!—воскликнула молодая дѣвушка, оглядываясь кругомъ.—Какъ вы могли бояться,—сказала она, оборачиваясь къ доктору,—какъ вы могли думать хоть одну минуту, что воображеніе мое можетъ идти далѣе дѣйствительности? Самое воображеніе поэта въ своихъ пламенныхъ мечтахъ, не могло бы вызвать такихъ чудесъ.

— По истинѣ сказать, —отвѣчалъ докторъ, — я не боялся въ васъ разочарованія. Хоть сицилианецъ въ душѣ и страшный обожатель моего родного острова, но признаюсь, что сцена, находящаяся предъ нашими глазами, не уступаетъ прелестнѣйшему ландшафту въ Сициліи.

— Какой восточный видъ эти качающіяся пальмы придаютъ бордигерскому холму! Можно подумать, что находишься въ Малой Азіи,—сказала Люси.

Дѣйствительно это было великолѣпное зрѣлище! Передъ ними да-

леко разстигалось море, гладкое, какъ зеркало, украшенное всевозможными мѣняющимися оттѣнками, сизымъ, свѣтлозеленымъ, темно-краснымъ, нѣжнолазуревымъ, темносинимъ, подобнымъ цвѣту ворожениной стали; въ одномъ мѣстѣ блистающее какъ безконечный алмазь, въ другомъ—капризно развертывающее складки своей бѣлой пѣнистой тюники. На этомъ ясномъ фонѣ рѣзко выдавалось груша рыбаковъ въ красныхъ колпакахъ, въ красныхъ кушакахъ, тающихъ съти на берегъ и сопровождающихъ всякое усиліе жалобнымъ напѣвомъ, который горное эхо повторяло слабо и тихо. Направо къ западу дорога, какъ се ребристая лента, извивалась посреди разбросанныхъ доновъ, апельсиновыхъ и пальмовыхъ садовъ, и веда глазъ къ бордигерскому мысу, который, гиганскимъ изумрудомъ, закрывалъ горизонтъ и, представляя силуэтъ лежащаго Левіаѳана, погружалъ свою огромную голову въ волны. Тамъ, въ узкомъ пространствѣ, на которомъ пріятно отдыхалъ взоръ, были передъ вами всѣ постепенности зелени начиная отъ сѣраго цвѣта оливы до темной листовикипариса. Грушны пальмы съ вершинами, позлащенными отъ солнца, внизу же погружены въ тѣньграціо знокачали своишик распыми верхушками, изъ среды которыхъ красная стрѣла колокольни вырѣзывалась на безоблачномъ небѣ.

На востокъ, берегъ выдавался граціознымъ изгибомъ, потомъ, слегка склоняясь къ югу, терялся мало по малу въ горизонтѣ, вдали отъ моря. Отъ трехъ пунктовъ этого обширнаго полумѣсяца, гдѣ отдыхали волны, возвыпались три мыса террасами, одинъ за другимъ, всѣ три различнаго цвѣта и вида. Самый близкій состоялъ изъ красноватаго и голаго утеса, такъ блиставшаго на солнцѣ, что глазъ съ трудомъ могъ на немъ остановиться; другой, покрытый лѣсомъ, увеличанъ былъ на самомъ высокомъ своемъ хребтѣ длинною деревушкою, окружающею его какъ вѣнцомъ; третій, за исключеніемъ небольшого блистающаго пункта, представлялся издали какимъ-то голубоватымъ туманомъ. Два бѣлые паруса обгибали этотъ послѣдній мысъ. Весь пейзажъ заилтъ былъ свѣтомъ и золотистые атомы носились въ прозрачной атмосферѣи перламутровая линия обрисовывала рѣзкій профиль горы. Земля, небо и море смѣшивала свои различныя краски,—и, изъ этихъ различныхъ тоновъ, какъ бы изъ нотъ мелодическаго и торжественнаго аккорда, происходила могущественная гармонія.

— Вотъ на чемъ вы можете въ широкихъ размѣрахъ попробовать вашъ карандашъ,—сказалъ Антоніо.—Недѣля черезъ днѣ, когда вы совершенно ознакомитесь со всѣми красотами, которыми въ настоящую минуту вы ослѣплены, и когда такъ сказать, усвоите ихъ себѣ, тогда вы еще болѣе оцѣните и будете наслаждаться ими съ болѣею полнотою.

— Что я и дѣлаю уже, увѣряю васъ,—отвѣчала Люси.

— Вѣрю; но со временемъ, вы поймете ихъ еще лучше,—отвѣчалъ Антоніо съ настойчивостію,—чувство прекраснаго приходитъ постепенно; оно не можетъ быть внезапнымъ открытіемъ; оно требуетъ не только времени, но и изученія. Въ лампафтѣ, находящемся передъ нашими глазами все равно, что въ симфоніи: слушая въ первый

разъ, мы находимъ множество мелкихъ красотъ которыя производятъ на васъ впечатлѣннѣе; но связь различныхъ пассажей, ихъ взаимныя отношенія, общее согласіе въ цѣломъ, словомъ все, что составляетъ ensemble произведенія, поражаетъ васъ только тогда, когда вы слышали его нѣсколько разъ и со вниманіемъ.

— Я думаю, что вы правы!—воскликнула Люси, вообще найдя, что Антонио во всемъ правъ.—Я спрашиваю себя, продолжала она, — почему все, что напоминаетъ Востокъ, производитъ такое сильное дѣйствіе на воображеніе. Я не могу оторвать глазъ отъ этихъ пальмъ; онѣ заставляютъ меня думать о крестовыхъ походахъ, о рыцаряхъ и о библейскихъ сценахъ.

— Воображеніе много заимствуетъ изъ памяти, — сказалъ Антонио; — и переноситъ насъ въ прошедшее. Мы никогда не забываемъ рассказовъ, слышанныхъ на колѣняхъ у нашей матери; этотъ источникъ никогда совершенно не иссякаетъ на нашемъ пути, посреди жгучихъ песковъ жизни.

— Я люблю эту Бордигеру!—воскликнула Люси послѣ нѣкотораго молчанія.

— Однако, несмотря на ея красоту, она закрываетъ отъ васъ одинъ изъ самыхъ обширныхъ и великолѣпныхъ видовъ французскаго берега.

— Я объ этомъ нисколько не сожалѣю, — отвѣчала Люси:—слишкомъ обширный пейзажъ развлекъ бы мое вниманіе; мои глаза противъ воли всегда обращаются къ горизонту. Небо и море—вотъ единственныя огромныя пространства, въ которыя, дѣйствительно, взгляды ваеься съ чувствомъ счастья.

— Это совершенно справедливо, — сказалъ Антонио;—въ васъ душа артиста.

— Я бы желала этого, — отвѣчала Люси, слегка покраснѣвъ.

— Теперь опять принимаюсь за мою обязанность чичероне!—весело сказалъ докторъ. Видите вы эту деревушку, вотъ подъ той взрытой горюю? это *Спедалетти*; отъ нея и заливъ называется тѣмъ же именемъ.

— Какое странное названіе, *Спедалетти*!—Не значитъ ли это маленькія больницы?

— Да. Одинъ изъ моихъ друзей, имѣющій претензію быть антикваріемъ, увѣряетъ, что онъ нашелъ происхожденіе этого названія. Онъ говоритъ, что судно, принадлежавшее родосскимъ рыцарямъ—(именно тѣмъ рыцарямъ, о которыхъ вы только сейчасъ думали)—крейсировавшее въ Средиземномъ морѣ, — я уже право не знаю въ какомъ вѣкѣ,—высадило на этотъ берегъ нѣсколько человекъ больныхъ чумою. Деревянные дома были построены для этихъ несчастныхъ и послужили, по мнѣнію моего пріятели, основаніемъ этой деревушки, сохранившей, очень естественно, названіе по своему первоначальному назначенію. Такое мнѣніе моего друга могутъ подтвердить развалины капеллы, видѣющіяся въ нѣкоторомъ разстояніи, которыя называютъ Руота, что можетъ быть исковеркано отъ Роды (Родось).

— Есть ли тамъ еще госпитали? — спросила Люси.

— Нѣтъ. Въ Спедалетти исключительно живутъ здоровыя семейства трудолюбивыхъ рыбаковъ, которые никогда не имѣютъ недостатка въ работѣ. Природа, устроивъ эту красивую бухту, сдѣлала ее въ то же время надежною и спокойною. Защищаемая на западѣ бордигерскимъ мысомъ, на востокѣ же тремя мысами, вода въ ней всегда спокойна, какъ бы море ни волновалось; и спедалетские рыбаки въ какую бы то ни было погоду всегда на работѣ.

— А какъ называется деревня, такъ смѣло пріютившаяся на вершукѣ второй горы, надъ Спедалетти? Не имѣетъ ли она также своей легенды?

— Ее зовутъ, какъ видите не безъ причины, Колла (холмъ.) Я не думаю, чтобы она имѣла для васъ такой же интересъ, какъ для меня, въ слѣдствіе того, что, когда холера такъ страшно свирѣпствовала въ Санъ-Ремо, находящемся у подошвы противоположнаго склона горы, въ Коллѣ не было ни одного случая этой болѣзни.

— Жители, я думаю, считаютъ это чудомъ, — сказала Люси.

— Я увѣренъ, что объ этомъ было разсказано много нелѣпостей. Возвышенное положеніе Коллы совершенно объясняетъ ея здоровый воздухъ. Но что дѣйствительно необъяснимо, такъ это то, что холера, остановившись предъ мысомъ Санъ-Ремо, перепрыгнула его не коснувшись, и упала на Ниццу, пощадивъ такимъ образомъ все пространство этой страны. Но признайтесь, — продолжалъ Антоніо, улыбаясь, — что Колла кажется вамъ очень ничтожною въ сравненіи съ Спедалетти. Рыцари и чума ставятъ ее много выше холеры и докторовъ.

— Я вамъ буду отвѣчать, — сказала Люси, — на ирландскіи манеръ другимъ вопросамъ. Это бѣлое пятно, которое блеститъ вотъ тамъ, на самомъ отдаленномъ мысу, не правда ли — это монастырь?

— Это еще капелла, Капелла Мадонны della guardia, соперница Лампедузской, но надобно сказать, соперница которую вторая совершенно затмѣваетъ.

— Всѣ ли капеллы посвящены Мадоннѣ?

— Почти всѣ. Мадонна — страсть нашего народа... Что до меня, то я признаюсь, что нахожу въ этомъ поклоненіи, (называйте это если хотите суевѣріемъ), что-то чрезвычайно трогательное: обоготворить женщину, сдѣлать ее путемъ, черезъ который божественныя состраданіе и милосердіе нисходятъ на скорбящихъ, — это величайшее уваженіе, какое только можно отдать превосходству женской природы.

— Дѣйствительно ли вы думаете, что женщина лучше мужчины?

— Инстинктивное чувство заставляетъ меня такъ думать, — отвѣчалъ Антоніо; — но по истинѣ сказать, я не могу похвастаться, что знаю хорошо по опыту женщинъ и даже мужчинъ, чтобы рѣшить вопросъ ех cathedra. Я могу только утвердительно сказать, что изъ людей, съ которыми я былъ въ короткихъ отношеніяхъ женщины были гораздо превосходнѣе чѣмъ мужчины.

Мы не беремся объяснять, почему подобное убѣжденіе, должен-

ствовавшее, какъ казалось, удовлетворить женской гордости Люси, напротивъ, опечалило ее и сдѣлало молчаливой. Мы можемъ только засвидѣтельствовать этотъ фактъ. И долго послѣ ухода доктора, она, забывъ книги и рисунки, сидѣла погруженная въ грустную задумчивость, и равнодушная къ морю и восхитительному пейзажу, находившемуся передъ ея глазами. Вѣдная Люси!... Она была оторвана отъ своихъ мыслей приходомъ сэра Джона, державшаго въ рукѣ письмо. Это письмо было отъ Обри. Капитанъ писалъ, что долженъ былъ отложить свой отъѣздъ, по дѣламъ своего званія. Онъ не зналъ, когда обстоятельства позволятъ ему выѣхать; но все таки никакъ ужъ не раньше четырехъ мѣсяцевъ и тогда онъ обѣщался увѣдомить отца о своемъ отъѣздѣ. Люси приняла эту вѣсть очень равнодушно.

— Впрочемъ, папа, намъ всего ждать только четыре мѣсяца, и мы должны утѣшаться тѣмъ, что теперь намъ не нужно такъ спѣшить отсюда.

— Дѣйствительно, — отвѣчалъ сэръ Джонъ, — судя по обстоятельствамъ, мы можемъ сказать, что это замедленіе довольно счастливо. Да, эта вѣсть очень облегчила мое сердце, — сыну грустно было бы найти въ домѣ отца однихъ только слугъ. Мы можемъ ѣхать, не топясь, и остановиться на нѣкоторое время въ Парижѣ.

— О, папа! — сказала Люси, — я нисколько не желаю быть въ Парижѣ; останемся сколько возможно долѣе въ этой чудесной Италіи.

— Но, милая, — отвѣчалъ баронетъ съ нетерпѣніемъ, потому что онъ не любилъ сопротивленій своимъ планамъ, — я желаю, чтобы ты узнала немного Парижъ: это необходимо. Въ прошедшемъ году мы такъ скоро изъ него выѣхали и ты была такъ больна, что едва могла составить объ немъ какую нибудь идею.

Потомъ, послѣ минутнаго размышленія, во время котораго, казалось, онъ разбиралъ въ самомъ себѣ нѣкоторые пункты, онъ прибавилъ:

— Хотя Парижъ гораздо ниже Лондона, однако въ немъ можно провести пріятно нѣсколько недѣль. Въ Парижѣ есть два предмета, достойные любопытства: Влисейскія поля, напримѣръ, хотя они не могутъ вынести сравненія съ Гайдъ-Паркомъ...

Но было ужъ такъ суждено, что первое мая будетъ памятнымъ днемъ для сэра Джона, и выводъ сравненій, начатый имъ о достоинствахъ двухъ великихъ столицъ, останется потеряннымъ для публики, потому что Джонъ вдругъ прервалъ его извѣстіемъ, что внизу дожидается человекъ, желающій говорить съ баронетомъ.

— Отъ кого?

— Этотъ человекъ произнесъ имя доктора Антонио, и Джонъ находилъ, что онъ походитъ на продавца лошадей.

— Продавца лошадей! воскликнулъ баронетъ. И онъ поспѣшно сошелъ съ лѣстницы съ такою легкостью, которая сдѣлала бы честь и болѣе молодымъ ногамъ.

Всякій, въ положеніи сэра Джона, всякій человекъ, хотимъ мы

сказать, привыкшіи ѣздить верхомъ каждый день, и лишонный этого любимаго движенія, впродолженіе цѣлаго мѣсяца, легко пойметъ какъ одно слово «продавецъ лошадей» должно было пріятно звенѣть въ ухахъ баронета. Ему присылали было изъ Нипцы двухъ лошадей; но первая оказалась хромою, что очень скоро было открыто, другая же была съ норовомъ, который невозможно было переуправить. Сэръ Джонъ, потерявъ всякую надежду, долженъ былъ отказаться отъ верховой ѣзды.

Внизу его дожидался дѣйствительно продавецъ лошадей, ѣхавшій въ Геную для продажи лошадей перваго сорта, *bestie magnifique*, какъ онъ говорилъ. Разговоръ происходилъ на языкѣ, въ родѣ *lingua franca*, довольно мало понятномъ, но посредствомъ котораго однако, обѣ заинтересованныя стороны успѣли уразумѣть другъ друга. Оказалось что докторъ сказалъ, что «спиньоръ англійскій милордъ» будетъ доволенъ видѣть лошадей, которыя такъ близко, что «ого сіятельство» можетъ почти видѣть конюшни: — и хитрый барышникъ приподнялся на кончикахъ пальцевъ, указывая на какое-то мѣсто. Но какъ бы тамъ ни было, а онъ съ торжествомъ увелъ съ собою сэра Джона, въ сопровожденіи Джона, который въ глазахъ своего барина слылъ отличнымъ знатокомъ въ лошадиной породѣ; часа два спустя, къ великому удивленію и радости Люси, баронетъ появился подъ балкономъ, на стройной и красивой лошади, за которую ручались, что она кротка, какъ агнецъ, что впрочемъ, могло быть, по той причинѣ, что животное было старше цѣлою третью противъ лѣтъ, объявленныхъ барышникомъ.

— Надѣюсь, что она въ самомъ дѣлѣ смирна?—воскликнула Люси, немного испуганная быстрыми поворотами своего отца.

— Дитя можетъ управлять ею,—отвѣчалъ сэръ Джонъ, который уже годъ или два назадъ чувствовалъ необходимость отказаться отъ горячихъ лошадей.—Посмотри, какая у нея головка, Люси, и какъ она повинуется малѣйшему движенію.

И присоединяя дѣйствіе къ слову, баронетъ въ восторгѣ, поворачивалъ свою лошадь во всѣ стороны до тѣхъ поръ, пока Люси закричала ему:

— Папа, папа, вы заружитесь: вы и ваша бѣдная лошадь.

Въ эту минуту, молодой человѣкъ, одѣтый ямщикомъ и съ шляпою въ рукѣ, тихо проскользнулъ въ маленькую садовую дверь, и послѣ минутной нерѣшимости, подошелъ къ сэру Джону. Это былъ Просперо; онъ смиренно пришелъ заплатить свою дань благодарности великодушному баронету. Хотя искренняя благодарность Просперо была выражена на испорченномъ нарѣчій, не представлявшемъ никакого смысла англійскимъ ушамъ сэра Джона, однако въ голосѣ и взглядѣ бѣднаго малаго было слишкомъ много выразительности, чтобы дать джентельмену довольно ясное понятіе о томъ, что хотѣлъ сказать итальянецъ, какъ будто бы онъ говорилъ по-англійски. Влѣдное, похулѣвшее лицо бѣднаго ямщика оказывало его краснорѣчію энергическую помощь. Сэръ Джонъ былъ тронутъ, и чтобы скрыть свое волненіе, онъ тотчасъ же сталъ сердитымъ голосомъ

читать молодому человѣку урокъ объ обязанностяхъ ямщиковъ въ отношеніи путешественниковъ вообще и къ нѣкоторымъ путешественникамъ въ особенности. Какъ эта рѣчь не сопровождалась выразительной пантомимой взоровъ и движеній, посредствомъ которыхъ легко было всякому понять смыслъ словъ молодаго итальянца, то она напрасно поражала слухъ Просперо; устремивъ глаза въ землю и вертя въ рукахъ шляпу, онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ видъ преступника, какимъ сэръ Джонъ и старался его выставить.

Въ критическую минуту, когда баронетъ, все еще сидя на своей лошади, начиналъ затрудняться, какъ ему окончить эту сцену съ достоинствомъ, онъ увидѣлъ доктора, зашедшаго взглянуть на покупку, о которой говорила уже вся община.

— Любезный докторъ! — воскликнулъ баронетъ голосомъ, исполненнымъ добросердечія, — я въ восторгѣ, что вижу васъ: я безконечно вамъ обязанъ.

Слышать себѣ названіе: «любезный докторъ», и такъ чистосердечно, и открыто произнесенное сэромъ Джономъ Давенномъ! Это случилось въ первый разъ; и потому не удивительно, что Антоніо вполне оцѣнилъ это слово. Онъ просилъ сэра Джона и не говорить объ одолженіи, и съ жаромъ поздравилъ его съ счастливымъ случаемъ, доставившемъ ему такую славную лошадь. Между тѣмъ пришелъ Джонъ и донесъ своему господину, что конюшня, служившая двумъ прежнимъ лошадямъ, занята, и никакимъ образомъ не можетъ быть свободна, по крайней мѣрѣ прежде недѣли. Это извѣстіе страннымъ образомъ охладило энтузіазмъ добраго стараго джентемена. Антоніо замѣтилъ это: отойдя въ сторону къ Просперо, продолжавшему стоять съ смиреннымъ и печальнымъ видомъ, докторъ переговорилъ съ нимъ нѣсколько словъ; потомъ, приблизившись къ баронету, сказалъ ему, что въ домѣ, гдѣ живетъ Просперо, есть довольно хорошая конюшня, и что, можетъ быть, сэръ Джонъ найдетъ удобнымъ для себя, — что, конечно, было бы добрымъ дѣломъ съ его стороны, — поручить лошадь Просперо. У него, прибавилъ докторъ, есть меньшой братъ, который очень можетъ замѣнить его въ качествѣ грума, когда Просперо будетъ въ состояніи опять приняться за свое прежнее ремесло. Баронетъ принялъ предложеніе съ удовольствіемъ, и Просперо, пришедшій въ восторгъ отъ такого счастья, помогъ своему новому господину сойти съ лошади. Сэръ Джонъ передалъ ее ему на руки, приказавъ приходить всякое утро въ гостиницу въ семь часовъ, за приказаніями.

Люси съ балкона могла видѣть и слышать все, что происходило внизу; она слѣдила за всѣми обстоятельствами этого маленькаго эпизода съ величайшимъ интересомъ. Когда сэръ Джонъ назвалъ Антоніо «любезнымъ докторомъ» румянецъ удовольствія появился на ея блѣдыхъ щекахъ, и улыбка ея дѣлалась все болѣе и болѣе радостною. Очень естественно, что съ такимъ добрымъ сердцемъ, какъ у нея, она чувствовала удовольствіе, видя доброе согласіе между отцомъ и докторомъ.

— Какъ вы добры,—сказала Люси Антоніо, когда онъ вошелъ и сѣлъ подлѣ нея.

— Добръ? а почему?—спросилъ докторъ, у котораго брови поднялись, какъ щетина у дикобраза, когда онъ становится въ оборонительное положеніе.

— Потому что подумали объ этой лошади,—отвѣчала Люси.

— Ха, ха, ха!

И итальянецъ тотчасъ же открылъ свой спасительный снарядъ отъ преумноженія доброты, которую на него навязывали; то есть, онъ сталъ смѣяться смѣхомъ, только ему свойственнымъ, тѣмъ простодушнымъ и веселымъ смѣхомъ, въ которомъ еще слышался звонкій серебристый смѣхъ ребенка.

— Ну, а что, если я вамъ скажу, что я объ этомъ и не думалъ? что вы на это скажете?

Люси посмотрѣла на него съ видомъ сомнѣнія.

— Когда, нѣсколько времени тому назадъ, вы выразили желаніе, чтобы вашъ батюшка могъ достать лошадь, я объ этомъ упомянулъ въ одномъ письмѣ, которое я тогда писалъ, но съ тѣхъ поръ, совершенно и забылъ о томъ; и такъ вы видите, что вы тутъ обязаны чисто одному счастливому случаю.

— Не случай ли также доставилъ это длинное кресло и этотъ навѣсъ глупой дѣвушкѣ, которая, вмѣсто благодарности, надулась и выказала нетерпѣніе?

— Еще бы!—сказалъ Антоніо, откинувъ голову назадъ съ движеніемъ, которое онъ обыкновенно дѣлалъ, когда ему что нибудь надоѣдало;—какъ будто стоитъ дѣлать столько шума изъ такихъ пустяковъ. Въ такомъ случаѣ, если я чихну и сосѣдъ мнѣ скажетъ: «будьте здоровы!» такъ я ему долженъ быть благодаренъ на всю жизнь?

Люси не могла не разсмѣяться при этомъ странномъ сравненіи.

— Могу ли я, не оскорбляя васъ,—продолжала она,—выразить мое удивленіе превосходной работѣ этого кресла и блестящему золтому, дереву, изъ котораго оно сдѣлано?

— Да, конечно,—отвѣчалъ Антоніо улыбаясь;—мнѣ всегда пріятно слышать, когда хвалятъ людей или вещи этого края. Кресло это сдѣлано изъ масличнаго дерева и работы очень искуснаго мастера. Если мы когда нибудь поѣдемъ вмѣстѣ въ Таджіа, то я вамъ покажу мебель изъ такого же дерева и его же работы, которая, смѣю сказать, не была бы неумѣстна и въ *Давенни-Голлы*.

— Такой искусный мастеръ,—сказала Люси,—долженъ бы ѣхать въ Лондонъ; онъ могъ бы навѣрное тамъ обогатиться.

— Это очень вѣроятно,—возразилъ Антоніо,—но онъ, кажется, не чувствуетъ большого желанія обогатиться. Жители Ривьеры чрезвычайно привязаны къ мѣсту своего рожденія, къ своему домашнему очагу и къ своимъ мирнымъ занятіямъ; только въ слѣдствіе крайней необходимости они удаляются изъ своего отечества. Впрочемъ, нашъ столяръ гораздо болѣе, чѣмъ искусный мастеръ: онъ артистъ.

— Я понимаю, что онъ не хочетъ покинуть эту страну,—сказала

Люси, — тѣмъ болѣе, если онъ имѣетъ глаза и душу артиста. Гдѣ онъ найдетъ такую природу?

И взоръ ея одушевился глубокимъ восторгомъ. Антонио смотрѣлъ на нее; вмѣсто всякаго отвѣта онъ сказалъ:

— Воздухъ принесъ вамъ пользу: вы кажетесь одушевленнѣе, чѣмъ были сего дня утромъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это оттого, что мнѣ такъ хорошо: я такъ счастлива! А говорятъ, — какъ вы знаете, — что счастье имѣетъ большое вліяніе на наружность.

Антонио устремилъ свои черные глаза на кроткіе, голубые глаза Люси, не сдѣлавъ никакого замѣчанія. Этотъ взоръ и это молчаніе привели въ замѣшательство молодую дѣвушку, и, сама не зная зачѣмъ, она сочла за нужное объяснить свои слова, отъ чего Антонио охотно уловилъ бы ее.

— Мой братъ, — сказала она, — не можетъ возвратиться въ Англію ранѣе какъ чрезъ четыре мѣсяца, и потому намъ пребываніе въ Бордигерѣ не будетъ болѣе мучить папа; потомъ, я такъ довольна, что у него есть лошадь, что я могу сама сидѣть на балконѣ, и наслаждаться этимъ чудеснымъ видомъ. Не имѣю ли я причины считать себя счастливой?

— Конечно, — сказалъ Антонио, вдругъ сдѣлавшись серьезнымъ и поглаживая свою бороду, — конечно.

Чего же недоставало, по его мнѣнію, къ исчисленію причинъ счастья Люси?

Послѣдовало краткое молчаніе, продолженіе котораго доктору и его больной, казалось, не совсѣмъ было ловко.

— Кстати, — сказалъ итальянецъ, вставая, — я не выдалъ вашего рисунка; не хотите ли мнѣ его показать?

— Это настоящее пачканье, — сказала Люси, немного краснѣя. — Я ничего не могла сдѣлать; мнѣ самой стыдно за себя, и я пришла въ совершенное уныніе.

— Я догадываюсь отчего это, — отвѣчалъ Антонио: — вы слишкомъ горячо принялись за дѣло. Позволите ли вы мнѣ дать вамъ небольшой совѣтъ? Видите ли вы эту полуразрушившуюся башню, освѣщенную пальмами, на бордигерскомъ мысу? Попробуйте сперва съ нея, или съ этой части стѣны, съ еяшпалерами изъ ломоноса, которая такъ хорошо выдается на темноголубомъ фонѣ моря. Но обременяйте себя слишкомъ многими предметами вдругъ, и, я вамъ ручаюсь, что вы очень скоро дойдете до перваго плана и до дали. Но берегитесь честолюбія.

— Дерзкое честолюбіе, которое стремится выше возможнаго, падаетъ на землю, — сказала смѣясь Люси.

— Это изъ вашего Шекспира, — сказалъ Антонио. — Я думаю, что всякій англичанинъ знаетъ Шекспира наизусть. Я еще не встрѣчалъ ни одного изъ вашихъ соотечественниковъ, который, — какъ бы ни былъ недалекъ въ другихъ отношеніяхъ, — не могъ бы цитировать при случаѣ Шекспира. Каковъ долженъ быть человекъ, котораго геній чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ могъ дать тѣло «жилице и имя чувствованіямъ цѣлой націи!»

— Это тоже из Шекспира вы цитируете, — воскликнула Люси. — Вы, кажется, так же его хорошо знаете, какъ вашихъ поэтовъ?

— Это потому, что Шекспиръ одинъ изъ моихъ любимыхъ поэтовъ. Вотъ видите ли, Шекспиръ поэтъ не какого нибудь вѣка или страны, но дѣлаго человѣчества. Какъ солнце, онъ проливаетъ свой свѣтъ и теплоту на дѣлій разумный міръ... Умѣете ли вы рисовать фигуры?— продолжалъ Антоніо, указывая на берегъ. — Какую славную группу составили бы эти рыбаки съ этой женщиной, сидящею на ослѣ и остановившейся, чтобы съ ними поговорить!

— Ахъ, нѣтъ! я совсѣмъ не умѣю рисовать фигуры, — сказала Люси съ видомъ отчаянія.

— Ну, такъ вы можете выучиться: люди въ Италіи такъ живописны, что почти заставляютъ себя рисовать.

— Да; но надобно знать, какъ за это взяться. Я даже не знаю съ чего начать: со шляпы или съ башмаковъ; кто меня этому научить здѣсь?

— Если вы дѣйствительно желаете учителя, я вамъ найду его.

— Въ самомъ дѣлѣ? Въ такомъ случаѣ я очень этого желаю.

— Я вамъ представляю его завтра. Вы мнѣ часто говорили, что желали бы прочесть поэму Данта съ кѣмъ нибудь, кто могъ бы вамъ объяснить и истолковать ее. Если вы не раздумали, то я знаю одного человѣка, который можетъ вамъ все это сдѣлать.

— Вы какъ будто обладаете искусствомъ находить все, въ чемъ я имѣю нужду, или чего я желаю, — сказала Люси, обращая къ нему свои благодарные глаза.

— Вы покорялись съ такимъ самоотверженіемъ моимъ строгимъ предписаніямъ, что я чувствую себя обязаннымъ, теперь, когда вы въ состояніи оставить постель, отдать въ ваше распоряженіе все, что только возможно найти у насъ и въ окрестности для вашего удовольствія. И увѣрю васъ, у насъ можно найти болѣе средствъ, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Здѣсь во всѣхъ классахъ развита рѣдкая способность къ ученю и они имѣютъ много натурального вкуса. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь общество музыкантовъ, вообще очень недурныхъ; большая часть изъ нихъ выучились играть самоучкой; а нашъ превосходный органистъ, никогда не имѣлъ другого учителя кромѣ самого себя.

— Это удивительно, — сказала Люси, — а добрыя качества такъ ли въ нихъ развиты, какъ таланты?

— Можно сказать, не преувеличивая, что наши поселяне имѣютъ ихъ много, — отвѣчалъ Антоніо, — они воздержны, имѣютъ независимый характеръ и преданы; въ нихъ есть врожденная кротость; когда же они ссорятся, — въ какой же странѣ люди находятся вѣчно въ мирѣ другъ съ другомъ? — ссора рѣдко кончается дракою. Вы какъ будто съ трудомъ мнѣ вѣрите?

Люси невольно покраснѣла: все, что Антоніо говорилъ о характерѣ итальянскаго народа, было совершенно противоположно тому, что до тѣхъ поръ она всегда слышала.

— Оставьте въ сторонѣ предубѣжденія, — продолжалъ Антоніо, — или лучше вспомните ихъ и сравните то, что *говорятъ*, съ выводомъ вашихъ собственныхъ наблюденій: дѣйствительность вамъ покажетъ, что между нами рѣдко встрѣчаются примѣры, чтобы жены или дочери носили на себѣ знаки звѣрства или грубости своихъ мужей и отцовъ; что пьянство здѣсь рѣдкая вещь точно такъ же какъ и преступленія; что есть цѣлыя провинціи, — и Санъ-Ремо въ числѣ ихъ, — въ которыхъ съ незапамятныхъ временъ никогда не случалось убійства. Собственность такъ раздѣлена, что здѣсь почти неизвѣстны двѣ крайности — великаго богатства и райней бѣдности; всякій имѣетъ свой маленькій уголокъ земли, который онъ обрабатываетъ, какъ можетъ. Небогатый землевладѣлецъ, имѣющій болѣе свободнаго времени, предлагаетъ свои услуги болѣе богатому сосѣду, который имѣетъ нужду въ большемъ числѣ рукъ; но въ подобныхъ случаяхъ, тотъ кто платитъ и кто получаетъ, одинъ въ отношеніи другого находятся на одной степеніи равенства. Наемный работникъ, нисколько не считаетъ себя ниже того, кто его нанималъ, точно такъ же другой нисколько не считаетъ себя выше по тому, что онъ платитъ.

— Вы описываете настоящую Аркадію, — сказала Люси.

— Я очень бы этого желалъ, — продолжалъ Антоніо, покачавъ головою, — но въ этой картинѣ есть очень большія тѣни. Глубокое невѣжество, въ которомъ коснѣетъ нашъ народъ; исполненіе жертвой буквы, старательно поддерживаемое священниками, вмѣсто мысли, оживляющей ее; привычка молчать предъ обидами, за которыя они не имѣютъ средствъ отмстить, и за которыя опасно было бы выказать неудовольствіе, — всѣ эти вредныя вліянія привели въ униженное состояніе нравственность народа. Человѣкъ, который ни за что не станетъ ѣсть говядины въ пятницу и не пропуститъ обѣдни въ день праздника какого нибудь святого, не посовѣстится украсть у своего хозяина часть работы или обмануть, чтобы уменьшить цѣну найма, которую онъ долженъ заплатить своему владѣльцу.

— Это очень дурно, — сказала Люси; — неужели священники знаютъ все это, и не стараются этого истребить?

— Они, конечно, не соразмѣряютъ дѣйствія своей власти съ обширностью зла. Они боятся потерять свое вліяніе, дѣйствуя, не скажу со строгостью, но съ твердостью противъ своей паствы. Какъ будто существуетъ безмолвный договоръ между паствою и пастырями: «Дайте намъ все, что относится къ формѣ», — говорятъ тѣ. «Хорошо, отвѣчаетъ паства, но съ условіемъ, что вы не слишкомъ будете требовательны въ отношеніи сущности». Такимъ то образомъ буква убиваетъ смыслъ. Липъ бы только церкви были наполнены, исповѣдальни осаждаемы, милостыни щедры, свидѣтельства о причастіи многочисленны, такъ нашему духовенству мало нужды, что нравственность застоялась или даже идетъ всаать. Приходскій священникъ, который почти то же самое, что у васъ въ Англіи называется vicar, проповѣдуетъ съ высоты кафедры, что ложь — пагубная

привычка, что работникъ, нанятый на цѣлый день, долженъ работать цѣлый день, — но это не производитъ большого дѣйствiя. И отчего такъ мало исправляющихся? Оттого, что духовники сами не исполняютъ правилъ, которыя преподають. Единственная цѣль, одно честолюбiе духовниковъ—это имѣть огромное число исповѣдниковъ, и они соперничаютъ одинъ передъ другимъ; жители знаютъ эту слабость и пользуются ею. Мнѣ много разъ случалось слышать: «если мой духовникъ не дастъ мнѣ разрѣшенiя, я пойду къ тому или другому, у котораго *рукава шире*», т. е. къ тому, который снисходителнѣе.

— Это дѣйствительно неприятныя тѣни въ вашей очаровательной картинѣ,—сказала, вздохнувъ, Люси.

— Очень неприятныя,—повторилъ Антонiо.—Главное дѣло нашихъ *reverendi*,—конечно есть много почетныхъ исключенiй,—это украшенiе ихъ церквей; для этого они употребляютъ съ пользою вкусъ къ прекрасному, врожденный въ нашемъ народѣ. Приношенiя или добровольныя жертвы собираются въ большомъ количествѣ для приобрѣтенiя новаго органа, для украшенiя серебряныхъ лампъ, для картинъ, для украшенiя алтара Мадонны. Между тѣмъ городъ грязенъ, безъ освѣщенiя ночью, мостовая вся попорчена, дороги ужасныя, и мостовъ нѣтъ, тамъ гдѣ они болѣе всего необходимы. Но что это значитъ! лишь бы только церковь блистала и затмила ту или другую сосѣднюю церковь.

— А въ какихъ вы отношенiяхъ съ этими *reverendi*, какъ вы ихъ называете?—спросила Люси.

— Да какъ вамъ сказать? Мнѣ кажется не въ слишкомъ дружественныхъ. Особенно приходскiй священникъ не можетъ простить мнѣ, что я постоянно отказываюсь отъ свидѣтельства, которое онъ постоянно всякiй годъ мнѣ присылаетъ.

— Какое свидѣтельство?

— На Пасхѣ, приходскiе священники берутъ на себя трудъ посылать всѣмъ своимъ прихожанамъ такъ называемое свидѣтельство о причащенiи и требуютъ, чтобы каждый изъ нихъ оставлялъ это свидѣтельство въ ризницѣ по принятии св. даровъ, какъ доказательство исполненнаго обряда. Вы понимаете, что это нѣчто въ родѣ принужденiя и потому чрезвычайно унизительно, по крайней мѣрѣ таково мое мнѣнiе. Хотя я всегда радъ исполнять свои религiозныя обязанности; но я хочу это дѣлать свободно, какъ человекъ, который въ состоянiи самъ судить, а не по принужденiю, какъ дитя. И поэтому я ему всегда отсылаю назадъ свидѣтельство.

— И приходскiй священникъ сердитъ на васъ?—сказала Люси съ довольно серьезнымъ видомъ.

— Да, но онъ пока хранитъ свое неудовольствiе про себя. Онъ и его почтенные собраты считаютъ меня за довольно хорошаго лекаря, или, по крайней мѣрѣ, за лучшаго, какаго только можно найти въ окрестности. И потомъ моя борода, — продолжалъ Антонiо.

поглаживая ее, — не служить ли она самымъ сильнымъ доказательствомъ благосклонности, которою я пользуюсь отъ нашего трехбунчужнаго паши, коменданта Санъ-Ремо?

— Какъ это?—спросила Люси.

— Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, миссъ Давеннъ, однако это истина, что одна изъ самыхъ строгихъ обязанностей, и въ то же время пріятнѣйшихъ удовольствій нашихъ комендантовъ состоитъ въ нетерпимости относительно невыбритыхъ подбородковъ; и мой, я думаю, одинъ во всей Ривьерѣ можетъ похвалиться тѣмъ что имѣетъ нѣчто, похожее на бороду. Произошло это слѣдующимъ образомъ: когда я поселился въ Санъ-Ремо, я былъ такъ занятъ ночь и день, что буквально не имѣлъ времени бриться. Я представилъ эту причину нашему Гесслеру, который принялъ ее въ уваженіе, и мало по малу, въ силу привычки, мою бороду терпятъ.

— Вы, кажется, очень дорожите своею бородою, — замѣтила миссъ Давеннъ, смѣясь надъ важностью, съ которою Антоніо говорилъ объ ней.

— Да, я дорожу ею, — отвѣчалъ онъ также улыбаясь. — Не говоря уже о выигранномъ времени, и о многихъ другихъ преимуществахъ, я нахожу, что если природа, ничего не дѣлающая безъ намѣренія, дала бороду мужчинѣ, она вѣрно считала эту бороду украшеніемъ или полезною вещью. И потому, мнѣ кажется, всякому мужчинѣ, и въ особенности итальянцу съ его смуглымъ цвѣтомъ лица, влеть больше быть съ бородою, чѣмъ съ бритымъ подбородкомъ. Вы смѣтаетесь, но скажите мнѣ, что вы предпочитаете и что по вашему имѣетъ лучшей видъ: одна изъ бородатыхъ головъ Ванъ-Дика, или новѣйшій портретъ господина, тщательно обритаго? Мнѣ кажется, что преимущество не на сторонѣ послѣдняго.

— Это правда, — сказала Люси, немного покраснѣвъ и съ небольшимъ замѣшательствомъ, потому что она въ ту минуту вспомнила замѣчаніе, которое сама сдѣлала отцу, когда въ первый разъ увидала доктора. — Это правда, въ тѣхъ случаяхъ, когда живые люди ходятъ на портреты. Ванъ-Дика.

— Безъ исключеній! — воскликнулъ Антоніо, — или я подумаю, что и вы тоже раздѣляете предрасудокъ, который говорятъ, существуетъ въ Англіи противъ бородъ.

— О! нѣтъ, я его не раздѣляю! — сказала Люси; — но англичане дѣйствительно, почти все ненавидятъ бороду.

— Ну, такъ пусть они брѣются, нельзя спорить о вкусахъ; — замѣтилъ Антоніо съ видомъ покорности.

— Вы однажды обѣщались сказать мнѣ по какому случаю вы попали въ великую милость этого коменданта. Кстати, простирается ли влать его на всю Ривьеру?

— Нисколько. Всякая провинція этого королевства носить на лбу подобную драгоценность.

— Что же было причиною благосклонности къ вамъ этой особы?

— Вго собственная идея, одна изъ самыхъ глупѣйшихъ идей. Я

вамъ часто рассказывалъ, что, по прїѣздѣ моемъ въ Санъ-Ремо, холера свирѣпствовала во всей своей силѣ. Я нашолъ коменданта терзаемаго паническимъ страхомъ, и мучимаго преобладающею мыслью, что къ нему пристанетъ зараза. Я тотчасъ же сообразилъ необходимость обратить его воображеніе въ противоположную сторону: я ему далъ стляночку съ камфарнымъ уксусомъ, приказавъ ему нюхать его извѣстное число разъ въ день, и увѣривъ, что это специфическое непогрѣшительное средство противъ холеры. И онъ до сихъ поръ этому вѣрить,—продолжалъ Антонію, отъ всей души смѣясь.—Стлянка пуста теперь, и въ случаѣ появленія холеры, онъ не знаетъ никого кромѣ меня, къ кому бы обратиться, чтобы снова наполнить ее этимъ чуднымъ противоядіемъ; вотъ почему онъ такъ вѣжливъ ко мнѣ... и къ моей бородѣ.

Люси поняла шутку и смѣялась отъ чистаго сердца; Антонію присоединился къ ней и хохоталъ до слезъ.

ГЛАВА ОДИННАДАТАЯ.

15 мая 1840 года.

Прошло пятнадцать дней. Впродолженіе этого времени здоровье Люси быстро укрѣпилось; все шло какъ нельзя лучше въ гостиницѣ; тамъ явились новыя привычки, новыя занятія. Словомъ, каждый день приносилъ нашей маленькой колоніи новое удовольствіе и взаимное благорасположеніе.

Время стояло превосходное и сэръ Джонъ не пропускалъ ни одного утра, чтобы не прогуляться верхомъ на своей лошади. Онъ былъ въ восторгѣ отъ Буффъ; такое имя дала Люси жирной гнѣдой лошади; нравъ и ѣзда Буффъ, по его словамъ удивительно улучшались послѣ каждой прогулки. Графъ, слѣвавшійся ежедневнымъ посѣтителемъ гостиницы, подтверждалъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, что, по истинѣ, другъ его, баронетъ, пріобрѣлъ эту лошадь за даромъ.

Какимъ таинственнымъ способомъ эти два человѣка понимали другъ друга, этого никто не могъ бы отгадать, да и они сами не могли бы дать себѣ отчета въ этомъ. Они могли объясняться только посредствомъ двухъ десятковъ французскихъ словъ, чѣмъ и ограничивалось ихъ знаніе французскаго языка. Однако они понимали другъ друга, въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Доказательствомъ служить то, что сэръ Джонъ объявлялъ всѣмъ и каждому, что онъ обязанъ своему благородному другу первую идею о томъ предпріятіи, которое занимало всѣ его мысли, и въ исполненіи котораго ему сильно содѣйствовалъ графъ и докторъ Антонію. Это знаменитое предпріятіе состояло въ собраніи коллекціи отводковъ померанцовыхъ и пальмовыхъ деревьевъ, какихъ только можно было достать въ окружности, чтобы перевезти ихъ въ резиденцію всѣхъ Давенновъ.

— Да, я выстрою оранжерею,—сказалъ сэръ Джонъ;—но это еще ничего, я выстрою также пальмерюю.

И сэръ Джонъ съ восторгомъ потиралъ себѣ руки.

— Люси, слыишишь ли, пальмерею! вотъ какъ, моя милая; я не только создалъ вещь, но и придумалъ ужѣ ей названіе.

Баронетъ преслѣдовалъ свое предпріятіе съ неутомимымъ жаромъ; онъ вошелъ въ сношеніи со всѣми владѣльцами пальмъ въ Бордигерѣ; изъ Бордигеры, не имѣющей соперницъ въ пальмахъ, онъ скачетъ въ Санъ-Режо, который знаменитъ своими померанцовыми деревьями. Поэтому предмету онъ начинаетъ со многими явцами дѣятельную переписку, въ которой Люси служитъ ему секретаремъ; наконецъ сердце сэра Джона исполнено радости и всѣ довольны.

Назначено празднованіе заднимъ числомъ дня рожденія Люси, который, если припомнить читатель, она провела въ постели. Гостиница, безобразіе которой начали забывать, была свидѣтельницаю чудесъ и сама стала театромъ невѣроятной дѣятельности. На обѣдъ, можетъ быть, нѣскольکو разнородный, имѣвшій въ себѣ характеръ публичнаго торжества и частнаго праздника, и для котораго сэръ Джонъ разослалъ печатные приглашательные билеты, — на этотъ обѣдъ приглашены были графъ и другія знатныя особы, между которыми были: докторъ Антоніо, свидикъ, многіе муниципальные совѣтники и мировой бордигерскій судья; сверхъ того вечеромъ блистали и второстепенныя свѣтила, въ числѣ которыхъ находился и учитель рисованія Люси.

Обѣдъ былъ роскошный; бывшій поваръ епископа Альбенгскаго превзошелъ самаго себя, — что касается до Джона, онъ могъ оставаться только равнымъ самому себѣ. А сэръ Джонъ угощалъ тѣмъ болѣе привѣтливо, что это происходило неофициальнымъ образомъ, но какъ будто инкогнито и обращался съ тою свободою, которую употребляютъ великіе міра, когда имъ угодно отложить всторону корону и слѣзть за простыхъ графовъ. Сэръ Джонъ, вѣроятно, считалъ себя почти въ такомъ же положеніи, какъ и во время обѣдовъ, которые онъ ежегодно давалъ своимъ фермерамъ въ Давеннѣ.

Въ Италіи какъ и вездѣ, тосты во всеобщемъ употребленіи; но *стичи*, болѣе или менѣе краснорѣчивые, здѣсь замѣняются преимущественно чоканьемъ бокаловъ. Графъ предложилъ пить за здоровье знаменитаго амеитріона, и его достойной обожанія дочери. Этотъ тостъ принять былъ со всеобщимъ энтузіазмомъ. Свидикъ, два совѣтника и мировой судья выказали при этомъ рѣдкій геній изобрѣтательности, разыгравъ каждый въ свою очередь вариацию на одну и ту же тему. Сэръ Джонъ счелъ себя обязаннымъ отблагодарить отъ имени своего и своей дочери, что онъ и исполнилъ въ довольно длинной рѣчи, которую докторъ Антоніо перевелъ итальянскимъ гостямъ по-итальянски и потомъ онъ же на нее отвѣчалъ нѣсколькими англійскими фразами, въ которыхъ довольно ловко выразилъ чувства гостей къ хозяину.

Вечеромъ Люси появилась въ залу на своемъ длинномъ креслѣ. Мы не имѣемъ нужды говорить объ эффектѣ, произведенномъ ея граціею и красотою на умъ итальянцевъ, извѣстныхъ своею восторженностью. Антоніо пропѣлъ нѣсколько живыхъ сицилійскихъ пѣсень, которымъ до крайности апплодировали и кричали *bis*;

учитель же рисованья, въ то же время и поэтъ, импровизировалъ въ честь миссъ Давеннъ сонетъ, въ которомъ онъ сравнивалъ ее то съ лиліею, то съ пальмою и даже съ Минервою. Это delicate сочиненіе заслужило шумные *bravo* отъ всего общества за исключеніемъ, однако, графа, — вѣроятно уже, что графъ и учитель рисованья были всегда на ножахъ; — во время импровизаціи сонета, графъ принималъ видъ сомнѣнія: дѣйствительно ли этотъ сонетъ — импровизація? Кромѣ этого маловажнаго случая, котораго впрочемъ ни баронетъ, ни его дочь не замѣтили, да еще явной холодности, съ какою былъ принятъ чай большинствомъ гостей, — холодности, которую сэръ Джонъ изгналъ, приказавъ принести нѣсколько бутылокъ вина для диссидентовъ — все прошло удивительно хорошо, къ общему удовольствію. Антонію, послѣ довольно долгаго сощщанія съ баронетомъ на балконѣ, объявилъ присутствующимъ отъ имени амфитріона, что если бесѣда и музыка могутъ быть побудительными причинами, чтобы доставить сэру Джону удовольствіе видѣть ихъ у себя, то сэръ Джонъ Давеннъ покорнѣйше проситъ всѣхъ присутствующихъ особъ посѣщать его каждую среду и субботу вечеромъ въ восемь часовъ.

Къ этому празднику относится обстоятельство слишкомъ важное, чтобы пройти его молчаніемъ: докторъ Антонію, окончательно довершилъ свою побѣду надъ баронетомъ. Строгій ли его черный костюмъ съ бѣлымъ галстукомъ, превосходныя ли манеры, ораторскій ли талантъ, или всѣ эти причины вмѣстѣ, приобрѣли ему благоволеніе сэра Джона, — мы этого не знаемъ и только можемъ утвердительно сказать, что онъ завладѣлъ сердцемъ баронета, который, все время за обѣдомъ и потомъ вечеромъ обходился съ докторомъ Антонію съ видимымъ отличіемъ, называя его при всѣхъ: *мой достопочтенный другъ*, въ искреннемъ же разговорѣ: *мой любезный другъ*; онъ даже дошелъ до того, что объявилъ Люси по отъѣздѣ всѣхъ «что еслибъ можно было доктора убѣдить обрѣтись, то этотъ человѣкъ не былъ бы лишнимъ даже за столомъ короля».

Съ этого дня Антонію стяжалъ честь здороваться съ баронетомъ пожатіемъ руки, и несмотря на всѣ убѣжденія доктора, Джонъ каждое утро былъ посылаемъ къ нему, чтобы засвидѣтельствовать ему почтеніе отъ сэра Джона Давенна и доставить ему вчерашній номеръ журнала.

Два блистательные «музыкальные вечера», какъ сэръ Джонъ называлъ эти собранія, были уже даны въ гостинницѣ. Предназначался третій, который произвелъ сильное волненіе по сосѣдству. За десять миль въ окружности, только и толковали что о концертахъ англійскаго *милорда*.

Любители вечеровъ изъ Вентимилли и Санъ-Ремо оставляли свои визитныя карточки сэру Джону и миссъ Давеннъ, и толпа людей искала покровительства графа и доктора, чтобы получить приглашеніе. Управленіе музыкою пало на доктора Антонію, подъ надзоромъ котораго исполнялись квартеты. Три артиста — фаготъ, скрипка и

виолончель были все — *дилеттанты* изъ Бордигеры, четвертымъ былъ самъ Антонио, игравшій попеременно то на гитарѣ, то на флейтѣ. Маленькая комната Гутчинсъ превращалась по средамъ и субботамъ въ превосходный буфетъ.

Видѣть въ эти вечера сэра Джона, значило, видѣть челоѣка совершенно довольнаго собою; его походка, голосъ и взглядъ ясно говорили: «я здѣсь хозяинъ, я властелинъ всего, что меня окружаетъ.» Въ остальные дни общество сэра Джона ограничивалось графомъ и докторомъ Антонио. Въ этомъ привилегированномъ кружку, сэръ Джонъ, попивая чай, рассказывалъ разные эпизоды изъ лондонской жизни, — разумѣется жизни фешенебельной, — приправляя ихъ нѣкоторыми намеками, которые, подобно яркимъ молніямъ, открывали кое-что блистательное о Давенни-Голлѣ и о величїи Давенновъ или о «фамилїи», какъ сэръ Джонъ любилъ называть свою расу. Въ десять часовъ онъ акуратно начиналъ свою партїю въ шахматы съ докторомъ Антонио. Въ это время Люси удалилась а графъ начиналъ дремать. Изъ трехъ партїй сэръ Джонъ непремѣнно выигрывалъ двѣ, потому что Антонио замѣтилъ, что баронетъ не можетъ потерять болѣе одной партїи, не потерявъ въ то же время и хладнокровїя, когда же баронетъ бывалъ чѣмъ недоволенъ, то просто становился несносенъ.

Эти двѣ недѣли Люси почти все время провела на балконѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ она стала пользоваться воздухомъ, здоровье ея видимо улучшилось. *Музыкальные вечера* доставляли ей живѣйшее удовольствїе; причиною тому была отчасти музыка, которую Люси искренно любила, а отчасти и тотъ эффектъ, который производила ея особа. Странная вещь! Люси никогда не подозрѣвала даже, что она была хорошенькая дѣвушка, или если и подозрѣвала, то только теперь начала этимъ серьезно заниматься. Всѣ, — она сама это замѣтила, — такъ съ нею вѣжливы, почтительны, исполнены внимательности! Люси была точно королева, царствующая среди своего маленькаго двора. Въ рисованїи она дѣлала замѣтные успѣхи, особенно въ фигурахъ. Этотъ родъ такъ ей не нравился, что она сдѣлала болѣе двадцати эскизовъ, представляющихъ Сперанцу; — Сперанца возировала передъ ней цѣлые часы съ ангельскимъ терпѣнїемъ: она уже не унывала, и не отчаявалась, а питала тайное предчувствїе, что дождется счастливой развязки. За тѣмъ слѣдовали уроки на гитарѣ и визиты доктора Антонио. Такимъ образомъ часы Люси были наполнены. Учитель рисованїя тоже забавлялъ ее. Это былъ такой смѣшной челоѣкъ: маленькій, запальчивый, бѣшенный и совсѣмъ тѣмъ такой добрякъ, и обладалъ истиннымъ талантомъ. Что касается до Данте, Люси объявила доктору, что Данте слишкомъ для нея глубокъ, но она все таки продолжала постоянно его читать и извлекать изъ него все, что могла.

Она призналась откровенно, что теперь видъ съ балкона доставляетъ ей болѣе удовольствїя, чѣмъ въ первые дни; ей казалось, — говоря ея собственными словами, — что всѣ отдѣльныя красоты пейзажа слились теперь въ одно гармоническое цѣлое.

У доктора Антонію, повидимому, не закружилась голова отъ высокой благосклонности сэра Джона; онъ принималъ эту благосклонность спокойно, какъ человѣкъ, чувствующій, что имѣетъ на нее полное право. Его успѣхи, какъ капельмейстера оркестра и какъ исполнителя, также не вскружили ему голову. Докторъ Антонію былъ совершенно тотъ же человѣкъ, спокойный, простой, самоотверженный, веселый, какъ и двѣ недѣли тому назадъ. Если и произошло въ немъ нѣкоторая перемѣна, то это — едва замѣтное улучшение въ его наружности, до того мало замѣтное, что надобно было имѣть взглядъ очень пронизательный, — вѣроятно взглядъ женщины, — чтобы его замѣтить; можетъ быть, платье его было вычищено съ большимъ стараніемъ, — волосы и борода лучше причесаны, галстухъ не такъ слабо завязанъ и узелъ на немъ сдѣланъ лучше. Управленіе музыкою не сдѣлало его менѣе заботливымъ въ отношеніи миссъ Давеннъ; его попеченія были все такъ же неутомимы.

Напримѣръ, услыхавъ однажды, что Люси жалуется на комаровъ, начинавшихъ беспокоить ее ночью, онъ тотчасъ же принялся за дѣло, привязалъ жерди къ постели ея и къ постели сэра Джона и навѣсилъ на нихъ прозрачные пологи.

Въ другой разъ, желая избавить Люси отъ мухъ, — одно изъ наказаній Италіи, — онъ приказалъ развѣсить по всѣмъ комнатамъ и на балконѣ большія вязанки клейкаго растенія, обыкновенно называемаго мелколепестникомъ, (*Erigeron viscosum*, Linneo) которое, вымоченное въ молоко, имѣетъ свойство привлекать къ себѣ мухъ и удерживать ихъ.

Люси питала въ глубинѣ сердца мысль, что, конечно, никогда въ свѣтѣ не было такого человѣка, какъ «этотъ докторъ Антонію».

Утро было такъ хорошо, какъ только можетъ быть утро, вослѣдое поэтами и птицами. Прошло десять часовъ. Миссъ Давеннъ, въ свѣтлоголубомъ платьѣ, сидѣла на балконѣ, вся занятая своими карандашами. Выборъ голубого платья былъ ли чисто случайнымъ съ ея стороны, или Люси надѣла его потому, что вчера Антонію говорилъ что голубой цвѣтъ онъ предпочитаетъ всѣмъ другимъ? Кто это знаетъ? Мы не умѣемъ на это отвѣчать положительно.

Антонію также сидѣлъ на балконѣ, неподалеку отъ нея; онъ жестоко теребилъ свою бороду, что у него обыкновенно было признакомъ брани. Гутчинсъ вошла съ балкона въ комнату и вставила въ вазу большой букетъ розъ, только что принесенный докторомъ. Антонію, — сказать мимоходомъ, — рѣдко приходилъ съ пустыми руками, и какъ онъ упорствовалъ въ своемъ отвращеніи ко всѣмъ изліяніямъ благодарностей, то Люси обыкновенно благодарила его за эти маленькія приношенія улыбкою. На этотъ разъ Антонію былъ видимо чѣмъ-то озабоченъ: у него, кажется, такъ и вертѣлось на языкѣ слово или фраза, которую онъ боялся произнести. Онъ нѣсколько разъ приготовлялся встать и потомъ снова падалъ на стулъ.

Наконецъ употребивъ геройское усиліе, всталъ вдругъ сразу и сказалъ рѣшительнымъ голосомъ:

— «Всидѣ вы попробовали походить, миссъ Давеннъ?»

При этихъ неожиданныхъ словахъ, блѣдныя щоки Люси, вдругъ вспыхнули яркимъ румянцемъ.

Такъ какъ миссъ Люси объявила еще прежде, что скорѣе умереть на своемъ креслѣ, чѣмъ станетъ ходить на костыляхъ, то призвана была Гутчинсъ и получила приказаніе поддерживать свою молодую госпожу съ одной стороны, съ другой же стороны поддерживалъ ее Антоніо.

Люси встала, опираясь на двѣ, поддерживающія ее руки, и начала ходить. Сердце Антоніо билось, какъ клапанъ въ паровой машинѣ.

— Не чувствуете ли вы гдѣ нибудь боли?—спросилъ докторъ.

— Нисколько,—отвѣчала Люси; — только нога какъ будто одеревѣла.

— А думаете ли вы,—продолжалъ Антоніо, странно хриплымъ голосомъ,—думаете ли вы, что можете ходить одинъ?

— Да, думаю, что могу, — сказала Люси, обративъ къ нему свое милое личико.

— Ну, такъ попробуйте,

Докторъ и Гутчинсъ тихо отступили отъ Люси.

Антоніо сталъ передъ Люси съ протянутыми впередъ руками, готовыми тотчасъ же подхватить ее, какъ мать, оберегающая первые шаги своего дорогого дитяти.

Люси прошла — одинъ, два, три, четыре шага; — только четыре шага, но этого было слишкомъ довольно для опытнаго доктора; онъ вполне увѣрился, что нечего опасаться: хромать она не будетъ.

— Побѣда!—воскликнулъ Антоніо, захлопавъ руками такъ громко, что Люси и Гутчинсъ вздрогнули обѣ. — Побѣда! воскликнулъ онъ еще разъ.

Но вдругъ онъ смолкъ, какъ бы опасаясь, чтобы его радость выказала всей громадности его прежнихъ опасеній и не произвела на Люси вреднаго вліянія. Но глаза его были влажны, когда, съ помощью Гутчинсъ, онъ снова сталъ поддерживать свою драгоценную пациентку.

— Это потому, — продолжалъ онъ, принимая на себя спокойный видъ, но самъ весь еще взволнованный,—что ей не надо утомляться, а слѣдуетъ хорошенько опереться, а вотъ такъ; ну, а теперь пусть она спокойно отдохнетъ на диванѣ, вотъ такъ — прекрасно! теперь все въ порядкѣ попрежнему».

Физиономія доктора, сіяющая радостью и блистающая отъ благороднаго и пріятнаго волненія, его звонкій голосъ, откровенный смѣхъ въ эту минуту побѣдили бы человѣка самаго угрюмаго на свѣтѣ. Люси слушала его въ молчаніи. Она ни на минуту не спускала съ него глазъ, слѣдовала за нимъ, когда онъ подкладывалъ подъ одну изъ его ножекъ сложенную въ нѣсколько разъ бумагу и потомъ убиралъ ея краски и кисти и укладывалъ ихъ на мѣсто. Люси не произнесла ни слова, даже не говорила *благодарю*; потому что она чувствовала, что не можетъ этого сказать, не сдѣлавши чего-то еще другого, противъ чего она сильно боролась. Она не смѣла даже протянуть ему руки, изъ страха, что не въ состояніи будетъ удерж-

жать своего волненія; но ея кроткіе, блестящіе глаза, устремленныя на него, говорили болѣе, чѣмъ цѣлыя томы книгъ.

Послѣ получасоваго отдыха, Люси сдѣлала другую прогулку отъ софы до балкона. Въ слѣдующіе полчаса она должна была сдѣлать третью отъ балкона до софы, потомъ сидѣть на ней до возвращенія Антоніо, — приказаніе священное для нея, безъ всякаго сомнѣнія. Во время третьей и послѣдней прогулки вошелъ сэръ Джонъ. Мы предоставляемъ читателю вообразить себѣ чувства отца въ эту минуту. Сэръ Джонъ съ живостью сталъ на мѣсто Гутчнисъ, вложилъ руку дочери въ свою и сдѣлалъ ровно пять шаговъ съ своею милою дочерью и посадилъ ее на диванъ. Мы ручаемся, что въ залѣ гостиницы никогда не бывало болѣе счастливыхъ лицъ.

Когда успокоилось пріятное волненіе, произведенное этимъ обстоятельствомъ, сэръ Джонъ очень весело пересказалъ о своей утренней поѣздкѣ. Сэръ Джонъ осматривалъ въ Санъ-Ремо садъ, о которомъ ему много говорилъ докторъ Антоніо, и въ этомъ саду онъ нашолъ кладъ, — настоящій кладъ, какъ онъ объяснялъ восторженно, — «апельсиныя деревья съ такими огромными цвѣтами, вотъ какъ эти — и онъ указалъ на розы, стоявшія на столбѣ, — а какой у нихъ запахъ, какой запахъ!»

Самъ владѣлецъ сада принималъ сэра Джона и предложилъ всѣ свои растенія къ его услугамъ.

— Вполнѣ прекрасный человѣкъ этотъ владѣлецъ сада, — продолжалъ сэръ Джонъ, (какая жалость, сэръ Джонъ, что вы теперь не пишете свои записки!) — вполнѣ прекрасный человѣкъ, и я, между прочимъ, пригласилъ его на музыкальный вечеръ завтра.

Высказавши свой восторгъ, вѣжно поцѣловавши Люси и давъ замѣтить доктору, какой у нея сегодня превосходный цвѣтъ лица, — докторъ и не оспаривалъ этого замѣчанія, — сэръ принялся за свои письма и журналы. Антоніо всталъ и простился съ ними и былъ уже у стеклянной двери, когда неожиданная преграда воспретатствовала его выходу: Сперанца, въ сопровожденіи матери, какъ вихрь ворвалась въ комнату, чуть не сбивъ съ ногъ доктора.

Обѣ заливались слезами, рыдали, всхлипывали, только не отъ печали, какъ это было ясно видно по ихъ лицамъ. Сперанца бросилась на колѣни предъ диваномъ и, страстно прижавшись къ Люси, покрывала поцѣлуями и слезами ея руки и ноги. Роза, менѣе взволнованная, остановилась посрединѣ комнаты и, то поднимая, то складывая руки, не переставала восклицать:

— O caro! o Madonna santissima! O! счастье дожить до такого дня! Ohimé! ohimé!

Потомъ пришла очередь до доктора Антоніо: руки его были облиты слезами и покрыты поцѣлуями, и не успѣла кончиться эта церемонія, какъ снова началась она для сэра Джона.

— Да она съ ума сошла! — сказалъ ошоломленный баронетъ, краснѣя и вырывая руку.

— Да, — сказалъ Антоніо, — отъ радости съ ума сошла. Видно Ватяста пріѣхалъ, глушенькая дѣвушка!

Она отвѣчала подтвердительною улыбкою и новымъ потокомъ слезъ, схватила доктора Антонио за руку и потащила его на балконъ, Роза послѣдовала за ними, и всѣ трое исчезли.

— Что за сумасшедшій народъ эти итальянцы!—воскликнулъ сэръ Джонъ съ досадою, чтобы скрыть свое минутное волненіе.

— Это уже въ ихъ натурѣ чувствовать сильно и выражать сильно свои чувства,—отвѣчала Люси.

— Последняя часть вашей фразы блистательная истина, милое дитя,—сказалъ отецъ,—и въ томъ-то вся бѣда.

— Отчего же, папá? спросила Люси.

— А оттого,—отвѣчалъ сэръ Джонъ сухо, — оттого, что всякое вѣдшее выраженіе чувствительности въ высшей степени неприлично человѣческому достоинству и доказываетъ только хвастливость и легкомысліе. Я всегда слыхалъ, Люси, что глубокия чувства, какъ и глубокия рѣки, мало дѣлаютъ шуму.

— Но въ этомъ случаѣ, папá, никто не станетъ сомнѣваться въ искренности чувствъ бѣдняжки Сперанцы; вѣроятно и васъ это поразило, потому что я видѣла слезы въ вашихъ глазахъ.

— Слезы въ моихъ глазахъ! — воскликнулъ сэръ Джонъ съ презрѣніемъ,—какія глупости!

И, схвативъ газету Times, онъ поставилъ ее преградою между собою и инквизиторскимъ взглядомъ Люси.

Черезъ минуту возвратился Антонио и объявилъ, что Ватиста просить о чести явиться предъ своими благодѣтелемъ и благодѣтельницею.

— О! да, конечно,—воскликнула Люси,—пускай онъ придетъ!

Двадцатилѣтнія дѣвочки, каково бы ни было ихъ положеніе въ обществѣ, всегда любопытны видѣть героя романа, въ герцогской ли онъ мантии, или въ матросской курткѣ на плечахъ.

— Конечно,—сказалъ сэръ Джонъ,—лучше ужъ покончить все за однимъ разомъ, только съ условіемъ, чтобъ избавили насъ отъ вторичнаго изліянія слезъ и пѣлованій рукъ.

— Полагаю, что теперь нечего бояться ничего подобнаго,—сказалъ Антонио;—женщины теперь успокоились, а Ватиста, по моему мнѣнію, не очень способенъ къ чувствительности.

— Тѣмъ лучше для него и для насъ,—проворчалъ сэръ Джонъ;—сегодня я довольно насмотрѣлся на эти предметы; — этого станетъ на всю жизнь.

Въ эту минуту, герой дня, двадцати-двухлѣтній красавецъ, широкоплечій, средняго роста, съ смуглымъ лицомъ, ведомый Сперанцою и подталкиваемый Розою, вошелъ и медленными, нерѣшительными шагами приблизился къ дивану, на которомъ сидѣла Люси. Молодая англичанка, понимая замѣшательство бѣднаго моряка, приняла его ласково и обратилась къ нему съ привѣтливими словами. Ватиста поднялъ глаза, испустилъ восклицаніе, и на минуту остался какъ ошеломленный, не смѣя поднять глазъ. Безъ сомнѣнія, послѣ этого онъ бросился бы бѣжать назадъ, еслибы Сперанца и Роза не ухватились за него и не притащили опять. Тогда онъ, озираясь направо и налево, устремляя глаза въ глубину своего краснаго шерстянаго колпака

который вертѣлъ въ своихъ дрожащихъ рукахъ и смотрѣлъ на все, только не на Люси. И въ самомъ дѣлѣ, разъяренное море не такъ было страшно для Ватисты, какъ эти голубые глаза.

— Да что съ тобой, Батиста, помѣшался ты что ли? — спросилъ Антоніо въ великомъ недоумѣніи, — неужели же ты ничего не находишь сказать этой госпожѣ, которая была для тебя вторымъ провиніемъ?

Батиста употреблялъ тщетныя усилія, чтобы заговорить, и наконецъ между безвязными звуками слышались слова почти шопотомъ произнесенные.

— Это Мадонна!

Тутъ онъ упалъ на колѣни и началъ креститься самымъ усерднымъ образомъ.

Сэръ Джонъ можетъ говорить, что́ хочетъ; но мы сомнѣваемся, чтобы когда либо болѣе искреннее поклоненіе воздавалось земной чистотѣ и красотѣ. Антоніо видѣлъ необходимость прекратить спѣну, которая по самой искренности чувствъ бѣднаго малаго, становилась затруднительною для всѣхъ. Подойдя къ Батистѣ, онъ поднялъ его и сказалъ.

— Прекрасно, мой другъ, этого довольно, наша благодѣтельница понимаетъ все, что вы хотѣли ей выразить. Теперь уйдемъ отсюда, отложимъ до другаго дня нашу благодарность.

И, дружески трепля его по плечу, докторъ выпроваживалъ сконфуженнаго молодца. За нимъ послѣдовали не менѣе переполошившіеся женщины.

Просимъ читателя вѣрнѣе намъ на слово, что мы ни чуть не выдумывали этой картины, ради одного удовольствія, но что она дѣйствительно взята съ натуры. Еслибы мы не видали ее собственными глазами, то никогда бы не вздумали ее описывать. Впрочемъ, мы вполне понимаемъ, что молодой, простодушный итальянецъ, невѣжда, преисполненный воображенія, для котораго всякое понятіе о прекрасномъ и привлекательномъ олицетворялось, съ самаго дѣтства, въ образѣ Мадонны, то есть въ миломъ лицѣ, съ бѣлокурыми длинными локонами и въ голубомъ платьѣ — мы понимаемъ, что онъ могъ принять молодую англичанку за тотъ типъ красоты и прелести, которому онъ, давнихъ поръ поклонялся.

Заблужденіе Батисты, не вдругъ разсѣялось, несмотря на объявленія доктора и увѣщанія Сперанцы, которой было стыдно, какъ она говорила, что Батиста подвергается опасности прослыть за дурака. Батиста приводилъ только одно, и довольно емльное, доказательство что онъ прежде уже видѣлъ Люси, что она говорила съ нимъ и сама сказала ему, что она Мадонна, и это случилось на морѣ, въ страшную бурную ночь, когда онъ, измученный отъ усталости, бросился на кучи каната и заснулъ. Мадонна явилась ему во снѣ съ сверкающими глазами и сказала ему:

— Такъ вотъ каково твое усердіе къ Мадоннѣ, что ты, ложась спать, не произнесъ даже молитвы: *Salve Regina*? Батиста тотчасъ проснулся, вскочилъ, помолился, прочиталъ, по обыкновенію *Salve*

Regina, и потомъ опять заснулъ. Тутъ опять явилась ему Мадонна, но съ кроткими уже глазами и сказала ему милостиво:

— Батиста, ты добрый человекъ; пока ты будешь возлагать свою надежду на меня, съ тобою ничего дурного не случится, не унывай! ты опять увидишь Бордигеру!

Пушай теперь другіе вѣрять или нѣтъ, для Батисты все равно; пускай говорятъ что хотятъ, но этотъ голосъ, эти волосы, глаза, лицо, которое онъ видѣлъ въ залѣ гостинницы въ знаменитое утро 15 мая — это точно тѣ же самыя волосы, глаза, голосъ и лицо, какія были у ночнаго видѣнія на морѣ; Батиста готовъ присягнуть, что все это было точно то же и даже голубое платье въ придачу.

— Надо намъ помочь имъ скорѣе сыграть свадьбу,—сказала Люси послѣ обѣда, оставшись наединѣ съ докторомъ.

— Надо ли?—отвѣчалъ Антоніо съ весельемъ смѣхомъ, — я думаю это само собою сдѣлается.

— Мнѣ такъ и хочется назвать васъ самымъ медленнымъ докторомъ на свѣтѣ, какъ это сказалъ однажды папá, — сказала Люси, надувшись,—вы очень хорошо знаете, что я хочу сказать. Не сами ли вы говорили мнѣ, что дѣла Розы очень разстроены? что Батиста потерялъ все, что имѣлъ? Стало быть, не очень ли откровенно полагать, что они имѣютъ нужду въ нашей помощи?

— Не говорите въ нашей помощи,—сказалъ Антоніо,—потому что съ своей стороны, я ничего не могу имъ предложить, кромѣ искреннихъ желаній счастья.

— Напротивъ! -- возразила Люси, съ живостью, — вы должны дать имъ гораздо болѣе: ваше время, ваши труды и еще очень много; вы должны узнать цифру ихъ долговъ и сосчитать сколько имъ надо, чтобы уладить свои дѣла.

— Видите ли, для этого нужно много денегъ,—сказалъ Антоніо съ важностью.

— Это ничего; папá дастъ какъ бы ни была велика сумма, лишь бы сдѣлать мнѣ удовольствіе; онъ непремѣнно долженъ дать; я ему скажу, что лучше не надо было брать Батисты съ корабля, если мы нечего болѣе не хотимъ сдѣлать для него и для Сперанцы.

Антоніо отвѣчалъ на это только улыбкою; но въ глубинѣ сердца, не слышимо для Люси, благословлялъ ее.

День, начавшійся при такихъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, день столь обильный пріятными ощущеніями для большинства нашихъ дѣйствующихъ лицъ, долженъ былъ кончиться достойнымъ образомъ. Около полуночи, весь садъ огласился звуками сладостной музыки. Это были бордигерскіе дилеттанты, которые,—понятно по чьимъ внушеніямъ,—собрались подъ балкономъ, чтобы дать серенаду для мисъ Давеннъ. Сэръ Джонъ въ это время еще не ложился спать и потому тотчасъ сошелъ въ садъ, чтобы поблагодарить за любезность и былъ принятъ самыми восторженными восклицаніями. Вскорѣ между рядами собравшаго общества появились подносы, наполненные стакавами и бутылками, разносимые соединенными усиліями Розы, Сперанцы и съвѣсно удивленнаго Джона. Подъ словомъ собравшееся общество, мы разумѣ-

емъ не только музыкантовъ, но также и многочисленное содѣйствіе аматёровъ, присоединившихся къ торжеству и наполнявшихъ садъ.

Спрятавшись за рѣзпотчатыя ставни, Люси съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ слушала серенаду. Музыка была въ самомъ дѣлѣ прекрасна, но что доставило миссъ Давеннъ гораздо сладостѣйшее ощущеніе чѣмъ увертюры *Сороки-воровки* и *Семирамиды* это была villanella на три голоса, въ числѣ которыхъ слышался пріятный, звучный басъ, столь милый ей сердцу и слуху. Эти villanelли, похожія на серенаду въ «Донъ Паскуале»—народныя пѣсни въ Ривьерѣ. Мелодія, сама по себѣ очень простая, поочереди исполняется каждымъ голосомъ порознь, безъ всякаго акомпанимента, кромѣ спикопныхъ нотъ, произносимыхъ другими двумя голосами. Этотъ родъ музыки запечатлѣнъ грустною мелодіей и производитъ огромный эффектъ, когда голоса вѣрны, что почти всегда бываетъ въ Италіи. Тутъ Люси не противилась уже тому чувству, противъ котораго такъ мужественно боролась все утро и, бросившись въ постель выплакала всѣ слезы сердца. Впрочемъ эти слезы не помѣшали ей сна; она спала крѣпко и спокойно.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ саду.

— Посмотрите какой чудесный коверъ природа подостлала подъ ваши ноги!—говорилъ Антоніо, нѣсколько дней спустя, въ саду, ведя миссъ Давеннъ подъ руку.

Ночью былъ вѣтеръ и земля покрылась густымъ слоемъ цвѣтовъ съ апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ, точно снѣговымъ ковромъ, на которомъ рѣзко выдѣлялись яркіе цвѣты краснаго мака.

— Можете ли вы приготовить мнѣ подобный коверъ, когда я пріѣду къ вамъ въ Давеннъ?

— Нашъ коверъ будетъ не такъ роскошенъ и не такъ яркъ,—отвѣчала Люси,—однако,—продолжала она съ нѣкоторою гордостью,—во всякое время года, вы найдете въ Давеннъ то, что можно найти только въ моемъ отечествѣ: настоящій англійскій дернъ, пушистый, какъ бархатъ и такого зеленаго цвѣта, которому ничего нѣтъ подобнаго.

— Я стану восхищаться имъ отъ всего сердца и даже заранѣе расположонъ восхищаться всѣмъ, что есть англійскаго.

— Право!—воскликнула Люси съ торжествующимъ видомъ—о! такъ скорѣе, скорѣе пріѣзжайте въ Англію: я буду вашимъ чичероне.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ никакъ нельзя скоро ѣхать,—отвѣчалъ итальянецъ шутливо, — развѣ вы забыли, что вамъ надо здѣсь оставаться, построить коттеджъ: ужъ право не знаю для кого?

— Да, мнѣ очень хотѣлось бы и я съ радостью осталась бы здѣсь на пѣлую жизнь, — отвѣчала Люси простодушно.

— Вы точно согласны были бы, остаться здѣсь?—воскликнулъ Антоніо взволнованнымъ голосомъ и покраснѣвъ.

Люси посмотрѣла на него.

— Но вы этого не можете сдѣлать, — продолжалъ онъ съ важною и легкимъ оттѣнкомъ грусти, — вы сами знаете, что это невозможно. Что сказалъ бы свѣтъ, — продолжалъ онъ, усиливаясь засмѣяться, — еслибъ дочь сэра Джона Давенна покинула, принадлежащее ей мѣсто, чтобы похоронить себя за-живо въ Италиі?

Онъ сдѣлалъ небольшую паузу, вызывая, быть можетъ, отвѣтъ, потомъ продолжалъ:

— Титулъ и богатство, конечно, золотыя цѣпи, но всѣ же цѣпи. Сенека, кажется, сказалъ, что великое богатство есть великое рабство?

— Да, это почти правда, — отвѣчала Люси со вздохомъ, который не въ силахъ была удержать.

Молодые люди продолжали свою прогулку въ молчаніи. Пріятно было видѣть ихъ идущими рядомъ: Антоніо соразмѣрялъ свои шаги съ шагами Люси, поддерживая ее съ нѣжною заботливостію; Люси, доврчивая и счастливая, опиралась на руку Антоніо. Оба — молоды, прекрасны, изящны, на обоихъ — печать достоинства, отличающая избранныя натуры, оба — совершенно различнаго типа, хотя въ нихъ много общаго: Люси вся происполнена свѣтлыми нѣжными тонами; на Антоніо же только темныя тѣни, и лицо его дышетъ энергіею; молодая англичанка граціозно склоняла свою прелестную головку, какъ цвѣтокъ, нуждающійся въ покровительствѣ; голова итальянца держалась на плечахъ крѣпко и прямо; походка у выздоравливающей легка и слаба, какъ у ребенка, — походка у доктора тверда и самоувѣрена, точно онъ завоевалъ каждый шагъ земли, по которой шолъ. Контрастъ и вмѣстѣ гармонія! соединеніе силы и слабости! Каждая черта одного рѣзко обрисовывала черты другой; гордый карбушкулъ проливалъ свой свѣтъ на восточную жемчужину, а жемчужина въ свою очередь смягчала его своею нѣжностію.

Между тѣмъ, какъ докторъ Антоніо и миссъ Давеннъ, несмотря на вздохъ и грустныя предчувствія, упивались обоюднымъ удовольствіемъ первой утренней прогулки, они, сами того не зная, поставляли въ жестокое недоумѣніе неожиданнаго свидѣтеля ихъ свиданія: Батиста каждый день проводилъ въ гостинницѣ, и большею частью въ саду, гдѣ онъ курилъ свою трубку и украдкою посматривалъ на миссъ Давеннъ, вѣроятно за тѣмъ, чтобы пояснить себѣ нѣкоторыя сомнѣнія, еще сохраняемые имъ въ ея отношеніи. Но такъ какъ сэръ Джонъ разъ пожаловался на непривычный для него запахъ табаку, наполнявшій зловоніемъ его комнаты, то Батиста отказался отъ трубки, но въ саду продолжалъ бывать.

До настоящаго времени, Люси никогда не заходила отъ дома такъ далеко и потому женихъ Сперанцы никакъ не предполагалъ ее такъ близко отъ избраннаго имъ мѣста. Бѣдный мальчикъ совсѣмъ растерялся и поспѣшилъ подальше спрятаться отъ гуляющихъ такъ далеко, какъ только позволяли границы необширной ограды, и надѣялся уйти когда они повернутъ къ дому.

Но къ его великому огорченію, вмѣсто того, чтобы повернуть къ до-

му, они продолжали свою прогулку все прямо и отрѣзали ему путь къ отступленію, — которое онъ предполагалъ чрезъ садовую калитку, — предоставляя ему одинъ выборъ: или отважиться на встрѣчу съ ними, чего онъ совсѣмъ не желалъ, или постыдно спрятаться за какое нибудь толстое дерево, что онъ и сдѣлалъ. Къ несчастью, зоркіе глаза доктора скоро открыли бѣглеца.

— Посмотрите на своего поклонника, — сказалъ Антоніо, — посмотрите, какъ онъ прячется за деревья, чтобъ избѣгнуть встрѣчи съ вами. Не пойти ли намъ прямо на него?

— Нѣтъ, не надо, — сказала Люси задумчиво.

— Не устали ли вы? не хотите ли сѣсть? — спросилъ Антоніо.

— Нѣтъ еще, благодарю; мнѣ хотѣлось бы еще походить.

Они продолжали прогулку, Люси оставалась задумчива.

— Предположимъ, — сказала она вдругъ, — что вы поѣхали въ Лондонъ и поселились тамъ?

Антоніо посмотрѣлъ на нее съ видимымъ удивленіемъ.

— Предположимъ, — отвѣчалъ онъ, — какая же отъ этого выгода будетъ для меня?

— Но съ вашими талантами, съ вашими медицинскими познаніями и участіемъ, которое папа принимаетъ въ васъ, вы скоро будете имѣть огромную практику и разбогатеете тамъ.

— Развѣ мы не сейчасъ говорили съ вами, что богатство можетъ быть рабствомъ? — сказалъ Антоніо съ улыбкою.

— Это правда, — возразила Люси, нѣсколько смутясь, — однако вѣдь это, кажется, такъ естественно — стараться улучшить свое положеніе.

— Согласенъ, но богатство развѣ улучшить мое положеніе? — сказалъ Антоніо съ видомъ сомнѣнія. Предположимъ даже, что къ моему переселенію не существуетъ никакихъ практическихъ затрудненій, что мое положеніе совершенно установилось и я сдѣлался богатъ. Но съ какою цѣлью и главное, какою цѣною? Цѣною совершеннаго изгнанія изъ моего отечества, пожертвованія всѣми моими склонностями, привычками, всѣмъ, что услаждаетъ мнѣ сердце и глаза, пожертвованія моимъ роднымъ языкомъ, моимъ милымъ солнцемъ, этимъ синимъ моремъ, этими померанцовыми рощами, которые напоминаютъ мнѣ о моей милой Сидиліи. Всѣ эти лишенія, быть можетъ, легкія для другихъ, жестоки для меня; но, конечно, и это можно бы перенести, еслибъ желаемая цѣль стоила труда; но вотъ этой-то цѣли мнѣ и не достаетъ. У матери моей, слава Богу, достаточное состояніе, чтобы прожить спокойно; другіе мои родные богаты. Что касается до меня, то я тщетно задаю себѣ вопросъ, какое новое счастье можетъ принести мнѣ богатство?

Антоніо остановился, но какъ Люси все хранила молчаніе, онъ продолжалъ:

— Богатое жилище? — Но я нахожу, что въ моемъ маленькомъ домикѣ въ Бордигерѣ, я живу какъ принцъ, и что онъ даже слишкомъ великъ для моихъ потребностей, а по его мѣстоположенію и по картинамъ, которыя изъ него видны, я ставлю его выше все-

возможныхъ феодальныхъ замковъ. Конечно, у меня нѣтъ ни бархатныхъ ковровъ, ни двойныхъ теплыхъ дверей. Но къ чему все это, въ этомъ благоприветливомъ климатѣ, гдѣ зимы такъ коротки и теплы, что мнѣ даже никогда не нужно разводить огня? Раскошный столъ? — Но мой обѣдъ совершенно эпикурейскій. Здѣсь не нужно быть богатымъ, не нужно имѣть ни топлицъ, ни оранжерей, вся роскошь стола подъ рукою. Экипажи, лошади? — Но разнѣ у меня нѣтъ моего калесино и мохнатой лошади? Впрочемъ, я не люблю ѣздить ни въ экипажахъ, ни верхомъ, я никогда не чувствую себя счастливымъ, какъ въ то время, когда могу пройтись пѣшкомъ, освѣжаемый тихимъ, благоуханнымъ морскимъ вѣтромъ. По всемъ этимъ соображеніямъ, — закончилъ итальянецъ самымъ убѣдительнымъ тономъ, — вы видите, что богатство ничего не значить для моего существеннаго благосостоянія.

Остановившись, онъ былъ пораженъ блѣдностью, замѣнившюю краску одушевленія на щекахъ Люси.

— Вы устали, — сказалъ онъ, — вернемся домой.

Женственные инстинкты Люси были сильно затронуты тѣмъ, что сказалъ Антоніо и тѣмъ, чего онъ не договорилъ. Она была огорчена и поражена видимымъ равнодушіемъ, съ которымъ докторъ принималъ и разобралъ ея предложенія, не обративъ даже вниманія на то, весьма естественное желаніе, чтобы онъ жилъ тамъ, гдѣ она живетъ. Наконецъ ее удивила эффектація, съ которой онъ старался доказать, что онъ доволенъ своею участью.

Молодая дѣвушка ничего не понимала въ этой власти надъ самимъ собою, дающей мужчяи возможность управлять своими невольными ощущеніями и идти по прямой дорогѣ здраваго смысла. Какова бы ни была цѣль у Антоніо, но онъ съ намѣреніемъ разобралъ мысль Люси со стороны практической, именно съ той стороны, которая не принимается женщинами, всегда болѣе или менѣе оскорбляя ихъ, смотря по отношеніямъ ихъ съ собесѣдникомъ. Первый инстинктъ тотчасъ же пробудилъ въ Люси другой, повелѣвавшій ей скрыть свою рану, и она думала достигнуть этого тѣмъ, что стала съ рѣшимостью продолжать начатой разговоръ.

— Пускай, это все правда, что вы говорите, — начала она, — однако вы должны согласиться, что въ Лондонѣ ваши способности, ваши знанія были бы гораздо лучше оцѣнены, чѣмъ здѣсь, и что есть своего рода удовольствіе въ сознаніи, что насъ понимаютъ и умѣютъ оцѣнить по достоинству. Думаю, что вы не нечувствительны къ славѣ?

— Къ славѣ? — повторилъ Антоніо съ улыбкою, — а вы забыли, что такое слава, по мнѣнію Данте:

Non è il romor mondan altro che un fiato
Di vento ch'or va quindi ed or va quindi. *

— Такъ грустно, такъ не естественно, — сказала Люси, — слышать мнѣ Мирская слава есть ничто иное, какъ дуновеніе вѣтра, перелетающаго то туда, то сюда.

лодого человека, у котораго какъ будто не остается ни одной искры честолюбія.

— Извините, — съ живостью возразилъ докторъ, — у меня есть честолюбіе и огромное честолюбіе: служить моему отечеству и дѣлать все для его пользы.

— Какія причины вы имѣете полагать, что, живя здѣсь, вы сдѣлаете болѣе пользы своему отечеству, чѣмъ въ Лондонѣ?

— Конечно, очень слабыя, однако, случись что-нибудь въ Сициліи или въ какой-нибудь другой части нашего полуострова, то, согласитесь сами, что мнѣ гораздо удобнѣе и скорѣе отсюда попасть туда, чѣмъ изъ Лондона.

— Вы глубоко преданы своей родинѣ?

— Кто ей не преданъ?

— Увѣрены ли вы, что дѣло, которому вы хотите служить справедливо?

— Это такъ же вѣрно, какъ и то, что я вѣрую въ Бога, — отвѣчалъ Антоніо торжественно, — но къ чему этотъ вопросъ?

— Вы должны простить мнѣ мои предрасудки, — сказала Люси, — мнѣ такъ много дурного говорили о характерѣ итальянцевъ, не только папа, но и многіе изъ моихъ соотечественниковъ, мнѣ столько натолковали противъ либеральной партіи въ Италіи, особенно, когда мы были въ Римѣ, что...

Люси колебалась досказать свою мысль.

— Что вы готовы вѣрить, что мы не правы, — сказалъ Антоніо, доканчивая ея фразу. — Я этому и не удивляюсь, и даже не удивляюсь тѣмъ мнѣніямъ, которыхъ вы наслушались отъ англичанъ. Симпатія сильныхъ и могущественныхъ рѣдко бываетъ за слабыхъ и притѣсненныхъ. Помните ли вы, какъ друзья Юва искусно доказывали ему, что онъ, по своей винѣ, лежитъ на навозной кучѣ? Таково общее стремленіе человѣческаго эгоизма предъ лицомъ страданія. Я готовъ согласиться, что нашъ національный характеръ можетъ возбудить нѣкоторыя обвиненія; но прошу васъ, укажите мнѣ такой народъ, общій характеръ котораго не возбуждалъ бы порицаній? — Я согласенъ и съ тѣмъ, что въ рядахъ партіи патріотовъ найдутся люди безпокойные и даже злоумышленные. — Да гдѣ же ихъ нѣтъ? Мнѣ чужда мысль выставить мое отечество, какъ образецъ совершенства. Итальянцы такіе же люди, кака и всѣ и другіе. Но, — продолжалъ онъ, съ возрастающимъ одушевленіемъ, — повѣрьте мнѣ, миссъ Давеннъ, когда я вамъ скажу, — и я готовъ то же самое провозгласить во всеуслышаніе и запечатлѣть, свои слова, при случаѣ, кровью, Италія благородная страна, жестоко оклеветанная, и дѣло Италіи есть дѣло истины и справедливости. Извините меня за эту живость, — заключилъ онъ, снова принимая свой спокойный видъ, — во еслибъ вы знали сотую часть приверженности и жертвъ, принесенныхъ для этой несчастной земли, жертвъ безъ всякой другой награды отъ міра, кромѣ холоднаго равнодушія, еслибъ вы только это знали, — я увѣренъ, вы симпатизировали бы моимъ чувствамъ.

Слезы засверкали въ глазахъ Люси.

— Но я и симпатизирую вашимъ чувствамъ. Я такъ желала бы чтобы вы мнѣ рассказали все, что касается до вашей родины!—проговорила она.

Когда нибудь я расскажу вамъ, по крайней мѣрѣ, о Сициліи,—сказалъ Антоніо, — но теперь, право, вамъ необходимъ отдыхъ. Да взгляните, вотъ идетъ вашъ рисовальный учитель.

Дѣйствительно, по саду шолъ, рядомъ съ сѣромъ Джономъ, рисовальный учитель, который все время декламировалъ громовымъ голосомъ, сопровождая свои слова бѣшенными тѣлодвиженіями. Еслибъ не сэръ Джонъ, то маленькій человекъ съ огромною головою прешолъ бы мимо, не замѣтивъ ни Люси, ни доктора, несмотря на всѣ ихъ старанія обратить его вниманіе на себя.

— Ради Бога! что такой случилось?—спросилъ Антоніо.

— Обращикъ безстыдства, превосходящій всякое воображеніе! — закричалъ учитель рисованія, вдругъ останавливаясь и бросая свою шляпу на землю, въ принадлежнѣ бѣшенства. — Вещи невѣроятныя, ужасныя, чудовищныя! Повѣрите ли, что сегодня изъ Ниццы прибылъ органищикъ, чтобы устроить наконецъ нашъ новый органъ, а графъ, послѣ всѣхъ своихъ обѣщаній, отказывается принять его, безстыдно увѣряя, что никогда не обѣщаль отвести ему комнату въ своемъ палаццо? Онъ отказывается, милостивый государь, отказывается, когда у него предъ глазами подлинникъ протокола нашего засѣданія; бывшаго 19 ноября 1839 года, протокола, котораго каждую букву я самъ писалъ! Скарעדъ этакій! я самъ сдѣлаю десять тысячъ копій съ этого подлинника, а также и съ нынѣшняго засѣданія, и въ началѣ каждой копій напишу красными чернилами стихи Веркета...

И онъ продекламировалъ съ безмѣрною восторженностью четыре слѣдующихъ стиха:

Vile, un manto d' infamia hai tessuto,
L'hai voluto, sul dosso ti sta;
Nè per gemere, o vil, che farai,
Nessun mai dal tuo dosso il torrà *

— Да, я разошлю, я раздамъ эти копій по всей Ривьерѣ, я заставлю обвинять благороднаго графа на всѣхъ нашихъ улицахъ и перекресткахъ; я выставлю его передъ потомствомъ, какъ безсовѣстнаго лицемеря!..

Послѣ этой жестокой выходки, маленькой человекъ остановился, чтобы перевести духъ, поднялъ свою шляпу, и вдругъ, совершенно измѣнивъ физиономію и голосъ, сказалъ миссъ Давеннъ, самымъ учтивымъ образомъ:

— Сынъорина, полагаясь на вашу всѣмъ извѣстную доброту, я надѣюсь, что вы меня пазвините, если я не дамъ вамъ сегодня урока. Я совершенно не въ силахъ и къ тому же, относительно этого непріятнаго происшествія, долженъ принять мѣры, которыя дѣлаютъ необходимымъ мое присутствіе въ Вордигерѣ.

* Презрѣнный, ты самъ соткалъ себѣ плащъ позора, ты самъ его ютѣлъ, вотъ онъ на твоей спицѣ; сколько бы теперь ни стоналъ, о презрѣнный!.. ни кто никогда съ твоей спицы его не сниметь.

Потомъ, обратившись къ Антонию, онъ прибавилъ съ торжественностію, доходявшею до смѣшного.

— Въ одномъ вы можете быть увѣрены, мой другъ: братство красныхъ выйдетъ съ честью изъ этого затрудненія, хоть бы мнѣ это стоило всего, что я имѣю въ мирѣ!

Сказавъ это, онъ съ такимъ азартомъ нахлобучилъ себя на голову шляпу, что она закрыла ему глаза, и бросился къ калиткѣ.

— Не надо ли вамъ пойти за нимъ? — сказала Люси доктору; — ну что, если онъ въ такомъ состояніи раздраженія встрѣтитъ графа... чтобъ не вышло какого нибудь несчастія.

— Не безпокойтесь объ этомъ, отвѣчалъ—Антонию улыбаясь,—при всей своей ярости, нашъ маленькій другъ — самое миролюбивое созданіе на землѣ; съ умысломъ онъ не сдѣлаетъ зла и мухѣ. Если онъ встрѣтитъ въ эту минуту графа, то, вѣроятно, заставитъ его почувствовать всю тягость своего гнѣва самымъ церемоннымъ поклономъ—или, ужъ самое худшее—взрывомъ невинныхъ стиховъ, продекламированныхъ съ умъ, противъ его врага на время.

— Но по какому поводу все это бѣшенство,—сказала Люси,—я не могла ничего понять.

— Прежде всего, надо вамъ сказать,—отвѣчалъ Антонию,—что графъ—*prigie* (президентъ), а вашъ учитель рисованія—*sotto prigie* (вице-президентъ) братства красныхъ. Но вы ничего не знаете ни о красныхъ ни о бѣлыхъ. Такъ какъ у васъ nebudeтъ сегодня урока рисованія, то не хотите ли я вамъ прочту лекцію о братствахъ?

Прежде чѣмъ Люси успѣла отвѣчать, сэръ Джонъ успѣшилъ сказать:

— Ахъ да, пожалуйста, докторъ Антонию, прочтите; да вмѣсто того чтобы идти на балконъ, прикажемъ принести сюда стулья и слушаемъ подъ апельсиновыми деревьями исторію доктора.

Когда они усѣлись, Антонию началъ такъ:

— Не одинъ уже разъ я вамъ говорилъ, что приходская церковь, ея украшенія, великолѣпіе церковнаго служенія и процессій — предметы первой важности и даже единственное общественное удовольствіе, доступное для массы народа. Приходъ съ его старостами, пѣвчими, всякаго рода служителями, представляетъ поприще для дѣятельности только довольно ограниченнаго числа лицъ. Для устраненія этого неудобства, подъ покровомъ матеря-церкви образовались всякаго рода братства, обязанность которыхъ собираться въ избранной церкви для принесенія общихъ молитвъ, погребать своихъ мертвыхъ и, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, безпрестанно совершать процессіи. Здѣсь находятся, какъ и во всѣхъ городкахъ Ривьеры братства красныхъ, бѣлыхъ и черныхъ такъ называемыхъ по цвѣту одежды съ капюшономъ, которую носятъ братья. Естественно эти общества находятся въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ между собою. Каждое изъ нихъ имѣетъ свой штатъ сановниковъ и чиновниковъ:—президентъ и вице-президентъ, президентша и вице-президентша, капитуль, соборъ совѣтниковъ, пѣвчихъ, знаменосцевъ, крестоносцевъ, факельщиковъ, жезлоносцевъ и прочее; и ежегодные выборы

въ особенности пріора, подпріора и капитула, поднимаютъ на ноги всю братію. Такимъ образомъ; вы видите, что всякое общество становится гнѣздомъ мелкаго честолюбія, соперничества, интригъ и сплетень. Что удивительнаго, если въ глубокомъ состояніи невѣжества, въ которомъ коснѣетъ большинство, и которое дѣлаетъ ихъ неспособными къ умственнымъ занятіямъ; въ этомъ отчужденіи отъ участія въ управленіи даже дѣлами своего прихода, или въ другихъ подобныхъ мѣстныхъ интересахъ, въ Англіи ввѣренныхъ корпораціямъ; при этомъ отчужденіи всякаго другаго источника дѣятельности, необходимой для чловѣка, какъ воздухъ которымъ онъ дышетъ,—что удивительнаго, повторяю я, — если эти добрые люди втягиваются въ мелочныя и ничтожныя заботы?

— Ахъ, докторъ Антонію,—прервалъ сэръ Джонъ—вѣдь вы не хотите этимъ сказать, чтобы разныя общины не имѣли права избирать своихъ муниципальныхъ совѣтниковъ, между которыми, я полагаю, и синдикъ тоже назначается по выборамъ?

— Выбирать своихъ муниципальныхъ совѣтниковъ! — воскликнулъ Антонію;—да этого имъ и во снѣ не видать. Муниципальныя учрежденія здѣсь мертвыя буквы, тѣло безъ души. Угодно вамъ знать кто избираетъ синдикъ и муниципальныхъ совѣтниковъ? Прѣжній синдикъ, приходской священникъ и начальникъ карабинеровъ, составляютъ втроемъ реестръ, который отсылается къ коменданту. Комендантъ, по надлежащемъ разсмотрѣніи и собраніи, отправляютъ его къ интенданту, гражданскому начальнику въ провинціи, а интендантъ, въ свою очередь, отправляетъ его въ Туринъ, гдѣ онъ уже офиціально утверждается.

Сэръ Джонъ сдѣлалъ самую выразительную гримасу, но промолчалъ.

— Теперь я приступаю къ самой сущности вопроса, продолжалъ Антонію, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ облака, помрачившаго чело баронета. Капитулъ красныхъ, подъ предсѣдательствомъ графа, нѣсколько времени тому назадъ, назначилъ нѣкоторую сумму на покупку органа для небольшой церкви братства, — въ деньгахъ никогда не бываетъ недостатка для подобныхъ случаевъ. Когда заказанный органъ былъ почти оконченъ, капитулъ снова собрался для разсужденія о необходимости назначить другую сумму для покрытія издержекъ органаго мастера, употребленныхъ имъ на дорогу и на пребываніе здѣсь. По этому-то случаю графъ объявилъ, что онъ все это беретъ на себя и что онъ приметъ фабриканта въ своемъ палаццо и за это великодушіе, по общему согласію ему принесена была единодушная благодарность. Вотъ это-то именно и происходило въ томъ знаменитомъ засѣданіи 19 ноября 39 года, о которомъ упоминалъ учитель рисованья. По видимому, графъ, который слыветъ за чрезвычайнаго скрягу, взялъ свое слово назадъ и отказывается отъ выполненія своего обѣщанія.

Сэръ Джонъ пришолъ въ страшное негодованіе, услышавъ это

объясненіе, и утверждалъ, что въ словахъ учителя рисованья непременно есть грубая ошибка. Чтобы графъ былъ скрягою! иная нелѣпость! Да онъ двадцать разъ предлагалъ свое казино къ услугамъ сэра Джона! Человѣкъ такого знатнаго происхожденія, какъ графъ, не можетъ быть способенъ къ подобному скряжничеству. Сэръ Джонъ повидается съ самимъ графомъ и постарается разъяснить это дѣло.

Сэръ Джонъ сдержалъ слово. Вечеромъ того же дня, онъ имѣлъ съ графомъ предлинный разговоръ, слѣдствіемъ котораго было то, что на другой же день органиный фабрикантъ поселился въ графскомъ палаццо, къ безпредѣльному удовольствію всѣхъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ лодкѣ.

Разъ послѣ обѣда, Люси, по обыкновенію, гуляла въ саду, опираясь на руку отца.

Антоніо, шедшій немного впереди ихъ, отворилъ калитку, выходящую на берегъ и вывелъ ихъ, по отлогому скату, къ самому морю.

Гладкая и тщательно вычищенная, какъ бы аллея въ саду, дорожка—мы подозреваемъ, что Батиста тутъ приложилъ свою руку—была окаймлена съ обѣихъ сторонъ множествомъ желтыхъ, бѣлыхъ и розовыхъ цвѣтовъ, которые росли на раскаленномъ пескѣ съ такою же жизненностью и свѣжестью какъ будто на самой роскошной почвѣ.

Люси, внимательно прислушиваясь къ объясненіямъ Антоніо объ этомъ особенномъ родѣ морскихъ растений, была такъ занята собираніемъ ихъ и до того заглядѣлась на нихъ, что совсѣмъ не замѣтила Батисты, стоявшаго съ другимъ человѣкомъ у лодки съ полосатымъ навѣсомъ самыхъ яркихъ красокъ.

Она увидѣла лодку и лодочниковъ только тогда, какъ совсѣмъ ужъ близко подошла къ нимъ.

— О, какая прекрасная лодка!—воскликнула она.

— И лодка и лодочники къ вашимъ услугамъ,—сказалъ ей Антоніо,—если вы захотите только воспользоваться ими.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — радостно воскликнула Люси. — Мнѣ очень пріятно будетъ прогуляться по этому прекрасному, очаровательному морю! Вѣдь вы согласны, папá? Но,—прибавила она съ нѣкоторою робостью,—благоразумно ли отважиться на эту прогулку съ двоими только людьми?

— Вы будете здѣсь такъ же безопасны, какъ на своемъ балконѣ. Батиста такой же искусный лодочникъ, какъ и морякъ; никто лучше его не можетъ справиться съ парусомъ или весломъ. Соотечественниковъ Христофора Колумба считаютъ лучшими моряками даже англичане, которые, по справедливости, гордятся своимъ превосходствомъ на морѣ. Умное правительство,—продолжалъ Антоніо, подавая руку Люси, чтобы помочь ей войти въ лодку, — умное правительство надѣлало бы чудесъ съ подобными людьми, но...

Пожатіе плечами и вѣдохъ dokonчили его рѣчь.

— Довольно, — сказала Люси, посмотрѣвъ на доктора; — мы здѣсь не затѣмъ чтобы заниматься правительствомъ и политикою, а за тѣмъ, чтобы веселиться весь вечеръ.

Въ этихъ словахъ заключалось столько женственной доброты и веселости, что дѣтальщикъ не оскорбился ея замѣчаніемъ.

Только въ отсутствіе сэра Джона, Люси любила слушать Антоніо, когда онъ высказывалъ свое неудовольствіе противъ правительства.

На морѣ не видно было ни малѣйшей зыби; одиѣ только широкія бѣлыя полосы, млечный путь на морской лазури, то разстилаясь въ прямыхъ линіяхъ, то граціозно изгибаясь изрѣдка прерывали его прозрачную синеву. Батиста съ товарищемъ не жалѣя силы своихъ здоровенныхъ рукъ, при чемъ Батиста тѣшательно старался не поворачивать своихъ глазъ въ ту сторону, гдѣ была миссъ Девенъ, которая сѣдѣла на подушкахъ, приготовленныхъ для нея на кормѣ лодки, и, опустивъ свои нѣжные пальчики въ воду, вся предавалась приятнымъ ощущеніямъ, обличавшимся полу-улыбкою на ея губахъ. Быстро скользя, лодка обогнула Бордигерскій мысъ и тутъ довая, великолѣпная панорама открылась предъ ними. —

Цѣлый рядъ холмовъ, прислонившихся къ цѣпи высокихъ горъ, образовывалъ полуокругъ, прерываемый на всемъ пространствѣ мысами, бухтами и украшенный городами и селами самаго оригинальнаго характера: Вентимилья, съ своимъ вѣнцомъ изъ древнихъ обезоруженныхъ замковъ; Монтона, такъ кокетливо расположившаяся подъ открытымъ солнцемъ на морскомъ берегу; Рокдэбруна (черная скала) справедливо полунившая это дѣя по своему темному и мрачному цвѣту; Турбія, съ своимъ римскимъ памятникомъ, напоминающимъ величайшее могущество на землѣ, и прикрывавшая своею тѣнью лигудутское княжество Монако, расположенное внизу. Далѣе къ югу, идетъ въ туманной дали длинная линія невысокаго берега Франціи съ Антибонъ на концѣ; и еще далѣе, тамъ на западѣ, фантастическая цѣль горъ Прованса. Тамъ и самъ остроконечныя, покрытыя снѣгомъ, вершины смѣло возвышаются надъ другими, словно престарѣлые предки съ убѣленными отъ лѣтъ глазами, поглядываютъ внизъ: все ли тамъ хорошо у нихъ подъ ногами, между ихъ молодыми потомками.

Люси, въ молчаніи, глазами и душою упивалась прелестью этой картины, на которую горячія цвѣта заходящаго солнца, разливали невыразимое и воднебное великолѣпіе. Но мѣрѣ того, какъ въ душѣ нашей англичанки возрастало чувство прекраснаго, она все болѣе и болѣе стала понимать, какъ пусты и безсильны всѣ эти пошлыя формулы, которыми выражаютъ свое восхищеніе и на которыя она прежде была такъ щедра. Совсѣмъ не такъ было съ сэромъ Джономъ, хотя онъ давно уже свикнулся съ этою картиною: онъ разливался въ восторженныхъ восклицаніяхъ и кончилъ сожалѣніемъ: зачѣмъ ихъ гостиница находится не на этой сторонѣ Бордигерскаго мыса.

Но задѣвъ Снедалетти съ своими тремя слишкомъ извѣстными мысами, давая въ Люси горячую заштырку. Она соглашалась, что со

стороны береговъ Франціи виды были разнообразіе и въ большихъ размѣрахъ, за то, по ея мнѣнію, этой картинѣ не доставало гармоническаго единства, грустнаго величія, которыми характеризуется пейзажъ, открывающійся предъ гостиницею.

— Художникъ,—говорила Люси,—предпочтетъ, быть можетъ первую картину, но постъ навѣрное пойметъ, что вторая картина внушаетъ гораздо болѣе тѣхъ мыслей и образовъ, которые проникаютъ до сердца.

— Боже мой!—сказалъ весело сэръ Джонъ, бросая взоръ нѣжности и гордости на прекраснаго оратора,—ужь не сдѣлалась ли и ты поэтомъ, моя милая дочь?

— Какъ знать?—возразила молодая дѣвушка, улыбаясь и съ обвинительнымъ румянцемъ на лицѣ.

Люси дѣйствительно, чувствовала въ душѣ нѣчто въ родѣ поэтическаго порыва.

Между двумя холмами, покрытыми густымъ лѣсомъ, на западѣ отъ Вордигеры, вдругъ показалось бѣлое палаццо графа, утопавшее въ пурпуровой атмосферѣ.

— Вотъ,—воскликнулъ сэръ Джонъ, указывая пальцемъ на кокетливый небольшой замокъ,—вотъ восхитительный предметъ для твоего карандаша.

— Графъ человекъ со вкусомъ,—замѣтилъ Антонио, — онъ самъ выбралъ мѣсто и сдѣлалъ планъ для своего казино.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ сэръ Джонъ,—графъ гораздо талантливѣе, чѣмъ я предполагалъ; такая именно мѣстность необходима была для этого замка.

— Да, это правда — отвѣчалъ докторъ. — Куда бы мысленно ни перенести этотъ замокъ, вездѣ онъ потерялъ бы отъ перемѣны.

— Чтѣ вы говорите о казино графа,—сказала Люси,—то же самое можно сказать обо всѣхъ этихъ городахъ и безчисленныхъ селахъ, которыя мы видимъ отсюда. Никто не захотѣлъ бы поставить ихъ выше или ниже, болѣе направо или налѣво, въ надеждѣ сдѣлать ихъ пріятнѣе и живописнѣе. Нѣтъ такой ничтожной деревушки, которая не казалась бы именно на своемъ мѣстѣ и не сосуществовала бы лучше всего общему впечатлѣнію. Развѣ вы не согласны со мною, докторъ?

— Такому безпристрастному судѣ, — отвѣчалъ Антонио съ улыбкою,—я осмѣлюсь только сказать, что племя, населяющее этотъ край, есть племя артистовъ, которые сами того не вѣдаютъ. Здѣсь чувство прекраснаго врожденно людямъ, и это чувство, хотя совершенно не развитое образованіемъ, такъ же очевидно выражается въ основаніи города или деревни, какъ въ выборѣ цвѣтка и въ томъ, какъ онъ воткнутъ въ волосы женщины. Можетъ быть такова была воля природы, для того чтобы дѣла людей не различались отъ ея собственныхъ дѣлъ на этой любимой ею землѣ. Если вы станете замѣчать позы и движенія этихъ людей, ихъ способность соединять цвѣта и грацію съ какою они носятъ самый простой костюмъ, то вы тотчасъ откроете чистоту врожденнаго вкуса, чѣмъ, конечно, они обязаны средѣ, въ которой они живутъ. Возьмите, напримѣръ, головной уборъ мужчины, со-

стоящій изъ краснаго колпака съ темными полосками, или цвѣтной платокъ, который женщины накидываютъ себѣ на голову; что можетъ быть прощѣ? а между тѣмъ, посмотрите, какими различными способами, одинъ другаго живописнѣе, они умѣютъ надѣвать его. Молодая крестьянка, которая несетъ на головѣ или въ рукахъ связку соломы для своей коровы, никогда не забываетъ привязать туда букетъ изъ маку, васильковъ или другихъ полевыхъ цвѣтовъ, соответствующихъ времени года. Сколько разъ я видалъ здѣсь оригиналы двухъ знаменитыхъ картинъ Леопольда Роберта!

— Вообще ли всѣ женщины здѣсь хороши?—спросила Люси.

— Да, то есть всѣ онѣ носятъ на себѣ характеристическій признакъ красивой расы,—отвѣчалъ Антоніо:—у всѣхъ почти большіе глаза съ хорошимъ разрѣзомъ, роскошные волосы, прекрасная шея, на которой голова хорошо поставлена, маленькія руки и ноги. Но чрезмѣрная работа или нерадѣніе много портятъ или даже губятъ эти красоты, въ особенности волосы. Въ Сперанцѣ вы имѣете прекрасный образецъ туземныхъ женщинъ.

— Ахъ, да! дѣйствительно она удивительно какъ хороша!—воскликнула Люси такимъ восторженнымъ тономъ, что сэръ Джонъ съ живостью поднялъ глаза на свою дочь.

— Право?—сказалъ онъ,—какъ это странно, а я никогда не былъ этимъ пораженъ.

— Оттого, что вы, папа, никогда на нее довольно не смотрѣли,—возразила Люси, смѣясь;—а вотъ еслибъ вы попробовали двадцать разъ рисовать ея портретъ, какъ я, такъ вы тогда бы замѣтили удивительную чистоту и изящество ея очертаній.

— Очень хорошо, миссъ Люси, да откуда вы набрались всѣхъ этихъ прекрасныхъ выраженій артистовъ,—сказалъ сэръ Джонъ, нѣсколько удивленный.—Мнѣ кажется, докторъ Антоніо, что вашъ любимый предметъ отразился нѣсколько на нашей англичаночкѣ.

— Очень можетъ быть, —отвѣчалъ докторъ съ своею спокойною улыбкою;—впрочемъ, какъ бы ни было, а я совершенно одного мнѣнія съ миссъ Давеннъ. Сперанца—красавица, и я никогда не видалъ ея моющую бѣлье у фонтана, чтобы не вспомнить гомеровскаго описанія Навзикеи. Еслибъ остальная часть ея особы была такъ же безукоризненна какъ ея голова и бюстъ, то дочь Розы можно было бы принять за Гебу. Но ходить въ лѣсъ и носить тлжолыя вязанки дровъ—это испортить хоть какія прекрасныя пропорціи.

— Какъ вернемся домой,—замѣтилъ сэръ Джонъ, то мнѣ надо будетъ хорошенько разсмотрѣть эту красавицу.

Лодка, возвращаясь назадъ, въ эту минуту находилась какъ разъ противъ Бордигеры.

— Что это видно, вотъ тамъ наверху, немножко по ту сторону города?—спросила Люси,—это что-то въ родѣ развалинъ?

— Тутъ нѣкогда была открытая батарея. Кстати, съ этою батареею соединена исторія, которая, можетъ быть, будетъ для васъ интересна, потому что здѣсь играю нѣкоторую роль англичане.

— Надѣюсь, что она имѣть не въ укоризну?—спросила Люси.

— А вотъ сами судите, — отвѣчалъ докторъ; — въ тихій июльскій день 1812 года, англійскій военный бриггъ показался у береговъ Бердигеры, и — имѣлъ ли на то причину или нѣтъ, только — такъ близко подошелъ къ берегу, что какъ разъ сталъ подѣ пуцками.

А надобно сказать, что офицеры, командовавшіе батареями на всемъ берегу, получили строгій приказъ стрѣлять по всякому англійскому судну, которое подойдетъ на разстояніе выстрѣла. Въ то время Равьора принадлежала Франціи, по праву сильнаго. Французскій поручикъ, командовавшій въ этотъ день — двадцать перваго іюля — батареею, имѣя при себѣ двѣнадцать человѣкъ прислуги, вѣроятно былъ человѣкъ миролюбиваго характера, въ жилахъ его не было ни капли французскаго бѣшенства, потому что онъ съ величайшимъ хладнокровіемъ смотрѣлъ на приближеніе непріятеля и не принималъ никакихъ враждебныхъ мѣръ. Но такое философическое поведеніе, далеко не удовлетворяло добрыхъ бордигерцевъ, разсчитывавшихъ на нѣчто гораздо лучшее. Стрѣлять по англійскому кораблю, — да въ это такой случай для развлечения и суматохи, какіе не всякій день бываютъ для мирныхъ и нѣсколько скучающихъ жителей маленькаго городка, и потому они рѣшились доставить себѣ это удовольствіе. Они толпою подошли къ батарее, и громкими криками потребовали отъ офицера, чтобъ онъ исполнилъ полученныя инструкціи и сейчасъ же на мѣстѣ разгромилъ дерзкій бриггъ.

Не смѣя брать на себя отвѣтственность отказа, поручикъ согласился. Сначала онъ съелъ обязанностью сдѣлать рекогносцировку непріятеля, посредствомъ огромной зрительной трубы, хотя всѣ снасти были видны и для простаго глаза. И его изслѣдованія были такъ продолжительны, что почтеннаго воина можно бы заподозрить въ тайной надеждѣ увидѣть бриггъ удаляющимся въ открытое море, и тѣмъ извлекающимъ его изъ критическаго положенія. Но тотъ и не думалъ удалиться: онъ стоялъ неподвижно, какъ корабль на картинѣ. Не было уже возможности медлить; отданъ былъ приказъ — зарядить старое восьмифунтовое орудіе и стрѣлять.

Выстрѣлъ былъ мѣтокъ, потому что часть бушприта была оторвана.

Французскій офицеръ опять принялся за свою трубу; на бриггъ показалась страшная суматоха: шлюпки спускались въ море, вѣроятно, для атаки. Увидѣвъ это, нашъ артиллеристъ сталъ изрыгать проклятія на безумцевъ, которые ввязали его, да и сами ввязались въ такое глупое дѣло. Но шлюпки не приближались къ берегу, а взявъ на буксирь бриггъ, поспѣшно отправились въ открытое море. Представляю вамъ вообразить торжествующую радость этихъ бордигерскихъ фальстафовъ. Громкія — viva! и рукоплесканія, которыми они праздновали свою побѣду доставшуюся имъ безъ пролитія крови, вѣроятно, были слышны на палубѣ удалявшагося судна, несмотря на провожавшія ихъ ядра, которыя, однако, не достигали своей цѣли.

Въ одинъ прекрасный день, два мѣсяца спустя, появился тотъ же

самый бриггъ, прямо и рѣшительно направляясь къ Бордигерѣ, но на этотъ разъ въ сопровожденіи небольшого фрегата и другого брига, приближавшихся справа и слѣва, съ пушками, поставленными такъ, что онѣ господствовали надъ всею мѣстностью и недопускали никакой помощи ни изъ Генуи ни изъ Ниццы.

Первый бриггъ сдѣлалъ залпъ; но, очевидно, безъ намѣренія сдѣлать большой вредъ, потому что одинъ только человекъ былъ убитъ. Въ то же время сотня матросовъ и солдатъ были высажены на берегъ и прямо пошли на баттарею. Борьба была не продолжительна и не кровопролитна. Старое восьмифунтовое орудіе было заклепано; поручикъ же съ своими двѣнадцатью людьми былъ запертъ на гауптвахтѣ.

Говорятъ, что въ цѣломъ городѣ нашлось только двое воинственныхъ гражданъ; синдикъ, синьоръ Джирибальди былъ однимъ изъ нихъ; другой же герой, имя котораго потеряно для исторіи, при видѣ красныхъ мундировъ, выстрѣлилъ изъ ружья наудачу и обратился въ бѣгство. Англичане увели синдика съ собою на фрегатъ и осудили его на превосходный обѣдъ, а вечеромъ отправили назадъ, въ самомъ веселомъ расположеніи духа и съ ключомъ въ карманѣ отъ гауптвахты. Такъ кончилась война между Бордигерой и Великобританіею, потому что, на другой день когда солнышко взопло, не было уже ни фрегата, ни бриговъ, и слѣдъ ихъ простылъ.

Когда докторъ кончилъ свою исторію, послѣдняя половина которой принесла особенное удовольствіе сэру Джону, въ ту самую минуту лодка тихо углубилась въ песокъ и остановилась; Антоніо выскочилъ на берегъ и протянулъ свою руку, чтобы помочь Люси, но Люси весело оттолкнула его и безъ посторонней помощи выпрыгнула на берегъ. У Антоніо вырвалось восклицаніе испуга.

— Вотъ такъ, Люси!—воскликнулъ баронетъ, видѣвшій всю эту сцену и сильно развеселившійся печальною позою Антоніо, — больная снова вступаетъ въ свои права независимости, а доктора своего оставляетъ на мели.

Что же такое было въ этихъ словахъ, сказанныхъ безъ всякаго злого умысла, напротивъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, что было въ нихъ такого, что лицо Антоніо вдругъ омрачилось? Вѣроятно, докторъ придалъ имъ смыслъ, котораго они не имѣли. На всякаго человѣка, даже самаго хладнокровнаго и благоразумнаго находятъ часы чрезмѣрной щекотливости.

Надо думать, что на нашего итальянца нашолъ именно такой часъ. Онъ ни слова не отвѣчалъ на рѣзкую выходку баронета, и одинъ пошелъ впереди отца и дочери.

Люси, съ замѣчательною быстротою поняла его молчаніе и пошла рядомъ съ нимъ, жалуясь на усталость. Антоніо тотчасъ же подалъ ей руку, и они втроемъ возвратились въ гостиницу, не говоря другъ съ другомъ ни слова.

Когда наши друзья возвратились домой, Антоніо простился съ ни-

ми; но тотчасъ же опять воротился, чтобы сказать съ притворною небрежностью:

— Да, кстати, сэръ Джонъ, вѣдь сегодня, кажется, сорокъ восьмой день вашего заключенія?

Люси поблѣднѣла.

— Ахъ, да,—воскликнулъ баронетъ, нѣсколько изумленный.

— Да, и въ то же время день вашего избавленія, — продолжалъ съ живостью Антоніо.—Я считаю пріятною обязанностью объявить вамъ, что миссъ Давеннъ теперь достаточно оправдалась, и безъ всякой опасности можетъ предпринять утомительное путешествіе.

О, чудо изъ чудесъ! Сэръ Джонъ не подпрыгнулъ отъ радости при этомъ пріятномъ извѣстїи, не бросился, въ припадкѣ благодарности, на шею къ своему избавителю, не пожалъ ему съ жаромъ руки, напротивъ, проводилъ его двумя, тремя выраженіями, исполненными замѣшательства.

— Ахъ! въ самомъ дѣлѣ?—очень хорошо, благодарю.

Онъ послѣдовалъ за Люси въ домъ, не сказавъ ничего болѣе.

Какъ это сдѣлалось, что сэръ Джонъ съ такою холодною пріемлѣнностью извѣстіе, столь пламенно желанное?

Развѣ это не тотъ же человѣкъ, который, нѣсколько недѣль тому назадъ, готовъ былъ цѣною половины своего ежегоднаго доходакупить возможность—оставить эту жалкую гостиницу? Нѣтъ, сэръ Джонъ уже не тотъ, сэръ Джонъ перемѣнился. Онъ сдѣлался апатическимъ, у него не достаетъ энергіи для рѣшительныхъ мѣръ, у него не хватаетъ духу сказать: «Завтра, черезъ день, черезъ недѣлю.»

Старый джентельменъ нечувствительно принималъ отгѣнокъ страны въ которой онъ жилъ. Небо, море, теплый ароматическій воздухъ, все это имѣло на него вліяніе. Аннбалъ нашолъ свою Капуку.

О, Италия, прекрасная Италия! ты имѣешь неизмѣнный даръ смягчать и покорять всѣ природы, даже самыя жесткія, самыя мятежныя. Всѣ, на кого повѣетъ твое теплое дыханіе, подпадаютъ подъ твое очарованіе! Сколько людей приходило съ ненавистью и недовѣрчивостью къ тебѣ, съ мечомъ въ рукѣ; но лишь только насладились сладостнымъ молокомъ твоей груди, какъ тотчасъ же бросали оружіе и благословляли, навывая тебя «матерью!» Отчизна столь многихъ красотъ и бѣдствій! твоя исторія полна подобными побѣдами.

Сэръ Джонъ сълъ въ дурномъ расположеніи духа и ни слова не произносилъ. Взоры Люси, казалось, старались прочесть самую глубину его мыслей, и съ тоскливымъ трепетомъ ожидали результата его мрачной задумчивости.

Баронетъ хмурился, какъ человѣкъ, не умѣющій самъ разобрать своихъ собственныхъ мыслей, своихъ собственныхъ чувствъ. Наконецъ свѣтъ озарилъ его, и онъ увидѣлъ неудобства оставить тотчасъ же Бордигеру. Коллекція растений для Давенна была еще не готова, и, въ самомъ дѣлѣ, здоровье Люси такъ улучшилось, что

жалъ было бы уѣхать изъ этихъ мѣстъ безъ крайней необходимости; и наконецъ Обри не можетъ пріѣхать въ Лондонъ ранѣе послѣднихъ чиселъ августа, стало быть, самое лучшее—предоставить Люси какъ можно долѣе наслаждаться этимъ воздухомъ, который, повидимому, такъ ей полезенъ.

Когда сэръ Джонъ дошелъ до такого умозаключенія, то все лицо его просіяло, какъ у человѣка, разгадавшаго загадку.

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ онъ, вставая,—пріятно знать, что мы можемъ ѣхать, когда хотимъ; но я не вижу необходимости сейчасъ же уѣзжать отсюда, какъ это предлагаетъ докторъ Антоніо, развѣ этого пожелаетъ моя возлюбленная дочь.

— О, нѣтъ, папа! Прошу васъ, останемся здѣсь на нѣкоторое время,—отвѣчала съ живостью Люси;—намъ тутъ такъ хорошо!

— О, такъ хорошо! такъ хорошо!—проворчалъ баронетъ, съ комическою смѣсью угрюмости и удовольствія;—что касается до меня, признаюсь, я не вижу этихъ великихъ удовольствій, кромѣ перспективы—заживо сгорѣть въ этой раскаленной печкѣ что скоро будетъ непремѣнно съ нами. Впрочемъ, къ счастью, мы уѣдемъ прежде, чѣмъ наступятъ сильные жары.

Сэръ Джонъ невольно вздохнулъ и, совершенно примиренный съ самимъ собою этою маленькою тирадою, онъ ушелъ изъ комнаты, не подозревая, чтобы его дочь могла тоже вздохнуть отъ всей глубины своего невиннаго молодого сердца, при мысли о разлукѣ съ гостинницею.

Всѣ отцы и матери имѣютъ какой-то особенный родъ зрѣнія: они ясно различаютъ предметы, отстоящіе отъ нихъ въ нѣкоторомъ разстояніи, и имѣютъ нужду въ очкахъ, чтобы видѣть то, что у нихъ происходитъ подъ носомъ. Въ этомъ случаѣ, сэръ Джонъ не былъ исключеніемъ изъ общаго правила.

Два часа спустя, устанавливая шахматы на шахматную доску, когда Люси ушла въ свою комнату, сэръ Джонъ сказалъ молчаливому доктору:

— И такъ вы дѣйствительно думаете, докторъ Антоніо, что этотъ климатъ въ особенностѣ полезенъ моей дочери?

Антоніо съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника и нѣкоторое время медлилъ отвѣтомъ.

— Вамъ стоитъ только,—отвѣчалъ онъ,—сравнить миссъ Давениъ въ настоящее время съ тѣмъ, что она была нѣсколько недѣль тому назадъ, и вы сами можете отвѣчать на вопросъ. Кашля нѣтъ, цвѣтъ лица хорошъ, сонъ и аппетитъ прекрасны.

— Стало быть, по вашему мнѣнію,—прибавилъ сэръ Джонъ,—если мы продолжимъ здѣсь пребываніе, такъ это можетъ укрѣпить ея организмъ?

Антоніо почувствовалъ почти непреодолимое желаніе опрокинуть столъ и шахматницу и отъ всей души броситься на шею къ англичанину, который, конечно, никакъ этого и не подозревалъ: отцы,

любящие прелестныхъ дочерей, и не подозреваютъ, какииъ опасностямъ сами подвергаются.

Однако Антонио одержалъ надъ собою славную побѣду и отвѣчалъ съ холоднымъ достоинствомъ, приличнымъ его званію:

— Я ни мало въ томъ не сомнѣваюсь. Не можетъ быть климата болѣе здороваго, какъ здѣшній, притомъ же аккуратныя и спокойныя привычки, отсутствіе сильныхъ ощущеній,—вотъ цѣлебное лекарство для людей такого нѣжнаго сложенія, какъ миссъ Джени. Морскія же ванны, во время лѣтнаго сезона, я увѣренъ, принесутъ ей величайшую пользу.

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ баронетъ,—я думаю, мы устроимся такъ, чтобы вамъ остаться здѣсь на болѣе долгое время. -- Ну, теперь начнемъ нашу партію; вамъ начинать.

Въ этотъ вечеръ они сыграли, по обыкновенію, три партіи. Сэръ Джонъ былъ до того добръ, что даже крайне удивлялся, какъ это онъ всѣ три выигралъ.

Антонио, возвращаясь домой, пѣлъ во всю дорогу:

O bell' alma innamorata,

съ такою энергіей, съ такимъ выраженіемъ, который приносилъ равную честь какъ его легкимъ, такъ и его музыкальному таланту.

НОВЫЯ КНИГИ,

Продолжаются въ книжномъ магазинѣ В. П. ПЕЧАТКИНА,
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. Некрасова издаше второе, съ изданія 1856 года, съ прибавленіемъ стихотвореній написанныхъ послѣ этого года, 2 части. Спб. 1861 г., ц. 2 р. 50 к.; съ перес. 3 руб.

РАЗСКАЗЫ Римской Исторіи пятаго вѣка послѣднее время Западной Имперіи. Сочиненіе Амедея Тьерри. Перевелъ съ французскаго А. Клевановъ. М. 1861 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

ПРАКТИЧЕСКАЯ грамматика. Составленная М. Нурокомъ. Спб. 1861 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

ХАРАКТЕРИСТИКИ изъ сравнительнаго землеописанія и этнографіи, собранныя и приспособленныя для домашняго и школьнаго образованія, Вильгельма Пютца. Часть первая, выпускъ первый, перев. съ нѣмецкаго М. Тихоновичъ. М. 1861 г.; ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

О ЗНАЧЕНІИ для Россіи Гильдейскаго положенія, какъ податнаго устройства. А. Леонгарда. Спб. 1861 г.; ц. 10 к., съ перес. 35 к.

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ХИМІИ. Сочиненіе Отто Эрдмана, переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Ю. Лугинина. Спб. 1861 г.; ц. 60 к., съ пер. 85 к.

РАЗСКАЗЫ Н. В. Успенскаго. Спб. 1861 г.; ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 руб.

ДОМАШНІЙ врачъ и аптекаръ для всего свѣта, содержащій всѣ необходимыя теоретическія и практическія наставленія, какъ приготовить и употреблять самому лекарства, предохранять и вылечивать себя скоро и дешево отъ большой части излѣчимыхъ болѣзней, и доставлять себѣ облегченіе, почти равносильное здоровью, въ болѣзняхъ неизлѣчимыхъ или хроническихъ, по новой методѣ доктора Распайля. Переводъ съ 12 изданія. М. 1861 г.; ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 50 к.

ВСЕМІРНАЯ исторія Ф. Шлоссера, переведено подъ редакціей Н. Чернышевскаго. Изданіе А. Серно-Соловьевича томъ 1-й. Спб. 1861 г.; ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

КАРМАННАЯ справочная книжка для русскихъ офицеровъ, составлена по Высочайшему повелѣнію. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное подъ редакцію капитана Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Махотина. Спб.- 1861 г. въ англійской папкѣ; ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ПИВОВАРЕННОЕ производство. А. Совѣтова, съ рисунками. Спб. 1861 г., ц. 50 к., съ перес. 75 к.

РОМЕО и Джульета. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ В. Шекспира пер. съ англійскаго И. Росковшенко. М. 1861 г.; ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ОРГАНИЧЕСКАЯ химія Д. Менделѣева. Спб. 1861 г.; ц. 3 р., съ перес. 3 р. 75 к.

ВЕЛИКОРУССКІЯ загадки И. А. Худякова. М. 1861 г.; ц. 60 к., съ перес. 85 к.

ТАКТИКА пѣхоты и кавалеріи Пенница, переводъ съ нѣмецкаго. Издавъ О. Р.—мъ часть первая. Спб. 1861 г.; ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ИСТОРИЯ и тактика кавалеріи соч. Нолана капитана 15 гусарскаго полка королевской англійской арміи, переводъ Г. Д. Корнубутъ-Кубитовича. Спб. 1861 г.; ц. 1 р. 50 к.

ОЧЕРКЪ исторіи итальянскихъ революцій, В. Попова. Спб. 1861 г.; ц. 50 к., съ перес. 75 к.

ПОЛНОЕ собраніе сочиненій Маколея томъ VI (1-я часть исторія Англіи), перев. съ англійскаго. Спб. 1861 г.; ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. того же изданія томъ 1-й съ портретомъ автора и біографіею, написанною Г. Вышинскимъ; ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. томъ II-й: ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

НАСТОЛЬНАЯ памятная записная книжка на 1862 годъ, необходимая для всѣхъ сословій, съ таблицею; указателемъ во всѣ дни года, для отмѣтокъ тѣхъ чиселъ, о конхъ сдѣланы въ календарѣ замѣчанія и въ которые будетъ срокъ какимъ либо обязательствамъ взносамъ денегъ и т. п. и прочими нужными свѣдѣніями. Спб. 1862 г.; ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

СОВРЕМЕННЫЙ вопросъ о папствѣ. Спб. 1861 г.; ц. 50 к., съ перес. 75 к.

КРУШИНСКІЙ, романъ въ трехъ частяхъ, А. А. Потѣхина. Спб. 1857 г.; ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПѢСНИ, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы обществомъ любителей російской словесности, три выпуска. М. 1861 г.; ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ОЧЕРКИ изъ крестьянскаго быта, А. Θ. Писемскаго. Спб. 1856 г.; ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

НАРОДНЫЯ русскія сказки А. Аюнасьева, 5 выпусковъ. М. 1860—61 г.; ц. 3 р. 40 к., съ перес. 4 р.

ХЛЫЩИ, рассказы И. И. Панаева. Спб. 1856 г.; ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ПОВѢСТИ и рассказы А. Плещеева 2 тома. М. 1860 г.; ц. 2 р., съ перес. 2 р. 75 к.

НАЧАЛЬНЫЯ основанія *Статистики*. Общія начала науки, ея классификація, методъ, операціи, различныя степени достовѣрности, ошибки и успѣхи, съ приложеніемъ ея къ фактамъ естественнымъ, общественнымъ и политическимъ, историческимъ и современнымъ. Сочиненіе А. Моро-де-Жоннеса, переводъ, съ прибавленіями, М. И. Щепкина. Спб. 1859 г.; ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 50 к.

ШУМСКІЙ, листокъ изъ памятной книжки священника. Спб. 1861 г.; ц. 50 к., съ перес. 75 к.

новыхъ узаконеній. — Гвардейскіе маркитанты. — Кредитныя бумаги. — Застой въ торговлѣ. — Вопросъ о хлопкѣ. — С.-Петербургское городское кредитное Общество. — Его облигаціи. — Курляндское Общество взаимнаго страхованія отъ огня. — Кое-что о нашихъ пожарныхъ. — Купеческое общество взаимнаго вспоможенія. — Нужны ли пенсіи въ частной службѣ? — Новый уставъ Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. — Куафёры не возмогутъ быть инженерами. — Виды на будущее.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ДОКТОРЪ АНТОНИО. Романъ Руѣини. (Автора Лоренцо Бенони.) Переводъ съ итальянскаго. Гл. I—XIII.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

въ 1862 году будетъ выходить каждый мѣсяцъ книжками до 30 листовъ, съ приложеніями въ каждой книжкѣ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

Безъ доставки
15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою или доставкою
16 руб. 50 коп. сер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ОТЪ ЖИТЕЛЕЙ СТОЛИЦЪ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Гостиного Двора, въ домѣ Армянской церкви.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ С. П. Лоскутова, на Никольской улицѣ, въ домѣ Заиконоспасскаго монастыря.

Выписывающіе за настоящій годъ, получаютъ журналъ съ первой книжки.

Гг. иногородныя подписчики присылаютъ свои требованія и деньги, адресуя такъ: въ С. Петербургъ, въ контору журнала «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.»

Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку журнала, если подписка сдѣлана въ вышесказанныхъ мѣстахъ.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. 8 декабря 1861 года.

Ценсоръ *Ф. Веселаго*
Digitized by Google

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ДВАДЦАТЬ-ОСЬМОЙ ГОДЪ.

ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ПУТАВА ОТДѢЛНАГО КОРИДСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАНЫ.

1864.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ ДЕКАБРЬСКОЙ КНИЖКИ.

- ✓ **ТОРГОВАЯ ВОЛГА.** (Окончаніе.) **И. Зарубина.**
- ✓ **ПРИКАЗНЫЙ И СОБАКА.** (Отрывокъ изъ жизни російскаго Донъ-Кихота). **А. Иванова.**
- ПОЭТЪ.** Стихотвор. **В. Осипова.**
- ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ Людора Шальмина.**
- ✓ **ДАРВИНЪ И ЕГО ТЕОРІЯ ОБРАЗОВАНІЯ ВИДОВЪ.** (Окончаніе.)
- ✓ **НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ И ОБЪ ОБРАЗОВАНІИ ВООБЩЕ.** **В. Охочевоннаго.**
- ✓ **ТОКВИЛЬ.** Биографическій очеркъ.
- ✓ **ИЗУРОЧЕННАЯ.** Разсказъ. **М. Петрова.**

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Преобразование университетовъ.—Пушкинская стипендія.—Отказъ въ новой волѣ.—Распоряженія по крестьянскому дѣлу.—Стремленіе поселянъ къ грамотности.—Омское общество безплатнаго обученія.— Учрежденіе обществъ взаимнаго страхованія отъ огня. — Нѣсколько новыхъ постановленій.—Музыкальное училище.—Торговый застой. — Много ли русскихъ купцовъ на здѣшней биржѣ? — Русскіе агенты и караваны въ Китаѣ.—Война откупа съ портерщиками.—Махинаціи полугарныхъ тузовъ.—Горе книгопродавцамъ!—Отчего наше пиво такъ горько?—Протестъ г. Крона.—Общество застрахованія жизни.—Критическое положеніе общества с.-петербургскихъ водопроводовъ. — Выдача процентовъ лучшая школа для акціонеровъ.—Городское кредитное общество.—Саратовская желѣзная дорога.—Ссылка Михайлова въ каторжную работу.

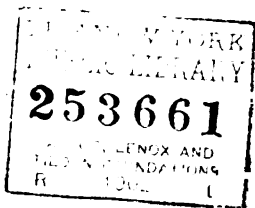
ФЕЛЬЕТОНЪ.

Участь фельетониста. — Г-жа Гебгартъ съ собачкой и академія художествъ съ маскараромъ. — Возвращеніе г. Бурдина на сцену. — Эманципація дѣтей. — Гг. Федоровъ и Вольфъ.—Предвозвѣщеніе новой зарн для дамъ.—Неблагодарность людская.—Новое литературное чтеніе и новый спектакль. **Шпикиты Безрылова.**

ПОЛИТИКА.

Очеркъ засѣданій итальянскаго парламента.

Пренія во французскомъ сенатѣ по поводу финансовыхъ расходовъ.

ТОРГОВАЯ ВОЛГА.

Х.

Утѣшители въ несчастіи.

Какъ громъ поразило Пелагею Петровну роковое извѣстіе о несчастной кончинѣ ея сына. Природное чувство матерней привязанности какъ будто ожило въ ней въ эти минуты, для ея мученія. Тутъ же пробудилось у нея во всей силѣ и мучительное чувство совѣсти, что не она ли была главною причиною несчастной смерти своего сына? не она ли сдѣлалась его убійцею?.. Пелагея Петровна не перенесла душевныхъ мученій: они были невыносимы. Мгновенно обнаружился въ ней припадки какого-то дикаго бѣшенства. Какъ разсвирѣпѣвшая медвѣдица, она бросалась на людей, рвала на себѣ волосы и платье и съ дикимъ воемъ и крикомъ немилосердно била себя въ грудь. Страданія Пелагеи Петровны были тѣмъ мучительнѣе, что не теряла она сознанія. Если рвалась она и металась, то металась потому, что не въ силахъ была перенести душевной своей скорби.

Совсѣмъ не то она чувствовала, когда разставалась съ своимъ другомъ Иваномъ Порфирычемъ. Тамъ скорбь ея и рыданія протекали изъ одного глубокаго чувства любви и предан-

ности къ человѣку; тамъ оплакивала она естественную и вмѣстѣ съ тѣмъ христіанскую кончину своего друга; но здѣсь—совсѣмъ другое. Здѣсь оплакивался ею самоубійца, отверженникъ церкви, о которомъ, по ея понятіямъ, не должно ни жалѣть, ни скорбѣть; и этотъ отверженникъ, достояніе ада, все-таки ея родной сынъ, воспитанный ея грудью, и, можетъ быть, погибшій на вѣки отъ ея же жестокости. Вотъ что мучило Пелагею Петровну! вотъ отъ чего забывала она и себя и людей!

Скорбь Пелагеи Петровны, какъ выражающаяся дико и свирѣпо производила не весьма пріятное дѣйствіе на ся окружающихъ. Мало нашлось добрыхъ людей, которые бы искренно пожалѣли ее: всѣ какъ-будто насмѣхались надъ ея бѣдствіемъ, по крайней мѣрѣ обращались съ ней холодно и равнодушно, не оставляя обычныхъ своихъ церемоній. Пелагея Петровна и сама это замѣтила и еще болѣе раздражилась и разсвирѣпла. Въ эти минуты ей опротивѣли и жизнь, и люди съ своими мѣлочными заботами, съ своими пошлыми интригами. Она думала, что всѣ ея знакомые и родственники хоть скольконибудь оцѣнятъ ея бѣдствіе: сбѣгутся къ ней по первому печальному извѣстію и, въ рыданіяхъ и слезахъ, будутъ вмѣстѣ оплакивать несчастную ея судьбу; но вышло совсѣмъ не такъ. Правда, много набралось къ ней народу; но народъ это былъ пустой и бездушный, нисколько не сочувствующій постороннему бѣдствію. Сошлись они къ ней не изъ состраданія, а изъ простаго любопытства.

— Здорово живите,—произнесла одна родственница, входя въ горницу, гдѣ сидѣла Пелагея Петровна.—Не осуди Пелагеюшка, ужъ я безъ зову пришла... такъ ужъ въ чемъ есть и прибѣжала, узнать-то захотѣлось, что, молю, у нея надѣлалось: говорятъ, Вася-то у тебя задавился?

Пелагея Петровна не отвѣтила ни одного слова.

— Задавился, матушка,—отвѣтила за нее другая родственница;—такъ ужъ видно Богу угодно, присовокупила она самымъ искуснымъ манеромъ.

— Ну вотъ, матушка. А я, то-то, слышу народъ-отъ толкуеть: «Васюшка задавился, да Васюшка задавился» — чей, молю, это Васюшка? — да Пелагеи де, Петровны, — сбѣгать, было, молю, матушки мои, да узнать... такъ ужъ и побѣжала въ чемъ есть ужъ, молю, не осудить Палагеюшка-то... Хдѣбы въ нечи-то

оставила, того гляди пересидятъ, бѣжать надо поскорѣе... А у тебя, Петровна, изба-то, знать, еще не скутана? въ горѣ-то, видно, ужь не до избы,.. хоть бы ты, Маша, закрыла ужь трубу-ту, матери-то ужь, видно, не до того... Невѣста, матушки, какая выросла!—продолжала родственница, смотря на Машу:— да хорошая такая, вся въ матушку родимую... Вотъ ужь и приданое клади...

— Старое, матушка, старѣется, а молодое растетъ,—подхватила другая родственница. — И Вася-то, вотъ, жепихомъ былъ, да Богъ видно жить-то не велѣлъ. Офросинья Ивановна, сударыня, все было пасля за него свою-ту дочку; да вотъ Богъ и не привелъ. — Ништо, дѣвушка, про нее больно не хорошо говорить, подъ окошечкомъ, говорятъ, больно любить посиживать, да посматривать изъ-за косячка на молодцовъ.

— Есть, видно, этотъ грѣшокъ,—замѣтила первая родственница.

— Ужь не горюй, matka, много-то,—прибавила она, обращаясь къ Пелагеѣ Петровнѣ; — слезами-то ужь, видно, не воротить.

— Знамо, что не воротить,—подхватила другая родственница;— пословица говорится: «что съ возу упало, то пиши—пропало»... Экой, дѣвушка, у тебя ситчикъ—отъ хорошенькой, — присовокупила она, обращаясь къ одной поствѣтительницѣ и разсматривая у нея фартукъ: такъ въ глаза и бросается...

Подобно этому утѣшали Пелагею Петровну и всѣ другіе ея знакомые. Одинъ только какой-то дальній родственникъ, обладающій огромнымъ басомъ, и принималъ въ ней, повидимому, самое живѣйшее участіе; онъ только и обращалъ на нее все свое вниманіе. Но и тотъ, какъ человѣкъ весьма грубый и невѣжественный, не приносилъ ей никакого утѣшенія. — «Ну что ты тутъ корачишься, куда лѣзешь? — говорилъ родственникъ, утѣшая Пелагею Петровну, когда та металась во всѣ стороны:— не сидится на одномъ-ту мѣстѣ. На людей-ту, братъ, бросаться нечего, не люди виноваты, а можетъ быть сама, вотъ что.— Ну, что глотку-то дерешь?.. глотку-то драть нечего, людей-то здѣсь не удивишь. вотъ что. Лобъ-отъ бы лучше перекрестила, либо хоть воды, вонъ, выпила что ли. А то кричитъ, да кобьжится... Чего кричать-то? Крикомъ-то, братъ, ничего не возмешь. Лягъ-ко лучше да сосни; такъ дѣло-то будетъ вѣрнѣе.»

Родственникъ, по простотѣ своей, полагалъ, что сномъ прой-

детъ всякое житейское горе. По крайней мѣрѣ онъ не зналъ, какъ и чѣмъ лучше пособить Пелагеѣ Петровнѣ и помочь ей въ постигшемъ ее бѣдствіи. Только, по замѣчанію всѣхъ, одна Ориша и съумѣла достойнымъ образомъ оплакивать горестную ея судьбу.

Только лишь извѣстилась Ориша о несчастіи, которое постигло Пелагею Петровну, немедленно поспѣшила къ ней для ея утѣшенія.

Какъ темная ночь вбѣжала она въ горницу, гдѣ сидѣла Пелагея Петровна, машинально помолилась Богу, машинально поклонилась на правую и на лѣвую сторону и, проговоривъ скороговоркой:—«здорово живите добрые люди, и я въ вашу бесѣду» — съ неистовымъ воплемъ бросилась къ Пелагеѣ Петровнѣ.

— Гдѣ-й-то мое дитятко милое?.. пропустите меня къ ней, люди добрые!—завопила Ориша съ отчаяніемъ, подбѣгая къ Пелагеѣ Петровнѣ, хотя, по правдѣ сказать, никто ей въ этомъ и не препятствовалъ.—Что это, моя сизая голубушка, потемнѣли твои очи ясные?—продолжала она пѣвучемъ тономъ, подсаживаясь къ Пелагеѣ Петровнѣ.—Возвѣсти намъ свое горе горькое!.. ты свою печаль великую!.. Погубила ты свое дитятко милое!.. отослала его въ муку вѣчную!.. въ муку вѣчную — безконечную!.. что нельзя будетъ его душеньку вспомнати—за его душеньку возмолитися.

Только лишь Ориша начала свои причитанья и припѣвы, всё общество мѣщанокъ, окружавшихъ Пелагею Петровну, отъ умиленія чуть не зарыдало. Печальная дѣйствительность настоящаго происшествія ихъ нисколько не тронула; но Оришины припѣвы, какъ видно, проникли у нихъ до глубины души.

Видя желанное дѣйствіе своихъ словъ, Ориша еще болѣе усугубила свои рыданія.

— Ты не плачь, мое солнышко ясное, мое дитятко прекрасное!—продолжала вопить Ориша.—Ты не лей рѣкой горячи слезы!.. Не возвратитъ тебѣ чадо милое!.. чадо милое—опостылое!.. Оно лежитъ теперь во сырой землѣ! во сырой землѣ — во желтыхъ пескахъ!...

Тутъ Ориша, въ порывахъ невыносимой грусти и отчаянія, сочла необходимымъ облокотиться на плечо Пелагеи Петровны и надъ самымъ ея ухомъ пропѣть свои утѣшительные причеты.

Пелагея Петровна и въ добрую пору терпѣть не могла подоб-

нихъ причетовъ; но теперь они раздражили ее окончательно. Только-что Ориша успѣла облотиться на ее плечо и затануть самую умильную ноту, насчетъ того, какъ Василій Ивановичъ будетъ лежать во сырой землѣ и во желтыхъ пескахъ вѣки-по-вѣки, раздраженная Пелагея Петровна толкнула ее локтемъ въ рыло, да такъ ловко пришлось, что Ориша не взвидѣла свѣту Божьяго.

Мгновенно прекратила она свои скорбные вопли и, захвативъ рогъ рукою, отскочила прочь:

— Эка, сударыня моя, вѣдьма кievская, — произнесла она совѣтъ другимъ уже тономъ; — всѣ зубы навилетъ вынесла, злая мѣдьяница: не даромъ дѣти-то давятся отъ этакой вѣдьмы. Чего ужъ взять?.. сына уморила!.. на кровь свою наступила! крови своей не пожалѣла!..

Тутъ посторонніе люди начали роптать на Оришу за ее слова; а дальній родственникъ Пелагеи Петровны не затруднился даже снабдить еѣ хорошимъ подзатыльникомъ и выгнать вонъ:

— Вѣдь дуй тебѣ горой, не она уморила, а самъ онъ умеръ! — проговорилъ онъ вслѣдъ Оришѣ, въ видѣ поясненія.

Но та, сбѣгая съ лѣстницы, все-таки не переставала кричать: — удавила-таки, удавила! сына родного удавила, вѣдьма. Вѣдь сынъ-отъ у тебя теперь — анафема — проклять! — на Іудиномъ сѣдалищѣ сидитъ!.. слышала ли? .

Не годомъ, а вѣкомъ показался Пелагеѣ Петровнѣ этотъ несчастный и памятный для нее день: она не думала и пережить его; но должно быть съ печали не умираютъ.

Пелагея Петровна то падала духомъ и казалась безсильною и кроткою, какъ овца; то съ злобною свирѣпостію негодовала на всѣхъ людей, кляла несчастную свою судьбу и день своего рожденія. Обезсилѣвъ физически и нравственно, она затихла, наконецъ, совершенно и какъ-бы уничтожая саму себя, сѣла на полъ, опустила голову на грудь и просидѣла въ такомъ положеніи всю ночь. Въ это время она была какъ мертвецъ. Щоки ее впали и покрылись какою-то безжизненною, могильною блѣдностію. Молча, съ разбитыми волосами и опустивъ руки на колѣна, она, какъ каменная статуя, сидѣла на полу неподвижно. Только по однимъ глухимъ вздохамъ и тяжелому, дрожащему дыханію и можно было узнать, что это сидитъ не статуя, а живой человѣкъ, но человѣкъ-мученикъ, страдающій невыносимою душевною болѣзнію.

Домашніе уже не смѣли къ ней подойти и нарушить ея страдальческаго спокойствіе.

Пелагея Петровна искала въ умѣ своемъ предмета, на которомъ хотя бы нѣсколько могли успокоиться ея тревожныя мысли, но не находила. Она силилась забыть о настоящемъ печальномъ происшествіи, домогалась всеми мѣрами довести себя до безсознательнаго состоянія; но, къ несчастію, сознаніе не оставляло ея. Мысли, одна другой мрачнѣе, одна другой тревожнѣе, волновали ея воображеніе. Она думала, что не только всѣ люди презираютъ ее, но и дѣти смотрятъ на нее не какъ на мать; а какъ на врага себѣ и убійцу... Такъ ей и представлялось. Обуреваемая такими враждебными мыслями, она не видѣла уже въ жизни своей никакой цѣли.— Все погибло для меня. Я не могу въ жизни своей ожидать себѣ ничего другого, кромѣ скорби и печали. Богъ и люди оставили меня; должно быть и я обречена на вѣчную гибель... Да и мнѣ ли добиваться вѣчнаго блаженства, когда родное мое дѣтище, мое сокровище, погибло отъ меня навѣки?!.. Тутъ глухія рыданія и стопы перервали ея тяжолыя думы.

Въ Гавриловой слободѣ жилъ тогда весьма ученый и почтенный священникъ, отецъ Гавріиль, большой говорунъ, умѣвшій поучать и наставлять свою нехитрую паству.

Услышавъ о несчастіи, постигшемъ Пелагею Петровну, онъ заблагоразсудилъ посѣтить ее и хотя нѣсколько утѣшить своею бесѣдою.

И Богъ-знаетъ, какъ обрадовалась Пелагея Петровна посѣщенію о. Гавріила. Приняла его со всею радушіемъ и какъ будто на минуту позабыла свое горе.

— Спасибо, батюшка о. Гавріиль, что ты посѣтилъ меня сироту горегорькую, — заговорила она, кланяясь ему въ поясъ.

— А я, матушка, Пелагея Петровна, принеси тебѣ Божіе благословеніе, — началъ ласково о. Гавріиль, благословляя Пелагею Петровну; — не сокрушайся, матушка: Богъ все можетъ поправить своею милостію, — присовокупилъ онъ, усаживаясь за столъ.

— Какъ же, батюшка, не сокрушаться-то мнѣ, смотри, какая напасть на меня пришла, — сына лишилась; да добро бы еще умеръ-то онъ христіанскою кончицею, такъ ужъ Богъ бы съ нимъ; а то, вѣдь, батюшка, погибъ ужъ со всею; на вѣки-вѣчные!.. и Пелагея Петровна махнула рукой и зарыдала.

— Кто же, матушка, тебѣ сказалъ, что онъ погибъ, Богъ, что-ли?—спросилъ ее, улыбаясь, о. Гавріилъ, когда она немного успокоилась.

— Да какъ же, батюшка, о. Гавріилъ, вѣдь ужъ извѣстное дѣло, что всѣ самоубійцы погибаютъ душой и тѣломъ.

— Что тѣломъ-то погибаютъ, такъ это извѣстно, а о душѣ-то человѣческой, матушка Пелагея Петровна, ничего не извѣстно, объ этомъ судить одинъ Богъ. О заgrabной-то нашей жизни человѣкъ ни судить, ни разсуждать ничего не можетъ: это дѣло Божіе. А для Бога невозможнаго нѣтъ.

— Да вѣдь самоубійцы-то, батюшка, кажется ужъ и отъ церкви-то Божьей отлучены, объ нихъ ужъ никто и не молится.

— Не правда, матушка Пелагея Петровна; церковь Божія за всякаго погибшаго человѣка молится трижды въ годъ, я тебѣ и уставъ, пожалуй, покажу на это: стало быть она не только не отрекается отъ нихъ, но имѣетъ еще надежду, что Богъ и ихъ спасетъ, я ты вотъ теперь, чѣмъ печаловаться-то, лучше молись о томъ.

— Спаси его, Господи, и помилуй! — произнесла Пелагея Петровна съ глубокимъ чувствомъ, крестясь на св. иконы, и въ первый еще разъ съ усердіемъ помолилась о своемъ погибшемъ сынѣ.

Послѣ всего этого, она нежданно-негаданно успокоилась и даже немножко развеселилась.

— Такъ этакъ-ту, батюшка, о. Гавріилъ, видно, ужъ никто не погибнетъ, всѣ спасутся? — заговорила опять Пелагея Петровна.

— Не знаю, матушка, потому что это принадлежитъ суду Божію, а не суду человѣческому; по своему же скудоумію я полагаю, что Тотъ, Кто возвелъ человѣка къ жизни, Кто безъ вросьбы и мольбы снабдилъ его всѣми благами, всѣми орудіями, посредствомъ коихъ онъ свободно наслаждается природою, Тотъ напрасно его не погубить, развѣ только самъ ужъ человѣкъ желаетъ погибнуть.

— Да вотъ самоубійцы-то ужъ сами пожелали погибнуть, возразила съ грустію Пелагея Петровна:—стало быть они ужъ и не спасутся.

— Незвѣстно еще, матушка Пелагея Петровна, желали-ли они этого. Мало-ли что могло случиться, что помрачило ихъ умъ и лишило здраваго разсудка. Поэтому-то мы и не можемъ

осуждать ихъ чтобы не быть самими за это осужденными. Да и для чего намъ принимать на себя судъ Божій? наше ли дѣло осуждать умершихъ? наше ли дѣло обрекать ихъ вѣчной гибели!...

У Пелагеи Петровны оиать немножко отлегло отъ сердца. А потому, по любознательности своей, она не переставала вести съ отцомъ Гавріиломъ пріятную для нея бесѣду и разговорилась съ нимъ о разныхъ другихъ назидательныхъ предметахъ.

— Отчего это, батюшка, отецъ Гавріилъ, молитвы-то наши къ Богу-ту не доходятъ? — спросила она между прочимъ; — грѣшны что ли мы больно стали, али ужъ молиться-то не умѣемъ, что не всегда получаемъ то, объ чемъ молимся? Иногда, грѣшница, и подумаешь: ужъ есть-ли, моля, польза-та какая въ нашей-ту молитвѣ. Иные, посмотримъ, и молятся бы таково усердно и много, а живутъ все въ бѣдахъ да въ папастяхъ, а другіе и не молятся, да живутъ счастливо.

— Не завидуѣй, матушка тому, кто здѣсь счастливо-то живетъ. Въ здѣшней-то жизни мы не можемъ еще узнать, кто изъ насъ счастливъ и кто несчастливъ; вотъ уже какъ перейдемъ въ другую-ту жизнь, такъ тамъ всё узнаемъ. А что мы не всегда получаемъ то, объ чемъ молимся, такъ это потому, что мы безполезнаго себѣ просимъ. Богъ-то лучше, матушка, знаетъ наши нужды — что намъ вредно и что полезно — намъ нужно молиться только о своихъ грѣхахъ, и нужды наши Богъ исправитъ Самъ, по Своему усмотрѣнію. Если что намъ кажется теперь и плохо, такъ не нужно торопиться говорить, что оно дѣйствительно плохо. Что плохо теперь, то будетъ хорошо послѣ. Все ведетъ къ лучшему, все ведетъ къ новой жизни. Мы вызваны къ существованію не для здѣшней-только жизни, а для жизни иной — вѣчной, о которой мы теперь не знаемъ...

— Вотъ батюшка, о Гавріилъ, мнѣ давно съ тобой хотѣлось объ этомъ поговорить, — перебила его Пелагея Петровна; — какъ-то разумъ-отъ нашъ о вѣчной-то жизни ничего не понимаетъ, что ужъ тамъ и будетъ. Богъ знаетъ! не только ли, моля, что здѣсь проживемъ, да тѣмъ и кончится? ужъ есть ли, моля, право, вѣчная-то жизнь? иногда, грѣшница, и подумаешь это.

— Есть, матушка, есть, не сомнѣвайся въ этомъ, — отвѣтилъ скромно, но утвердительно, о Гавріилъ: — Вѣдъ разумъ-отъ человѣческой, Пелагея Петровна, не объ одной только вѣчной жизни не понимаетъ, а и о многомъ. Всякую вещь, которая не подлежитъ его близкому разсмотрѣнію, онъ понимаетъ только по

одному сравненію, или уподобленію, а новой вещи, если нѣтъ ей въ настоящее время сравненія и уподобленія, понять не можетъ; онъ понимаетъ отчасти только то, что прошло чрезъ его чувства; между тѣмъ какъ вѣчная жизнь всей вселенной, нисколько не зависитъ отъ человѣческихъ чувствъ, и идетъ вовсе не по сравненію. Тутъ являются вещи, о которыхъ невозможно было въ прежнее время ни думать ни разсуждать, потому что онѣ не вмѣстились бы ни въ какой человѣческой разумъ. Есть такіе предметы, для пониманія которыхъ ума недостаточно: музыку, наприимѣръ, умомъ понять нельзя, а для этого нужна иная душевная способность. Есть люди высокаго ума и въ то же время не понимающіе музыки; напротивъ того, и съ посредственнымъ умомъ бываютъ весьма хорошіе артисты. — Между подобными людьми въ отношеніи музыки, конечно, былъ бы вѣчный споръ. Одинъ изъ нихъ увѣрялъ бы, что музыка увлекательна и имѣетъ своего рода смыслъ; а другой требовалъ бы на это доказательствъ отъ разума. Теперь спрашивается, кто бы изъ нихъ былъ правъ? тотъ ли, который, не вѣря красотамъ музыки, требовалъ бы на это разумныхъ доказательствъ? или тотъ, который, понимая всѣ эти красоты, увѣрялъ бы, что разумомъ этого доказать нельзя? Безъ сомнѣнія, послѣдній. Все это я говорю не предположительно, а беру изъ чистаго опыта, потому что во всѣхъ вѣкахъ и во всѣхъ народахъ были такіе люди, которые строгою своею жизнію достигали самой высокой нравственности и всѣ они приходили къ одному и тому же убѣжденію: всѣ ради вѣчной жизни пренебрегали настоящей; многіе даже пострадали за Христа, какъ проповѣдывавшаго ту истину, въ которой они убѣдились. Мало этого: такіе люди были еще до Христа между язычниками и тѣ пришли къ тому же убѣжденію. Изъ нихъ упомяну я о Сократѣ. Это былъ одинъ изъ умнѣйшихъ въ свое время философовъ, пострадавшихъ за истину. Онъ передъ смертію своей произнесъ: «Отче святыи! духъ и премудрость! Тебѣ предаю духъ мой!..» Стало быть, этому человѣку понятна была вѣчная жизнь; а между тѣмъ въ отношеніи своего разума онъ же сказалъ: «Я знаю только одно, что я ничего не знаю». Какъ же онъ съ такимъ знаніемъ могъ понять Бога и вѣчную жизнь?... Ясно, что для пониманія этихъ предметовъ нужна иная душевная способность.

Другой путь къ убѣжденію себя въ высокихъ истиннахъ —

Священное писаніе, въ которомъ заключается Божественная премудрость. Изъ него можетъ человѣкъ почерпнуть всѣ свѣдѣнія о тѣхъ истинахъ, которыя выше человѣческаго разума. А что книги эти дѣйствительно священны и заключаютъ въ себѣ несомнѣнную истину—въ томъ можно удостовѣриться многими доказательствами. Впервыхъ, правдивостію и святостію жизни самихъ авторовъ, которые проповѣдываемую истину запечатлѣли своею кровію. Вторыхъ, чудесами, т. е. сверхъестественными явленіями, потому что истины, о которыхъ они проповѣдывали, не вмѣщались въ обыкновенный человѣческій разумъ. Для убѣжденія въ этомъ необходимо нужны были чудеса, которыя и производились по волѣ самихъ проповѣдниковъ, силою Божіею, потому что они были люди высокой добродѣтели и нравственности.

— Ну, батюшка, о. Гавріилъ, усладилъ ты меня своею бесѣдою,—произнесла Пелагея Петровна;—объ этомъ я нигдѣ и не слыживала не то что читать. Этакое тебѣ Богъ разумъ далъ! Ужь позволяй, батюшка, еще тебя спросить объ одномъ: въ прежнее-то вотъ время чудеса-то всякія дѣлались: мертвые, вонъ, воскресали... а нынче что же этого не дѣлается? Иногда, право, и подумаешь грѣшница, ужь были-ли, молъ, этакіе-то чудеса когда нибудь?

— Всякой вещи время, Пелагея Петровна,—отвѣтилъ о. Гавріилъ;— когда такія чудеса были нужны, тогда они и были, а теперь они не нужны, теперь ихъ и нѣтъ.

— Какъ, батюшка, не нужны? какъ бы я чудо-то увидела, такъ ужь повѣрила бы всему, а теперь, нѣтъ — нѣтъ, да въ чемъ нибудь и усумнишься.

— Ну, такъ... Ты вотъ желаешь видѣть чудо, положимъ, что оно бы теперь же вотъ и случилось, хотя бы, напр., мертвый воскресъ, да и сказалъ бы намъ, что онъ видѣлъ; мы бы, значитъ, ему и повѣрили. Но вѣдь настоящее-то время, матушка, Пелагея Петровна, будетъ тоже прошедшимъ, и отъ него можетъ быть пройдутъ тысячи лѣтъ; слѣдовательно, потомки-то тоже заговорятъ: «что прежде-то, дескать, были чудеса, а теперь ихъ нѣтъ?» и они, значитъ, пожелаютъ видѣть чудеса; а на этомъ основаніи того же потребуетъ каждый человѣкъ. Стало бытъ чудеса превратятся въ вещь обыкновенную, которая какъ бы ни была чудесна, но если будетъ повторяться часто, то человѣкъ къ этому непремѣнно привыкнетъ и не будетъ уже считать это и чудомъ,

Пелагея Петровна не могла и надвинуться такому простому и понятному убѣжденію о. Гавріила; чудеса ее крайне и давно занимали и она ни какъ не могла разрѣшить, почему не бываетъ ихъ теперь.

Время было уже полночь. Отецъ Гавріилъ, какъ видно, чрезвычайно уже утомился своею бесѣдою, тѣмъ болѣе, что онъ говорилъ не скоро, и, замѣтно, старался выражаться нѣсколько изысканнымъ тономъ.

— Я утомилъ тебя, матушка Пелагея Петровна, сказалъ онъ, вставая. О предметѣ—то, вишь, такомъ заговорили, что бросить—то не хочется. Это я сказалъ тебѣ только еще поверхностно: многое нужно бы разъяснить, да ужъ теперь некогда. Богъ дастъ здоровья — поговоримъ еще объ этомъ когда нибудь. Люблю матушка, поговорить о Божьихъ—то дѣлахъ, ужъ это моя слабость...

Пелагея Петровна не знала какъ и отблагодарить о. Гавріила за его посѣщеніе и просила его убѣдительно о продолженіи подобной бесѣды.

Утѣшенная и успокоенная столь назидательною бесѣдою, она, по уходѣ о. Гавріила, усердно помолилась Богу, легла на постелью и заснула самымъ крѣпкимъ сномъ.

Х.

Н и к о л я .

На другой день послѣ посѣщенія о. Гавріила, Никола, по приказанію матери, отправился на расшиву, на которую давно уже прибылъ прикащикъ хлѣбнаго хозяина Мочкина. Онъ нанялъ на расшиву новыхъ рабочихъ до Рыбинска, а о побѣгѣ старыхъ рабочихъ, вмѣстѣ съ Николаемъ, подали они объявленіе, въ которомъ объяснили какъ понесенные убытки, такъ равно и всѣ несчастныя послѣдствія, какія произошли отъ побѣга рабочихъ. Въ томъ же году было взыскано съ каждаго бѣжавшаго по 25 руб., изъ коихъ нижній земскій судъ выдалъ Николаю по 23 рубли, а по 2 руб. съ человѣка остались въ пользу всего нижняго земскаго суда, потому что самъ капитанъ-исправникъ вмѣстѣ съ стряпчимъ объяснили положительно, что «безъ этого нельзя». Никола много спорить не сталъ.

При покойномъ Васильѣ Ивановичѣ, во время слѣдствія, оказалось пятьдесятъ рублей, которые выдѣли у него на воротѣ. Эти

деньги такъ же были выданы Николаѣ, съ небольшимъ только вычетомъ въ пользу земскаго суда.

По случаю большой прибыли воды, расшива Бобровыхъ дошла до Рыбинска благополучно, и безъ паузка. Съ хозяина пришлось еще получить раздѣлки около шести-сотъ рублей. Такимъ образомъ за всѣми расходами и убытками осталось отъ поставки чистаго барыша около тысячи трехъ-сотъ рублей. Изъ за-чего же послѣ этого погибъ несчастный Василій Ивановичъ?!..

Пелагея Петровна, утѣшенная бесѣдами отца Гавриіла, давно уже занималась домашними дѣлами. По мѣрѣ того, какъ смяталась отъ времени ея душевная печаль, жизненные интересы стали занимать ее больше и больше. Всего ей стало казаться мало, всего недостаточно. Недовольная ничѣмъ она постоянно была уныла и раздражительна. Съ тѣхъ поръ какъ лишилась она Василья Ивановича никто не видалъ у нея веселаго лица. Всегда угрюмая и суровая, она какимъ-то зѣвремъ глядѣла на все семейство. Постигшее ее бѣдствіе не только не смирило ея характера, но, кажется, съ этого времени она сдѣлалась еще раздражительнѣе, еще хуже. Только при постороннихъ людяхъ, а особенно при отцѣ Гавриілѣ, и держала она себя какъ слѣдуетъ.

Странны и непостоянны душевныя свойства злой женщины! Скорбя душевно о погибшемъ сынѣ и терзаясь совѣстію, что не она-ли причиною его гибели, не отъ ея-ли жестокости онъ наложилъ на себя руки, Пелагея Петровна въ то же время была по прежнему жестока и свирѣпа съ живыми дѣтьми. Въ продолженіе слишкомъ полугода почти никто не слыхалъ отъ нея ласковаго слова. Она до того привыкла, наконецъ, къ свирѣпому обращенію съ дѣтьми, что ласковое съ ними слово для нея сдѣлалось какъ будто уже противно. Въ Николаѣ она не видѣла для себя никакого проку и потому жила съ нимъ въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ.

— Теперь безъ моего батюшки, Васиеньки, съ коншелемъ находимся, — говорила она постоянно самымъ унылымъ тономъ, и какъ-бы оплакивая свои будущія обстоятельства.

— Теперь ужъ некому домъ доить; у самой ужъ силушки нѣтъ, а на этого дуботолу надѣяться ужъ нечего: какой это промышленникъ? — изъ рукъ дѣло валится. Гдѣ такому ротозѣю судами промышленлять!... Бросить ужъ, матушки мои, надобно, да и надѣвать всѣмъ по коншелю, да и идти ужъ по-миру, надѣяться-то не на что...

Подобными унылыми предсказаніями и жалобами на будущую свою судьбу, она наводила страшную тоску на семейство, да и сама отъ этого была постоянно въ раздраженномъ положеніи.

— Да отъ чего-же, маменька, по міру-ту намъ идти?—возразилъ Никола;—вѣдь мы еще не нищіе. Если на Волгѣ не будемъ промышлять, можно промышлять чѣмъ нибудь другимъ. Не всѣ-же ужь судами промышляютъ...

— Какимъ же чортомъ ты промышлять-то еще будешь?—перебила его съ гнѣвомъ Пелагея Петровна.—Мы, прямъ, не нищіе. Извольте думать, богатей какой, много-ли, богатей, напромышлялъ?—«не нищіе»—подкошельникъ этакой! Выговорить-то ужь матери-то не дасть, подкошельникъ! «мы не нищіе!» Смѣль-бы ты матери-то указывать? «не нищіе!..»

— Да что-же я такое сказалъ, что ты на меня такъ напала?—проговорилъ въ торопяхъ Никола.

— Какъ у тебя, у окаяннаго, языкъ—отъ въ тылъ не выворотило, матери сказать: «напала!...» еще онъ смѣетъ говорить—«напала» а?!.. и Пелагея Петровна, схвативъ катокъ, начала имъ немилосердно дуть Николю, по чему попало. — Вотъ тебѣ напала! вотъ тебѣ напала!—кричала она, задыхаясь отъ злости.—Ахъ ты окаанной этакой!... сатана ты этакая!... мать «напала»—Видно у тебя мать-то озорница какая нибудь, а?... «напала!»—Вотъ до чего мать дожила! вотъ что выслужила за материнскую-ту любовь да за ласку!—«напала!».

Тутъ Пелагея Петровна, видя, что Никола ничего уже не возражаетъ и повидимому перенесъ ея побой безъ особеннаго оскорбленія, опять бросилась было на него какъ звѣрь; но тотъ отклонилъ отъ себя ударъ и поспѣшилъ выбѣжать вонъ.

Задыхаясь отъ злости, Пелагея Петровна изъ всей силы швырнула вслѣдъ его толстымъ каткомъ, желая напѣтить ему въ спину; но, къ счастію Николи, катокъ попалъ въ косякъ и отлетѣлъ прочь.

— Мяса твоего наѣмса! крови твоей напьюся!..—закричала она дико, когда увидѣла свою неудачу; и на дрожащихъ губахъ ея появилась каная-то пѣна, а лицо приняло блѣдно-свинцовый видъ. Послѣ этого Пелагея Петровна бросилась на лавку и завчала.

Цѣлый мѣсяцъ она была въ страшно разстроенномъ положеніи. Николю она и на глаза къ себѣ не подпускала, даже гоняла его изъ дому.—«Ивчезни, окаанной, гдѣ хочешь! чтобы нога твоя

здѣсь не была!» — кричала она немство, когда нечаянно встрѣчалась съ Николой. — «Укокошить бы надобно окаяннаго, и грѣха-бы не было, да только материнское-то сердце не терпигь...»

Несчастный мальчикъ первые дни своей изгнаннической жизни перебивался на сѣнницѣ. Возьметъ тамъ пустой кулъ, влѣзетъ въ него, а сверху натащитъ на себя другой кулъ, а мало, такъ и два, да такъ и пробьется всю ночь. Къ счастью его онъ на другой день успѣлъ стянуть въ сѣняхъ полушубокъ, а то пемудрено, что онъ могъ бы безъ него и замерзнуть. Пища была то же случайная. Удастся стянуть въ сѣняхъ изъ шкафа что-нибудь изъ съѣстнаго — такъ ладно, а не удастся — и такъ промететь.

Въ такомъ случаѣ выручали его ночь. Ночь для него была просто Божья благодать. Ночью онъ отправлялся въ погребъ и отыскивалъ тамъ, ощупью, капусту, огурцы, грузди, яблоки моченые; иногда попадалась ему и кривочка съ молокомъ, изъ которой онъ тоже отвѣдывалъ; но только съ осторожностію, чтобы не узнали. Никола подумывалъ было полюбопытствовать насчетъ этого и въ сосѣднихъ погребахъ, да только не было товарища, а одинъ боялся на это рѣшиться.

Какъ бы то ни было, но, проившись такимъ образомъ около недѣли, Никола сталъ унывать и падать духомъ. Такая жизнь стала ему казаться невыносимою и ужасною. Друзей у него не было, въ родной матери онъ видѣлъ злѣйшаго себя врага. Ему оставалось тогда выбирать одно изъ двухъ: или объявить начальству о своемъ бѣдственномъ положеніи и просить его защиты, или какъ дикарю, чуждаться людей, вести ужасную жизнь по пустымъ амбарамъ, банямъ, или сараямъ и переносить холодъ и голодъ. О первомъ онъ боялся и думать, потому что былъ увѣренъ, что начальство не уважитъ его просьбы, на томъ основаніи, что сына съ матерью не судать; былъ также увѣренъ и въ томъ, что Пелагея Петровна окончателно на него за это озлобится, предастъ его проклятію и прежде нежели кто-нибудь за него вступится, она, по праву родительскому, запоретъ его изъ своихъ рукъ на земской.

Съ тоски и отчаянія не зная, что съ собой дѣлать, онъ разъ вечеромъ пробрался тихонько въ заднюю горницу и укралъ оттуда библію, которая лежала тамъ безъ всякаго употребленія. Натащала также изъ разныхъ кіотовъ восковыхъ свѣчей, которыхъ у Пелагеи Петровны всегда было въ достаточномъ количествѣ. На всякій же случай онъ отперъ изъ горницы одно окошко и сдѣлалъ

его такъ, чтобы можно было вѣзть въ него снаружи. Это онъ сдѣлалъ для того, чтобы въ случаѣ надобности не ходить чрезъ сѣни. Устроивши такимъ образомъ дѣла, Николая благополучно отправился въ свой куль. Когда въ домѣ всѣ улеглись, онъ перешолъ въ баню, вздулъ тамъ огня (огниво и трутъ съ нѣкотораго времени онъ держалъ при себѣ постоянно) и принялся читать Библию съ большимъ вниманіемъ. Днемъ онъ могъ заниматься чтеніемъ въ разныхъ мѣстахъ: въ сараѣ, на сѣниці и въ банѣ, т. е. смотря потому, гдѣ представится удобіе и безопасноѣ.

Отъ постоянного умственнаго упражненія, умъ его сталъ изощряться болѣе и болѣе, и у него открылось непреодолимое стремленіе къ наукамъ. Не теряя времени, онъ принялся учить алгебру Фусса, которую онъ давно приобрѣлъ за 6 копѣекъ у какого-то прохожаго семинариста; но до сего времени не находилъ въ ней никакого толку; а теперь Богъ открылъ ему способности, и онъ сталъ ее понемногу понимать. Что не успѣвалъ онъ рѣшить днемъ, то рѣшалъ ночью, лежа въ кулѣ. — Предавшись всею своею мыслию изучаемому предмету, онъ и во снѣ видѣлъ тѣ же формулы, и видѣлъ ихъ даже яснѣе и понятнѣе, нежели въ книгѣ. Въ бодрственномъ состояніи онъ не могъ дать себѣ и отчета, какимъ образомъ уяснялись ему во снѣ эти формулы и дѣлались понятными? Въ послѣднее время онъ, отправляясь на покой въ куль, нарочно задавалъ себѣ мудреные вопросы на ночь, засыпалъ съ ними и, проснувшись, онъ уже зналъ ихъ рѣшеніе.

Въ подобныхъ случаяхъ Николая замѣтилъ одно довольно важное обстоятельство, которое и принималъ онъ къ свѣдѣнію, а именно: чтобы вопросы, рѣшонные во снѣ, удержались въ памяти, то, проснувшись, не должно дѣлать никакого малѣйшаго движенія членами, а особенно головой, а нужно прежде уяснить себѣ это рѣшеніе и прослѣдить его свѣжею мыслию, не шелохнувшись; даже въ самой мысли не должно дѣлать быстрыхъ переходовъ, въ противномъ случаѣ рѣшенія мудреныхъ вопросовъ, хотя весьма понятныя въ полусонномъ состояніи, при внезапномъ движеніи, какъ будто улетучивались у него изъ головы, оставляя въ памяти только то, что вопросъ былъ понятенъ. Николая замѣтилъ, что умъ человѣческій въ полусонномъ состояніи дѣйствуетъ иначе. Онъ рѣшаетъ тогда вопросъ не послѣдовательнымъ порядкомъ, какъ это обыкновенно дѣлаетъ

са, а обнимаетъ его вдругъ во всей полнотѣ, что обыкновенною мыслию выразить нельзя, а можно только такъ сказать, переложить его на обыкновенную мысль однимъ воображеніемъ. Это-то самое переложеніе, какъ замѣтилъ Никола, и должно производиться въ самомъ тихомъ и безмятежномъ состояніи.

Недѣли черезъ двѣ Никола могъ уже, хотя издали, встрѣчаться съ своей матерью, даже могъ быть въ задней горницѣ, а черезъ мѣсяцъ онъ сталъ появляться и въ избу, и сидѣть гдѣ нибудь въ уголку. Потомъ Пелагея Петровна стала понемногу давать ему и приказанія, только отнюдь не называя его именемъ.

Никола не переставалъ заниматься науками. Случай доставилъ ему купить у ходобщика какую-то физику. Сверхъ того, онъ перерылъ всѣ церковныя книгохранилища и старинныя библіотеки въ богатыхъ домахъ, гдѣ и отыскалъ весьма много хорошихъ книгъ. Съ величайшею жадностію изучалъ Никола все, что попадалось ему подъ руку. Богъ далъ ему такія способности къ наукамъ, что онъ не нуждался почти въ наставникахъ, даже, по мнѣнію своему, считалъ ихъ вовсе бесполезными. О тригонометріи тогда онъ вовсе не зналъ; однако составилъ какую-то свою тригонометрію, конечно безъ всякой послѣдовательности, даже придумалъ, что-то въ родѣ дифференціального исчисленія.

ХІ.

Случай во время сплава судна.

Между тѣмъ близко подходила другая весна; нужно было заботиться опять о поставкахъ.

Пелагея Петровна, не считая Николю способнымъ обдѣлывать болѣе важныя дѣла (что отчасти было и справедливо), сама съѣздила въ Нижній, сняла тамъ кладъ изъ Хвалына, чуть не по самымъ верхнимъ цѣнамъ, сама также наняла рабочихъ, въ число коихъ попался и Данило Верея. Отправку судна Пелагея Петровна возложила, однакоже, на Николю.

Видя, что судьба поставила его судопромышленникомъ, Никола рѣшился этому покориться. По этому случаю занялся онъ приготовленіемъ расшивы къ сплаву.

Безъ шума и безъ крика, и безъ особенной бѣготни сдѣлалъ онъ надлежащія приготовленія къ отвалу раньше всѣхъ, такъ

что и Пелагея Петровна надивиться не могла, что какъ у этакого ротозѣя все поспѣло, безъ шуму и безъ крику? Впрочемъ, это она приписывала болѣе своему собственному распоряженію, потому что по временамъ выходила она немножко покричать на бурлаковъ.

Ледъ на Волгѣ стоялъ вплоть до страстной недѣли; въ страстной понедѣльникъ, послѣ половины дня, онъ тронулся еще въ первый разъ. Пройдя сажень двадцать, опять остановился и простоялъ опять до среды. Въ среду и въ четвергъ онъ трогался по нѣскольку разъ въ день, а въ пятницу повалилъ уже со-всѣмъ.

Съ всѣхъ судовъ, которыя стояли у берега, поданы были на берегъ самыя крѣпкія чалки, для того, чтобы суда эти не оторвало льдомъ.

Тутъ одна огромная льдина, которая шла почти во всю Волгу, уперлась нижнимъ своимъ концомъ въ островъ, находящійся въ луговой сторонѣ, и пошла на отурку, т. е. начала дѣлать оборотъ другимъ своимъ концомъ, который стремительно приближался къ горному берегу, у котораго были причалены суда. Ни живы, ни мертвы стояли хозяева на берегу и въ трепетѣ ожидали грознаго натиска громадной льдины.

Льдина съ шумомъ уперлась въ берегъ, гдѣ не было ни одного судна, выпихнула тутъ страшную громаду льда, немножко обложила и начала тереться около судовъ, которыя стояли ниже. Какъ струны натянулись чалки на всѣхъ судахъ. Нѣкоторыя суда выпихнуло на берегъ. На одномъ суднѣ самая крѣпкая чалка, толщиною съ двѣ руки, лопнула со свистомъ, какъ паутина. Хозяинъ ахнулъ и поблѣднѣлъ. Остальныя чалки вытянулись въ прямую линію, однако выдержали. Но вотъ расшиву начало выпихивать на берегъ; огромныя камни и неровность берега препятствовали ей выдвигаться дагѣе и расшива остановилась; а льдина между тѣмъ напирала сильнѣе и сильнѣе. Сжатая какъ въ тиски, расшива задрожала. Немного погодя раздался глухой трескъ—и расшива покачнулася на бокъ. Въ ту же минуту показалось въ ней огромное количество льду, потому что бокъ у расшивы проломилъ. Хозяинъ ахнулъ въ другой разъ и заплакалъ какъ ребенокъ. Въ этой расшивѣ заключалось все его состояніе.

— Теперь вотъ жонка-та и поменьше въ купавинскихъ-ту шалахъ будетъ расхаживать,—замѣтила мимоходомъ Паруша.

Судно Пелагеи Петровны уцѣлѣло. Никола хотѣлъ было отвѣлить на другой день Пасхи, но Пелагея Петровна, хоть и почитала праздники, но, чтобы не упустить времени, наставляла отвѣлить въ первый день послѣ обѣдни.

— Днемъ лѣто не опоздало,—замѣтилъ было Никола;—въ одинъ день не Богъ знаетъ что надѣлаемъ; а пожалуй Богъ и не потерпитъ, если мы не почтемъ такой великой праздникъ.

— Когда будешь самъ хозяинъ, да свою расшиву наживешь, подкошельникъ, тогда и распоряджайся,—возразила на это Пелагея Петровна:—а теперь не твое дѣло; здѣсь распоряджается мать.

Дѣлать было нечего; положено было отвѣлывать въ первый день Пасхи.

Послѣ обѣдни пригласили на расшиву священника и отслужили на ней, какъ водится, напутственный молебенъ съ водоосвященіемъ. Бурлаки всѣ до одного приложились ко кресту, распростлились съ своими жонами и матерями и стали приготавливаться къ отвалу.

Никола тоже простился съ матерью, которая, Богъ знаетъ отъ чего, прослезилась.

Ледъ шолъ еще во всю Волгу, только неслишкомъ крупными льдинами.

Лоцманъ величаво влѣзъ на кресла^{*}, погладилъ бороду и вскричалъ хриплымъ голосомъ:—отваливай!

Бурлаки отчалили расшиву и принялись шестами отталкивать ее отъ берега, въ массу льда. Съ помощію шестовъ и гребковъ они выпроводили ее на самый стрежень и такъ оставили плыть вмѣстѣ со льдомъ.

— По порыскамъ! скомандовалъ лоцманъ.

Всѣ до одного сняли шапки и сѣли по порыскамъ.

— Молись Богу, молодежь!—вскричалъ опять лоцманъ, когда замѣтилъ, что всѣ уже устѣлись. Хозяинъ и бурлаки встали съ своихъ мѣстъ и начали усердно молиться Богу. Послѣ чего каждый бурлакъ проговорилъ вслухъ: «Богъ намъ на помочь! съ отваломъ проздравляемъ!» и тутъ же особенно принялись поправлять хозяйна съ отваломъ.

— Съ благополучнымъ отваломъ, Николай Ивановичъ, прозл-

* Креслами называется небольшая подвижная каютка, выстроенная въ видѣ большого стула. Въ ней помѣщается лоцманъ и съ нею же управляютъ рулемъ.

рвляемъ! говорили бурлаки; — теперь бы вотъ по отвальному-то стаканчику выпить больно хорошо, — прибавили они, почесывая у себя затылки.

— Какъ же, ребята, какъ же, — отвѣтилъ Николай Ивановичъ, и туго же распорядился выставить бурлакамъ полтора ведра вина.

Сколько было у бурлаковъ радости, когда они увидѣли, что на мѣсто ожидаемаго ведра, хозяинъ выставилъ имъ полтора ведра!

— Покорнѣйше благодаримъ, Николай Ивановичъ; — заговорили они въ нѣсколько голосовъ, — дай Богъ тебѣ здоровья, да жену хорошую. — Добрый хозяинъ!.. покорнѣйше благодаримъ!

Осушивъ полтора ведра, бурлаки порядочно повеселѣли, раздѣлились въ кружки и задрали неистовымъ воплемъ разудалыя пѣсни. Нѣкоторыя изъ чувствительныхъ натуръ, отъ неожиданной щедрости хозяина, пришли въ такое умиленіе, что съ четвертаго же стакана заплакали и пошли для какого-то объясненія съ своимъ хозяиномъ, который, впрочемъ, не понялъ у нихъ ни одного слова.

Другіе, съ крутыми характерами, засучивъ рукава и нажавъ кулаки, съ свирѣпостію скрежетали зубами и готовились вышибить съ одного взмаха и зубы, и скулы тому, кто осмѣлится разобидѣть хозяина.

— Не оставлю ни глаза во лбѣ, ни зуба во ртѣ! — съ остервененіемъ кричалъ Демидъ.

— Вырву носъ и рыло, да и скажу, что такъ было! — наперерывъ его кричалъ Онтропъ; а Никитка Долбена, нажавши кулаки, сидѣлъ да щолкалъ только зубами, а говорить ничего уже не могъ, по причинѣ страшнаго ожесточенія и злобы на того, кто хотъ волоскомъ разобидеть хозяина. Одинъ бурлакъ, изъ преданности къ хозяину, что ни есть силы хватилъ кулакомъ по щецкѣ и сшибъ у себя всѣ холки; но печка выдержала.

Между тѣмъ начало уже смеркаться. Лду шло такъ много и густо, что тѣсно ему было въ берегахъ. Расшива, затертая во льду, плыла самымъ стрежнемъ. Вдругъ одинъ бурлакъ закричалъ что есть силы: — Дядя! кажется, на островъ несѣтъ!

Всѣ затуманились, начали смотрѣть впередъ, и дѣйствительно оказалось, что расшива несетъ прямо на островъ.

Дѣлать было нечего, пособить было нечѣмъ, да и некогда, потому что расшива вмѣстѣ со льдомъ летѣла какъ стрѣла и неболѣе, какъ черезъ двѣ минуты очутилась у самого уже острова. Чуть-чуть, только Богъ пронесъ, что не попала она

на привержъ острова, а то изломало бы ее непремѣнно; однако всё-таки терлась она о самый берегъ; ледъ прижималъ ее къ острову съ чрезвычайной силой. Не слишкомъ крѣпкая расшива пожалуй-бы и здѣсь не выдержала отъ такого натиска.

Лодки привязаны были къ расшивѣ самыми крѣпкими причалами. Одна лодка прилучилась у того бока расшивы, который терся о берегъ. Лодку эту бокомъ выперло на берегъ, и она тащилась за судномъ по сухому уже берегу.

Тутъ поднялся у бурлаковъ страшный крикъ и шумъ. Всѣ, наперерывъ одинъ передъ другимъ, старались оказать хозяину какую либо видимую услугу.

Человѣкъ 25 въ одну минуту и неизвѣстно для чего выскочилъ на островъ. Они едва успѣвали бѣжать за расшивой по острову, такъ быстро ее несло льдомъ. Человѣкъ пять изъ самыхъ бойкихъ, уперлись въ расшиву руками и изъ всей силы толкали ее впередъ, хотя усиліе ихъ, въ сравненіи съ напоромъ льда, было, рѣшительно, какъ капля въ морѣ. Другіе то же самое дѣлали съ лодкой, но и тутъ польза была одинакова, потому что лодку тащило и безъ того.

— *Держи! держи!* * кричали въ одобреніе другъ другу, бойкіе ребята.

— Упирайся сильнѣе!—говорили другіе.

— Крѣпки ли причалы-то, — закричали съ берега голоса въ десять.

— Крѣпки!—отвѣчали усердно съ расшивы.

— Не нужно ли шестами подхватить?—продолжали береговые.

— Не нужно! — отвѣчали съ расшивы.

Между тѣмъ въ этой переключкѣ особенной надобности тоже не предвидѣлось.

— Все ли слава Богу?—закричали наконецъ съ берега, когда увидѣли, что не объ чемъ уже имъ переключаться.

— Все слава Богу!—отвѣтили съ расшивы.

— Смотри же не зѣвай!—гляди въ оба!—продолжали кричать береговые.

— Глядимъ!—получили въ отвѣтъ съ расшивы.

Вдругъ всѣ бурлаки, которые были на расшивѣ, закричали благимъ матомъ:—садись ребята! садись на лодку—ту проворнѣе!..

Смѣтливые ребята въ мигъ поскакали съ берега на лодку;

* Техническое выраженіе, которое въ настоящемъ случаѣ означало: работай дружно!

одинъ только Андрей Чаплыга все еще бѣжалъ по острову и не переставалъ упираться въ расшиву руками.

— Андрюшка, садись! такой-сякой, садись! — кричали всѣ бурлаки.

— Успѣемъ! чего испугались?—отвѣчалъ Андрей, усердно упираясь въ расшиву.

Вдругъ островъ кончился, какъ будто его топоромъ отрубилъ и Андрей какъ былъ ни боекъ, все таки не успѣлъ вскочить на лодку и остался на берегу, какъ ракъ на мели.

— Эй! я остался!—закричалъ Андрей.

— Видимъ, что остался!—отвѣтили ему съ расшивы.

— Такъ какъ же ребята, а?!

— Да также! не оставался бы, вотъ что!

Впрочемъ нѣкоторые изъ самыхъ бойкихъ бурлаковъ, для спасенія Андрея, бросились было на ледъ; но тутъ же провалились въ воду, и ихъ едва-едва могли переловить баграми. Болѣе разсудительные хотѣли было отправиться за Андреемъ въ лодкѣ; но этого также нельзя было сдѣлать, потому что ледъ не позволялъ отдѣлится лодкѣ отъ судна ни на одинъ аршинъ; да и островъ вмѣстѣ съ Андреемъ, въ одну минуту пропалъ изъ виду, а шумъ льда заглушилъ Андреевъ крикъ.

Такимъ образомъ Андрею предстояла явная погибель, потому что вода прибывала тогда по аршинну въ сутки, а островъ не стопленъ было водою только на какихъ нибудь четверть аршина. Стало быть, островъ долженъ быть стопленъ въ эту же ночь и Андрея должно будетъ стереть льдомъ.

На суднѣ Николая Ивановича, на мѣсто радости, нечаянно водворилась печаль. Всѣ видѣли ясно, что Андрей на островѣ долженъ погибнуть. «И человѣка жаль, разсуждали бурлаки:— да и хлопоты большіе, остановка... нужно будетъ подавать объявленіе, нарядить слѣдствіе, станутъ придираться, пожалуй обвинять...»

— Что стапемъ дѣлать ребята?—произнесъ съ грустью Николай Ивановичъ:—бѣда, да и только! а пособить нечѣмъ....

Тутъ подошелъ къ хозяину Терентій, человѣкъ грамотный и толкующій писаніе. Терентій говорилъ всегда весьма серьезно и выдавалъ себя во всемъ околodкѣ за человѣка знающаго и толковаго. Деревенскія бабы Терентья уважали, и считали его, въ отношеніи знанія, не хуже приходскаго дьячка. Онъ мало того что перечиталъ почти всѣ обыкновенныя деревенскія сказ-

ки, но даже прочиталъ одинъ разъ «Гуакъ или непреоборимая вѣрность»!.. Терентій подошелъ къ хозяину съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы потолковать хорошенько объ общемъ горѣ, и въ случаѣ надобности, подать съ своей стороны разумный совѣтъ. Разставивъ ноги широчайшимъ манеромъ и сдвинувъ шапку на бекрепъ, Терентій началъ предлагать свое мнѣніе насчетъ Андрея:

— Оно выходитъ, теперича, точно, что ты же молвилъ, бѣда,—заговорилъ Терентій, приосанившись:—

— Мы думаемъ, промежъ тѣмъ, оно вишь дѣло-то такое пошло,—не то чтобы, примѣромъ сказать, много, дескать, выпили, въ хмѣлю, дескать, были, или что другое... Оно лодку бы правда надо; да все дѣло то такое неподходяще вышло, всякому знаешь, свой животъ дорогъ... ночное время, значитъ, и все такое... Али хоть бы и на счетъ суда-то сказать, здѣсь можно отвѣтъ держать; не то, что, дескать, посылали или толкали по шеѣ, а самъ, значитъ.... что видно на роду написано, такъ тово ужъ видно не обойдешь не объѣдешь. Въ писаньи и то вонъ не много сказано.....

Тутъ Терентій немножко замаялся. Ему хотѣлось было кой что привести на этой случай изъ писанія; да на грѣхъ захлестнуло. Между тѣмъ другіе ребята, хорошо знавшіе Терентья, что тотъ любитъ поважничать; и что, несмотря на это, часто путался въ рѣчахъ, захотѣли надъ нимъ позубоскалить:

— Ну что же сказано въ писаніи-то,—перебили его въ нѣсколько голосовъ;—что уставился въ палубы-то глядѣтъ? на палубахъ-то, братъ, ничего не написано; говори ужъ наизусть, коли началъ.

— Здѣсь говорятъ о дѣлѣ,—возразилъ Терентій,—о важности;—здѣсь, выходитъ, какъ вонъ, на счетъ Андрухи-то; вотъ про что толкуютъ, а не то, тто пустяки какіе. По нашему пустяки пустяками, а дѣло—дѣломъ, вотъ что!

— Да въ писаніи - то что сказано? ты намъ это растолкуй!—приступали къ нему ребята.

— Мало ли что въ писаніи сказано?—отвѣтилъ Терентій самымъ серьезнымъ тономъ;—почитайте съ мое-то, такъ и сами узнаете,—прибавилъ онъ съ важностію.

— Писаніе, братъ, ты, видно, толковать вовсе не годишься, такъ ступай отсюда вонъ!—провзнесъ Данило Верей, и съ словомъ цапнулъ Терентья за шиворотъ и пихнулъ его дальше.—Дайте,

ребята, дорогу Терентью!—продолжалъ Данило: — вишь, учить насъ началъ... и Данило снабдилъ Терентья въ сугонку новымъ подзатыльникомъ. Мимоходомъ Тереха еще получилъ отъ кого-то плюхи три по загорбу и чревычайно на это озлобился.

— Что же за озорничество, ребята?... заговорилъ было Тереха, оборотившись назадъ съ грознымъ видомъ, но ему не дали и договорить.

— Коли учить сунулся, такъ ужь, братъ, за всякой плухой не гонись!—закричали на него голосовъ въ десять;—иди ужь, не оглядывайся... и Тереху въ пятеры руки поворотили лицомъ къ муръ и ткнули по зашейку.

Терентій былъ боекъ только на словахъ, а на дѣлѣ страшный трусъ; а потому, пробормотавъ въ утѣшеніе себя какую-то угрозу, что онъ все это припомнитъ и что воѣ накланяются ему за это въ ноги,—отправился въ мурью.

Потрунивъ достаточно надъ Терентьемъ, бурлаки принялись серьезно толковать объ участи несчастнаго Андрея.

— Что ни говори ребята, а надо толковать о дѣлѣ! Андрюшкѣ головы не сносить, сотреть, братъ, его льдомъ!.. потонетъ, бѣдняга!

— Тонуть, братъ, онъ ни зачто не станетъ,—съострилъ на это одинъ бурлакъ:—тонуть онъ смерть не любитъ; я ужь это знаю, вѣдь я ему сосѣдъ. Онъ ужь лучше задавится, а тонуть не станетъ. Вотъ Архипка, — прибавилъ онъ, обращаясь къ другому бурлаку: — вѣдь ты еще небезчево ему своякъ будешь: что бы веревочку ему сбросить? «на-вотъ, молъ, Андрюшинька, удавись, молъ, родимой поскорѣе, а то, молъ, потонешь». Вотъ бы теперь и безъ гребты.

— Зубоскалить, братъ, здѣсь нечего, замѣтили вѣкоторые бурлаки серьезнымъ тономъ; — это, братъ, не шутки, — человѣкъ не скотина. Вотъ какъ бы Богъ нанесъ ему побольше ляднику, такъ, можетъ быть, онъ съѣлъ бы на нее, а тамъ, можетъ, принесло бы къ берегу, или съ расшивы бы увидѣли.

— О! какъ бы льдина Андрейкѣ попалась, такъ онъ бы съ нею и на берегъ не пошолъ, — перебилъ другой острякъ:—такъ бы до Астрахани и поплылъ на ней, самъ, значить, хозяинъ! Чья, спросятъ, льдина-та?—Андрейкина!... Никитка бы вотъ въ водолыны къ нему на льдину ту порядился...

Такъ трунили бурлаки насчетъ несчастія Егора. У бурлаковъ это случается нерѣдко. Только лишь пройдетъ первое впе-

чтлѣннѣе какого нибудь несчастія, они готовы ужь надъ нимъ посмѣяться и что нибудь съострить.

Расшива Николая Ивановича плыла во льду до самаго Хвалына. Не было никакой возможности съѣхать на берегъ и подать объявленіе объ Андрѣ. Въ Хвалынѣ едва-едва могли только схватиться за берегъ и остановить судно, потому что ледъ шолъ еще почти во всю Волгу.

Сойдя на берегъ, Николай Ивановичъ первымъ долгомъ отправился къ водяному смотрителю для подачи ему объявленія объ Андрѣ.

Смотритель, выслушавъ на словахъ, въ чемъ состоитъ дѣло, немедленно потребовалъ отъ Николая Ивановича три талера.

Николай Ивановичъ и Богъ знаетъ какъ обрадовался такому скромному требованію добраго смотрителя. Онъ полагалъ, что смотритель потребуеть съ него по крайней мѣрѣ втрое. По этому случаю, изъ собственного уже усердія, онъ прибавилъ смотрителю еще полтинникъ, за что смотритель остался весьма благодаренъ.

Смотритель былъ дѣйствительно весьма добрый и честный человекъ. Съ богатыхъ онъ, говорятъ, что лупилъ порядочно, а бѣдныхъ не притѣснялъ. За грузку судовъ у него положена была такса: по копѣйкѣ съ каждаго десяти пудовъ клади; стало быть, если расшива поднимаетъ 10,000 пудовъ, то смотрителю слѣдуетъ только отдать 10 руб. и больше ничего. Всѣ поставщики были этимъ весьма довольны, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ уже приходилось поровну, слѣдовательно никому ужь не было обидно. Условія эти извѣстны были каждому поставщику, и потому съ добрымъ смотрителемъ рѣшалось дѣло въ двѣ минуты. А съ инымъ смотрителемъ просто бѣда! Иной торгуется съ хозяиномъ цѣлыя сутки, и заломить, бывало, съ него, на первый разъ, такую необъятную цѣну, что тотъ глаза выпучить.

Смотритель, по полученіи трехъ талеровъ и полтинника, тотъ же часъ приказалъ своему письмоводителю сочинить и написать отъ Николая Ивановича объявленіе, за которое письмоводитель потребовалъ одинъ только цѣлковой, да на водяную команду также потребовалось дать не больше полтинника, тѣмъ и закончились всѣ расходы, касательно подачи объявленія.

Получивъ копію съ объявленія, Николай Ивановичъ отправился на судно, и—о, радость!—только что взошелъ на расшиву,

какъ увидѣлъ, что за нее хватается другая расшива, на которой съ торжествующимъ лицомъ стоялъ живъ и невредимъ Андрей.

Бурлаки, увидѣвшіе Андрея, необыкновенно какъ обрадовались и, въ изліяніи своихъ чувствъ, обругали его на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Поглядите-ка ребята, Андрюшка-то стоитъ! — закричали другъ другу они. — Эй, Андрюшка! какъ ты это, а? такой сякой! смотри-ка онъ гдѣ!—а!

— Нако-ся! Андрюшка, что ты это, а? такой-сякой....

Андрюшка въ свою очередь, на радостяхъ, тоже обругалъ всю артель, да, по правдѣ сказать, прихватилъ немножко и хозяина.

Андрей немедленно перешолъ на свою расшиву, помолился, какъ водится, на кресла, поздоровался съ бурлаками и обратился къ Николаю Ивановичу съ самымъ суровымъ видомъ.

— Этакъ, Николай Ивановичъ, хорошіе хозяева не дѣлаютъ, заговорилъ онъ довольно грубо: — на островахъ - ту не оставляютъ.

— Да кто же тебя, братецъ, оставлялъ? вѣдь ты самъ остался,—отвѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Какъ самъ остался? я бы, думаю, не остался, какъ бы меня не оставили; не мало я кричалъ вамъ, что, молъ, «я здѣсь остался на острову» а вы что-же сдѣлали?

— Да что же намъ дѣлать-то было? чудакъ ты этакій.

— Какъ что? извѣстное дѣло что: ты на то хозяинъ.

— Знаю, братецъ, что хозяинъ, да дѣлать то намъ нечего было, пособить то было нечѣмъ. Лодку подать было нельзя, и то было чуть не потонули человекъ три; такъ что же намъ было дѣлать-то?

— Знамо что дѣлать, тутъ видимое дѣло-то: человекъ, значить, погибаетъ безъ покаянья, вотъ что! а то: «незнаемъ что дѣлать»... Выходить, мнѣ тонуть надо было?... Много, братъ, будетъ! на то есть судъ, вотъ что.

Николай Ивановичъ не зналъ что и подумать, за что именно такъ сильно озлобился на него Андрей, что даже началъ уже угрожать ему судомъ. А потому, на всякой случай, пригласилъ его въ казенку и поднесъ ему тамъ хорошія стаканъ вина.

— Вотъ покорнѣйше благодаримъ,—сказалъ Андрей, выпивъ стаканъ вина,—я вѣдь насчетъ того говорю, что какъ же, молъ, это можно оставаться мнѣ на острову, такъ, значить, безъ работы? Вѣдь здѣсь человекъ дорогъ; недохватишь, значить, од-

ного человека — и встало дѣло. Вотъ про что говорятъ! мы вѣдь, тоже знаемъ порядки-то, не первый разъ; взялся, видно, за гужъ, такъ не говори, что не дужь... не на островахъ сидѣть порадились, а на расшиву; надо значить, работать, вотъ про что говорятъ; здѣсь нужно говорить дѣло.

— Ладно, ужь ладно, и безъ тебя здѣсь дѣло-то обошлось, перебилъ его со смѣхомъ Николай Ивановичъ; — на-ко, братъ, выпей ужь съ горя-то еще стаканчикъ.

— На томъ благодаримъ, Николай Ивановичъ! — произнесъ Андрей самымъ кроткимъ тономъ: — за угощеніе благодаримъ покорно, — прибавилъ онъ, выходя изъ казенки.

Оказалось, что Андруха потому только и оцетинился, что для благополучнаго привала хотѣлось ему выпить, не въ зачетъ, хорошенькій стаканчикъ винца и больше ничего.

Къ вечеру бурлаки приступили къ Андрею, чтобы онъ разска- залъ имъ, что съ нимъ случилось, и какъ онъ попался на рас- шиву.

Сначала Андрей немножко поупрямился, и говорилъ все обни- ками, а потомъ какъ будто бы воодушевился и началъ разска- зывать все попорядку.

ХП.

Бурлацкая жизнь на Волгѣ.

— Напугался я, ребята, — началъ говорить Андрей: — не ду- малъ ужь свѣту Божьяго обозреть, — а тутъ еще, такой-сякой, лѣшій всю ночь гагайкалъ, да въ ладоши хлопалъ. Волосы, бра- тецъ ты мой, дыбомъ становились — такъ, выходитъ, морозъ по кожѣ и подиралъ. Одинъ, знаешь; ночь, ну и все другое... страшно, значить.

— А ты бы лѣшаго-то къ нечистой матери послалъ, — замѣ- тили нѣкоторые изъ бурлаковъ.

— А то какъ же бы отъ него отдѣлаться-то? я такъ и от- дѣлывался; немного, братъ, спускалъ. Только станеть побли- же-то подходить; а я на него: «эй, молю, ты! къ нечистой ма- тери ступай!.. Я, молю, тебѣ, такой сякой!.. Ну, знаешь, и по- затихнетъ, и дальше убѣжить; а потомъ опять пойдетъ, слышь, къ самому берегу; я, значить, опять его приму ругать на чемъ свѣтъ стоитъ, — онъ опять убѣжить. Такъ всю ночь и пробился, и ничего, знаешь. А безъ этого не усидѣлъ бы, значить, часу.

Что съ нимъ сдѣлаешь? нечистая вѣдь сила, какъ подойдетъ, такъ ужь тогда ничего съ нимъ не подѣлаешь.

— Такъ какъ же ты на расшиву-ту попалъ? подплыла видно? спросилъ его бурлакъ.

— Какое тутъ «подплыла». Слышь ты ледъ шолъ прегустѣющій во всю ночь, а расшивы не проплыло не одной. Оно, правда, съ вечера-то понамурило, такъ не видать было ничего. Около, этакъ, первыхъ пѣтуховъ стопило, братецъ ты мой, весь островъ; а къ солнечному восходу въ колѣно сдѣлалось на всемъ острову. Смотрю—по острову-то и ледокъ пошолъ, такъ что сила не беретъ и стоять: ноги, знаешь, такъ и подкашиваеъ. Все ужь увертывался, а то бы никакъ не устоять. Не думалъ, ребяташки, головы сносить! истинной Христось!—не думалъ.

Дѣйствительно у Андрея до самыхъ колѣнъ ободраны были всѣ ноги.

— Да ты бы на льдину сѣлъ, — замѣтилъ ему одинъ бурлакъ:—проносило, чай, мимо-то большія-то льдины?

— А ты слушай до чего дѣло дойдетъ, — отвѣтилъ не безъ досады Андрей. Онъ объ этомъ только что хотѣлъ было сказать въ самыхъ короткихъ словахъ, но какъ перебили его, такъ скоро-то сказать какъ-то и запретило.

— Вотъ, знаешь, солнышко къ завтраку подходитъ,—началъ опять Андрей, съ большими уже разстановками, стараясь видимо растянуть овой рассказъ и поотдалить его отъ настоящей матеріи: — я, значить, стою, вода, ужь, слышь ты, выше колѣна; ледъ такъ, знаешь, и напираетъ, не куда ужь доброму молодцу и увертываться стало. Вотъ, братецъ ты мой, гляжу я чьку * и несеть, да прямо, значить, на меня. Я—слава, молъ, тебѣ Господи! Никола, молъ, батюшка святитель!—сяду, думаю, на нее, что Богъ дастъ. Гляжу, анъ моя чька наплыла на приверхъ, да и остановилась; глубока значить. Я все таки кое-какъ началъ къ ней перебираться, чтобы, знаешь, сѣсть на нее; а ледъ-отъ такъ назадъ меня и тованить, такъ и тованить. Гляжу—анъ чьката и пошла на отурку, да и начала колесить около, знаешь, берега-то. Я тутъ, значить, на нее и бросился: что ужь, молъ, Господи дастъ; раза два, братецъ ты мой, оборвался, ледъ-отъ больно хрупокъ, точно веретенникъ, такъ и рассыпается. Экой, ребята, нынче ледъ какъ слабой! тепломъ-ту, значить, невозможно его. Такой ледъ, запомню я, былъ лѣтъ съ десять тому назадъ.

* Льдина.

Еще тогда ходили мы изъ Самары у покойнаго Сидора Иваныча, дай ему Господи царство небесное! то-то былъ человѣкъ-отъ! не любилъ ужь плохова; припасовъ было вдоволь; парусъ и топсилъ были, такъ что твоя скатерть... Не забыть, какъ въ Богородскихъ горахъ, только что подняли тогда коренной и съ топсилемъ и она, матушка, и подула съ оболочка, да въ лобъ.. Мы, знаешь,—сажай!—сажай!.. а парусъ-отъ не лѣзетъ; расшиву-ту, знаешь, и понесло. Бросили становой (якорь)—не держитъ, бросили подпускной,—не держитъ;—два ходовыхъ—и то, братецъ ты мой, съ версту тащило!.. А хозяинъ-отъ, покойный свѣтъ, лоцмана-то такъ и кастить, такъ и кастить! Ты, говоришь все это, такой-сякой, надѣлалъ, съ тобой, говорить, всѣ припасы переломаетъ; какой, говорить, бѣгъ съ оболочковъ... Ужь только былъ и лоцманъ—урѣзной пьяница! Штофа не доставало на день...

Тутъ Андрей пустился было описывать лоцмана, коснулся даже его жены и тещи; но бурлаки перебили его:

— Ты, братъ, окоlesiцу-ту намъ не городи, — заговорили они,—ты про себя-то намъ сказывай, какъ на расшиву-ту ты попалъ; а про тещу-ту лоцманову намъ послѣ расскажешь.

— Знамо какъ,—отвѣтилъ отрывисто Андрей, видимо оскорбленный на то, что его перервали и не дали докончить: — какъ на расшиву-ту попадаютъ?—извѣстное дѣло, какъ попадаютъ... Сказавши это, Андрей больше не сталъ и говорить, и пошелъ въ сторону.

— Да ты, братъ, доскажи, пожалуйста,—началъ его упранивать Николай Ивановичъ:—на льдину-ту, что ли, ты сѣлъ? или на лодку что ли какъ попался?

— Извѣстно съ льдины-то на лодку, — отвѣтилъ Андрей, смотря въ сторону: — на что же тутъ еще сядешь, что не на лодку? Это дѣло-то такое, что въ воду не сунешься, вотъ что... и Андрей опять замолчалъ и пошелъ прочь.

Такъ въ этотъ вечеръ и не могли отъ него добиться никакого толку. Черезъ недѣлю ужь кое-какъ досказалъ онъ, что сначала сѣлъ на льдину и доплылъ на ней до Лыскова, а тамъ какъ-то сняли его на лодку и пересадили на расшиву, на которой и доплылъ онъ до Хвалына.

На третій день расшива Николая Ивановича была нагружена и приготовлена къ ходу. Бурлаки закупали уже пайки и харчи на продовольствіе.

— Поторапливайся, ребята, Поторапливайся! — кричалъ лоцманъ на бурлаковъ, побуждая ихъ къ скорой работѣ: — Богъ даетъ низовую, ребята!

— Эхъ, батюшка, святой воздухъ! — проговорили бурлаки, отнесаясь къ низовому вѣтру.

— Благодать Божья! Ангельское дуновение!... — произносили другіе.

Однако какъ ни ласкались бурлаки къ низовому вѣтру, какъ ни превозносили его, но къ полудню онъ все-таки затихъ совершенно, а къ вечеру началъ хлить верховой.

Судно Николая Ивановича отвалило около полудня и, за неимѣніемъ низоваго вѣтра, пошло подачами.

Часовъ въ 11 вечера рабочіе начали было обращаться къ лоцману съ просьбою, чтобы онъ ошабашилъ.

— На первый день будетъ, дядя, — поработали, пора ужъ и шабашить, — заговорили они.

— Работай-ка-работай! — закричалъ дядя, хотя не злымъ, но довольно суровымъ голосомъ: — вишь больно рано еще запросились. Вонъ за колѣно-то зайдемъ, да въ ухабъ-отъ ввалимся, тутъ и почувемъ. А то, на-ко тебѣ — шабашить... какъ вамъ не шабашить...

Дѣлать нечего, бурлаки опять принялись работать и сильнѣе прежняго налегать на лямки, чтобы поскорѣе зайти за колѣно и ввалиться въ ухабъ.

Они работали часу до перваго, а все, кажется, не подошли еще къ ухабу, все онъ казался впереди. Наконецъ лоцманъ приказалъ ошабашить. Бросили становой якорь, помолились Богу и остановились на почевку.

Между тѣмъ у кашевара, готовы уже были къ ужину мясные щи; а для хозяина, сверхъ того, сварилъ онъ въ мѣшкѣ пшонную кашу; т. е. взялъ пшена, положилъ его въ холщевый мѣшочекъ столько, чтобы пшено заняло $\frac{1}{3}$ мѣшка, завязалъ этотъ мѣшекъ бечевкой и опустилъ въ котелъ, въ которомъ варились для бурлаковъ мясные щи. Пшено въ мѣшкѣ разварилось, и мѣшокъ сдѣлался полнѣхонѣкъ. Каша вышла отличная и вкусная, потому что варилась не въ простой водѣ, а въ мясныхъ щахъ,

Пужинавъ довольно плотно хорошихъ щей съ тюрей, бурлаки отправились въ мурью и легли спать, каждый на свою постельку.

При самомъ солнечномъ восходѣ водоливъ пробудился, открылъ глаза и вскочилъ какъ помѣшанный.

— Фу ты, пакость какая,—проспалъ!—произнесъ онъ съ досадою; потомъ побѣжалъ къ мурьѣ, наклонился и сталъ будить бурлаковъ обыкновеннымъ манеромъ: — Господи Іисусе, Сыне Божій помилуй насъ!—проговорилъ онъ трижды.

— Аминь! — отвѣтили бурлаки изъ мурьи, послѣ третьяго раза.

— Ну! ребята, вставай проворнѣе!— произнесъ послѣ этого водоливъ довольно громко;—поворачивайся!... Да ну же, говорятъ, такіе-сякіе, выходите живѣе! — закричалъ уже онъ во все горло.

Черезъ двѣ минуты лоцманъ и водоливъ неистово топали надъ мурьей ногами и скрежетали отъ злости зубами, что бурлаки долго тамъ ворочаются.

— Надо, видно, ребята, вставать,—проговорили между собою бурлаки, довольно спокойнымъ тономъ:— дядя-то ужь ругаться началъ... и бурлаки стали, не торопясь, вставать. Они сперва обулись, потомъ умылись, помолились Богу, взяли ляпочки на плеча и стали садиться на лодку, чтобы съѣхать на бичеву, потому что въ этомъ мѣстѣ была *шахма* *.

— Яшка! мошенникъ, садись проворнѣе!—кричалъ водоливъ на одного молодого парня, протуривая его въ лодку: — что ты тутъ бѣгаешь, да суешься вездѣ, мошенникъ!

— Картуза, дядя, ищущу,—отвѣчалъ Яшка, а самъ торопливо соваясь во всѣ закоулки.

— Я тебѣ дамъ—картуза!—садись, говорятъ, проворнѣе, мошенникъ!—Но Яшка рѣшился обѣжать кресла. Посмотрѣвъ подозрительно на квасницу съ квасомъ, Яшка засучилъ рукавъ и опустилъ въ квась руку по самое плечо; пошарилъ тамъ немножко по дну квасницы и вытащилъ оттуда свой кожаный картузь. Страхнувъ торопливо квась съ картуза, онъ надѣлъ его на скорую руку и побѣжалъ садиться въ лодку.

— Ну, гдѣ нашолъ? разгильдяй!—спросилъ его сердито водоливъ.

— Да, вонъ, въ квасу,—отвѣтилъ Яшка угрюмо.

— То-то—въ квасу!.. не помнишься гдѣ кладешь, растапа!..

* Бичевникъ, по которому можно идти бичевою, потому что есть бичевники, гдѣ пройти никакимъ образомъ невозможно.

— Да я на гвоздикъ, кажись, вчерась повѣсилъ, видно кто нибудь сронилъ.

— То-то, на гвоздикъ, а тебѣ дамъ, на гвоздикъ — у меня будешь помнить, куда кладешь!..

Выйдя на берегъ, бурлаки прицѣпили свои кожанья лямки къ концу бичевы, которую они свезли съ собою на лодкѣ * надѣли лямки на плеча и стали натягивать бичеву. Бичева вытянулась какъ струна и расшива начала понемножку подвигаться впередъ.

Нога въ ногу пошли бурлаки по берегу и повели расшиву бичевою.

Около завтрака разыгрался сильный верховой вѣтеръ, который весьма препятствовалъ ходу расшивы. Бурлаки какъ ни налегали на свои лямки, однако не могли дѣлать шагъ болѣе четверти аршина; а при сильномъ порывѣ вѣтра нерѣдко и пятились еще назадъ.

Бичевникъ въ этомъ мѣстѣ не имѣлъ никакого удобства для хода: бурлаки должны были идти по горамъ. Иногда они взбирались на такія горы, что бичева начинала *трубить* ** вверхъ; значить, бурлаки шли тогда выше мачты; иногда спускались въ глубокіе овраги, а потомъ снова поднимались на такія же горы.

Такъ шли бурлаки нѣсколько дней; верховой вѣтеръ не переставалъ. Онъ только немножко перемѣнился и подулъ съ сѣверо-запада. Съ перемѣною вѣтра перемѣнилась и погода. Все небо обложилось облаками, пошелъ сильный ненастный дождь. На бурлакахъ не оставалось сухой нитки, — они промокли до костей. Ходъ бичевою сдѣлался еще хуже, — глинистая почва страшнымъ образомъ налипала на лапти, которые отъ этого весьма тяжелѣли и скользили по огромнымъ камнямъ и по скаламъ горъ, гдѣ путешествовали бурлаки бичевою. При такомъ неудобномъ ходѣ, они еще болѣе должны были напрягать свои силы и налегать на лямки, потому что равномерно и дружно дѣйствовать было нельзя. Нѣкоторые, напримѣръ, бурлаки перебирались, какъ дикія козы, съ камня на камень, съ утеса на утесъ; а нѣкоторые скользили по косогорю и падали. Слѣдовательно вся тяжесть лежала на остальныхъ, которые еще не поскользнулись и не упали. Тяжело было работать нашимъ бур-

* Другой конецъ бичевы обыкновенно остается на расшивѣ, продѣвается въ самый верху дерева (мачты) и привязывается на корѣ расшивы.

** Т. е. вытянувшись, стала имѣть направленіе вверхъ.

лакамъ! Страхъ какъ тяжело! а они работали такимъ образомъ по крайней мѣрѣ 19 часовъ въ сутки; остальное время они употребляли на спанье и на обѣды.

Цѣлую недѣлю, изо дня въ день, дулъ вѣтеръ съ дождемъ. Бурлаки до того изнурились, что отъ постоянного напряженія и, вѣроятно, прилива крови къ головѣ, на многихъ напада курчья слѣпота. Въ это время человѣкъ видитъ только въ продолженіе дня, но какъ скоро солнышко закатится, онъ уже не видитъ почти ничего, а особенно подъ ногами. *

Такимъ образомъ на расшивѣ Николая Ивановича, когда остановились ночевать и подали на берегъ лодку, человѣкъ пять вели уже къ лодкѣ подъ-руки, потому что они не видѣли ни зги; человѣкъ двадцать брели еще кое-какъ, ощупью, за народомъ. За то тѣ, которые еще не ослѣпли, ужасно какъ надъ ними трунили.

— Смотри-ка, ребята, Трошка - та, Трошка - та, какъ корячтся! ха! ха! ха!...

— Вавилко-то, Вавилко-то!.. у!.. у!.. у!.. и бурлаки всѣ до одного заухали по поводу тому, что Вавилко запнулся за камень и полетѣлъ вверхъ ногами.

Вавилкѣ было тогда не до смѣху. Измученный и слѣпой, онъ едва-едва брѣлъ—насилу добрался до лодки, ощупью сѣлъ въ самую ея средину, упѣръ въ високъ правую руку и что есть силы занесъ залихватскую пѣсню:

Сердце злое, ретивое
На часъ *нетуliamo*,
Все во мнѣ, въ дѣвущкѣ, изныло, и проч.

Бурлаки дружно подхватили пѣсню и весело пѣли ее покуда не вылѣзли на расшиву. Вавилко до того воодушевился, что хотѣлъ было на расшивѣ немножко проплясать, да только помѣшала курчья слѣпота.

Какъ бы то ни было, но верховой вѣтеръ надоѣлъ бурлакамъ страшнымъ образомъ. На мѣсто «ангельскаго дуновенья» они начали уже называть его пучеглазымъ—Экой пучеглазь!—установка, да цѣлую недѣлю дуетъ безъ отдыха, выпуча глаза!..

Впрочемъ и на этотъ случай съострилъ—таки одинъ бурлакъ. Смотри на сильный верховой вѣтеръ, онъ однажды обратился

* Подобную болѣзнь бурлаки лечатъ говяжьей печенкой, т. е. вѣдаютъ ее вареную, а сырую прикладываютъ къ глазамъ. Средство это помогаетъ хорошо.

къ нему съ самой ласковой рѣчью:—Эхъ, батюшка, верховинькой!.. Недѣлю дуй, двѣ дуй, заворотись, да опять тотъ же по-дуй! Ужь дуй, батюшка, посильнѣе, чтобы телята съ яру поважились!..

Но такъ какъ ничто не вѣчно подъ луною, то пришло время, что и верховой вѣтеръ сталъ затихать. Въ одинъ вечеръ, во время ужина, сдѣлалась такая тишина, что просто не шелухнеть. Терентій послѣ ужина всталъ, сунулъ себѣ въ ротъ указательный палецъ, послушнѣе его немножко и поднялъ руку вверхъ. Въ это время палецъ, моченый слюнями, дѣлается чрезвычайно чувствителенъ къ холоду, и когда въ такомъ случаѣ ощутить человекъ холодъ съ одной, съ которой нибудь стороны пальца, то, значить, съ этой стороны завтра подуетъ вѣтеръ. Терентій ощутилъ холодъ съ низовой стороны.

— Завтра, ребята, низовой вѣтеръ подуетъ,—сообщилъ Терентій.

— Давно бы надо,—замѣтили другіе бурлаки,—и то ужъ плечики всѣ разломилло.

И дѣйствительно на другой день начала чуть-чуть хилить низовая, однако бурлаки съ утра еще замѣтили, что сзади бѣжить *шамра**

— Дядя, шамра съзади-то бѣжить!—заговорили бурлаки.

— Такъ что же, давайте, съ Богомъ, поднимать парусъ,—отвѣтилъ дядя.

Принялись поднимать парусъ; шамра между тѣмъ подошла и начала его выдувать.

— Эхъ, батюшка! — святой воздухъ! — произнесли бурлаки, обращая рѣчь свою къ вѣтру.

— Выдувайся, батюшка, апостольская скатерть! — говорили другіе въ честь паруса.

Расшива побѣжала ровнымъ низовымъ вѣтромъ и усталые бурлаки разметались на палубѣ отдыхать.

Такъ бѣжали они весь день вплоть до поздняго вечера. Вечеромъ вѣтеръ затихъ, а съ полуночи опять подула низовья, опять подняли парусъ и побѣжали.

Бурлаки совершенно отдохнули и выспались. Послѣ соломата они принялись уже куралесить, а нѣкоторые изъ нихъ стали выказывать другъ другу разныя штуки.

* Шамрой называется—рябь, которая видна на гладкой поверхности воды въ то время, когда начинается дуть вѣтеръ.

Терентій при всѣхъ колотилъ иголку въ свою ногу по самыя уши и говорилъ, что ему небольно. На перебой ему Никитка Крюкъ затыкалъ промежду пальцевъ булавки и пропускалъ иголку сквозь щоки, и тоже говорилъ, что ему небольно. Немного въ сторонѣ Андриушку Чапыгу лупили по брюху полѣномъ изъ всей силы: Андриушка, лёжа на спинѣ, надулся какъ пузырь, выпучилъ свое брюхо вверхъ и увѣрялъ, что ему то же ничего небольно. Данило-Верея вызвался было колотить лбомъ грецкіе орѣхи; но орѣховъ ни у кого не нашлось, а потому Данило, за неимѣніемъ орѣховъ, разшибъ лбомъ вдребезги нѣсколько кирпичей. Тамъ—на носу расшивы—одинъ бурлакъ, сидя по-турецки на днѣ опрокинутой кадки, приглашалъ почтеннѣйшую публику сшибить его кулакомъ по виску; и находились было избранныки, и отпускали было ему довольно полновѣсныя оплеухи, но съ кадки дѣйствительно не сшибли:—крѣпокъ канала!

Веселые бурлаки приглашали было Егорка Стрижа, чтобы онъ выкинулъ какую нибудь штуку; но Егорка штукъ не выкидывалъ, а вызывался было, и то за цѣлковой, отрубить у своей ноги мизинецъ,—но цѣлковаго ему никто не далъ,—сказали, что дорого; двугривенной давали, такъ за двугривенной Егорка не согласился,—дешево, говорить—не сходно... Такъ и разошлось.

Между тѣмъ вѣтеръ разыгрался по всей Волгѣ, пошелъ ходить страшный *бѣлякъ* *.

— Стой у дѣла!—вскричалъ лоцманъ, который въ это время обыкновенно стоялъ на носу.

Бурлаки бросили свои занятія и приготовились править дѣлами, а человекъ десять встали у руля.

Апостольскую скатерть выдуло какъ барабанъ, такъ что раина начала потрескивать. Лоцманъ то и дѣло кричалъ: направо!—крѣпи же!—лай маленько на лѣво!.. и т. д.

Расшива бѣжала какъ стрѣла; подъ носомъ она вела такой огромный бѣлякъ, что по временамъ онъ воплескивался на палубы. Отъ тяжести огромнаго паруса, она зарывалась въ волнахъ.

Страшно и не безопасно быть на расшивѣ во время такого сильнаго, хотя и попутнаго вѣтра! Тяжелый такелажъ, несколько не принаровленный къ дѣйствительной потребности, отнимаетъ всякую возможность дѣйствовать быстро во время опасности. Въ бурю, напримѣръ, огромный парусъ невозможно стащить

* Бѣлыя верхушки сильныхъ волнъ, называются вообще бѣлякомъ.

внизъ, потому что не пойдетъ. По этому случаю, если парусъ такъ крѣпокъ, что выдержать, то переломить райну; райна выдержать—сломить дерево; но если выдержать то и другое то опрокинетъ вверхъ дномъ расшиву. Послѣдніе случаи бывали впрочемъ рѣдко; но все таки бывали. Обыкновенно рветъ паруса и ломаетъ райны, потому что въ прежнее время райны эти были огромнѣйшихъ размѣровъ. Сзади изъ-за колѣна, показался огромный караванъ судовъ; бѣлые паруса, какъ стадо лебедей, покрыли всю Волгу.

Снизу, какъ темная ночь, стала подниматься страшная туча, противъ которой бѣлые паруса казались еще бѣлѣе, а завитки огромныхъ волнъ—еще свирѣпѣе и кипучѣе.

— Дядя! сзади паруса рветъ!—закричали бурлаки, увидѣвъ, что въ заднемъ караванѣ начало рвать паруса;—не осадить ли немножко?

— Богъ милостивъ! — отвѣчалъ дядя: — вотъ какъ къ намъ придетъ, такъ и осадимъ.

Николай Ивановичъ увидѣлъ, что сзади идетъ штормъ, что караванъ весь раскасировало, и изорванные паруса вѣтряли; какъ полотенца, и потому закричалъ благимъ матомъ:—сажай!.. сажай!.. бурлаки принялись сажать парусъ.

Лоцманъ и водоливъ, стоявшіе вмѣстѣ на носу расшивы. замѣтили промежь себя, что хозяинъ къ волженому промыслу вовсе не способенъ, что ничего невидя приказалъ сажать парусъ.

Когда осадили паруса аршина на два, лоцманъ закричалъ: шабашъ сажать!... довольно!

Хозяинъ замѣтилъ было, «что паруса осажены еще мало, что нужно для предосторожности осадить еще»; но лоцманъ отвѣтилъ ему иронически:

— Ужь лучше, ннъ, вовсе осадить, да бросить якорь, да и лечь спать, а добрые-то люди мимо насъ будутъ бѣжать... Эхъ! хозяинъ—хозяинъ! Кто тебя только-то въ хозяева-то записалъ?..

Николай Ивановичъ, сжавъ сердце, принужденъ былъ перенести этотъ упрекъ отъ лоцмана, и поневоля съ нимъ согласиться, потому что лоцмана раздражать нельзя, иначе онъ можетъ нанести большой вредъ.

Плесо начало поворачивать въ лѣво, и потому вѣтеръ становился часъ отъ часу круче, т. е. дулъ уже поперекъ Волги—съ горъ. Парусъ зашолоскало.

— Эхъ ты, чортова онуча! затрясла полой-ту!—выразились

бурлаки на счетъ паруса, когда увидѣли, что стало колоскаться его.

— Правъ парусами!—вскричалъ лоцманъ:—лѣва опускай, права приворачивай!

Бурлаки бросились править парусомъ.

Между тѣмъ туча подошла близко, деревья на горахъ гмудъ уже въ дугу.

— Дядя, осадимъ еще немножко,—замѣтилъ опять косянецъ.

— Успѣемъ еще, Богъ милостивъ!—отвѣчалъ лоцманъ.

Вдругъ изъ оврага вылетѣлъ ужасный вихрь и вкатился прямо въ парусъ. Все затрепало, судно начало клонить на бокъ; дерево согнуло въ дугу.

Тутъ лоцманъ закричалъ благимъ матомъ:—сажай!.. сажай!.. такіе сякіе,—сажай!.. но уже парусъ внизъ не двигался: все ащемило и зажало.—Руби отноги, * снова закричалъ лоцманъ.

Бурлаки бросились къ отногамъ съ топорами; но не успѣли подбѣжать къ нимъ, какъ райна переломилась съ ужаснымъ трескомъ. Сверху огромный осколокъ упалъ на палубу и прямо попалъ по спинѣ Егора, который только-было наклонился съ топоромъ рубить отноги.

Егоръ охнулъ и тутъ же растянулся какъ пласть.

— Убило!.. убило!.. Егорка убило! закричали бурлаки.

— Сажай! сажай! кричали другіе въ нѣсколько голосовъ.

Парусъ едва—едва пошелъ внизъ. Вѣтеръ вдругъ перемѣнился и ударилъ въ лобъ. Росшиву понесло на задъ.

— Бросай якорь! бросай якорь! закричалъ лоцманъ.

Бросили якорь. Судно несло съ якоремъ сажень сто и остановилось.

Между тѣмъ Егора оттащили на корму, положили на рогажку, другой покрыли и такъ оставили до времени.

Часа два бились съ парусомъ. Переломленная райна, размахивая своими огромными концами, много пренатствовала работамъ. Наконецъ парусъ кое-какъ осадили, райну опустили на палубу, а парусъ отшили и собрали въ груду.

— Что, гдѣ Егоръ?—спросилъ заботливо лоцманъ.

— Да вонъ, на кормѣ лежитъ, отвѣчали бурлаки.

— Живъ ли?

— Да не знаемъ живъ ли.

* Отноги значить—снасти, которыми привязывается къ расшивѣ нижняя часть паруса.

Всѣ бросились къ Егору, начали его ощупывать и шевелить: Полошолъ къ Егору и Терентій, посмотрѣлъ онъ на него тономъ знатока, пощупалъ около локтя *мюста* (нульсъ), помалъ немножко около сердца и, махнувши рукою, пошолъ прочь.

— Что?—спросили его въ нѣсколько голосовъ.

— Побывшился! произнесъ Терентій самымъ положительнымъ тономъ.

— Побывшился?—повторили бурлаки въ одинъ голосъ.—Смотрико что, а!.. вотъ, ты говоришь, а!.. вотъ оно дѣло-то какое...—Фу ты какъ это, право!.. Вотъ тебѣ и Егорка!.. Ну, братъ, царство небесное!.. и бурлаки съ благоговѣніемъ перекрестились.

Обстоятельство это сильно опечалило Николая Ивановича, тѣмъ болѣе что въ подобныхъ дѣлахъ онъ былъ весьма не опытенъ и робокъ.—«Руки опускаются, дѣлать ничего не хочется» думалъ про себя Николай Ивановичъ:—«Остановка—остановкой, убытокъ—убыткомъ, а главное—жаль человѣка!» кажется, простой и добрый былъ человѣкъ, а вотъ какъ Богъ попуталъ умереть—безъ покаянія!

Часа черезъ два райну стростили и привѣсили какъ была, только она сдѣлалась короче.

Между тѣмъ покуда это обдѣлывали, совсѣмъ уже стемнѣло. Судно подвели къ берегу, подали на берегъ чалку (потому что по случаю каменной почвы, якорь было бросить нельзя) и остановились ночевать.

Послѣ бури небо прояснилось, настала совершенная тишина и поверхность Волги сдѣлалась какъ масло.

Мѣсто, гдѣ по необходимости остановилась тогда расшива, было невыносимо страшно и, можетъ быть, опасно. Расшива находилась возлѣ громадной скалистой горы, которая вынятилась далѣе отвѣснаго положенія и всею своею массою угрюмо висѣла надъ водою, составляя собою какъ бы половину готическаго свода. Маленькіе камешки и земля отъ какого-то неизвѣстнаго сотрясенія по временамъ сыпались на палубу расшивы.

— Охъ! какъ этакая махина сегодня ночью-ту грянется, такъ и потроховъ неостанется отъ нашей-то расшивы!—замѣтили бурлаки, смотря на нависшую гору. Сдѣлавъ это замѣчаніе, бурлаки преспокойно пошли спать.

Доцманъ и водоливъ поставили на палубы караульнаго, какъ для мертваго тѣла, такъ равно и для того, что не слишкомъ

хвалили мѣсто. Въ прежнее время пошаливали здѣсь разбойники, обитающіе въ Жегулевскихъ горахъ; а судно стояло тогда немного пониже жегулевскаго дбища. * Впрочемъ къ вечеру скопился тутъ порядочный караванъ судовъ, которыя стояли выше и ниже.

Николай Ивановичъ радъ былъ и караульному и каравану. Онъ не хотѣлъ спать всю ночь, потому что на него напала тогда какая-то боязнь, и овладѣло какое-то весьма тяжкое и грустное чувство. Непріятное впечатлѣніе минувшаго дня, мертвецъ на расшивѣ, о которомъ не знаютъ его родные, такая же мертвая тишина ночи, невольное представленіе въ воображеніи кровавыхъ разбойническихъ сценъ, и эта нависшая скала, каждую секунду угрожающая разразить и уничтожить всю расшиву, навѣяли на его душу какой-то ужасъ. «Кто знаетъ? думалъ Николай Ивановичъ, — можетъ быть теперь только настала роковая минута, когда этой скалѣ нужно обрушиться въ Волгу; не вѣкъ же она простоятъ такимъ образомъ. Вотъ уже и камешки съ нея сыплются: значить, она теряетъ свое равновѣсіе!». И Николай Ивановичъ, настроивъ такимъ образомъ свое воображеніе, сталъ всматриваться вверхъ, гдѣ темный навѣсъ страшной скалы граничилъ съ яснымъ ночнымъ небомъ и ему представилось, что будто бы дѣйствительно гора начала понемногу отходить далѣе и валиться на расшиву. У Николая Ивановича пробѣжали по кожѣ мурашки.

— Что, братъ, спишь ли ты?—спросилъ онъ торопливо караульнаго бурлака, вскочивъ съ своего мѣста.

— Кто, я то сплю ли? — отозвался съ просонья бурлакъ:— намъ спать теперь не приходится, къ чему, значить, приставленъ, то и наблюдай.

Между тѣмъ Николай Ивановичъ глазъ не спускалъ съ горы и она какъ будто остановилась.

— Случалось ли, братъ, когда нибудь, обваливались-ли этакія-то горы? спросилъ онъ нѣсколько спокойнѣе.

— Какъ не случаться, — отвѣтилъ равнодушно бурлакъ:— мало ли, чай, ихъ обваливается. Да вотъ хоть бы пониже Кириевского, вѣдь камень-отъ тоже, говорятъ, изъ горы выпалъ.

Дѣйствительно, ниже Кириевского свалился въ Волгу огромнѣйшій скалистый камень, который составлялъ собою часть каменной горы. Но когда онъ свалился, этого никто не помнитъ.

* Высочайшій скалистый утесъ, при началѣ Жегулевскихъ горъ.

Въ меженную воду, онъ лежитъ на бичевникѣ, какъ огромный домъ.

— Ну, какъ да и эта гора теперь свалится, а?—продолжалъ спрашивать Николай Ивановичъ.

— Долго ли свалиться, — отвѣтилъ хладнокровно бурлакъ: — свалиться, родимой, не долго; мудренаго нѣтъ, что и свалится.

Разсуждая такимъ образомъ, бурлакъ на страшную гору хотъ бы взглянулъ однимъ глазомъ.

Николаю Иванвичу сдѣлалось какъ-то досадно на такую безпечность и хладнокровіе бурлака.

— Я думаю вѣдь и ты боишься?—спросилъ онъ его изъ любопытства.

— Какъ не бояться, боюсь, родимой, — отвѣтилъ бурлакъ. — Вѣдь отродясь, Николай Ивановичъ, не карауливалъ покойниковъ-ту, а вотъ, оно, гдѣ Богъ-отъ привелъ.

Оказалось, что бурлакъ боялся не горы, а покойника.

Между тѣмъ, когда они такимъ образомъ разсуждали, на караванѣ сдѣлалась какая-то тревога: начали кричать съ судна на судно: «посматривай»: а на нѣкоторыхъ судахъ стали даже стрѣлять изъ пушекъ.

— Что это такое?—спросилъ тревожно Николай Ивановичъ.

— Должно быть что нибудь не ладно! — произнесъ въ свою очередь лоцманъ, торопливо выскочивъ изъ креселъ.

— Да что же такое?—повторилъ Николай Ивановичъ.

— Да, должно быть, грабятъ чье нибудь судно, — отвѣтилъ лоцманъ, почесывая у себя бока. — Вѣдь здѣсь жегули, держи ухо-то востро. Ванька, смотри же здѣсь карауль!—присовокупилъ лоцманъ, обращаясь къ караульному: — не станеть ли подѣзжать лодка, такъ смотри-же окличь, слушай!

— Знамо дѣло, окличу, — отвѣтилъ Ванька: — что мнѣ не окликать-то? окликать мнѣ не тяжело, какъ не окликать.

Въ самомъ дѣлѣ, не болѣе какъ чрезъ четверть часа, вдали, на сколько можно было видѣть при ясной зарѣ, появилась на гладкой поверхности Волги какая-то лодка, которая гребла сверху на низъ.

— Хозяинъ, кажись лодка ѣдетъ?—замѣтилъ на этотъ разъ Иванъ.

— Да, лодка, — отвѣтилъ Николай Ивановичъ тревожно: — поди, братъ, на носъ, да окличь, какъ подѣзжать-то будетъ.

Иванъ торопливо побѣжалъ на носъ судна. Лодка ѣхала еще

далекимъ—далеко, какъ Иванъ закричалъ не нее во все горло: «Миръ Богъ напомочь!»

Отвѣта не было, одно только эхо явотвенно повторило въ горахъ Ивановъ голосъ.

— Ахъ! хозяинъ, неладно,—замѣтилъ Иванъ, боязливо.

— Ну, что же? можетъ быть, не слышать, вскричи еще разъ,—возразилъ Николай Ивановичъ.

— Миръ Богъ напомочь!—вскричалъ Иванъ еще сильнѣе прежняго; но съ лодки отвѣта тоже не было.

— Хозяинъ, бѣда! не ладно!—произнесъ Иванъ самымъ робкимъ тономъ,—недобрые люди, видно, ѣдутъ.

— Вскричи, братъ, еще,—проговорилъ Николай Ивановичъ тоже съ нѣкоторою боязливостію,—а не то приведется, видно, выстрѣлить.

Между тѣмъ лодманъ, захвативъ изъ кресель свою постельку и нагольшій тулупъ, отправился на всякій случай въ мурью къ бурлакамъ, на тотъ конецъ, что разбойники въ мурью къ бурлакамъ никогда не лавать, а лавать только къ хозяевамъ въ казенку.

— Миръ Богъ напомочь!—вскричалъ наконецъ Иванъ съ такой силой, что тутъ же его и вырвало.

— Вамъ Богъ напомочь!—отвѣтили съ лодки и съ словомъ перестали грести, для того, чтобы шумъ весель не мѣшалъ переговорову, тѣмъ болѣе, что голосъ съ лодки едва былъ слышенъ, значить, лодка была далеко.

— Куда Богъ несетъ?—вскричалъ обрадованный Николай Ивановичъ, не столько уже для надобности, сколько для приличія, для порядка.

— Въ Самару!—отвѣтили изъ лодки.

— Доброе дѣло!—заклучилъ Николай Ивановичъ. Тѣмъ и кончился окликъ лодки, на которой опять попрежнему принялись грести веслами.

Если бы на лодкѣ дѣйствительно были разбойники, то они ужъ не отвѣтили бы: «вамъ Богъ на помощь», а просто бы промолчали. По этому и различаютъ добрыхъ людей отъ недобрыхъ.

Волжскіе разбойники не говорятъ: «вамъ Богъ на помощь» потому, что въ такомъ случаѣ они не могутъ уже ожидать счастливаго успѣха въ своихъ враждебныхъ намѣреніяхъ.

Наконецъ на караванъ все опять затихло, прекратилась стрельба, и снова водворилась въ природѣ мертвая тишина.

Тутъ у Николая Ивановича невольнымъ образомъ стали гѣсниться въ головѣ различныя воспоминанія о страшныхъ событіяхъ прежняго времени, о которыхъ много разъ рассказывали ему бабушка Анна и даже старые судовщики — родственники, что какіе бывали ужасные грабежи на Волгѣ. Какъ напр. въ 182... году разбойники напали на армянское судно, плывшее съ Нижегородской ярмарки, съ различными товарами, и какъ хозяина судна изжарили они огнемъ на вѣшикахъ. Какъ другого хозяина изрубили на мелкія части и куски мяса повалили въ бурлацкій котелъ и проч... и проч... Николай Ивановичъ припомнилъ также болѣе близкое ему событіе, что какъ одинъ разъ разбойники грабили его отца — Ивана Порфирыча — и какъ онъ ловко отъ нихъ отдѣлался.

Тогда, (какъ рассказывалъ объ этомъ самъ Иванъ Порфировичъ) человекъ десять разбойниковъ въ глухую полночь неожиданно пристали, въ лодкѣ, къ его судну. Иванъ Порфировичъ спалъ въ казенкѣ. Услышавъ на верху стукъ, онъ выбѣжалъ на палубу; разбойники, какъ видно, только что выльзали еще на расшиву. Иванъ Порфировичъ жизнью своею дорожилъ болѣе, нежели капиталомъ. По этому случаю онъ, безъ особеннаго сожалѣнія, оставилъ все свое имущество на произволъ судьбы, а самъ въ чемъ былъ бросился въ Волгу, съ намѣреніемъ переплыть на берегъ. Онъ крѣпко надѣялся на свое искусство плавать и надежда его не обманула, — онъ дѣйствительно спасся. Увидѣвши, что кто-то бросился съ судна въ воду, разбойники начали кидать въ него камнями; но, къ счастью, не попали, Иванъ Порфирычъ, какъ утка, нырнулъ подъ воду и долго оттуда не выходилъ. Разбойники сочли, что они его убили и что онъ уже потонулъ; а между тѣмъ Иванъ Порфирычъ вынырнулъ изъ воды такъ далеко отъ расшивы, что, благодаря ночной темнотѣ отъ горной стороны, его съ расшивы уже было не видно. Безъ шума и безъ плеску постарался онъ доплыть до берега.

Не далеко отъ этого мѣста находился казачій пикетъ, о которомъ Иванъ Порфирычъ зналъ; а потому не жалѣя своихъ ногъ, онъ опрометью бросился по задеску бѣжать къ пикету, прибѣжать туда на одинъ духъ и, зацѣпившись, объявлялъ казакамъ, что его судно грабятъ.

Какъ стрѣлы бросились казаки въ легкую лодку, захвативъ съ собою и Ивана Порфирыча. Тихо, и безъ шума, вѣдали они

возлѣ берега до тѣхъ поръ, покуда поравнялись съ росшивой, потомъ вдругъ поворотили на нее и дружно ударили въ весла. Въ два—три тихихъ и осторожныхъ взмаха веслами казаки доѣхали до расшивы; разбойники были еще тамъ и забрались уже въ мурью грабить бурлаковъ. Тутъ Иванъ Порфиръчъ узналъ что это не настоящіе разбойники. Настоящіе разбойники бурлаковъ грабить не стануть: они знаютъ, что у бурлаковъ взять нечего—поживиться не чѣмъ, а только можно этимъ вооружить ихъ противъ себя.

Когда казаки выскочили на расшиву, въ это время два чело-вѣка изъ разбойниковъ, бывшіе на верху, смѣтивъ дѣло, бросились было въ свою лодку на утекъ; но ихъ проворно и ловко зацѣпили баграми и вытащили на расшиву. Остальные казаки въ это время стояли у люковъ. Связавши двухъ разбойниковъ, казаки вздули огня и безбоязненно отправились въ мурью къ прочимъ разбойникамъ. Двое изъ нихъ оказались съ ножами, а остальные безъ всякаго оружія.

Увидѣвъ казаковъ, разбойники оторопѣли и не знали что дѣ-лать. Тѣ, у которыхъ были ножи, начали было отмахиваться ими и выбиваться вонъ; но казаки мгновенно устали про-тивъ нихъ пистолеты.—«Сторонись народъ!» вскричали казаки бурлакамъ, прицѣпляясь на разбойниковъ. Бурлаки бросились въ разные стороны какъ дождь. Разбойники струсили болѣе бурлаковъ, бросили ножи и встали передъ казаками на колѣн-ки, прося себя пощады. Казаки не выстрѣлили. Они приказали только бурлакамъ пособить имъ перевязать у разбойниковъ руки.

Ободренные дѣйствіемъ казаковъ, бурлаки бросились на раз-бойниковъ и крѣпко скрутили имъ назадъ руки.

Подъ казачьи нагайки разбойники признались, что они были изъ бѣглыхъ новобраныхъ солдатъ, только одинъ изъ нихъ былъ пустынный, много лѣтъ проживавшій въ жегулевскихъ горахъ.

На вопросъ казаковъ, что какъ они осмѣлились грабить суда близъ пикета?—разбойники отвѣчали: «что судохозяева при-нимаютъ обыкновенно разбойниковъ съ хлѣбомъ да съ солью, и что во время самаго грабежа не бываетъ на расшивѣ никако-го шума. Если и стрѣляютъ иногда съ судовъ, то стрѣляютъ въ то время, когда разбойники къ судну еще не подѣхали, а когда они подѣдутъ, то стрѣльба прекращается, и хозяинъ ни живъ ни мертвъ, встрѣчаетъ разбойниковъ съ хлѣбомъ да съ

солью. Да и вообще подобная стрельба производится не для отбою разбойниковъ, или защиты себя, а только для одной тревоги, потому что стрѣляютъ холостыми зарядами».

Послѣ всего казаки обыскали всѣхъ разбойниковъ и нашли у нихъ около 600 р. изъ конхъ 280 р. были уже взяты у Ивана Порфировича, которые казаки тотчасъ ему и выдали, а остальные взяли себѣ.

Потомъ связанныхъ разбойниковъ перевозили на берегъ. Казаки, ради насмѣшки, на каждого разбойника надѣли по аркану, привязали ихъ на длинной веревкѣ и, какъ псовъ на сворѣ, повели въ свой кордонъ. Остальные казаки подхлестывали разбойниковъ сзади нагайками, приговаривая: «не бѣгай съ царской службы! не бѣгай съ царской службы!»..

Все это Николаю Ивановичу живо представилось въ его воображеніи и ему опять сдѣлалось страшно.

Но, къ счастью его, время ужъ было передъ утренней зарей, зашолкали два соловья, одинъ изъ нихъ находился надъ самой головой Николая Ивановича, а другой и Богъ знаетъ гдѣ, будто за тридцать земель. Соловьи эти совсѣмъ перестроили его воображеніе. Они какъ будто перекликивались другъ съ другомъ почти до самаго солнечнаго восхода. Разнообразныя трели ихъ въ ночной тишинѣ пріятно отражались въ горахъ и далеко разносились по зеркальной поверхности Волги. Очарованный таинственною тишиною весенней ночи, влѣніемъ чистаго воздуха, наполненнаго ароматическимъ испареніемъ свѣжей зелени, раскинувшейся на покатосяхъ ближнихъ горъ, подъ звуками двухъ соловьевъ, Николай Ивановичъ какъ будто позабылъ прежній страхъ. Даже повисшая гора не представлялась уже ему такъ ужасною, какъ прежде. Онъ видѣлъ уже въ ней самый прочный полусводъ, подъ которымъ спи-себѣ безопасно; и онъ дѣйствительно задремалъ и заснулъ на палубѣ крѣпкимъ сномъ.

ХІІІ.

Волжскія сцены и ихъ послѣдствія.

На слѣдующій день Николай Ивановичъ не слышалъ какъ волонивъ будилъ бурлаковъ, какъ они умывались, а только разбудилъ его неистовый вопль кашевара: «Батюшки!.. караулъ!.. бурлачки!.. караулъ!.. стану, батюшки, проваривать!.. караулъ!..

Николай Ивановичъ вскочилъ и побѣжалъ къ мѣсту шума.

— Дуй его, дуй его! Кондрашка, еще дуй! кричали бурлаки, обступивъ кашевара.

— Вари, вари его!.. еще вари!.. отшалаивай его!.. кричали другіе.

Кашеваръ поваленъ былъ на налубы внизъ лицомъ, два человѣка бурлакъ держали у него руки и ноги, а четыре человѣка оттрепывали его лямками по спинѣ.

Оказалось, что вчерашняго числа кашеваръ не проварилъ къ ужину мясные щи да и сегодня слишкомъ поздно не затопилъ печки; вотъ его за это самого и проваривали.

Первый *уповодъ* * бурлаки проработали подачами и сѣли по обыкновенію завтракать мясные щи, которые на этотъ разъ были уже проварены хорошо. Только похлебали бурлаки простыхъ щей сверху и десятникъ ударилъ—было три раза ложкою о край чашки, давая этимъ знать, что можно уже таскать еъ говядиной, какъ вдругъ рогожа съ мертвеца соскочила, мертвецъ сѣлъ и, озираясь кругомъ, сталъ почесывать свом бока, угрюмо между тѣмъ посматривая на бурлаковъ:

Бурлаки айкнули, мгновенно вскочили изъ за обѣда и всѣ до одного бросились на носъ расшивы.

— Чтѣй-то, ребята, съ Егоркомъ-то сдѣлалось?!.. гляди ко ты всталъ! прокричали робко смущенные бурлаки.—Егорка! что ты это, такой-сякой? какъ-ты это, а?.. принались они перекликаться съ Егоркомъ.

— Знамо, что,—отвѣчалъ Егоръ, смутно и недовѣрчиво поглядывая вокругъ себя:—извѣстно что, не разбудили вотъ, такъ и проспалъ.

Егоръ все еще сидѣлъ и осматривался. Онъ не могъ себѣ объяснить настоящаго своего положенія, не могъ понять, почему именно разбѣжались отъ него всѣ бурлаки и почему его до сихъ поръ не будили.

— Что это, ребята?.. какъ это, право, тово,—началъ разсуждать Егоръ, оглядываясь во всѣ стороны,—выходить, не то, чтобы во снѣ, а такъ... право! что это вы?.. да какъ то, оно, никакъ все... право!..

— Да живъ ли ты, Егорна?—перебили его бурлаки, все еще не смѣя подойти къ нему близко.

— Кто живъ ли, я то?.. Егоръ, одѣлавши этотъ вопросъ,

* Время отъ утра до 1-го обѣда называется 1-й уповодъ, отъ 1-го обѣда до 2-го, 2-ой уповодъ, а потомъ уже до вечера,—3-й уповодъ.

взявъ ведро, вытащил изъ воды и началъ прерывисто умываться.

— Фу ты, какъ это, право!—продолжалъ разсуждать Егоръ,—цѣлой, выходитъ, уповодъ проспалъ.

— Да, такой—ты, сякой! вѣдь тебя вчера убило до смерти; такъ живъ ли ты теперича-то?—продолжали спрашивать его бурлаки.

— Какъ убило?—спросилъ разсвѣнно Егоръ, и какъ будто началъ что-то припоминать.

— Отсохни нога и рука—убило! лопни глаза—убило! вскричали наперевывъ бурлаки въ нѣсколько голосовъ.

— Оно, значить, не убило, а, выходитъ, обѣтрадку одну дѣло,—замѣтилъ Егоръ угрюмо, почесывая у себя въ затылкѣ.—А не помню, ребята, ничего, истинной Христовъ, не помню. Какъ это, право, а!...

Тутъ бурлаки разсказали Егору обстоятельно о происшествіи вчерашняго дня.

— Какъ вѣтромъ то бѣжала, такъ это хорошо, значить, помню, а тамъ, какъ убило, хоть опять убей ни чего не помню. Эка, братецъ, какъ оно, право!.. видно что чему покорно... и Егоръ не множко улыбнулся и покачалъ съ удивленіемъ головой.

Николай Ивановичъ и Богъ знаетъ какъ обрадовался этому чудному случаю и на радостяхъ общалъ бурлакамъ кунить въ Новодѣвичьемъ ведро вина.

Бурлаки свли дообѣдывать, а съ ними помѣстился и Егоръ.

— Не чувствуешь ли, братъ, ты теперь чего нибудь,—спросилъ его Николай Ивановичъ:—вѣдь, чай, всю внутренность у тебя отшибло?

— Коли, чай, не отшибло,—отвѣтилъ Егоръ самымъ равнодушнымъ тономъ.—Какъ не чувствовать, — прибавилъ онъ не много помолчавъ.—Оно не то, чтобы больно было гдѣ нибудь, ая сердце щемило, а только дыханье, значить, немножко завалило.

— Да ты, кажется, дышишь хорошо?— замѣтилъ ему Николай Ивановичъ.

— Кто, я-то? я дышу, слава Богу, хорошо по-крестьянски, нечего Бога гнѣвить.

— А говоришь, что дыханье завалило, — замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Зиму-сь еще у меня дыханье-то завалило, — отвѣтилъ Егоръ; — кашель, значитъ былъ пресильнѣющій.

Николай Ивановичъ засмѣялся.

— Поговори съ нимъ, Николай Ивановичъ, — замѣтили, смѣясь, бурлаки, — такъ отъ него поумнѣешь еще больше.

Впрочемъ, Николай Ивановичъ полагалъ, что Егоръ хорошенько еще не опомнился и не можетъ рассказать и объяснить своего внутренняго разстройства; а потому заблагоразсудилъ дать ему немножко поправиться и на работу еще не посылать.

— Ты, братъ, погоди на работу-ту ходить, — сказалъ ему Николай Ивановичъ, когда другіе бурлаки стали отправляться на бичеву: — полежи немножко, да поправься.

— Оно полежать можно, проговорилъ Егоръ такимъ тономъ, что какъ будто бы обѣщаніемъ полежать онъ и Богъ знаетъ знаетъ какъ обязывалъ Николая Ивановича.

Бурлаки вышли на бичеву, а Егоръ остался на расшивѣ полежать, и потому отправился въ мурью.

Черезъ полчаса — мѣсто Егоръ опять высунулъ свою голову изъ мурьи и сдѣлалъ одно замѣчаніе насчетъ вѣтра. — Эхъ, матушка! отъ Казани валий въ оба *витюзя*! *

— Что, братъ, поправляешься ли? — спросилъ его Николай Ивановичъ.

— Кто, я-то? какъ не поправляться, поправляюсь помаленьку.

— Небольно теперь нигдѣ?

— У кого, у меня то? теперъ не больно нигдѣ.

— Въ спинѣ-то, промежъ крыльцами-то не чувствуешь ли ты чего нибудь; вѣдь тебя братецъ ударило по спинѣ.

— Кого, меня то? меня по спинѣ ударило.

— Ну, такъ я тебя спрашиваю, братецъ, что въ спинѣ то ты не чувствуешь ли чего?

— Кто, я то?...

— Ну, да, — ты-то, перебилъ его Николай Ивановичъ въ нѣкоторой досадой, — вѣдь съ тобой, дуракомъ, говорятъ, такъ ужь извѣстное дѣло ты.

— Что же-чувствую, то? — отвѣтилъ Егоръ тоже съ недобрымъ уже видомъ: — извѣстное дѣло, что чувствую... мало

* Въ оба витюзя значитъ, чтобы вѣтеръ дулъ отъ Казани по главному направленію теченія Волги; т. е. когда расшива побѣжитъ вѣтромъ и будетъ измѣнять свое направленіе по излучинамъ Волги, тогда вѣтеръ будетъ приходить то съ правой, то съ лѣвой стороны, т. е., — въ оба витюзя.

ли что чувствую, рабочій человекъ не баринъ; что мнѣ чувствовать-то?

— Какъ тебѣ, хозяинъ, не надоѣло съ нимъ говорить-то, — замѣтилъ въ свою очередь лоцманъ. — Чортъ ли ему сдѣляется? На бичеву его надобно свезти; что ему здѣсь пробѣдаться-то?

— Мы на бичеву готовы, — отвѣтилъ Егоръ; — я про то же и говорю, что, молъ, надобно на бичеву... и Егора свезъ водоливъ на бичеву.

Въ русскихъ мужикахъ есть много смѣливости и остроты, но наполовину изъ нихъ бываютъ такіе безтолковые дурачье, что не понимаютъ самой простой вещи, если только эта вещь не составляетъ для нихъ необходимости. Надобно имѣть самое адское терпѣніе, чтобы выдержать и не взбѣситься на такого мужика, когда придется съ нимъ разговаривать, о чемъ бы то ни было. Иногда нужно пробиться съ нимъ цѣлый часъ, чтобы только узнать, изъ какой онъ деревни. И это бываетъ не столько отъ природной ихъ неспособности, сколько отъ непривычки рассуждать. Болѣе смѣливые мужики и сами замѣчаютъ въ своихъ собратахъ такія неповоротливыя натуры, такъ что придумали насчетъ ихъ довольно острое и мѣткое выраженіе, что «у Егорка, напримѣръ умъ засохъ, надо размочить.» И подлинно такіе неповоротливые умы требуютъ большой еще размочки! Къ числу такихъ натуръ принадлежалъ и Егоръ. Впрочемъ, Егоръ былъ человекъ добрый и простой, но подобные мужики болѣею частью бываютъ весьма грубы и способны на дерзкія и оскорбительныя выраженія; въ этомъ случаѣ они бываютъ даже довольно тонки, такъ, что невольно усомнишься иногда, что дѣйствительно ли они неспособны къ пониманію того предмета, о которомъ съ ними говоришь, или представляются такими умышленно.

Утвердительно можно сказать, что бываетъ то и другое.

Въ Новодѣвичьемъ Николай Ивановичъ исполнилъ свое обѣщаніе и купилъ для бурлаковъ ведро вина.

— Покорнѣйше благодаримъ! — сказали бурлаки, принимаясь распивать вино.

— Вотъ, какъ бы Егорка-то еще гдѣ нибудь ошелепятило, такъ, можетъ быть, хозяинъ то еще бы выставилъ ведерко, — съострилъ одинъ бурлакъ.

— Больно бы хорошо, — произнесъ въ свою очередь Егоръ, дѣливая съ наслажденіемъ стаканъ вина.

Такъ мѣнялось горе съ радостью и расширя дѣнь ото дня передвигалась впередъ.

Лоцманъ у Николая Ивановича считался за человѣка извѣстнаго и знающаго свое дѣло. Онъ зналъ, у кого и когда переменить подачу (въ сущности нанести вредъ другому судну и попрепятствовать его ходу), зналъ какъ прижать чужое судно къ берегу и выпихнуть его на мѣдь; а что ругался — такъ противъ семерыхъ. Все это не совсѣмъ нравилось собственно Николаю Иванычу; но чтѣ было дѣлать, когда весь успѣхъ судовой промышленности основанъ былъ на обманѣ и озорничествѣ: озорникъ и плуть всегда уйдетъ изъ каравана впередъ, а тихій и уступчивый человѣкъ, останется назадъ, слѣдовательно, будетъ въ числѣ послѣднихъ. Разумною же расторопностію руководствуются мало.

Наканунъ Вознесеньева дня расширя Николая Ивановича остановилась на ночевку немножко пониже Тетюшъ. Погода была самая пасмурная, небо заволокло облаками и на Волгѣ оказалась небольшая зыбь. — «Ребята, къ вѣтру покачивается» замѣтили бурлаки во время ужина.

Въ самомъ дѣлѣ послѣ ужина начала подувать низовая. Лоцманъ посмотрѣлъ немножко назадъ, взглянулъ на небо, оцѣнилъ рукою силу вѣтра и закричалъ:

— Ребята, распушай коренной! (парусъ).

Бурлаки принялись распускать парусъ.

— Ну, закладывай на шпиль, да ворочай съ Богомъ, — командовалъ лоцманъ.

Бурлаки съ крикомъ принялись ворочать шпиль и тяжелый парусъ сталъ понемногу подниматься вверхъ.

Между тѣмъ на небѣ начали скопляться тучи, вѣтеръ остановился часъ отъ часу сильнѣе и къ полуночи превратился чуть не въ бурю. Наконецъ все небо покрылось густыми тучами, повременамъ сталъ брызгать дождь и ночь сдѣлалась до того темна, что съ трудомъ можно было различать самые близкіе предметы.

— Вишь какъ нахмурило, — замѣтили бурлаки, — ночи не видно, куда хочешь бѣги.

Лоцманъ, стоявшій на носу расшивы, какъ ни силился всматриваться въ береговые предметы, чтобы дать безопасное на-

правление судну, однако не только предметовъ, но и самыхъ береговъ, за темнотою, было невидно. Судно бѣжало наавось, по одному слѣпому соображенію.

Вдругъ съ лѣвой стороны послышался шумъ, потомъ, немно- го погодя, трескъ упавшаго отъ вѣтра дерева.

— Дядя! въ берегъ бѣжимъ!.. въ берегъ бѣжимъ!.. закри- чали хозяинъ и бурлаки.

— Направо!! гни больше направо!—вскричалъ благимъ ма- томъ лоцманъ:—батюшки! направо!..

— Есть направо!—отвѣтили бурлаки, стоявшіе у руля.

— Гни на борту! — продолжалъ оробѣвшій лоцманъ, который услышалъ уже береговой всплескъ волнъ.

Расшива раза два порядочно шаркнулась своимъ дномъ о хрящеватый грунтъ, и полетѣла отъ берега прочь; потому что въ это время она успѣла уже сдѣлать надлежащій поворотъ. Вскорѣ не стало слышно ни всплесковъ береговыхъ волнъ, ни лѣсного шума. Зарываясь въ волнѣ, расшива побѣжала отъ берега въ глубину ночного мрака, но по какому направленію— неизвѣстно. Лоцманъ наудачу, вскричалъ: — «дай немножко на- лѣво!» и такъ оставилъ бѣжать на произволь судьбы. Гдѣ находилась тогда расшива? куда держала свое направленіе? и съ какою скоростію она бѣжала?—всего этого узнать было нельзя; мракъ ночи не позволялъ разсматривать предметовъ, по которымъ бы можно было сдѣлать соображеніе.

Вдругъ съ правой стороны неожиданно-негаданно, изъ глубины ночного мрака и сквозь шумъ волнъ, послышался хриплый го- лосъ: — «налѣво!.. — Есть налѣво!» былъ отвѣтъ нѣсколькихъ голосовъ.

— Батюшки! на расшиву бѣжимъ—вскричалъ лоцманъ:—да- вай налѣво!—гни налѣво!..

Въ ту же минуту съ правой стороны послышались также суматоха и крикъ:—на расшиву бѣжимъ! на расшиву! гни на- право!..

— Али не видишь?!. куда бѣжишь?!. что дѣлаешь, такой сякой?!. али Волга-та мала!.. кричали съ той и другой рас- шивы, стараясь обвинить противную сторону.

Голоса быстро обближались и чрезъ двѣ минуты двѣ расшивы съ ужаснымъ трескомъ разразились одна объ другую.

Расшива Николая Ивановича оказалось крѣпче той, съ кото- рой она сбѣжалась, а потому у противной стороны слетѣли

порыска и вся обдѣлка; немного погода переломилась рабна, а на судавъ Николая Ивановича изорвало парусъ.

— Распехивайся! — кричалъ лоцманъ Николая Ивановича.

Бурлаки съ шумомъ принялись распехиваться, а между тѣмъ съ обломанной расшивы начали кидаться полѣвьями; тѣмъ же стали отвѣчать и съ расшивы Николая Ивановича. Тутъ началась страшная ночная война. «Караулъ!.. убили!».. — кричали съ обѣихъ судовъ. Къ счастью расшивы разошлись скоро, и быстро пошли одна отъ другой въ разныя стороны.

— Не уйдешь, мошенникъ! не уйдешь! — кричали съ обѣихъ расшивъ, каждый въ свое утѣшеніе; но этотъ угрожающій крикъ скоро сдѣлался не слышенъ другъ для друга.

Когда судно Николая Ивановича разцѣпилось съ другимъ судномъ и побѣжало свободно, то лоцманъ потерялъ уже всякое соображеніе—куда бѣжать. Парусъ немножко осадили. Лоцманъ приказалъ наметнуть шестомъ—не смаячилъ.

Не болѣе какъ черезъ четверть часа опять сдѣлалась тревога. Оказалось, что расшива уже забѣжала на другой берегъ Волги и попала въ какіе-то кусты ивняка.

— Дядя! *въ яломъ* * забѣжали! — закричали бурлаки.

— Налѣво! налѣво! — закричалъ лоцманъ.

— Есть налѣво! — отвѣчали бурлаки;—но только что кончили она эту переключку, какъ расшива очутилась въ густыхъ кустахъ ивняка и со всего размаха набѣжала на мель. Отъ сильнаго удара судно затрещало, бурлаки всѣ до одного попадали, а парусъ располосовало на куски.

Не буду описывать всей суматохи при стаскиваніи изорваннаго паруса; скажу только, что страшная буря и темнота ночи весьма препятствовали работамъ, тѣмъ болѣе, что огромныя части паруса со свистомъ хлестали по палубамъ и отбивали этимъ работу. Трехъ бурлаковъ равнло опасно, одного сшибло въ воду, но такъ какъ около судна было не глубоко, то онъ досталъ до дна и спасся.

Когда парусъ убрали — начало разсвѣтать. Николай Ивановичъ сосчиталъ всѣхъ бурлаковъ много изъ нихъ было переранено, но несмертельно, а Терентья вовсе не оказалось. И покричали было его, и поискали по мурьямъ—нѣтъ.

По всему вѣроятно, онъ уналъ въ воду въ то время, когда

* Полоями называются низменныя мѣста, затопленныя полою водою.

сбѣжались суда. Въ это время невозможно было разслушать ничьего отдѣльнаго голоса.

Николай Ивановичъ отправился въ казенку и предался сердечному горю о постигшемъ его несчастіи.

— Бѣдствіе за бѣдствіемъ! невзгода за невзгодой! — произнесъ онъ про себя. — Богъ видимо не велитъ мнѣ промышлять этимъ поганымъ промысломъ. Главное, что здѣсь честнымъ-то человѣкомъ быть нельзя — пропадешь. Нельзя смотрѣть на покойнаго родителя. Ему было свое счастье, а мнѣ свое. Опять же ему нечѣмъ было и заниматься, кромѣ этого промысла, потому что онъ ничего другого не зналъ, хоть и умнѣе онъ былъ отъ природы, но ничему не учился — не зналъ ни наукъ ни искусствъ, а я ужъ кое-что и теперь знаю, а живу — узнаю и больше. Я, напрямѣръ, могу быть художникомъ, механикомъ, артистомъ; или буду заниматься науками, добьюсь, быть можетъ, до государственной службы... О, если бы добиться! Я бы тогда былъ совершенно счастливъ. Тамъ должно быть все люди образованные, умные и ученые, смотри какія сочиняютъ книги (Николай Ивановичъ думалъ тогда, что ученые книги сочиняютъ одни только чиновники), а вѣдь какъ нибудь добиваются же до этого; почему же мнѣ не добиться? Почему я не могу быть ученымъ человѣкомъ? Вѣдь люди же пишутъ ученые-то книги; вѣдь человѣкъ же былъ Леонтій Магнитскій, или Фуссъ! кажется все можно изъ себя сдѣлать; только захотѣть, и потрудиться. Недаромъ мнѣ покойный родитель говорилъ про это, что «если хочешь, такъ выучишься всему»; онъ говорилъ правду. — И Николай Ивановичъ рѣшился, во что бы то ни стало, быть или художникомъ, или артистомъ, или ученымъ человѣкомъ и добиться какъ нибудь до государственной службы, для того чтобы имѣть возможность быть честнымъ человѣкомъ, и полезнымъ членомъ государства. Онъ думалъ тогда, что честные и полезные люди могутъ быть только на службѣ.

Мечтая о будущемъ, Николай Ивановичъ видѣлъ, что движущій механизмъ на расшивѣ не такъ силенъ, чтобы въ настоящемъ случаѣ можно было надѣяться на успѣхъ, потому что онъ сообразилъ, наскорую руку, быстроту судна, съ которою оно бѣжало, и силу вѣтра; даже сдѣлалъ маленькое изчисленіе, и убѣдился изъ этого, что для снятія судна съ мели, тѣхъ силъ которыя имѣются въ его распоряженіи, не достанетъ, и что для этого нужно ихъ имѣть по крайней мѣрѣ вдвое. По этому случаю

онъ не хотѣлъ уже и пробовать подобныхъ средствъ, сознавая ихъ недействительность.

Когда совсѣмъ разсвѣло, Николай Ивановичъ вышелъ вонъ изъ казенки посмотрѣть, нѣтъ ли вблизи какого нибудь паузка, въ который бы можно было вывалить на время часть клади; но, къ сожалѣнію, паузка не оказалось; только по обѣимъ сторонамъ Волги видно было четыре несчастныя судна, которыя въ эту же ночь выбѣжали на берега.

Тутъ Николай Ивановичъ ясно увидѣлъ, что для него остается одно только средство: купить или нанять другое судно или барку, нагрузить въ нее всю кладь и доставить до Рыбинска, а своя расшива должна остаться уже на берегу, потому что стащить ее невозможно, тѣмъ болѣе, что вода убывала тогда по 14 вершковъ въ сутки, стадо быть въ три дня расшива должна была обсохнуть.

Николай Ивановичъ началъ придумывать, гдѣ бы ему можно было отыскать барку.

Лоцманъ и водоливъ, а также всѣ бурлаки, вида что хозяинъ ничего не предпринимаетъ, закричали на него въ одинъ голосъ: — что же ты хозяинъ стоишь, а ничего не дѣлаешь! я думаю надобно сниматься!

— Не снимаешься, — отвѣтилъ угрюмо Николай Ивановичъ, занимаясь своею мыслию.

Тутъ всѣ безъ изыятія бурлаки выразились, что хозяинъ къ волжскому промыслу не способенъ.

— Какой ты хозяинъ? о себѣ не радишь — говорили они съ упрекомъ.

— Завози становой якорь! — вскричалъ лоцманъ повелительно: — сниматься надо, что на него глядѣть-то.

Бурлаки завезли становой якорь и стали ворочать на шпиль.

— И!.. и!.. и!.. у!..у!..у!.. Пошла! пошла! тронулась! — кричали бурлаки, ободряя другъ друга; но расшива и не шевельнулась.

Надобно сказать правду, что бурлаки работали съ чрезвычайнымъ усердіемъ, ворочали шпилью изо-всей силы, даже, можно сказать, черезъ силу, потому что отъ чрезвычайнаго напряженія у многихъ бурлаковъ глаза налились кровью, а у иныхъ кровь пошла изъ носу. За всѣмъ тѣмъ расшива не шевельнулась. Пробившись по пустому часа три, бурлаки убѣдились, что расшиву снять дѣйствительно нельзя.

— Ну, двѣать нечего, надо ѣхать конать паузка на перевалку,—произнесъ лоцманъ.

— Да, гдѣ паузокъ-то?—возразилъ Николай Ивановичъ, озираясь кругомъ, — видишь нигдѣ нѣтъ.

— Ты думаешь, къ намъ паузокъ самъ подъ бокъ прїѣдетъ? нѣтъ, любезный, самому надобно поискать,—продолжалъ лоцманъ.—Надобно съездить въ Богородское, тамъ на большую-то посудинку найти можно.

Николай Ивановичъ сообразилъ, что рассчитывая на самое уже скорое время, изъ Богородскаго нельзя славить паузка ранѣе 1½ сутокъ, къ этому времени нужно было еще прибавить то время, которое необходимо на выгрузку; стало быть послѣ этого нельзя уже будетъ стацитъ в пустой расшивы; между тѣмъ за паузокъ нужно все таки заплатить корошія деньги. Сообразивъ все это, Николай Ивановичъ за паузкомъ ѣхать отказался.

— Нужно здѣсь конать коровнаго паузка до Рыбинска, а не на перевалку, — протвердилъ онъ: — надобно ѣхать въ Каму, да купить тамъ козоменку, а больше двѣать нечего.

Бурлаки съ презрѣніемъ покачали только головой на Николая Ивановича и потребовали отъ него паспортовъ.

Николай Ивановичъ, въ свою очередь, потребовалъ съ бурлаковъ росписки въ уплатѣ ему денегъ за недожденное ими разстояние до Рыбинска, а безъ этого не хотѣлъ имъ выдавать и паспортовъ.

Бурлаки стали притѣснять его: едва-едва согласились на самую малую уплату ему денегъ, а въ противномъ случаѣ, угрожали убѣжать и безъ паспортовъ; даже принялись ругать его самыми оскорбительными выраженіями, называя его безтолковымъ дураномъ.

Николай Ивановичъ чрезвычайно на нихъ озлобился, и тутъ же захотѣлъ имъ отомстить за свое оскорбленіе и доказать, что онъ не дуракъ.

Въ то время не знали еще значенія въ монетѣ «на серебро», стотъ былъ тогда на ассигнаціи. Названіе это заключало въ себѣ буквальный смыслъ, и впросто относилось до звонкой серебряной монеты; тогда, какъ по закону, она имѣло то же значеніе, какъ и теперь. Николай Ивановичъ воспользовался этимъ случаемъ и применилъ его къ дѣлу. Прикинувшись совершеннымъ разгильдяемъ, онъ объявилъ, наконецъ, бурлакамъ, что на предлагаемую уплату денегъ соглашается, только чтобы они ему заплатили не

бумажками, а цѣлковыми, потому что онъ бумажекъ не любитъ, а серебро и золото любитъ за то, что оно побрякиваетъ.

Бурлаки внутренно посмѣялись надъ такимъ глупымъ требованьемъ хозяина, и безпрекословно дали ему росписку въ уплатѣ денегъ по 6 рублей серебромъ съ cadaго человѣка.

По полученіи съ нихъ этой росписки, Николай Ивановичъ немедленно выдалъ имъ паспорта; а самъ отправился въ Богородское подать объявленіе о постигшемъ его несчастіи и о пропавшемъ Терентѣ.

Покуда онъ это обдѣлывалъ, той порой пріѣхалъ на расшиву самъ кладчикъ, — богатый купецъ Бахиревъ. Заботливо осмотрѣлъ онъ расшиву, спросилъ обо всѣхъ обстоятельствахъ, и съ насмѣшкою покачалъ головой.

— Ты хозяинъ, или работникъ? — спросилъ насмѣшливо Бахиревъ Николая Ивановича, зная между тѣмъ, что онъ хозяинъ.

— Хозяинъ, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Какой ты хозяинъ! — произнесъ Бахиревъ, уничижительнымъ тономъ, и больше не сталъ съ нимъ говорить.

Замѣтивъ, что Николай Ивановичъ, несмотря на постигшее его бѣдствіе, былъ довольно спокоенъ, Бахиревъ заключилъ изъ этого, что онъ самый дурной хозяинъ. Онъ видѣлъ, что другіе судохозяева, у которыхъ суда такъ же обсохли съ хлѣбомъ, — рвались и метались, охали и приходили въ совершенное отчаяніе. Одного хозяина вынули изъ петли, — хотѣлъ давиться; двое, не вынесши своего горя, тутъ же спились съ круга, съ однимъ даже приключился ударъ, а другому только еще начали показываться черти.

Остальные судохозяева взѣрошенные и неумытые, безъ шапокъ, бѣгали и метались во всѣ стороны, доказывая этимъ необыкновенную свою способность къ судопромышленности; тогда какъ Николай Ивановичъ ничего этого не дѣлалъ, даже въ свободные часы читалъ физику. Изъ всего этого Бахиревъ заключилъ, что Николай Ивановичъ не только не способенъ къ порядочному дѣлу, но даже помѣшался и сталъ распорядиться его собственностью и даже имъ самымъ совершенно деспотически. Онъ самъ отправился въ Каму, и купилъ тамъ насчетъ Николая Ивановича барку за 1000 рублей, перегрузилъ въ нее всю кладь изъ расшивы и порадилъ проходящую коноводную машину, вывезти эту барку до Рыбинска за 1000 руб., а расшиву, безъ вѣдома Николая Ивановича, продалъ будто бы за 500 рублей.

Распорядившись такимъ образомъ, Бахиревъ немедленно отправился по другимъ своимъ дѣламъ.

Такимъ образомъ Николай Ивановичъ и расшнвы лишился, и получилъ убытку въ денежномъ отношеніи около 2000 рублей.

Когда Бахиревъ принялся распорядиться, Николай Ивановичъ замѣтилъ было ему одинъ разъ, что онъ самъ можетъ и купить барку, и нанять коноводную машину; но Бахиревъ зарычалъ на него, какъ левъ:

— Молчать, паценокъ; а то задавлю, какъ гадину!

Бахиревъ былъ совершенный деспотъ и чрезвычайно горячій, и дерзкій человекъ. У него все сходило съ рукъ; съ нимъ никто и дѣлъ никакихъ не заводилъ, потому что онъ былъ могучій капиталистъ, такъ что ежегодно посылалъ въ губернію въ первый день Пасхи, на мѣсто краснаго ячика, по 5000 рублей.

XIV.

Мечты и действительность.

Какъ ни былъ Николай Ивановичъ равнодушенъ ко всѣмъ случайностямъ жизни, однако настоящее бѣдствіе сильно его опечалило. Онъ видѣлъ, что лишился послѣдняго своего достоянія, и что, можетъ быть, приведется ему испытать и нищету. — «Ну, дѣлать нечего», — думалъ онъ въ свое утѣшеніе: — «по крайней мѣрѣ не буду больше промышлять судами».

Николай Ивановичъ полагалъ, что этотъ бѣдственный случай неволью побудитъ Пелагею Петровну измѣнить образъ промышленности на другой, болѣе положительный и болѣе честный.

Волжскій промыселъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ вообще таковъ, что, при дорогихъ цѣнахъ клади и при хорошей удачѣ, судо-промышленникъ, какихъ нибудь въ два года, зашибалъ иногда порядочный себѣ капиталецъ, а одинъ несчастный годъ вытаскивалъ все съ корнемъ. Поставщики разчитывали всегда на первое, такъ разчитывала и Пелагея Петровна.

Впрочемъ поставщики нерѣдко разорялись и отъ своей глупости. Иногда въ самый дешовый на поставки годъ выгоднѣе было бы проплавать расшивѣ безъ клади, бойкій поставщикъ этого не утерпитъ: непременно сниметъ кладъ, хоть бы отъ этого былъ ему страшный убытокъ; а послѣ и воетъ волкомъ, что онъ разорился.

Да и не одни поставщики, а и большая часть торговой братіи дѣйствуютъ иногда безъ всякаго соображенія съ обстоятельствами. Одна только случайность, а не умъ, руководитъ ихъ торговою дѣятельностью. Случайно купецъ богатѣетъ, случайно банкротится, и спросите его, отъ чего онъ прежде богатѣлъ и отъ чего теперь обанкротился? Онъ не дастъ вамъ положительнаго отвѣта, потому что и самъ этого не знаетъ, потому что дѣйствуетъ всегда безъ разсужденія.

Положимъ, напримѣръ, что въ верховыхъ губерніяхъ, куда обыкновенно доставляется по Волгѣ хлѣбъ, сдѣлался сильный урожай на рожь, а въ то же время въ низовыхъ губерніяхъ на этотъ же хлѣбъ сдѣлался неурожай.

Купецъ, который обыкновенно закупаетъ одну только рожь, ни сколько не стѣсняется этимъ обстоятельствомъ, а все-таки закупитъ ржи по дорогой цѣнѣ на всѣ свои деньги, сколько у него есть, да, пожалуй, еще прихватитъ и чужихъ. Доставивъ такимъ образомъ хлѣбъ туда, гдѣ нѣтъ на него никакого требованія, онъ сбываетъ его за полцѣны; отдаетъ въ кредитъ и часто въ самыя ненадежныя руки. Сдѣлавъ нѣсколько такихъ глупыхъ операций, оборотливый купецъ, конечно, банкротится.

Но если вы спросите его — почему онъ въ то время не закупилъ, напримѣръ, пшеницы; онъ вамъ наивно отвѣтитъ, «мы етимъ не занимаемся-съ» *.

На такихъ купцовъ отчасти походила и Пелагея Петровна. Она хоть вообще была женщина умная, но въ торговомъ дѣлѣ не годилась никуда.

Послѣ того, когда расшиву продали, барку подчалили подъ машину, Николаю Ивановичу ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ отправиться домой.

А потому, въ одно прекрасное утро, Николай Ивановичъ всталъ пораньше, помолился Богу, взялъ котомку на плечи, и отправился домой пѣшкомъ; потому что видѣлъ необходимость беречь денежку на черный день; да и боялся Пелагеи Петровны. Ему надлежало тогда пройти около 600 верстъ.

Тяжело было на первый разъ на душѣ Николая Ивановича. Лишившись почти всего своего достоянія, онъ одинъ-одинехонекъ долженъ быть пуститься пѣшкомъ въ незнакомую, дальнюю до-

* Это говорится о прошедшемъ времени, а въ настоящее время, говорить, многое измѣнилось къ лучшему.

рогу. Чего только не пережестъ онъ въ этой дорогѣ, чего не почувствовалъ!

Въ одномъ дѣсу чуть не убили его татары; въ одномъ селеніи сочли его за бродягу—выходца изъ Жегулевскихъ горъ—и потому схватили его и заперли въ пустой амбаръ, гдѣ онъ и дожидаль, покуда мужики отыскивали грамотѣя, чтобы разсмотрѣть у него паспортъ.

Николай Ивановичъ проспалъ тутъ цѣлыя сутки, потому что грамотѣя дома не было.

Чтобы не впасть въ уныніе, Николай Ивановичъ старался предаваться любимымъ своимъ мечтамъ.

Подъ часъ строилъ онъ такіе воздушные замки, что дѣлался чуть не первымъ счастливецомъ въ мірѣ.

Только вечеромъ, пройдя, верстъ 40 или 50 въ день, усталыя ноги выводили его изъ очарованія и крѣпко напоминали ему о печальной дѣйствительности.

Говорятъ, что мечты и фантазіи въ жизни дѣло пустое: не правда. Бываетъ время, когда эти мечты, эти фантазіи имѣютъ весьма полезное значеніе.

— Я теперь рисую,—думалъ Николай Ивановичъ,—занимаюсь живописью; почему же не могу я быть настоящимъ художникомъ?.. вѣдь, стоитъ только поприлежиѣ заняться, подъ рукой какого нибудь опытнаго въ этомъ дѣлѣ наставника.. главное, узнать бы нѣтъ только кой-какіе приемы, да выучиться бы хорошенько составлять краски, а тамъ можно и самому до всего добиться»... Николай Ивановичъ мечталъ, что онъ найдетъ отличнаго художника, который передастъ ему всѣ правила рисованія, посвятитъ его во всѣ тайны живописи. Николай Ивановичъ все это понималъ, сдѣлался самъ отличнымъ художникомъ; написалъ картину, написалъ другую; картины вышла одна одной лучше, картинами восхищаются знающіе люди.

Наконецъ Николай Ивановичъ сдѣлался извѣстнымъ человекомъ, объ немъ узнала академія художествъ; его выписываютъ въ С.-Петербургъ, представляютъ къ министрамъ... Его осыпаютъ почестями, награждаютъ деньгами... Или Николай Ивановичъ направлялъ мечты свои на другой предметъ.—«Я люблю механику, понимаю ее: почему я не могу быть ученымъ механикомъ?.. И Николай Ивановичъ сдѣлался отличнымъ механикомъ, строитъ машины одна другой удивительнѣе. Его машины сами двигаются по улицамъ, рыщутъ по водамъ, рѣжутъ по воз-

духу... Черезъ это онъ также дѣлается извѣстнымъ человѣкомъ... — А науками заниматься развѣ бесполезно? — продолжалъ мечтать Николай Ивановичъ. — Почему я немогу быть такимъ же ученымъ человѣкомъ, какъ другіе? Стоитъ только выучить то же, что они выучили; а вѣдь они также сначала не знали ничего, да выучились; стало быть и я могу выучиться, да не мудрено, что выучусь еще лучше ихъ, потому что ихъ, можетъ, сначала учили поневолю, какъ и меня же, а я самъ этого страстно желаю... Тутъ Николай Ивановичъ опять давалъ волю своему воображенію. Онъ видѣлъ себя ученымъ профессоромъ-академикомъ, или важнымъ государственнымъ человѣкомъ, составляющимъ проекты законовъ для цѣлой страны; съ нимъ желаютъ знакомиться генералы, даже министры. Онъ извѣстенъ за справедливейшаго человѣка, къ нему обращаются всѣ тѣ, кто ищетъ защиты праваго дѣла. Чтобъ защитить справедливую просьбу бѣдняка, онъ торжественно отказываетъ знаменитому графу; — «требованіе ваше несправедливо, ваше сіятельство, я исполнить этого не могу», говоритъ Николай Ивановичъ.

— Неужели вы меня сравниваете съ этимъ господиномъ?—говоритъ графъ.

— Я смотрю не на просителя, в. с., а на содержаніе просьбы,—отвѣчаетъ Николай Ивановичъ;—для меня тотъ человѣкъ заслуживаетъ больше уваженія, который проситъ о справедливомъ.

— Вы немножко забываетесь,—возразилъ графъ;—припомните съ кѣмъ вы говорите.

— Съ просителемъ, в. с.

— Но проситель просителю розь.

— Предъ закономъ всѣ одинаковы, в. с., а я поставленъ блюстителемъ закона, слѣдовательно, несмотря на лицо, я обязанъ говорить и дѣлать одну только законную справедливость.

— Не пожалѣйте объ этомъ послѣ, молодой человѣкъ, я васъ предупреждаю, что это дѣло можетъ вамъ повредить...

— Не пожалѣйте вы, графъ,—возражаетъ съ достоинствомъ Николай Ивановичъ—потому что объ этомъ нашемъ разговорѣ я могу сегодня же пересказать министру...

Графъ конфузится, проситъ извиненія, Николай Ивановичъ торжествуетъ, что успѣлъ защитить бѣднаго человѣка, со всѣмъ было проигравшаго свое право дѣло.

Мечтая такимъ образомъ, Николай Ивановичъ обыкновенно декламировалъ вслухъ, и даже принималъ на себя различныя осязки.

«Но вотъ вопросъ,—думалъ иногда Николай Ивановичъ, переходя отъ идеальнаго къ реальному»,—какъ, при недостаткахъ къ существованію, прожить то время, которое нужно для изученія наукъ и искусствъ? Положимъ, я опредѣлю на это извѣстные часы,—но найдется ли у бѣднаго человѣка хоть скольконибудь свободнаго времени отъ его ежедневныхъ занятій?.. да и чѣмъ я буду заниматься, чтобы достать себѣ необходимый кусокъ хлѣба? къ торговлѣ я неспособенъ, да нѣтъ на это и денегъ... Развѣ приняться за какоенибудь ремесло?.. и въ самомъ дѣлѣ,—думалъ Николай Ивановичъ;—стану заниматься столярной работой, буду плотничать, стану ковать,—часы дѣлать, шить сапоги.. Это все я могу дѣлать; только вотъ бѣда, что изъ-за этихъ работъ не будетъ оставаться свободнаго времени; а иначе не добудешь себѣ и куска хлѣба... А ночь,—отвѣчалъ себѣ Николай Ивановичъ:—днемъ буду работать, а науками буду заниматься ночью, вотъ и все. Правда, при такихъ условіяхъ много понадобится времени, много нужно будетъ употребить лѣтъ на свое ученье, а тѣмъ болѣе человѣку, изнуренному дневными трудами; но что же дѣлать,—буду учиться 10 лѣтъ; не выучусь въ 10 лѣтъ—проучусь 20; когданибудь выучусь же и сравнюсь, можетъ быть, съ другими учеными людьми. Вѣдь учившись, я ничего не теряю, а выиграть со временемъ могу много, и пословица говоритъ, что за ученаго, двухъ неученыхъ даютъ... Умру раньше—значить, дѣло кончено...

Итакъ Николай Ивановичъ порѣшилъ заниматься какимънибудь ремесломъ, а ночь и всѣ свободные часы — употреблять на изученіе наукъ.

Черезъ 2 недѣли Николай Ивановичъ пришелъ благополучно домой, прошагавъ 600 верстъ. Сначала ноги его, какъ непріученныя къ большой ходьбѣ, страшно болѣли, а потомъ привыкли до того, что къ концу дороги онъ не чувствовалъ уже никакой почти усталости.—Экая натура—то человѣческая славная!—подумалъ Николай Ивановичъ, подходя къ дому; — Къ чему только нельзя привыкнуть? Теперь-бы вотъ ушолъ я и Богъ знаетъ куда!

Пелагея Петровна встрѣтила Николая Ивановича со слезами

на глазахъ, такъ что Николай Ивановичъ не зналъ что объ этомъ и подумать. Впрочемъ, впоследствии оказалась, что вѣжная родительница прослезилась на этотъ разъ вовсе не отъ родительскаго чувства, а отъ сожалѣнія къ красавицѣ расшивкѣ.

— Что расшиву-ту въ кулекъ сложилъ да принесъ, промышленникъ? — заговорила она на первый разъ.

— Да что же будешь дѣлать, маменька, — отвѣтилъ печально Николай Ивановичъ: — вѣдь ужъ это вышло не отъ меня, а видно такъ Богу угодно.

— Не отъ меня, прямъ, — возразила Целагея Петровна; — а отъ кого же?.. отъ сосѣда, что ли? отчего ты не снимался съ мели-то?... а?

— Снимался, да сила не взяла.

— Какъ снимались? вѣдь вонъ бурлаки уже всё смѣются: «поенимались, говорятъ, сполчаса, да и бросили, и то, говорятъ, лоцманъ распорядился, а хозяинъ, говорятъ, и сниматься-то было не велѣлъ».

— Бурлаки вѣдь ничего не понимаютъ, — отвѣтилъ Николай Ивановичъ: — если не снялись съ перваго раза, такъ со втораго раза и подавно не снялись-бы, потому что и народъ усталъ, да и вода убывала больше полувершка въ часъ.

— Что тебѣ до воды-то за дѣло, ты-бы снимался да снимался, можетъ быть, и стали-бы... а то попробовали разокъ да и бросили... Что же, вонъ, Степка Скворода два дни бился, да не бросилъ же? а ты не хотѣлъ и часу пробиться, подкошельникъ!

— Такъ что-же Степка-то сдѣлалъ? снялся, что ли? пробился только по пустому, а сняться-то, все-таки не снялся.

Целагея Петровна не отвѣтила ничего.

— А бурлаковъ-то для чего распустилъ? — начала она опять.

— Да для чего ихъ попустому-то держать-то было?

— Какъ, матушки мои, для чего? для чего, вонъ, Степка-та Скворода продержалъ цѣлую недѣлю... и уйти, вонъ, у него не смѣли; не какъ у тебя, ретозѣя.

— Такъ что же изъ этого вышло? вѣдь онъ только себѣ-же сдѣлалъ убытокъ, потому что заплатилъ имъ за простой 250 рублей, а распустить-то все-таки распустилъ.

— Такъ, прямъ, «распустилъ»... У тебя на все есть отвѣтъ,

матери-то ужь в слова нельзя сказать — «убытокъ, прямъ, получить» — ты такъ вотъ барышь видно получилъ? Честь нибу поздравить съ барышомъ!.. и Пелагея Петровна злобно усмѣхнулась.

— Матушка моя, расшивка! продолжала она, уныло: — ровно соколъ была, моя матушка! теверь ужь не на что будетъ полюбаваться!... Отецъ-отъ, покойной, старался — строить, а сынъ-отъ въ одно лѣто укайдакалъ... Оно и лучше, свалилъ съ рукъ, да и надѣлъ кошель — легче жить: подъ однимъ окошномъ высбиралъ, подъ другимъ събилъ, то-ли дѣло! безъ заботы! А мать-то, вотъ хлопочи, да заботься; — таковская была!

— Да что же было дѣлать-то, маменька, коли Богъ наслалъ на насъ такую бѣду? Вѣдь въ эту ночь двадцать два судна потонуло; я всегда говорилъ, что въ темную ночь никогда бѣжать не надобно, а лучше постоять — вѣрнѣе будетъ; а у насъ смотри какіе дурачкія обыкновенія: ночью бѣгутъ, и сами не знаютъ куда...

— Танъ, прямъ, въ низовой вѣтеръ стоять? хорошъ хозяинъ! хорошъ судовщикъ!... ха — ха! ха!.. и Пелагея Петровна презрительно захохотала. — Люди будутъ бѣжать, а ты стоять.. экой, матушки, хозяинъ!.. какъ этаному хозяину клади не дать..

— Такъ что же? если бы эту ночь не бѣжали, такъ были бы цѣлы. Конечно, можетъ быть, отстали бы отъ многихъ; за те все бы было цѣло. А то какъ не наткнуться на что нибудь: въ главъ угоди ничего было не видно.

— Отъ чего же люди-то ни на что не наткнулись? отъ чего, вонъ, Сенька Смысловъ не наткнулся ни на что? али Васьян Монинъ; а вѣдь тутъ же бѣжали — да я малъ лвъ матушкиной, караванъ-отъ, говорятъ, тогда былъ: — всѣ пребѣжали, слава Богу! одного только нашего: дурака, разгильдяя, чортъ нанесъ на мель.

— Да вѣдь не всѣмъ же перетонуть, извѣстное дѣло, что кто нибудь да останется; а двадцать-то два судна все-таки потонуло.

— Коли двадцать два судна потонуло, такъ тебѣ надобно было потопить свою расшиву?.. Вотъ, судариня, какой хозяинъ!

— Да я, вѣдь, не нарочно же потопилъ, въ самомъ дѣлѣ, а такая ужь бѣда, видно, припѣла.

— Коли бѣда припѣла, такъ ты и сѣлъ, какъ баринъ, и рукъ-ужь не хотѣлъ развести?

— Тутъ ничего было неаппрасну и хлопотать, сняться было невозможно; однимъ только и можно было помочь — выгрузить въ ту же минуту пудовъ 1000 ; такъ на грѣхъ паузка-то не было.

— Какъ, Господи помилуй , не было?.. отъ чего же Гришка-то Рылковъ, или Васька-то Мовинъ и паузки нашли и все, одному только тебѣ, видно, ничего не достается, а люди все находятъ. Ты, видно, ждалъ, чтобы паузокъ — отъ къ тебѣ самъ пришолъ? разбойникъ этакой!... разоритель!

— Да паузокъ, маменька, полезень былъ только въ ту же минуту, а черезъ день, или черезъ два, онъ уже былъ совершенно бесполезень. — А Рылковъ, или Мовинъ, что съ паузками-то овыми пользы-то для себя сдѣлали? — Одинъ пригналъ на другой день, а другой, кажется на третій, — заплатили за нихъ по 200 рублей — нагрузили, а той порой расшивы-то обсохли. Стали опять перегружать изъ паузковъ-то обратно въ расшивы, потому что паузки нужно было освободить. Что же въ этомъ, польза, что ли? — неужели и мнѣ это же было дѣлать?..

— Я говорю, что у тебя на все есть отвѣты, — перебила его съ гнѣвомъ Пелагея Петровна; — словамъ материнимъ ужъ и мѣста нѣтъ; матери ужъ видно приходится молчать, а не то дѣтки-то и глотку разорвутъ... Экими дѣтками Богъ награди! — другая мать не такъ бы съ тобой поступила: а только бы ротъ отъ передъ ней посмѣлъ разинуть, такъ камнемъ бы въ зубы-то и чопырнула; оно бы и лучше было. А мы, матушки, строжить-то не умѣемъ; не какъ въ людяхъ; все бы хочется тихонько-то, да смирененько-то обойтись; анъ вотъ тебѣ и довела по слабеньемъ-то своимъ, что хоть мать-ту ужъ и изъ дому рады, океанные, выжить. Сиди мать, въ уголку, да плачь, не смѣй ужъ и слова сказать... и Пелагея Петровна дѣйствительно заплакала.

— Да что же я такое сдѣлалъ? — спросилъ въ недоумѣніи Николай Ивановичъ.

— А вотъ что, подлець! — рыкнула Пелагея Петровна, и съ этимъ словомъ изо всей силы хватила его на отмашку кулакомъ по лицу и въ кровь расшибла ему зубы. Въ это время лицо у нея совершенно измѣнилось, какъ будто бы кто его мукой обсыпалъ, и сильно задрожала нижняя губа.

— Что, подлець?... ударь мать-ту!.. только этого ужъ и не достаешь, что ударить; приближь бы, да и все тутъ... Вотъ,

мать, тебѣ, мать; за родительскую-ту любовь, да за воспитаніе! Да что я говорю: прибилъ бы, можетъ, ужъ и билъ,—прибавила Пелагея Петровна, унылымъ тономъ: — да память-то у меня такая, что сегодня прибой, а завтра забыла. Какъ этакую мать не бить? не даромъ вотъ въ бокахъ-то дохнуть не даетъ... охъ!.. охъ!.. охъ!..—и Пелагея Петровна, принявъ на себя болѣзненный видъ, захохала. — Вотъ до чего мать дождала!—продолжала потомъ Пелагея Петровна: — дѣти ужъ бить начали!.. Тутъ Пелагея Петровна принялась всхлипывать, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ кто нибудь прибилъ ее. Тѣмъ и закончилось первое привѣтствіе Николая Ивановича, послѣ его тяжелаго путешествія.

XV.

Художникъ.

Это жестокое и безчеловѣчное обращеніе Пелагеи Петровны съ сыномъ не только огорчило его, но и сильно противъ нее озлобило. — Это какой-то извергъ рода человѣческаго, это воплощенное зло, — думалъ огорченный Николай Ивановичъ про свою мать. — Она знаетъ, какъ оскорбить человѣка, знаетъ чѣмъ вывести его изъ терпѣнія; одного только не знаетъ, — какъ она въ это время бываетъ противна и отвратительна.—И Николай Ивановичъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на свою мать и со слезами вышелъ вонъ. Его страшно мучили подобныя враждебныя мысли, которыя въ первый разъ и почти противъ воли виѣстались въ его голову.

Чтобы облегчить сколько нибудь свою невыразимую тоску и грусть, онъ усердно принялся рисовать. Онъ много видѣлъ отличныхъ историческихъ картинъ на нижегородской ярмаркѣ, разсматривалъ ихъ съ величайшимъ вниманіемъ и у него явилось непреодолимое желаніе сочинить самому какую нибудь историческую картину. Онъ хотѣлъ сначала нарисовать ее тушью на бумагѣ, а потомъ приняться и написать на холстѣ масляными красками. И Николай Ивановичъ сталъ обдумывать—какую именно ему нарисовать картину. Измѣнилъ нѣсколько сюжетовъ, наконецъ выбралъ одинъ изъ нихъ: Воскресеніе Лазаря.

Остановившись на этомъ сюжетѣ, Николай Ивановичъ посвятилъ нѣсколько ночей собственно на размышленіе о предполагаемой картинѣ. Нерѣдко вставалъ онъ ночью и поспѣшно на-

брасывалъ отдѣльные эскизы. При этихъ работахъ онъ постоянно замуривалъ глаза, для того чтобы видѣніе предметовъ не мѣшало ему всматриваться въ тѣ очаровательныя картинныя группы, которыя составились въ его воображеніи и которыя, во всемъ тѣмъ, какъ-то трудно улавливались и перекладывались на бумагу. Много набросалъ онъ отдѣльныхъ эскизовъ, изъ которыхъ съ усиленіемъ и трудомъ скомпоновалъ—таки цѣльную картину.—Вотъ это будетъ, каметея, такъ, — сказала онъ про себя, разсматривая свою картину, выраженную въ однихъ только чертахъ, и принялся класть тѣни тушью. Лазаря и еще одну фигуру фарисея, который робко и недоувѣрчиво детрогивался рукою до плеча воскресшаго Лазаря, какъ бы желая всѣми своими чувствами удостовѣриться въ дѣйствительности необыкновеннаго чуда, Николай Ивановичъ отдѣлалъ окончательно, а на другихъ фигурахъ и на окружающую природу набросалъ только легкія тѣни, и тѣмъ до времени закончилъ свою работу.

Николай Ивановичъ какъ ни былъ угнетаемъ жестокостію своей матери, какъ ни враждовалъ иногда противъ нея въ душѣ своей, однако не утерпѣлъ, чтобы не показать ей своего произведенія.

Для достиженія этой цѣли онъ въ одинъ день, когда Пелагея Петровна была довольно въ хорошемъ расположеніи духа, по крайней мѣрѣ не ругалась, рѣшился работать картину при ея глазахъ.

— Что это ты тутъ варакаешь? — спросила она довольно ласковымъ голосомъ, смотря искоса на картину.

— Да вотъ картину рисую, — отвѣтилъ Николай Ивановичъ:— Воскресеніе Лазаря.

— Покажи-ка сюда.

Николай Ивановичъ показалъ картину.

— Для чего это черныя-то полосы все надѣлами, — замѣтила Пелагея Петровна насчетъ тѣней: — да и надѣ косами-то у всѣхъ черно; а у этого щека-то въ самѣ что ли тогда была вымазана?.. Фу какъ дурно, матушки!—Что тебѣ за нее дадутъ?

— Какъ додѣлаю, такъ дадутъ, кто знаетъ;—отвѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Вотъ посмотримъ, что дадутъ, — заключила Пелагея Петровна, отвернувшись отъ картины.

Другіе цѣнители относились о картинѣ гораздо снисходительнѣе, такъ что оцѣнили ее въ гривну. Только одно случилось на-

шить цѣнителей: почему сидятъ на картинѣ одноглазые люди? Это разумное замѣчаніе сдѣлали они насчетъ лицъ, нарисованныхъ въ профиль.

Въ это самое время проѣзжалъ Гавриловой слободой какой-то художникъ, исключенный изъ академіи художествъ за поведеніе. Онъ пріѣхалъ въ слободу съ цѣлью — снять подрядъ, т. е. расписать одну церковь стѣннымъ писемомъ.

Художникъ этотъ узналъ, что есть въ слободѣ одинъ молодой человекъ, который рисуетъ картины, и пожелалъ съ нимъ познакомиться.

Николай Ивановичъ чуть не сошелъ съ ума, когда услышалъ, что пріѣхалъ въ слободу *академистъ*. Никто не видалъ, какъ Николай Ивановичъ счистилъ съ сапоговъ грязь, вымазалъ ихъ гусинымъ саломъ, самъ умылся, причесался, даже волосы вымазалъ деревяннымъ масломъ, чего средоу не бывало, и въ такомъ положеніи поспѣшилъ отправится къ академисту.

Художникъ принялъ его весьма радушно, поговорилъ съ нимъ кое о чемъ и попросилъ показать ему свою работу.

Николай Ивановичъ пригласилъ его къ себѣ. Онъ зналъ, что Пелагея Петровна весьма любила, когда посѣщали ея домъ ученые люди. Художникъ съ удовольствіемъ согласился на приглашеніе Николая Ивановича и тотчасъ съ нимъ же и отправился.

Хоть Пелагея Петровна и весьма уважала петербургскихъ посѣтителей, однако довольно скромный костюмъ художника и какая-то странная прическа волосъ сдѣлали на нее не слишкомъ приятное впечатлѣніе, а тѣмъ болѣе, когда она замѣтила, что отъ него пахнетъ виномъ. Какъ бы то ни было, но она не выразила никакого неудовольствія и приняла его довольно благооклонно.

Художникъ раскланялся съ Пелагеей Петровной, сказалъ ей два-три вѣжливыхъ слова, и обратился къ Николаю Ивановичу. Онъ попросилъ его показать свои труды.

Николай Ивановичъ съ величайшею робостію сталъ показывать художнику прежнія свои картины, которыя онъ рисовалъ съ оригиналовъ.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ художникъ, довольно, впрочемъ, равнодушнымъ тономъ; — надобно рисовать больше съ хорошихъ оригиналовъ; а главное — надобно тверже изучить первоначальныя правила рисованія — перспективу, теорію тѣней...

Впрочемъ, безъ систематическаго изученія и безъ наставниковъ довольно трудно себя усовершенствовать. — Вѣдь вы ни у кого не учились?

— Ни у кого, отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Занимайтесь... занимайтесь... хорошо; у васъ, какъ видно, есть способности.

— Здѣсь нѣтъ хорошихъ оригиналовъ, — замѣтилъ Николай Ивановичъ:—не съ чего рисовать. Я ужь, здѣсь, самъ изъ себя принялся кое-какъ составлять одну картину, да еще не додѣлалъ.

— Покажите, покажите, пожалуйста.

Николай Ивановичъ съ робостью показалъ художнику картину: Воскресеніе Лазаря.

— Гдѣ вы взяли эту картину? — съ восторгомъ спросилъ художникъ.

— Это я самъ рисовалъ.

— Не можетъ быть!

— Ей-Богу самъ, — произнесъ, усмѣхнувшись, Николай Ивановичъ.

— Да съ чего же вы это рисовали?

— Да такъ, ни съ чего.

— Какъ ни съ чего? неужели же, въ самомъ дѣлѣ, вы это сами рисовали и сами сочинили!

— Право, самъ; что вы это не вѣрите?

Художникъ не выдержалъ, — обнялъ Николая Ивановича и крѣпко его поцѣловалъ.

— Такъ что же вы это, батюшка, здѣсь сидите?! — произнесъ онъ, съ энтузіазмомъ:—помилуйте! Что же вы это?..

— Да что же мнѣ дѣлать-то?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Какъ что? поѣзжайте въ Петербургъ, если денегъ нѣтъ — идите пѣшкомъ, ползите на четверенькахъ — вотъ что!

— Э! къ чорту, пьяная харя, заврался, — замѣтила про себя Пелагея Петровна.

— Да куда же я тамъ приползу? — спросилъ съ усмѣшкой Николай Ивановичъ.

— Въ академію, батюшка, въ академію! такъ съ этой картиной и ступайте. Отыщите тамъ Н...., я вамъ дамъ адресъ, скажите ему, что я васъ прислалъ и больше ничего. Впрочемъ, я вамъ напишу письмо. Н.... васъ на первый разъ приметъ къ себѣ; это человекъ отличнѣйшій и съ большимъ вѣсомъ; ему

ничего не будетъ стоить опредѣлить васъ въ академію. — Помилуйте, батюшка! что вамъ здѣсь дѣлать?

И художникъ началъ быстро прохаживаться по комнатѣ и разсуждать вслухъ: «вотъ они гдѣ сидятъ!.. вотъ гдѣ они!.., а не въ столицѣ!.. Знаете ли что?—сказалъ быстро художникъ, оборотась къ Николаю Ивановичу:—продайте мнѣ эту картину.

— Извольте, — отвѣтилъ Николай Ивановичъ. — но вѣдь она еще не додѣлана.

— Нужды нѣтъ, что не додѣлана, я даже вамъ замѣчу, — извините меня, — что вы отдѣлкою своей эти фигуры немножко испортили.

Художникъ показалъ на фигуры Лазаря и фарисея.

— Извольте, продамъ, — проговорилъ Николай Ивановичъ, какимъ-то неопредѣленнымъ тономъ, потому что онъ рѣшился продать эту картину только ради Пелагеи Петровны, чтобы показать ей, что труды его чего нибудь да стоятъ.

— Что же вамъ угодно взять?

— Какъ-то дешево за нее мнѣ взять не хочется, — произнесъ съ робостью Николай Ивановичъ.

— Кто же вамъ говорить, что дешево?—берите сколько угодно, я съ удовольствіемъ заплачу.

Тутъ лицо у Пелагеи Петровны немножко просвѣтилось.

— Не угодно ли вамъ будетъ присѣсть, да чайку покушать-ся, — проговорила она, обращаясь къ художнику.

— Очень радъ! очень радъ! — отозвался художникъ: — и чаю, и водки, и чего вамъ угодно — очень радъ!

Пелагея Петровна, чтобы сдѣлать распоряженіе о чаѣ и о водкѣ, вышла вонъ изъ комнаты.

— Такъ что же вамъ угодно взять за эту картину? — спросилъ опять художникъ.

— Да меньше трехъ цѣлковыхъ я взять не могу, — отвѣтилъ, сконфузясь, Николай Ивановичъ.

— Батюшка, десять дамъ! двадцать дамъ! только уступи.

Хорошо, что Пелагея Петровна на этотъ разъ вышла изъ комнаты, а то она и Богъ-знаетъ, что бы отъ радости надѣлала.

— Извольте, съ удовольствіемъ, — сказалъ Николай Ивановичъ; однако въ душѣ своей онъ вовсе не ощущалъ никакого удовольствія. Въ это время ему стало необыкновенно какъ жаль своей картины. Копія у него съ нея не было, а онъ чувствовалъ, что подобной картины онъ уже не сдѣлаетъ.

Художникъ кошарилъ у себя въ карманѣ, кошарилъ и въ другомъ, ни десяти, ни двадцати рублей не оказалось.

— Съ собой я не захватилъ денегъ, завтра, а можетъ быть и ужъ, я вамъ доставлю ихъ, тогда возьму у васъ и картину.

— Конечно ужъ тогда,—ввязалась Пелагея Петровна, которая въ это время, только что вошла въ комнату,—мы вѣдь васъ не знаемъ.

— Али, Николай, продалъ картину?—прибавила она, обращаясь къ Николаю Ивановичу.

— Продалъ, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— За что продалъ?

— Да за три цѣлковыхъ.

Пелагея Петровна никакъ не думала, что за такую черно-мазанную картину дадутъ три цѣлковыхъ. «Вотъ съ пьяныхъ-ту глазъ не знаетъ, видно, куда и деньги-то дѣвать гольтана», — замѣтила про себя Пелагея Петровна.

— Ужъ только съ васъ беремъ такую цѣну, прибавила она въ слухъ: — человекъ, видимъ, хорошій, а то надобнобы и прибавочку небольшую.

— Прибавлю, матушка, прибавлю, сказалъ художникъ, посмотрѣвъ на Пелагею Петровну довольно подозрительно.

— Благодарю васъ покорно,—отвѣчала Пелагея Петровна.

Однако, чтобы оставалось и три цѣлковыхъ, къ несчастію, потребовалось художнику кой-что заложить. Но онъ повидимому готовъ былъ заложить послѣднюю рубашку, что бы только приобрѣсть эту картину.

На другой день рано утромъ художникъ явился къ Николаю Ивановичу съ деньгами.

— Это я вамъ даю только въ задатокъ, — сказалъ художникъ, выдавая ему три цѣлковыхъ;—теперь я не при деньгахъ, послѣ вамъ доплату, повѣрьте.

— Хорошему человеку почему же и не повѣрить, вмѣщалась Пелагея Петровна.

Николай Ивановичъ вручилъ художнику картину съ большимъ сожалѣніемъ.

Художникъ попросилъ Николая Ивановича подписать картину свое имя. Николай Ивановичъ подписалъ.

Послѣ этого художникъ взялъ перо и самъ подписалъ внизу картины: «созданіе русскаго самоучки.» —

— Это прелесть! это непоображаемо! — произнесъ онъ съ во-

сторгомъ, еще разъ посмотрѣвъ на картину; потомъ тщательно завернулъ ее въ трубку.

— Ну, до свиданія, сказалъ художникъ, взявши Николая Ивановича за руку и пожавъ ее весьма крѣпко:—мы съ вами скоро увидимся: Если не удастся мнѣ взять подряда, я самъ поѣду въ Петербургъ и возьму васъ съ собой. А между тѣмъ я скоро увижусь съ вашимъ губернаторомъ, поговорю ему кое-что объ васъ.... ну, да тамъ увидимъ — до свиданія! и художникъ вѣжливо раскланялся съ Пелагеей Петровной и вышелъ вонъ.

Пелагея Петровна, услышавъ, что художникъ хочетъ видѣться съ губернаторомъ, посмотрѣла на него съ какимъ — то благоговѣннѣмъ и проводила его чуть не до самыхъ воротъ.

«Вотъ, кажется, начало сбываться то, объ чемъ я мечталъ» подумалъ Николай Ивановичъ, по уходѣ художника.

— «Если онъ останется здѣсь—я у него займусь, онъ меня выучитъ всему, я стану на него за это работать; а если пойдеть въ Петербургъ, такъ и я съ нимъ пойду, непременно»...

Къ несчастію не судилъ Богъ Николаю Ивановичу опять увидѣться съ благороднымъ художникомъ. Онъ на третій день зачѣмъ-то ушелъ пѣшкомъ къ губернскій городъ. Дорогой, должно быть, простудился, потому что въ городъ прилелся чуть живъ, и слегъ тамъ въ больницу; а черезъ недѣлю кончилъ дѣль.

Имярне художника описали за 20 руб. и продали съ аукціонно торга, въ уплату долговъ, по документамъ. Въ описи этой картины не оказалось и куда она дѣвалась—неизвѣстно. Слышное было, что про Николая Ивановича узналъ какъ-то губернаторъ и общалъ выписать его къ себѣ, для личнаго объясненія.

Послѣ этого Пелагея Петровна стала немножко снисходительнѣе къ Николаю Ивановичу, такъ что онъ могъ заниматься уже въ ея глазахъ. Въ это время Николай Ивановича, какъ на грѣхъ, поворотило на науки: онъ сталъ заниматься науками, потому что науки какъ — то стали интересоватъ его больше. При томъ же ему чрезвычайно хотѣлось познать съ науками и Пелагею Петровну, полагая что онѣ понравятся ей лучше живописи и рисованья.

Однажды, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, она съла что-то шить, а Николай Ивановичъ, помѣстившись противъ нея, занялся чтеніемъ еизини и алгебры.

— Ну-ка, какого бѣса читаешь? покажи-ка мнѣ! спросила его она довольно ласково.

Николай Ивановичъ съ величайшею радостью подалъ ей алгебру и физику.

— Это кой чортъ тутъ наваракано?—спросила она, указывая на какую-то формулу.

Николай Ивановичъ съ любовью принялся объяснять ей способности алгебраическихъ исчисленій и рѣшеній нѣкоторыхъ задачъ.

— Э! къ чорту! возьму да и сожгу, — выразилась Пелагея Петровна, и съ презрѣніемъ пихнула ему алгебру. — На какой это чортъ тебѣ знать-то этакую-то чепуху? деньги, что ли, тебѣ за это дадутъ?.. картины-то что не рисуешь?..

Николай Ивановичъ промолчалъ.

— Это еще кой чортъ? покажи-ка сюда, — спросила она, указывая на физику.

— Это физика, — отвѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Кой еще бѣсъ тутъ, что за физика, — проговорила про себя Пелагея Петровна, принимаясь читать физику. Случайно открылась глава о газахъ.

— Что это тутъ за газы такіе?—спросила Пелагея Петровна.

Николай Ивановичъ принялся по возможности объяснять ей, что такое газы.

— Ну, къ чорту ступай! — произнесла Пелагея Петровна, швырнувъ книгу къ порогу. — Газы да иксы разбираешь, жрать-то вотъ что станешь?.. иксовъ-ту да газовъ твоихъ въ горшокъ, вотъ, не положишь, да щей не сварить; али квашни изъ нихъ не замѣсишь. Вишь какую моду проявилъ!

— Да вѣдь черезъ науку-то можно и хлѣба достать, — возразилъ въ торопяхъ Николай Ивановичъ.

Пелагея Петровна, не говоря ни слова, торопливо вскочила съ своего мѣста, нашла простой мѣшокъ и, пихнувъ его въ руки Николаю Ивановичу, произнесла повелительно: — Ступай-ка купи у когонибудь два пуда муки!

Николай Ивановичъ, убравши книги, собрался за мукой и, переминаясь, сталъ просить у Пелагеи Петровны денегъ.

— Какія тебѣ еще деньги?—спросила грозно Пелагея Петровна: — Иксы у тебя есть, газы есть, чего больше? на нихъ и покупай.

Николай Ивановичъ все-таки счелъ это за шуточное приказаніе и потому дождался отъ Пелагеи Петровны денегъ.

— Ну что же неидеешь? Что зѣнки-то вышуча стоишь?—сиромала Пелагея Петровна.

— Да денегъ-ту мнѣ пожалуйте,—произнесъ Николай Ивановичъ.

— Ступай, говорятъ тебѣ! на газы-то да на нксы-то и покупай!—завоцпила Пелагея Петровна, и въ голосъ ея неслышимо было никакой шутки. Николай Ивановичъ очень хорошо видѣлъ, что онъ долженъ былъ или вынести отъ нея ругательства, или извернуться какъ имбудь и купить муки безъ денегъ. Николай Ивановичъ рѣшился на послѣднее: онъ слазилъ тихонько въ амбаръ, взялъ тамъ какую-то желѣзную вещь, снесъ ее въ желѣзную лавку и продалъ за безцѣнокъ, такъ, чтобы достало только на два пуда муки.

Пелагея Петровна, получивъ отъ своего сынка муку, нисколько не позаботилась о томъ, гдѣ у него появились деньги,—какъ будто покупка это совершилась по обыкновенному порядку вещей, или какъ будто деньги должны были появиться у него посредствомъ чуда.

Маша, впрочемъ, давно уже производила такія чудеса. Ниоткуда брались у нея чай и сахаръ, которыми часто угощала она Пелагею Петровну, подъ видомъ своей собственности; неизвестно также откуда появлялись у нея и кой-какіе наряды. То будто бы дарили ее за ея услуги какія-то богатые ея подружки, то будто бы продавала она чрезъ свою работницу, за дорогую цѣну, свои руководѣлья. Пелагея Петровна до тонкости въ этомъ не доходила; она видѣла только, что Маша будетъ хорошая хозяйка, почти вся въ нее, и больше ничего. Въ собственныхъ своихъ распоряженіяхъ насчетъ дѣтей она находила всегда особенную мудрость, достойную подражанія, и тутъ же съ презрѣніемъ и насмѣшками отзывалась о другихъ матеряхъ потаковщицахъ, которыхъ, по ея мнѣнію, слѣдовало бы повѣсить на первой же осинѣ.

XVI.

РЕЗУЛЬТАТЪ ПОСТАВКИ.

Между тѣмъ коноводная машина, къ которой подчалена была барка Николая Ивановича, суда по времени, должна была подходить уже къ Рыбинску. Машина шла чрезвычайно долго, почти до глубокой осени, потому что задержало ее мелководіе.

Николаю Ивановичу слѣдовало отправиться въ Рыбинскъ, какъ для сдачи тамъ хлѣба съ барки, такъ равно и для помученія отъ Бахирева окончательнаго себя расчета.

Не съ большимъ недѣлю привелось Николаю Ивановичу простоять въ Рыбинскомъ. Бахиревъ значительную парцію хлѣба запродавъ въ Петербургъ, въ томъ числѣ и тотъ хлѣбъ, который находился въ баркѣ Николая Ивановича.

— Завтра подведутъ къ тебѣ тихвинки, — сказалъ онъ однажды Николаю Ивановичу; — смотри же вѣсь хорошенько, не мошенничай.

— Развѣ я мошенничаю?—спросилъ, оскорбясь, Николай Ивановичъ.

— А въ Тетюшахъ-то пшеницу-ту развѣ не продавалъ? ну, скажи, не продавалъ?

— Да когда же я продавалъ? Что вы меня все обижаете! Когда окажется, что продавалъ, тогда и говорите.

— Ну, молчать-же, молчать! — сказалъ Бахиревъ: — посмотришь вотъ, чтó окажется.

Купецъ Бахиревъ какъ самъ нажилъ капиталъ безчестнымъ трудомъ, такъ и подозрѣвалъ въ этомъ другихъ. Онъ думалъ, что Николай Ивановичъ, когда расшива его стояла на мели непроизвольно продавалъ съ нея пшеницу, на томъ основаніи, что кладчику взять уже съ него нечего, кромѣ расшивы, которая и безъ того должна была, по расчетамъ, поступить въ его пользу, за переборъ денегъ.

Въ три дня выгрузили изъ барки всю пшеницу. Въ пшеницѣ не только не оказалось недостатка, но было до 100 пудовъ прибыло. Бахиревъ, вида приѣздъ, процѣлъ лицомъ. Ему какъ-будто стало совѣстно, что онъ напрасно оскорбилъ Николая Ивановича своимъ подозрѣніемъ.

— Бобровъ, у тебя привѣсъ вышелъ?—спросилъ онъ его довольно ласково.

— Привѣсъ, Иванъ Михайлычъ.

— Вотъ это хорошо; а я думалъ привѣсъ будетъ.

— Вотъ то то и есть, Иванъ Михайлычъ, не узнавши дѣла, изволили оскорбить меня.

— Ну, ужъ молчать же!—вскричалъ, взбѣсившись, Бахиревъ: а не то у меня смотри!.. раздавлю какъ муку!

На подобныя выходы Бахирева никто уже не обижался, потому что считали ихъ за обыкновенныя.

По окончаніи выгрузки Бахиревъ сдѣлалъ съ Николаемъ Ивановичемъ расчетъ, по которому оказалось, что Бахиревъ переплатилъ за Боброва сверхъ рядной цѣны 1,400 рублей, въ уплату копѣкъ поступила ему расшива въ 400 руб. и барка за 200; стало быть всего за Николаемъ Ивановичемъ оказалось въ переборѣ 800 руб., за которые Бахиревъ оставилъ у себя судовые припасы — паруса, якоря, снасти и проч. Припасы были весьма хороши и стоили по крайней мѣрѣ 2,000 рублей.

Николай Ивановичъ ни какъ не полагалъ, что Бахиревъ оставить ихъ у себя.

— Какъ же это, Иванъ Михайловичъ, вѣдь вы насчитали на меня этотъ переборъ несправедливо. Такого перебора у меня бы не было, если бы вы сами не передали за барку, или не отдали такъ дешево расшиву безъ моего согласія. Барку можно бы было купить тогда за 600 руб., а вы заплатили 1000; а также и расшиву, можно бы было продать по крайней мѣрѣ за 800 руб., а вы продали только за 400. Къ чему вы такъ торопились тогда продать ее? она могла бы быть продана и теперь. Войдите въ мое положеніе! не кладите на меня этотъ переборъ! простите его мнѣ, Бога ради! и прикажите взять судовые припасы!

— Вонъ!!—вскричалъ Иванъ Михайловичъ, затопавъ ногами, еще онъ смѣетъ упрекать меня, пащенокъ!.. какъ гадьку раздалю!.. Вонъ!!.. И Иванъ Михайловичъ немощно привсталъ со стула, съ видимымъ намѣреніемъ прогнать Николая Ивановича по шеѣ.

Тотъ не сталъ уже дожидаться этого угоненія и поспѣшилъ выйти вонъ изъ комнаты, въ которой было объясненіе.

Съ величайшею грустію въ душѣ и печти безсознательно бродилъ онъ по городскимъ улицамъ—былъ на бульварѣ, на кладбищѣ, у торговыхъ банъ; наконецъ зашелъ въ книжную лавку и, съ досады, накупилъ тамъ, по дешевой цѣнѣ, нѣсколько старухъ историческихъ книгъ, въ томъ числѣ Квинта Курція.—Теперь хоть не такъ будетъ скучно — подумалъ онъ про себя:— «стану читать книги».

Знакомые поставщики посматрѣли съ насмѣшкою на Николая Ивановича, и покачали только головой.

— Видно въ попы хочетъ поступить, что книги-то читаетъ,—защѣтили они промежь себя.

— А говорятъ, Бахиревъ-отъ и припасовъ-то не отдаетъ; це-

ребору, слышь, 800 рублей, а онъ, вонъ, книгу накупилъ. Экая безшабашная голова!

Николай Ивановичъ отправился ночевать на расшиву къ одному своему пріятелю, который тоже любилъ рисовать и читать книги. Онъ намѣревался опить-таки завтра сходить къ Бахиреву и попросить его насчетъ припасовъ.

— И не ходи Николай Ивановичъ, — замѣтилъ ему пріятель: — это не такой человекъ, чтобы отдать; онъ этимъ капиталъ нажилъ. Онъ прибьетъ еще тебя, право прибьетъ, да тебя же пожалуй и въ тюрьму упрачетъ; мало-ли отъ него въ Сибирь-то пошли?

— Ахъ, какое дѣло! а я думала было сходить, можетъ, молъ, обдумаешь, да велить отдать. Вѣдь совершенно несправедливо поступилъ со мной, да, говорятъ, еще и барку-ту не зату цѣну купилъ, какъ сказываютъ, а меньше. Кто его знаетъ? что скажетъ, то и ладно. Видно ужъ Богу на поруки отдать. Онъ ужъ, видно, насъ разсудитъ на томъ свѣтѣ... И Николай Ивановичъ съ горестію махнулъ рукой и вручилъ свою судьбу волѣ Божіей.

На другой день чуть свѣтъ разнесся по каравану слухъ, что Бахиревъ умеръ.

— Какъ умеръ? — спросилъ Николай Ивановичъ пораженный этою неожиданною вѣстію: — вѣдь онъ вчера былъ въ добромъ здоровьѣ...

— Да такъ же, — отвѣтили ему прикащики Бахирева: — вчера былъ въ добромъ здоровьѣ, еще насъ вотъ хотѣлъ засадить въ тюрьму, — а сегодня, вонъ, самого раздуло горой-ту — околѣлъ: брюхо, слышь, лопнуло, вотъ что.

Случай этотъ сильно подѣйствовалъ на Николая Ивановича; онъ даже ужаснулся. Здѣсь рѣзко обозначилась предъ нимъ вса тщета человѣческихъ усилій и заботъ.

— Не даромъ покойный родитель мой предоставлялъ все волѣ Божіей, — думалъ Николай Ивановичъ: — такъ оно и слѣдуетъ; да такъ говорилъ и о. Гавріилъ... Назадъ тому нѣсколько часовъ, — продолжалъ разсуждать Николай Ивановичъ, — человекъ этотъ былъ здоровъ, силенъ, неприступенъ, замышлялъ многое, угнеталъ бѣдныхъ... а теперь? — оставилъ всѣ свои заботы и предсталъ суду Божію. Теперь ничего ему не нужно, кромѣ добрыхъ дѣлъ, которыя онъ успѣлъ сдѣлать въ своей жизни.

По окончаніи похоронныхъ обрядовъ, сынъ покойнаго прислалъ за Николаемъ Ивановичемъ и объявилъ ему ласковымъ

тономъ, что онъ прощаетъ ему весь переборъ и дозволяетъ взять припасы.—Отправляйтесь съ Богомъ и не поминайте насъ лихомъ,—сказалъ онъ, прощаясь съ Николаемъ Ивановичемъ.

Николай Ивановичъ низко поклонился богатому наследнику и поблагодарилъ за его милость.

Тотчасъ послѣ смерти подобныхъ богачей, дѣти наследники оказываютъ на первыхъ порахъ большія иногда милости, чтобы показать этимъ, что мы, дескать, не таковы, каковъ былъ нашъ родитель. Но пройдетъ нѣсколько времени—и эти временныя милостивцы начнутъ выкидывать такія штуки, надъ которыми призадумался бы и покойный родитель.

Нагрузивши припасы въ лодку, Николай Ивановичъ благополучно отправился на ней домой.

Покуда все это происходило въ Рыбинскомъ, Пелагея Петровна сидѣла одинъ разъ, задумавшись, у окошка и размышляла о своей судьбѣ и о томъ, съ какимъ резонансомъ возвратится ея сынокъ изъ Рыбинска. Объ отсутствующихъ дѣтахъ она обыкновенно вспоминала съ соболѣзнованіемъ.

Въ это время проходила мимо окошекъ Матрена Порфирьевна. Увидѣвши Пелагею Петровну, она на минуточку-было пріостановилась у окошка, но Пелагея Петровна пригласила ее, на перенутьи, въ горницу. — Не зайдешь, matka, никогда, мимо-то ходишь,—говорила Пелагея Петровна;—зайди ужъ хоть теперь-то, сударыня.

Матрена Порфирьевна согласилась зайти.

Помолившись Богу и поздоровавшись съ Пелагеей Петровной, Матрена Порфирьевна сѣла на стулъ.

— Чай сына изъ Рыбны поджидаешь?—заговорила Матрена Порфирьевна.

— Поджидаю, матушка, ужъ надобно бы быть кажется, что бы тамъ дѣлать-то?

— Экая бѣда какая на васъ, Петровнушка! сынокъ-отъ видно у тебя къ Волгѣ-то не больно способенъ. Въ одинъ годокъ послѣ отца-то росшивку-ту ухайдакалъ. Мы ужъ и то всё говоримъ:—экая, молъ, Петровнѣ-то печаль какая, какъ молъ, она и перенесетъ экую печаль.

— Что дѣлать, матушка, видно ужъ такъ Богу угодно.

— Останется-ли, Петровнушка, хоть что нибудь роздѣлки-то?

— Какая ужъ, матушка, роздѣлка, перебору, я думаю, будетъ много.

— Хоть барка-то, можетъ быть, не останется-ли? барочкой бы, Богъ даль, промышлять стали, мало ли баркаши-то промышляютъ.

— Гдѣ ужъ, я думаю, остаться; того гляди, что и припасы-то съ расшивы-то всё останутся, хоть бы половишку Богъ привелъ получить. А припасы-то у насъ все новыя, да хорошіе: одинъ нарусъ да топсель чего стоятъ! Изъ фламскаго полотна.

— Статное-ли дѣло, матушка Пелагея Петровна! братецъ-отъ, покойной, ужъ худова не любилъ. Сынокъ-отъ видно, вотъ не въ него пошолъ. Въ кого онъ это, дѣвушка, и уродился? весь родъ, кажется, у насъ такіе умники да разумники, а онъ, пооди ты вотъ, ни къ какому дѣлу не сручень.

— Ну ужъ, матушка моя, способностями Богъ награждаетъ, ума-разума человѣку не вложишь, какъ своего нѣтъ.

— Да правду-ли, Петровна, говорятъ, онъ у тебя никакую картину написалъ? да и продалъ, говорятъ, таково дорого.

— Виравду, матушка, написалъ, за три цѣлковыхъ продал.

— Эко, дѣвушка, дѣло! на это вотъ видно толку-ту достало. Шутка-ли въ дѣлѣ три цѣлковыхъ! вѣдь, онъ, чай, этакихъ-ту картинъ и въ день-отъ Богъ знаетъ что надѣлаеть?

— Не знаю, матушка, я не видала, когда онъ и дѣлалъ.

— Велѣтъ быдо своему *Вашуркѣ* (Ивану) написать что нибудь, право, такъ же шатается. Шутка-ли три цѣлковыхъ.

— Да вѣдь неучась-ту, matka, не сдѣлаеть.

— Да чему тутъ учиться-то? вѣдь это не икона. А вѣдь онъ у меня грамотѣ-то давно уже выучился.

Пелагея Петровна не возразила, а только немножко усмѣивулась.

Послѣ этого Матрена Порфирьевна, по просьбѣ Пелагеи Петровны, выпила рюмочку-другую вина и стала торопливо собираться домой.

— Вотъ вѣдь я и заговорила, — сказала суетливо Матрена Порфирьевна, — домой-ту давно ужъ бы надобно, чай ждутъ. Все еще отъ обѣдни правлюсь. У насъ сего дня, сударьни, отецъ Гевріилъ какую проповѣдь сказалъ, такъ просто всё заплакали! Ужъ этакая, дѣвушка, проповѣдь хорошая, заслушаешься. «Православные, говоритъ, слушатели!» «да православные христіане!...» да такъ и поидеть, и поидеть. Читалъ таково рѣдко, да внятно, малой кажется ребенокъ пойметъ. Этакое, право, умница какой!...

— Да объ чемъ же онъ читалъ?—спросила съ любопытствомъ Пелагея Петровна.

— Ну, матка, все про это-то онъ говорилъ, какъ бы, вѣдашь жить-то намъ что ли... «Православные, говорѣть, слушатели!».. «мать наша церковь!».. да таково-то все хорошо и учить говорятъ... «Ви, говорѣть, православные слушатели! да «православные христіане!»... Ну просто, Петремушка, воѣ такъ и заслушались. Ужъ какъ она только это и сочиняютъ, правѣ!

— Да объ чемъ же онъ говорилъ?—повторила своей вопросъ Пелагея Петровна.

— Да объ чемъ, matka, ему говорить-то! вѣдь ужъ извѣстное дѣло, объ чемъ они тамъ говорятъ; я вѣдь не повѣ, кто лжъ знаетъ объ чемъ они говорятъ! вѣдь ужъ это ихъ дѣло.

Матрена Порфирьевна видимо оскорбилась на Пелагею Петровну за то, что та добивалась отъ нея узнать содержаніе проповѣди. А потому не стала больше у нея и сидѣть—ушла домой.

Черезъ три дня Николай Ивановичъ прѣхалъ домой. Пелагея Петровна встрѣтила его первымъ словомъ: — А гдѣ же барка-то?

— Да барка тамъ, продана, отвѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Какъ продана? за сколько?

— Да за двѣсти рублей, больше не даютъ.

— Какъ Господи помилуй, за двѣсти, вѣдь она заплачена тысячу.

— Тамъ ужъ намъ была крайняя нужда, что ни дать, да дать а здѣсь такія барки больше двухъ сотъ не стоятъ; опять жѣ покупилъ и продавалъ самъ хозяинъ, вѣроятно, тамъ передалъ.

— Хорошъ хозяинъ! хорошъ торговецъ! купилъ за 1000 а продалъ за 200—ха!—ха!—ха!... И Пелагея Петровна пронзительно захохотала.—Дави же хоть двѣсти-то рублей, разорителя стайой!

— Да вѣдь, по расчету, съ хозяина-то ничего не пришлось получить. Старикъ-отъ, покойный, перебору еще на насъ на восемьсотъ рублей написалъ, и принеси-то оставилъ было у себя. Хорошо еще умеръ, а то такъ бы совѣшилъ и распровиансъ.

— Какъ, Господи помилуй, распростились, вѣдь, барка-та наша, а не его!

— Да, когда заплатилъ бы ему весь переборъ, тогда бы была наша, а теперь пошла въ уплату перебора. Вѣдь спорить-то больше съ нимъ не стянешь—контрактъ. Еще сынъ-то его она-

собою—престигъ весь переборъ, и припасы отдалъ; а старикъ ни за что бы не отдалъ; да и многіе хозяева не отдали бы.

— Спасибо, прямъ, чтобы ему ни дна ни покрывши! грабонъ ограбилъ... Что же ты на него прошенія не подалъ? а?

— Да объ чемъ я прошеніе то буду подавать? припасы онъ возвратилъ, переборъ простилъ... Положимъ, что этотъ переборъ отъ него же можетъ быть мы сдѣлали; да вѣдь ужъ онъ его и не взялъ съ насъ, а теперь какъ ни считай не начтешь за нимъ ни одной копѣйки. Такъ за что же я прошеніе-то на него подамъ?

— Самой ужъ видно написать, дѣлать нечего. Что ужъ съ такими дѣтьми говорить, языкъ только устанеть... И Пелагея Петровна принялась сочинять черновое прошеніе на наследника Бахирева, въ ту силу, за чѣмъ онъ удержалъ барку.

Николай Ивановичъ ни какъ не могъ уговорить, чтобы она оставила эту кляузу. Пелагея Петровна не хотѣла и слышать. Только одинъ стрикунистъ, которому она вѣрила, и могъ измѣнить ея мысли. Онъ увѣрилъ Пелагею Петровну, что по этому прошенію взыщутъ только съ нея за гербовую бумагу; да не мудрено, что и купецъ Бахиревъ оскорбившись, подастъ съ своей стороны встрѣчный искъ, по силѣ контракта.

— Какой же тутъ встрѣчный искъ? вѣдь ужъ онъ переборомъ насъ простилъ, такъ что же онъ съ насъ взыскивать-то станетъ?

— Да вѣдь онъ простилъ, маменька, — на словахъ, присталъ Николай Ивановичъ,—а контрактъ-то вѣдь документъ.

— Такъ, прямъ, на словахъ; такъ что же ты съ него не взялъ росписку на гербовомъ листѣ?

— Да онъ на мѣсто росписки возвратилъ намъ припасы, это отбить росписки. Значить, онъ хлопотать уже съ нами не хочетъ. За чѣмъ же оскорблять его требованіемъ росписки? вѣдь онъ сдѣлалъ не по принужденію. Онъ, вѣроятно, оскорбился бы этимъ требованіемъ, и не отдалъ бы припасовъ.

— А нельзя развѣ припасы-то отправить домой, а потомъ уже и потянуть его, окаяннаго, къ суду; вѣдь онъ не безсудна же земля?

— Да скажите, за что же бы я его къ суду - то потянулъ? вѣдь онъ намъ теперь не долженъ? За что же его къ суду-то тянуть?

— Съ тобой ужъ, съ окаяннымъ не стоворишь; начинай го-

ворить-то, да и кладь возлѣ боку-то камень, чопырнулъ въ зубы-то камнемъ, такъ и замолчишь, а ужь иначе нельзя.

Николай Ивановичъ замолчалъ. Пелагея Петровна всячески срамила его, ругала и ибвидимому вызывала на дерзость; но онъ не возражалъ уже ей ни на одно слово и казался равнодушнымъ. На другой же день, впрочемъ, положеніе его значительно улучшилось.

По прошенію, которое онъ давнымъ-давно послалъ въ губернское правленіе, произведено съ бурлаковъ взысканіе денегъ, согласно даннымъ ими роспискамъ, по 6 руб. серебромъ съ челоуѣка. Деньги эти были уже высланы въ земскій судъ и Пелагея Петровна получила объ этомъ повѣстку.

Бурлаки сначала поотнѣживались-было платить взыскиваемую съ нихъ сумму на серебро, представляя въ резонъ, что они подписались по незнанію; но имъ отыскали статью, что незнаніемъ закона никто отказываться не можетъ.

Пелагея Петровна тоже ни какъ не думала, что съ бурлаковъ взыщутъ деньги на серебро и потому возрадовалась этому чрезвычайно. Денегъ всего взыскано было 1,200 рублей ассиг. Судовые припасы Пелагея Петровна продала за 1,900 руб., изъ коихъ до трехъ сотъ рублей поступили въ уплату долговъ. Такимъ образомъ составилось у нихъ налично чистаго капитала 2800 руб., чего Пелагея Петровна, покуда капиталъ ихъ не былъ обращенъ въ деньги, никакъ и не думала. Она полагала, что капитала у нихъ несравненно меньше.

Изъ унылой и печальной Пелагеи Петровны опять оказалась гордая и неприступная женщина, которая опять безъ презрѣнія ъ насмѣшекъ не могла смотрѣть мелкую гольтепу, называя ее всегда полуименемъ.

Николай Ивановичъ предлагалъ-было съ своей стороны употребить эти деньги на какое нибудь заведеніе, которое бы могло давать постоянный доходъ, напримѣръ, на устройство пильной мельницы; но Пелагея Петровна на это не согласилась, на томъ основаніи, что такой мельницы ни у кого нѣтъ; между тѣмъ какъ Николай Ивановичъ потому именно и хотѣлъ устроить тутъ пильную мельницу, что въ этомъ мѣстѣ ихъ не было. Главное, что у Пелагеи Петровны все вниманіе было устремлено на волжскую промышленность, а потому, не думая много, она опять купила, по случаю, расшиву немного поменѣе прежней, и заплатила за нее, со всѣми припасами, около 2,000 руб.

Дѣлать было нечего; Николай Ивановичъ опять принужденъ былъ хлопотать около расшивы. — Видно, не отобьешься отъ этого проклятаго промысла, видно прилагать надо къ нему все свое вниманіе — думалъ онъ, и принялся ухаживать за расшивой.

Осенью онъ свою расшиву проконопатилъ, вымолилъ, выкрасилъ, гдѣ требовалось починилъ и поправилъ, даже, по указанію Пелагеи Петровны, написалъ на носу расшивы два огромныхъ глаза и тѣмъ снарядилъ и приготовилъ ее къ будущему!

III. ЗАРѢКШІЯ.

ПРИКАЗНЫЙ И СОБАКА.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЖИЗНИ РОССИЙСКАГО ДОНЪ-КИХОТА.)

(Этнографическій очеркъ.)

(Посвящается Льву Дмитріевичу Данилову).

«Сумраченъ, тихъ, одинокъ» стоялъ Иванъ Петровичъ, однажды, по-утру, въ воротахъ большаго каменнаго дома купца 2 гильдіи, Смарагда Николаевича Барабанова, живущаго въ губерискомъ городѣ N. Въ глазахъ Ивана Петровича даже блестяли слезы, потому собственно, что самое существенное украшеніе его гардероба, бывшая теперь на немъ шинель его, названная кѣмъ-то, за красоту, «роскошныиъ изданіемъ» сильно потерпѣла въ настоящее время отъ неразумнаго пса, принадлежавшаго тому самому дому, въ воротахъ котораго Иванъ Петровичъ стоялъ. Скорбь его излилась, наконецъ, въ ниже-слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Экія дѣла! хотѣлъ-было сдѣлать оборотъ: какъ заморанки еще небольшіе, такъ недѣли-то съ полторы въ одномъ сюртучкѣ до жалованья можно бы щеголять... Аграфена Яковлевна дали бы безпрельно... онѣ добродушны: всѣмъ дадутъ подъ залогъ. Хоть бы какъ ибудь застрѣлить бы ее, проклятую, потихоньку... Должно быть сука: женскій полъ затѣ бываетъ. По настоящему, съ хозяевъ-то слѣдовало бы безчестіе получить... Должны убоготворить, — такъ какъ Аграфена Яковлевна мнѣ теперь не дадутъ: скажутъ, имѣть видъ безобразный, штука, дескать, цѣну свою потеряла. *(Пауза.)* Отъ умныхъ тоже людей слышалъ я: есть такая трава, зовется «боголю-

боява»; къ кому съ ней ни пойдешь, вездѣ съ тобою всё ласково и безпремѣнно и завсегда исполненіе твоего желанія сдѣлають, — аккуратно, словно жалованье. Дивно для меня это!... А вотъ сна-то! Вѣроятно же все предсказываютъ: даве привидѣлось, земля Америка будто бы провалилась!... Развѣ поклониться имъ, господамъ Барабановымъ-то? Непремѣнный нашъ членъ, часто случается, бываетъ у нихъ на дому. Неужто голову сунуть съ плечъ? такъ бы и этакъ! я — служившій: такъ неужто сукъ меня предпочтутъ? Дѣльно ли я говорю?

И съ этими словами Иванъ Петровичъ, предварительно разсмотрѣвъ, что обидѣвшій его пестъ уже куда-то скрылся далеко, робко приблизился къ находящемуся на дворѣ крыльцу дома купца Барабанова, и рѣшился постучать (*слѣдуетъ замѣтить, что аэонки въ городѣ N далеко еще не вошли во всеобщее употребленіе: они существуютъ только у здѣшнихъ «прогрессистовъ», — «консерваторы» же, коихъ въ городѣ большая часть, обходятся безъ оныхъ*).

Вскорѣ въ дверяхъ крыльца появилась молодая женщина—породистая, бллая и румяная, одѣтая съ полнымъ авантажемъ: въ пышнѣйшемъ платьѣ цвѣтовъ радости (известно, что зеленый цвѣтъ есть цвѣтъ надежды, красный—цвѣтъ радости), съ волосами, взбитыми на подобіе волнъ и сильно надушонными отъ амбре, однимъ словомъ до того прекрасная, что Иванъ Петровичъ, искусно драпировавшійся теперь шибко потерпѣвшими полами своей шинели, во обинуясь счелъ красавицу за неотъемлемую принадлежность семейства самаго купца Барабанова.

— Что тебѣ надо?—бойко сказала прекрасная незнакомка, желая почему-то обращаться съ Иваномъ Петровичомъ не иначе, какъ прямо «ма короткой ногѣ», и въ то же время крѣпко держась за отворенную половину дверей, готовую разомъ захлопнуться, хоть бы и съ опасностью защемить носъ Ивана Петровича.

— Сунругъ вамъ... или, можетъ, они-тятенька вамъ-съ? — началъ онъ теперь, что называется «съ подходцемъ» и какимъ-то томенькимъ сладенькомъ голоскомъ.

— Про кого ты спрашиваешь?

— Матъ бы желательно ихъ-съ... Асмафагда Николаевича повидать-съ.

— Да ты изъ страннѣе, что-ли?

— Никакъ нѣтъ-съ... Мы писцы-съ.

— Ну, такъ ступай, проваливай: нашъ баринъ подаетъ только страннѣе.

И она уже хотѣла захлопнуть двери крыльца, какъ Иванъ Петровичъ пакн возгласилъ:

— Нѣтъ, вотъ видите вы... сука-сь!...

— Что-о?

— Миѣ нужно ихъ, Асмагада Миколаича, по дѣламъ видѣть: я съ бумагами отъ начальства пришолъ,— сказалъ Иванъ Петровичъ, сообразившись и поправившись.

— Ну, коли такъ, ступайте за мной, я подождите въ передней, я ему доложу,—нерѣшительно сказала Ивану Петровичу красавица, поглядывая съ нѣкоторымъ подозрѣниемъ на изорванную хламиду его; однако повела-таки вѣстѣ съ собою, зашѣтвъ сквозъ зубы: много здѣсь всякаго народу шатается: иной придетъ, да еще что-нибудь стибрить... Вотъ здѣсь останьтесь, — продолжала потомъ она, указавъ Ивану Петровичу на переднюю, а сама, между тѣмъ, съ шумомъ понеслась черезъ залу въ другія комнаты.

— Эки прелестныя горницы! — сказалъ тихо Иванъ Петровичъ, выставивъ свою головку изъ передней и въ то же время весь скорчившись, что онъ дѣлалъ всегда, въ ожиданіи какого-нибудь значительнаго лица.—А, вѣдь, тоже, сказываютъ, пошли все отъ случая,—продолжалъ уже онъ потомъ, про себя размышляя.

— Какія такія бумаги у тебя ко мнѣ есть?—внезапно послышались слова Смаграда Николаевича, и самъ онъ показался въ предѣлахъ залы, гордо переваливаясь изъ стороны въ сторону и понирая комматный паркетъ тяжеловѣсною стноюю своею. Богатѣйшій полковый халатъ, отъ излишней плотности стоявшій коломъ, выступавшее впередъ чрево и окладистая борода на полномъ лоснящемся лицѣ, въ которомъ какъ бы отпечатывались слова: «Душе моя, пей, яждь и веселись — инамы-бы сокровища многа» — все это и самому купцу Барабанову сообщало почтенный видъ какой-то патріархальной особы. Иванъ Петровичъ смутился духомъ; сократившись до послѣдней возможности, до степени червячка или кузнечика, дребезжащимъ голосомъ онъ произнесъ:

— Явите божескую милость, Асмагадъ Миколаичъ...

— Какія-такія бумаги, я спрашиваю.

— Нѣтъ-сь... я только барышнямъ вашимъ сказалъ, а я собственно не затѣлъ, мое намѣреніе было-сь...

— Что же ты, братецъ мой, врешь?

— Явите свои милости, Асмагадъ Миколаичъ; онъ всю мою шинель изорвалъ-сь.

— Кто же онъ?

— А собачки-то ваши-съ... должно полагать-съ.

(Иванъ Петровичъ весьма часто выражался изъ вѣжливости во множественномъ числѣ не только въ отношеніи къ людямъ, но и къ животнымъ и даже иногда—предметамъ неодушевленнымъ).

— Что-жь ты за человекъ есть?

— Приказа общественнаго призрѣнія регистраторъ-съ.

— Въ запрошломъ году твой секретарь такую съ меня взятку споролъ!

— Все таки, Асмарадъ Николаевичъ, они-съ, наши секретари-съ: а не я, ничѣмъ незвучащее существо-съ.

— Ну, все едино: каковъ попъ, таковъ и приходъ, пословица говорится.

— Никакъ вѣтъ-съ: а только-что мы люди бѣдные.

— Все единственно. Не хорошо такъ вольничать вамъ.

— Явите божескую милость, Асмарадъ Николаичъ!

— Женатый ты, чтоли?

— Помилуйте, съ женою живу-съ.

— Велико ли твое жалованье?

— Девять-съ.

— Можно жить.

— Помилуйте, нынче хлѣба дорогіе-съ.

— Да, благодареніе Создателю, нынче, почитай, придетъ рубль на рубль барыша, кто заручился-то старымъ хлѣбомъ, — сказалъ уже самому себѣ и глядя себя по животу купецъ Барабановъ; потомъ онъ обратился въ Ивану Петровичу, и съ важностью произнесъ:

— Хочу вотъ, ради спасенія души своей, Творцу неба и земли въ благодарность, а грѣхомъ моимъ въ отпущеніе, новую колокольню построить.

— И насъ не забудьте, Асмарадъ Николаичъ, сиротъ и немощныхъ.

— Тутъ... для всѣхъ!—замысловато отвѣчалъ купецъ.

— Теперь тоже въ люди нельзя показаться,—жалобно продолжалъ Иванъ Петровичъ, поднимая прерванную нить разговора и указывая на лоскутья сильно потерпѣвшей шинели,—явите свои милости!

И съ этими словами онъ упалъ въ ноги купцу.

— Жалко мнѣ тебя, да видишь, статья то неподходящія: говорить тебѣ: колокольню надобно строить. Въ другое время я-бы, пожалуй, поусердствовалъ, а теперь пора не такая. Буде что могу, помощи, по силѣ... сочти и малое за велико... на вотъ тебѣ, прими Христа

ради,—сказалъ купецъ, кладя въ руку Ивана Петровича серебряную монету въ пять алтынь.

— Какъ же мнѣ быть-то!!—почти съволеиъ началъ Иванъ Петровичъ, ощущавъ недоброкачествовность купческаго даянiя; однако, въ ту же мигу былъ остановленъ самимъ хозяиномъ дома, который сердито вскричалъ:

— Ты, кажись, позабылся, голубчикъ. Эй, Дуняша, проводи-ка его!

И вдругъ, Богъ знаетъ откуда явившаяся, Дуняша, давшiя прекрасная незнакомка, тотчасъ устремилась, какъ коршунъ, на оробѣвшаго совѣтъ Ивана Петровича и почти на рукахъ вынесла его изъ передней, приговаривая:

— Ступай, ступай, ступай, намъ такiе невужны! Вице обманывать вздумалъ! Ахъ, ты, противное сѣмя, недовольное твое племя. Въ благородномъ купческомъ домѣ учалъ бунтъ затѣвать! Чувствовало сердце мое,—маршъ, маршъ, маршъ!

И опять очутился Иванъ Петровичъ на прежнемъ мѣстѣ, и скорбень былъ его ликъ.

Теперь не считаемъ лишнимъ сказать вѣскольکو словъ объ Иванѣ Петровичѣ вообще, какъ о существѣ органическомъ, которое имѣеть известную форму, живетъ, чувствуетъ, и, сверхъ того, одарено еще вѣкоторыми нравственными побужденiями, однимъ словомъ, какъ тоже о человѣкѣ.

Голова Ивана Петровича сходилась къ верху подъ какимъ-то острымъ угломъ, и, какъ обыкновенно говорятъ, была устроена клиномъ. Лицо его было очень страннаго темнаго цвѣта, какъ будто-бы Иванъ Петровичъ принадлежалъ наиболѣе къ породѣ негровъ, а не къ «благородному» кавказскому племени. По узкому и плоскому лбу его прошло не мало морщинъ, вслѣдствiе трудовъ его праведныхъ; почти вѣчно открытый ротъ не имѣлъ въ наличности одного передняго зуба, который, по словамъ Ивана Петровича, еще въ цвѣтущую пору дѣтства его, былъ вышибенъ мальчишкой-Антипкой, когда оба они вздумали поиграть въ казанки. Все туловище Ивана Петровича, отличавшееся какою-то чрезвычайной подвижностью, было, такъ сказать, совершенно животрпецущее; и вообще, своею фигурою, съ постоянно почти наклоненной и дрожащей головкой и поджатыми, трясущимися ножками, Иванъ Петровичъ имѣлъ большое сходство съ глаголемъ. По рожденiю своему, Иванъ Петровичъ представлялъ соединенiе духовнаго элемента со свѣтскимъ, ибо отецъ его былъ сынъ причетника, а мать—мѣщанка. Родитель вообще отличался правомъ су-

ровымъ и даже дикимъ, который наипаче разыгрывался у него въ хмѣльномъ видѣ; бывало, какъ запоетъ какой нибудь стихъ, такъ ужь и слѣдуетъ изъ сего понимать, что дражайшій родитель Ивана Петровича вкусилъ, и горе тогда отъ него «всѣмъ земнороднымъ». Мать Ивана Петровича была замѣчательна наиболее своей памятью, нетвердою до такой степени, что даже до самой смерти своей, несмотря на всѣ усилія ея супруга, не была она въ состояніи ни одной молитвы, самой коротенькой, выучить наизусть. Поѣсть и попить — это были «крайшія», далѣе которыхъ не желалось уже ей на землѣ болѣе ничего; вѣроятно, подобно гренландцамъ и другимъ философамъ практическимъ, она даже мечтала и надѣялась, что блаженство въ будущей жизни то же будетъ не лишено — но части какихъ-нибудь высшихъ желудочныхъ удовольствій, а равно и по части сна. По окончаніи курса науки въ уѣздномъ училищѣ, откуда выпущенъ былъ съ аттестатомъ за успѣхи въ каллиграфіи и особенное благопріятіе, — благодаря ходатайству тамошняго законоучителя, востоянно державшагося того единственно принципа, что «въ злохудожескую душу не видятъ премудрости», и наоборотъ, — по окончаніи курса наукъ, поступилъ Иванъ Петровичъ на службу въ N—скій приказъ общественнаго призрѣнія, и тамъ сейчасъ же обратилъ на себя вниманіе своею примѣрною трезвостью, послушаніемъ передъ начальствомъ и красотой письма. Потому то же начальство, а именно самъ непремѣнный членъ приказа общественнаго призрѣнія велѣлъ Ивану Петровичу жениться на родной сестрѣ своей «ключицы», мѣщанской дѣвицѣ — Аннѣ. Впрочемъ, какъ увидимъ впоследствии, женитьба эта была весьма неудачная, такъ что Иванъ Петровичъ началъ даже сожалѣть, что не получилъ онъ воспитанія въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, ибо нѣкоторые изъ служившихъ въ приказѣ и тамъ обучившіеся, вообще отличались всѣ, по выраженію Ивана Петровича — гордостію, и въ такомъ отношеніи умѣли себя поставить къ начальству, что ни за какую силу не могли бы принудить котораго-нибудь изъ нихъ вступить въ бракъ не по собственному желанію. Для полной характеристики Ивана Петровича прибавимъ, что онъ особенно любилъ пестрые жилеты съ цвѣтами, по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ сильно помадиль голову масломъ и былъ до такой степени благодущенъ, что, какъ нами уже и замѣчено, выражался обо всѣмъ наиболее во множественномъ числѣ. Чтенія Иванъ Петровичъ вообще не любилъ, и только ради одного великаго поста дѣлалъ, въ этомъ случаѣ, иногда для себя исключеніе и читалъ «Четимней».

— О чемъ ты плачешь, мужчина?! — вдругъ раздалось восклицаніе, басомъ, почти надъ самымъ ухомъ Ивана Петровича: онъ вздрогнулъ и увидѣлъ подлѣ себя господина въ полномъ смыслѣ богатырскихъ формъ, съ огромными бакенбардами и усами; дубленый полушубокъ, черкесская шапка, брюки, заправленные въ высокіе сапоги, котомка на плечахъ и коротенькій чубучокъ съ трубкою и кесетомъ на пуговкѣ,—все это изобличало дорожнаго человѣка.

— О чемъ плачешь?!—настоятельно опять повторилъ великанъ.

Иванъ Петровичъ, сначала, было-струсилъ, однако же потомъ поправился, и рассказалъ обо всемъ съ мельчайшими подробностями.

— Пойдемъ, мужчина, къ купцу. Да возрадуется душа твоя! Я много все обработаю: для того ужъ я такой человѣкъ: скоро люблю!

— Боязно-сь! Не допускать, пожалуй, лакейство, а-ли пуще: не пришлось бы послѣ мнѣ отвѣчать-сь?

— Нѣтъ, ужъ это, я тебѣ скажу, будетъ буки-азъ-ба! я покажу ему кузькину дочь, — видалъ ты ее?

— Никакъ нѣтъ-сь.

— А, такъ въ этомъ-то и штука вся! Ну, справа по два захо-ди! На приступъ маршъ! Помнишь 12-й годъ: французовъ бьютъ, а эмни въ добромъ здравіи стоять. Ха! ха! ха! Такъ, что-ли? Со двора, что-ли, ходъ?

— Со двора-сь.

— Благословенъ Богъ изранлевъ! что али трусу вдругъ свраздно-валъ?

И слѣдомъ за собой потащилъ великанъ, за рукавъ, растерянаго Ивана Петровича.

— Здѣсь что-ли? — басилъ усатый герой нашъ, указывая на знакомыя уже намъ двери крыльца.

— Тутотко-сь, — пропенталъ дрожащимъ голосомъ Иванъ Петровичъ.

И могучая рука загремѣла о двери.

— Какой лѣшій стучить такъ? — раздался голосъ Дуняши. Иванъ Петровичъ спрятался за крыльцо.

— Угадала, мать моя, это я!—говорилъ великанъ.

— Кто такой?

— Штабсъ-капитанъ Чертополохъ!

— Мы не знаемъ такихъ. Что тебѣ надо?

— Пришли требовать... головы купца Барабанова.

— Звать, пьяные! — быстро сказала Дуняша и побѣжала отъ дверей прочь.—Великанъ застучалъ съ прежнею силою.

— Кто дебоширить здѣсь? — послышался уже голосъ самого хозяина дома.

— Слово и дѣло! Отпирай, во имя закона!

— Я вотъ скликну людей, да представлю въ полицію.

— Съ нами Богъ! Я самъ больше твоего полиціймейстера значу.

— Да, кто ты таковъ?

— Отвори, увидишь.

— Стувай-ка, прежде проспась.

— Пожди мало, выплзюся я на тебѣ.

— Да, что тебѣ отъ меня трафится?

— Скажите, что страшные-молящіе вы: они принимаютъ-сь, — шепнулъ на ухо великану Иванъ Петровичъ.

— Слышь ты: Божій я человекъ, отъ грѣшныхъ юродивый, господень рабъ Аввакумъ, къ тебѣ съ благодатью иду.

— Врешь все, городишь.

— Такъ вотъ же тебѣ отъ меня сію минуту знаменье будетъ: покуда меня ты непустишь, до тѣхъ поръ колокольни не выстроишь.

— Что за оказія? отколѣ онъ это узналъ? — Погоди, однакоже, я напередъ тебя огляжу.

И съ этимъ словомъ Барabanовъ пріотворилъ немного одну половицу дверей: однако жъ затворять ихъ было уже поздно: великанъ не дремалъ, и грудью вступилъ въ купеческіе апартаменты.

— Ну, теперь воспляшемъ, Смарагдѣ!! здравствуй, мужчина!

— Да, что ты такъ напроломъ лѣзешь, любезный? — говорилъ купецъ, попячиваясь назадъ.

— Такая ужъ у меня заведенція. А ты, эй! разночинецъ! что же ты сюда не идешь?

Последнія слова, видимо, относились къ Ивану Петровичу, который, сократившись до нуля, какою-то невидимою силою подкатился разомъ въ дверямъ крыльца и закачался на своихъ ножкахъ, — скажемъ для красоты сравненія, — подобно полевому цвѣточку на товѣнскомъ стебелькѣ. Купецъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Ивана Петровича.

— Знаешь ли ты этого мужчину, мужчина?! — спросилъ великанъ, обращаясь къ Барabanову.

— Въ первый разъ вижу его! — вдругъ отозвался, почему-то купецъ, выпучивая брюхо впередъ и засовывая руки назадъ.

— Э, ятъ, братъ, мелешь! Совралъ еси! Ты слушай, колоссъ родосскій, ты днесь смири свой гордый видъ! (указывая на Ивана Петровича), ты долженъ ему безчестіе заплатить.

— Какъ таки такъ? Чего ради?—отвѣчалъ купецъ, еще разъ отступая назадъ.

— А, за то: не держи у себя бѣшеныхъ собакъ на дворѣ. Я чидѣлъ все самъ, да еще, кромѣ того, у меня свидѣтели есть...

— А коли я... да, не дамъ. Самъ-то ты, кто есть таковъ чело-вѣкъ?—сказалъ Барабановъ, все еще не теряя присутствіе духа.

— Ахъ ты, въ адъ твою бороду! Да, знаешь ли, что я самъ штабсъ-капитанъ?! товарищи мои генералы. Въ одномъ мѣстѣ только чихнуть, а въ другомъ ужъ отвѣтствуютъ: здравія-де желаемъ! На, вотъ смотри: эво я—кто такой!

При этихъ словахъ штабсъ-капитанъ разстегнулъ полушубокъ и свирѣпо указалъ на бывший подъ нимъ сюртукъ.

— Такъ что же, ваше высокоблагородіе, такъ давно бы сказали... милости просимъ въ залу ко мнѣ: какъ примѣрно, вы, быть можетъ, съ дороги, такъ хлѣба-соли откушать, не побрезгуйте нами! — Купецъ уже вдругъ почувствовалъ какой-то невѣдомый трепеть.

— Некогда мнѣ тутъ съ тобой бобы разводить! Ты вотъ поскорѣй меня развяжи—да и квитъ, успокой ты меня, говорю я тебѣ (указываетъ на Ивана Петровича), вотъ этому рабу Божию двадцать рублей, да хорошій полушубокъ въ придачу-дай, все за то, что ты обидѣлъ его,—ну, или песъ твой, для меня все единственно,—раздѣлайся поскорѣй съ нимъ, мужчина, да и не знай меня больше!

— Да, какъ же таки такъ, ваше выс—діе, за какія-то, выходить, кондичіи долженъ я ему такую сумму жертвовать? Къ тому же на сей конецъ, я ему ужъ и неспособствовалъ,—проговорилъ купецъ.

— Пятнадцать-то копѣекъ ты ему далъ? Ахъ ты Софронъ! Еще колокольню выдумалъ строить! А знаешь-ли ты, образина твоя татарская, что я самъ къ митрополиту напишу, а у насъ чтó сказано, то свято: не выйду отсегѣ до тѣхъ поръ, пока ты ему 20 рублей и полушубка съ плечъ своихъ не дашь—хоть за самимъ губернаторомъ посылай! Что ты, думаешь обо мнѣ? Законникъ я, али нѣтъ? Ты еще больше заплатишь... ты обидѣлъ меня самага... Ты давеча меня проспаться послалъ?

— Да у меня теперь и денегъ этакихъ нѣтъ, убои Богъ! Рубля съ три еще, можетъ, найдется, пожалуй, уважу... «отвяжись отъ зла и сотвори себѣ благо» — подумалъ въ то же время купецъ.

— Ну, такъ я теперь отъ тебя не уйду, —съ совершеннымъ хлад-вокроемъ прозви: съ штабсъ-капитанъ и началъ преспокойно набивать трубку.

— Господишъ честной! Ваше высокородіе! Окажите такую милость, повремените маленько... насчетъ вотъ этого самого злохудожества, — теропливо заговорилъ купецъ, указывая дрожащимъ пальцемъ на трубку, и, конечно, по чувству собственнаго самосохраненія, отодвинулся за тѣмъ въ сторону.

— А ты сего не изволишь? Такъ вотъ что я тебѣ, мужчина, скажу: коли ты меня по чести не рассчитаешь, такъ я весь твой домъ прокончу табакомъ... Ступай, жалуйся на меня кому хочешь. Сейчасъ же вотъ я иду: вакурю тамъ вездѣ, и наплюю, и всего накладу!

— Что же это выходитъ? — сказалъ купецъ, весь въ поту и разведши руками.

— А, за что хочешь, за то и почитай!

— Николай еще таковой оказіи не случилось! Выходить, хошь со всѣмъ отступись. Согрѣшили мы олухи, — говорилъ купецъ про себя.

— Ну, такъ давай, что-ли отпущкую!

— Да, будь же ты милостивъ: хоть убавь!

— По совѣти тебѣ говорю, невозможно никакъ.

— За чужого человѣка ты просишь.

— Анъ, нѣтъ, не чужой! Соврала еси! Всякой изъ насъ тоже говорить: «Отче нашъ:» стало быть, какъ мы другъ другу доводимся?! Эхъ ты, севрига! Еще колокольню думаешь строить!

Купецъ на это только вздохнулъ.

— Некогда мнѣ съ вами ясы распускать, жду своихъ молодцовъ, того и гляди съ товаромъ пріѣдутъ, — произнесъ онъ и посмотрѣлъ на штабсъ-капитана. Барабановъ, видимо, рассчитывалъ на эффектъ фразы, въ которой упоминалось о молодцахъ. Капитанъ это смѣтилъ

— Я, мужчина, хаживалъ одинъ на медвѣдя, такъ что мнѣ твои молодцы?.. Не боюсь самаго чорта на свѣтѣ!! Вотъ я каковъ!! — загремѣлъ онъ и при этомъ засучилъ рукава.

— Съ нами сила крестная! Еще, того и гляди, убьетъ! — проговорилъ самому себѣ шибко оторопѣвшій купецъ.

— Ну, такъ на чемъ порѣшили? — сказалъ потомъ штабсъ-капитанъ, принимаясь за кремень и огниво.

— Ваше высокородіе! Одной милости я прошу, обожди! Лучше что ни есть хуже выругайся, только этимъ злохудожествомъ не балуй!

— Ну? — говорилъ штабсъ-капитанъ, съ нетерпѣніемъ.

— Одно слово тебѣ: слушай, хоть полушубочекъ-то прости: Убей меня Богъ, коли есть! — Чего добраго, пожалуй, загаднть весь домъ — думалъ между тѣмъ купецъ про себя.

— Ну, так вмѣсто 20 давай 45. А шинель-то его себѣ на заплату бери.

— Нѣтъ ужъ вся ваша воля, не сходно... Ступайте хоть по суду.

— По суду, вотъ я тебя сейчасъ посужу!—произнесъ штабсъ-капитанъ и закуривши цѣлымъ полымемъ трубку, пошелъ въ дальнія комнаты.

Барабановъ препроворно послѣдовалъ за нимъ.

— Г-нъ офицеръ, одѣлайте милость... пожалуста. Батюшка, что вы дѣлаете, прошу васъ, дамъ, безпремѣнно дамъ и денегъ, и полушубокъ!—слышался его голосъ. За тѣмъ все смолкло на нѣсколько минутъ.

Иванъ Петровичъ стоялъ между тѣмъ, прижавшись къ углу дверей, что говорится, ни живъ ни мертвъ—во все время крупнаго объясненія штабсъ-капитана съ купцомъ; теперь только свободно перевелъ онъ свой духъ.

— Кажется бы, дѣло теперь на мази, да только они-то какъ... капитаны .. сдержатъ ли они свое слово?.. Неустрашимы однако, не даромъ провозили такіе чины! Я вотъ ихъ здѣсь обожду; неужто выгонитъ меня кто отсюда?

Капитанъ вскорѣ явился съ полнымъ триумфомъ, т. е. съ деньгами и полушубкомъ въ рукахъ; полушубокъ былъ хорошій и крытый сукномъ; печально шолъ, позади, Смарагдъ Николаевичъ, въ сопровожденіи Дуняши своей, которая также что-то все ошпыивалась. Иванъ Петровичъ просто слюнки глоталъ.

— На вотъ, мужчина, носи, не забывай... купца, да нуще всего помни «Кузькину дочь:» никакой бѣды тогда не будетъ тебѣ!

Иванъ Петровичъ отъ радости весь затрясся и тутъ же упалъ въ ноги штабсъ-капитану, принимая отъ него взятая съ боя трофеи.

— Ну, ну! полно! Благословенъ Богъ израилевъ! Я, вѣдь, тебѣ говорилъ, что да возрадуется душа твоя — такъ оно и вышло!

— Прощай, мужчина. Поди, жалуйся теперь на меня хоть кому угодно!—съ усмѣшкою говорилъ штабсъ-капитанъ, обращаясь къ раскрасившемуся купцу Барабанову; потомъ онъ отнесся къ Ивану Петровичу, едва державшемуся отъ излишнихъ восторговъ своихъ на ногахъ, и сказалъ:

— Ну, ты, Пантюха? Вмѣстѣ пойдешь!

И оба они вышли съ крыльца на дворъ, а потомъ и на улицу.

— Къбы мнѣ теперь только одно-съ, такъ ужъ я и не знаю... просто, милости вашей молиться-бы сталъ-съ, началъ Иванъ Петро-

вѣчь своимъ нѣжно-тоненькимъ голоскомъ, адресуясь къ штабсъ-капитану.

— Что еще, мужчина, за горе?

— Жена-съ...

— Э-вона!

— Рѣшительно, покою мнѣ не дають-съ.

— Какого же ляда ей нужно?

— А вотъ изволите видѣть: расскажу я вамъ все до точности.

— Ну, ваяй!

— У бывшего начальника нашего... непремѣнныхъ членовъ... была ка-бы сказать... въ родѣ-съ...

— Те! те! те!..

— Такъ онѣ имъ сестрицы выходятъ-съ.

— Кому жь это?

— А имъ-то-съ, моеѣ-то женѣ-съ.

— А я было-думалъ, мужчина, что жена-то твоя... Ишь ты взъ-халъ въ какую родню!

— Помилуйте, съ приказанія же самихъ... непремѣнныхъ членовъ. то есть, которые бывшіе ужь.

— Резонъ.

— Да, ужь оченно пьютъ, возможности нѣтъ никакой-съ.

— Это кто же?

— А все онѣ-то-съ, супруги-то мои-съ.

— Не хорошо это, мужчина, зашибаться хмѣлемъ, особенно бабѣ.

— И я говорю-съ, что не слѣдуетъ дамамъ пить-съ. Ихъ за тѣмъ и выдали за меня, чтобы не избаловались совсѣмъ. Сначала въ этой непримичный домъ хотѣли даже поступить, да ужь сестрицы отговорили: гораздѣе лучше же, говорить, выйти за приказнаго замужь тебѣ. Оттуда, говорить, скорымъ манеромъ и въ часть попадешь, а какъ выйдешь за приказнаго замужь, такъ, по крайности, отъ тѣлеснаго наказанія будешь свободна.

— По закону.

— Точно такъ-съ. Да, нѣтъ, ужь слишкомъ взяли большую силу-съ. Не будешь денегъ давать—такъ дерутся; а я, знаете, слабый такой, не совладаю съ нею никакъ.

— Эхъ, ты, Авдотья Степановна!

— Да сначала и робко было-съ: нажаловались бы черезъ сестрицу самимъ... непремѣннымъ членамъ, которые бывшіе ужь. И, вѣдь, вотъ оно дѣло какое-съ: сами на смерть не любили они женатымъ

людей: жевится, говорить, одинъ только дуракъ, а вотъ между тѣмъ приказали же мнѣ-съ.

— Ты говори!—отвѣчалъ, улыбаясь, штабсъ-капитанъ.

— А вотъ теперешніе-то непремѣнные члены, такъ эти совѣтъ въ другую сторону говорятъ: святое, чу, дѣло бракъ. И теперь, если какая жена на мужа своего имъ пожалуется, такъ у нихъ завсегда, значить, мужъ виноватъ-съ: стало быть, говорятъ, своего долгу ты не исполнилъ.

— Ахъ онъ-ракалія.

— Вѣрно-съ. Я, было, думалъ сначала идти на разводъ-съ: такъ и Боже избави! Точно нашъ отецъ Миколай, такъ и стали изъ Святаго писанія приводить-съ: Я ужъ имъ и такую даже вричану сказалъ, что де я, какъ по нахожденію себя совершенно въ болѣзненномъ состояніи, союзомъ брачнымъ пользоваться отнюдь не могу: такъ и руками и ногами пошли! Отъ чего, говорятъ, у тебя и на какомъ основаніи дѣти есть? А въ то время дѣйствительно были у насъ..., такъ я имъ на то: «это, молъ, ваше высокородіе за прошлое время-съ» Назвали меня дуракомъ, да и прогнали вонъ.

— Ай-да мужчина!

— Опослѣ я даже и такую штуку устроилъ. Просто смерть мнѣ пришла. Такъ мнѣ посоветовалъ мой пріятель одинъ: покажи, говорить, имъ видъ, что будто ты съ другою живешь, разыграемъ, говорить, водевилъ въ этомъ родѣ, чтобы она сама все увидѣла, да и пусть ихъ жалуются потомъ. Это, значить, на тотъ конецъ, что, по закону, надобило меня-съ въ такомъ случаѣ въ монастырь-съ. Вотъ бабы-жовы-то до чего насъ доводятъ!

— Такъ что-жь ты, мужчина?

— Сдѣлалъ-съ, только что не приняли онѣ это во вліяніе себѣ ничего-съ. Еще у меня же убавленіе моего жалованья случилось. Просто теперече не знаю, что дѣлать. Пословица говорится: застрѣлиться страшно, удавиться мучительно-съ!

— Вотъ еще какую пословицу выкинулъ! Ай, мужчина! Нешто тебя... взять мнѣ въ защиту къ себѣ?!

— Окажите такую милость. Теперече съ деньгами къ ней придешь—отниметъ она у меня безпремѣнно, да еще и полушубочекъ закабалить-съ.

— Экая притча какая! Ну, такъ веди меня, мужчина, на домъ къ себѣ, авось дѣльце это какъ нибудь обработаемъ. Чуръ, нашихъ не выдавать!

— Благо сегодня табельный день-съ, и присутствія не бываетъ-съ. Явите божескую милость, пойдемте.

— Пойдемъ, мужчина, пойдёмъ.

— Имя отчество-то какъ ваше?

— Еруславъ Королевичъ.

— Шутить все изволите-съ.

— Я, мужчина, и родился совсѣмъ особеннымъ образомъ: въ выходятъ на свѣтъ Божій—ревутъ, а я, говорятъ, какъ только вы́халъ на свободу—такъ просто со смѣху покатился.

— Дивныя дѣла-съ.

— Такъ-то, мужчина. Ну, такъ веди-жь меня къ себѣ въ дождь.

Не прошло и десяти минутъ, какъ оба они стояли уже у завѣсныхъ воротъ квартиры, принадлежащей Ивану Петровичу. И снова напалъ страхъ на бѣднаго регистратора, когда услышалъ онъ несущійся черезъ окно звонкій голосъ супруги своей: «*люди добрые, снимите печали сердца моего*».

— Видно, ужъ, она того какъ оно?!—отозвался штабсъ-капитанъ.

— Нѣтъ-съ, *онъ* еще передъ *тѣмъ-съ*, значить, только начинають еще-съ: я ужъ *ихъ* довольно коротко знаю-съ.

И оба они вошли въ комнатные апартаменты.

Впрочемъ, собственно, была одна только комната, и почти безъ всего, въ одномъ натуральномъ видѣ своемъ,—точно въ ней переночевалъ неприятель. Въ углу только валялась какая-то мягкая рухладь, а прочее все снесено было на разные торжища, вѣроятно, по неважности. Анна Андреевна, супруга Ивана Петровича, женщина лѣтъ двадцати, не дурная бы и лицомъ, еслибы не прошли черезъ него слишкомъ ужъ явно «пагубныя слѣдствія пылкихъ страстей», Анна Андреевна сидѣла на ободраномъ стуликѣ, за убогимъ столомъ, на которомъ стоялъ пресловутый «шкаликъ» съ опорожненною водкою, — и была въ совершеннѣйшемъ «растрепѣ». Увидя мужа и гостя, она тотчасъ порѣшила со своимъ пѣніемъ, встала, и, раскланявшись съ штабсъ-капитаномъ, внимательно принялась разсматривать Ивана Петровича, со стороны двухъ обновокъ его: какого-то вовсе незнакомаго ей овчиннаго полушубка и послѣдняго изданія прежней шинели, вновь дополненнаго длинными бахрамами.

— Откуда это, батюшка, такая свѣтлая ризница?—не преминула-таки потомъ замѣтить Анна Андреевна.

— А вотъ все *имъ-съ* долженъ быть благодаренъ-съ,—отвѣчалъ съ яснымъ на лицѣ взоромъ Иванъ Петровичъ, указывая на штабсъ-капитана,—выручили меня изъ бѣды-съ: Барабанова купца собаки,—суки

должно полагать, — измытарили на мнѣ всю шинель; такъ они ходили со мной туда, къ самому хозяину-то: велѣли мнѣ безчестіе мнѣ заплести, да и полшубочекъ еще стробовали.

— Хе-хе! — усмѣхнулась Анна Андреевна — водки, значить, давай, — прибавила она.

— Неужели, мадамъ, вы того какъ оно? — замѣтилъ съ добродушной улыбкою штабсъ-капитанъ.

— А позвольте узнать, кто вы такіе? — какъ-то двусмысленно спросила у штабсъ-капитана Анна Андреевна, и подперла руки фертомъ.

— Всѣхъ россійскихъ войскъ капитанъ Аμβα Азатовъ Чертополохъ!

— Ахъ, мусье, какой вы чудной, же ву ремерси. Я тоже говорю по-французски... слегка, помалости, — сказала Анна Андреевна съ важныиъ видомъ.

— А французы не любители водки, — возразилъ штабсъ-капитанъ.

— Да, я знаю, что они больше всегда насчетъ амурныхъ вещей, — отвѣтила Анна Андреевна, закатывая глаза въ потолокъ, — и я тоже имѣла въ свое время *предметъ* для себя: былъ неравнодушенъ ко мнѣ одинъ чиновникъ по особеннымъ порученіямъ. Я жила тогда, ни въ чемъ не нуждалась, — на полномъ его содержаніи, — и кашли въ ротъ не брала... кромѣ *благо*,.. и то одну сущую малость: такъ, чтобы разгуляться. Но коль-скоро онъ клятвы своей не сдержалъ, — обѣщавъ жениться на мнѣ, а замѣсто того обманулъ меня, немилосердный злодѣй, въ другой городъ увхалъ, даже не простившись со мной, — тогда... вотъ за этого Емельянуку вышла, до и цюь теперъ, — уже скороговоркою докончила Анна Андреевна, указавъ на Ивана Петровича, и потому что-то дико запѣла:

— А ужъ какъ любила-то я его, «моего тирана!» «Я любила его жарче дня и огня!» Кажется бы не пожалѣла въ то время... души и тѣла... на эшафотъ за него! — восклицала Анна Андреевна, совершенно уже мелодраматическимъ тономъ и побивая себя въ нерси свои, и потому, вдругъ повернувшись къ мужу, прибавила:

— Ванька, купи мнѣ пол-штофа сейчасъ!

— Что вы, сударыня! Въ настоящемъ случаѣ вы меня извините: теперъ уже вашъ суинругъ, съ легкаго дня, перешолъ въ полную команду ко мнѣ! — энергически сказалъ штабсъ-капитанъ, указывая на Ивана Петровича, который начиналъ уже корчиться.

— Скажите! другую жену, значить, нашолъ себя, — произнесла Анна Андреевна, подступая съ угрожающимъ видомъ къ сокротившемуся оинтъ до нуля несчастному регистратору. Ладно, живи, только того и желала! ты.. думаешь, я себя принота не найду? найду

я пріютъ, объ этомъ не безпокойся! каждый день буду и сыта и пьяна, на зло тебѣ—казнисъ-же! Еще половину твоего жалованья мнѣ велѣть отдавать, слыхалъ ли про то? Я сей-часъ бы пошла къ начальнику твоему: онъ бы тебя научилъ, какъ съ женою въ законѣ и согласіи жить, и что значить законъ разлучить; да не хочу: намалалась съ тобой, больше не буду. Слышишь? Живи съ другомъ женою! Ну, тебя къ чорту!

И съ этими словами, Анна Андреевна, поспѣшно накинувъ на себя валившееся въ углу какое-то дырявое вретнище, имѣвшее нѣкогда видъ канавѣйки, съ бѣшенствомъ выбѣжала изъ комнаты.

— Еще хорошо, мужична, что у тебя дѣтей нѣтъ, — задумчиво сказалъ штабсъ-капитанъ, покручивая усы.

— Были, да благодареніе Богу, примерли: сгорѣли-съ, — кратко отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, дрожа каждою фиброю.

— Какъ такъ, мужична?

— Да, видите: я-то, бывши въ это время въ приказѣ, а сами-то Анна Андреевна шибко хилѣемъ тогда занялись; дѣло-то было зимомъ, тошилась печка у насъ: подошамъ къ ней наши малюточки то-съ, да такъ и погорѣли совсѣмъ.

— Чѣй, вѣдь, слѣдствіе было?

— Было-съ; да начальство при этомъ такъ расудило, что однихъ Богъ безъ грѣха... по ихъ мнѣнію, такое ужъ въ этомъ случаѣ вышло поущеніе свыше, али душеньки ихъ младенческія пожелалъ Господь взять къ себѣ... по скудости и нерадѣнію нашему... за мнѣ ветровую жизнь... моей-то супруги-съ. Въ тѣ-поры товарищи мои по службѣ сложились, взяли четверть вина, чтобы ихъ помянуть-съ, дошликъ дома сего два гробика на свой счетъ купилъ, — а отецъ Николай, по великодушію своему, отслужилъ. Такихъ-то побытомъ похороны и справили мы-съ. Теперь не знаю ужъ, на какую статью все пойдетъ-съ: еще, пожалуй, накалуются!

Штабсъ-капитанъ сѣлъ на стулъ, закурилъ трубку, откшлянулся, и началъ:

— Ишши, мужична, я что-нибудь для тебя обработаю. Къ губернатору пойду. Это пища моя и страсть, когда есть у меня кого слѣдуетъ взять въ защиту къ себѣ. Тамъ ужъ онъ самъ хочеть, не хочеть, а благо попался мнѣ на глаза—шабанъ, атажде, я отъ него во остану, потому, такой нравъ имѣю, тѣмъ и жмѣчательнѣе чловѣкъ. Родившей своихъ я не имѣю, а воспитали меня добрыя люди, все равно, что пріемыша. Отдали тоже въ гимназію. Помните, ужъ а въ *Земь казисъ* бѣжалъ, когда Сашка Оглобинъ — ужъ, огонь былъ,

мужчина! до смерти любить я его — съ самимъ директоромъ составлялся! Директоръ съ его отцомъ въ осерѣ былъ, да сыну и бухъ: «дескать, родитель твой первый въ русскомъ царствѣ мошенникъ!» А Сашка Оглоблинъ: «изъ какого — говорить — это новаго положенія?» — директору-то! Сейчасъ мальчугана моего положено вонъ, да еще сверхъ того березовой ланшой накормить, яко заблудшаго. Жаль мнѣ стало: взявъ, де и подговорилъ человекъ десять товарищей, отъ себя попросить за него... директора-то. Какъ накинется онъ на насъ: «А вы—говорить—щенки, чего лѣзаете? Что же—говорить — ужь начальникъ даже не смѣетъ и выругаться? Да — говорить — есть у насъ училище въ городѣ для приказныхъ дѣтей, такъ во время посѣщенія его однимъ пріѣзжимъ немаловажнымъ лицомъ самъ онъ свое первое привѣтствіе сдѣлалъ имъ: «не будьте — говорить—ребята, такими плутами, какъ родители ваши!» Стало быть—говорить—съ кого я себя примѣръ долженъ брать какъ не съ большого лица? И угораздило меня тутъ, мужчина, не выдержалъ: сгруе билъ. Ну, выпорола; да и по шапкѣ вонъ.

— Этакое обнокование у нихъ-съ, — къ чему-то замѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Поступилъ послѣ я въ полкъ. Ну, и тамъ, выходило у меня теже... все этакое... по такимъ же точно причинамъ. Смастерилъ солдатикъ у насъ маленькій пароходецъ; безо всякихъ постороннихъ указокъ, самъ дошолъ до всего. Я сейчасъ же къ полковнику: «вольза ли-де какъ-нибудь нашего солдатика поощрить, объ немъ представить куда подальше: можетъ быть его тамъ въ науку возьмутъ, и потомъ изъ него русскій-англичанинъ-механикъ какой-нибудь выйдетъ». А полковникъ: «Это—говорить—одна вадорологія и вольвая выходка съ вашей, милостивый государь, стороны: солдатъ, не машины долженъ выдумывать,—иначе-де порядку не будетъ; пароходикъ—говорить — я, пожалуй, возьму, дѣтямъ въ подарокъ; за матеріалъ ему заплачу, а только впредь,—говорить,—подобнымъ образомъ своего командира прошу не беспокоить». Я было-сталъ приводить ему свое мѣние: «Неужели—говорю—вы бонтесь того, что солдатикъ умнѣе полковника будетъ», а онъ: «извольте—говорить—идти подъ арестъ.»

— Вотъ какъ-съ строго распорядились... А вамъ бы и заправду до мизъ что за нужда-съ... до солдатика-то-съ?—Вѣдь они, благоденіе Богу, на всемъ на готовомъ живутъ-съ.

Но штабсъ-капитанъ почти не слышалъ этого мудреного замѣчанія со стороны Ивана Петровича: онъ весь оосредоточилъ геперь въ самомъ себѣ, и потому продолжалъ:

— Въ другой разъ офицеру Яблочкину казначей за третъ жалованья не выдалъ: просто «нѣтъ—говорить—у меня, и все тутъ», — благо, на смирнаго человека назвалъ. — «Отчего же—говорить—есть для другихъ?» — «Въ этомъ мой—говорить—секретъ, а хотите, такъ жалуйтесь.» Я тоже къ полковнику, потому что Яблочкина взялъ въ защиту къ себѣ. — «Что—говорю—это такое, какъ назвать подобное поведение?» А полковникъ за казначей стоитъ: «Вѣчно—говорить—мы, чортъ бы васъ побралъ, не въ свое дѣло суетесь. Не велика-де важность: Яблочкинъ обождетъ. Можетъ быть, г. казначей и затратилъ куда-нибудь: что же? Послѣ внесетъ. Случается—говорить—и съ другими: не такіе даже кушн затрачиваютъ. Ну, скажи ты, пожалуйста, вѣдь этакое и подобное вретъ-то! Я, натурально, не выдержалъ: — «Служить бы—говорю—вамъ, полковникъ, вмѣстѣ со своимъ казначеймъ, но откупаю, либо въ турецкихъ земляхъ какихъ, а не здѣсь»: послалъ опять подъ арестъ; да еще послѣ такая скорая статья подошла—за штатомъ меня уволилъ. — Такъ съ этихъ поръ и предпринялъ я разныя свои путешествія: что, молъ, Русь за землѣ? Хожу по священнымъ обителямъ, да у мужичкомъ православныхъ по деревнямъ пристаю.

— Странные и молящія, надо быть, вы теперь-съ? Потому, какъ безъ жалованья... Развѣ что пенсія-съ?

— Нѣтъ, все не то, не получаю и пенсін. Напоследяхъ ничто же дѣло не задалось у меня: одного монастыря архимандритъ, по просту, безъ анбровъ, велѣлъ мнѣ наѣво кругомъ: много нищихъ къ нему сталъ водить и рекомендовать: «Гдѣ, говоритъ, онъ ихъ беретъ, словно изъ земли выкапываетъ: это даже и не по его части совсѣмъ. — Надоѣлъ — говоритъ — пускай его... съ миромъ отъ насъ грядетъ. Ну, я и ушелъ... Самому мнѣ—что? Я каждое ремесло почти знаю. Когда въ полку я служилъ, такъ отъ солдатиковъ нашихъ, почитай, перенялъ все: я тебѣ и сапожникъ, и шорникъ; я тебѣ, и портной, и только чортъ знаетъ, чего я не знаю: такъ выходить, безъ хлѣба, мужична, я не останусь!

— Какъ ужь такъ можно-съ; быть; покой дорогой-съ!..

— Что покой? покой у меня... да возрадуется душа моя, благословенъ Богъ израилевъ! Какъ родился, такъ и умру—съ добрымъ духомъ и въ полномъ веселіи! Знаю я, что не скотъ, стало быть, есть душа у меня; на землѣ я никогда и ничего не забывалъ, — мое все при мнѣ и ничто меня здѣсь не привязываетъ, на сердцѣ-то все легко—такъ хоть сію минуту къ отцу-матери на свиданіе (*крестится*). Нынѣ отиушаешн раба твоего, Владыко!.. Съ миромъ изыде! Я думаю, ужь тамъ меня ждутъ.

старика. А и здѣсь на свѣтъ тоже... не тягочусь я ничѣмъ; дѣлаю свое дѣло, что и какъ надо мнѣ.

— Не напиться ли теперь намъ чайку-съ? Я бы у хозяйна самоварчика попросилъ, да, котаи, и въ лавочку-бы сходилъ за закусочкой. Печку-то сегодня мы не тонули. Да, можетъ быть, и водочки попьете еще? — сказалъ вкрадчивымъ голосомъ Иванъ Петровичъ, скидая шинель и смѣняя ее овчиннымъ полушубкомъ.

— Чайку очень можно, а водки я, мужчина, не нюю, не нюю, да и тебѣ не совѣтую.

Черезъ четверть часа уже кипѣлъ самоваръ, и долго бесѣдовалъ за нимъ Амва Азатычъ съ Иваномъ Петровичемъ, рассказывая ему длинную повѣсть военныхъ походовъ своихъ. Иванъ Петровичъ только охалъ, да удивлялся непомерной тѣлесной силѣ Амвы Азатыча. Наконецъ, вечеромъ, наши друзья помолились вмѣстѣ Господу Богу и благополучно заснули.

Утро. Въ приемной г. начальника N—ской губерніи, за красивѣйшимъ столомъ сидитъ дежурный чиновникъ, весьма молодой человекъ, отмѣнной наружности, изящно одѣтый и до такой степени ловкій и граціозный, что, кажется, совершенно неотдѣлимъ и немислимъ онъ безъ французской кадрили, въ которой только бы и могла достойнымъ образомъ выразиться вся его легкость, и гибкость, и стройность.

Входитъ въ приемную знакомое лицо, Амва Азатычъ, — въ форменномъ сюртукѣ, съ кавалеріями. Дежурный устремляетъ на него воспритательный взглядъ, съ чувствомъ собственного достоинства.

— Амва Азатовъ Чертополохъ, отставной ш. капитанъ, — говоритъ дежурному Амва Азатовъ.

— Прошу васъ обождать, генераль скоро выйдетъ, — отвѣчаетъ дежурный чиновникъ, съ двусмысленною улыбкою и заноситъ въ лежащую на столѣ книгу фамилію явившагося лица.

Амва Азатычъ засовываетъ руки въ карманы своихъ панталонъ, и начинаетъ спокойно ходить по комнатѣ.

И вотъ выходитъ задумчивый и важный — яко имѣющій силу и власть взять и рѣшить.

Штабсъ-капитанъ, по военному, бойко вытянулся и гаркнулъ свое великолѣпное прозвище.

— А, такъ это вы? — сказалъ начальникъ губерніи, нѣсколько въпосѣ и въ то же время съ любопытствомъ разсматривая Амву Азатыча.

— Точно такъ-съ. У вашего пр—ва честь мѣню просить — удостоить меня кратковременной, удивленной бесѣды.

— Я самъ мѣню надобность переговорить съ вами! — сказалъ начальникъ губерніи Ивана Петровича и увелъ Амбу Азатыча съ собой въ кабинетъ.

— Ну-съ, что же вамъ угодно? — проговорилъ онъ.

— Желаю, ваше превосходительство, просить васъ за регистратора здѣшняго приказа общественнаго приарѣнія.

— Что же, онъ родственникъ вашъ?

— По духу и вѣрѣ, ваше превосходительство, не по крови; всё мы дѣти одного отца... Жена у него пьяница, мотовка, нерадива до того, что сожгла собственныхъ дѣтей своихъ.

— Скажите! — произнесъ губернаторъ.

— Наслышавъ я, ваше пре—во, что по секретному столу канцеляріи вашей (штабсъ-капитанъ обо всемъ ужъ успѣлъ справиться) есть ваканція чистописца: соблаговолите дать это мѣсто Петрову: малый отлично пишетъ и, притомъ, очень недалекъ.

— Что вы этииъ хотите сказать?

— Сору изъ избы ужъ не вынесетъ онъ, ваше превосходительство, никогда; что напишетъ, то и умретъ вмѣстѣ съ нимъ, даже самъ звать не будетъ... побоятся, ваше превосходительство, не посмѣетъ самому себѣ объяснить, — говорилъ Амба Азатычъ.

— Да, это хорошо, но скажите, зачѣмъ вы вчера были у купца Барабанова?

— Тоже по дѣлу Петрову немогъ, ваше превосходительство, долженъ былъ заступиться.

Губернаторъ позвонилъ. Вошелъ дежурный чиновникъ.

— Пошлите за полицмейстеромъ и скажите ему, чтобы онъ сейчасъ же выпроводилъ этого господина изъ города! — сказалъ онъ, показывая на штабсъ-капитана. Чиновникъ ушелъ.

Амба Азатычъ строго посмотрѣлъ на начальника губерніи.

— Какъ разумѣть ваши слова, ваше превосходительство? — произнесъ онъ.

— Очень просто: не уѣдете вы — я долженъ буду посадить васъ въ сумашедшій домъ.

— А, понимаю! — произнесъ глубокомысленно штабсъ-капитанъ. Надѣюсь, по крайности, что по дѣлу Ивана Петрова я буду имѣть успѣхъ въ ходатайствѣ передъ вашимъ превосходительствомъ, — прибавилъ онъ.

— О, да, разумѣется, — отвѣчалъ губернаторъ.

Штабсъ-капитанъ модно расшаркался съ нимъ и вышелъ.

У самых губернаторскихъ воротъ, его съ сердечнымъ трепетомъ дождался Иванъ Петровичъ. Ахва Азатычъ съ удовольствіемъ разсказалъ ему, что наконецъ хоть одинъ разъ въ жизни удалось ему съ успѣхомъ попросить за ближняго; а черезъ полчаса онъ ужъ ѣхалъ въ тележкѣ, по дорогѣ отъ города, помышляя самъ съ собой: «Чтожь... Благословенъ Богъ Израилевъ... Земля наша велика и обширна—не пропадемъ.»

А. Ивановъ.

ПОЭТЪ.

Стоялъ онъ въ храмѣ, в кругомъ
 Моленья оскорбляли небо:
 Одинъ просилъ чиновъ да хлѣба,
 Другой—побѣды надъ врагомъ.
 Одинъ лишь онъ, средь общаго моленья,
 Такой мольбы на небо не вознесъ;
 Одинъ лишь онъ просилъ у Бога вдохновенья,
 Благословенныхъ думъ и слезъ.

Къ Б-й.

Душою гордою, быть можетъ,
 Ее и сильно онъ любилъ;
 Но миръ душъ ея тревожить
 Онъ наслажденье находилъ.
 Какой-то тайной, злобной власти
 Надъ сердцемъ робкимъ онъ искалъ;
 Въ немъ волновалъ, по волѣ, страсти,
 Его мученьями игралъ.
 Но все, въ безумномъ увлеченьи,
 Разлука съ нимъ была бы ей
 Страшнѣе смерти и мученья,
 Такъ зло отравленныхъ имъ, дней.

В. Осиповъ.

I.

Еще бывши прелестнымъ ребенкомъ,
Ты меня такъ наивно ласкала,
И, не зная любви по названью,
Ты любовью жила и дышала.

А потомъ, какъ тебѣ рассказали,
Что прилично и что неприлично,
Ты оставила дѣтскія грезы—
И хозяйкою стала отличной;

Да такой ужь усердной хозяйкой,
Что, когда я рыдалъ предъ тобою,
Тебѣ было совсѣмъ недосужно
Обмѣняться хоть словомъ со мною.

II.

Она пѣла и голосъ дрожалъ,
Въ немъ звучало такъ много родного,
Столько грусти и слезъ и любви,
Столько ласки и чувства святого!

То печальная пѣсня была,
Я взволнованной понялъ душою,
Что мнѣ пѣла такъ грустно она,
Вся проникнута тихой мольбою.

И я понялъ, что значили въ ней
Этотъ трепетъ и скрытыя слезы;
И мнѣ глазки сказали ей:
Не сердись, что не сбудутся грезы.

III.

Полный грусти, подъ милымъ окошкомъ
Въ темнотѣ притаившись, стою,
Въ твоей комнаткѣ тусклая свѣчка
Освѣщаетъ головку твою.

Ты одна, въ твоей комнаткѣ тихой,
Пригорюнясь, сидишь у окна,
Граціозно закинувъ головку,
Вся задумчивой грусти полна.

И нѣтъ силъ оторваться глазами
 Отъ прелестной головки твоей!
 Милый другъ! еслибъ только ты знала,
 Что въ душѣ накидѣло моей!

И зачѣмъ бы теперь за окошкомъ
 На тебя мнѣ украдкой глядѣть?
 И зачѣмъ бы мнѣ, полному счастья,
 Съ тобой рядомъ теперь не сидѣть,

И высказывать тайныя думы
 И любовь и упреки мои,
 И смѣяться и плакать съ тобою.
 Сжавши рѣзвыя ручки твои!...

IV.

Мы о смерти съ тобой говорили,
 И съ улыбкой сказалъ я тебѣ:
 Когда буду лежать я въ могилѣ,
 Приходи на могилу ко мнѣ,

И наивно меня ты стращала,
 Что могила сыра и темна,
 Что въ ней роются страшныя мыши,
 Что земля въ ней червями полна.

Милый другъ, я мышей не боюсь,
 Не боюсь ни земли, ни червей,
 И безъ чувствъ, забывши все горе,
 Я спокойно улягуся въ ней.

Милый другъ, не стражай меня смертью:
 Мертвецы не встаютъ ото сна;
 Но боюсь я, что ты не узнаешь
 Все, чѣмъ грудь такъ тревожно полна!

Что живетъ въ моемъ сердцѣ кипучемъ,
 Все, чѣмъ полны всѣ думы мои,
 Столько дивныхъ плѣнительныхъ пѣсень,
 Столько мукъ безотвѣтной любви;

И надежды на свѣтлое счастье,
 И все то, что должна ты узнать!
 Милый другъ, всей души предъ тобою
 Не изливъ, я боюсь умирать!

Я боюсь, чтобы всѣ эти звуки
 Не заглохли въ могилѣ сырой,
 И, въ сердечко твое не проникнувъ,
 Не замолкли бы вмѣстѣ со мной!

Людоръ Пальминъ.

ДАРВИНЪ И ЕГО ТЕОРІЯ ОБРАЗОВАНІЯ ВИДОВЪ.

II.

Въ первой статьѣ, мы изложили, въ крупныхъ чертахъ, теорію, посредствомъ которой Дарвинъ старается объяснить образованіе животныхъ и растительныхъ видовъ. Эта теорія выводитъ живущіе въ настоящіе время виды отъ тѣхъ, которыхъ существованіе молотъ геолога открываетъ въ осадочныхъ слояхъ и которые перестали жить уже въ давно минувшую эпоху. Ея смѣллыя притязанія доходятъ до того, что она опредѣляетъ для всей органической природы одного общаго предка, котораго прахъ, безъ сомнѣнія, навсегда погребенъ въ геологическихъ слояхъ. Безпрестанное превращеніе многочисленныхъ потомковъ этого перваго живого существа управляется закономъ естественной отборности. Это преобразованіе, это непрестанное *возникновеніе* всего, обладающаго жизнью, было предугадано поэтической фантазіей Гёте, но до Дарвина еще никто не пытался этого доказывать.

Мы показали, съ какою легкостью остроумная теорія Дарвина рѣшаетъ многія задачи, подмятыя изученіемъ органической природы. Благодаря этой теоріи, единство органическаго устройства существъ, принадлежащихъ къ одной и той же группѣ, перестаетъ быть тайной, и основные органы—этотъ вѣчный камень преткновенія для телеологін * не имѣютъ въ себѣ болѣе ничего загадочнаго. Однако же, — такъ какъ теорія Дарвина слишкомъ смѣла и недостаточна полна въ нѣкоторыхъ отноше-

* Ученіе о самыхъ коренныхъ причинахъ вещей.

ніяхъ,—въ умѣ читателя должно было возникнуть не одно противъ нея возраженіе.

Безспорно, образованіе настоящихъ видовъ, въ замѣнъ прежнихъ, подъ вліяніемъ естественной отборности, достаточно могло бы объяснить естественныя сродства. Но въ такомъ случаѣ изученіе ботаники, зоологій и палеонтологій должно бы было открыть теперешнее или прошлое существованіе многочисленныхъ посредствующихъ звеньевъ между типами, которые въ настоящее время натуралисты считаютъ видами. Но такихъ звеньевъ не открыто. Вотъ первое возраженіе, которое многіе готовы будутъ сдѣлать противъ теоріи Дарвина.

Позволительно также обнаружить недовѣрчивость по поводу старанія ученаго англичанина—объяснить все естественною отборностью. Къ этому дѣятелю мы обращаемся—то за объясненіемъ образованія самымъ незначительныхъ органовъ, каковы напр. волоски или крылышки нѣкоторыхъ зеренъ; то за объясненіемъ развитія чрезвычайно сложныхъ снарядовъ, каково, напр., устройство уха или глаза. Эти два, безъ сомнѣнія очень различныя, слѣдствія, согласно теоріи Дарвина, приписываются одной и той же причинѣ. Но сама эта причина не слишкомъ ли таинственна для того, чтобы къ ней съ достовѣрностью можно было относить слѣдствія, столь неподходящія одно къ другому?

Далѣе, разнообразныя и удивительныя инстинкты столькихъ животныхъ не представляютъ ли неодолимаго препятствія для всякой теоріи преобразования видовъ? Въ самомъ дѣлѣ: какимъ образомъ родились эти инстинкты? какимъ образомъ пчела, этотъ непримѣрный архитекторъ крылатаго племени, могла произойти отъ существа, лишннаго инстинкта, который побуждаетъ къ созиданію? Это возраженіе стоитъ двухъ предыдущихъ. Не заключается ли оно серьезной опасности для гипотезы Дарвина?

Наконецъ, какъ забыть ту, столь общезвѣстную, истину, что смѣшенія однихъ и тѣхъ же видовъ бываютъ бесплодны, или не производятъ ничего, кромѣ бесплодныхъ помѣсей, между тѣмъ какъ соединеніе разнородныхъ элементовъ нисколько не вредитъ плодовитости потомковъ? Этого, повидимому, достаточно для уничтоженія всѣхъ чудесъ, приписываемыхъ теоріи естественной отборности.

Дарвинъ ни мало не упускалъ изъ виду слабыхъ сторонъ своей теоріи. Напротивъ, онъ старался предугадать возможные противъ нея возраженія и опровергнуть ихъ. Вниманіе его въ

особенности было обращено именно на тѣ затрудненія, на которыя мы сейчас указали, и онъ старался уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, ослабить ихъ. Мы сильно сожалѣемъ, что не можемъ въ подробности изложить эту часть его труда. Разборъ его, который мы думаемъ представить читателямъ, будетъ имѣть недостатокъ, общій многимъ сокращеніямъ. Краткость этого разбора слишкомъ часто будетъ придавать аргументамъ автора нечто гипотетическое и выдуманное, между тѣмъ какъ подлинныя страницы отличаются замѣчательною тонкостью наблюденія и сжатой діалектикой. Сверхъ того, разборъ долженъ довольствоваться общими формулированіемъ многихъ результатовъ, которые могутъ показаться спорными. Такимъ образомъ нашъ разборъ можетъ казаться по мѣстамъ чрезчуръ отважнымъ и рискованнымъ.

Какъ ни трудна наша задача, мы постараемся, однакоже, резюмировать аргументы, посредствомъ которыхъ Дарвинъ опровергаетъ столь капитальныя возраженія, каковы указаны выше. Съ этою цѣлью мы рассмотримъ всѣ эти четыре возраженія, одно за другимъ.

Первое возраженіе. Если виды происходятъ съ незамѣтною постепенностію, путемъ перерожденія, одни отъ другихъ, то почему мы не находимъ повсюду этихъ безчисленныхъ формъ переходенія? Почему натуралистъ, вмѣсто всеобщей беспорядочной запутанности, чаще всего замѣчаетъ въ природѣ виды, хорошо разграниченныя?

Дарвинъ признаетъ вполнѣ, что виды вообще довольно хорошо разграничены и не представляются въ видѣ непонятнаго хаоса звеньевъ, перепутанныхъ между собою; но онъ приписываетъ этотъ результатъ многимъ отдѣльнымъ причинамъ.

Новыя разновидности формируются чрезвычайно медленно. Роль естественной отборности ничтожна до тѣхъ поръ, пока она не произведетъ разновидностей, способныхъ возбудить ея дѣятельность. Въ самомъ дѣлѣ, эта отборность дѣйствуетъ только съ появленіемъ разновидностей, болѣе чѣмъ какая либо другая приравленной къ потребностямъ страны, въ которой она рождается. Но это можетъ случиться не иначе, какъ вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, рѣдко осуществляющихся. Таковы измѣненія въ климатѣ, поселеніе новыхъ обитателей, одновременное измѣненіе многихъ видовъ, приводящее съ собою реакцію противъ первоначальныхъ типовъ. Эта медленность въ появленіи

новыхъ разновидностей есть первая причина кажущагося постоянства специфическихъ типовъ.

Наряду съ этою первою причиною, появляются другія. Такимъ образомъ нѣкоторыя страны, представляющія нынѣ сплошное цѣлое, могли, въ продолженіе послѣдней геологической эпохи, существовать въ видѣ многихъ отдѣльныхъ острововъ. На каждомъ изъ этихъ острововъ подобныя другъ другу существа могли измѣняться различнымъ образомъ. Мало по малу разновидности, наиболѣе близкія къ первоначальнымъ типамъ, уничтожились подѣ влияніемъ естественной отборности. Наконецъ, позднѣе, разновидности, оставшіяся въ живыхъ, появились какъ отдѣльные виды, когда переворотъ соединилъ различныя страны въ одинъ континентъ.

Правда, когда двѣ или многія разновидности появляются въ двухъ частяхъ одной цѣльной географической полосы, то должны существовать посредствующія разновидности, въ посредствующихъ поясахъ. Но эти посредствующія разновидности вообще существуютъ не долго, потому что онѣ не избѣжно бываютъ побѣждены въ борьбѣ за существованіе, какъ мы это достаточно объяснили въ нашей первой статьѣ. Сверхъ того, если въ порядкѣ времени существовало множество посредствующихъ звеньевъ, то достоверно, что естественная отборность должна была ихъ уничтожить и что эти звенья перестали существовать.

Этотъ отвѣтъ Дарвина на возраженіе, высказанное выше, правда, даетъ поводъ къ новому возраженію. Эти посредствующія звенья между видами все-таки должны были существовать. Слѣдовательно, мы должны бы были находить ихъ, въ видѣ окаменѣлостей, въ осадочныхъ слояхъ. Однакоже, несмотря на быстрые успѣхи геологій и палеонтологій, эти звенья до сихъ поръ не открыты. — Это новое возраженіе нисколько не затрудняетъ Дарвина, потому что онъ смѣло оспариваетъ у палеонтологій право подавать свое мнѣніе относительно этого предмета. Этотъ способъ опроверженія, можетъ быть, покажется нѣсколько вольнымъ. И однакоже, какимъ образомъ порицать Дарвина за его смѣлость?

Данныя палеонтологій покажутъ еще совершенно недостаточны. Геологи изслѣдовали только весьма малую часть земного шара, и притомъ наиболѣе изученныя страны могутъ представить только нѣкоторые одиночные факты, относительно исторіи нашей планеты. Теперь почти доказано, что огромные слои

окаменѣлостей образовались на днѣ моря во время осадочнаго періода. Но періоды осажденія постоянно смѣняются огромными періодами покоя и возвышенія, во время которыхъ осадки бываютъ почти ничтожны. Значить, накопленіе окаменѣлыхъ слоевъ произошло перерывами и перемежалось неправильными промежутками. Каждая формация есть не столько полный актъ созданія, сколько отдѣльная сцена, взятая наудачу изъ длинной драмы, которая разыгрывается съ крайнею медленностію. Для произведенія стольмногочисленныхъ видовъ, населяющихъ землю, безъ сомнѣнія, потребовалось неизмѣримое пространство времени; но геологическіе осадки, согласно теоріи медленныхъ причинъ, такъ искусно защищаемой Ліалемъ, представляютъ доказательство огромной продолжительности для каждой изъ сценъ, для которыхъ они служатъ исторіей. Въ Великобританіи палеолитическіе слои имѣютъ толщину въ 57,154 фута, вторичные слои—13,190, третичные—2,240. Значить, толстота всѣхъ ихъ вмѣстѣ будетъ—72,484 фута. Сверхъ того, нѣкоторые слои, которыхъ не достаетъ въ почвѣ Великобританіи, или которые представляются тамъ тонкими каменными пластами, на континентѣ достигаютъ толщины многихъ тысячъ футовъ. Сколько времени потребовалось для образованія такихъ осадковъ, если отсѣдъ, сдѣланный рѣкою Миссиссипи,—этою царицею рѣкъ,—достигъ у ея устья только 600 фут. толщины въ теченіе 100,000 лѣтъ!

Такъ что же значать наши коллекціи въ музеяхъ, сравнительно съ тысячами поколѣній, которыя смѣнили другъ друга на поверхности земного шара? Это не болѣе какъ скудная соломенка, представляющая собою цѣлую жатву.

Геологическія изысканія прибавили большое число видовъ къ родамъ угасшимъ и живущимъ, и отчасти наполнили промежутки между нѣкоторыми группами органическихъ существъ. Но они не уменьшили важности специфическихъ отличій, знакомя съ посредствующими разновидностями. Но слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что эти разновидности никогда не существовали? Нисколько. Въ самомъ дѣлѣ, во время образованія различныхъ почвъ, Европа представляла грудю острововъ, похожую на Малайскій архипелагъ. Но кто же можетъ судить о нынѣшней природѣ, во всей ея цѣлости, единственно на основаніи обзорнаго видовъ, свойственныхъ Малайскому архипелагу? Поставить этотъ вопросъ—значить рѣшить его, а также признать недостаточность геологическихъ архивовъ. Крімъ того, большая часть мор-

скихъ видовъ, распространенныхъ въ Малайскомъ архипелагѣ, простирается на многія сотни лье отъ границъ этой огромной группы острововъ. Аналогія позволяетъ предположить, что эти виды, обнимающіе въ своемъ географическомъ распредѣленіи очень обширное пространство, помѣщены выгоднѣе чѣмъ другіе, для произведенія разновидностей. Эти разновидности сперва суть чисто мѣстныя, но, сдѣлавшись сильнѣе, онѣ въ свою очередь распространяются въ даль, и если бы имъ пришлось когда нибудь возвратиться къ архипелагу, населенному первоначальнымъ типомъ, то зоологи сочли бы ихъ видами, специфически отличными отъ этого типа.

Правда, есть мнѣніе, что нѣкоторыя группы органическихъ существъ появились внезапно и, слѣдовательно, не могли произойти, посредствомъ постепенныхъ измѣненій, отъ прежнихъ типовъ. Но такое мнѣніе вообще очень рискованно. Въ доказательство этого достаточно будетъ привести нѣсколько примѣровъ. Еще не далеко то время, когда во всѣхъ геологическихъ сочиненіяхъ говорилось о млекопитающихъ какъ о животныхъ, появившихся внезапно, въ началѣ третичнаго періода. Однакоже въ настоящее время одинъ изъ самыхъ богатыхъ пластовъ извѣстныхъ намъ млекопитающихъ достовѣрно отнесетъ къ серіи вторичныхъ почвъ; даже открыто одно млекопитающее, относимое къ началу этой серіи, въ новомъ красномъ песчаникѣ.

Кьюве настаивалъ на фактѣ, что обезьянъ третичнаго періода не существуетъ. Но это не помѣшало болѣе новымъ палеонтологамъ находить таковыхъ въ Индіи, Америкѣ, Европѣ, даже въ эоценарныхъ почвахъ (т. е. въ самыхъ раннихъ осадкахъ третичнаго періода).

Китообразныя млекопитающія живутъ, по видимому, въ условіяхъ необыкновенно благопріятствующихъ окаменѣнію ихъ. Но до послѣднихъ лѣтъ палеонтологи не находили ихъ во вторичныхъ почвахъ, и поэтому относили первое появленіе ихъ къ эоценарной эпохѣ. Однакоже нынѣшняя палеонтологія говоритъ объ одномъ китообразномъ, принадлежащемъ къ верхнимъ слоямъ зеленаго песчанника.

Въ одной запискѣ о сидячихъ кистеногихъ моллюскахъ, самъ Дарвинъ замѣчаетъ, какъ эти животныя обыкновенны въ теперешнихъ моряхъ и третичныхъ почвахъ, между тѣмъ какъ неизвѣстно ни одного вида ихъ, который бы принадлежалъ къ почвамъ предшествующаго періода. Такъ какъ эти животныя ус-

реены такимъ образомъ, что очень легко могутъ приходить въ состояніе окаменѣлости, то Дарвинъ, вопреки своему желанію, принужденъ былъ заключить, что эти кистеногіе моллюски явились вдругъ, вмѣстѣ съ третичною эпохой. Едва издана была эта записка, какъ Боске открылъ кистеногаго моллюска въ мѣлу Бельгіи. Это былъ *Chthamalus*, родъ очень обыкновенный и распространенный повсюду. Значить, во вторичномъ періодѣ существовали сидячіе кистеногіе моллюски, которые, можетъ быть, суть предки моллюсковъ третичнаго періода. Эти и многіе другіе примѣры показываютъ, съ какою недовѣрчивостью должно смотрѣть на мнимо-внезапныя появленія новыхъ группъ въ органической природѣ.

Нельзя отрицать, что Дарвину удалось очень искусно опровергнуть возраженіе, основанное на относительномъ отсутствіи, въ геологическихъ слояхъ, посредствующихъ звеньевъ между видами. Но геологія поберегала для него возраженіе, гораздо болѣе важное. Самые древніе пласты силурійскихъ почвъ заключаютъ уже въ себѣ организованныя существа, принадлежащія къ очень различнымъ типамъ. Гдѣ же должно искать предковъ этихъ типовъ?

Дарвинъ, съ обыкновеннымъ своимъ мужествомъ, сдѣлалъ на этотъ вопросъ единственно—возможный отвѣтъ: ихъ предки жили въ до-силурійскія времена. Это, можетъ быть, самый слабый пунктъ его аргументаціи, потому что многіе изъ самыхъ знаменитыхъ геологовъ, вмѣстѣ съ Родрикомъ Мѣрчисономъ, убѣждены, что силурійская эпоха видѣла зарю жизни на нашей планетѣ. Правда, Ліэль и Эдуардъ Форбезъ оспаривали законность этого мнѣнія и еще очень недавно Барандъ прибавилъ къ силурійской системѣ еще одинъ нижній ярусъ, богатый видами. Но существованіе этой досилурійской эпохи долженствовало быть очень продолжительнымъ для того, чтобы произвести столько видовъ изъ варіацій одного первоначальнаго типа. Гдѣ же искать слоевъ, соответствующихъ этому періоду? «Можетъ быть, подъ океаномъ,» — отвѣчаетъ Дарвинъ. Наблюденія этого ученаго надъ коралловыми рифами, правда, убѣдили его, что большіе океаны съ глубокой геологической древности служатъ мѣстомъ пониженія, между тѣмъ какъ архипелаги суть мѣста поперебѣнныхъ колебаній, а материка—поднятія почвы; но можетъ быть, что мѣста поднятія и пониженія въ теченіе вѣковъ измѣнились. Въ такомъ случаѣ дно Тихаго океана могло бы представить толстые доси-

лурийскіе слои. Это гипотеза, и — увы! — не болѣе, какъ гипотеза. Можетъ быть, гораздо лучше — искать этихъ досилурийскихъ слоевъ въ метаморфическихъ почвахъ, въ которыхъ теперь нѣтъ окаменѣлостей. Существованіе кристаллическихъ сланцовъ, въ особенности верхнихъ гнейсовъ, въ нѣкоторыхъ силурийскихъ почвахъ, доказанное нынѣ Р. Мерчисономъ, позволяетъ предполагать въ нижнихъ частяхъ гнейса настоящія осадочныя почвы, которыхъ органическіе остатки были уничтожены неизвѣстною причиною. Химическіе анализы, сдѣланные Делесомъ, также говорятъ въ пользу этого мнѣнія, потому что они открыли въ гнейсахъ присутствіе органической сущности. Какъ бы то ни было, мы сильно желаемъ, для спасенія теоріи, открытія истинно-досилурийскихъ ископаемыхъ.

Второе возраженіе. Возможно-ли, чтобы животное, съ определеннымъ тѣлосложеніемъ и родомъ жизни, могло, посредствомъ постепенныхъ видоизмѣненій, произойти отъ такого животнаго, которое имѣетъ совершенно другія привычки? Можно-ли допустить, что естественная отборность въ состояніи произвести и органы второстепенной важности, какъ напр. хвостъ жирафы, служащій для защиты отъ мухъ, и органы столь удивительно сложныя, какъ напр. глаза?

Конечно, съ перваго взгляда нельзя понять, какимъ образомъ животное съ известными привычками можетъ происходить отъ другого, имѣющаго привычки диаметрально противоположныя; какимъ образомъ земное плотоядное можетъ превратиться въ водяное. Въ самомъ дѣлѣ, спрашивается: какъ жили индивиды, составляющіе переходное звено между тѣмъ и другимъ?

Дарвина не останавливаетъ этотъ затруднительный вопросъ, котораго важность онъ, однако, признаетъ. Дѣйствительно, существуютъ животныя, которыхъ привычки посредствуютъ между привычками животныхъ водяныхъ и привычками животныхъ земныхъ. Такъ, напримѣръ, визонъ, родъ американской выхухоли съ лапчатыми ногами, лѣтомъ ныряетъ въ водѣ, и ловитъ рыбу; а зимой охотится за мышами и за другими, живущими на сушѣ, животными.

Можно привести и другіе случаи, какъ нѣкоторыя животныя новидному измѣняютъ свой образъ жизни. Чтобы карабкаться по деревьямъ и ловить насѣкомыхъ въ трещинахъ лоры, для этого никакое существо не приаровлено лучше птицѣ, принадлежащихъ къ группѣ дятловъ. Однакоже, въ Озерной Америкѣ есть

дятлы, которые питаются плодами, между тѣмъ какъ другіе, въ земляхъ Ла-Платы ловятъ насѣкомыхъ на лету. Эти дятлы напоминаютъ своихъ однородныхъ и свое происхожденіе своимъ хриплымъ голосомъ, своимъ волнообразнымъ полетомъ; между тѣмъ они совсѣмъ потеряли привычку карабкаться.

Если каждый видъ былъ первоначально созданъ такимъ, какимъ онъ намъ представляется теперь, то какъ не чувствовать нѣкотораго удивленія при видѣ животнаго, котораго родъ жизни и организація представляютъ между собою самую полную дисгармонію? Но подобныя животныя существуютъ. Мы не изобрѣтаемъ ихъ произвольно, изъ любви къ гипотезамъ. Напримѣръ, лапчатая нога утокъ и гусей, повидимому, устроены исключительно для плаванія; однакоже есть гуси, которые никогда не рѣшаются пуститься въ воду. Никто, кромѣ Одюбона, не видалъ фрегаты (ширококрылый пеликанъ) на поверхности моря, хотя она имѣетъ четыре лапчатыхъ пальца. Можно сказать, что у такихъ гусей плюсны возвратились къ состоянію неразвитости, если не по структурѣ, то относительно употребленія ихъ. У фрегаты перепонки между пальцами прорѣзаны такими глубокими выемками, что они уже не составляютъ полной лапы. Эти факты, странные для противниковъ теоріи Дарвина, очень просты, если предположить образованіе видовъ путемъ естественной отборности.

Въ виду постепеннаго усовершенствованія, представляемаго органомъ зрѣнія въ ряду существъ, нѣтъ ничего абсолютно-невозможнаго въ гипотезѣ Дарвина, который выводитъ самый совершенный глазъ позвоночнаго животнаго изъ медленнаго и постепеннаго дѣйствія естественной отборности. Можетъ быть, позволительно также допустить, что всѣ позвоночныя съ легкими происходятъ отъ одного общаго предка, имѣвшаго свойства водяныхъ животныхъ и снабженнаго плавательнымъ пузыремъ. За то мы должны признаться, что образованіе другихъ органовъ еще неистощимѣе. Глазъ на низшей степени его развитія приносить уже нѣкоторую пользу животному, позволяя ему различать свѣтъ отъ темноты, и этого факта достаточно для того, чтобы сдѣлать возможнымъ усовершенствованіе органа зрѣнія посредствомъ естественной отборности. Но въ чемъ состоитъ польза неразвитаго крыла птицы или насѣкомаго? Теорія Дарвина, столь превосходная при объясненіи постепеннаго усовершенствованія существъ, намъ кажется еще очень недостаточною тамъ, гдѣ дѣло

идеть о томъ, чтобы объяснить первое появленіе органовъ. Эта теорія есть въ сущности телеологическая, — правда, не въ обыкновенномъ смыслѣ этого термина, потому что Дарвинъ, какъ всякій критическій натуралистъ, есть противникъ собственно такъ называемыхъ конечныхъ причинъ. Но если его теорія не зиждется на конечныхъ причинахъ, то, по крайней мѣрѣ, она опирается на то, что можно бы назвать конечнымъ выборомъ, конечною отборностью. Дѣйствительно, естественная отборность можетъ только сохранять полезныя видоизмѣненія, — мы разумѣемъ полезныя для организма, въ которомъ онѣ происходятъ. Она не можетъ создавать этихъ полезныхъ видоизмѣненій, и, слѣдовательно, рѣзко отличается отъ конечныхъ причинъ; но она стремится къ увѣковѣченію этихъ измѣненій, когда они произведены какимъ-нибудь случаемъ. Вслѣдствіе такого, въ нѣкоторомъ родѣ телеологическаго, направленія естественной отборности, необыкновенно трудно дать себѣ отчетъ въ первоначальномъ образованіи множества органовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ большей части случаевъ первые зачатки органа должны были быть не столько полезны, сколько тягостны для организма.

Мы съ намѣреніемъ останавливаемся на этомъ возраженіи, потому что наше удивленіе къ остроумной теоріи Дарвина не должно мѣшать намъ — указывать на ея слабыя стороны. Впрочемъ, будемъ надѣяться, что болѣе обширный трудъ, обѣщанный Дарвиномъ, будетъ заключать въ себѣ большія подробности относительно темнаго вопроса о первомъ появленіи органовъ. Можетъ быть, проникательность автора сдѣлаетъ открыты въ этихъ зачаткахъ органовъ непредвидѣнную пользу. Правда, это намъ кажется мало вѣроятнымъ, хотя проникательности англійскаго ученаго часто удавалось обращать въ пользу его теоріи факты, которые съ перваго взгляда казались противорѣчащими ей *.

Третье возраженіе. Могутъ ли инстинкты быть приобрѣтены

Мы позволяемъ себѣ привести еще одинъ примѣръ. Дарвинъ полагаетъ, что жало пчелы произошло отъ постепеннаго видоизмѣненія зубчатаго сверлила, сходнаго съ тѣмъ, которое мы видимъ у другихъ семействъ жильнокрылыхъ (у листогрызовъ, рогохвостовъ и проч.). Однакоже пчела очень часто сама погибаетъ отъ раны, наносимой ей жаломъ; а потому это оружіе, кажется, для нея скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Дарвинъ отвѣчаетъ, что жало какъ бы ни было оно вредно для индивида, полезно для общины и можетъ развиваться подъ вліяніемъ естественной отборности. Это объясненіе остроумно, можетъ быть, *слишкомъ* остроумно, скажутъ нѣкоторые,

и измѣнены естественною отборностію? Что сказать о дивномъ инстинктѣ, обучающемъ пчолъ дѣлать кѣточки, удивляющія самыхъ глубокихъ математиковъ своею правильностію?

Прежде чѣмъ отвѣчать на это возраженіе немиѣшаетъ согласиться насчетъ того—что должно называть инстинктомъ. Относительно опредѣленія этого термина ученые очень разнятся между собою. Шарль Бонне, женеvскій натуралистъ-философъ, говорилъ, что для того, чтобы понять хорошенько что такое инстинктъ—наблюдатель долженъ бы провести нѣкоторое время въ мозгу животнаго, не будучи таковымъ самъ. Это условіе, можетъ быть, не совсѣмъ неосуществимо, потому что самый великій геній тоже имѣетъ свою долю инстинкта. Къ счастью, ученые, столь мало согласные относительно опредѣленій инстинкта, вообще сходятся во мнѣніяхъ относительно того, какія дѣйствія можно считать инстинктивными. Всякое дѣйствіе, которое не могло бы быть совершено человекомъ безъ предварительнаго опыта и упражненія, называется инстинктивнымъ, какъ только оно сдѣлано животнымъ, въ особенности молодымъ, неимѣющимъ никакой опытности. Даже у человека, всякій актъ, не зависящій отъ предварительной опытности, какъ напр. у ребенка актъ сосанія груди, называется инстинктивнымъ. Еслибы Моцартъ сыгралъ какую-либо арію какъ только онъ въ первый разъ увидалъ фортепьяно, то эту игру слѣдовало бы считать инстинктивною.

Фредерикъ Кювье и другіе сравнили инстинкты съ привычками. Это сближеніе—удачно. Инстинкты, какъ привычки, имѣютъ свою систематичность. Одинъ инстинктивный актъ вызываетъ другой, какъ одна нота извѣстной аріи вызываетъ слѣдующую ноту. Пьеръ Гюберъ наблюдалъ за однимъ изъ видовъ гусеницы, который устроивалъ себѣ родъ койки, очень сложной конструкціи. Взявъ одну изъ этихъ гусеницъ, постройка которой уже очень далеко подвинулась впередъ, т. е. дошла до четвертаго этажа, онъ перемѣстилъ ее въ постройку другаго индивида, доведенную только до третьяго этажа. Гусеница стала продолжать постройку, возводя четвертый, пятый и шестой ярусы. Но когда Гюберъ взялъ такую гусеницу, постройка которой была поднута только до трехъ ярусовъ, и помѣстилъ ее въ шестиэтажную постройку, то увидѣлъ эту гусеницу въ большомъ затрудненіи. Животное, вмѣсто того, чтобы просто-на-просто окончить постройку, снова начало свою работу съ того мѣста, на которомъ оставило ее въ прежнемъ зданіи, т. е. съ треть-

яго этажа. Эти подробности не приводят ли читателю на память, какъ иногда онъ, будучи вдругъ прерванъ среди какой-нибудь речурнели или пѣсни, не могъ продолжать ее иначе, какъ только запѣвъ ее сначала?

Итакъ между инстинктомъ и привычкой существуетъ большое сходство. Инстинкъ, въ нѣкоторомъ родѣ, есть врожденная привычка. Предположимъ, что привычка перешла по наследству отъ отца къ сыну—и мы не будемъ въ состояннн отличить ее отъ инстинкта. Нѣкоторые инстинкты, вѣроятно, не имѣютъ другого источника, хотя нельзя приписать всемъ имъ одинаковое происхожденіе. Инстинкты, безъ сомнѣнн, такъ же полезны животнымъ, какъ и особенности ихъ структуры. Итакъ, если инстинкты подвержены измѣненіямъ подѣ вліаніемъ извѣстныхъ перемѣнъ въ условіяхъ жизни, то нѣкоторые изъ этихъ измѣненій, можетъ быть, будутъ въ особенности полезны виду, и, слѣдовательно, могутъ передаваться и продолжаться путемъ естественной отборности. Значитъ, постоянное видоизмѣненіе инстинктовъ, съ помощью естественной отборности, дѣлается возможнымъ, коль скоро эти инстинкты подвергаются варьяціямъ подобно формѣ и структурѣ органовъ.

Въ отвѣтъ на это послѣднее возраженіе Дарвину стоитъ только указать на измѣненіе инстинктовъ у одного и того же вида. Мы увидимъ, что ему сдѣлать это не стоитъ никакого труда.

Изученіе домашнихъ животныхъ представляетъ совершенно достаточныя доказательства въ пользу измѣненія инстинктовъ. Нѣкоторые куры, наприм., теряютъ инстинктъ высидыванія яицъ.—Всѣ волки, лисы, шакалы и виды кошачьяго рода какъ бы они ни были приручаемы, склонны къ нападенію на куръ, барановъ и свиней. Эта склонность такимъ же точно образомъ найдена несправимой и у молодыхъ собакъ, привезенныхъ съ Огненной Земли и изъ Австраліи, гдѣ дикіе не имѣютъ домашнихъ животныхъ. И однако же какъ рѣдко приходится учить собакъ нашихъ цивилизованныхъ странъ—не трогать животныхъ задняго двора! Правда, онѣ иногда нападаютъ на этихъ животныхъ и всегда бывають за это наказаны. За учащеніе вины, учащается, какъ извѣстно, и наказаніе. Слѣдовательно, наши собаки цивилизовались, въ одно и то же время, и естественною отборностью и привычками, которыя онѣ наследовали отъ своихъ предковъ. Съ другой стороны, маленькіе цыплята, вслѣдствіе привычки, потеряли страхъ къ собакамъ и кошкамъ, который,

безъ сомнѣнія, былъ первоначально въ нихъ инстинктивнымъ чувствомъ. Итакъ мы видимъ, что животныя могутъ потерять природныя инстинкты и приобрести инстинкты домашніе.

Затрудненіе еще не вполне устраняется этими примѣрами. Въ самомъ дѣлѣ, они касаются только животныхъ въ домашнемъ состояніи, но не могутъ представить никакого доказательства относительно образованія новыхъ инстинктовъ въ состояніи дикомъ. Безъ сомнѣнія, трудно доказать съ достовѣрностью рожденіе новаго инстинкта у животного, находящагося внѣ вліянія челоука. Однако же, еслибы было возможно открыть посредствующія звенья между инстинктами двухъ смежныхъ но очень отличныхъ одинъ отъ другого въ образѣ жизни видовъ, то мнѣніе Дарвина не имѣло бы тогда въ себѣ ничего невѣроятнаго. И ученому англичанину дѣйствительно удалось открыть существованіе этихъ звеньевъ во многихъ случаяхъ, съ необыкновенною прозорливостью. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Между муравьями — рабовладѣльцами, изученными Пьеромъ Гюберомъ, видъ, называемый *polyergus rufescens* отличается неспособностью устроить свое общинное жилище и кормить молодыхъ индивидовъ. Гюберъ запералъ тридцать такихъ муравьевъ съ яйцами, личинками и обильною пищей, и не могъ достигнуть того, чтобы заставить ихъ что-нибудь дѣлать. Видя, что они готовы умереть съ голоду, онъ впустилъ въ ихъ тюрьму одного раба (*formica fusca*), который тотчасъ началъ работать, накормилъ слажившихъ муравьевъ, устроилъ гнѣздо и сталъ заботиться о личинкахъ. И такъ рыжеватые поліерги вполнѣ зависятъ отъ своихъ невольниковъ. Собственные работы самцовъ и самокъ этого вида ограничиваются половыми отправленіями, а у безмолыхъ — захватываніемъ невольниковъ у другого вида. И даже въ случаѣ, когда старое гнѣздо дѣлается негоднымъ къ жительству, эти поліерги не умѣютъ сами подумать о переселеніи. Оно рѣшается невольницами, которые уносятъ своихъ господъ охвативъ ихъ своими хоботками. Конечно, если бы былъ извѣстенъ только одинъ примѣръ муравьевъ, обладающихъ невольниками, то намъ было бы труднѣе понять — какимъ образомъ естественная отборность могла произвести подобный инстинктъ.

Къ счастью для теоріи Дарвина, этотъ инстинктъ не есть единственный въ своемъ родѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы замѣчаемъ сходныя, хотя и не вполнѣ такіе же инстинкты въ другихъ видахъ. Нанр. кровавые муравьи (*formica sanguinea*) вооб-

ще обладают гораздо меньшимъ числомъ невольниковъ, чѣмъ красные поліерги. У нихъ бываетъ очень мало рабовъ въ началѣ лѣта, почему занятія этихъ рабовъ менѣе многочисленны, чѣмъ у помянутаго вида. Они одни заботятся о воспитаніи личинокъ, а надъ устройствомъ муравейника трудятся вмѣстѣ съ своими господами. Господа и слуги вмѣстѣ отправляются искать пищи и добываютъ ее у травяныхъ вшей. Это, по крайней мѣрѣ, замѣтилъ Гюберъ въ Швейцаріи. Въ Англіи, по наблюденіямъ Смита и Дарвина, одни господа оставляютъ муравейникъ, чтобы отыскивать матеріалы для постройки и пищу, необходимую какъ имъ самимъ такъ и ихъ рабамъ, между тѣмъ какъ эти послѣдніе заняты исключительно попеченіями о личинкахъ, внутри гнѣзда. Наконецъ, въ случаяхъ переселенія, господа переносятъ своихъ невольниковъ, между тѣмъ какъ у поліерговъ—какъ мы уже сказали—бываетъ совсѣмъ наоборотъ. Такимъ образомъ невольники кровавыхъ муравьевъ въ Швейцаріи обременены меньшимъ числомъ работъ, чѣмъ у рыжеватыхъ муравьевъ (*polyergus*), и еще меньшимъ—у кровавыхъ муравьевъ англійскихъ. Въ переходѣ между инстинктами отъ однихъ муравьевъ къ другимъ—замѣчается почти не чувствительная постепенность. И такъ нѣтъ ничего вѣроятнаго въ томъ, что эти различные инстинкты суть простыя видоизмѣненія инстинкта англійскихъ кровавыхъ муравьевъ.

Правда, остается еще рѣшить вопросъ—какимъ образомъ могъ образоваться инстинктъ у англійскихъ кровавыхъ муравьевъ. Это—трудная задача. Относительно ея Дарвинъ дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, очень вѣроятное предположеніе. Онъ замѣтилъ, что муравьи, принадлежащіе къ видамъ, у которыхъ рабство неизвѣстно, отнимаютъ иногда куколки у другихъ видовъ, чтобы питаться ими. Могло случиться, что нѣкоторыя изъ этихъ куколокъ, сложенные въ склады, какъ съѣстные припасы, превратились въ совершенныхъ насѣкомыхъ, прежде чѣмъ ихъ успѣли потребить ихъ хозяева. Эти надвиды, конечно, работаютъ въ муравейникѣ, какъ только могутъ. По крайней мѣрѣ, изученіе смѣшенныхъ муравейниковъ, т. е. муравейниковъ съ рабами, дѣлаетъ такое предположеніе очень вѣроятнымъ. Если присутствіе этихъ чужихъ муравьевъ было полезно общинѣ, то мы вправѣ предполагать, что естественная отборность начнетъ дѣйствовать въ пользу этой наклонности—захватывать чужихъ куколокъ. Послѣ очень многихъ генераций, эта наклонность можетъ сдѣлаться постояннымъ инстинктомъ.

Итакъ инстинкты муравьевъ не представляютъ непреодолимаго возраженія противъ теоріи Дарвина, хотя и нельзя утверждать, что эти инстинкты происходятъ именно такимъ способомъ.

Есть и другіе инстинкты, столь же удивительные въ своемъ родѣ и по видимому столь же изолированные, какъ инстинктъ муравьевъ - рабовладѣльцевъ. Таковъ инстинктъ, побуждающій пчелъ устроить свои соты. Могъ ли этотъ инстинктъ произойти отъ непохожаго на него инстинкта какого нибудь другого жильнокрылаго насѣкомаго? Очень вѣроятно. По крайней мѣрѣ, Дарвину удалось показать, что подобная гипотеза вовсе не такъ нелѣпа, какъ это можно бы предположить съ перваго раза. Ячейки пчелъ, столь тщательно изслѣдованные Реомюромъ и Франсуа Гюберомъ справедливо, сдѣлались предметомъ всеобщаго удивленія. Эти призматическія и шестиугольныя кѣточки, — которыхъ дно составляетъ трехгранную пирамиду, которой стороны, составлены изъ равныхъ между собою ромбовъ, — показались разсчитанными такъ, чтобы соты были устроены съ помощью возможно меньшаго количества воска. Талантливые математики, какъ Кенигъ, Крамеръ, Люйль, Лесажъ и другіе, занялись этимъ вопросомъ, и большая часть изъ нихъ признали несомнѣннымъ фактомъ, что углы ромбовъ въ самомъ дѣлѣ таковы, что на ячейку требуется наименьшее количество воска. Подобное совпаденіе, казалось, должно было сдѣлаться основаніемъ теоріи конечныхъ причинъ. Въ самомъ дѣлѣ, оно, около одного вѣка тому назадъ, дало поводъ ко многимъ восторженнымъ диенаграммамъ. Впрочемъ Люйль уже старался доказать, что экономія, которую несутъ сдѣлать пчелы въ устройствѣ ячейки, могла бы достигнуть пятой части всего расхода, тогда какъ въ дѣйствительности она составляетъ только одну пятидесятую. Тѣмъ не менѣе онъ думалъ, что если экономія не слишкомъ замѣтна въ каждой отдѣльной кѣточкѣ, то она должна быть значительна для всего сота, по причинѣ взаимнаго примыканія двухъ противоположныхъ порядковъ ячеекъ.

Если вычисленія Люйль точны, то сторонники конечныхъ причинъ должны искать новаго стратегическаго пункта. Сверхъ того, — такъ какъ Франсуа Гюберъ замѣтилъ, что ячейки пчелъ не суть призмы прямыя, а косвенныя, которыхъ наклоненіе къ основанію можетъ разнообразиться до пятнадцати градусовъ, — старыя вычисленія математиковъ теперь уже нисколько негодны для точнаго опредѣленія экономіи, достигаемой пчелами. Впро-

чемъ должно признать, что инстинктъ пчелъ гораздо болѣе заслуживаетъ удивленія въ томъ случаѣ, когда онъ измѣнителенъ и способенъ принаравливаться къ множеству различныхъ обстоятельствъ, нежели въ томъ, когда бы онъ былъ слѣпъ и такъ же строг онеобходимъ, какъ какая нибудь геометрическая теорема.

Но инстинктъ пчелъ не есть слѣпой, ни безусловно неизмѣнимъ. Уже Франсуа Гюберъ признавалъ, что первый рядъ клѣточекъ каждаго сота устроенъ не такъ какъ другіе. Составляющіе его ячейки—пятиугольники съ дномъ, составленнымъ изъ одного ромба и двухъ трапецій. Гюберъ доказывалъ также, что, переходя отъ клѣточекъ меньшаго объема, принадлежащихъ рабочимъ пчеламъ, къ клѣточкамъ большаго объема, принадлежащихъ трутнямъ, пчелы устрояютъ многіе ряды неправильныхъ клѣточекъ, которыхъ дно уже не трехгранное, а четырехгранное. Эти отклоненія отъ основнаго строительнаго типа, правда, должны представляться въ каждомъ ульѣ, производиться каждымъ поколѣніемъ пчелъ и, слѣдовательно, могутъ также быть результатомъ общаго и слѣпотаго инстинкта. Не такъ бываетъ въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ формы сотовъ, которыя были замѣчены Гюберомъ, когда онъ поставилъ своихъ пчелъ въ нѣкоторыя исключительныя условія. Но мы сей-часъ увидимъ, что Дарвинъ подмѣтилъ еще болѣе поразительныя измѣненія формы ячеекъ, подъ вліяніемъ новыхъ условій.

Бюффонъ объяснялъ правильность пчелиныхъ построекъ совершенно механическими образомъ. Онъ думалъ, что эти насѣкомыя, вслѣдствіи того, что они тѣснятся и трутся одни объ другіихъ, естественнымъ образомъ даютъ воску шестиугольную форму. Этотъ воскъ, употребляемый пчелами въ дѣло, казался ему похожимъ на шарики изъ мягкаго вещества, которые, будучи сжиаемы одни съ другими, принимаютъ форму многогранниковъ. Конечно это истолкованіе нѣсколько топорно, однакоже слѣдуетъ отдать справедливость французскому натуралисту за то, что онъ сумѣлъ держаться на сторожѣ противъ обольщеній чудесности. Новые опыты Дарвина неволью напомнили намъ теорію Бюффона, и хотя эти опыты нѣсколько не могутъ возстановить эту теорію, но они показываютъ, что въ основаніи ея лежала вѣрная идея.

Уотергоузъ брался доказать, что призматическая форма ячеекъ жнльнокрылыхъ всегда опредѣляется непосредственнымъ соудѣствомъ другіихъ клѣточекъ. Подстрекаемый изысканіями это-

го ученаго Дарвинъ со всею ревностію предался изслѣдованію этого предмета. Ему удалось классифицировать медоносныхъ жильнокрылькихъ такъ, что изъ нихъ составилась серія видовъ, у которыхъ способы постройки нечувствительно переходать отъ одного къ другому. На одной изъ оконечностей этой серіи мы находимъ шмелей, экономныхъ насѣкомыхъ, которые для складки меда употребляютъ свои старые коконы, и иногда увеличиваютъ ихъ, прилѣпляя къ ихъ краямъ восковыя трубочки. Другая оконечность серіи занята пчелами, которыхъ соты составлены изъ двухъ рядовъ шестиугольныхъ кѣлочекъ съ пирамидальными верхушками, расположенныхъ такимъ образомъ, что три ромба, находящіеся на днѣ верхней кѣлочекъ, принадлежать дну трехъ различныхъ кѣлочекъ противоположнаго слоя*. Между этою крайнею простотою и этою крайнею сложностью мы находимъ мексиканскаго медоклада, котораго гнѣздо было открыто Пьеромъ Гюберомъ. Самъ медокладъ, по своей организаціи, составляетъ средину между шмелями и пчелами; но онъ ближе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ. Онъ устроиваетъ почти правильный восковой сотъ, образуемый изъ двухъ видовъ кѣлочекъ: изъ цилиндрическихъ ячеекъ, въ которыхъ развиваются личинки, и нѣсколькихъ кѣлочекъ бѣльшаго объема, назначенныхъ для складыванія меда. Эти послѣднія имѣютъ почти сферическую форму; онѣ почти равны между собою, и соприкасаются одиѣ съ другими неправильнымъ образомъ. Но—что очень важно—эти кѣлочки устроены на такомъ маломъ разстояніи одиѣ отъ другихъ, что онѣ взаимно пресѣкали бы одна другую, еслибы были совершенно сферической формы. Однакоже этого не бываетъ, потому что медоклады дѣлаютъ восковыя плоскія перегородки въ мѣстѣ умышленнаго пересѣченія двухъ сферъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства, наружная сторона каждой кѣлочекъ становится сегментомъ сферы, между тѣмъ какъ остальная часть ея стѣнки составлена изъ двухъ или трехъ плоскихъ граней и даже болѣе, смотря по тому, прикасается ли эта кѣлочка къ двумъ, тремъ, или къ большому числу другихъ кѣлочекъ. Когда дно одной кѣлочекъ находится въ соприкосновеніи съ днами трехъ другихъ, оно принимаетъ форму трехгранной пирамиды, — грубое подражаніе пирамидальному фундаменту челиныхъ ячеекъ.

Размышляя объ этомъ родѣ сооруженія, Дарвинъ призналъ,

* Сотъ, какъ это должно быть извѣстно всякому, состоитъ изъ двухъ слоевъ.

что еслибы медокладъ устраивалъ всё свои сферы равными и въ определенномъ разстояніи однѣ отъ другихъ, раздѣля ихъ на два слоя, то его сотъ необходимо состоялъ бы изъ призматическихкихъ ячеекъ съ пирамидальною оконечностью, столь же правильныхъ, какъ ячейки пчелъ. Такимъ образомъ—чтобы неправильный повидимому грубый сотъ медоклада сдѣлался столь же удивительно правильнымъ какъ сотъ пчелы, для этого было бы достаточно, чтобы къ инстинктамъ медоклада присоединился еще одинъ, именно, инстинктъ—устроить сферическія клѣточки на равномъ разстояніи одна отъ другой. По достиженіи призматической формы, жальнокрылому не будетъ надобности въ большомъ искусствѣ для удлинненія своихъ ячеекъ, такъ чтобы онѣ могли вмѣстѣ въ себѣ достаточное количество меда. Это самое дѣлаютъ пчелы.

Итакъ нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что удивительный инстинктъ пчелы образовался, путемъ постепеннаго усовершенствованія, изъ инстинкта медоклада, и Дарвинъ расположенъ думать, что таково именно его происхожденіе. Правда, противъ этого возражать, что способъ, котораго держатся пчелы въ постройкѣ своихъ сотовъ, — способъ, столь хорошо извѣстный со времени наблюденій Реомюра и Гюбера, — повидимому, не говоритъ положительно въ пользу такой гипотезы. Въ отвѣтъ на эти возраженія, Дарвинъ сдѣлалъ попытку—заставить пчелъ измѣнить ихъ способъ постройки; онъ попробовалъ навязать имъ новую методу, т. е. ту самую, посредствомъ которой медокладъ могъ бы дойти до устройства правильныхъ сотовъ. Еслибы многіе медоклады работали въ одно время надъ клѣточками, помѣщенными въ равномъ разстояніи одна отъ другой, они должны бы были воздвигнуть плоскія стороны въ мѣстѣ пересѣченія двухъ сферъ и произвести, такимъ образомъ, призмы. Поэтому нужно было заставить пчелъ устроить большое число клѣточекъ разомъ, чтобы видѣть, — съумѣютъ ли онѣ рассчитать, какъ слѣдуетъ, свои разстоянія. Попытка эта можетъ показаться безразсудною, потому что подобный способъ постройки, по видимому, слишкомъ далекъ отъ того, которому пчелы обыкновенно слѣдуютъ. И однакоже—удивительное дѣло!—Попытка Дарвина увѣчалась успѣхомъ.

По примѣру Фегетмейера, знаменитый англійскій натуралистъ отдалилъ одинъ отъ другаго два сота одного и того же улья и въ промежуткѣ между ними помѣстилъ очень толстый четырехугольный кусокъ воску. Пчелы тотчасъ же начали продвигать

вать въ немъ маленькія кругообразныя впадины. По мѣрѣ углубленія этихъ впадинъ, пчелы расширяли ихъ, превращая ихъ, такимъ образомъ, въ маленькіе круглыя бассейны, въ формѣ стекла карманныхъ часовъ. Копанье началось на разныхъ пунктахъ, удаленныхъ другъ отъ друга на разстояніе равное тому, которое въ обыкновенныхъ сотахъ отдѣляетъ центръ кѣточки отъ центра сосѣднихъ кѣточекъ. Какъ только круглыя бассейны сдѣлались на столько обширны, что стали касаться одинъ другого, пчелы перестали копать ихъ болѣе, хотя глубина этихъ маленькыхъ чашечекъ не превышала одной третьей радіуса умственной сферы, къ которой онѣ принадлежали. Здѣсь пчелы описали эти кругки прямыми линиями и воздвигли на этихъ линіяхъ шесть плоскостей шестиугольныхъ кѣточекъ. Такимъ образомъ дномъ ячеекъ, вмѣсто пирамидальной трехгранной остроконечности нормальныхъ кѣточекъ, сдѣлалось маленькое углубленіе въ формѣ стекла карманныхъ часовъ. Остроумное предположеніе Дарвина осуществилось.

Дарвинъ не ограничился этимъ. Радуюсь открытію такой изворотливости въ инстинктѣ пчелъ, онъ повторилъ опытъ, нѣсколько видоизмѣнивъ его. Вмѣсто толстаго четырехугольнаго куска воска, онъ повѣсилъ въ ульѣ восковую пластинку, очень тонкую, въ формѣ лезвья ножа и окрашенную киноварью. Пчелы тотчасъ же бросились на пластинку, съ двухъ сторонъ разомъ. Но едва онѣ начали дѣлать въ ней выемки, какъ должны были перестать углублять ихъ, по причинѣ тонкости пластинки. Однако же онѣ устроили призматическія, совершенно правильныя ячейки. Такимъ образомъ ячейки оканчивались чашечками съ плоскимъ дномъ, которыхъ плоская часть была расположена въ мѣстѣ пересѣченія двухъ умственныхъ сферъ, къ которымъ принадлежали двѣ противоположныя чашечки. Красный цвѣтъ киновари позволялъ узнавать съ перваго взгляда части зданія, образованныя первоначальною дощечкой.

Читатель, можетъ быть, сомнительно покачивалъ головою по поводу гипотезы о превращеніи инстинкта медоклада въ инстинктъ пчелы. Невозможность такого превращенія покажется ему менѣе очевидною послѣ этихъ, поистинѣ удивительныхъ, наблюденій. Правда, въ его умѣ можетъ возникнуть вопросъ. Естественная отборность дѣйствуетъ только посредствомъ постепеннаго накопленія легкихъ видоизмѣненій структуры или инстинкта, полезныхъ виду въ условіяхъ жизни, которыя его окружаютъ. Какъ же

возможно, чтобы она благопріятствовала постепенному развитію строительныхъ инстинктовъ, постоянно клонящихся къ тому плану сооружеія, которому слѣдуетъ пчела?

Дарвинъ знаетъ, что слѣдуетъ отвѣтить и на этотъ вопросъ. Изъ всѣхъ способовъ сооружеія, употребляемыхъ медоносными насѣкомыми, способъ пчелы требуетъ наименьшаго количества воска. Но какъ эти насѣкомыя имѣютъ нужду въ значительномъ количествѣ меда для проведенія зимы, то тѣ изъ нихъ, которымъ удается построить наиболѣе обширные склады, будутъ имѣть и болѣе шансовъ—противиться опустошеніямъ дурного времени года. Слѣдовательно, всякій способъ постройки, имѣющій своимъ результатомъ сбереженіе воска, будетъ важнымъ элементомъ успѣха въ битвѣ жизни для животныхъ изъ семейства пчелъ.

Словомъ, Дарвинъ побѣдоносно отвѣчаетъ на возраженіе, которое онъ себѣ задалъ. Конечно, его можно упрекнуть въ томъ, что онъ иногда, не колеблясь, дѣлаетъ рискованныя сближенія. Но тѣмъ не менѣе справедливо, что онъ блистательнымъ образомъ доказалъ изворотливость инстинктовъ. Инстинктъ никимъ образомъ не слѣпъ, не необходимъ. Подъ вліяніемъ разныхъ дѣятелей, онъ способенъ подвергаться глубокимъ видоизмѣненіямъ. Теперь спрашивается: не служить ли эта гибкость инстинкта достаточнымъ отвѣтомъ на третье возраженіе, приводимое противъ Дарвина?

Четвертое возраженіе. Какимъ образомъ происходитъ, что смѣшенія видовъ остаются безплодны или не производятъ ничего, кромѣ безплодныхъ помѣсей, между тѣмъ какъ смѣшенія разновидностей нисколько не вредятъ плодовитости потомковъ?

Это возраженіе, конечно, очень важно и заслуживаетъ тщательнаго изученія. Но въ излѣдованіи этого предмета должно вооружиться предосторожностями. Нѣкоторые люди объявляютъ а ригігі, что плодовитость новыхъ ражденій есть существенный характеръ вида. Эти люди заранѣе отказываются отъ всякаго разсужденія. Въ самомъ дѣлѣ,—докажите имъ, что два животныхъ, которыхъ они считаютъ принадлежащими къ различнымъ между собою видамъ, могутъ посредствомъ помѣси дать плодовитые продукты,—они отвѣтятъ, что они ошиблись, принявъ двѣ разновидности одного и того же вида за два отличныхъ вида. Докажите имъ, напротивъ, что два животныхъ, принадлежащія, по ихъ собственному признанію, къ двумъ разновидностямъ одного и того же вида, рождаютъ только безплодныхъ

ублюдковъ,—они тотчасъ измѣнить систему защиты и стануть утверждать, что двѣ мнимыя разновидности суть два совершенно различные между собою вида. Ясно, что съ подобными выраженіями ничего не сдѣлаешь. Ваша битва заранѣе проиграна, если вы имѣете своими противниками людей, рѣшившихся считать всякое пораженіе за блистательную побѣду.

Итакъ, съ настоящимъ вопросомъ должно обходиться другимъ образомъ. Его должно изслѣдовать, а не рѣшать на основаніи заранѣе составленнаго предразсудка. Поэтому мы можемъ только воздать похвалу Дарвину за логическій способъ, который онъ принялъ въ настоящемъ случаѣ. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобы сперва записать всѣ результаты скрещиваній, наблюдаемыхъ между видами или разновидностями, которыя считаются таковыми, и замѣтить совершенно доказанные случаи безплодія или плодовитости, а также причины, обуславливающія ихъ;—и только послѣ этого изученія Дарвинъ излагаетъ свои выводы.

Доказано, что скрещиваніе между двумя органическими существами, — достаточно несходными между собою, для того, чтобы вообще считаться различными другъ отъ друга видами,—и случайныя скрещиванія между ихъ помѣсями чаще всего бываютъ безплодны. Однакоже, это правило не лишено исключеній. Въ самомъ дѣлѣ, въ скрещиваніяхъ замѣчаются всѣ постепенности, начиная отъ самаго абсолютнаго безплодія, до безплодія только частаго, или даже исключительнаго. Это до такой степени истинно, что два наблюдателя, наиболѣе свѣдущіе въ вопросѣ о гибридахъ (смѣшеніе разновидныхъ), Кольрейтеръ и Гертнеръ, основываясь на этомъ принципѣ различія, дошли до діаметрально противоположныхъ результатовъ. Они часто считали двѣ одинаковыя формы одинъ—двумя разновидностями одного и того же вида, другой—двумя различными другъ отъ друга видами. Что касается до плодородныхъ помѣсей (hybrids),—Гертнеръ, напощь что плодовитость въ первыхъ поколѣніяхъ быстро уменьшается, если только мы устранимъ всякое новое скрещиваніе съ какою либо изъ чистыхъ расъ. Между тѣмъ по Дарвину—это уменьшеніе плодовитости можетъ происходить отъ причины очень отличной отъ специфической разности, т. е. оно можетъ происходить отъ скрещиванія однокровныхъ индивидовъ. Дѣйствительно, этотъ ученый большимъ числомъ опытовъ убѣдился, что неоднократно повторяемое смѣшеніе однокровныхъ индивидовъ уменьшаетъ плодовитость, между тѣмъ какъ смѣ-

шеніе индивидовъ неоднокровныхъ, или даже принадлежащихъ къ различнымъ между собою разновидностямъ, усиливаетъ ее. Сверхъ того, это наблюденіе вполне согласно съ обще-распространенными мнѣніями между скотоводами и садовниками. Прозыбаемы помѣсы рѣдко разводятся въ очень большомъ числѣ. Онѣ обыкновенно находятся въ томъ же саду какъ и виды, отъ которыхъ онѣ происходятъ, и потому воспитатели ихъ принимаютъ предосторожности противъ оплодотворенія ихъ пылью этихъ послѣднихъ. Эти предосторожности обыкновенно имѣютъ своимъ результатомъ оплодотвореніе каждой помѣсы своею собственною пылью, — обстоятельство, которое, чрезъ нѣсколько поколѣній, дѣлается очень неблагоприятнымъ для плодородія. Это вліяніе однокровности на большее или меньшее плодородіе вытекаетъ также и изъ слѣдующаго наблюденія: Гертнеръ доказалъ, что искусственное оплодотвореніе помѣсей оканчивается, по истеченіи многихъ поколѣній, не убавленіемъ, а напротивъ приращеніемъ плодородія. Дарвинъ очень хорошо объяснилъ это, повидимому очень ненормальное, вліяніе искусственнаго оплодотворенія, говоря, что испытатель для оплодотворенія одного цвѣтка обыкновенно употребляетъ плодотворную пыль, взятую съ другого. Этимъ совершенно исключается вліяніе средства.

Большая или меньшая легкость, съ которою растительные виды могутъ быть скрещиваемы, зависитъ иногда отъ весьма таинственныхъ причинъ. Нѣкоторыя лобеліи и всѣ виды рода *hippeastrum* представляютъ замѣчательную особенность: они гораздо съ большею легкостью могутъ быть оплодотворены пылью другихъ видовъ, нежели своею собственною. Поэтому, гораздо легче достать помѣсы этихъ видовъ, нежели сѣмена, отъ которыхъ происходятъ индивиды чистой породы. Гербертъ, повторившій эти опыты въ продолженіе пяти лѣтъ сряду, постоянно доходилъ до однихъ и тѣхъ же результатовъ. Впрочемъ, его выводы вполне подтверждаются другими наблюдателями. Сходныя съ этими наблюденія были сдѣланы также надъ нѣкоторыми кавалерниковыми растениями и вербишниками (*verbascum*).

Между многочисленными помѣсами, принадлежащими къ породамъ фукой, куманскихъ фіалокъ, анстинковъ, петуній, рододендроновъ и проч, воспитываемыхъ въ нашихъ садахъ, находится много плодоносныхъ помѣсей.

Гораздо рѣже, чѣмъ у прозыбаемыхъ, встрѣчаются примѣры вполне плодоносныхъ помѣсей у животныхъ, и даже, можетъ

быть, всё эти примѣры сомнительны. Тѣмъ не менѣе достоверно, что животныя помѣси далеко не всегда рѣшительно безплодны. Въ нихъ безплодіи есть степенни, какъ въ безплодіи помѣсей растительныхъ.

Смѣшенія чистыхъ видовъ и смѣшенія помѣсей представляютъ, слѣдовательно, очень различныя степени безплодности. Когда плодосная пыль одного растенія, принадлежащаго къ извѣстному семейству, будетъ положена на пестиковое отверстіе растенія изъ другого семейства, она производитъ на него не болѣе вліянія, какъ первая попавшаяся неорганическая пыль. Начиная съ этого безусловнаго нуля плодородія, въ смѣшеніяхъ видовъ, принадлежащихъ къ одному и тому же роду, замѣчаются всё возможные степенни плодородія, до чрезмѣрнаго избытка его. То же самое мы замѣчаемъ въ скрещиваніи помѣсей.

Но не одинъ только этотъ законъ открывается намъ при изученіи безплодія, происходящаго отъ смѣшенія различныхъ видовъ. Дарвинъ замѣтилъ многіе другіе законы.

Помѣси видовъ, съ трудомъ поддающихся смѣшенію и рѣдко бывающихъ плодородными, и сами по себѣ чаще всего безплодны. Однако же нельзя доказать отношенія между трудностью перваго скрещиванія и безплодіемъ помѣси, которая отъ нея происходитъ. Во многихъ случаяхъ чистые виды смѣшиваются съ величайшею легкостью и даютъ жизнь многочисленнымъ помѣсямъ, тогда какъ эти послѣднія, напротивъ того, остаются совершенно безплодными. За то другіе виды могутъ быть скрещиваемы только съ большимъ трудомъ, а между тѣмъ порождаемыя ими помѣси вполне плодородны.

Наослѣдокъ, степень безплодія очень измѣнчива у помѣсей однихъ и тѣхъ же видовъ и, повидимому, очень подвержена вліянію различныхъ условій. Она не пропорціална большому или меньшему систематическому средству смѣшанныхъ видовъ, т. е. большому или меньшему сходству этихъ видовъ относительно структуры и тѣлосложенія. Въ самомъ дѣлѣ, намъ было бы легко привести многіе примѣры видовъ очень близкихъ одинъ къ другимъ всею своею организаціей и однако же неспособныхъ къ взаимному оплодотворенію. Не болѣе рѣдки и примѣры видовъ, явно очень различныхъ между собою, но легко оплодотворяющихъ другъ друга. Родъ гвоздики (*dianthus*) заключаетъ

въ собѣ виды способны смѣшиваться чрезвычайно легко; напротивъ того, родъ смолянки хотя образованный изъ видовъ, часто очень смѣшивае другъ съ другомъ, не произведя никогда ни одной помѣси. И однако же гвоздика и смолянка принадлежать къ одному и тому же семейству, — именно къ семейству гвоздичныхъ. Подобныя этому различія были замѣчаемы въ видахъ одного и того же рода, напримѣръ въ родѣ табака (*nicotiana*).

Степень безплодія можетъ быть различна даже во взаимныхъ скрещиваніяхъ двухъ наиблизжайшихъ видовъ. Для большей ясности мы прибавимъ, что терминъ — «взаимное скрещиваніе» Дарвинъ прилагаетъ къ такимъ скрещиваніемъ, какъ напримѣръ: осла съ кобылицей, и наоборотъ — коня съ ослицей. Бываютъ примѣры, когда скрещиваніе происходитъ съ большою легкостью, и однако же изъ этого нельзя выводить, что и обратное или взаимное смѣшеніе возможно. Такъ чудоцвѣтъ-ялара (*mirabilis jalapa*) можетъ быть легко оплодотворенъ длиннолистымъ чудоцвѣтомъ (*mir. longiflora*), и помѣси, происходящія отъ этого смѣшенія, вообще плодородны. За то обратное оплодотвореніе, т. е. оплодотвореніе длиннолистаго чудоцвѣта пылью ялары никогда не удастся. Кольрейгеръ болѣе двухъ сотъ разъ, въ теченіе восьми лѣтъ, пробовалъ произвести его, и всегда напрасно. Ученому Тюре мы обязаны подтвержденіемъ совершенно такихъ же фактовъ у нѣкоторыхъ водоросей.

Гертнеръ формулировалъ другія правила, совершенно столько же неожиданныя. Мы позволимъ себѣ хоть бѣгло упомянуть о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Есть, напр., виды, которые могутъ быть скрещиваемы съ большою легкостью; другіе виды тѣхъ же самыхъ родовъ обнаруживаютъ замѣчательную склонность — налагать свой отпечатокъ, свою *физиономію* на свои помѣси; но эти двѣ особенности не сопровождаютъ непременно одну другую.

Нѣкоторыя помѣси, вмѣсто того чтобы представлять посредствующія свойства между свойствами двухъ видовъ, отъ которыхъ онѣ произошли, всегда похожи преимущественно на какой-либо одинъ изъ нихъ; и эти помѣси, при всемъ своемъ совершенномъ сходствѣ съ одною изъ чистыхъ расъ, тѣмъ не менѣе, за нѣкоторыми рѣдкими исключеніями, совершенно безплодны.

Между помѣсиями, которыхъ свойства обыкновенно посред-

связуютъ между свойствами двухъ родителей, ни находимъ никогда нѣкоторыя, похожія исключительно на одну изъ чистыхъ расъ. Эти исключительныя помѣси вообще совершенно безплодны; даже когда другія произведенія сѣмянъ, происходящихъ изъ одной и той же сумки, сравнительно очень плодородны. Мы были бы вправѣ ожидать совершенно противоположнаго результата.

Страшные законы, которые мы сейчасъ обозрѣли, служатъ ли доказательствомъ, что помѣси поражены безплодіемъ съ цѣлью предупредить смѣшеніе видовъ въ природѣ? Дарвинъ, колеблясь, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, и многочисленныя варьяціи въ степеняхъ безплодія, которыя мы исчислили выше, даютъ ему на то полное право. Безплодіе индивидовъ, принадлежащихъ къ двумъ различнымъ скрещиваемымъ между собою видамъ и безплодіе у гибридовъ суть явленія чисто случайныя, зависящія отъ разностей въ организаціи индивидовъ. Правда, эти разности чаще всего неизвѣстны и гипотетичны, но позволительно предполагать, что онѣ специально касаются плодотворяющихъ органовъ.

Большая часть законовъ, относящихся къ гибридизаціи (къ помѣсямъ) повидимому распространяется и на прививки. Взаимныя прививки, напр., не всегда производятся съ одинаковою легкостью. Такъ крыжовникъ не можетъ быть прививаемъ къ красной смородинѣ, тогда какъ обратная прививка удается очень хорошо. Систематическія средства уже недостаточны для опредѣленія возможности привитія такъ же какъ и гибридизаціи. Напр. груша легче можетъ быть привита къ айвѣ — дереву другого рода — чѣмъ къ яблонѣ, которая принадлежитъ къ одному съ ней роду. Различныя разновидности грушеваго дерева не всѣ съ одинаковою легкостью прививаются къ айвѣ; такъ же какъ различныя разновидности абрикосовыхъ и персиковыхъ деревьевъ — къ нѣкоторымъ разновидностямъ сливы. Наконецъ, воспроизводящія органы часто видоизмѣняются прививками, такъ же какъ скрещиваніемъ. Нѣкоторые чилижники (*Robinia*) напр., привитые къ другимъ видамъ, приносятъ сѣмена съ большимъ трудомъ; напротивъ того, нѣкоторыя рыбы, по привитіи ихъ къ другимъ видамъ, даютъ вдвое болѣе плодовъ, чѣмъ въ нормальномъ своемъ состояніи. — Эти феномены гиб-

ридезна происходить, безъ сомнѣнiя, отъ легкихъ различiй въ организацiи.

Разсмотримъ законы, управляющiе скрещиванiемъ разныхъ видовъ, постараемся опредѣлить причины бесплодiя, которое его сопровождаетъ.

Здѣсь крайне необходимо различать бесплодiе помѣсей отъ бесплодiя особей чистыхъ видовъ, скрещиваемыхъ между собою. Въ самомъ дѣлѣ, эти послѣднiе обладаютъ нормальными производительными органами, тогда какъ у первыхъ эти органы несовершенны.

Что касается до скрещиванiя между чистыми видами— бесплодiе часто можетъ происходить отъ какой-либо физической особенности, которая не допускаетъ оплодотворенiя. Бываетъ также, что, при удачномъ оплодотворенiи, плодъ почему-то не развивается или начинаетъ развиваться, но, по какой либо неизвѣстной причинѣ, погибаетъ во время первыхъ фазисовъ развитiя. Это послѣднее, по словамъ Гервинта, происходитъ въ скрещиванiяхъ куринныхъ породъ.

Что касается бесплодiя помѣсей съ несовершенными производительными органами, то вѣроятно, что его должно уподобить бесплодiю, которымъ часто бываютъ поражены чистые виды, когда они поставлены въ ненормальные условiя. Большая часть животныхъ обнаруживаютъ склонность къ бесплодiю, какъ только они находятся подъ влiянiемъ исключительныхъ обстоятельствъ. Въ этомъ именно заключается даже наибольшее препятствiе, съ которымъ предстоитъ бороться обществамъ акклиматизацiи и прирученiя. Эти два рода бесплодiя имѣютъ между собою большое соотношенiе. Оба они часто сопровождаются необыкновеннымъ развитiемъ роста; оба они чаще поражаютъ самцовъ, чѣмъ самокъ. Наконецъ, когда органическiя существа въ продолженiе многихъ генераций находятся подъ влiянiемъ несвойственныхъ имъ условiй, ихъ потомки обнаруживаютъ большую склонность разнообразится. Этотъ фактъ происходитъ, безъ сомнѣнiя, отъ того, что производительные органы были повреждены, хотя, правда, въ меньшей степени, чѣмъ въ случаяхъ бесплодiя. Помѣси такимъ же образомъ обнаруживаютъ, по истеченiю многихъ поколѣнiй, замѣтную склонность измѣняться.

Вообще можно сказать, что легкiя измѣненiя въ условiяхъ жизни обращаются въ пользу у всѣхъ органическихъ существъ,

и что смѣшенія между недѣлимыми, принадлежащими къ одному и тому же виду, но слегка различившимся другъ отъ друга, производятъ сильныхъ и плодовитыхъ потомковъ. Напротивъ того, существенныя измѣненія въ условіяхъ жизни имѣютъ наклонность—дѣлать органическія существа болѣе или менѣе бесплодными, а также и скрещиваніе между самцами и самками, сдѣлавшимися слишкомъ непохожими другъ на друга, т. е., получившими специфическія различія, производитъ помѣсь вообще болѣе или менѣе бесплодную.

До сихъ поръ мы оставляли въ сторонѣ метисовъ, т. е. ублюдковъ, происходящихъ отъ смѣшенія двухъ равновидностей одного и того же вида. Такъ какъ эти ублюдки вообще плодовиты, то ихъ хотѣли считать совершенно отличными отъ помѣсей. Впрочемъ въ плодородіи первыхъ замѣчаются всѣ возможныя степени такъ же какъ и въ бесплодіи вторыхъ; это еще одинъ аргументъ въ пользу теоріи Дарвина. Въ самомъ дѣлѣ это сходство не допускаетъ никакой рѣзкой разграничивающей линіи между разновидностями и видами. Случай относительнаго бесплодія ублюдковъ не рѣдки, какъ мы докажемъ это нѣсколькими примѣрами. Гертнеръ въ продолженіе многихъ лѣтъ съѣлъ красную кукурузу съ кукурузой желтой,—но отъ этого ни разу не произошло естественнаго смѣшенія между этими двумя разновидностями, хотя это суть двупольныя растенія; тогда онъ попробовалъ искусственную гибридизацію надъ тринадцатью различными стволами. Этотъ опытъ удался только надъ однимъ колосомъ, да и тотъ имѣлъ только пять зеренъ. Правда, что, несмотря на трудность такого смѣшенія, кукурузныя ублюдки оказались вполне плодоносными. Одинъ болѣе замѣчательный и совершенно достоверный случай былъ изучаеми въ продолженіе многихъ лѣтъ Гертнеромъ надъ девятью видами вербимника. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: желтая и бѣлая разновидности одного и того же вида вербимника, когда онѣ оплодотворяютъ одна другую, производятъ менѣе сѣмянъ, чѣмъ когда оплодотвореніе происходитъ между индивидами одного и того же цвѣта.

Къ чему приводитъ еще новые примѣры, которые только утомили бы читателя? Мы довольно пространно изложили изысканія Дарвина надъ помѣсями и ублюдками, чтобы доказать, что между ними нѣтъ существеннаго различія. Разныя степени бесплодія и плодовитости, замѣчаемыя у тѣхъ и другихъ, повиди-

мому показываютъ, что разновидности и виды образуютъ рядъ нечувствительныхъ постепенностей и что разновидности суть не что иное, какъ не видны обозначившіеся виды. А для теоріи Дарвина только этого и нужно. Мы не жалѣемъ о томъ, что вошли по этому предмету во множество очень обстоятельныхъ подробностей. Въ самомъ дѣлѣ, гибридализмъ есть основа теоріи постоянства видовъ. Это камень, который надлежало взять впрокъ, чтобы увидѣть разрушеніе всего завіяна. Дарвинъ успѣлъ въ этомъ.

Мы сейчасъ видѣли какъ Дарвинъ опровергаетъ главныя возраженія, которыя можно сдѣлать противъ его теоріи происхожденія видовъ. Его защита чрезвычайно искусна, а часто даже побѣдоносна. Безъ сомнѣнія, его противники не сочтутъ себя побѣжденными, и, кромѣ того, найдутъ еще много случаевъ принять наступательное положеніе.

Самый важный аргументъ, который они могутъ выставить, состоитъ въ томъ, что теорія Дарвина требуетъ для образованія животныхъ и растительныхъ видовъ столь продолжительнаго времени, что оно пугаетъ наше воображеніе. Но развѣ это—аргументъ? Мы не думаемъ. Тепѣрь каждый новый шагъ науки дѣлаетъ нашу планету все старѣе. Можно безразлично сказать даже, что назначать предѣлы для исторіи земли было бы такъ же невозможно, какъ стараться заключить безконечное пространство въ какую нибудь геометрическую мѣру. Знаменитое обнаженіе уильдѣйской почвы на югѣ Англій, по приводимымъ Дарвиномъ вычисленіямъ, достойнымъ всякой вѣры, не могло образоваться менѣе какъ въ триста миліоновъ лѣтъ и его образованіе было не болѣе какъ однимъ моментомъ въ ряду геологическихъ временъ. Даже настоящая эпоха, которую обыкновенно считаютъ эпохой начинающейся, продолжается, повидимому, болѣе ста тысячъ лѣтъ. Въ доказательство этого мы приведемъ вычисленіе, котораго важность можетъ быть оценена каждымъ.

Диксонъ и Броунъ нашли въ Луизианѣ пластъ стволовъ окаменѣлыхъ кипарисовъ, принадлежащихъ къ одному виду, еще доселѣ существующему въ странахъ, подверженныхъ разливамъ Миссисипи. Этотъ пластъ образовался изъ десяти слоевъ кипарисовъ, лежащихъ одни на другихъ, и отдѣленныхъ между собою слоями земли; тамъ найдено десять очень толстыхъ стволовъ, изъ которыхъ, каждый, какъ оказывается по числу древесныхъ

слоевъ, жилъ около пяти тысячъ семи сотъ лѣтъ. Надъ самымъ близкимъ къ нашей эпохѣ изъ этихъ кипарисныхъ слоевъ теперь растетъ лѣсъ зеленыхъ дубовъ, которыхъ возрастъ считаютъ въ 1500 лѣтъ. Даулеръ * основывается на этихъ фактахъ, чтобы установить слѣдующія хронологическія вычисленія.

Почвы, образовавшіяся отъ наносовъ рѣки, первоначально не производили ничего, кромѣ роскошныхъ травъ; это была огромная котловина съ подвижнымъ грунтомъ. Мало по малу, когда почва поднялась и сдѣлалась болѣе твердою, на ней могли появиться лѣса изъ кипарисовъ. Благодаря древнимъ даннымъ Страбона, извѣстно, что Нилъ, въ продолженіе семнадцати вѣковъ, возвысилъ почву Египта, своими наносами, только на пять англійскихъ футовъ на каждый вѣкъ. Если судить поэтому примѣру, то для того, чтобы зыбкая почва сдѣлалась твердою и стала рожать кипарисы, требовались тысяча пять сотъ лѣтъ. Возрастъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ лѣсовъ можно опредѣлить еще съ большею достоверностью. Въ самомъ дѣлѣ, мы сказали, что нѣкоторые изъ кипарисовъ достигли пять-тысячь-семисот-лѣтняго возраста; но каждый изъ десяти слоевъ этого каменно-угольнаго пласта предполагаетъ цѣлыя многочисленныя поколѣнія кипарисовъ, слѣдовавшихъ одни за другими, которыя, наконецъ, повалились и подверглись гніенію прежде той эпохи, когда развились деревья, живущія еще и теперь; поэтому никакъ нельзя обвинить въ преувеличеніи вычисленіе, по которому существованіе cadaго слоя занимаетъ пространство времени, соотвѣтствующее только двумъ генерациямъ кипарисовъ. А изъ этого будетъ слѣдовать, что каждый лѣсъ, изъ котораго образовался слой каменнаго угля, существовалъ, по крайней мѣрѣ, одиннадцать тысячъ четыреста лѣтъ. Однимъ словомъ, вычисленіе приводитъ къ слѣдующему результату:

Образованіе и отверженіе котловины	1,500 лѣтъ .
Продолжительность двухъ поколѣній кипарисовъ .	11,400 —
— — — — — нынѣшняго дубоваго лѣса, по	
осушеніи и возвышеніи почвы	1,500 —
Итого	14,400 лѣтъ.

* Jameson's Edinburgh's new philosophical journal, vol. LVII, p. 374;—1854 г.

Такова продолжительность времени, протекшаго съ тѣхъ поръ, какъ лѣсъ кипарисовъ образовался въ послѣдній разъ на почвѣ Луизианы. Въ первые девять разъ не произошло поднятiя и осушенiя почвы, которыя дали бы возможность вырасти на ней iкковому дубовому лѣсу; но такъ какъ осиданiя почвы, которыя полагали конецъ существованiю каждаго кипарисоваго лѣса, часто производили пониженiе поверхности, которая становилась все ниже уровня первоначальной котловины, — то, не подвергаясь большому риску ошибиться, можно для каждаго изъ десяти періодовъ сохранить одну и ту же цифру 1,500 лѣтъ; такимъ образомъ формация всего пласта потребуетъ пространства времени, равняющагося $11 \times 14,400$, т. е. 158,000 лѣтъ. Въ теченiе всего этого громаднаго періода растительность сграны сохранила, по крайней мѣрѣ большую частію одинъ и тотъ же характеръ.

Таково вычисленiе, сдѣланное Даулеромъ. Правда, многія части его какъ будто гипотетичны. Но результатъ, къ которому оно приводитъ, не можетъ быть названъ преувеличеннымъ. Предположивъ, что данный кипарисъ существовалъ уже во время плиоценарнаго или даже миоценарнаго періода (т. е. въ концѣ или въ срединѣ третичной формации) и сохранился съ тѣхъ поръ, не подвергнувшись никакому измѣненiю, — мы тѣмъ не менѣе уже по одному этому примѣру должны убѣдиться, что міръ очень старъ. Во всякомъ случаѣ, онъ гораздо древнѣе, чѣмъ какъ мы долгое время воображали. Вѣрованiе въ созданiе, происшедшее не болѣе какъ шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время смѣло можетъ быть отнесено къ числу бабьихъ сказокъ.

И такъ фактъ, что теорiя Дарвина приписываетъ міру древность, которой приблизительное вычисленiе привело бы къ необъятно-громаднымъ числамъ лѣтъ, — не можетъ служить аргументомъ противъ этой теорiи.

Безъ сомнѣнiя, конечные выводы Дарвина очень смѣлы и многимъ превышаютъ его первыя послышки. Каждое семейство, по его мнѣнiю, происходитъ отъ одного первоначальнаго типа. Это составитъ много-много, что пять или шесть одушевленныхъ первоначальныхъ формъ, и Дарвинъ не думаетъ, чтобы и царство растительное имѣло болѣе значительное число предковъ. Но, совершивъ такой обширный путь, кто рѣшился бы остановиться на этомъ? Успѣвши подвести необъятное множество животныхъ и растительныхъ формъ подъ какой нибудь десятокъ первоначальныхъ формъ, кто рѣшился бы остановиться на этомъ? Успѣвши подвести необъятное множество животныхъ и растительныхъ формъ подъ какой нибудь десятокъ первоначальныхъ формъ, кто рѣшился бы остановиться на этомъ?

чальныхъ типовъ, кто удержался бы отъ предположенія, что эти восемь или десять типовъ имѣли одного общаго предка? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть сомнительнымъ. Поэтому мы не можемъ порицать Дарвина за его *предположеніе* что въ очень отдаленную эпоху существовалъ одинъ только первообразъ, отъ котораго произошли всѣ органическія существа. Мы говоримъ *предположеніе*, потому что это, очевидно, чистая гипотеза, въ чемъ признается самъ Дарвинъ. Приведенныя имъ основанія—выводить всю органическую природу изъ восьми или десяти первоначальныхъ типовъ онъ считаетъ очень слабыми, но съ тѣмъ вмѣстѣ все-таки признаетъ, что приписывать еще этимъ немногимъ типамъ общее происхожденіе — значитъ вступать уже совершенно на гипотетическую почву.

Между многочисленными противниками теоріи Дарвина, Жюневскій профессоръ Пикте (Pictet) долженъ быть отнесенъ, конечно къ числу первоклассныхъ. Несмотря на свою рѣшительную приверженность къ постоянству видовъ, Пикте призналъ, однакоже, всю важность аргументовъ Дарвина. Онъ посвѣщилъ указать на нихъ ученому міру *, какъ на элементъ новый, богатый и плодотворный, и умѣлъ въ нѣсколькихъ строкахъ резюмировать ихъ съ точностью и ясностью. Однакоже онъ думаетъ, что Дарвинъ увлекся, зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ опредѣленіи медленнаго дѣйствія естественной отборности. Онъ сдѣлалъ ученому англичанину возраженія, изъ которыхъ многія неопровержимо-важны и заслуживаютъ быть принятыми въ серьезное соображеніе. Онъ признаетъ, что естественная отборность можетъ дать рожденіе разновидностямъ, породамъ, даже смежнымъ между собою видамъ, но онъ не думаетъ, чтобы она могла идти дальше этого; въ особенности онъ не вѣритъ, чтобы она могла измѣнить органическія существа даже до произведенія генерическихъ различій.

Возраженіе авторитета, котораго компетентность признана всѣми палеонтологами, — возраженіе, сопровождаемое такими уступками, — должно было быть очень пріятно Дарвину. Въ самомъ дѣлѣ, это нападеніе, сдѣланное на исключительно научной почвѣ, вовсе не такого свойства, чтобы его нельзя было отпарировать. Уступки же, которыя его сопровождаютъ, могутъ пода-

* См. Bibliothèque universelle de Genève, 1861.

вать Дарвину надежду, что не одинъ изъ его открытыхъ противниковъ приметъ со временемъ его идеи. Дѣйствительно, Пикте соглашается, что некоторые очень смежныя между собой виды могутъ образоваться путемъ естественной отборности. Но если некоторые изъ нихъ могли образоваться такимъ образомъ, то мы боимся, какъ бы ученымъ не пришлось наконецъ признать подобное происхожденіе для всѣхъ видовъ; потому что, спрашивается: гдѣ именно находится предѣлъ дѣйствию естественной отборности?

Пикте признаетъ, что въ домашнихъ животныхъ въ историческія времена произошли несущественныя органическія видоизмѣненія и произвели разновидности и даже породы рѣзко отличныя другъ отъ друга. Но онъ никогда не видалъ, чтобы подъ вліяніемъ внѣшнихъ дѣйствій естественной отборности произошли видоизмѣненія существенныя, т. е. касающіяся генерическихъ чертъ. Это наиболѣе важный изъ всѣхъ его аргументовъ, которыми онъ хочетъ доказать, что теорію Дарвина можно объяснить образованиемъ только небольшого числа видовъ, очень смежныхъ между собой. Очевидно, такой аргументъ не можетъ повредить Дарвину. Въ самомъ дѣлѣ, по его теоріи, естественная отборность дѣйствуетъ слишкомъ медленно для того, чтобы она могла измѣнить *генерическія* свойства въ историческія времена.

Въ свою очередь Пикте излагаетъ особенную теорію образования видовъ. По его мнѣнію, различныя формы органическихъ существъ были результатомъ двухъ соединенныхъ дѣйствій: естественной отборности Дарвина и зидательной силы, обнаруживающейся періодически. Но эта послѣдняя, по его собственному признанію, есть сила всецѣло таинственная и совершенно недоступная нашему опредѣленію. Эта теорія не имѣетъ преимуществъ простоты, какою отличается ея соперница. Правда, Пикте думаетъ, что, для объясненія образования перваго органическаго существа, даже самъ его противникъ принужденъ допустить воорудничество творческой силы. Дарвинъ не высказалъ своихъ мнѣній на этотъ счетъ, но мы не думаемъ, чтобы его теорія требовала этой новой гипотезы. Для его ученія необходимо только существованіе организующей силы, вѣчной и неразрушимой какъ всякая сила. Если,—какъ это очень правдоподобно,—наша планета не существовала цѣлую вѣчность, то

ясно, что на ея поверхности существовало некогда первое органическое существо. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что это первое органическое существо должно было быть создано какою-то исключительной силой, которая не всегда находится въ состояніи напряженія. Появленіе этого перваго живаго существа доказываетъ только одно—именно, что образованіе земнаго шара могло представить условія, необходимыя для обнаруженія организующей силы, которая до тѣхъ поръ была сокрыта.

Положите легко воспламеняющіяся вещества въ мѣстѣ, гдѣ господствуетъ очень возвышенная температура: они немедленно загорятся. Этотъ пожаръ происходитъ, конечно, отъ теплоты, а вовсе не отъ какой-нибудь особенной силы, возникающей нарочно въ ту минуту, когда начинается это явленіе. Высокая температура существовала уже прежде, но она могла обнаружиться пожаромъ только подѣ условіемъ встрѣчи съ удобовоспламеняемыми веществами. Такимъ же образомъ мы можемъ предположить, что организующая сила существовала во всѣ времена; но для ея обнаруженія въ формѣ органическихъ существъ было необходимо соединеніе извѣстныхъ условій, и эти условія осуществились въ данный моментъ, при образованіи нашей планеты.

Изъ всѣхъ теорій происхожденія видовъ, теорія Дарвина, безспорно есть самая логическая, самая удовлетворительная и въ то же время одна изъ самыхъ простыхъ. Наука приобрѣла въ ней ту истину, что естественная отборность есть могущественный дѣятель въ образованіи видовъ. Можетъ быть, будутъ открыты и другіе столь же важные дѣятели, потому что, при всемъ нашемъ удивленіи къ теоріи Дарвина, мы не находимъ въ ней полного рѣшенія задачи. Эта теорія очевиднымъ образомъ приблизила насъ къ желаемому рѣшенію—и его уже можно назвать истиннымъ завоеваніемъ.

Многіе улыбались при одномъ видѣ книги, которая насъ теперь занимаетъ; они обвиняли автора въ томъ, что онъ гоняется за химерой и посвящаетъ свои досуги изученію неразрѣшимаго вопроса. Такой упрекъ крайне неоснователенъ; дѣлая его Дарвину, слѣдовало бы уже обобщить его и обратить ко всѣмъ ученымъ, занимающимся положительными науками. Въ самомъ дѣлѣ, какую бы цѣль естественныя науки ни предположили себѣ въ своихъ изслѣдованіяхъ, онѣ всегда оканчиваютъ тѣмъ, что наталкиваются на неразрѣшимую задачу, на тайну. Эта задача,

эта тайна есть происхождение и, следовательно, свойство силъ. Только предъ этою задачею ученый долженъ преклониться и признать свое безсиліе. Дарвинъ тоже долженъ былъ встрѣтить эту тайну. Она явилась ему подъ видомъ организующей силы. Такова эта невѣдомая сила, которой сущность никто не въ состояніи изслѣдовать. Но если она должна всегда оставаться таинственною сама въ себѣ, тѣмъ не менѣе ея дѣятельность необходимо подлежить нашему изученію, потому что силы познаются по ихъ дѣйствіямъ, а эти дѣйствія обнаруживаются по извѣстнымъ законамъ, изученіе которыхъ и составляетъ предметъ науки. И въ этомъ все оправданіе Дарвина, равно какъ и науки.

Путь, по которому должна будетъ идти наука въ изученіи организующей силы, съ этихъ поръ намъ кажется ясно обозначеннымъ. Дарвинъ взялся намѣтить его. Намъ остается, въ заключеніе статьи нашей, представить этотъ путь въ общихъ чертахъ, какъ мы его понимаемъ.

Всѣ явленія происходятъ отъ посредственнаго или непосредственнаго дѣйствія одной или многихъ силъ; а изслѣдованіе, даже поверхностное, скоро приводитъ къ распознаванію извѣстныхъ категорій въ явленіяхъ, происходящихъ отъ одной и той же силы. Съ цѣлью облегчить изученіе и удовлетворяя требованіямъ языка, наука изобрѣла спеціальныя названія, для обозначенія предполагаемыхъ силъ, которыя, повидимому, господствуютъ при каждой категоріи явленій. Такимъ образомъ явились, въ своемъ научномъ значеніи, термины—тяжесть, свѣтъ, теплота, электричество, діосмость, капиллярность, сила сцѣпленія, катализа, эпиполизма и проч. и проч. Изъ одного перечня этихъ названій, читатель уже видитъ, что здѣсь неречисляются термины очень различной важности. Одни изъ нихъ, какъ напр. тяжесть, свѣтъ, магнетизмъ, электричество—представляютъ причины измѣненій, дѣйствующихъ по извѣстнымъ, твердо установленнымъ, законамъ; другіе, какъ напр. катализъ, сила сцѣпленія, эпиполизмъ, обозначаютъ неизвѣстную причину нѣкоторыхъ непонятныхъ феноменовъ. Первые соотвѣтствуютъ, въ умѣ ученаго, точному и ясному понятію. Вторые представляютъ нѣчто смутное и неопредѣленное. По признанію cadaго, эти послѣдніе термины только временно существуютъ въ лексиконѣ научной номенклатуры. Боле глубокое изученіе должно будетъ исключить ихъ, по-

казавъ какіе законы управляютъ явленіями, которыя происходятъ отъ этихъ нинимыхъ силъ. Другими словами, для науки дѣйствительно полезны только тѣ силы, которыхъ дѣйствіе управляется законами, поддающимися ясному формулированію. Ученый можетъ изучать ихъ, сравнивать ихъ между собою и стараться опредѣлить—дѣйствительно ли онѣ суть самостоятельныя сущности, независимыя одна отъ другихъ. Но темныя дѣтели, которымъ онъ далъ имена катализа, эпиполизма и проч. покомѣсть не поддаются истинно научному изслѣдованію; они были различаемы другъ отъ друга только для опредѣленности и удобства языка. Ничто не доказываетъ, что явленія, относимыя сегодня къ такому множеству агентовъ, не будутъ считаться завтра происходящими отъ одной и той же силы. Въ самомъ дѣлѣ, было бы легко показать многими примѣрами, что одна и та же сила можетъ произвести очень различныя дѣйствія, смотря по условіямъ, въ которыхъ ей пришлось обнаружиться. Новѣйшія изысканія многихъ ученыхъ, — изысканія, для которыхъ первымъ сигналомъ послужили труды Майера, — клонятся къ уменьшенію числа силъ, предполагаемыхъ дѣйствующими въ природѣ. Они, по видимому, назначаютъ общій источникъ наиболѣе извѣстнымъ космическимъ феноменамъ, какъ то феноменамъ свѣта, теплотвора, электричества, магнетизма и проч. Всѣ эти явленія, столь различныя, нынѣ кажутся происходящими отъ одной и той же силы.

Въ ожиданіи возможнаго осуществленія этой гипотезы, усилія науки должны стремиться къ тщательному изслѣдованію всѣхъ явленій, которыя временно приписываются гипотетическимъ силамъ, т. е. такимъ силамъ, которыхъ способъ дѣйствія не можетъ быть установленъ въ формѣ строгихъ законовъ. Наука должна отыскивать основныя и неизмѣнныя правила, господствующія при произведеніи феноменовъ. Только этимъ путемъ она будетъ въ состояніи рѣшить—есть ли данная сила дѣйствительно сила особенная, или она не болѣе какъ пустое названіе, обманчивая маска, подъ которою скрывается другая сила, уже помѣщенная въ научную номенклатуру. Итакъ ученые могутъ, по прежнему, смѣло поставлять вопросъ: — «что такое организующая сила?»—хотя бы они вовсе не имѣли претензій постигнуть сущность этой силы. Они стараются заставить ее за работой, они высматриваютъ ея дѣйствія, слѣдятъ за ея обнаруженіями, благопріятствуютъ и ищутъ имъ насколько могутъ. Ботаника, зооло-

гія, сравнительная анатомія, словомъ физическія и естественныя науки, работаютъ сообща и отчасти безсознательно надъ тѣмъ, чтобы современемъ найти отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: «что такое организующая сила?» или, другими словами: «что такое жизнь?» Преслѣдуя именно эту цѣль, Дарвинъ долженъ былъ поставить себѣ слѣдующій предварительный вопросъ: «какъ произошли виды?»

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ

И

ОБЪ ОБРАЗОВАНИИ ВООБЩЕ.

«Мучится въ подземномъ царствѣ Сизифъ, ворочая камень руками и головою: онъ хочетъ вскатить его на гору. На камень самъ, своею силою, катится назадъ». Видный Сизифъ! За что же ему такое мученье? Объ этомъ говорятъ различно. За несомнѣнное можно принять только то, что, навѣрно, за что-нибудь да мучится Сизифъ.

Одинъ умный человекъ все сидѣлъ у себя въ комнатѣ, видѣлъ только стѣны, ихъ наблюдалъ одну за другою. Наблюдалъ, наблюдалъ, да издалъ книгу: «*Voyage autour de ma chambre*. Тогда люди сказали: какъ это хорошо съумѣетъ умный человекъ самыя неважныя вещи осмыслить и въ нихъ видѣть то, чего другіе не видятъ! «Другой писатель объѣхалъ цѣлую Европу и написалъ путешествіе, гдѣ обозначалъ точно трактирныя удобства, мягкость матрацовъ, количество блохъ и цѣну обѣдовъ. А люди сказали: «какъ это мало замѣчаетъ вездѣ глупый человекъ!» Третій писатель въ продолженіе своей жизни видѣлъ очень много умныхъ людей и издалъ свои воспоминанія, гдѣ описывалъ, — у кого изъ умныхъ людей какіе ногти, у кого какое вино на столѣ подавалось, кто съ кѣмъ спорилъ, кто горячился, кто былъ хладнокровенъ и т. п. «А люди сказали: глупому сыну не впрокъ

отцовское богатство; глупому фату не впрокъ знакомство съ умными людьми: не замѣтилъ онъ ничего въ этихъ людяхъ, кромѣ ногтей, да у кого какое вино, или кто горячился, кто былъ хладнокровень! А какъ, почему, для чего,—это осталась для него темнымъ дѣломъ.» Мало на свѣтѣ умныхъ, а больше все глупые. Тотъ въ кунсткамерѣ слона не замѣтилъ, другой въ Парижѣ видѣлъ только *bal Mabile*, въ Германіи только пилъ пиво, въ Англии—джинъ и т. п.

И во всемъ такъ. Хотятъ узнать дѣло, но дѣло не узнается; а только на языкъ вертится слово. Хотятъ начать дѣло, но дѣло не удается, только выходитъ смѣхъ.

Родъ людской тутъ спитъ глубоко,
Ужъ не первый вѣкъ.

Вотъ подняли вопросъ объ университетахъ. Боже! сколько написанной бумаги! сколько печатныхъ страницъ! сколько проектовъ! и *tabula rasa*, и ящички для тетрадей, и, кажется, ключики и т. п. вошло въ проекты. Но, добрые люди, если вы хотите имѣть понятіе о видѣ мѣстности, взойдите вы на гору: сверху лучше видно. Кто же смотреть изъ долины, а тѣмъ больше изъ болота? Выпутайтесь изъ этой тины, въ которую вы зашли по шею. да не мѣшайтесь и обмыться, кто очень запачканъ. А то, положимъ, вы и найдете драгоценный перлъ, да кто же его узнаетъ подъ слоємъ грязи, которая пристанетъ къ нему отъ вашихъ рукъ, и кто захочетъ взять его отъ васъ? Да вы и ничего не найдете, ничего не увидите, потому что вамъ мѣшаютъ видѣть что-нибудь горы, тина, въ которую вы зашли, болотная трава, которая васъ опутала.

Вы недовольны современнымъ состояніемъ университетовъ.... или нѣтъ: не всѣ вы пессимисты, мизантропы, реформаторы и прожектёры; есть и между вами оптимистъ, это — г. Стасюлевичъ. И вотъ принялись мы за дѣло: проекты посыпались градомъ и одинъ другаго радикальнѣй. Довольно того, что остановились на *tabula rasa*—чего же больше? *Tabula rasa* — это чистая, выскобленная доска, на которой ничего нѣтъ; дѣлай на ней что хочешь. И на что вамъ подробностей больше ящичковъ для тетрадокъ? кажется, довольно специально.

Но, добрые люди, чѣмъ вы занимаетесь ящичками, или досками, или образованіемъ? Конечно, не образованіемъ. Кто вамъ сказалъ, что ось этихъ ящичковъ зависягъ народно: обра-

земле, или высшее образованіе народа? Кто вамъ сказалъ, что даже отъ того зависитъ образованіе, какъ будутъ называться слушатели университетскихъ лекцій: студентами, или каждый по своему званію—купцомъ, мѣщаниномъ, духовнымъ воспитаникомъ, крестьянникомъ, или дводворцемъ, или дворяниномъ?..

Г. Костомаровъ! прежде всего вопросъ этотъ относится къ вамъ: вы первый пустили вашу идею объ этомъ, или даже не идею... Гдѣ она, ваша идея, въ чемъ? Въ томъ, что университетскому слушателю неудобно называться студентомъ; что ему неудобно пользоваться нѣкоторыми правами за то, что онъ учится; что ему неудобно во имя науки быть избавленнымъ отъ подушнаго оклада, рекрутской повинности или тѣлеснаго наказанія, когда онъ мѣщанинъ или крестьянинъ? И въ чемъ же ваше ручательство за то, что если сдѣлать предлагаемую вамъ переимъну, то и пойдетъ все какъ по маслу? Одинъ русский журналъ написалъ статью объ университетахъ и эпиграфомъ поставилъ слѣдующіе стихи изъ «Квартета» Крылова:

«Стой, братцы, стой!» — кричитъ мартышка, — «погодите,
Какъ музыкѣ идти? вѣдь вы нетакъ сидите!»

Не правда ли, стихи эти очень идутъ къ г. Костомарову, къ его проекту о преобразованіи университетовъ? И въ самомъ дѣлѣ, у него ничего нѣтъ, кромѣ проекта, подобнаго проекту обезьяны о переимънѣ мѣста. А слѣдовало бы, для продолжателей г. Костомарова прибавить еще и слѣдующіе стихи изъ «Квартета»:

«Постойте! я смыскалъ секретъ». — кричитъ оселъ, —
«Мы вѣрно ужъ поладимъ, коль рядомъ сядемъ».

Въ самомъ дѣлѣ, пошелъ кто-нибудь дальше г. Костомарова? сдумалъ кто-нибудь выбиться изъ колен, которую проложилъ г. Костомаровъ? Что сказали эти гг. Стасюлевичъ, Барсовъ, Сухомлиновъ, Невзвѣстный, Незнакомецъ и другіе псевдонимы? Кто изъ нихъ поднялся выше переимъны мѣста, какъ въ «Квартетѣ»? Мартышка и оселъ? Господа! подите вы куданибудь на ферму, гдѣ чухонка дѣлаетъ свое масло. У чухонки есть нѣсколько формъ, которыми она даетъ видъ маслу; то у нея наверху, на маслѣ, оказывается лежащая коровка, то кисточка винограда, то еще что-нибудь. Но если чухонка замѣчаетъ, что ея масло выходитъ плохо,—думаете ли вы, что она начнетъ метаться отъ одной формы къ другой? Нѣтъ, подите—посмотрите, она этого не дѣлаетъ. Въ такомъ случаѣ она

начинает повнимательнѣе готовить его; если дѣло заесть отъ того, что корова ея нездорова, или ей приходится есть дурной кормъ, то чухонка принимаетъ мѣры противъ того или другого.

И положимъ, сдѣлаютъ всё это перемѣны, уничтожатъ одно, прибавятъ другое; удастся Сизифу вскатить его камень на гору, но самъ собственною силою покатится онъ назадъ; и наши реформаторы еще разъ будутъ стоять передъ тѣми же недостатками, потому-что смѣшно же ждать успѣха науки отъ того, что учащіяся перестанутъ называться студентами, но будутъ держать ни вступительныхъ, ни переводныхъ экзаменовъ: ни любви къ наукѣ, ни способностей, ни предварительнаго приготовления отъ этого не прибавится.

Тогда опять попробуютъ что нибудь въ родѣ того, что теперь предлагается; введутъ то, что уничтожали; уничтожатъ то, что ввели. Сизифъ опять покатитъ на гору свой камень. И будемъ мы, какъ тѣни въ подземномъ царствѣ мрака и холода, бродить, отыскивая переправы черезъ Стиксъ: можетъ быть, найдемъ, а можетъ быть и не найдемъ. И опять, какъ теперь, *можемъ быть, авось, небось* и т. п.

Вотъ наша Ultima Thule; мы дошли до общественной дѣятельности наугадъ, наавось; и тутъ не идемъ дальше формы.

А что мѣшало посмотрѣть на дѣло какъ слѣдуетъ, спросить каждому себя, чего онъ хочетъ, какими недостаткомъ страдаетъ наше образованіе, справиться, если можно, съ прошедшимъ. Одинъ покойникъ изъ-за могилы подалъ свой голосъ въ вопросѣ объ университетахъ, и смерть получила пальму первенства передъ жизнью. Только тотъ голосъ, который раздался изъ-за могилы, затронулъ сущность вопроса, высказалъ, чего ему хочется и откуда идетъ недостатокъ, которымъ страдаетъ наше образованіе. А живые голоса наше цвѣтущее поколѣніе?

Что Карлъ?—сраженъа два три разыграть, къ врагу прѣйдемъ на обѣдъ—на это Карла станеть. А дальше?

Жилъ на землѣ прекрасный народъ; онъ имѣлъ столько добрыхъ качествъ, что до сихъ поръ мы уважаемъ и любимъ его память. Онъ имѣлъ такъ немного предрасудковъ, развивался такъ свободно и такъ рационально, что далеко оставилъ за собою всѣхъ своихъ предшественниковъ въ цивилизаціи; жизнь его богата общими и частными подвигами великодушія, честности, патриотизма, гуманности. Школою, гдѣ учился этотъ на-

родъ, была живъ; и эта школа доставила въ исторію цивилизаціи такіа имена какъ Аристота, Сократа, Эпанинонда и множество другихъ. А потомъ что-то особенное процвѣло съ этимъ народомъ. Науки у него стали процвѣтать, все больше и больше; потащилъ Сизифъ на гору свой камень, искусства... Что и говорить объ этомъ? кто не знаетъ, что въ искусствахъ греки не имѣютъ соперниковъ? Но отчего же съ того времени, именно съ того, какъ Сократъ далъ толчокъ наукамъ, въ то время, когда особенно процвѣтали искусства, народъ этотъ сдѣлался дурнымъ народомъ, ничтожнымъ нравственно и политически?

Этотъ народъ былъ смѣненъ въ исторіи другимъ, тоже прекраснымъ народомъ. Онъ также представилъ много доказательствъ своихъ высокихъ нравственныхъ качествъ. И былъ онъ сначала простъ и мало образованъ, а потомъ сталъ думать и объ образованіи;—опять Сизифъ потащилъ свой камень на гору. Науки и искусства порядочно развились къ тому времени у со-сѣдей, и пересадили къ себѣ этотъ народъ чужое растение, и принесло оно свои плоды: явились добродѣтельные и образованные граждане, которые превзошли своихъ предковъ, великановъ сумрака; этими добродѣтельными и образованными гражданами были братья Граххи, Катонъ, другъ добродѣтели и современникъ ей, Персій, этотъ чистый голубъ въ стаѣ хищныхъ, съ окровавленными клювами, птицъ. Потомъ образованіе дало такихъ прекрасныхъ людей какъ Траянъ, Антонины и др.

Но, кромѣ этихъ уединенно-стоящихъ людей, плохи были другіе, большинство—почти весь народъ. Учились почти всѣ; театры и циркъ посѣщали тоже почти всѣ; юношество ѣздило учиться за границу, да и дома были для него школы низшія и высшія—Атенеи. Но изъ всего этого ничего не вышло; или вышло то, чему не слѣдовало выходить. Римляне испортились съ тѣхъ поръ, какъ науки и искусства къ нимъ проникли. Камень Сизифа опять скатился подъ гору.

Что же это такое? Гдѣ причина такого страннаго явленія? Будто же Руссо правъ, что науки вредны? Правъ, конечно правъ, если судить по статьямъ объ университетахъ гг. Костомарова, Стасюлевича, Сухомлинова и др. представителей науки; правъ если дѣйствительно это были науки—то, что испортило грековъ и римлянъ; но въ самомъ дѣлѣ онъ не правъ, потому что то, чему учились и римляне и греки, не было наукою: это было только подобіе науки, то, что имѣло внѣшній видъ науки; а въ са-

моихъ дѣлъ наукою не было. Если позволено будетъ считать представителемъ науки не того, кто имѣетъ профессорскій мундиръ, а того, кто дѣйствительно не на словахъ любитъ безкорыстно науку, ей рационально служить и проникается свѣтомъ, и теплототою, и чистотою, которыя отъ нея исходятъ, — то значеніе 'останется только за тѣмъ, что мы называемъ: сочиненіемъ, оупугеъ, орега, дѣла. Всѣ эти слова, имѣющія теперь нѣсколько различный смыслъ, въ сущности, какъ показываетъ ихъ сопоставленіе, составляютъ одно и то же, и въ дѣйствительности каждое сочиненіе есть въ то же время дѣло. Сочиненію обыкновенно принадлежать строки, а дѣлу рѣдко строки, большею частью то, что между строками.

Пока, не обращая вниманія на то, что высказано разными авторами о современныхъ потребностяхъ нашего образованія, попробуемъ отыскать внутреннюю причину, которая неудержимо тянетъ камень Сизифа подъ гору; попробуемъ отыскать въ образованіи истинные его элементы, чтобы отдѣлить ихъ отъ ложныхъ.

Рѣшить, что такое образованіе, въ чемъ оно состоитъ — совсѣмъ нетрудно, несмотря на то, что до сихъ поръ всякій понимаетъ образованіе по своему. Крестьянинъ думаетъ, что онъ образованнѣе своихъ отцовъ и дѣдовъ, потому что онъ пьетъ чай. Московская разбогатѣвшая купчиха считаетъ себя образованнѣе своего мужа, потому что она бросила деревенскій сарафанъ и стала носить шляпы и кринолины, тогда какъ мужъ ея никакъ не рѣшается разстаться съ бородою и длиннымъ сюртукомъ, и постоянно употребляетъ слова въ родѣ «авось да нябось», тогда какъ жена говорить: «можетъ быть» и «вѣроятно»; на этомъ же основаніи городской ремесленникъ считаетъ себя образованнѣе крестьянина, и слово *мужикъ* у него имѣетъ ругательный характеръ больше, нежели гдѣ нибудь. Купеческій сынокъ, щеголяющій, безъ вѣдома отца, во фракахъ, употребляющій бѣлыя перчатки, танцующій и пьющій шампанское, считаетъ себя образованнѣе своего родителя, именно на основаніи всѣхъ этихъ атрибутовъ, недостающихъ отцу. Столичный житель, который уважаетъ свое качество столичнаго жителя, считаетъ себя образованнѣе провинціала, потому что тотъ живетъ въ глуши. Паркетный кавалеръ считаетъ себя образованнѣе всякаго человѣка, меловкаго въ гостиной. Человѣкъ, учившійся чему нибудь въ какой бы то ни было школѣ, считаетъ себя образованнѣе тѣхъ, которые не учились. Особенною репутаціею образованія пользуются уни-

верситеты и другія такъ называемыя высшія учебныя заведенія. Если эти заведенія имѣютъ какія нибудь преимущества рожденія, то, будучи и высшими и невысшими, они пользуются также большою репутаціею образованія. Наконецъ, всё мы говоримъ «образованное общество или образованные классы общества», въ противоположность необразованнымъ. А что такое въ самомъ дѣлѣ образованіе? въ чемъ оно состоитъ?

Подобно образованію, нѣчто неразгаданное представляетъ еще другое слово—прогрессъ. Прогрессъ понимаютъ почти такъ же разнообразно, какъ и образованіе. Напримѣръ: кто у насъ не прогрессистъ хогъ въ литературѣ? а между тѣмъ какъ различно всё понимаютъ современные вопросы и потребности! «Русскій Вѣстникъ» повимаеть посвоему, «Современникъ»—по своему, «День»—тоже посвоему и «Время»—посвоему; наконецъ, «Домашняя Бесѣда» тоже за прогрессъ въ извѣстномъ смыслѣ, только опять такъ посвоему. А гдѣ же истинный прогрессъ? какъ узнать его? Повидимому нетрудно, какъ нетрудно найти, гдѣ истинное образованіе.

Говорятъ: образованіе ума, образованіе сердца, образованіе воли. Всѣ самыя крайніе матеріалисты признаютъ эти три стороны психической дѣятельности, что бы такое ни была сама эта дѣятельность. Потому остановимся на этомъ общедопускаемомъ дѣленіи и посмотримъ—въ чемъ должно состоять образованіе этихъ трёхъ силъ души, которыя обнимаютъ всю ея дѣятельность.

Образованіе ума состоитъ, съ одной стороны, въ возможномъ проясненіи понятій его обо всемъ существующемъ; съ другой—въ собственномъ его развитіи, въ усовершенствованіи его дѣятельности, съ цѣлью лучшаго пониманія истины. Обѣ эти цѣли достигаются различными науками; понятія ума о существующемъ уясняются, во первыхъ, изъ естественныхъ наукъ, потомъ изъ политическихъ, наконецъ изъ философскихъ. Естественныя науки объясняютъ міръ, его силы и дѣйствіе силъ. Политическія науки объясняютъ устройство человѣческихъ обществъ, показываютъ ихъ достоинства и недостатки. Науки философскія объясняютъ, какъ могутъ, человѣку его собственное существо, возводятъ его къ началу всего существующаго,—опять тоже вида его въ томъ или въ другомъ, принимая различныя мнѣнія за истину или за басню. Развитіе ума всего лучше достигается философскими науками, потому что метода ихъ и цѣль,—углубленіе въ извѣстныя явленія, чтобы отыскать въ нихъ истинны высшаго порядка,—этому много способствуютъ. Впрочемъ, было

бы много приписать философіи это исключительное право на развитіе ума, хотя лучшіе мыслители всѣхъ временъ принадлежали именно къ людямъ, спеціальностью которыхъ была философія, насколько она можетъ быть спеціальностью, можетъ быть отдѣлена отъ другихъ наукъ. Науки политическія имѣютъ тоже свойство развивать умъ, потому что даютъ ему много работы; въ исторіи, въ правѣ—надобно понимать причинное отношеніе; часто приходится сравнивать, давать предпочтеніе одному передъ другимъ на томъ или другомъ основаніи; наконецъ нужно строить системы, какъ и въ философіи. Въ естественныхъ наукахъ то же самое; кромѣ простыхъ опытовъ и наблюденій, которыя сопровождаются выводами; въ нихъ необходимо то же научное построеніе различныхъ феноменовъ, приведеніе въ систему, то же восхожденіе къ началу, такъ что, собственно говоря, ни политическія, ни естественныя науки безъ того же философскаго начала обойтись не могутъ. Но философія имѣетъ передъ ними то преимущество, что она рассматриваетъ самую мыслящую природу человѣка, самый умъ, и его законы, такъ что изученіе философіи, кромѣ упражненія уму, даетъ ему еще возможно-ясное представленіе о законахъ его собственной дѣятельности и такимъ образомъ дѣлаетъ его сознательнымъ господиномъ собственныхъ дѣйствій. Не одні науки имѣютъ вліяніе на это послѣднее формальное образованіе ума; жизнь съ тою средою, гдѣ человѣкъ поставленъ, съ тѣми обстоятельствами, которымъ онъ подвергается, имѣетъ, въ этомъ отношеніи, большое вліяніе на него; науки только дополняютъ развитіе, даютъ ему большій ходъ и большую сознательность дѣйствіямъ ума.

Образованіе чувства, какъ и образованіе ума, совершается тоже жизнью; она приучаетъ и научаетъ человѣка любить добро и правду и ненавидѣть зло и неправду. Но собственнаго нашего опыта иногда недостаточно для развитія привязанности ко всему доброму, вообще для развитія симпатическихъ чувствованій. Бываетъ, что человѣкъ въ юности поставленъ въ такой ледяной, мертвящей обстановкѣ, что самъ онъ вырастаетъ чорствымъ эгоистомъ, его высшія, духовныя чувства мало возбуждаются, а низшія соматическія потребности, получая постоянное, необходимое удовлетвореніе, развиваютъ въ немъ стремленіе къ чувственнымъ удовольствіямъ. Результатъ бываетъ тотъ, что соматическая сторона получаетъ перевѣсъ предъ психическою, и человѣку нѣтъ дѣла больше ни до чего, кромѣ его собственныхъ удобствъ. Симпатія къ чему

нибудь внешнему у него не существуетъ. Въ этомъ случаѣ науки, особенно политическія, приносятъ большую пользу. Представляя чловѣка въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ и съ самыми разнообразными качествами, — и добродѣтельныхъ людей, и патриотовъ, и злодѣевъ, — въ торжествѣ, въ несчастіи, въ страданіяхъ, онѣ развиваютъ симпатію чловѣка къ добру, благородію, безкорыстію; представляя дѣйствительныхъ людей, трудившихся и страдавшихъ на дѣлѣ, а не въ чьомъ нибудь плодovitанъ, а иногда и уродливомъ воображеніи, науки политическія даютъ это здоровое чувство, которое на пустяки не тратится, которое чувствами не шутитъ, не упражняетъ ихъ надъ плаксивыми на-сками, и это здоровое неутомленное чувство не ограничивается словами, оно старается перейти въ дѣятельность. Можетъ быть, какъ собственный опытъ, такъ и политическія науки не дѣйствуютъ непосредственно на чувство, а имѣютъ проводническое умъ; но это все-равно. Несомнѣнно, что и то и другое развиваетъ симпатическія чувства.

Развитый умъ и вѣрно-направленное чувство опредѣляютъ и волю. Чловѣкъ который изъ науки вынесъ уваженіе къ своему чловѣческому достоинству, который одушевленъ желаніемъ добра, который старался не давать особеннаго значенія своимъ эгоистическимъ склонностямъ, особенно соматическимъ, составляетъ себѣ свой личный кодексъ правилъ добра и чести, важность котораго онъ умѣетъ понимать и соотносить съ которыми онъ опредѣляетъ свои дѣйствія и ихъ характеръ. Такимъ образомъ изъ того же источника идетъ и образованіе воли, которая такъ же какъ и умъ и сердце, въ юности можетъ много выиграть или потерять отъ обстоятельствъ, но которая, подчиняясь сознательнымъ опредѣленіямъ свѣтлаго ума и теплому внушенію благороднаго сердца, получаетъ надломашую прочность, крѣпость, независающую отъ инстинкта или привычки, но твердо стоящую на цѣлой системѣ убѣжденій и примыкающую къ ней.

Эта нравственная система состоитъ, такимъ образомъ, изъ извѣстныхъ чувствъ, непосредственно развитыхъ жизнью и наукою, изъ убѣжденій, составленныхъ частью на основаніи этихъ чувствъ, частью на основаніи результатовъ наукъ и изъ этой твердой воли, приводящей чловѣка къ единству съ самимъ собою, чловѣка и мыслящаго и чувствующаго съ говорящими и дѣйствующими.

Почти каждый чловѣкъ имѣетъ свою собственную нравственную систему; и чѣмъ чловѣкъ болѣе подвергается вліанію

науки, чѣмъ глубже и солданиѣ было это вліяніе, тѣмъ совершеннѣе его нравственная система. Оттого-то такія личности какъ Гумбольдтъ, Кантъ, Оуэнъ, Шлюссеръ—производили на всѣхъ такое очаровательное впечатлѣніе, которое привязывало къ нимъ всякаго, кто съ ними сказалъ только нѣсколько словъ. Высшія нравственныя системы такихъ людей вробиваются въ каждыя словъ и привязываютъ къ себѣ.

Когда мы говоримъ о развитіи ума, сердца и воли, мы предполагаемъ нѣкоторыя основныя понятія, которыя служатъ имъ оснoваніемъ, цѣлью, регуляторомъ. Такія основныя понятія — истина, добро и правда. * Одни называютъ ихъ идеями и даютъ имъ высшее происхожденіе; другіе, отказывая имъ въ этомъ высшемъ происхожденіи, все-таки принимаютъ ихъ какъ нѣчто абсолютное, независимое. Фейербахъ, представитель этихъ послѣднихъ мыслителей, несмотря на строго-последовательный матеріализмъ, допускаетъ ихъ, какъ что-то такое, что не подвержено критикѣ, и даетъ человѣку достоинство, если человѣкомъ усвоивается. Другіе матеріалисты, можетъ быть, послѣдовательнѣе Фейербаха, но за то съ замѣтными натяжками выводятъ ихъ только изъ эвдемонизма, изъ стремленія человѣка къ личному благосостоянію. Для нихъ эти понятія не могутъ имѣть общаго всегдашняго значенія; на принятіе или непринятіе ихъ могутъ имѣть вліяніе обстоятельства жизни. Но вообще они все-таки ихъ принимаютъ. Исключеніе составляютъ только философы, образчикъ которыхъ представляетъ одинъ молодой сотрудникъ «Русскаго Слова.» Онъ, какъ основаніе для всѣхъ стремленій, кладетъ часто только соматическія потребности и удовольствія. Но эти философы могутъ считаться внѣ закона, внѣ философіи, тѣмъ болѣе, что подобныя принципы давно принимались, какъ основаніе стремленій тѣхъ животныхъ, которыхъ ими служить символомъ неопитности, и людей, которые не стыдятся походить на нихъ. Не споря противъ подобной философіи, возьмемъ основныя философскія понятія, какъ аксіомы; ихъ

* Нѣкоторые въ числѣ этихъ основныхъ понятій ставятъ еще красоту. Но если эта красота есть красота нравственная, то она заключается въ истинѣ, добрѣ и правдѣ. Если же это только пластическая красота, то, будучи слишкомъ условною, измѣняясь сообразно мѣсту, времени, народности и даже личному вкусу, она не можетъ стоять въ числѣ основныхъ понятій, опредѣляющихъ наше психическое развитіе. Чувство этой красоты, кромѣ своей условности, потому уже не можетъ стоять рядомъ съ истинною, добромъ, что оно есть чувство пластическое, соматическое, низшаго порядка.

принимать и идеалисты и материалисты, одни — подъ именемъ идей, другіе — подъ именемъ простыхъ аксіомъ, или подъ какимъ-нибудь другимъ именемъ.

На этихъ аксіомахъ должно быть построено образованіе, къ какому оно должно приближать человѣка, и таковъ только можетъ быть характеръ истиннаго образованія, имѣющаго своимъ содержаниемъ образованіе ума, сердца и воли.

Съ образованіемъ имѣетъ много общаго и прогрессъ. Онъ состоитъ во всеобщемъ проведеніи въ жизнь результатовъ, добытыхъ образованіемъ, въ подробномъ развитіи истины, добра и правды въ частныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, въ семействѣ, въ извѣстномъ обществѣ и въ цѣломъ государствѣ, въ его учрежденіяхъ, общихъ и частныхъ.

Натурально, подробности истиннаго прогресса должны быть строго опредѣлены на основаніи общихъ аксіомъ, на которыхъ строится образованіе, чтобы за прогрессъ не считали то, что есть регрессъ. На основаніи этихъ аксіомъ, напр., публичное чтеніе «Египетскихъ ночей», не можетъ быть одобрено, а должно быть строго осуждено; даже если оно сдѣлано дамою, и даже тѣмъ больше, потому что и наша жизнь не даетъ на это позволенія, и не тамъ еще понизился нравственный уровень дамъ, какъ мужчинъ. А качество дамы въ этомъ случаѣ — не защита отъ осужденія, даже очень строгаго, потому-что въ общественной дѣятельности вѣняемость дѣйствій какъ мужчинъ, такъ и дамъ одинакова. Нельзя позволить дамамъ развращать общество во имя ихъ дамскаго качества; гдѣ это позволялось, тамъ цѣлое общество за это платило своимъ нравственнымъ паденьемъ. А безъ сомнѣнія, дамы не будутъ въ претензіи, если мы скажемъ, что требованія нравственности можно даже предпочесть ихъ требованьямъ. Да впрочемъ, сколько извѣстно наши дамы, въ данномъ вопросѣ и не думали защищать свою сестру за чтеніе «Египетскихъ ночей», кромя нѣкоторыхъ, обезсмертившихъ свои имена на страницахъ «Петербургскихъ вѣдомостей.»

Съ прогрессомъ вужно быть осторожнѣй, особенно у насъ, гдѣ пока такой безпорядокъ въ идеяхъ, столько непониманія въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, столько лжи въ дѣйствіяхъ.

Образованіе можетъ быть соглашаемо съ временными потребностями общественной жизни; на примѣръ, если общество страдаетъ какимъ-нибудь недугомъ, то образованіе должно обратить на него особенное вниманіе. Наша общественная жизнь страдаетъ

такими недугами, которые не требуют умощенія образованія отъ его нормальнаго содержанія, т. е. мы просто, безъ задней мысли, должны стараться образовать себя какъ можно солиднѣе; тогда наши недуги исчезнутъ сами собою.

Пр. Устряловъ, говоря въ одномъ изъ своихъ изданій русской исторіи о слѣдствіяхъ монгольскаго ига, высказываетъ мнѣніе, что монгольское иго испортило характеръ русскихъ: они стали трусами, лжецами, низкопоклонниками; потеряли уваженіе къ своему человѣческому достоинству. Я не помню хорошо выраженій г. Устрялова, но смыслъ ихъ тотъ, что въ русской характеръ вошло довольно подленькихъ качествъ; къ чему онъ прибавляетъ, что эти качества до-сихъ-поръ, къ сожалѣнію, составляютъ принадлежность русскаго народа. Г. Устряловъ писалъ эти строки въ зрѣломъ возрастѣ, потому нельзя думать, чтобы онъ увлеклся; да онъ, какъ извѣстно и никогда не увлекался, и вообще, по характеру своихъ убѣжденій, онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые не любятъ сказать рѣкое слово, особенно рѣзко осудить наше былое или настоящее.

Благодаря, такимъ образомъ, очевидному безпристрастію этого сужденія, его можно бы принять какъ основаніе для дальнѣйшихъ выводовъ. Но мы этимъ не удовольствуемся; взглянемъ на литературу, журналы и газеты; посмотримъ какъ они отражаютъ русскую жизнь, посмотримъ, что намъ показали начатки гласности, доступные намъ. Кто знаетъ нашу современную литературу, особенно обличительную, тотъ понимаетъ, что мнѣніе г. Устрялова, дѣйствительно, и безпристрастно и лишено увлеченія. Наконецъ, обернемся вокругъ себя, посмотримъ на нашу жизнь безъ литературной призмы,—и пусть каждый, положа руку на сердце, скажетъ, сколько подлостей приходится ему видѣть каждый день. Наука имѣетъ свойство облагораживать душу; но пусть каждый вспомнитъ нашихъ образованныхъ бюрократовъ, промышленниковъ, дѣловыхъ и другихъ людей и такъ же искренно скажетъ, много ли онъ видѣлъ примѣровъ того, что наука имѣла подобное облагораживающее дѣйствіе на человѣка.

Эта матерія была бы слишкомъ-длинна, еслибы входить во всѣ подробности. Какъ это ни интересно, но отложимъ ее въ сторону.

Въ послѣднее время прогрессъ у всѣхъ на языкѣ, и мы, по нашему собственному мнѣнію, стали походить на людей; но, кромѣ наружнаго сходства, есть ли дѣйствительно что-нибудь болѣе существенное? Не будемъ обольщать себя; это было бы чуждѣ-

чуръ вредно. Не осталась ли основа та же самая? Не пробивается ли это наружу вездѣ? Подробности, относящіяся къ нашему прогрессу безъ сомнѣнія, когда-нибудь увидать свѣтъ и слѣдующія поколѣнія будутъ имѣть основаніе — только горько улыбнуться при видѣ нашей мелочности и лживости. Эта матерія тоже очень щекотлива, потому, и ее въ сторону до времени.

Можно приступить къ дѣлу прямо, не пользуясь никакимъ случаемъ. Кто станетъ спорить, что всякое учащееся поколѣніе нуждается въ солидности, основательности теоретическихъ убѣжденій, что въ немъ нужно развивать благородныя стремленія не на словахъ, а въ сердцахъ, такія, которыя въ состояніи были бы заставить замолчать разныя нечистыя инстинкты и стремленія, дурно-прикрываемыя лживыми фразами. Нужно, чтобы воспитывающееся поколѣніе укрѣпило свои практическія правила, чтобы говорилось и дѣлалось всегда одно и то же, чтобъ не приходилось спросить: что Карлъ, на что его хватить?

А средство для этого—хорошее вліяніе на воспитывающееся поколѣніе жизни и науки. Наша жизнь, кромѣ отрицательно-полознаго вліянія, ничего не сдѣлаетъ; но и это вліяніе уничтожается вслѣдствіе сильнѣйшаго вреднаго положительнаго вліянія. Тѣмъ глубже должна проникать наука въ наше юношество. Она должна парализировать губительное вліяніе общества. Можетъ ли кто основательно въ этомъ усомниться?

И что предлагаетъ намъ наше общественное образованіе? Всѣ статьи, напечатанныя касательно этого дѣла, говорили почти исключительно объ университетахъ. Но что такое наши университеты? какая доля принадлежит имъ въ образованіи? Я не говорю о томъ, что, сравнительно, весьма немногіе получаютъ въ нихъ образованіе; нѣтъ, возьмемъ одну и ту же личность и посмотримъ, сколько и чѣмъ ея образованіе обязано университету. Напримѣръ, юристъ, кромѣ юридическихъ наукъ, почти ничего не изучаетъ въ университетѣ; если его предварительное образованіе ничтожно, то много ли онъ вынесетъ изъ своего факультета, особенно когда для экзаменовъ достаточно изученія, или—сказать попроще—зубренія профессорскихъ коротенькихъ тетрадокъ? Отъ этого происходитъ слѣдующее явленіе. Не случалось ли вамъ слышать жалобы бѣдныхъ, начинающихъ чиновниковъ на своихъ начальниковъ, сопровождаемая слѣдующимъ заключеніемъ: «стыдно университету, что онъ подписалъ ему кандидатскій дипломъ.» И посмотрите на наши канцеляріи: онъ на-

поданы воспитанниками университетовъ; но отчего же эти воспитанники не только подвѣшываются подъ уровень бюрократіи, а превосходятъ его, уходятъ на этой дорогѣ дальше, чѣмъ требуютъ постановленія? Не случалось ли вамъ видѣть кандидатовъ, которые, исходя изъ неосновательной и частной фразы, что римское право есть писанный разумъ, распространяютъ ее на всѣ житейскія, отношенія, и свой идеалъ совершенства не только гражданскаго, но и политическаго видятъ въ кодексѣ Юстиніана? Потомъ посмотрите на математика, который въ университетѣ изъ царства цифръ не выходилъ, или на натуралиста, который не выходилъ изъ области химическихъ процессовъ, да физическихъ силъ, да классификацій: если они не получили предварительнаго образованія, широкъ ли будетъ ихъ взглядъ на жизнь, и что сообщить ему разумную систему и основательность? Развѣ разговоры подъ веселую руку и иногда за рюмкой водки? Но на это рассчитывать трудно и изъ этого, кромѣ верхоглядства, ничего не выйдетъ. Теперь всѣ говорятъ объ уничтоженіи приемныхъ экзаменовъ; это было бы хорошо для тѣхъ, которые кончили курсъ въ гимназіяхъ; но сдѣлайте это для всѣхъ,—и тогда уровень образованія мгновенно упадетъ еще ниже того, чѣмъ онъ теперь стоитъ; тогда будетъ просто невыгодно приготовляться къ слушанію университетскихъ лекцій. Вѣдь слушать ихъ, напримѣръ, по юридическому факультету (многочислѣннѣйшему) ничего не стоитъ, а выучить тетрадки—еще меньше, и тогда дѣйствительно слушателями будутъ господа въ родѣ одного претендента на слушаніе лекцій, который, по отзыву людей, хорошо знающихъ его, не имѣетъ понятія о томъ, былъ ли на землѣ Лудовикъ XIV. Много такіе господа въ состояніи понимать прошлую и современную жизнь общества? Но, говорятъ, наука требуетъ, чтобъ ею занимались безкорыстно; и безъ экзаменовъ будутъ приготовляться къ слушанію лекцій, будутъ проходить сами гимназическій курсъ. Конечно, по щучьему велѣнію. Отчего же теперь всѣ жалуются, что вступительные экзамены въ университетѣ строги, хотя они все-таки легче окончательныхъ гимназическихъ? Отчего теперь не приготовляются такъ, чтобы вступительный экзаменъ не казался строгъ? Конечно, отъ того, что всякій, на основаніи собственныхъ соображеній опредѣляетъ, насколько ему подготовиться къ университету. И въ этомъ случаѣ послабленіе къ себѣ доходитъ очень далеко. Странно затворять двери универ-

ситета для тѣхъ, которые ищутъ образованія; и пусть, за известную плату, * всякій имѣетъ право на входъ туда, если хочетъ дополнить свое образованіе, или хочетъ начать его и посвятить этому свои досуги. Но если такой господинъ, ходя въ университетъ, изучитъ, на примѣръ, хоть русскую или всеобщую исторію, не давайте ему за это права даже на ученой службѣ оттереть того, кто къ ней приготовился болѣе серьезнымъ и всестороннимъ способомъ. А потомъ будете еще жаловаться на ученую бюрократію или на неспособность преподавателей!

Экзамены, въ-самомъ-дѣлѣ, нужно сдѣлать еще строже и при этомъ надобно дать средства приготовиться къ нимъ какъ слѣдуетъ. Для этого стоитъ только для желающихъ, тоже за плату, отворить двери и вышихъ классовъ гимназій, чтобы претенденты на университетъ могли тамъ слушать тотъ или другой предметъ, котораго имъ не достаетъ.

Но особенное вниманіе нужно обратить на гимназическое образованіе. Чтобы понять необходимость этого, возвратимся нѣсколько назадъ; разберемъ, изъ какихъ элементовъ составляется образованіе, на примѣръ, кандидата математическихъ наукъ. Въ университетѣ они слушаютъ только математику. Но тутъ развивается только одна сторона умственной дѣятельности, направленная на предметы, подлежащіе тому или другому измѣренію и приобретаемая познаніе земли въ ея астрономическихъ отношеніяхъ. Человѣкъ, который узналъ только это и развилъ въ себѣ только одну сторону умственной дѣятельности, есть, очевидно, человѣкъ необразованный, судя на основаніи тѣхъ качествъ, которыми мы приписали сущность образованія. Но если его умственное образованіе всесторонне и полно, то откуда онъ приобрѣлъ остальное познаніе о мірѣ, человѣкѣ и гражданскомъ обществѣ? Гимназія въ естественныхъ наукахъ познакомила его съ жизнью земли, какъ отдѣльной планеты, исторія съ — прошедшимъ устройствомъ и судьбою человѣческихъ обществъ, географія — съ современнымъ ихъ состояніемъ, словесность — съ общимъ и частнымъ характеромъ сочиненій и съ содержаніемъ и духомъ сочиненій прошедшаго времени, законъ Божій сообщаетъ ему сущность религіи, которую онъ исповѣдуетъ, и ея прошлую судьбу. Больше ничего. Языки — это только средство къ дальнѣйшему, да еще та же ма-

* Само собою разумѣется, плата эта должна быть самая умѣренная, а бѣдные люди должны быть освобождены отъ нея вполнѣ, кто бы они ни были, студенты или вольнослушатели.

тематика. Но если мы и это сравнимъ съ тѣмъ, что получаетъ кандидатъ математическихъ наукъ въ университетѣ, то несравненно большая масса познаній оказывается на сторонѣ гимназій. Это даетъ гимназіи вѣсь въ общемъ образованіи; и жалко если всѣ эти предметы изучаются въ гимназіи дурно. Высшіе классы состоятъ изъ учениковъ, уже довольно-развитыхъ, не смотря на классификацію г. Костомарова, въ которой они отнесены чуть ли не къ безсловеснымъ, и потому дѣлаются словесными, лишь сбросили сюртукъ съ красивымъ воротникомъ и переступили порогъ университета. Г. Костомарову не извѣстно, а другимъ извѣстно, что въ числѣ его слушателей, едва ли даже не большинство состояло изъ гимназистовъ, за безуспѣшностью выбывшихъ изъ пятого класса гимназій и поступившихъ въ университетъ, тогда какъ болѣе серьезные изъ ихъ товарищей доканчивали свое гимназическое образованіе въ 6 и 7 классахъ гимназій. Высшіе классы гимназій довольно развиты и, не дѣлая этой пестроты уроковъ въ каждомъ классѣ, можно бы отдѣлить болѣе важные предметы, какъ исторію, для высшихъ классовъ, тогда рациональное преподаваніе ея было бы возможно и полезно. Но этого мало. Въ высшихъ классахъ слѣдуетъ ввести кое что, чего гимназіямъ недостаетъ. Напримѣръ, отчего слово философія сдѣлалось на языкѣ многихъ чѣмъ-то смѣшнымъ? Оттого, конечно, что, при всеобщей неразвитости, почти никто ничего не понимаетъ въ ней, и потому ея вопросы, и приемы, и языкъ кажутся смѣшны, какъ дикарю-камчадалу кажется смѣшонъ русскій человѣкъ, хотя, разумѣется, русскій человѣкъ дальше ушелъ отъ звѣря, чѣмъ камчадалъ. И отчего въ духовныхъ заведеніяхъ, въ семинаріяхъ и въ академіяхъ философія преподается? Каковы бы ни были выводы этой философіи, но она приучаетъ человѣка къ философскимъ приемамъ, объясняетъ ему силы души и ихъ дѣйствіе, особенно дѣйствія разсудка. Въ университетахъ въ послѣднее время посѣщеніе лекцій логики и психологіи сдѣлалось необязательнымъ. Это, можно сказать, даже хорошо, потому что элементарную логику и психологію поздно начинать въ университетѣ; и, повидимому, люди, отъ которыхъ это зависитъ, стоятъ теперь на хорошей дорогѣ: въ университетахъ хотѣтъ устроить настоящее преподаваніе философіи съ исторіею философскихъ системъ. Но элементарное и возможно-основательное преподаваніе логики и психологіи должно быть введено въ гим-

ншихъ, гдѣ оно и существовало, хотя въ плохомъ видѣ; но, кажется, въ 1848 году, или около этого, уничтожено; а мы и рады этому, да ну еще смѣяться надъ философією! А между тѣмъ посмотрите на этихъ гимназистовъ и студентовъ, ограничившихся только университетскими лекціями, да гимназическимъ образованіемъ, посмотрите на нихъ. какъ они разсуждаютъ. Известно, что, не смотря на отсутствіе преподаванія философій, она у насъ въ послѣдствіи времени довольно распространилась, и что это за философія? Философія русскаго слова—это верхъ совершенства передъ нею. Но я говорю не о выводахъ этой философій; выводы не такъ много значатъ, какъ объ этомъ думаютъ. Утверждайте хоть, что внѣшній міръ не существуетъ, или что существуютъ медиумы, что столы вертятся и предсказываютъ будущее; но утверждайте же на какомъ нибудь основаніи. А то вся философія большинства современныхъ философовъ сводится къ двумъ положеніямъ, которыя помѣщаются на двухъ строкахъ, но буквально безъ малѣйшаго пониманія вопросовъ. такъ что эти два положенія завтра же могутъ обратиться въ нѣчто противоположное; да и теперь они соединены съ таинми ученіями, которыя неостостижимымъ образомъ клеятся съ ними. Объ этомъ можно бы рассказать кучу анекдотовъ, которые каждому приходилось лично видѣть и слышать, да анекдоты эти неудобны въ разсказѣ.

Да и чего же ждать отъ нашей системы образованія, гдѣ, какъ нарочно, все сдѣлано для того, чтобъ мыслительная способность челоѣка оставалась неразвитою? Впрочемъ, гг. преподаватели древнихъ языковъ и математики въ особенности претендуютъ, что предметы, преподаваемые ими, имѣютъ свойство развивать разсудокъ, и для того одни такъ педантически останавливаются надъ формами и надъ словопроизводствомъ, а другіе—надъ строгими доказательствами даже ариметическихъ правилъ дѣтямъ десяти лѣтъ. Ближайшій результатъ такого преподаванія тотъ, что послѣ четырехъ или шести лѣтъ занятія этими учебными предметами, ученики, выходя изъ гимназій, не въ состояніи прочесть двухъ строкъ изъ Геродота или Тита Ливія, между-тѣмъ, какъ они хорошо объяснятъ вамъ, отчего происходитъ *caput* или *divitiæ*, и почему по-гречески надъ тѣмъ или другимъ словомъ стоитъ то удареніе, а не другое, какъ одни звуки исчезаютъ, другіе ихъ замѣняютъ; а въ математикѣ результатъ тотъ, что гимназистъ не въ состояніи справиться съ уравненіемъ первой степени, которое пред-

ставится въ жизни; едва умѣетъ взяться за логарисмы, и не вычислить поверхности огорода, тогда какъ онъ вамъ на пять способовъ докажетъ теорему Пифагора и разовьетъ систему перемѣщеній въ проперціяхъ — чудо какъ! * — Ревнивы эти гг. преподаватели къ своему ремеслу; всякому изъ насъ хочется свое занятіе поставить выше другихъ, и никому не хочется, въ качествѣ простаго смертнаго, просто приносить пользу. Для того-то и сочиняется эта теорія вліанія, которое будто бы имѣютъ на развитіе ума древніе языки или математика. Конечно и они имѣютъ вліаніе, да мало; какъ и другія науки, неизмѣющія предметомъ законовъ психической и особенно разсудочной дѣятельности.

Преподаваніе въ гимназіяхъ должно быть расширено, должно получить больше основательности. Должно быть введено преподаваніе логики и психологій, усилено преподаваніе политической и естественной исторіи; географія должна перестать заниматься тѣмъ, что относится не къ ней, а къ естественнымъ наукамъ; а слѣдуетъ ей закончиться статистикою, на основаніи общихъ законовъ политической экономіи. Для высшихъ классовъ все это доступно и можетъ быть ими, вопреки г. Костомарову, разумно усвоено. Только преподаватели должны быть хорошіе, въ чемъ у насъ большой недостатокъ.

Какая причина этому — легко видѣть изъ того, что сказано. Откуда появятся хорошіе преподаватели, когда, поступивъ въ университетъ безъ достаточнаго приготовленія, и занимаясь въ университетѣ какъ Богъ по сердцу положить, они получили права на преподаваніе, учительское мѣсто и, разумѣется, преподавали какъ могли. Но сюда привязано опять такое множество вопросовъ, существенно-важныхъ въ дѣлѣ общественнаго образованія, что поневоля приводится остановиться.

Гимназическое образованіе важно сколько само для себя, столько для университета, не только для учащихся, но и для учащихся. Преподаватели гимназій страдаютъ отъ того, что получили сами поверхностное образованіе. Преподаватели университета, сколько мы знаемъ по ихъ трудамъ,—я говорю о молодыхъ, — тоже недалеко ушли въ научномъ образованіи. Чтобъ убѣдиться въ

* Или еще случай изъ преподаванія математики: Биномія Ньютона обыкновенно строятся долго и крѣпко. Сколько возни съ перемѣщеніями, соединеніями и сочетаніями! Наконѣцъ дѣло увѣнчивается; биномія готова. А биномією учителя пользоваться не умѣютъ; къ чему же были всё хлопоты, зачѣмъ потеряно время? Для развитія разсудка?—Но въ такомъ случаѣ лучше-бы вы учили вашихъ учениковъ играть въ шахматы. Мастера этого ремесла говорятъ, что оно развиваетъ еще больше, нежели математика.

этомъ, стоитъ только заглянуть въ ихъ сочиненія. Напр. вся Русь до сихъ поръ читаетъ и учится по «Энциклопедіи» Неволлина. Г. Андріевской имѣлъ несчастіе, издавая ее, написать къ ней предисловіе. Прочитайте это предисловіе, если вы его не читали. Г. Андріевскій преемникъ Неволлина, проф. того же факультета и даже пользовался и теперь пользуется между слушателями репутаціею въ родѣ гг. Костомарова и Стасюлевича. Каковъ бы ни былъ характеръ Неволлина, какъ человѣка, но, что это былъ ученый и умный человѣкъ—доказываетъ его «Энциклопедія.» Но прочитайте предисловіе, написанное г. Андріевскимъ. Жаль что я не имѣю его подъ руками, а то я сдѣлалъ бы выписки. Вы увидѣли бы этотъ дѣтскій лепетъ ребенка, который и понимаетъ мало (кружокъ его понятій очень тѣсенъ), да и не умѣетъ сказать что хочетъ; а что говоритъ, того самъ не понимаетъ; это что-то художественное, бессознательное, къ чему, по мнѣнію нѣкоторыхъ нашихъ современниковъ, должно обратиться человѣчество, если хочетъ избавиться отъ бѣдъ, тяготящихся надъ нимъ.

Или, помните вы публичныя лекціи г. Стасюлевича, которыя доставили ему столько лавровъ? Г. Стасюевичъ взялся доказывать вредъ централизаціи—тогда эта идея имѣла прелесть новизны и моды—и выбралъ изъ книги, которою пользовался, только факты, которые доказывали противное, приклеилъ къ нимъ заключеніе—и цѣль была достигнута. А другія сочиненія, напр., взятіе турками Константинополя, опубликованное во время самаго разгара восточнаго вопроса—не правда ли, г. Стасюевичъ умѣетъ выбирать темы для своихъ трудовъ? Тамъ онъ доказываетъ много вещей,—между прочимъ, что западные народы были причиною паденія Византійской имперіи и что византійцамъ было лучше поцѣсть подъ власть турокъ, нежели соединиться съ Западомъ. И какъ славно доказано! какъ умѣлъ г. Стасюевичъ разобрать и понять источники! Теперь г. Стасюевичъ, въ вопросѣ объ университетахъ, опровергаетъ мнѣніе своего уважаемаго противника, г. Костомарова о студентческой корпораціи, говоря, что это не корпорація, а міръ (не забывайте, что теперь идетъ дѣло вездѣ о крестьянскихъ мірахъ), и потому онъ долженъ быть удержанъ. Ужъ г. Стасюевичъ не славянофилъ ли, или только патриотъ? Вѣроятно, мы еще возвратимся къ идеямъ и тенденціямъ г. Стасюевича.

Теперь къ тому, что сказано объ образованіи въ гимназіяхъ,

прибавимъ наше желаніе, чтобы образованіе въ университетахъ было поднято, сдѣлано серьезнѣе; чтобы университетъ приготавлилъ хорошихъ преподавателей, а не верхоглядовъ, ставилъ на кафедры серьезныхъ ученыхъ, а не фельетонныхъ болтуновъ, жаждущихъ тѣхъ или другихъ лавровъ.

Можно къ этому прибавить еще замѣчаніе, которое основано на одномъ обвиненіи противъ университетовъ, опубликованомъ въ петербургскихъ вѣдомостяхъ и подписанномъ «д-ръ Опальный.» Д-ръ Опальный жалуется, что университетъ не соблюдаетъ правилъ, принятыхъ относительно замѣщенія профессорскихъ мѣстъ. Университетъ, какъ извѣстно, защищался отъ этого обвиненія, но д-ръ Опальный продолжалъ утверждать свое, задѣвъ при этомъ нѣкоторыя фамиліи. Людямъ, носящимъ эти фамиліи, слѣдовало бы отстранить отъ себя подозрѣніе. Если обвиненіе д-ра Опального справедливо, то нужно ли удивляться, что наука т. е. образованіе идетъ въ университетахъ плохо? А это, кажется, можно принять за несомнѣнный фактъ. Гдѣ они, наши молодые ученые? Впрочемъ, это можно отнести только къ ученымъ историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ.

Не въ томъ бѣда университетовъ, что тамъ есть люди, называющіеся студентами и пользующіеся нѣкоторыми, никому необидными, правами. Бѣда въ томъ же, въ чемъ наша всеобщая бѣда, т. е. что мы говоримъ одно, а дѣлаемъ другое; что наши правила, по свидѣтельству исторіи, идутъ еще отъ временъ ита монгольскаго; что наука для насъ есть средство не для знанія истины, а для полученія лавровъ. Странно, что ученѣйшіе мужи не нашли ничего важнаго въ организаціи университетовъ, кромѣ студентческаго міра или корпораціи.

Студентскій міръ, или студентская корпорація, можетъ имѣть много хорошаго, если въ основѣ его будетъ любовь къ правдѣ, къ наукѣ; его самоуправленіе, общія дѣла, касса, свой судъ, могутъ весьма полезно дѣйствовать на развитіе молодыхъ людей, особенно въ нравственномъ отношеніи, и сдѣлаютъ ненужными тѣ стѣсненія, которымъ взрослый человѣкъ подчиниться не можетъ, а которыя всегда будутъ источникомъ различныхъ исторій; если же его наполнить тѣми, кому соскучилось на улицѣ, то онъ, будучи міромъ изъ міровъ и ни въ какомъ случаѣ корпораціею, будетъ, вмѣсто дѣла, заниматься пустяками. Уничтожить вступительные экзамены для всѣхъ можно только въ видахъ пониженія уровня образованія въ Россіи.

В. Охоченовныи.

ТОКВИЛЬ.

(Биографическій очеркъ).

Oeuvres et Correspondance inédites d'Alexis de Toqueville, publiées et précédées d'une Notice par Gustave de Beaumont. 2 tomes. Paris. 1861.

Изъ безчисленныхъ чтеній, которыми Токвиль занималъ и образовалъ великій умъ свой, онъ придавалъ очень большое значеніе чтенію мемуаровъ прославившихся людей. «Не правдали,—спрашивалъ онъ одного изъ своихъ друзей въ одномъ изъ своихъ писемъ,—что не многія вещи могутъ представлять столько интереса, какъ мемуары прославленнаго люда, какъ скоро въ нихъ есть хоть нѣкоторая доля правдивости? Такъ и думается, что вотъ откроешь секретъ этихъ прекрасныхъ машинъ, которыя произвели столь прекрасныя вещи!» Книга Густава де-Бомона о Токвилѣ представляетъ именно интересъ такого рода. Токвиль достаточно прославился въ этомъ мѣрѣ и довольно извѣстенъ русской публикѣ, чтобъ возбуждать наше любопытство—постигнуть, насколько возможно, секретъ этой прекрасной машины, произведшей столь прекрасныя вещи, какъ «*Демократія въ Америкѣ*» и «*Старый Порядокъ и Революція*».

Бомонъ былъ однимъ изъ лучшихъ друзей Токвилля. Все,

чего онъ хотѣлъ достигнуть своимъ бѣглымъ рассказомъ о его жизни, изданіемъ нѣсколькихъ отрывковъ задуманныхъ имъ сочиненій и въ особенности изданіемъ его писемъ, занимающихъ почти полтора тома, это—представить свѣту портретъ человѣка, котораго онъ любилъ. И онъ, дѣйствительно, составилъ книгу, настолько любопытную, что изданіе ея въ 4,000 экземпляровъ, разошлось въ самое короткое время: обстоятельство, которое, свидѣтельствуя о сильномъ уваженіи французскаго народа къ возвышеннымъ качествамъ человѣка, возвышавшагося надъ своимъ вѣкомъ, не должно однако устранять того замѣчанія, что Бомонъ не могъ избѣгнуть обыкновенныхъ неудобствъ всякаго біографа, пишущаго о своемъ современникѣ. Когда жизнь прославившагося человѣка рассказывается спустя тодько нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти, и особенно, если она рассказывается кѣмъ нибудь изъ самыхъ близкихъ къ нему, то здѣсь всегда представляется рискъ такого рода, что событіямъ его семейнаго круга можетъ быть приписана чрезмѣрная степень важности, между тѣмъ какъ принципы, управлявшіе его гражданскимъ поведеніемъ и даже самыя событія, въ которыхъ онъ принималъ участіе и имѣлъ случай проявить это поведеніе, могутъ оставаться или недостаточно объясненными, или и вовсе забытыми. Никто, конечно, не будетъ отвергать всей важности и человѣческаго-интереса тѣхъ свѣдѣній о характерѣ Токвиля, которыми изобилуетъ книга Бомона и которыя показываютъ, что смертному, рожденному отъ женщины, трудно превзойти Токвиля въ его нѣжной привязанности къ женѣ, въ его преданности отцу, въ его вѣрности и предупредительности къ друзьямъ: во всѣхъ отношеніяхъ этого рода, Токвиль былъ образцовымъ человѣкомъ; и, къ великому счастью для него, домашняя жизнь и дружба занимали въ его существованіи гораздо больше мѣста, чѣмъ преслѣдованіе литературной славы, или усилія политическаго честолюбія. Однако любознательные люди, считающіе его однимъ изъ глубочайшихъ мыслителей и безукоризненнѣйшихъ писателей этого столѣтія, естественнымъ образомъ хотѣли бы знать гораздо болѣе подробностей о его публичной дѣятельности и жизни, чѣмъ о его семейныхъ добродѣтеляхъ. А въ этомъ-то именно отношеніи книга Бомона и заставляетъ желать очень многого.

Токвиль участвовалъ въ управленіи дѣлами своей страны цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ—въ парламентскихъ дебатахъ конституціоннаго

правления, въ пароксизмахъ республики, въ радахъ учредительнаго собранія, въ управленіи министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ свидѣтелемъ катастрофы, лишившей его страну свободы и осуществившей мрачѣйшее изъ всѣхъ его политическихъ предсказаній. Последнее обстоятельство было одною изъ самыхъ сильныхъ причинъ, разрушившихъ преждевременно этотъ нѣжный и впечатлительный организмъ: мысль, что тотъ слишкомъ долго жилъ, кто пережилъ свободу и достоинство своей страны, была постояннымъ привидѣніемъ послѣднихъ годовъ Токвиля. Такимъ образомъ его жизнеописатель могъ бы рассказать очень многое; а между тѣмъ густой мракъ, лежащій на французской исторіи съ февральской революціи 1845 года, остался столь же густымъ, какъ былъ и прежде. Очень можетъ быть, что мы и ошибаемся на счетъ причинъ, по которымъ Бомонъ не захотѣлъ быть историкомъ политической дѣятельности своего друга; можетъ быть, — что это нехотѣніе объясняется простою осторожностію, которую французы нашего времени, вопреки своимъ природнымъ наклонностямъ, обязаны развивать въ себѣ наравнѣ со всякою другою добродѣтелью. Иностранная пресса часто выражаетъ то мнѣніе, будто французскіе люди, хорошо знакомые съ дѣлами своей родины со времени послѣдней революціи и принимавшіе, подобно Токвилю, личное участіе въ этихъ дѣлахъ — не то-что не имѣютъ охоты рассказывать о нихъ, а только берегутъ свои манускрипты до лучшаго времени, которое, какъ они надѣются, отмститъ наконецъ за всѣ права исторіи. Бомонъ, исключившій изъ своей книги политическую переписку Токвиля, возможность ея появленія всвѣтъ относитъ именно къ этому ожидаемому времени.

Но чего нѣтъ, о томъ и говорить нечего. Книга Бомона, во всякомъ случаѣ, заключаетъ въ себѣ довольно данныхъ, чтобы дать возможность понять совершенно опредѣлительнымъ образомъ истинное направленіе политическихъ мнѣній Токвиля; а это уже не маловажный результатъ, такъ какъ онъ способенъ устранить всякое недоразумѣніе касательно духа и значенія главныхъ сочиненій Токвиля, — недоразумѣніе, проявленное въ свое время во всѣхъ литературахъ Европы, хотя ни въ одной изъ нихъ въ такую рѣзкостію и такъ невпопадъ, какъ въ нашей. Въ самомъ дѣлѣ, Токвиль основалъ свою литературную славу на изученіи демократіи; онъ съ безпристрастіемъ судьи изслѣдовалъ и обнару-

жилъ условія и средства, при которыхъ американскій народъ успѣлъ достигнуть чисто демократическаго состоянія общества въ соединеніи, — какъ онъ думалъ, — съ свободнымъ и вполнѣ достаточнымъ для охраненія всѣхъ народныхъ интересовъ правительствомъ; онъ видѣлъ въ демократіи судьбу народовъ и въ то же время со всею безпощадностію послѣдовательнаго мыслителя указывалъ на самыя нелюбезныя и нежелательныя ея стороны. Но какова была его собственная склонность къ демократіи — этого онъ нигдѣ, въ своей знаменитой книгѣ, не формулировалъ ни одною патетической выходкой, ни одною страстною тирадой. И вотъ это-то обстоятельство и послужило къ тому, что относительно книги Токвиля такъ много людей сбивались съ толку. Въ какомъ духѣ написана знаменитая книга: за или противъ демократіи?

Впечатлѣніе, произведенное ею на современниковъ, было таково, что она принята была съ одинаковою благосклонностію людьми самыхъ противоположныхъ партій. Странная вещь: способность партій — узнавать *своего*, кажется, есть одна изъ самыхъ признанныхъ и непогрѣшительныхъ способностей; у русскаго народа она вошла даже въ пословицу, а вотъ, мы видимъ, что Токвиля, на первыхъ порахъ, хотѣли считать своимъ противоположнымъ партіи: имъ были одинаково довольны и пламенные друзья демократіи, и люди, которые всего болѣе опасались ея неотразимаго нашествія на человѣческія общества, — иное раньше, другое позже. Первые находили свое удовольствіе въ томъ, что Токвиль призналъ и обнаружилъ преобладаніе этого элемента въ новѣйшихъ обществахъ и предсказалъ ему въ будущности побѣду надъ міромъ; другіе не меньше находили удовольвенія въ той энергической горечи, съ которою онъ указывалъ на стремленіе этого элемента къ правительственному абсолютизму и къ подавленію благороднѣйшихъ способностей человѣка. Милль и Грогъ были въ восторгѣ отъ основной тенденціи Токвиля; Робертъ Пиль, который въ то время, послѣ народнаго движенія 1832 года, устраивалъ партію консервативной оппозиціи, не зналъ какъ превознести его за высказанныя имъ мысли и убѣжденія, касательно тиранніи демократическаго большинства. Есть что-то грандіозное въ этомъ безстрастіи политическаго писателя, который счумѣлъ возвыситься надъ духомъ партій и сдѣлаться мудрымъ, послѣдовательнымъ и безотносительнымъ, какъ само время. Токвилю пра

вился такой взгляд на него и онъ любилъ объяснять себя такимъ образомъ. Въ этомъ взглядѣ есть много истины, столь любимой Токвилемъ, и однако въ немъ не все—истина. Видимая безстрастность Токвиля очень часто похожа на безстрастность героевъ Байрона, которые, подъ наружнымъ холодомъ, скрываютъ пламя. Токвиль—аристократъ по рожденію, воспитанію, привычкамъ, родовому имуществу,—своимъ умомъ, возвышавшимся надъ уровнемъ вѣка, предвидитъ положительнѣйшимъ образомъ,—такъ какъ-будто будущее сдѣлалось для него настоящимъ,—что демократія есть судьба міра. Убѣжденія его въ этомъ такъ глубоки и радикальны, какъ только могутъ быть убѣжденія чловѣка. Мы полагаемъ, что это вовсе не такое положеніе, которое предполагало бы безстрастность: оно только исключаетъ азартъ и даетъ то видимое спокойствіе убѣжденію Токвиля, которое заставило консервативныхъ людей думать, будто онъ неблагоприятно относится къ тому, что самъ же называетъ и почитаетъ неотразимою судьбою для чловѣческихъ обществъ. Вслѣдствіе той же причины и точно въ такой же мѣрѣ ошибались въ Токвилѣ и тѣ, которые, заключая по его судебному приговору надъ міромъ, хотѣли думать о немъ, какъ о чловѣкѣ быстрыхъ общественныхъ перемѣнъ и крутыхъ государственныхъ переворотовъ. Токвиль зналъ, и притомъ лучше, чѣмъ всякій другой его современникъ, что судьба всему на свѣтѣ приходитъ въ свое время; что еслибы все, чему суждено случиться, случилось вдругъ, то міръ существовалъ бы одно только мгновеніе. Важность состоитъ въ томъ, чтобы знать, что должно случиться, и чтобы вмѣсто возможной будущности не выдумывать такой, которой никогда не суждено проявиться въ предѣлахъ времени и вообще въ какихъ нибудь болѣе реальныхъ формахъ, чѣмъ само воображеніе. Токвиль не выдумывалъ будущности, потому что его соображенія считаются научною всѣми лучшими политическими мыслителями нашего времени; онъ только предвидѣлъ будущее. И степень очевидности, съ которою онъ предвидѣлъ его, должна управлять нашимъ понятіемъ о тѣхъ личныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ Токвиль находился къ великому явленію, совершающемуся, по его мнѣнію, уже и въ европейскихъ обществахъ. Нисколько не удивительно, что это личное отношеніе Токвиля къ великому явленію не для всѣхъ казалось опредѣленнымъ; потому что оно гениально. Съ изданіемъ книги Бомона получается возможность пони-

мать это дѣло яснѣе, потому что комментаторомъ, въ этомъ случаѣ, является самъ Токвиль.

Одинъ изъ близкихъ къ Токвилю людей вообразилъ, что его политическая теорія, если судить по его «Демократіи въ Америкѣ», не много-чѣмъ отличается отъ адской машины. Токвиль возразилъ на это, что, при неограниченной любви къ свободѣ, онъ настолько проникнутъ уваженіемъ къ справедливости, что составляетъ особый сортъ либерала, котораго нельзя смѣшивать съ болѣею частію современныхъ демократовъ.

«Вотъ политическая цѣль моего сочиненія: я хотѣлъ изобразить съ строжайшей точностію, что такое демократія *нашего* времени, и я думалъ произвести этимъ двоякое дѣйствіе на умы моихъ современниковъ. Людямъ, которые сочинили про свой обиходъ идеальную демократію, блестящую мечту, которую, по ихъ мнѣнію, ничего не стоитъ осуществить, я думалъ показать, что они разрисовали свою картину фальшивыми красками; что демократическое правленіе, столь превозносимое ими, если оно и доставляетъ вещественныя блага людямъ, способнымъ выносить его, все же не имѣетъ того возвышеннаго очарованія, которое придаетъ ему ихъ воображеніе; что это правленіе, кромѣ того, можетъ держаться только при извѣстныхъ условіяхъ просвѣщенія, вѣрованій, нравственности, которыхъ мы не имѣемъ и которыхъ слѣдуетъ прежде достигнуть, а потомъ уже навлекать изъ нихъ политическія послѣдствія. Людямъ, для которыхъ слово демократія служитъ синонимомъ всеобщаго разрушенія, анархіи, грабежа, убійствъ, я пытался доказать, что демократія не то — что можетъ управлять, а и на самомъ дѣлѣ правительствуетъ въ человѣческомъ обществѣ съ уваженіемъ къ имуществу, съ признаніемъ правъ, съ сохраненіемъ свободы, съ почтеніемъ къ вѣрѣ; что если демократическое правленіе менѣе, чѣмъ другое, развиваетъ изящныя способности души человѣческой, то все же въ немъ есть хорошія стороны. Я думалъ имъ разъяснить, что, каково бы ни было ихъ мнѣніе на этотъ счетъ, разсуждать уже не время, что общество стремится и съ каждымъ днемъ увлекаетъ ихъ за собою къ равенству состояній (conditions); что вопросъ не въ томъ, чего лучше добиваться — аристократіи, или демократіи, а въ томъ, которое изъ двухъ неизбежныхъ золъ мы согласны признать: — демократію безъ поэзіи и величія, но съ порядкомъ и нравственностію, или демократію необузданную, безнравственную, способную на всякія неистовства, могущую подпасть подъ нго болѣе тяжолое, чѣмъ какое когда-либо тяготѣло надъ людьми со времени паденія римской имперіи. Я хотѣлъ уменьшить горячность первыхъ и съ тѣмъ вмѣстѣ указать имъ единственный путь, котораго слѣдуетъ держаться. Я имѣлъ въ виду разсѣять ужасы другихъ и волею-неволею заставить ихъ смириться передъ идеєю неотвратимаго будущаго, такъ чтобы и тѣ и другіе, при взаимномъ пониманіи ролей своихъ, дали возможность обществу подойти болѣе мирнымъ образомъ къ неизбежному исподнію судьбы его. Вотъ господствующая мысль моего сочиненія, которую тебѣ слѣдовало бы понять немного поотчетливѣй, чѣмъ какъ ты ее понималъ. И я долженъ признаться, что до сихъ поръ меня вообще немногіе понимаютъ. Я нравлюсь людямъ противоположныхъ мнѣній не потому, что они разумѣютъ меня, а потому,

что при своемъ одностороннемъ воззрѣніи, они находятъ во мнѣ доказательства, благопріятствующія ихъ минутнымъ страстямъ. Если я ниѣю къ кому-либо или къ чему-либо довѣріе, такъ это къ будущему; и я надѣюсь, что придетъ пора, когда для всѣхъ сдѣлается доступнымъ то, что теперь понятно только немногимъ. (Томе 1, р. 427.)

Для Франціи эта пора уже наступила. Мы совершенно не понимаемъ, какимъ образомъ, уважаемый нами, нашъ отечественный публицистъ могъ причестъ пророчествующаго Токвиля къ числу людей, которые, по его мнѣнію, наиболѣе способствовали къ извѣстному исходу французской революціи. Это очень большое заблужденіе, которое объясняется только недостаточною извѣстностію французской исторіи за это время. Мы ниже приведемъ самый осязательный аргументъ, который покажетъ, что во Франціи не было *ни одного* человѣка, который бы такимъ ясновидящимъ образомъ предвидѣлъ февральскую революцію, какъ Токвиль; и мы укажемъ, насколько позволяютъ находящіеся у насъ подъ руками данныя, что поведеніе Токвиля, и въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, постоянно сообразовалось съ его удивительною дальновидностію: оно было такъ же оригинально, какъ и его книга, и дѣлало изъ него, по его собственному выраженію, либерала особаго сорта; если онъ не присталъ въ то время къ извѣстному сорту либераловъ, то единственно потому, что, вслѣдствіе своей предусмотрительности касательно неизбѣжнаго проигрыша ихъ дѣла,—которое, по своей коренной тенденціи, было вмѣстѣ и его дѣломъ,—онъ считалъ болѣе достойнымъ себя и болѣе поучительнымъ для страны своей проиграть его по своему, а не по ихъ способу. Ихъ способъ проигрыша запугалъ Францію до обморока, до летаргическаго сна, отъ котораго она едва начинаетъ только теперь пробуждаться; его способъ... но его способъ исключаетъ понятіе проигрыша.

Между другими недоразумѣніями, современнымъ критикамъ Токвиля казалось, будто онъ, предвидя во всей ясности неизбѣжное будущее, тѣмъ не менѣе не могъ смотрѣть на него безъ глубокой печали: одно изъ очень важныхъ обвиненій, какое только можетъ быть сдѣлано послѣдовательному политическому мыслителю. Вотъ какимъ образомъ Токвиль объяснился, по этому поводу, въ письмѣ къ одному изъ такихъ критиковъ.

«Я прочиталъ вашъ разборъ съ возможнымъ для автора безпристрастіемъ. Нѣкоторыя ваши замѣчанія мнѣ показались очень осно-

вательными. Я сдѣлаю одно только возраженіе, вотъ какое:—вы ставяете меня видѣть будущность демократіи въ слишкомъ черномъ свѣтѣ. Если бы мои предчувствія были на самомъ дѣлѣ такъ грустны, какъ вы это полагаете, то вы имѣли бы основательную причину находить противорѣчіе въ моихъ выводахъ, которые, однако, рѣшительнымъ образомъ клонятся къ прогрессивной организаціи демократіи. Правда, я старался опредѣлить, каковы тѣ естественныя стремленія, которыя развиваются въ человѣческихъ умахъ и учрежденіяхъ социальное демократическое государство. Я указалъ на опасности, которыя ожидаютъ человѣчество на этомъ пути. Но я вовсе не думалъ утверждать, чтобы нельзя было отратить этихъ опасностей, если они предусмотрѣны заранее. Мнѣ кажется, что демократы (я беру это слово въ его хорошемъ значеніи) не видятъ съ достаточной ясностію ни всѣхъ выгодъ, ни всѣхъ опасностей того состоянія, къ которому они стараются направлять общество, и что они, поэтому, имѣютъ весь рискъ ошибаться на счетъ средствъ, при которыхъ выгоды можно сдѣлать наиболее возможными, а опасности наименѣе важными. Я задумалъ вывести и тѣ и другія на чистоту и со всею твердostí, къ какой только я способенъ, чтобы всякій видѣлъ своихъ враговъ въ лицо и зналъ бы, противъ чего слѣдуетъ бороться. И вотъ чѣмъ, по моему мнѣнію, я существенно и полнѣйшимъ образомъ отличаюсь отъ Жюфруа. Онъ выставяетъ опасности демократіи и считаетъ ихъ неизбежными. По его мнѣнію, задача должна состоять въ томъ, чтобы стараться отдалить ихъ на возможно долгое время; а когда ужъ онѣ наступятъ, то покрыть голому плащомъ своимъ и покориться судьбѣ своей. Что касается до меня, то я хотѣлъ, чтобы общество глядѣло на эти опасности, какъ чловѣкъ твердый, который знаетъ, что онѣ существуютъ, который рѣшается на нихъ для достиженія предположенной цѣли, который встрѣчаетъ ихъ безъ боязни и сожалѣнія, какъ необходимое условіе своего предпріятія, и который боится ихъ только въ такомъ случаѣ, когда не можетъ видѣть ихъ во всемъ ихъ объемѣ. Я впрямъ у васъ извиненія, что я такъ распространяюсь объ этомъ предметѣ. Но тутъ дѣло идетъ не о какой нибудь подробности моихъ мнѣній, а о моемъ родоначальномъ убѣжденіи, о точкѣ отправленія изъ моей главной мысли; а я придаю очень большое значеніе тому, чтобы публика не была въ заблужденіи касательно этого предмета.» (Т. II, р. 33).

Да что же это, киннообразными буквами, что ли, написана книга Токвиля, что ее все не понимаютъ? Нѣтъ, изъ серьезныхъ писателей никто еще не превзошелъ Токвиля въ изяществѣ и вразумительности изложенія; послѣднюю чертою Токвиль дорожилъ даже въ особенности и обладалъ ею въ такой степени, что первыми распространителями его славы были наборщики и корректоры его книги; простые, непосредственные люди поняли ее до выхода изъ типографіи; искажать ее смыслъ и приноравливать его къ своимъ потребностямъ начали уже посредственности различныхъ политическихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Вся сила заключается въ томъ общемъ свойствѣ гениальныхъ людей, что они относятся къ своимъ предметамъ совершенно оригинально, не общепринятымъ способомъ; такъ точно и Ток-

вилъ поставилъ себя къ своему предмету. Посредственнымъ критикамъ и такимъ же читателямъ хотѣлось находить въ Токвилѣ радикализмъ такой же посредственный и обиходный, какъ они сами, и отвѣтъ, доведенный до простоты — да или нѣтъ. Что онъ—за демократію, или противъ нея? Но радикализмъ Токвиля тоже другого сорта, какъ и его либерализмъ: онъ такъ же глубоко, неотразимъ, самоувѣренъ, и потому спокоенъ, какъ сама будущность, которая принадлежитъ ему; а развѣ это легко разобрать сразу, въ особенности людямъ текущей минуты, которая вся состоитъ изъ тревоги? Точно такъ же и отвѣтъ Токвиля комбинированъ гораздо сложнѣе, чѣмъ требуется людьми опредѣленныхъ категорій; а развѣ не соблазнительно, при малѣйшей возможности, истолковать такого человѣка въ свою сторону? За то большіе умы догадались сразу, что Токвиль прежде всего принадлежитъ къ нимъ и они поняли его,—какъ его наборщики,—просто и непосредственно. Вотъ письмо Токвиля къ одному изъ такихъ умовъ, которое доказываетъ, что не всегда же ему приходилось объяснять самого себя и своимъ друзьямъ, и своимъ критикамъ. Письмо это касается первыхъ двухъ частей «Демократіи въ Америкѣ», вышедшихъ въ 1836 году.

«Любезный Милль, я сейчасъ получилъ третій номеръ вашего журнала * и ваше письмо отъ 19 ноября, и прочиталъ со вниманіемъ и тотъ и другое. Ваша статья обо мнѣ содержитъ въ себѣ больше похвалъ, чѣмъ позволительно жемать автору. Но какъ бы ни была велика та доля гордости, которую Творецъ удѣлялъ мнѣ (а вы знаете, что онъ не жалѣлъ ея для авторовъ), я долженъ вамъ однако сказать, что въ вашей статьѣ есть вещь болѣе для меня лестная, чѣмъ похвалы ваши. Изъ всѣхъ людей, которымъ угодно было занимать мною публику, вы *одинъ* только поняли меня *вполнѣ*, подвели подъ общій взглядъ всю совокупность моихъ идей, мое конечное стремленіе, и въ то же время сохранили отчетливое представленіе подробностей. Ремесло писателя было бы удивительно хорошимъ ремесломъ, если бы такіе читатели, какъ вы, не составляли слишкомъ большой рѣдкости! Ваша статья, говорю вамъ откровенно, доставила мнѣ истинное удовольствіе. Я берегу ее какъ драгоценность, для убѣжденія себя въ томъ, что вотъ есть же люди, которымъ я вполнѣ понятенъ. Я имѣлъ нужду въ подобномъ свидѣтельствѣ, чтобы утѣшить себя за всѣ сужденія и вкривъ и вкось, къ которымъ подала поводъ моя книга. Я до сихъ поръ не перестаю встрѣчать людей, которые хотятъ обратить меня къ образу мыслей, именно мнѣ принадлежащему, или которые полагаютъ о себѣ, будто они раздѣляютъ со мною мнѣнія, которыхъ я никогда не имѣлъ. Повторяю вамъ, что я ничего не читалъ о моемъ сочиненіи болѣе полного. Вы проникаете въ мою мысль такъ какъ никто, и вы хвалите и порицаете именно то, что находится въ моей мысли, а не свой собственный вымыселъ.

* The London and Westminster Review.

Поверьте, что я ничего не скажу лишнего, если выскажу вамъ, что ваши возраженія я выслушалъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и ваши похвалы. Въ васъ, какъ моемъ критикѣ, я вездѣ узнаю друга. Я очень бы хотѣлъ, любезный Милль, поспорить съ вами по поводу вашихъ несогласій со мною, всѣхъ безъ исключенія; но въ такомъ случаѣ, вмѣсто письма, я послалъ бы вамъ сочиненіе. Личная бесѣда, которую я надѣюсь имѣть съ вами въ непродолжительномъ времени, порѣшитъ между нами гораздо больше спорныхъ вопросовъ, чѣмъ многотомная переписка.» (Т. II, р. 66).

Когда въ 1840 году вышли двѣ остальные части «Демократіи въ Америкѣ» и когда Джонъ Стюартъ Милль напечаталъ объ нихъ въ *Эдинбургскомъ обозрѣніи* (октябрь, 1840 г.) новую статью, въ которой онъ принялъ на себя трудъ быть истолкователемъ Токвиля, то этотъ послѣдній отвѣчалъ ему слѣдующимъ письмомъ:

«Любезный другъ, я не счумъ вамъ выразить всего разнообразія мыслей, возбужденныхъ во мнѣ вашею превосходною статьею: для письма это было бы слишкомъ много, и въ особенности для такого письма, какое мнѣ позволяетъ время написать вамъ теперь. Но есть вещи, которыя высказать я давно долженъ былъ найти время, особенно, чтобы высказать вамъ вотъ что: изъ всѣхъ статей о моей книгѣ написанная вами есть единственная, въ которой авторъ совершенно овладѣлъ моею мыслью и счумъ поставить ее на видъ. Поэтому мнѣ нѣтъ нужды говорить вамъ, что я при чтеніи ее испыталъ величайшее удовольствіе. Я вижу, наконецъ, что обо мнѣ судить свободный и возвышенный умъ, который принялъ на себя трудъ—проникнуть въ мои идеи и подвергнуть ихъ энергическому анализу. Вы одинъ доставили мнѣ это удовольствіе. Я велю переплестъ для себя вашу статью въ одинъ корешокъ съ моею книгою. Это двѣ вещи, которыя должны быть нераздѣльны и на которыя я хочу смотрѣть какъ на одну. Тысячу разъ благодарю васъ, мой дорогой Милль, за то, что вы написали. Эта вторая половина «Демократіи» пользуется во Франціи менѣе популярнымъ успѣхомъ, чѣмъ первая. Я не склоненъ объяснять это обстоятельство литературными заблужденіями общественнаго мнѣнія. Поэтому я очень стараюсь понять, въ чемъ заключается причина такого обстоятельства; а что тутъ есть причина, и очень важная—это несомнѣнно. Я полагаю, что она заключается въ самой задачѣ моей книги, задачѣ довольно темной и проблематической, которая толпѣ дается не сразу. Пока я говорилъ о демократическомъ обществѣ Соединенныхъ Штатовъ, это понималось легко. Если бы я заговорилъ о демократическомъ обществѣ у насъ, во Франціи, какъ оно образуется на нашихъ глазахъ, это опять было бы совершенно понятно. Но когда я, исходя изъ моихъ понятій о французскомъ и американскомъ обществахъ, захотѣлъ показать общія, типичныя черты демократическихъ обществъ, которыхъ образцовка мы нигдѣ еще не видѣли, то понятно, что я не долженъ былъ рассчитывать на умы обыкновенныхъ читателей. Слѣдить за мною на этомъ поприщѣ можетъ найтись охота только у людей слишкомъ привычныхъ къ изысканію общихъ, умозрительныхъ истинъ. Я думаю, что сравнительно меньшій успѣхъ этой половины моей книги я долженъ относить именно къ этому *прирожденному грѣху* моего предмета, а не способу, по которому я обрабатывалъ ту или другую часть его.» (Т. II, р. 108).

Таинным образом, если допустить, что Джонъ Стюартъ Милль разумѣетъ что-нибудь въ книжномъ дѣлѣ вообще и въ политическихъ дѣлахъ и литературѣ въ особенности, то будетъ выходить, что авторъ «Демократіи въ Америкѣ» вовсе не такой бѣдняга, какимъ онъ представился уважаемому нами нашему отечественному публицисту. Для Милля нисколько не казалось страннымъ въ Токвилѣ его возвышеніе надъ духомъ партій; оно не только не оскорбило его гражданского чувства, а, совершенно напротивъ, удовлетворяло именно этому чувству. Людямъ болѣе обыкновеннымъ, чѣмъ Милль, можетъ казаться, что это обидный индифферентизмъ, невыносимое олимпійство — стать въ сторонѣ отъ движенія и сдѣлаться оракуломъ; а Миллю это казалось тѣмъ самымъ, что это дѣйствительно и есть: свободою отъ предразсудковъ, — будутъ ли они аристократическіе или демократическіе; и Милль тѣмъ болѣе придавалъ значеніе этому счастливому качеству Токвиля, что оно одно только могло осмыслить, и дѣйствительно осмыслило, движеніе вѣка, и оно сдѣлало это такимъ осязательнымъ образомъ, что слово «безнадежность» должно потерять всякое значеніе для всѣхъ, чающихъ движенія воды. А если такъ, то авторъ «Демократіи въ Америкѣ» вполне заслужилъ свою біографію, хотя бы Бомонъ и не былъ его другомъ.

Токвилъ родился въ Парижѣ 29 іюля, 1805 года. За одиннадцать лѣтъ до его рожденія въ его семействѣ, такъ же, какъ почти во всякомъ аристократическомъ семействѣ во Франціи въ ту эпоху, произошла случайность кроваваго свойства. Отецъ его матери, Малербъ, съ двумя дочерьми и ихъ мужьями, Разамбо и Шатобрианомъ, старшимъ братомъ извѣстнаго Шатобриана, погибли на эшафотѣ. Отецъ и мать Токвиля, вмѣстѣ съ другими членами своего семейства сидѣвшіе въ *Консьержери*, ожидали той же участи и были одолжены своимъ спасеніемъ только тому обстоятельству, что казнь ихъ была отсрочена на нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ произошло, между тѣмъ, паденіе Робеспьера. Родители Токвиля были энтузіастическіе роялисты — обстоятельство, которое еще болѣе заставляетъ уважать въ Токвилѣ его совершенную отрѣшенность отъ политическихъ предразсудковъ. Домашнее воспитаніе Токвиля и первая семейная впечатлѣнія были, однако, таковы, что онъ во всю жизнь свою придавалъ имъ огромное значеніе. По смерти своего отца, въ 1856 году, онъ высказывался объ этомъ предметѣ,

въ письмѣ къ Корселою, одному изъ самыхъ искреннихъ друзей своихъ, такимъ образомъ: «Вы правы. Если я чего-нибудь стою, этимъ я обязанъ прежде всего моему воспитанію и тѣмъ принципамъ правды, простоты и чести, которыми я былъ окруженъ съ моего появленія въ міръ до моего вступленія въ свѣтъ. Я обязанъ моимъ родителямъ болѣе, чѣмъ существованіемъ. Академическое образованіе Токвиля получилъ въ Collège de Metz, гдѣ и *кончилъ* его блестящимъ образомъ, съ полученіемъ почетной награды, хотя всегда говорилъ о немъ съ прозіей, что никогда *не начиналъ* его. Въ 1826 году Токвиль слѣдовалъ свое первое путешествіе: онъ объѣхалъ Италію и Сицилію. Два толстые манускрипта путевыхъ впечатлѣній, которые Токвиль вывезъ изъ этого путешествія, были первымъ его литературнымъ произведеніемъ, на которомъ онъ, впрочемъ, собственноручно написалъ: *чрезвычайная посредственность*, и не напечаталъ, изъ него ни одной строчки. Въ 1827 году онъ началъ службу своей странѣ въ качествѣ *судьи-аудитора*, при версальскомъ уголовномъ судѣ, между-тѣмъ, какъ графъ Токвиль, отецъ его, былъ версальскимъ префектомъ. Мѣсто Токвиля было не изъ такихъ, которое могло бы удовлетворить честолюбію человѣка такихъ способностей, какъ онъ, или давало бы возможность отличиться; оно очень мало отнимало у Токвиля даже времени, которое онъ почти сплозна употреблялъ на расширеніе круга своихъ познаній. Политическія науки были его любимымъ предметомъ; желаніе сдѣлаться политическимъ человѣкомъ было въ немъ сильнѣе всѣхъ другихъ желаній. «Il n'ya pas à dire: c'est l'homme politique qu'il faut faire en nous, говорилъ онъ своему другу, теперешнему его жизнеописателю, съ которымъ познакомился въ это время. Въ 1829 году, когда Токвилю было двадцать-три года, мы находимъ его уже съ опредѣленными политическими симпатіями и съ замѣчательною способностью понимать смыслъ событій и предугадывать ихъ ходъ. Въ августѣ этого года, по случаю образованія министерства Полиньяка, за годъ до знаменитыхъ ординасовъ Карла X, Токвиль писалъ къ своему брату:

«Министерство Полиньяка принимаетъ дѣла. Что оно съ ними будетъ дѣлать? Ему придется очень плохо! Не распустить теперешнюю палату—для него значитъ обречь себя на поражение. Созвать новую—при настоящемъ избирательномъ законѣ, это одно и то же. Измѣнить избирательный законъ съ помощью настоящей палаты—не чего и думать. И вотъ оно находится въ необходимости законодательствовать посредствомъ ординасовъ, играть въ перевороты (coups

d'états): это значитъ, что королевская власть встрѣчается съ народной на тѣсной тропинкѣ, гдѣ послѣдняя, по моему мнѣнію, рискуетъ только настоящимъ, а первая и настоящимъ и будущимъ. Бурбонскому дому, по всей вѣроятности, когда нибудь несдобровать».

Июльская революція 1830 года оправдала отчасти это предсказаніе Токвиля, хотя не совершенно въ томъ смыслѣ, какъ онъ полагалъ. Можно думать, что онъ ожидалъ переворота болѣе существеннаго и что бесплодность революціи, совершенной, съ удивительною легкостью, почти исключительно силами одного народа, т. е. его низшаго класса, въ высшей степени способствовала къ возбужденію умственныхъ силъ Токвиля и окончательно дала имъ то направленіе, вслѣдствіе котораго явились и «Демократія въ Америкѣ» и «Старый порядокъ и Революція». «Революція не остановилась—говоритъ Токвиль, по поводу июльскихъ событій—но она не выводитъ болѣе на свѣтъ ничего новаго и великаго.» Мысли, выраженные Токвилемъ гораздо позже, о характерѣ французскаго народа, могутъ быть приписаны ему уже въ эту эпоху. «Какъ бы вы ни были привычны къ непослѣдовательной подвижности людей, вы все-таки не можете не удивляться при видѣ столь быстрыхъ и столь противоположныхъ перемянъ въ нравственныхъ стремленіяхъ французскаго народа:—столько эгоизма, слѣдующаго за такимъ самоотверженіемъ; столько равнодушія, вслѣдъ за такою страстью; такая боязливость, вслѣдъ за такимъ героизмомъ и—столь великое пренебреженіе къ тому, что еще такъ недавно было предметомъ всѣхъ желаній и что обошлось такъ дорого!» Усвоивъ однажды такой взглядъ на свой народъ, Токвиль вывелъ изъ него для себя гражданскій долгъ: сдѣлать все, что позволяли ему его личныя способности, къ тому, чтобы поведеніе его соотечественниковъ направлялось опредѣлительнымъ и со всею строгостью сознаннымъ идеаломъ, который, однажды проникнувъ въ сознаніе и переставъ быть темнымъ, полусознательнымъ желаніемъ лучшаго, не давалъ бы имъ покоя, запрещалъ бы останавливаться на полдорогѣ, уставать при достиженіи перваго успѣха, или дробить силы на враждебные отгѣнки въ достиженіи одной и той же цѣли. И Токвиль обратился къ изученію демократіи. Конечно, ни одинъ на свѣтѣ Лафатеръ не могъ предсказать, чтобы отъ такого человѣка, какъ Токвиль, могъ произойти такой мужественный трудъ, и о такомъ предметѣ, какъ «Демократія въ Америкѣ». Токвиль отличался крайнею, почти женственною нѣжностью своего физическаго сложенія, изысканною

утонченностью своихъ вкусовъ и такимъ очарованіемъ манеръ и приемовъ, которые дѣлали его образцомъ высоковоспитаннаго человѣка. И, однако, та непреложная истина, что «добро можетъ происходить и изъ Назарета», была подтверждена еще лишній разъ.

Случай помогъ молодому судѣ-аудитору, иначе, судейскому помощнику (*juge suppléant*) не откладывать своего умственного подвига въ долгій ящикъ. Во Франціи въ то время очень много занимались такъ называемою пенитенціарною системою, которая съ такимъ успѣхомъ принялась въ Соединенныхъ Штатахъ. Токвиль вмѣстѣ съ Бомономъ составили объ этомъ предметѣ записку, представили ее тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ (1831 г.) и просили официального порученія—изучить этотъ вопросъ на мѣстѣ. Порученіе было дано и было добросовѣстно исполнено; но Токвиль уже кстатѣ изучилъ и американскій народъ и его политическія учрежденія.

Ему не было въ то время и тридцати лѣтъ, когда онъ, проснувшись въ одно утро, подобно Байрону, очутился прославленнымъ. «Я чувствую себя,—писалъ онъ къ одному изъ друзей своихъ, по выходѣ своей книги, — въ положеніи той придворной дамы, которую Наполеону вздумалось въ одинъ прекрасный день сдѣлать герцогиней. Вечеромъ того же самаго дня, при входѣ въ одинъ великолѣпный салонъ, услыжавъ, что о ней доложили: *герцогиня такая-то*, она позабыла, что это она, и посторонилась, чтобы дать дорогу герцогинѣ. Увѣряю тебя, что со мною дѣлается то же самое. Я спрашиваю себя: точно ли это обо мнѣ говорятъ, и когда не остается никакой возможности сомнѣваться, я прихожу къ заключенію, что, вѣрно, свѣтъ составленъ изъ людей довольно-жалкихъ, если книга, вышедшая изъ моего мозга, силы котораго я очень хорошо знаю, способна надвѣять между ними такого шума». (Т. 1. р. 427). Издатель Токвиля, Госселенъ, на первый разъ съ трудомъ согласился на изданіе его книги и выпустилъ ее только въ 500 экземплярахъ. Въ переговорахъ съ этимъ господиномъ Токвиль, между прочимъ, приходилъ къ заключенію, что ремесло писателя есть одно изъ самыхъ униженныхъ, «если передъ нимъ какой-нибудь книгопродавецъ ломается, какъ существо высшаго разряда». Черезъ девять мѣсяцевъ роли между издателемъ и писателемъ на этотъ разъ, однако, измѣнились. «Я былъ вчера у Госселена и былъ принятъ наилюбезнѣйшимъ образомъ:—

«Ахъ, такъ вотъ какъ! вы написали образцовую книгу!» Успѣхъ книги былъ въ самомъ дѣлѣ необыкновенный: она тотчасъ была переведена почти на всѣ европейскіе языки; въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ англійскій переводъ ея выдержалъ просто безчисленное множество изданій, она сдѣлалась настольною книгою и лучшимъ комментариемъ ихъ конституціи и простирающаго изъ нея законодательства. Въ короткое время она отворила Токвилю двери, сперва института, а потомъ и академія. Отъ званій о ней Ройе-Коляра, что со времени Монтенскаго Франціи ничего подобнаго не являлось, былъ почти у всѣхъ на устахъ.

Вечеръ послѣ изданія первыхъ двухъ частей своей книги, Токвиль сдѣлалъ путешествіе въ Англію, гдѣ встрѣтилъ самый блестящій пріемъ, которому одно обстоятельство придавало въ глазахъ Токвиля особенную цѣну. Назадъ тому два года (въ 1833 г.) онъ также былъ въ Англіи: въ то время его принимали, благодаря только рекомендательнымъ письмамъ и великосвѣтскому имени. Теперь его окружили оваціями за заслугу, которой онъ не былъ никому одолженъ, кромѣ самого себя. Нравственный авторитетъ, пріобрѣтенный имъ въ Англіи, былъ такъ великъ, что комитетъ палаты общинъ, обсуждавшій въ то время вопросъ о гарантіяхъ, которыми удобнѣе окружить подачу голосовъ при политическихъ выборахъ, пользуясь его пребываніемъ въ Лондонѣ, пожелалъ воспользоваться его свѣдѣніями и опытностью касательно этого предмета; и слова, произнесенныя Токвилемъ въ этомъ комитетѣ, произвели такое дѣйствіе, что, спустя шесть мѣсяцевъ, Робертъ Пиль приводилъ ихъ съ парламентской трибуны въ свою пользу въ то самое время, какъ противоположная партія цитировала ихъ для доказательства своихъ мнѣній.

Въ томъ же самомъ году (1835) Токвиль женился на англичанкѣ, Маріи Мотлэй, которую любилъ уже нѣсколько лѣтъ. Женитьба Токвиля была съ препятствіями: его невѣста не имѣла ни титула, ни состоянія, тогда-какъ у него было и то и другое и, въ добавокъ, еще слава. Но демократическій мыслитель показалъ въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ случаяхъ своей жизни, истинный аристократизмъ чувствъ, и женился, сдѣлавъ такимъ образомъ, по его выраженію, самое умное и самое обдуманное дѣло въ своей жизни.

Токвиль имѣлъ старше себя двухъ братьевъ, которые, вслѣд-

ствіе семейной сдѣлки и по причинѣ взаимной привязанности, оба отказались отъ своихъ правъ первородства и предоставили Токвилю наследственное владѣніе въ Нормандіи съ замкомъ *де-Токвилъ*, основаннымъ на полуостровѣ, котораго Шербургъ составляетъ остроконечіе:—обстоятельство, которое открыло Токвилю доступъ къ политической жизни.

Въ первый разъ Токвилъ представился въ качествѣ кандидата избирателямъ валонскаго (de Valognes) округа, при выборахъ 1837 года. Приѣмъ, которымъ онъ былъ встрѣченъ, никакимъ образомъ не можетъ быть названъ лестнымъ. На выборахъ раздавались крики: «не нужно благородныхъ!» Его антагонистъ, бумаго-прядильный фабрикантъ, выражался еще энергичнѣе: «смотрите, онъ заведетъ вамъ голубей,» стараясь этимъ намекнуть на громадную голубятню стариннаго токвилскаго замка, постройки XV-го вѣка. «Мои противники знаютъ (говорилъ, въ свою очередь Токвилъ), что я не имѣю ни одного изъ предрасудковъ, которые приписываютъ дворянству; но у этихъ господъ, въ отношеніи къ намъ, есть инстинктивное отвращеніе американцевъ къ цвѣтнымъ людямъ.» Затруднительное положеніе Токвиля увеличилось еще одною случайностію. Графъ Моле, тогдашній президентъ совѣта и родственникъ Токвиля, по чувству личной симпатіи къ нему, безъ его спроса и вѣдома рекомендовалъ его избирателямъ, какъ кандидата отъ правительства. Это былъ очень большой шансъ — быть выбраннымъ; но Токвилъ, явившійся на выборы какъ человекъ, немѣвній никакихъ связей съ министерствомъ, и вообще, во всѣхъ случаяхъ жизни, обижавшійся даже тѣмъ покровительствомъ, узнавъ о неожиданной протекціи, тотчасъ отнесся къ своему покровителю съ самымъ настоятельнымъ требованіемъ, чтобы рекомендація была взята назадъ. Его настояніе было уважено, а дѣло проиграно; но этотъ же самый проигрышъ, когда причина его сдѣлалась общезвѣстной, пролилъ такой свѣтъ на характеръ Токвиля, что, спустя два года, онъ былъ избранъ отъ того же самаго, по преимуществу демократическаго, округа огромнымъ большинствомъ. Съ этого времени онъ сохранялъ свое мѣсто въ парламентѣ при всѣхъ обстоятельствахъ, до-тѣхъ-поръ, пока Франція имѣла свободный парламентъ.

Парламентская дѣятельность Токвиля остается пока на столбцахъ «Монитѣра» и въ неизданныхъ мемуарахъ политическихъ дѣятелей Франціи; до-тѣхъ-поръ, пока исторія не вызоветъ ее

на свѣтъ, пока парламентскія рѣчи Токвиля не будутъ изданы, — чего они, по отзыву его жизнеописателя, вполне заслуживаютъ, — свѣдѣнія о ней будутъ ограничиваться только извѣстностью ея общаго характера. Для Токвиля, съ перваго его поступленія въ парламентъ до самаго паденія правительства Лудовика-Филиппа, было возможно одно только положеніе — оппозиціонное. Въ этомъ отношеніи онъ заслужилъ во Франціи, а еще болѣе въ Англіи, упрёки, будто онъ держалъ оппозицію тогдашнему правительству и постоянно считалъ его самымъ неспособнымъ и непригоднымъ для страны своей изъ слишкомъ большой привязанности къ своей политической теоріи: — обвиненіе крайне не состоятельное. Почему же онъ не могъ отстаивать и проводить въ политическую жизнь французскаго народа эту теорію, на которую онъ положилъ всё силы своего ума? Почему онъ не могъ обличать правительство въ неспособности и совершенной негодности, если онъ сознавалъ, что правительство не хочетъ избрать пути, который одинъ только исключительно могъ вести французскій народъ къ свободѣ и возможному счастью? Говорять, что тогдашнее французское правительство было слишкомъ неопытно, что конституціонная свобода была еще новостью, и что практическіе люди должны были, поэтому, щадить правительство и доставлять ему всё возможности укрѣпиться. Но отчего же неопытное правительство считало себя въ правѣ не слушать умныхъ и дальновидныхъ людей? и что же за обязанность лежала на этихъ людяхъ укрѣплять правительство, когда они и въ его слабости — то уже находили его противнымъ для интересовъ свободы? Чего же они могли ожидать, когда бы оно укрѣпилось? Токвилю ненужно было быть утопистомъ, — и онъ дѣйствительно никогда не заслуживалъ этого оскорбительнаго названія, — чтобы не сходиться съ правительствомъ, которое отказывалось отъ всякой органической реформы, которое хотѣло, чтобы Францію величали *paus legal* (страна законности), и въ то же время держалось убѣжденія, что какихъ нибудь 200,000 избирателей на цѣлую страну считались «справедливымъ и спасительнымъ основаніемъ политической власти.» Токвиль соглашался, что эти 200,000 избирателей были люди почтенные; что они замѣнили собою французскую аристократію, хотя и не наследовали ея достоинствъ; что они достойны были всякой зависти, хотя не внушали никакого уваженія; что они были существами привилегированными даже въ странѣ равенства, каковою нѣкоторымъ добрымъ людямъ угодно признавать Францію; но, не-

смотря на все это, онъ нисколько не считалъ вѣроятнымъ, чтобы остальные десятки миллионовъ французскаго населенія считали вершиною своего счастья то обстоятельство, что его судьбою распоряжаются столь почтенные и столь многодоходные люди. «Если вы действительно боитесь народа (говорилъ онъ), торопитесь искоренить въ немъ убѣжденіе, что вы имъ пренебрегаете; если вѣсть такъ пугаютъ его дурныя страсти, — спѣшите удовлетворить его добрымъ и законнымъ наклонностямъ». Глубочайшее убѣжденіе Токвиля состояло въ томъ, что французскій народъ, несмотря на его величайшую подвижность, при помощи хорошаго и дальновиднаго правительства, способенъ достигнуть самаго желательнаго и прочнаго политическаго устройства, лишь бы, въ избѣжаніе взрыва, для его политическихъ страстей былъ открытъ клапанъ въ предоставленіи ему широкаго самоуправления, чтобы его гражданскіе таланты могли прокладывать себѣ дорогу, и чтобы централизація не отнимала у него возможности приобретать нужную опытность для побѣжденія практическихъ трудностей и суровыхъ случайностей общественной жизни. Къ этой оппозиціонной тѣмѣ слѣдуетъ прибавить, что Токвиль въ Лудовикѣ-Филиппѣ не видѣлъ государя, которому бы считалъ за удовольствіе служить, и человѣкъ, о которомъ Гейне говорилъ, что у него подъ круглою шляпою такая же прочная корона, и въ рукояткѣ зонтика такой же могущественный скипетръ, какъ у любого европейскаго короля, или кесаря, такой человѣкъ не могъ обворожить государственнаго человѣка, который поклонялся Вашингтону. Странная судьба и случайности двумысленнаго свойства, которыя доставили престолъ Лудовику XVI сыну Филиппа *Ravenства* (*Egalité*), тоже не могли производить особенно хорошаго впечатлѣнія на человѣка, который отъ политики требовалъ чистѣйшей нравственности. Если обращать вниманіе на личныя свойства тогдашнихъ правителей французскаго народа, то нетрудно также понять, почему Токвиль не могъ быть, на примѣръ, сотрудникомъ Гизо въ политическихъ дѣлахъ своей страны. Для этого достаточно сравнить «Цивилизацію въ Европѣ» съ «Демократіей въ Америкѣ». Первое изъ этихъ сочиненій представляетъ социальную анатомію человѣка, какимъ онъ былъ, второе человѣка, какимъ онъ можетъ быть. Для Гизо казалось тѣмъ-то вопіющимъ и возмутительнымъ противъ законовъ Провидѣнія, направляющаго пути человечества, отказывать въ полномъ просторѣ интересамъ отдѣльныхъ личностей или семействъ, не давать удо-

вмѣстѣ ихъ будто бы безвредной суетности и даже пошлому честолюбію; для него все это было обыкновеннымъ процессомъ, посредствомъ котораго немногіе, самые избранные между людьми, направляютъ исторію міра и творятъ въ ней рѣшительныя событія. По теоріи Гизо выходило, что всякое историческое зло, какъ бы оно ни было велико и, повидимому, непослѣдовательно, непремѣнно въ конечномъ выраженіи своемъ приводило къ доброму послѣдствію, такъ какъ направленіе всѣхъ дѣлъ человѣческихъ зависитъ отъ высшей воли. Отсюда и та такъ называемая доктринерская самоувѣренность, которая доводила Гизо почти до полного убѣжденія, что одни только ослѣпленные люди могли толковать поступки правительства, которымъ онъ давалъ направленіе, въ такомъ духѣ, будто они могутъ привести страну къ великимъ бѣдствіямъ. Теорія Токвиля намъ очень хорошо извѣстна, равно какъ и его приемы историческаго изслѣдованія; касательно направленія человѣческихъ дѣлъ высшею міроправительною волею онъ ронялъ только фразы, какъ бы, притомъ, онъ ни пестрили собою его слогъ; но онъ всегда относился къ исторіи чисто-научнымъ образомъ: французская революція у него происходила изъ золь и несообразностей *старато порядка*, имперія—изъ чудовищностей и безумства революціи, реставрація—изъ деспотизма имперія, революція 1830 года—изъ непослѣдовательности и противорѣчій реставраціи, республика—отъ близорукости и упорства представительной монархіи, наконецъ новая имперія — отъ преувеличенныхъ надеждъ и преувеличенныхъ опасеній, порожденныхъ республикой. «Токвиль и его друзья—говорилъ Гизо—хотятъ создать общество посредствомъ идей: это все-равно, если бы женщины задумали создать его посредствомъ иглодокъ». Такъ выражался Гизо—министръ; Гизо падшій и немощшій не сознавалъ, что изъ его управленія Франціей произошли послѣдствія, которыхъ никакъ нельзя назвать наилучшими, выражался иначе: «Зачѣмъ мы такъ долго были политическими разномысленниками съ Токвилемъ? зачѣмъ такъ часто истощали всю энергію ума въ бесполезныхъ словопреніяхъ? зачѣмъ мы не были товарищами въ великой битвѣ за разумную свободу противъ ея общаго врага — деспотизма?» Въ этихъ сожалѣніяхъ нѣтъ ни одной буквы, которая была бы укоромъ для Токвиля и которая бы не была имъ для самого Гизо. Токвиль ни одной минуты во всю свою парламентскую дѣятельность не заблуждался насчетъ истиннаго положенія дѣлъ и толковалъ его съ ясностью и вра-

зумительностью человека, для которого невозможно даже сомнѣніе. При открытіи послѣдней парламентской сессіи, за одинъ мѣсяць предъ февральскою катастрофою, Токвиль выражался, въ палатѣ депутатовъ, о наступающей революціи просто — какъ вещи, ясной до очевидности:

«Говорить, что никакой опасности нѣтъ, потому-что нѣтъ бунта; говорить, что мы далеки отъ всякихъ революцій, потому-что на поверхности общества нѣтъ никакого вещественнаго безпорядка. Господа! позвольте мнѣ сказать вамъ: я думаю, что вы ошибаетесь. Я не возражаю, что въ дѣлахъ нѣтъ безпорядка; но онъ глубоко лежитъ въ умахъ. Взгляните на то, что происходитъ въ нѣдрахъ рабочихъ классовъ, которые — я соглашаюсь съ вами — остаются невозмутимо-спокойными. Правда, ихъ не волнуютъ собственно такъ называемыя политическія страсти въ той степени, какъ они волновали ихъ въ прежнее время; но развѣ вы не видите, что эти страсти изъ политическихъ сдѣлались социальными? Развѣ вы не видите, что между ними мало-по-малу распространяются мнѣнія, идеи, которыя клонятся не къ тому, чтобы ниспровергнуть такіе-то законы, такое-то министерство, или даже такое-то правительство, а къ тому, чтобы ниспровергнуть общество, повалить тѣ основы его, на которыя оно теперь опирается? Вы не слышите, что говорится между ними каждый день? До васъ не дошло еще ихъ постоянный говоръ, что все, что стоитъ выше ихъ, неспособно и недостойно управлять ими; что раздѣленіе благъ, существовавшее до-сихъ-поръ на нашей планетѣ, несправедливо; что общество устроено на такихъ основахъ, которыя не слѣдуетъ признавать за истинныя? И развѣ вы ужь вовсе неспособны понимать, что какъ-скоро такія мнѣнія пустили корень, какъ-скоро они распространяются повсюду и уже очень глубоко проникли въ народныя массы, то рано или поздно, — я не знаю когда, я не знаю какъ, — но рано или поздно они должны привести насъ къ страшнѣйшимъ революціямъ. Таково, господа, мое глубокое убѣжденіе. Я думаю, что даже въ этотъ самый часъ мы спимъ на вулканѣ (*всегобіе крики*)... да, я глубоко убѣжденъ въ этомъ...» (*сильнѣйшее движеніе*). (Т. 4 р. 66.)

Четырехъ недѣль было достаточно, чтобы оправдать это, чуждое всякой двусмысленности, предсказаніе. Двадцать-четвертое февраля для Токвиля, такимъ образомъ, не было неожиданностью; онъ не накликалъ его, онъ, напротивъ, употребилъ весь даръ своего удивительнаго предвѣднія, чтобы отклонить его; но когда оно пришло, Токвиль опять-таки сразу опредѣлилъ, какого поведенія ему слѣдуетъ держаться. Възвѣсивъ всѣ обстоятельства, которыя онъ видѣлъ и понималъ ясно, чѣмъ кто — нибудь, то-есть, приписавъ должное значеніе и страстямъ, которыми была взволнована вся страна, и раздѣленію партій, которое, къ добру ли, къ худу ли, было воспроизведено въ учредительномъ собраніи, онъ пришелъ къ убѣжденію въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, что послѣдній и, можетъ быть, единственный шансъ къ сохраненію свободы Франціи состоитъ

въ учрежденіи республики и, во-вторыхъ, что все, что будетъ принимать ея успѣху, самымъ необходимымъ образомъ приведетъ къ единовластію. Убѣдившись однажды въ этихъ истинахъ, Токвиль не показалъ потомъ ни при одномъ обстоятельстве ни малѣйшей слабости или колебанія. Ламаншскій департаментъ избралъ его своимъ представителемъ въ учредительное собраніе, открытое, какъ извѣстно, 4-го мая. Собраніе, очень естественно, назначило его членомъ комитета для составленія республиканской конституціи. Теперь всему міру извѣстно, что эти несомнѣнно-умные и одаренные политической проницательностью люди, изъ которыхъ состоялъ комитетъ, въ двадцать дней, употребленныхъ ими на составленіе конституціи (отъ 15 мая до 4 іюня) сочинили образецъ нецѣпости; но до-сихъ-поръ не многимъ было извѣстно, что нецѣпость знаменитаго акта далеко не была бы такъ рельефна, если бы комитетъ захотѣлъ придать побольше вѣса нѣкоторымъ здравымъ мнѣніямъ и истинно патриотическимъ усиліямъ Токвиля. Такъ, на примѣръ, Токвиль настаивалъ, чтобы вмѣсто поголовнаго избранія президента непосредственно всѣми гражданами республики, онъ былъ бы избираемъ ограниченномъ числомъ свѣдущихъ и просвѣщенныхъ избирателей, которые бы сами были избраны всеобщемъ подачею голосовъ:—это способъ избирательства въ Америкѣ. Но дальновидность Токвиля касательно того предмета, какимъ вліяніямъ можетъ быть подвержена всеобщая непосредственная подача голосовъ, не принесла комитету никакой пользы, точно такъ же были напрасны и всѣ другія попытки Токвиля къ устройству прочнаго и дѣйствительнаго механизма республиканскаго правленія. Республика видимымъ образомъ была обрекаема на самое кратчайшее существованіе, между крайнимъ демократическимъ социализмомъ и этою народною реакціей, которая векоръ была произведена обаятельнымъ для толпы именемъ Лудовика-Наполеона Бонапарта. О происшествіяхъ этого времени Токвиль оставилъ мемуары, для изданія которыхъ, по слову его биографа, еще не настало время, и которыя, по его же мнѣнію, прольютъ современемъ совершенно особый свѣтъ на всѣ событія послѣдней революціи, для исторіи которой они составляютъ будто-бы важнѣйшій матеріалъ.

Чтобы исполнить весь долгъ свой передъ страной, Токвиль старался предотвратить эту реакцію тѣмъ, что съ своими друзьями поддерживалъ Кавашьяка, нисколько, впрочемъ, не обольщая

себя насчетъ всѣхъ трудностей его кандидатуры и на восторженный упадокъ его шансовъ. Выборъ 20 декабря 1848 года былъ величайшимъ ударомъ для патріотическаго чувства Токвиля; для него не существовало почти никакого сомнѣнія, какой оборотъ должны будутъ принять съ этихъ поръ дѣла республики. Несмотря на это, когда въ знаменитые іюньскіе дни, спустя шесть мѣсяцевъ послѣ избранія Лудовика-Наполеона, еще разъ, и послѣдній, была признана необходимость ввѣрить храненіе порядка республиканскому и конституціонному знамени, Токвиль, по предложенію президента, принялъ министерскій портфель иностранныхъ дѣлъ. Президентъ въ это время оказывалъ Токвилю самое преувеличенное вниманіе, которое, однако, оставалось безъ надлежащаго дѣйствія. Однажды, обѣдавъ съ Лудовикомъ-Наполеономъ, съ которымъ онъ имѣлъ длинную политическую бесѣду, Токвиль говорилъ потомъ друзьямъ своимъ: «Я обѣдалъ съ человекомъ, который увѣренъ въ нереложности своихъ наслѣдственныхъ правъ на корону не меньше Карла X». Министерское званіе Токвиля продолжалось четыре мѣсяца. Оставляя свой постъ, онъ объяснялъ свое поведеніе такимъ образомъ: «Я способствовала къ поддержанію порядка 13-го іюня, къ сохраненію общаго мира, къ поддержанію добрыхъ отношеній между Франціей и Англіей. Эти воспоминанія придаютъ нѣкоторое значеніе моему управленію дѣлами. Миѣ нѣтъ нужды объяснять причину паденія министерства. Президентъ разсчитываетъ управлять одинъ и имѣть въ своихъ министрахъ свои креатуры. Можетъ быть, онъ правъ. Я не хочу касаться этого вопроса; но только мы не были людьми, способными служить на этихъ условіяхъ». Съ паденіемъ кабинета, въ которомъ служилъ Токвиль, министерской отвѣтственности во Франціи былъ нанесенъ смертельный ударъ, такъ что съ этого дня насильственное закрытіе законодательнаго собранія и перемѣна правительства были только вопросамъ о средствахъ и времени. По удаленіи отъ дѣлъ, Токвиль почувствовалъ самую настоятельную нужду въ поправленіи своихъ силъ, которыя уже давно были разстроены и, при лучшихъ обстоятельствахъ, давно бы могли служить предметомъ серьезнаго вниманія. Зимой съ 50-го на 51-ый годъ онъ провелъ въ Сорренто, недалеко отъ Неаполя. Здѣсь онъ началъ послѣднее изъ своихъ сочиненій, въ которомъ объяснилъ французскую революцію изъ ея первыхъ источниковъ. Переписка его съ друзьями за это время отличается печальною утѣренностью, что въ столѣ-

невозможных и борьбу собранія съ президентомъ республики всѣ шансы находятся на сторонѣ послѣдняго. Въ январѣ 1851 г. онъ писалъ къ своему теперешнему біографу:

«Несмотря на видимый перевѣсъ собранія и сильную неудачу президента, о которыхъ я узналъ изъ послѣднихъ газетъ, я продолжаю думать. — и я давно усвоилъ себѣ этотъ образъ мыслей, — что всѣ шансы будущаго на его сторонѣ. Я придаю несравненно больше важности явленіямъ, которыя представляютъ общее состояніе страны, чѣмъ особеннымъ случайностямъ, какъ бы онѣ ни были значительны. А общій видъ страны заставляетъ меня видѣть въ ней движеніе не къ свободѣ, а отъ нея, — къ сосредоточенности и постоянству власти. То обстоятельство, что лучшіе и самые извѣстные парламентскіе и военные люди, всѣ безъ исключенія, хотятъ до конца противиться этому движенію, въ моихъ глазахъ имѣетъ очень небольшую цѣну; мы живемъ во времени и въ обществѣ — демократическихъ, гдѣ отдѣльныя личности, даже величайшія изъ нихъ, значатъ очень мало. Чтобы оставаться при своемъ мнѣніи, я не слушаю ни тѣхъ, которые превозносятъ, ни тѣхъ, которые опровергаютъ гонимую претендентовъ. Въ такое время, какъ наше, слѣдуетъ обращать вниманіе не на человѣка, а на то, что поднимаетъ человѣка и ведетъ его къ власти. Карликъ на хребтѣ громадной волны можетъ взмахнуть до вершины утеса, на который не въ состояніи взобраться гигантъ, стоящій у его подножія». (Томе II. р. 172).

Дальновидный мыслитель не почиталъ, однако, себя въ правѣ сидѣть сложа руки и оправдывать свое бездѣйствіе своею прозорливостью насчетъ неизбѣжности того, что вскорѣ должно было случиться. Когда въ законодательномъ собраніи, почти наканунѣ смерти республики, возникъ вопросъ о пересмотрѣ конституціи, онъ, несмотря на крайнюю слабость своего здоровья, очутился на своемъ посту, какъ самый энергичный членъ собранія, вотировалъ въ пользу пересмотра, и потомъ, отъ имени ревизіоннаго комитета, который считалъ его своимъ органомъ, составилъ мастерское донесеніе, представленное законодательному собранію 8 іюля 1851 г. Этотъ документъ былъ послѣднимъ и замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ парламентскихъ трудовъ Токвиля. Въ немъ, рукою великаго мастера и еще болѣе великаго патріота, было изображено то роковое состояніе, до котораго французская нація доведена была своей конституціей, бывъ поставлена между двумя соперничающими и взаимно парализующими другъ друга властями — президентомъ и собраніемъ — и очутившись такимъ образомъ безъ собранія и безъ правительства. Токвиль указывалъ, что единственно-возможный способъ отвратить предвидѣнную имъ катастрофу состоялъ въ отбѣгѣ или въ существенномъ измѣненіи органическихъ законовъ государства.

По мѣрѣ приближенія кризиса, патриотическая скорбь Токвилля росла очевиднымъ образомъ. Осенью того же года мы читаемъ въ одномъ изъ его писемъ: «Какъ мало въ подобныя времена люди могутъ считать себя господами событій! Есть, впрочемъ, одно рѣшеніе, которому никто не заставитъ меня измѣнить, это—или доставить торжество нашей гражданской свободѣ, или пасть вмѣстѣ съ нею; все остальное я считаю второстепеннымъ, но это — вопросъ жизни и смерти». 2-го декабря, въ день переворота, установившаго теперешній порядокъ во Франціи, Токвилль, дѣйствительно, показалъ политическую готовность оправдать эту свою рѣшимость. Онъ ожидалъ, что переворотъ, по крайней мѣрѣ, не обойдется безъ борьбы и что она будетъ величава и достопамятна. Но извѣстно, что весь трагизмъ ея ограничился тѣмъ, что знаменитости Франціи во всѣхъ родахъ — ея ораторы, государственные люди, генералы, патриоты — были съезжены въ арестантскихъ повозкахъ сперва въ орсейскую казарму (d'Orsay), потомъ въ венсенскую тюрьму. Токвилль былъ въ томъ числѣ. Заключение этихъ людей продолжалось не долго, но совершенно достаточно для того, чтобы во всей полнотѣ исполнилось предсказаніе Токвилля, которое онъ до пресыщенія и совершенно бесполезно повторялъ съ парламентской трибуны, касательно того поведенія, къ которому необходимо долженъ придти демократическій народъ, не привыкшій къ самоуправленію, какъ скоро онъ наскучитъ состояніемъ анархіи: Франція была у ногъ повелителя. Въ отечествѣ Токвилля немного было патриотовъ, которые бы такъ смертельно были поражены событіями 2-го декабря, какъ онъ, потому что никто такъ хорошо не понималъ, изъ какой общественной глубины протекали эти событія. Въ маѣ его нравственное настроеніе было таково:

«Я не могу ни за что приняться. Въ Парижѣ также некуда дѣваться отъ возмущающихъ разговоровъ, какъ и отъ возмутительныхъ дѣлъ. Сколько я понимаю себя, моя неспособность къ труду происходитъ отъ моей душевной болѣзни, отъ которой помочь мнѣ можетъ одно только время. Всякому извѣстно, что это великій исцѣлитель печали: я жду съ возможнымъ терпѣніемъ, пока она сдѣлаетъ свое дѣло. Я долженъ сказать, впрочемъ, что моя печаль, какъ всѣ истинныя и законныя печали, столько же дорога мнѣ, сколько она нестерпима. При видѣ всего того, что дѣлается, и въ особенности при моемъ способѣ судить обо всемъ этомъ, во мнѣ возмущается все, что только есть въ моей природѣ гордаго, честнаго и деликатнаго. Мнѣ было бы досадно, если бы въ моей печали не было этой развѣдающей силы. Но я въ этомъ отношеніи дозволяю до пресыщенія, потому что, говоря правду, я умираю отъ печали. Я де-

стигъ теперешняго моего возраста, подвергаясь всевозможнымъ случайностямъ, но всегда имѣя въ виду одно дѣло, это—полную и разную свободу страны моей. Уже ли это дѣло проиграно безвозвратно? Я боялся этого уже въ 1848 г.; я боюсь этого еще болѣе теперь,—не потому, конечно, чтобы я дошелъ до убѣжденія, что странѣ этой не суждено вернуться къ конституционнымъ учреждениямъ; но надолго ли она вернется къ нимъ и какого рода будутъ эти учреждения? Я знаю, что это песокъ, и не пускаюсь въ разсужденія насчетъ его неподвижности; но какіе вѣтры будутъ поднимать его въ будущемъ?... Я, однако, пытаюсь работать. Каждый день я провожу три или четыре часа въ ринсельской библиотекѣ. Но мнѣ стоить только оплошать на минуточку, чтобы въ моемъ сердцѣ зашевелился червякъ и чтобы остатокъ дня былъ потерянъ. Жизнь, которую я веду здѣсь, могла бы быть сносною; но видъ этой страны, которую я вижу изъ-за книгъ моихъ, раздраетъ мнѣ душу. Я прилагаю тутъ письмо къ избирателямъ моего округа, которымъ я откликаюсь отъ моего мѣста въ департаментскомъ генеральномъ совѣтѣ; я не могу дать требуемой присяги... Эта частичка послѣдствій 2-го декабря задѣла меня уже лично и весьма, притомъ, чувствительно. Я занималъ въ моемъ департаментѣ положеніе, которое доставляло мнѣ ничѣмъ невозмутимыя пріятности: я давалъ нравственное направленіе восьми дѣламъ моего округа; это былъ родъ владычества надъ умами, основаннаго на личномъ уваженіи, независимо отъ политическихъ мнѣній. Эта сторона моей политической жизни отражалась на моей частной и дѣлала ее болѣе пріятной. Но это такія, впрочемъ, мелочи!... (Т. II. р. 186.)

Чего Токмакъ ожидалъ отъ ищѣющаго времени, насколько онъ имѣлъ при этомъ въ виду свои личныя огорченія, и какъ онъ смотрѣлъ на вѣроятную продолжительность и характеръ императорской власти во Франціи—это видно изъ слѣдующаго письма его, не вошедшаго, на ряду со множествомъ другихъ его писемъ политическаго содержанія, въ составъ книги Бамона и встрѣченнаго нами въ одномъ англійскомъ изданіи: «Хотя это правительство утвердилось посредствомъ величайшаго преступленія, о какомъ только запомнить исторія, оно все-таки будетъ держаться нѣкоторое время, можетъ быть, довольно-значительное, пока оно само же не постарается ниспровергнуть себя. Оно можетъ держаться по тѣхъ поръ, пока его излишества, его войны, его несообразности, его развращающія свойства не истребятъ въ общественномъ мнѣніи боязнь социализма: такой переворотъ въ мнѣніяхъ требуетъ времени. Дай Богъ, чтобы въ этотъ промежутокъ оно не покончило свособою, столько же губельнымъ для страны, какъ и для него самого: какимъ нибудь чудовищнымъ международнымъ столкновениемъ. Мы, французы, слишкомъ хорошо знаемъ ту истину, что правительства всегда падаютъ по закону ихъ происхожденія. Это правительство, которое утвердилось посредствомъ арміи, кото-

рое держится на арміи, которое почерпаетъ свою популярность и даже самое бытіе свое изъ воспоминаній о военной славі, — это правительство роковымъ образомъ будетъ увлечено желаніемъ увеличить территорію и достигнуть преобладанія въ вѣншей политикѣ или, другими словами, желаніемъ войны. Я, по крайней мѣрѣ, очень опасаясь этого, какъ и всѣ разсудительные люди должны опасаться этого. Война, конечно, будетъ для него смертью, но его смерть можетъ очень дорого обойтись странѣ.

По выходѣ изъ генеральнаго совѣта, Токвиль жилъ уже въ совершенномъ отчужденіи отъ политическихъ и общественныхъ дѣлъ, разумѣется, въ отчужденіи только вѣншемъ. Бывъ до сихъ поръ совершенно мало знакомъ съ деревенскою жизнью, какъ большая часть французской аристократіи, Токвиль теперь прочнымъ образомъ поселился въ своемъ наслѣдственномъ замкѣ. Здѣсь онъ на первомъ планѣ поставилъ для себя задачу — смягчить тотъ разрывъ между замкомъ и фермою, который произведенъ революціей 1789 г. и слѣды котораго отразились на самомъ Токвилѣ при его первой кандидатурѣ въ народные представители, въ 1837 году. Величайшая простота его манеръ, совершеннѣйшее простодушіе въ обращеніи, самое искреннее участіе, которое онъ принималъ въ дѣлахъ деревенскаго люда, самоотверженное терпѣніе — выслушивать его во всякое время и, въ особенности, чрезвычайное умѣніе облекать совѣты и сужденія своего великаго ума въ форму, доступную для послѣдняго фермера, доставили ему общую и непритворную любовь жившаго на его земляхъ крестьянства и необыкновенную популярность въ цѣломъ департаментѣ, которая, впрочемъ, принадлежала ему гораздо раньше. «Народъ очень любитъ Токвиля, — говорилъ одинъ изъ нормандскихъ фермеровъ иностранцу, — но надобно сказать правду, что онъ очень любезенъ и милостивъ къ народу». Въ 1848 году, при введеніи всеобщаго избирательства, онъ былъ не то-что выбранъ, а провозглашонъ посредствомъ всеобщихъ криковъ. Очень хорошо извѣстно, что Токвиль никогда не былъ льстецомъ народа, какъ онъ не былъ ничѣмъ льстецомъ; но, руководясь своимъ глубокимъ знаніемъ народа, онъ, однако, говорилъ о немъ, что честь и доблесть французскаго характера нашли себѣ вѣрное убѣжище въ душахъ этихъ почетныхъ людей, что «Метръ Жанъ» и «Метръ Пьеръ» — деревенскія знаменитости — навсегда останутся такими почетными титулами, которыхъ не истребятъ никакія революціи. Лю-

безыя отношенія Токвиля къ своимъ деревенскимъ сосѣдямъ изъ крестьянства особенно поддерживались его наклонностью бесѣдовать съ ними въ юмористическомъ духѣ, при чемъ онъ очень часто и пріятно изумлялъ ихъ своею непритворною смѣшливостью, какъ всѣ нервныя люди, если они не злые. Серьезные люди находили, что такая черта въ характерѣ академика и такого глубокаго мыслителя была отчасти неумѣстна; тѣмъ не менѣе другъ и биографъ Токвиля рассказываетъ, что эта черта была въ его характерѣ; что онъ былъ величайшій мастеръ схватывать смѣшныя стороны предмета и способенъ былъ смѣяться надъ ними своимъ чистымъ, музыкальнымъ, изъ души выходящимъ голосомъ, до перваго потрясенія. Такимъ образомъ, въ небольшихъ предѣлахъ своего вліянія, нисколько не думая бороться съ демократическими страстями, Токвиль, однако, взялъ надъ ними верхъ. Онъ былъ, отчасти, въ своихъ владѣніяхъ тѣмъ самымъ, чему онъ удивлялся въ англійскомъ владѣтельномъ дворянствѣ, независимомъ отъ государства, независимомъ отъ народа, но всегда готовомъ и желающемъ служить и народу и государству. При этой-то внѣшней обстановкѣ Токвиль окончилъ свое слишкомъ извѣстное сочиненіе, въ которомъ необыкновенная оригинальность и глубина его умственныхъ силъ доказываются уже тѣмъ фактомъ, что послѣ безчисленныхъ комментаріевъ и исторій французской революціи, принадлежащихъ умамъ всѣхъ возможныхъ порядковъ, Токвиль представилъ свѣту совершенно особый взглядъ на нее.

Послѣ изданія этой книги въ 1856 году, Токвиль ѣздилъ для изученія нѣкоторыхъ источниковъ, относящихся къ его предмету, въ Англію. Здѣсь кстаті будетъ замѣтить, что Токвиль, при всякомъ большомъ трудѣ, а при изученіи революціи въ особенности, какъ огня избѣгалъ печатнаго чтенія по своему предмету, а обращался исключительно съ одними источниками. Масса бумагъ и безчисленность архивовъ, перерытыхъ и пересмотрѣнныхъ имъ для написанія одной книги своего неоконченнаго сочиненія—«Старый порядокъ и Революція», должны приводить въ изумленіе. * Встрѣча, оказанная знаменитому человѣку въ Англіи, была послѣднимъ триумфомъ его жизни. Любовь и уваженіе къ нему здѣсь доходили до манифестацій. Когда ему пришла надобность вернуться—а между тѣмъ, при отсутствіи пря-

* По собственному признанію Токвиля, иная страница стояла ему двух-трех-мѣсячнаго изученія.

мого переходнаго сообщенія Англіи съ Шербургомъ, ему слѣдовало подвергнуться нѣкоторому риску въ томъ состояніи здоровья, каково было его. Лорды адмиралтейства, при первомъ слухѣ объ этомъ, тотчасъ отдали въ его распоряженіе небольшой пароходъ, на которомъ онъ и присталъ почти вплоть къ своему замку. Жизнь его въ это время еще не была въ очевидной опасности, хотя жизненные силы его значительно были расшатаны. Лѣтомъ 1858 г. сдѣлалось несомнѣннымъ, что у него сильно повреждены лёгкія. Осенью этого года ему былъ предписанъ итальянскій климатъ, и онъ, въ сопровожденіи жены, двухъ ближайшихъ родственниковъ и нѣсколькихъ друзей, отправился въ Канны. Послѣ различныхъ, не очень, однако, продолжительныхъ переходовъ, болѣзнь приняла такое направленіе, что Токвилъ былъ увѣренъ въ неизбѣжности близкой смерти; онъ встрѣтилъ ее спокойно, не прерывая даже сношеній съ друзьями, несмотря на то, что поддерживать эти сношенія для него значило—приближать смертнѣй часъ. Последнее письмо его адресовано отъ 9-го апрѣля 1859 г., а умеръ онъ 16-го. Тѣло его, по его желанію, похоронено въ его токвилскомъ владѣніи, гдѣ оно было встрѣчено и положено въ могилу при громадномъ стеченіи простыхъ людей, которые никогда не думали и даже не умѣли удивляться ему за его геній, но любили его за его доброту.

ИЗУРОЧЕННАЯ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Верстахъ въ 50-ти отъ своего уѣзднаго города, и не меньше, чѣмъ въ 150-ти отъ губернскаго, отшиблось, въ сторонѣ, на глухой проселокъ, родовое помѣстье помѣщика Вечеслава Вечеславича Ардатова—сельцо Застрѣшное.

Въ одинъ красный лѣтній день, установившимся ведрянымъ лѣтомъ, въ господскомъ домѣ Вечеслава Вечеславича, съ самаго утра было примѣтно что-то въ родѣ нѣкоторыхъ приготовленій. Выходили на крыльцо, глядѣли въ окна, ходили по двору. У всѣхъ вниманіе было обращено куда-то въ даль; всѣ вопросительно поглядывали на дорогу. Показывалась въ полѣ по дорогѣ пыль—и между поджидавшимъ людомъ проносилась торопливая искра... «Бдуть! никакъ бдуть?» передавалось отъ одного къ другому.

Почтенный владѣлецъ застрѣшенскій ждалъ къ себѣ въ день своихъ именинъ гостей. Между прочимъ, многолюбезный имянникъ готовилъ гостямъ одно, для нихъ совершенно въ новомъ родѣ, удовольствіе, о которомъ съ умысломъ, въ видахъ возбужденія тѣмъ большаго интереса, коснулся въ разсланныхъ приглашеніяхъ отдаленно и загадочно, упомянувъ только, что надѣется удивить и занять дорогихъ гостей самымъ неожиданнымъ и пріятнѣйшимъ образомъ. Впрочемъ, какого это рода удовольствіе—объяснялось поскорости же, при достиженіи предѣловъ сельца Застрѣшнаго, тотчасъ у вѣзда въ околупу, образуемую обнесенными вокругъ селенія пряслами.

Направо у воротца, впереди стоящей на выгонтъ приворотной будки стоялъ столбъ, шатавшійся на самую дорогу, замѣтно оботлѣлый отъ времени и значительно уже потратившій свою форменную нестрополоскую окраску.

Но на самомъ верху его, подъ доскою, было привѣшено что-то, въ объемистой рамкѣ, за стекломъ, писанное на большомъ листѣ бумаги.

Чтобы обратить вниманіе на это вывѣщенное писаніе, приворотный караульщикъ, снабженный, какъ видно, достаточными наставленіями, завидѣвъ кого изъ подъѣзжавшихъ къ околицѣ господъ, еще издали принимался махать имъ всеусердно шляпою. Обыкновенно, первый усматривалъ маханье кучеръ и, вѣхавъ въ воротца, останавливалъ лошадей, предполагая можетъ быть услышать отъ усердствовавшего привратника указаніе вновь проложенныхъ путей сообщенія къ барскому двору, или иное что по сей части; но привратникъ, унявшись производить воздушное маханье, начиналъ въ молчаніи и съ низкими поклонами дѣлать своею шляпою новые знаки, показывая на вывѣщенное на столбѣ въ рамкѣ писаніе, и тутъ уже самъ привезенный господинъ, погруженный въ продолжительную дорожную дремоту, могъ, нѣхотя разлѣпля глаза, прямо съ своей колесницы прочесть наивсанное за стекломъ крупною прописью:

«Сего мѣсяца и числа, въ день прислѣдшаго тезоименитства господина Вечеслава Вечеславича Ардатова, на домашнемъ его высокородія театрѣ имѣеть быть дано его собственными актерами и имъ самимъ устроенное театральное представленіе.»

— А, театры! Ну, Захаръ, катай!—проговаривалъ господинъ кучеру, поправляясь на своихъ укладенныхъ подушкахъ.

— А чтобъ его... бормоталъ; въ досадѣ, на козлахъ кучеръ, негодюя за напрасную остановку на привратника, и стегонулъ по лошадямъ. Лошади взяли, тронутая колымага скригнула и снова закачавшаяся на высокихъ разбитыхъ ногахъ четверка затолкалась дальше, по направленію къ барскому дому.

Тридцать крестьянскихъ дворовъ сельца Застрѣшнаго стоятъ наставленные въ одинъ рядокъ, на бугрѣ, лицомъ на солнышко, являя почтенный видъ своими закоптѣлыми отъ годовъ и дѣйствія времени соломенными крышами и выдвинутыми на дорогу, кривлиной, углами; своими по заулкамъ и задворкамъ приуроченными сѣнницами, житницами и всякими разными амба-

рушнями; стены густо зеленѣющими коноватниками и полными Божьей благодати, плотно заставленными, гумениками. Однимъ краемъ спускается деревня къ рѣчкѣ, къ водѣ; а другимъ выходитъ на поле; черезъ поле ситѣетъ вдаль, широкии округомъ, лѣсъ. Среди деревни, черезъ улицу, красуется на просторѣ барскій домъ, грохозясь своимъ высокимъ въ одинъ этажъ и въ большихъ девять оконъ корпусомъ, обшитый тесомъ и крашеный самъ—изжелта, крыша—искрасна; о бокъ его и бокомъ же на деревню приткнулся, подпершись своими пошатнутыми крылечками и какъ-то косоглазо поглядывая своими большими оконницами, длинный, съ осѣлюю крышей и покоробленными боками, людской флигель. Позади и по другую сторону стояли, поодаль, другія службы. Черезъ дворъ сквозь рѣшотку, сквозь березовую дорожку, мельтешать на свѣту широкіе просвѣты и темныя куртины сада. Въ просвѣтахъ рябитъ изсиня-яркой зыбью; въ куртинахъ запала тѣнь, дрема.... Тихо, и только слегка лишь пересыплетъ листомъ, чуть качнувшись вѣтвями, береза. Въ сторонѣ, по-за садомъ, словно золотятся на солнышкѣ, на господской ригѣ вороха соломы, высвѣчиваютъ круглыя верхушки хлѣбныхъ одоньевъ и, то тутъ, то тамъ, надъ гумномъ, нѣтъ-нѣтъ да и взовьется синимъ облачкомъ стая голубей и, сдѣлавъ два-три круга, либо спустится опять на гумно, либо улетитъ на деревню.

II.

Гости съѣзжались. Ихъ освѣжоннаго въ дорогѣ обоннаго пріятно насался запахъ мяниннаго широго.

— Дмитрій Михайлычъ... Азарій Азарычъ... Егоръ Егорычъ! — слышится въ дверяхъ привѣтствующій голосъ хозяина. — Сюда, за закуску, сюда милости просимъ...

Вечеславъ Вечеславичъ принимаетъ наѣзжавшихъ гостей просто. Одѣтъ онъ былъ чуть не въ тотъ же халатъ, въ которомъ пребывалъ всегда и на веремѣну котораго теперь, лишь слава одна, что облекся въ другое верхнее одѣяніе — пѣшокъ-пальто, застегнутое на двѣ верхнія пуговицы, съ отлѣпешными на нихъ собачьими головками. Да и чего-жь ему? Баринъ онъ холостой, сторона у нихъ—такое заколустье... Было бы, главное, хлѣба-соли, да «прополоскнуться» чѣмъ; а хлѣ-

Ба-ооо! есть, прополоскануться чѣтъ — недостатка не будетъ для души удовольствій—пойдутъ уже смотрѣть съ гѣтѣра...

— Спиридонъ! Лукьяну Лукьянчу тарелку... Црипи рѣш-ку... Саша!... Ганюша!... Азарю Азаричу трубку!—помождутъ хозяинъ. — Да накрывать на столъ, Спиридонъ!

Чемдѣшцы, все больше юркіе мащуганы, въ шпиковыхъ казакинахъ, съ засученными, для легкости, обшлагами у рукавовъ, и между ними Спиридонъ, лѣтъ 20 — 22-хъ, выжорнокъ, пухлявая, смѣшная рожца съ хлопающими бѣлесоватыми глѣзками и шевелящимися, какъ у kota, бѣлесоватыми нозями, въ стриженыхъ по-кучерски, на бокъ чесанныхъ волосахъ, не очень торопливый и большой охотникъ поспорить, вѣчно въ своемъ дубленомъ, очень ему по нраву, и уже сильно залощенномъ полушубкѣ, съ которыми онъ даже и лѣтомъ не хочетъ разстаться, несмотря на замѣчанія барина и смѣшки дворовой челяди, — суетливо сновали взадъ и впередъ, толкаясь съ трубками, тарелками, влетая вѣтромъ въ двери и поливая на полъ кушаньемъ.

Справляющій день своего тезоименитства Вечеславъ Вечеславичъ Ардатовъ родоприсхождение имѣлъ отъ почтенной и старинной того края фамиліи. Покойный родитель Вечеслава Вечеславича старикъ былъ домоводъ и оставилъ сыну пресогрѣтый уголокъ. Воспитаніе Вечеславъ Вечеславичъ, попеченіемъ стариковъ, получалъ: былъ отдаваемъ въ губернію въ благородный пансіонъ; должное свѣта прохожденіе—тоже: цѣлые два года считался на службѣ «изъ чести» въ дворянскомъ собраніи, слѣдовательно и ученіемъ провѣтилосъ, и въ жизни искусился, и на пользу общественную свою левту подолжилъ... И, вѣдливо, въ одно усвоительное послѣбѣдье имѣлъ полное право сказать себѣ: «перя!»—и поселился жить въ деревнѣ.

Къ деревнѣ Вечеславъ Вечеславичъ инталъ претендѣнное рѣш-положеніе. Самый величѣбный свѣтъ губерніи не ардатовалъ его столько, сколько мангла сладноблаженная жизнь деревенская. «То-ли дѣло въ деревнѣ!» разсуждалосъ ему. «Знай угождай себѣ лишь одному.» Есть у него его богоданное Засурѣнное. Повезалосъ барину... словомъ, чего ни пожелаосъ, все возино, никто не укамогъ, никто не вѣмѣшагъ. И творять его баринъ хотѣи върные слуги. Ближній человекъ—ключница Марья Гей-

давома, не въ ушедшей еще порѣ женщина, жена пьянаго лакея Поладора, какъ-то подозрительно засматриваетъ въ лицо работавшемуся барину, хочетъ унять его и никакъ унять не можетъ. Гремить ему музыка, занялась пѣсня... А тамъ, знаетъ онъ, велитъ собрать уже хорюводъ, — есть у плотника Степана очень недурная собой дочка-пѣсенница первой руки, или, у старосты Авдѣя, большая затѣйница — шустренькая бабенка-сноха...

Всѣмъ бы оно нехудъ былъ баринъ Вечеславъ Вечеславичъ. Только одно: до «вспышекъ» этихъ, какъ называется у него, до гулянокъ большой охотникъ. При чемъ нерѣдко, среди самыхъ разверзатаго сердца изліяній, достаточно бывало одного вида невниманія или малаго сочувствія къ барину, чтобъ повернуть дѣло подругому... — «Малютки! я люблю васъ!» — и подзываетъ онъ всѣхъ цѣловать себя: позаглазѣйся въ этотъ моментъ «малютки», позамѣшкайся кто кинуться со всѣхъ ногъ въ разверзтыя объятія къ барину, — «а—а!» — потянетъ онъ тогда, какъ-то сдержаннымъ и на тонъ пониженнымъ голосомъ, хорошо, очень, хорошо извѣстнымъ тому, до кого касалось дѣло, и сдѣлаетъ потомъ разстановку, начиная расширивать, въ молчаніи, глазами и закусывая нижнюю губу... Одинъ только Спиридонъ умѣлъ какъ-то отбояриваться въ подобныя коротенькія минутки: — «да что вы, судырь, ей-богу-съ», оборотится онъ на барина, ухмыляясь своими залоснившимися щеками и хлопая, бокомъ, своими бѣлесватыми глазами. — «Ну, пошолъ «судырь, пошолъ...» — разсмѣется на него и баринъ, и самъ замашетъ только рукою.

Теперь Вечеславу Вечеславичу подходило къ 40-ка годамъ; мужчиной онъ казался солиднымъ: за 15 лѣтъ въ деревнѣ изрядно раскормился, приобрѣлъ лысину и немало сѣдыхъ волосъ въ вискахъ, и однакоже, ко всѣмъ этимъ своимъ вспышкамъ не остылъ, а, напротивъ, втянулся въ привычку. — «Что же я стану дѣлать?» — оправдывался онъ передъ Марьей Степановной, когда та принесетъ ему поутру «поправиться», и примется его укорять. — «Что же прикажешь мнѣ дѣлать?» — спрашиваетъ Вечеславъ Вечеславичъ. — «Да ѣздили бы хѣть въ гости». — «Охота!» — «Право!... лежебокомъ совсѣмъ сдѣлался, изъ халата никакъ не выйдете». — «Ну, вѣдь, это все такъ хорѣше кругомъ... да и макъ же я тебе то би, мое красное солнышко; на кого бы покинуть?» — «У, чтобъ васъ!» обѣтаетъ тутъ плечомъ Марья Степановна, отвергая простираемое къ ней; въ видахъ умиротворенія; и обизаніе. Но подобныя задобриванія, обыкновенно, или недолго, Пошолъ пер-

ваго «поправленья» бралось свое, и та же исторія продолжалась и на другой день, какъ вчера. Въ одно сильно-тяжелое для головы своей утро, будучи какъ-то крѣпко жеванъ Марьей Степановной, Вячеславъ Вячеславичъ вдругъ почувствовалъ себя осѣненнымъ новою мыслью... «Домашній театр!» Театръ! Да чего же лучше, когда съ понятіемъ одного только этого слова такъ представимы всеобильныя возліанія въ честь великаго искусства? Итакъ, рѣшено. Актеровъ подѣлать есть изъ кого и своя музыка есть; есть у него искусный человѣкъ на всякое дѣло — Павелъ... И вотъ пришло день мяннннн, наѣхали гости — и кажется онъ имъ театръ...

Явившійся звать «смотреть въ тиатръ» Спиридонъ положилъ на столъ нѣсколько листовъ рукописныхъ афишъ: «вотъ онѣ, и афишки», сказалъ онъ, отходя прочь, причемъ оборотился, посмотрѣлъ на нихъ бокомъ и не могъ утерпѣть, чтобъ, по обычаю, не усмѣхнуться.

Господа взяли афиши и прочли:

«Съ дозволенія начальства, сего мѣсяца и числа, собственными его высокородія Вячеслава Вячеславича г. Ардатова актерами, на его домашнемъ театрѣ, представлено будетъ:

«И хороша, и дурна,
И уина, и глупа».

Комедія - водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, съ пляскою и пѣніемъ, составленными самимъ г. Вячеславомъ Вячеславичемъ изъ стихотвореній Пушкина.

Въ коей роль гусарскаго офицера Алинскаго будетъ играть г. Павелъ, участвовавшій въ домашнихъ театральныхъ представленіяхъ въ губерніи.

Дѣйствующія лица, такіа-то.

Начало въ 7½ часовъ.

Цѣна — бесплатно.»

III.

Съ наступленіемъ 7½ часовъ, вся потемная публика застрѣшенская была уже въ сборѣ въ театрѣ. Подъ театръ занятъ былъ, отлично приспособленный къ настоящему употребленію, каретный сарай. По предварительному соображенію распредѣлителя, публика размѣстилась сколько удобнѣе, столько

же и приличнымъ по чину и званію образомъ. Впереди, на поставленныхъ въ рядъ стульяхъ, заняло мѣста высшее общество — самъ празднующій хозяинъ съ своими именитыми гостями. За ними, на приготовленныхъ скамейкахъ, а нѣкоторые на принсенныхъ съ собою, расположилось общество среднее — дворовыя женщины (мужчины всѣ были взяты на сцену и за кулисы), лежащая вотчинная власть, какъ, напримеръ, заправляющая разными хозяйственнымъ поборомъ съ бабъ старостиха, староста съ земскимъ, выборнымъ и нарядникомъ и, по почету, ихъ жены. Позади помѣстилось общество низшее — набратые съ деревни и сама явившіяся рядовые мужики, бабы и дѣвки. Эти приловчились около сдвинутыхъ у задней стѣны экипажей — кто ногой на колесо, на подножку, кто на козлахъ, а кто и взмоготившись на самый верхъ, на поднятый кузовъ старой брички... Одинъ надъ другимъ, одинъ черезъ голову другаго, — настоящій видъ амфитеатра и райка, видъ оживленной пестроты и разнообразія: открытыя мужичьи головы, покрытыя платками бабы волосинныя съ выщипанными на лобъ поднавѣсками, цвѣтные и нецвѣтные сарафаны, мѣстами платье розовой холстинки, ситцевый цвѣточками или темно-наленкоровый передникъ и подъ нимъ сложенные, въ приятномъ ожиданіи, руки; у всѣхъ на лицахъ чайное блаженное удовольствіе... Освѣщенъ театръ былъ также великолѣпнѣйшимъ образомъ: двери скрыты, всѣ нагнѣшіе просвѣты загорожены, и по самой срединѣ спущена изъ-подъ коныка люстра, составленная изъ трехъ сплоченныхъ вмѣстѣ самыхъ большихъ конюшенныхъ фонарей; по стѣнамъ горѣли такіе же фонари меньшаго размѣра. Но самое чудесное освѣщеніе было придумано для передней сцены. По утвержденнымъ спереди двумъ окрашеннымъ подъ драпировку столбамъ горѣли яркими огнями свѣчи, накрытыя разноцвѣтными, нарѣзанными отъ бутылокъ колпаками и расположенныя по столбамъ въ видѣ огненной цвѣтной персидки... Лица зрителей, особенно сидѣвшихъ въ переднемъ ряду, принимали попеременно то иззелена-стекловидный цвѣтъ, то изсиня-блѣдноватый, то изъ блѣдноватаго красноватый, то изъ красноватаго золотистый. Какъ - то особенно преслѣдпо шурились въ этомъ сліяніи цвѣтовъ узенькіе маслянистые глазки бѣдоваго Никиты Васильча и лоснилась вся его перевалистая, подобная берестяному бураку на водѣ, безпрестанно обуреваемая смѣхомъ, фигурка; насгоящая видючьимъ даламъ

облицъ почтеннаго Лукия Лукиныча; я словно оторвавшись, лоснилась обнижонная отъ волость, лысаго голова влюбленнѣйшаго Егора Егорыча, недвижно обдающая на его воротничкомъ корпусъ. Откинувъ голову на спинку стула и заложивъ руки въ карманы своихъ широкотрубныхъ шароваръ, молча выкатывала глаза усатый господинъ Аварій Азарычъ Разбутаеаъ. Домостроительный со- съѣдъ Алексѣй Алексѣичъ усердно толковалъ съ сосѣдомъ Дмитріемъ Михайлычемъ, повидимому о чѣмъ-то хозяйствен- номъ. Безпрепятственно поводъ уважительныхъ пальцемъ по направле- нію къ стѣнамъ здания и показывая во временахъ подъ концы крыши. Молодой человекъ изъ города, призванный, по своей на- четанности «романтическимъ инжениръ», меланхоликомъ, слѣдуя подала, погружая «въ мечтаныя оладки»... Вось изъ сабту, колыгалася посреди огней занавѣсъ, стала еще многотая- ственно спущенный, немощная рука изображала на немъ въ голубомъ полѣ вѣду; съ расходящимися на все золотомъ на дли- нныхъ стебляхъ цвѣтани; гдѣ-то, администр, праносится немыт- ный, легкий шорохъ, вѣсть шопотомъ сладкаго голоса... Моло- дой человекъ смотритъ, мечты его витають... Но вотъ напро- мѣла музыка. Отверзала.

«И взвонилось, занавѣсъ шумитъ.»

Представленіе отиравается. Но прѣжде чѣмъ начаться дѣй- ствію, Вечеславъ Вечеславичъ устроилъ вступительное пред- ставленіе собственнаго перобрѣтенія. Занавѣсъ поднимался, — музыка взмахиваетъ плясовую и, съ топотомъ и свѣтлостью, изъ сѣсу вынцснтеня цыганскій таборъ; человекъ десять рлженихъ въ синіе и красныя цвѣта в гарушы, влетаютъ въ прѣсадлу, и подъ музыку и пляску вращаю, отбиваютъ кадесомъ:

«Надъ лѣсвистыни брегана,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены.
Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бѣ и самъ въ иное время
Провождалъ сіи шатры.»

Въ переднемъ ряду публики взрываются рукоплесканія. — «Ай молодцы! Молодцы, молодцы, молодцы!» — раздаются неистовые крики. Молодцы, сдѣлавъ по сценѣ кругъ, съ тѣмъ же то-

позы и приседной убираются за кулисы. Въ заднихъ рядахъ отъ удовольствія другъ на дружку ухмыляются.

Начинается настоящее дѣйствіе «Хороша и дурна». Выходитъ судья и поетъ куплетъ: «здравствуй, кумъ ты мой любезный, здравствуй кумушка моя!» и проч. Дальше является Алинскій—гусарскій офицеръ, женихъ Наденьки; вслѣдъ затѣмъ идетъ выводъ невѣсты. У передняго ряда не выходитъ изъ головы «здравствуй кумъ ты мой любезный»,—заднихъ—больше всего занимаетъ церемонія вывода невѣсты передъ жениха. Алинскаго играетъ Павелъ, — женщинамъ чрезвычайно нравится на немъ шитый шнурами и украшенный въ три ряда пугѣвицами, сдѣланный изъ краснаго кумача, гусарскій мундиръ и набульенное и напрумяненное лицо съ наведенными кольцомъ черными усиками. Премилый! перешептываются горничныя въ заднихъ рядахъ. Мужички хлопаютъ глазами на краснаго мундиръ; все остальное смѣшивается для нихъ на сценѣ въ одну толпящуюся кучку, и что-то непонятно говорящую. Первое дѣйствіе кончается.

Снова въ первомъ ряду плескъ и крики. Вечеславъ Вечеславичъ предлагаетъ вызвать своего «воспитанника» Павла. Его вызываютъ. — «Артистъ! артистъ въ душѣ!» — похваляютъ его въ собственное удовольствіе и въ удовольствіе хозяину гости. Павелъ раскланивается. Въ немъ замѣтно стараніе показать себя. На обращенія къ нему похвалы онъ отвѣтствуетъ поминаннымъ словомъ: «благодарю васъ» и старается раскланиваться какъ можно съ большею ловкостью. — «Ужъ и видно, братъ!...» — не могутъ не приписать ему похвалы оспода. — «Благодарю васъ» — спѣшитъ воспользоваться случаемъ щегольнуть ловкостью Павелъ. Этотъ Павелъ... какъ онъ самъ себя любилъ называть и какъ зоветъ его Вечеславъ Вечеславичъ, — во его загибной во всей его фигурѣ «напрятнизованности», во его щегольливости выраженія къ проношенію нѣкоторыхъ словъ, особенно въ словѣ «что», которое онъ старается произнести сколько можно отчетливѣе: «что», — во одному этому отсушенному и нѣ чтоному и на ипотитъ другимъ приіамъ можно было безошибочно предположить, что это предизвоцій на дарованъ мѣбѣ кантонаетъ какого-нибудь бывшаго учебнаго помка.

Черезъ короткій антрактъ открывается второе дѣйствіе. Во второмъ дѣйствіи первенствуетъ тотъ же Павелъ. Въ восхищеніи

отъ своего «воспитанника», — ина динное ему дворной и прина-
тое потомъ и бариномъ, — Вечеславъ Вечеславичъ первый кри-
чить ему и хлопаеть. За нить не отстають и гости. Чувствительный молодой человекъ изъ города, страстный меланхоликъ,
пѣвнень куплетомъ Аллинскаго:

«Кому нѣтъ въ жизни наслажденья,
Тотъ вѣкъ свой жизнью не зови;
А наслажденья, безъ сомнѣнья,
Намъ нѣтъ безъ дружбы и любви.»

Межъ остальныхъ лицъ комедіи обратили на себя вниманіе Акулина Кузминична и Надинька.

— А знаешь, кто эта и вонъ эта, — обращала на нихъ внима-
ніе дворовая крестьянка. — «Кто? извѣстно — ряженая». — Анъ вонъ
нѣтъ. Это Степанъ птичницкий, Анны птичницы сынъ, а этъ —
Ося. — «У-у, горюдытъ...» — Повѣрь. Мама! она не вѣрить, — по-
ворачивалась первая къ другой дворняжкѣ. — А это кто, солдатъ
что-ль, красный-то? — спрашиваеть баба.

— Мама, кто это? — спрашиваетъ свою товарку подруга,
усмѣхнувшись ей въ ухо. — Отвяжись, — отталкивается та локтемъ.
Этъ у насъ Павелъ... барскій, питомецъ, дѣвичій знакомецъ, —
говорить бабѣ, захихикавши подъ носъ, верченая дворняшка
и утыкается со смѣху въ плечо сосѣдкѣ.

Между тѣмъ представленіе кончилось. Но со стороны раз-
вернувагоса хозяина для удовольствія публики было еще не
всѣ. — Свѣтитъ мѣсяць! — крикнулъ Вечеславъ Вечеславичъ,
вставая, на стулѣ, и захопавъ въ ладони. Въ минуту заня-
вшись поднимается снова, и всѣ участвовавшіе на сценѣ и за
сценой, включая и дѣйствовавшихъ въ женскихъ роляхъ, — всѣ,
по зову барина, являются со скрипками и волторнами, нѣтъ впе-
реди изъ нанятыхъ для музыки отставнаго солдата-кларнетиста
и, парой съ нимъ, сильно дирижирующаго плечомъ и скрипкою
старика въ очкахъ, скрипача-учителя; и всѣ, у кого только сво-
боденъ могъ быть ротъ, начинаютъ, въ напутственное прощанье
почтенной, публикѣ выбранную Вечеславомъ Вечеславичемъ, для
настоящаго случая, изъ Пушкина похоронную пѣсню Іакинна
Маглановича, положенную на голосъ — «Ахъ скучно мнѣ на чужой
сторонѣ»:

«Съ Богомъ въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, Слава Богу.»

«Свѣтитъ мѣсяцъ, ночь ясна;»

Чарка выпита до дна.»

Но неподходящности остальныхъ музкетовъ, употребленъ въ дѣло только одинъ этотъ и пропѣвается нѣсколько разъ; причѣмъ два послѣдніе стиха «Свѣтитъ мѣсяцъ, ночь ясна, чарка выпита до дна», каждый разъ повторяются; и весь хоръ, съ скрипачомъ-учителемъ и кларнетистомъ-солдатомъ, подъ гѣсно и музыку, оттопывается въ присядку.

Публика въ восхищеніи, гамить и оттопываетъ у себя подъ ногами саиа.

— Ай-на! ай-ну! подлаживаютъ, прищелкивая и присвистывая, изъ передняго ряда и изъ заднихъ.

— А ну, цыганскую! кричатъ одни. — Цыганскую! требуютъ за ними другіе.

Баринъ съ своего мѣста подаетъ знакъ, — на сценѣ подхватываютъ, ударяетъ музыка, хоръ принимаетъ «цыганскую»:

«Здравствуй счастливое племя!

Узнаю твои костры...»

Въ публикѣ настоящей стонъ стоитъ.

— Свѣтитъ мѣсяцъ! свѣтитъ мѣсяцъ! — кричатъ изъ всѣхъ силъ бураковидный Никита Васильчъ. И по скомандованію барина, на сценѣ катаютъ:

«Свѣтитъ мѣсяцъ, ночь ясна!

Чарка выпита до дна!»

— И я плясать пойду! и я плясать — надсѣдается до потери голоса распотѣшистый Никита Васильчъ, самъ, весь въ смѣху, барахтаясь въ своемъ стулѣ, жмурясь, мотая головою и ничего уже не видя, что такое передъ нимъ дѣлается.

На сценѣ, наконецъ, провозносится послѣдній вскрикъ, — и замаясь падаетъ.

Принимаются вызывать актеровъ, кричатъ, рукоплещуть и едва-едва, напоследокъ, утихаютъ. Публика начинаетъ выходить изъ театра. Господа пережидаютъ поспѣль: нѣтъ хотѣтъ высмотрѣть, кто и кто тутъ былъ. Изъ-за боковой шторы, прикрывавшей наружный входъ за музисы, вышель и кажутся себя публикѣ, какъ былъ въ костюмѣ и наблюдательный и нарумяненный, Павелъ. — Молоднѣ! — отдають ему хвалу гости свои, собственно говоря — женскій полъ, много улыбаются. — Благодарю васъ; — съ пріятностію отвѣтствуетъ Павелъ; а

при этомъ на лицѣ его изобразилось довольнѣйшее самоудовольствіе.

На дворѣ уже сѣло солнышко. Вечеславъ Вечеславичъ предлагаетъ гостямъ въ садъ, пить чай. За ними несутъ готовый самоваръ, несутъ столы, стулья; подъ кустами стелютъ закусу. Господа садятся, кто ложится на траву. На траву никто, распрямитъ. Марья Степановна приближается хозяйничать. Спускается тихій, лѣтній вечеръ. Пахнетъ сильнѣйшій, разлитыиъ запахомъ цвѣта, травы, листа. На небѣ чисто, изжелта-голубовато. Къ той сторонѣ, къ закату, надъ сѣвниги только-что солнышко, словно задымилось, закурилось. Вспыхнули и зардѣлись длинными огнистыми полосами; словно подожженыя, всманулись и разбѣгаются върозвидной рыбью мелкія, золотисто-прикаленные вечернія облачка. Тепло и тихо. Везде чутко, разрѣшить; скоро падеть роса. Мимо ушей пролетаютъ жуки. Въ травѣ, въ корню, еще гудитъ не совсѣмъ утомившаяся тварь. Человѣку такъ хорошо. — «Эхъ, Марья Степановна! какъ бы чайку?» — Тутъ, на столѣ, шумитъ рядомъ самоваръ. Тамъ, подъ горой, пониже черезъ садъ, шумитъ колесомъ водяная мельница: видно, Божья благодать, есть помолу, — «Ну-ка чайку, Марья Степановна?»

— А ну-ка передъ чаемъ-то? — спрашиваютъ одинъ и другой изъ господа.

— А каково, вамъ, господа, показалось, играли? каковы divertimentoы? — начинается съ любопытствомъ выспрашивать Вечеславъ Вечеславичъ.....

IV.

Въ Златоустинскѣ, на правъ дорожкѣ, конного поезда отъ мужицкихъ дворовъ, стоитъ набеночка въ два окна, бѣлая, чистенькая и не то-чтобы спрятанная: съ бѣлою трубой, съ воротами, дворикомъ; но и не таковая, какъ видно, не земляшпенная; не замѣтно снаружи хозяйственнаго убранства — не свѣтъ у воротъ расквашенной оглоблями телеги; не окна не видно, ни бероны; не заведено на двору соломы, не виситъ на подмосткахъ снаружи у стѣны конскихъ конузовъ до стѣны; не видно на виднѣ гуна..... За то, за достаткомъ, за барашкомъ величавѣе черезъ дворъ садитъ; подъ окнами, разведенъ на улицу конюшникъ; цвѣтутъ бархатцы, жолтыя порот-

ки, посажены бобы въ трехъ лупкахъ на коротенькой грядкѣ, впереди черезъ палисадъ распустился кустъ сирени, выдвигаясь вверхъ двѣ жиденькія рябины, подъ корнемъ разрослась заря. Изъ горенки, черезъ раскрытое створчатое окно, слышны шумливые голоса. Передъ окномъ притянута на жердочкѣ скворешня, и оттуда чиркаютъ, повывставивъ въ лавейку носы, не совсѣмъ еще оперившіеся скворчата.

Бѣленькая эта избеночка принадлежитъ лѣснику застрѣшенскихъ лѣсныхъ дѣлъ вольноотпущеннику покойнаго старика-барина тамошняго, Кондратью, или, — какъ это лучше извѣстно на деревнѣ, — молочницѣ Марьѣ Федотьевнѣ, потому что Марья Федотьевна, Кондратья лѣсника жена, завсегда больше на виду и на слуху, тогда какъ самъ Кондратій живетъ больше въ лѣсу. Кондратій былъ ирѣвостнымъ помойникомъ—Застрѣшенскаго барина, отца Вечеслава Вечеславича, — не то крестьяниномъ, не то дворовымъ, потому что числился по ревизіи въ крестьянствѣ, а жилъ при дворѣ. Вся его должность состояла въ томъ, чтобы обходить въ полѣ зайцевъ, развѣдывать въ лѣсу тетеревиные тока, блюсти гдѣ какой звѣрь, какая лѣтная дичь ведется, такъ какъ старикъ-баринъ любилъ иногда, чтобъ его «поводили по охотѣ.» Впрочемъ, покойника когда-то когда, бывало, подымется самъ, и те скушн ради; Кондратій же шался больше съ ружьишкой одинъ. И такъ себя, охотникъ не охотникъ, а знался онъ себя по ремеслу Кондратьевъ ружейникомъ. За его усердіе и долготѣнее въ полевыхъ дѣлахъ блюденіе, а также за его простоту, честность и преданность, старикъ-баринъ, по духовному завѣщанію, отпустилъ Кондратья вѣчно на волю, со всемъ его семействомъ. Получивши и волю, старикъ охотникъ не захотѣлъ покинуть своего вельица. Но склонности и по привязанности къ временному ремеслу, Кондратій запросилъ себя у молодого барина ирѣвостно лѣсника въ Застрѣшенномъ. Вечеславъ Вечеславичъ далъ ему лѣсу на избенку, уголокъ земли: тутъ Кондратій и остался коротать свой вѣкъ. Да и благо ему. Но дому у него, всему кону голова — Марья Федотьевна. А самъ онъ, всталъ по утру, заставитъ козла на наколотъ дровишекъ—наколотъ, а не заставитъ—значитъ надо, наволоетъ на плечи заслуженную свою староданную тулгу, подползая: потуже не менѣ заслуженная, замалывать отъ непогодъ и времени ремнемъ, закинулъ за плечи ружь-

шляпою, привасу взялъ, шапку на голову, — и пошолъ себѣ бродить на пѣлый день. А дома, Марья Федотьевна блюдетъ и править всѣмъ, хлопочетъ и поспѣваетъ вездѣ, властвуетъ и держать всѣ порядки сама. Далъ Богъ ей въ руки подначальную команду — пять человѣкъ подростковъ дѣтишекъ, да и самого мужа въ то число, далъ Богъ утѣху — старшую дочку-невѣсту, — ей и къ рукѣ: и пошумѣтъ надъ кѣмъ — не скучно, и дѣломъ распорядиться — есть около чего. Опять же коровка, а лѣтомъ и дѣвѣ: молочко конить, масло, — на барскій дворъ берутъ, въ городъ отправляютъ. И живетъ себѣ Марья Федотьевна, «охъ» не молвить: была бы жива да здорова, да дѣтишки ея со старикомъ пѣлы, а тамъ все на свѣтѣ дѣло — не клони лишь голову. У ней; за дѣло взяться — дѣло гори; человѣка чѣмъ найти — такъ ужъ на! не говоря послѣ, что Марья Федотьевна не такова Роскошная баба, — скажетъ про нее всякій на деревнѣ, — и на всѣ руки. Пыли, что-ль, задать кому, сдачи дать — хватить ея, хоть съ кого. За дѣвчонками своими сейчасъ съ вѣникомъ гонится, сейчасъ въ пѣсню съ ними, въ плясъ пуститься готова. Пойдетъ, наприимѣръ, къ барину, денегъ за молоко просить, такъ еще надачи вытерсбитъ. — «Вотъ еще кувшинъ, да кувшинчикъ, да бутылка сливокъ, да еще... Да полноте, баринъ, куда вамъ деньги-то дѣвать? — Пойдетъ насчитывать ему, а самъ — поглядитъ на него, да присмѣхнется. — А, ты, должно быть, баба, хороша была, — смотритъ на нее баринъ и улыбается: — Да веселая же! — «Э, куда ужъ!» — вернѣтся та, и сама разсмѣется въ сторону; — зубровъ ужъ нѣтъ... шестеро дѣтей... молода была — нешто! — А вы давайте-во деньги-то, что ли — прибавить она послѣ разставанья, — а то и сливокъ не прищлю.» — А ты вотъ это, разговоритъ Вечеславъ: со Стешей своей пришла: я бы ей подарилъ что. — «Ну те-ко, полно вамъ тутъ! подхватить тутъ себѣ на умъ — баба; — вамъ тутъ еполагора, а мнѣ некогда проклажаться-те...» — И побѣжитъ домой, сама приговариваетъ, не то чтобъ въ сердце или въ брань: «чортъ лысый, дяволъ!...» иди, наприимѣръ, съ торгашкомъ дѣло — трапичникъ задаетъ въ деревню. — Блѣтъ тотъ, и обступили его бабы; — Федотьевна первая взошла на колесо, перебунтила у мужика весь моробъ, дугустъ себѣ зарезни...

— Что просишь?

— Пятиалтынный.

— Дешево!

— Пятіалтынный, пятіалтынный.

— Полно! — шумить баба на торгаша, вернувши къ ему плечомъ подь носомъ.

— Пятіалтынный, мать, пятіалтынный, — стоитъ торгашъ на своемъ.

— Ну, пятіалтынный... гривенникъ!

— Нельзя, мать, нельзя. Пятіалтынный.

— Полно, говорю.

Несговорчивый мужикъ бросаетъ ее и оборачивается къ другимъ.

— Ну, что ли?... Говорю—гривенникъ, — тормозить его съ боку Федотьевна.

— Пятіалтынный, — ладить свое торгашъ, не оборачиваясь.

— У-у! чортъ, дѣшій!.. Какой тебя чортъ въ деревню-то пустилъ... съ того бы доправилъ!..

— Ну, что-ли! трешникъ сдачи, — усиливается она вымозжить, хоть сколько нибудь.

— Ну, давай, что ли, такъ и быть! сдастся наконецъ торгашъ.

— То-то, давай!.. Не то, разсержусь, на чемъ свѣтъ стоитъ — разругаю.

Такова молодець-баба Федотьевна. И дѣтшки всѣ въ нее. Только старшая дочка, Стеша, тиха изо всѣхъ, но отецъ пошла. Разъ какъ-то случилось ей повстрѣчаться съ бариномъ «василь»: тотъ съ нею и похристосовался, поцѣловался. Потомъ, на другой день, повстрѣчалась опять. Тотъ и говоритъ, опять: «дѣвушка, похристосуюсь...» Несмѣлая дѣвушка такъ и пропала вся, и поцѣловаться-то далась, и растерялась такъ, что куда шла—позабыла; домой опять воротилась. Мать допыталась, только на зубокъ подняла. — «За дѣло, говоритъ, не будь плоха!» — Да что же бы я ему, ей-богу... — «Эхъ! не въ меня ты! — говоритъ мать: — не на мой зубъ... Онъ бы у меня!..» Однако же, «не въ меня», «не въ меня», а сама не налюбуеться на дочку Марья Федотьевна. — Это, говоритъ, у меня, настоящая гаррафиня! Въ шляпкахъ, говоритъ, стану водить, мантонъ куплю! А дочка не знаетъ лица куда подѣвать: съ маткиныхъ хвалъ въ пошла вся.

Въ этотъ самый разъ, какъ у Вячеслава Вячеславича была для гостей театръ, услыжавъ, ходила смотрѣть и Марья Федотьевна; дѣвчонокъ своихъ водила, и Стешу брала.

— Ничего, братец мой, я не чиняла... разговаривала Марья Федотышна про театр, когда всё они, вечеромъ, поспались всей семьей спать, въ повалку, отъ лѣтней жары на полу.

— А какъ такъ слышно!... отъ музыки! встала-же старшая дочка.

— Ну, пѣли... Мы съ Грушкой лучше знаемъ.

Грушка, меньшая дѣвчонка, еще не заснувшая, прыснула вдругъ шекотучимъ, неудержаннымъ смѣхомъ.

— Ты чего не спишь? Гдѣ у тебя вѣники?... кричитъ къ ней мать, не поворачиваясь, впрочемъ, на боку.

Дѣвчонка закрывается и хихикаетъ себѣ подъ одеяло.

— Невѣста, вишь ты, женихъ.... Смотрѣнье было.

— Да это, мама, ряженые?—подаетъ голосъ старшая дочка.

— Известно. Ихняя дворня все. А женихъ-отъ? видѣла? У! вѣдетъ какой!

— Я его люблю... хорошій человекъ!... продолжаетъ разговаривать мать.

Дочка оправляетъ себѣ подушку. — Жениха-то любишь? — смѣется она матери.

— Очестливый... валяжный... Одно слово—что Павель!

— А это, братецъ мой, чьи такіе у нихъ гости?—доканчиваетъ мать, сама съ собою... Да какіе все!... Винница-то, знать, этого надушишь... такъ и ржутъ все!.. Зайдетъ ужъ Спиридонъ—сироту.

— Прощай тятя, прощай мама! проговариваютъ, въ нѣсколько гласовъ, меньшія дѣти.

— Прощай, тятя, прощай, мама!—прощаются, по вѣдѣнному въ семьѣ порядку, и большая.

— Съ Богомъ, съ Богомъ! отвѣтствуютъ каждому на его прощанье отецъ и мать. И затѣмъ всѣ стихаютъ. Мать подымается ниинюго, чтобъ перекрестить на сонъ грядущій дѣтей; старшая креститъ вокругъ себя на всѣ четыре стороны, крестится сама, и, вздохнувши умиленно къ Богу, укладывается спать.

Въ горенкѣ теплятся у образовъ тихимъ огонькомъ лампадки; сквозя задернутыя въ окнахъ занавѣски пробреживаетъ рѣдѣннй свѣтомъ короткой, зарей на-зарю набѣгающей, лѣтней ночи. Умаянная день-деньской, семья спать вѣрнѣе, дружнее спитъ.

7.

Надвигъ зашелъ изъ Маря́ Фодотьевна́ Спиридонъ. Маря́ Фодотьевна́ благоволила къ нему и была всегда радъ его приходу, — поглядывать.

— А! явленный! Гдѣ пропадали?—встрѣтила она́ Спиридона.

— Гдѣ пропадали... а вы тутъ гдѣ?

— Эва-онъ! Гдѣ!... Ну, да садись-нѣшто.

Спиридонъ подозрѣвался съ Марьей Фодотьевной и стаѣ.

— Ну что у васъ такъ? жизни? горой новъ не шибало? началъ она наглядывать, нѣтвому.

— Ишь-ты... Горой не побрало... А за что бы такъ?

— Да что... даромъ только небо коптите... дармоуды.

— А у ты, братъ.

— Да что!

— Ау, братъ.

— Ау, ау... Не правда, чтоль?—А ты не видишь, ни брани у насъ въ театрахъ-то.

— Гдѣ видѣть, некогда было... Займись, братецъ, поднимай, со свисткомъ былъ.

— Со свисткомъ... Что ты, собака, что-ль, такъ сидишь...

— Собакъ... Ужъ ты пойдешь, говори... Слышала, вѣдь: за-свищешь, да и подымешь.

— Ну, ну... Я знаю... слышала.

— Ну, а чьи это у васъ гости-то были?—заговорила потомъ Маря́ Фодотьевна́.

— Да чьи... Такъ, шушера... Черепяки—только.

— Ишь они!

— Да право... Да еще что: поминшница тутъ не вилла.

— У-у, чтобы васъ!

— Просто, бѣды, братъ.

— Чего же это они не поднимаютъ?

— А вотъ достой, дай трубочку спора раскурю.

И Спиридонъ вѣтѣлъ къ себѣ въ карманъ за трубой.

— У-у тутъ! съ табачникомъ-то дьяволомъ!

Маря́ Фодотьевна, женщина нѣкоторымъ образомъ утончен-ныхъ привычекъ, терпѣть не могла, когда курящій при ней на-хорку.

— Небойсь, братъ... Спиридонъ наблюдалъ при ней остером-ность:—У меня, братъ, жуковский.

— Туда же... жуковскій... У, барина все воруютъ.

— Такъ что-што. Ну, братецъ мой, — началъ Спиридонъ, за-
ныкавши въ божь губой въ воротенькую трубочку съ ивдильнѣмъ
приборомъ. — Ну-съ... гости-то вотъ... началъ онъ раскурива-
ши и сплюнувши въ сторону, — видѣла, гости-то тогда были?

— Видѣла? Еще одинъ, выходилъ мы, зѣвнулъ-то такъ и вы-
пучилъ на насъ... на Стешу-вонъ.

— А какой онъ?

— Да какой... что лѣпшій. Усищи черезъ губу, черныи, что
пытанъ какой. А глазами такъ и ворукаетъ.

— Ну, вотъ, онъ и есть. Разбунтаевъ. Бѣдовый, братъ.

— Ну?

— Вотъ, кончили тогда тѣтры-то и пошли они въ садъ. И
мы. Нашъ-отъ, знаешь, любить караводиться-то... И учали,
братецъ мой... Такъ-то перепились! Одного, видѣла, — плѣшивый
весь, уморный такой, карасикомъ прозываютъ — Егоръ Егорычъ,
до того дрипался, въ крыжовникъ его заехали — и не слыжалъ...
этакого, голова-то что языкомъ лизнута! Заехали его промежъ
грядокъ-то, да какъ давай вдругъ изъ ружья палить... Тотъ,
братецъ мой, съ лысой-то головой, какъ всполохнется такъ!
думаетъ, что французъ подошелъ... а его крыжовникомъ-то...
Просто, лысину-то что кошки, да и рожу-то. А они вали
его, да за ноги еще, волокомъ... А сами подернуть-подернуть
его изъ грядки-то, да-у-у! гу-у!

— Ахъ, они проклятые!

— А тотъ только дрягается. Вотъ, хорошо... Только-что, бра-
тецъ мой, этотъ Разбунтаевъ, должно быть, бѣдовый. Видѣла,
Наденьку тамъ на тѣтрахъ-то у насъ играли? Птичина Сашку
наряжали, а Разбунтаевъ думаетъ, что дѣвка. Веди, говоритъ,
сюда... Мы такъ и покатываемся. Ну, намъ-то, знаешь, вѣдь,
тоже!.. Что-жь, говорить, веди ему... смѣху, право! Только
этотъ дуракъ, Сашка-то, тотъ было къ нему, а этотъ какъ
фыркнетъ! да и заболталъ чего-то, а голосъ-отъ, извѣстно...
Тотъ и узналъ. Да какъ пошелъ вдругъ. Какъ? говорить, пол-
вохъ! На кулакахъ такъ и заходилъ, да къ нашему, да какъ
пнетъ ему въ брюхо-то!.. И пошли... Ужь мы, братецъ мой, Си-
ливереть, да Полидоръ, да я тутъ, насилу розняли ихъ

— У-у, пьяницы этикіе, чтобъ васъ тутъ!..

— А ты нестой-ка, братецъ ты мой, то-ли еще было...

— Право...

— Вотъ, говорить, стой! Какъ? говорить, нашъ-отъ. Этакъ-то? говорить. Врешь, говорить: живь на свѣтѣ быть не хочу!

— У-у, проклятые...

— Давай, говорить, на дуэль... Либо ты меня, говорить, либо я тебя, а ужъ я тебѣ покажу.

— Ахъ они... Господи, палокъ-то на нихъ нѣту.

— Давай, говорить, — и тотъ. «Павель»? крикнетъ нашъ-отъ.. этотъ кантонистъ-отъ.

— Развѣ Павель кантонистъ?—Марья Фодотьевна интересовалась Павломъ.

— Какъ-же... Въ писаряхъ былъ... Матери отдали.

— Ну?

— Ну... Съѣлъ Павель, а самъ и писать-то что, не умѣеть; сказывай, говорить, ему.

— А онъ хороший, братъ, человекъ—Павель-отъ. Я люблю его.

— Хорошій... выжига.

— Ужъ ты!..

Марья Фодотьевна заступалась за Павла, который очень въ ходу былъ у женщинъ, гдѣ доводилось ему проживаться. Марья Фодотьевна имѣла свою слабость: женщина, суетна была, наружный блескъ прельщалъ ее; — «что-съ», да «что вы-съ», да «не то-чтобы-съ, благодарю васъ», — подобною вальяжностью,—какъ она называла эту манеру у Павла,—можно было видѣть успѣхъ въ ея глазахъ, тѣмъ болѣе Марья Фодотьевна считала свой взглядъ уже не деревенскимъ.

— Ну? — обратилась она дальше къ Спиридону.

— Хорошо... продолжалъ Спиридонъ.—Пишутъ тамъ. А онъ, нашъ-отъ, баринъ-отъ, въ слезы, сердечный...

— У-у! въ слезы... Винищемъ его дьявольскимъ прошибло.

— А ты слушай. Распустилъ жалости-то... Да вдругъ—стой, говорить... Какъ они, говорить, безъ меня жить-то на свѣтѣ стануть? Шабашъ! говорить, миръ давай... И помирились. Да сами за поило опять.

— У-у! черти-дьяволы, балабашники этакіе! — брало сердце Марью Фодотьевну... винища этого дьявольскаго налопаются...

— Вотъ оно, братъ, какъ! заключилъ Спиридонъ, смѣясь, и сталъ братья за картузь.

Марья Фодотьевна обыкновенно отходила сейчасъ же.

— А ты стой-ка,—остановила она Спиридона, замѣтивъ, что

тотъ подымается идти;—постой, я тебя молочкомъ съ ягодами не повотчивала.—И она живо метнулась сама въ чуланъ.

— Ты, вѣдь, я знаю, пшеничать-то любишь... не даромъ пшеничникомъ такимъ уродился... приговаривала она на ходу, перебѣгая отъ чулана къ столу и отъ стола къ шкапчику, хлопая съ дребезгомъ дверцами и гремя посудю.

Парень, въ удовольствіи, расхмыльнулся на хозяйку и запыль щеками,—хотѣлъ-было и самъ сказать что-то любезное, но могъ только вымолвить, пріятельски покивнувши на нее головою:—ты-ы ужь!

Ему чувствовалось отменно хорошо у Марьи Федотьевны; матери, отца у него давно не было, сродниковъ тоже, и Спиридонъ всегда, какъ у родной, любилъ поразвести душу у Марьи Федотьевны.

— А ты на-ко, покушай, говорила она, поставивъ ему тарелку молока на столъ, земляники и въ блюдечкѣ сахару;—кушай-ко, на, да съ сахарцемъ-то. За ягодами-то, братъ, не бойсь, сама Стеша у меня ходила.

— Вона!... Да? А гдѣ же они у тебя сами-то? Что ихъ не видно?

— Да старикъ, тотъ еще не приходилъ. А Стеша съ дѣвчонками опять по ягоды пошли.

— А у тебя, братъ, дѣвка славная — твоя Стеша,—говорилъ Спиридонъ за молокомъ,—ужь и видно, что Марья Федотьевна дочка...

— А что? спросила мать, готовая десять разъ наспроситься на новую хвалу дочкѣ.

— Да ужь, братъ, мое почтенье! произнесъ Спиридонъ, сколько смогшій выразить этимъ все свое совершенное одобреніе.

— Да. Она, братъ, у меня небойсь! — могла отъ себя сказать лестнаго за свою Стешу мать.

Въ это время послышались на дворѣ приближавшіеся ребячьи голоса.

— Вотъ онѣ. Ихъ ли надо? проговорила мать, и поднялась къ двери.

VI.

Въ дверяхъ поднялась визготня и хохотня, и одна изъ дѣвочекъ вытряхнула изъ подола пойманнаго въ лѣсу ежа.

Ежъ клубкомъ выкатился на середину пола, развернулся, попробовалъ было удариться на своихъ коротенькихъ ножкахъ бѣжать, но, почувявъ окружающую опасность, въ ту жь минуту свернулся опять въ клубокъ и остался такъ на мѣстѣ, весь расщепляясь своими перепутанными колючими иглами.

Дѣвочки съ новой визготней поскакали передъ звѣркомъ за дверь.

— Ахъ онѣ озорн! Чего онѣ озорничали еще! Ежа, смотри-ко ты, притащили.

— Онъ мышей станетъ ловить, мамка, застрекотали тѣ, проскочивши одна за другой въ горнипу и посѣлись на короточки вокругъ своей охоты.

— Кошку! Давай сюда кошку! — сказала мать и сѣла въ ребячью компанію, готовая сейчасъ первая съ ними въ возню. Дѣти добыли кошку и принялись ею травить ежа.

— Э! да что же это я съ ними! — поднялась, однако, мать на ноги, съ трудомъ расправляя свою, не мало уже ломаную спину. — Эхъ, гдѣ они, годы! промолвила она, немножко вздохнувши, вспоминаячи какова была баба съ молоду.

Немного поотставшая отъ убѣжавшихъ впередъ дѣвочекъ, вошла, между тѣмъ, и Стеша. Она вошла тихо, безъ шума, и, взглянувши передъ собою на не оставленнаго еще въ покоѣ ежа, молча улыбнулась; потомъ увидѣла за молокомъ Спиридона, поклонилась ему, примолвивъ негромко: «здравствуйте!» на что Спиридонъ, отеревъ губы, тоже сказалъ: «здравствуйте»; потомъ подняла глаза на мать, — подошла, показала ей, съ нескрытымъ удовольствіемъ, уложенный листьями полный кузовокъ ягодъ, и пошла съ ними, отбирать, къ стряпному столу.

— Ай, ай, братъ! — ободрительно примолвила ей мать, отходя и сама за нею.

— Ну, а что тѣ, стрекозы-то эти? — спросила она про малыхъ дѣвчонокъ.

— У нихъ, мама, было, — говорила Стеша, высыпая изъ кузовка ягоды; — да, нашли этого ежа, чуть и набирки-то съ нимъ не растеряли.

*

— Ахъ, вы бѣзразумныя, бѣзразумныя! Гдѣ ягоды?—оборачивалась она на дѣвчонокъ, сама не могла не смѣяться на нихъ.

— Да онѣ, маменька, и наши-то ягоды, всё тутъ.

— Вотъ я васъ ужо! Погоди.

И дѣти всё, и мать, сами не переставая между собой перекидываться смѣшками, принялись отбирать ягоды. Спиридонъ поглядывалъ на нихъ отъ окна. Остановивъ глаза на Стешѣ, онъ говорилъ себѣ мысленно: «славная дѣвка! Да и... Ужъ мое почтенье, брать!» присовокуплялъ онъ также мысленно.

Стеша, какъ пришла, была накрыта отъ солнышка бѣлымъ платочкомъ. Въ горницѣ платочекъ она сняла и повязала вокругъ шеи. Сама она была въ простенькомъ ситцевомъ платьицѣ; открытые волосы, съ подобранною на затылкѣ, немного ослабшею на ходбѣ, косою. Дѣвушка она была лѣтъ 18-ти, хорошаго здоровья, видная и довольно полная, только не очень полная, не по росту, совсѣмъ еще мало видная въ груди и не очень съ полными, замѣтно тонкими руками, — съ этими дѣтскими, еще присущими признаками только еще развивающейся, — и притомъ въ уберези развивающейся, — медленно молодости; свѣтловолосая, къ свѣтлымъ волосамъ бѣлолицая, и теперь, изъ лѣсу, порядочно разгорѣвшаяся; собою пухлая, съ небольшими, не слишкомъ завсегда раскрытыми, но очень добрыми, радужными глазами, и вообще съ лицомъ небольшой красоты, но очень пріятнымъ и чрезвычайно мягкимъ и смирнымъ. Ото всей ея немного неловкой, немного робкой и застѣливой фигурки вѣяло такую еще замѣтную дѣтскостью и такую уберезенностью, и такъ въ ней во всей, начиная съ ея вынѣженнаго, немного рыхлаго, какъ бы немного увалистаго вида, съ слабоватаго, еще неустановившагося голоса, съ ея далеко еще неумѣлыхъ и на все прочее, кромѣ развѣ одной дѣтской ласки, несимѣлыхъ рѣчей, до самой ея нетвердой, нешибкой походки, такъ и сказывалась въ ней «мамина дочка», какою она и на самомъ дѣлѣ была, начиная отъ первой своей дѣтской поры въ колыбелькѣ, и до теперешней первой поры дѣвушки-невѣсты.

Спиридону любо было быть близко этой охотливой, радѣльной семейки; любо было ему смотрѣть на эту повадливую, дружелюбную матку съ дѣтми, на эту честную, смирную дѣвушку, Стешу. Долго себѣ смотрѣлъ онъ и любовался, молча, прислонясь къ стѣнѣ затылкомъ, какъ тѣ, грудкой, про себя,

въ тихомолвку копошились. Спиридонъ, однако, долженъ былъ полюбоваться, или, какъ складывалось у него въ умѣ подъ конецъ каждый подобный разъ, оставлялъ себѣ налюбоваться вдоволь, до будущаго разу. Онъ попробовалъ сперва,—пошевелилъ языкомъ и выговорилъ:

— Марья Федотьевна?

— Чего, Спиридонъ Иванычъ?

— Да что у тебя нейдетъ Кондратій Михайловичъ-то?

— Чего тебѣ? Аль соскучился?

— Нѣтъ, какое!... Да я, было, баринъ велѣлъ было сказать ему, когда бы собрался съ нимъ на охоту.

— У-у! дѣлать-то вамъ нечего. Туда же... Охотники!.. Да что жь ты, ягоды-то?

— Будеть, спасибо. Покорно благодарю, прибавилъ онъ, перекрестившись на образа и благодарствуя хозяйку.

— Ну-те-ко, дѣвки, убирайте, да подметите хорошенько: вишь насорили тутъ съ ягодами-то, — оборотилась Марья Федотьевна къ дѣтямъ, и, отряхнувшись отъ приставшихъ ягодныхъ стебельковъ, подошла опять, сѣла къ Спиридону.

— Устала, Спиридонъ Ивановичъ,—сказала она ему.

— Ну, устала...

— Нѣтъ ужь, братъ! Чего-то вотъ, нѣтъ, нѣтъ, да такъ въ спину и хряснетъ.

— Э! да что я, въ самомъ дѣлѣ... Стоить только не разнѣживаться! встрепенулась она вдругъ, и небольшіе ея прищуристые глазки стрекнули, какъ у молодой; првлечистая, довольно еще крѣпкая и далеко еще не старушечья голова, несмотря на свои пять десятковъ за спиною, взбодрилась, лицо залоснилось... баба зачуяла, что еще не перестала быть въ своемъ ударѣ.

— Грушка! — кликнула она живо одну изъ малыхъ дѣвчонокъ, самую бойкую и самую такую— всю въ нее.

Грушка въ два скачка стала передъ матерью и уставилась ей въ глаза.

— Шельма ты, Грушка! бѣдовая! — говорила въ непритворнѣйшемъ удовольствіи мать: — настоящая ты — я.

Грушка закрутилась, закружа плечомъ, за плечомъ ногою, поведя въ сторону, въ другую...

— Ну! «Улица моя!» — тронула мать, и сама, раскинувши руками, подтопывая и подшолкивая, дала Грушкѣ голосу:

«У—улица, улица моя...»

Грушка подхватила, взяла руки въ боки и пошла:

«Улица широкая,
Трава-мурава зеленая.»

— Ай мы! Ай ну! трянула за ней мать и заходила на кругахъ съ дочерью.

— Да чтой-то ты, мама! Не стыдно ли... молоденькая что ли! — говорила, слѣдуя за нею глазами, Стеша, присѣвшая къ сторонкѣ.

— Э, дура... молчи! На твоей свадьбѣ не такъ еще трянемъ. Такъ вѣдь, Грушка?

Закружившаяся дѣвчонка, въ отвѣтъ на это, повиснулась на мать—уцѣпилась ей за платье, сама оглянулась на сестру и прыснула въ обѣ щени смѣхомъ.

— Ай-ай братъ только ты, Марья Федотьевна! Да и Грушанька-то у тебя... Да и... заикнулся - было назвать Спиридонъ еще Стешу, но не домолвилъ и сталъ подыматься.—Просто, не ушолъ бы отъ васъ,—проговорилъ онъ, собираясь идти.

— Не ходи. Кто гонитъ?

— Нѣтъ, пора, братъ.

— Что пора?... Бездѣлушничать только вамъ съ баринномъ-то.

Спиридонъ молча усмѣхнулся.

— У - у! шутоломы такіе! взялъ бы васъ... Марья Федотьевна только отвернула плечомъ въ сторону.

— Ты ужь, братъ! — мотнулъ на нее головою Спиридонъ.

— Да, право... Что же ты, Стеша?—оборотилась она къ Стешѣ:—дай, что ли, ему ягодъ-то. Захочетъ дома полакомиться. Пусть его.

— Да во что я ему дамъ-то?—отвѣкнулась, впрочемъ, шутки только ради, Стеша, сама встала и пошла къ ягодамъ.

— Да дай ему въ свой платокъ. А не то въ карманъ ему насыпь.

Стеша насыпала въ платокъ и подала; сама, какъ всегда, застыдилась И Спиридонъ, на нее же похоже, сталъ брать ягоды, тоже застыдился,—попробоваль-было что-то сказать, да слово во рту завязла и сталъ прощаться.

Марья Федотьевна пошла его проводить.

— Да! я съ тобой поговорить хотѣлъ,—оборотился Спиридонъ къ Марьѣ Федотьевнѣ, проходя съ нею по мосточкамъ отъ сѣней къ калиткѣ.

— Хорошо, поговоришь... остановилась та въ калиткѣ, остановила и Спиридона.

— Что же хотѣлъ поговорить? говори,—заговорила она вызывающимъ голосомъ и какъ-бы, поджидавшая услышать отъ Спиридона для себя что-нибудь особенное.

Спиридонъ чего-то-было заикнулся, съ какимъ-то словомъ, но самъ только уставился неопредѣленно впередъ глазами, и, не выговоривъ ничего;—на томъ и остановился.

— Говори же, что?—допытывалась отъ него Марья Федотьевна.

— Да... Нѣтъ, ужь, — нѣкнулъ Спиридонъ, заминаясь.

— Чего же нѣтъ? говори.

— Нѣтъ, лучше послѣ....

Спиридонъ никакъ не могъ сладить съ своею заминаемостью. Марья Федотьевна расмишилась на него.

— Хм!.. Да, вѣдь, я знаю,—сказала она, ласково вскидывая глазами въ сторону, и сама при этомъ тронула его пріятельски въ плечо.

— А не знаешь!—посмѣялся ей и Спиридонъ.—Скажи, коли знаешь?

— Чего мнѣ. Самъ скажи. Только что я, говорю, знаю.

— Не-ужь-то?

— Знаю. Наскрозъ чловѣка вижу.... — Всю потаенность въ чловѣкѣ вижу,—прибавила Марья Федотьевна, послѣ нѣкоторой разстановки, и сдѣлала свою усмѣшку въ сторону.

— Да я, вѣдь, Марья Федотьевна... Я не то, чтобы.. началъ заикаться Спиридонъ...

— Я, Спиридонъ Иванычъ, знаю, — послѣшила въ его помощь Марья Федотьевна; — я тебя знаю, вѣдь, слава Богу, съ коихъ поръ! На твоихъ родинахъ была. Покойница твоя въ кумы еще норовила все, крестить тебя.

— Ой? Вонъ какъ!

— Право. Да не удалось. Видно, другая судьба...

— А и што ты!—спросилъ Спиридонъ.

— Свою судьбу на пестѣ не объѣдешь, Спиридонъ Иванычъ, — говорила Марья Федотьевна, подпершись рукою въ подбородокъ.

— Известно... Кому что написано.—Спиридонъ начиналъ чувствовать отъ рѣчей Марья Федотьевны большое услажденіе. — На свѣтъ-то, братъ... Ау, братъ... захотѣлъ - было онъ развить свою мысль въ нѣкоторое разсужденіе, но удовольствовался выразительнымъ умолчаніемъ, причемъ могъ только сдѣлать подтверждательный знакъ головою.

— А знаешь что, Марья Федотьевна?—началъ онъ вдругъ, не-

обыкновенно-рѣшительно, почувствовавъ себя очень близко къ тому, что сказать хотѣлъ...

— Что, Спиридонъ Ивановичъ? — спросила Марья Федотьевна нешибко.

Но Спиридона опять захлестнуло на словѣ.—Да нѣтъ... послѣ... замаялся онъ опять.

Марья Федотьевна посмотрѣла на него, и отвела глазами прочь, разсмѣявшись.

— Нѣтъ, послѣ!—говорилъ онъ, переходя отъ одной рѣшимости къ другой.

— Ну-ужь... ай-ай, братъ! — покачала на него головой Марья Федотьевна.—А еще говорить: я!

— Такъ что жь?...

— Да что... Ты-инь письмомъ пришли, коль въ тебѣ смѣлости-то нѣтъ.

— Во мнѣ смѣлости нѣтъ?.. Да я...

— У — ужь!

— Не бойсь, братъ, я... Ну, да прощай однако, пора!—проговорилъ это Спиридонъ, тронулся съ мѣста, поспѣшно, и попрощавшись съ Марьей Федотьевной шапкой, сталъ уходить.

— Ну, прощай-коли!—говорила ему вслѣдъ Марья Федотьевна. — Да ходи чаще, крикнула она ему въ догонку: — подпо бычиться-то. Не бычись.

— Ну! — крикнулъ ей Спиридонъ издали.

На дворѣ было хорошо. Жара схлынула и продувало вѣтеркомъ. Марья Федотьевна постояла еще за калиткой, проводила Спиридона глазами до угла, поглазѣла по сторонамъ, переступила разъ-другой съ ноги на ногу, хотѣла бы увидать кого изъ Шабренокъ—перекинуться словцомъ отъ избытка души, но никого близко не увидала,—стукнула калиткой и ушла.

УП.

Спиридонъ ходилъ да ходилъ къ Марьѣ Федотьевнѣ, и дожидаясь до того, что не могъ уже и не ходить. Сначала долго онъ не хотѣлъ понять, по свойству своей неврѣткой и женного упорной натуры, что его особенное тянуло къ Марьѣ Федотьевнѣ. Но потомъ сознался, что его тянуло туда именно присутствіе Стеши. Не будь Стеши—ему бы и ходить туда изо дня въ день не зачѣмъ было.

Но какъ она? Ея-то сердечко знобилось ли къ нему? — въ

этомъ онъ никакъ не могъ добиться всей подлинной сущи. Любить ли?.. Пока съ нею, казалось что любить. Потому-что и смотритъ ему въ глаза какъ-то все такими «похожими» взглядами, и подходитъ къ нему, когда прійдетъ, навстрѣчу, сама первая, и даже тронуть себя легонько дается... и сидитъ съ нимъ, вечеркомъ, въ каморкѣ, остается охотно и подолгу, пока не кликнетъ мать; и прощаться станеть — спрашиваетъ когда же онъ прійдетъ, опять и руку даетъ пожимать... Кажется бы, любить. Нѣтъ, надо «поговорить»!.. рѣшалъ онъ мысленно, но сколько ни собирался, на томъ и захлестывало. Ужь и сама Марья Федотьевна: сначала какъ-то усмѣхалась пріятно, выжидая — «вотъ заговорить»; но молодець при однихъ сборахъ только и оставался, такъ что Марья Федотьевна врядъ-ли не стала на него и посерживаться.

И передумывалъ-передумывалъ парень, — сбивался въ конецъ. Представлялась ему Степа съ ея робкимъ, но такимъ свѣтящимся, и такимъ опять будто «похожимъ» взглядомъ; представлялась ея ласковая, душевная улыбка; слышался ея голосъ, шепчущій такія «хорошія» слова... «Неужели?... Да нѣтъ!... А можетъ что и да». «Въ толкъ ничего взять нельзя, — думалось Спиридону; — допытаться бы... да вишь оно каковъ я, ловкій»...

На барскомъ дворѣ между тѣмъ у Вечеслава Вечеславича идутъ приготовления на охоту.

Вечеславъ Вечеславичъ когда-то почиталъ себя не послѣднимъ охотникомъ и проживая въ губернскомъ, въ самомъ дѣдѣ выѣзжалъ иногда на охоту, но въ застрѣшномъ поднимался больше за тѣмъ, чтобъ переменить мѣсто дѣйствія своихъ гулянокъ. Теперь-же въ разгарѣ лѣта, въ самую утиную пору, ему вдругъ вздумалось попробовать стараго удовольствія. Собрались цѣлымъ лагеремъ. Взяли всю охоту, охотниковъ и не охотниковъ — сколько было. Ружей, ружейнаго припасу взяли, обозъ, въ обозѣ Марью Степановну. Взяли въ вожакъ лѣсника Кондратя, и, часовъ въ десять утра, двинулись на походъ. Поѣхали по рѣчкѣ, которая бѣжитъ отъ деревни. Отъ деревни бѣжитъ рѣчка въ травянистыхъ бережкахъ полей, а тамъ, мелкимъ песочкомъ, по кустивамъ да по опуточамъ, лѣсомъ, и черезъ лѣсъ, на краю, къ соединенію поля, впадаетъ въ другую рѣчку, побольше. Есть тамъ въ лѣсу по рѣчкѣ водяная мельница, прудъ «широкой воды»; есть дальше поемныя бакалдины, болота..... Лѣсникъ Кондратій знаетъ всѣ эти «угодныя мѣста»; знаетъ гдѣ, въ какомъ

болотѣ, сколько есть утиныхъ выводковъ; гдѣ, въ какой бакалинѣ, заблѣлись селехѣ.... Кондратій ѣдетъ съ бариномъ на переднихъ дрогахъ, служба ему живую географіей мѣста; вторыя дроги — съ охотниками, третья — обозъ. На третьихъ гремитъ, поигривая бочкомъ на солнышкѣ, привязанный веревкой вычищенный самоваръ, торчитъ зачернѣлая въ нагарѣ ручка кострюли, изъ-подъ кулька съ тѣмъ-то, должно быть, съ съѣстнымъ, выглядываетъ дубовое дно боченка, въ задкѣ привязанъ ящикъ — съ тѣмъ нибудь еще съ питейнымъ. Посреди клады усѣлась, разложивъ руки, Марья Степановна. Въ колѣняхъ у ней узелъ съ разнымъ дребезгомъ. Одной рукой придерживаетъ она узелъ, другою, за скобку, обитый тюленемъ и жестью погребецъ. Тѣми дрогами, на которыхъ баринъ, правитъ Спиридонъ. Ѣдутъ гдѣ дорогой, гдѣ напрямомъ — тонкимъ лугомъ, кочками. Сбоку вѣтся извилинами рѣчка. Солнышко стоитъ высоко, но еще не близко до полдня. Бьютъ трубою широкіе лучи. Надъ полемъ, надъ зрѣющими ржами дрожатъ и льется передъ глазомъ яркое теченіе воздуха. Стоитъ июньскій жаркій день. Охотники слѣзли, вдутъ по рѣчкѣ, по мѣтежинамъ; собаки мечутся впереди; надъ самой головой козыряютъ рѣзвой дугою, разлетѣвшись съ гуломъ и вѣтромъ, словно бѣшеные, чибесы; вырывается бекасъ, словно въ дудочку; подають гдѣ-то голосъ кулики.... Раздаются частые выстрѣлы. Собаки гонятся стремглавъ... Вождедѣнная добыча улетаетъ не вредимо, и собаки, не останавливаясь, ворочають на всемъ маху назадъ. Но вотъ рѣчка уходитъ въ лѣсъ. Отъ лѣсу потянуло листомъ и корою. Человѣку отрадно, опажнуло холодкомъ и тѣнью. Въѣзжаютъ охотники въ лѣсъ, ѣдутъ осинникомъ, березникомъ, ѣдутъ рѣдкимъ мелколѣсьемъ; изъ за кустовъ выходитъ поляна.

Здѣсь на рѣчкѣ и водяная мельница. Отъѣхали немногѣ поодаль — и стали. Поляна залита вся солнышкомъ; привѣтно зеленѣетъ широкая, сухая луговина; словно городки, подымаются въ травкѣ муравьиныя кочки; бодренько торчатъ на тонкихъ стебелькахъ луговые колокольчики, перегнувши къ солнышку головки слышно одно какое-то несмолкаемое, полное своей определенной жизни и мѣры гудѣнье. Почуявъ человѣка, налетаетъ мушпара; лошади безпрестанно отмахиваются отъ слѣпней. Въ вышинѣ плавають широкими кругами, одинъ надъ другимъ, жители лѣса — ястреба. Лошадей выпрягли и пустили на траву. Для барина разстилають на лугу коверъ. Марья Степановна —

принимается хлопотать. Охотники, и въ головѣ ихъ баринъ, изготовляются на охоту. Столжовались и пошли. Марья Степановна между тѣмъ ставитъ самоваръ и готовится кое-чего, принять ихъ съ поля. Пока, все еще слышны хрустъ подъ ногами и голоса охотниковъ. Но потомъ они постепенно пропадаютъ. Слустя немного, во что-то выстрѣлили; погода, выстрѣлили еще въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ... — Чу оно, начали... на выводокъ напали,—говоритъ оставившійся въ помощь Марья Степановнѣ мальчикъ Ося. Ося тоже съ ружьемъ. — А вотъ это,—говоритъ онъ, послѣ сильно ударившагося по лѣсу хлопкѣ,—это баринъ.—«А ты почему знаешь?»—переговариваетъ съ нимъ Марья Степановна — Да ужъ я слышу... по разу знаю... — «Вишь онъ у васъ, баринъ-отъ вашъ... по разу знаютъ,»—говоритъ Марья Степановна, сама не отрываясь отъ дѣла.—Вашъ,—переговариваетъ нѣсколько про себя Ося:—чай онъ и всѣхъ насъ баринъ. — «Извѣстно-и всѣхъ насъ,» — повторяетъ ему Марья Степановна, а между тѣмъ ее щекотитъ солнышкомъ и посылаетъ чихнуть. Глядя на нее, наставляетъ глаза на солнышко и Ося, тоже чихаетъ, и оба, другъ на дружку дружелюбно перечихнувшись, усмѣхаются.

Подошли полдни. Томитъ жара и жажда. Марья Степановна посылаетъ Осю — напится холодной водицей. Ося отправляется, и самъ, въ подирыжку, начинаетъ выдѣлывать голосомъ какого-то казачка. Вдругъ Ося притихаетъ и крадется назадъ, къ телѣгѣ, беретъ ружье... Немного погода, Ося вывалилъ, и въ разъ за его выстрѣломъ затрюлюлюкалъ низомъ по рѣчкѣ удаляющійся куличій голосокъ... На выстрѣлъ появляется на берегу мальчишка.

— Что? стрѣлилъ?—спрашиваетъ, посматривая издали, мальчишка, должно быть или мелниковъ, или помолщикъ чей, въ пестрадиной синей рубашкѣ, въ какомъ-то колпачикѣ отъ картуза съ однимъ околышемъ и безъ козырка, заложивши руки за спину и самъ весь перепачканный въ пыли и мукѣ.

Ося выбирается на берегъ, съ видомъ неудовольствія. Мальчишка рѣшается подойти со спросомъ поближе.

— Во что стрѣлвалъ?

— Такъ, куличика... да малъ очень...

Ося продуваетъ ружье и почасту взглядываетъ въ ту сторону, куда улетѣлъ куликъ.

— Не утратилъ?... неутратилъ, видно?

— Не утрашилъ, да!—переговариваетъ Ося.

— А ты чего здѣсь? оборачивается онъ вдругъ на мальчишку, послѣ нѣкотораго молчанія.

Мальчишка видимо устрашается и спѣшить предаться бѣгству. Удовольствованный произведеннымъ на него дѣйствіемъ, Ося оставляетъ всю свою суровость. Самымъ насмѣшливымъ образомъ смѣется онъ вслѣдъ утекающему мальчишкѣ и прикрикиваетъ, затоптавъ ему въ догонку: «держи его!» Мальчишка ускоряетъ бѣгъ, и только добѣжавъ до мельницы немного оглядывается, но тѣмъ же духомъ ударяется дальше и постѣпаетъ скрыться въ строеніи.

Между тѣмъ вскорѣ вѣрочають охотники назадъ. Будеть. Надоѣло. Барину припала охота ѣхать на «Тростяное озеро.» Тростяное озеро верстахъ въ 12-ти. Если поѣдутъ туда, тамъ и почувють. Что лѣсъ? То ли дѣло на воду. На широкую, на разливистую на воду! Тростяное озеро, не много—не мало, говорить, на цѣлыхъ 30 верстѣ иѣста вдалось, среди не проходимаго лѣсу, своими неоглядными островами и глубами, заросшими тростникомъ, своими широкими плесами, своими далеко синѣющими, темными рогами. Хожалый человекъ, лѣсникъ Кондратій, зоветъ Тростяное озеро «волшебнымъ»... Выѣзжаетъ, напришѣръ, охотникъ—береть челнокъ—на озеро. Охотникъ далеко, запоздалъ. Онъ шолъ на вечернюю зорю, но ужъ не засталъ. Заря пропущена; зато начинается свѣтлая лѣтняя ночь. Высоко стоять полный мѣсяцъ; на водѣ расходится, зыблясь и переливаясь, длинная полоса свѣта. Проѣзжаетъ охотникъ одинъ плесъ, выѣзжаетъ на другой. Видится, въ темнотѣ, будто берегъ, но это сошолся только тростникъ, и за нимъ опять широкая площадь воды. И опять будто берегъ, но это опять тростникъ и вода, опять изъ плеса въ плесъ. И такъ дальше, безъ конца. Настоящій заколдованный кругъ, волшебное царство водъ и травы. Ночь. Какія-то идутъ, отходятъ, проходятъ мимо, тѣни. На водѣ то прикроется, то раскроется усыпленно—стоящій свѣтъ мѣсяца. Кругомъ безмолвіе и таинственность. По небу бѣгутъ изрѣдка облачка. На озерѣ тихо. Только дремлющій тростникъ прошумитъ своимъ сухимъ перомъ и колыхнетъ кистистыми верхинками, и потомъ станеть опять, снова заснувшій. Слышенъ всплескъ весла и легкій ходъ челнока. Охотникъ насто-рождѣ и держать къ тростникамъ. Какое-то слышится невидимое движеніе и что-то такое въ темнотѣ будто чудится... Еще—

и, онъ и есть, подаетъ нешибкой, какъ передъ сномъ, но для привычнаго уха чуткой и слышимый явственно утиный крикъ. Охотникъ озирается, рука его сама-собою сжимаетъ ружье, указательный палецъ протягивается на спускъ. Вотъ по мѣсяцу, отъ тростника, что-то заструилось и зарыбло, и, разводя воду дорожкой, выплываетъ неосторожная кряква, за нею спѣшать ей выводокъ... Покатился по водѣ грохотнувшей выстрѣлъ, разостлался огромный клубъ бѣлаго дыма, и, унырнула ли, или слетѣла куда кряква и куда пропалъ ее выводокъ, — ничего не видно... только вдали раздалась дикіе, пронзительные, похожіе на плачь ребенка голоса, — прокричали встревоженные «ныры,» и вслѣдъ за тѣмъ два огромные ныра, двѣ изъ этихъ рѣдко гдѣ видимыхъ птицъ изъ породы ныряющихъ утокъ, показались посерединѣ воды и проплыли дальше... Уплываетъ дальше и охотникъ и скоро, въ темнотѣ, совсѣмъ пропадаетъ изъ виду въ тростникахъ.

Итакъ... Но нѣтъ, скучно, безпокойно... Да и что ему, въ самомъ дѣлѣ, Вечеславу Вечеславичу, утруждаться, что ему дѣлать самому на озерѣ? Кончено! Поѣхали. Онъ, съ нимъ Кондратій и Спиридонъ, ворочаютъ домой, на Тростяное озеро ѣдутъ охотники одни.

Въ самой усадьбѣ между тѣмъ у избы лѣсника проходилъ Павелъ. Сильно уже вечерело. У окна сидѣла Степа, съ работой въ рукахъ.

— Заходите, — проговорила она.

— Благодарю, — отвѣчалъ Павелъ и зашолъ, но видимо конфузился.

— Это вы, выходить, — заговорилъ было онъ.

— Я, выходить... играла его словами Степа.

— Эхъ, вы!.. Такъ и есть что... началъ было Павелъ, самъ не зная что говорить.

— Такъ и есть... я, такъ я и есть... не другая кто... продолжала въ томъ же тонѣ Степа. Между тѣмъ видно было, что она что-то во всемъ этомъ видѣла... потому что ее что-то какъ бы начинало на мѣстѣ потрогивать, какъ будто начинало чего-то изнутри въ лицо припаливать.

Въ короткое время дѣвушка, какъ видно, во многомъ успѣла новыроستي. Хотя въ ней много еще оставалось всей ея прежней неумѣлости и дѣтскости, но по однимъ умнымъ взглядамъ, по ея, показывающей настоящую понятливость во многихъ ве-

цахъ, усмѣшкѣ, далеко не похожей на прежнюю простую, безъ особеннаго смысла улыбку, видно было, что она проглянула на жизнь и что сама жизнь сказалась въ ней.

— Эхъ я, я!.. вздыхалъ Павелъ, сокрушаясь въ сторону.

— Что же вы? кто васъ?

— Никто-то насъ не любить.

— Отчего же никто?

— Никто.

— Почему знать...

Павелъ поглядѣлъ на Стешу... но потомъ опять отвернулъ глаза въ сторону.

— Нѣтъ, видно...

— Почему знать... говорила Стеша.

— Нѣтъ...

Павелъ помолчалъ. Стеша сидѣла за шитьемъ.

— Что же? такъ видно и будетъ?.. И проворно тронулъ ее въ плечо, тихонько двумя пальцами.

Стеша не отвѣчала. Поднятая ея рука съ иглой остановилась, голова наклонилась... Павелъ нагнулся къ ней, дѣвушка прерывисто дышала.

— Нѣтъ, вы меня не любите,—не переставалъ онъ допытываться, самъ не примѣчая того, что руки ея были въ его рукахъ, что когда тронулъ онъ ее въ плечо, она какъ-будто крѣпче жалась къ его прикосновенію, и что вся огнемъ горѣла.

— Не любите? — домогался онъ, упиваясь своимъ полнымъ счастьемъ. Онъ потянулъ ее къ себѣ, она передъ нимъ стояла...

— Еслибъ не любила, не то бы и было,—могла только сдѣлать Стеша и наклонилась горячимъ лбомъ своимъ ему ко лбу.

Оба они долго и сладко промолчали.

— И у васъ тутъ горячо?.. какъ и у меня тоже? проговорилъ Павелъ, прижимаясь самъ и прижимая ей рукою къ сердцу.

— Самый-крутой кипятокъ, — отвѣтила ему Стеша.

VIII.

Съ большимъ нетерпѣніемъ и необыкновенною для своей неторопливой природы поспѣшностью направлялъ шаги Спиридонъ къ Марьѣ Федотьевнѣ.

— Ну, Марья Федотьевна, какъ хочешь,—началъ онъ, вваливаясь въ горницу...

Марья Федотьевна взглянула на Спиридона и только повернулась и устала глаза въ уголь.

— Какъ, братъ, хочешь,—говорилъ Спиридонъ, разводя руками среди горницы и повидимому болѣе разсуждая самъ съ собою, чѣмъ обращая рѣчь къ тому, къ кому отнести хотѣлъ;—какъ, братъ, хочешь, а Стешу отдавай за меня за-мужъ.

Марья Федотьевна двинулась на мѣстѣ съ большимъ нетерпѣніемъ. Видъ ея показывалъ необыкновенную при встрѣчѣ Спиридона суровость.

Не говоря ни слова, она схватила Спиридона за полушубокъ и пихнула его въ затворенную дверь, въ чуланчикъ. Спиридонъ тамъ увидалъ Стешу...

Но сама Марья Федотьевна,—Спиридонъ вошелъ и не замѣтилъ, какова она была, въ какомъ образѣ: повязка на головѣ растрепана, на-сторону, глаза на челоуѣка не смотрятъ, изъ-подъ платка пряди волосъ выбились.

Стеша—она ли это или не она была—подъ глазами синяки заплыли, волосы какъ на подушкѣ вспухлые, сама, виѣсто платьишка, какую-то дерюгой накинута... Спиридонъ взглянулъ—и отшатнулся назадъ въ ужасѣ.

— На! бери ее, веди!—исторглось у матери съ дикостью...

— Веди ее! такая ей дорога, чертовкѣ!—И Марья Федотьевна кинулась—было опять на дочь съ кулаками. Дочь, въ страшной боли, закричала.

— Господи!.. могъ только произнести, въ недоумѣніи, Спиридонъ.—Что же это? скажите мнѣ, ради Бога!

Стеша, закрывшись, плакала.

— Бери ее, веди! Не дочь она мнѣ, не мать я ей больше!..

Марья Федотьевна узнала и допросила Стешу, что повелась она съ Павломъ...

Спиридонъ ушелъ отъ Марья Федотьевны убитый, потерянный.

Прошло времени еще годъ. У Марья Федотьевны съ прошлаго года осинки сѣдые въ волосахъ показались. Своего Павла—Вечеславъ Вечеславичъ прогналъ, за какую-то мошенническую проделку.

Стешу Марья Федотьевна заперла. Въ народѣ она пропустила славу, что она у ней «изурочена», «чорный глазъ» испортилъ.

И не слышно стало Марью Федотьевну ни съ дѣвчонками своими, ни на улицѣ.

Спиридонъ не смѣлъ къ нимъ уже ходить: Марья Федоровна гоняла его. «Не умѣлъ беречь», говорила она, находя, что онъ виноватъ въ томъ былъ. Спиридонъ, чтобы хоть дохнуть тѣмъ воздухомъ, прохаживалъ только мимо ихъ окошка. Иногда вечеромъ, посреди тишины и безлюдья, слышалась въ темнотѣ по улицѣ его, — заунывнымъ, съ дрожью, кучерскимъ голоскомъ выводящая, — пѣсня:

«Вспомни, вспомни, ма любезна,
 Мою прежнюю любо—
 о—у—овь,
 любовь!»

М. ПЕТРОВЪ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Преобразование университетовъ.—Пушкинская стипендія.—Отказъ въ новой волѣ.—Распоряженія по крестьянскому дѣлу.—Стремленіе поселянъ къ грамотности.—Омское общество бесплатнаго обученія.—Учрежденіе обществъ взаимнаго страхованія отъ огня.—Нѣсколько новыхъ постановленій.—Музыкальное училище.—Торговый застой.—Много ли русскихъ кушцовъ на здѣшней биржѣ?—Русскіе агенты и караваны въ Китаѣ.—Война откупа съ портерщиками.—Махинаціи полугарныхъ тузовъ.—Горе книгопродавцамъ!—Отчего наше пиво такъ горько?—Протестъ г. Крона.—Общество застрахованія жизни.—Критическое положеніе общества с.-петербургскихъ водопроводовъ.—Невыдача процентовъ — лучшая школа.—Горькое кредитное общество.—Саратовская желѣзная дорога.—Ссылка Михайлова въ каторжную работу.

Последнее время всѣ русскіе газеты и журналы занимались и занимается вопросомъ объ университетахъ. Поводомъ къ разработкѣ его послужили какъ вообще толки о предполагаемомъ преобразованіи этихъ учрежденій, такъ и «Замѣчаніе» Н. И. Костомарова на статью покойнаго А. С. Хомякова въ газетѣ «День»... И до сего часа рядъ разсужденій по этому вопросу жадно читается и пересчитывается лицами, сочувствующими дѣлу умственнаго и нравственнаго преусузданія нашего отечества; всѣ газеты непрерывно спѣшатъ высказаться и примкнуть къ одному изъ двухъ главныхъ мѣтій, заявленныхъ до-сихъ поръ:

должны ли университеты наши усовершенствоваться въ томъ видѣ, какъ они у насъ установились, составляя высшія учебно-воспитательныя заведенія съ корпораціею слушателей, или обратиться въ особыя учрежденія характера учебно-образовательнаго, безъ опредѣленныхъ слушателей? Возникновеніе и значеніе этого вопроса сдѣлается весьма понятно для каждаго, кто дастъ себѣ трудъ нѣсколько поглубже и повнимательнѣе взглянуть въ наше руссійское человѣчество всѣхъ сословій и ранговъ, безъ различія, и въ явленія его общественной жизни, хотя бы послѣдняго, кажись, нарочито-прогрессивнаго времени: поразительное отсутствіе въ массахъ просвѣщенія и образованія, отсутствіе того общечеловѣческаго развитія, которое дѣлаетъ человѣка не генераломъ или коллежскимъ ассессоромъ, не докторомъ медицины или юристомъ, а прежде всего и болѣе всего *человѣкомъ*; недостаточность воспитанія и—происходящія отъ всего этого—пустота жизни, повсюдное неуваженіе къ личности, неуваженіе къ собственному достоинству и закону и всѣ остальные «неуваженія», столь вредно дѣйствующія на общественный организмъ,—естественно, заставляють лучшихъ представителей русской мысли задуматься надъ усиленіемъ общечеловѣческаго элемента въ русской системѣ воспитанія. Усиленіе этого элемента въ образованіи можетъ и должно находить себѣ мѣсто въ университетахъ... Понятно, что въ минуту такого сознанія и должна произойти полемическая провѣрка ихъ дѣятельности, хотя до-сихъ-поръ въ этой полемикѣ, для качественного усиленія упомянутого элемента, борящимися сторонами совершенно упущено изъ виду количественное его увеличеніе, десмотря на то, что Сибирь, Кавказъ, Крымъ, Австралія и Саратовъ положительно нуждаются въ университетахъ.

Въ настоящую минуту дѣло преобразованія университетовъ въ полномъ правительственномъ ходѣ, для чего, по высочайшему повѣленію, предложено было прибыть въ С.-Петербургъ, въ началѣ декабря, попечителямъ тѣхъ учебныхъ округовъ, въ которыхъ находятся университеты, вмѣстѣ съ депутатами отъ университетовъ, столичныхъ — по два, а прочихъ по одному, изъ профессоровъ, по выбору попечителей. По прибытіи сюда этихъ лицъ, образована изъ нихъ, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника фон-Брадке, особая коммиссія, которая съ 7-го декабря начала и продолжаетъ, ожидаемо своей занятія. Составъ коммиссіи слѣдующій: предсѣдатель, пог

почетеля дерптскаго учебнаго округа *фон-Врадке*; члены: деканъ отъ дерптскаго университета проректоръ *фон-Эттингенъ*; попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, генераль-лейтенантъ *Филиппсовъ*; отъ с.-петербургскаго университета: профессора *Ленцъ* и *Никитенко*; попечитель московскаго учебнаго округа генераль-майоръ *Исаковъ*; отъ московскаго университета: профессора *Соловьевъ* и *Бабстъ*; попечитель казанскаго учебнаго округа князь *Вяземскій*; отъ казанскаго университета профессоръ *Осиповъ*; попечитель кievскаго учебнаго округа баронъ *Николаи*; отъ университета Св. Владимира ректоръ *Буше*; помощникъ попечителя харьковскаго учебнаго округа *Фойтъ*; отъ харьковскаго университета профессоръ *Пахманъ*.

Кончимъ эту статью отдѣломъ «Обозрѣнія» положеніемъ о *Пушкинской стипендіи*... О ней упомянуто бѣгло въ ноябрьской книжкѣ нашего журнала: Капиталъ стипендіи, *шесть тысячъ рублей*, остается навсегда неприкосновеннымъ. Проценты образуютъ *стипендію*. Выборъ и назначеніе стипендіата производится собраніемъ историко-филологическаго факультета. Въ стипендіаты избирается отличѣйшій по успѣхамъ и способностямъ недостаточный студентъ, окончившій первые два курса въ историко-филологическомъ факультетѣ. При двухъ или болѣе студентахъ, имѣющихъ равныя права на полученіе стипендіи, преимущество отдается, во-первыхъ, могущему находиться между ними уроженцу Псковской губерніи, во-вторыхъ, болѣе-недостаточному изъ конкурентовъ. Стипендіату Пушкина, окончившему курсъ со степенью кандидата и объявившему желаніе держать экзаменъ на степень магистра или доктора по историко-филологическому факультету, сохраняется право пользоваться стипендіею еще два года со времени окончанія курса. Стипендіатъ, не оправдавшій внаслѣдствіи выбора факультета, можетъ быть, по опредѣленію онаго, лишенъ стипендіи, которая затѣмъ и отдается достойнѣйшему изъ студентовъ новаго третьяго курса.

Крестьянское дѣло идетъ попрежнему... Какъ и прежде успѣшному ходу его и, въ особенности, составленію уставныхъ грамотъ препятствуютъ, между прочимъ распро-
странившіеся между крестьянами слухи и ожиданіе такъ называемой ими *новой воли* и *добавки*, или *новыхъ льготъ*, которыя они получаютъ будто-бы съ истеченіемъ двухъ лѣтъ со дня «Подоженія». Изъ послѣдовавшаго 2-го декабря циркуляра

министра внутренних дѣлъ начальникамъ губерній видно, что, для прекращенія помянутыхъ ложныхъ ожиданій, Государю Императору благоугодно было, во время путешествія въ Крымъ, неоднократно и въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ Его Императорскому Величеству были представляемы старшины обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ, лично разъяснять имъ сущность дѣла и напоминать о лежащихъ на нихъ обязанностяхъ. Государь Императоръ въ такихъ случаяхъ дозволялъ говорить крестьянамъ, что *никакой другой воли не будетъ, кроме той которая дана, и потому крестьяне должны исполнять то, что требуетъ отъ нихъ общіе законы и положеніе 19-го февраля*. Въ заключеніе циркуляра, министръ, по высочайшему повелѣнію, проситъ начальниковъ губерній сообщить мировымъ посредникамъ, чтобы они объявили о помянутыхъ высочайшихъ отзывахъ волостнымъ правленіямъ и, при всякомъ случаѣ, въ объясненіяхъ съ крестьянами положительно указывали на слова «которые крестьяне некоторыхъ губерній имѣли счастье слышать непосредственно отъ Государя Императора».

Независимо отъ сего, на представленіе некоторыхъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствій по вопросу: «какъ поступать, если крестьяне или уполномоченные ихъ отказываются отъ подачи актовъ, составляемыхъ мировыми посредниками, при новѣйшъ уставныхъ грамотъ, министерствомъ дано знать, что если при означенномъ отказѣ не предъявится крестьянами законныхъ возраженій, то слѣдуетъ ограничиваться подписью «добросовѣстныхъ» отъ трехъ до шести человекъ, независимо отъ засвидѣтельствованія посредника и подписи владѣльца имѣнія, или его уполномоченнаго, съ оговоркой, что со стороны крестьянъ «не было предъявлено законныхъ возраженій» и со внушеніемъ притомъ крестьянамъ, что затѣя они не имѣютъ права отказываться отъ исполненія возложенныхъ на нихъ по уставной грамотѣ обязательствъ.

Изъ другихъ мѣръ по крестьянскому дѣлу обязанностью считаемъ упомянуть о слѣдующихъ:

По возникшему въ одной изъ губерній вопросу: какимъ порядкомъ должно быть произведено дознаніе вины мирового посредника, предварительно представленій правительствующему сенату объ удаленіи его отъ должности и преданіи суду, высочайше повелѣно: сообщать начальникамъ губерній, для надлежащаго руководства, что предварительныя дознанія по жалобамъ на дѣйст-

вія мировыхъ посредниковъ, если губернское присутствіе признаеть эти жалобы заслуживающими уваженія, должны быть производимы, по опредѣленію присутствія, однимъ изъ членовъ оного.

Вслѣдствіе представленія начальника Костромской губерніи объ облегченіи помѣщиковъ, имѣнія которыхъ заложены въ кредитныхъ установленіяхъ, въ платежъ процентовъ, по случаю несвоевременнаго взноса крестьянами оброка, министр внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ, увѣдомилъ, что правительство озабочено изысканіемъ мѣръ, какія могутъ быть приняты для облегченія всѣхъ вообще помѣщиковъ въ уплатѣ банковыхъ и другихъ казенныхъ долговъ и въ устройствѣ хозяйствъ на новыхъ началахъ, и что дѣло по этому предмету приводится уже къ окончанію.

На вопросъ: кому должны принадлежать рекрутскія квитанціи, выданныя помѣщикамъ за дворовыхъ, министерство отозвалось, что такія квитанціи, по силѣ ст. 202 и 203 Общ. Полож., должны принадлежать или отдѣльнымъ семействамъ дворовыхъ людей, или сельскимъ обществамъ тѣхъ мѣстъ, при которыхъ они числились по ревизіи, на томъ основаніи, что дворовые съ крестьянами составляли одинъ рекрутскій участокъ. И тою же 203 статьею надлежитъ руководствоваться для разрѣшенія возникающихъ сомнѣній о томъ, кому должны тѣ квитанціи принадлежать: обществу или семейству дворовыхъ.

Наконецъ, по поводу ходатайства крестьянъ объ открытіи въ селеніяхъ училищъ для первоначальнаго образованія дѣтей, постановлено, что эти ходатайства, впредь до утвержденія по сему предмету особыхъ правилъ, должны быть утверждаемы губернскими присутствіями, съ тѣмъ, чтобы преподаваніе закона Божія принималъ на себя кто-нибудь изъ священниковъ; а обученіе грамотѣ, письму и первымъ правиламъ ариметики поручать какъ священникамъ, такъ и другимъ лицамъ, и особенно волостнымъ писарямъ, какъ одно изъ условій найма ихъ въ эти должности.

Вообще, нельзя пройти молчаніемъ утѣшительнаго факта, что въ послѣднее время замѣчается повсемѣстно стремленіе крестьянъ обучаться и обучать ихъ юное поколѣніе грамотѣ... Въ этомъ случаѣ могли бы очень много сдѣлать общества распространенія грамотности и комитеты грамотности... Но, къ сожалѣнію додѣсь одни изъ нихъ, новидимому, не заняты ничѣмъ, —

по-крайней-мѣрѣ гласно о своей дѣятельности нигдѣ не заявляютъ; а другіе витають въ области фантазій, что почти тождественно съ операціями первыхъ.

Въ виду этихъ «чающихъ движенія воды» учреждений, нельзя не пожелать сколь возможно болѣе энергии и практичности «омскому обществу безплатнаго обученія», образовавшемуся на разумныхъ, умѣренныхъ и доступныхъ для каждого основаніяхъ, какъ то видно изъ слѣдующаго: цѣль его—распространеніе грамотности и первоначальнаго образованія между жителями Омска. Для достиженія этой цѣли, открываются первоначально мужская и женская воскресныя школы, а потомъ, по мѣрѣ возможности, и всѣдневныя «для первоначальнаго образованія приходящихъ». Существованіе всѣхъ этихъ школъ обезпечивается обществомъ. Оно состоитъ изъ дѣйствительныхъ членовъ и членовъ благодѣтелей. Преподаваніе въ школахъ безплатное, и преподаватели—*дѣйствительные* члены общества. Лица же, содѣйствующія существованію школъ денежнымъ вспомошествованіемъ, начиная отъ *четыреехъ* руб. въ годъ, суть члены-*благодѣтели*. Основной капиталъ для открытія школъ образуется изъ добровольныхъ пожертвованій. Всѣ вопросы, относящіеся до школъ, рѣшаются въ «совѣтѣ», составленномъ только изъ *дѣйствительныхъ членовъ*. Общество этихъ членовъ выбираетъ изъ среды своей, закрытою баллотировкою, одного распорядителя для каждой школы и къ нему помощника на четыре мѣсяца. Ежегодно бываетъ общее собраніе *всѣхъ* членовъ. Докладчики въ немъ—распорядители школъ. Контроль занятій въ школахъ предоставляется каждому посѣтителю: они вносятъ замѣчанія въ особныя на этотъ предметъ книги. Для доставленія обучающимся въ школахъ полезнаго чтенія, общество открываетъ даровую бібліотеку...

Въ «Обозрѣніи» за ноябрь, доводя до свѣдѣнія читателей объ учрежденіи «общества взаимнаго страхованія отъ огня въ уѣздахъ курляндской губерніи» мы выразили желаніе, чтобы и другія мѣстности царства русскаго послѣдовали примѣру курляндцевъ. Желаніе это сбывается ранѣе, чѣмъ можно было предполагать: и а дняхъ утверждень уставъ подобнаго же общества въ Лифляндіи и, вѣроятно, въ непродолжительномъ времени образуются такіа общества и во многихъ другихъ центрахъ. Ожиданіе это основывается на томъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ, съ высочайшаго соизволе-

ѣи, сообщило начальникамъ губерній «указанія» для разъясненія домовладѣльцамъ городовъ, посадовъ и мѣстечекъ пользы взаимнаго страхованія имуществъ отъ огня и различныхъ системъ сего страхованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ предложено владѣльцамъ: не пожелаютъ ли они учредить общества взаимнаго страхованія на слѣдующихъ началахъ: а) участіе въ страхованіи предоставляется на волю каждаго владѣльца; б) взаимное страхованіе можетъ быть «отдѣльное» по каждому городу, или «общее» по нѣсколькимъ городамъ; в) избраніе той или другой системы страхованія и начертаніе подробныхъ правилъ по страхованію зависитъ отъ владѣльцевъ; для чего и предоставляется имъ образовать изъ среды своей временныя коммиссіи изъ *трехъ* и даже *пяти* лицъ. Если же владѣльцы какого-либо города пожелаютъ учредить взаимное страхованіе въ соединеніи съ другими городами, то обязаны заявить объ этомъ губернскому начальству, которое, «по полученіи подобныхъ заявленій отъ двухъ или болѣе городовъ, разрѣшаетъ присылку въ одинъ изъ нихъ уполномоченныхъ отъ прочихъ для составленія проекта положенія»: г) для покрытія пожарныхъ убытковъ, превышающихъ годовую премію, можетъ быть, впредь до составленія запаснаго капитала, испрошенъ кредитъ изъ городскихъ и общественныхъ суммъ, по приговору общества, а гдѣ этого нельзя—изъ казны, въ размѣрѣ, соответствующемъ ссудамъ, производимымъ нынѣ въ пожарныхъ случаяхъ, то есть не свыше *одной трети* суммы убытковъ. Проектированныя на этихъ основаніяхъ, частныя положенія взаимнаго страхованія для каждаго отдѣльнаго города, посада, мѣстечка и т. п., или же для нѣсколькихъ вмѣстѣ, утверждаются министромъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ. Нельзя не пожелать, чтобы помннутыя «указанія» нашли себѣ пріютъ не въ однихъ «губернскихъ вѣдомостяхъ», но получили бы сколь возможно большую гласность, и чтобы въ общества взаимнаго страхованія вошли не только города и пригороды, но и села и деревни. Известно, что пожары у насъ бываютъ, такъ сказать, эпидемически: выгораютъ разомъ многія селенія цѣлкомъ, что называется *до-шла*. Неужели и теперь, при инициативѣ правительства къ учрежденію помннутыхъ обществъ и при пособіи казны на покрытіе убытковъ—стимулъ весьма не шаловажный—общественная дѣятельность въ этомъ отношеніи не воспрянетъ отъ сна? Ужь это будетъ, просто, *ни на што не похоже!*

Затѣмъ, прежде прочаго, полагаемъ обязанности сообщить читателямъ нѣсколько новыхъ законоположеній, не принадлежащихъ къ сферамъ, которыхъ мы касались:

Окружные генералы внутренней стражи, начальники дивизій и другіе «начальники», пользующіеся равною съ ними властью, могутъ предавать военному суду нижнихъ чиновъ изъ дворянъ и прочихъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, состоявшій за преступленія, по самому роду ихъ подвергающія виновныхъ суду и окончательно рѣшать слѣдственные дѣла, по которымъ обвиняемые изъ упомянутыхъ нижнихъ чиновъ будутъ подлежать наказаніямъ исправительнымъ безъ суда.

Земскіе исправники, назначаемые начальниками губерній — нѣсто увольняемыхъ ими, въ теченіе трехлѣтія между выборами, «по неблагонадежности» исправниковъ отъ дворянства, — должны оставаться въ сихъ должностяхъ лишь до *конца выборовъ* и затѣмъ мѣста ихъ могутъ быть замѣщаемы лицами «не избранію».

Уволенные «за штатомъ» чиновники морскаго вѣдомства не подлежатъ вѣднію морскаго начальства и военному суду за преступленія и проступки, учиненные ими «въ теченіе дароваго имъ льготнаго времени службы», а преслѣдуются и судятся за оныя по общимъ законамъ, не исключая и тѣхъ, о которыхъ дѣла возникли уже «производствомъ» въ означенномъ вѣдомствѣ, но еще не рѣшены окончательно.

До-сихъ-поръ «рядовые» еврейскаго вѣроисповѣданія могли быть производимы въ унтер-офицеры не иначе, какъ за отличіе въ сраженіяхъ противъ непріятеля, и на это «производство» испрашивалось высочайшее разрѣшеніе. Нынѣ же дозволено: рядовыхъ изъ евреевъ, остающихся въ ихъ вѣрѣ, производить въ строевые и нестроевые унтер-офицеры, въ томъ числѣ и писаря, на общихъ для производства всѣхъ прочихъ нижнихъ чиновъ въ унтер-офицерское званіе основаніяхъ, «но безъ права на производство въ военные офицеры и классные чины». По выслугѣ же въ унтер-офицерахъ десяти или двѣнадцати-лѣтняго срока, означеннымъ чинамъ могутъ быть предоставляемы, по удостоенію начальства, преимуществва, опредѣляемыя вообще для всѣхъ унтер-офицеровъ. «за отказъ отъ производства въ офицеры и чиновники», но выдержаніемъ обыкновеннаго экзамена, установленнаго для этого производства.

Садятся, повзлечено-больныхъ, умалишенныхъ, престарѣлыхъ, драхлыхъ и калекъ, какъ замуженныхъ, такъ и злыхъ, по-
становлено отсылать въ богадѣльни приказовъ общественнаго
приказанія и производить на нихъ женитьбу отъ казны «солдат
свѣй паекъ».

Воспрещено войскамъ требовать отвода отъ землетра пастбищъ
для собственныхъ офицерскихъ верховыхъ лошадей, такъ-какъ
эти лошади довольствуются фуражомъ круглый годъ отъ прови-
антскаго управленія, и, вслѣдствіе того, вѣрно прекратить пе-
ревалку, возбужденную военными начальниками объ означен-
номъ отводѣ, а также и требованія, возникшія со стороны
гражданскихъ ведомствъ о возвратѣ отъ войскъ фуража на
деньги, отпущенныхъ взаимѣ помянутыхъ пастбищъ.

Отмѣнены денежные сборы, учрежденныя въ 1831 году, въ
пользу С.-Петербурга и Москвы, за право торговли въ оныхъ
скотомъ.

Наконецъ, отмѣнено правило троекратной публикаціи въ въ-
домствахъ «объ отъѣздѣ за границу», и мѣстамъ и лицамъ,
отъ которыхъ зависитъ выдача вообще отъ казенныхъ въ чужіе
края свидѣтельствъ, «о неимѣніи имъ тому свидѣтельствъ», постав-
лена въ обязанность: выдавать подобныя свидѣтельства безот-
говорочно, если не были предъявлены или не поступили на
отмѣненныя, въ установленномъ порядкѣ, въ тѣ мѣста или
къ тѣмъ лицамъ, по дню выдачи «свидѣтельствъ», законныя
требованія отъ частныхъ кредиторовъ, или отъ правительствен-
ныхъ мѣстъ и лицъ.

Всѣ эти постановленія, безспорно, внодѣ заслуживающія об-
щаго вниманія и сочувствія, не нуждаются въ комментаріяхъ.

Не слѣдуетъ также забыть, что въ С.-Петербургѣ, при «Рус-
скомъ музыкальномъ обществѣ», учреждено, съ высочайшаго
созволенія, «училище для обученія музыкальному искусству во
всѣхъ его отрасляхъ». Оно, это училище, наравнѣ съ обще-
ствомъ, состоитъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ
Ее Императорскаго Высочества великой княгини Елены Павлов-
ны. Въ училищѣ будутъ преподаваться: пѣніе, игра на фортепи-
ано и на всѣхъ инструментахъ, входящихъ въ составъ оркестра,
теорія композиціи и инструментовка, исторія музыки, эстетика
и декламация. Преподаваніе должно быть, по возможности, на
русскомъ языкѣ. На комитетъ русскаго музыкальнаго общества
возложена заботливость, чтобы учащіеся получали въ училищѣ,

сверхъ музыкальнаго образованія, и необходимыми свѣдѣнїя въ русскомъ языкѣ, начальныхъ основанїяхъ исторїи и географїи и были бы достаточно ознакомлены съ русскою литературою. Поступать въ училище могутъ мужчины и женщины *всѣхъ сословїй* не моложе четырнадцати лѣтъ. Высшїй курсъ продолжается не болѣе шести лѣтъ. Въ училище поступаютъ лишь приходящіе ученики; сверхъ того, могутъ пользоваться преподаванїемъ и всѣ желающїе *вольные слушатели*. Каждый изъ обучающихся долженъ посвятить себя изученїю того или другаго предмета, или предмета, *предпочтительно*; но, во всякомъ случаѣ, обязанъ учиться хорошему пѣнію, игрѣ на фортепьяно, исторїи и эстетикѣ музыки. Для учениковъ и вольнослушателей устанавливается ежегодная плата. Ученики, окончившіе съ полнымъ успѣхомъ курсъ, установленный для училища, и выдержавшіе опредѣленный экзаменъ, получаютъ званїе «свободнаго художника». Это же званїе могутъ получить и лица, необучавшіеся въ училищѣ, но выдержавшія окончательный въ немъ экзаменъ. Учрежденїемъ этого училища исполненъ важный пребыль въ системѣ образованїя и положено начало будущей «музыкальной консерваторїи» въ тѣхъ видахъ и размѣрахъ, въ какихъ они существуютъ въ другїхъ, старѣйшихъ намъ по развитїю, странахъ Европы.

Теперь обратимся къ мїрангѣ: торговому, промышленному и акціонерному.

По с.-петербургской биржѣ — совершенно затнѣе какъ по привозу, такъ и еще болѣе по отпуску; праздники, въ нѣкоторомъ размѣрѣ, хотя, конечно, для многихъ далеко невольны... Къ прежнимъ причинамъ застоя присоединилась новая, и весьма сильная: ожиданїе англо-американской войны. Въ Ригѣ то же. На одну Одессу это «ожиданїе», на первыхъ порахъ, повліяло недурно: состоялось нѣсколько значительныхъ сделокъ съ хлѣбомъ, и по высшимъ цѣнамъ прежнихъ цѣнамъ, но потомъ опять все смолкло. Въ Москвѣ «равномѣрно» тишь; только въ половинѣ декабря проявилось кое-какое движенїе: подошли большїе транспорты съ сахаромъ и сахарнымъ квасомъ изъ Кіева, Харькова, Тулы, Ровна и Варшавы, и сдѣлано много продажъ бумажныхъ товаровъ.

Усыпленїе по отпускной торговлѣ даетъ полный просторъ спекуляціи, оцѣнкѣ и отлаженїю фактовъ, совершившихся до закрытія навигаціи. Факты эти, стоя нымъ «на республїкѣ оборъ»

паніи», положительно убѣждаютъ въ несправитѣльнѣ, въ какихъ нѣ торговали... Здѣсь разумѣется, впрочемъ, одна с.-петербургскія биржа, такъ-какъ объ операціяхъ другихъ немечные результаты пока не выяснены. Минувшій годъ былъ далеко несправитѣльнѣ, а нынѣшній и его «перещеголялъ», по-крайней-мѣрѣ по отпуску. «Вѣдомость товарамъ по с.-петербургской таможи пошланныхъ къ вывозу очищеннымъ» гласитъ, что съ 1 января до 1 ноября сего года всего очищено оныхъ по цѣнѣ на сумму до 46,748,000 руб., а въ 1860 году, въ тотъ же періодъ времени, на сумму до 51,721,000 рублей. Значитъ, почти на пять милліоновъ рублей недодовывезено... Особенно мало, въ сравненіи съ прошлымъ годомъ, требовались: желѣзо, каменіи и веревки старыя, кожи коровьи и телячьи, раяндукъ, полотно салфеточное широкое, холстъ хращъ, пенька, сале сѣмя льняное, хвосты бѣличьи, щетина и хлѣбъ, а немалое количество въ семъ году отпущено его 158,444 четверти, а въ минувшій 482,753 четверти. Впрочемъ были артикулы, по которымъ отпущъ и возростъ. Къ такимъ относятся: льняная нитка, масло конопляное, пряжа и нити пеньковыя, пуша козья, медъ красная не въ дѣлѣ, и преимущественно—*котаны* и *жукоры германскія*. Въ 1860 году вывезено первого 369,276 пудовъ, и послѣднихъ 9,823 штуки, а въ нынѣшнемъ — первого 585,115 пудовъ и германскія 187,247 штукъ. *Полуматериаловъ* ушло за море 1,099,257 штукъ... По привозу движеніе вообще было не слабѣе прошлогодняго, а по многимъ статьямъ — сильнѣе: наиболѣе замѣтно усилился привозъ бумажной пряжи и нѣдѣлѣй, корки пробочной, полотна, шпіаутера, сыры горячій, перчатекъ кожанныхъ, соли, шелковыхъ, полушелковыхъ и шерстяныхъ издѣлій.

Любопытенъ и назидателенъ списокъ господъ негодіантовъ, производящихъ заграничный торгъ при с.-петербургскомъ портѣ: по хлѣбу изъ тридцати пяти фирмъ только шесть русскія, остальное все англичане и прочіе *чуждыя*; по щетинѣ изъ двадцати пяти фирмъ — русскія три, и по «хвостамъ и гривамъ конскимъ» изъ восемнадцати фирмъ—русская одна... Прощитаніе торговли русскаго — несомнѣнное... А сколько пренебреженій обращено къ именитому родному купечеству насчетъ необходимости непосредственнаго участія въ заморской — очевидно далеко не невыгодной—коммерціи!.. Сколько нагляднѣйшихъ доказательствъ представлено, что, при настоящихъ путе-

вмѣхъ и достачникъ другикъ многообразныкъ къ развитію торговли промслахъ, только «посредственное участіе» и можетъ сколько-нибудь выдвинуть ее изъ положенія застоа и спачки, въ которомъ она уже много лѣтъ обрѣтается. Ничто, къ сожалѣнію, не помогаетъ! И вошь заграничнымъ дѣломъ орудуютъ, какъ сло, какъ двести лѣтъ тому назадъ—и конечно долго еще будутъ орудовать—почти исключительно иностранцы...

Курсъ съ начала декабря сильно понизился, не принесъ, впрочемъ, намъ ощутительнаго облеченія: приди оно это «пониженіе» полтора мѣсяца раньше—можно бы отличныя дѣла сотворить съ русскими артикулами, преимущественно съ хлѣбомъ!... Отъ покупки его здѣсь удерживалъ чужеземцевъ собственно и единственно неестественно высокій въ ту пору курсъ... А какъ великъ недоборъ отъ насъ за море продуктовъ, видно изъ того, что, напримеръ, въ Англію въ этомъ году по 1 ноября привезено пшеницы изъ Россіи 1,145,000 четвертей, а изъ другихъ мѣсть 6,655,000 четв., лѣсу изъ Россіи 232,000 ластовъ, изъ другихъ мѣсть 2,332,000 ластовъ... Тягаться-то намъ съ другими мѣстами было трудно... Впрочемъ, отъ помянутой *бэсса* и иностранцамъ пришлось несовсѣмъ сладко, ибо съ наступленіемъ зимы обыкновенно идутъ расчеты по доставкѣ сюда заморскихъ статей; а для нихъ, для этихъ расчетовъ, заграничнымъ благодѣтелямъ нанимъ безспорно выгодноѣ, чтобы курсъ здѣсь былъ выше, чѣмъ слѣдуетъ... Оттого они значительно повесѣдѣли, когда, въ половинѣ декабря, ни съ того, ни съ сего, курсы опять стали идти вверхъ...

Обороты фондами и акціями весь этотъ мѣсяць были самые слабые; только на акціи страховыхъ отъ огня обществъ явились требованія, и цѣны держались изрядныя. Прочія и не сбывались и не возвышались, а нѣкоторыя такъ постоянно дешевѣли: такъ, акціи *Главнаго общества російскихъ жезельныхъ дорогъ* дошли до 109 рублей, а въ Парижѣ до 397 франковъ, облигаціи до 83%; акціи *общества с.-петербургскихъ водопроводовъ* отдавались 45 рублей ниже пари...

Читателямъ, конечно, извѣстно, что въ мартѣ нынѣшняго года хихтинское купечество отправило въ Китай агента И. А. Нерпина, съ помощникомъ, для наблюденія за ходомъ русской торговли въ Пекинѣ, Тяньзинѣ, Тунджеу, Ургѣ и другихъ городахъ и ярмаркахъ. Агенту вѣнено въ обязанность: собирать возможно-полныя «по предметамъ своей агентуры» свѣдѣнія,

оказывать нашимъ коммерсантамъ, имѣющимъ наѣзжать въ Поднебесную имперію, всяческое содѣйствіе, установить почтовые сношенія Пекина съ Кяхтой и обучить пятерыхъ посланниковъ съ ними, Нерпинымъ, мальчиковъ китайскому языку. Въ последнее время получены свѣдѣнія объ отправленіи перваго каравана изъ Кяхты въ Ургу, ламайскій или буддійскій монастырь, мѣсто-пробываніе первосвященника Кутухты, въ двухъ верстахъ отъ Маймачина. Каравану мѣстное начальство отвело помѣщеніе. Монголы со всѣхъ сторонъ наѣхали покупать русскій товаръ; впрочемъ покупали и китайскіе купцы, но немного. Вообще же спросъ былъ такъ великъ, что потребовалось отправиться за новыми партіями и въ концѣ мая пошло туда уже *четвертый* караванъ купца Парамонова съ шолкомъ, каленкоромъ, нитками, сукномъ, сатиномъ, ластикомъ, ножами и желѣзными подносами. На возвратномъ пути караваны свободно покупали лошадей и нанимали верблюдовъ подъ кирпичный чай... Великое значеніе столь обширнаго предпріятія, какъ торговля съ Китаемъ, и важность удачи или неудачи на первомъ шагѣ въ этомъ дѣлѣ—очевидны... Отъ купечества нашего теперь стоить заставить овладѣть торговлею и на всѣхъ прочихъ доступныхъ Россіи китайскихъ рынкахъ, устроить удобныя сообщенія съ индусами, войти съ ними въ тѣсныя связи, ознакомиться съ ихъ потребностями и удовлетворять имъ точно, честно и добросовѣстно. А въ заключеніе остается пожелать, чтобы и дипломатическіе наши агенты приняла русскіе торговые интересы какъ можно ближе къ сердцу и придавали имъ гораздо больше значенія, въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ они пользовались въ глазахъ сихъ лицъ даже до послѣдняго времени...

Но возвратимся къ «Бѣлокаменной». Тамъ рѣшительно идетъ война откупщиковъ съ портерщиками, вследствие которой открыто болѣе 130 пивныхъ лавокъ при питейныхъ домахъ ожидаютъ сильнаго ограниченія пивоваренія, а отсюда — недостатка дробины или пивной гущи. А какъ гущу; въ свою очередь, покупаютъ окрестные крестьяне для корма скота — что особенно способно бы давъ имъ въ настоящую голодную для послѣдняго пору — то нѣтъ ничего удивительнаго, что мужички вынуждены будутъ продавать скотину мясникамъ... Затѣмъ кто станетъ снабжать матушку Москву шолокомъ и сливками?.. Откуда москвичамъ брать дрожжи?.. Все это вопросы далеко не неважны... И виною всему — откупъ, влияя, от-

купчая среда... Докинь впливнє ея на народъ вообще, вслѣдствіе разныхъ злоупотребленій—взять доподлинно и досконально извѣстнахъ—весьма вредно во всѣхъ отношеніяхъ. Провѣдшиишее правительство, вполнѣ сознавая это и руководствуясь современными требованіями, сдѣлало все, чтобы положить пределъ откупному злу, нисколько не отступая предъ призракми ущерба въ государственномъ доходѣ, на счетъ котораго—т. е. ущерба—тщались было рыцари откупа представить ему самыя спеціальныя виды... Правительство, говоримъ мы, рѣшилось измѣнить систему управленія цитейными сборами. Всѣ радовались, рукоплескали этой реформѣ. Всѣ думали: «еще годъ и откупъ ее дѣломъ его прелестями сдѣлается достояніемъ исторіи...» А во справкѣ оказывается: «не тутъ-то было!..» Откупъ и не думаетъ умирать. Съ нимъ совершается лишь метаморфоза, пощающая, говоря вообще, весьма мало надежды на близкое лучшее въ области, по поводу которой держимъ мы сію рѣчь. По видимому и въ 1863, а можетъ статься, при счастьи, и въ 1873 году откупныя продѣлки «и всякаго рода сивушныя похождения», какъ выразился «Русскій Инвалидъ», будутъ существовать, облеченныя въ «самыя законныя, якобы, формы...» Говорятъ, многіе изъ окушниковъ снимаютъ уже теперь винокурениныя заводы и заводряютъ вино у заводчиковъ, съ цѣлію открыть въ 1862 году въ обѣихъ столицахъ огромныя свалки вина, захватить такимъ образомъ въ свои «золотыя» руки монополию и запугать мелкихъ капиталистовъ, которые возникли бы дерзость конкурировать съ ними... Этого мало: откупщики уже двое начинаютъ нанимать, съ огромными наддачами, должненика, гдѣ обрѣтаются лучшія и наиболѣе посѣщаемыя питейныя заведенія, да притомъ на нѣсколько лѣтъ... А чтобы торговцы мелочные держали вино высокую цѣну и назначали ее по указанію откупщиковъ, то тѣ же «трехиробныя сивушныя герои» предполагаютъ предоставить мелочную торговлю служащимъ при откупѣ должностнымъ лицамъ, которыя всѣ «сродняцы, братія по духу, друзья и обычій знаемія» откупныхъ принципаловъ. Этимъ «лицамъ» милостивцы ихъ «даруютъ» равныя льготы, съ обязательствомъ покупать вино не иначе, какъ въ ихъ принципальныхъ заводахъ... Извѣстный откупщикъ—прогрессистъ—литераторъ г. Кокоревъ, тоже, сказываютъ, устроиваетъ въ Москвѣ оптовый складъ водки въ собственномъ домѣ; у самыхъ водъ «Москвы-рѣки», близъ Замоскворѣцкаго моста.

Само собою разудается, что всѣ сіи и вышерѣченныя тонныя приукрашенныя распоряженія творятся скрытно, коварно, незаметно. Тѣмъ не менѣе снѣсть тайны, иже не лажедъ... На этомъ основаніи и здѣсь те и другое изъ упомянутыхъ «спеціальныхъ» распоряженій доходить до общаго свѣдѣнія... И крайне полезно и желательно бы, чтобы эти полугарни матеріи являлись въ печать столь возможно вѣрныя и подробныя и сколько возможно въ большемъ количествѣ...

Извѣстно, что 12 будущаго января начнутся въ технодогическомъ институтѣ, назначенныя по распоряженію министерства финансовъ, *безмаломыя* чтенія «о винокуренномъ, пивоваренномъ и медоваренномъ производствахъ и другихъ техническихъ предметахъ, входящихъ въ кругъ занятій должностныхъ лицъ будущаго казанскаго по штройному сбору управленія». Всего чтеній предположено четырнадцать; они будутъ происходить по четвергамъ, въ семь часовъ вечера. Билеты на посвященіе чтеній можно получать въ департаментѣ податей и сборовъ, съ 2-го января съ 12 до 4 часовъ пополудни, кромѣ праздничныхъ дней. Такія же чтенія полагаютъ открыть и въ Москвѣ, и тоже въ январѣ. — Здѣсь, въ С.-Петербургѣ, будетъ читать намѣнутыя лекціи г. профессоръ Ильинъ и намѣренъ новоявить слушателей во всѣ тайны, которыми до-сихъ-поръ владѣли почти исключительно откупные агурь... Нечего и говорить, что водочныя тузы въ страшномъ негодованіи какъ за это «намѣреніе», такъ и за оглашеніе журналистикою вышерѣченныхъ «заарандованій» и прочаго, и, говорятъ, въ особомъ «экстренномъ» собраніи положили: «не покупать книгъ, гдѣ упоминаются слова: откупъ, откупщикъ, кабакъ, штофъ, шупъ, спеціальная и т. п.»... Вотъ страдася бѣда надъ книгопродавцами!..

По связи съ предъидущимъ считаемъ невозможнымъ прѣйти молчаніемъ поднятый прессою интересный вопросъ: *стечено лише пиво такъ горько?* Его «возродитъ» огромный привозъ, въ послѣднее время, изъ-за границы рыболовной кокадовой ягоды. Ея въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи зовутъ: кукольванъ, кукованецъ и употребляютъ иногда для ловли рыбы, хотя это запрещено закономъ. Кукольванъ содержитъ въ себѣ бѣлое, кристаллическое, весьма горькое и обладающее сильными наркотическими свойствами, вещество *микротоксинъ* или *кокулинъ*. Малый пріемъ его причиняетъ головокруженія и дурноту; большой—смерть. Отваръ кокадовыхъ ягодъ имѣетъ горькій вкусъ.

и омыляющія, или лучше сказать—*одуряющія* свойства, и даже въ малыхъ дозахъ оказываетъ вредное вліаніе на здоровье. И вотъ, привозъ сихъ ягодъ въ послѣдніе годы, преимущественно въ С.-Петербургъ, достигъ огромной пропорціи, а именно въ 1858 году очищено ихъ въ здѣшной таможенѣ болѣе миссачи *двухсотъ* пудовъ. Цѣна знатная!.. Между тѣмъ, сколько извѣстно, потребленіе ихъ въ медицинѣ самое незначительное. Бухгеймъ въ своей «Фармакологіи» говоритъ (часть 2-я стр. 651): «Чистый пикротоксинъ *до сихъ поръ еще не употребляется съ врачебною цѣлью*. Онъ вмѣстѣ со многими другими веществами, особенно съ алкалоидомъ, менисперминомъ, который не имѣетъ никакого важнаго дѣйствія, содержится въ кукольванѣ (*coccol Indici, Levantici*) отъ растенія *anagrita coccolias*, изъ семейства *Menispermaceae*, *прежде употреблялся* внутри противъ эпилепсій, а снаружи — противъ вшивости и коросты. Теперь же извѣстенъ только какъ одуряющее средство для рыбъ и съ этой цѣлью иъ уже съ давнихъ поръ пользуются въ Индіи. Иногда прибавляютъ его обманомъ также къ англійскому пиву»... Но и въ рыболовствѣ, какъ мы выше сказали, они запрещены. Куда же дѣвается оная тысяча пудовъ? Извѣстно, что отваръ кукольвана кладется въ пиво для придаванія ему большей крѣпости, что для заводчика очень выгодно, ибо сею ягодою можно замѣнить *три* хмѣля безъ измѣненія вкуса пива, и *одна* *фунтъ* ея идетъ вмѣсто *мужи* *четвериковъ* солода. Придавая пиву болшую, хотя и обманчивую крѣпость, понеже она не иное что, какъ *ядовитость*, пикротоксинъ оказываетъ ему и другую еще услугу: сообщаетъ «ващную» прочность, не подвергая вторичному броженію въ бутылкахъ. Мы полагаемъ, что обстоятельство: куда именно употребляется бездна прибывающаго изъ-за границы кукольвана—чрезвычайно важно для нашей народной гигиены, имѣющей и безъ того множество сильныхъ враговъ... Въ Англіи пивоварь, покусившійся разбавлять свой нектаръ отваромъ кукольвана, платитъ штрафу болѣе 1,200 рублей, а торговецъ, снабдившій его симъ зельемъ—3,000 рублей. Съ другой стороны намъ достоверно извѣстно, что въ «с.-петербургскомъ комитетѣ общественного здравія», еще въ одномъ изъ первыхъ засѣданій его, былъ уже возбужденъ вопросъ «о зловредныхъ подмѣсахъ» въ здѣшнемъ пивѣ. Чѣмъ онъ кончился—не вѣдаемъ. Но полагаемъ, что въ настоящее время, еслибы и дѣйствительно *употрали* насъ кукольваномъ — трудно понять

недѣлительности, а если и пейнаютъ—невозможно остано-
вить ихъ дальѣйшіе подвиги на этомъ поприщѣ... Остается од-
но средство пресѣчь зло: возвысить пошлину до того, чтобы въ
привозѣ кукольвана изъ-за моря обходился онъ гораздо дороже
нашего роднаго хмѣля, или, еще лучше, вовсе воспретить при-
возъ, опредѣляя сильныя взиманія за «тайное водвореніе» это-
го зелья...

Къ сему не лишнимъ считаемъ прибавить, что одинъ изъ
главныхъ здѣшнихъ пивоваровъ, А. И. Кронъ, заявилъ уже па-
тентно, что пиво, вывариваемое на заводѣ А. Кронъ и К^о, при-
готавливается изъ *иностранныя* (?) ячменя, *османскаго* хмѣля и
сильгрованной невской воды, «рѣшительно безъ всякой другоѣ,
какой бы то ни было, примѣси». Пиво это — здоровѣйшее изъ
всѣхъ напитковъ и употребленіе его въ послѣднихъ годахъ усла-
дилось во вредъ виноторговцамъ и откуну. Для удостовѣренія
на: не употребляется ли кукольванъ другими российскими пиво-
варами, вошелъ онъ, г. Кронъ, куда слѣдуетъ, съ прошеденіемъ
и выдачѣ свидѣтельства: кѣмъ именно привезена вышенаписанная
ягода? «Наирѣзъ *дослѣдовать*: кому она поступила и о ре-
зультатѣ не преминетъ объявить въ газетахъ»... Любопытно,
что-то явится по сему дослѣдованію?.. Мы думаемъ, что и ми-
ну г. Крона не бесполезно бы «учинить дознаніе» по предмету
наводненія здѣшней столицы означеннымъ *фруктомъ*... А пока
едва ли не надлежитъ вообще съ большою осторожностію на-
слаждаться «здоровѣйшимъ изъ всѣхъ напитковъ»...

По дѣламъ акціонернымъ минувшій мѣсяцъ новаго принесъ
немного... Въ *Обществѣ застрахованія жизннннхъ дохо-
довъ и капиталовъ*, или, какъ обыкновенно оно зовется, *за-
страхованія жизни*, утверждены измѣненія въ уставѣ, и меж-
ду прочимъ, вопервыхъ, предоставлено военнымъ людямъ и всѣмъ
служащимъ по военному и морскому вѣдомствамъ, сверхъ обы-
кновеннаго страхованія, застраховывать себя и отъ особыхъ
опасностей, сопряженныхъ съ родеиъ службы въ военное вре-
мя. Въ этихъ случаяхъ страховая премія увеличивается: для слу-
жащихъ по военно-сухопутному вѣдомству—десятью, а по мор-
скому—двадцатью процентами противъ обыкновенной. Необхо-
димымъ условіемъ при этомъ страхованіи то, что оно можетъ
быть заключено «только во время мира съ европейскими дер-
жавами». Другое измѣненіе касается *пожоронннхъ денегъ*. По-

ложено: требовать лишь свидѣтельство мѣстной полиціи и священника о естественной смерти страхователя и затѣмъ выдавать деньги *немедленно* предъявителю полиса. Присемъ нельзя не замѣтить, что, къ сожалѣнію, мы, русскіе, весьма мало знакомы съ учрежденіями страхованія жизни, въ высшей степени полезными для людей недостаточныхъ, для обезпеченія судьбы вдовъ, сиротъ и вообще лицъ близкихъ, для огражденія ихъ отъ лишеній и горя, очень часто бывающихъ послѣдствіями внезапной смерти. Въ Англіи, въ странѣ практической попреимуществу, страхованіе жизни извѣстно уже болѣе ста лѣтъ; число подобныхъ обществъ простирается тамъ до трехсотъ и въ нихъ застраховано капиталовъ до 1,500 миліоновъ рублей. Въ другихъ европейскіихъ странахъ учрежденія эти существуютъ смикомъ тридцать лѣтъ, воздѣ оказывая благотѣльное вліяніе. У насъ же, несмотря на двадцати-четырёхлѣтнее существованіе общества, понятіе о страхованіи жизни развито весьма слабо и цѣна страхователей далеко не такъ велика, какою бы ей слѣдовало быть по очевидной полезности учрежденія и по важности его въ экономическомъ отношеніи для очень и очень многихъ... Это сознаетъ само общество, и потому въ послѣднемъ годичномъ собраніи, правленіе его обратилось къ акціонерамъ съ просьбою—содѣйствовать успѣху учрежденія, «распространяя въ кругу знакомыхъ свѣдѣнія о пользѣ его». Не отвергая удобства ознакомленія публики съ дѣломъ страхованія жизни этимъ путемъ, нельзя не замѣтить, что для «дѣйствительнаго» успѣха необходимы и иныя мѣры, и въ числѣ ихъ—*уменьшеніе страховыхъ премій*, которыя гораздо выше заграничныхъ. Объ этомъ обстоятельствѣ не разъ заявлялось печатно, и въ послѣднее время даже изъ внутреннихъ губерній Россіи, гдѣ также, наконецъ, начинаютъ знакомиться съ мыслью о благотѣльности этихъ устройствъ. Въ Англіи, напримѣръ, есть множество обществъ страхованія жизни, имѣющихъ дѣло почти исключительно съ людьми, крайне скудно надѣленными благами жизни, съ рабочими, ремесленниками и т. п., и несмотря на то, общества эти имѣютъ страхованій на миліоны рублей. За то и страховыя преміи понижены тамъ до-нельзя. Послѣдую этому примѣру, и «россійское» общество вѣрнѣе достигло бы желаемой цѣли. А теперь въ немъ страхованія, наиболѣе могущія интересовать *живыхъ*, именно пожизненныхъ пенсіоновъ и доходовъ не пред-

ставляютъ выгодныхъ условій, особенно для старшихъ возрастовъ. Напримеръ, лицо 40 лѣтъ, желая обезпечить женѣ своей пенсію въ 300 рублей—деньги, въ наше время, безъ сомнѣнія, крайне ничтожныя—должно или уплатить единовременно 1,556 р. 10 к., или вносить ежегодно по 113 р. 10 к. То и другое для человѣка бѣднаго—очень нелегко. Лицо 40 лѣтъ, желая получать съ наступленіемъ 50 лѣтъ пожизненный доходъ въ 500 рублей, должно или внести единовременно 4,602 рубля, или платить ежегодно, въ теченіе 10 лѣтъ, по 569 р. 50 к. Очевидно, что то же самое, и еще гораздо удобнѣе, можно сдѣлать, не входя вовсе въ связи съ обществомъ. Нѣсколько болѣе выгодны страхованія капиталовъ, выдаваемыхъ единовременно, или по смерти страхователя его наследникамъ, или кому онъ назначитъ, или же ему самому «по достиженіи извѣстнаго срока»; но и то—выгодны для людей до 40 и даже лишь до 35 лѣтъ. А для страхователей позднѣйшихъ возрастовъ и въ этомъ разрядѣ мало лестнаго. Также не невыгодны страхованія капиталовъ въ пользу малолѣтнихъ: деньги выдаются имъ по достиженіи совершенныхъ лѣтъ; ежегодные вносы полагаются здѣсь очень незначительные. Во всякомъ случаѣ предпріятіе общества, по цѣли, заслуживаетъ безспорно несравненно большаго сочувствія со стороны публики, нежели какое она ему до-сихъ-поръ оказывала, и нельзя не желать, въ видахъ пользы бѣдныхъ классовъ, чтобы знакомство съ страхованіемъ жизни и самое страхованіе распространялось возможно болѣе, преимущественно же одинъ родъ его, который мы, по безусловной выгоды его, даже можно сказать, по совершенной необходимости для очень и очень многихъ, смѣло рекомендуемъ небогатымъ русскимъ людямъ изъ чиновничьяго и нечиновничьяго сословія, именно страхованіе на всю жизнь до *пятиста* рублей или такъ называемыя *пожоронныя* деньги, о которыхъ упомянуто выше. Страхованія по этому разряду принимаются, отъ *пятидесяти* рублей, по врачебному свидѣтельству объ удовлетворительности состоянія здоровья *въ общемъ смыслѣ*. Преміи по сему страхованію дозволяется выплачивать погодно, и по четвертямъ года, что, конечно, для бѣдняковъ большое облегченіе. Лицамъ, которыя опасаются, что современемъ не въ силахъ будутъ работать, и чрезъ то лишатся возможности дѣлать дальнѣйшіе вносы, предоставлено вносить *высшую* противу прочихъ премію въ теченіе

десяти лѣтъ; по прошествіи ихъ взносы прекращаются, а право на полученіе похоронныхъ денегъ остается за страхователемъ *навсегда*. Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ страхованій: лицо 45-ти лѣтъ, желающее обезпечить себя на похороны 50 р., обязано вносить или 2 р. 4 к. ежегодно, или 3 р. 77 к. въ теченіе десяти лѣтъ; лицо 23-лѣтъ лѣтъ желающее имѣть 150 р. похоронныхъ денегъ, вносить или 3 р. 21 к. ежегодно, или десять лѣтъ по 7 р. 53 к.; лицо 60 лѣтъ, желая получить на похороны 200 рублей, обязано вносить или 14 р. 96 к. ежегодно, или десять лѣтъ по 21 р. 48 к.; лицо 40 лѣтъ, желающее, чтобы на его похороны выдали 500 рублей, вносить или ежегодно 17 р. 10 к., или десять лѣтъ по 34 рубля. Право, нельзя не изумляться разнѣру россійской безпечности, если вспомнить, какъ часто бѣдные люди, — да и одни ли бѣдные? — при похвальномъ обычаѣ жить спустя рукава, безъ малѣйшихъ попеченій не только о болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, но и объ «утрѣ» — умираютъ, не оставляя послѣ себя *на что похоронить*, тогда какъ подъ бокомъ у нихъ уже цѣлые десятки лѣтъ существуетъ учрежденіе, при посредствѣ котораго, за ничтожное ежегодное пожертвованіе или сбереженіе, возможное и для вѣчнаго «канцелярскаго» и для самаго простаго работника, вполне устраняются не только крайне непріятныя и тягостныя при смерти бѣдняка хлопоты о приличныхъ проводахъ его въ міръ лучшій, но и подается пособіе, по крайней мѣрѣ на первое время, осиротѣвшей семьѣ. Конечно, здѣсь, въ этомъ небреженіи о самихъ себѣ и объ имѣющихъ остаться послѣ насъ въ плачѣ и стenanіи, виною не одна безпечность, но и невѣдѣніе. Многіе ли знаютъ о *похоронныхъ* деньгахъ, по поводу коихъ держалась настоящая рѣчь? Безъ сомнѣнія, очень и очень немногіе, не только въ Петербурга, но и въ немъ самомъ. Въ заключеніе считаемъ долгомъ обратить на сей предметъ вообще, и на послѣдній родъ страхованія въ особенности — просвѣщенное вниманіе преподавателей воскресныхъ школъ. Распространеніе этихъ свѣдѣній между юнымъ поколѣніемъ рабочаго и ремесленнаго люда должно необходимо имѣть блага не только для членовъ этого поколѣнія, но и для отцовъ и дѣдовъ ихъ, послѣдствія.

Общество с.-петербургскихъ водопроводовъ, къ которому какъ нельзя болѣе пристало присловье: «на посулъ — какъ на

студѣ, а на дѣлѣ—какъ на ели», обѣщавшее чуть-ли еще не въ первый годъ своего существованія открыть водоснабженіе, пустить воду, кончало—виредь до будущей весны — тѣмъ, что прекратило впускъ воды въ трубы и объявило, что водоснабженія noneчъ не почнетъ... Судьбы его пречудесны: на полтора миліона капитала, который полагалось выручить раздачею пятнадцати тысячъ акцій, учредители—а съ ними и прочіе акціонеры—думали окончателно устроить сѣтъ водопровода во *сто семьдесятъ пять* верстѣ, поставить въ водоподземномъ зданіи шесть машинъ и открыть водоснабженіе; а между тѣмъ въ три года убили весь капиталъ, проложивъ кое-какъ лишь до *девяти* верстѣ и приобрѣта для зданія двѣ машины, да и тѣ довольно неудачныя, что доказываетъ заказъ, въ концѣ ноября, двухъ слѣдующихъ машинъ совсѣмъ иной противъ первыхъ конструкціи, именно первыя—прямого дѣйствія безъ коромысла, съ маховымъ колесомъ—*надв* машинами, а нынѣ заказанныя—прямого же дѣйствія, но съ коромысломъ для сообщенія движенія маховому колесу и съ расположеніемъ сего послѣдняго *у пола* зданія; зданіе же это придется устроить внѣ водоподземной башни, особо, что потребуетъ немаловажнаго, вовсе непредвидѣннаго расхода! Сіе зданіе должно будетъ также служить «въ родѣ контрфорса» для самой башни, осѣдающей, какъ извѣстно, вовсе неравномѣрно... Сверхъ того потребуются весной большія издержки на исправленіе спаевъ, изъ которыхъ, конечно, еще не одна сотня дастъ течь, судя по тому, что при впускѣ воды осенью, въ Литейной части, изъ нижняго бака башни и подѣ далеко неполнымъ напоромъ прорвало болѣе двухсотъ спаевъ... Что же будетъ при впускѣ *болѣе сильно*?... Но что именно будетъ — почтенная публика всеконечно увидитъ. Теперь же происходитъ вотъ что: капитала у общества къ новому году, — за покрытіемъ всѣхъ платежей, — рѣшительно не останется ни шелега... Правленіе, въ виду сей пріятности, думало было угостить господъ акціонеровъ сюрпризомъ въ родѣ *воложско-донскаго*; но, убоясь вѣщаго ропота, послѣ недавнихъ, — въ послѣднемъ общемъ собраніи и до онаго, — не совсѣмъ пришедшихся понутру имъ, акціонерамъ, махинаціи, рѣшилось на пассажъ безпримѣрный — именно выдавать проценты не только за прошедшее время, но и за *будущее*: проценты слѣдовали съ 17 мая по 17 ноября сего года, а ихъ съ сего послѣдняго дня вы-

даютъ по 1-е января 1862 года... За то, какъ бы въ вознагражденіе себя за сію щедрость, правленіе конглоковало двѣнадцать акцій, не оплаченныхъ въ срокъ взносами, что доставить ему около тысячи рублей... И то—деньги, коли средства существованія, что называется, висятъ на волоскѣ... Что уготовано обществу впредь — извѣстно единому Подателю судьбы, хотя, собственно говоря, едва ли на что-либо хорошее пока—и притомъ, вѣроятно, довольно долго—можетъ оно разсчитывать, въ чемъ, конечно, не преминетъ убѣдиться будущая ревизія дѣйствій правленія и «положенія предпріятія вообще», если только, разумѣется, она, эта ревизія, не будетъ составлена, какъ часто бываетъ, изъ *своихъ*... Тогда, конечно, послѣдуетъ донесеніе успокоительнаго свойства, что «все обстоитъ благополучно»...

Впрочемъ, по поводу выдачи процентовъ на внесенный акціонерами для осуществленія предпріятія капиталъ, обязываемся сказать, что вообще такая система весьма нераціональна. Собирается капиталъ, и изъ него же, не ожидая открытія операцій по предпріятію, для котораго вносятся деньги, выдаютъ акціонерамъ проценты... Иллюзія, равносильная перекладыванію денегъ, одною и тою же «особью», изъ одного кармана ея платя въ другой, и ведущая, между прочимъ, къ тому, что, во-первыхъ, сумма, предназначенная на осуществленіе предпріятія, всегда оказывается для того короткою, требуется выпускъ дополнительныхъ акцій, или заемъ; а во-вторыхъ, какая бездна хлопотъ для акціонеровъ, работы для правленія по разсчету процентовъ и пр!... Не разумнѣ ли: рѣшась устроить какое-нибудь предпріятіе, внести на это деньги, и безъ разсрочки взносовъ, а разомъ всѣ, затѣмъ ждать, пока предпріятіе пойдетъ въ ходъ, и тогда уже приниматься за полученіе процентовъ, то есть дивиденда .. Здѣсь, кромѣ неумаленія основнаго капитала во время устройства дѣла, кромѣ избѣжанія хлопотъ, сопряженныхъ съ нераціональною мѣрою, по поводу которой мы держимъ сію рѣчь, есть еще другая существенно хорошая сторона: теперь акціонеръ, внеся деньги въ сокровищницу компаніи, по большей части ровно ни о чемъ не думаетъ, какъ только лишь о полученіи процентовъ «по истеченіи полугодія»... А тамъ на счетъ всего остальнаго ему рѣшительно нѣтъ никакой заботы: есть правленіе, есть многодумные господа директоры, есть еще

болѣе глубокомысленныя наблюдательныя комитеты... Что жъ ему, акціонеру-то, прилагать особое попеченіе?.. Положимъ, что подчасъ — и очень часто — директоры не знаютъ дѣла и вовсе не занимаются онымъ; положимъ, что дѣло иной разъ — и нерѣдко — начинаютъ устроить съ хвоста, а не съ головы, и самыя денежки расходуется какъ попало и на что попало, положимъ, наконецъ, что устройство тянется вдвое и втрое долѣе, нежели какъ вначалѣ изволятъ обѣщать обязательныя компанейскія власти, всегда чрезвычайно щедрыя на посулы и крайне нерасточительныя на исполненія... Не взпрая на все сіе, чего печалиться акціонеру? Онъ аккуратно получаетъ проценты и даже иногда *впередъ*, какъ это днесь творится въ обществѣ водопроводовъ — спокоенъ и доволенъ; больше ему ничего не надо... Тѣмъ не менѣе сіи «спокойствіе и довольство» — будучи очень хорошими вещами сами по себѣ — *an und für sich* — крайне вредны для дѣла... А не получай акціонеры процентовъ «впередъ до нущенія предпріятія въ ходъ» — совсѣмъ другая была бы исторія... Тогда эти господа, теперь столь безразличныя — стали бы сами вникать *въ суть* дѣла, ближе знакомиться съ нимъ, слѣдить внимательнѣе и зорче за дѣйствіями господъ препоставленныхъ, за тѣмъ — куда летать ихъ кровныя, акціонерскіе копейки и рубли... Тогда, при некрасивыхъ пассажахъ по акціонернымъ дѣламъ, при неурядицахъ, подобныхъ вышечисаннымъ и многихъ другихъ еще горшихъ, акціонеры не разъ прикрикнули бы на своихъ уполномоченныхъ, сирѣчь директоровъ и наблюдателей: «мы внесли деньги, отказались отъ приращенія ихъ въ ожиданіи золотыхъ горъ отъ дѣла — а вы такъ медленно, безпечно, безобразно, исполняете долгъ свой!.. Смотрите, господа, извольте исправиться! А не то — *ало машыр!*.. Оно дѣло-то и зашагало бы... Результаты-то, изъ десяти разъ девять, вышли бы несоравненно удовлетворительнѣе настоящихъ... Съ истинною сего, полагаемъ, каждый согласится... Намъ вообще сильно сдается, что введеніе во многіе изъ компанейскихъ уставовъ пункта о процентахъ учинено именно съ цѣлію — отводить глаза акціонерамъ... И мы совѣтовали бы участникамъ будущихъ компаній, принявъ во вниманіе вышечисложенное, въ видахъ какъ собственной пользы, такъ и пользы дѣла вообще, настоять, чтобы означенный пунктъ не вводился въ уставъ, и прибыль прямо бы начиналась дивидендомъ... Здѣсь нѣкоторое временное по-

жертвованіе съ избыткомъ вознаградится быстрѣйшимъ и рациональнѣйшимъ устройствомъ дѣла, а слѣдовательно и оугубшии пр.былями отъ него впоследствии...

С.-Петербургское городское кредитное общество продолжаетъ, пока, преуспѣвать. До половины декабря сумма привлеченныхъ въ оное къ залoгу имуществъ, простаралась до *двадцати мильоновъ* рублей, и уже начался приѣмъ объявленій и документовъ на имущества, долженствующія служить обезпеченіемъ ссудъ. Срокъ выпуска первой серіи облигацій назначенъ 1-го марта 1862 года. По нимъ будутъ улачиваемо *пять* процентовъ въ годъ; такіе же проценты обязаны вносить и заемщики за полученныя ими ссуды, независимо, разумѣется, отъ денегъ, слѣдующихъ въ погашеніе. Во внутренней организаціи общества сдѣлано одно измѣненіе противъ первоначальнаго предположенія, именно, рѣшено *не имѣть* особаго управляющаго дѣлами общества, вслѣдствіе изъявленнаго весьма многими желанія, чтобы въ сношеніяхъ членовъ общества съ правленіемъ было, по возможности, устранено всякое посредствующее постороннее лицо. На этомъ основаніи ближайшее завѣдываніе дѣлопроизводствомъ въ правленіи принялъ на себя одинъ изъ директоровъ. Содержаніе назначено въ годъ: директорамъ по 3000 рублей каждому, съ тѣмъ, что, по минованіи годичнаго термина, въ который должны обнаружиться кругъ дѣйствій общества и его средства, означенная цифра будетъ увеличена по умотрѣнію общаго собранія. Бухгалтеру правленія положено 3500 рублей въ годъ, завѣдывающему облигаціонными операціями — 3000 руб., и казначею 2000 рублей. Цѣновщикамъ и архитекторамъ имѣетъ идти въ вознагражденіе совокупно двѣ трети суммы, какая будетъ слѣдовать съ заемщиковъ въ полу-процентную единовременную премію, «съ дѣйствительно-провѣденной имъ ссуды.» Изъ этихъ *третьей* одну опредѣлено отдѣлять въ пользу цѣновщиковъ, а другую въ пользу архитекторовъ, съ предоставленіемъ тѣмъ и другимъ раздѣлять причитающуюся сумму по взаимному соглашенію, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ недоразумѣній при семъ раздѣлѣ, оныя были разрѣшаемы окончательно правленіемъ. Желающіе получить ссуды должны представить: а) требуемое § 17 устава общества свидѣтельство 2-го департамента о.-петербургской палаты гражданскаго суда; б) генеральный планъ земли съ строеніемъ; детальныя планы

этажей, фасады лицевые и надворные и разрѣзы строеній; в) полисъ, а если имѣніе заложено и полисъ не у владѣльца, то свидѣтельство о послѣднемъ вносѣ страховой преміи въ то общество, гдѣ имуществу застраховано отъ огня, и г) вѣдомость о получаемомъ съ имущества доходѣ. Все, что мы здѣсь приводимъ, изъяснено правленіемъ общества въ журналахъ общихъ собраній, которые опубликованы *во всей подробности*, за что нельзя не принести дѣятелямъ общества полнѣйшей признательности... Не мѣшало бы очень многимъ прочимъ нашимъ обществамъ взять сіе въ примѣръ... А то ужъ они что-то слишкомъ замолчались, пользуясь апатією господъ акціонеровъ, съ которыми, какъ видно, что ни дѣлай—все имъ небольно...

Совѣтъ управленія общества саратовской желѣзной дороги тоже едва-ли не принадлежащій къ сектѣ «молчалниковъ», составилъ проектъ новаго устава общества и сводъ мнѣній по вопросу: куда вести дорогу, то есть, на Козловъ или на Моршанскъ. Ради сего приглашаетъ онъ акціонеровъ въ общее собраніе въ Москву 27 января, въ субботу, въ часъ пополудни. Для полученія права присутствовать въ собраніи, акціи, свидѣтельства на акціи и довѣренности должны быть представлены и здѣсь и въ Москвѣ до 17 января. Съ этого же числа въ «Бѣлокаменной» откроются, для прочтенія, бумаги и документы по означеннымъ предметамъ, и, сверхъ того, 24 и 25 января «съ шести часовъ пополудни» залы правленія будутъ готовы принять желающихъ «для предварительныхъ частныхъ совѣщаній...» Желательно, чтобы господа акціонеры допытались при семъ, у кого слѣдуетъ: въ какомъ вообще положеніи дѣло устройства дороги? Какъ и что творится на ней? Скоро ли доведутъ чугунку-то хоть до Коломны? И правда-ли, что дальне Коломны она не пойдетъ?...

Въ заключеніе «Обозрѣнія» упомянемъ, что—какъ видно изъ «Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи» — 14 сего декабря, въ 8 часовъ утра, назначено было публичное объявленіе, на площади, предъ Сытнымъ Рынкомъ, что въ Петербургской части, отставному губернскому секретарю Михайлу Михайлову, высочайше-утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта, коимъ опредѣлено: Михайлова, виновнаго въ злоумышленномъ распространеніи сочиненія, въ составленіи котораго онъ принималъ участіе и которое имѣло цѣлью возбудить бунтъ про-

тивъ верховной власти, для потрясенія основныя утробленія государства, но осталось безъ вредныхъ послѣдствій, по причинамъ, отъ Михайлова независящихъ, лишивъ всякъ прелезъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ, на шесть лѣтъ.

ФЕЛЬТОНЪ.

Участь фельетониста.—Г-жа Гебгартъ съ собачкой и академія художествъ съ маскарадомъ.—Возвращеніе г-на Бурдина на сцену.—Эманципація дѣтей.—Гг. Федоровъ и Вольфъ.—Предвозвѣщеніе новой зари для дамъ.—Неблагодарность людская.—Новое литературное чтеніе и новый спектакль.

Въ противоположность нашему другу, юному фельетонисту, такъ обширно и о такихъ высокихъ предметахъ разсуждающему, я, старый фельетонистъ — истасканный, истрепанный, какъ старый вляча... Фельетоны мои въ высшей степени пошлы; но еслибы читатель зналъ, съ какимъ трудомъ выжимаю я ихъ изъ моей головы, онъ бы къ нимъ питалъ поболѣе сочувствія. Вотъ и теперь: пиши, говорятъ, а у меня и въ головѣ рѣшительно ничего нѣтъ, да на бѣду еще вчера выпилъ: она, проклятая, трещить... но дѣлать нечего, не я первый, не я послѣдній; пушусь на авось. Начинаю: «При развитіи общества изъсамого себя, при столь разнообразныхъ вкусахъ, всѣмъ этимъ, такъ сказать, законнымъ требованіямъ...» а дальше-то и не знаю къ чему бы все это свести... Больше нечего, какъ сказать: «всѣмъ этимъ требованіямъ соотвѣтствуетъ и масса удовольствій: начиная съ собачки г-жи Гебгартъ (г-жа Гебгартъ рѣшительно наша фельетонная благодѣтельница... при всей скудной платѣ, мною получаемой, я около двухсотъ р. въ годъ на нее выписываю—ну и отъ нее тоже кой-что пере-

падаетъ. (Продолжаю однако): «начиная съ собачки г-жи Гебгартъ, ни какъ неуступающей третьягодняшней ей собачкѣ) нынѣшняя, говорятъ, когда вы чихните, такъ дѣлаетъ вамъ книженъ»), начиная съ этого милаго творенія до высоко изящнаго маскарада художниковъ, — все есть! Что касается послѣдняго удовольствія, то оно не совсѣмъ обыкновенно въ Петербургѣ. Представьте себѣ почти тысячную толпу масокъ, и какихъ масокъ! русскую вѣдму, русскаго дурака, феи, королеву, мороженника, лампу и даже, говорятъ, перчатку; наконецъ, въ заключеніе всего этого, арлекинаду, сочиненную гр. Соллогубомъ и представляющую борьбу живописи съ фотографіей. Сначала они ссорятся, а потомъ ихъ миритъ амуръ-мужчина вершковъ десяти росту и въ два охвата толщины». Ничего этого, читатель, я, конечно, не видалъ и, можетъ быть, страшнѣйшимъ образомъ вру; но что жь дѣлать, всѣ мы, вѣдь, такъ пишемъ: мы даже книги разбираемъ, не читая ихъ, а услышишь какъ кто-нибудь поумнѣе скажетъ что-нибудь о какой-нибудь книгѣ, сейчасъ это и запишешь.

Въ театрахъ я тоже не бывалъ и не бываю и въ настоящемъ случаѣ могу только поздравить читателя, съ пріятною новостью, что на сцену александринскаго театра снова возвратился и вступилъ нашъ высокодаровитый артистъ Бурдинъ. Нужно ли говорить о громѣ рукоплесканій, которымъ былъ привѣтствуемъ отъ публики сей милый артистъ? Есть слухи, довольно достоверныя, что въ нынѣшній сезонъ онъ будетъ играть «Короля Лира». Его прекрасная наружность, какъ нельзя болѣе пойдетъ къ величественной осанкѣ короля-изгнанника...

Впрочемъ, Богъ съ нимъ, со всей этой суетой людей взрослыхъ; обращаюсь лучше, послучаю наступленія праздниковъ и ълокъ, къ невинному и юному человѣчеству.

Милыя дѣти! — восклицаю я, — вы живете въ счастливое для вашего возраста время: слышали-ли вы, что въ воскресныхъ школахъ разнымъ замарашкамъ-мальчикамъ и дѣвочкамъ, по правиламъ великаго педагога и сердцевода Павлова, говорятъ: вы... Что за дѣло, что эти глушья созданыца вовсе не понимаютъ этой вѣжливости и даже она ихъ больше пугаетъ, и что они гораздо лучше учатся у какого-то крякуна-помѣщика и полковыхъ унтеръ-офицеровъ, чѣмъ у самыхъ современныхъ молодыхъ; всѣ эти маленькія противорѣчія ничего не значать: былъ бы соблюденъ законъ вели-

кой гуманности. Собственно о васъ и говорить нечего: вамъ, конечно, очень хорошо извѣстно, что васъ совершенно ужь не будутъ сѣчь, и если какой-нибудь варваръ-родитель, а еще возможноже того—варварка-родительница вздумаетъ, по своимъ грубымъ привычкамъ, васъ подсѣчь, вы можете прибѣгнуть къ благодѣтельному средству гласности и напечатать о нихъ. «Да насъ и такъ не сѣкутъ, отвѣчаете вы; но намъ бы хотѣлось игрушекъ, вѣхать бы въ гостинной дворъ, закупить бы тамъ книжекъ, картинокъ...» Желаніе ваше совершенно законно и ваши родители, проникнутые такимъ глубокимъ попеченіемъ о васъ, конечно, не откажутъ вамъ въ подобныхъ нустыяхъ. «Ахъ! въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ! (восклицаете вы): мой папенька всѣ деньги затратилъ въ акціи, которыя теперь даромъ не берутъ; а мой папенька служить въ конторѣ, которая теперь уничтожается и остается за-штатомъ; а мой папенька издаетъ журналъ, у котораго на нынѣшней годъ полтора подписчика; а моя маменька, вмѣсто шести тысячъ рублей серебромъ, получила изъ деревни только письмо отъ старосты.» Такъ, прекрасно: все это я понимаю; но какое вы выведете изъ всего этого заключеніе? Во-первыхъ, то, что вамъ надобно быть умнѣ вашихъ папенокъ и маменекъ, не лѣзть въ дѣла, которыхъ не понимаешь, не дѣлать изъ себя только чиновника, ни на что болѣе, кромѣ службы неспособнаго; не надѣяться на мужицкіе оброки. «А развѣ папаша и мамаша наши виноваты, что ихъ такими дѣлали?» — спрашиваете вы, въ вашей невинной простотѣ. Виноваты, отвѣчаю я. «Всякій человѣкъ, по плохому-ли темпераменту, по невѣжеству-ли своему, но всегда виноватъ въ томъ, что съ нимъ дѣлаютъ. Вамъ тоже, вѣроятно, попадетъ въ жизни много тасокъ и трепокъ и хоть положено васъ въ дѣтствѣ не подсѣкать, но я никакъ не ожидаю, чтобы изъ васъ вышли львы; вы тѣ же еще ослята, и потому запасайтесь побольше терпѣніемъ; не хватйтесь за большое, а дѣлайте пока маленькое, но хорошенько: кто, напримеръ, въ вашемъ отечествѣ написалъ больше всѣхъ скверныхъ дѣтскихъ книжекъ? — Борисъ Федоровъ. Такъ... Но кто больше всѣхъ распродалъ прекрасныхъ дѣтскихъ игрушекъ? — Маврикій Вольфъ. Одинъ непосламя взялся за очень серьезное дѣло и не достигъ успѣха, а другой дѣлалъ маленькое дѣло—и нажилъ деньги.

Та же высокая гуманность, окрестившая всѣхъ черномазыхъ

мальчиновъ въ смъ и избавившая всѣхъ васъ навсегда отъ розогъ, заботится также и о вашихъ маменькахъ. — У васъ, шафринъръ, Костя Пимасовъ, папенька строгъ? — «Строгъ!» — А у васъ ш-ле Marie, тоже? — «Тогда строгъ». — «И у васъ, Петя Жуковъ?» О, нѣтъ! у меня маманъ папу иногда палуесть, а иногда и по щекамъ бьетъ». — Прекрасно: къ вашему возрасту, т. е., когда вы сдѣлаетесь мужьями, вы всѣ должны будете водить на папеньку Жукова и, по учению эмансипации, вамъ предстоитъ еще нѣкоторыя другія подробности, которыя вы теперь дѣтскими вашимъ умомъ и не поймете еще: у вашей супруги будетъ тогда, во-первыхъ, вы—мужъ, во-вторыхъ, любимый ею любовникъ, въ-третьихъ, любовникъ, который ее любитъ. Въ отношеніи Петербурга, въ этомъ нравѣ вѣроятно восполсѣдуютъ весьма маленькія измѣненія: въ лицѣ любящаго любовника всегда долженъ быть начальникъ ея мужа, а въ особѣ любимаго любовника—молодой подчиненный, какой-нибудь коллежскій секретарь или поручикъ, болѣе крѣпкій тѣломъ, чѣмъ духомъ. — Дальше мнѣ, конечно, слѣдовало говорить объ литературѣ, но съ одной стороны я и не понимаю этого дѣла нисколько, да и не слышалъ ни отъ кого ничего. Побѣгу на Невскій, по книжнымъ магазинамъ, не услышу ли тамъ чего нибудь. Объягалъ, Тургеневъ, говорятъ, написалъ новый романъ «Отцы и дѣти», Островскій—драму «Мининъ», Гербель ничего не написалъ, подписка вездѣ идетъ подлѣющая: Всѣ, кажется только и жаждутъ читать, что «Сына Отечества».

Вотъ, почтенные читатели, все, что я зналъ; но сами согласитесь, что этого слишкомъ мало для мѣсячнаго фельетона и потому я, по необходимости, долженъ врать. Начинаю:

«Говорятъ, въ видахъ освобожденія петербургскихъ собакъ отъ намордниковъ, будетъ данъ литературный вечеръ съ такого рода объявленіемъ, что «вотъ де мы, литераторы, глубоко сознавая, до какой степени наши произведенія, наши физиономіи, наши голоса даже, надобно почтеннѣйшей публикѣ и не желая уже въ настоящемъ случаѣ болѣе испытывать ея великодушнаго терпѣнія, предложили заявить ей свои новыя, не совѣмъ, можетъ быть, ей извѣстныя качества. Программа новаго литературнаго вечера будетъ такова: 1) Гг. Майковъ и Дружининъ, по своему геркулесовскому тѣлосложенію, будутъ представлять забавы великановъ, т. е. кидать трехпудовыя ша-

рами, подымать 12-ти пудовыя палпы, останавливать за одно колесо четверку лошадей. Гг. Писемскій и Аскоченскій, въ самой задушевной между собою бесѣдѣ, будутъ первоначально предаваться около четверти часа размышленіямъ, а потомъ соленымъ судакомъ стануть подкрѣплять свои бранныя тѣла, при чемъ, по преимуществу, г. Писемскій будетъ съ истиннымъ восторгомъ заивать эту скудную пищу чистой невиской водой, кидая взоры презрѣнія на стоящіа невдалекѣ отъ него ростбѣи, устрицы, портеръ, и портвейнъ. Г. Панаевъ, съ полнѣйшимъ спокойствіемъ джентльмена, будетъ, въ присутствіи всей публикѣ, считать свои, собственно ему принадлежащіа, 500,000 сер., а г. Некрасовъ, по своей столь глубоко-переживаемой любви къ бѣднымъ и несчастнымъ, будетъ, съ самоуслажденіемъ, играть съ выгнаннымъ кадетомъ въ свои козыри, и даромъ. Г. Гончаровъ, окруженный племянниками и внучатами, будетъ первымъ раздавать деньги, а вторыхъ держать и баловать у себя на колѣняхъ, кормить ихъ манной кашкой, при чемъ она будетъ падать ему на брюки и все это онъ будетъ принимать съ величайшимъ наслажденіемъ. Съ г. Гербеля будутъ рисовать портретъ Виктора Эммануила. Г. Никитенко будетъ читать рѣчь о простотѣ слога. Г. Краевскій будетъ, своимъ мелодическимъ голосомъ, пѣть романсъ собственнаго сочиненія:

«О, сколь душою вѣжной
«Я человечество любилъ.»

Газета «День», не желая имѣть съ петербургскими литераторами ничего общаго и въ то же время стремясь, въ укоръ севернымъ славянамъ, представить южнаго славянина и патріота, намѣрена передѣлать новѣсть Тургенева «Наканунъ» въ драму и воставить ее на сцену, при чемъ роль Инсарова будетъ исполнять г. Палаузовъ, муштина далеко не безъ пріятностей для женскаго пола.

Однако, сжапись, читатель!.. врать даже больше не могу! хоть ради праздника Христова, извини и позволь этотъ день провести въ семействѣ съ дѣтьми, а не окаяннымъ образомъ писавши фельтонъ.

Старая фельтонная вляча,
Никита Безрыловъ.

ПОЛИТИКА.

1. Очеркъ засѣданій туринскаго парламента.

Второе открытіе засѣданій парламента не отличалось той пышной обстановкой, какая придана была первому собранію представителей соединенной Италіи. При второмъ открытіи парламента не было даже прочитано тронной рѣчи, вопреки повсюду введенному порядку въ подобныхъ случаяхъ. Министерство барона Риказоли нашло, что королю Виктору Эммануилу нельзя было въ настоящее время обратиться къ парламенту съ общими только выраженіями насчетъ дѣлъ внѣшней политики и что между тѣмъ выразить положительно свои политическія стремленія ему было бы неудобно и даже невозможно, не поселить новыхъ недоумѣній и разногласій между собою и императоромъ французомъ. Вслѣдствіе этого, министерство прибѣгло къ уловкѣ, объявивъ, что настоящій парламентскій сезонъ есть не что иное, какъ только продолженіе сезона, закрытаго въ началѣ минувшаго лѣта, и такимъ образомъ оно пріискало какъ будто благовидный предлогъ къ тому, чтобы откровенный Викторъ-Эммануилъ не наговорилъ въ парламентѣ такихъ вещей, отъ которыхъ бы пришлось потомъ его министерству и отречься и отписываться.

Депутаты явились далеко не всѣ. Даже въ концѣ засѣданій, вмѣсто полнаго комплекта 443 депутатовъ, ихъ было всего въ наличности только 205. Тѣмъ не менѣе, однако, засѣданія туринскаго парламента важны въ томъ отношеніи, что они въ общемъ очеркъ, а и иногда даже во многихъ частностяхъ, обнару-

жили положеніе Италіи, какъ во внутреннемъ, такъ и во внѣшнемъ отношеніи, и показали образъ мыслей главныхъ двигателей итальянскаго дѣла. Въ засѣданіяхъ парламента чередовались то послѣдовательно, то сбивчиво, толки о римскомъ вопросѣ, объ отношеніи Италіи къ Франціи, о положеніи неаполитанскихъ провинцій, о военныхъ силахъ сардинскаго королевства и о денежныхъ дѣлахъ, столь важныхъ для всякой страны и въ особенности для перерождающейся Италіи. Ко всему этому прибавилось много отдѣльныхъ эпизодовъ, обрисовавшихъ положеніе министерства Риказоли относительно представителей итальянской націи. Вышняя сторона настоящихъ засѣданій была сходна съ подобными собраніями, бывающими въ другихъ государствахъ. Въ залѣ парламента слышались то ропотъ, то одобреніе, то вдругъ и то и другое смѣшивалось и сливалось вмѣстѣ въ какой-то неопредѣленный гулъ, надъ которымъ господствовали порою шиканье, порою рукоплесканія. Здѣсь проявлялись также порывы сдерживаемаго негодованія или внезапное изумленіе. Короче, здѣсь было все то, въ чемъ обыкновенно высказываются парламентскія страсти при обычномъ, а не чрезвычайномъ разборѣ государственныхъ дѣлъ.

Засѣданія палаты были открыты 20 (8 ноября) предъявленіемъ документовъ по римскому вопросу, составленныхъ барономъ Риказоли, о которыхъ мы уже говорили подробно въ предшествовавшей обзорѣнн и, слѣдовательно, находимъ теперь возможнымъ не останавливаться на этихъ актахъ.

По прочтеніи этихъ документовъ, одинъ изъ представителей, г. Цуппета, изъявилъ желаніе сдѣлать министерству вопросъ насчетъ положенія неаполитанскихъ провинцій, — вопросъ, безъ всякаго сомнѣнія, занимающій первое мѣсто послѣ вопросовъ римскаго и венеціанскаго.

Президентъ палаты г. Ратацци, не уклонился прямо отъ отвѣта на этотъ вопросъ, но замѣтилъ только, что, по его мнѣнію, было бы благоразумнѣе не волновать напрасно страну печальными подробностями событій въ неаполитанскихъ провинціяхъ. Г. Цуппета не принялъ, однако, въ уваженіе этого замѣчанія и требованіе его, при довольно-сильномъ шумѣ, было поддержано нѣкоторыми депутатами, изъ среды которыхъ г. Феррари настаивалъ на томъ, что въ неаполитанскихъ провинціяхъ существуетъ междоусобная война. Только по желанію значительнаго большинства членовъ, г. Цуппета согласился, послѣ нѣкотораго упорства, отложить свой вопросъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ приступлено къ преніямъ по римскимъ дѣламъ.

Такимъ образомъ, кромѣ представленія документовъ, составленныхъ барономъ Риказоли по римскому вопросу и нѣкоторыхъ навадокъ на министерство, подѣ предлогомъ, что оно намѣрено по-

давать свободу парламентских прений, первое собраніе второго парламентскаго сезона не представляло ничего замѣчательнаго.

Во второмъ засѣданіи одинъ изъ депутатовъ, г. Корреали просилъ дозволенія предложить королевскому правительству только нѣсколько вопросовъ о состояніи неаполитанскихъ провинцій; Г. Ратацци согласился на это. Тогда г. Корреали прочиталъ длинную рѣчь, въ которой изложилъ причины происхожденія разбоевъ въ южной Италіи. Главной причиной этого явленія онъ считаетъ не приверженность населенія къ Бурбонамъ, во имя которыхъ составляются разбойничьи шайки, но страшную бѣдность, испытываемую тамошнимъ населеніемъ. По этому г. Корреали просилъ правительство доставить работу многочисленнымъ фабрикамъ, которыя принуждены были остановить свое производство и прекратить платежи фабричнымъ. вмѣстѣ съ этимъ г. Корреали предложилъ правительству обратиться съ просьбой къ французскому кабинету объ удаленіи изъ Рима Франциска II, вприски котораго главнымъ образомъ поддерживаютъ волненія въ цѣлой Италіи.

Въ отвѣтъ на эти предложенія, г. Ратацци положительно объявилъ, что королевское правительство не пренебрежетъ никакими средствами для того, чтобы достигнуть полнаго и скорѣйшаго спокойствія въ южныхъ провинціяхъ. Итальянское правительство, — сказалъ президентъ — обратилось уже къ французскому съ настоятельными предложеніями. Я съ удовольствіемъ могу объявить, что мы можемъ быть совершенно-довольны сочувствіемъ Франціи къ нашимъ усиліямъ, которыя въ свою очередь клонятся къ достиженію этой цѣли. Отвѣтъ намѣстничества въ неаполитанскихъ провинціяхъ господствовали въ томъ твердомъ убѣжденіи, что подобная мѣра можетъ много содѣйствовать дѣлу нашего единства.

Что же касается предложенія г. Корреали насчетъ доставленія работъ фабрикамъ, пришедшимъ въ разстройство, то, по мнѣнію г. Ратацци, правительство не должно пренебрегать этой мѣрой, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно распространить подобную мѣру на всѣ провинціи вновь образованнаго королевства. Исключительность въ этомъ случаѣ, — замѣтилъ г. Ратацци, — могла бы имѣть прискорбныя послѣдствія. Отъ цокровительства фабричной промышленности, президентъ перешолъ къ другой сторонѣ народнаго быта. Съ той минуты, какъ я нибудь честь занимать важную должность министра, — добавилъ онъ, — я ежедневно получаю изъ Неаполя письма, наполненные жалобами на судопроизводство въ этой странѣ. Съ цѣлью убѣдиться лично въ справедливости этихъ жалобъ, мой почтенный товарищъ, министръ юстиціи, отправился въ южныя провинціи, и я не сомнѣваюсь, что если злоупотребленія, о которыхъ упомянуто въ этихъ письмахъ, действительно существуютъ, то онъ не замедлитъ принять противъ нихъ надлежащія мѣры».

Какъ бы въ противоположность той кроткой уступчивой мѣрѣ, на которую указалъ г. Корреали, какъ на средство для усвоения южныхъ провинцій, г. Липати предложилъ осадное положеніе. «Я не стану утверждать, — сказалъ онъ, — что предложеніе мое соответствуетъ требованіямъ справедливости, такъ какъ я и самъ желаю, чтобы факты опровергли его; но я замѣчу только, что я предложилъ осадное положеніе вовсе не для того, чтобы раздражить умы этой мѣрой, а только въ томъ убѣжденіи, что правильные военные суды, скорѣе гражданскихъ, могли бы возстановить въ краѣ порядокъ. Это убѣжденіе оправдывается и словами г. президента, относящимися къ судоустройству. Повторяю, я не хотѣлъ раздражить населеніе, но желаю только измѣнить управленіе, неудовлетворяющее требованіямъ страны».

Возраженіе противъ мнѣнія г. Липати касательно учрежденія военныхъ судовъ принялъ на себя не кто другой, какъ военный министръ.

«Весьма прискорбны эти факты, — сказалъ онъ, — касаясь судебной части въ неаполитанскихъ провинціяхъ, но я могу объявить, что чиновники, оказавшіеся въ нихъ виновными, уже уволены отъ должностей. Что же касается разбоевъ, то нельзя упорять правительство за то, что оно приняло противъ нихъ строгія мѣры. Строгости въ этомъ случаѣ нельзя избѣгать точно такъ же, какъ невозможно вступить правительству въ какія-нибудь сдѣлки съ разбойничьими ватагами. Правительство рѣшилось употребить въ дѣю все средства, данныя ему закономъ для истребленія разбойниковъ, и, чтобы достигнуть этой цѣли, оно послало въ Неаполь предписаніе—дѣйствовать со всевозможной энергіей. Позвольте мнѣ сказать теперь, — продолжалъ далѣе военный министръ, — что я не думаю, чтобы разбойничество было такъ распространено на югѣ, какъ многія полагаютъ, и чтобы оно требовало учрежденія военныхъ судовъ. Журналы преувеличиваютъ его размѣры и я, съ своей стороны, отдаю предпочтеніе донесеніямъ военныхъ начальниковъ, а не газетнымъ отчетамъ».

За тѣмъ военный министръ охарактеризовалъ дѣйствія разбойниковъ тѣмъ, что они врасплохъ занимаютъ какое-нибудь селеніе и, захвативъ въ немъ добычу, спѣшатъ далѣе. Слѣдя за разбойничествомъ по географической картѣ, легко видѣть его незначительныя размѣры, для не имѣющихъ же подъ рукою карты размѣры эти увеличиваются только вслѣдствіе быстрото перехода одной и той же разбойничьей шайки съ мѣста на мѣсто.

«Въ настоящее время на примѣръ, — замѣтилъ министръ, — говорятъ, что въ окрестностяхъ Потенцы находится 2000 разбойниковъ; а между тѣмъ, въ депешѣ, полученной мною отъ

военнаго начальника въ Базиликатѣ, объявлено, что число ихъ не превышаетъ 250. Этими шайкама хотять также придать политическій характеръ; говорятъ, что онѣ хорошо - вооружены, знаютъ дисциплину и носятъ мундиры; мнѣ извѣстно, однако, что въ мундирахъ ходять только 100 человекъ. Я васъ спрашиваю, — можетъ ли такое число испугать публику?»

Видимый успѣхъ и вообще продолжительное упорство разбойничьихъ шайкъ военный министръ объясняетъ еще и тѣмъ, что имъ очень легко укрываться на Папской землѣ, гдѣ ихъ уже не могутъ преслѣдовать итальянскіе солдаты. Къ этому онъ прибавилъ, что подобное затрудненіе гораздо лучше будетъ устранено дипломатическими нотами, нежели военными распоряженіями. Военный начальникъ упоминаетъ, — добавилъ въ заключеніе министръ, — что 6000 карабинеровъ будетъ достаточно для наблюденія за спокойствіемъ окрестныхъ провинцій.

Особенный интересъ представляло третье засѣданіе парламента. Въ этомъ засѣданіи одинъ изъ депутатовъ, пользующихся большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ, просилъ собраніе выслушать его съ тѣмъ же вниманіемъ, какое оказывалъ ему покойный Кавуръ.

«Этотъ великій человекъ, — началъ г. Феррари, — любилъ подеминку. Когда я ему замѣтилъ, что не допускаю возможности сдѣлать изъ Рима столицу, онъ однако, не переставалъ меня выслушивать благосклонно. Кавуръ пользовался тогда большимъ вниманіемъ: онъ былъ Моисеемъ итальянскаго народа. Теперь онъ живетъ только въ храмѣ славы, — но мы живемъ въ дѣйствительности и должны просить у васъ отвѣта о томъ, что вы сдѣлали для достиженія великой цѣли, завѣщанной вамъ Кавуромъ? Вы написали три письма и въ одномъ изъ нихъ сказали, что Римъ, по многимъ причинамъ, нуженъ вамъ какъ столица Италіи. Могло ли французское правительство принять въ уваженіе ваше посланіе? Я очень хорошо могу представить себѣ, что подумалъ императоръ, по полученіи вашего письма. Во Франціи свобода вѣроисповѣданій существуетъ во всей полнотѣ, и потому я увѣренъ, что пресмнникъ Карла Великаго, безъ всякаго сомнѣнія, нашолъ дипломатическій документъ г. Риказоли слишкомъ слабымъ. Я готовъ спорить съ г. Риказоли, хладнокровно какъ съ богословомъ, но скажу ему, что въ запискѣ его не слѣдовало нападать на ученіе церкви, а необходимо было говорить о нарушеніи общественнаго мира и безопасности. Министръ высказалъ, между прочимъ, знаменитую мысль: свободная церковь въ свободномъ государствѣ; но у насъ нѣтъ ни свободы въ церкви, ни свободы въ государствѣ. Церковь была свободна только въ Римѣ, въ средніе вѣка, а свободное государство не знаетъ никакихъ тягостей, и стѣсне-

ній. Въ 1219 г. Папа Пасхалий II и императоръ Генрихъ V послѣ пятидесятилѣтней войны, заключили миръ, главнымъ условіемъ котораго было отреченіе папы отъ всѣхъ даровъ Пипина и Карла Великаго; онъ отрекся, однимъ словомъ, отъ свѣтской власти; но хотѣлъ, по прежнему, назначать епископовъ; это было сочтено измѣной и императоръ велѣлъ заключить папу въ тюрьму. Дѣйствительно, назначеніе епископовъ доставляло ему царство надъ душами паствы и съ этой силой онъ скоро могъ бы восторжествовать надъ императоромъ. Равновѣсіе Пьемонта было нарушено съ тѣхъ поръ, какъ Кавуръ объявилъ Римъ столицей Италіи. Этотъ географическій переворотъ измѣнилъ все. Римъ служить для васъ знаменемъ нашей независимости. Вы говорите: безъ Рима нѣтъ Италіи; — но Римъ зависитъ отъ императора французовъ, слѣдовательно.... Я не доканчиваю.

Шумъ въ залѣ покрылъ послѣднія слова оратора; когда шумъ утихъ, г. Феррари продолжалъ:

Послѣ новарскаго сраженія, Пьемонтъ началъ новую войну; на сторонѣ его была Франція. Насъ уже 22 милліона, но мы не перестаемъ еще воевать, тогда-какъ мы, съ помощью законовъ и благоустроеннаго правительства, должны бы стараться быть счастливыми до такой степени, чтобъ всѣ другіе итальянцы сами пожелали войти въ составъ нашего государства. Въмѣсто того, мы видимъ, что городъ съ 500 тысячъ жителей доведенъ до весьма плачевнаго положенія. Вы послали туда людей, имѣвшихъ, конечно, добрыя намѣренія, но ничего не омыслившихъ. Вы нарушили равновѣсіе и породили разбойничество. Конечно, я довѣряю Франціи и убѣжденъ, что славный путь, который привелъ насъ къ Монтебелло, Маджентѣ и Сольферино, всегда открытъ, но не должно, чтобы намъ преграждали и тотъ, который привелъ насъ въ Палермо и Марсалу».

Послѣ этихъ патетическихъ словъ и краткаго отдыха, г. Феррари обратился снова къ собранію и заговорилъ о той дѣятельности въ Римѣ, которая своимъ существованіемъ вредитъ такъ сильно дѣлу Италіи. Коснувшись разбойниковъ, тревожащихъ южныя провинціи, г. Феррари замѣтилъ, что, не смотря на общее къ нимъ презрѣніе, ихъ ласково принимаютъ въ нѣкоторыхъ римскихъ салонахъ и добавилъ, что они такъ сильны въ неаполитанскихъ областяхъ, что съ ними трудно сладить даже военною силою. Вслѣдствіе этого, г. Феррари полагаетъ лучше не спѣшить насильственнымъ присоединеніемъ всѣхъ областей, но дать созрѣть итальянской свободѣ въ отведенныхъ уже для нея предѣлахъ, управляя ими кротко и правосудно.

Послѣ г. Феррари заговорилъ г. Альфieri, племянникъ графа Кавура. Въ короткой своей рѣчи онъ высказалъ собранію, что знаменитый его дядя никогда не полагалъ возможнымъ разрѣ-

шить римскій вопросъ какой-нибудь рѣшительной и быстрой мѣрой. По словамъ г. Альфieri, онъ ставилъ этотъ вопросъ въ полную зависимость отъ общественнаго мнѣнія и общественной совѣсти, находя, что Италіи напрасно заботиться о Римѣ, пока она не примирится съ церковью. Въ мѣрахъ же касательно приобрѣтенія Рима, г. Альфieri очень близко сошелся съ г. Феррари, заявивъ, что прежде всего надобно укрѣпить зародившуюся свободу Италіи и потомъ уже проложить дорожку къ Риму.

По поводу такихъ соотношеній неаполитанскаго и римскаго вопроса съ внутреннимъ бытомъ итальянскихъ областей, соединенныхъ подъ властію Виктора-Эммануила, г. Массари объявилъ, что теперь собственно не существуетъ отдѣльнаго неаполитанскаго вопроса, но что обсужденію палаты предстоитъ только общій вопросъ о внутреннемъ управленіи государства. Новое правительство, по словамъ г. Массари, должно было встрѣтить въ Неаполѣ большія затрудненія, частью завѣщанныя Бурбонами, частью произведенныя революціей. И въ рѣчи г. Массари только касательно расправы правительства съ разбойниками заняли не мало мѣста. По словамъ этого оратора, всѣ разбойники, дѣйствующіе подъ бурбонскимъ знаменемъ, за исключеніемъ одного только Кіавоне, должны считаться не мѣстными, но привозными продуктами; въ заключеніе г. Массари сказалъ, что онъ подастъ голосъ въ пользу правительства, которое, если и сдѣлало кое-какія ошибки, то все же въ сущности воступало добросовѣстно.

Толки въ парламентѣ сдѣлались крайне-щекотливы, когда г. Музолино, заговорившій послѣ гг. Феррари и Массари, объявилъ, что онъ неслишкомъ довѣряетъ французскому союзу, и что правительство можетъ, если угодно, продолжать переговоры, но что оно должно быть готово къ отчетности, такъ-какъ нація, состоящая изъ 24 миліоновъ душъ, должна знать, чего она желаетъ и какія имѣетъ средства для достиженія своихъ стремленій. Затѣмъ г. Музолино убѣждалъ оставаться въ сторонѣ вустыя надежды, для которыхъ потеряно уже немало дорогаго времени, и дѣйствовать съ большимъ достоинствомъ и съ большою энергіею.

«Напрасно, — сказалъ ораторъ, — итальянцы такіе страстные поклонники чужеземцевъ, въ особенности же французовъ. Это у нихъ старая привычка, а между-тѣмъ, когда же французское правительство благопріятствовало Италіи? Въ 1860 и 1861 годахъ вліяніе его было скорѣе пагубно, чѣмъ благотворно для этой страны, добавилъ г. Музолино.»

Слова эти произвели сильный ропотъ въ залѣ засѣданій.

Обращая мало вниманія на недружественный пріемъ, сдѣланный его рѣчи, г. Музолино представлялъ палатѣ историческій очеркъ французскаго вліянія на итальянскія событія 1796, 1804, 1831 и 1848—1849 годовъ, стараясь доказать, что постоянномъ

цѣлью со стороны Франціи было недопущеніе итальянской свободы и итальянскаго единства. Между-тѣмъ, по словамъ г. Музолино, Италія всегда жертвовала собою для Франціи, такъ-какъ она участвовала во всѣхъ сраженіяхъ имперіи. Когда же померкла звѣзда Наполеона I-го, то одни итальянцы остались ему вѣрными.

«Италія возвеличится въ свою очередь, (продолжалъ пророчески г. Музолино,) мудростью своихъ учреждений, своею промышленностію и своею военной силой; и тогда она даруетъ Франціи свободу».

Общее изумленіе выразилось въ залѣ засѣданій при этихъ одушевленныхъ словахъ оратора, который перешолъ послѣ этого къ положительному разсмотрѣнію новыхъ отношеній между Франціей и Италіей. Новыя отношенія между обѣими странами начались, по замѣчанію г. Музолино, съ 1859 года, когда Франція помогала Италіи, но съ тѣмъ, чтобы самой приобрести Савойю и Ниццу; и когда она увидѣла, что итальянцы идутъ слишкомъ успѣшно, тогда она остановилась въ Виллафранкѣ. Съ-тѣхъ-поръ Франція никогда не помогала и не благопріятствовала Италіи: въ Газетѣ она покровительствовала Франциску II-му своимъ флотомъ; во время экспедиціи въ Марсалу и Умбрію, она вызвала своего посла изъ Турина и замедляла, по мѣрѣ возможности, признаніе новаго королевства.

Теперь, (говорилъ г. Музолино), итальянцы стремятся къ Риму, а Франція противится имъ. Каковы намѣренія французскаго правительства — этого никто не знаетъ. Оно хочетъ, чтобы итальянцы вели переговоры, но на какомъ основаніи?»

Затѣмъ послѣдовали упреки министерству за его долготерпѣніе, при чемъ г. Музолино высказалъ, что образъ дѣйствій министерства недостойнъ великой и независимой націи.

Въ слѣдующемъ засѣданіи г. Музолино продолжалъ рѣчь въ томъ же смыслѣ и между прочимъ, доказывалъ, что свѣтская власть папы не составляетъ необходимости для огражденія его духовной власти и что, собственно говоря, послѣдняя никогда не пользовалась совершенной свободой, такъ-какъ никакая папская булла не можетъ быть приведена въ исполненіе безъ контроля и одобренія со стороны тѣхъ правительствъ, до которыхъ она касается. Обращаясь затѣмъ къ отношеніямъ Италіи къ Европѣ, г. Музолино высказалъ, что, по его мнѣнію, Европа хорошо расположена къ этой странѣ и что Пруссія не признала новаго королевства только по дипломатическимъ причинамъ. «Кто же поддерживаетъ папу? — спросилъ ораторъ. Только Испанія и Австрія; но первой бояться нечего, а со второй мы сладимъ. Кто же противится нашему походу на Римъ? одно французское правительство».

Довольно-громкій ропотъ былъ отзывомъ на это откровенное

изложеніе отношеній Франціи къ Италіи. Подъ шумъ этого ропота г. Музолино продолжалъ:

«Если министры не понимаютъ этой свѣтлой истины, то они или отличаются чрезвычайно-патріархальнымъ простодушіемъ, или же они покорнѣйшіе слуги Франціи. (*Общее волненіе*). Говорили, что французское знамя развѣвается вездѣ, гдѣ необходимо защищать благородное дѣло: но развѣ въ настоящемъ случаѣ оно не прикрываетъ собою разбойничества? Развѣ Франція не враждебна намъ? Она, а не папа ищетъ выгоду въ поддержаніи разбойничества, потому-что Франція не хочетъ, чтобъ дѣло наше восторжествовало.»

Среди шума и непріязненныхъ возгласовъ, г. Ратацци обратился къ оратору съ слѣдующими словами: «Прошу оратора воздерживаться отъ подобныхъ намековъ противъ дружественнаго правительства».

Г. Музолино послушался замѣчанія президента, сказавъ только, что такъ-какъ онъ, Музолино, противится союзу съ Франціей, то онъ и счелъ долгомъ заявить то, что думаетъ объ отношеніи Франціи къ Италіи. Ограничившись этой замѣткой, г. Музолино напалъ на министерство и сказалъ, что только вооруженіе можетъ вывести Италію изъ затрудненія, и что, между тѣмъ, правительство сдѣлало въ этомъ отношеніи слишкомъ мало, не заботясь о правильности рекрутскихъ наборовъ. Вообще (заклучилъ г. Музолино), правительство и во внутреннихъ, и во вѣнскихъ распоряженіяхъ выказало себя неспособнымъ и заслуживаетъ осужденія.

Мнѣніе г. Музолино, въ этомъ отношеніи, поддержалъ г-нъ Брофферіо, который осуждалъ политику министерства, и замѣтилъ, что не любитъ министра, говорящаго какъ монахъ, точно такъ же, какъ не любитъ монаха, дѣйствующаго какъ министръ. Папу, по его мнѣнію, нельзя убѣдить никакими способами, потому что отвѣтъ на всѣ убѣжденія будетъ всегда одинъ и тотъ же.

Къ нападкамъ на министерство со стороны гг. Музолино и Брофферіо, присоединился еще голосъ г. Пизанелли, упрешавшаго за распущеніе арміи Гарибальди и всѣхъ регулярныхъ войскъ неаполитанской арміи, вынужденной послѣ такого распоряженія принять сторону враговъ новаго порядка. Продолжительность разбоевъ ораторъ приписалъ слабости правительства, несъумѣвшаго внушить населенію уваженіе и довѣренность, и сказалъ при этомъ, что Италіи стоило бы только захотѣть—и національное знамя будетъ развѣваться на стѣнахъ Ватикана и на площади св. Марка.

Вообще, засѣданіе это было одно изъ самыхъ оживленныхъ, и громъ рукоплесканій покрылъ послѣднія слова г. Брофферіо. Но въ сущности оно не привело правительство ни къ какимъ окончательнымъ результатамъ и не указало положительнымъ образомъ на возможность дѣйствій инымъ способомъ.

Въ засѣданіи 4-го декабря (22-го ноября) г. Ричарди продолжалъ нападки на министерство, объявивъ напрямки, что онъ считаетъ его неспособнымъ. «Я буду говорить съ полною откровенностью, (сказалъ онъ), и представители націи должны меня выслушать. Пора изгнать изъ этого собранія всякія оболъщенія и недоумовки».

Президентъ перебилъ рѣчь г. Ричарди замѣчаніемъ, что всѣ депутаты говорятъ откровенно и безъ всякихъ недоумовокъ, а потому онъ проситъ оратора не дѣлать подобныхъ намековъ.

«Я не говорю ничего такого, что выходило бы изъ предѣловъ приличія (возразилъ г. Ричарди). Документы г. Риказоли уже оцѣнены по достоинству; а на меня, признаюсь откровенно, они произвели не болѣе впечатлѣнія, чѣмъ письма монсеньора Ливерани или патера Пассалиа».

Затѣмъ г. Ричарди началъ упреки министерству за то, что оно не увеличило арміи, какъ слѣдовало бы это сдѣлать, потому что армія состоитъ только изъ 145,000 штыковъ, чего совершенно недостаточно. Въстѣ съ этимъ г. Ричарди изъявилъ желаніе, чтобы въ Неаполѣ было наряжено слѣдствіе по дѣламъ финансовымъ, и заключилъ свою рѣчь тѣмъ, что итальянскій парламентъ только тогда пріобрѣтетъ дѣйствительную силу, когда будетъ засѣдать въ Римѣ.

Фраза эта принята была въ палатѣ несовсѣмъ благосклоннымъ шумомъ, и президентъ поспѣшилъ замѣтить, что итальянскій парламентъ всегда останется представителемъ итальянской націи и будетъ имѣть дѣйствительную силу, несмотря на то, гдѣ онъ соберется, въ Туринѣ, въ Неаполѣ или въ Римѣ.

Отвѣтомъ на это были рукоплесканія.

«Я высказываю мое мнѣніе (сказалъ прерванный ораторъ) и не выхожу изъ границъ предоставленнаго мнѣ права».

Послѣ этого г. Ричарди заговорилъ о необходимости подавить разбойничество, которое можетъ принять ужасные размѣры, какъ это было одно время въ Испаніи. Серьезныя замѣчанія г. Ричарди обратились, однако, вдругъ въ шуточную рѣчь, наподобіе того, какъ это нерѣдко дѣлается въ англійскихъ палатахъ, гдѣ уже привыкли къ такимъ рѣзкимъ переходамъ.

«Дайте мнѣ полную свободу слова (воскликнулъ г. Ричарди): министерство знаетъ, что я человекъ эксцентрическій. (*Въ палатѣ раздался смѣхъ.*) Я хотѣлъ бы издать постановленіе, которое произведетъ самое лучшее дѣйствіе, но опасаясь, что если выскажусь, то протесты раздадутся со всѣхъ сторонъ и потолокъ этой залы провалится».

Такой оборотъ рѣчи возбудилъ всеобщій хохотъ.

«Пусть лучше тѣ, которые не хотятъ меня слушать, выйдутъ изъ залы», сказалъ ораторъ.

Вся зала была заинтересована такимъ подготовленіемъ. Вся ожидала чего-то необыкновеннаго.

«Говорите! говорите!» нетерпѣливо кричали со всѣхъ сторонъ.

Г. Ричарди рѣшился высказаться:

«Итанъ (сказалъ онъ), вотъ то постановленіе, которое стоило бы только напечатать въ «Официальной Газетѣ»: «слѣдующее засѣданіе парламента будетъ происходить въ Неаполѣ!»

«Только-то?» закричали со всѣхъ сторонъ слушатели, ожидавшіе чего-то необыкновеннаго.

«Я очень радъ, что слова мои не показались вамъ черезъ-чуръ странными,—спокойно замѣтилъ г. Ричарди; и затѣмъ, обратившись къ министрамъ, сказалъ имъ: «Господа министры! передъ вами, съ одной стороны, революція, а съ другой—реакція: выбирайте ту или другую.»

По окончаніи этой рѣчи, г. Ратацци сталъ развивать свое мнѣніе касательно того значенія, какое имѣетъ въ настоящее время римскій вопросъ. Рѣчь его была продолжительна; ее нѣсколько разъ прерывали самыя громкія рукоплесканія. Мы не будемъ приводить вполнѣ этой рѣчи, но укажемъ только на сущность ея содержанія и на нѣкоторыя мѣста, обратившія на себя особенное вниманіе палаты.

По мнѣнію г. Ратацци, для успѣха итальянскаго дѣла нужно прежде всего полное внутреннее согласіе страны. Онъ находить, что министерство дѣйствовало не настоятельно, но что, несмотря на это, нѣкоторые упреки, сдѣланные ему, какъ, напримѣръ, за распушеніе неаполитанской арміи, несправедливы, и что безпорядки, волнующіе нынѣ неаполитанскія области, вовсе не порождены настоящимъ правительствомъ, но что они явились сами по-себѣ, какъ неизбежное послѣдствіе рѣзкаго государственнаго переворота.

Перейдя, затѣмъ, къ вопросу объ обладаніи Римомъ, президентъ палаты отозвался объ этомъ дѣлѣ въ слѣдующихъ словахъ:

«Римъ—городъ итальянскій; онъ долженъ быть столицей Италіи и одинъ изъ говорившихъ прежде меня ораторовъ справедливо сказалъ, что объ этомъ нечего даже и разсуждать, такъ какъ на этотъ счетъ самъ парламентъ уже постановилъ свое неизмѣнное рѣшеніе. Но Римъ находится теперь во власти паны, и власть эту сторожатъ французскія войска. Можно ли при этомъ условіи завладѣть Римомъ посредствомъ силы? Я думаю, что объ этомъ никто не помышляетъ. Но прекратится ли французское занятіе? Возможно ли, чтобы Франція всегда отказывала намъ въ нашей столицѣ? Я, съ своей стороны, твердо убѣжденъ, что Франція, по-крайней-мѣрѣ также какъ и мы, желаетъ, чтобы занятіе это прекратилось, и прекращеніе это, какъ я думаю, вполнѣ согласное съ ея интересами. Занятіе Рима не нравится во Франціи либеральной партіи: оно никоимъ образомъ не удовлетворя-

еть из реакционную, ни клерикальную партію, которая желала бы гораздо большаго. Оно не нравится также и самому папѣ, который постоянно обращается за совѣтами къ Австріи, и не доверяетъ Франціи даже и тогда, когда пользуется безопасностью, доставляемою ему французскимъ гарнизономъ. Итакъ, Франція въ такой же мѣрѣ, какъ и мы, заинтересована въ томъ, чтобы войска ея вышли изъ Рима. Но это еще не все: Франція — чтобы ни говорилъ на этотъ счетъ г. Музолино — искренно желаетъ, чтобы дѣло итальянскаго единства совершилось.»

Желаніе это г. Ратацци объясняетъ такимъ образомъ:

«Конечно, послѣ виллафранкскаго мира, французское правительство полагало, что мы можемъ составить только конфедерацию; но оно не замедлило одуматься, и увидѣло, что если статься противиться нашему политическому единству, то этииъ оно только, безъ всякой пользы, увеличитъ число нашихъ затрудненій. Въ доказательство же его намѣреній въ нашу пользу стоитъ только привести невмѣстательство и признаніе нашегo королевства.»

Затѣмъ г. Ратацци объяснилъ, что нынѣшнее невмѣстательство Франціи совсѣмъ другое, нежели было прежде, и что только вторая имперія провозгласила такое невмѣстательство, которое она счумѣла заставить уважать съ оружіемъ въ рукахъ. Мы не будемъ останавливаться на подробныхъ доказательствахъ, приводимыхъ г. Ратацци для подтвержденія расположенія Франціи къ Италіи. По словамъ его, французская кровь, пролитая подъ Маджентой и Сольферино, всего лучше доказываетъ это. Врагамъ же Италіи во Франціи онъ признаетъ клерикальную партію и крестныхъ враговъ настоящаго правительства, которыхъ онъ называетъ почему-то вольтеріанцами. Поѣздку свою во Францію г. Ратацци объяснилъ своимъ убѣжденіемъ въ томъ, что французскій союзъ полезенъ Италіи и что онъ, вслѣдствіе этого, желалъ быть въ Парижѣ хотя слабымъ адвокатомъ итальянскаго дѣла.

Предоставляя общественному мнѣнію и времени уронить свѣтскую власть папы до такой степени, что его уже напрасно будутъ поддерживать въ Римѣ вооруженною силою, г. Ратацци заявилъ, что, въ ожиданіи этого, итальянцы должны заниматься не однимъ Римомъ, но и внутреннимъ устройствомъ государства, и что когда устройство это упрочится, то они въ состояніи будутъ сказать, что ими сдѣланъ важный шагъ впередъ для разрѣшенія римскаго вопроса. Далѣе опять пошла рѣчь о разбойничествѣ, которое г. Ратацци, какъ и большая часть другихъ ораторовъ, приписала внѣшнему вліянію и проискамъ клерикаловъ. Для прекращенія этого бѣдствія г. Ратацци посоветовалъ королевскому правительству обратиться къ французскому, объяснить ему настоящее положеніе дѣлъ и пожаловаться на

помощь, оказываемую разбойникамъ ежедневно изъ Павской области. Въ заключеніе г. Ратацци указалъ на необходимость лучшаго веденія денежныхъ дѣлъ и на необходимость увеличить итальянскую армию.

Мы пропускаемъ двѣ первыя рѣчи послѣдующаго застѣданія. Изъ нихъ одну говорилъ г. Греко насчетъ прекращенія разбоевъ въ южной Италіи, а другую—г. Бонкомпаньи. Последняя была по всему сходна съ рѣчью г. Ратацци, по выраженной въ ней симпатіи и довѣренности къ французской политикѣ. Г. Бонкомпаньи старался также поддержать достоинство писемъ, составленныхъ барономъ Риказоли, которыя, по его словамъ, должны были просвѣтить общественное мнѣніе касательно папской власти и правъ Италіи на Римъ, ея древнюю столицу («но Римъ (замѣтилъ г. Бонкомпаньи) нельзя пріобрѣсти для королевства итальянскаго, не завоевавъ прежде Венеціи и тѣмъ самымъ не уничтоживъ совершенно иноземнаго господства въ предѣлахъ Италіи»).

Послѣ г. Бонкомпаньи говорилъ опять г. Цуппета, продолжая затронутый уже имъ неаполитанскій вопросъ. «Пошлите въ Неаполь Гарибальди,—сказалъ онъ— и вы увидите, что этотъ мнѣшій трунь встанетъ, возьмется за оружіе и станетъ геройски драться за родину».

Руководсканія были отвѣтомъ на это предложеніе.

Далѣе г. Цуппета упрекалъ министерство за влохое веденіе судебныхъ дѣлъ, за введеніе въ Неаполь пьемонтскаго избирательнаго закона и за изданный, по предложенію г. Пизанелли, законъ о тишеніи. Г. Цуппета не удовольствовался впрочемъ, этими упреками: онъ прибавилъ къ нимъ укеры министерству за то, что оно выдало національной гвардіи слишкомъ мало оружія и распустило корпусъ, оказавшіе большія услуги.

Слова г. Цуппета произвели въ залѣ шумные крики. Среди общаго волненія г. Мандон прочиталъ рѣчь, въ которой убѣждалъ правительство послать въ Неаполь чрезвычайнаго комиссара, съ полномочіемъ, и выразилъ надежду, что палата не откажется дать на эту мѣру необходимое разрѣшеніе.

На всѣ укеры, сдѣланные правительству, отвѣтилъ г. Риказоли: «Министерство (сказалъ онъ) терпѣливо и внимательно выслушивало всѣ предъидущія пренія не потому, чтобы оно не довѣряло самому себѣ, ибо сознаеть себя правымъ, но потому, что оно хотѣло ознакомиться съ сужденіемъ парламента о недостаткахъ въ странѣ и о пригодности средствъ, употребленныхъ въ дѣло для ея успокоенія. Все, что было сказано объ этихъ двухъ предметахъ въ теченіе четырехъ дней, было предусмотрѣнно и сообщено правительствомъ. Прежде чѣмъ отвѣчать на общіе вопросы, я укажу на нѣкоторыя частности. Г. Музолино сказалъ нѣчто совершенно для меня новое, именно, будто - бы у Италіи нѣтъ друго-го врага, кромѣ Франціи. Мнѣ стоитъ напомнить только два

последніе года для того, чтобы пробудить въ васъ всю признательность, если только она уснула, Неувѣдательство поставило насъ въ возможность поддерживать нашу независимость; при настойчивости и при самоотверженіи мы достигнемъ нашей цѣли безъ иноземной помощи. Я съ удивленіемъ узналъ, что меня обвиняютъ въ раболѣпствѣ передъ Франціей — меня, котораго упрекали прежде въ упорствѣ и высокомеріи! Моя политика не робка и не надменна; я знаю только одно, что я служу представителемъ великой страны, которая должна быть уважаема».

За тѣмъ г. Риказоли ставитъ въ своей политикѣ римскій вопросъ на первый планъ.

«Министерство, (сказалъ онъ), продолжая дѣло графа Кавура, всѣми силами заботилось о внутренней организаціи государства, но занималось и римскимъ вопросомъ настолько, насколько это было возможно; во всякомъ случаѣ, оно ничѣмъ не пренебрегало». Оставляя каждому изъ министровъ объясниться предъ палатою по отдѣльнымъ отраслямъ управленія, г. Риказоли привалъ на себя очертить общее положеніе Итальянскаго королевства. Изъ словъ министра видно, что духъ населенія превосходитъ и что главнымъ предметомъ заботливости со стороны правительства были неаполитанскія провинція; что министерство стремилось къ централизаціи общихъ и къ децентрализаціи частныхъ интересовъ. Что же касается римскаго вопроса, то вопросъ этотъ, по выраженію барона Риказоли, не только политическій, но и величайшій въ новѣйшія времена: насильственные средства должны быть прежде всего устранены отъ этого нравственнаго вопроса, и то, что прежде дѣлалось на конгрессахъ, должно теперь совершаться въ силу общественнаго мнѣнія. «Когда дѣло идетъ объ одиннадцати-вѣковомъ учрежденіи, можемъ ли мы считать его дни?» Объяснивъ далѣе цѣль представленныхъ документовъ по римскому вопросу, г. Риказоли сказалъ: «Правительство проситъ парламентъ формально объявить: одобряетъ ли онъ его дѣйствія или осуждаетъ. Оно, во всякомъ случаѣ, сознаетъ, что во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ имѣло въ виду благо страны.»

Послѣ рѣчи г. Риказоли, принятой благосклонно, министръ юстиціи представилъ нѣсколько объясненій по своей части, нелишнихъ, впрочемъ, общаго интереса. Затѣмъ военный министръ сказалъ слѣдующее:

«Правительство упрекаютъ въ распушеніи арміи южной и бурбонской. Последняя, впрочемъ, разошлась сама, не будучи распушена правительствомъ. Когда Гарibaldi вступилъ на европейскій материкъ, то, по мѣрѣ того, какъ онъ одерживалъ новыя побѣды надъ войсками Бурбоновъ, или по мѣрѣ того, какъ они сами ему покорялись, онъ распускалъ ихъ и поступалъ

въ этомъ случаѣ весьма разсудительно, потому что съ стороны его было бы весьма неблагоразумно оставлять за собою войска, на вѣрность которыхъ онъ никакъ не могъ положиться. Въ припомнать, конечно, что корпусъ бурбонскій арміи, слѣшкомъ изъ 30,000 человекъ, для того, чтобъ не сдать итальянской арміи, проицкъ черезъ Террачину въ Папскія владѣнія и сдать свое оружіе офицеру главнаго штаба французской арміи. Эти люди также попали для итальянской арміи. Войска, защищавшія Гаэту, получили двухмѣсячный отпускъ, и по истеченіи этого времени весьма немногіе солдаты изъ числа этихъ войскъ пришли подъ свои знамена. Что же касается гарибальдійской арміи, то она перестала существовать съ-тѣхъ-поръ, какъ кончилась война. Это всегда бываетъ съ корпусами, составленными изъ волонтеровъ. Но кадры этой арміи существуютъ, и мы не замедлимъ, въ случаѣ воззванія къ ней, представить на помощь 50,000 мужественныхъ и преданныхъ молодыхъ людей, особенно если въ главѣ ихъ будетъ поставленъ герой Гарибальди...

При этомъ, какъ и всякій разъ, при упоминаніи славнаго имени, раздались громкія, долго-продолжавшіяся рукоплесканія.

«Что же касается рѣгулярной арміи (продолжалъ военный министръ) то она состоитъ теперь почти изъ 272,000 человекъ, которые, правда, въ настоящее время не всѣ на-лицо и не всѣ приучены къ военному дѣлу, но которые скоро приучатся къ нему. Специальныя оружія: кавалерія и артиллерія особенно нуждаются въ усовершенствованіи; но чрезъ годъ армія изъ 300,000 человекъ, такая именно, какая намъ необходима, будетъ готова; тогда будетъ у насъ подъ ружьемъ и 120,000 національныхъ гвардейцевъ. Наконецъ у насъ довольно боевыхъ рядовъ и запасовъ, для вооруженія и экипировки какъ этихъ войскъ, такъ и многихъ другихъ.»

Засѣданіе, въ которомъ говорили г. Риказольи и военный министръ, маркизъ де-ла-Ровере, окончилось обширною рѣчью министра публичныхъ работъ, который доказывалъ, что бѣдственное, по словамъ г. Цуппета, положеніе неаполитенскихъ провинцій значительно имъ преувеличено. При этомъ г. Убальдо Перуцци замѣтилъ, съ своей стороны, что онъ самъ совершенно убѣдился въ преданности тамошняго населенія итальянскому дѣлу и развѣзжалъ по этимъ провинціямъ, неимѣя даже при себѣ того безопаснаго ривольвера, которымъ вооружился для своей поѣздки г. Феррари.

Эта шутка произвела общій смѣхъ.

Мы окончимъ до времени общій очеркъ засѣданій итальянскаго парламента. Предметъ этотъ въ настоящее время слишкомъ важенъ, съ одной стороны, чтобы не остановиться на немъ и, съ другой стороны, слишкомъ обширенъ для того, чтобы можно

было окончить его въ одномъ сжатомъ очеркѣ. Предложенія по части законодательной, а также и обзоръ финансовъ, бывшіе въ числѣ занятій парламента, представляютъ значительный интересъ, мало даже уступающій римскому и венеціанскому вопросу и другимъ отдѣльнымъ предметамъ, о которыхъ мы говорили въ настоящемъ обзорѣннѣ.

II. Пренія во французскомъ сенатѣ по поводу финансовыхъ распоряждковъ.

Читателямъ нашимъ уже знакомы предположенія, сдѣланныя г. Фульдомъ, министромъ финансовъ, и принятія императоромъ Наполеономъ III, относительно уничтоженія дополнительныхъ и чрезвычайныхъ кредитовъ, которыми до-сихъ-поръ пользовалось императорское правительство по своему усмотрѣнію, и которые, какъ мы вѣдѣли, по мнѣнію нынѣшняго министра финансовъ, не только приводятъ въ разстройство финансы французской имперіи, но и имѣютъ еще косвеннымъ образомъ весьма неблагоприятное вліяніе на общій ходъ дѣлъ въ Европѣ, возбуждая всеобщее опасеніе насчетъ военныхъ замысловъ императорскаго правительства.

Проекты г. Фульда внесены были, по приказанію императора, въ чрезвычайное собраніе сената. Изъ числа ораторовъ, говорившихъ по поводу новой финансовой мѣры, одинъ только баронъ Бренье былъ противъ предложенія, сдѣланнаго министромъ финансовъ императору; всѣ же прочіе сенаторы съ большими или меньшими ограниченіями одобрили сущность новаго постановленія касательно отиѣны дополнительныхъ и чрезвычайныхъ кредитовъ.

Такая исключительность г. Бренье изъ общаго мнѣнія заслуживаетъ вниманія. Въ рѣчи его вопросъ объ отношеніи Франціи къ Европѣ выставляется въ иномъ видѣ, нежели въ докладѣ г. Фульда, а потому мы и приведемъ въ сокращеніи тѣ доводы, которые онъ, съ своей стороны, противопоставлялъ мнѣнію г. Фульда и защитѣ этихъ мнѣній со стороны своихъ сотоварищей-сенаторовъ.

Чрезвычайно длинная рѣчь барона Бренье начинается замѣчаніемъ, что, разсматривая настоящій финансовый вопросъ, слѣдуетъ прежде всего отрѣшиться отъ того общаго впечатлѣнія, которое было произведено въ публикѣ докладомъ министра и письмомъ къ нему императора. Общее впечатлѣніе, замѣчаетъ г. Бренье, было чрезвычайно благоприятно для императора, отказывавшагося отъ одного изъ своихъ личныхъ преимуществъ.

Не отвергая достоинства этого поступка, г. Бренье обращается къ исторіи и къ будущности французскихъ финансовъ и находить, что императоръ слишкомъ поспѣшно рѣшился измѣнить

настоящее законодательство по части государственных расходов. Г. Бренье смотрит на дефицитные кредиты как на самый простой механизм, представляющий, однако, правительству возможность делать финансовые обороты с большим удобством. Он полагает, что изменение этого простого порядка заставит увеличивать общий государственный бюджет заблаговременно в ожидании могущих быть расходов, и вызовет для покрытия вводимых в бюджет расходов новые налоги, или же заставит уменьшить отдельные сметы по министерствам.

Военные обстоятельства обратили на себя внимание г. Бренье и он полагает, что изменение правительством кредита затруднить, в случае войны, продовольственные операции войск, и что из этого возникнут огромные неудобства. «Не забудешь, сказал оратор, что недостаток продовольствия был первою причиною потери ватерлооского сражения. Император, который не выступал в поход иначе, как с тройным запасом продовольствия, имел на этот раз в своем распоряжении только двойной запас. Надобно будет как-нибудь наверстывать подобные расходы. Но разве вы не видите опасности в сложности и в смешенности таких оборотов? Среди множества хлопот, порожденных сильною войною, можно прийти къ неисполнимым результатам, рассмотрение которых въ подробности не соответствует важности нашего собрания. Одно позанкистованіе нельзя будет уладить вовсе, другое будет представлять большія затрудненія. Безпорядокъ будетъ страшный и законодательному собранію придется разсматривать разстроенный бюджет.»

Далѣе г. Бренье, выразившій, впрочемъ, что онъ, съ своей стороны, вовсе не противится развитію конституціонной свободы во Франціи, на основаніи нынѣшней ея конституціи, находитъ, что осуществленіе новыхъ финансовыхъ распоряженій, предложенныхъ г. Фульдомъ, будетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ вызывать отвѣтственность министерства. «Вы устанавливаете судью, сказалъ г. Бренье), между тѣмъ, какъ конституція не допускаетъ существованія подсудимыхъ. У насъ (добавилъ онъ) откроется возможность отдавать министровъ подъ судъ. Посмотрите, какіе огромные вопросы поднимаемъ мы безъ всякой настоятельной надобности! Тѣ экономіи, которыми насъ обнадѣживаютъ, могутъ обойтись намъ слишкомъ-дорого.»

Вообще г. Бренье находитъ, что введеніе иѣры, предложенной г. Фульдомъ, повлечетъ за собою перемѣны въ настоящей французской конституціи и возстановитъ во Франціи парламентское правленіе, что, какъ замѣчаетъ ораторъ, императорскій сенатъ не имѣетъ вовсе въ виду.

«Сдѣлаемъ одно предположеніе, — продолжалъ г. Бренье; — предположимъ, что законодательное собраніе не расположено къ войнѣ и что оно хочетъ оспаривать причины, ее вызывающія. Неужели же вы можете безъ страха представить подобное положеніе дѣла? И почему? Потому только, что подобныя вещи дѣлаются въ Бельгіи, Голландіи и Англіи! Но Бельгія находится подъ охраною своего нейтралитета; ей ненужно дѣлать никакихъ усилій при стеченіи такихъ обстоятельствъ, которыя должны быть предусмотрѣны Франціей. Что же касается Голландіи, то у нея нѣтъ никакихъ другихъ заботъ по военной части, какъ только содержать на-готовѣ 3000 человекъ для союзнаго нѣмецкаго континента.

«Я не хочу сказать ничего такого, что могло бы оскорбить Англію; но нельзя, однако, не сознаться, что ея военныя приготовленія отличались всегда чрезвычайною медленностью, именно потому, что тамъ нельзя предпринять приготовленій подобнаго рода безъ согласія законодательной власти.

«Вы напомнили о томъ энтузіазмѣ, который выразился при отъѣздѣ императора въ Италію. Но еслибы расположеніе народа было не такое, если бы общественное мнѣніе безпокоилось насчетъ исхода такихъ дѣлъ, о которыхъ съ нимъ не совѣтовались, если бы Франція, подъ вліяніемъ дурныхъ совѣтовъ и дурныхъ внушеній, не имѣла бы сердце на сторонѣ императора, если бы законодательное собраніе, всегда заботливое о размѣрахъ податей, не благопріятствовало бы такому предпріятію, которое должно было отяготить этотъ бюджетъ, — каково было бы положеніе правительства, если бы въ ту пору была примѣнена ваша система? Тогда бы мы пожалѣли о потерѣ правительствомъ такого права, которое воспрепятствовало ему осуществить великую идею и оправдать себя успѣхомъ. Но такія сожалѣнія были бы уже не въ-пору».

Настоящую эпоху г. Бренье считаетъ слишкомъ-важною для Франціи. По словамъ его, много французскихъ интересовъ стоитъ на очереди въ древнемъ мірѣ и, между тѣмъ, страшная борьба завязывается въ Новомъ Свѣтѣ.

«Не забудемъ (добавилъ ораторъ), что Франція должна играть первую роль въ неизбежной борьбѣ, которая готовится теперь между принципами стараго времени и между принципами, провозглашенными французскою революціей».

Знаки одобренія поддержали мнѣніе г. Бренье, который продолжалъ:

«Но будутъ ли у нея достаточныя къ этому способы? Найдеть ли она ихъ, напримѣръ, въ развитіи правъ законодательной власти? Посмотримъ, основательно ли это.

«Бюджетъ будетъ опредѣляемъ по большимъ отдѣламъ, а дополнительные кредиты — законами. Повидимому, этой мѣрой бу-

дети достигнуть важный результатъ, такъ-какъ законодательному собранію, въ случаѣ его разрыва съ правительствомъ, возможно будетъ отказать последнему въ своей поддержкѣ. Въ этомъ-то и заключается право, по которому защитники чисто либеральнаго правленія не желаютъ сдѣлать великодушно никакой уступки.

«Но гораздо утѣшительнѣе предполагать, что законодательное собраніе не будетъ по своей политикѣ въ разладѣ съ правительствомъ, и въ такомъ случаѣ предположенная мѣра будетъ пустымъ призракомъ».

Обращаясь, затѣмъ, къ чрезвычайнымъ и дополнительнымъ кредитамъ, г. Бренье считаетъ нужнымъ указать на ту ошибку, въ которую впала докладная коммиссія, полагавшая, что этого рода кредиты родились вмѣстѣ съ парламентскимъ правленіемъ и что, слѣдовательно, они должны и умереть вмѣстѣ съ нимъ.

«Нѣтъ, (воскликаетъ г. Бренье,) кредиты, открываемые на основаніи декрета, не составляютъ принадлежности парламентскаго правленія; они не существуютъ въ Англіи, въ этой странѣ парламентскаго правленія по преимуществу; они явились собственно въ нашемъ финансовомъ законодательствѣ потому, что они соответствуютъ потребности государства и составляютъ часть національной силы. Это настоящая причина ихъ существованія, и причина, по которой они не могутъ быть отмѣнены.

«Говорятъ теперь, что отмѣна ихъ и хороша и полезна; но почему же? Развѣ не очевидно, что если правительство пожелаетъ получить подобныя кредиты законодательнымъ порядкомъ, то оно или косвенно заставитъ законодательное собраніе принять такія предложенія, которыя имъ будутъ сдѣланы, или же принудитъ отвергнуть ихъ, въ силу его парламентской власти. Такой новый порядокъ побудитъ законодательное собраніе или упорствовать противъ правительства, или сдѣлаетъ его безсильнымъ для борьбы съ послѣднимъ. Оба случая будутъ имѣть неутѣшительный исходъ.»

Далѣе ораторъ нападаетъ на г. Фульда за ту тревогу, которую онъ произвелъ разъясненіемъ положенія французскихъ финансовъ, которая подала англійскимъ газетамъ поводъ дѣлать на Францію съ этой стороны разные нападенія, а газетѣ «Times» сказать, что Франція уснула среди изобилія, а проснулась среди банкротства. «Къ этому г. Бренье прибавляетъ, что печатать въ Монитерѣ докладъ г. Фульда было совершенно излишне, такъ-какъ французскимъ финансамъ не угрожаетъ въ настоящее время ни малѣйшая опасность.

Въ подтвержденіе своего замѣчанія, г. Бренье прочиталъ нѣкоторыя мѣста доклада и вывелъ заключеніе, что бюджетъ Франціи не увеличился вовсе, какъ полагаетъ г. Фульдъ, миллиардомъ долга, но долгъ возросъ только до 879 миліоновъ и что при-

тому изъ всей этой суммы правительству можетъ быть отвѣтственнымъ только за 100 миллионовъ, употребленныхъ имъ на восточную войну и на военное занятіе Рима, но что въ то же время важность этихъ издержекъ оправдывается величіемъ ихъ цѣли.

Хотя рѣчь новаго сенатора, заявившаго, что онъ своимъ противорѣченіемъ мнѣнію большинства хотѣлъ выразить свое желаніе служить нелицемѣрно родинѣ и императору, и была принята со знаками общаго одобренія, однако, въ сущности, она не убѣдила слушателей въ справедливости мнѣнія г. Бренье и не заставила ихъ согласиться съ его возраженіями противъ предложенія, сдѣланнаго г. Фульдомъ. Какъ мы сейчасъ увидимъ, сенаторъ, несмотря на противорѣчія г. Бренье, призналъ, съ своей стороны, справедливость дѣла за г. Фульдомъ.

Въ свою очередь, г. Фульдъ защищалъ представленный имъ проектъ, доказывая вѣрность цифръ а также основательность политическихъ и административныхъ соображеній, вошедшихъ въ докладъ, представленный имъ императору. Г. Фульдъ на упрекъ, сдѣланный ему г. Бренье, касательно тревоги, возбужденной напечатаніемъ доклада въ официальной газетѣ французскаго правительства, замѣтилъ, что, по его мнѣнію, обнародованіе этого документа было дѣйствительно-неумѣстно, но что на это была личная воля самого императора. Впрочемъ, (добавилъ г. Фульдъ), и напечатаніе этого документа вовсе не породило безпокойствъ во Франціи и даже, напротивъ, разсѣяло ихъ.»

За тѣмъ онъ защищалъ свои предположенія съ двухъ точекъ зрѣнія: финансовой и конституціонной.

Въ преніяхъ по этому дѣлу приняли участіе и другіе ораторы; они стали обращаться ко многимъ мелочамъ финансоваго управленія, такъ-что общій интересъ засѣданія начиналъ уже ослабѣвать и пренія шли вяло, когда одинъ изъ сенаторовъ г. Сегюръ-д'Агессо, неожиданно оставилъ въ сторонѣ финансовый вопросъ и придавъ сенатскимъ преніямъ политической характеръ, спросивъ, въ чемъ именно заключается причина тѣхъ опасеній и того недоверія Европы къ Франціи, о которыхъ упоминалъ г. Фульдъ въ своемъ докладѣ? Съ своей стороны, г. Сегюръ д'Агессо полагаетъ, что такого рода недоверія и опасенія возникли не вслѣдствіе причины, указанной г. Фульдомъ, т.-е. не вслѣдствіе предоставленнаго верховной власти права пользоваться всѣми средствами націи безъ достаточнаго контроля со стороны ея представителей, но только вслѣдствіе новой политики, принятой императорскимъ правительствомъ и состоящей въ томъ, что оно дѣластъ уступки революціонному движенію въ Италіи и, болѣе или менѣе, открыто поощряетъ рѣчь, произнесенную принцемъ Наполеономъ.

Въ отвѣтъ на эти замѣчанія поднялись шумныя возраженія

и протесты, среди которыхъ генеральный прокуроръ г. Дюенъ и г. Билльо напрасно приглашали собраніе обратиться исключительно къ финансовому вопросу, предложенному на его разсмотрѣніе. Финансовый вопросъ какъ-будто затерялся на этотъ разъ въ возраженіяхъ, направленныхъ противъ рѣчи г. Сегюра-д'Агессо.

Изъ прочихъ рѣчей, сказанныхъ въ засѣданіяхъ сената, обратила на себя особенное вниманіе рѣчь г. Форкада де-ла Рокетта, послѣдняго до г. Фульда министра финансовъ, который, какъ человѣкъ свѣдущій по своей части, представилъ сенату много любопытныхъ данныхъ касательно денежныхъ дѣлъ имперіи. Данные, представленныя г. Форкадомъ де-ла-Рокеттомъ, во многихъ случаяхъ были не вполне согласны съ данными, представленными г. Фульдомъ.

Въ теченіе двухъ засѣданій сената, происходившихъ 21 и 22 декабря, предложенія г. Фульда были обсуждены окончательно, и сенатъ относительно ихъ сдѣлалъ, послѣдовательно, постановленія такого рода:

Ст. 1. Бюджетъ расходовъ представляется законодательному собранію: съ раздѣленіемъ на отдѣлы, главы и параграфы. Бюджетъ каждаго министерства въ отдѣльности вотируется во отдѣлахъ, согласно номенклатурѣ, приложенной къ настоящему опредѣленію сената. Распредѣленіе статей кредита, предоставленнаго каждому отдѣлу, устанавливается сообразно съ императорскимъ декретомъ, даннымъ въ государственномъ совѣтѣ.

Ст. 2. Особенные декреты, издаваемые въ той же самой формѣ, могутъ разрѣшать переводы изъ одной статьи въ другую въ бюджетѣ каждаго министерства.

Ст. 3. Дополнительные и чрезвычайные кредиты не могутъ быть открываемы иначе, какъ только въ силу законнаго о нихъ постановленія.

Ст. 4. Не дѣлается никакихъ измѣненій въ существующихъ нынѣ законахъ касательно расходовъ уже подлежащихъ уплатѣ, а также расходовъ по департаментамъ, общинамъ и мѣстнымъ управленіямъ, какъ равно и расходовъ изъ вспомогательныхъ суммъ на общественныя предпріятія.

Ст. 5. Статьи 4 и 12 сенатскаго опредѣленія, послѣдовавшаго 25 декабря 1852 года, измѣняются въ томъ, что противорѣчить въ нихъ настоящему опредѣленію сената.

При баллотировкѣ этихъ постановленій оказались 133 голоса; изъ нихъ 132 были за эти постановленія, а 1 голосъ противъ нихъ.

Этимъ окончилось чрезвычайное собраніе сената, созванное собственно для разсмотрѣнія предложеній, сдѣланныхъ г. Фульдомъ. Послѣдующія засѣданія сената, какъ объявляетъ «Монит-

тѣрь» откроются не ранѣ послѣднихъ чиселъ января будущаго года.

III. Выборы въ Пруссіи.

Въ нынѣшнемъ году въ Пруссіи выборы представителей были оживлены чрезвычайно. Въ прежнее время, совѣщанія избирателей были закрыты для публики, но при настоящихъ выборахъ рѣшено было допускать въ залы совѣщаній постороннихъ слушателей и журналистовъ, и такимъ образомъ совѣщательныя собранія избирателей сдѣлались мѣстомъ для преній политическихъ партій. Газетные столбцы стали каждый день наполняться извѣстіями о ходѣ выборовъ. Кандидаты въ представители, являясь на сходки избирателей, произносили длинныя рѣчи, которыя начинались обыкновенно перечнемъ заслугъ, оказанныхъ ораторомъ государству и обществу; въ рѣчахъ заявлялось также о стойкости характера и о твердости убѣжденій, — двухъ качествахъ, необходимыхъ для хорошаго депутата. Далѣе ораторъ высказывалъ свои политическія убѣжденія и передавалъ собранію рядъ предложеній, которыя онъ нахѣренъ сдѣлать правительству, если попадетъ въ палату. Одни изъ такихъ кандидатовъ ставила на первый планъ единство Германіи подъ главенствомъ Пруссіи; другіе обѣщали добиться или разрѣшенія шлезвиг-голлтинскаго вопроса въ пользу нѣмецкаго союза, или преобразованія первой прусской палаты въ демократическую дучъ. Третьи толковали о развитіи конституціи, объ отдѣленіи церкви отъ государства, о необходимой обязательности гражданскаго брака, объ измѣненіи закона о преподаваніи и объ освобожденіи школъ отъ вліянія духовенства. Очень понятно, что во всея этомъ говорѣ было высказано много дѣльнаго и дано было вѣрное направленіе нѣкоторымъ общественнымъ вопросамъ и интересамъ; но нельзя не сказать и того, что подобныя совѣщанія имѣли порою свою смѣшную сторону. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ кандидатовъ въ депутаты обѣщался, между прочимъ, настоять у правительства объ отиѣнѣ въ училищахъ и въ арміи шведской гимнастики и о замѣнѣ ея отечественною. Само собою разувѣтся, что вопросъ о нѣмецкомъ флотѣ вообще и о прусскомъ въ особенности тоже былъ предметомъ толковъ и совѣщаній. Короче, на этихъ сходкахъ были затронуты живую рѣчью всѣ предметы, занимающіе общественное вниманіе въ Пруссіи.

Нѣкоторымъ изъ подобныхъ ораторовъ, бывшимъ уже когда-нибудь въ числѣ представителей, выпадала трудная задача: ихъ спрашивали; — почему они, въ свою бытность депутатами, не исполнили того, что обѣщаютъ теперь и нерѣдко насмѣшки и шканье были отвѣтами на неловкое оправданіе или объясненіе того, къ кому избиратели относились съ подобными вопросами.

Вообще, не смотря на нѣкоторыя странности и даже комическія крайности, неизбѣжныя въ подобныхъ многочисленныхъ сходкахъ, все же сходки эти были чрезвычайно полезны, возбудивъ въ публикѣ участіе къ разнымъ государственнымъ вопросамъ и показавъ многіе промахи правительства.

Особенный говоръ въ кружкахъ избирателей и постороннихъ посѣтителей возбуждалъ вопросъ о тягости, испытываемой Пруссіею вслѣдствіе содержанія слишкомъ-значительной арміи. Не въ пользу этого порядка дружно сходились всѣ голоса и вопросъ о сокращеніи расходовъ по военной части выступалъ въ публикѣ съ возраставшею настойчивостью.

6-го декабря (24 ноября) происходили во всей прусской монархіи выборы въ члены второй палаты и о результатѣ ихъ понеслись въ Берлинъ, какъ въ политическое средоточіе, телеграфическія депеши. Каждая партія сѣзшила объявить своимъ сторонникамъ и приверженцамъ о своей побѣдѣ. Цѣлыя столбцы берлинскихъ газетъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, почти исключительно были наполнены перечнемъ именъ и фамилій тѣхъ, которые удостоились быть избранными. Общій характеръ выборовъ былъ въ пользу демократической или, какъ называютъ ее въ Пруссіи, прогрессивной партіи. Впрочемъ, успѣхъ достался этой партіи не даромъ. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до выборовъ она съ необычайною дѣятельностью хлопотала объ удовлетворительномъ исходѣ выборовъ, которые, скажемъ кстатѣ, представили утѣшительный успѣхъ правильнаго развитія конституціонныхъ понятій и порядка среди всѣхъ классовъ прусскаго народа.

Феодальная или такъ называемая консервативная партія потерпѣла такое сильное пораженіе на настоящихъ выборахъ, что въ первомъ избирательномъ округѣ Берлина, на сторонѣ ея кандидата, военнаго министра фон-Роппа, оказывалось всякій разъ только отъ 8 до 11 голосовъ, между-тѣмъ, какъ число избирателей простиралось въ этомъ случаѣ до 500 человекъ.

Конституціонная партія, или партія либеральная, но только на старомъ покрое и, слѣдовательно, поотставшая отъ современныхъ понятій и стремленій, тоже испытала порядочную неудачу въ выборѣ своихъ кандидатовъ, хотя меньшинство голосовъ въ пользу этихъ кандидатовъ и не доходило до такой степени, какъ это было при баллотировкѣ членовъ, принадлежащихъ къ феодальной партіи.

Демократическая партія, устраниая отъ депутатства людей несомнѣнно-либеральныхъ, наказывала ихъ этимъ устраниеніемъ за то, что они въ послѣднемъ собраніи палаты подавали голоса въ пользу усиленія бюджета на военные расходы. Въ самомъ Берлинѣ, —несмотря на неоднократныя убѣжденія короля—обходить при избраніи въ депутаты членовъ демократической партіи, —большинство избирательныхъ голосовъ было постоянно на ихъ

сторонѣ, такъ-что въ представителяхъ Берлина попали теперь самыя отъявленные и рѣшительные демократы.

Нѣкоторые члены «феодальной партіи» поняли свое невыгодное положеніе и старались передъ выборами заискивать расположенія конституціонной и даже демократической партіи; а одинъ изъ самыхъ закоренѣлыхъ «феодаловъ», бывшій обер-президентъ померанской провинціи, — г. фон-Клейст-Ретцовъ, какъ сообщали нѣкоторыя газеты, записался, въ угоду демократамъ, на мѣстѣ своего жительства, въ цехъ сапожниковъ. Впрочемъ, таковой рѣзкій переходъ не помогъ ему достигнуть цѣли. Здравый общественный смыслъ очень хорошо умѣетъ цѣнить подобныхъ поведеніяхъ переметчиковъ и, вмѣсто сочувствія, оказываетъ имъ болѣею частью насмѣшки, которыя нерѣдко доходятъ до презрѣнія. Въ настоящемъ же случаѣ дѣло кончилось тѣмъ, что бывшій обер-президентъ получалъ, для починки, до двухсотъ разорванныхъ сапоговъ, а избирательныхъ голосовъ въ двадцать разъ менше количества присланной ему обуви.

Вообще, либеральная партія, со всѣми ея довольно-значительными отгѣнками, одержала на выборахъ рѣшительный перевѣсъ, тогда-какъ реакціонная, тоже со всѣми своими отгѣнками, потерпѣла пораженія, почти равное сильному совершенному уничтоженію. Для того, чтобы понять эти результаты, надобно замѣтить, что изъ общаго числа депутатовъ во вторую палату, т.-е., изъ 352 кандидатовъ, около 260 депутатовъ принадлежитъ къ либеральной партіи, около 50 — къ клерикальной, изъ остальныхъ 41 должно исключать 20 поляковъ, такъ-что на долю реакціонной партіи осталось весьма немного. Что же касается клерикальной партіи, то названіе это въ Пруссіи не принимается въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется во Франціи. Въ Пруссіи члены такъ-называемой клерикальной партіи хотя и ставятъ интересы католицизма на первый планъ, но это только въ дѣлахъ, относящихся къ церкви; въ вопросахъ же чисто-политическихъ, въ которыхъ не затрогивается религіозный элементъ, они нерѣдко держатся самаго крайняго прогресса, такъ-что партія эта считается въ своемъ кружкѣ самыхъ дѣятельныхъ либераловъ. Добавимъ къ этому, что въ послѣдней палатѣ партія реакціонеровъ имѣла 51 своего сторонника; изъ нихъ 20 принадлежали къ крайней партіи, которую руководила гг. Блакенбургъ и Вагенеръ, а прочіе 31, подъ предводительствомъ графа Пюклера, считались умѣренными реакціонерами. Такая неудача реакціонной партіи при нынѣшнихъ выборахъ лучше всего доказываютъ несуществованіе въ Пруссіи ея приверженцевъ, хотя «Крестовая газета» — органъ реакціонной партіи — формально объявила накануне выборовъ, что еслибы избиратели этой партіи и не имѣли во вся надежды доставить торжество своимъ кандидатамъ, то все же они скорѣе, безъ всякой пользы для послѣднихъ, поддадутъ

голоса за своихъ, чѣмъ стануть поддерживать умиранныхъ либераловъ или демократовъ. Этому руководительному объявленію дѣйствительно слѣдовали почти во всей Пруссіи, но удача отъ этого не было.

Въ свою очередь, газеты прогрессивной партіи, убѣдившись въ ея полномъ торжествѣ, заявляютъ, что въ палатѣ дѣло можетъ и даже должно дойти до столкновенія, и что теперь отъ благоразумія правительства зависитъ избѣгнуть подобнаго исхода дѣла, уступивъ требованію страны по вопросу о' бюджетѣ на военныя издержки. Къ этому прогрессивныя газеты прибавляютъ, что распушеніе палаты не поведетъ ни къ какимъ результатамъ, выгоднымъ для правительства, такъ-какъ при новыхъ выборахъ повторится, по крайней мѣрѣ, то же самое, если только прогрессивная партія не усилитъ еще болѣе своей оппозиціи настоящему порядку дѣла.

По слухамъ, правительство не только готовилось къ уступкамъ по вопросу о военномъ бюджетѣ, но даже предполагало усилить первую палату членами либеральной партіи для того, чтобы предотвратить разрывъ народныхъ представителей съ министровъ.

Результатъ выборовъ произвелъ ввечатлѣніе и на нублuku и на короля. При поѣздкѣ своей на охоту въ Леслингенъ, король, проѣзжая черезъ городъ Вольмиртетъ, шѣлъ въ первый разъ случай высказаться насчетъ послѣднихъ выборовъ, не угодившихъ его ожиданію. Во время торжественнаго приѣма, сдѣланнаго ему на путевомъ дворѣ разными ремесленными и сельскими обществами, онъ сказалъ вольмиртетскому бургомистру слѣдующее:

«Настоящія изъявленія радости не согласны съ происходившими недавно выборами въ палатѣ. Сдѣланный мнѣ теперь приѣмъ выражаетъ любовь и привязанность; а выборы, въ свою очередь, должны были выразить довѣріе ко мнѣ, но они этого не выразили, такъ-какъ предостереженіе мое, чтобы на выборахъ воздерживались отъ крайнихъ направленій, здѣсь не было соблюдено, потому-что выбранные въ этомъ городѣ депутаты, и въ особенности одинъ изъ нихъ, принадлежатъ къ крайнимъ, такъ называемымъ, прогрессивнымъ людямъ, которые снова называютъ себя демократами. Такіе выборы возбуждаютъ во мнѣ не радость а неудовольствіе; но я надѣюсь, что то довѣріе ко мнѣ, котораго я теперь не вижу, выскажется впоследствии.»

Выраженіе неудовольствія со стороны короля на произведенные выборы не ограничилось замѣчаніемъ, сдѣланнымъ бургомистру. При освященіи церкви въ Гарделегенѣ, король, пригласивъ въ свои покои духовенство этого округа, сказалъ ему почти то же самое, что онъ говорилъ на путевомъ дворѣ въ Вольмиртетѣ, прибавивъ къ этому слѣдующее:

«Выборы не могли быть хуже. Въ Берлинъ посылають людей, которые были осуждены за политическія преступленія и которые получили право возвратиться туда только вслѣдствіе амнистіи.»

Впрочемъ, министерская газета напечатала, что рѣчи, сказанныя королемъ въ Вольмирстетѣ и въ Гарделегенѣ, переданы не такъ, какъ напечатала ихъ «Крестовая газета». Это опроверженіе, сдѣланное въ «Прусской всеобщей газетѣ» было передано по телеграфу во всѣ концы королевства. Замѣчательно, впрочемъ, что въ мѣстной официальной газетѣ Гарделегенскаго округа напечатана рѣчь короля къ мѣстному духовенству, на основаніи сообщеній, сдѣланныхъ тѣми, которые сами слышали эту рѣчь, а между-тѣмъ текстъ гарделегенской газеты въ существенныхъ частяхъ совершенно согласенъ съ текстомъ королевской рѣчи, напечатанной въ «Крестовой газетѣ», а нѣкоторыя мѣста еще слыше. То же самое повторилось и въ магдебургской газетѣ.

Такая путаница подала демократическимъ газетамъ поводъ требовать отъ министерства объясненія недоразумѣній, тѣмъ болѣе, что въ Вольмирстетѣ не выбранъ въ депутаты никто изъ подвергшихся наказанію за политическія преступленія. Притомъ, по замѣчанію этихъ газетъ, вообще при выборахъ старались избѣгать назначенія въ депутаты подобныхъ лицъ для того, чтобы избѣжать разлада съ правительствомъ. Упомянутыя газеты объясняютъ такое противорѣчіе въ текстахъ королевской рѣчи тѣмъ, что король былъ введенъ въ ошибку чьимъ-либо донесеніемъ о результатахъ выборовъ, а потому и настаиваютъ, чтобы министерство объявило имена лицъ, рѣшившихся на подобный поступокъ.

Остается теперь объяснить результатъ выборовъ, на которые лучшая часть прусской журналистики смотритъ какъ на истинное выраженіе народной воли.

Справедливость требуетъ сказать, что дѣйствительно настоящіе выборы были въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ первыя выборы свободныя отъ прямаго и косвеннаго на нихъ вліянія со стороны правительства. Надобно замѣтить, что на выборахъ 1849 года, не стѣсненныхъ фактически правительствомъ, либеральная партія, не желая подчиниться измѣненіямъ, произведеннымъ въ законѣ не въ ея пользу, устранилась отъ всякаго участія. Затѣмъ, каждое трехлѣтіе, усиливалось все болѣе и болѣе вліяніе реакціонной партіи на депутатскихъ выборахъ, и въ 1855 году торжество этой партіи достигло высшей степени. Долго будетъ помнить прусскій народъ съ какимъ необузданнымъ произволомъ уничтожились въ этомъ году послѣдніе признаки самостоятельныхъ и свободныхъ выборовъ, съ какимъ презрительнымъ высокоуміемъ реакціонная партія посылала въ палату своихъ сторонниковъ, какъ-бы въ пасмѣшку называя

илевретовъ народными представителями. Подобное самоуправіе укрѣпилось, однако, господство этой партіи, но, напротивъ, на нѣе пало всеобщее негодованіе и подорвало главныя образы ея преобладаніе.

Выборы 1859 года послѣдовали слишкомъ скоро за учрежденіемъ регентства. Добрыя намѣренія новаго правительства, касательно самостоятельности и свободы выборовъ, могли быть, по краткости времени, исполнены только отчасти. Несмотря на желаніе, изъявленное принцомъ-регентомъ о нестѣсненіи выборовъ, преданія реакціоннаго періода были еще слишкомъ живучи, и чиновники, распоряжавшіеся прежде выборами въ духѣ реакціонеровъ, не оставляли своихъ самовольныхъ привычекъ. Очень часто они прибѣгали къ системѣ устрашенія и надѣялись, что переходное время скоро минетъ и что дѣла вернутся къ временному порядку.

Съ своей стороны, и либеральная партія не была еще увѣрена въ прочности новыхъ порядковъ; поэтому она не рѣшалась идти наперекоръ правительству и думала только о томъ, чтобы усилить себя поддержкою новаго министерства, а потому, на этотъ разъ, она сдержала свои оппозиціонныя стремленія. Вслѣдствіе этого, выборы 1858 года могли скорѣе выражать доверіе избирателей къ министерству, нежели политическія ихъ мнѣнія.

Несмотря на частныя стѣсненія, общій ходъ выборовъ удовлетворилъ требованія прусскаго народонаселенія. Даже въ Пестдайтѣ, гдѣ всего болѣе господствовала старая или такъ-называемая юнкерская партія, выборъ въ депутаты палъ не на ея приверженцевъ.

Либеральная журналистика въ Пруссіи объявляетъ увѣренность, что правительство, опираясь на нынѣшнюю палату, составленную изъ личностей, сочувственныхъ народу, не захочетъ допустить преобладаніе первой палаты въ тѣхъ дѣлахъ, которыя требуютъ посредоваго движенія и которыя, между-тѣмъ, задерживаются большинствомъ членовъ первой палаты, не отступающихъ отъ феодальныхъ наклонностей и преданій. Для правительства было бы нѣе выгодно искать для себя опоры въ отживающемъ меньшинствѣ; ему нужна поддержка въ свѣжихъ, все болѣе и болѣе развивающихся силахъ цѣлаго народа. Напрасно оно будетъ стараться превратить это ничтожное меньшинство въ искусственное большинство, требующее для своей поддержки разныхъ ухищреній, недостойныхъ твердаго и прямодушнаго правительства.

IV. Временное соединеніе придунайскихъ княжествъ.

На основаніи парижскаго трактата, заключеннаго первенствующими державами 30 марта 1856 года, и на основаніи конвенціи, подписанной 19 августа 1858 года, постановлено было — учредить

въ государствахъ Молдавіи и Валахіи конституціонное правленіе, оставивъ эти княжества подъ верховнымъ обладаніемъ Порты. Предположенія эти были приведены въ 1859 году въ исполненіе. Въ каждомъ княжествѣ было открыто особое избирательное собраніе, а въ Фокшанахъ была учреждена центральная коммиссія.

Между-тѣмъ, при выборѣ государя случилось обстоятельство, которое не было предусмотрено ни въ парижскомъ трактатѣ, ни въ конвенціи 19 августа; именно, въ обоихъ княжествахъ былъ выбранъ въ государя полковникъ Куца. Такимъ образомъ, фактически оба княжества соединились подъ властью одного и того же государя. Избраніе это было признано дѣйствительнымъ со стороны всѣхъ кабинетовъ, принимавшихъ участіе въ устройствѣ политическаго быта въ принудительныхъ княжествахъ. Порта, однако, старалась не допустить этого соединенія и султанъ, признавъ вслѣдствіе предостательства главныхъ державъ, князя Александра-Ивана I государемъ Молдавіи и Валахіи, далъ ему утвердительный фирманъ на каждое княжество въ отдѣльности. Такое положеніе дѣлъ было крайне-неудобно для соединившихся княжествъ; каждое изъ нихъ, въ ожиданіи окончательнаго соединенія, должно было имѣть отдѣльную армию и особое гражданское министерство. Вслѣдствіе этого, въ сентябрѣ настоящаго года, Франція, Англія, Россія, Австрія и Пруссія обратились къ султану съ предложеніемъ объ окончательномъ соединеніи княжествъ подъ правленіемъ нынѣшняго государя.

Въ началѣ декабря дѣло это рѣшилось въ пользу временнаго соединенія княжествъ при жизни князя Куцы.

Въ «Мониторѣ» напечатанъ теперь текстъ султанскаго фирмана. Вотъ содержаніе его въ главныхъ чертахъ:

«Въ запискѣ своей, представленной высокой Портѣ (сказано въ фирманѣ) государь соединенныхъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, князь Куца, исчислилъ важныя затрудненія, встрѣчаемыя его правительствомъ вслѣдствіе существованія отдѣльныхъ палатъ и министерствъ, затрудненія, препятствующія, по его словамъ, устроить благоденствіе этихъ княжествъ при соединеніи въ его рукахъ господарской надъ ними власти.

«А какъ развитіе и преуспѣяніе благоденствія означенныхъ княжествъ и ихъ жителей составляютъ предметъ нашей величайшей заботы, то помянутая записка была обсуждена въ нашемъ совѣтѣ министровъ со всѣмъ должнымъ вниманіемъ.

«Дѣйствительно, (продолжаетъ фирманъ), теперешнее устройство Молдавіи и Валахіи основано на системѣ управленія каждымъ изъ этихъ княжествъ отдѣльнымъ государемъ, а потому исключительное соединеніе власти двухъ государей въ лицѣ

одного князя Куцы, естественно, должно было сдѣлать необходимымъ и некоторыя исключительныя перемены.

«Но такъ-какъ соединеніе двухъ государствъ подъ властью одного лица было утверждено только какъ исключеніе изъ общаго порядка дѣлъ; установленнаго для княжествъ, то очевидно, что и перемены, которыя будутъ сдѣланы въ парижской конвенціи, заключенной 19 августа 1858 года, должны быть сообразны съ исключительнымъ и временнымъ свойствомъ этого соединенія.

«Поэтому, наше правительство, равно какъ и великія державы, наши союзницы и участницы въ упомянутой конвенціи, договорившись между собою по означенному предмету, признали за необходимость принять слѣдующія мѣры.»

Затѣмъ слѣдуетъ семь статей фирмана, опредѣляющихъ условія, на основаніи которыхъ допускается соединеніе обоихъ княжествъ.

Статья первая объявляетъ, что до-тѣхъ-поръ, пока оба государства будутъ соединены въ лицѣ князя Куцы, онъ будетъ управлять княжествами при содѣйствіи одного министерства, которое соединитъ въ своихъ рукахъ обязанности, исполняемыя до-сихъ-поръ отдѣльными министерствами Молдавіи и Валахіи.

Въ силу второй статьи султанскаго фирмана, собраніе депутатовъ Молдавіи и Валахіи будутъ соединены въ одно общее для обоихъ княжествъ собраніе. Къ этому прибавлено, что мѣры, установленныя въ статьяхъ 16-ой и 22-й конвенціи, заключенной 19 августа 1858 года, остаются примѣнимыми къ этому собранію во всемъ томъ, что не измѣнено теперешнимъ уставомъ. Предсѣдательствовать же въ общемъ собраніи обоихъ княжествъ будутъ поочередно митрополиты молдавскій и валахскій.

Такъ какъ центральная фокшанская коммиссія была учреждена собственно для установленія нужнаго единства въ дѣйствіяхъ министерствъ и палатъ обоихъ княжествъ, то, вслѣдствіе новаго порядка дѣлъ, на основаніи 3-й статьи фирмана, дѣйствія этой коммиссіи будутъ приостановлены на все время соединенія упомянутыхъ палатъ и министерствъ.

«Однако же, (добавляетъ фирманъ), если правительство княжествъ, по согласію съ палатою представителей, найдетъ, что высшее собраніе, подъ именемъ сената, или подъ какимъ нибудь другимъ названіемъ, можетъ быть съ пользою учреждено для замѣны центральной коммиссіи, то высокая Порта приметъ во вниманіе всякое предложеніе, какое будетъ ей сдѣлано по-этому поводу.»

Статья четвертая опредѣляетъ, что какія-бы ни послѣдовали перемены въ административномъ раздѣленіи обоихъ княжествъ, граница, раздѣляющая ихъ въ настоящее время, должна остаться неприкосновенною.

Статьею 5-ю учреждается въ каждомъ княжествѣ областная совѣтъ, который будетъ созываемъ въ опредѣленные сроки и

съ которыми правительство должно будетъ совѣщаться о всѣхъ законахъ и уставахъ, касающихся отдѣльныхъ интересовъ одного изъ княжествъ. Сверхъ того, эти совѣты будутъ повѣрять за-вѣдываніе провинціальными суммами. Составъ областныхъ совѣтовъ и права, которыя должны быть имъ предоставлены, определяются по общему согласію господаря съ собраніемъ депутатовъ.

Дальнѣйшая часть фирмана предъусматриваетъ то положеніе, въ которомъ должны будутъ находиться княжества, въ случаѣ прекращенія власти настоящаго господаря.

«При первой вакансіи на господарство (сказано въ 6-й статьѣ фирмана), измѣненныя нынѣ статьи парижской конвенціи 19-го августа 1858 года, и теперь временно-пріостановленныя, снова вступаютъ въ свою силу.

Управленіе княжествами приметъ на себя совѣтъ министровъ, который будетъ распоряжаться въ предѣлахъ, установленныхъ на этотъ случай 11-ю статьею упомянутой конвенціи.

Если же въ то время палата депутатовъ окажется въ сборѣ, то дѣйствія ея должны быть прекращены немедленно. Совѣтъ министровъ безъ отлагательства приступитъ къ новымъ выборамъ членовъ въ палаты молдавскую и валахскую, согласно съ избирательнымъ закономъ, какой тогда будетъ въ силѣ.

Выборы эти должны быть окончены въ четырехнедельный срокъ и чрезъ десять дней послѣ этого обѣ палаты соберутся отдѣльно—одна въ Яссахъ, другая въ Бухарестѣ. По истеченіи же восьми дней послѣ своего сѣзда, члены палаты должны будутъ приступить къ выбору господаря для того княжества, которое она собой представляютъ. Для законности выбора нужно, чтобы три четверти числа вписанныхъ членовъ было при выборѣ на-лицо. Если же въ продолженіе восьми дней не состоится выбора, то въ полдень девятаго дня совершается выборъ господаря, какое бы ни было число наличныхъ членовъ.

Въ статьѣ седьмой и послѣдней сказано: «Предполагается, что всѣ предписанія конвенціи, заключенной 19 августа 1858 г., останутся въ полной силѣ, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя измѣнены теперь временно. Протоколъ, подписанный въ Парижѣ 6-го сентября 1859 года, также сохраняетъ полную силу во всѣхъ предусмотрѣнныхъ въ немъ случаяхъ.

Согласно тому, что высказано ясно въ предисловіи, введенныя настоящимъ фирманомъ,—по соглашенію съ великими, покровительствующими державами,—перемѣны въ конвенціи 19 августа имѣютъ силу только въ продолженіе того времени, пока оба господарства соединены въ лицѣ князя Купы.

Въ случаѣ ваканціи господарства, будетъ поступлено согласно съ изложенными выше постановленіями.

«Да благоволятъ Всевышній (заключаетъ султанъ въ своемъ

спиритъ) чтобы это рѣшеніе было обильно благими послѣдствіями для жителей означенныхъ княжествъ!

У. О посланіи президента южныхъ штатовъ и заимѣтка о событіяхъ въ Сѣверной Америкѣ.

Посланіе г. Джефферсона Девиса можетъ считаться политическою программною новою южной республики, если только исключить изъ этого посланія ту часть, которая относится къ описанію матеріальнаго положенія южныхъ штатовъ. Эта часть посланія представляетъ грустную картину настоящаго положенія отвавшихъ штатовъ. Изъ посланія г. Девиса видно, что сообщенія тамъ затруднительны; что организація почти влоха до чрезвычайности; что въ звонной монетѣ оказывается рѣшительный недостатокъ и что правительство выпускаетъ бумажныя деньги, обезпеченныя публичными фондами, или, объясняясь просто, надобно сказать, что южной республикѣ угрожаетъ банкротство, если она удачною продажей клонка не успѣетъ погасить сдѣланнаго ею внутренняго долга.

Замѣчательно, однако, что г. Девисъ, касаясь въ большихъ подробностяхъ до настоящаго положенія управляемой ими республики, не упоминаетъ вовсе о невольничествѣ, бывшемъ, если не главною причиною, то, по крайней мѣрѣ, прямымъ поводомъ для войны, происходящей нынѣ въ Сѣверной Америкѣ.

Мы считаемъ излишнимъ помѣщать здѣсь посланіе г. Девиса, но укажемъ только на отзывъ объ этомъ посланіи, сдѣланный газетою «Times». Вотъ какъ отзывается эта газета и о нынѣшнемъ положеніи южныхъ штатовъ, и о посланіи ихъ президента.

«Если югъ республики (сказано въ этой газетѣ) обладаетъ хоть десятой долей той твердой рѣшимости, которою онъ хвалится, то дѣло его не можетъ быть названо потерянныя, хотя, правду говоря, нельзя смотрѣть съ довѣрчивостью на финансовыя дѣла южной конфедерации. По дѣламъ этимъ принята система неограниченнаго выпуска бумажныхъ денегъ; но какъ скоро вынуждены преразойдетъ запросъ, то курсъ этихъ денегъ станетъ приходить въ упадокъ. Тогда цѣны на все поднимутся, и правительство получить обратно свои деньги въ видѣ уплаты податей. Гарантія публичныхъ фондовъ чрезвычайно обманчива, потому-что подобная финансовая система не можетъ внушить довѣрія къ правительству, употребляющему ее въ дѣло. Оправдывать ее можно только тѣмъ, что южные штаты не имѣли другаго выбора, между-тѣмъ, какъ они готовы на все кромѣ примиренія съ сѣверомъ.

«Еще можно сказать и то, что, при осторожности и бережливости, народъ, довольствуясь предметами первой необходимости, можетъ, въ теченіе значительнаго промежутка времени, продлить

борьбу за свое существованіе и за свою независимость. Но мы, признаемъ, не безъ нетерпѣнія прочитали притворныя сѣтованія г. Девиса, президента республики, существующей подъ особой защитой законовъ о рабствѣ. Онъ жалуется на нарушеніе личной свободы, на уничтоженіе свободы тисненія и на другія угнетательныя мѣры, составляющія на сѣверѣ естественныя послѣдствія междоусобной войны; между-тѣмъ эти насилія, на которыя югъ смотритъ съ удивленіемъ и презрѣніемъ, не перешли къ нему съ настоящею войною, но они еще задолго до войны укоренились тамъ. Мы не можемъ также сочувствовать жалобамъ людей, зажегшихъ междоусобную войну и потомъ сѣтующихъ на жестокости, порожденныя этою войною, на бѣдствія, угрожающія женщинамъ и дѣтямъ, и на возможность возстанія невольниковъ. Объ этомъ слѣдовало подумать прежде, нежели начать междоусобную войну, которая, какъ всѣмъ извѣстно, бываетъ ужаснѣе войны обыкновенной.

«Тѣ, которые прибѣгаютъ къ оружію (продолжаетъ «Times») не должны отступать передъ рѣшеніемъ вопроса этимъ способомъ. Тотъ, кто проливаетъ кровь, не долженъ удивляться, если нога его поскользнется въ этой крови. Наконецъ, если г. Девисъ думаетъ, что новые штаты, переставъ воздѣлывать хлопокъ, разорять этимъ иностранныя государства, то пусть они разочаруются въ своихъ ожиданіяхъ. Недостатокъ американскаго хлопка похожъ на отсутствіе челоуѣка, къ которому привыкли: сначала о такомъ челоуѣкѣ сожалеютъ, а потомъ его забываютъ. Мы убѣждаемся теперь въ томъ, что можемъ обойтись безъ южнаго хлопка, а потому и воспользуемся этимъ убѣжденіемъ.»

Что же касается замѣчательнѣйшихъ событій, совершившихся въ Америкѣ въ послѣднее время, именно по 3-го декабря, то о нихъ можно сказать слѣдующее:

Первое засѣданіе конгресса Соединенныхъ Штатовъ было открыто въ понедѣльникъ, 2-го декабря. По произведенной переключкѣ оказалось на-лицо сорокъ сенаторовъ и сто-четыренадцать депутатовъ; а такъ-какъ это число присутствующихъ членовъ считается достаточнымъ, то и была отправлена депутація, чтобы увѣдомить президента и собраніе конгресса.

Изъ представленныхъ на конгрессѣ актовъ самымъ замѣчательнымъ, въ отношеніи внѣшней политики Сѣверныхъ штатовъ къ Англіи, былъ отчетъ министра морскихъ силъ, въ которомъ г. Веллесъ говорить о взятіи въ плѣнъ гг. Мезона и Слайделля, одобряя при этомъ безусловно распоряженія капитана Вилькса, захватившаго южныхъ депутатовъ. Министръ утверждаетъ, что, въ силу международнаго права, а также и на основаніи всѣхъ прежнихъ рѣшеній, поставленныхъ адмиралтейскими судами Англіи, капитанъ Вильксъ имѣлъ полное право захватить пароходъ «Трентъ», и даже конфисковать его. По мнѣнію ми-

нистра, капитанъ Вилксъ, дозволивъ англійскому пароходу продолжать спокойно свой дальнѣйшій путь, оказалъ, безъ всякаго сомнѣнія, большое снисхожденіе, которое, однако, можно ему извинить.

Въ заключеніи своего доклада, г. Веллесъ обращается къ конгрессу съ просьбой—одобритъ нѣкоторыя предлагаемыя имъ мѣры по проекту о флотскихъ чинахъ.

Въ засѣданіи 2 декабря палата представителей единогласно опредѣлила просить президента, чтобы онъ содержалъ гг. Мезона и Слайделла въ видѣ заложниковъ, отвѣчающихъ за жизнь подковниковъ Коскара и Вуда, съ которыми, по осужденію въ Филадельфіи на смерть одного изъ южныхъ корсаровъ, правительство г. Девиса обращается не какъ съ военно-плѣнными, но какъ съ преступниками.

Наконецъ г. Томасъ Эллиотъ, представитель Масачузетса, предложилъ объявить свободными всѣхъ безъ исключенія невольниковъ, принадлежащихъ сепаратистамъ. Это предложеніе, которому сильно рукоплескала публика, находившаяся въ галереяхъ, подало поводъ къ значительному волненію въ залѣ собранія, которое опредѣлило отсрочить пренія объ этомъ важномъ предметѣ до слѣдующей недѣли.

Относительно же положенія дѣлъ въ Южныхъ штатахъ, можно замѣтить, что мѣстопробываніе правительства этихъ штатовъ намѣреваются перенести изъ Ричмонда въ Нешвилъ (въ штатѣ Тенессі). Журналы бывшей столицы новаго союза сильно негодуютъ за это на президента и его совѣтниковъ и обращаются къ нимъ съ самыми положительными угрозами. Прочіе же южные журналы, повидимому, не очень дорожатъ Виргиніей. Они совѣтуютъ правительству оставить этотъ штатъ, который, по ихъ словамъ, не можетъ быть удержанъ за южной конфедераціей безъ пожертвованій, несоразмѣрныхъ съ финансовыми средствами новаго союза.

—*—*—*—

ДОКТОРЪ АНТОНІО.

РОМАНЪ РУФИНЕ,

(АВТОРА ЛОРЕНЦО БЕНОНИ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1862.

Приложеніе къ журналу «Библіотека для Чтенія» № 12, 1861 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Сицилія.

Въ теплый лѣтній вечеръ и довольно уже поздно, на балконѣ сидѣли сэръ Джонъ, Лусси и докторъ и, внимая соловьямъ, слѣдили за едва замѣтнымъ движеніемъ заходящей луны. Въ ту минуту, когда яркое свѣтило, остановившись надъ Бордигерскимъ холмомъ, прошло на него, сквозь густую завѣсу деревьевъ, потоки свѣта, дрожавшіе, какъ пламя, колеблемое вѣтромъ, Люси съ восторгомъ воскликнула:

— Не правда ли, это похоже на вулканъ? — Я никогда не видала волкана, но мнѣ кажется, что сходство должно быть неопредѣленно.

И она указала пальцемъ на холмъ.

— Вы правы, — сказалъ Антоніо, — сходство до того поразительно, что мнѣ кажется, будто передо мною милая моя старуха Этна въ мильяторѣ. Это напоминаетъ мнѣ не одну счастливую ночь, когда, сидя на террасѣ своего дома, въ Катанѣ, я поджидалъ величественныхъ симптомовъ страшнаго изверженія и строилъ, наяву, блестящія сны будущаго. Настоящее, — продолжалъ онъ съ грустною улыбкою, — такъ же мало походитъ на мои прошлыя мечты, какъ красная раскаленная лава на остывшую лаву, изъ которой ладзарони дѣлають фантастическія украшенія, чтобы вытянуть нѣсколько грановъ у иностранцевъ.

Эти воспоминанія дали поводъ къ длинному ряду вопросовъ со стороны Люси и отвѣтовъ доктора объ Этнѣ, Катанѣ и Сициліи.

И много разъ приходилось Антоніо энергически выражать свое неудовольствіе на притѣсненія, которымъ подвергался его бѣдный родной островъ. Подобныхъ мнѣній сэръ Джонъ не могъ слушать, не дѣлая возраженій.

— Послушайте, однако, — замѣтилъ баронетъ, — неужели справедливо отказать королямъ въ правѣ личной защиты, въ вопросѣ жизни и смерти?

— Поставьте вопросъ наоборотъ, — возразилъ докторъ Антоніо, — и вы будете гораздо ближе къ дѣлу. Не должно ли признавать права

каждой націи— охранять и защищать свою свободу и независимость?

— Согласенъ съ вами; но вы заходите далеко, уже слишкомъ далеко. Если короли иногда, по необходимости, и доходятъ до крайностей, то вся вина этого падаетъ на ту партію, съ которою нѣтъ никакой возможности примириться; я подразумеваю ультра-демократическую партію, которая стремится создать республику на развалинахъ трона.

— Ультра-демократическая партіа! республика!— воскликнулъ докторъ Антоніо съ изумленіемъ, — да кто же когданибудь думалъ о республикѣ въ Сициліи? Сицилійцы народъ существенно монархическій; ихъ преданія, привычки, обычаи — все это имѣетъ глубокіе корни въ монархическихъ началахъ. Всѣми нашими свободными учреждениями мы обязаны королямъ, и долгое время, при непрерывномъ рядѣ монарховъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, Сицилія благоденствовала и внушала къ себѣ уваженіе. Когда гроза 1789 года выгнала неаполитанскихъ Бурбоновъ изъ ихъ континентальныхъ владѣній, гдѣ нашли они безопасное убѣжище, всевозможную помощь, вѣрныя, преданныя сердца, если не въ вѣрной, прямолинейной Сициліи? А какъ они за это отплатили? Это всѣмъ извѣстно. И еще, кто помогъ намъ установить наше политическое зданіе? то есть, я хочу сказать, кто способствовалъ намъ къ установленію нашей конституціи 1812 года, той конституціи, за которую сицилійцы боролись и умирали, впродолженіе двадцати восьми послѣднихъ лѣтъ? Не монархическая ли Великобританія?

— Такъ у васъ есть такой же парламентъ, какъ и у насъ?—спросила Люси.

— Былъ,—отвѣчалъ Антоніо печально.

— Зачѣмъ же онъ уничтоженъ? — спросила Люси. — Ры обѣщали мнѣ рассказать когданибудь все, что касается до вашей страны. Прошу васъ, исполните теперь свое слово.

— Оно было черезчуръ смѣло,—сказалъ Антоніо съ усмѣшкою;— чтобы сдержать его, для этого должно ни болѣе, ни менѣе, какъ передать вамъ сокращенную исторію Сициліи, а я не думаю, чтобы достало у васъ или у сэра Джона терпѣнія выслушать ее до конца.

Но Люси наставляла, сэръ Джовъ увѣрялъ, что ничего лучшаго не желаетъ, какъ слушать, и Антоніо уступилъ.

(Читателю, который не любитъ исторіи въ романѣ стоить только пропустить остальную часть этой главы.)

— Учрежденія Сициліи современны привилегіямъ Англіи,— началъ Антоніо. — Начиная съ XI столѣтія, Сицилія, подъ покровительствомъ норманскаго государя,—какъ и Англія,—положила основаніе своей свободы и независимости. Национальная верховная власть состояла въ парламентѣ, который располагалъ короною острова, и всякій владѣтель, для утвержденія своей власти, считалъ необходимымъ избраніе парламента. Нерасположеніе къ принципамъ изъ до-

на Анжуйскаго происходило отъ того, что они были поставлены на тронъ волею папы, а не выборомъ парламента. Въ этомъ заключается единственная причина возмущенія, слѣдствіемъ котораго были сицилійскія вечерни, въ 1282 году. По собственной волѣ парламента на тронъ была призвана отрасль Аррагонскаго дома, въ особѣ Петра, и въ позднѣйшее время отрасль Кастильскаго дома, въ лицѣ Фердинанда Католика. Не надо забывать, что, по смерти послѣдняго, его преемникъ, Карлъ Пятый, не тотчасъ былъ признанъ. Только въ 1518 году получивъ онъ грамоту отъ парламента на пожалованіе короны и далъ присягу, какъ и его предшественники, оставялъ неприкосновенными привилегіи и свободныя учрежденія Сициліи. Можетъ быть покажется страннымъ, что сицилійская автономія прошла нерушимо сквозь огонь трехсотлѣтняго союза съ Испаніей; но мы перестанемъ удивляться, когда вспомнимъ, что союзъ Испаніи съ Сициліею былъ скорѣе номинальный, чѣмъ дѣйствительный, и что, въ продолженіе всего этого періода, островъ сохранялъ свою національную представительность, свои собственные законы, администрацію, знамя, монету и армію. По утрехтскому трактату, Сицилія была отдана Виктору-Амедею Савойскому, который, по особенному условію этого трактата, обязанъ былъ «одобрить утвердить, и ратификовать всѣ привилегіи, льготы, права и проч.», которыми обладалъ островъ. Такимъ образомъ, свобода Сициліи вошла въ составъ общенациональнаго права въ Европѣ. Но царствованіе Виктора-Амедея было непродолжительно; лѣтъ двадцать спустя, удалось кардиналу Альберони обманомъ завладѣть Сициліею для герцога Савойскаго, и вотъ еще разъ островъ добровольно связалъ себя съ судьбою Испаніи. Вурбоны начали свое царствованіе строгимъ исполненіемъ основнаго договора, и оба королевства, неаполитанское и сицилійское, все время сохраняли свою независимость и оставались отдѣльными одно отъ другого, какъ и въ царствованіе Филиппа Второго. Когда Карлъ III получилъ въ Палермо, въ 1735 году, сицилійскую корону и присягу отъ національныхъ представителей, тогда онъ самъ также принесъ присягу — сохранять вѣрность конституціи. Точно такъ же присягалъ его сынъ и наслѣдникъ Фердинандъ, который въ Сициліи принялъ имя Фердинанда III, а въ Неаполѣ Фердинанда IV, для того чтобы автономія обоихъ королевствъ была очевидна для всѣхъ.

Подъ просвѣщеннымъ управленіемъ Тануччи, (при вступленіи на престолъ Фердинанду было только восемь лѣтъ) народъ, по крайней мѣрѣ въ Сициліи, былъ вообще доволенъ первыми годами этого царствованія: этимъ объясняется, какимъ образомъ ураганъ 1789 года прошелъ надъ островомъ, не возмущивъ спокойствія Сициліи, счастливой въ безопасности, дававшей ей миролюбивыя средства для необходимыхъ реформъ. Да и къ чему было принимать участіе въ борьбѣ, которая не могла принести ей ничего лучшаго противъ того, что она уже имѣла? Однако, троны континентальной Европы были потрясены въ своихъ основаніяхъ; и ни одинъ изъ нихъ не былъ потрясенъ такъ сильно, какъ неаполитанскій. И что же? возможно ли повѣрить, чтобы именно эту минуту выбрали для того, чтобы нанести ударъ нашей вѣко-

вой свободѣ и возбудить неудовольствіе вѣрныхъ сицилійцевъ противъ ихъ короля? Неаполитанское правительство, присоединившись къ коалиціи противъ Франціи, хлопотало о средствахъ найти деньги—первую силу войны. Вслѣдствіе этого, обратились они къ нашему парламенту, для назначенія налога въ двадцать тысячъ ункій (десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ) на неопредѣленный срокъ, пока потребуетъ того необходимость. Сицилійскій парламентъ состоялъ изъ трехъ партій или, какъ по нашему называется, *вгассі*, то есть руки или вѣтви государства: дворянства, духовенства и коронныхъ вассаловъ. Для приведенія въ исполненіе всякихъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ, необходимо было абсолютное большинство всѣхъ трехъ классовъ. Духовенство и дворянство не было противъ налога, но не соглашались на неопредѣленный срокъ. Одни только коронные вассалы пропустили законъ о налогѣ безъ всякаго ограниченія. Король Фердинандъ указомъ повелѣлъ, чтобы мнѣніе его вассаловъ было равносильно голосу цѣлаго парламента.

Однако первое покушеніе противъ нашихъ правъ рушилось само собою, потому что въ ту минуту, когда энергическое сопротивленіе готово было обнаружиться, пораженіе австро-неаполитанской арміи подъ предводительствомъ генерала Мака, предавъ Неаполь во власть французовъ, принудило дворъ и его приверженцевъ искать спасенія на англійскихъ военныхъ корабляхъ, находившихся въ заливѣ.

Избѣгнувъ отъ многихъ опасностей на землѣ, августѣйшіе бѣглецы должны были подвергнуться опасностямъ на морѣ. Два дня спустя послѣ ихъ отплытія, поднялась страшная буря, во время которой умеръ одинъ изъ молодыхъ принцевъ; остальное же семейство благополучно прибыло въ Палермо. «Граждане палермскіе,—воскликнула королева Каролина, выходя на берегъ,—хотите ли вы дать убѣжище вашей королевѣ?» Въ эту минуту всѣ прежнія обиды были забыты; энтузіазмъ былъ всеобщій, Фердинандъ съ Каролиною были съ торжествомъ введены въ королевскій дворецъ, гдѣ скоро обычная роскошь окружила ихъ. Палермцы не знали какъ и доказать свою любовь ихъ величествамъ. Все было доставлено имъ въ изобиліи: лошади, экипажи, серебро. Сицилійцы были твердо увѣрены, что пребываніе ихъ короля между ними положитъ начало болѣе прочному союзу и на долгое время обезпечитъ согласіе между націею и монархомъ. Но они скоро были разочарованы. Я ничего не буду говорить объ этомъ четырехлѣтнемъ періодѣ отъ 1799 до 1802 года, когда амьенскій миръ возстановилъ королевское семейство на неаполитанскомъ тронѣ,—мнѣ пришлось бы тогда болѣе слабыми красками рисовать послѣдующую картину.

Въ 1806 году, Фердинандъ съ своимъ семействомъ принуждены были еще разъ искать убѣжища въ Сициліи. Для этой царственной четы, какъ и для всѣхъ Бурбоновъ, опытъ и несчастія были безпольными уроками. Надѣясь, по обыкновенію, возвратитъ себѣ Неаполь съ помощью и силами Сициліи, они, естественно, — хотя бы изъ одной полятики, — должны бы старательно избѣгать всего того,

что могло бы оскорбить національное чувство сицилийцевъ. Случилось противное. Первымъ дѣломъ двора было — наложить руку на сберегательныя кассы (*monti-di-pietà*) достояніе бѣдныхъ. Потомъ онъ завладалъ деньгами, положенными частными людьми въ банкъ, подъ гарантію правительства; конфисковалъ имѣнія отсутствующихъ землевладельцевъ, были ли они друзьями или врагами; такимъ образомъ собранныя суммы служили для обогащенія неаполитанскихъ выходцевъ, толпившихся при дворѣ. Всѣ правительственныя мѣста — а помните, что дворъ находился въ Сициліи — всѣ должности, всѣ чины, всѣ почести принадлежали неаполитанцамъ и только однимъ неаполитанцамъ. Организовалась система политическаго доноса. Не было общественнаго мѣста, не было гостиной, куда бы не вкрались шпионы; даже семейный очагъ не былъ отъ нихъ избавленъ. Повсюду правительство видѣло якобинцевъ. Гражданина заключали въ тюрьму за то только, что выдавалъ, какъ онъ разговаривалъ съ своимъ пріятелемъ, бывшимъ въ изгнаніи по подозрѣнію въ якобинствѣ — *pro crebris conversationibus*. Другого изгнали за то, что онъ съ удовольствіемъ читалъ какой нибудь журналъ — *pro lectura gazetarum cum delectatione*. И не было границъ мелочнымъ притѣсненіямъ противъ тѣхъ кто имѣлъ бороду и носилъ панталоны: объ эти вещи призывались наружными знаками якобинства.

Король Фердинандъ былъ однимъ изъ самыхъ слабыхъ между испанскими Бурбонами; лишь бы только заниматься ему охотою да рыбною ловлею, — объ исполненіи же обязанностей короля Обѣихъ Сицилій онъ не много заботился. Его жена, — смѣлая, съ твердымъ характеромъ, — Каролина Австрійская, совершенно управляла имъ. Эта честолюбивая женщина не могла примириться съ мыслью о потерѣ неаполитанскаго трона. Быстрые и безмѣрные успѣхи и гигантское счастье наполеоновой династіи отнимали у нея надежду снова овладѣть Неаполемъ съ помощью однихъ сицилійцевъ и небольшого числа англійскихъ кораблей; и потому она рѣшилась испытать новое средство. Она вошла въ тайныя сношенія съ самимъ Наполеономъ, черезъ посредство Маріи Луизы, которой была теткою.

Нѣкоторое время Наполеонъ поддерживалъ въ ней надежду, что возвратитъ ей Неаполь и въ добавокъ отдастъ Анкону; онъ хотѣлъ этимъ способомъ устранить вліяніе англичанъ.

Если корона принадлежала еще неаполитанскимъ Бурбонамъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, они были обязаны тѣмъ британскому правительству. Невозможно было разобратъ, мелкій ли интересъ или великодушнѣе были причиною преградъ, которыя Англія воздвигала Франціи вездѣ, гдѣ только находила случай. Англійскій флотъ, въ 1799 году, спасъ короля и его семейство; англійская кровь великодушно проливалась за нихъ при Мандѣ; для нихъ Англія щедро сыпала свое золото, — съ 1805 года король ежегодно получалъ отъ нихъ триста восемьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ вспомошествованія, доведеннаго до четырехъ сотъ тысячъ въ 1809 году; — наконецъ для

ихъ же защиты на островѣ содержалось отъ десяти до пятнадцати тысячъ англійскихъ солдатъ; — это всѣмъ извѣстные факты. Очевидно было ожидать, по крайней мѣрѣ, при той политикѣ отъ тѣхъ, кто принималъ всѣ эти благодѣянія; но благодарностью не отличался характеръ ни Фердинанда, ни Каролины. Наконецъ англичане развѣдали о провскахъ королевы. Всѣ эти подробности до сихъ поръ ствуютъ тайною; но ясны доказательства ихъ дѣйствительности существованы въ бумагахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ Парижѣ.

До 1810 года, Англія оставалась внимательною, но пассивною зрительницей всего происходившаго на островѣ. Но съ этого года она начала дѣйствовать. Лордъ Амгерстъ былъ отозванъ, мѣсто же его занялъ лордъ Уильямъ Вентникъ, какъ полномочный посланникъ Великобританіи и главнокомандующій всѣхъ англійскихъ силъ въ Средиземномъ морѣ.

Англійскій посланникъ напалъ Палермо въ сильномъ волненіи, по случаю новаго оскорбленія, нанесеннаго дворомъ наканунѣ самого его прибытія. Значительныя суммы, полученныя въ прошломъ году, по рѣшенію сицилійскаго парламента, были растрачены, и король, возбуждаемый своею *камарильею* *, рѣшился прибѣгнуть къ новымъ налогамъ, не обращаясь къ національнымъ представителямъ. Онъ соввалъ государственный совѣтъ, состоявшій, за исключеніемъ одного члена, весь изъ неаполитанцевъ; и послѣ совѣщаній этого совѣта изданы были три декрета, возмущавшіе Палермо. Всѣ поземельныя владѣнія духовныхъ корпорацій и муниципалитета были объявлены собственностью короны. Для скорѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе этого декрета, вторымъ декретомъ объявлялась лотерея, преміями которой назначались вышеупомянутыя земли. Третьимъ декретомъ учреждался сборъ по одному проценту съ суммы всякаго контракта о продажѣ, какаго бы она рода ни была.

Негодованіе, возбужденное этими декретами, было всеобщее, и парламентъ былъ органомъ, выразившимъ это неудовольствіе. Сорокъ три дворянина изъ баронскихъ фамилій подписали энергическій протестъ и представили его королю. Фердинандъ недолго заставилъ ждать своего отвѣта. Въ ночь на пятое іюля 1811 года, князя Вельмонте, Кастельнуово, Вилла-Франка, Ачи и герцога д'Анджіо, находившіеся во главѣ оппозиціи, были арестованы и заключены въ разныя тюрьмы, находящіяся на ближнихъ островахъ.

Въ эту самую критическую минуту явился лордъ Уильямъ Вентникъ. Сицилійцы встрѣтили его съ восторгомъ, какъ своего избавителя. Дипломатъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы успокоить народное волненіе; въ то же время онъ дѣлалъ энергическія представленія королю и его министрамъ о неумѣстности принятыхъ ими мѣръ: — но все было напрасно. «Этотъ дерзкій сержантъ, говорила королева, возненавидѣвшая его, — присланъ сюда принцемъ регентомъ за тѣмъ, чтобы оказывать почести королю, а не за тѣмъ, чтобы предписывать ему законы».

* Приближенные короля.

Не будучи въ силахъ восторжествовать надъ этимъ упрямствомъ, лордъ Бентинкъ возвратился въ Англію, для объясненія сенъ-джемскому кабинету настоящаго положенія дѣлъ въ Сициліи. Послѣ шестимѣсячнаго отсутствія, онъ возвратился въ Палермо, но на этотъ разъ съ полномочіемъ принимать всѣ мѣры, какія сочтетъ необходимыми. Лордъ Бентинкъ былъ не такой человекъ, чтобы позволить съ собою шутить. Видя, что конференція, на которой безпрерывно приглашали его король, королева и наслѣдный принцъ, не привосятъ никакого отвѣта на его самыя категорическія требованія, онъ разрѣшилъ вопросъ самымъ энергическимъ дѣйствіемъ. Для начала онъ прократилъ денежное вспомоцествованіе, выдаваемое Англіею королевской фамиліи, учредилъ главную квартиру въ Палермо и призвалъ изъ Мессины часть англійскаго войска. Но какъ эти сильныя мѣры не имѣли никакого дѣйствія, онъ грозилъ стать въ главѣ своей арміи, взять въ плѣнъ короля и королеву и отправить ихъ въ Лондонъ. Всѣмъ извѣстно было, что лордъ Бентинкъ держитъ свое слово, и потому дѣло скоро уладилось. Король оиціально заболѣлъ, назначилъ наслѣднаго принца на мѣстникомъ королевства и удалился, для перемѣны воздуха, въ свой паркъ Фикуццу.

Королева также оставила Палермо. Начальство надъ сицилійскою арміею было ввѣрено лорду Бентинку; пятерымъ баронамъ возвращена свобода и незаконные декреты уничтожены. Въ то же время три власти, составляющія законодательный комитетъ, были созданы, съ цѣлю—преобразовать конституцію.

Принцъ на мѣстникъ открылъ лично парламентъ, и произнесъ рѣчь относительно предполагаемыхъ реформъ, онъ предложилъ великобританскую конституцію, какъ образецъ для сицилійской. Это первое засѣданіе парламента, продолжавшееся во всю ночь и часть слѣдующаго дня, навсегда займетъ страницу въ нашихъ лѣтописяхъ, какъ блистательное доказательство патріотическаго самоотверженія всѣхъ его членовъ. Духовенство, отказываясь отъ своихъ привилегій, согласилось соединиться съ баронами, чтобы составить Палату перовъ. Бароны, съ своей стороны, отказались отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ, которыя, съ незапамятныхъ временъ, они съ такою ревностію охраняли и которыми такъ гордились. Въ эту ночь феодализмъ былъ уничтоженъ въ Сициліи.

Послѣ долгихъ преній были единодушно приняты двѣнадцать постановленій, долженствовавшихъ служить основаніемъ новой конституціи. Такъ какъ утвержденіе короля было необходимо для нея, то парламентъ, для избѣжанія опасности—впослѣдствіи подвергнуться какомунибудь обману, просилъ принца на мѣстника испросить согласія короля прежде приложенія своей собственной подписи. Принцъ отправилъ, по этому случаю, депешу, на которой король собственноручно написалъ: «такъ какъ это согласно съ моими на мѣреніями, то я уполномочиваю васъ привести это въ исполненіе».

Несмотря на то, королевская партія стала умышлять заговоръ противъ реформы, по наружности одобряемой. Въ день, когда король

долженъ былъ ѣхать въ церковь святаго Франческо, для принесенія благодарственныхъ молитвъ за свое выздоровленіе, предположено было сдѣлать демонстрацію противъ конституціи. Но заговорщики рассчитывали безъ лорда Уильяма Вентинка. На улицахъ показались нѣсколько артиллерійскихъ орудій, выставлено было нѣкоторое количество войска, и этого было достаточно, чтобы подавить демонстрацію при самомъ ея началѣ. Король отказался отъ благодарственнаго молебна въ церкви святаго Франческо и удовольствовался домашними молитвами. Но урокъ былъ потерянъ для короля или, скорѣе, для неисправимой Каролины. Она не унывала и приготовила вторичный *coup de main*, въ исполненіи котораго она надѣялась на сицилійскія войска, стоявшія въ Трапани и въ Корлеоне. Цѣль ея была—разомъ отдѣлаться отъ англичанъ и отъ конституціи. Но лордъ Уильямъ и на этотъ разъ былъ сильнѣе королевы.

Всякая попытка внушенія была безплодна, и потому англійскій полномочный рѣшился прибѣгнуть къ мѣрамъ побужденія. Ночью одинъ кавалерійскій полкъ окружилъ королевское жилище, держа его въ совершенной блокадѣ. Тогда только, и то послѣ многихъ увертокъ, Фердинандъ уступилъ жестокой необходимости и согласился на условія лорда Вентинка, которыя состояли въ томъ, что королева тотчасъ же оставитъ Сицилію, что правленіе снова будетъ ввѣрено наслѣдному принцу и что дарованное ему полномочіе будетъ безъ ограниченія.

Эта побѣда, одержанная надъ придворною партіей, и въ то же время отсутствіе королевы возвратили странѣ нѣкоторое спокойствіе. Въ это время парламентъ могъ продолжать свои труды о реформахъ, и многія важныя статьи были прибавлены къ конституціи: — между прочими одною статьею опредѣлялся порядокъ о наслѣдствѣ престола, чѣмъ обезпечивалась независимость Сициліи. Статья эта буквально составлена была въ слѣдующихъ словахъ: — «Въ случаѣ если король сицилійскій возвратится на неаполитанскій тронъ или получить какую другую корону, онъ обязуется оставить вмѣсто себя, на сицилійскомъ тронѣ, своего старшаго сына, или же оставить своего сына на островѣ, объявивъ, что съ этого времени Сицилія независима отъ Неаполя и отъ всякаго другого королевства или правительства».

Въ маѣ 1813 года была обнародована конституція 1812 года, какъ ее называли; и лордъ Вентинкъ, считая обязанности свои въ Сициліи поконченными, отправился въ Испанію. Но едва успѣлъ онъ удалиться, какъ новое политическое зданіе потерѣло жестокое нападеніе. Хотя королева Каролина была въ отсутствіи, но духъ ея управлялъ еще дворомъ; и не только употребляемы были всѣ средства, чтобы уронить конституцію въ общемъ мнѣніи, но и возбудить въ народѣ неудовольствіе противъ англичанъ. Лордъ Уильямъ Вентинкъ успѣлъ возвратиться во-время и поправить бѣду, совершившуюся въ его отсутствіи; но скоро онъ получилъ приказаніе отправиться въ Ливорно и Геную; вмѣстѣ съ нимъ, казалось, оставилъ Сицилію и ея добрый гонимъ.

Не стану описывать борьбу, послѣдовавшую за тѣмъ между націею и королемъ и ускорившую катастрофу. Послѣ паденія Наполеона, англичане очистили Сицилію. За тѣмъ послѣдовали вѣнскіе переговоры, неожиданное возвращеніе императора, тревога и суматоха ста дней и окончательная побѣда союзниковъ. Сверженіе съ престола Мюрата, рѣшнное въ Вѣнѣ, возвратило Вурбонамъ ихъ владѣнія на континентѣ, и Фердинандъ, оставивъ въ Палермо принца наслѣдника, тотчасъ же возвратился въ Неаполь.

Въ іюнѣ, въ 1815 году, былъ подписанъ трактатъ вѣнскаго конгресса; а въ декабрѣ слѣдующаго года появились два знаменитые указа, которыми было вычеркнуто изъ карты Европы имя Сициліи, какъ независимаго королевства.

Первымъ изъ этихъ эдиктовъ, основаннымъ, будто бы, на 104 статьѣ вѣнскаго трактата, Фердинандъ отказывался отъ отдѣльныхъ титуловъ, подъ которыми царствовалъ надъ Неаполемъ и Сициліею; и принималъ имя Фердинанда I короля соединеннаго королевства Обѣихъ Сицилій. Соединяя обѣ короны вмѣстѣ, онъ разомъ уничтожилъ независимость, національное знамя и монету острова. Вторымъ же эдиктомъ, по странному недостатку логики, отмѣнялъ и вмѣстѣ сохранялъ конституцію; потому что король, объявляя своимъ исключительнымъ правомъ назначать налоги, вмѣстѣ съ тѣмъ обязывался никогда не возвышать суммы выше цифры, опредѣленной парламентомъ 1813 года: «Безъ согласія парламента (такъ говорилось въ декретѣ) никогда не можетъ быть увеличенъ налогъ.»

Я сказалъ что первый декретъ основывался, будто бы, на статьѣ 104 вѣнскаго трактата; на дѣлѣ же это было не что иное какъ пустая увертка. Выраженія трактата были слѣдующія:—«Король Фердинандъ IV возстановляется, вмѣстѣ съ своими наслѣдниками и потомками на неаполитанскомъ тронѣ, и отнынѣ державами признается королемъ королевства Обѣихъ Сицилій.» Это распоряженіе, какъ по формѣ такъ и въ сущности, нисколько не касалось Сициліи. Фердинандовы агенты были посланы въ Вѣну для изслѣдованія дѣла, лично до него касавшагося, то есть возстановленія его на неаполитанскомъ тронѣ, который онъ потерялъ. Интересы Сициліи ни мало не входили въ этотъ вопросъ; Сициліи нечего было ни дѣлать ни говорить на вѣнскомъ конгрессѣ;—она даже не имѣла тамъ своего представителя. Король и кавалеръ Медици находились тамъ единственно со стороны неаполитанскихъ владѣній. Это до такой степени вѣрно, что во всѣхъ актахъ конгресса король обозначался только подъ именемъ Фердинанда IV неаполитанскаго, а не подъ другимъ его титуломъ Фердинанда III сицилійскаго.

Можно также предполагать, что если бы державы, имѣвшія своихъ представителей въ Вѣнѣ, дѣйствительно имѣли намѣреніе слить оба королевства въ одно, то онѣ объявили бы это намѣреніе ясно и безъ обиняковъ: какъ онѣ сдѣлали, присоединивъ Варшаву къ Россіи, Вельгію къ Голландіи и Геную къ Пьемонту. Можно также думать, что условія такого сліянія были бы съ такою же точностью обозна-

чены какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Ничего подобнаго нельзя найти въ статьѣ 104. Въ этой статьѣ говорится просто: «Фердинандъ признается королемъ королевства Обѣихъ Сицилій.» Возможно ли хоть на одну минуту полагать, что слово *королевство* поставленное въ единственномъ мѣсто множественнаго числа—чтобы измѣненіе одной буквы въ какомъ нибудь словѣ—было бы достаточною причиною для уничтоженія права, освященнаго вѣками?

Это — о независимости Сициліи. Что же касается до ея привилегій, то Фердинандъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, запася благовиднымъ предлогомъ въ тайномъ трактатѣ, заключенномъ съ Австріею. Этимъ трактатомъ постановлялось, что: «Его величество, король Обѣихъ Сицилій принимая снова бразды правленія своего королевства, не станетъ допускать нововведеній, которыя могли бы нанести какой бы то ни было ущербъ древнимъ монархическимъ учрежденіямъ или системѣ и принципамъ, принятымъ его императорскимъ и королевскимъ величествомъ во внутреннемъ управленіи итальянскими провинціями (Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ.)

Если бы даже эта конвенція была дѣйствительно направлена противъ сицилійской конституціи, то все же это служило бы только новымъ доказательствомъ измѣны и вѣроломства Фердинанда; это уже ни какъ не могло связывать Сицилію. Но выраженія трактата доказываютъ, что тутъ не было и не могло быть и рѣчи ни о чемъ другомъ, кромѣ Неаполя. Дѣло шло о будущемъ обладаніи королевствомъ и о перемѣнахъ, которыя слѣдовало или не слѣдовало тѣмъ дѣлать. Но, вопервыхъ, Фердинандъ никогда ничего не терялъ въ Сициліи, потому что сынъ его управлялъ островомъ какъ его наместникъ. Вторыхъ, перемѣны, совершившіяся въ Сициліи произошли за три года до вышеупомянутаго договора, и не только не имѣли ничего противнаго учрежденіямъ монархическимъ, а напротивъ были сдѣланы именно съ цѣлью возстановить монархію въ ея первобытномъ состояніи и снова дать силу законамъ, которымъ присягали тридцать монарховъ одинъ за другимъ. Но къ чему служить право, когда нѣтъ силы? Кто имѣлъ силу, тотъ не хотѣлъ употребить ее въ нашу пользу. Англійскій кабинетъ отстаивалъ противъ неаполитанскихъ министровъ нѣкоторыя изъ нашихъ привилегій; но въ главномъ пунктѣ, въ нашей независимости, мы были предоставлены судьбѣ.....

При этихъ словахъ сэръ Джонъ сдѣлалъ движеніе, выразившее желаніе заговорить, но итальянецъ не допустилъ его и сказалъ улыбаясь:

— Я упоминаю объ историческихъ фактахъ, сэръ Джонъ. Быть можетъ, все случившееся было скорѣе впоною обстоятельствъ, нежели людей... Миръ былъ самымъ пламеннымъ желаніемъ всей Европы и этому желанію Сицилія была принесена въ жертву. Когда я говорю *принесена въ жертву*, то служу отголоскомъ мнѣній, выражаемыхъ гласно, какъ въ англійскомъ парламентѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ вашими соотечественниками, достойными уваженія. Лордъ Уильямъ Вентвиль,

лучшій авторитетъ въ этомъ случаѣ, говорилъ въ июнѣ 1821 года: «Я недоволенъ тѣмъ, что не дали свободы народу, которому обѣщали ее. Дѣйствительно, я считаю, что наша народная честь связана съ исполненіемъ этого обѣщанія. Что касается до инструкцій, присланныхъ Англіею, то я долженъ сознаться, что еслибъ я самъ составлялъ ихъ, то и тогда самое сердечное участіе, какое я принимаю въ сицилійцахъ, не могло бы внушить мнѣ ничего лучшаго. Но что сдѣлано для поддержанія этихъ инструкцій? Ничего. Онѣ были приняты сицилійцами съ радостью и надеждой, но что за ними послѣдовало? Сліяніе обоихъ королевствъ. И это сліяніе есть не только нарушение, но и совершенное ниспроверженіе сицилійской конституціи. Оно ниспровергло права народа и обратило Сицилію въ провинцію неаполитанскаго государства.» Я не ручаюсь, чтобъ это были точныя слова лорда Уильяма, потому что говорю ихъ по воспоминанію, — продолжалъ докторъ, — но смыслъ ихъ передаю вѣрно. Сэръ Джемсъ Маккинтошъ имѣлъ точно такое же мнѣніе объ этомъ вопросѣ. Но довольно объ этомъ.

Надо ли говорить, что парламентъ никогда уже не былъ созываемъ и что ежедневно были нарушаемы духъ и буква мнимыхъ уступокъ 1816 года. Общественное раздраженіе ежечасно увеличивалось и взрывъ готовъ былъ вспыхнуть, когда въ Неаполѣ обнаружилась революція 1820 года и за нею послѣдовало провозглашеніе испанской конституціи. Сицилійцамъ показалась эта минута благоприятною для обезпеченія своей древней независимости миролюбивыми средствами. Но, по несчастному недоразумѣнію, между сицилійцами и неаполитанскими солдатами, стоявшими въ Палермо, произошла стычка и народъ остался побѣдителемъ. Тотчасъ же образовалась временная джюнта съ полномочіемъ рѣшить—какія мѣры всего необходимѣе принять для возстановленія независимости острова. Эта джюнта отправила въ Неаполь къ королю депутацію, которая обязана была испросить для Сициліи независимое правительство съ королевскимъ принцемъ во главѣ. Просьбѣ этой не вняли. Неаполитанскій парламентъ требовалъ сліянія Сициліи на основаніи двухъ противоположныхъ принциповъ: священнаго права короля, подтвержденнаго вѣскимъ трактатомъ; и демократическаго права, не допускавшаго существованія въ Сициліи такой аристократической конституціи, какова была конституція 1812 года. Къ несчастью, сама Сицилія раздѣлилась на приверженцевъ сицилійской и приверженцевъ испанской конституціи.

Изъ Неаполя было отправлено войско и въ сентябрѣ началась осада Палермо. Послѣ двухнедѣльной жестокой борьбы, заключена была капитуляція, по которой сицилійскому парламенту предоставлялось право разрѣшенія вопроса о независимости. Но неаполитанскій парламентъ взялъ на себя право уничтожить эту капитуляцію, какъ позорную для неаполитанской арміи, что не воспрепятствовало, однако, ему удержать за собою всѣ крѣпости и оружіе, которыя были выданы сицилійцами въ силу договора. Но что же дѣлалъ король Фердинандъ, пока его два королевства враждовали между собой? Онъ

тадилъ въ Лайбахъ и въ Тропнау, вымаливать заступничества Австріи противъ той самой конституціи, въ вѣрности которой онъ присягалъ въ іюлѣ 1820 года. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ австрійцы заняли Неаполь и Сицилію, для того чтобы обѣ страны, не ужившія сами уладить своихъ дѣлъ и наслаждаться взаимною свободою, теперь страдали подъ игомъ общаго рабства.

Фердинандъ умеръ въ 1825 году. Ему наследовалъ сынъ его Францискъ, присягавшій, въ качествѣ наследнаго принца, конституціи 1812 года, испанской конституціи въ 1820 году и даже участвовавшій въ протестѣ съ оружіемъ въ рукахъ противъ занятія страны иностранными войсками въ 1821 году. Но вступивъ на престолъ, Францискъ I забылъ прошлое и, не колебаясь, сталъ слѣдовать примѣру своего отца. Невозможно составить себѣ идеи о политическомъ развратѣ, воцарившемся въ Неаполѣ и Сициліи. Все покупалось, все продавалось: мѣста, почести, титулы, даже самое правосудіе. Вилья, камердинеръ короля, и Катарина ди-Симоне, первая камеръ-фрау королевы, были самыми могущественными лицами въ королевствѣ; и большая часть злоупотребленій совершалась посредствомъ ихъ. Король даже и не старался показать, что онъ не знаетъ о происходящемъ.

Въ 1828 году, онъ показалъ примѣръ жестокости. Попытка востанія въ городѣ Козенцѣ и въ салериской провинціи была буквально залита кровью. По приказанію Карретто, любимца короля, маленькій городокъ Носко былъ разгромленъ пушками и обращенъ въ груды развалинъ, а на этихъ развалинахъ были поставлены столбы, чтобы показать мѣсто, гдѣ существовалъ городъ. Въ послѣдніе дни жизни своей, Францискъ, говорятъ, былъ терзаемъ позднимъ раскаяніемъ. Онъ умеръ въ 1830 году, оставивъ Фердинанду, нынѣ царствующему королю, королевство униженнымъ, разореннымъ и глубоко оскорбленнымъ.

Первыя дѣйствія молодого Фердинанда — ему едва исполнилось двадцать лѣтъ — были добрымъ предзнаменованіемъ. Большая часть министровъ, креатуръ и фаворитовъ покойнаго короля были мало по малу удалены. Вилья былъ прогнанъ; были назначены дни для публичной аудіенціи, и появился манифестъ, въ которомъ Фердинандъ объявлялъ свое непремѣнное намѣреніе установить порядокъ въ расхищенныхъ финансахъ страны. Эти мѣры понравились народу. Сицилія имѣла также свою часть въ обѣщаніяхъ. Намѣреніе короля, — какъ ясно выражался манифестъ, — было — стараться исцѣлить раны, нанесенныя Сициліи его отцомъ и дѣдомъ. Увольненіе маркиза делла-Фавара, всѣми ненавидимаго, отъ должности намѣстника сицилійскаго и назначеніе на его мѣсто графа Спракрускаго, брата короля, заставило добрыхъ островитянъ вѣрить, что новый монархъ говоритъ искренно. И вслѣдствіе того, когда Фердинандъ, въ 1831 году посѣтилъ Сицилію, онъ встрѣтилъ самый восторженный пріемъ. Къ несчастію, послѣдствія не оправдали начала. Что казалось чистою любовью къ справедливости — было не что

нее, какъ политическая хитрость. Дѣйствіе, произведенное французскою революціею трехъ дней еще потрясло Еврону и у насъ король былъ настолько благоразуменъ, что понималъ необходимость успокоить и примирить съ собою народъ, еще находившійся подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ недостойнаго царствованія Франциска.

Но когда опасность миновалась, король снова выказалъ свои врожденные наклонности. Первый признакъ реакціи совершившейся въ душѣ Фердинанда, было назначеніе Дель-Карретто, истребителя города Боско, министромъ полиціи. Этотъ человекъ вмѣстѣ съ монсеньоромъ Кокле, духовникомъ короля, скоро приобрѣли полное вліяніе на умъ молодого короля.

Іезуитство и полиція стали съ тѣхъ поръ двумя краеугольными камнями государства. * Въ настоящее царствованіе дѣла пошли не лучше — монсеньоръ Кокле и Дель-Карретто замѣнили бывшихъ камерьеровъ и камеристокъ.

Тѣлесное наказаніе, которое стало извѣстно въ первый разъ въ Сициліи во время занятія австрійскими войсками страны въ 1821 году, было восстановлено въ настоящее царствованіе. Не много времени прошло и всѣ новыя надежды сицилійцевъ еще разъ исчезли. Правительство, казалось, желало скорѣе растравить нежели заживить старыя раны. О нашемъ парламентѣ не было болѣе и рѣчи, какъ будто бы онъ никогда и не существовалъ: — назвать его по имени считалось преступленіемъ. Между тѣмъ налоги далеко превзошли сумму, опредѣленную декретомъ декабря 1816 года, не смотря на обѣщаніе не увеличивать ихъ безъ согласія парламента. Внезапное отозваніе графа Сиракузскаго въ 1835 году довело народное неудовольствіе до высшей степени.

Въ лѣто 1836 года появилась холера въ Неаполѣ. До этого времени карантинныя правила между Неаполемъ и Сициліею были чрезвычайно строги и стѣснительны. Когда же страшная болѣзнь показала въ самомъ Неаполѣ, то вдругъ кордоны были нарушены, тогда какъ они соблюдались чрезвычайно строго, когда холера была еще далеко, въ Россіи. Тогда прошелъ общій слухъ, что холеру нарочно пропустили въ Сицилію. Слишкомъ скоро зараза проникла въ Палермо, и я думаю ни одинъ городъ не пострадалъ такъ жестоко отъ этой опустошительной болѣзни. Изъ народонаселенія во сто семьдесятъ тысячъ жителей, двадцать четыре тысячи погибло въ одинъ мѣсяць. Общій ужасъ скоро дошелъ до общаго безумія. Всюду распространилось мнѣніе, что правительство хочетъ отравить народъ въ массѣ. Нелѣпное подозрѣніе скоро обратилось въ увѣренность.

Маріо Адорно, одинъ изъ патріотовъ, наиболѣе раздраженныхъ потерею сицилійской независимости, воспользовался всеобщимъ волне-

* Въ послѣдующіе годы король до того пристрастился къ этому знаменитому ордену, что королевскимъ рескриптомъ пожаловалъ его основателю, Игнатію Лойолѣ званіе фельдмаршала войска, съ жалованьемъ и преимуществами, принадлежащими этому званію. Деньги выплачивались первому іезуитскому дому въ Неаполѣ.

іємъ, чтобы возбудить возстаніе въ Сиракузахъ, и провозгласилъ конституцію. Катана тотчасъ же послѣдовала данному примѣру, подняла сицилійское знамя, низвергла статуи Бурбоновъ и образовала временное правительство.

Также произошли частныя возстанія въ долинѣ мессинской и на большихъ городахъ, смежныхъ съ Палермо, гдѣ убѣжденіе въ отвратъ пустило глубокіе корни.

Облеченный неограниченною властью, въ сопровожденіи значительнаго корпуса войскъ, Дель-Карретто былъ посланъ въ Сицилію, — не столько за тѣмъ, чтобы воевать, сколько для того чтобы пожнать плоды побѣды; потому что когда онъ вышелъ на берегъ, всякая мысль о революціи миновалась. И дѣйствительно, при извѣстии объ этой экспедиціи, катанскіе жители, не видя нигдѣ опоры произвели, съ общаго согласія, контр-революцію. Всѣ, которые были наиболѣе замѣшаны въ это возмущеніе, искали спасенія въ бѣгствѣ, за исключеніемъ Маріо Адорно, который былъ взятъ и разстрѣлянъ. Отсутствіе всякаго сопротивленія не заставило истребителя города Поско отказаться хоть отъ одной изъ жестокостей, какія были въ его власти. Онъ всюду велѣлъ судить военнымъ судомъ, по которому гражданъ тысячами заключали въ тюрьмы.

Нѣсколько сотъ человекъ было приговорено къ смерти, а не менѣе ста человекъ подверглись смертной казни. Въ Багеріи разстрѣляли четырнадцатилѣтняго мальчика. Смертная казнь исполнялась при звукахъ военной музыки; свирѣпая страсть къ убійству была до такой степени сильна, что однажды, послѣ подобнаго страшнаго зрѣлища, насчитали однимъ трупомъ больше противъ назначеннаго числа.

По окончаніи такой великодушнѣйшей побѣды и по вознагражденіи побѣдителя орденомъ св. Яннуарія, вскорѣ обнаружилось настоящее значеніе этой кровавой трагедіи въ официальныхъ документахъ, за тѣмъ послѣдовавшихъ. Король съ радостью воспользовался представившимся ему предлогомъ, чтобы разомъ покончить съ тѣнью послѣднихъ остатковъ сицилійской свободы: сущность же свободы давнымъ давно исчезла. Налоги увеличены, вся администрація отдана въ руки неаполитанцевъ, принята полная система централизма, уничтоженъ всякій слѣдъ свободы — въ муниципальномъ управленіи въ прессѣ, въ составленіи ассоціацій, въ правѣ подавать прененія. Короче: Сицилія оставлена только глаза, чтобы плакать и вѣчныя поспоминанія о ея правахъ. Это воспоминаніе и сознаніе справедливости своего дѣла, будутъ поддерживать эту благородную и несчастную страну во всѣхъ ея испытаніяхъ, пока наступитъ для нея день избавленія.

Антоніо отеръ себѣ лобъ, на которомъ выступилъ потъ не столько отъ жары, сколько отъ глубокого внутренняго волненія. И Люси, почти также сильно взволнованная какъ и онъ, сказала ему едва слышно:

— Но вы ничего намъ не сказали о томъ, какая причина заставила васъ оставить Катину.

— Правда,— отвѣчалъ Антоніо;— всякое воспоминаніе о моихъ личныхъ несчастіяхъ терается при воспоминаніи о бѣдствіи моей родины. По истинѣ, трудно повѣрить, чтобы подобное ничтожное обстоятельство, о которомъ я буду разсказывать, могло бы въ какой нибудь другой сторонѣ подвергнуть человѣка изгнанію. Я не принималъ никакого участія въ смутахъ моего роднаго города. И не потому чтобы мое сицилійское сердце не билось сильно при священномъ имени свободы; не потому чтобы всѣ мои симпатіи и мое одобреніе не принадлежали этой борьбѣ,— хотя душу мою наполняли печальныя предчувствія объ исходѣ этой отдѣльной попытки;— но каждый часъ моей жизни былъ занятъ исполненіемъ обязанностей моего званія. Холера, хотя и не въ такой степени какъ въ Палермо, тѣмъ не менѣе производила жестокія опустошенія въ Катанѣ; и днемъ и ночью я былъ занятъ при больныхъ. Разъ вечеромъ, въ мартѣ шѣсцѣ, я былъ позванъ къ одному изъ лучшихъ моихъ друзей, который внезапно заболѣлъ. Два успѣлъ я признать первые симптомы господствующей болѣзни, какъ вдругъ въ комнату ворвалась толпа солдатъ. Приказано было арестовать моего друга, и шесть солдатъ подъ командою сержанта, были посланы, чтобы схватить его. Вѣдному больному приказано было встать съ постели, чтобы слѣдовать за солдатами. Я вступился, и, сказавъ свое имя и званіе, объяснилъ, что вести моего друга, въ такомъ положеніи значило убить его. Поэтому я предупреждалъ сержанта о тяжелой отвѣтственности, которую онъ бралъ на себя. Солдатъ отвѣчалъ, что получилъ строжайшее приказаніе привести арестанта живого или мертваго. Говоря это, онъ сдернулъ съ больного одѣяло. При такомъ зѣвскомъ подступкѣ, я потерялъ всякое хладнокровіе. Не умѣю сказать вамъ теперь, что я тогда говорилъ и дѣлалъ; кончилось тѣмъ, что меня связали, вытащили силою изъ дома и повели по улицѣ. Не долго шли мы, когда встрѣтили офицера, о высокомъ званіи котораго я могъ судить, несмотря на темную ночь. Онъ остановилъ моихъ провожатыхъ и сталъ разспрашивать сержанта.

— Докторы!— услышалъ я восклицаніе незнакомца;— ну, любезный другъ, конечно не время теперь арестовать докторовъ.

Они обмѣнялись еще нѣсколькими словами, и съ меня сняли кандалы. Офицъ взялъ меня подъ руку и повелъ меня въ одну сторону, а солдаты съ сержантомъ пошли въ другую. Тутъ только я узналъ, по эполетамъ, что спутникъ мой—генераль.

— Куда вы хотите идти?—спросилъ онъ.

Я назвалъ улицу гдѣ жилъ. Онъ проводилъ меня до дверей моего дома и сказалъ расставаясь со мною:

— Мы живемъ въ трудныя времена. Одно обвиненіе въ мятежѣ есть уже важное дѣло. Одинъ совѣтъ могу вамъ дать: это— какъ можно скорѣе уѣхать отсюда. Послѣ этого онъ ушелъ. Вотъ обстоятельство, бывшее причиною моего изгнанія.

Въ этотъ день многимъ людямъ стоило бы жизни и менѣе того, что я сказала и сдѣлала въ этотъ день. Мать моя и дядя настоячи-

во требовали, чтобы я послѣдовалъ совѣту моего неизвѣстнаго друга, что я и сдѣлалъ. Впослѣдствіи я узналъ его имя, и кромѣ того узналъ, что онъ на одному мнѣ спасъ жизнь. Да благословить его Богъ! Я счастливъ и горжусь тѣмъ, что могу сказать, что онъ спидылаецъ.

— А вашъ больной другъ?—спросила Люси.

— Умеръ, синьорина. умеръ чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ я его оставилъ. Я узналъ о его смерти прежде чѣмъ корабль сядяся съ якоря. Они не осмѣлились отнестя его въ тюрьму и увольствовались тѣмъ, что оставили часового, для присутствованія при его смертномъ концѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Богомолье.

Двѣсти фунтовъ стерлинговъ, подаренные сэромъ Джономъ Ваттсомъ и Сперанцѣ устранили всѣ препятствія къ ихъ браку. Достаточно было трехъ пятыхъ этой суммы, чтобы покрыть долги этого семейства, остальныхъ же восемьдесятъ фунтовъ было слишкомъ много, чтобы устроить гостинницу выгоднымъ и даже блестящимъ образомъ. Свадьба молодыхъ людей была назначена 25 іюня, въ день рожденія Сперанцы.

Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, рожденіе, супружество и смерть правдуются равными предварительными торжествами и церемоніями того или другого рода. Въ настоящемъ случаѣ, поклоненіе Лампедузской святинѣ признавалось необходимымъ для нашихъ обрученныхъ: они должны тамъ отслужить прежде обѣщанный молебенъ, поговѣть и принести благодарственные молитвы. (въ видѣ обѣтовъ) Лампедузской Мадоннѣ, заступничеству которой они обязаны были такою блестящею перемѣною судьбы. Разумѣется, Роза, Сперанца и Батиста, да и почти весь бордигерскій прихоль твердо вѣровали, что это именно Мадонна, и Лампедузская въ особенности, привели Люси въ гостинницу, что вмѣстѣ съ Люси низложили всѣ благословенія неба на это мѣсто: безсознательно приписывая, такимъ образомъ, своей мадоннѣ несчастное паденіе кареты бенеэта.

Мысль о подобномъ странствованіи возбудила большое любопытство въ Люси, и потому рѣшено было, что сэръ Джонъ съ дочерью воспользуются этимъ случаемъ, чтобы посѣтить знаменитую часовню, и вмѣстѣ съ тѣмъ подышать свѣжимъ горнымъ воздухомъ. Само собою разумѣется, что докторъ Антоніо долженъ былъ принять участіе въ путешествіи, и ему же поручили заботу о всѣхъ приготовленіяхъ къ поѣздкѣ и объ устройствѣ ихъ на все время пребыванія въ Лампедузѣ.

Двадцатаго іюня, сэръ Джонъ, съ дочерью и докторомъ Антоніо (обрученные должны были явиться только на слѣдующее утро), вышли изъ гостинницы, и отправилась на хорошенькой лодкѣ съ

наѣсомъ изъ полосатой матеріи краснаго и бѣлаго цвѣта. Батиста управлялъ лодкою, о которой хлопоталъ болѣе недѣли, стараясь ее получше украсить, и сдѣлать достойною—везти такихъ важныхъ господъ.

При соединенныхъ усиліяхъ попутнаго вѣтра и трехъ паръ здоровенныхъ рукъ, напиравшихъ сильно на весла, не нужно было много времени, чтобы обогнуть второй мысъ.

Предъ ихъ взорами предсталъ во всей своей красѣ Санъ-Ремо, въ видѣ треугольника, окруженнаго семью веселыми холмами, покрытыми самою роскошною растительностью.

— Неужели эти пальмовыя деревья растутъ здѣсь сами по себѣ, или ихъ разводятъ ради красоты?—спросила Люси, указывая на пальмы, покрывавшія берегъ.

— Я думаю красота ихъ есть послѣднее достоинство въ глазахъ ихъ хозяевъ,—отвѣчалъ Антоніо.—Вы, можетъ быть, не знаете, что пальмы одинъ изъ самыхъ выгодныхъ продуктовъ, и потому-то ихъ такъ старательно разводятъ. Каждый годъ ими нагружаются корабли и отправляются во Францію и Голландію. Во всѣхъ католическихъ странахъ употребленіе пальмъ очень значительно; но во всей Италіи и особенно въ Римѣ оно безмѣрно. Въ Сан-Ремо живетъ семейство, которое пользовалось да и теперъ пользуется исключительнымъ правомъ снабжать пальмами такъ называемый «Palazzo Apostolico» то есть домъ папы.

— Монополія эта куплена за деньги?—спросилъ сэръ Джонъ.

— Вопреки общему правилу, эта привилегія была не продана, а отдана въ благодарность за добрую услугу. Впрочемъ, эта исторія очень забавна и можетъ занять васъ пока мы пріѣдемъ на мѣсто. Конечно, въ Римѣ вы видѣли и удивлялись обелиску, который водвигнутъ на площади св. Петра въ Ватиканѣ и называется Ватиканскимъ обелискомъ. Въ 1584 году, то есть въ первые годы царствованія Сикста V. этотъ обелискъ лежалъ еще наполовину въ землѣ, недалеко отъ древней ризницы св. Петра.

Многіе папы и до Сикста V имѣли намѣреніе отрыть обелискъ и перенести его на площадь св. Петра; но ихъ пугали разными затрудненіями и значительными издержками. Папа Сикстъ V человекъ честолюбивый и предприимчивый, рѣшился привести въ исполненіе то, что его предшественники только намѣревались дѣлать. Онъ поручилъ эту трудную задачу Доменику Фонтана, знаменитому архитектору, и снабдилъ его всѣми необходимыми средствами для исполненія. Механика того времени, конечно, была далеко назадъ противъ нынѣшней. Не легкое было дѣло вытаскать отрыть изъ подъ земли и перенести безъ поврежденія монолитъ такого огромнаго размѣра. Однако объ предварительныя операціи успѣшно исполнены въ теченіе года одна за другою. Оставалась еще послѣдняя и самая трудная: поставить на мѣсто этотъ громадный камень. Когда были приняты всѣ необходимыя мѣры, Фонтана явился къ папѣ и просилъ назна-

чить день для поднятiя монолита. Папа назначилъ день и объѣздъ почтить своимъ присутствiемъ церемонiю, которая должна была привлечь огромное стеченiе народа.

— Одного только боюсь, — сказалъ архитекторъ, боюсь чтобы шумъ толпы не смущалъ моихъ рабочихъ и не помѣшалъ имъ слышать въ точности всѣ мои самыя малѣйшiя приказанiя: въ такомъ случаѣ я ни за что не ручаюсь.

— Не бойтесь, — отвѣчалъ папа, я все улажу.

И онъ тотчасъ же издалъ указъ, по которому возвѣщалась смертная казнь тѣмъ, кто пронаведетъ малѣйшiй шумъ во все время воднятiя обелиска. Эта грозная прокламацiя, съ приложенiемъ папской печати, была немедленно прибита на всѣхъ стѣнахъ Рима.

Въ назначенный день, Фонтана исповѣдался и причастился, и, получивъ благословенiе отъ папы, возпошелъ на высокiя подмостки, откуда долженъ былъ управлять всѣми важными работами.

Его приказанiя должны были передаваться посредствомъ колокольного звона и разноцвѣтныхъ флаговъ, такъ что рабочiе могли понимать и исполнять его приказанiя и не слышать его голоса.

Площадь была покрыта сплошною массою народа, какъ будто была вымощена человѣческими головами. По истинѣ, должно быть, то была величественная картина, когда все это необозримое множество людей, по волѣ одного человѣка, стояло неподвижно и безмолвно, подобно статуямъ, а не живымъ людямъ. Сидя на возвышенномъ мѣстѣ, нарочно приготовленномъ для него, папа Сикстъ смотрѣлъ на собравшуюся массу людей, которые едва смѣли дышать.

Наконецъ сигналъ поданъ, машины приведены въ движенiе, блоки повернулись, канаты и веревки натянулись и закричали. Медленно поднималась гранитная масса. Фонтана выставляетъ флаги, папа съ любопытствомъ наклоняется, тысячи народа внизу притаили дыханiе, еще минута — и громадный монолитъ будетъ поднятъ. Вдругъ раздается злобщiй трескъ; на мигъ обелискъ остается неподвижнымъ; потомъ онъ опускается книзу на нѣсколько дюймовъ, ослабленные канаты не поддерживаютъ ужъ его. Папа хмуритъ брови. Римъ блѣднѣетъ. Присутствiе духа оставляетъ Фонтана.

— Воды! воды! — вдругъ закричалъ чей-то голосъ, — облейте канаты водою.

Фонтана повинуется этому благодѣтельному внушенiю, вода льется на канаты, они сжимаются и рабочiе съ новымъ мужествомъ принимаютъ за работу. Величественная колонна поднимается и становится предъ удивленнымъ миромъ, какъ новое и славное доказательство отваги и генiя человѣческаго.

Человѣкъ, внимательство котораго принесло такую пользу, былъ капитанъ купеческаго судна, по имени Вреска, уроженецъ Сан-Ремо; вѣроятно, ему, какъ моряку, не разъ приходилось замѣчать дѣйствiе воды на ослабѣвшiй канатъ.

Нисмергъ на изоспоримую и огромную услугу, которую оказалъ

Бреска, швейцарцы, составившіе стражу папы, арестовали Бреска и привели его къ папѣ.

Всѣмъ извѣстная строгость Сикста V, строгость, доходившая часто до бесполезной жестокости, не давала много надежды, чтобы капитанъ могъ избавиться отъ смертной казни.

Къ счастью, успѣхъ предпріятія, близкаго сердцу папы, расположилъ его къ милосердію,—надо было бы сказать къ справедливости,—въ отношеніи человѣка, такъ много содѣйствовавшаго успѣху. И такъ, противъ общаго ожиданія, его святѣйшество принялъ Бреску очень благосклонно, и обѣщаль пожаловать ему все, чего бы онъ ни пожелалъ. Добрый капитанъ, разумѣется, прежде всего попросилъ благословенія у папы, а потомъ привилегіи, для себя и для потомковъ своихъ, доставлять ежегодно палмы въ апостолическій дворецъ.

Папскою грамотою эта привилегія тотчасъ же была дана, и кромѣ того Бреска пожалованъ былъ капитаномъ папской арміи, съ правомъ носить мундиръ и выставлять папскій флагъ на своемъ кораблѣ. Грамота эта и теперь еще хранится въ рукахъ фамиліи Бреска и жалованная ею монополія до сихъ поръ существуетъ.

— Несмотря на это,—сказала Люси,—мнѣ кажется, папа Сикстъ V все таки не симпатичная личность.

— Нѣтъ сомнѣнія, что это былъ не совсѣмъ любезный господинъ,—отвѣчалъ Антоніо.—Впрочемъ, невольно чувствуешь нѣкоторое оттолкновеніе отъ искуснаго хирурга, который рѣжетъ тѣло человѣческое, хоть и очень хорошо знаешь, что только самыя филантропическія идеи вооружаютъ его руку. Почти таково было и призваніе Сикста Пятаго. Когда онъ вступилъ на престолъ святаго Петра, церкви и государству были проникнуты заразою до такой степени, что только энергическія средства, свободное дѣйствіе ножомъ и скальпелемъ могли залечить эти раны. И твердо и безъ пощады Сикстъ V дѣйствовалъ ими. Изъ людей выходитъ только то, что въ нихъ дѣлаютъ обстоятельства... Но довольно умствовать; вотъ мы и у дѣли нашего странствованія,—продолжалъ докторъ, осматриваясь кругомъ себя.—И какъ разъ предъ нашими глазами, между этими двумя горами, которыя такъ красиво возвышаются въ дали пейзажа, разстилается небольшая долина Таджіа. А вотъ та рѣка, которая во ста шагахъ отсюда впадаетъ въ море; она называется Арджентиной и составляетъ гордость жителей долины, иногда же и казнь ихъ, потому что, увеличенная горными потоками, она реветъ, какъ разъяренный быкъ, и тогда все увлекаетъ на своемъ пути.

Послѣ двухминутной ходьбы, наши путешественники дошли до перекрестка, гдѣ дорога въ долину Таджіа и большая дорога въ Ниццу пересѣкаются. Тутъ ожидала ихъ открытая коляска. Дорогою проѣзжали они чрезъ масличныя рощи, и вѣтви деревьевъ, сплетясь вмѣстѣ, составляли зеленый сводъ надъ ихъ головами.

Какая прекрасная школа для живописца эти узловатые стволы

переплетенные между собою!—воскликнула Люси,—я никогда не видала такой живописной коллекции старых деревьевъ.

— Что бы там ни говорили объ однообразной картинѣ масляныхъ деревьевъ, взятыхъ въ массѣ, но каждому отдѣльно нельзя указать въ разнообразіи и оригинальности формы, замѣтилъ Антоніо.

— Богъ всякаго сомнѣнія нельзя,—подтвердила Люси,—что касается до меня, то признаюсь, у меня есть особенная слабость къ маслинамъ. Онѣ говорятъ моему сердцу и воображенію. Онѣ напоминаютъ мнѣ вѣтвь, символъ мира, которую голубица принесла Ною; движущійся лѣсъ масличныхъ вѣтвей, встрѣтившихъ нашего Спасителя при входе его въ Іерусалимъ; садъ, гдѣ онъ молился и скорбѣлъ.

По истинѣ, подъ впечатлѣніемъ святыхъ мыслей, Люси сама походила на одну изъ божественныхъ мадоннъ, оставленныхъ намъ Гийомомъ Рени. Антоніо не удивлялся уже заблужденію Батисты.

— Докторъ,— сказала она послѣ нѣкотораго молчанія, — мнѣ очень хотѣлось бы имѣть одну изъ этихъ вѣточекъ, висящихъ надъ нами.

Антоніо поддалъ ей одну вѣтку; она разматривала листья, темно-зеленые и матовые съ одной стороны и серебристо-сѣрые съ другой.

— А эти бѣлые шарики, свѣшивающіеся гроздями, это плоды ихъ?—спросила она.

— Да,—отвѣчалъ Антоніо — а къ будущему январю, если погода будетъ благоприятствовать, эти бѣлые шарики превратятся въ черныя блестящія ягоды; раздавленные подъ прессомъ, эти ягоды доставляютъ всемъ извѣстное масло. Потомъ, обмытыя и высушенныя съ истолченными косточками, они даютъ превосходный горючій матеріалъ. Сухія листья его употребляются для удобренія земли. Вамъ уже извѣстно, что это дерево дорого цѣнится эбенистами за свои нѣжныя свойства. Слѣдовательно, какъ вы сами видите, ни одна частица этого дерева не пропадаетъ даромъ.

— Отчего же,—спросилъ сэръ Джонъ,—отчего же здѣшніе жители такъ бѣдны, имѣя такое богатство подъ руками?

— Очень легко объяснить это наружное противорѣчіе,—отвѣчалъ Антоніо.— Впервыя, вы должны знать, что на два года приходится только одинъ урожайный, то есть, что только чрезъ годъ деревья бываютъ обильно покрыты этими бѣленькими шариками, которые вы разсматриваете въ эту минуту и которые, замѣтите, не что иное какъ надежда на богатый урожай; потому что эти шарики должны оставаться на деревѣ съ апрѣля или мая,—время, когда они образуются,—до будущаго января,—когда ихъ можно уже собирать,—а такъ какъ они чрезвычайно нѣжны и равномерно боятся противоположныхъ крайностей — жара и холода, дождя, засухи и вѣтра, то вы легко поймете, какимъ опасностямъ они подвергаются впродолженіе такого долгаго промежутка, состоящаго изъ восьми или девяти мѣсяцевъ. Прибавьте къ тому, что обработываніе масличнаго дерева очень дорого стоитъ, потому что, по крайней мѣрѣ, каждые четыре года требуетъ значительнаго удобренія земли, удобренія особеннаго и очень дорогаго, состоящаго изъ шерстяныхъ тряпокъ и роговъ и копытъ

отъ смета. Кроме того, въ известныя времена года, земля должна быть вырыта заступомъ подъ каждымъ деревомъ, для того чтобы воздухъ проникалъ въ его корни. При томъ же стѣнки терассъ, поддерживающія почву нашихъ гористыхъ странъ требуютъ безпрестанныхъ починокъ. Прибавьте къ этому, что издержки на собираніе маслинъ и на выдавливаніе масла, составляютъ двадцать пять на сто чистой прибыли. Разсчитавъ все это, вы конечно, не станете уже удивляться, что такой богатый продуктъ приноситъ такую малую прибыль.

Сэръ Джонъ, не одобряя объясненія доктора, покачалъ головою, какъ будто хотѣлъ этимъ сказать: «вѣрно отъ того, что плохо принимаются за дѣло.» Но въ это время передъ самымъ городомъ показались двѣ древнія башни, увитыя плющомъ и разговоръ принялъ другое направленіе.

— Вотъ стѣны, испытавшія не одно жестокое нападеніе отъ сарацинъ,— замѣтилъ докторъ, помогая своимъ спутникамъ выйти изъ подоски.— Впрочемъ, еще не такъ давно генуэзская Ривьера была опустошена набѣгами корсаровъ съ варварійскихъ береговъ. Эти морскіе разбойники, пользуясь совершеннымъ отсутствіемъ укрѣпленій и труднымъ сообщеніемъ между городами, нападали на какойнибудь пунктъ, и достигали своей цѣли т. е. грабили, прежде чѣмъ подоспѣвала помощь.. Ну да, это вѣрно,—продолжалъ Антоніо, отвѣчая на безмолвное удивленіе, выразившееся въ глазахъ Люси,—и теперь еще существуютъ люди, которые помнятъ подобное нападеніе, когда мужской монастырь былъ разграбленъ и большая часть монаховъ уведены въ плѣнъ. Такова была вѣчно подлика генуэзской республики; изъ духа недовѣрія къ своей ближайшей сосѣдкѣ, Франціи, она препятствовала устройству всякой проѣзжей дороги между столицей и своими владѣніями съ этой стороны; полвѣка только тому назадъ, путешествіе изъ Генуи сюда считалось труднымъ и не совсѣмъ безопаснымъ предпріятіемъ.

— Да и теперь, докторъ, нельзя очень похвастаться безопасностью этой дороги; вашъ Просперо, въ отношеніи насъ былъ не лучше корсара,—сказалъ сэръ Джонъ смѣясь.

— Ахъ, клянусь честью, это справедливо,—отвѣчалъ въ томъ же тонѣ Антоніо,—надѣюсь только, что Бордигера не была для васъ такимъ страшнымъ мѣстопребываніемъ, какъ Алжиръ или Тунисъ.

— Несовсѣмъ, несовсѣмъ,—отвѣчалъ сэръ Джонъ въ пріятномъ расположеніи духа.— Такъ эта прекрасная дорога есть новѣйшее произведеніе?

— Совершенно новѣйшее,—сказалъ Антоніо;—настоящая дорога Карнива была окончена только въ 1828 году, и мы обязаны тѣмъ славному случаю. Царствовавшій тогда Карлъ Феликсъ, особенно любилъ Ниццу и часто тамъ жилъ. Его дорога изъ Турина сюда, шла разумѣется черезъ Тендское ущелье; но разъ случилось, что, во время его пребыванія въ Ниццѣ, выпала такой смѣглы, что невозможно ему было возиражаться въ Туринъ по обыкновенной дорогѣ. Оставалось одно средство: отправиться моремъ въ Геную, оттуда же

королю удобно было прибыть въ свою столицу. Карлъ Феликсъ отправился водою, но время было такъ бурно, волнение на морѣ такъ сильно, что онъ принужденъ былъ возвратиться. Жители Ривьеры, давно уже напрасно испрашивавшіе позволенія открыть проѣзжую дорогу по своему берегу, воспользовались этимъ удобнымъ случаемъ. Миѣ прежде всего слѣдовало бы сказать, что пьмонтское правительство, получивъ въ наследство древнія владѣнія генуэзской республики, вмѣстѣ съ тѣмъ наследовало древнія предрассудки этой республики, въ отношеніи большой дороги, ведущей во Францію. Жители всѣхъ городовъ и деревень собрались массами съ своими синдиками и священниками во главѣ; всѣ ущелья засыпаны и скалы сняты съ невѣроятною быстротою.

«Ваше величество, — воскликнули они всѣ въ одинъ голосъ, — вотъ дорога къ вашимъ услугамъ.» Вго величество благосклонно воспользовался даромъ своего добраго народа. Однако изъ Турина немедленно отправлено было повелѣніе, чтобы жители Ривьеры остановили работы на своей дорогѣ. Но приказаніе пришло слишкомъ поздно; дорога была кончена и король съ придворными первыя проѣхали по ней.

Докторъ кончилъ свой историческій разсказъ, а наши путешественники вѣхали въ городъ истинно жалкаго вида, съ средневѣковою наружностью, съ улицами, окаймленными справа и слѣва мрачными сводами и таинственными арками, сквозь которыя видѣлись зеленыя поля, гдѣ пріятно отдыхали глаза. Миссъ Люси удивлялась множеству массивныхъ каменныхъ мостовъ, переброшенныхъ надъ ихъ головами, поперегъ улицъ, изъ дому въ домъ, для того, какъ объяснялъ ей чичероне, чтобы предохранить жителей отъ частаго неприятнаго гостя, — землетрясенія. Еще одна вещь сильно заинтриговала молодую англичанку: это — выставленныя у дверей домовъ, корзины съ апельсинами, лимонами и овощами, при которыхъ никто не было. Велико было ея удивленіе, когда она узнала, что эти фрукты и овощи стоятъ здѣсь для продажи, и тотъ, кому нужно безъ всякихъ церемоній беретъ изъ корзины, что хочетъ, оставляя въ уплату одинъ или два су.

Этотъ новый способъ вести торговлю очень забавлялъ баронета; онъ замѣтилъ, что хоть эта выдумка очень остроумна и выгодна въ экономическомъ отношеніи, однако не вездѣ могла бы быть прибыльна.

Наши путешественники выпли на самую большую улицу въ городѣ; множество людей всѣхъ классовъ, горожане, монахи, ремесленники, рабочій народъ стояли тутъ группами, или расхаживали подъ арками, идущими по обѣимъ сторонамъ улицы.

— Вотъ и *Сантано*, — сказала докторъ Антоніо, — это Биржа и Реджентъ-Стритъ добрыхъ таджикцевъ. Тутъ они устрояютъ свои дѣла, тутъ же здѣшняя знать и франты выставляютъ на показъ свое щегольство и свое величіе. Вотъ этотъ высокій офицеръ въ мундирѣ, — начальникъ карабинеровъ, одна изъ властей въ этихъ мѣстахъ. Если мы остаемся здѣсь на нѣсколько минутъ, то увидимъ какъ онъ от

равится съ официальнымъ рапортомъ о томъ, что доктора Антонио видѣли проходящимъ чрезъ *Пантано* въ четыре часа пять минутъ по полудни, въ сопровожденіи иностранцевъ, дамы и кавалера;— важное пренесшествіе, о которомъ будетъ извѣщенъ мой пріятель комендантъ Санъ-Ремо, прежде чѣмъ солнце зайдетъ.

— Неужели вы говорите не шута? — спросила Люси;— мнѣ трудно повѣрить, чтобы можно было придавать такую важность подобнымъ пустякамъ.

— Вы говорите пустякамъ?—повторилъ докторъ Антонио съ самымъ серьезнымъ видомъ,—но развѣ сэръ Джонъ не можетъ быть перелѣтымъ французскимъ генераломъ,—а онъ очень похожъ на то, увѣряю васъ,—генераломъ, который нарочно сюда пріѣхалъ, чтобы произвести революцію въ добромъ городѣ Талжинъ. Наша полиція не успѣшно бдѣтъ, для спасенія отечества отъ подобныхъ опасностей

Каждый снималъ шляпу предъ нашими друзьями и много ласковыхъ поклоновъ, много привѣтовъ, посылаемыхъ рукою собственно доктору, доказывали, что у него и тутъ много знакомыхъ. Антонио знакомъ подозвалъ къ себѣ высокаго, худощаваго, молодого человѣка съ длинными волосами.

— Это тотъ самый художникъ, который дѣлалъ для васъ кресло, миссъ Давеннъ.

Молодой человѣкъ подошелъ, вѣжливо поклонившись Люси и ея отцу, и пожалъ руку доктору. При такой фамильярности, на лицѣ сэра Джона образовалась половина обычной ему гримасы; да, только половина, потому что, сбѣлавъ надъ собою геройское усиліе, онъ успѣлъ уничтожить даже и эту половину. Неприятное впечатлѣніе, впрочемъ, скоро совершенно изгладилось свободнымъ и почтительнымъ обращеніемъ молодого художника, который проводилъ посѣтителей въ свою мастерскую,—обширную комнату, съ голыми стѣнами, гдѣ они увидѣли молодого человѣка, лѣвившаго голову изъ глины.

— Этотъ молодой человѣкъ имѣетъ рѣшительное призваніе къ скульптурѣ,—сказалъ докторъ;—не учившись, онъ уже вылѣпилъ нѣсколько головъ и даже фигуръ во весь ростъ. Онъ скоро поѣдетъ въ Римъ, гдѣ во все время его учонья будетъ содержать его богатое и великодушное семейство изъ здѣшняго края, предложившее ему ѣхать на свой счетъ. И я не сомнѣваюсь, что чрезъ нѣсколько лѣтъ имя Сальватора Ревелли сбѣлается знаменитымъ въ республикѣ художествъ *. Вотъ также и этотъ молодой человѣкъ, продолжалъ онъ указывая съ улыбкою на эбениста,—еслибъ онъ не приковалъ себя съ такимъ упорствомъ къ *Пантано*, то навѣрно пріобрѣлъ бы себѣ и извѣстность и состояніе. Ну, синьоръ, покажите-ка намъ теперь свои художественныя произведенія.

* Антонио не ошибся въ своемъ предсказаніи. Ревелли, въ 1849, выставилъ въ Генуѣ произведеніе, которое разомъ поставило его въ ряду современныхъ скульпторовъ, наиболее подающихъ надежды: это былъ барельефъ, представляющій эпизодъ изъ жизни Христофора Колумба: этотъ барельефъ предназначенъ для монумента, который генуэзцы водвигаютъ своему знаменитому соотечественнику.

Не велико было число этих художественных произведений, да и изъ чему было ихъ увеличивать, когда и для тѣхъ не находилось покупателей? Но и этого немногаго было слишкомъ довольно для того, чтобы доказать высокое искусство и чистый вкусъ художника. Правда, его труды ограничивались небольшими числомъ ножей для разрѣзыванія книгъ, портфелей съ роскошною рѣзьбою, украшенныхъ самыми замысловатыми и чрезвычайно нѣжно выполненными фигурами, и тремя столами отличной работы.

На одномъ изъ этихъ столовъ были изображены фигуры людей въ различныхъ костюмахъ жителей Ривьеры, и такъ удивительно выполнены, что Люси воскликнула:

— Столяръ не могъ этого сдѣлать; это дѣло артиста, который не только превосходно рисуетъ, но еще первоклассный колористъ.

— Заслуга моего друга состоитъ въ выборѣ и расположеніи; во въ этихъ фигурахъ только тѣ цвѣта, которыми природа снабдила куски различныхъ деревьевъ, изъ которыхъ онѣ составлены.

Люси не знала какъ этому повѣрить а сэръ Джонъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи своихъ очковъ, чтобы удостовѣриться въ дѣйствительности этого факта. Онъ тотчасъ же сдѣлалъ предложеніе—купить все, что было на лицо, сожалея, какъ онъ сказалъ доктору, что артистъ не имѣетъ болѣе значительной коллекціи.

Дружелюбно обмѣнявшись добрыми желаніями и благодарностью, Антонио и его друзья простились съ художникомъ и прошли еще нѣсколько улицъ, гдѣ вершины домовъ, увѣчаныхъ террасами, представляютъ только зелень и солнце, тогда какъ внизу—одна тѣнь. Наконецъ они вышли на мостъ, перекинутый на небольшую долину.

Прямо передъ ними, на высокой горѣ, лежало Кастелларо, позлащенное солнечными лучами.

— Какъ это блестятельно и прекрасно!—сказала Люси.—Это самая веселая деревня въ мірѣ; можно сказать, что Кастелларо чувствуетъ блаженство жизни.

— И что изъ порывѣ восторга ему такъ и хочется броситься въ объятія этой долины.

— Именно такъ,—сказалъ баронетъ, смѣясь;—а должно быть у жителей пенедныхъ домовъ крѣпкія головы! при одной мысли, о томъ у меня голова кругомъ идетъ!

На свѣтлѣ моста она подошла къ каменной колоннѣ, на которой былъ маделона, и латинская надпись.

— Вотъ еще воспоминаніе о землетрясеніи,—сказалъ Антонио, указывая на надпись; тутъ сказано, что въ июнѣ мѣсяцѣ, 1831 года, страшный ударъ разрушилъ двѣ арки моста, на третьей же мы теперь стоимъ. Двое дѣтей, братъ и сестра, проходя по мосту, въ самую минуту землетрясенія, были сброшены вмѣстѣ съ этою аркою и — о чудо!—даже не ушиблись. Отецъ, признательный за это чудесное спасеніе, воздвигъ колонну, съ надписью, напоминающею объ этомъ фактѣ.

Въ концѣ крутой и узкой тропинки, по ту сторону моста, наша

путники нашли двухъ людей, которые ожидали ихъ съ двумя мулами. Докторъ сказалъ, что предпочитаетъ идти пѣшкомъ. Сэръ Джонъ тотчасъ же вскочилъ на сѣдло, распустилъ свой зонтикъ и поѣхалъ впередъ; за нимъ слѣдовала Люси; передъ каждымъ муломъ шолъ погонщикъ.

— Въ жизни не видывалъ подобной отвратительной дороги, тутъ можно шею сломать, — воскликнулъ баронетъ, черезъ нѣсколько минутъ; — навѣрное ужь страна не разорится на поддержаніе дорогъ.

— Какъ только мы вступимъ на землю Кастелларо, дорога тотчасъ же пойдетъ лучше, — сказалъ докторъ Антонио. — Не одинъ разъ ужь кастелларцы представляли жителямъ города Таджін о необходимости исправить часть дороги, принадлежащей городу. Вы никогда не угадаете какой отвѣтъ они всякій разъ получаютъ. «Вѣдь не Таджиз, — говорятъ эти добрые люди, — нуждается ѣхать въ Кастелларо, а Кастелларо имѣетъ нужду ѣхать въ Таджію: пускай же Кастелларо и поправляетъ на свой счетъ дороги, если ему это хочется.» Вотъ каковы принципы политической экономіи, которыми руководствуются въ здѣшнихъ краяхъ.

Рѣзкій горный воздухъ, уштанннй сладостнымъ благоуханіемъ розмарина и тмина, растущихъ въ изобиліи повсюду, начиналъ дѣйствовать, какъ пріятное возбуждательное средство на нашихъ путешественниковъ и разговоръ съ каждымъ шагомъ становился живѣе. Сэръ Джонъ дошелъ до такой позвѣи, что сравнилъ огромные желтые грозды дикаго терновника, покрывающаго весь холмъ, съ улыбками, которыя просвѣтляютъ старое сморщенное лицо. Люси съ дѣтскою шаловливостью бросала въ голову Антонио каждый цвѣтокъ, который онъ ей приносилъ. Счастливая жертва вопіяла противъ такой вѣзны; притворяясь смертельно испуганнымъ, Антонио убѣгалъ со всѣхъ ногъ, прятался за скалы и деревья и выдѣлывалъ такіа школьничества, что мы не беремъ на себя передавать ихъ. Ничто не можетъ быть веселѣе радостнаго хохота, которымъ Люси отвѣчала на шутки Антонио. Ничто не можетъ быть забавнѣе важнаго серьезнаго вида, съ которымъ докторъ предупреждалъ ее, чтобы она не оглядывалась назадъ, что по его мнѣнію, испортитъ все удовольствіе нечаянности. И потомъ онъ вдругъ выходилъ изъ своего тайнаго убежища, махая огромнымъ букетомъ самыхъ чудныхъ и яркихъ цвѣтовъ, какіе, по словамъ его, можно только найти въ самой прекрасной деревнѣ въ мірѣ. Изъ середины каждаго большаго бѣлаго цвѣтка выходило длинное изящное перо изъ тычинокъ темно-лиловаго цвѣта. Восхитительная нѣжность этого цвѣтка придавала ему нѣкоторое сходство съ хвостомъ бѣлаго павлина.

— Что бы это такое могло быть? — спросила Люси.

— Это *sarragis vrinosa*, — отвѣчалъ Антонио: — цвѣты, которыми вы такъ восхищаетесь, не что иное какъ совершенно распуштившіеся канарцы, тѣ самые канарцы, которые такъ употребительны.

Это извѣстіе не охладило, однако, восхищенія миссъ Дамонъ, она даже призналась въ своемъ особенномъ пристрастіи къ соусу мѣ

камерцель. Увидавъ, что Антонио воткнулъ нѣсколько такихъ цѣтконей въ свою знаменитую коническую шляпу, Люси захотѣла воткнуть ихъ и въ свою. Сэръ Джонъ, съ неистощимымъ, повидимому, запасомъ добраго расположенія духа, позволилъ украсить такимъ же образомъ и свою шляпу. Оба погонщика получили свои части изъ букета, и въ такомъ убранствѣ, маленькая группа путешественниковъ проходила черезъ деревню Кастелларо, привлекая нѣсколько на себя взоры туземцевъ; но повсюду ихъ встрѣчали знаками любви и уваженія, которые сопровождали ихъ цѣлый день. Изрѣдка къ Антонио подходилъ крестьянинъ и просилъ его посѣтить больного, но такъ какъ не было особенной крайности, то докторъ отвѣчалъ дружелюбной улыбкой, откладывая свое посѣщеніе до другого дня.

Широкая и гладкая дорога, превосходно содержанная, которую сэръ Джонъ называлъ христіанскою дорогою, шла на сѣверъ при выходѣ изъ деревни и извивалась прихотливыми зигзагами по склону горы, то скрывая, то снова открывая фасадъ храма, осѣняемаго двумя огромными зелеными дубами.

— Кастеллиницы, сдѣлавшіе эту дорогу въ потѣ лица, съ гордостью указываютъ на нее и, конечно, имѣютъ на то полное право. Они съ удовольствіемъ расскажутъ вамъ какъ каждый булыжникъ, которымъ вымощена эта дорога, былъ принесенъ жителями съ морского берега. Люди побогаче употребляли для этой переноски лошаковъ, другіе же примосали камни на собственныхъ плечахъ. Они вамъ расскажутъ какимъ образомъ всѣ жители, граждане и крестьяне, молодые и старые, женщины и дѣти работали день и ночь, не имѣя другого поощренія, кромѣ любви къ Мадоннѣ. Лампедузская Мадонна—ихъ вѣрованіе, ихъ занятіе, ихъ гордость, ихъ манія.

— Мнѣ очень хотѣлось бы знать, сказала Люси, — эту легенду; вѣдь, навѣрное, здѣсь существуетъ какое нибудь преданіе.

— Все, что относится до чудотворнаго образа,—сказалъ докторъ Антонио,— время и обстоятельства его появленія въ Кастелларо, все это довольно пространно объясняется въ двухъ надписяхъ; одна написана латыни, другая дурными итальянскими стихами, ихъ можно видѣть и прочесть въ небольшой часовнѣ святилища. Андреа Анфосо, кастелларскій уроженецъ, былъ капитаномъ корабля; на него напали турки, разбили его и увели на лампедузскій островъ. Тутъ ему удалось бѣжать и скрываться до тѣхъ поръ, пока турецкій корабль взявшій его въ плѣнъ, не оставилъ острова. Анфосо, человекъ смѣшленный, задумалъ выстрѣлить себѣ лодку и, находясь въ затрудненіи, гдѣ достать ему парусъ, рѣшился на отважный и оригинальный подвигъ: онъ взялъ изъ церкви образъ Мадонны и поставилъ его вмѣсто паруса. Съ нимъ Анфосо переплылъ самымъ благополучнымъ образомъ море, и еще разъ увидалъ берега своей отчизны. Въ порывѣ великодушной благодарности, онъ отдалъ на поклоненіе своимъ землякамъ, этотъ священный парусъ. Но чудо тѣмъ не кончилось. По общему желанію, мѣсто для постановленія жоны было избрано на разстояніи двухъ выстрѣловъ отъ настоя-

шаго храма; часовня была тотчасъ воздвигнута и священный образъ поставленъ съ приличными почестями. Но Мадонна какъ говорятъ преданіе, не захотѣла оставаться въ мѣстѣ, избранномъ для нея людьми, и каждое утро икона являлась именно тамъ, гдѣ теперь находится церковь. Караулъ былъ поставленъ при дверяхъ часовни, вся деревня оставалась на ногахъ. нѣсколько ночей сряду сторожа стояли у входа; но всѣ предосторожности оказались напрасными. Несмотря на стражайшій присмотръ, чудотворная икона, вновь переносимая людьми въ часовню, всегда къ утру появлялась въ избранномъ ею мѣстѣ. Тогда кастелянцы догадались, что это собственная воля Мадонны — находится на томъ мѣстѣ, куда ея образъ переходилъ каждую ночь, и хотя это самое высокое и самое крутое мѣсто на всей горѣ, хотя необходимо было ставить фундаментъ на аркахъ, для прочности, однако добрые люди соп атоге принялись за дѣло, на которое указывало имъ такое чудесное откровеніе и воздвигли храмъ, не имѣющій ничего подобнаго себѣ въ окружности.

Это происходило въ 1619 году. Впоследствии, сюда пристроили нѣсколько комнатъ, для отдохновенія богомольцевъ и посѣтителей, сдѣлали террасу, а въ настоящее время намѣреваются сдѣлать еще нѣкоторыя пристройки и улучшенія, что безъ всякаго сомнѣнія, будетъ вполнею современемъ; потому что у кастелянцевъ хоть и не туго набитый кошелекъ, за то они обладаютъ могущественною силою, для которой не существуетъ преградъ въ мірѣ — вѣрою, воздвигавшею крестовые походы.

Въ ту минуту, когда Антоніо кончилъ свой разсказъ, Джонъ и миссъ Гутчинсъ, давно забытыя нами лица, подошли къ своей госпожѣ, чтобы помочь ей слѣзть съ лошади. Люси со смѣхомъ спросила у доктора — снято ли теперь съ нея запрещеніе и можно ли теперь оглянуться назадъ.

— Какъ будто часъ тому назадъ вы не дѣлали этого! — сказалъ Антоніо, покачавъ головою.

Люси съ живостью оглянулась и предъ ея глазами открылась самая восхитительная картина.

На сѣверѣ, длинный рядъ черныхъ ущельевъ съ остроконечными вершинами, замыкающійся на горизонтѣ цѣпью альпійскихъ гигантовъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, — на югѣ величественное пространство Средиземнаго моря; — на востокъ и западъ ряды холмовъ, идущихъ волнистыми уступами одни надъ другими постепенно спускаясь къ морю, — а внизу прекрасная, прохладная долина Таджіа, съ своею рѣкою, сверкающею на солнцѣ и роскошнымъ поясомъ изъ садовъ, подобнымъ огромной мозаикѣ, въ которой представляются всѣ переходы зеленыхъ цвѣтовъ, прерываемые извилистыми серебрястыми арабскими. Тамъ и сямъ запоздалое граматовое дерево въ полномъ цвѣту, гордо развѣваетъ свое пурпуровое знамя къ видѣ тюльпана. Прямо возвышается амфитеатромъ мрачная Таджіа, угрюмо высматривающая изъ-за своихъ бастіоновъ и средневѣковыхъ башенъ, какъ недовольный гость на веселомъ пиру. Немного далѣе тна западъ, глазъ открываетъ колокольню доминиканской церкви

выходящую изъ-за группы кипарисовъ, а еще далѣе, на вершинѣ послѣдняго утеса, надъ самымъ моремъ, храмъ Пресвятой Богородицы, бѣлый слезть котораго ясно обрисовывается на темной лазури небось.

— Послушай Люси, милое дитя мое, не все ли для тебя равно, если отложить твой восторгъ до послѣ обѣда?—спросилъ баронетъ.

Слова, произнесенныя полупечальнымъ, полуумоляющимъ тономъ, положили конецъ безмолвному, но восторженному созерцанію шиссъ Давеннъ и тотчасъ же привели ее къ отцу. Имъ подали превосходный обѣдъ, за который сэръ Джонъ принялся усердно и съ такимъ аппетитомъ, который доказывалъ гигиеническія качества воздуха той горы. По окончаніи обѣда, Люси предложила пить кофе на террасѣ, что и было принято отцомъ. Всѣ втроемъ тотчасъ же отправились туда и сэръ Джонъ съ наслажденіемъ проглотивъ чашку кофе и заплативъ богатую дань восхищенія дивной картинѣ природы, вытащилъ изъ кармана Times и погрузился въ громадныя столбцы этой достопочтенной газеты. Люси и Антоніо, предоставленные сами себѣ, усѣлись рядомъ, наблюдая въ безмолвномъ восторгѣ за чудесными красотами вечерняго часа.

Небо было прозрачное и блестящее, какъ выполированная сталь, только на западѣ носились три хорошенькія облачка, подобныя длиннымъ шарфамъ, оранжеваго цвѣта. Полузакрытое гребнемъ западнаго хребта, солнце обливало долину свѣтомъ, пропуская свои косвенные лучи, въ видѣ огненныхъ колоннъ, между утесовъ самыхъ нижнихъ холмовъ. По мѣрѣ захождения ослѣпительнаго свѣтила, тѣнь увеличивалась на противоположной горѣ и подобно приливу темныхъ волнъ, гнала предъ собою широкія полосы свѣта, постепенно сдвигая ихъ и доведя наконецъ до простой пурпуровой линіи, которая на минуту остановилась на самой высокой вершинѣ, какъ бы жала сказать послѣднее прости, и потомъ совсѣмъ исчезла. И вдругъ первый рядъ горъ облекся суровыми контурами, тогда какъ самыя отдаленныя вершины, за которыми солнце закатывалось, плавали въ прозрачномъ туманѣ лазореваго и розоваго цвѣта. На западѣ, небо казалось величественныхъ горняломъ, котораго пламенные отливки окрапивали пурпуромъ далекіе снѣга Альпозъ и освѣщали горизонтъ моря. Еще одна минута,—и красноватый свѣтъ слабѣлъ, слабѣлъ и наконецъ совсѣмъ исчезъ; тѣнь налегла на долину и сѣверныя ущелья быстро помрачались. Огненные тоны запада сдвинулись въ розоватыя тѣни, а тѣ въ свою очередь, въ гармонической постепенности измѣнялись въ зеленовато-перламутровый свѣтъ, который опять переходилъ отъ сѣраго къ голубому, пока, наконецъ, закатъ и востокъ облеклись одинаково темною лазурью, на которой тамъ и сямъ сверкали трепетныя звѣзды.

— Гдѣ же наши прекрасныя облачка? — спросила Люси.

— Умчались! — отвѣчалъ Антоніо печально, — эмблема многихъ блестятельныхъ надеждъ, которыя исчезаютъ именно въ то время, какъ дорожишь ими.

— Но завтра они возвратятся! — сказала Люси простоудшно.

Говоря такъ, она наклонилась къ доктору Антонию, а вечерній вѣтерокъ, играя золотыми локонами молодой дѣвушки, поднесъ ихъ къ губамъ доктора, какъ будто требуя его поцалу.

— Какъ знать?—сказалъ онъ.—завтра, можетъ быть черныя грозныя тучи опутаютъ эти вершины.

Чудная игра тѣни и свѣта, которую изъ уваженія къ тервѣнню нашихъ читателей, мы безъ церемоніи сократили въ нѣсколько строкъ въ дѣйствительности заняла добрый часъ времени, изъ котораго первую четверть сэръ Джонъ посвятилъ на чтеніе своей газеты, вторую на присканіе покойнаго положенія, а двѣ остальныя четверти на крѣпкій сонъ; что заставило молодыхъ людей говорить шопотомъ, а говоря шопотомъ, они принуждены были иногда близко наклоняться другъ къ другу.

Торжественная тишина вечера вдругъ была прервана звономъ колоколовъ въ шести церквахъ Кастелларо, къ Ave Maria и въ отаѣтъ ихъ съ быстрою постепенностью зазвонили въ болѣе многочисленныхъ церквахъ въ Таджин и въ далекихъ монастыряхъ капуциновъ и доминиканцевъ. Невозможно себѣ представить, что это былъ за пріятный и грустный концертъ. Сэръ Джонъ перемѣнилъ положеніе, но не просыпаясь, а Антонию продекламировалъ почти на ухо Люси эти несравненные стихи Данте, которые такъ часто повторяются и несмотря на то всегда пріятны для слуха:

Era gia l'ora che volge il disio
A'naviganti, e 'ntenerisce il cuore
Lo di c'han detto a' dolci amici: A Dio;
E che lo nuovo peregrin di amore
Punge, se ode squilla di lontano,
Che paja il giorno pianger che si muore.

«Это былъ часъ, пробуждающій сожалѣніе въ плавателяхъ и умиляющій сердца тѣхъ, которые, въ тотъ самый день, сказали прости своимъ самымъ дорогимъ друзьямъ; часто заставляющій трепетать путника отъ любви, когда онъ слышитъ вдали звукъ колокола, который какъ бы оплакиваетъ умирающій день.»

— До этой минуты я никогда такъ хорошо не чувствовала всю естественную прелесть этихъ прекрасныхъ стиховъ,—воскликнула Люси съ блистающими глазами.—Сожалѣніе о далекой родинѣ, одушевляющее эти стихи, проникаетъ васъ до глубины сердца. Они вѣрнѣе написаны въ этотъ самый часъ.

— И написаны изгнанникомъ,—прибавилъ Антонию.—Вѣроятно, глаза знаменитаго гибеллина были устрелены на такую же цѣпь горъ, какая въ настоящую минуту возвышается передъ нами, и она возвыталась между нимъ и «прекрасной овчарней, гдѣ спалъ агнецъ, врагъ волковъ, воюющихъ противъ него.» (il bello ovile ci dormi agnello, — nimico lupi gli danno guerra)... Но между тѣмъ пока мы съ вами разговаривали,—продолжалъ онъ,—ночь совершенно покрыла насъ своею тѣнью, и свѣтляки начинаютъ зажигать свои маленькіе фонарики; —это знакъ, что мнѣ пора домой.

— Домой! — съ удивленіемъ повторила Люси; — не можете быть чтобы вы думали возвратитесь ночью въ Нордигеру!

— О! нѣтъ, — сказалъ Антонію, — неужели вы полагаете, что я такой непостоянный рыцарь? Видите ли вы эту бѣлую массу, тамъ на лѣво отъ Таджіи, освѣщенную внутри?

— Я уже замѣтила этотъ домъ, — отвѣчала Люси, — онъ имѣетъ какой-то таинственный видъ.

— Вѣ-то я и называю своимъ домомъ, когда бываю въ Таджіи.

— Это довольно далеко, — сказала Люси; — развѣ вы не можете остаться здѣсь?

— Тутъ нѣтъ мѣста.

— Развѣ у васъ нѣтъ друзей въ Кастеллиро?

— Здѣсь у меня нѣтъ такого друга, который хотя бы вполонину былъ для меня такъ дорогъ, какъ тотъ другъ, который жлетъ мнѣ изъ Таджіи.

— Такъ вы очень любите этого друга?

— Я люблю и уважаю эту женщину отъ всей души, — отвѣчала онъ.

Люси хранила молчаніе.

— Помните ли, — продолжалъ Антонію, — я сказалъ одинъ разъ, что между всѣми моими друзьями, первое мѣсто занимаетъ въ моемъ сердцѣ — женщина. Вотъ именно къ этой-то женщинѣ я и иду теперь. Прощайте, до завтра, желаю вамъ пріятнаго сна.—Боже мой! какъ ваши руки холодны! Вы лучше сдѣлаете, если войдете въ домъ. Однако воздухъ очень тепелъ и пріятенъ. Сейчасъ же ступайте въ вашу комнату и прикажите себѣ сдѣлать чашку горячаго чаю, я васъ прошу о томъ. — Не правда ли, вы сдѣлаете это? — Ну, прощайте! я не могу долѣе оставаться.

Саръ Джонъ проснувшись, звалъ уже нѣсколько разъ свою дочь въ комнаты, но Люси оставалась на террасѣ до тѣхъ поръ, пока большая черная тѣнь не перешла черезъ мостъ среди цѣлаго дождя свѣтляковъ, которые въ ту минуту представляли изъ долины настоящее море падающихъ звѣздъ. Тогда, и только тогда, она встала и присоединилась къ своему отцу, который былъ уже въ комнатахъ и заказывалъ чай.

Два часа спустя, та же самая большая тѣнь, проходившая черезъ смотъ, стояла у окна въ таинственномъ домѣ, рельефно выдаваясь отъ свѣта, освѣщаваемаго его внутренность. Если бъ въ эту минуту, вы прошептали на ухо этой тѣни, имѣвшей человѣческую форму и стоявшей у окна въ нѣмомъ созерцаніи: «есть кто-то возлѣ тебя, но сосѣдству, кто не спитъ по твоей милости» — какъ вздрогнула бы она отъ этихъ словъ! Такъ сраваедливо, что мужчина самый предупредительный и нѣжный, не можетъ предвидѣть всего, что утонченная чувствительность женщины можетъ изобрѣсти, чтобы создать себѣ мученія.

Мужская фигура наконецъ исчезла, закрывъ окно со вздохомъ, и произнеси отъ глубины души слова:

— Да хранить ее Богъ!

Желаніе, къ которому и мы присоединяемся отъ всего сердца.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Новыя лица и новыя происшествія.

На почетномъ мѣстѣ, то есть у самой балюстрады, отдѣляющей жертвенникъ отъ остальной части хорошенькой небольшой церкви, мы находимъ, на другой день, въ восемь часовъ утра, Сперанцу и Батисту, стоящихъ на колѣняхъ и съ большимъ благоговѣніемъ слушающихъ обѣдню, которую служатъ для нихъ. Жертвенникъ, на которомъ стоитъ чудотворный образъ, скрытый за занавѣсью отъ глазъ постороннихъ, богато разукрашенъ; углубленіе, въ которомъ стоитъ жертвенникъ, равно какъ и стѣны двухъ другихъ меньшихъ капеллъ, направо и налѣво отъ трапезы, покрыты разными вещами, принесенными въ даръ, по обѣщанію, и состоящими, большею частию, изъ серебряныхъ сердець, перемѣшанныхъ съ серебряными руками и ногами; здѣсь было также изображеніе ребенка, спеленаннаго по неизмѣнному итальянскому обычаю. Тамъ висѣло также много картинъ, совершенно первобытнаго искусства, изъ которыхъ девять изъ десяти имѣли претензію изображать корабли, обуреваемые сверхъестественными волнами, посреди страшныхъ морей, и Мадонну, сидящую на облакѣхъ и съ яснымъ и спокойнымъ челомъ.

По окончаніи божественной литургіи, старый пономарь отворяетъ балюстраду и подаетъ знакъ Сперанцѣ и ея жениху приблизиться. Для собравшейся толпы, состоящей большею частию изъ женщинъ, это служило сигналомъ, чтобы броситься къ алтарю. Зажигаются четыре восковыя свѣчи, стоящія передъ образомъ, потомъ, при звукѣ колокольчиковъ, медленно поднимается занавѣсъ и появляется небольшая икона, немного болѣе трехъ футовъ въ длину и около двухъ футовъ въ ширину. На ней изображено было три лица: Пресвятая дѣва съ Божественнымъ младенцемъ, съ сіяніемъ на главахъ, а подлѣ нихъ святая Екатерина. Присутствующіе, вполголоса, произносятъ восклицанія душевнаго умиленія и глаза у всѣхъ блестятъ радостью, при созерцаніи образа; Сперанца, на колѣняхъ, краснѣя отъ замѣшательства, подаетъ свое приношеніе, состоящее изъ огромнаго серебрянаго сердца; Батиста тоже подаетъ свой даръ, но, какъ будто, украдкою, съ самымъ неуклюжимъ видомъ: это было картинка съ изображеніемъ опрокинутой кареты и съ Мадонной, по обыкновенію, сидящей на облакѣхъ. Послѣ короткой молитвы, произнесенной священникомъ и повторенной собравшимися людьми, священникъ удалился.

Пonomарь, медленно гася свѣчи, велъ между тѣмъ ex officio коротенькіе разговоры съ нѣкоторыми присутствующими, замѣчая, какъ

удивительно улучшается съ каждымъ днемъ живонись на вконѣ. колокольчикъ прозвенѣлъ опять, занавѣсъ опускается, и вѣбрующіе расходятся по домамъ.

— Но какими же образомъ всѣ эти люди могутъ воображать, что такая маленькая картина могла служить вмѣсто паруса? — спросила Люси у доктора, сходя съ хоръ, откуда они хорошо видѣли всѣ подробности этой церемоніи.

— Отъ вашего замѣчанія, милая сньюора, такъ и несетъ ересью, — отвѣчалъ докторъ съ важностью. — Какое же было бы тутъ чудо, еслибъ картина была приличныхъ размѣровъ?

Докторъ вывелъ ее на лѣвую сторону часовни чрезъ сводъ, поддерживающій террасу, гдѣ они сидѣли вчера, любуясь захожденіемъ солнца.

— Теперь, — сказалъ Антоніо, — если вы позволите мнѣ быть вашимъ путеводителемъ, то я поведу васъ въ одно мѣсто, гдѣ ожидается васъ пріятная неожиданность.

— Какъ хотите, — отвѣчала Люси.

Такая холодность въ отвѣтъ на самое дружеское предложеніе, холодность, совершенно противоположная ея обыкновенной горячности при подобныхъ случаяхъ, заставила Антоніо пристально посмотреть на Люси и потомъ сказать:

— Боюсь, что вы нынѣшнюю ночь нехорошо спали?

— Напротивъ, — отвѣчала она, нѣсколько свысока, — я никогда еще такъ крѣпко не спала, какъ сегодня.

Ахъ, Люси, Люси! еслибъ не пурпуровый румянецъ, который горятъ ваши щоки, то васъ слѣдовало бы сильно побранить за такую ложь предъ лицомъ самой Мадонны!

Еще разъ посмотрѣлъ на нее Антоніо, но молча; онъ даже не предложилъ ей руки, потому что она держалась довольно далеко отъ него, такъ что онъ имѣлъ право думать, что она въ настоящую минуту не желаетъ опираться на его руку. Такъ шли они въ молчаніи нѣкоторое время; потомъ, обогнувъ острый уголъ утеса, они очутились на небольшой площадкѣ, покрытой частымъ кустарникомъ дикихъ розъ.

Несмотря на настоящее дурное расположеніе духа, Люси не могла выдержать: при этой картинѣ лицо ея просвѣтлѣло.

— Вотъ мѣсто прежней часовни, — сказалъ Антоніо, — вы можете видѣть остатки старыхъ стѣнъ между кустарниками. Не подходите близко, а то вамъ не отдѣлаться отъ этихъ шиповъ, — прибавилъ онъ, отцѣпляя ея платье.

И съ этими словами онъ самъ углубился въ чащу и сталъ рвать цвѣты направо и налѣво, потомъ, старательно оборвавъ шипы, сдѣлалъ превосходный букетъ и, ни слова не говоря, подалъ его Люси а та взяла его, тоже не произнося ни слова.

— Ужь не капуцинъ ли это? — спросила она наконецъ, указывая на человѣка въ длинной и широкой одеждѣ, перевязанной поясомъ, который шолъ не въ далекомъ отъ нихъ разстѣяніи.

— Это тотъ самый поножарь, который сегодня утромъ игралъ такую важную роль въ часовнѣ,—отвѣчалъ Антоніо. — Онъ снялъ теперь свою парадную одежду и надѣлъ опять платье пустытника. Надо вамъ сказать, что онъ и есть лампедузскій пустытникъ,—здѣсь никто и не называетъ его другимъ именемъ. Онъ составляетъ неотъемлемую принадлежность часовни и не растается съ нею ни днемъ, ни ночью.

Люси и докторъ, возвратясь въ церковь, нашли тамъ пустытника, который, вѣроятно, ужъ поджидалъ ихъ; добрый человекъ низко поклонился синьорѣ и обмѣнялся нѣсколькими словами съ докторомъ.

— Этотъ человекъ много значитъ,—сказалъ Антоніо по-итальянски и дружески трепля по пустытника плечу.

Комплиментъ видимо польстивъ пустытника, который выразилъ свое удовольствіе покачиваніемъ головы и умоляющими жестами, какъ бы говоря: «прошу васъ, пощадите мою скромность». Потомъ онъ удалился.

Люси съ нѣкоторымъ любопытствомъ разсматривала его во время этой короткой остановки.

Это былъ человекъ лѣтъ шестидесяти, худой, сухой и красный, съ маленькими сѣрыми глазами, подвижными и провинциальными, какъ у рыси.—явное доказательство его жолчного темперамента.

— Этотъ бѣдный старичокъ,—сказалъ Антоніо,—производитъ маленькую торговлю картинками, изображающими Мадонну; онъ мнѣ сказалъ, что сейчасъ придетъ къ вамъ, чтобы показать вамъ свою коллекцію. Онъ надѣется, что вы у него что нибудь купите: вы можете сдѣлать пріятнѣйшій подарокъ для Сперанцы и Батисты. Это нѣчто въ родѣ данн, которую онъ беретъ со всѣхъ посѣтителей, что составляетъ его единственный доходъ, потому что у него нѣтъ другого жалованья. Этотъ типъ заслуживаетъ особеннаго изученія; его фанатизмъ во всемъ, что касается Мадонны, самый горячій. Въ сравненіи съ нимъ, Торквемада—образецъ терпимости.

Они нашли Батисту и Сперанцу на террасѣ. Захваченный врасплохъ, бѣдный Батиста, до сихъ поръ еще не побѣдившій благоговѣйнаго страха, который ему внушала Люси, покраснѣлъ до ушей и спрятался за Сперанцу, что было замѣчено всѣми; но никто не обратилъ на это особеннаго вниманія, изъ состраданія къ бѣдному юношѣ; Антоніо самъ пошелъ за столомъ для миссъ Давеннъ, которая усѣлась рисовать.

Вѣрный своему слову, пустытникъ опять появился, таща за собою связку гравюръ, которыми присутствующіе восхищались непрерывно расхваливая; ихъ а Люси накупила нѣсколько гравюръ, какъ было заранѣе условлено.

— Много у васъ бываетъ посѣтителей?—спросилъ Антоніо.

— *Santi chiodi!* еще бы нѣтъ,—воскликнулъ раздражительный старикъ, который, говоря всегда отрывисто и безпрестанно кивая головою, казалось, былъ всегда обуреваемъ гнѣвомъ; — я думаю, много бываетъ, клянусь честию! и цѣлый круглый годъ! Сюда пріѣзжаютъ изъ Турина, Генуи, Ниццы, изъ всѣхъ странъ свѣта. А кто не мо-

жетъ сюда прѣѣхать, того Мадонна слышитъ и надали, если станутъ только усердно молиться ей. Вѣра спасаетъ человѣка. Да вотъ не цоряже, какъ на прошлой недѣлѣ, маркизъ Папарилья, одинъ изъ самыхъ знатныхъ генуэзскихъ дворянъ, заболѣлъ; доктора приговорили его къ смерти. Ну что же? знаете ли, что сдѣлала его мать? вотъ настоящая-то святая женщина! Она бросаетъ всѣхъ докторовъ, какъ они бросили ея сына, садится за столъ и пишетъ къ нашему священнику письмо. прося его отслужить тридуо въ этомъ храмѣ. И что же случилось послѣ этого? А то, что въ первый же день тридуо маркизъ былъ внѣ опасности.

— Что значить тридуо?—спросила Люси.

— Тридуо? — отвѣчалъ пиемаръ, покачивая головою еще сильнѣе.— Santi chiodi! Это значить три дня сразу молитвъ и благословенія святыхъ дарами, съ колокольнымъ звономъ въ приходской церкви, во все это время. Вы можете заказать тридуо за семь франковъ и двѣнадцать су: три франка на приходъ, три франка на церковь двадцать четыре су за трезвомъ; а мнѣ изъ этого приходится восемь су. Если вы заплатите три франка и двѣнадцать су лишнѣхъ, то за это для васъ станутъ служить каждый день обѣдню, продолженіе трехъ дней. Двадцать су за каждую обѣдню и еще четыре су за путешествіе изъ Кастелларо сюда. Вѣдь это просто даромъ.

— Разумѣется, это нелорого, прервалъ его Антоніо, — но скажите мнѣ, — прибавилъ онъ, указывая вдаль на вышеупомянутую церковь, — храмъ Мадонны della Guardia, совершенно такой, какъ и здѣшній?

— Какъ здѣшній! — воскликнулъ старикъ, весь запыхавъ и спорчивъ гримасу самого глубокаго презрѣнія;— подобные храмы, милостивый государь, — продолжалъ онъ торжественнымъ голосомъ, — подобные храмы, какъ здѣшній, чрезвычайно рѣдки, даже во всемъ христіанскомъ мірѣ! Идите въ ризницу, прощу васъ, и прочтите панскую грамоту, тамъ висѣщую; изъ этой грамоты вы узнаете, что лампедузская святыня равняется римской,—да, милостивый государь, равняется римской, какъ въ отношеніи привилегій и индульгенцій въ этой жизни, такъ и in articulo mortis. Все, что можно получить изъ Рима, гдѣ живетъ его святѣйшество, папа, можно точно также получить здѣсь, безъ всякаго исключенія. Что касается до Мадонны della Guardia, то если можете то же самое сказать объ ней,—заявлялъ онъ съ видомъ оскорбленнаго докторства,—въ такомъ только случаѣ я соглашусь поставить ее въ уровень съ нашею.

— Однако, — продолжалъ Антоніо, съ самымъ серьезнымъ видомъ,—хоть я никогда не желалъ дѣлать сравненія, которое во всякомъ случаѣ будетъ неумѣстно, — я слышалъ отъ вѣрныхъ людей, что въ послѣднее время были чудесныя излеченія, по предстательству Мадонны della Guardia.

— Это можетъ быть,—сказалъ пустынный съ тономъ холоднаго снисхожденія. — Я никогда не имѣлъ даже мысли унижать Мадонну della Guardia; очень можетъ быть, что она исцѣлила какого нибудь бѣднаго стараго подагрика или какую нибудь старуху, страдающую

ревматизмомъ. Но возвратилъ ли она когда нибудь языкъ и слухъ глухо-нѣмымъ отъ рожденія? Испытала ли она расслабленныхъ, двадцать пять лѣтъ лежавшихъ въ постели, и подавала ли она дождь, когда молились ей о томъ?

— Такъ вы сами были свидѣтелемъ такихъ чудесъ? — спросилъ Антонио.

— Santî chiodi! Былъ ли я свидѣтелемъ чудесъ? Еще бы нѣтъ! — воскликнулъ старикъ запальчиво.— Да помните ли вы весну 1835 года? Нѣтъ, вы не помните, потому что васъ тогда еще не было въ нашихъ краяхъ. Въ эту эпоху ни одной капли дождя, — даю вамъ въ томъ честное слово, — ни одной капли дождя не упало съ неба въ продолженіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, и прекрасныя надежды на хорошій сборъ оливокъ были совсѣмъ потеряны. Во всей Ривьерѣ только и слышались вопли и жалобы. Веадѣ заказывались триадо: святыя дары выставлялись по цѣлымъ недѣлямъ во всѣхъ приходскихъ церквахъ и обносились по всѣмъ окрестностямъ. Девятидневные посты налагались въ честь Мадонны della Guardia — были выставлены мощи святаго Бенедетто; устроенъ былъ крестный ходъ съ чудотворнымъ распятіемъ изъ ораторія св. Себастіана въ Таджію. Несмотря на то, ни капли дождя. Тогда всѣ руки съ мольбою обратились въ Кастелларо. «Да чего же ждутъ кастелларинцы? спрашивали со всѣхъ сторонъ. У нихъ есть такая чудотворная икона: зачѣмъ же они не выносятъ ее? Неужто они намѣрены откладывать до того, пока всякая надежда спасти оливы будетъ потеряна?» Ну что же, синьоръ, что же дѣлаетъ нашъ приходскій священникъ? Онъ пишетъ къ епископу, въ Вентимилію, удивительное письмо, — такое письмо, которое заставляетъ плакать всякаго, кто его читаетъ или слышитъ. «Вотъ теперь или никогда, писалъ онъ, наступило время назначить крестный ходъ съ Лампедузскою Мадонною и показать ее вѣрующимъ христіанамъ.» Епископъ, какъ слѣдуетъ святому человѣку, отвѣчаетъ нашему священнику превосходнымъ письмомъ, въ которомъ говоритъ, что истинно наступило время показать свѣту Лампедузскую Мадонну. И такъ, въ первый день мая, мы выходимъ процессією; толпа такая, что и вообразить нельзя: — тутъ были всѣ братства изъ Таджія, изъ Ривы, Помпейны, Воскомары, да и кого тутъ не было? — И такъ, мы идемъ: священникъ, въ своемъ бѣломъ стихарѣ, впереди процессія, братства слѣдуютъ за нимъ съ огромными свѣчами, — настоящими восковыми свѣчами; — мы несемъ святую икону подъ балдахиномъ, какъ будто бы святыя дары; — мы несемъ ее, говорю я, въ приходскую церковь. — Ну, какъ же вы думаете, что, по вашему, выпло изъ этого? — Вечеромъ, въ тотъ же день — подумайте только, въ тотъ же самый день, — громъ, да какой громъ! молнія, да какая молнія! словомъ, разразилась гроза и полился дождь, да не такой дождь, какъ бываетъ обыкновенно, а ливень, да такой ливень, какого никто въ жизни не видалъ! Словомъ, наша икона оставалась цѣлымъ двѣ недѣли въ приходской церкви и въ продолженіе двухъ недѣль дождь не переставалъ лить ручьями; наконецъ, боюсь, чтобы не случилось вто-

рого потопа, мы унесли скорѣе нашу Мадонну. И что же? не успѣли мы ее унести; дождь пересталъ, солнце снова появилось во всемъ блескѣ и у насъ былъ богатый урожай. Что же, по вашему это чудо, или нѣтъ? — спросилъ пустынный, обводя своихъ слушателей восторженными взглядами.

Съ разинутымъ ртомъ, въ какомъ-то упоеніи, Сперанца и Батиста выслушали эту исторію, и по окончаніи ея, съ языка ихъ вырвались какіе-то несвязные звуки, которыми они выражали свое согласіе и восторженное удивленіе.

— Но это еще не все,—опять началъ пустынный, помолчавъ минуту или двѣ, чтобы лучше насладиться новымъ удивленіемъ своихъ слушателей; — разъ вечеромъ, въ то время, когда икона была въ приходской церкви, я съ другимъ сторожемъ зажгли, вмѣсто четырнадцати восковыхъ свѣчей, четырнадцать лампадокъ, которыя зажигались ночью изъ экономіи, и хотѣли-было уходить, какъ вдругъ лампы стали то подниматься, то опускаться. «Видите ли, видите ли? спросилъ я у моего товарища». — Вижу, отвѣчалъ онъ, дрожа всемъ тѣломъ.—Едва онъ произнесъ это слово, какъ лампы опять задвигались.

— «Мадонна показываетъ намъ,—сказалъ я товарищу,—что тутъ что нибудь да неладно.» Вотъ мы стали шарить повсюду, заглядывали подъ скамьи, смотрѣли въ исповѣдальни, каждую щелку, каждый уголокъ осматрѣли. Съ своей стороны, признаюсь вамъ, я ужъ думалъ, нѣтъ ли воровъ въ церкви, потому что у насъ тутъ было десять чудеснѣйшихъ серебряныхъ лампадъ. Смотрѣли мы, смотрѣли — ничего не нашли. Такъ мы и рѣшились-было уйти, какъ вдругъ лампы стали прыгать еще сильнѣе прежняго. Мы принялись шарить еще съ большимъ усердіемъ, и отгадайте, что же мы нашли наконецъ?

Тутъ произошла пауза, возбуждавшая желаніе выслушать развязку исторіи; Сперанца и Батиста испытывали мучительное ожиданіе; ихъ вытаращенные глаза готовы были выскочить изъ лба.

— Мы нашли шестилѣтняго мальчика, спокойно спавшаго у малаго алтара. Можете себѣ представить, что было бы, еслибъ ребенокъ проснулся и увидѣлъ себя одного въ церкви, ночью? онъ умеръ бы отъ страха. Мадонна не хотѣла этого допустить и предупредила насъ о томъ чудеснымъ образомъ, и вотъ невинное созданіе, по ея святому ходатайству, было избавлено отъ вѣрной смерти.

Никто не противорѣчалъ такому заключенію; что касается до Сперанцы и Батисты, они всею душою были согласны съ тѣмъ.

Неизвѣстно, сколько бы еще новыхъ чудесъ старикъ сталъ рассказывать, еслибъ Антонио не объявилъ, что ему надо посѣтить нѣкоторыхъ больныхъ въ Кастеляро и Таджии и, взявъ подъ руку пустынного, не увелъ его, подъ предлогомъ, что ему надо сообщить что-то важное, относительно Мадонны della Guardia.

Люси принялась рисовать, Батиста отодвигался отъ нея все дальше и дальше, пока совсѣмъ не исчезъ. Сперанца, усѣвшись рядомъ

съ своею молодою благодѣтельницею, стала шить что-то себѣ къ свадьбѣ. Намъ надо было бы прежде сказать, что, по милости предупредительнаго вниманія доктора Антоніо, широкій навѣсъ былъ протянутъ надъ террасою; оставимъ на минуту миссъ Давеннъ подъ тѣнью этого навѣса.

Между многочисленными праздными посѣтителями, служащими постояннымъ украшеніемъ *Гентскаго бульвара* города Таджівъ, былъ человѣкъ, который наканунѣ замѣтилъ прогулку нашего маленькаго общества по *Пантано*; это былъ синьоръ Орландо Пистаккини, директоръ и главный актеръ драматической труппы, носившей его гармоническое имя и составлявшей наслажденіе почтенной публики города Таджівъ. Излагая послѣднее обстоятельство, мы употребляемъ здѣсь гиперболическую фразу, буквально списанную съ рукописныхъ афишекъ, прибывшихъ къ четыремъ угламъ *Пантано*. Еслибъ намъ пришлось доказывать фактами голую историческую истину, мы бы сказали, что въ театръ никто не ходилъ, и, слѣдовательно, вышеупомянутая труппа не могла доставлять никому ни наслажденія, ни отвращенія.

Мы могли бы также объявить, что почтенная драматическая труппа буквально умирала съ голоду, — очень непріятное положеніе, въ слѣдствіе котораго несчастный директоръ съ голоднымъ желудкомъ довольно уныло опирался на каменную колонну, обдумывая какимъ бы образомъ и въ какомъ бы мѣстѣ можно было ему пообѣдать. Оторванный отъ своихъ печальныхъ думъ прибытіемъ иностранцевъ, Орландо Пистаккини безсознательно поднесъ руку къ своей шляпѣ, разсчитывая сминуть, что бы такое они могли въ этотъ день ѣсть за завтракомъ, потомъ снова погружился въ свои тяжелыя думы. Но когда стоустая молва или, — говоря не столько поэтически, сколько положительнымъ слогомъ, — когда высокій молодой человѣкъ съ прекрасными длинными волосами, нашъ другъ эбенистъ, распространилъ повсюду молву, что спутники доктора Антоніо никто иные, какъ *англійскій милордъ* съ своею дочерью изъ Бордигеры, которые отправляются въ Лампедузу и останутся тамъ нѣсколько дней, тогда лучъ свѣта неволью озарилъ голову директора и открылъ предъ нимъ непрерывный рядъ завтраковъ и обѣдовъ. Со всѣхъ ногъ побѣжалъ онъ домой, сѣлъ за столъ и написалъ слѣдующее письмо:

«Сіятельныйшій милордъ!

«Когда другъ и покровитель изящныхъ искусствъ, въ вашемъ званіи и съ вашимъ великодушіемъ, находится такъ близко отъ смиренныхъ, но искреннихъ учениковъ и поклонниковъ Мельпомены и Тагін, каковыми мы себя называемъ, — то, конечно, мы считали бы себя недостойными этого названія артистовъ, — названія, которымъ мы гордимся, — еслибъ мы почтительнѣе не предложили благородному представителю ИСКУССТВА и ВЕЛИКОБРИТАНІИ самаго гласнаго, какое только можетъ быть, доказательства нашего общаго благоговѣйнаго сочувствія и уваженія. По этому случаю, драматическая труппа Пистаккини приготовляетъ чрезвычайное представленіе, кото-

рое имѣть быть завтрашняго числа, 23 іюня, вечеромъ, и будетъ состоять изъ пятого дѣйствія знаменитой трагедіи:

АРИСТОДЕМО,

за которую послѣдуетъ столь занимательная комедія:

L'AJO NELL' IMBARAZZO

(Учитель въ хлопотахъ.)

Въ обѣихъ пьесахъ Орlando Пистаккини будетъ имѣть честь исполнять роли Аристодемо и Учителя. Для такового представленія мы просимъ покровительства англійскаго Мецената и смиренно умоляемъ удостоить насъ своимъ присутствіемъ, а также присутствіемъ вашей несравненной дочери. Весь городъ Таджіа поспѣшитъ собраться въ театръ, чтобъ оказать должную почесть своимъ знаменитымъ гостямъ. Питаемся надеждою, что вы удостоите насъ своимъ посѣщеніемъ. Увы! въ наше время муза слишкомъ часто попирается во прахъ: что же съ нею будетъ, если и такіа благородныя великодушныя руки не поддержать ее? Наипочтительнѣйшимъ образомъ умоляемъ васъ—пожаловать. Это пламенная мольба самаго смиреннаго и самаго покорнаго слуги вашего сіятельства,

«Орlando Пистаккини,

Директора и первый актера».

Н. В.— Не пощаждать ни трудовъ, ни издержекъ, чтобы доставить представленію великолѣпіе, приличное столь достославному событію. Театръ будетъ освѣщенъ а гіогно, и между трагедіею и комедіею будетъ представлена штука съ голубями. Мы полагаемъ такую великую надежду на ваше благородное сердце, что не боимся получить горестный отказъ.»

Орlando сдѣлалъ двѣ копіи съ этой, можно сказать, послѣдней бединой пѣсни директора стоявшаго на краю гибели: вторая копія, съ небольшими измѣненіями, предназначалась для миссъ Давенни; за тѣмъ опъ легъ въ постель, «чтобы попытаться заснуть».

Утро слѣдующаго дня увидѣло его и супругу его, синьору Розалинду—маленькую, кругленькую, какъ шаръ, особу, задыхающуюся отъ жара и немножко отъ удушья,—одѣтыхъ въ свои лучшія платья, бѣгущихъ и задыхающихся подъ лучами палашаго солнца по дороге въ Лампедузу.

Почти въ то же время задумалось сэрю Джону, послѣ сытнаго завтрака, идти почитать свой журналъ подъ тѣнью одного изъ развѣсистыхъ дубовъ, въ нѣсколькихъ шагахъ противъ церкви. Тѣнь была тутъ непроницаема, вѣтеръ подулъ съ сѣвера такой свѣжій, что сэръ Джонъ, чрезъ какой нибудь часъ, почувствовалъ, что ему холодно: онъ всталъ и, не поднимая глазъ съ своей газеты, медленно расхаживалъ на солнцѣ и, какъ будто увлекаемый своею несчастною звѣздою, пошелъ именно по направлению къ Кастелларо. Какъ истый знатокъ, баронетъ углубился въ отчетъ, даваемый газетою о жестокоемъ назначеніи одного члена оппозиціи противъ главы этого

въ парламентѣ, какъ вдругъ тѣнь упала на его газету. Поднявъ глаза, онъ увидѣлъ себя махъ равъ противъ молодой женщины съ апоплексическимъ тѣлосложеніемъ, въ резиновой полинялой шляпкѣ, и высокаго худого желтаго человѣка, у котораго были только кости да кожа. Незнакомцы подходили къ нему, страшно размахивая руками, точно на театрѣ. Сэръ Джонъ, проклиная ихъ, продолжалъ свою прогулку, но мужчина и женщина, задыхаясь и выбиваясь изъ силъ, не оставляютъ своихъ мѣстъ по обѣимъ сторонамъ баронета и продолжаютъ свои бѣшенныя демонстраціи. Сэръ Джонъ, внѣ себя, дѣлаетъ поворотъ назадъ и ускоряетъ свои шаги почти до того, что бѣжить. Драматическая чета тоже поворачивается назадъ, соразмѣряя свои шаги съ его быстрою походкою; дама въ особенности неистово подпрыгиваетъ за нимъ.

— Господи помилуй! — воскликнула Сперанца, нечаянно выгнувъ въ ту сторону, — что это заставляетъ такъ бѣжать милорда вашего папа?

— Развѣ вы не видите, что его преслѣдуютъ мужчина и женщина! — воскликнула Люси съ испугомъ, — это, можетъ быть, воры!

— О! нѣтъ, — сказала Сперанца, — опасности тутъ никакой нѣтъ. Теперь я вижу кто это: это директоръ театра въ Таджикъ, синьоръ Пистаккини съ своею женою. Я сойду внизъ, чтобъ узнать, чего они отъ него хотятъ.

Черезъ минуту на террасу явился сэръ Джонъ, выбившись изъ силъ и въ дурномъ расположеніи духа.

— Что такое случилось, папа? — спросила Люси.

— Какъ я могу это сказать, что случилось? — ворчалъ сэръ Джонъ; — какіе-то двое бродягъ преслѣдуютъ меня, словно тѣни в все время размахиваютъ руками, словно бѣшеные. Я ничего не понималъ, что они тамъ говорятъ. Въ этомъ краю нѣтъ никакого средства остаться въ покоѣ, даже на самой вершинѣ горы васъ станутъ преслѣдовать.

— Сперанца знаетъ этихъ людей, — сказала Люси, стараясь его успокоить; — это актеры, которые играютъ на театрѣ въ Таджикъ; безъ всякаго сомнѣнія они не имѣютъ дурныхъ намѣреній.

— А какая мнѣ нужда имѣютъ ли они дурныя намѣренія или нѣтъ, когда они мнѣ дѣйствительно надоѣдаютъ! — отвѣчалъ баронетъ, съ проклятіями. — Провались они сквозь землю эти... бѣзстыдные балаганщики!

Люси замолчала. Въ эту минуту возвратилась Сперанца съ двумя знаменитыми дѣльцами и рассказала, что синьоръ и сеньора Пистаккини, услыжавъ, что миссъ Давеншъ и сэръ Джонъ находятся здѣсь по сосѣдству, — рѣшились дать въ честь ихъ большое представленіе и пришли тѣшкомъ изъ Таджикъ, чтобъ умолить отца и дочь почтить ихъ спектакль своимъ присутствіемъ.

— Видяшки всѣ въ поту какъ лошади, и выбились изъ силъ, — продолжала Сперанца.

И она презентала что-то на ухо Люси.

— Умираютъ съ голоду! — воскликнула Люси съ ужасомъ, — и го-

лось ей звучалъ скорбнымъ удивленіемъ. — Папа, эти несчастные пришли слишкомъ изъ Таджики, ничего не были.

— Ну такъ что же? — возразилъ отецъ угрюмо, — если они не были, такъ дать имъ есть, — вотъ и все тутъ.

Послѣ этого, Сперанца немедленно была отправлена съ сытнымъ обѣдомъ къ сеньору Пистаккини и его женѣ, и съ порученіемъ сказать имъ, что миссъ Давенинъ будетъ имѣть удовольствіе послѣ принять ихъ.

Люси распечатала письма, и не могла безъ смѣху переводить ихъ своему отцу; сэръ Джонъ тоже не могъ не улыбнуться этому сочиненію, которое, по его шутливому выраженію, написано голоднымъ слогомъ. Надо ли еще прибавить къ тому, что ешмамъ лести, какъ ни былъ онъ грубоватъ, однако пощекоталъ довольно приятно самолюбіе достойнаго джентльмена, и названіе англійскаго Медоната было принято имъ милостиво.

— Не поѣхать ли намъ, папа? — сказала Люси, замѣтивъ, что отецъ успокоился.

— Да, для того чтобы потомъ возвращаться ночью по этой дьявольской дорогѣ, — возразилъ сэръ Джонъ. — Нѣтъ, это невозможно, душа моя. Сеньоръ Пистаккини, — или какъ вы тамъ его называете, — нисколько не заботится о нашемъ присутствіи, точно такъ же, какъ и его жена. Деньги, вотъ все чего они хотятъ. И дайте имъ денегъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ.

— Не лучше ли спросить доктора Антонио о томъ, что надо дѣлать, — сказала Люси. — Слишкомъ ясно, что эти бѣдные актеры находятся въ очень печальномъ положеніи; однако, — продолжала она съ нѣкоторымъ колебаніемъ, — трудно предлагать деньги людямъ, которые ихъ не требуютъ, и которые, можетъ быть, кто знаетъ? видѣли лучшие дни.

— Ба! — воскликнулъ сэръ Джонъ, вставая чтобы уйти, — попробуй, и увидишь примутъ ли они или нѣтъ!

Да, сэръ Джонъ; можно держать пари — десять противъ одного, что они примутъ. Голодъ, *malisuada fames*, какъ вы бывало читали въ коллегіи, есть такое животное, которымъ трудно управлять и большинство саяющихся на него, будутъ сброшены на земь, при какихъ бы то ни было условіяхъ. Во всякомъ случаѣ, предлагаемая вами метода представляетъ много возраженій. Не вызоветъ ли эта горсть денегъ, — которую вы приказываете своей дочери бросить какъ милостыню нищимъ, — не вызоветъ ли она краску стыда на эти покрытыя морщинами лица, краску, отъ которой лучше бы пощадить ихъ. Не разорветъ ли она еще болѣе послѣднія лохмотья, прикрывающія ихъ честность, лохмотья, — то есть уваженіе къ себѣ, до чего не слѣдовало бы даже касаться? Тогда какъ, если вы подождете до завтрашняго дня и отошлете свой даръ, — большой или маленькій, все равно, — хоть чрезъ добраго доктора Антонио, — если вы отошлете его какъ вознагражденіе за доставленное вамъ удовольствіе; то можно держать пари девяносто на сто, что вы не оскорбите ничьего

чувства, что вы ничего не заставите краснѣть отъ стыда и что въ то же время васъ будутъ благословлять, какъ великодушнаго благодѣтеля.

Только для эффекта мы вставили эти размышленія въ родѣ воззванія къ нашему другу баронету, но они внезапно зародились въ душѣ нашей кроткой героини и управляли ея дѣйствіями во время свиданія съ синьоромъ Пистаккини и синьорой Розалидой. Миссъ Давеннъ не только не предлагала имъ денегъ, но даже не намекала о томъ. Она сказала только, какъ ей жаль, что они въ такой жаръ беспокоились идти такъ далеко и какъ она благодарна, такъ же какъ и ея отецъ, за ихъ лестное приглашеніе; она не увѣрена, — прибавила она, — будетъ ли у нихъ возможность воспользоваться этимъ удовольствіемъ; но, навѣрное, нѣкоторые ихъ знакомые будутъ въ театрѣ и потому она просила оставить за ними, на всякій случай, двѣ ложи для ихъ общества, на имя сэра Джона Давенна.

Синьоръ Пистаккини съ супругою откланялись, если не совсемъ удовлетворенные результатомъ своего похода, но крайней мѣрѣ, вполне довольные приѣздомъ, который имъ былъ сдѣланъ и до такой степени были очарованы любезностью и добротою Люси, что въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ объявили Сперанцѣ, — а та не замедлила донести о томъ Люси, — что молодая синьора сущій ангелъ и потому они все еще не теряютъ надежды, что она удостоитъ своимъ присутствіемъ ихъ завтрашнее представленіе.

— И отчего бы вамъ, синьора, не поѣхать въ театрѣ? — сказала Сперанца, сверкая своими большими черными глазами; — представьте только себѣ, что это будетъ за чудесное представленіе, съ блистательнымъ освѣщеніемъ а гіогно и летающими голубями!

— А вамъ бы хотѣлось это видѣть? — спросила Люси, улыбаясь восторгу молодой поселянки.

— О! да, болѣе всего на свѣтѣ; и Батиста тоже желалъ бы, — отвѣчала она простодушно. — Синьоръ Пистаккини такой прекрасный актеръ, говорятъ!

— Право! — сказала Люси, — слушайте же, Сперанца, вы пойдете въ театрѣ.

— Нѣтъ, ни за что въ свѣтѣ, если васъ тамъ не будетъ, — отвѣчала Сперанца рѣшительно.

— Отчего же? — спросила Люси.

Сперанца покачала головою, ничего не сказавъ.

— Вотъ увидимъ, что на это скажетъ докторъ Антоніо; во всякомъ случаѣ, оставайтесь здѣсь до завтра. Гутчинсъ уступитъ вамъ уголокъ въ своей комнатѣ, ну а Батиста пускай устроится, какъ хочетъ.

— О! не беспокойтесь о немъ, онъ можетъ спать гдѣ ни пошло, — сказала Сперанца.

И она побѣжала въ безмѣрной радости сообщить своему жениху о неожиданномъ обстоятельстве.

Когда Антоніо вернулся, Люси дала ему прочесть превосходный образецъ краснорѣчія синьора Пистаккини.

— Что же вы думаете дѣлать?—спросилъ докторъ.

— А что вы мнѣ присовѣтуете?—спросила Люси.

— Я совѣтовалъ бы вамъ идти,—отвѣчалъ онъ,—вотъ еще уголокъ человѣческой природы, достойный нашей наблюдательности: зачѣмъ же не воспользоваться этимъ случаемъ? И потому мое мнѣніе—ступайте туда.

— Мнѣ очень хотѣлось бы,—отвѣчала Люси,—въ особенности хотѣлось бы для Сперанцы; она забрала себѣ въ голову, что непремѣнно надо идти. Но она говоритъ, что ночью трудно будетъ возвратиться въ Лампедузу.

— Я не вижу,—сказалъ Антоніо,—что за необходимость вамъ ночью возвратиться въ Лампедузу.

— Да не сами ли вы мнѣ говорили много разъ, что въ Таджии гдѣтъ порядочной гостиницы?

— Это правда; но вы съ нами можете ночевать у сеньоры Элеоноры.

— То есть въ томъ домѣ, который вы называете своимъ?

— Именно такъ. Сеньора Элеонора очень желаетъ познакомиться съ вами.

— Очень благодарна вамъ и ей; но я не привыкла дѣлать безпокойство незнакомымъ людямъ. Мы не поѣдемъ.

Это короткое рѣшеніе было сказано сухимъ, высокомернымъ, почти презрительнымъ тономъ, совершенно въ родѣ сѣра Джона, когда онъ становился на дыбы. Антоніо сильно покраснѣлъ, но не сказалъ ни слова. Онъ отошелъ къ стулу, взялъ газету, которая лежала на немъ, сѣлъ и погружился въ чтеніе. Мы не можемъ ругаться — дѣйствительно ли онъ читалъ, развѣ все одно и то же слово, потому что глаза его были неподвижны. Люси была сильно занята своимъ рисункомъ, какъ будто ей хотѣлось скорѣе кончить его, чтобы раздѣлаться съ нимъ.

Скоро вошла Сперанца весело распѣвая: *Ma l'amor della Rosina, dove mai lo trove*; но пѣсня замерла на ея губахъ, когда она увидѣла молодыхъ людей, сидящихъ на террасѣ далеко другъ отъ друга и, по видимому, совершенно равнодушныхъ къ взаимному обществу. Сперанца на цыпочкахъ подошла къ доктору и спросила вполголоса:

— Поѣдемъ ли мы въ театръ?

— Воюсъ, что нѣтъ, моя бѣдная Сперанца; миссъ Давенантъ отказывается ночевать у сеньоры Элеоноры.

— Ахъ! какое несчастіе!—воскликнула Сперанца, какъ бы упавшая съ облаковъ, а зачѣмъ же она отказывается?

— Не знаю, вы можете спросить о томъ у нея самой.

Сперанца подошла къ Люси и наклонясь къ ея уху прошептала какія-то слова, которыя докторъ Антоніо не могъ слышать. Люси тотчасъ встала, подошла къ доктору и облокотившись на спинку его стула, сказала, нѣсколько сконфуженная.

— Добрѣйшій изъ докторовъ расположенъ ли еще представить сеньорѣ Элеонорѣ самую злую дѣвушку?

— Разумѣется! — отвѣчалъ Антоніо, смотря на нее съ странною

смѣсью удивленія и удовольствія, — какъ вы могли въ томъ сомнѣваться?

— Въ такомъ случаѣ, — сказала Люси въ то же время улыбаясь и краснѣя, — я буду очень счастлива познакомиться съ вашимъ другомъ.

Теперь только или никогда — докторъ могъ закричать съ сигарою: *Donne, donne, eterna dei, chi v'aggiva a indavimar?* И въ самомъ дѣлѣ кто можетъ измѣрить глубину женскаго сердца? Вотъ мелодія дѣвушка, которая сейчасъ только вся была жолта и унесуль, вдругъ дѣлается сладка какъ конфетка, минутою назадъ, она съ пренебреженіемъ отказывалась принять вѣжливость отъ незнакомой ей особы, а теперь она проситъ, какъ милости, быть представленной этой же самой незнакомой особѣ. Хотѣлось бы намъ знать; гдѣ пропали, посредствомъ которыхъ можно бы объяснить такія странныя противоположности? Мы имѣли надежду найти ключъ отъ этой загадки въ коротенькой фразѣ, которую Сперанца прошептала на ухо молодой дѣвушки; но чѣмъ болѣе мы размышляемъ объ этихъ словахъ, тѣмъ менѣе видимъ, какъ они могли произвести такую внезапную перемену въ расположеніи духа миссъ Давеннъ? Но лучше всего, пускай безпристрастный читатель самъ судитъ и извлекаетъ мнѣніе какое можетъ, а мы буквально передадимъ эти слова:

— Отчего же, — сказала Сперанца, — отчего вы, милая сньюора, не хотите зайти къ сньюоръ Элеоноръ? Эта такая добрая старушка; въ цѣлой Ривьерѣ нѣтъ другой такой превосходной женщины.

Виде одна вещь насъ затрудняетъ: какимъ образомъ такой умный и деликатный человекъ, какимъ мы знаемъ Антоніо, не потребовалъ отъ Люси объясненія въ ея безпричинномъ своенравіи? вмѣсто того чтобы выказать ей, по крайней мѣрѣ, своимъ обращеніемъ, нѣкоторое неудовольствіе за своеволие и капризное обращеніе столь несвойственное милой дѣвушкѣ, Антоніо, напротивъ того, посмотрѣлъ на нее еще съ большею любовью, чѣмъ когда нибудь, и отвѣчалъ ей дрожащимъ голосомъ, какъ будто капризы Люси сдѣлали ее еще милѣе и дороже для него.

— А сэръ Джонъ? спросилъ докторъ.

— Надо уговорить его отправиться съ нами, — сказала Люси.

Предолжительны и затруднительны были переговоры съ сэромъ Джономъ и длились во все время обѣда. Люси пустила въ ходъ всю свою женскую дипломатію, чтобы убѣдить отца; и ей удивительно помогалъ этотъ вѣроломный докторъ Антоніо, который время отъ времени съ таннственностью намекалъ о предкахъ сньюоръ Элеоноръ и такими удивительными красками описывалъ опускныя двери и казематы жилища этой дамы, что придавалъ ему волшебный оттѣнокъ феодальнаго замка. Словомъ, на всѣ слабыя стороны сэра Джона было сдѣлано нападеніе: что же оставалось ему дѣлать? ничего болѣе, какъ сдаться.

Люси весь день была въ самомъ веселомъ и миломъ расположеніи; она до такой степени пристрастилась къ старушкѣ Элеоноръ, что не могла говорить ни о чемъ другомъ кромѣ какъ о ней, и во время мирной послѣобѣденной прогулки въ чащу дикихъ розъ вмѣстѣ съ

отцомъ и докторомъ, она непремѣнно захотѣла слышать исторію снѣноры Элеоноры. Не долга была эта исторія.

Снѣнора Элеонора осталась вдовою; у нея было много дѣтей; всѣ они умерли кромѣ двухъ сыновей, и эти оба сына были политическими изгнанниками.

Она выѣхала изъ Генуи, гдѣ прежде жила со всѣмъ семействомъ и перѣехала въ окрестности Таджии, въ свое помѣстье, гдѣ она вела самую уединенную жизнь.

— Короткая исторія,—заключилъ Антонію,—но ее легко было бы сдѣлать очень длинною и очень трогательною если бы рассказать сотую часть всѣхъ скорбей, мужества и христіанскаго милосердія, которыми заключаются въ этой жизни.

О, какъ теперь Люси раздѣляла уваженіе доктора къ снѣнорѣ Элеонорѣ! Какую симпатію она чувствовала къ ней и еще къ другой матери, единственный сынъ которой былъ тоже въ изгнаніи.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Т Е А Т Р Ъ .

Когда на слѣдующее утро Антонію пришолъ къ Люси, ее онъ нашолъ въ хлопотахъ надъ рисункомъ дома снѣноры Элеоноры, которую она хотѣла ей подарить. До нынѣшняго утра, Люси не замѣтила какой живописный видъ имѣетъ это древнее жилище; какой пріятный контрастъ представляетъ эта темная со сводами галлерей, выдававшаяся впередъ, которая вся увита зелеными виноградинами лозами.

Антонію сѣлъ подлѣ Люси и сталъ рассказывать, какъ вчера вечеромъ онъ посѣтилъ Пистаккини и засталъ ихъ за ужиномъ. Она ѣла салатъ. Онъ ходилъ за тѣмъ, чтобы обрадовать ихъ желанною вѣстью, что сэръ Джонъ Давенни и его дочь удостоятъ завтрашнее представленіе своимъ присутствіемъ. Эта вѣсть была принята съ проявленіемъ такой неистовой радости, съ такими громкими восклицаніями, съ такими восторженными прыжками по комнатѣ, — при чемъ даже бѣдный салатъ былъ выброшенъ за окно,—что докторъ сминуту находился въ раздумьи: не прибѣгнуть ли ему къ ланцету, какъ къ употребительному средству.

— Видѣть директора, продолжалъ докторъ какъ я его сегодня видѣлъ величаво выступавшимъ по *Пантано*, и съ царскою, достойною Аристодема благосклонностью отвѣчающимъ на требованія билетовъ, которые сыпались на него со всѣхъ сторонъ;— слышать, какъ дрожалъ его голосъ, когда онъ открывалъ мнѣ, по довѣренности, что дѣла на мѣста возвысились и что онъ рассчитываетъ на прибыль во сто франковъ;—видѣть и слышать все это,—да это лучше всѣхъ комедій на свѣтѣ. Труппа будетъ вамъ обязана своею фортуною. Вся Таджія будетъ въ театрѣ, чтобы видѣть англійское семейство.

— Но почему знаютъ, что мы будемъ тамъ?—спросила Люси.

— Въ такихъ маленькихъ городахъ, какъ Таджія знаютъ все, что

дѣлается, и, конечно, самъ Пистаккини постарался распространить эту вѣсть между публикою. Даже на cartellone, (огромнаго размѣра афиша) прибитомъ въ *Пантаню*, большими буквами, въ полфута вышины, написано: *подъ покровительствомъ англійской фамилии*, и кромѣ того во всѣхъ другихъ афишахъ приклеенныхъ ко всѣмъ угламъ есть N. B. съ чрезвычайно многозначащею фразой, изображенною тоже большими буквами: *Англійское семейство будетъ непременно присутствовать!*

Люси очень смѣялась, что она будетъ приманкою вечерняго спектакля и Антонио продолжалъ ей рассказывать о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ. Одно только, какъ можно было думать, давало поводъ къ нѣкоторому безпокойству. Сяньора Элеонора поспѣлѣ, сдѣлала чудеса не только приготовивъ все къ принятію сэра Джона и его дочери, но и устроить комнату для Сперанцы и Гутчинсъ; но болѣе того, она ничего не могла сдѣлать. Вслѣдствіе чего докторъ Антонио нѣсколько сомнѣвался, какимъ образомъ англичанинъ Джонъ будетъ переносить утѣхи и удобства Таджіевской гостиницы кула долженъ проводить его Батиста. Правда, онъ видѣлъ, что Джонъ улыбнулся, когда ему сказали, какую цѣною онъ долженъ купить удовольствіе быть въ театрѣ.

— Но невѣдѣніе его, — сказалъ докторъ, — есть счастье, и я боюсь пребудженія его отъ этого невѣденія. Во всякомъ случаѣ, мы ужъ уговорились съ сэромъ Джономъ, что завтра въ два часа все наше общество должно находиться на перекресткѣ, гдѣ таджіевская дорога пересѣкаетъ дорогу въ Видцу, и вмѣстѣ возвратиться въ Бордигеру.

— Какъ я буду довольна, когда опять увижу нашу старую гостиницу, — сказала Люси улыбаясь, — какъ будетъ счастлива Роза, когда увидитъ насъ!

Вечеромъ въ семь часовъ и нѣсколько минутъ, сэръ Джонъ и Люси сѣли на муловъ, которые должны были привести ихъ къ подножію горы. Сэръ Джонъ былъ такъ же величавъ, натянуть въ своей безукоризненной одеждѣ, какъ будто бы ѣхалъ въ театрѣ ея величества, въ парадный день. На Люси было голубое кисейное платье, и большая круглая соломенная шляпа, которую Сперанца убрала васильками и краснымъ макомъ; Люси была въ полномъ смыслѣ прелестна; ожиданіе удовольствія придавало лицу ея необыкновенный блескъ. Было еще совершенно свѣтло, когда они отправились въ театръ и потому спускъ съ горы, хотя крутой, не представлялъ никакой опасности; однако Антонио, во все время, держалъ за узду мула, на которомъ сѣдѣла Люси.

Мулы были оставлены у моста, гдѣ ждали ихъ Джонъ, Гутчинсъ и обрученные. Нашъ караванъ перешолъ черезъ мостъ въ восточномъ порядкѣ, повернулъ налѣво и черезъ пять минутъ ходьбы по берегу рѣки, вдругъ очутился передъ прекраснымъ палаццо.

— Не правда ли, что это очень любопытно, — сказала Антонио, — въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Таджіа найти такой великолѣпный и прекрасный дворецъ, принадлежащій частному семейству и при немъ театръ, какъ будто другой Версаль.

Густая толпа, очевидно привлекаемая любопытствомъ, находилась у подъезда, но при приближеніи англичанъ тотчасъ же разступилась и пропустила ихъ. Путеводимые докторомъ Антонио, сэръ Джонъ съ дочерью прошли въ крытую галлерею, тоже наполненную любопытными, приподнимавшимися даже на пальцахъ, чтобы видѣть знаменитыхъ иностранцевъ.

Надѣво отъ двари, стоялъ столикъ, покрытый краснымъ сукномъ; а на столикѣ, между двумя свѣчами, серебряный подносъ съ довольно значительнымъ количествомъ денегъ, изъ которыхъ однѣ были скромно завернуты въ бумажку, а другія гордо разложены на виду; передъ столомъ, какъ драконъ въ гесверниловыхъ садахъ, сидѣлъ нашъ новый знакомый, Орландо Пистаккини, въ царской мантии и въ шапкѣ Аристодема, короля мессинскаго. Лишь только вошелъ сэръ Джонъ, Орландо Пистаккини всталъ, приложилъ обѣ руки къ сердцу и въ этомъ положеніи низко поклонился новому посетителю. Заранѣе предувѣдомленный докторомъ Антонио о существующемъ обычаѣ, при подобныхъ случаяхъ, сэръ Джонъ бросилъ на вышеупомянутый подносъ, большой бѣлый туго завернутый свертокъ, который, при паденіи, произвелъ метафизическій самый пріятный звукъ. Тогда общее любопытство достигло высшихъ предѣловъ; всѣ шеи вытянулись и протанулись къ столу. Аристодемъ еще разъ поклонился, въ головѣ его предмедленною страстнымъ желаніемъ скорѣе схватить этотъ свертокъ; но, побѣдивъ это искушеніе, онъ провелъ иностранцевъ по деревянной лѣстницѣ въ двѣ ложи, для нихъ приготовленныя. Тамъ онъ еще разъ приложилъ руки къ сердцу, низко поклонился и удалился, пятясь назадъ, какъ въ присутствіи какого нибудь нечестивца.

Люси сняла свою шляпу и облокотилась надъ ложемъ; изобиліе ея прекрасныхъ локоновъ, падавшихъ по щекамъ и шеѣ, возбуждало всеобщій ропотъ восторга во всѣхъ концахъ залы.

Театръ былъ мелевекъ, но прехорошенькій, великолѣпно освѣщенный восковыми свѣчами; въ ложахъ и партерѣ задыхались отъ тѣсноты и давки.

— Вся мѣстная аристократія здѣсь на лядо,—сказалъ тихо Антонио Люси.

— Аристократія въ Таджии!—сказала Люси, улыбаясь.

— Точно такъ, да еще самая высокопѣрная аристократія,—сказалъ Антонио съ комическою важностью.—Ревстръ начинается маркизою, тою похилою дамою, вотъ тамъ, которая старается показать — замѣтите хорошенько, *старается* только показать — такую простоту въ обращеніи. И палатцо, и театръ принадлежать ей; всѣ ея предки, съ незапамятныхъ временъ, были феодальными владѣльцами здѣшняго края. Маркиза была такъ благосклонна, что уступила вамъ свою собственную ложу на этотъ вечеръ.

— Сколько любезности!—воскликнула Люси,—мнѣ очень хотѣлось бы поблагодарить ее за то.

— Если хотите, то можете, по итальянскому обычаю сдѣлать ей

визитъ въ ея ложѣ... А вотъ этотъ тонкій длинный носъ и желтое лицо осѣненное съ лѣвой стороны пучкомъ бѣлыхъ перьевъ, принадлежитъ баронессѣ; а старый, напудренный господинъ, который говоритъ ей на ухо съ такимъ величественнымъ видомъ—это синдикъ города. Вотъ это жирное лицо съ сѣдыми волосами и сѣрыми глазами, тамъ подалеже, съ видомъ невинности...

Описанія Антоніо внезапно были прерваны пронзительнымъ свистомъ, и поднявшаяся занавѣсъ открыла Аристодема, погруженного въ мрачную задумчивость, которая, повидному, составляетъ необходимую принадлежность всѣхъ трагическихъ героевъ. Но какъ ни старался Орlando выразить оффиціальное отчаяніе, всѣ его усилія были напрасны, онъ никакъ не могъ сдержать радостныхъ проблесковъ, загоравшихся въ его глазахъ отъ увѣренности въ огромной прибыли. Аристодемъ игралъ свою роль съ душою и умертвилъ себя самымъ храбрымъ образомъ; его паденіе было признано всѣми знатоками—удивительно натуральнымъ.

Все это время, Люси наслаждалась двойнымъ представленіемъ; и то, которое происходило внѣ сцены, было не менѣе интересно.

Сквозь щели перегородки, раздѣлявшей ложи, она, вмѣстѣ съ Антоніо, могла видѣть мину Батисты и слѣдить за ужасомъ, выражавшимся *scenendo* на всѣхъ чертахъ молодого моряка, когда онъ увидѣлъ, что король вынулъ свой кинжалъ и попробовалъ его остріе.

— Неужто онъ убьетъ себя? — спрашивалъ онъ у Сперанцы, въ сильной тревогѣ.

Какъ онъ трепеталъ, какъ у него волосы становились дыбомъ, когда за кулисами послышались шаги привидѣнія, обитавшаго въ царской гробницѣ; и когда Аристодемъ, въ помѣшательствѣ отъ звуковъ этихъ шаговъ, вонзилъ кинжалъ себѣ въ сердце!

Голуби, выпущенные послѣ трагедіи, подали случай къ происшествію, возбуждавшему всеобщую суматоху, обыкновенно сопровождающую это пріятное зрѣлище. Остроумный синьоръ Пистаккини приготовилъ для англійскихъ гостей и для публики сюрпризъ, сильно рассчитывая на его эффектъ. Посредствомъ собственнаго своего изобрѣтенія, онъ привязалъ голубя къ двумъ бичевкамъ, которыя выходили изъ отверстія, сдѣланнаго въ занавѣсѣ и, проходя черезъ весь театръ, были проведены къ ложѣ, занимаемой иностранцами; голубь, какъ бы по собственной волѣ, долженъ былъ отправиться къ мѣсту, куда эти бичевки были проведены. Но, въ слѣдствіе непредвидѣннаго препятствія, птица совершила только половину своего воздушнаго путешествія, и остановившись на полдорогѣ, повисла головою внизъ, взмахивая крыльями самымъ жалостнымъ образомъ. Это несчастное приключеніе возбудило невѣроятную суматоху; весь партеръ вскочилъ на ноги, самые пылкіе влѣзли на скамьи, протянувъ руки къверху, тщетно стараясь достать голубя; и общими криками вызывали директора. Пистаккини тотчасъ же появился, вооруженный шестомъ; онъ спустился со сцены въ партеръ и подталкивая несчастную птицу къ Люси, успѣлъ, наконецъ, достигнуть своей цѣли: Ан-

тацио могъ развязать голубя и передать его молодой англичанкѣ, при громѣ рукоплесканій.

По окончаніи этой маленькой интермедіи, не находившейся въ программѣ, Люси отправилась съ визитомъ къ маркизѣ, чтобы поблагодарить ее за уступленную ложу.

— Это вниманіе тѣмъ любезнѣе съ вашей стороны, — сказала Люси, — что безъ всякаго сомнѣнія изъ вашей ложи самый лучший видъ на сцену.

Потомъ она очень кстати упомянула о красотѣ ея палатки и о прелести театра, такъ что старая вдовствующая маркиза осталась въ полномъ восторгѣ отъ нея.

Батиста, испытавши продолжительный ужасъ отъ трагедіи, имѣлъ полное право на вознагражденіе со стороны директора. И онъ былъ вполне вознагражденъ послѣдовавшей комедіею. Невозможно описать восторга нашего моряка во время той сцены, когда несчастный наставникъ пораженъ какъ громовымъ ударомъ признаніемъ своего старшаго воспитанника, что онъ уже женатъ на дѣвушкѣ изъ противоположнаго дома. Несчастный наставникъ! что онъ скажетъ теперь отцу своего воспитанника, отцу, который именно строжайше запрещалъ, чтобы сыновья и слова не смѣли переболтать съ особами другаго пола. И вотъ онъ женатъ! и мало того что женатъ, но еще, — праведное небо! — онъ отецъ ребенка, который въ эту минуту безъ церемоніи кричитъ во все горло. Бѣднякъ готовъ вырвать у себя всѣ волосы. Воспитанникъ его — отецъ семейства! а отецъ воспитанника, ненавистникъ женщинъ, сдѣлался дѣдушкой! И съ какимъ неистовствомъ хохоталъ Батиста, когда этотъ страшный графъ засталъ своего младшаго сына на колѣняхъ предъ Мартою, старою кухаркою, объясняющимъ ей въ любви? Съ чѣмъ можно сравнить безумную веселость Батисты, когда потомъ бѣдный доминѣ принужденъ идти за ребенкомъ и возвращаясь съ нимъ, встрѣтился лицомъ къ лицу съ графомъ и когда графъ, отдернувъ узкій плащъ бѣдняка, видитъ маленькаго Бернарда, связаннаго, какъ несчастный голубь? Да и можно ли было удержаться отъ смѣха, смотря на эту забавную комедію? Самъ сэръ Джонъ Давенниъ, хоть и мало понималъ, что игралось на сценѣ, не могъ однако удержаться и заразился общимъ смѣхомъ; — что касается до Люси, она хохотала до упаду, почти столько же какъ Батиста.

До окончанія спектакля, маркиза отдала визитъ Люси, и сидѣлъ, какъ представитель города, счелъ за нужное придти къ нимъ въ ложу столько же затѣмъ, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе сэру Джону и миссъ Давенниъ, сколько и для удовлетворенія своего собственнаго любопытства, а также и любопытства баронессы, которая поручила ему передать отъ нея почтеніе иностраннымъ гостямъ. Всѣ эти доказательства вниманія дѣйствительно доставляли удовольствіе Люси и не менѣе были пріятны гордому баронету, тѣмъ болѣе, что хитрый докторъ Антонио не упускалъ случая подробно и съ подобающею важностью исчислять всѣ титулы и отличія этихъ особъ.

Было за-полночь, когда занавѣсъ упалъ въ послѣдній разъ и наше общество вышло изъ театра. Почести, оказываемыя сэру Джону, отразились на его камердинерѣ и придали ему еще болѣе торжественности, чѣмъ обыкновенно: величаво выступалъ онъ, въ сопровожденіи Ватисты. Посмотрѣвъ на него, Антоніо не могъ удержаться, чтобы не сказать Люси, что Джонъ похожъ на мученика. Что касается до миссъ Гутчинсъ, которая, подъ руку съ Сперанцой, шла позади сэра Джона, Люси и Антоніо, то она была въ сильнѣйшемъ волненіи и когда окружила ихъ толпа молодыхъ людей, во главѣ которыхъ былъ эбенистъ, съ важными факелами и запѣли серенаду въ честь ихъ, — *Вуона сега Россини*, — то ея волненіе дошло до того, что она и хохотала и плакала вмѣстѣ, по той причинѣ, — говорила она, — что все это очень трогательно... Эти проводы, по увѣреніямъ доктора Антоніо, были вдохновенною любезностью жителей и онъ тутъ ни въ чемъ не причастенъ. Такъ они дошли до дома синьоры Элеоноры, гдѣ встрѣтила ихъ ловкая горничная и слуга. Еще прежде было условлено, что сама почтенная хозяйка не должна ихъ дожидаться. Напившись чаю, который былъ уже готовъ, сэръ Джонъ и Люси были отведены въ приготовленныя для нихъ комнаты, такъ же какъ и Сперанца съ миссъ Гутчинсъ, а докторъ отправился ночевать къ одному пріятелю.

Было уже довольно поздно, когда Люси, крѣпко проспавъ всю ночь, проснулась. Она встала, отворила окно, чтобы подышать чистымъ утреннимъ воздухомъ и увидѣла прекрасную старушку, всю въ черномъ, прохаживавшуюся въ саду и отдававшую вполголоса приказанія хорошенькой молодой дѣвушкѣ, которую Люси видѣла вчера, и которая теперь рвала цвѣты для огромнаго букета, находившагося у нея въ рукахъ. При стукѣ отворяемаго окна, синьора Элеонора подняла голову.

— А! добрый день, миссъ Давеннъ! — сказала она ласково и привѣтливо, — очень рада видѣть васъ; надѣюсь, что мы не помѣщали вашему сну?

— О нѣтъ, благодарю, — сказала Люси краснѣя, — я очень хорошо спала.

— Тѣмъ лучше; молодость имѣетъ нужду въ крѣпкомъ снѣ. Приходите сказать, когда можете меня принять. Меня беретъ страшное нетерпѣніе, какъ бы скорѣе поцѣловать ваше милое личико.

Черезъ нѣсколько минутъ хозяйка пришла къ своей гостьѣ и принесла ей букетъ цвѣтовъ. Въ ея голосѣ и улыbkѣ была такъ много ласки; столько было трогательнаго въ выраженіи ея тихой грусти, облакавшей такъ сказать всю ея личность, что-то такое материнское выразалось въ томъ, какъ она взяла въ одну руку обѣ руки Люси, а другою раздвинула ея длинныя локоны и, цѣлуя ее, назвала въ то же время, «*figlia mia*,» что Люси, отъ волненія, не могла отвѣчать на ея привѣтливые вопросы о здоровьи, а только склонила свою милую головку на грудь своего новаго друга. Въ эти минуты бѣдная Люси нисколько не думала о своей милой матери.

Пока дамы знакомились другъ съ другомъ, сэръ Джонъ отпра-вился дѣлать инспекторскій смотръ, и впечатлѣніе отъ всего, что онъ видѣлъ было очень благопріятно жилищу и владѣльцѣ его. Конечно, портикъ и колоннада, ведущіе къ палаццо, да и самый палаццо были не такъ грандіозны, какъ казались вчера ночью, при свѣтѣ факеловъ; но все же это мрачное и массивное зданіе, въ строгомъ и величест-венномъ стилѣ, нравилось англичанину и заинтересовало его. Полу-изгладившіяся фрески на стѣнахъ, полуразрушенныхъ временемъ, изу-вѣченная статуя надъ мраморнымъ фонтаномъ, стоявшимъ у входа; гербъ, изваянный на черномъ камнѣ надъ дверями, и на колпачкахъ огромныхъ каминовъ внутри дома, — всѣ эти признаки древняго ве-личія были замѣчены и истолкованы въ пользу синьоры Элеоноры; они подѣйствовали на самую большую выпуклость черепа баронета — на чувство благоговѣнія къ предметамъ и временамъ древности.

Докторъ Антоніо явился къ завтраку а напольш сэра Джона стоящимъ съ опрокинутою назадъ головою, и старающимся отгадать употребленіе какой-то вещи, въ родѣ воронки съ двумя отверстіями, поставленной надъ воротами. Докторъ счелъ обязанностью тотчасъ же извлечь баронета изъ затрудненія, сообщивъ ему, что этотъ сна-рядъ, такъ его интриговавшій, составляетъ принадлежность большей части домовъ, по набережной, и назначеніе его состоитъ въ томъ, чтобы жители могли лить горючія вещества на осаждающаго не-пріятеля.

Появленіе хозяйки, входившей рука объ руку съ Люси довершило рядъ пріятныхъ впечатлѣній, которыя испытывалъ баронетъ; онъ не умѣлъ выразить чувствованій своихъ иначе, какъ только тѣмъ, что поспѣшно подбѣжалъ къ почтенной дамѣ, подавъ ей руку и до-велъ ее до дома съ самой почтительною вѣжливостію. — Синьора Элеонора не только женщина высшаго тона, замѣтилъ онъ на ухо доктору Антоніо, но и все ея обращеніе запечатлѣно такимъ досто-инствомъ, какъ будто бы она была придворная дама.

Столъ былъ накрытъ на террасѣ, о которой мы уже говорили. Синьора Элеонора съ своими гостями завтракала подъ чудною тѣнью виноградныхъ лозъ, которыя, обвиваясь по рѣшоткѣ, и падая фестонами, образовали зеленую стѣну со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, от-куда открывался великолѣпный видъ на море. Синьора Элеонора угощала своихъ гостей съ тою любезною непринужденностію, кото-рою женщина истинно знатнаго рода умѣетъ прикрывать свое по-стоянное вниманіе къ каждому изъ гостей. Видя ея пріятную улыб-ку, слыша ея веселый разговоръ, никогда нельзя было подозрѣвать, что эта почтенная женщина носитъ въ сердцѣ незаживающія раны. Синьора Элеонора не принадлежала къ тому числу людей, которые свои печали употребляютъ вмѣсто дубины, для того чтобы убивать веселость другихъ. Дѣйствительно, въ продолженіе двухъ часовъ, ко-торыя она провела съ Люси, эта благородная женщина не сдѣлала ни одного намѣка на свои личныя несчастія; и Люси, несмотря на свое страстное желаніе выказать ей свое участіе, не осмѣливалась

начать разговоръ о предметѣ, о которомъ хозяйка такъ тщательно избѣгала говорить. Ободряемая присутствіемъ доктора, наша добрая Люси, однако, осмѣлилась спросить у синьоры Элеоноры: здоровы ли ея сыновья, на что получила отвѣтъ, что по послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ ею, они здоровы.

— Надѣюсь,—продолжала съ нѣкоторымъ смущеніемъ Люси,— что вы постоянно получаете извѣстія о нихъ?

— Довольно аккуратно,—отвѣчала синьора Элеонора,—по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, благодареніе Богу, немного ранѣ или немного позже, письма сыновей моихъ всегда доходили до меня.

Глаза Люси обратились къ доктору Антонію.

— Синьора Элеонора,—сказалъ онъ,—хочетъ этимъ сказать, что чело-вѣкъ или люди, которымъ поручено распечатывать и читать письма ея сыновей къ ней и отъ нея къ сыновьямъ, что эти люди до настоящаго времени были настолько великодушны, что доставляли письма по назначенію.

— О! но вѣдь это жестоко—воскликнула Люси.

— Конечно, это дурно, но могло бы быть еще хуже, — замѣтила синьора Элеонора съ кротостью;—я слышала отъ бѣдныхъ эмигрантовъ, что иногда проходили цѣлые годы безъ переписки ихъ съ матерями и жонами.

Когда сэру Джону объяснили предметъ разговора, то онъ объявилъ, что подобное обвиненіе правительства до такой степени важно и ужасно, что... что... что...

— Что требуетъ по крайней мѣрѣ доказательствъ фактами,—подхватилъ Антонію,—а иначе и повѣрить нельзя. Справедливо, синьора Элеонора позвольте мнѣ рассказать сэру Джону исторію о французскомъ маршалѣ.

Синьора Элеонора, улыбаясь, дала свое согласіе.

Антонію продолжалъ:

— Одинъ изъ сыновей синьоры Элеоноры, будучи еще восьми-лѣтнимъ ребенкомъ, крѣпко подружился съ мальчикомъ своихъ лѣтъ, уроженцемъ города Таджін; они сдѣлались постоянными товарищами въ играхъ и искренними друзьями. Послѣ многихъ лѣтъ, этотъ мальчикъ вступилъ въ военную службу и былъ сдѣланъ сержантомъ. Случилось два года назадъ, что молодой сержантъ пришло сюда повидаться съ своими родными. Очень натурально, что синьора Элеонора въ письмѣ къ сыну упомянула и о старинномъ другѣ его лѣтскихъ игръ, который сдѣлался прекраснымъ двадцатилѣтнимъ солдатомъ и произведенъ въ унтеръ-офицеры. Сынъ синьоры въ своемъ отвѣтѣ на то, радовался счастью «маршала», какъ онъ всегда въ шутку называлъ своего стариннаго товарища. Прекрасно. Прошло нѣсколько дней послѣ этого письма. Вдругъ къ синьорѣ является тотъ самый сдѣлой напудренный господинъ, который приходилъ къ вамъ въ ложу съ визитомъ. Словомъ синдикъ Таджін собственной особой объявилъ, что немедленно приступитъ къ обыску въ ея домѣ, потому что получилъ именное повелѣніе изъ Турина, захва-

тить въ ея домѣ французскаго маршала и тотчасъ же представить его въ Туринъ. Сначала сньюора Элеонора едва могла вѣрить своимъ ушамъ: маршалъ французскій!... Да знавала ли она когда въ жизни французскаго маршала? Наконецъ она вспомнила о письмѣ своего сына и отъ души расхохоталась прямо въ лицо почтенному синдику, такъ что онъ даже самъ сконфузился. Но она объяснила въ чѣмъ дѣло, показала письмо, — тѣмъ дѣло и покончилось.

Сэръ Джонъ и прежде слыхалъ о военно-судныхъ коммиссіяхъ, имѣвшихъ право расстрѣливать и вѣшать итальянскихъ либераловъ людинами; слыхалъ о тысячахъ людей, страдавшихъ въ тюрьмахъ, или скитающихся по-міру, не имѣя гдѣ голову приклонить; но никогда еще всѣ эти несчастные вмѣстѣ не возбуждали въ немъ столько сочувствія и не возмущали его такъ сильно, какъ маленькій анекдотъ, рассказанный докторомъ. Отъ того ли, что въ этомъ надзорѣ было слишкомъ много мелочнаго и гнуснаго — ужь мы не можемъ сказать. Иногда самая мнѣшья доза гомеопатическаго лекарства сильно и скоро дѣйствуетъ на самую крѣпкую натуру, на которую не дѣйствовали во сто разъ сильнѣйшія аллопатическія средства... А можетъ быть видъ благородной женщины, съ которою поступали такимъ недостойнымъ образомъ, пробудилъ въ сердцѣ сэра Джона всю его старую энергію. Надо думать, что онъ тогда еще не зналъ, что и въ его свободной и конституціонной странѣ, существуютъ постановленія, по которымъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, допускается распечатаніе частной переписки; и можно держать пари десять противъ одного, что, еслибъ онъ зналъ о подобномъ законѣ, позволяющемъ читать чужую переписку, то, не смотря на свою ненависть даже къ самому имени реформы, въ этомъ случаѣ онъ пожелалъ бы ея и употребилъ бы всѣ свои усилія для того, чтобы она была принята.

Послѣ завтрака, Люси пошла въ свою комнату за рисунокъ, въ которомъ былъ изображенъ домъ сньюоры Элеоноры. Этотъ рисунокъ принесъ такое удовольствіе почтенной женщинѣ, какъ будто его дѣлалъ настоящій художникъ, а не ученица. Повѣсивъ рисунокъ въ гостиной, она сказала, что смотря на него всегда будетъ вспоминать о своемъ молодомъ другѣ, милой англичанкѣ. Наступило время разлуки. Хозяйка непременно хотѣла проводить ихъ до конца аллеи. Сэръ Джонъ подалъ ей руку; приятно было видѣть съ какою почтительнымъ видомъ онъ велъ ее, какъ старательно соразмѣрялъ свои шаги съ ея походкою. Трогательно было прощаніе двухъ дамъ; онѣ разставались скорѣе какъ искренніе друзья, чѣмъ какъ люди, знакомство которыхъ было такъ непродолжительно.

Глаза Люси были влажны, когда она цѣловала морщинистое лицо старой итальянки.

— Молю Бога, чтобы милые ваши сыновья были возвращены вамъ, для утѣшенія вашего, — сказала Люси.

Крупныя слезы покатались также изъ глазъ сньюоры Элеоноры, когда, обнимая преддестную дѣвушку, она отвѣчала:

— Да будетъ услышана молитва ваша! я живу этою надеждою; но если Всевышній судилъ иначе, — то я вѣрую, что мы встрѣтимся тамъ,—она подняла глаза къ небу, — да благословитъ васъ Господь! прощайте.

И онѣ разстались.

Синьора Элеонора оставалась все на томъ же мѣстѣ и когда ея гости поворачивали на дорогу, она въ послѣдній разъ махнула имъ рукою; потомъ медленными шагами, склонивъ голову внизъ, бѣдная, одинокая мать, возвратилась въ свое уединенное жилище.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Овѣтъ Антонио.

На слѣдующее утро по возвращеніи въ гостиницу, Сперанца и Ватиста были обвиняемы въ приходской церкви самымъ скромнымъ образомъ; къ десяти часамъ—обыкновенное время завтрака англичанъ—исчезли всѣ слѣды небольшого праздника, котораго ужъ невозможно было набѣгнуть, то есть скромная закуска и небольшое число гостей. А между тѣмъ Ватистѣ очень хотѣлось бы похвастаться передъ всею главною бордигерскою улицею своею радостью, и очень хотѣлось имѣть серенаду вечеромъ; — да и Сперанцѣ пріятно было бы показать цѣлому городу свой подвѣнечный нарядъ, подарокъ Люси, привезенный изъ Генуи только наканунѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ похвастаться своимъ статнымъ мужемъ, его чудесными кудрями и прекраснымъ новымъ бархатнымъ камзолемъ; но послѣ размышленія она рѣшилась лучше отказаться отъ этого удовольствія. Прекрасное шелковое платье, богатая вуаль, гирлянда изъ померанцовыхъ цвѣтовъ, бѣлые атласные башмаки, все это было отложено въ сторону съ такимъ геройскимъ усиліемъ, что мы не въ состояніи и вообразить ничего выше; съ нимъ можно сравнить только самоотверженіе Ватисты, когда, поблагодаривъ бордигерскихъ музыкантовъ, онъ просилъ ихъ не приходить вечеромъ.

— Какое намъ дѣло до другихъ, лишь бы мы были счастливы! — говорила Сперанца, объясняя свое поведеніе миссъ Давеннъ.—Если бы я показала во всѣхъ чудесныхъ нарядахъ, которые вы мнѣ подарили, то сколько было бы сплетень и толковъ на нашъ счетъ о нашихъ богатыхъ нарядахъ, о свадьбѣ, о томъ, о семъ, на десять миль вокругъ! Что вышло бы изъ этого? О насъ вспомнили бы и тамъ, гдѣ, гораздо лучше будетъ, если насъ совсѣмъ забудутъ; чѣмъ менѣе будутъ произносить имя Ватисты, тѣмъ лучше будетъ для насъ.

Когда настали жары, то есть въ половинѣ іюля, было рѣшено, что миссъ Давеннъ начнетъ брать морскія ванны. Она желала бы купаться по захожденіи солнца, но Антонио воспротивился этому съ своимъ неумолимымъ veto, боясь, чтобы купанье, дѣйствуя какъ возбуждательное средство, не лишило бы ее спокойнаго сна.

— Мы устроимъ вамъ ванну, — сказалъ предупредительный докторъ, — и вы въ ней будете совершенно какъ въ вашей комнатѣ.

И это обѣщанье не было пустымъ словомъ, но доказано на дѣлѣ; нѣсколько часовъ спустя можно было видѣть около берега залива Spedaletti ванну столь же удобную и хорошо закрытую какъ бы это было въ Врайтонѣ или Диеппѣ.

Мнѣ кажется, будто я слышу, какъ читатель при этомъ восклицаетъ: «Какая была способность въ этомъ человѣкѣ къ механикѣ! оми въчно что нибудь изобрѣтаетъ!»

Прошу извинить, милостивый государь, или милостивая государыня, — Антонио не имѣлъ больше способности къ механикѣ, чѣмъ вы или я; но онъ имѣлъ, — чего я желаю себѣ, а также и вамъ, — онъ имѣлъ большое желаніе быть полезнымъ своимъ ближнимъ и оказывать имъ услуги, а ничто, говорятъ, не можетъ сдѣлать человѣка болѣе изобрѣтательнымъ, какъ подобное желаніе. Попробуйте, любезный читатель, приняться за дѣло съ необходимой для этого энергіей — и вы первый придете въ удивленіе отъ результата.

Ванна, придуманная докторомъ Антонио была не что иное, какъ остовъ старой телеги, покрытый сверху шатромъ и занавѣсами; все это было привязано къ крѣпкимъ сваямъ, вбитымъ глубоко въ землю, веревками, которыя могли укорачиваться и удлиняться по желанію. Съ берега туда входили по маленькой лѣсенкѣ; другая же гораздо длиннѣе вела къ морю; изобрѣтеніе, какъ вы сами видите, не должно было стоить великихъ усилій для воображенія его изобрѣтателя. Четыре красныхъ флагера качались граціозно на шестахъ, поддерживавшихъ полотняный шатеръ, придавая цѣлому довольно кокетливый видъ. Но Антонио не придумывалъ ни этихъ и ни какихъ другихъ украшеній; изобрѣтеніе и исполненіе ихъ исключительно принадлежало Батистѣ — *viuht siuque*.

Всякое утро, на разсвѣтѣ дня, Люси, въ сопровожденіи Сперанцы, исполнявшей при ней обязанность купальщицы, — Сперанца плывала какъ рыба, — отправлялась купаться и наслаждаться чуднымъ зрѣлищемъ солнечнаго восхода. Хотя Люси, по причинѣ своего слабаго здоровья, и провела часть своего дѣтства въ деревнѣ, но она никогда не вставала рано; вотъ почему, это удивительное *crescendo* свѣта, шума, жизни, которымъ природа какъ бы привѣтствуетъ свое великое свѣтило, было совершенною новостью для нея, и новостью очаровательною. Послѣ ванны, подождавшея вначалѣ только четверть Часа и ни какъ не долѣе, — таковы были строгія приказанія бордигерскаго эскулапа, Сперанца же была не такая женщина, чтобы нарушать ихъ, — Люси должна была выпивать чашку горячаго чаю, снова ложиться въ постель и оставаться въ ней до семи часовъ. Остальное время до десяти часовъ, когда она шла къ отцу завтракать, миссъ Давеннъ употребляла сперва на поливанье и ухаживанье за своими цвѣтами, — у нея былъ теперь настоящій садъ, — и потомъ рисовала карандашомъ и красками на балконѣ. Докторъ Антонио приходилъ обыкновенно около одиннадцати часовъ и проводилъ съ нею

цѣлый часъ въ разговорахъ или чтеніи. Послѣ полудня до самаго обѣда, она отдыхала, бѣгала по саду, читала въ тѣни, опять рисовала или играла на фортепіано (мы кажется забыли сказать, что изъ Ниццы привезли для нея превосходный инструментъ). Иногда она пѣла дуэты съ докторомъ, никогда не забывавшимъ сдѣлать второй визитъ послѣ обѣда. Люси обыкновенно оканчивала свой день небольшою прогулкою по холму или посѣщеніемъ графскаго казино, иногда же прогулкою въ каретѣ въ какой нибудь сосѣдній городъ или деревню. Но это послѣднее развлеченіе становилось все рѣже и рѣже, потому что добрая Люси замѣчала замѣтательство и печаль Батисты, всякій разъ, когда онъ видѣлъ карету у воротъ, и его разстроенный видъ, съ какимъ онъ тогда скрывался въ самый отдаленный и темный уголокъ сада. У Люси не доставало духу причинять огорченіе кому бы то ни было. Страшная робость, которую вначалѣ Батиста чувствовалъ въ присутствіи Люси, обратилась въ глубокую почтительность; можно сказать, что миссъ Давеннъ была для него какимъ-то божествомъ. Всякій разъ, когда она выходила гулять, морякъ бодрствовалъ надъ нею въ почтительномъ разстояніи, или когда былъ увѣренъ, что его не замѣчаютъ, онъ шолъ близехонько за нею. Когда прогуливающіеся внезапно поварачивали назадъ, онъ успѣвалъ съ необыкновеннымъ искусствомъ и быстротою опять скрываться позади ихъ; это очень забавляло и удивляло Антоніо и Люси. Въ натурѣ Батисты было много собачьяго; мы говоримъ это не для того, чтобы унижить его, совсѣмъ напротивъ: извѣстно, что породе собачья одарена вѣрностью, смышленостью и преданностью, — качествами, которыя ставятъ ее выше всѣхъ другихъ животныхъ.

Морскія ванны принесли большую пользу нашей прелестной Люси, мы думаемъ, что еще полезнѣе для нея былъ вышеописанный образъ жизни, который она вела, образъ жизни, равно недопускавшій ни скуки, ни сильныхъ волненій. Сэръ Джонъ былъ въ восторгѣ, видя розовыя щоки и начинающійся embonpoint своей дочери, и онъ въ шутку говорилъ доктору, что она скоро можетъ соперничать съ сньюорою Пистаккини. Если деревенская жизнь здорова для тѣла, то тѣмъ не менѣе и для души. Рѣдко случается, чтобы люди, искавшіе короткаго знакомства съ природою и слѣдившіе за ея чудными дѣйствіями, не признавали бы, что сообщеніе съ нею пробуждаетъ высокія идеи и благородныя чувства. По крайней мѣрѣ такъ случилось и съ Люси. Можетъ быть (надѣюсь, что насъ не обвинять въ лести къ нашему герою), можетъ быть, постоянныя сношенія Люси съ человѣкомъ опытнымъ, здравомыслящимъ, практичнымъ и съ простымъ сердцемъ, каковъ былъ Антоніо, содѣйствовали этому результату. Какъ бы тамъ ни было, но Люси сама чувствовала — и дѣйствительно это было такъ, — что она сдѣлалась совсѣмъ другою женщиною, съ новыми способностями физическими и умственными.

Между тѣмъ Антоніо поглаживалъ себѣ бороду чаще обыкновеннаго. Съ самаго путешествія въ Лампедузу или, говоря точнѣе, съ того дня, когда Люси выказала себя такою прихотливою и невослѣ-

довательною, совершилась перемена съ нашимъ дорогимъ докторомъ: этотъ ровный характеръ, всегда ровное расположеніе духа, которые можно было бы сравнить съ тихимъ и мирнымъ источникомъ, теперь иногда волновались и становились неровными. Антоніо былъ ужъ не такъ разговорчивъ какъ прежде; иногда онъ сдѣлалъ подлѣ Люси и не говорилъ ни слова въ продолженіе получаса.

Однажды, вдругъ выведенный изъ своей задумчивости вопросомъ: «о чемъ вы думаете?—онъ весь вспыхнулъ и—любопытная вещь—эта зараза была прилипчива: Люси тоже вспыхнула! Иногда въ его обращеніи съ миссъ Давеннъ было что-то церемонное, принужденное, какъ будто бы онъ хотѣлъ отступить на нѣсколько шаговъ отъ сладостныхъ, дружескихъ сношеній, къ которымъ случайныя обстоятельства привели ихъ. Но Люси не очень покоралась такимъ продолжаніемъ; она, какъ говорится, хватала вола за рога и съ смѣлостью избалованнаго ребенка кричала: «Да что же я такое вамъ сдѣлала, что вы сегодня такъ холодны и церемонны со мною? Неужели вы хотите мнѣ показать теперь, когда я здорова, что вамъ болѣе дѣла нѣтъ до меня и что я вамъ надоѣла?» или она дѣлала другой какой нибудь упрекъ въ томъ же родѣ.

Не было возможности противостоять очарованію ея голоса и чувства, внушавшаго ей слова. Всѣ попытки доктора на отдаленіе, несмотря на его искреннее желаніе выдержать характеръ, не удавались, и оставались напрасны и только въ сердцахъ обихъ зарождали чувства еще болѣе дружескія.

Всѣ наружные признаки доказывали внутреннюю борьбу въ нашемъ докторѣ. Мы жалѣемъ, что не можемъ съ большею точностію объяснить характеръ или предметъ этой борьбы; но признаемся, что должны судить о ней по догадкамъ. Сердце человеческое—это потокъ, въ которомъ нитки такъ перепутаны, что самъ хозяинъ не всегда можетъ его распутать; по всей вѣроятности, это самое случилось и съ Антоніо. Чтобы человѣкъ такой здравомыслящей, такой положительный и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ мало честолюбивый какъ Антоніо, чтобы такой человѣкъ могъ строить дерзкіе воздушные замки—этого никакъ мы не можемъ допустить. Но чтобы фантазія—эта коварная фея—не сумѣла поймать его иногда въ располѣхъ и совершить надъ нимъ какого нибудь колдовства—за это мы не ручаемся. Впрочемъ, Антоніо былъ только человѣкъ; и, по всѣмъ наружнымъ признакамъ, его постигла общая, свойственная человѣчеству, болѣзнь, которая, какъ говорятъ, поражаетъ органы умственнаго зрѣнія. При томъ же, въ жизни бываютъ часы—и между ними въ особенности самый злодѣйскій—это часъ сумерокъ—когда самый положительный умъ не можетъ уклониться отъ обольстительныхъ грезъ; тогда самыя невозможныя вещи намъ кажутся возможными и даже легкими. Когда человѣкъ, по простествіи пароксизма, старается, сколько силъ есть, помочь своему разсудку и одержать верхъ надъ сердцемъ, — онъ, по нашему мнѣнію, сдѣлалъ все, чего только возможно требовать отъ человѣка. А кто знаетъ—не были ли эти при-

падки молчаливой грусти у Антонио, безмолвнымъ усиленіемъ души, озабоченной изгнаніемъ призраковъ, вызываемыхъ фантазією въ недобрый часъ?

Но пора продолжать нашъ разсказъ.

— Знаете ли вы лорда Карнифекса?—спросилъ однажды вечеромъ Антонио у сэра Джона, когда миссъ Давеннъ ушла уже въ свою комнату.

Вопросъ былъ сдѣланъ съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Очень знаю, — отвѣчалъ сэръ Джонъ, — онъ приходится еще мнѣ дальнимъ родственникомъ по женѣ. Что вы хотите о немъ сказать?

— Сегодня я прочелъ въ вашей газетѣ статью, относящуюся до него и до его младшей дочери. Вотъ она, — продолжалъ Антонио, взявъ газету со стола, стоявшаго позади его, и подавъ ее сэру Джону.

Баронетъ прочелъ вслухъ слѣдующее:

«Романъ въ высшемъ обществѣ. — Нѣсколько дней тому назадъ, мы сообщили нашимъ читателямъ довольно глупое происшествіе, совершившееся во Флоренціи, въ которомъ миссъ Фанни Карнифексъ, самая младшая дочь благороднаго лорда Карнифекса, и молодой римскій художникъ играли главную роль. Разсказанная нами сцена приняла оборотъ двухъактной комедіи, и все кончилось похищеніемъ. Такъ какъ это дѣло теперь предано гласности, то мы спѣшимъ сообщить имена всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Нашъ корреспондентъ пишетъ, что герой его нѣкто Марини, прекрасный двадцати-двухлѣтній юноша, изъ почтеннаго семейства средняго класса; на него смотрятъ, какъ на артиста, подающаго большія надежды. Кажется, онъ давалъ уроки рисованья миссъ Фанни и воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы заслужить любовь своей ученицы.»

(— Безсовѣстный негодяй!!—воскликнулъ сэръ Джонъ, какъ бы въ скобкахъ.)

«Въ одно прекрасное утро влюбленная парочка влетаетъ въ кабинетъ къ благородному отцу и, бросаясь передъ нимъ на колѣни, умоляетъ дать согласіе на ихъ бракъ. Исходъ такого поступка легко отгадать: Марини безъ церемоніи былъ тотчасъ же выпровоженъ за порогъ, а миссъ Фанни немедленно передана подъ присмотръ своей тетки съ материнской стороны, леди Виррби, которая и увезла прекрасную виновницу въ Римъ. Такъ кончается первый актъ, о которомъ мы и прежде отдавали отчетъ. Продолженіе можетъ быть разсказано въ немногихъ словахъ: миссъ Фанни, ускользнувъ изъ-подъ самаго строгаго присмотра, успѣла соединиться съ своимъ возлюбленнымъ вѣтренникомъ, который послѣдовалъ за нею въ Римъ. Эта злополучная развязка произвела тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ англичанъ въ Римѣ и во Флоренціи. Говорятъ, благородный лордъ не принималъ никакихъ мѣръ противъ бѣглецовъ, объявивъ твердую рѣшимость—предоставить дочь ея участи.»

— И хорошо сдѣлалъ!—воскликнулъ сэръ Джонъ, сжимая газету въ своихъ рукахъ, дрожавшихъ отъ волненія. — Еслибъ я былъ ея отцомъ, она никогда и шиллинга не получила бы отъ меня. Пускай

умираетъ съ голоду! Я хорошо знаю лорда Карнифокса. Клянусь Богомъ! въ цѣлую жизнь я ни слова не сказалъ бы ему, еслибъ онъ продолжалъ еще имѣть сношеніе съ этимъ!...

Послѣднее слово было потеряно для доктора, потому что, провознося его, баронетъ всталъ и въ бѣшенствѣ заходилъ по комнатѣ большими шагами.

— Но къ чему служить весь этотъ гнѣвъ? — спросилъ спокойно Антоніо.

— А къ тому, милостивый государь, чтобы предостеречь всѣхъ дуръ, которыя вздумали бы опозорить свои фамиліи, — отвѣчалъ запыльчиво сэръ Джонъ.

Докторъ примиряющимъ голосомъ рѣшилъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе:

— Къ счастью еще, что этотъ молодой человекъ принадлежитъ, повидимому, къ достойному семейству.

— Чортъ возьми подобное достоинство, — воскликнулъ сэръ Джонъ. — Какой-то нищій, повѣса, который живетъ своими карандашами и воображеніемъ.

— Но такъ жили Микель-Анджело и Рафаэль, — возразилъ Антоніо, начинаявшій также разгорячаться.

— Очень радъ этому, только я не отдалъ бы своей дочери ни за того, ни за другого.

Горькое возраженіе готово было сорваться съ языка Антоніо, но онъ воздержался.

— Злодѣй! — продолжалъ баронетъ съ возрастающею яростью. — И можно ли подумать, что во всей Италіи не нашлось какого нибудь англичанина, который былъ бы столько великодушенъ, чтобы убить его на мѣстѣ. Вѣсть отъ чего порядочному человеку отречься отъ своей родины.

— Довольно, довольно, сэръ Джонъ, — сказалъ Антоніо съ веселымъ видомъ, — не надо быть такимъ строгимъ. Въ двадцать два года любовь страшно упительный напитокъ.

— Любовь! — сказалъ баронетъ съ смѣхомъ презрѣнія, — пустяки! Это не любовь, а фунты стерлинговъ, шиллинги и пенсы миссъ, которыми хитрый бездѣльникъ хотѣлъ воспользоваться. Вѣдь они желятся только на деньгахъ — эти... проклятые итальянцы-авантюристы.

Итальянецъ весь вспыхнулъ и закусилъ себѣ губы. Можетъ быть, англичанинъ замѣтилъ это или, быть можетъ, шумъ собственныхъ словъ остановилъ его, только онъ вдругъ сталъ предъ Антоніо, — который прислонился къ фортепіано, скрестивъ руки на груди, — постоялъ минуту въ молчаніи предъ нимъ, потомъ, слѣдуя внезапному внушенію, вдругъ протянулъ руку доктору и сказалъ съ благородною простотою:

— Очень дурно съ моей стороны оскорблять ваши чувства. Прошу васъ, простите меня. Я не имѣлъ намѣренія оскорблять васъ. Но эта гнусная исторія вывела меня изъ себя. Признаюсь, я имѣю непобѣдимое отвращеніе отъ браковъ съ иностранцами. Не станемъ оубо говорить о томъ. Не сыграть ли намъ лучше партію?

Антонио согласился, и они съѣли играть; но сэръ Джонъ былъ такъ разсѣянъ, что его противнику много стоило трудовъ, чтобы заставить его выиграть. Было около полуночи, когда докторъ ушелъ отъ него чрезъ садъ; вмѣсто того, чтобъ изъ калитки повернуть направо и выйти на большую дорогу въ Бордигеру, онъ пополь налѣво, спустился по тропинкѣ, ведущей къ морю, и сталъ гулять по берегу. Его походка, хотя и была медленнѣе обыкновеннаго, но не облачала внутренняго волненія; не видно было волненія и на лицѣ его, на которое падалъ свѣтъ луны и придавалъ ему какое-то торжественное спокойствіе. Долго онъ гулялъ, потомъ растянулся на землѣ, обративъ лицо къ небу. Утренняя заря нашла его въ томъ же положеніи. Тогда онъ всталъ и, какъ бы припоминая вкратцѣ результаты своего продолжительнаго раздумья, сказалъ вслухъ:

— Впрочемъ, какая нужда—счастливъ или нѣтъ человекъ, если только онъ сознаетъ свой долгъ и остается вѣренъ ему? И такъ, *да здравствуетъ Италия!* моя первая и послѣдняя любовь!

Сказавъ это, онъ повернулъ домой.

Съ этого дня прекратились всѣ припадки угрюмости или молчаливости; спокойствіе свѣтлой мысли, ровное обращеніе, придававшія столько привлекательности нашему итальянцу, снова возвратились къ нему онъ опять сдѣлался такимъ же, какъ и въ ту минуту, когда мы въ первый разъ съ нимъ познакомились. Восторжествовала ли эта ночь глубокихъ размышленій надъ внутреннею борьбою, или только дала ему силы укрощать и скрывать наружныя проявленія этой борьбы? Умѣлъ ли Антонио и въ уединеніи своего собственнаго жилища такъ же владѣть собою, былъ ли онъ тамъ такъ же спокоенъ и веселъ, какимъ бывалъ въ гостинницѣ въ присутствіи Люси? Оставимъ эту тайну между нимъ и его Творцомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Прощай идиллія.

Выль жаркій и душный день, одинъ изъ знойнѣхъ августовскихъ дней, которые такъ тяжело дѣйствуютъ на нервы впечатлительныхъ людей, когда сама природа, какъ бы утомясь, предается совершенному отдыху. Проникая сквозь тонкій слой облаковъ, какъ сквозь стекло, солнечные лучи обдавали землю тяжелымъ удушающимъ жаромъ. Ни одинъ листъ не шевелился, ни одна птица не пѣла, даже кузнечики притаялись. И только изрѣдка эта торжественная тишина прерывалась жалобною пѣснью кукушки, призывающей свою подругу.

Люси поочереди перепробовала и рисовать, и заниматься цвѣтами въ саду, и играть на фортепьянахъ, и спать — все безъ успѣха. Въ настоящую минуту, задыхаясь отъ жара, она прилегла на софу.

— Наконецъ вотъ и вы!—сказала она, при входѣ доктора Антонио.— Вотъ ужъ два часа, что я васъ жду. Я чувствую себя совсѣмъ нехорошо.

— Право?—воскликнулъ Антонио, блѣднѣя.— Что съ вами случилось?

Часть тому назадъ, я встрѣтилъ сэра Джона, отправлявшагося къ графу; онъ мнѣ ничего не сказалъ о вашей болѣзни.

— Я ничего не говорила о томъ пацѣ; онъ и безъ того ужъ встревоженъ, не получивъ письма отъ Обри.

— Вы хотите сказать, отъ вашего брата?

— Да, Обри долженъ былъ написать съ послѣднею почтою изъ Индіи; мы знаемъ, что она прибыла, а писемъ нѣтъ.

— Очень жалѣю,—сказалъ Антонію, — но поговоримте о васъ. Не начали ли вы опять кашлять?

— Нѣтъ; но мнѣ такъ тяжело, я чувствую такую слабость, такое изнеможеніе, будто все горитъ во мнѣ.

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Каждому человѣку болѣли менѣе тяжело въ такую погоду. Дайте-ка мнѣ пощупать вашъ пульсъ,—дихорадки нѣтъ. Это все проклятое сирокко на васъ дѣйствуетъ. Уляжьтесь-ка спокойно,—продолжалъ онъ, поправляя подушки подъ ея головою,—а я постараюсь привести васъ въ нормальное состояніе. Миссъ Гутчинсъ,—сказалъ онъ, выходя въ другую комнату,—нельзя ли приготовить стаканъ крѣпкаго лимонаду для миссъ Давеннъ? Сокъ изъ двухъ лимоновъ на полъстакана воды,—теплой воды, пожалуйста.

— Сейчасъ,—отвѣчала горничная самымъ сладкимъ голосомъ.

Миссъ Гутчинсъ, надо сказать правду, была совершенно покорена,—трудная побѣда, но все-таки Антонію восторжествовалъ. Прежде такая суровая, она теперь всѣми силами старалась заслужить вниманіе доктора и съ гордостью исполняла всѣ его приказанія.

Минуту спустя, Антонію возвратился, въ сопровожденіи Сперанцы; оба навьюченные зелеными вѣтвями, они уподоблялись ходячимъ кустарникамъ. Они бросили свои ноши на полъ; Роза принесла лейку съ водою; докторъ нѣсколько разъ принимался поливать вѣтви, приговаривая:

— Вотъ теперь будетъ вамъ прохладнѣе, только не надо выпускать воздуха извнѣ: тамъ раскаленная печь.

Онъ затворилъ стеклянную дверь и опустилъ зеленую занавѣсь, чтобы было какъ можно менѣе свѣту.

— Понравился ли вамъ лимонадъ?—спросилъ онъ, когда Люси поставила стаканъ.

— Очень; онъ такъ освѣжаетъ.

— Не чувствуете ли вы желанія заснуть?

— Нѣтъ!—отвѣчала Люси,—развѣ вы уходите?

— Нѣтъ, развѣ въ такомъ только случаѣ, если вы захотите заснуть. Но вы не хотите заснуть. И прекрасно. Не хотите ли вы, чтобы я что нибудь прочелъ вамъ?—продолжалъ онъ.

Онъ подошелъ къ этажеркѣ съ книгами, стоявшей подлѣ фортепьяно, и скоро возвратился съ книгою въ рукахъ.

— Не прочтете ли мнѣ вамъ изъ вашего любимаго поэта Джюсти?

... Какой вы удивительный человѣкъ!—сказала Люси, вмѣсто отвѣта на вопросъ.—Что станется со мною, когда васъ не будетъ.... — Потокъ слезъ не дали ей говорить.

Вѣднѣй Антоііо остановился съ книгою въ рукѣ, глаза его наполнились крупными слезами, и онъ самъ готовъ былъ зарыдать. Къ счастью для него, спазмы захватили ему горло, и онъ долженъ былъ употребить большія усилія, чтобы освободиться отъ нихъ. Наконецъ онъ успѣлъ собраться съ духомъ и снова заговорить:

— Посмотрите, какія вы сдѣлались нервозныя, плачете безъ всякой причины, какъ будто завтра уѣзжаете. Развѣ вы не знаете итальянской пословицы:—*Prendi tempo e campegai?*

Онъ уговаривалъ ее, какъ будто мать свое нѣжно любимое дитя. Наступило минутное молчаніе; Люси успѣла оправиться отъ своего волненія.

— Докторъ,—сказала она,—вѣрите ли вы предчувствіямъ?

— Ни мало,—отвѣчалъ съ живостью Антоііо,—я вѣрю въ сирокко.

— Ну, такъ вы не правы,—сказала Люси съ важностью.—Не вы ли мнѣ рассказывали о растеніи *не тронь меня*, которое предсказываетъ бурю? Ну, я такое же растеніе. Я увѣрена, что какое нибудь несчастіе готово обрушиться на меня: я это чувствую въ воздухѣ.

— Вы чувствуете злѣдѣйскій вѣтеръ съ юга, вотъ и все тутъ. Хорошій дождь разсѣетъ вашу болѣзнь и ваше предчувствіе.

Люси покачала головою съ недовѣрчивостью и сказала:

— Хотите ли мнѣ чтó нибудь почитать? выберите, чтó вы сами хотите.

— Попробуемъ прочесть II *Brindisi di Girella*, это очень забавно и посмѣшитъ васъ.

Онъ поставилъ стулъ къ стеклянной двери, чтобы воспользоваться свѣтомъ, проходившимъ сквозь нее, и сталъ читать.

Мы имѣемъ свои причины обозначить всѣ подробности этой домашней сцены и взаимное положеніе чтеца и слушательницы. Немного направо отъ стеклянной двери, въ пяти или шести шагахъ отъ нея, съ боку стоялъ диванъ, на которомъ лежала Люси лицомъ къ свѣту. На ней было бѣлое кисейное платье съ голубымъ кушакомъ; ея соломенная шляпа съ широкими полями привязана была своими голубыми лентами за спинку дивана, какъ разъ надъ ея головою. Гутчинсъ, сложа руки, сидѣла за большимъ столомъ, посреди комнаты, и употребляла всевозможныя усилія, чтобы скрыть свою зѣвоту, которую, однако, никакъ не могла удержать. Какъ разъ противъ Люси, то есть налѣво у стеклянной двери, такъ близко, что зеленая занавѣсъ касалась его книги,—сидѣлъ докторъ Антоііо.

И такъ, чтеніе продолжалось уже нѣкоторое время и не разъ уже энергическій юморъ неподражаемаго поэта, вызывалъ слабую улыбку на блѣдное лицо Люси. Но мало по малу мысли автора уже не такъ ясно доходили до нея; звуки мелодическаго голоса, успокаивая ее, какъ журчаніе ручейка, убаюкивали, такъ сказать, прелестную дѣвушку и довели ее до того положенія, которое не есть еще сонъ, но уже и не бодрствованіе, а какое-то очаровательное сочетаніе того и другого.

Вдругъ на лѣстницѣ послышались тяжелые шаги; Люси невольно вздрогнула и вскочила съ дивана.

— Кто бы это могъ быть?—спросила она, дрожа.

Въ ту же минуту стеклянная дверь отворяется съ шумомъ, колоссальная фигура тяжело входитъ и громовой голосъ восклицаетъ:

— Эй, Люси, здравствуй, моя милая.

Съ этими словами, живой колоссъ наклоняется къ одѣвенѣвшей дѣвущкѣ и цѣлуетъ ее.

— Вотъ, наконецъ, я васъ нашолъ. Э! да что же это все значить? Клянусь Юпитеромъ! съ этими зелеными вѣтками и лейками вы очень похожи на балетную пастушку. Une charmière et ton coiffe! Ха! ха! нѣтъ ни малѣйшаго недостатка для полноты напллин, какъ бывало говорили въ Итонѣ. Чортъ возьми! даже и пастушокъ на лицо!

— Обри!—воскликнула Люси съ упрекомъ.

Но она ничего болѣе не могла произнести. Нечего и говорить, что проклятіе и остроумная выходка относились прямо къ нашему приятелю-доктору. Увидѣвъ Антонію, онъ отпустилъ эту глупую шуточку, относительно пастушка.

Взоры обоихъ мужчинъ встрѣтились не совсѣмъ дружелюбно. Высокомѣрный видъ Обри, его нахмуренныя брови, его вызывающій взглядъ мало показывали симпатіи къ человѣку, котораго онъ измѣрялъ гордымъ взглядомъ съ головы до ногъ. Сжатые губы Антонію, его блѣдное лицо, вся наружность, выражавшая готовность отразить нападеніе,—все это доказывало, что онъ чувствовалъ близость врага. Такъ стояли они другъ противъ друга: чудные типы двухъ красивыхъ расъ, лучше которыхъ никогда не видали ни Греція, ни Римъ: одинъ свѣтлорусый, бѣлый, розовый, съ голубыми глазами—глаза точно у Люси!—другой грозный, какъ буря. Англичанинъ головою выше своего противника,—тоже очень высокаго, —широкоплечій, коренастый, настоящее нес plus ultra развитія мускуловъ и силы. Итальянецъ не такой громадный, но такой же сильный, ловкій и гибкій, какъ тигръ, съ желѣзными мускулами и нервами, всегда послушными неукротимой волѣ, выказывшейся въ мрачномъ огнѣ его взгляда. Избави Богъ, когданибудь этимъ людямъ встрѣтиться въ минуту гнѣва, потому что ихъ встрѣча будетъ подобна столкновенію двухъ громовыхъ тучъ!

Не прошло и десяти минутъ ихъ взаимнаго обзора,—но этого достаточно было, чтобы развить въ нихъ чувство взаимной антипатіи. Люси угадала это своимъ женскимъ инстинктомъ, и возрастающій ужасъ развязалъ ей языкъ.

— Мой братъ, капитанъ Давеннъ—докторъ Антонію—мой докторъ, лучший другъ papà.

Эти слова какъ бы уничтожили дѣйствіе очарованія.

Капитанъ Давеннъ слегка поклонился, Антонію сдѣлалъ точно то же. Докторъ тотчасъ же простился, посовѣтовавъ Люси оставаться какъ можно спокойнѣе, и лечь пораньше спать, если къ вечеру не будетъ чувствовать себя лучше; за тѣмъ онъ ушелъ.

Обри принялся направо и налѣво толкать стулья и кресла, находившіеся въ комнатѣ, при каждомъ новомъ толчкѣ заставлялъ враги-

вать Люси до тѣхъ поръ, пока расположилъ наконецъ довольно симметрически все это вокругъ дивана, и протянулъ свои геркулесовскіе члены на эту импровизованную кушетку, все время не переставая очень громко говорить. Такимъ образомъ, въ промежуткахъ между толчками, Люси узнала стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ, доставившихъ ей неожиданное счастье видѣться съ братомъ. Еоть эти обстоятельства вкратцѣ. Когда товарищъ его заболѣлъ, Обри долженъ былъ исполнять его обязанности по службѣ, но товарищъ выздоровѣлъ гораздо скорѣе, чѣмъ предполагали. Такимъ образомъ, капитанъ Давеннъ имѣлъ возможность самъ уѣхать съ тою почтою, которая должна была привести письмо отъ него и не привезла, что такъ сильно встревожило сэра Джона утромъ. Но къ чему же Обри сталъ бы писать письмо, если оно вмѣстѣ съ нимъ должно было придти въ Англию? Въ Лондонѣ, онъ встрѣтилъ Тома Карнифокса, — старшаго сына лорда Карнифокса. Томъ только что получилъ приказаніе отъ своего отца — ѣхать тотчасъ же къ нему во Флоренцію. Онъ предложилъ Обри мѣсто въ своемъ экипажѣ; Обри принялъ — и вотъ какимъ образомъ онъ явился здѣсь. Ни слова о знакомцѣ, котораго онъ нашолъ у сестры, ни о впечатлѣніи, пріятномъ или непріятномъ, какое произвелъ на него видъ его.

Велико было удивленіе, радость и счастье сэра Джона, когда, минуто спустя, при входѣ въ комнату, первое что представилось его глазамъ было его такъ давно желанное сокровище, его Обри, сидѣвшій рядомъ съ сестрою. Еслибъ не чувство собственного достоинства, сэръ Джонъ непремѣнно надѣлалъ бы глупостей отъ радости сердечной. Съ какою гордостью, съ какою любовью смотрѣлъ онъ на свое дитя, какъ онъ его называлъ! И надо правду сказать, геркулесовскіе размѣры и прекрасныя черты лица, могли бы возбудить восторгъ и въ болѣе безпристрастномъ судѣ, чѣмъ его отецъ. Торопливые вопросы баронета принудили Обри еще разъ разсказать обстоятельства, ускорившія его пріѣздъ; и тогда начался между сыномъ и отцомъ бѣглый огонь вопросовъ и отвѣтовъ, такъ быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, какъ будто удары молоткомъ по наковальнѣ. Не удивительно, что послѣ десятилѣтней разлуки они имѣли многое, что сказать другъ другу. Они разговаривали безостановочно до тѣхъ поръ, пока Джонъ Джекотъ не пришолъ накрывать на столъ, что положило конецъ ихъ сердечнымъ изліяніямъ. Капитанъ Давеннъ сказалъ привѣтствіе Джону, каковая честь произвела на лицѣ слуги гримасу полного самодовольствія. Тогда отецъ и сынъ удалились въ комнату сэра Джона, и вышли оттуда только тогда, какъ имъ доложили что обѣдъ поданъ. Обри пилъ и ѣлъ за двухъ; и все время века пилъ и ѣлъ, все громче и громче провозглашалъ похвалы кушаньямъ, винамъ, мѣстности, приправляя выраженія своего удовольствія страшными клятвами и хохотомъ, отъ которыхъ дрожали тарелки, стаканы, графины и даже стеклянная дверь.

— Кстати, мое милое дитя, — спросилъ баронетъ, — въ какой гостиницѣ Гомъ Карнифокотъ высадилъ тебя?

— А ни въ какой, отвѣчать онъ. Я оставилъ свои чемоданы въ какомъ-то набакѣ, гдѣ онъ перемѣнялъ лошадей,—а послушай-ка, Джонъ: послѣ обѣда надобно будетъ тебѣ сходить туда и принести мои чемоданы.

— Боюсь, сказалъ сэръ Джонъ,—что тебѣ негдѣ здѣсь будетъ помѣститься. Вся эта гостиница величиною съ орѣховую скорлупу, здѣсь нѣтъ свободного угла.

— Не бѣда, возразилъ Обри: à la guerre comme à la guerre. Я могу спать на диванѣ, на полу и гдѣ хотите; мнѣ все равно. Я здѣсь и останусь; надѣюсь, вы не выгоните меня насильно.

Это былъ ultimatum Обри, и ясно было видно, что самыми справедливыми доводами не могли бы заставить его перемѣнять свое мнѣніе. Вслѣдствіе этого, между сѣромъ Джономъ и Джономъ Дугломъ произошло короткое совѣщаніе; результатомъ этого совѣщанія было то, что Джонъ будетъ ночевать гдѣ нибудь, а свою комнату устроить какъ можно удобнѣе для своего Молодаго господина. Чтобы услужить Обри, Джонъ готовъ былъ ночевать подъ открытымъ небомъ.

По окончаніи обѣда, капитанъ Дэвеннъ, къ великому удивленію и смущенію сэра Джона, закурилъ огромную сигару.

— Сигары перваго сорта,—сказалъ онъ, вынудивъ огромныя облака дыму.—Надѣюсь, что запахъ этотъ вамъ не противенъ, Люси, а я знаю что для papà онъ пріятенъ.

Люси увѣрала, что запахъ ей не противенъ, что, напротивъ, она очень его любитъ,—хотя на дѣлѣ она его терпѣть не могла. Какая же причина заставляла ее говорить противное истинѣ? Люси почти безознательно чувствовала необходимость уступить желаніямъ брата. Бѣдная Люси! слабая, робкая, Люси! сколько я видалъ твоихъ сестеръ, такихъ же простодушныхъ и искреннихъ, какъ ты, и также грѣшившихъ противъ истины какъ ты и еще болѣе, чтобы только заслужить доброе расположеніе какого нибудь медвѣди-брата! Станемъ надѣяться, что когда наступитъ день—отдавать отчетъ во всѣхъ дѣйствіяхъ, то не эти нѣжныя впечатлительныя созданія будутъ отвѣчать, а ихъ высокочѣрные тираны, которые своими жестокими выходками заставляютъ ихъ впадать въ подобныя преступки.

Сэръ Джонъ не выразилъ прямо ни согласія ни протѣиворѣчиваго ренію Обри, что ему очень пріятенъ запахъ сигары; можетъ быть онъ не зналъ навѣрное, какъ будетъ принято его возраженіе, или, на первый разъ, ему хотѣлось быть снисходительнымъ. Онъ сдѣлалъ только благоразумное предложеніе—встать изъ-за стола, и идти въ садъ, пить тамъ кофе.

Время второго визита доктора Антонио прошло уже, а онъ не показывался.

— Надѣюсь, однако, докторъ не измѣнитъ намъ,—сказалъ сэръ Джонъ, раза два посмотрѣвъ на часы.—Присутствіе моего сына по причина, чтобы я былъ лицомъ общества моего друга. Мнѣ очень пріятно будетъ, Обри, если ты познакомишься съ нимъ; докторъ

Антонио достойнѣйшій чловѣкъ въ мірѣ, — джентльменъ въ полномъ смыслѣ слова: мы ему должны быть очень обязаны за все, что онъ сдѣлалъ для насъ.

Сэръ Джонъ принялся разсказывать своему сыну, со всѣми подробностями, исторію объ опрокинутомъ экипажѣ, о помощи, которую итальянецъ оказалъ ему такъ ктати, обо всемъ, что Обри давно уже зналъ изъ писемъ отца. Увлекаясь своимъ предметомъ, баронетъ распространялся съ удовольствіемъ про непрерывную заботливость Антонио объ Люси, про остроумныя средства, изобрѣтаемыя имъ, чтобы занимать ее въ продолжительное время болѣзни, когда она не могла вставать съ постели. Какъ онъ ей давалъ книги, читалъ ей лекціи ботаники, давалъ уроки на гитарѣ — все это было разсказано въ подробности, и каталогъ его кончался дивнымъ геніальнымъ произведеніемъ, подвижнымъ кресломъ, изобрѣтенія доктора Антонио. Обри слушалъ своего отца съ назидательнымъ вниманіемъ, и чрезвычайнымъ удовольствіемъ, которое становилось все очевиднѣе по мѣрѣ того, какъ этотъ любящій братъ замѣчалъ, какую радость доставляютъ эти подробности его милой сестрѣ; все время онъ не спускалъ съ нея глазъ.

— Я горю нетерпѣніемъ пожать руку этому фениксу изъ докторовъ, — сказалъ Обри, — и извиниться передъ нимъ за мою грубость. Полагаю, что это его я встрѣтилъ здѣсь сегодня утромъ.

— Да, — отвѣчала Люси.

— А какъ вы скажете, — продолжалъ Обри, обращаясь къ сэру Джону, но не спуская глазъ съ сестры, — что если бы мы ворвались въ домъ къ вашему другу, который насъ забываетъ и насильно привелъ бы его сюда плѣвникомъ? Ха, ха, ха!

— О, да! идите къ нему, — сказала Люси съ сверкающими глазами и внутренно упрекая себя за то, что она такъ худо судила о своемъ братѣ.

Сэръ Джонъ немедленно принималъ предложеніе, капитанъ Давеннъ закурилъ сигару и они отправились вмѣстѣ. Проходя чрезъ садовую изгородь, Обри вдругъ разразился хохотомъ.

— Чему ты смѣешься? — спросилъ сэръ Джонъ, съ удивленіемъ.

— Ха! ха! тому, что этотъ домъ такой смѣшной; что за безобразіе! Дорого бы я далъ, чтобы перенести его цѣликомъ въ Лондонъ, — тамъ бы я показывалъ его по шпілигу съ чеповѣи. Нульсь объ закладъ, что никто тамъ не повѣритъ, что сэръ Джонъ и миссъ Давеннъ жили тутъ въ продолженіе многихъ недѣль и были совершен-но довольны. Клянусь честью. Я думаю Гутчинсъ и Джонъ забыли уже, какія это бывають пріятныя комнаты.

Сэръ Джонъ почувствовалъ пріямой упрекъ себѣ въ словахъ сына. Онъ опустилъ голову.

— *A propos de bottles* — (Обри ухаживалъ въ Мадрасѣ за французскою актрисой и потому бѣгло говорилъ по-французски чѣмъ, и любилъ похвастаться) старій герцогъ де В** распрашивалъ о вашемъ здравіи.

— Онъ очень милостивъ, — сказалъ баронетъ, — ну, а каково его здоровье?

— Онъ бодрѣе, нежели когда нибудь... Онъ очень удивлялся, что съ вами случилось. Да и всё не могутъ довольно надвинуться; леди Делорэнъ болѣе всѣхъ; я встрѣтилъ у нея посланицу ** и съ ея невѣсткою леди Шарлоттою Тьюнсъ; обѣ сильно подозреваютъ причины вашего отсутствія и готовы вступить въ общій заговоръ, съ цѣлью — насильно похитить васъ изъ этого таинственнаго убѣжища.

— Боже сохрани, чтобъ онѣ не вздумали выполнять на дѣлѣ своей угрозы... Но, кстати о похищеніяхъ, — не слыжалъ ли ты чего объ этомъ прекрасномъ бѣгствѣ Фанни Карнифексъ?

— Чортъ возьми этого подлеца итальянца! Миѣ извѣстна вся исторія.

— Обвѣнчаны ли они, по крайней мѣрѣ? — спросилъ сэръ Джонъ, дѣлая надъ собою усміе.

— Обвѣнчаны, но этотъ супружескій союзъ не долго продолжится. Скоро, скоро Фанни будетъ прекрасною вдовушкою, я ручаюсь за то.

— Что это значить? — спросилъ сэръ Джонъ, съ удивленіемъ.

Обри вдругъ остановился, медленно приподнялъ руку, держалъ ее неподвижно, какъ будто прицѣлывался и щелкнулъ языкомъ, какъ будто выстрѣлилъ изъ пистолета.

— Томъ Карнифексъ одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ Англіи, любезный батюшка, — прибавилъ онъ небрежно, въ родѣ истолкованія.

Эта маленькая сцена была разыграна такъ естественно, въ наружности актера было столько звѣрскаго, что сэръ Джонъ невольно содрогнулся. Въ первую минуту ему казалось, что справедливо показать примѣръ строгости надъ похитителемъ; но въ его программу не входило желаніе быть свидѣтелемъ убійства.

Увлеченные такимъ пріятнымъ разговоромъ, глава династїи Давенновъ и его наследникъ подошли къ бѣдному жилищу доктора Антоніо именно въ ту минуту, когда онъ самъ выходилъ изъ дому въ довольно дурномъ расположеніи духа. Антоніо совсѣмъ не приготовился слышать такіе любезные привѣты отъ наглаго англичанина, какимъ онъ его видѣлъ нѣсколько часовъ назадъ; теперь онъ дружески жаль ему руку, извиняясь съ улыбкою на губахъ, въ своей прежней невѣжливости. Хотя нашъ итальянецъ застигнутъ былъ врасплохъ, однако, отвѣчалъ на любезности Обри со всевозможною пріятливостью, какаю только нашлась у него въ запасѣ. И въ втроемъ, Антоніо между отцемъ и сыномъ, отправились въ гостиницу. Они нашли уже тамъ графа; между нимъ и молодымъ Давенномъ произошло форменное представленіе. Вечеръ пропелъ не такъ спокойно, какъ бывало обыкновенно; но не менѣе пріятно, хотя довольно шумно. Капитанъ Давеннъ былъ чрезвычайно общительнаго нрава, болталъ сколько было возможно, самъ хотѣлъ надъ адедотами и исторіями, которыя рассказывалъ и все время порядкомъ пилъ жидкость, которую онъ называлъ лимонадомъ; — это дѣл-

ствительно былъ лимонадъ, только съ значительнымъ прибавленіемъ стараго ямайскаго рома. Нѣкоторые изъ его приключеній на охотѣ за тиграми, которыя онъ рассказывалъ очень увлекательно, возбудили сильное участіе, — Антоніо служилъ переводчикомъ графу, который такъ же много зналъ по-англійски, какъ сэръ Джонъ по-итальянски.

Люси рано ушла въ свою комнату, но успѣла убѣдиться, что между ея братомъ, и ея другомъ докторомъ Антоніо, установились дружескія отношенія. Вудемъ надѣяться, что она хорошо спала, бѣдное дитя! Когда десять часовъ пробило, сэръ Джонъ съ Антоніо началъ, по обыкновенію, свою партію, но со стороны баронета эта игра была только длиннымъ рядомъ ошибокъ: мысли сэра Джона были далеко.

На другой день утромъ, около восьми часовъ, Люси взяла ванну, потомъ, отдохнувъ часа два, пошла гулять. Проходя чрезъ залу, она нашла тамъ Обри, растаявшагося на диванѣ и зѣвущаго, что было силъ.

— Куда ты? — спросилъ Обри.

— Поливать мои цвѣты. Вѣдь у меня есть мой собственный садикъ; хочешь посмотрѣть?

Обри поднялъ свое громадное тѣло, пошелъ за нею въ садъ и нашелъ его прекраснымъ.

— Но не ты же сама устроила его?

— О, нѣтъ; устраняла его Сперанца, дочь нашей хозяйки, прелесть что за красавица. Растенія же почти всѣ принесены мнѣ докторомъ Антоніо. Развѣ не хорошо?

— Удивительно хорошо, — отвѣчалъ Обри и прибавилъ:

— А знаешь ли Люси, я очень люблю твоего доктора.

— Въ самомъ дѣлѣ? — спросила Люси, — просвѣтлѣвъ отъ радости.

— Мнѣ рѣдко случалось видѣть человѣка съ болѣе благородной эвизіономіей; конечно, это самый достойный человѣкъ. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобъ онъ былъ герцогомъ и перомъ Англіи.

— Затѣмъ? Увѣряю васъ, что онъ очень доволенъ своею судьбою.

— А за тѣмъ, миссъ, будь онъ герцогомъ — изъ васъ обонхъ вышла бы отличная парочка.

Люси вся вспыхнула, какъ огонь.

— Но при настоящемъ порядкѣ вещей, — продолжалъ Обри медленно, яснымъ, твердымъ и жестокимъ голосомъ, — при настоящемъ порядкѣ вещей, я желалъ бы лучше видѣть васъ жертвою и погребенною, чѣмъ женою этого человѣка.

Маленькая лейка выпала изъ рукъ Люси, колѣни подогнулись подъ нею.

— Проклятіе! — воскликнулъ Обри, — не надо такъ пугаться при простомъ предположеніи.

И, не говоря болѣе ни слова, онъ обхватилъ своею здоровенною рукою талію сестры и повелъ чрезъ лѣстницу къ дивану.

Въ первый и въ послѣдній разъ имя доктора Антоніо было произнесено между ними.

Докторъ, по обыкновенію, пришолъ утромъ; но вмѣсто предлагаемаго пріема, съ какою-то Люси обыкновенно встрѣчала его, онъ получилъ только безмолвный поклонъ. Щоки у молодой дѣвушки чрезвычайно поблѣдѣли, глаза ея были красны. Онъ освѣдомился о ея здоровьѣ; она торопливо отвѣчала, что здорова. Онъ хотѣлъ пощупать у нея пульсъ; но она увѣряла, что въ этомъ нѣтъ никакой нужды, что она совершенно здорова. Когда онъ наклонился надъ ея плечомъ, чтобы посмотреть на ея рисунокъ, она вспомнила, что оставила въ своей комнатѣ кисточку, безъ которой ни на минуту не могла обойтись и тотчасъ же встала и ушла въ свою комнату. Въ бѣдной Люси была какая-то принужденность, которой докторъ прежде никогда не замѣчалъ. Вольно сжалось сердце у Антоніо. Онъ и не сомнѣвался, что Обри былъ причиною перемены обращенія Люси; но какъ и за чѣмъ? Былъ ли онъ, Антоніо, нѣкоторою виною настоящаго положенія? Съ радостью пролилъ бы онъ свою кровь, чтобъ разъяснить только эту тайну, о! хоть бы только десять секундъ побыть наединѣ съ нею, только десять секундъ, за тѣмъ чтобы сдѣлать ей только одинъ вопросъ, подучить отъ нея одинъ только отвѣтъ. Онъ оставался долѣе обыкновеннаго, чтобъ воспользоваться удобною минутою. Напрасно. Между ними и ею была непреступная стѣна.

Прошло четыре дня, а положеніе не улучшалось. Обри такъ полюбилъ эту жалкую гостиницу, что ни убѣдительныя просьбы графа, ни увѣщанія отца, уговаривавшаго его взять дошадь и пробѣжать наслаждаться красотами природы,—ни что не могло убѣдять молодого дракона выйти хоть на минуту изъ ограды бѣдной гостиницы развѣ когда Люси выходила гулять, что обыкновенно случалось вечеромъ. Тогда Обри бралъ сестру подъ руку и съ вѣжливостію поддерживалъ ее. Цѣлый же день, начиная отъ семи часовъ утра до одиннадцати часовъ вечера, Обри оставался дома, большую часть времени прогавнувшись во всю длину на диванѣ, курить и пить свой любимый напитокъ ии заставлялъ дрожать бѣдный дамшишка отъ своей тяжелой походки. Его самая привѣтливая улыбка, самое дружеское пожатіе руки принадлежали Антоніо, котораго онъ до такой степени полюбилъ, что ни за что на свѣтѣ не остался бы ни на одну минуту безъ общества своего новаго друга. Молодой Давеннъ былъ сданный малый, шумливъ, прѣдса, общительный, не высокаго ума, легко удивлявшійся со всѣмъ и со всѣмъ, мало заботившійся о неудобствахъ своей комнатки подъ лѣстницею, комнатки, которую далеко нельзя было назвать пріятною, и никогда ни словомъ ни взглядомъ не показавшій ни малѣйшаго желанія оставить свое настоящее жилище. Правда, что его разговоры съ отцомъ почти исключительно вертѣлись на Лондонѣ (самъ собою разумѣется, на ешенебельномъ Лондонѣ, существованіе котораго только и признается людьми высшаго полета), на лондонскихъ наслажденіяхъ, и знатныхъ родственникахъ и знакомыхъ фамиліи Давенновъ, на всеобщемъ сожалѣніи о такомъ продолжительномъ

отсутствіи баронета в тому подобное. Но девять разъ изъ десяти, самъ сэръ Джонъ заводилъ разговоръ на эту тему; не очень ли естественно и прилично было, что онъ, какъ слѣдуетъ почтительному сыну, продолжалъ говорить о предметахъ, по видимому, самыхъ пріятныхъ для его отца?

А между тѣмъ сѣбжесть здоровья быстро исчезала съ поблѣднѣвшихъ шокъ Люси и ея темная головка склонилась какъ ллія, лишенная солнечныхъ лучей. Мало того, что бѣдная Люси вдругъ лишилась радостей и благодѣній, даваемыхъ ей дружескими сношеніями съ докторомъ, лишилась счастья, которое слѣдалось для нея необходимою привычкою, — она еще должна была носить маску и играть роль, находившуюся въ жестокой противоположности съ ея чувствами. Она сама не знала, что именно заставляло ее такъ дѣйствовать; но какое-то безсознательное предчувствіе говорило ей что только этою цѣною она можетъ отвратить что-то ужасное. Въ сердце было полно страшныхъ предчувствій и ужасовъ. Дружескія изъясненія Обри доктору Антонію не успокаивали ее, а еще усиливали ея тревожное состояніе. Даже для ея неопытнаго взора понятно было, что эта презрѣнная благосклонность была притворна и ограничивалась наружными проявленіями; если это такъ, то какія же могли быть побудительныя причины у Обри? Бѣдная дѣвушка думала, думала о томъ, какъ враждебна была первая встрѣча этихъ людей, о многозначительномъ намекѣ Обри, и о внезапной переизмѣнѣ обращенія своего брата, — такъ много думала, что голова у нея мѣшалась.

Воспоминанія, связанныя съ дѣтствомъ Обри, не были таковы, чтобы поблѣднѣть тяжелымъ впечатлѣніемъ, возбуждаемымъ этимъ человѣкомъ. Обри, какъ мы уже сказали, провелъ свое дѣтство въ Итонѣ, и время ваканцій не оставило въ Люси другихъ воспоминаній, кромѣ страшнаго безпокойства и даже ужаса, за свою куклу и за бѣдную свою кошечку, которую мучить Обри находилъ злѣбное удовольствіе. Она сохраняла чрезвычайно ясныя воспоминанія о тѣхъ шести мѣсяцахъ, которые Обри оставался дома передъ вступленіемъ въ службу. Почти ежедневныя ссоры между отцомъ и сыномъ, мать вся въ слезахъ, печаль во всемъ семействѣ, злое упрямство Обри и, что-то еще хуже, въ вознагражденіе за попытки примирять ихъ всѣхъ, попытка маленькой Люси, — которой едва было тогда десять лѣтъ, — наконецъ вѣчный страхъ, который онъ ей внушалъ, — все это Люси очень хорошо помнила. Таковы были образы и чувствованія, которыя слились въ душѣ ея съ именемъ брата. Последующіе годы ослабили, но не изгладили, всѣ эти впечатлѣнія; и Обри, какимъ она всегда его представляла себѣ, и теперь, со дня своего пріѣзда, ничѣмъ не доказалъ, что онъ дѣлается типомъ покорности и нѣжности. Все, что она видѣла съ тѣхъ поръ, глубоко убѣждало ее, что взрослый выполнилъ надежды, подаваемыя ребенкомъ.

Люси, съ первой же встрѣчи, стала бояться брата; его шумное обращеніе, невыносимыя манеры, привычка клясться, грубая веселость жестоко дѣйствовали на нервную систему больной дѣвушки и оскорб-

для всѣхъ симпатіи ея благородной природы. Слабыя и чувствительныя организаціи всегда имѣютъ отвращеніе отъ насилія во всѣхъ его формахъ; для нихъ оно составляетъ неудобовыносимый элементъ, что-то несовмѣстное со всѣмъ ихъ существомъ. Возвсознательно стараются онѣ укрыться отъ него, какъ укрываются отъ прикосновенія руки тѣ растенія, съ которыми миссъ Давеннъ сракивала себя въ послѣднемъ разговорѣ съ докторомъ. И этихъ причинъ было достаточно, чтобы сдѣлать присутствіе Обри тягостнымъ для Люси. Но теперь это присутствіе сдѣлалось для нея невыносимымъ, когда она предвидѣла возможность взрыва этого страшнаго произвола по тону направленію, гдѣ она помѣстила нѣжнѣйшія чувства любви и благодарности.

На четвертый день послѣ пріѣзда своего сына, сэръ Джонъ давалъ прощальный обѣдъ и возвѣстилъ немногочисленному, но избранному обществу, окружающему его—графу, синдику, доктору Антонию и прочимъ,—что его отъѣздъ назначенъ черезъ два дня. Напрасно Обри подсматривалъ за своею сестрою: Люси в не помирилась. И дѣйствительно, ея несчастіе было такъ велико, что, при этой вѣсти, она чувствовала почти облегченіе.

Только бы сказать ему: «Влагодарю, докторъ Антонию, Богъ да благословитъ васъ и вашу отчизну», — только бы сказать одни эти слова.—но только сказать ихъ свободно, какъ сердце внушаетъ, безъ принужденія, чтобы ни чей взглядъ за нею не подсматривалъ. — И Люси уйдетъ спокойно. Эта мысль непрерывно возникаетъ въ ея душѣ; или, лучше она имѣетъ одну только мысль, которая, какъ будто терновымъ вѣнкомъ, сжимаетъ ей виски, мысль—поблагодарить его, благословить его имя. Поступить иначе, значитъ—заставить его думать, что она такая неблагодарная! Для нея этотъ человѣкъ былъ олицетвореніемъ терпѣнія, нѣжности и доброты. Отецъ, братъ, другъ могли ли сдѣлать для нея болѣе того, что онъ сдѣлалъ?

— Да благословитъ Господь васъ и вашу отчизну!

Въ душѣ она шепчетъ безпрестанно эти слова; ей такъ хотѣлось бы написать ихъ, но они кажутся такими холодными на бумагѣ! Онъ не имѣетъ понятія, — она въ томъ увѣрена,—о безпредѣльности ея благодарности, обо всемъ томъ, что она чувствуетъ къ нему. Безумная! зачѣмъ было ей не объяснить этого, когда было еще время, когда она была свободна, когда ни одно облачко не бросало мрачной тѣни между ею и имъ; въ какое нибудь блестящее утро, когда время летѣло такъ незамѣтно въ разговорахъ, или въ какую нибудь свѣтлую ночь, при лунномъ свѣтѣ, проведенную на берегу морскомъ, такъ близко воды, что серебряная волна съ любовнымъ шопотомъ почти касалась ихъ ногъ! А эти чудныя прогулки въ саду, эти катанья въ лодкѣ по синему морю, эта блаженная поѣздка въ Лампедузу! О! еслибъ она могла возвратитъ одну минуту, только одну изъ всего этого прошедшаго!

Напрасныя призраки, напрасныя желанія! Время неумолимо идетъ впередъ, все впередъ; насталъ день и скоро пробьетъ часъ отъѣз-

а, а Люси не нашла удобнаго случая облегчить свое сердце. Сидя а своемъ креслѣ, имъ придуманномъ во время ея болѣзни, она без-ознательно смотритъ впередъ себя, какъ бы поглощенная думою. Обри и Антонио сидятъ на балконѣ и спорять о политикѣ Англіи въ Індіи. Антонио очень блѣденъ; въ его обращеніи замѣтно необыкновенное одушевленіе. Сэръ Джонъ похаживаетъ по комнатѣ, обдумывая прощальный спичъ, изрѣдка бросая взоръ отчаянія на свою дочь. Гутчинсъ, вся въ суетахъ, то приходитъ въ комнаты, то уходитъ, въ обыкновенномъ состояніи волненія; Джонъ Дэкетъ уѣхалъ съ утра въ Ниццу, чтобы предоставить свое мѣсто позади кареты кэпитану Обри, и потому бѣдная Гутчинсъ работаетъ за двухъ. Наконецъ она складываетъ, что лошади готовы.

— Ну, поидежъ, милая Люси, — сказалъ баронетъ, ободряющимъ олосомъ.

А Обри какъ разъ уже тутъ подлѣ сестры и помогаетъ ей встать. Гутчинсъ замѣтила корзиночку на рукѣ у Люси и хотѣла у нея взять ея, чтобы избавить ее отъ труда нести; но Люси съ живостью вынимаетъ корзиночку и бросаетъ гнѣвный взглядъ на свою горничную; — горсть засохшихъ жалкихъ цвѣтвъ, нѣкогда такого великогѣпнаго голубого цвѣта, — вотъ сокровище, которымъ она такъ дожить!

Когда сэръ Джонъ съ докторомъ и за ними Обри съ миссъ Дженни съшли съ лѣстницы, толпа людей, собравшихся въ саду, снявъ шапки и шлемы съ головы, махали ими въ воздухѣ, въ знакъ прощанья. Языкъ сэра Джона прилипъ къ гортани, и онъ отказывается отъ своего спича, онъ находитъ даже болѣе благоразумнымъ исполнить молча церемонію пожатія рукъ. Всѣ, желавшіе поцѣловать ему руку — Просперо, его маленький братъ, ихъ старая мать, — всѣ могутъ свободно исполнить свое желаніе: сэръ Джонъ не сопротивляется уже. Однако Обри торопитъ свою сестру идти къ калиткѣ, у которой ожидаютъ ихъ дорожная карета. Роза и Сперанца, немного позади ихъ — Батиста, проливаютъ ручьи слезъ. Почти машинально Люси благодаритъ бѣдныхъ женщинъ за ихъ искреннюю любовь, а онѣ все время не перестаютъ цѣловать ея руки, ея платье и даже до послѣдней минуты хватаются съ отчаяніемъ за свою благодѣтельница. Наконецъ Обри, съ грубымъ проклятіемъ, толкаетъ сестру въ карету. Антонио помогаетъ сэру Джону тоже сѣсть.

— Счастливой дороги, сэръ Джонъ; buon viaggio, Signorina, берите свое здорье!

Синьорина не можетъ произнести ни одного слова — не улыбается, не кланяется, но пристально смотритъ на это лицо, исполненное доброты, на это лицо, которое не смѣетъ даже улыбаться, увы! ему известно, что недобрый глазъ смотритъ за нимъ. Почтарь лжоваетъ бичомъ, всѣ присутствующіе кричатъ: Buon viaggio, il Signore gli accompagni! тяжелый экипажъ повернулъ на дорогу, и лицо, исполненное доброты, исчезаетъ. Люси пробуждается отъ своего оцѣпенѣнія.

— Папá, неужели мы уѣзжаемъ?

И потоки слезъ вырываются изъ ея глазъ, какъ рѣка, прорвавшая плотину. Сэръ Джонъ не можетъ уже удерживаться, тоже задвигается искренними слезами; онъ прижимаетъ свою несчастную дочь къ сердцу, и слезы ихъ смѣшиваются вмѣстѣ.

Пока все это происходитъ въ каретѣ, Обри, сидя позади, закуриваетъ новую сигару, вмѣсто только что докурившей.

Люди, провожавшіе ихъ, все еще стоятъ на большой дорогѣ, все еще смотрятъ на ихъ быстрое удаленіе. Они все слѣдятъ за ними, пока они наконецъ совсѣмъ не исчезли изъ виду. У бѣднаго Антонио сердце растерзано; какъ хотѣлось бы ему обросить съ себя маску. Такъ нѣтъ же: ему пришлось выслушивать праздную болтовню графа и сивидки, которымъ задумалось напрямикъ провожать его до дому. Наконецъ онъ дома, и, бросившись въ постель, — человѣкъ всегда останется человѣкомъ, — онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Разлука.

Когда разлучаются люди, нѣжно любящіе другъ друга, то остающійся на мѣстѣ гораздо болѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ тотъ, кто уѣзжаетъ! Каждый уголокъ, каждый предметъ возбуждаютъ въ оставшемся жестокае воспоминаніе, безпрерывно вызывая картины, связанные съ нимъ. Каждый часъ напоминаетъ ему какую нибудь сладостную привычку, которою обозначался этотъ часъ, и только увеличиваетъ горечь сожалѣній. Напротивъ, для уѣзжавшаго — каждый часъ, каждый новый предметъ, движеніе, происшествіе, даже скука путешествія, — все это источникъ тысячи развлеченій, которыя невольно разсѣиваютъ и ослабляютъ сосредоточенность мыслей и чувствъ на одномъ предметѣ.

Люси не была исключеніемъ изъ общаго правила. Не ея вина, что дорога между Вордингерой и Нанцою представляетъ очаровательную картину, запечатлѣнную грандіознымъ характеромъ, — не ея вина, если дорога вилась часто по воздушнымъ вершинамъ, — если тамъ, вдали, города такъ живописно раскидывались, — если зубцы морскихъ утесовъ были такъ фантастичны и на каждомъ поворотѣ раскрывали все новые и смѣлыя перспективы. Не ея вина, что у нея есть глаза, черезъ которые получаютъ впечатлѣнія. Мы не жалаемъ этимъ сказать, чтобъ ея сердце не продолжало волноваться тоскою о разлученіи и чтобъ ея мысли и вся душа ея не стремились назадъ, къ оставленному другу, и чтобъ она не чувствовала себя несчастною и опечаленною. Только новостъ и разнообразіе предметовъ и внѣшнихъ происшествій надрагали ея вниманіе и смѣшивались съ главными вѣхами ея мыслей и чувствъ.

Въ Милцѣ, первомъ мѣстѣ, гдѣ они остановились, Давенны встрѣтили одно семейство, изъ небольшого числа тѣхъ избранныхъ фа-

идий, съ какими сэръ Джонъ могъ знаться и какія только одна Англія можетъ производить, — семейство, состоявшее изъ отца и матери, еще довольно молодыхъ, съ толпою домочадцевъ, изъ десяти или пятнадцати сыновей и дочерей. Члены женскаго пола этого семейства, числомъ семь, налади на Люси и приняли ее въ свое владѣніе. Подъ ихъ руководствомъ, бѣдная дѣвушка должна была проводить всѣ замѣчательныя мѣста Ниццы и ея окрестностей, появляться на пикникахъ, устраиваемыхъ явно для нее, присутствовать на французскихъ представленіяхъ дилеттантовъ, на музыкальныхъ концертахъ, или слушать знаменитаго импровизатора; — столько занятій и развлеченій въ такой короткій промежутокъ времени, какъ три дня, проведенные ею въ Ниццѣ, оставляли нашей героинѣ мало времени для нѣжныхъ сожалѣній.

Согласно своей прежней программѣ, сэръ Джонъ прожилъ въ Парижѣ цѣлый мѣсяцъ; тамъ было еще хуже: неизбежныя визиты къ Гуврѣ, Луксамбургъ, Палеройяль, Версаль, Сен-Клу, Фонтенбло, и проч., и проч., необходимыя ежедневныя прогулки въ каретѣ на Блицейскія поля и въ Булонскій лѣсъ, примѣриваніе огромнаго числа модныхъ платьевъ и модныхъ шляпокъ, театры, балы у посланниковъ, *raglées de laisirs*, пріятныя и самими устроенныя; наконецъ утренніе визиты къ англійскимъ семействамъ, проживающимъ въ Парижѣ, — что было не менѣе важнымъ дѣломъ, — всѣ эти тревоженія безъ отдыха и сонца сдѣлали изъ жизни Люси настоящую конскую скачку. Прибавимъ еще къ тому офидціальное представленіе къ Тюильрійскому двору и честь обѣдать съ отцомъ и братомъ за королевскимъ столомъ, въ Нёльд. Хотя сэръ Джонъ былъ предупрежденъ, не въ пользу главы Орлеанской династіи, — которому не могъ простить, зачѣмъ онъ — сынъ Филиппа *Egalité*, революціонной памяти, — и хотя онъ не кричалъ этого чувства, однако, говоря его собственными словами, онъ находилъ приличнымъ согласоваться съ политикою того времени и считалъ своею обязанностью, какъ англичанинъ, содѣйствовать, даже помимо своихъ личныхъ симпатій, скрѣпленію дружескаго согласія, да и представьте себѣ, что бы это такое было, еслибъ такой важный господинъ, какъ сэръ Джонъ Давеннъ, проѣзжая чрезъ Парижъ, не побывалъ у главы государства? Волосы становятся дыбомъ при одной мысли о возможныхъ послѣдствіяхъ!

Но парижскія развлеченія были только отдыхомъ и спокойствіемъ для Люси, въ сравненіи съ вихремъ визитовъ, завтраковъ, обѣдовъ, трапезниковъ и баловъ, который умчалъ ее, лишь только она встала ногоу на англійскую землю. Въ неизмѣримомъ кругу родственниковъ, друзей и знакомыхъ не было ни одного, какъ бы то ни было далекаго, но разстоянію и степени родства, кто бы не добивался частія хотя на одинъ день имѣть у себя въ домѣ прекрасную путешественницу. Съ своей стороны, сэръ Джонъ, вариувшись въ Давеннѣ, вознаграждалъ потерянное время, напоминая гостямъ свое вѣщественное жилище до самыхъ отдаленныхъ уголковъ, и вмѣстѣ съ Люси, — полярною звѣздою всѣхъ взоровъ, — принималъ гостей въ

своихъ салонахъ и угощаль чуть не половину своего графства. Проходили цѣлыя недѣли и цѣлыя мѣсяцы, а у Люси не было и минуты свободной для себя: одѣваться и выѣзжать, выѣзжать и одѣваться,— вотъ двѣ важныя обязанности, два великія занятія знатной дѣвицы во всѣхъ странахъ вообще, а въ Англии въ особенности, вотъ что наволнело цѣлые дни ея жизни. Не имѣя силъ противиться вхрю, увлекавшему ее, что могла сдѣлать молодая дѣвушка, какъ не податься ему, волею или неволею?

А все это время что ни дѣлалъ Антоніо, а не могъ не думать безпрерывно о Люси. Властительная звѣзда, на мигъ озарившая его горизонтъ, давно уже исчезла, а глаза его все еще стремились къ свѣтлому слѣду, оставленному ею. Оставался ли онъ дома, задумчиво сидя на томъ самомъ креслѣ, которое придумалъ для своей милой больной; проходилъ ли по полямъ, исполняя свои обыкновенныя занятія, — милый образъ все былъ тутъ, выглядывалъ на него изъ всѣхъ уголковъ, преслѣдовалъ его во всѣхъ закоулкахъ. Маленькая библіотека, откуда онъ бралъ для нея книги, еще горѣвшія прикосновеніемъ ея рукъ; флейта и гитара, на которыхъ онъ игралъ съ такимъ удовольствіемъ, для ея развлечения; карта Сициліи, которую онъ показывалъ ей, когда она начинала интересоваться его родиною; цвѣты, которые она ему дала и которые онъ свято хранилъ, — все было наполнено ею. Все, казалось, вокругъ него спрашивало: «Гдѣ она?» Когда, утомленный напрасною попыткою читать, Антоніо вставалъ и смотрѣлъ въ окно, первое, что бросалось ему на глаза, это было казино графа, куда онъ тысячу разъ провожалъ Люси. Вотъ сосна, — итальянскій великанъ, — далеко развѣсившая свои густыя зеленныя вѣтви: тутъ когда-то сидѣла Люси, стараясь срисовать берегъ со стороны Франціи, — а вотъ тамъ большой блестящій желтый камень: изъ-подъ него разъ выползла, къ великому страху Люси, крошечная змѣя, величиною съ ея мизинецъ; — а тамъ, на поворотѣ, Люси остановилась, чтобы поднять маленькую бѣлую раковину, выброшенную волною, и отдала ее ему.

Вше было хуже, когда обязанности доктора призывали его на ту сторону мыса. Какая толпа воспоминаній возставала предъ нимъ при видѣ старой красноватой гостиницы, полуразрушенной отъ времени, съ ея тяжелымъ балкономъ, маленькимъ садикомъ, каменистымъ берегомъ! Не было «ута земли, который не былъ бы освященъ воспоминаніемъ о ней. Тамъ, на крутомъ спускѣ къ берегу, онъ увидѣлъ ее въ первый разъ, блѣдную, какъ смерть, но такую прекрасную въ этой блѣдности, что онъ удивился, какъ можетъ существовать на землѣ такое несравненное созданіе. Вотъ тутъ она улыбкалась, взглянувъ на него такъ отрадно, когда онъ повернулъ на другую сторону носилки, на которыхъ ее несли; тамъ, на первомъ изгбѣ холма, позади дома, разъ, когда совсѣмъ стемнѣло, она увидѣла первыхъ весеннихъ свѣтляковъ и пришла въ восторгъ отъ нихъ. Не было тропинки, по которой они не гуляли бы вмѣстѣ; не было цвѣтка, который они не разсматривали бы вмѣстѣ; не было тани-

стаеннаго звука въ природѣ, — начиная отъ голоса океана до трескотни кузнечика, — къ которому они не прислушивались бы вмѣстѣ; не было ни одного оттѣнка моря, неба и земли, которыми бы они вмѣстѣ не восхищались. А тутъ еще всё только и говорили о ней: Роза, Сперанца, Батиста, графъ, рисовальный учитель, Просперо, его мать не знали другого предмета разговора. Даже больные разспрашивали его, есть ли вѣроятность, что прекрасная синьорина когда нибудь опять пріѣдетъ къ нимъ? Даже дѣти, играя на улицѣ, вдругъ прерывали свои игры, чтобы спросить у него гдѣ англичанка. Такъ странно, такъ ненатурально, такъ невозможно, казалось, чтобы она покинула эти мѣста, полныя ею, что Антонио оставался цѣлые часы противъ гостиницы, все ожидая, что вотъ мелькнетъ ея бѣлое платье на балконѣ, вотъ послышится ея ангельскій голосъ, распѣвающий какую нибудь сицилійскую пѣсню, которой онъ ее выучилъ. Иногда онъ почти сердился на самого себя и, принимая твердую рѣшимость отбросить отъ себя это неотступное преслѣдованіе, онъ много и долго ходилъ пѣшкомъ по жгучему солнцу; но все было напрасно. Пѣснь соловья въ роуцѣ, запахъ тмiana въ ущельи, бѣлый контуръ деревни вдали, далекій звонъ колокола — пробуждали прежнее направленіе мыслей, откуда возставалъ волшебный образъ и шолъ съ нимъ рядомъ. Чтô онъ ни дѣлалъ, съ какою энергіею ни боролся съ своими воспоминаніями, — онъ не находилъ средства избавиться отъ нихъ. Антонио носилъ глубокую рану въ сердцѣ.

Сэръ Джонъ показалъ свою признательность доктору Антонио самымъ деликатнымъ и щедрымъ образомъ. На другой день послѣ отъѣзда англичанъ, Просперо, по прежде полученнымъ приказаніямъ, явился къ Антонио съ вѣсьмомъ и съ Вуффи. Въ нѣсколькихъ строкахъ, исполненныхъ чувства, баронетъ просилъ Антонио принять отъ него въ подарокъ лошадь, въ воспоминаніе о человѣкѣ, который много получилъ отъ него одолженій, и вмѣстѣ съ тѣмъ не забывать, что если когда нибудь ему вздумается ѣхать въ Англію, то у него есть тамъ старый другъ, который рассчитываетъ на его посѣщеніе и надѣется принять его въ своемъ отечествѣ.

При этомъ находилась также небольшая пачка банковыхъ англійскихъ билетовъ во сто фунтовъ стерлинговъ, но въ письмѣ о нихъ не упоминалось.

Докторъ Антонио взялъ себѣ изъ этой суммы только десять фунтовъ стерлинговъ, считая это достаточнымъ вознагражденіемъ за свои услуги, все же остальное отнесъ къ синдикату отъ имени сэра Джона, въ даръ общинѣ, предоставляя распорядиться этимъ, деньгами по благоусмотрѣнію муниципальнаго совѣта.

Совѣтъ тотчасъ же открылъ общее засѣданіе и, по единодушному согласію, рѣшилъ благодарить баронета, поручая синдикату составить и послать великодушному благодѣтелю адрессъ съ выраженіемъ благодарственныхъ чувствъ какъ отъ общины, такъ и отъ совѣта, съ приложеніемъ копій съ протокола засѣданія. Къ этому адресу и къ этому протоколу, Антонио присоединилъ отъ себя письмо, въ кото-

рошь благодарилъ за лошадь. По прошествіи двухъ недѣль, синдикъ получалъ въ отвѣтъ самое короткое посланіе. Сэръ Джонъ очень кратко объяснял, что не посылать никакой суммы для цѣли, означенной въ письмѣ синдика, онъ не можетъ принять и общаго благодарности; но желая заслужить доброе мнѣніе о себѣ, беретъ смѣлость при семъ билетѣ во сто фунтовъ стерлинговъ, для употребленія на пользу общины. Это посланіе, довольно любовитный документъ, привлекло цѣлое гнѣздо осъ, жужжавшихъ вкругъ ушей доктора Антонію. Совѣтъ собрался и потребовалъ Антонію къ отвѣту. Докторъ отвѣчалъ съ прѣмотою и простотою, отличающими его характеръ. Онъ сказалъ, что получилъ отъ сэра Джона Давенна сумму въ десять разъ болѣе того, что ему слѣдовало за его медицинскія попеченія о дочери джентльмена и не найдя въ письмѣ ни малѣйшаго указанія, ни намека о томъ, какъ распорядиться излишкомъ суммы, онъ не могъ это истолковать иначе какъ сообразно съ великодушнымъ характеромъ приславшаго ее, то есть желаніемъ, чтобы излишекъ былъ употребленъ докторомъ на пользу общины, вслѣдствіе чего онъ считалъ, что скорѣе достигнуть своей цѣли, передавъ эту сумму въ распоряженіе муниципальнаго совѣта.

Такое объявленіе не было принято за удовлетворительное; стали громко вопіять, что докторъ компрометировалъ достоинство совѣта.

Потомъ произошло продолжительное и шумное преніе о томъ, какія мѣры надлежитъ принять. Три члена, извѣстные приверженцы приходскаго патера очевидно нигъ наущенные, требовали сдѣлать выговоръ доктору Антонію; но ихъ предложеніе было отвергнуто. Четвертый предложилъ заставить самаго Антонію объяснить все происшедшее англичанину и извиниться предъ нимъ; отъ чего докторъ наотрѣзъ отказался. Пятый хотѣлъ, чтобы деньги были отосланы назадъ сэру Джону; но никто не поддержалъ этого предложенія. Наконецъ, по предложенію самаго разсудительнаго совѣтника, единодушно принято было рѣшеніе—отложить дѣло на полгода, то есть съ почетомъ похоронить его на вѣки. Начиная съ этого дня, образовалась партія противъ Антонію, во главѣ которой находились трое приверженцевъ патера. Мало по малу эта партія увеличилась большинствомъ городскихскихъ аббатовъ и ихъ благочестивыхъ духовныхъ дочерей. Вражда зашла такъ далеко, что когда патерь заболѣлъ несвареніемъ желудка, то онъ посылалъ въ Вентимилію за докторомъ и ему поручалъ попеченіе о своемъ здоровьѣ. Но ни увеличивавшаяся вражда, ни глухая пропаганда клерикальной партіи, ни обвиненіе во лжи, везднгутое противъ Антонію, не могла поколебать его популярности между поселянами, которые, несмотря на всѣ усилія враговъ замутить и ихъ въ свою вражду, управляемые своимъ здравымъ разсудкомъ, вѣрили только очевидному факту, что докторъ Антонію, въ пользу ихъ отказался отъ огромной суммы, тогда какъ могъ, еслибъ хотѣлъ, преспокойно положить ее въ свой карманъ, и никто ничего не могъ бы противъ того сказать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ВОСЕМЬ ЛѢТЪ СПУСТЯ.

Забѣсь мы испрашиваемъ себѣ позволенія воспользоваться правомъ романиста, и разомъ перескочить черезъ восемь лѣтъ времени. Если снисходительный читатель соблаготовить только сообразить, какимъ бы огромнымъ количествомъ разныхъ предметовъ, относящихся или имѣть къ нашему разсказу, мы могли бы наполнить это пространство времени, и сколько терпѣнія и времени остается у него въ экономіи отъ нашей поспѣшности приступить къ дѣлу, то, — мы твердо увѣрены, — онъ не будетъ досадовать на насъ за такую торопливость и даже останется благодаренъ за нашу умѣренность. Отъишь никакое отрадное явленіе не остановитъ насъ на дорогѣ. Простите, прохладныя древесныя стѣны и веселыя холмы! Простите марныя тропинки, усѣянныя цвѣтами! Простите свѣтлыя ручейки, весело журчащія на пути! Минувалась свѣтлая часть нашей дорогѣ, грозныя тучи покрываютъ остальную часть. Поспѣшите же скорѣе помочь съ нею.

Мы въ половинѣ марта 1848 года; сцена происходитъ на той же дорогѣ, гдѣ восемь лѣтъ назадъ, мы встрѣтили Люся съ въ отдомъ; и теперь какъ и тогда, главный предметъ на дорогѣ составляетъ дорожную карета, спускающаяся съ высотъ Турбій, къ городу Ментоне, окруженному моремъ. Небо покрыто тучами, море свинцоваго цвѣта, горизонтъ узкій, сѣрый, окаймляющійся и съ земли и съ моря темною завѣсою дождя—вотъ какую печальную картину представляетъ въ настоящую минуту страна, по которой ѣхалъ экипажъ. Оливковыя деревья на холмѣ и въ долинѣ дрожать и гнутся до земли, подъ сильнымъ дуновеніемъ вѣтра, быстро переходя отъ бѣлаго къ черному и отъ чернаго къ бѣлому цвѣту, смотря потому, какъ вѣтеръ клонитъ ихъ листья на сребристую ли изнанку или на лицевую сторону темнозеленаго цвѣта. Позади кареты сидитъ слуга—англичанинъ, пожилыхъ лѣтъ; его національность крупными буквами написана на его цвѣтушемъ лицѣ и въ изысканномъ изгибѣ его рыжихъ съ пресѣдью бакенбардъ, уткнувшихся прямо въ носъ. Застегивая съ верху до низу свой длинный скортукъ, онъ поглядываетъ лукаво и весело на чопорную англичанку, сидящую рядомъ съ нимъ.

— Такъ это-то ваша хвалѣная страна, о которой вы наговорили столько чудесъ?—казалось, говорилъ онъ ей.

И точно бѣдная, нѣкогда столь прекрасная Ривьера, были на себѣ не похожа въ этотъ печальный день, и поклонникъ прекрасной природы не могъ бы ничего лучше сдѣлать, какъ закрыть глаза и заснуть. Впрочемъ путешественникъ, внимательный не къ однимъ только феноменамъ, зависящимъ отъ сочетанія формъ и цвѣтовъ, могъ бы открыть, даже сквозь эту туманную атмосферу, многое что возбудило бы въ немъ участіе и любопытство. Много разъ дорожная карета встрѣчала толпы солдатъ, которые весело шли по лужамъ и

по грязи, расцѣвая пѣсни нзрѣдка повторяемыя эхомъ окресныхъ горъ. Въ этихъ хорахъ раздавалось имя Итали и вмѣстѣ съ нимъ еще другое имя, имя Пія Девятаго.

Необыкновенное оживленіе царствовало во всѣхъ городкахъ и деревняхъ, разбросанныхъ по дорогѣ или торчащихъ на горахъ. На главныхъ улицахъ видны были толпы гражданъ разныхъ классовъ, ведущихъ горячіе разговоры о современномъ вопросѣ, не смотря на вѣтеръ и дождь; флаги исѣхъ размѣровъ, развѣвались на крышахъ и окнахъ, выставляя цвѣта Итали,—бѣлый, красный, зеленый,—національные гвардейцы, собранные на скорую руку и походившіе на солдатъ только тѣмъ, что имѣли ружья, стояли на часахъ предъ домами, обвѣщанными флагами.

Ни одинъ признакъ новыхъ порядковъ не скрылся изъ глазъ женщины, сидѣвшей въ каретѣ: съ тоскою наблюдала она за всѣмъ и все это увеличивало лихорадочный румянецъ на ея щекахъ и являвшій блескъ въ ея утомленныхъ глазахъ. Чѣмъ далѣе мчалась лошади со всевозможною быстротою, тѣмъ видимо увеличивалось ея участіе къ каждому предмету, а когда карета проѣхала Вентинию, когда одинъ изъ этихъ мысовъ, далеко вдающійся въ море, въ формѣ луны лазуроваго цвѣта и огромныхъ размѣровъ, сталъ обрисовываться на темномъ дождевомъ фонѣ, тогда прекрасная путешественница почувствовала такое сильное волненіе, что, желая удержатъ жестокое бѣненіе сердца, прижала къ нему руку и почти задыхаясь упала на подушки.

Читатель не имѣлъ нужды въ послѣднемъ обстоятельстве, чтобы догадаться, кто была эта женщина. Кто кромѣ нашей кроткой героини могъ бы выразить такое сильное волненіе при видѣ Бордигеры? Да, это была Люси,—Люси, сильно измѣнившаяся, но всегда прекрасная, съ тѣми же чудными золотистыми волосами, также роскошно падающими на ея лобъ, такой же чистый и гладкій, какъ и восемь лѣтъ назадъ. Но какія печали, какія страданія, прелестная дочь Альбіона, соткали эту сѣть маленькихъ горизонтальныхъ линий между твоими висками и глазами? Какая завистливая рука провела эти двѣ глубокия линии, составляющія углы у концовъ твоего рта?

Люси сдѣлала то, что сдѣлали бы на ея мѣстѣ девять сотъ девяносто девять дѣвушекъ изъ тысячи: она вышла замужъ. Когда сэръ Джонъ, полупутя, полусерьѣзно спросилъ у нея въ первый разъ, какой счастливецъ изъ многочисленной толпы жениховъ, удаляющихся за молодою и богатою красавицею, удостоился ея выбора, Люси покраснѣла, говоря, что никогда еще о томъ не думала и что у нея единственное желаніе—вѣчно жить съ милымъ папѣ, какъ она до сихъ поръ жила. Услыхавъ такой отвѣтъ, сэръ Джонъ расхохотался и сказалъ, что его милая дочь говоритъ чистыя глупости и что всѣ дѣвушки за тѣмъ и созданы на свѣтѣ, чтобы выходить замужъ. Обри, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, ни слова не сказалъ въ ту минуту; но, дня два спустя, воспользовался первымъ удобнымъ

случаеиъ, чтобы спросить у сестры, что она может сказать противъ замужства съ лордомъ Клевертономъ?

Люси ничего не имѣла сказать противъ союза ни съ вконтномъ Клевертономъ, ни съ кѣмъ другимъ; только она не имѣла никакого желанія выйти замужъ. Все это очень хорошо, только онъ, Обри, выразилъ большое желаніе, чтобы она вышла замужъ и замѣтилъ, что если ровно чрезъ два мѣсяца, она несаѣлаетъ выбора, то ужъ будетъ его дѣло отгадать, гдѣ находитсѣ предѣтствіе и привести все въ надлежащій порядокъ. Это было сказано съ любезностью, свойственною братцу Люси, то есть съ сверкающими глазами и съ такимъ ужаснымъ топотомъ по ковру, что весь домъ дрожалъ. Извѣстно, что Люси не такъ была крѣпко создана природою, какъ героиня, вызывающія своихъ тирановъ и бросающія имъ въ глаза оковы — въ кидгахъ или на срендѣ. Это было слабое, робкое созданіе, скорѣе похожее на гибкій тростникъ, чѣмъ на дубъ, презирающій буря. Впрочемъ, угроза капитана Давенна была обоюдоостра. Когда женщина бонтсѣ за другого, ее можно скоро обзоружить, и потому миссъ Давеннъ сѣлала свой выборъ къ назначенному сроку и чрезъ четыре мѣсяца потомъ вышла замужъ, безъ любви, но и безъ отвращенія, напротивъ съ нѣкоторою долею симпатіи, которая могла бы и должна бы обратилсѣ въ постоянную и наложную привязанность, еслибы ее стали питать и поддерживать надлежащимъ образомъ.

Лордъ Клевертонъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, вниманіе и предпочтеніе которыхъ могло быть только лѣстно для благородной дѣвушки съ такими деликатными чувствами, какою была Люси, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы онъ и не былъ восторженнымъ поклонникомъ Итали. Дѣйствительно, достопочтвенный мистеръ Тиррель, молодой поитсѣ, служившій при посольствѣ во Флоренціи, сѣлалъ въ Итали цѣрлве шага наслажденія жизнью и если вѣрять хроникѣ, то довольно безпорядочно уложилъ здѣсь весь пылъ первой молодости. Въ самомъ разгарѣ этихъ безумныхъ наслажденій, вдругъ онъ былъ призванъ, смертю отца, принять фамильный титулъ и занять мѣсто въ палатѣ лордовъ. Влстательный дипломатъ, онъ отказалсѣ отъ всѣхъ пмалостей и удивилъ свѣтъ своимъ постояннымъ усердіемъ и необыкновенною способностью къ дѣламъ.

Виде прекрасный и молодой по наружности, хотя слишкомъ двадцатью пятью годами старше своей жены, лордъ Клевертонъ соединилъ въ себѣ, кроиъ всѣхъ блестящихъ качествъ свѣтскаго человека, самое положительное таланты человека государственнаго. Никто не умѣлъ лучше, приниже говорить эти милые пустички, которые составляютъ холдную монету въ свѣтскихъ салонахъ, но никто также не умѣлъ съ сильнѣйшею логикою нападать на министерство, посреди восторженныхъ рукоплесканій оппозиціи, на скамьяхъ которой онъ засѣдалъ. Къ нещачтью, достоинства, дающія успѣхъ въ обществѣ или торжество оратору въ политическихъ собраніяхъ, не всегда могутъ семейное счастье, такое, по крайней мѣрѣ, какъ его пони-

мала наша младая Люси. Прошло некоторое время, прежде чем она это замѣтила, а все же наконецъ замѣтила.

Чего же не доставало молодой виконтессѣ? Въ чемъ чувствовала она лишеніе? Въ своемъ новомъ домѣ, она была точно королева, и мужъ былъ ея первымъ подданнымъ. Гдѣ бы она ни явилась, вслѣдъ старика и молодые возданыи ей должную дань, важные государственные сановники оставляли самыя затруднительныя теоріи, чтобы поговорить съ нею о болѣе легкихъ предметахъ, способныхъ заинтересовать особу ея возраста и пола; знаменитые поэты восхваляли ея красоту, первоклассные художники наперерывъ добивались чести изобразить ея прелестныя черты на холстѣ; а все же Люси не была счастлива. Чтò въ томъ толку что ея женской сущности воскуривалась лѣсть до приторности, когда самыя пламенныя стремленія ея сердца оставались неудовлетворенными?

Лордъ Клевертонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, у которыхъ вся жизнь сосредоточена въ головѣ. Честодобіе—вотъ его господствующая страсть; глубокая, исключительная, всепоглощающая страсти, — если только существуютъ такія, — онъ считалъ только преградами къ приобрѣтенію власти, — единственной, по его мнѣнію, цѣли, благородной, законной и достойной человѣка. Его уваженіе къ Люси, дѣйствительно, не имѣло предѣловъ; ко всѣмъ желаніямъ своей молодой жены онъ имѣлъ всегда полное вниманіе, если только эти желанія не касались его господствующей страсти. Онъ всегда смѣтрѣлъ на леди Клевертонъ съ безконечно удовлетвореннымъ чувствомъ и когда онъ видѣлъ съ какою граціею и непринужденностью исполненною достоинствомъ, привлекающими къ ней всѣ сердца, она принимала у него въ домѣ толпы самыхъ значительныхъ людей, тогда одна только гордость преобладала въ немъ, ни одно болѣе нѣжное чувство не приобщивалось къ его восторженному удивленію. Главнымъ интересъ своей жизни онъ полагалъ не въ этомъ. Политика занимала большую часть ея. Проекты, мнѣнія, депутація, необходимость его присутствія при засѣданіяхъ разныхъ обществъ, гдѣ онъ былъ президентомъ, — все это, не считая уже засѣданій въ парламентѣ, такъ занимало его, что проходилъ иногда цѣлыя недѣли, а леди Клевертонъ не видала его, а когда видѣла, то всегда только въ обществѣ. Всегда сѣсть стояла между ними и ею. Съ такимъ человекомъ невозможно было имѣть дружелюбнаго отношенія. Ни сладостныхъ сердечныхъ казаній, ни приятныхъ чашекъ бесѣды у административнаго очага, обрещающихъ симпатію и взаимность и столько же необходимыхъ для любви, какъ свѣжая утренняя роса для цвѣтовъ. Его заботы не были ея заботами. Тщетно, въ началѣ ихъ брака, когда она замѣчала облако на лицѣ своего мужа, старалась она узнать причину того, желая его разбѣить. Вотъ эти помысли, мнѣніемъ цѣлюю—приобрѣсть довѣренность лорда Клевертона, были отвергнуты, — конечно, со всевозможнымъ любезничествомъ и внимательностью, но и съ настоятельнымъ упорствомъ.

Благородный лордъ не хотѣлъ возмущать сиюминутныя жажды своей

младшей жонки. Услышать такую причину от постороннего, Люси могла бы со справедливым; но какъ жонка—не могла ли она преем требовать отъ мужа своего долгу въ его печалихъ, какъ и въ радостяхъ? И вотъ сердце бѣдной Люси сжималось, увидало и съ камнями дномъ все болѣе и болѣе чувствовало себя одиночнымъ. Конечно, это не было дѣломъ нѣсколькихъ дней, недѣль или мѣсяцевъ; — долго надомъ капли дожда прежде чѣмъ подточится камень. Да и дѣйствіе разрушенія не было постепеннымъ; нѣтъ; бывало повывиженіе и поминженіе, бывали остановки и непредвидѣныя надежды. Но настала, наконецъ, дѣла, и какой печальный дѣнь! когда виконтесса шлоути отбѣжала свое положеніе и увидѣла, что все ея мечты о любви и о счастье исчезли какъ благотворный метеоръ и прачина тоски обннлась, подобно звѣзѣ, вокругъ ея сердца.

Еслибы Люси суждено было испытать радости материнскаго чувства, — еслибы она могла любимое дитя, на которое могла бы изливаться сокровища, преесполненія ея сердца, тогда все было бы къ лучшему. Но Провидѣніе судило иначе. Лордъ Клевертонъ желалъ имѣть наследника со всею страстью главы новой династіи; но онъ былъ слишкомъ хорошо воспитанъ, слишкомъ самодушествъ, чтобы не скрывать со всею силою души своего горькаго разочарованія. Однако виконтесса, по примцательности своей, скоро замѣтила, что кромѣ политическихъ заботъ еще что-то тяготитъ думу ея мужа; всѣми силами старалась она дознаться, что бы это такое было — и доискалаея наконецъ. Съ повѣрлотною быстротою мы угадываемъ то, что можетъ сдѣлать весь несчастный.

Это открытіе довершило печаль Люси и съ тѣхъ поръ не проходило ночи, чтобы бѣдная женщина не обливалась слезами вѣдущи своей. Сколько изъ этихъ важныхъ людей по титулу и богатству, возбуждающихъ зависть въ бѣдныхъ, который смотритъ на нихъ какъ на бластательныя свѣтила, сколько изъ этихъ великихъ землн, когда посмотриши на нихъ вблизи, скрываютъ въ себѣ страшныхъ язвъ, тайныхъ ракъ, которыя могли бы сдѣлать ихъ предметами жалости! Такъ прекрасная роза, сорванная съ восторгомъ, вдругъ опадаетъ и внутри подъ ея великолѣпнымъ внншкомъ, является какой нибудь отвратительный червякъ.

Лордъ Клевертонъ замѣтилъ наконецъ, перебѣду въ лицѣ своей жонки и частыя признаки задумчивости, и это открытіе причинило ему столько же неудовольствія, какъ и огорченія. Удивительная граница, непрежужденный омнеленный разговоръ, привлекавшій къ виконтессѣ самыхъ важныхъ дипломатовъ точно такъ же какъ и самыхъ важныхъ представителей моды, мало по малу уступали мѣсто однообразной и часто официальной вѣжливости. Лордъ Клевертонъ любилъ, чтобы объ его дѣлѣ говорили, какъ о самомъ прнятномъ въ Лондонѣ — эта репутация, по его мнѣнію, могла быть полезна его честолюбивымъ цѣлямъ; и потому, съ увеличивающимся неудовольствіемъ, довольно мене высказывавшимъ въ его наружности, онъ слѣдилъ за перебѣднымъ расноложеніемъ духа своей жонки. Люси, за-

и была, что вытравленный взгляд иронично и глумливо сверкалъ подъ невнятной улыбкой скрывавъ душевную тоску, терзающую ее. Между ними появилась принужденность; время отъ времени, увеличивавшее зло, и съ каждымъ днемъ мужъ и жена все болѣе отчуждены другъ отъ друга. Мы не хотимъ вдаваться въ подробности этого положенія, а только указать на него.

Но шѣрь того, какъ силы и энергія Люси ослабѣвали, обязанности ея, какъ хозяйки самаго великолѣпнаго и гостепріимнаго отеля въ Лондонѣ, дѣлались все труднѣе и еякогда не были такъ тягостны какъ весной 1847 года. Министорство колебалося; переговоры объ образованіи новаго кабинета, въ которомъ, по общественому мнѣнію, назначалось лорду Клевертону важное мѣсто. Всѣ честолюбивыя великія и малыя, приплы въ лондоню, ирииче такъ сильно, какъ честолюбіе лорда Клевертона. Еще отъаинное нападеніе, еще одно пераженіе министерства — и онъ достигнетъ власти; этой цѣли, столь давно, столь пламенно преслѣдуемой. Домъ лорда Клевертона сдѣлался главною квартирою его партіи; здѣсь, посреди вихря танцевъ, оглушительныхъ руганъ итальянскихъ и пѣмодскихъ мѣщцовъ, приобрѣтались голоса, назначались мѣста, утверждался планъ новаго шапенденія.

Наконецъ настало время, когда въаровательное обращеніе молодой виконтессы, увлекательная прелесть ея разговора должны были совершить чудеса на которыя рассчитывали лордъ Клевертонъ, когда задумалъ на ней жениться. Онъ просилъ ее неутомимо посѣщать дворецъ, принимать всѣ приглашенія отъ кого бы онъ ни происходилъ — отъ его свѣтулости или отъ его превосходительства, или просто отъ кого нибудь члена манчестерскихъ представителей. Она должна была являться всюду, гдѣ не требованію моды, находились женщины знатнаго рела, и, для полноты побѣды, показывать видъ, что заранѣе уяврена въ побѣдѣ. Дамъ Клевертонъ выполнила эту програу съ епидеимнымъ достоинствомъ, безъ шуа, безъ хвастовства. Въ мужъ былъ восхищенъ и удивленъ; онъ почувствовалъ благодарность къ мнѣ. Смотря на то, какъ она сообразовалась со всѣми его надеждями, входила во всѣ его цѣли, благородный лордъ невольно почувствовалъ, какъ въ душѣ его зашевелился вопросъ, дѣйствительно ли онъ, гдѣааъ все, что сдѣлалось для этого чужаго существа и онъ далъ себѣ слово, какъ только кончатся настоящій переворотъ, взглянуть прошлое будущее. Но было уже слишкомъ поздно.

Посреди всѣхъ этихъ интригъ и честолюбивыхъ предпріятій, лордъ Клевертонъ схватилъ горячку и черезъ мѣсяць уже дней умеръ. Онъ умеръ, поаявъ, наконецъ, что ошибся въ дорогѣ, ведущей къ счастью, и благословляя ангела, помогавшаго ему и съ неутомимою мѣжностью утѣщавшаго его до послѣдняго ея издыханія.

Молодая вдова удалилась въ Дамени; ея думи и здоровье были глубоко потрясены; лѣта и востокіе пренадки педатры удерживали сра Джона, въ его замкѣ послѣдніе два года. Нижній отецъ былъ испуганъ страшною переизмѣною лица своей дочери и еще болѣе

встревожился, впад глубокое уныніе, въ которое она была погружена. Люси, дѣйствительно, почувствовала себя какъ бы умирающею, и ничто не могло поколебать ея твердаго убѣжденія, что дни ея сочтены. Сэръ Джонъ употребилъ все свои усилія, чтобы разуть и вѣрить ее и разсѣять все эти печальныя предчувствія; но все было напрасно; наконецъ баронету представилась мысль о путешествіи. То «Разъ удалось: почему же въ другой разъ не попробовать? Хорошій воздухъ; перемѣна климата; и спокойствіе,—вотъ что нужно. Почему бы не поѣхать на нѣкоторое время въ Бордигеру и не послѣдовать тамъ съ докторомъ Антоніо? Нѣтъ сомнѣнія, что восемь дѣтъ, тому назадъ здоровье ея было гораздо ненадежнѣе чѣмъ теперь; а какъ скоро итальянскій докторъ поможетъ ей! Вѣроятно, графъ согласится отдать имъ на время свое казино или ему удастся уговорить доктора ѣхать съ ними въ Римъ.» Сэръ Джонъ былъ увѣренъ, что докторъ Антоніо готовъ все сдѣлать для Люси.

Достойный баронетъ коснулся чувствительной струны и, замѣтивъ это, сталъ повторять свои доводы.

«Съ тѣхъ поръ докторъ Антоніо и Бордигера, Бордигера и докторъ Антоніо, старая гостиница, Сперанца, и Батиста—имена такъ давно непріобрѣтенныя, сдѣлались предметами постоянныхъ разговоровъ въ Давенни-Голль. Усыпленные воспоминанія пробуждались, прежніе образы съ новою силою появились; оживляя и оживляя сердце Люси. Лучъ надежды блеснулъ въ ея унылой дуплѣ. Да, если дѣйствительно что могло ее спасти, такъ это—попеченіе доктора Антоніо, ароматическій воздухъ ея милой Ривьеры. Вслѣдствіе чего рѣшено было, что сейчасъ же по промѣстивъ траура, Люси съ отцомъ уѣдетъ въ Ривьеру.

Люси ожидала этой минуты съ какимъ-то жаднымъ нетерпѣніемъ, какъ будто ею овладѣла тоска по родицѣ. Но когда настала эта минута, бѣдный сэръ Джонъ былъ пригвожденъ къ своему креслу жестокимъ припадкомъ подагры, хуже обыкновеннаго. Однако баронетъ и слышать не хотѣлъ объ отстрѣлкѣ отъѣзда Люси и положительно требовалъ, чтобы она ѣхала; друзья и доктора давно уже согласились въ мнѣніи, что виконтесса непременно должна оставить Англію прежде, чѣмъ подуютъ мартовскіе вѣтры. Сэръ Джонъ обещался пріѣхать къ ней въ Бордигеру, Римъ, Непноль, куда бы то ни было, лишь бы она только уѣхала, какъ можно скорее. Люси, не жалея ѣхать такъ далеко съ одними слугами, пригласила съ собою одну почтенную даму; такимъ образомъ она уѣхала въ Парижъ, въ половинѣ февраля 1818 года. Торопясь ѣхать въ Италію, она не имѣла никакого желанія оставаться въ Парижѣ. Леди Клеввертонъ къ счастью выѣхала оттуда до возмущенія республиканскихъ баррикадъ на бульварахъ. Ея нетерпѣніе не знало уже предѣловъ, когда она пріѣхала въ Ниццу. Она не хотѣла даже дать нѣсколько дней отдыха, чтобы оправиться отъ усталости, но по врожденной деликатности и чувствительности, дрожа, при мысли, что по сторонниимъ женскимъ замѣткамъ сильное волненіе, которое

непрямьно набулавало въ ней при видѣ знакомыхъ мѣстъ, она оставила свою спутницу въ Мадридѣ, а только въ сопровожденіи своей вѣрной Гутчинны в саунѣ отправилась въ Бордигеру, съ дикородичнымъ испанскимъ челоѡвѣкомъ, жизнь котораго зависитъ отъ игры случая. Теперь она держала жизнь и, конечно, въ цѣломъ мірѣ ни одинъ докторъ, кромѣ доктора Антоніо, не могъ возратить ее къ жизни. Это была роль суетѣрія у Лиси.

Наконецъ, карета прѣѣхала бордигерскій мысъ и небольшая долина оторвалась передъ нею. Лиси взглянула изъ кареты, чтобы одишъ взглянуть обоимъ въ подробности этого, вѣкогда столь знакомаго пейзажа, — и сердце ее безвѣромно сжалось. Какая причина придавала такой печальный и смущенный видъ бѣдной гостиницѣ, саду, даже морскому берегу? Трасса увеличилась въ ее душѣ, она ничего не могла ясно смѣть, но чувствовала, что какая бы тому причина ни была, а перемѣна совершилась въ этомъ мѣстѣ. Она приказала остановиться и, выйдя изъ кареты, предметными шагами бросилась по знакомой тропинкѣ. Маленькая калитка держится только на одной заржавленной петлѣ, какъ будто впродолженіе цѣлыхъ вѣковъ ни одно человеческое существо не проходило черезъ нее; садъ — нагощая пустыня, наводненная терновникомъ и дикою травой; апельсинныя и лимонныя рощи, вѣкогда такія роскошныя, теперь были только жалкими оборочками переломанныхъ, кое-гдѣ оставшихся стволовъ, шокержикъ на скелеты; на вѣтвяхъ осталось еще нѣсколько сухихъ красноватыхъ листочковъ, точно обожженныхъ молніей; дождь все въ раскислахъ, въ тринадцатъ, валится на бокъ и распадается въ обломкахъ. Ода только часть его осталась еще цѣла: это — каменное крыльцо. Всѣ ставни были забиты, кромѣ тѣхъ, которые валились по землѣ или качались по волѣ вѣтровъ. Вся окрестность носила явное признаки совершеннаго безлюдства, опустошенія и разрушенія.

Лиси стучатъ въ стеклянную дверь, замкнутую изнутри; она зоветъ Сперанца и Батисту, и вдругъ, изъ подъ крыльца, раздастся голось, заставляющій ее содрогнуться. Молодой крестьянинъ вышелъ изъ подъ крыльца, объясняетъ ей, что въ домѣ нѣтъ никого, и что она ошибалась съ тѣхъ поръ, какъ умеръ его послѣдній владѣлецъ.

— Какъ, Сперанца умерла? Батиста умеръ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Сперанца и Батиста оба живы, слава Богу, и находится въ добромъ здоровьи. Они содержатъ почтовую гостиницу въ Маштово. А эту гостиницу они вѣдь продали одному старику, который и умеръ потомъ.

Лиси замолнула сробдише.

— А... докторъ бордигерскій, — спросила она дрожа, — что съ нимъ стало?

— Съ докторомъ-то Габриеле? Онъ здоровъ, слава Богу.

— Гдѣтъ, но съ докторомъ Габриеле, — а говорю ю докторъ Антоніо, — такой выскочкѣ, съ длиннымъ борою, — оплывающа.

— Ахъ! да, — и онъ не помъ ни. поворотъ. Только лавина, вѣдь

я на адвѣнцій. Докторъ, о которомъ вы говорите давно уже убѣжалъ отсюда; но крайней мѣрѣ, я такъ слышала.

Люси прислонилась къ периламъ, колѣни подъ нею погнѣбались.

— Слѣдовательно,—сказала она, дрожа съ головы до ногъ,— вы не видите, гдѣ онъ?

— Нѣтъ, не знаю, да и боюсь, что тутъ нѣтъ ничего о немъ не сказать.

Все время молодой крестыанинъ не спускалъ глазъ съ прекрасной дамы, распрашивавшей его, и съ большимъ любопытствомъ и участіемъ рассматривалъ ее.

— Да ужъ не вы ли,—сказала онъ наконецъ вѣрнопительно, — не вы ли та *англійская синьора*, которая такъ долго жила въ этой гостинницѣ и дѣлала такъ много добра въ этомъ краю?

Эти слова цѣлительнымъ бальзамомъ подѣйствовали на сердце Люси, доказывая какъ хорошо ее помнятъ здѣсь. Любовь, которую имѣла прежде къ ней, не ослабилась разлукой. Слова молодого чело-вѣка, усладили нѣсколько горечь обманутаго ожиданія.

— Вы угадали,—отвѣчала она, — я самая — та англичанка. Возьмите это на память отъ той, которая очень любитъ Борлигеру.

Она весело вернулась къ каретѣ и приказала какъ можно скорѣе опять ѣхать въ почтовую гостинницу, въ Ментоне.

Дождь ливнемъ лилъ въ то время, когда она стояла у дома, такъ что она вся взмокла и дрожала отъ холода. Гутчинсъ предложила было ей остановиться гдѣнибудь въ домѣ, чтобы осушиться и выпить чегонибудь горячаго; но Люси и слышать не хотѣла останавливаться гдѣ бы то ни было, кромѣ Ментоне. Обѣщаніе на-волеку необязательной суммы, придало мужество почтальону; длинный бичъ взялся вокругъ его головы съ такимъ страшнымъ шолканьемъ, что лошади поскакали во всю прыть и карета мчалась между лужами и брызгами дождя и грязи. День былъ на исходѣ, когда карета, вся испачканная въ грязи, остановилась предъ почтовою гостинницей.

Небо прояснилось на западѣ и розовые оттѣнки заходящаго солнца, посреди густой массы черныхъ тучъ, освѣщали группу у подѣзда гостинницы,—простую, домашнюю картинку, изъ которой Тенье или Міерисъ сдѣлали бы маленькое художественное произведеніе. На деревянной скамьѣ сидѣла прекрасная молодая женщина, съ черными глазами и волосами; въ небольшомъ разстояніи отъ нея, мужчина около тридцати лѣтъ, смуглый лицомъ, съ черными бакенбардами и трубкой въ зубахъ, сидѣлъ на корточкахъ, протянувъ руки къ розовому, кудрявому херувимчику;—отецъ и мать словами и движеніями ободряли первыя попытки крошечнаго мальчика ступить своими ножками; тотъ, съ радостными криками, спотыкаясь, переходилъ отъ одного къ другому.

Люси внимательно смотрѣла на это тріо. Вдругъ Сперанца оглянулась и увидѣла милое лицо.

— *Madonna Santa!* Матушка, матушка, вѣдь это синьора!

Однимъ прыжкомъ, она уже очутилась на ногахъ, и, толкнувъ своего

малютку на руки къ отцу, который отъ этого неожиданнаго движенія падаетъ на спину, а сама къ нему на грудь — она прыгнула на ступеньку, зарывъ и бросилась на шею Люси.

— О! моя милая сеньора! — моя дорогая сеньора!

Люде ничего не могла выговорить Сперанца. Роза тоже бѣжитъ со всѣхъ ногъ, воображая, что какое нибудь страшное несчастье случилось съ надеждою всей семьи, потому что въ эту минуту все вошло в оупенло. Пагиста подмалася уже на ноги и общаго признаню преходитъ между такими слезами, благословеніями, рукоплесканіями и возваніями къ Пресвятой Девѣ; что все это было бы очень крѣпко, еслибы не было такъ трогательно.

— Поше мой! какія у васъ коюдныя руды, сеньора! какой у васъ утомленный видъ! Ахъ, какъ жаль, что доктора Антонио здѣсь нѣтъ!

Сперанца тотчасъ же прикусила собѣ языку; Люси почти на рукахъ вносима въ лучшую комнату во всемъ домѣ. Яркій огонь пылаетъ уже въ каминѣ, диванъ притянутъ къ нему; мокрые платья и шаль сваты съ Люси; она уложена на диванъ и хорошо укутана, чтобъ скорѣе согрѣться и отдохнуть. Сперанца съ вѣжностью наклоняется къ обожаемому предмету своего забота: то гладитъ, то цѣлуетъ холодныя руки и ноги у Люси, то осушаетъ, приглаживаетъ, цѣлуетъ мокрые волосы; и все это, время улыбается, болтаетъ, благословляетъ часъ и день д. Мадонну; однако, несмотря на всю эту снматуху, она не забываетъ ничего, что можетъ служить къ удобству ея сага, сага, рабгоца, какъ она называетъ Люси; она вспоминаетъ даже о поджаренныхъ ломтикахъ хлеба и о горячемъ чаѣ, — не о томъ чаѣ, который употребляется каждый день, но о томъ, который хранится въ зеленомъ ящикѣ на экстремный случай. Миссъ Гутчинсъ совершенно остретъ въ сторону, но не обижается и принимаетъ это съ пріятнымъ располороженіемъ духа. Никому, и даже родной матерп, Сперанца не уступитъ права надѣла на ножки Люси тепленькія туфли или положить грѣлку, чтобы согрѣть постель. словомъ — оказать какую нибудь услугу для ея обожаемой надроны.

Люси обиваетъ въ этой благодѣтельной атмосферѣ дѣлшой праданности; сидя на диванѣ, медленно прихлебывая чаѣ, который ей кажется нектаромъ, она чувствуетъ какое-то живительное ощущение, разливающееся въ сердце и по всемъ ея истощенномъ существу. Давно уже, очень давно она не сидѣла за такимъ шромъ; вотъ уже восемь лѣтъ, какъ ее терзалъ голодъ. Все очарованія высокаго положенія и богатства, все наслажденія удовлетвореннаго тщеславія не доставляли ей ни одного подобнаго часа. Изъ всѣхъ почестей, ея окружавшихъ, изъ всѣхъ улыбокъ, которыми пріяѣтствовали благородную леди даже королевскія уста, ни одна не давала ей такого счастья, какъ улыбка этой крестьянки, и никакія почести, воздаваемые ей, не были такъ пріятны, какъ почести, воздаваемые ей этими простыми людьми. Хвала Всевышнему, есть блага на землѣ, которые не даются знатностью и не покунаются богатствомъ!

Люся рассказала Сперанцѣ о своей побѣдѣ въ Вордингеру, о томъ какъ она была поражена разрушительными перемѣнами, происшедшими послѣ ея отъѣзда, и какъ она была огорчена, узнавъ, что докторъ Антонио вѣрнѣе отъѣзжаетъ.

— Обо всемъ этомъ, мы завтра поговоримъ, — сказала Сперанца, видя, что глаза Люси наполнились слезами; — поговоримъ послѣ того, какъ вы хорошенько уснете; — я надѣюсь, что вычиститъ ночь вы будете хорошо спать. Скажу вамъ только, что докторъ Антонио вернется на родину и теперь еще тамъ по крайней мѣрѣ два мѣсяца назадъ отъ тамъ былъ. Синьора Элеонора получила отъ него письмо, но я, можетъ, сообщить вамъ не подробности, а только самое дорогое доктору. Мы слышали, что въ Биджини была большая революція и что онъ тамъ дрался, какъ донъ. Въ Сардинии была тоже революція, да и у насъ, въ Монтоне и въ Роккабруми тоже. Батиста былъ во главѣ, честное слово! его избрываютъ генераломъ национальной гвардіи. Командантъ въ Санта-Кресо смасся быствомъ; теперь у насъ не будетъ больше командантовъ, — по крайней мѣрѣ такъ генерала. Да и карабинеры не будутъ больше важными пшюдами, а такими же какъ и вы; проще люди. А у васъ тоже была революція, сирѣчь? — спросила Сперанца съ такимъ видомъ, какъ будто заранее была уверена въ томъ, о чемъ спрашивала.

— Дѣтъ, сирѣчь, да, не было, — отвѣчала Люся, улыбаясь.

— Но, была, — шептала Сперанца какъ бы разговаривая сама съ собою, — была, да вы не знаете, какъ она была, какъ вы объясните себѣ эти вещи.

Несмотря на свою благоразумную рѣшимость отложить разговоръ до завтра, Сперанца, раздвѣвъ люси, высказалась, что всего болѣе интересовало путешественницу. Но известно, что не всѣ слѣды доктора Шотланды, значило уже что нибудь; и потому, простившись съ Сперанцею, Люся заснула и цѣлую ночь ей снились лазурныя моря, ароматическія анжелиновые рози и прогулки въ садикѣ съ докторомъ Антонио.

На другой день рано утромъ, Сперанца привела дѣтей своихъ къ Люси; это были двѣ прекрасныя дѣвочки, цвѣтущая здоровьемъ и черныя какъ ночь — Лючіа-Марія и Роза-Лючіа — и маленький кудрявый мальчикъ — Лючіо.

— Извѣстно ли вамъ было, синьора, что есть мужское имя Лючіо? — спросила мать, гордая своими дѣтьми.

— Да, я знала это, — отвѣчала Люся.

— Какъ я рада, честное слово, а вѣдь я совсѣтъ не знала, что есть такое имя, — продолжала Сперанца; — я была въ болшемъ замѣшательствѣ, когда родилась мой крошка; я не знала, какъ его назвать вашимъ именемъ; но рѣшилась на это то что бы ни стало, хоть бы пришлось нарочно соединить его. Батиста хотѣлъ, чтобы я его назвала Джозомъ, но имени вашего нѣтъ; но это напоинишу не была бы такъ хороша. И что же вы думаете, я сдѣлала? я взяла календарь и стала читать всѣ имена святыхъ; и слава тебѣ господи! нашла таки имя — Лючіо.

И въ радости отъ своей находчивости, Сперанца доказала оба ряда своихъ бѣлыхъ зубовъ.

Отпустивъ Лучию-Марію и Розу-Лучію гулять, и поручивъ Лучію ибжной заботливости бабушки, Сперанца вернулась къ Люси и сказала:

— Ахъ, сага, signora, вы не можете себѣ представить о нашей горести, когда васъ такъ неожиданно отняли у насъ. Не сомнитесь, что я дамъ такъ говорить; но, право, это было очень жестоко со стороны вашего брата — увести васъ такъ неожиданно изъ того мѣста, гдѣ мы были такъ счастливы, гдѣ всѣ люди, старые и молодые, обиджали насъ. Никогда не забуду, что я чувствовала, когда ваша карета скрылась изъ виду. Мы всѣ были очень несчастливы и не знали за что приняться. Матушка каждую минуту только ожидала да выдыхала; Батиста была цѣлый день точно рыба, выброшенная на берегъ, онъ все верчалъ, а ужъ о бѣдномъ докторѣ нечего и говорить. — Тутъ Сперанца нечаянно покачала головой — Беднѣе, вы только видите, какъ онъ словно тѣнь слонялся туда и сюда, не заикался нигдѣ ни словомъ, ни утѣшеніемъ! Бѣжало было смотреть куда вамъ сидѣть по цѣлымъ часамъ на тѣхъ мѣстахъ, откуда можно было видѣть вслѣдующаго. Кто бы могъ подумать, что все это такъ кончится, когда, бывало, мы смотрѣли на васъ, какъ вы гуляли одна въ садѣ другого, — оба такіе молодые, такіе прекрасные, такіе счастливые, это казалось самъ Господь Богъ создалъ васъ одна для другого! Но изъ чему теперь напрасно огорчаться, — прибавила Сперанца, замѣтивъ какъ Люси поблѣдѣла; — божь сомынія, на то была воля Божія, чтобы вы это видѣли таею концѣ. Только нашъ бѣднѣйшій докторъ, послѣ этого удара, никогда уже болѣе не оправдался; — никогда уже мы не видали его такимъ какъ прежде. Я не говорю, чтобы онъ пересталъ быть добрымъ, кроткимъ и милостивымъ, какъ онъ бывалъ прежде; но онъ дѣлался такой серьезный и никогда уже не хотѣлъ сказать чегонибудь забавнаго, чтобы веселить бѣднаго больного. Да и всѣ патеры, съ нашимъ кураторомъ во главѣ, возненавидѣли его, а тутъ еще вѣчно одна и та же исторія съ причастнымъ билетомъ къ Пасхѣ, Пасхѣ ли, курать разъ съ какою спросилъ: зачѣмъ между нами живутъ иностранцы. Какъ будто эти иностранцы не тѣ же христіане! Слономъ, горька стала жизнь бѣднаго доктора Антонію; ему очень хотѣлось уѣхать отсюда.

Только вотъ въ одинъ день, это было въ 1842 году, пришелъ ему письмо, которое извѣщало его о смерти матери. Его добрая благодарная душа приняла это извѣстіе такъ близко къ сердцу, что онъ заболѣлъ и еслибъ не этотъ томтецкій докторъ изъ Шинцы, который разъ предлагалъ къ вамъ, дамыра, и который указывалъ на него какъ на родного брата, то нашему доктору Антонію и не жить бы уже на этомъ свѣтѣ. Наконецъ онъ сталъ оправляться, но, Боже мой! отъ него осталась только тѣнь. Англійскій докторъ увезъ его въ Нанду, и скорѣе послѣ того докторъ Антонію далъ знать муниципальному совѣту, что онъ отказывается отъ мѣста приходского

доктора. Съ тѣхъ поръ, мы его уже болѣе никогда не видали. Много времени прошло послѣ того; одинъ разъ англійскій докторъ останавливался у насъ на ночь и рассказывалъ намъ, что мать доктора Антонію умѣла такъ хорошо распорядиться—тогда я не пошла какимъ образомъ—такъ хорошо устроила свои дѣла, что правительству не могло коммисковать ей жизни, которое она оставила своему сыну. Потомъ мы случайно узнали, что нашъ добрый другъ покинулъ Ниццу и уѣхалъ, никому неизвѣстно куда. Послѣ вашего отъѣзда Бордигера сдѣлалась для насъ очень печальнымъ мѣстомъ; но когда и докторъ Антонію уѣхалъ, то мы возненавидѣли ее, и рѣшились уѣхать оттуда какъ можно скорѣе. Наши дѣла шли хорошо, такъ что мы могли отложить хорошую сумму денегъ про запасъ. Во всемъ, что мы для насъ сдѣлали, было видимое благословеніе Божіе. Недалека, какъ и вѣсело, всѣ сѣзжались посмотрѣть на старую гостиницу, гдѣ англійскій мѣщанинъ съ своею прекрасною дочерью жилъ такъ долго. Почти всѣ путешественники, пріѣзжавшіе изъ вашего отечества и проѣзжавшіе до этрій дорогѣ, останавливались въ нашемъ домѣ и любили, чтобы мы рассказывали о васъ и обо всемъ, что вы дѣлали. Они платили щедро за все, что мы имъ подавали и оставались часто ночевать, говоря что мы отъ васъ научились прилично угощать англичанъ. Мы всѣ ихъ любили, ради васъ, сирѣчь, хотѣли какъ разъ чуждъ, казалось, не быть знакомъ съ вами. Словомъ сказать, наши дѣла шли такъ отлично, какъ только можно того было желать. Смотритель почтовой станціи въ Ментоне давно уже хотѣлъ на покой; онъ и прежде часто предлагалъ намъ купить его заведеніе; но мы не смѣли согласиться на его предложеніе, прежде чѣмъ продадимъ свою гостиницу. И въ этомъ намъ была удача. Старый морякъ, котораго всѣ давно уже считали погибшимъ, вдругъ возвратился въ Бордигеру, послѣ сорокалѣтняго отсутствія. Этотъ старикъ привыкъ къ одиночеству и когда узналъ, что всѣ его родные перемерли, то еще болѣе отпретивъла ему мысль жить въ городѣ. Наша гостиница ему понравилась,—потому, говорилъ онъ, что она не стоитъ на большой дорогѣ и ему не надобно будетъ вставать. Такимъ образомъ мы разомъ покончили два дѣла и перебрали сюда на житье. Тутъ мы прожили еще шесть лѣтъ и намъ хотѣлось желать одного только, чтобы еще разъ въ жизни увидѣть Ангела, посланнаго небомъ, янгода которому мы обязаны послѣ Бога за все, что имѣемъ, который сдѣлалъ насъ такими счастливыми.

И благодарная Сперанца схватила нѣжныя ручки Люси и покрыва ихъ нѣжнѣйшими поцѣлуями.

— Но какимъ образомъ наша бѣдная гостиница дошла до такой степени разрушенія? — спросила Люси.

— Движна тому—землетрясеніе, бывшее въ 1844 году,—страшное землетрясеніе, которое почти совсѣмъ разрушило гостиницу. Отъ него болѣе для насъ потерпѣли всѣ дома въ Бордигерѣ и въ ея окрестностяхъ, но ни одинъ такъ не потерпѣлъ, какъ наша старая гостиница del Mattone. Многие увѣряютъ, что это произошло отъ того, что фун-

даментъ былъ непочтёнъ. А что касается до сада, сами посудите, сколько уже лѣтъ никто не обращалъ на него вниманія: чуждымъ удивительнаго, что былъ составъ затѣхъ? Старый морякъ умеръ чрезъ годъ послѣ заветриванія, и не оставилъ никакого завѣщанія, рѣшилъ тоже; видно, у него никого не было, а потому домъ былъ запертъ и, вмѣстѣ съ садомъ, предоставленъ на произволъ судьбы. Батиста говорилъ, что на дняхъ читалъ въ газетахъ объявленіе, что если никто не явится въ родныхъ послѣдняго хозяина къ назначенному сроку, то домъ перейдетъ во владѣніе короля.

Этотъ день и послѣдующую ночь, Люси провела на почтовой станціи, намыриваясь на слѣдующее утро отправиться въ Таджію, чтобы узнать отъ снйора Элеоноры, гдѣ бы можно было отыскать доктора Антоніо. Она и не старалась скрывать отъ своего смирненнаго друга, Сперанцы, свое величайшее желаніе — вторично изобрѣсть себѣ ищочіиша докторъ Антоніо и свое суевѣрное убѣжденіе, что одна только докторъ Антоніо можетъ возстановить ея разрушенное здоровье. Сперанца, хотя замѣтила некуда дѣло и что Люси и въ частной своей кассетѣ, однако ничѣмъ не выказала своего безпокойства о ней, только окружила ея еще илькѣннее заботливостью и искренно влюбилась въ настрѣннѣ, твердо вѣруя, вмѣстѣ съ выдатескою въ медицинское искусство доктора Антоніо. Она непремѣнно хотѣла сопровождать Люси въ Таджію, какъ ни отговаривала ее Люси отъ этого настрѣннѣ.

— Матушка съ моимъ мужемъ могутъ присмотрѣть за дѣтьми и за домашними дѣлами. Теперь, когда я уже держу васъ въ рукахъ, позвольте мнѣ какъ можно болѣе наслаждаться счастьемъ, которое мнѣ посылаетъ Богъ.

Она не могла снйоры Элеоноры въ Таджію: она уѣхала въ Геную съ снйоры, дозрившаяся для назначенія. Люси была въ досаду, что отъ этого извѣстна, но тѣмъ, да менѣе горѣла пламеннымъ желаніемъ повидаться съ своимъ старымъ другомъ и дозрившаяся съ ямочкою. Сперанца, выразила такое страстное желаніе соприкоснуться къ Генуѣ, что, получивъ на то согласіе, это маленькое пухомство было инаровательно. Безоблачное небо, ослѣпительное, живительное солнце, таинственное море, Люси чувствовала какъ въ ея душѣ едина загоралась, осторожная любовь, къ прекрасному, которая нѣкогда была для нея истиннымъ дѣлхъ наслажденіемъ. Съ упорствомъ дышала она этимъ воздухомъ, и при видѣ этой благословенной природы, она повторала въ своей памяти всѣ свои прошлыя ощущенія съ такимъ живымъ наслажденіемъ, какое можетъ сравниться только съ жаждою снйоры, который считаетъ и переиспытываетъ свое сокровище, давно потерянное и снова найденное.

Въ Генуѣ, леди Клевертонъ безъ труда отыскала снйору Элеонору, ни слова не говоря, добрая старушка проткнула объятія къ своей неожиданной посетительницѣ. Сколько мыслей тѣснилось въ душѣ у нихъ обихъ, когда они крѣпко держали другъ друга въ объятіяхъ. Люси заговорила первая.

— Не говорила! И я вась, что когда я буду вы опять упадете съ своимъ спинобьями?

— Да благословить васъ Господь за вась доброе сердце! — отъчала итальянка: — вѣроятно! Вѣроятно! Успѣли вы сами малость; Ой, оять! сдѣлать мнѣ самую счастливую и самую тепломъ изъ матерей! Сперанца получила тоже свою долю засидѣть въ привѣтливой спальнѣ.

Спальня Элеонора была чѣмъ могла прибавить къ свѣдѣніямъ, которыя Сперанца передала ей о докторѣ Антонио, да и это немногое не могло возбудить мужества Люси. Съ тѣхъ поръ какъ Антонио возвратился въ Спинулю, добрая старушка получала отъ него только одно писмо. Она отдала это писмо Люси. Писано оно, какъ Падермо, наканунѣ января 1848 года и давало краткій отчетъ о той борьбѣ, какую она происходила между волевыми и революціи и народною партией. Писанное писмо было въ первыхъ минуты ускоренности, побѣды купленной дорогомъ цѣномъ. Писмо-оканчивалось слѣдующимъ почтскимъ участіемъ.

«Знаю, и вы вѣрно также тоже пролить немного крови, спадъ за вамъ рѣшину. Неаполитинская куля задела меня въ правое плечо, а въ толькѣ лѣвѣйшій, которая ничуть не мѣшаетъ мнѣ двигаться; ружью какъ вы сами видите! Я умоляю объ этомъ только для того, чтобы вы не безпокоились обо мнѣ, когда случается вамъ прочесть мое имя въ спискѣ раненыхъ. Скоро я опять напишу къ вамъ.»

— И съ тѣхъ поръ вы не получали вѣстотія? — спросила Люси.

— Ключи застыла у нея въ жилетѣ.

— Элеонора Элеонора отъ неприятно покачала головою.

— Слѣдствительно, его рана была гораздо серьезнѣе, дѣло оны думаютъ, иначе оны сдержали бы свое слово. Вѣрно, оны болонъ. Вокругъ что?

— Въ это пообращеніе, одерживая верхъ надъ разсудкомъ, тотчасъ же представляло ей дорогого друга болынымъ, одинокомъ, безпомощнымъ, можетъ быть, умирающимъ. Въ ту же минуту она рѣшилась ѣхать въ Неаполь, а оттуда въ Падермо и отыскать его, что бы для стало. Тотчасъ же она написала къ отцу, чтобы онъ пріѣхалъ въ Неаполь, прибавляя, что если случайно, оны три, не найдетъ, да, то же время войско, олучай, въ англійскомъ посольствѣ найдетъ оны вѣстотіе о оны настоящемъ мѣстопробыраніи. Она, также, наисла въ своей ситницѣ, все, еще ожидающей ее въ Ницца, чтобы она послѣдила пріѣхавъ въ Геную и три дня спустя, наца рѣшила, слабая Люси была уже на пароходѣ, отправлявшемся въ Неаполь.

Спальня, Элеонора и Сперанца продолжали ее на палубу и до послѣдней минуты, оставались съ нею, утѣшая и поддерживая ее надеждою. Начальна была разлука; борьба съ нею печалилась Сперанца и она не выпускала изъ рукъ платья своей милой радона, пока не вынула ее, дать себѣ слово, тотчасъ же призвать къ себѣ Сперанцу, какъ только будетъ нѣтъ въ ней нужду.

— Знаю, — говорила блѣдая женщина проливая рѣки слезъ, — знаю, что я только бѣдная, глупая красавица, а вы богатая знаменитосно-

же; но говорить же, что в жизни однажды была полеска даму, и поэтому умоляю васъ, моя милая, моя дорогая радуга, не забывайте никогда, что я неша мачиха, что принадлежу вамъ, и если когда нибудь бывшая крестьянка можетъ оказать вамъ услугу, то приходите со мною собою, — о! общайте мнѣ призвать меня къ себѣ; я останусь при васъ, буду служить вамъ до послѣдней минуты моей жизни, — да, мнусь, я это сдѣлаю и призываю во свидѣтельница Мадонну.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Неаполь.

Национальное чувство, со времени востанія на папскій престолъ Пиа Девиато, и реформы итл. дарованныя, развивалось медленно, но постоянно, по всей Италіи; но нигдѣ не достигало оно такой силы какъ въ Неаполѣ и въ Сициліи. Въ Римѣ, Тосканѣ и въ Цизмонтѣ требованія реформъ дѣлались съ надеждою двоякаго смысла, и, не встрѣчая вражды со стороны властей, даже допускались ими до нѣкоторой степени. Событія шло было въ Неаполѣ и въ Сициліи. Тутъ, напротивъ, съ оружіемъ въ рукахъ противопоставалась упорная оппозиція всякому прогрессу, и не разъ крики: «Да здравствуетъ Цій Девитати! да здравствуетъ Фердинандъ Второй и реформа!» были встрѣчаемы ружейными выстрѣлами и сопровождаемы многочисленными арестами.

Сицилія потеряла терпѣніе, видя, какъ съ умѣренностію, долговременныя страданія, съ вѣрностію мало смѣнены и рѣшилась, наконецъ, прибѣгнуть къ силѣ, чтобы получить тѣ реформы, которыхъ она не могла добиться просьбами и убѣжденіями. Великодушныя даже въ своемъ несчастіи, она назначила день, до котораго будетъ ждать исхода своихъ послѣднихъ воззваній къ правосудію. Если король пропуститъ этотъ день, то она рѣшилась прибѣгнуть къ *ultima ratio* народовъ и королей. И этотъ вызовъ, какъ и не было ожидать, былъ принятъ съ обычнымъ равнодушіемъ; и Сицилія, вѣрная своему слову, подняла оружіе. Палермо подавъ сигналъ, и въ назначенный день все Сицилія возстала.

При этомъ извѣстіи весь Неаполь вспыхнулъ. Точно зашипыльнувъ свичку подложили въ огонь, тлѣвній подъ неаполѣ. Тысячи людей бросились на Толфо, тысячи людей толпились на площади предъ королевскою дворцомъ. Правда, они были безъ оружія и крики ихъ были самаго миролюбиваго свойства: «да здравствуетъ король! да здравствуетъ конституція!» Но самое положеніе ихъ доказывало уже, какія чувства ихъ волновали. Большое красное знамя, выставленное только въ случаѣ войны, было выставлено на Сантъ-Эльмской крѣпости. Народъ, ни мало не испугался эмблемы и присутствовалъ кровавой цвѣтъ знамени криками.

Настала критическая минута и если она миновалась безъ пролитія крови, то это должно приписать генералу Роберту, команданту крѣпости, который захотѣлъ, лучше подать въ отставку, чѣмъ обдѣлать

двухъ герцогахъ. Все это произошло въ вѣчеръ: въ четвергъ, 27 января, 1848 года.

Король собралъ вдругъ себе большаго числа предводителейъ людей, къ которымъ имѣлъ полную довѣренность. Графъ Статолла, главный камерлендъ Неаполя и генералъ Фланкажюри были въ томъ числѣ. Они единодушно говорили Фердинанду, что совѣтуютъ ему немедленно переименовать министерство и дать конституцію. Вслѣдствіе этого, кабинетъ былъ распущенъ и душа его дель-Каретто, извѣстный своимъ злодѣйствами въ Боско и Катань, безъ церемоній былъ посаженъ на пароходъ, принадлежащій правительству. Преслѣдуемый проклятіями своихъ согражданъ, встрѣченный ругательствами въ Ливорно, и Генуѣ, гдѣ пароходъ долженъ былъ остановиться, — разжалованный министръ поспѣшно отправился въ Марсель. Изгнаніе дель-Кретто было дѣломъ поздняго правосудія, — не довольно строгаго въ сравненіи съ его преступленіями. Но тѣмъ не менѣе это было дѣломъ неблагодарности со стороны короля.

Наконецъ, конституція объявлена и чрезъ нѣсколько дней всецародно объявлена. Король въ торжественномъ предисловіи этой прокламаціи, выразился такими словами:

«Уступая единодушному желанію нашихъ возлюбленныхъ подданныхъ, мы, по нашей собственной, полной, свободной и непринужденной волѣ, объявляемъ дать конституцію нашему королевству. И да имя Всемогущаго Всевыятаго Бога, Великаго въ Троицѣ, который одинъ только можетъ читать въ глубинѣ сердець и котораго мы всегда призывали въ свидѣтели чистоты нашихъ намереній и нашей искренней иррмоты, съ которыми мы намереваемся вступить на новый путь политики, мы рѣшили объявить и объявляемъ, черуцую утвержденную нами, слѣдующую конституцію».

Въ февралѣ, со всевозможною великолѣпною пышностью и торжественностью, была принята присяга этой конституціи королями, принцами королевскаго дома, новыми министрами, военными орденами, рами арміи, магистратурой и всѣми другими высшими чиновниками королевства. Чрезъ нѣсколько дней былъ обнародованъ избирательный законъ и созваніе парламента было назначено первымъ мая.

Уже такъ бывають въ порядкѣ вещей, что люди, находящиеся во главѣ управленія, во времена великихъ переворотѣвъ, никогда не успѣвають удовлетворять никакой партіи. Что было — то разрушено! Что должно быть — то осуществлено только въ надеждахъ. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно разсчитываютъ на такіе великіе чудеса, что нѣтъ ничего удивительнаго, если люди, которые перучены совершить ихъ, остаются гораздо ниже своего признанія. Такъ и тогдашній король не былъ исключеніемъ изъ общаго правила. Со всѣхъ сторонъ слышалась обвиненія на нихъ: за тѣмъ они въ ту же минуту не переставали разрѣшенія сицилійскаго — вопроса, этого Гордіана узла того времени — за тѣмъ они не пріяли своей политики болѣе итальянскаго характера; за тѣмъ не пріяли національныхъ цвѣтовъ и такъ далѣе. Короче, кабинетъ ничего хорошаго не перучилъ

сдѣлать, вслѣдствіе несчастнаго положенія, въ которое была поставлена, и такъ ясно былъ нелюбимъ народомъ, что ему оставалось только одно: выйти въ отставку. Вступленіе новаго министерства, назначенное по числу того мѣсяца когда совершилось его образованіе, министерство въ мартѣ, — было приветствовано общими, беззвучными криками радости.

Такое было положеніе дѣлъ, когда Люси, въ концѣ марта, прибыла въ Неаполь.

Сильное движеніе, ужасная суматоха въ столицѣ, извѣщенія общаго восторга, и въ особенности низшихъ классовъ народа, — даже лаццарони въ это время были приверженцами свободы. — все это могло бы представить обширное поле для наблюдательности нашей героини, еслибъ другія мысли и другія заботы не поглощали ее всецѣло. Послуга въ гостиницѣ на Толлской улицѣ, гдѣ остановилась леди Клевертонъ вытаращила глаза и улыбалась отъ удивленія, получивъ приказаніе сей часъ же засвидѣтельствовать паспортъ *миледи* и ее сниту для отбытія въ Палермо. Можетъ быть *миледи* неизвѣстно, что Палермо въ полнѣмъ возстаніи и что во всей Сициліи царствуетъ совершенный беспорядокъ?

Миледи это очень хорошо извѣстно; но *миледи* рѣшилась быть и потому надо исполнить то, что она показываетъ. Между тѣмъ явился мистеръ Х., чиновникъ, служившій при англійскомъ посольствѣ, по тому отдѣленію, гдѣ прописываются паспорта. Онъ притѣдился двоюроднымъ братомъ покойнаго лорда Клевертона, которому обязанъ былъ своимъ мѣстомъ въ дипломатическомъ мірѣ. Онъ попытаться отговорить виконтессу отъ такого, по его сужденію, безразсуднаго намѣренія. Обѣ страны находятся положительно въ открытой войнѣ, — говорилъ онъ, — море не безопасно, неанглійскія суда крадутъ нарочно съ цѣлью посягнуть на иностранцамъ высадиться на острова; даже не подвергаясь дѣйствительной опасности, леди Клевертонъ можетъ попасть въ неопытный положеіе. — Но несмотря на такіе убѣжденія, Люси оставалась непоколебима въ своемъ намереніи.

— Посланникъ отъ британскаго величества, — продолжалъ молодой дипломатъ, — никогда не допуститъ, чтобы виконтесса подвергалась такимъ опасностямъ. Говорятъ, что лордъ Мянто скоро отправится въ Сицилію, съ привилегіальными условіями. Если леди Клевертонъ настаиваетъ на своемъ настоящемъ намѣреніи, въ такомъ случаѣ можно будетъ найти для нея мѣсто на королевскомъ пароходѣ. — Люси и слушать не хотѣла, чтобы надо было прибѣгать къ такимъ предосторожностямъ англичанкѣ, путешествующей для здоровья. Самъ посланникъ пріѣхалъ къ ней вечеромъ, чтобы урезонить свою покорную соотечественницу, и такъ продолжительно, убѣждалъ ее согласиться на предлагаемый имъ планъ, что она принуждена была согласиться, впрочемъ, болѣе всего оттого, что не рѣшалась объяснить цѣль, почему она предпочитаетъ палермскій климатъ италяцкому; — не рѣшалась сказать, не потому, чтобы она сты-

дшлась своихъ ностушковъ, — ни одна сестра милосердія не руководилась болѣе чистыми намѣреніями; — но Люси довольно имѣла житейской опытности, чтобы понять, что свѣтъ объясняется въ болѣе благоприятномъ смыслѣ такіа дѣйствія, которыя представляютъ двѣ стороны. И она сохранила свою тайну.

Мелленно тянулись для виконтессы послѣдующіе дни. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ ждать. М-ръ Х., дипломатъ, выпросилъ у нея, по праву родственника, позволеніе—развлекать ее, и былъ чрезвычайно внимателенъ къ ней, предлагая ей поѣздки въ лучшія окрестности. Но Люси не желала никакихъ развлеченій; ей было тяжело, что отвлекаютъ ее отъ ея мыслей, хотя, по своему кроткому и признательному характеру, она не рѣшалась сказать своему гостю, что его старанія не уменьшаютъ, а только увеличиваютъ лихорадочное ея нетерпѣніе.

Въ одно утро молодой дипломатъ явился къ кузинѣ еще озабоченнѣе чѣмъ обыкновенно. Даже въ самыя спокойныя его минуты всегда казалось, что онъ носитъ цѣлый міръ на своихъ плечахъ. Но въ этотъ день вся дѣятельность его мозга вращалась около великой новости, что завтра вечеромъ при дворѣ будетъ парадный выходъ, въ первый разъ послѣ провозглашенія конституціи. Ужь это, конечно, стоитъ труда ѣхать, хоть бы для того, чтобы полюбоваться на курьёзныя вещи.

— Что это значить? — спросила леди Клевертонъ.

— *Per van Bennago*, какъ говорятъ здѣсь, — отвѣтилъ дипломатъ смѣясь, — мы увидимъ всѣ знаменитости партія прогрессистовъ, всѣхъ ветерановъ карбонаризма. Теперь при дворѣ въ первыхъ рядахъ будутъ гордо выступать множество устарѣлыхъ адвокатовъ и докторовъ.

— Я не понимаю только того — замѣтила леди Клевертонъ сухо — какимъ образомъ вы, будучи англичаниномъ, подымаете на смѣхъ ученые сословія.

— Но кому же въ голову когда нибудь приходила мысль, что неаполитанскіе доктора и законники будутъ поставлены на одну степень съ англійскими докторами и законовѣдами?

— Отчего же нѣтъ? — спросила Люси также сухо.

— Не осуждайте меня такъ строго;— отвѣчалъ молодой человѣкъ, смѣясь, но въ душѣ очень сконфуженный, — по правдѣ сказать, вѣдь я только служу отголоскомъ общественнаго мнѣнія. Изъ всѣхъ этихъ классовъ, въ которыхъ вы принимаете, кажется, такое участіе, я не знакомъ лично ни съ однимъ человѣкомъ. Къ счастью, его превосходительство поставилъ ваше имя въ спискѣ иностранцевъ, которые должны быть завтра представлены. Совѣтую вамъ ѣхать, чтобы имѣть возможность самой судить о томъ.

— Хорошо, я поѣду, — сказала леди Клевертонъ, — вѣдѣть людей, которые займутъ страницу въ исторіи—для этого стоитъ труда ѣхать. Дипломатъ былъ ошеломленъ, ничего не понимая въ мысляхъ вдовы своего знатнаго родственника.

— Впрочемъ, — подумалъ онъ, — самыя разсудительныя изъ ея пола

откажутся отъ поѣздки въ Помпею, на Везувій, въ Сан-Карло, подъ предлогомъ нездоровья или слабости; но чуть дѣло идетъ о балъ при дворѣ, такъ и умиротворенія побѣдуть.

Предсказаніямъ дипломата не суждено было сбыться. Когда леди Клевертонъ явилась ко двору, то она нашла, что каждое лицо и каждая вещь имѣли совершенно тотъ же видъ, какой и всегда имѣли. Нельзя даже сказать, чтобы чувствовался недостатокъ въ гербахъ. Можетъ быть, вслѣдствіе введенія новыхъ элементовъ, замѣтно было больше жизни, чѣмъ обыкновенно. Во всякомъ случаѣ, скуки было гораздо меньше. Если была какая нибудь перемена въ придворномъ этикетѣ, такъ это самъ король подавалъ тому примѣръ; онъ переходилъ отъ одного кружка къ другому, пожималъ руки направо и налѣво, со всѣми разговаривалъ очень иривѣтливо, — словомъ, онъ отлично выполнялъ свою роль короля-гражданина.

На немъ былъ простой черный фракъ; и еслибъ не большой орденъ Санъ-Джениаро, съ лентою черезъ плечо, и общая оказываемая ему почтительность, то его можно было бы принять за одного изъ гостей. Высокій, длинноногій, близорукій, съ маленькою головою и съдыми волосами, безъ всякой привлекательности и величія въ своей личности, кромѣ отъ природы натянутой осанки и развязной походки, Фердинандъ Второй походилъ скорѣе на стараго отставнаго кавалерійскаго генерала, чѣмъ на тридцативосьмилѣтняго короля.

Леди Клевертонъ смотрѣла на него съ искреннимъ удивленіемъ. Въ эту минуту она забыла все, что прежде слышала отъ доктора Антоніо о Фердинандѣ и о всей его династіи; и тѣмъ, наброшеннымъ на его характеръ предшествовавшими неблагоприятными его поступками, исчезали въ сіяніи народности, окучавшемъ государя, совершеннаго реформу; государя-философа, уступившаго голосу общенароднаго мнѣнія; государя-отца, внявшаго просьбамъ своего народа. Не заслуживалъ ли благословенія и любви человѣкъ, давшій счастье цѣлому государству?

Но молодой дипломатъ, взявшій на себя обязанность ея чичероне, не могъ предоставить ее своимъ размышленіямъ.

— Видите ли вы, — сказалъ онъ, — этихъ двухъ господъ, съ которыми прохаживается его величество; вотъ тотъ, что идетъ по лѣвую руку короля, — это Боцелли, вчера изгнанникъ, нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ; другой же, по лѣвую руку, средняго роста, съ большою головою, на которой мало волосъ, это Карло Поэріо, министръ народнаго просвѣщенія. Они извѣстны только тѣмъ, что оба адвокаты, которымъ приходилось часто защищать свои собственныя права и часто сидѣть въ тюрьмѣ за политическія преступленія, хотя никогда не было недостаточныхъ уликъ для осужденія ихъ. А впрочемъ, какъ вы видите, несмотря на свое прошлое, они составляютъ предметы восторговъ Неаполя и считаются столбами нынѣшняго министерства.

Человѣкъ, котораго дипломатъ называлъ именемъ Поэріо, привлекалъ на себя сильное вниманіе Люси. У него былъ такой же высокій и

благородный лобъ, какъ и у доктора Антонио, лобъ, которымъ нѣкогда она такъ восхищалась; ясные и кроткіе глаза, какъ у газели, тонкія и сжатые губы — признакъ неукротимой воли.

— Этотъ худоцавый молодой человекъ, съ чудными волосами, задумчиваго вида, продолжалъ дипломатъ, — которому лишь бы только говорить, слушаютъ же его иди нѣтъ, онъ объ этомъ мало заботится, — этотъ молодой человекъ — профессоръ Сеттембрини, издатель одной изъ важнѣйшихъ газетъ и отъявленный утопистъ. Ему слѣдовало быть министромъ, но, кажется, кто-то изъ оппозиціи замѣтилъ, что онъ слишкомъ молодъ на видъ. Во всякомъ случаѣ, можете быть увѣрены, что на него смотрятъ какъ на будущаго законодателя этой страны, точно такъ же какъ и на этого старика, въ золотыхъ очкахъ, который такъ близко идетъ мимо насъ, — тоже какой нибудь образчикъ изъ судебного сословія. Я забылъ его имя: Паронъ — или что-то въ этомъ родѣ. Ахъ, да! Пиронти, именно Пиронти, интригантъ пернаго сорта. Весь этотъ родъ вышелъ изъ ничтожества, одинъ Богъ знаетъ, откуда они всѣ повыскочили. ... А вотъ тотъ высокій и сановитый господинъ, который стоитъ напротивъ насъ, въ амбразурѣ окна, — продолжалъ англичанинъ, почтительно понижая голосъ, — это братъ короля, его высочество графъ Сиракузскій, бывший видеокороль Сициліи. Я не знаю съ кѣмъ это онъ разговариваетъ. Этого человека, я никогда прежде не видалъ, — навѣрное опять какой нибудь выскочка.

Люси не могла удержать своего восклицанія; вся кровь бросилась ей въ голову, холодный потъ выступилъ у нея на лбу.

— Что съ вами? — воскликнулъ неопытный дипломатъ. — Не дурно ли вамъ?

— Нѣтъ, ничего — небольшое головокруженіе.

— Не хотите ли выйти? — Можетъ быть, вамъ слишкомъ жарко въ залѣ:

— Вѣроятно, — отвѣчала Люси, дрожащимъ голосомъ.

Къ счастью, въ эту минуту къ ней подошелъ англійскій посланникъ, и молодой дипломатъ, откланявшись, отошелъ, безъ всякихъ другихъ объясненій. Посланникъ передалъ ей съ большимъ огорченіемъ, что онъ имѣетъ всѣ причины думать, что миссія лорда Минто въ Сицилію будетъ отложена, по крайней мѣрѣ, на пятнадцать дней, въ слѣдствіе новыхъ затрудненій. Леди Клевертонъ приняла это извѣстіе довольно холодно. Она можетъ еще немного подождать: очень можетъ быть, что она даже и совсѣмъ откажется отъ своей поѣздки. Посланникъ имѣлъ слишкомъ хорошее понятіе о приличіяхъ, и потому, при такомъ неожиданномъ объявленіи, не сдѣлалъ никакого замѣчанія, а только взглянулъ на нее. Вдо даже не поблагодарили за всѣ труды и безпокойства, которыхъ дѣйствительно, ему стоило это дѣло. Сказавъ еще нѣсколько утѣвительныхъ фразъ, лордъ сдѣлалъ нѣсколько обычныхъ поклоновъ, и Люси, наконецъ, осталась одна.

Человекъ, разговаривавшій съ графомъ Сиракузскимъ, былъ высокаго роста, съ черными волосами и черными глазами; съ перваго

взгляда казалось, что онъ едва перешолъ за тридцатилѣтній возрастъ. Лицо его было задумчиво, но спокойно, улыбка необыкновенно пріятна, наружность самая открытая и благородная, однимъ словомъ, онъ имѣлъ видъ, улыбку и черты лица доктора Антоніо. Въмѣсто длинной бороды, онъ носилъ, въ настоящее время, густые усы. Кроме этого различія, и блѣдности, болѣе сильной чѣмъ прежде, въ немъ не было никакой перемѣны. Онъ казался молодъ и прекрасенъ, какъ восемь лѣтъ назадъ.

Король проходилъ мимо нихъ, графъ Сиракузскій и Антоніо вышли изъ амбразуры окна и подошли къ его величеству. Фердинандъ тотчасъ остановился, чтобы обмѣниться нѣсколькими словами съ братомъ, потомъ вдругъ взялъ Антоніо подъ руку и пошелъ съ нимъ дальше. Отъ Люси не ускользнула ни малѣйшая подробность этой маленькой сцены, а еще менѣе блоккъ, внезапно заблеставшій въ его черныхъ, такъ давно ей знакомыхъ глазахъ, когда они встрѣтились съ ея глазами и румянецъ, вспыхнувшій на блѣдномъ лицѣ доктора. Какое чувство заставило виконтессу отвернуться и спрятаться за другихъ дамъ? Робость ли отъ августѣйшаго присутствія или боязнь, что она уже не та, что была прежде? Едва ли сама Люси сознавала это; ея движеніе было внезапно, безсознательно, непреодолимо, да и биеіе ея сердца было такъ сильно, что она не могла ни разбираться, ни анализировать тайныхъ причинъ своего дѣйствія.

Такъ прошло полчаса; Люси не разъ смотрѣла на дверь, чрезъ которую король ушелъ съ докторомъ Антоніо. Не разъ, завидѣвъ у увреіей высокаго мужчину съ черными волосами и усами, она чувствовала, какъ сильно и скоро билось ея сердце... Наконецъ вотъ онъ идетъ: онъ идетъ не торопясь, но все тою же спокойною и мѣрною походкою, которая намъ такъ хорошо извѣстна; казалось, перемѣна фортуны не придавала ему высокомерія, онъ идетъ такъ же просто, какъ бывало въ Бордигерѣ ходилъ къ своимъ бѣднымъ больнымъ. Онъ идетъ прямо къ ней и глаза его блестятъ радостью.

— Вы здѣсь! — воскликнулъ онъ, взявъ Люси за руку, какое неожиданное счастье! Кому бы могло прийтись въ голову восемь лѣтъ тому назадъ, что мы опять встрѣтимся въ Неаполѣ, да и еще при дворѣ!

— Да, кому бы пришло это въ голову!

Люси ничего не могла болѣе сказать. Вся ея душа была подъ волшебнымъ очарованіемъ этого сладостнаго голоса, который опять раздавался въ ея ухахъ.

— Какъ ваше здоровье? какъ поживаетъ мой превосходный другъ, сэръ Джонъ? спросилъ докторъ Антоніо, послѣ краткаго молчанія.

— Предъ моимъ отъѣздомъ, подагра задержала моего отца. Онъ долженъ скоро сюда пріѣхать ко мнѣ. Кстати, онъ далъ мнѣ письмо къ вамъ, думая, что я найду васъ въ Бордигерѣ. Завтра утромъ я пришлю его вамъ.

— Благодарю, — сказалъ докторъ. Какъ мнѣ пріятно будетъ еще разъ пожать руку добрѣйшему сэру Джону!

— Но какимъ образомъ вы очутились здѣсь, въ Неаполѣ? — спросила Люси, — я думала, что вы въ Палермо и даже опасно ранены.

— Почему же вы знаете, что я былъ раненъ? — спросилъ Антоніо съ живостью.

— Я видѣлась съ синьорой Элеонорой въ Генуѣ: она-то мнѣ и сказала, что вы были ранены. Какъ она теперь счастлива! ея сыновья теперь съ нею. Она дала мнѣ прочесть письмо, которое вы къ ней написали изъ Сициліи. Она очень безпокоилась о васъ, и я также.

— И вы также? Какое у васъ доброе сердце! — сказалъ Антоніо, — чѣмъ я могъ заслужить дружбу такихъ людей?.. Два подобныхъ друга — да вѣдь это оазисъ въ печальной пустынѣ этого міра.

— Я не хочу, чтобы вы говорили дурно объ этомъ мірѣ, — сказала Люси, съ прежнимъ видомъ избалованнаго ребенка.

— Хорошо, никогда больше не буду дурно говорить о немъ.

— Поговоримте лучше о ватей ранѣ; она совсѣмъ зажила?

— Совершенно. Да вѣдь это была только царапина.

— А за чѣмъ же вы такъ давно не писали къ синьорѣ Элеонорѣ? Чѣмъ вы можете оправдать свое молчаніе, такъ жестоко тревожившее вашихъ друзей?

— Постоянными хлопотами и всевозможными тревогами. Но все это не оправдываетъ меня. Даю вамъ слово, что завтра же напишу въ Геную.

— Смотрите же, не забудьте; да передайте ей отъ меня самые сердечные привѣты. Теперь же расскажите всю вашу исторію со времени нашей разлуки, расскажите мнѣ о революціи, о Сициліи, обо всемъ, обо всемъ. Вы не забыли, надѣюсь, моей прежней страсти къ разсиросамъ, — прибавила она, улыбаясь:

— И по прежнему она радушно будетъ принята, — отвѣчалъ онъ. Вы непремѣнно узнаете все, что касается, до насъ то есть до Сициліи и до меня; но прежде всего мнѣ надо знать все, что до васъ касается; — до васъ и до вашего здоровья, продолжалъ онъ, съ нѣкоторою тревогою разсматривая лицо своего найденнаго друга.

Люси тотчасъ же рассказала ему всю истину о своемъ здоровьѣ, какъ и всегда бывало прежде; онъ слушалъ ее съ тѣмъ же вниманіемъ, съ какимъ, бывало, выслушивалъ ее въ бѣдной гостинницѣ del Mattone.

— Съ помощью Вожьёу мы все уладимъ, — сказалъ Антоніо весело, когда она окончила. Хорошій воздухъ, спокойная жизнь, хорошая діета, — вамъ давно извѣстно мое пристрастіе къ діетѣ и приличное повиновеніе докторскимъ предписаніямъ, прибавилъ онъ, улыбаясь, — все это сдѣлаетъ чудеса для вашего здоровья, какъ это было и въ Вордгерѣ.

Теперь настала очередь Антоніо рассказывать о себѣ, что онъ и сдѣлалъ, только онъ говорилъ очень кратко. Мы послѣдуемъ его хорошему примѣру, только начнемъ нашъ рассказъ немного выше и коснемся двухъ-трехъ предметовъ, о которыхъ докторъ считалъ за нужное

умолчать, ограничиваясь тѣмъ, что собственно необходимо для нашей исторіи.

Очнувшись отъ своего непродолжительнаго упоенія любви въ Борлигерѣ, Антонио, какъ мы уже сказали, поклялся въ своемъ сердцѣ — не имѣть другой любви. кромѣ любви къ своей родицѣ, и ей, одной только ей, посвятить всю энергію своей души, всѣ способности своего ума. Говоря о родицѣ, мы подразумеваемъ, конечно, всю Италію, потому что патриотизмъ Антонио не ограничивался однимъ только островомъ, гдѣ онъ родился, но распространялся и на всю прекрасную итальянскую родину. Для приведенія своего намѣренія въ исполненіе, онъ не терпѣлъ времени и тотчасъ же вошелъ въ сношенія съ главными предводителями итальянской эмиграціи; не столько для того чтобы сдѣлаться агентомъ пропаганды и доставить новые элементы для либеральной партіи, сколько для того, чтобы согласить уже существующіе и дать имъ окончательное направленіе. — единственное средство обезпечить успѣхъ въ день испытанія. Состояніе, дѣлавшееся ему отъ матери, давало ему скромную независимость и слѣдовательно, средства еще дѣятельнѣе и постояннѣе преслѣдовать свою цѣль.

Путешествіе въ Швейцарію, предпринятое имъ для здоровья, въ 1843 году, дало ему возможность познакомиться со многими итальянскими изгнанниками и такъ какъ ихъ мысли и надежды были одинаковы, то имъ легко было сойтись.

Съ 1843 до 1847 года Антонио прожилъ болышею частью въ Туринѣ. Онъ лечилъ бѣдныхъ не принимая отъ нихъ платы, за что пользовался заслуженною репутаціею искуснаго и челоуколюбиваго доктора; а нѣсколько брошюръ его о медицинскихъ вопросахъ, ныхъ имъ, обнаружали въ немъ глубокаго и званиаго мыслителя. Около этого времени, то есть весной 1847 года, извѣстія изъ Сициліи стали принимать серьезный оборотъ. Неаполитанское правительство, какъ мы уже выше замѣтили, вмѣсто того чтобы оказать удовлетвореніе народнымъ требованіямъ, сильно возбужденнымъ реформами, дарованными въ Туринѣ, во Флоренціи, въ Римѣ, безразсудно вступило въ открытую борьбу съ ними. По частнымъ письмамъ видно было, что возмущеніе въ Палермо неизбежно. Антонио съ нѣкоторыми друзьями отправился въ Мальту, а оттуда, вначалѣ января 1848 года, переплыли въ Палермо, гдѣ и скрывались до 12 января, т. е. до того дня, когда, съ трехцѣтвымъ знаменомъ въ рукахъ, они появились на площади Фіера-Веккіа. Тогда раздались со всѣхъ сторонъ призывы — къ оружію! и началось энергическое возстаніе. Борьба была продолжительна и упорна, начиная отъ 12 до 29 января. Не смотря на свѣжія войска, прибывшія на судахъ 15 числа, несмотря на жестокое бомбардированіе города изъ крѣпости Кастеллараре, народный натискъ былъ неудержимъ. Какъ будто во какому волшебному мановенію, всѣ укрѣпленія, одни за другими, были взяты; королевскій укрѣпленный дворецъ протерпѣлъ такое сильное нападеніе (тутъ Антонио и былъ раненъ), что 25 января былъ покинутъ гарнизономъ. Войска, тѣснимыя со всѣхъ сторонъ, бѣжали изъ города, горячо преслѣдуемыя.

Вскорѣ волненіе всыхнуло на всемъ островѣ. Джирдженти, Катанія, Мессина, Калтанисетта, Трапани, Сиракуза, быстро послѣдовали примѣру Палермо. Нѣкоторые гарнизоны сдались, другіе потерпѣли рѣшительное пораженіе, нѣкоторые же удалились въ крѣпости, что сдѣлалъ и Мессинскій гарнизонъ: онъ заперся въ цитадель и оттуда продолжалъ громить городъ. Послѣдній значительный городъ, присоединившійся къ общему возстанію, былъ Ното. Его присоединеніе совершилось 4 февраля и въ тотъ же день трехцвѣтное знамя уже развѣвалось на стѣнахъ Кастелламарской крѣпости.

Тогда только главный палермскій комитетъ принялъ въ руки бразды правленія, подъ именемъ временнаго сицилійскаго правительства; президентомъ его былъ избранъ достойный Руджеро Сеттимо.

Около этого времени, какъ уже выше сказано, въ Неаполѣ введена была новая политическая система, и это обстоятельство подавало надежду на скорое примиреніе между обѣими странами. Вскорѣ начались переговоры между сицилійскимъ и неаполитанскимъ правительствами, посредникомъ которыхъ былъ лордъ Минто. Надо замѣтить, что неаполитанское правительство вело эти переговоры не въ духѣ примиренія и прямоты, что одно только могло бы, если не совершенно разсѣять, то по крайней мѣрѣ уменьшить недовѣріе, вкоренившееся въ душѣ сицилійцевъ отъ несчастныхъ предыдущихъ фактовъ. Истина этого замѣчанія будетъ ясна для всякаго, кто захочетъ взять на себя трудъ — пробѣжать оффиціальную переписку, которую въ то время лордъ Минто имѣлъ съ виконтомъ Пальмерстономъ. «Я начинаю думать, — пишетъ лордъ Минто къ лорду Моунту Эджкэмбу въ Палермо, — я начинаю думать очень серьезно, что здѣсь (въ Неаполѣ) нисколько не имѣютъ намѣренія придти къ полюбовному соглашенію, и все, что сдѣлано и дѣлается, клонится только къ тому, чтобы приготовиться къ непріязненнымъ дѣйствіямъ и обезпечить для себя помощь иностранныхъ державъ.» Въ этомъ состоитъ смыслъ письма лорда Минто, написаннаго въ 1848 году.

Утомясь такимъ долгимъ и безцѣльнымъ перемиріемъ, и понимая необходимость извлечь свою страну и себя отъ опасностей временнаго положенія, главный комитетъ въ Палермо издалъ, наконецъ, прокламацію, въ которой объявлялось, что комитетъ рѣшительно прекратитъ всякіе переговоры о мирѣ, если прежде всего не будетъ принято непрѣмнымъ условіемъ, что на всемъ островѣ не будетъ другихъ войскъ, кромѣ сицилійскихъ. Въ то же время, избирательныя чины созывались къ 15 марта и открытіе парламента назначалось 25 того же мѣсяца.

Тогда неаполитанское министерство, потерявъ надежду преодолѣть трудности этого положенія, подало въ отставку и было замѣнено министерствомъ 6 марта. Появленіе во главѣ правительства такихъ людей какъ Карло Поэріо, Саличетти и Саварезе возбуждало надежды на успѣшное разрѣшеніе затруднительнаго сицилійскаго вопроса. 7 марта собрался совѣтъ министровъ, въ присутствіи короля; лордъ Минто тоже находился здѣсь, по приглашенію. Тутъ были приняты, по

срѣломъ обсужденіи, нѣкоторыя мѣры и составлены многіе декреты, которые, по мнѣнію совѣта, должны были дать удовлетвореніе сицилійцамъ. Созваніе парламента, назначенное уже временнымъ комитетомъ въ Палермо, было въ тотъ же день признано законнымъ, по указу самаго короля. Неаполитанское правительство давало Сициліи особенный парламентъ, особенныхъ министровъ, за исключеніемъ министра иностранныхъ дѣлъ; и Руджеро Сеттимо, человекъ пользовавшійся въ то время наибольшою народною любовью, былъ сдѣланъ сицилійскимъ намѣстникомъ его величества короля Фердинанда II. Была учреждена новая должность министра для сицилійскихъ дѣлъ; онъ долженъ былъ жить въ Неаполѣ и служить посредникомъ въ сношеніяхъ между королемъ и сицилійскимъ правительствомъ. На это мѣсто назначенъ былъ командоръ Сковаццо, сициліецъ. Но самый щекотливый и важный пунктъ, относительно того, что гарнизоны на островѣ должны состоять исключительно только изъ сицилійскихъ войскъ, — былъ рѣшительно отвергнутъ даже безъ предварительныхъ переговоровъ о томъ съ сицилійскимъ парламентомъ.

Это было принято большинствомъ сицилійцевъ за неблагопріятный признакъ и разрушило благотѣльное вліяніе, которое могло бы произвести вышеупомянутыя уступки. Таково было общее недовѣріе къ неаполитанскому правительству, и опасеніе его вѣроломства, что оставалось одно только средство успокоить взволнованные умы: это — удалить изъ Сициліи неаполитанскій гарнизонъ, который, впродолженіе тридцати трехъ лѣтъ, держалъ Сицилію подъ игомъ и противъ котораго еще боролась Мессина. Народное чувство съ такою энергіею возстало противъ условій 7 марта, что главный комитетъ принужденъ былъ объявить эти условія «неудобопріемлемыми, такъ какъ они противны конституціи 1812 года.» Тогда лордъ Минто настоятельно потребовалъ, чтобы комитетъ изложилъ свои собственные условія. Это и было сдѣлано; но неаполитанское правительство отказалось разсуждать о предложенныхъ условіяхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что неаполитанскій парламентъ еще не собрался, а безъ его содѣйствія ни на что нельзя рѣшиться. Наканунѣ открытія законодательнаго собранія въ Сициліи, полученъ протестъ короля, обвиняющій сицилійцевъ въ томъ, что они «подвергаютъ опасности возрожденіе Италіи, независимость и славную судьбу общаго отечества.» Кромѣ того въ этомъ протестѣ заранѣе объявлялись недѣйствительными и ничтожными всѣ дѣйствія, отнынѣ имѣющія происходить въ Сициліи. Послѣ этого обѣимъ странамъ оставалось одно только средство: прибѣгнуть къ случайностямъ оружія.

Страшная перспектива братоубійственной войны наполнила ужасомъ и отчаяніемъ благородныя сердца по обѣимъ сторонамъ пролива.

— Какъ, — восклицалъ нашъ другъ, докторъ Антоніо, — возможно ли чтобы въ то время какъ на всемъ итальянскомъ полуостровѣ раздается древній воинственный крикъ *Fuori il barbaго* (прочъ варваровъ!);

въ то время, какъ война противъ Австріи сдѣлалась неизбежною, вслѣдствіе геройскаго возстанія въ Миланѣ, — возможно ли, чтобы въ самое это время двѣ благоудѣйшія страны Италіи употребляли всѣ свои усилія не противъ общаго врага, а одна противъ другой?

И произнося эти слова, докторъ Антоніо, въ отчаяніи, хватался обѣими руками за голову. Ужели не найдется средства отыскать это бѣдствіе, самое ужасное и безчеловѣчное? А можетъ быть еще можно найти. Бездѣйствіе и отчаяніе ни къ чему хорошему не поведутъ. Еслибъ только удалось убѣдить неаполитанское правительство сдѣлать одну уступку, чтобы въ Сициліи не было другого войска кромѣ сицилійскаго, то нѣтъ сомнѣнія, что всѣ остальные условія 7 марта будутъ приняты, и миръ возобновится въ обѣихъ странахъ. Таково было по крайней мѣрѣ мнѣніе доктора Антоніо и многихъ его друзей изъ партіи умѣренныхъ, съ которыми онъ обсуждалъ этотъ вопросъ. Вслѣдствіе того, они рѣшились испытать послѣднее усиліе, для достиженія желаннаго результата. Антоніо составилъ записку, въ которой, съ большою силою логики выставилъ всѣ причины, долженствовавшія убѣдить неаполитанское правительство въ необходимости сдѣлать уступку, относительно вопроса объ арміи, пространно исчисляя всѣ счастливые результаты, которые необходимо произойдутъ отъ добраго согласія между Неаполемъ и Сициліею для общаго дѣла, о которомъ самъ король упоминаетъ въ своемъ протестѣ.

Прочитавъ эту записку своимъ друзьямъ и получивъ ихъ полное одобреніе, онъ отослалъ ее въ Неаполь. Этотъ документъ былъ переданъ въ руки одного изъ министровъ, который былъ связанъ съ Антоніо взаимнымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ, вслѣдствіе старинной и очень важной переписки. Нѣсколько дней спустя, изъ Неаполя получено было коротенькое письмо, сущность котораго была слѣдующая:

«Если бы авторъ записки самъ могъ пріѣхать въ Неаполь и лично доказать и объяснить причины, которыя онъ такъ превосходно изложилъ на бумагѣ, то можно держать пари десять противъ одного, что его представленіе увѣнчалось бы успѣхомъ. Его величество никогда еще не былъ такъ расположенъ на уступки, какъ въ настоящее время. Нельзя терять ни одного дня.»

Антоніо, дѣйствительно, не теряя ни одного дня, отправился въ Неаполь. Онъ очень хорошо зналъ — какой опасности подвергалъ себя такую рѣшимостью. Зналъ онъ, что его намѣренія будутъ перетолкованы въ дурную сторону; что доброе имя его пострадаетъ; что его будутъ называть бѣглецомъ, ренегатомъ, измѣнникомъ; но онъ не обращалъ на то вниманія. Не такой былъ онъ человѣкъ, чтобы личные интересы могли останавливать его, когда онъ видѣлъ, что можетъ принести пользу своему отечеству. И такъ онъ отправился въ Неаполь, видѣлся съ министрами, говорилъ съ королемъ и съ горячностью защищалъ дѣло, за которое взялся ходатайствовать. Имѣлъ ли онъ успѣхъ или нѣтъ — это мы увидимъ послѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

15 мая 1848 года.

На другой день, именно въ тотъ часъ утра, когда, бывало, докторъ Антонио приходилъ въ гостиницу del Mattone, онъ и теперь явился въ гостиню Люси. Не забудемъ сказать, что онъ тогда все уже зналъ о бракѣ и вдовствѣ леди Клевертонъ; онъ зналъ это изъ письма сэра Джона, которое Люси, исполняя свое обѣщаніе, отослала ему рано утромъ. Онъ привѣтствовалъ своего прекраснаго друга съ вѣжкою искренностью, и съ прежнею откровенностью тотчасъ же сдѣлалъ замѣчаніе, что она неудачно выбрала свою квартиру.

— Конечно, это великолѣпныя, роскошныя комнаты, но для васъ совершенно негодныя. Вамъ надо дышать чистымъ воздухомъ и любоваться совѣмъ не этими прекрасными экипажами и лошадыми которыя непрерывно проѣзжаютъ мимо васъ. Неподалеку отсюда есть отель въ Санта-Лучія: вотъ тамъ жить вамъ будетъ очень хорошо. Конечно, то мѣсто не въ такой модѣ, какъ Толедо или Кіаіа,—прибыль онъ шутя.—за то совѣмъ не такъ шумно, а это для васъ не малая выгода. Я знаю содержателя гостиницы, которую рекомендую вамъ. Это чрезвычайно обходительный и вѣжливый челоѣкъ.

Люси безъ труда согласилась перемѣнить квартиру.

— Поидемте и судите собственными глазами,—сказалъ онъ.

Они вышли вмѣстѣ. Виконтесса была въ восторгѣ отъ мѣстопо-
ложения: изъ гостиницы видъ открывался на заливъ и на Везувій;
она также восхищалась огромнымъ мраморнымъ балкономъ, на который вы-
ходили комнаты.

— Мы будемъ воображать себѣ, что все еще находимся въ Бор-
досюрѣ,—сказала Люси, смотря на Антонио и краснѣя отъ удоволь-
ствія.

— Да, конечно.—отвѣчалъ докторъ.—а пока наши люди займутся
переноскою на другую квартиру, не поѣхать ли намъ за растеніями
и цвѣтами, чтобы устроить вамъ садикъ?

И когда карета ихъ наполнилась розами, магноліями, миниатюрны-
ми поморандовыми деревьями, такъ что они оба не знали уже куда
идти дѣлать ноги, Люси стала смѣяться, какъ давно уже не смѣялась.

Антонио, всегда оказывая Люси прежнюю заботливость, предложилъ
ей купить бумаги, карандашей и красокъ. Ей, хотѣлось какъ можно
скорѣе приступить за рисованіе ландшафтовъ, которые она видѣла изъ
окна.

— А фортепіано-то? —спросилъ онъ, когда они проѣзжали мимо ин-
струментальнаго магазина.

— Ахъ! да, конечно, тотчасъ же.—отвѣчала Люси, — вы должны
сдѣлать меня учить сицилійскимъ пѣснямъ.

Выбравъ инструментъ и запасшись всѣми принадлежностями для
рисованья, они возвратились въ новую квартиру.

Теперь-то настало много хлопотъ для дѣлательнаго доктора: рас-
положить растенія и цвѣты на балконъ, какъ было бы это пріят-
нѣе; ащкъ съ красками и карандашами поставить такъ, чтобы Лю-

ей имѣла подъ рукою все, что нужно; выбрать самое удобное мѣсто и лучший свѣтъ для ея мольберта; найти лучшее мѣсто для фортепьяно, которое только что было принесено и пр. Все это онъ исполнялъ съ тѣмъ же спокойствіемъ, порядкомъ и вкусомъ, которые напомнили Люси первое прибытіе въ бѣдную гостиницу del Mattone. Она слѣла ее фортепьяно и бѣгая пальцами по клавишамъ и въ то же время слѣдя за всѣми движеніями Антоніо, какъ она уносилась мыслями къ давно минувшимъ днямъ! какъ ея память вѣрно предоставляла ей всѣ подробности перваго вечера, когда, къ великому ужасу сэра Джона, Антоніо навѣшивалъ самъ занавѣси и бумагою заклеивалъ щели у ея двери! О, какъ сильно билось ея сердце, преисполненное благодарности!

Не по внушенію ли таинственной силы воспоминаній ея пальцы наигрывали сицилійскую пѣсню, которую онъ въ первый разъ ей пѣлъ и которую, по выходѣ изъ замужство, она никогда болѣе не играла?

Вернулись бардигерскіе дни. Тѣ же цвѣты, то же небо, та же дивная природа, даже тотъ же ароматическій воздухъ,—все чѣмъ она такъ восхищалась, все чѣмъ она наслаждалась тогда, еще разъ вернулось къ ней. Но что еще лучше, что еще дороже было ея сердцу, это—возвращеніе къ благодѣтельному переходу отъ занятій къ отдыху, это возвращеніе тѣхъ же сладостныхъ вечеровъ, тѣхъ же задушевныхъ мирныхъ разговоровъ на балконѣ; но самое лучшее, самое драгоценное для нея состояло въ прежней неусыпной и непрерывной попечительности, которой она была предметомъ теперь какъ и тогда, вѣрное доказательство,—если она только имѣла нужду въ доказательствахъ,—что прошедшее для Антоніо было также мило какъ и для нея! Казалось, что блескъ и милая веселость ея молодости снова разцвѣтали въ ней. Счастье—лучшій докторъ, чѣмъ даже самъ докторъ Антоніо. Всѣ событія послѣднихъ восьми лѣтъ изгладились изъ ея души, какъ будто никогда не существовали. Она могла вообразить себѣ, что заснула въ тотъ ужасный день, когда ее увезли изъ Бардигеры, и проснулась въ Неаполѣ, послѣ продолжительнаго и тяжелаго сна, такъ ничто не измѣнилось вокругъ нея!

Антоніо не предписывалъ никакихъ лекарствъ своей больной, но располагалъ въ порядкѣ каждый часъ ея жизни—то для прогулки въшскомъ, то для прогулки въ экипажѣ, то для чтенія, то для музыки; однако онъ вынудилъ ей, что она должна играть мало, потому что музыка утомляла и волновала ее; онъ предписывалъ ей чистый воздухъ, непродолжительныя прогулки, кромѣ ежедневной прогулки въ экипажѣ за городомъ; онъ запрещалъ ей театръ, толпу, жаркія комнаты, и частый пріѣздъ ко двору. Несмотря, однако, на эти запрещенія и ограниченія, Люси не скучала, никогда не жаловалась на однообразіе жизни; напротивъ, во всѣхъ письмахъ къ отцу писала, что она счастлива и очень комфортабельно устроилась; что докторъ Антоніо лучший человекъ и искуснѣйшій докторъ въ мірѣ и что сэръ Джонъ не долженъ беспокоиться, что не можетъ пріѣхать къ ней такъ скоро, какъ бы они оба того желали.

Антонио, по своей прежней неизмѣнной привычкѣ, приходилъ къ Люси два раза въ день: одинъ разъ утромъ — визитъ доктора, какъ онъ его называлъ, шута, и другой разъ вечеромъ — визитъ друга. Казалось, его мыслямъ была постоянно занята ею. Безпрерывною его заботою было — доставить ей какое-нибудь развлеченіе или новое удобство. Онъ приносилъ ей ландшафты, гравюры, свои собственные эскизы прекрасныхъ мѣстъ, которыя они со временемъ посѣтятъ вмѣстѣ; новыя книги, итальянскія и англійскія, самыя любимыя романы и брошюры о современныхъ интересахъ. Въ это время, конечно, не было недостатка въ интересныхъ предметахъ для любознательности и вниманія особы, такъ много любившей Италію, какъ любила ее Люси.

Последнее возстаніе въ Миланѣ и Венеціи, вступленіе пьемонтскихъ войскъ въ Ломбардію, случайности войны, внутреннее положеніе страны и различныхъ партій, Шій Девятый, Карлъ-Альбертъ и другія вліятельныя лица того времени, неаполитанскій дворъ, король и его министры, — всѣ эти предметы вмѣстѣ и каждый по очереди, доставляли довольно пищи для живой наблюдательности, остроумныхъ идей и повѣствовательнаго таланта доктора Антонио. Люси давно уже научилась цѣнить его всегда ровный характеръ, его благородныя чувствованія, это счастливое соединеніе разсудка чувствительности и веселости, которое придавало его разговору столько оригинальности и его обществу столько привлекательности; но теперь онъ обнаруживалъ предъ нею всѣ сокровища своего сердца, посвящая ее во всѣ тайны своей пламенной души, повѣрялъ ей всѣ свои надежды, опасенія, неудачи.

Однажды онъ пришелъ рассказать ей, что именно въ ту минуту, когда онъ надѣялся уже преодолѣть всѣ преграды для достиженія цѣли, которую онъ задалъ себѣ, въ кабинетѣ произошло разногласіе и человекъ, на котораго онъ болѣе всего рассчитывалъ, подалъ въ отставку, такъ что дѣло, которое, казалось, было выиграно, надо снова защищать. Опечаленный, но всегда непоколебимый, онъ удвоилъ свои усилія, когда пришло извѣстіе, что сицилійскій парламентъ объявлялъ короля и всю и его династію лишонными власти. Антонио тотчасъ же хотѣлъ вернуться на родину, чтобы раздѣлить съ нею грезившую ей участь, но самъ король просилъ его остаться, увѣряя, что, несмотря на все происшедшее, онъ имѣетъ въ отношеніи сицилійцевъ самыя либеральныя намѣренія и въ самомъ примирительномъ духѣ. Настанетъ день, когда, по словамъ его, онъ пошлетъ имъ предложенія, которыя удивятъ даже ихъ самихъ, и Антонио будетъ вѣстникомъ этихъ предложеній. Но этотъ день никогда не становалъ.

— Кажется, онъ надѣется меня подкупить, — замѣтилъ Антонио; — не одинъ уже разъ онъ намекалъ о томъ, какъ бы ему хотѣлось имѣть при себѣ *доктора, такого искусства, какъ я*; но меня онъ не ослѣпитъ своими обѣщаніями. Есть что-то фальшивое и недоброе въ его взглядѣ: его сонливыя манеры и хмуренныя бровей сильно

напоминають кота, подстерегающаго мышь. Или я ошибаюсь, или онъ непременно когда-нибудь прикажетъ повѣсить всѣхъ насъ.

Люси не хотѣла и слушать подобныхъ предсказаній, и буквально зажала ему ротъ, положивъ руку на его губы. Она доказывала, что ей стыдно за него, что онъ вѣрить такимъ нелѣпымъ предразсудкамъ.

— Хорошо, хорошо.—отвѣчалъ онъ, улыбаясь; и не разъ возвращаясь къ тому же предмету, обыкновенно кончалъ словами:—а вотъ увидимъ.

Антонио не щадилъ и своей партіи, когда находилъ ея дѣйствіи достойными порицанія. Онъ сравнивалъ иногда неаполитанскихъ либераловъ съ собакою въ баснѣ, которая теряетъ добычу, чтобы погнаться за тѣнью.

— Напримѣръ, — говорилъ онъ, — конституція еще не приведена въ дѣйствіе, а они уже кричатъ во весь голосъ, требуя для нея болѣе широкихъ основаній; парламентъ существуетъ еще только на бумагѣ, а они единодушно вопіютъ противъ палаты неровъ, требуютъ, чтобы король послалъ войско въ Ломбардію, чтобы дѣйствовать за одно съ пьемонтцами, а во всѣхъ своихъ газетахъ обвиняютъ того же короля, что онъ—чистый австріецъ. Развѣ кто сомнѣвается еще въ томъ? но какая польза вѣчно толковать объ одномъ и томъ же? По всѣмъ вѣроятностямъ, упрекая его въ этомъ, можно заставить его еще болѣе сдѣлаться австрійцемъ, а никакъ уже не передѣлать его на итальянскаго патріота.

Новое министерство употребляло всѣ свои усилія, для достиженія именно этой цѣли—принудить Фердинанда Второго принять дѣятельное участіе въ войнѣ за итальянскую независимость. И докторъ Антонио оставался въ Неаполѣ, увлекаемый надеждою содѣйствовать нѣкоторымъ образомъ этому желанному результату. Кромѣ того, что достиженіе этой цѣли, принесло бы пользу дѣлу итальянской независимости, дѣлу столь близкому къ сердцу Антонио, оно доставило бы еще и другую выгоду, неменѣе драгоценную: оно сдѣлало бы невозможными враждебныя дѣйствія между Неаполемъ и Сициліею. Время, этотъ великій умиротворитель, успѣло бы залечить многія раны, успокоить раздраженные умы и приготовить путь къ почетной мировой сдѣлкѣ. Король чрезвычайно противился отправленію въ Ломбардію хотя малѣйшей части войска. Однако, общественное мнѣніе въ столицѣ выражалось такъ рѣшительно въ пользу этого отправленія, министры такъ твердо настаивали на невозможности продолжать управленіе, если не будетъ сдѣлано уступокъ народному чувству, что король принужденъ былъ наконецъ покориться этой мѣрѣ. Корпусъ, состоявшій изъ четырнадцати тысячъ солдатъ, былъ отправленъ на театръ войны и часть флота послана въ Адриатическое море, чтобы дѣйствовать за одно съ Сардиніею и Венеціею.

Послѣ совершившихся фактовъ ничто не могло удерживать Антонио въ Неаполѣ, еслибъ не вліяніе сладостнаго очарованія, подъ которымъ онъ находился, а можетъ быть и судьба, — прибавимъ мы къ этому. Близко было открытіе неаполитанскаго парламента: развѣ не могъ Антонио оставаться здѣсь, чтобы присутствовать при этомъ

событія и самому судить о господствующемъ духѣ и о томъ, что онъ обѣщала для будущаго? И онъ остался.

Законодательный корпусъ долженъ былъ собраться пятнадцатаго мая. Министерство заранѣе издало программу церемоніи, имѣвшей быть въ тотъ день. Въ одномъ изъ параграфовъ этой программы значилось, что депутаты должны принести присягу королю и конституціи; но не упоминалось объ условіи, помѣщенномъ въ манифестѣ третяго апрѣля, — въ которомъ объявлялись политическіе принципы министерства того времени; — въ этомъ условіи предоставлялось избирательной палатѣ право измѣнять и расширять конституцію. Такое условіе показало очень опаснымъ большинству депутатовъ, и онъ собрался въ ратушу Монте-Оливето, чтобы разсуждать объ этомъ дѣлѣ. Съ своей стороны, они поступили противъ закона, очевидно присвоивъ себѣ власть. Палата депутатовъ не получила еще законнаго утвержденія и члены ея не имѣли права присвоивать себѣ власть законодательнаго собранія. Какъ бы то ни было, депутаты собрались: присяга, включенная въ оффиціальную программу была отвергнута, и начались переговоры съ министерствомъ, чтобы найти форму, которая удовлетворяла бы обѣ партіи. Депутации переходили отъ министерства къ палатѣ и отъ палаты въ министерство. Это происходило четырнадцатаго мая. Вѣсть о такомъ разногласіи распространилась въ городѣ, какъ пламя, и произвела большое волненіе. Подозрѣніе и тревога одержали верхъ въ народѣ. Стали даже бояться открытаго возмущенія. Эти зловѣщіе признаки дали понять обѣимъ партіямъ необходимость примиренія; и послѣ многихъ переговоровъ и многихъ усилій согласились наконецъ, что парламентъ отрочется безъ всякаго требованія присяги.

На другой день, пятнадцатаго мая, медленными шагами и съ тоскою въ сердцѣ, Антоніо шолъ къ Люси. Она убѣдительно просила его наканунѣ прийти къ ней пораньше, чтобы отдать ей отчетъ въ положенія дѣлъ. Она ничего еще не знала о счастливомъ разрѣшеніи затрудненій, которое произошло далеко за полночь. Улицы, по которымъ шолъ нашъ докторъ, представляли стеченіе народа, необыкновенное въ такой ранній часъ; и по виду, и по движеніямъ этой толпы можно было замѣтить ея не совсѣмъ миролюбивыя намѣренія. По всѣмъ угламъ улицъ образовались группы людей — неизбежные признаки сильнаго волненія — и докторъ замѣтилъ, что нѣкоторые люди переходили отъ одной группы къ другой и перешоптывались. Эти люди были явно зачинщики, принимавшіе дѣятельное участіе въ волненіи, (но кѣмъ подстрекаемые?) Несмотря на печальныя предчувствія, наполнявшія сердце Антоніо, онъ привѣтствовалъ Люси съ обыкновеннымъ спокойствіемъ на лицѣ, и въ отвѣтъ на ея тревожные вопросы, увѣрялъ ее, что всякая причина къ безпокойству исчезла, и что все идетъ такъ хорошо, какъ только можно желать.

— А теперь, — сказала Антоніо, улыбаясь, — оставимъ политику: она мнѣ и такъ страшно надоѣла. Поговоримъ лучше о прошломъ,

о нашей мирной, вѣчно дѣвствующей Нордигерѣ. Какъ бы мнѣ хотѣлось опять тамъ побывать!... какъ я былъ тамъ счастливъ!

— И я также, отвѣчала Люси, сильно краснѣя. — Надо вамъ сказать, — продолжала она послѣ минутнаго колебанія, — что я никогда не отказывалась отъ мысли — построить хорошенькій коттеджъ въ одномъ изъ мирныхъ уголковъ Нордигеры, и переселиться туда на всю жизнь. Женщина можетъ теперь привести въ исполненіе капризы молодой дѣвушки. Что вы скажете объ этомъ проэктѣ?

— Мысль превосходная, — сказалъ Антоніо; — но увѣрены ли вы, что не соскучитесь такой уединенной жизнью, что не пожелаете когда-нибудь о вашихъ знатныхъ связяхъ, о преимуществахъ вашего званія и богатства, объ увеселеніяхъ Лондона, двора...

— Что мнѣ нужды до знатности и до двора, пока папа и вы — со мною.

Антоніо принялся поглаживать воображаемую бороду, потомъ всталъ и зашагалъ по комнатѣ.

— Поговоримъ объ этомъ, — сказалъ онъ, возвращаясь на мѣсто и садясь спокойно подлѣ нея. — Помните ли вы этотъ самый день, пятнадцатое мая, восемь лѣтъ тому назадъ?

— Помню ли? Такъ хорошо помню, какъ будто это было вчера! Я могла бы васъ нарисовать въ ту минуту, когда вы сказали мнѣ: «Ну-те-ка, миссъ Давеннъ, попробуйте походить». — Тутъ она старалась подражать его голосу. — Звучи вашего голоса и теперь раздаются въ моихъ ушахъ.

— Милый, благородный другъ! — воскликнулъ Антоніо. — Никогда, — нѣтъ, никогда ни малѣйшій знакъ участія, съ моей стороны, не былъ потерянь для васъ. Признаюсь, что тогда мой страхъ за васъ былъ очень великъ, я то какъ было велико мое счастье потомъ!

— Да, вы боялись, что я стану хромать, и были счастливы, когда увидѣли, что я не хромаю.

Антоніо посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Ну же, говорите что нѣтъ, если только смѣете. — настаивала Люси, съ улыбкою на губахъ.

— Конечно, я не стану отрекаться; напротивъ, я долженъ отдать справедливость вашей проницательности.

— Молодая дѣвушка, — продолжала Люси, съ тѣмъ же лукавымъ видомъ, — не всегда бываютъ такъ слѣпы и глупы, какъ хотять казаться. Я никогда не была обманута вашими словами «*это только вымыселъ*»; папа позволилъ себя обмануть, а дочь его — нѣтъ. Съ первой же минуты я знала, что моя нога переломана.

Антоніо раскрылъ свои глаза такъ широко, какъ только могъ.

— Какое, однако, глубокое притворство открываю я въ васъ, — сказалъ онъ, смѣясь. — Теперь я вижу, что не я васъ, а вы меня обманывали. Какъ вы положительно знали, что у васъ нога переломана и ничего о томъ не сказали даже мнѣ!

— Нѣтъ, отвѣчала Люси, — я рѣшилась предоставить вамъ всю вы-

году вашего великодушнаго обмана. Я позволила вамъ обманывать меня столько, сколько душъ вашей хотѣлось.

Антонио ничего не отвѣчалъ, но взявъ ея крошечную ручку, медленно и торжественно поднесъ ее къ своимъ губамъ.

Вдругъ рѣзкій и явственный звукъ ружейныхъ выстрѣловъ раздался такъ сильно въ тишинѣ, что всѣ стекла въ окнахъ и дверяхъ задрожали.

Антонио вскочилъ, блѣдный какъ будто бы всѣ эти пули проишли его сердце.

— Что бы это значило?—воскликнула Люси, объятая смертельнымъ ужасомъ.

— Ничего не можетъ быть особенно важнаго, — сказалъ Антонио, дѣлая энергическое усиліе, чтобы казаться спокойнымъ, — немного пороха сожжено правительствомъ, въ честь открытія парламента. Однако, я долженъ сейчасъ же идти.

Онъ взялся за пистолетъ; въ это время раздался вторичный залпъ и вслѣдъ за тѣмъ безпрерывные ружейные выстрѣлы.

— Тамъ дерутся, навѣрное дерутся,—воскликнула Люси въ ужасѣ и дрожа всѣмъ тѣломъ;— не ходите туда, умоляю васъ! Къ чему туда идти! Что можете сдѣлать одинъ человѣкъ?

— Успокоить собственную совѣсть, сдѣлавши все, что было въ его власти, для предупрежденія междоусобной войны,—отвѣчалъ Антонио спокойнымъ и рѣшительнымъ тономъ. — Пустите меня, умоляю васъ.

— Итъ, вы не пойдете.—воскликнула Люси, видя себя отъ ужаса и становясь между Антонио и дверью.

Антонио посмотрѣлъ на нее.

— Я долженъ идти туда,—сказалъ онъ.

Эти слова были какъ бы приговоромъ судьбы. Люси вдругъ почувствовала, что она не въ силахъ бороться съ этою желѣзною волею. Она сложила руки, какъ молящійся ребенокъ, и, устремивъ свои большіе глаза на доктора, сказала:

— О, Антонио!

Въ этомъ простомъ словѣ выражался цѣлый міръ чувствованій. Итальянецъ привлекъ ее къ себѣ и крѣпко прижалъ къ груди.

— Люси,—сказалъ онъ торжественно, — не время теперь распространяться въ словахъ, (перестрѣлка все продолжалась), Люси я люблю тебя, — я любилъ тебя страстно впродолженіе долгихъ восьми лѣтъ,—я буду любить тебя до гроба. Но отечество имѣетъ надо мною права выше твоихъ. Эти права я торжественно поклялся уважать, въ тотъ день, когда предразсудокъ, съ родословною въ рукахъ, сталъ между мною и тобою. Въ этотъ день я поклялся всего себя посвятить отечеству. Дай мнѣ исполнить мою клятву,—дай мнѣ исполнить мою обязанность; помоги мнѣ это сдѣлать. Люси, Люси, мой благородный другъ, помоги мнѣ быть достойнымъ тебя и себя! Именемъ всего, что есть святого, умоляю тебя—позволь мнѣ тебя оставить безъ тягостной борьбы.

Геройское чувство, внушавшее Антонию это самопожертвованіе въ самую отрадную минуту его жизни, отражалось въ его лицѣ, выражалось и въ голосѣ. Онъ преобразился въ глазахъ Люси въ какое-то сверхъестественное существо. Волѣ слабая натура молодой женщины въ эту минуту достигла той высоты, когда самоотверженіе возможно.

— Благородное сердце! — воскликнула она, въ порывѣ энтузіазма. — Иди! и Богъ да будетъ съ тобою и да сохранитъ тебя. Я постараюсь быть достойною тебя.

И она перестала его удерживать.

— Да благословитъ тебя Богъ за эти слова! — воскликнулъ Антонию, почти видѣ себя, схвативъ ея руки, и прижимая ихъ къ сердцу. Да благословитъ тебя Богъ! Твоя любовь будетъ мнѣ щитомъ. Сказавъ это, онъ отнесъ ее на диванъ, и прошепталъ ей на ухо:

— Ты скоро увидишь меня, или получишь отъ меня извѣстіе.

На мигъ онъ еще остановился, чтобы посмотрѣть на бѣдное существо, оставшееся передъ нимъ почти безъ всякаго признака жизни; потомъ закрылъ глаза обѣими руками и вышелъ, не говоря болѣе ни слова.

Въ передней онъ нашолъ миссъ Гутчинсъ на ея обыкновенномъ мѣстѣ. Онъ потребовалъ у нея пера и чернилъ, и написавъ нѣскольکو строкъ, отдалъ ей.

— Теперь же идите скорѣе къ вашей госпожѣ, она нездорова; въ случаѣ же если ей будетъ хуже, то пошлите за докторомъ, имя и адресъ котораго я вамъ написалъ.

— Развѣ вы уѣзжаете, сэръ? — спросила Гутчинсъ, тотчасъ же понявъ причину болѣзни Люси.

— Нѣтъ, я не уѣзжаю, но дѣла могутъ задержать меня на нѣкоторое время. Идите же къ леди Клевертонъ. Прощайте, Гутчинсъ.

И Антонию пожалъ руку вѣрной служанкѣ. Лицо Гутчинсъ нервически подергивалось, но, повинуясь приказанію доктора, она пошла къ Люси. Тогда Антонию сѣлъ за ея рабочій столикъ, на-скоро написалъ коротенькое письмо, запечаталъ его, написалъ адресъ, и не осмѣливаясь еще разъ взглянуть на запертую дверь, надѣлъ шляпу и вышелъ.

А въ это время тысячи людей, какъ безумные, бѣгали по улицамъ; по всѣмъ направленіямъ выступали отряды солдатъ; городъ, какъ бы по волшебному мановенію, покрывался баррикадами и за ними начинался уже бой; — словомъ, междоусобная война, со всѣми ея ужасами, свирѣпствовала въ прекрасномъ Неаполѣ. Какая пеступная рука зажгла пламя раздора? Съ какой стороны порозошолъ первый выстрѣлъ? Республиканцы ли упорно рѣшились разрушить монархію, какъ утверждали впоследствии? Или монархическая партія, какъ увѣряли либералы, приложила фитиль, предоставляя случаю зажечь его? Никто того тогда не зналъ, да и до сихъ поръ это покрыто тайною.

Трудно описывать причины современныхъ происшествій, затем-

ненныхъ современными страстями. Мысль, что республиканская партія нарочно вызвала правительство на битву кажется невозможною, если имѣть въ виду фактъ, признанный всѣми безпристрастными писателями и доказанный очевидными свидѣтелями: малочисленность и ничтожество республиканской партіи, если она могла только существовать въ Неаполѣ въ 1848. Названіе «республика» никогда не выпало изъ устъ сражавшихся; и ни одинъ изъ множества заключенныхъ и преданныхъ потомъ суду по политическимъ обвиненіямъ, ни одинъ изъ нихъ не былъ извѣстенъ своимъ республиканскимъ мнѣніемъ. Если бы пословица: *cui bono fuerit* всегда была справедлива, то она послужила бы къ обвиненію исполнительной власти въ томъ, что она произвела эту схватку, потому что она одна извлекла изъ нея всю выгоду. Но мы не хотимъ приводить причинъ и заключеній по догадкамъ, и предоставляемъ исполнительной власти преимущества, истекающія отъ недостатка прямыхъ, существенныхъ, неопровержимыхъ доказательствъ. Охотно отдадимъ также справедливость неаполитанскому королю, Фердинанду Второму. Довольно было причинъ, чтобы безъ него произвести катастрофу 15 мая. Не надо также полагать, что эта катастрофа дѣйствительно была приготовлена или задумана одною изъ двухъ партій.

Одна политическая газета того времени назвала эту катастрофу очень остроумнымъ и справедливымъ именемъ: «*Squilibrio di due paure*» (равновѣсіе двухъ страховъ).—и это названіе было буквально справедливо. До самаго 29 января и тѣ кто поддерживалъ монархію, и тѣ, кто были приверженцами конституціи, смотрѣли другъ на друга съ дурно скрываемымъ чувствомъ ненависти и недоверія. Либералы помнили, что не одинъ уже разъ, на крики *Viva Pio Nono! Viva la Riforma!* отвѣчали ружейными выстрѣлами и ударами штыковъ. Съ своей стороны, король также хорошо помнилъ, что конституція была у него исторгнута силою. Все время король былъ наготовѣ защищать права свои. Неуѣстный циркуляръ 29 апрѣля, этотъ роковой актъ, котораго папа Пій Девятый началъ свой разрывъ съ національнымъ движеніемъ, сильно увеличилъ взаимную вражду. Одна партія приветствовала этотъ циркуляръ восторгомъ и воскресными надеждами; противная же партія явно выразила свое негодованіе въ противъ него и противъ надеждъ, возбужденныхъ имъ. Таково было положеніе дѣлъ, когда произошло несчастное недоумѣніе на счетъ формулы присяги между исполнительной властью и депутатами. Это была искра, упавшая на давно накопившіяся горючія вещества. Положеніе, въ которое поставили себя депутаты, показалось монархистамъ предвѣстіемъ революціи; положеніе принятое исполнительной властью казалось депутатамъ предвѣстіемъ важнаго государственнаго переворота. Но говоря уже о нечистыхъ страстяхъ, которыя обыкновенно царствуютъ въ большихъ городахъ, и во времена неогласій всплываютъ наверхъ, не было недостатка и въ пылкихъ умахъ съ обѣихъ сторонъ, чтобы изъ тѣшаго подъ пепломъ огня произвести яркое пламя. Пожаръ распространился во всѣ стороны и охватилъ весь городъ.

Выйдя на улицу, Антонио увидалъ священника, поспѣшно проходившаго мимо.

— Что такое случилось?—спросилъ Антонио.

— Король арестованъ, наследникъ престола заключенъ въ монастырь, палата депутатовъ объявлена открытою.

Минуту спустя опять бѣжить мимо Антонио какой-то молодой человекъ, размахивая страшно руками, точно сумасшедшій. Докторъ остановилъ его тѣмъ же вопросомъ.

— Всѣ депутаты, собравшіеся въ палату, умерщвлены;—тѣ же, которые шли еще туда, окружены войсками какъ дикіе звѣри... О! еслибы я могъ достать ружье!—восклицалъ молодой человекъ съ отчаяніемъ.

Нашъ докторъ не повѣрялъ ни тому, ни другому; но вывелъ изъ того самыя печальныя заключенія. Проходя королевскую площадь, онъ увидалъ тамъ огромныя массы пѣхоты, кавалеріи, и артиллеріи, разставленныя вокругъ дворца, и пошелъ далѣе по тому направленію, гдѣ слышалась перестрѣлка. Но не сдѣлавъ онъ и ста шаговъ по улицѣ Толедо, какъ былъ остановленъ баррикадою, которую поспѣшно воздвигали. Не останавливаясь для разспросовъ онъ прорвался далѣе, преодолѣвъ всѣ препятствія и побѣжалъ къ слѣдующей баррикадѣ, которую видѣлъ издали и откуда раздавались безпрерывныя выстрѣлы. Защищавшіеся почти всѣ были молодые люди, многіе едва выпедшіе изъ дѣтства; всѣхъ вмѣстѣ было не болѣе сорока человекъ. Нападающихъ за высокою баррикадою не видно было съ того мѣста, гдѣ стоялъ Антонио; но правильные и частые выстрѣлы доказывали, что тамъ стоитъ значительный отрядъ регулярнаго войска.

Одну минуту, Антонио оставался въ раздумьи, нельзя ли какъ нибудь уговорить ихъ; но видя, что въ настоящихъ обстоятельствахъ всякая попытка на примиреніе не подаетъ ни малѣйшей надежды на успѣхъ, онъ сталъ осматриваться—нѣтъ ли гдѣ ружья. Но видъ тяжело раненаго человека, упавшаго къ его ногамъ, сей часъ же перемѣнилъ направленіе его мыслей. Ему надлежало исполнять другія, болѣе священныя обязанности, нежели убивать или быть убитымъ. Онъ сталъ на колѣни предъ раненымъ, который былъ почти ребенокъ, вынулъ изъ кармана футляръ и сталъ разсматривать и перевязывать рану. Многіе изъ защищавшихся постепенно падали на землю; для нѣкоторыхъ была уже бесполезна всякая человѣческая помощь.

Антонио очутился въ своей стихіи. Онъ сбросилъ съ себя платье, разорвалъ его на перевязки, и совершенно поглощенный заботами о раненыхъ и умирающихъ, забылъ, что вокругъ него сыплются пули. Вдругъ страшный вопль, вырвавшійся изъ груди защитниковъ баррикады, заставилъ его, наконецъ, поднять глаза. Они стояли предъ нимъ, размахивая руками и указывая ему на что-то. Онъ обернулъ голову, чтобы посмотрѣть, что тамъ такое. Ударъ штыкомъ повалилъ его на землю, обогрѣннаго собственною кровью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Д Р А М А.

Мы предоставляемъ читателю представить себѣ всѣ муки Люси во время этой роковой борьбы; мучительные переходы отъ надежды къ отчаянію, которые она пережила въ продолженіе этой недѣли, долгой какъ вѣчность; ея возрастающую безнадежность, когда всѣ попытки разузнать объ участи Антоніо остались безъ успѣха. Описывать подобное положеніе слишкомъ тяжело, да и бесполезно: кто въ состояніи изобразить муки неизвѣстности и ужаса, какіе она испытывала? Какъ бы ни были сильны слова, а все же они останутся гораздо ниже печальной истины. Пока оставалось что нибудь сдѣлать, пока представлялось еще какое нибудь средство для разузнанія, пока оставалось сдѣлать еще усиліе для новой попытки,—до тѣхъ поръ душа и тѣло Люси непостижимо подерживались. Но когда всѣ доступныя средства были истощены, когда всѣ мѣры къ освѣдомленію были приняты, когда всевозможныя попытки были сдѣланы, когда ей оставалось только сложить руки на груди и сказать «Антоніо умеръ, а иначе я бы его видѣла или имѣла о немъ извѣстіе»,—тогда ея слабая организація и сверхъестественная энергія души вдругъ изнемогли. Даже и при этомъ переломѣ любовь и заботливость погибшаго Антоніо все еще парили надъ болѣзненнымъ одромъ Люси. Гутчинсъ, предоставленная самой себѣ, тотчасъ же вошла за докторомъ, адресъ котораго оставила ей Антоніо; заботливость и искусство этого доктора вполне оправдали довѣренность къ нему нашего друга Антоніо.

Впродолженіе десяти дней жизнь и разумокъ Люси встѣли на волоскѣ; потомъ произошло едва замѣтное улучшеніе въ ея здоровьи и во время полузабытья, ей все казалось, что въ комнатѣ безъ шума двигается фигура, удивительно похожая на Сперанцу. Конечно, это не она. Какъ могла сюда попасть Сперанца? Разумѣется, это ей только такъ кажется въ бреду. Впродолженіе этихъ послѣднихъ дней, воображеніе представляло ей столько странныхъ предметовъ и людей. Но одинъ только призракъ, представлявшій Сперанцу, — не покидалъ ее, и такъ неотступно находился при ней, что даже сердце у нея радостно забилося. Бѣдная страдалица ничего не говорила, но съ явнымъ удовольствіемъ слѣдила за этимъ видѣніемъ. Она начала, наконецъ, смотрѣть на него безъ всякаго удивленія. Вѣроятно, она воображала себя еще въ гостинницѣ del Mattone вмѣстѣ съ Отцомъ, или на почтовой станціи въ Ментоне. Имена, которыя она иногда слабо произносила въ бреду, показывали иногда, что она находится подъ влияніемъ этой иллюзіи. Бѣдная Люси, ея мысли были такъ перепутаны, зрѣніе такъ смутно!

Въ одну ночь, проснувшись послѣ продолжительнаго благодѣтельнаго сна, она почувствовала, что мысли у нея гораздо яснѣе прежняго. Устанный паръ большихъ черныхъ глазъ, съ нѣжностью наблю-

давшихъ за нею, какъ бывало въ прошлыя времена, она тихо спросила:

— Ты ли это, Сперанца?

— Господь да благословить васъ, моя дорогая, моя возлюбленная синьора! это я, ваша Сперанца.

И любящее созданіе бросается на колѣни и прижимаетъ къ губамъ исхудалую руку, которую протягиваетъ ей Люси.

— Да, это я, я здѣсь, затѣмъ чтобы никогда уже не разставаться съ вами. Но вы не должны болѣе говорить, даже ни одного слова.

И, оправивъ подушки, добрая женщина тихо перевернула блѣдное лицо Люси на другую сторону. Вольная безмолвно повиновалась ея приказанію; ей не нужны были другія объясненія; она была совершенно довольна и спокойна, видя подлѣ себя своего смиреннаго друга.

Но по какому таинственному случаю Сперанца очутилась у болѣзненнаго рода Люси, именно въ ту минуту, когда та болѣе всего нуждалась въ ней? По самому простому и натуральному случаю: Сперанца была послѣднимъ даромъ, который любовь доктора Антоніо могла завѣщать Люси. Онъ такъ хорошо зналъ Люси, что инстинктивно угадалъ, какое можетъ быть для нея наибольшее утѣшеніе, если случится съ нимъ какое нибудь несчастье. И въ самомъ дѣлѣ, не было ли для нея утѣшеніемъ говорить о немъ съ тою, на участіе которой она можетъ положиться? Вотъ почему докторъ Антоніо написалъ къ Сперанцѣ нѣсколько поспѣшныхъ словъ, о чемъ мы упоминали въ послѣдній разъ, когда видѣли его здѣсь.

«Въ случаѣ, если чрезъ недѣлю по полученіи этого письма, — писалъ онъ ей, — она не получитъ другого, то должна тотчасъ же отправляться въ Неаполь, прямо въ гостиницу, означенную на адресѣ, гдѣ найдетъ леди Клевертонъ.» Сперанца въ точности послѣдовала его приказаніямъ и прибыла въ Неаполь какъ разъ во-время, чтобы сдѣлаться нѣжной и любящей сидѣлкою своей возлюбленной госпожи.

Медленно и трудно было выздоровленіе Люси. Три долги недѣли прошло, прежде чѣмъ она могла сидѣть на постели и болѣе мѣсяца — прежде, чѣмъ она могла вставать съ нея на одинъ часъ, и только чрезъ два мѣсяца она была въ силахъ прокатиться въ экипажѣ. Послѣ перваго выѣзда, она чуть было опять заболѣла, при видѣ этихъ улицъ, солдатъ, женщинъ, съ улыбкою опирающихся на руки друзей или мужей, тогда какъ она такъ одинока, такъ несчастна. Она почувствовала себя еще несчастнѣе, и это испытаніе казалось ей еще тяжелѣе. Многіе замѣтили это блѣдное лицо, бросавшее такіе алчные взгляды въ каждую карету, проѣзжавшую мимо. Какую безумную надежду она могла имѣть? Теперь видно было, какое благодѣтельное вдохновеніе внушило доктору Антоніо мысль — пригласить Сперанцу въ Неаполь. Кто другой умѣлъ бы понять и утѣшить Люси? Иногда, вдругъ выходя изъ припадка оцѣпенѣнія, Люси начинала говорить объ Антоніо и говорила цѣлые часы. Никто не могъ такъ какъ Сперанца знать, сколько доброты, сколько самоотверженія и великодушія онъ выказалъ для нея. Одна

Сперанца могла понять какого друга потеряла Люси. Продолжать свою печаль? Но къ чему? Гдѣ она найдетъ подобнаго ему друга? Былъ ли ктонибудь другой для Люси тѣмъ, чѣмъ Антоніо былъ для нея? Она выѣла право, это была ея долгъ — оплакивать его. Не онъ ли спасъ ея жизнь? Не онъ ли думалъ о ней до конца? Иногда она вспоминала о случавъ съ каретою и принималась рассказывать все, что происходило въ гостинницѣ, въ Лампедузѣ, въ Таджи; она смѣлась, вспоминая нѣкоторыя происшествія, — этотъ смѣхъ былъ гораздо тяжелѣе слезъ, — и, казалось, совершенно забывала страшный день 15 мая; но вдругъ какое нибудь случайно произнесенное слово заставляло ее смолкнуть и крупныя, горькія слезы текли у нея изъ глазъ. Это не были обыкновенныя слезы, которыя мало по малу накаплиются и наконецъ льются; у нея слезы буквально вдругъ брызгали изъ глазъ.

Люси всегда говорила объ Антоніо такъ, какъ будто бы его уже не было въ живыхъ, изрѣдка высказывая желаніе найти гдѣ-то, гдѣ онъ погребенъ; но это желаніе выражалось такимъ слабымъ голосомъ, такъ неясно, какъ будто она не рѣшалась произнести необходимыхъ для того словъ. Но Сперанца и слышать не хотѣла, чтобы Антоніо могъ умереть. Никакой докторъ правъ не счумѣлъ бы съ такимъ искусствомъ, какъ эта простая женщина, подобрать все доказательства противъ этаго предположенія. Ея тактъ и соображеніе были удивительны сами по себѣ; но они были достойны обожанія для того, кто зналъ, что все это происходило отъ сердца, искреннаго благодарностию.

— Возьмемъ даже самое худшее, что можно предполагать, — говорила она, — положимъ, что докторъ Антоніо не успѣлъ ускользнуть отъ опасности, хоть непременно слѣдовало бы этого ожидать отъ такого умнаго человѣка, какъ нашъ докторъ; но отчего же ему надо умереть, а не быть заключеннымъ? Развѣ не читала сага, сага радгона въ газетахъ, что сотни людей были арестованы въ этотъ ужасный день 15 мая и въ послѣдующіе за тѣмъ дни? Что же тутъ удивительнаго, если между такимъ множествомъ людей и не вдругъ отыщется желанное имя? И все тутъ къ лучшему; потому что если о немъ еще нигдѣ не упоминалось, то это добрый знакъ: видно, ему удалось ускользнуть изъ тюрьмы, не поймавъ подъ судъ. Вотъ нынче или завтра, непременно сага радгона увидитъ, что Сперанца говоритъ правду. Докторъ Антоніо совѣмъ не изъ такихъ людей, чтобы погибнуть такимъ глупымъ образомъ. Смильора очень хорошо знаетъ, что онъ тоже одинъ изъ друзей короля, стало быть, король спроситъ же когда нибудь, куда дѣвался докторъ Антоніо и тогда обыщутъ всѣ тюрьмы и найдутъ его.

— Еслибъ онъ былъ живъ — наставляла Люси, — то непременно нашелъ бы какъ нибудь средство уведомить меня о себѣ.

— Но какихъ же найдетъ онъ послѣвъ, если сидитъ въ тюрьмѣ съ цѣпями на рукахъ и ногахъ? — возражала Сперанца. — Не дайте-ка ему время, — заключала она съ самымъ убѣдительнымъ видомъ. Да и то сказать, неужели вы думаете, что Пресвятая Дѣва не сохранитъ та-

кого милостиваго, такого превосходнаго человѣка, какъ нашъ докторъ Антонио? Не надо терять вѣры.

И Люси убѣждалась доказательствами Сперанцы. Вѣднjackа! она молилась и дѣлала все, что можно, чтобы не терять вѣры и мужества.

Несчастье даетъ странныхъ товарищей, иногда даже неожиданныхъ друзей; Леди Клевертонъ воображала себѣ, что, вѣроятно, посредствомъ молодого дипломата м-ра X. она можетъ получать извѣстія обо всѣхъ новыхъ политическихъ арестантахъ и объ убитыхъ. По этому случаю, несмотря на свою малую надежду на благопріятный результатъ, потому что она не очень подлюбливала своего такъ называемаго кузена, — она послала просить его къ себѣ утромъ 17 мая. М-ръ X. былъ пораженъ необыкновеннымъ разстройствомъ, выразившимся на ея лицѣ и заговорилъ съ нею съ такимъ искреннимъ участіемъ, что Люси, вмѣсто церемоннаго освѣдомленія, вдругъ открылась ему съ полною довѣренностью. Она рассказала ему сколько лично обязана доктору Антонио, какъ сэръ Джонъ много уважалъ его, начертила ему прелестную картину жизни Антонио, какъ доктора бордигерскаго прихода, сказала какъ она вдругъ снова увидала его при дворѣ, расхаживавшаго рука объ руку съ королемъ. Съ трогательною простотою она объяснила ему, какъ онъ разстался съ нею 15 числа, увлекаемый не немстовымъ духомъ партіи, а твердымъ намѣреніемъ, подвергая жизнь свою опасности, воспрепятствовать братоубійственной рѣзнѣ; словомъ, сама не подозревая того, она невольно высказала, что считаетъ этого итальянца самымъ лучшимъ, самымъ умнымъ и благороднымъ человѣкомъ. Она рѣшилась безпокоить м-ра X. чтобы просить его помочь ей въ отысканіи слѣдовъ Антонио. Она никого не имѣетъ въ Неаполѣ, кому могла бы довѣриться кромѣ него. Откажется ли онъ помочь ей?

Скажемъ къ похвалѣ человѣческой природы, что достаточно было этого воззванія къ благородному чувству молодого фата, чтобы заставить его принять горячее участіе въ докторѣ Антонио, какъ будто въ родномъ братѣ, и юный дипломатъ, во весь этотъ грустный періодъ нашего разсказа, былъ самымъ искреннимъ и безкорыстнымъ другомъ нашей героини. Въ глубинѣ его сердца, покрытаго густымъ слоемъ разной смѣси договоровъ, сохранялся рудникъ чистаго золота и не доставало только случая, чтобы вызвать наружу этотъ драгоцѣнный металлъ.

Много хлопоталъ м-ръ X, чтобы получить какое нибудь свѣдѣніе объ участи доктора Антонио, но все было напрасно. Онъ истощалъ всѣ официальные средства, готовые къ его услугамъ, всѣ средства, какія указывали ему благосклонные совѣты его начальника. Онъ обѣгалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, разбѣянныхъ въ Неаполѣ по всѣмъ этажамъ, заставляя ихъ сознательно или безсознательно помогать его цѣли; познакомился съ армейскими офицерами, съ полицейскими чиновниками, съ разными должностными лицами всѣхъ степеней и цвѣтовъ; — и все это обдѣлывалъ съ такою ловкостью, настойчивостью и

благоразуміємъ, которыя ни разу не измѣнили ему. Въ то же время онъ съ примѣчательнымъ талантомъ велъ почти ежедневную переписку съ сэромъ Джономъ, чтобы успокоить бѣднаго больного отца, который, по приказанію докторовъ, принужденъ былъ отложить свое путешествіе въ Неаполь на неопредѣленное время.

Такъ прошло шесть мѣсяцевъ, а бѣдная Сперанца все еще придумывала новыя средства, чтобы подкрѣплять свою несчастную сивору новыми надеждами, которымъ — увы! — она сама уже не вѣрила. Съ каждымъ днемъ печаль Люси становилась сильнѣе, какъ вдругъ нѣсколько строкъ, написанныхъ незнакомою рукою, превратили эту печаль въ невыразимую радость. Кто-то подаль у подѣзда леди Клевертонъ письмо, слѣдующаго содержанія.

« Вашъ другъ живъ, но содержится въ тюрьмѣ. Если вы имѣете человѣка, на котораго можете вполне положиться — замѣтите, я говорю *вполнѣ положиться* — то пришлите его за полученіемъ болѣе подробныхъ свѣдѣній. Онъ найдетъ меня послѣзавтра, какъ смеркнется, на концѣ города, гдѣ идетъ дорога къ заставѣ Капо-ди-Кино. Пусть этотъ человѣкъ держитъ бѣлый платокъ въ рукѣ. Даже воздухъ, которымъ вы дышите, не должны подозрѣвать, что вы имѣете сношенія со мною. Только строго соблюдая эту предосторожность, вы можете имѣть нѣкоторую надежду быть полезною вашему другу въ будущемъ. За каждымъ моимъ шагомъ, за каждымъ движеніемъ слѣдитъ полиція.

Онъ живъ! О! да будетъ имя Твое благословенно! Онъ живъ! Что нужды, что онъ заключенъ въ тюрьму!... Онъ живъ! Я силою заставлю отворить себѣ двери его темницы!.. я пользуюсь уваженіемъ, имѣю вліяніе, — я напишу въ Англію; министры не откажутся сдѣлать что нибудь для вдовы лорда Клевертона; я стану такъ просить, такъ умолять, что ни у кого духу не достанетъ отказать мнѣ; у моего отца тоже много сильныхъ друзей, — онъ добьется заступничества англійскаго правительства. Такъ думала Люси. Увы! бѣдная Люси! благородная Люси!

Ея вѣрный помощникъ, отправился, по ея желанію, на назначенное мѣсто свиданія, и нашолъ тамъ господина пожилыхъ лѣтъ, который рассказалъ ему все, что намъ уже извѣстно, т. е. что отрядъ солдатъ обошелъ съ тылу и поставилъ между двумя огнями баррикаду, гдѣ Антоніо хлопоталъ около раненыхъ. Незнакомецъ рассказалъ ему также, что солдаты безъ пощады всѣхъ убили, и Антонію, опрокинутый штыкомъ на землю, обязанъ своею жизнью только присутствію духа, съ какимъ онъ догадался притвориться мертвымъ. Трупы, а между ними и Антонію были сброшены кучею на телѣгу и отвезены на ближайшую гаунтвахту пока до ночи. Солдаты до того разсвирѣбли, что Антонію принужденъ былъ притворяться мертвымъ и только въ глухую полночь, когда отвозили трупы на кладбище, ему не оставалось уже ничего другого сдѣлать, какъ показать нѣкоторые признаки жизни. Часть конвоя, сопровождавшаго ихъ на кладбище, была того мнѣнія, что въ ту же минуту

надо приколоть его, чтобъ отправить туда же къ покойникамъ, однако тутъ же нашлись люди съ болѣе человѣческими чувствами, которые воспротивились этому намѣренію, и, вслѣдствіе того, нашъ раненый герой былъ переданъ въ тюрьму Санта-Марія-Аппаренто, которая къ его счастью, находилась на дорогѣ печальнаго кортежа. Тутъ онъ оставался цѣлую недѣлю, потомъ перевели его въ Кастелло дель Уово гдѣ онъ былъ посаженъ въ казематъ. Все время, проведенное имъ въ первомъ заключеніи, онъ не переставалъ стонать и жаловаться на свою рану, — къ счастью нетяжелую, — умоляя, ради самого Бога, прислать ему хирурга, для того чтобы хоть одинъ разъ перевязать ее; но онъ говорилъ глухимъ. Не съ большимъ успѣхомъ онъ взывалъ и къ новому тюремщику, — правду сказать, это было все равно, что обращаться съ каменнымъ стѣнамъ темницы. Въ одинъ день онъ, дрожащимъ голосомъ, просилъ прислать ему духовника, говоря, что чувствуетъ приближеніе смерти. На это тюремщикъ отвѣчалъ ему очень просто, что онъ можетъ умирать, когда и какъ захочетъ, но духовника у него не будетъ. Причиной всѣхъ этихъ стоновъ, жалобъ и просьбъ была всепоглощающая мысль, какъ бы найти средство дать знать Люси, что онъ еще живъ. Онъ надѣялся, что въ докторѣ или священникѣ найдетъ настолько христіанскаго чувства, чтобы взять на себя трудъ—передать отъ него извѣстіе леди Клевертонъ. Тревожная заботливость его о Люси не давала ему времени бояться за себя самага.

Строжайшій приказъ—не дозволить политическимъ преступникамъ никакого сообщенія ни съ однимъ живымъ существомъ былъ отданъ не только для того, чтобы присмотръ за ними былъ безопаснѣе, но служилъ также средствомъ, чтобы ослабить ихъ умственные способности и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить ихъ твердость. Несмотря на это, спокойствіе духа никогда не покидало Антоніо, и его рана скоро залечилась безъ всякой другой помощи, кромѣ холодной воды. Послѣ шестинедѣльнаго заключенія въ крѣпости, его привели въ судъ, для допроса. Тутъ, какъ и всегда, занятый воспоминаніемъ о Люси, онъ прибѣгнулъ къ одному средству: онъ упорно отказывался отвѣчать на всѣ вопросы, пока ему не позволятъ предварительно посоветоваться съ адвокатомъ. Его призывали и въ другой и въ третій разъ, старались подѣйствовать на него то угрозами, то ласками, но онъ все упорствовалъ въ своемъ молчаніи. Такая борьба между судьей и арестантомъ продолжалась четыре мѣсяца; но Антоніо достигъ, наконецъ, своей цѣли. Ему назначили адвоката, который и былъ тотъ самый челоѣкъ, который доставилъ Люси анонимное письмо, а теперь передавалъ всѣ подробности молодому дипломату. Судьба благопріятствовала доктору Антоніо въ этомъ выборѣ. Хотя робкій по природѣ и сдѣлавшійся еще болѣе боязливымъ вслѣдствіе совершившихся событій и отъ заботъ о многочисленной семьѣ,—этотъ адвокатъ тѣмъ не менѣе былъ челоѣкомъ высокой чести и благородныхъ чувствъ и имѣлъ такое высокое мнѣніе объ обязанностяхъ своей профессіи, что интересы и спасеніе своего кліента ставилъ выше своихъ личныхъ выгодъ.

Дипломатъ, по предварительному совѣщанію съ леди Клевертонъ,

далъ понять адвокату о возможности дипломатическаго вмѣшательства иностранной державы, а также и о томъ, что не пожалѣютъ никакихъ денегъ, чтобы спасти узника побѣгомъ.

— Берегитесь и того и другого, — сказала шопотомъ адвокатъ, сильно встревоженный. — Всякая попытка къ побѣгу непремѣнно будетъ безуспѣшна, и послужитъ только къ увеличенію опасности вашего друга, а она и безъ того не маловажна; въ этомъ я могу васъ заверить. Вамъ легко будетъ найти тюремщиковъ и ихъ помощниковъ, которые охотно согласятся быть подкупленными, но не прѣйдутъ и получаса, и на васъ будетъ донесено полиціи. Не дѣлайте же этого, ради Бога, не дѣлайте! Что же касается до дипломатическаго вмѣшательства, то, если оно не будетъ поддержано пушками вашихъ кораблей, оно скорѣе повредитъ, чѣмъ принесетъ пользу, потому что увеличить вражду, и сдѣлаетъ узника желанною добычею, оспариваемою другими. Намъ остается одно только вѣрное вспомогательное средство — время. Время поможетъ созрѣть событіямъ, и событія могутъ произвести перемѣну въ политикѣ этой страны. Все это много зависитъ отъ исхода новой кампаніи, притоговоряющейся между Сардинією и Австрією, а много также и отъ положенія, какое примутъ Англія и Франція. Много пройдетъ времени, прежде чѣмъ кончится судъ надъ вашимъ другомъ и его соучастниками. Предварительное изслѣдованіе по дѣлу 15 мая едва началось и нечего надѣяться, чтобы оно скоро кончилось. Между тѣмъ намъ остается надежда на разныя случайности жизни. Во всякомъ случаѣ, терпѣніемъ мы выиграемъ уже то, что страсти, находящіяся теперь въ полномъ разгарѣ, успокоятся. Лучшій совѣтъ, какой я могу дать леди Клевертонъ, вамъ и всѣмъ тѣмъ, кто принимаетъ участіе въ докторѣ Антоніо, это — сидѣть спокойно и носить маску равнодушія. Я слышалъ, что многіе англичане перестали ходить въ засѣданіе суда съ рокового дня пятнадцатаго мая. Не должно имъ подражать. Пусть никто не подозрѣваетъ, что вы не одобряете дѣйствій правительства. Присутствуйте въ судѣ, посѣщайте оффиціальныя собранія. Смотрите и слушайте все, что происходитъ. Такимъ образомъ вы получите возможность передавать мнѣ полезныя свѣдѣнія. Тотъ единственный способъ, чѣмъ вы можете, въ настоящую минуту, быть полезны вашему другу. Съ своей стороны, я сдѣлаю все, что будетъ отъ меня зависеть и буду извѣщать васъ о томъ, что заслуживаетъ вашего вниманія.

Минутныя надежды Люси значительно охладились, когда она выслушала разсказъ дипломата объ этомъ свиданіи. Совѣты, внушаемые благоразуміемъ и опытностью, жестоко противорѣчили ея лихорадочному нетерпѣнію видѣть Антоніо свободнымъ, и она могла обвинять только въ холодности человѣка, который проповѣдывалъ терпѣніе и время, тогда какъ нѣжно любимый другъ заключенъ въ крѣпости, когда грозитъ ему смертный приговоръ. Она послѣдовала, однако, совѣту являться ко двору и выѣзжать въ свѣтъ. Когда она могла судить собственными глазами, какой оборотъ принимали сужденія общества въ отношеніи несчастныхъ узниковъ, тогда только

она пошла благодаримъ человека, сѣтовавшаго ей имѣть терпѣніе и подождать на время.

Вскорѣ послѣ того, дипломатъ получилъ новыя свѣдѣнія; слѣдующаго содержанія: у одного изъ обвиненныхъ была найдена собственноручная записка доктора Антонио; въ этой запискѣ, писанной имъ, когда онъ находился еще въ Палермо, было сказано, что наступило время, когда всѣ благородные друзья свободы и независимости должны соединиться и составить священную фалангу.

Вслѣдствіе этого, доктору былъ сдѣланъ допросъ, и по строгости вопросныхъ пунктовъ видно было, что противъ него существовало обвиненіе, какъ противъ одного изъ основателей тайнаго общества, для разъясненія чего назначено слѣдствіе.

Слѣдующее затѣмъ сообщеніе, переданное адвокатомъ—послѣднее, о которомъ мы считаемъ за нужное упомянуть,—не имѣло другой цѣли, кромѣ подтвержденія прежняго предположенія; Антонио судится за то, что обвиненъ, въ доносѣ, какъ одинъ изъ основателей тайнаго общества итальянскаго единства. Окончаніе процесса много зависитъ отъ оборота, какой примутъ политическія дѣла въ Италіи и въ иностранныхъ державахъ.

А время все шло, и событія созрѣвали; но не таковы оказались эти событія, чтобы принести улучшеніе въ судьбѣ политическихъ преступниковъ. Пораженіе пьемонтцевъ при Новарѣ, покореніе Сициліи неаполитанскою арміею и всѣ остальные эпизоды этой Италіи бѣдствій, накопившихся въ нѣсколько недѣль надъ несчастною Италіею, произвели только то дѣйствіе, что неаполитанское правительство поторопилось начать уголовный процессъ надъ такъ называемымъ обществомъ итальянскаго единства.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

V A E V I C T I S .

Очаровательная Партенопа кокетливо смотрится въ свой чудный заливъ. Солнце обдаётъ городъ потоками лучей, приносящихъ свѣтъ и теплоту въ самые отдаленные уголки; толпа людей бѣгаетъ то въ одну, то въ другую сторону, по многолюднымъ улицамъ и переулкамъ, вымощеннымъ лавою, спѣша кто по своимъ дѣламъ, кто для удовольствій и развлеченій. Природа все такъ же великолѣпна, все такъ же улыбается, какъ будто бы въ эту самую минуту, генеральный прокуроръ Анджелло не требуетъ сорока двухъ годовъ!

Для начала только—сорокъ двѣ! остальные, само собою разумѣется, явятся впоследствии! Всѣ неаполитанскія Семейды не подвергаются опасности -- заржавѣть въ праздности. Объ этомъ нечего беспокоиться. Число заключенныхъ за политическія преступленія въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, въ 1850 году, простиралось, какъ это подтверждается неопровержимымъ свидѣтельствомъ, среднимъ числомъ отъ пятнадцати до тридцати тысячъ. Принимая самое меньшее число, какъ болѣе близкое къ вѣроятности—предпо-

лага, что изъ этихъ пятнадцать тысячъ двѣ трети были освобождены послѣ короткаго увѣщанія, то есть безъ всякой легальной формы суда, — все же остается еще пять тысячъ человѣческихъ созданій, для преданія суду; — слишкомъ довольно, надо признаться, чтобы дать занятіе и развлеченіе всѣмъ уголовнымъ—судамъ неаполитанскаго королевства, высшимъ и низшимъ, и ихъ посѣтителемъ, на многіе годы. Между ними отъ четырехъ до пяти сотъ человѣкъ, схваченныхъ за одно 15 мая, обѣщали чудовищный процессъ.

Этотъ процессъ былъ столько же замѣчательнъ по величайшему разнообразію общественныхъ элементовъ, составлявшихъ его, какъ и по числу арестованныхъ, принадлежавшихъ ко всѣмъ классамъ общества, начиная отъ сословія самыхъ низшихъ до самыхъ высокихъ. Между обвиненными находятся: ex-министръ внутреннихъ дѣлъ бывшій судья, бывшій начальникъ отдѣленія въ министерствѣ народнаго просвѣщенія— всѣ трое депутаты; изъ войска: два капитана одинъ глава герцогской фамиліи, два образованныхъ и богатыхъ дворянина, изъ которыхъ одинъ отказался отъ дипломатическаго поста; многіе адвокаты и доктора, четыре священника, одинъ протоіерей и множество небогатыхъ торговцевъ, лавочниковъ и артистовъ; старшій жандармъ дворникъ и лакей. Они обвинены въ томъ, что принадлежать къ тайному анархическому обществу, а нѣкоторые, кромѣ того, и въ томъ еще, что дрались на баррикадахъ въ маѣ 1848 года. Очень немногіе обвинены въ страшномъ преступленіи: будто они хотѣли убить на то ящихъ министровъ и другихъ людей, посредствомъ адскихъ машинъ; это обвиненіе основывалось на томъ, что у одного изъ обвиненныхъ лопнула въ карманѣ бутылка, не причинивъ вреда ни ему, ни кому другому. Если вѣрить словамъ прокурора Анджелалло, то королевскія тюрьмы не могли быть наполнены болѣе гнусными злодѣями.

Оскорбленія и преслѣдованія столькихъ благородныхъ гражданъ никогда еще не были такими вопіющими несправедливостями, если только предшествовавшіе поступки и явная истина значатъ что нибудь въ этомъ мірѣ. Изъ людей, занимавшихъ общественные посты, тутъ были такіе люди, какъ Поэріо, Сеттембрини, Пиронти; изъ историческихъ именъ— Карофа; изъ дворянъ, извѣстныхъ образованіемъ и богатствомъ— Ниско, Гуальтьери, Вранко и другіе; изъ высшаго духовенства—люди, подобные протоіерю Мьело.

Что бы сказалъ англійскій читатель, если бы обвинилъ въ измѣнѣ самыхъ уважаемыхъ и высокостоящихъ государственныхъ людей, главныхъ членовъ англійскаго парламента?—Люди, которыхъ я здѣсь наименовалъ и которыхъ въ эту минуту вводятъ въ мрачную залу Викарія, въ оковахъ и въ сопровожденіи жандармовъ, эти люди, въ своемъ отечествѣ, занимали точно такія же важныя мѣста и по званію и по положенію, какъ самые знаменитые англійскіе государственные люди, члены парламента, судьи, дворяне и граждане.

Передъ вашими глазами та знаменитая государственная инквизиція противъ общества итальянскаго единства, которая исторгла изъ гру-

ди великодушнаго и знаменитаго англійскаго политика крикъ негодованія, раздавшійся во всей Европѣ. Люди, засѣдающіе здѣсь, составляютъ верховный уголовный судъ, самое высшее судилище въ мексиканскомъ королевствѣ. Они засѣдаютъ здѣсь не какъ обыкновенныя судьи, а на особенныхъ правахъ, для того чтобы *ускорить* дѣло; это слово означаетъ, что они, по волѣ своего президента Наварро, могутъ быть уволены отъ всякихъ формъ.

Плачевная драма скоро начнется. Узкое пространство, оставленное для публики, наполнено людьми точно такъ же, какъ и мѣсто на рѣшоткою, оставленное для привилегированныхъ зрителей, между которыми видна дама, покрытая густою вуалью. Судьи сидятъ на своихъ мѣстахъ; противъ нихъ, на возвышенной площадкѣ, сидятъ обвиняемые. Они худы и блѣдны. Мѣсто, гдѣ они содержатся въ заключеніи, надо сказать правду, не изъ самыхъ здоровыхъ, особенно въ такое время года, какъ июнь въ Неаполѣ. Не удивительно однако, что обвиненные кажутся немощными и больными. Но если тѣло страдаетъ, то духъ, оживляющій человѣка, исполненъ силы и энергіи,—по крайней мѣрѣ это доказываетъ ихъ рѣшительный и спокойный видъ;—да, у нихъ спокойный и рѣшительный видъ, какъ у людей, хорошо знающихъ, что пощады имъ не будетъ, и приготовляющихся дорого продать жизнь.

Этотъ судъ длился восемь мѣсяцевъ, отъ іюня 1850 года до конца января 1851. Рѣчь прокурора Анжеллито, въ подтвержденіе обвиненія, продолжалась три дня. Адвокаты защитники сражались какъ львы въ пользу своихъ кліентовъ, но съ малымъ успѣхомъ. Изъ сорока двухъ обвиненныхъ, восемь были освобождены, тридцать осуждены (мы упоминаемъ только о самыхъ важныхъ), трое, между которыми находился Сеттембрини, были приговорены смерти, двое къ галорамъ; остальные къ заключенію въ оковахъ: трое на тридцать пять лѣтъ; одинъ, Ниско, на тридцать лѣтъ; трое,—Позріо, Пиронти и Ромсо,—на двадцать четыре года; одинъ на двадцать и восемь на девятнадцать лѣтъ.

Въ ту минуту, когда одно изъ именъ, входящихъ въ послѣднюю категорію было произнесено секретаремъ суда, раздающій вопль раздался въ отдѣльной галлерей и тамъ произошла ужасная суматоха. Въ ту же минуту всталъ съ мѣста одинъ изъ узниковъ, высокаго роста, величественной осанки, блѣдный какъ смерть и протянулъ руки къ галлерей. Въ толпѣ пробѣжалъ говоръ, что какая-то дама подъ вуалью, не пропускавшая ни одного засѣданія, которую одни называли сестрою, другіе —женою вставшаго узника, шныре же—англичанкою, которой онъ спасъ жизнь,—словомъ какая-то дама упала въ обморокъ. Окружавшіе ее друзья вынесли ее на рукахъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Искія.

На островѣ Искія мы опять встрѣчаемъ всѣхъ главныхъ дѣствующихъ лицъ нашего разсказа, за исключеніемъ сэра Джона, все еще задерживаемаго подагрой въ Давеннѣ.

Докторъ Антонио, въ одеждѣ арестанта и въ тяжёлыхъ оковахъ, заключёнъ вотъ въ тринадцатомъ зачѣтѣ.

Леди Клевертонъ, съ прошлаго февраля, живётъ на островѣ Искія, въ самой лучшей миллѣ, съ превосходнымъ мѣстоположеніемъ. По причинѣ разстроеннаго здоровья, она ведётъ чрезвычайно уединённую жизнь и вообще она предоставляетъ своему кузену, дипломату, и своей компаньонкѣ, женщицѣ очень образованной и пріятнаго обращенія обязанность—принимать въ своемъ великолѣпномъ зданіи вѣзныхъ посѣтителей, съѣзжающихся изъ Неаполя и ближнихъ острововъ любоваться прекрасною яхтою леди Клевертонъ,

Доктора, говорятъ, предписали ей какъ можно болѣе жить на морѣ и вслѣдствіе этого предписанія, она выписала изъ Англіи эту образцовую яхту. Персеверанца, такъ назвала леди Клевертонъ свою прелестную яхту, — на двадцать миль въ окружности известна болѣе чѣмъ всѣ корабли ея неаполитанскаго величества; сосѣдніе заливы безпрерывно видятъ какъ она то приходитъ, то опять уходитъ въ каждый часъ дня; Персеверанца постоянно то лавируетъ, то крейсируетъ вдоль береговъ, никогда не возмущая спокойствія таможеннаго офицера, ни береговой стражи; — словомъ, Персеверанца совецъ какъ дома въ этихъ водахъ очаровательнаго неаполитанскаго залива.

Сперанца, — надо ли это говорить? — всегда неразлучна съ своею госпожою.

Батиста сдалъ свою гостиницу и отказавшись отъ эпидетъ, переселился въ Искію, занимается рыболовствомъ и живётъ въ самомъ бѣдномъ кварталѣ, близъ пристани. Почти каждый день приноситъ онъ на вылау леди Клевертонъ тяжёлую ному рыбы, которую всегда принимаетъ отъ него Сперанца. Въ пѣломъ домѣ, никто, кромѣ Сперанцы, не понимаетъ нарѣчія Батисты, поэтому она всегда и покупаетъ у него; во всѣхъ случаяхъ она обращается съ нимъ какъ съ постороннимъ человѣкомъ, точно такъ же какъ и Гуччинъ и камердинерь-англичанинъ, единственные люди, знавшіе его до Искіи. Въ городѣ у Батисты было немного покупателей. Очень рѣдко обращались къ нему посторонніе, за исключеніемъ высокаго худощаваго человѣка пожилыхъ лѣтъ, въ черномъ поношенномъ платьѣ. Этотъ человѣкъ должно быть, живётъ въ крѣпости, потому что онъ постоянно проходитъ черезъ мостъ, соединяющій крѣпость съ городомъ, когда приходитъ за рыбною провизіею къ Батистѣ, что аккуратно бываетъ черезъ день. Батиста очень ухаживаетъ за своимъ единственнымъ покупателемъ, называетъ его *своимъ милымъ докторомъ*, — дипломъ произвольно даваемый ему Батистою, — и всегда припасаетъ для него стаканъ *lacrima-christi*; вдоволь снабжая его рыбою. Батиста, въ добавокъ даетъ ему небольшіе таинственные сверточки, которые незнакомецъ очень тщательно прячетъ подъ платье. Эти сверточки состоятъ изъ щолковыхъ веревочекъ, очень тщательно изготовляемыхъ руками леди Клевертонъ и Сперанцы. Достаточно одного часа, чтобы связать одни съ другими сотни этихъ моточковъ, чтобы сдѣ-

лать изъ нихъ надежную перекладину, посредствомъ которой человекъ могъ бы спуститься съ какой угодно высоты.

Опять у насъ май—поводомъ мѣсяцъ май! Ночь такая темная, какую только могутъ жадать любовники и контрабандисты и черныя контуры грозной крѣпости едва видны издали на темномъ фонѣ. Лодка, на которой находится Батиста и дипломатъ, осторожно и неслышными веслами прилвигается къ высокой башнѣ и останавливается какъ разъ у того мѣста, гдѣ утесъ перпендикулярно опускается въ море. За милю впереди отъ залива Исканъ стоитъ Персеверанца на якорѣ. Тамъ, въ каютѣ, находятся люди Клевертонъ съ Сперанцой, оба безмолвные какъ тѣни. Ихъ мученіе такъ велико, что они не въ силахъ произнести ни слова. Сперанца, на колыняхъ предъ своею возлюбленною синьорою, примачиваетъ ей виски. Жизнь Люси зависитъ отъ исхода этого часа.

На всѣхъ часахъ въ городѣ бьетъ полночь:—глаза обѣихъ женщинъ въ яхтѣ обращены въ ту сторону гдѣ стоитъ крѣпость; глаза обонкъ мужчинъ въ лодкѣ обращены къ верху башни. Ни движенія, ни арука. Еще прошлой часъ—цѣлый вѣкъ—все та же невозмутимая тишина. Что значитъ это замѣденіе? Условный часъ — полночь; чтобы распилить оковы и рѣшотки у окна достаточно было двадцати минутъ. Неужели все открыто? Но въ такомъ случаѣ были бы какіе нибудь признаки тревоги, слышались бы ружейные выстрѣлы, голоса, по крайней мѣрѣ виденъ былъ бы свѣтъ;—но все остается въ безмолвіи и во мракѣ какъ въ могилѣ. Или, быть можетъ, въ рѣшительную минуту не достало мужества у узника при видѣ этой неизмѣримой бездны? Бывали примѣры, что три года физическихъ и нравственныхъ мученій ослабляли духъ и въ такихъ благородныхъ неустрашимыхъ сердцахъ; какое было у доктора Антоніо.

Пока на яхтѣ и въ лодкѣ мучились подобными предположеніями, громадная масса крѣпости съ каждою минутою все явственнѣе выдѣлялась на горизонтѣ постепенно сгѣтляющемоу. Еще десять минутъ—и было бы слишкомъ поздно, лодка не могла бы удалиться, не бывъ замѣченною. Дипломатъ съ Батистой снова встали за весла, и съ тѣми же предосторожностями покинувъ свой опасный постъ, вернулись на яхту. Около часу послѣ того, Люси была перенесена шагаль съ яхты въ портпозѣ на свою виллу. Батиста въ это время вдоль и поперегъ по своей бѣдной хижинѣ, съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидая условнаго часа, когда изъ крѣпости долженъ придти его таинственный покупатель и принести съ собою разрѣшающую загадки прошлой ночи.

Наконецъ онъ пришелъ, но съ какою вѣстью? Батиста, горѣвшій ветеривніемъ слышать ее, пошатнулся, когда услышалъ и чуть было не повалился на землю, какъ пьяный. Онъ побѣжалъ въ виллу; перепуганная Сперанца тотчасъ же повела его къ Люси.

— Онъ не хочетъ отсюда выходить! — восклицалъ бѣдный малый, вырывая у себя волосы и ломая руки. — онъ не хочетъ!

Это была правда; Антоніо отказался спастись бѣгствомъ и неудача прошлой ночи произошла собственно отъ его воли.

— Да вѣдь это совершенное безуміе! — воскликнулъ дипломатъ.

Люси съ Сперандей, обмѣнялись взглядомъ, въ которомъ выразился ужасъ. Батиста подалъ леди Клевертонъ ключокъ грязной бумаги. О радость! это было отъ Антонио, хотя почерка его узнать нельзя. Буквы состояли изъ дырочекъ сдѣланныхъ на бумагѣ. Надъ этими строками Антонио проработалъ цѣлую ночь въ совершенномъ мракѣ. Вотъ ихъ содержаніе:

«Тутъ сидятъ пятеро кромѣ меня,—все благородныя сердца, самый послѣдній изъ нихъ въ десять разъ выше меня. Я не могу ихъ покинуть. Вы не можете всѣхъ насъ спасти; — предоставьте меня моей судьбѣ. Провидѣніе назначило мнѣ мѣсто между тѣми, кто страдаетъ. Можетъ быть, наши испытанія будутъ зачтены для спасенія нашей родины. Молите Бога, чтобъ это такъ было. Молитесь за Италію и да благословитъ васъ Богъ!

«Вашъ А.»

Люси закрыла лицо руками и жгучія слезы брызнули сквозь ея пальцы. Остальные присутствующіе здѣсь были не менѣе взволнованы.

— Мы всѣхъ спасемъ!—вдругъ воскликнула она, съ вдохновеннымъ взоромъ.

— Мы ихъ спасемъ, съ помощью Возіей! — сказали въ одинъ голосъ дипломатъ и Сперандца.

Батиста ничего не сказалъ, но поднялъ руку, въ знакъ торжественной клятвы.

Послѣ обѣда, пріѣхалъ баронъ Митралья, съ визитомъ къ леди Клевертонъ. Она встрѣчала его на вечерахъ при дворѣ. Этотъ баронъ былъ преважный вельможа, генералъ, камергеръ,—три сановника подъ одною шляпою, — и пользовался такимъ расположеніемъ короля, такъ былъ увѣшанъ всевозможными орденами, что не было возможности отказать ему въ пріемѣ. Разумѣется, разговоръ вертѣлся на разныхъ предметахъ: о дворѣ, о погодѣ, о прекрасномъ мѣстоположеніи, о чудесной яхтѣ, на которую баронъ любовался издали.

— Не угодно ли барону посѣтить ея?

Баронъ очень сожалѣлъ, что въ настоящую минуту никакъ не можетъ воспользоваться приглашеніемъ леди Клевертонъ; но онъ пріѣхалъ въ Искію по важному порученію и долженъ немедленно возвратиться въ Неаполь.

— Вѣдь не затѣмъ, однако, вы пріѣхали, чтобы поставить Искію въ осадное положеніе? — спросила леди Клевертонъ съ насильственнымъ смѣхомъ.

Официальное порученіе нѣсколько испугало Люси.

— Почти хотѣлось бы мнѣ, чтобы это такъ было, — отвѣчалъ баронъ смѣясь, — хотѣлось бы мнѣ, хотъ бы для того, чтобъ увѣриться, что вы не убѣжите отъ насъ на дняхъ.

При этихъ словахъ его сѣрые глаза какъ то странно прищурились, совершенно необъяснимо для его собесѣдницы.

— Впрочемъ,—продолжалъ баронъ съ важностью, — такой скромной особѣ, какъ вы, я могу увѣрить тайну моего официального пору-

ченія, — оно относится до политическнх преступниковъ, — вы, вѣроятно, и не подозреваете, что у насъ такіе странныя союзы, которые содержатся вовсе въ томъ замкѣ.

И онъ указалъ пальцемъ на огромную крѣпость, которую ясно можно было видѣть съ дивана, на которомъ Люси сидѣла.

— Въ самомъ дѣлѣ!

Вотъ все, что могла произнести леди Клевертонъ: глаза ея отуманились облакомъ.

— Да. Нѣсколько дней тому назадъ, королевское правитель-ство получило извѣщеніе, что на островѣ съ котораго временно замѣчено движеніе, что-то въ родѣ заговора для побѣга нѣкоторыхъ преступниковъ. Не пугайтесь, миледи; нѣтъ никакой возможности, чтобъ эти опасныя существа могли опять когда нибудь тревожить общество. Въ королевское распоряженіе, принцъ Луиджи, какъ генералъ-адмиралъ и начальникъ этого острова, прислалъ меня сюда, чтобы произвести слѣдствіе на мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, это такая ребяческая штука, что не стоитъ и труда говорить! Какъ бы ни было, однако я счелъ за лучшее, для личной безопасности самихъ арестантовъ, немедленно перевести ихъ въ другое мѣсто.

Леди Клевертонъ выслушала этотъ приговоръ съ осужденіемъ преступника, у котораго голова на плахѣ. Но она собралась послѣднія силы, чтобы, сохраняя спокойную наружность, спросить равнодушно:

— А куда вы переведете ихъ?

— Это ужъ мой секретъ, — отвѣчалъ баронъ съ улыбкою, дѣвительной какъ остріе пинцеза. — Это мой секретъ!

Онъ уѣхалъ.

Сперанца, чрезъ нѣсколько минутъ, подошла къ своей спальнѣ и нашла ее безъ чувствъ. Къ несчастью, это случалось довольно часто; въ послѣдніе мѣсяцы леди Клевертонъ была подвержена такимъ обморокамъ.

— Что за ужасный человѣкъ! — тихо сказала она, когда очнулась, — я разкажу тебѣ потомъ обо всемъ; но теперь я не въ состояніи собраться съ мыслями: мнѣ такъ спать хочется...

Сперанца уложила Люси на диванъ, чтобъ она могла заснуть. Люси очень спокойно уснула. Вѣроятно, во снѣ она иногда произносила безсвязныя слова о томъ, что кто-то явился, кого она давно ждала и что ей надо налѣтъ голубое платье. Потомъ она запѣла первыя ноты сицилійской пѣсни, которую Сперанца продолжала, тихо напѣвая ее. Это была первая сицилійская пѣсня, которой Антоніо выучилъ Люси. Потомъ наступило глубокое молчаніе, царствовавшее нѣскольکو часовъ.

День склонялся къ вечеру. Сперанца, едва дыша, чтобы не обзвонить спящую, вдругъ стала бояться, сама не зная почему, мертвой тишины, ее окружавшей. Наконецъ она не въ силахъ была выносить этого чувства страха, и, тихо приблизившись къ Люси, наклонилась надъ нею. На прекрасномъ лицѣ Люси произошла перемена,

которая поразила Сперанку. Она назвала ее по имени — глѣть отѣта; взяла ее за руку — рука была холодна. Дюси перестала жить.

Она была похожа на спящаго ребенка. Ангелъ смерти нагладилъ преждевременныя морщины около глазъ и рта; ея полуоткрытыя губы, казалось, улыбались. Лицо ея было обращено къ крѣпости, ея послѣдній взглядъ принадлежалъ доктору Антонію..

Сэръ Джонъ не вынесъ роковой вѣсти: пристрадавъ нѣсколько нѣщцевъ, онъ умеръ.

Молодой дипломатъ просилъ, чтобъ его перевели въ другую столицу. Неаполь сдѣлался для него невыносимъ.

Никогда уже никто не видалъ таинственнаго покупателя рыбы у Батисты, нѣкто ничего не слыхалъ о немъ.

Батиста съ Сперанцой вернулись на родину, купили близъ Ниццы хорошенькій сельскій домикъ, гдѣ и теперь живутъ благополучно и въ достаткѣ. потому что леди Клевертонъ, — вѣроятно, предчувствуя близкую кончину, — подарила Сперанцѣ значительную сумму денегъ. Но смерть ихъ благодѣтельница и несчастная судьба доктора Антонію облекли ихъ жизнь вѣчнымъ трауромъ. Сперанца очень состарѣлась, волосы у нея посѣдѣли.

Капитанъ, нынѣ сэръ, Обри Давеннъ, сдѣлалъ богатую партію и никогда уже не возвращался въ Индію. Нѣсколько уже лѣтъ онъ считается уважаемымъ членомъ въ нижней палатѣ англійскаго парламента, гдѣ онъ рѣдко говоритъ, и то только о предметахъ сдѣлавшихся его спеціальностью: — о религіи и филантропіи. Общество шра смотритъ на него, какъ на вліятельнѣйшую и ревностнѣйшую опору свою.

Докторъ Антонію страдаетъ, молится, и все еще надѣется за свою отчизну.

Выборы въ Пруссіи.

Временное соединеніе придунайскихъ княжествъ.

О посланіи президента южныхъ штатовъ и замѣтка о событіяхъ въ Сѣверной Америкѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Докторъ Антоніо. Романъ Руѣни. (Автора Лоренцо Бенони.) Переводъ съ итальянскаго. (Окончаніе.) Гл. XIV—XXVI.

✓

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

въ 1882 году ^{периодическим} будетъ выходить ^{каждый} ^{мѣсяцъ} ^{одна} книжка до 20 листовъ, съ приложениями въ каждой книжкѣ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ПРИЛОЖЕНИЯМИ:

Безъ доставки
15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою и ^{или} доставкой
16 руб. 50 коп. сер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ОТЪ ЖИТЕЛЕЙ СЛЕДУЮЩИХЪ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ В. П. Початкина, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Гостиного Двора, въ домѣ Армянской церкви.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ журнала «Библиотека для Чтенія» при книжномъ магазинѣ С. П. Лоскутова, на Никольской улицѣ, въ домѣ Заиконоспасскаго монастыря.

Выписывающіе за настоящій годъ, получаютъ журналъ съ первой книжки.

Изъ иногородныхъ подписчики присылаютъ свои требованія и деньги, адресуя такъ: въ С. Петербургъ, въ контору журнала «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.»

Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку журнала, если подписка сдѣлана въ вышесказанныхъ мѣстахъ.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. 5 января 1882 года.

Ценсоръ *О. Вассалевъ*.
Digitized by Google

APR 13 1939

